

РОБЕРТ
МЕРТОН

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА
2006

УДК 316
ББК 60.5
М52

Robert K. Merton SOCIAL THEORY
AND SOCIAL STRUCTURE

*Перевод с английского Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой, ВТ.
Николаева, Е.Р. Черемисиновой*

Научный редактор доктор философских наук З.В. Каганова

Оформление и компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 12.07.06. Формат 60х90 мм. Усл.
печ. л. 55. Тираж 3000 экз. Заказ № 4624077.

Мертон, Р.

М52 Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. — М.:
АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с.

ISBN 5-17-029089-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-0703-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9762-0143-1 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Роберт Кинг Мертон (1910 — 2003) — выдающийся социолог XX столетия, один из крупнейших представителей структурно-функционального анализа, основатель социологии науки, автор более чем 20 монографий.

«Социальная теория и социальная структура» — основная работа Мертона — переиздавалась более 30 раз и переведена на 12 языков.

УДК 316
ББК 60.5

© Перевод. Е.Н. Егорова, 2006 ©
Перевод. З.В. Каганова, 2006 ©
Перевод. В.Г. Николаев, 2006 ©
Перевод. Е.Р. Черемисинова, 2006 ©
ООО «Издательство АСТ», 2006

Памяти Чарльза Хопкинса, учителя и друга

Предисловие к дополненному изданию 1968 г.

Данное издание не является заново переработанным, а всего лишь дополненным. Переработанное издание 1957 г. остается неизменным, за исключением того, что его короткое вступление значительно расширено и представлено здесь как главы I и II. Другие изменения незначительны и носят технический характер: исправлены типографские ошибки и внесены поправки в предметный и именной указатели.

Когда впервые писались статьи, составляющие данную работу, они не были задуманы как последовательные главы одной книги. Поэтому напрасно было бы предполагать, что статьи в их нынешней компоновке представляют собой естественную последовательность, с суровой неизбежностью диктующую переход от одной статьи к другой. И все же мне не хотелось бы думать, что книга в целом не отличается связностью, единством и четко выраженной позицией.

Чтобы сделать связность более наглядной, книга разделена на четыре основные части, при этом в первой задается теоретическая ориентация, на основе которой в дальнейшем исследуются три комплекса социологических проблем. Цель коротких вступлений к каждому из этих трех самостоятельных разделов — избавить читателя от необходимости затрачивать умственные усилия при переходе от одной части к другой.

В целях единства статьи собраны таким образом, чтобы отразить постепенное развертывание и развитие двух социологических тем, проходящих через всю книгу и полнее выраженных в перспективных установках, которые можно найти во всех главах, чем в их конкретном содержании. Это тема взаимодействия социальной теории и социального исследования и тема кодификации как фундаментальной теории, так и методик социологического анализа, особенно качественного анализа.

Разумеется, эти два объекта внимания не отличаются чрезмерной скромностью объема. На самом деле если бы я дал понять, что статьи делают нечто большее, чем просто очерчивают грани этих больших и нечетко обрисованных областей, то сама чрезмерность притязаний лишь подчеркнула бы скромность результатов. Но поскольку объединение теории и эмпирического исследования и кодификация теории и метода проходят красной нитью через все главы книги, вполне уместно сказать несколько слов о теоретической ориентации, изложенной в первой части.

В первой главе представлены факты, относящиеся к отличающимся друг от друга, хотя и взаимодействующим функциям историй социологической теории, с одной стороны, и к формулировкам ныне используемой теории, с другой стороны. Едва ли нужен лишний раз отмечать, что современная теоретическая социология основывается на наследии прошлого. Но весьма полезно, как мне представляется, изучить интеллектуальные требования к подлинной истории социологической мысли: чтобы она была не просто хронологически подобранным рядом кратких обзоров социологических доктрин. Точно так же полезно рассмотреть, что именно современная социологическая теория черпает из предшествующей.

Поскольку за последнее десятилетие много внимания уделялось социологической теории среднего уровня, есть все основания пересмотреть характер и развитие такого рода теории в свете применения и критики, которые возникли за это время. Такова цель второй главы.

В главе III предлагается система для социальной теории, известная как функциональный анализ. В ее основе находится парадигма, кодифицирующая предположения, понятия и методики, неявно (а иногда и явно) присутствующие в функциональных интерпретациях, разработанных в областях социологии, социальной психологии и социальной антропологии. Если отбросить многозначность слова *открытие*, то можно сказать, что элементы парадигмы в основном были открыты, а не изобретены. Они были найдены отчасти в результате критического и тщательного рассмотрения эмпирических исследований и теоретических дискуссий ученых, применяющих функциональную ориентацию при изучении общества, и отчасти в результате пересмотра моих собственных работ по социальной структуре.

В последних двух главах первой части дается краткий обзор видов взаимосвязи теоретических и эмпирических исследований, существующих ныне в социологии.

В главе IV разграничиваются связанные между собой, но совершенно особые виды исследования, обозначенные зачастую нечетко

использованным термином *социологическая* теория: методология или операциональная логика, общие ориентации, анализ понятий, интерпретации *ex post facto**; эмпирические обобщения и теория в строгом смысле слова. Изучая взаимосвязи между ними (а тот факт, что они связаны, подразумевает и их различие), наряду с функциями общих ориентации в теории я подчеркиваю их недостатки, которыми социология наделена в гораздо большей степени, чем множеством эмпирически подтвержденных и точно определенных закономерностей, выведенных из общей теории. Таким же образом я подчеркиваю и пытаюсь охарактеризовать важность эмпирического обобщения, а не только его половинчатость. В этой главе высказывается мнение, что такие разрозненные обобщения можно сопоставить и свести воедино путем кодификации. Тогда они становятся отдельными проявлениями общего правила.

В пятой главе изучается вторая сторона этого взаимоотношения между теорией и эмпирическим исследованием: разнообразные виды последствий эмпирического исследования для развития социологической теории. Только те, кто скорее просто читает об эмпирическом исследовании, а не занимается им непосредственно, могут продолжать считать, что его исключительной или даже первейшей функцией является проверка выдвинутой ранее гипотезы. Это представляет собой существенную, но узкую и далеко не единственную функцию эмпирического исследования, которое играет гораздо более активную роль в развитии теории, чем роль пассивного подтверждения. Как подробно описано в этой главе, эмпирическое исследование также закладывает основы социологической теории, заново формулирует, переориентирует и уточняет ее. И поскольку оно тем самым обогащает теорию, становится ясно, что социолог-теоретик, далекий от всякого эмпирического исследования, знающий о нем, так сказать, понаслышке, рискует отгородиться оттого самого реального опыта, который скорее всего может подсказать ему, какое направление его поисков является наиболее плодотворным. Его ум не оплодотворен реальным опытом. Он далек от довольно частого опыта неожиданных открытий, сделанных случайно, не являвшихся предметом целенаправленного поиска, — опыта, которым обладает подготовленный к новым открытиям ум. Отмечая это, я считаю такую непреднамеренность открытия фактом эмпирического исследования, а не его философией.

Макс Вебер был прав, присоединяясь к мнению, что не надо быть Цезарем, чтобы понять Цезаря. Но для нас, социологов-теоретиков, существует соблазн иногда поступать так, будто нет необходимости даже изучать Цезаря, чтобы его понять. И все же мы знаем, что взаи-

* постфактум (лат.). — Примеч. пер.

модействие теории и эмпирического исследования способствует как пониманию отдельного случая, так и расширению общего правила.

Я глубоко признателен Барбаре Бенген, приложившей свой редакторский талант к первым двум главам, д-ру Хэрриет А. Цукерман — за ее критические замечания по поводу их чернового варианта и миссис Мэри Майлз, превратившей неразборчивый рукописный текст с множеством пометок и исправлений в четкий машинописный вариант. Подготовку этих вступительных глав мне помог осуществить грант Национального научного фонда.

Р.К.М.

*Гастингс-он-Гудзон, Нью-Йорк
Март, 1968*

Предисловие к исправленному изданию 1957 г.

Примерно более трети содержания в этом издании — новое. Главное изменение заключается в наличии четырех новых глав и двух библиографических дополнений с обзором последних достижений в областях, рассмотренных в главах, к которым они прилагаются. Я также постарался улучшить изложение в различных частях книги, переписав абзацы, которые были не такими ясными, как следовало бы, и устранил несколько досадных ошибок, которых вообще не следовало допускать.

Из четырех глав, добавленных к этому изданию, две взяты из опубликованных работ, одна из которых вышла из печати, а вторая скоро будет издана. Книга «Модели влияния: локальные и космополитические факторы влияния», впервые вышедшая в *«Коммюникейшнз Рисерч»*, 1948—1949 (П.Ф. Лазарсфельд и Ф.Н. Стэнтон, издатели), является частью продолжающегося цикла работ Отдела прикладного социального исследования при Колумбийском университете, посвященных роли личностного влияния в обществе. В этой главе мы вводим понятие «фактор влияния», определяем два самостоятельных типа личности как факторы влияния («локальный» и «космополитический») и соотносим эти типы со структурой влияния в местном сообществе. Вторая из этих глав, «Вклад в теорию референтно-группового поведения», была написана вместе с м-с Алисой С. Росси и сначала опубликована в работе «Связи в социальных исследованиях» (Р.К. Мертон и П.Ф. Лазарсфельд, издатели). Опираясь на обширные доказательства, представленные «Американским солдатом», автор формулирует определенные условия, при которых люди ориентируются на нормы различных групп, в частности тех, в которые они не входят.

Две другие главы, добавленные в этом издании, ранее не публиковались. Первая из них, «Связь теории социальной структуры и аномии», пытается объединить новый эмпирический и теоретический анализ

такого нарушения социальных норм, которое известно как аномия. Во второй, «Связь теории референтных групп и социальной структуры», предпринята попытка выявить именно социологические в отличие от социопсихологических выводы из современного исследования поведения референтных групп. Цель в том, чтобы изучить некоторые теоретические проблемы социальной структуры, которые необходимо решить, прежде чем можно будет продвинуться вперед в социологическом анализе референтных групп.

Библиографические дополнения кратко затрагивают функциональный анализ в социологии и более подробно — роль пуританства в развитии современной науки.

Я выражаю особую признательность д-ру Элинор Барбер и миссис Мэри Клинк за помощь в чтении гранок и миссис Бернис Зелдич — за подготовку указателя. При внесении исправлений в книгу я воспользовался небольшой субсидией, предоставленной Программой поведенческих наук Фонда Форда, которая является частью его списка грантов, заранее не ограничивающей предоставление субсидий работой над точно определенным проектом.

Р.К.М.

*Гастингс-он-Гудзон, Нью-Йорк
День благодарения, 1956*

Благодарности

Никто в полной мере не знает, что именно сформировало его мышление. Мне трудно проследить в деталях происхождение концепций, выдвинутых в этой книге, и докопаться до причин их постепенного изменения в процессе многолетней работы. В их развитие внесли вклад многие социологи, и каждый раз, когда источник известен, на него сделана ссылка в многочисленных примечаниях к отдельным главам. Но среди них есть шесть человек, у которых я в особом долгу, в разной степени и по разным причинам, и именно им я хочу отдать дань уважения.

Самая первая и глубочайшая признательность лишь в какой-то мере и слишком поздно отражена в самом факте посвящения этой книги Чарльзу Х. Хопкинсу. Благодаря тому, что этот человек, муж моей сестры, жил на этом свете, у многих людей укрепились чувство собственного достоинства. И тюка живы те, кто соприкасался с ним, будет жив и он. С любовью, уважением и благодарностью я посвящаю эту книгу Хопу, который обнаружил, что может научить других.

Своему хорошему другу Джорджу Итону Симпсону, ныне работающему в Оберлинском колледже, я признателен за то, что он взялся за самонадеянного второкурсника, чтобы тот *понял*, как будоражит интеллект изучение работы систем социальных отношений. Более благоприятного знакомства с социологией я не мог бы для себя и представить.

Еще до того, как Питирим Сорокин погрузился в изучение всемирных исторических процессов (что представлено в его «Социальной и культурной динамике»), он помог мне избавиться от узости кру-

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

гозора, разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного труппами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних. Я с радостью и честно признаю свой долг перед ним, который я еще не отдал.

Джорджу Сартону, пользующемуся огромным уважением среди историков науки, я благодарен, помимо консультаций, за дружеское расположение и за предоставленное мне право почти два года работать в его знаменитой комнате 189 в Гарвардской библиотеке. Малую толику его влияния можно обнаружить в первой главе этой книги, посвященной требованиям к истории социологической теории, и в части IV, посвященной работам по социологии науки.

Те, кто будет читать следующие страницы, вскоре осознают, как я обязан своему учителю и другу Толкотту Парсонсу, который еще в начале своей педагогической карьеры столь многих заразил своей увлеченностью аналитической теорией. Масштаб его личности как учителя проявился в том, что он развивал пытливость ума, а не плодил послушных учеников. Интеллектуальная близость, к которой располагало *небольшое* аспирантское отделение социологии в Гарварде в начале 30-х годов, позволяло аспирантам вроде меня поддерживать тесную и непрерывную связь с преподавателем уровня д-ра Парсонса. Это был, по сути, узкий круг единомышленников. Такой в наши дни трудно найти на факультетах, где десятки аспирантов и небольшая группа перегруженных профессоров.

В последние годы, работая в одной упряжке в Отделе прикладных социальных исследований Колумбийского университета, я многому научился у Поля Ф. Лазарсфельда. Поскольку из наших бесчисленных разговоров очевидно, что он не представляет, до какой степени я ему обязан интеллектуально, я особенно рад представившемуся случаю привлечь его внимание к этому публично. Далеко не последнюю роль сыграла его скептическая любознательность, вынудившая меня еще яснее сформулировать причины, по которым функциональный анализ представляется мне в настоящее время самым перспективным, хотя и не единственным, теоретическим подходом к широкому кругу проблем в человеческом обществе. Более того, на своем собственном примере он укрепил во мне убежденность, что огромная разница между социологией как наукой и социологическим дилетантизмом заключается в систематическом и *серьезном*, то есть интеллектуально ответственном и строгом, изуче-

нии того, что поначалу кажется лишь интересной идеей. Это, как мне представляется, также имеет в виду и Уайтхед в заключительных строках эпиграфа к данной книге.

Другие четыре человека мало нуждаются в выражении моей признательности; одна — поскольку всем, кто меня знает, известно, насколько я ей обязан; трое других — поскольку, когда придет время, обнаружат сами, что именно вызывает у меня чувство огромной признательности к ним.

Часть 1

О теоретической социологии

I. ОБ ИСТОРИИ И СИСТЕМАТИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

«Наука, которая не торопится забыть своих основателей, обречена».

«Для науки на ранней стадии характерна как честлюбивая глубина поставленных задач, так и дилетантство в обращении с деталями».

«Но близко подойти к подлинной теории и осознать ее точное применение — две совершенно разные вещи, как учит нас история науки. Все истинно значимое уже было сказано раньше кем-то, кто этого просто не осознал сам».

Алфред Норт Уайтхед
«Организация мышления»

Хотя в этой книге я во многом опираюсь на труды социологов прошлого, в ней речь идет не об истории социологической теории, а о систематической сути определенных теорий, с которыми сейчас имеют дело социологи. Разница между ними весьма существенная. И все же их часто смешивают в учебных программах и публикациях. Фактически социальные науки вообще, за все большим исключением психологии и экономики, склонны объединять современную теорию с ее историей в гораздо большей степени, чем такие науки, как биология, химия или физика¹.

¹ Эта дискуссия построена на материале ранее опубликованной статьи, посвященной «положению социологической теории», *American Sociological Review*, 1949, 13, 164—168. Соответствующие замечания о роли истории социологической мысли в отличие от роли современной социологической теории можно найти в Howard Becker, «Vitalizing sociological theory», 1954, 19, 377—388, особ. 379—381, и недавние четко и тщательно проиллюстрированные высказывания: Joseph Berger, Morris Zelditch, Jr. and Bo Anderson, *Sociological Theories in Progress* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1966), ix-xii, и в: William R. Catton, *From Animistic to Naturalistic Sociology* (New York: McGraw Hill, 1966). Несколько иную точку зрения на природу и функции социальной теории можно найти в Theodore Abel, «The present status of social theory», *American Sociological Review*, 1952, 17, 156—164, а также в обсуждении этой статьи Кеннетом И. Боком и Стивеном У. Ридом, 164—7; и Herbert Blumer, «What is wrong with social theory?», *ibid.*, 1954, 19, 3—10. — *Примеч. автора.*

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

Упрощенное понимание единства истории и систематики

Весьма знаменательно, что социологи склонны объединять историю с систематикой теории. Ведь Огюста Конта, часто называемого отцом социологии, они также считают и отцом истории наук². Однако при этом заманчивом, но фатальном слиянии современной социологической теории с историей социологических идей игнорируются их существенно разные функции. Столь необходимое признание разницы между историей и систематикой социологии могло бы привести к написанию реальных историй. В них бы были составные части и формальные характеристики лучших историй других наук. В них рассматривались бы такие вопросы, как комплексное происхождение социологических идей, пути их развития, связи теории с меняющимся социальным происхождением и, следовательно, социальным статусом ее представителей, взаимодействие теории с изменяющейся социальной организацией социологии, распространение теории от центров социологической мысли и ее модификация в процессе распространения, и то, каким образом

² Например, так делает Джордж Сартон (George Sarton, *The Study of the History of Science* (Cambridge: Harvard University Press, 1936, 3—4). Выдвижение Конта, Маркса, Сен-Симона или многих других на роль *того самого* отца социологии отчасти зависит от точки зрения, а отчасти является результатом неизученного предположения о том, как возникают и выкристаллизовываются новые дисциплины. Это и сейчас зависит от точки зрения, поскольку нет общепризнанных критериев, позволяющих сказать, кто породил конкретную науку. Неизученное предположение состоит в том, что типично наличие *одного* отца для каждой науки, пользуясь биологической метафорой. Фактически история науки свидетельствует о том, что правилом является полигенезис. Однако не приходится сомневаться, что Конт в 1839 г. создал термин «социология», нелепый гибрид, который с того времени обозначает науку об обществе. Во все времена ученые были против этого теперь уже прижившегося варваризма*. Одним из бесчисленных примеров возражения является высказанное в 1852 г. замечание талантливого и мало цитируемого исследователя общества Джорджа Корнуэлла Льюиса: «...основным возражением против научного слова, созданного отчасти из английского и отчасти из греческого слова, является то, что оно непонятно иностранцу, незнакомому с нашим языком. Г-н Конт предлагает слово *социология*, но что нам сказать немецкому автору, употребившему словосочетание *gesellology* или *gesellschaftology*» Это несогласие с термином высказано в работе: Lewis, *A Treatise on the Methods of Observation and Reasoning in Politics* (London, 1852), II, 337n; что касается истории самого слова, см. Victor Branford, «On the origin and use of the word sociology...» *Sociological Papers* (London, 1905), 1, 3—24 и L.L. Bernard and Jessie Bernard, *Origins of American Sociology* (New York: T.Y. Crowell, 1943), 249. — *Примеч. автора.*

* Варваризм (*лингв.*) — заимствованное слово или выражение, не соответствующее нормам данного языка. — *Примеч. пер.*

на нее влияли изменения в окружающей культуре и социальной структуре. Осуществленное на практике разграничение способствовало бы, короче говоря, созданию социологической истории социологической теории.

Однако у социологов сохраняется весьма ограниченное, упрощенное представление об истории социологической теории как о собрании критических обзоров прошлых теорий с добавленными для пикантности краткими биографиями главных теоретиков. И тогда становится понятно, почему почти все социологи считают, что они вправе преподавать и писать «историю» социологической теории — в конце концов, они же знакомы с классическими работами прошлого. Но такое представление об истории теории не является фактически ни историей, ни систематикой, а лишь неудачным гибридом.

В действительности эта концепция — аномалия в современной интеллектуальной работе, говорящая о том, что социологи и историки все чаще меняются ролями. Так, социологи придерживаются своей узкой и поверхностной концепции истории идей в то самое время, когда новое поколение специалистов по истории науки вглубь и вширь пропахивает поле социологии, психологии и политологии в поисках теоретических ориентиров для своих интерпретаций развития науки³.

Специализированная история науки включает разумные, но ошибочные концепции, убедительные на момент их формулировки, но позднее не выдержавшие эмпирических проверок или замененные концепциями, более соответствующими дополнительным данным по этому вопросу. В нее также входят неудачные начальные попытки, ныне архаические доктрины и как бесполезные, так и полезные ошибки прошлого. Логическое обоснование истории науки заключается в том, чтобы понять, почему все произошло именно так в той или иной науке или комплексе наук, а не в том, чтобы привести краткие обзоры научной теории в хронологический порядок. Более того, такого рода история не ставит своей целью обучить современного ученого ныне практикуемой теории, методологии или методам в его науке. Историю и систематику научной теории можно соотносить друг с другом именно потому, что сначала признается различие между ними.

³ К наиболее важным представителям новой истории науки относятся Чарльз Гиллеспи, Генри Герлак, Руперт Холл, Мэри Боас Холл, Томас Кун, Эверетт Мендельсон, Дерек Прайс, Роберт Скофилд, Л. Пиерс Уильямс и А.С. Кромби. — *Примеч. автора.*

Научно-теоретические публикации в социологии

Социологи и историки науки кардинально поменялись ролями и в другом, тесно связанном с этим отношении. Историки энергично составляют «устную историю»⁴ недавнего прошлого науки, записывая на пленку проведенные методом фокус-групп интервью с главными участниками этой истории; социологи до сих пор ограничиваются обращением к опубликованным документам. Это еще один пример того, как переместившиеся на чужую территорию историки обгоняют коренных жителей-социологов, которым они явно обязаны своими методами интервью. Короче говоря, историки физических и биологических наук начинают писать аналитические истории, основанные на *социологии науки*⁵, тогда как социологи продолжают рассматривать историю социологической теории как ряд критических кратких обзоров следующих друг за другом теоретических систем.

Когда социологи исходят из этой ограниченной концепции, вполне естественно, что главными источниками для них являются опубликованные труды, описывающие эти теоретические системы: например, труды Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, Парето, Самнера, Кули и других, менее внушительных фигур. Но этот вроде бы очевидный выбор источников разбивается о подводный камень — различие между законченными вариантами научной работы в том виде, в котором они появляются в печати, и действительным ходом проводимого ученым исследования. Оно слегка напоминает различие между учебниками по «научному методу» и тем, что на самом деле думают, чувствуют и делают ученые, когда занимаются своей работой. Книжки, посвященные методам, выдают идеальные модели: как ученые *должны думать*, воспринимать и поступать, но эти искусные нормативные модели, как известно всякому, кто занимается исследованием, не вое-

⁴ Созданная историком Элленом Невинсом как средство закрепления мимолетных данных об историческом настоящем, «устная история» основана на методах интервью, свойственных скорее полевым социологам, чем историкам, которые знакомы с традиционными способами сбора и анализа материалов. Доклад об «устной истории» как методе исследования, вышедшем далеко за пределы своего первоисточника в Колумбийском университете, представлен в *The Oral History Collection of Columbia University* (New York: Oral History Research Office, 1964), том 1 и ежегодных приложениях.

В качестве примера: Американский институт физики составляет под руководством Чарльза Уэйпера «устную» и документальную историю ядерной физики; с его методами вполне могли бы соревноваться социологи, занимающиеся недавней историей своей собственной дисциплины. — *Примеч. автора.*

⁵ Примеры истории науки с социологическим оттенком см. в ежегоднике *History of Science*, впервые опубликованном в 1962 г. под редакцией А.С. Кромби и М.А. Хоскинса; также Marshall Clagett, ed. *Critical Problems in the History of Science* (Madison: University of Wisconsin Press, 1959). — *Примеч. автора.*

производят те типичные отступления от нормы, которые они делают в ходе исследований. Чаще всего научная статья или монография предстает в безупречном виде, совсем или почти не отражающем интуитивные догадки, неудачные предпосылки, ошибки, несоответствия и счастливые случайности, которые на самом деле сопутствовали исследованию. Таким образом, научные публикации не предоставляют множество источников, необходимых для реконструкции действительного хода научных разработок.

Концепция истории социологической мысли как ряда критических обзоров опубликованных идей очень сильно отстает от общепризнанной реальности. Даже до того, как три столетия назад был изобретен жанр научной статьи, было известно, что беспристрастный, гладкий и условный язык науки может передать голую суть новых вкладов в науку, но не может воспроизвести действительный ход исследования. Другими словами, даже тогда признавали, что история и систематика научной теории требуют совершенно разных исходных материалов. В самом начале семнадцатого века Бэкон отмечал с недовольством,

что никогда никакое научное знание не было представлено в том же порядке, в каком было получено, в том числе и в математике, хотя следовало бы принять во внимание, что в утверждениях, идущих в конце, действительно используются для доказательства и наглядности утверждения или допущения, идущие в начале⁶.

С тех самых пор мыслители с присущей им наблюдательностью периодический, по всей видимости, независимо друг от друга отмечали то же самое. Так, спустя век Лейбниц высказал во многом похожее замечание в своем неофициальном письме, которое к настоящему времени стало историческим документом:

Декарт хотел нас уверить, что почти ничего не читал. Это было слишком. И все же хорошо изучать открытия других ученых так, чтобы нам становился ясен источник открытий и они становились в некотором роде нашими. Хорошо, если бы авторы давали нам историю своих открытий и этапы на пути к открытию. Если они себя этим не утруждают, нам надо постараться угадать эти этапы, для того чтобы извлечь большую пользу из их работ. Если бы критики сделали это для нас при обзоре книг [здесь, конечно, закономерен вопрос к великому математику и философу: как?], они бы оказали публике огромную услугу⁷.

⁶ Francis Bacon, *The Works of Francis Bacon*. Собраны и изданы: James Spedding, Robert Leslie Ellis, and Douglas Denon Heath (Cambridge: England: Riverside Press, 1863), VI, 70. — *Примеч. автора*.

⁷ Gottfried Wilhelm Leibniz, *P/i/tojop/z/jce/j^c/jn/Ce/*, C.I., Gerhardt, ed. (Berlin, 1887), HI, 568, в своем письме Луи Бурке из Вены, 22 марта 1714 г. — *Примеч. автора*.

По сути, и Бэкон, и Лейбниц говорят о том, что исходные материалы, необходимые для истории и для систематики науки, отличаются существенным образом. Но поскольку ученые обычно публикуют свои идеи и находки не для того, чтобы помочь историкам восстановить их методы, а чтобы сообщить современникам и, как они надеются, потомкам о своем вкладе в науку, они по большей части продолжают публиковать свои работы скорее в логически обоснованном виде, чем в исторически описательной манере. Эта практика продолжает вызывать такого же рода замечания, как у Бэкона и Лейбница. Почти через два века после Лейбница Мах отметил, что, на его взгляд, положение дел не улучшилось за тысячелетия после появления евклидовой геометрии. Научные и математические описания все еще тяготели скорее к логической софистике, чем к отображению путей исследования: «Евклидова система восхищала философов своей логической безупречностью, и, очарованные ею, они не разглядели ее недостатков. Великие исследователи, даже в недавние времена, были сбиты с толку и представляли результаты своих исследований, следуя примеру Евклида; тем самым они *фактически скрыли свои методы исследования*, что нанесло науке огромный ущерб»⁸.

И все же в некотором отношении наблюдение Маха возвращает нас вспять. Он не смог понять того, что так ясно осознал Бэкон несколько веков назад: научные отчеты и протокольные записи будут неизбежно различаться в зависимости от того, имеют ли они своей целью внести определенный вклад в современную систему знаний или улучшить понимание того, как исторически развивается научная работа. Но Мах подобно Бэкону и Лейбницу все-таки дает понять, что нельзя надеяться восстановить подлинную историю научного поиска, уделяя внимание лишь конвенционализированным опубликованным сообщениям. Это же недавно подчеркнул физик А.А. Моулз, сказавший, что ученые «профессионально подготовлены скрывать от себя свои самые глубокие мысли» и «невольно преувеличивать рациональный аспект» работы, проделанной в прошлом⁹. Здесь необходимо подчеркнуть, что эта привычка сглаживать недостатки реального хода исследования в основном вызвана сложившимися правилами научных публикаций, предусматривающими безликость языка и формы сообщения. Из-за этого создается впечатление, что идеи развиваются без участия человеческого ума, а исследования проводятся без

⁸ Ernest Mach, *Space and Geometry*, перевод T.J. McCormack (Chicago: Open Court Publishing Co., 1906), 113, курсив мой. — *Примеч. автора.*

⁹ A.A. Moles, *La creation scientifique* (Geneva, 1957) приводится по цитате: Jacques Barzun, *Science: The Glorious Entertainment* (New York: Harper & Row, 1964), 93. — *Примеч. автора.*

привлечения рук человека. Это наблюдение обобщил ботаник Агнес Арбер, заметивший, что «манера представления научной работы... формируется идейными пристрастиями этого периода». Но хотя стили научного изложения разнятся в зависимости от преобладающих интеллектуальных предпочтений конкретного отрезка времени, все они представляют собой скорее стилизованное. Это наблюдение обобщила ботаник Агнес Арбер, заметившая, что «способ представления научной работы... формируется идейными пристрастиями того периода, когда она создается». Но хотя стили научного изложения разнятся в зависимости от преобладающих интеллектуальных предпочтений конкретного отрезка времени, все они представляют собой скорее стилизованное воссоздание исследования, чем точное описание его фактического развития. Так, Арбер отмечает, что во времена Евклида, когда высоко ценилась дедукция, действительный ход исследования был скрыт за «искусственным методом нанизывания утверждений на произвольно выбранную нить дедукции», что делало неясным его эмпирический аспект. Сегодня у ученого «из-за господства индуктивного метода, даже если он на самом деле пришел к гипотезе по аналогии, возникает инстинктивное желание замести следы и представить всю свою работу — а не просто доказательство — в индуктивной форме, как будто фактически все выводы получены благодаря именно этому методу»¹⁰.

Агнес Арбер отмечает, что лишь в художественной литературе можно обнаружить попытки передать переплетающийся ход мысли:

Лоренс Стерн и некоторые современные авторы, на чью манеру письма он повлиял [довольно явная аллюзия на таких импрессионистов, как Джеймс Джойс и Вирджиния Вульф], отчетливо представили себе и попытались передать посредством языка сложное, нелинейное поведение человеческого ума, как он мечется, пренебрегая оковами временной последовательности; но немногие [ученые] отважились бы на такой эксперимент»¹¹.

Тем не менее есть основания надеяться, и далеко не в силу наивного оптимизма, что социологам в конечном счете удастся преодолеть свое неумение отличить историю от систематики теории. Преж-

¹⁰ Agnes Arber, «Analogy in the history of science», *Studies and Essays in the History of Science and Learning offered in Homage to George Sarton*, ed. By M.F. Ashley Montagu (New York: Henry Schuman, 1944), 222-233 at 229. — Примеч. автора.

¹¹ Agnes Arber, *The Mind and the Eye: A study of the Biologist's Standpoint* (Cambridge: University Press, 1954), 46. Главу 5 «Биолог и письменное слово» и фактически всю эту пронизательную, тонкую и очень содержательную книгу надо включить в список обязательной литературы для историков каждой научной дисциплины, не исключая социологии. — Примеч. автора.

де всего некоторые из них осознали, что обычные публикации представляют собой недостаточную основу для того, чтобы докопаться до истинной истории социологической теории и исследования. Они восполняют этот пробел, обращаясь к другим источникам: научным дневникам и журналам (например, Кули), переписке (например, Маркса — Энгельса, Росса — Уорда), автобиографиям и биографиям (например, Маркса, Спенсера, Вебера и многих других). Современные социологи начинают издавать беспристрастные хронологические записи того, как практически проходили их социологические исследования, подробно описывая, какие интеллектуальные и социальные влияния они испытывали, как случайно натолкнулись на те или иные факты и идеи, отмечая свои ошибки и оплошности, отклонения от первоначального замысла исследования и всякого рода другие эпизоды, которые возникают при работе, но редко попадают в опубликованные сообщения¹². Хотя это только начало, хроники такого рода значительно расширяют практику, введенную Лестером Ф. Уордом в шеститомных «Зарисовках космоса»¹³, когда каждое эссе он предварял «историческим наброском о том, когда, где и почему именно оно было написано»¹³³.

Другой многообещающий знак — это появление в 1965 г. «Журнала истории поведенческих наук», первого журнала, полностью посвященного истории этих наук (тогда как истории естественных и биологических наук посвящены несколько десятков основных и сотни второстепенных журналов). Третий признак — растущий интерес

¹²Примеры: детальное методологическое приложение Уильяма Фута Уайта к расширенному изданию *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum* (Chicago: University of Chicago Press, 1955); изложение И.Г. Сазерленда о развитии его теории дифференциальной ассоциации в *The Sutherland Papers*, ed. By Albert Cohen, Alfred Lindesmith and Karl Schuessler (Bloomington: Indiana University Press, 1956); Edward A. Shils, «Primordial, Personal, Sacred and Civil ties», *British Journal of Sociology*, June 1957, 130—145; Marie Jahoda, Paul F. Lazarsfeld and Hans Zeisel, *Die Arbeitslosen von Marienthal*, 2-е переработанное издание (Bonn: Verlag für Demoskopie, 1960), с новым вступлением Лазарсфельда об интеллектуальном происхождении, обстановке социологического и психологического мышления и ходе исследования. В 1964 г. интерес к тому, как на самом деле проходили различные социологические исследования, отражен в двух сборниках таких описаний: Phillip E. Hammond, ed. *Sociologists at Work: The Craft of Social Research* (New York: Basic Books) and Arthur J. Vidich, Joseph Bensman and Maurice R. Stein, eds., *Reflections on Community Studies* (New York: John Wiley & Sons). — *Примеч. автора.*

¹³New York and London: G.P. Putman, 1913—1918. — *Примеч. автора.*

¹³³Еще один пример взаимодействия между работой, биографией социолога и социальной организацией в этой области см. в биографическом эссе: William J. Goode, Larry Mitchell, Frank Furstenberg in *Selected Works of Willard W. Waller* (в печати). — *Примеч. автора.*

к истории социального исследования. Именно на этот путь указал, например, Натан Глейзер в своем подлинно историческом эссе о «Происхождении социального исследования в Европе», а Поль Ф. Лазарсфельд основал программу специальных монографий, посвященных раннему этапу развития эмпирического исследования в Германии, Франции, Англии, Италии, Нидерландах и Скандинавии¹⁴. А Олвин Гоулднер своей недавней работой о социальной теории Платона создает явный прецедент для монографий, связывающих окружающую социальную структуру и культуру с развитием социальной теории¹⁵. Таковы лишь некоторые признаки того, что социологи обращаются к явно историческому и социологическому анализу развития теории.

Преемственность и прерывность в социологической теории

Как и прочие мастера своего дела, историки идей подвержены разнообразному профессиональному риску. Самая интересная его разновидность появляется каждый раз, когда они пытаются идентифицировать историческую преемственность и прерывность появления идей. Заниматься этим — все равно что ходить по проволоке, так как часто достаточно немного отклониться от вертикального положения, чтобы потерять равновесие. Для историка идей это чревато или тем, что он будет утверждать, что обнаружил преемственность мысли там, где ее фактически не существовало, или тем, что ему не удастся выявить ее там, где она действительно была¹⁶. Когда наблю-

¹⁴Nathan Glazer, «The rise of social research in Europe», in *The Human Meaning of the Social Sciences*, Daniel Lerner, ed. (New York: Meridian Books, 1959), 43—72. См. первую монографию, опубликованную в программе Лазарсфельда: Anthony Oberschall, *Empirical Social research in Germany 1848—1914* (Paris and the Hague: Mouton, 1965). — *Примеч. автора.*

¹⁵Alvin W. Gouldner, *Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory* (New York: Basic Books, 1965). — *Примеч. автора.*

¹⁶Вот характерный пример: я натолкнулся на во многом сходное с этим разграничение через несколько лет после того, как детально его разработал в курсе публичных лекций. См. Обсуждение «предшественников»: Joseph T. Clark, S.J., «The Philosophy of science and the history of science», в *Clagett, op. cit.*, 103—140, и комментарии по поводу этой статьи И.Е. Дробкина [I.E. Drabkin], особенно стр. 152. Это совпадение идей вдвойне удачно, поскольку я уже долгое время высказываю то мнение, что истории и социологии идей являются примерами некоторых одинаковых исторических и интеллектуальных процессов, которые они описывают и анализируют. Отметим, например, такое наблюдение, что теория многократных независимых открытий в науке подтверждается ее собственной историей, так как ее периодически открывали заново на протяжении нескольких поколений. R.K. Merton, «Singletons and multiples in scientific discovery: a chapter in the sociology of science», 1961, 105, 470—486, на 475—477. См. другие случаи

даешь за поведением историков науки, то складывается четкое впечатление, что их ошибки чаще всего, если не всегда, сводятся к первому из этих заблуждений. Они, недолго думая, указывают на наличие ровного потока предвестников, предвидений и предвосхищений во многих случаях, где более тщательное исследование выявляет их как плоды воображения.

Вполне понятно, что для социологов это характерно не в меньшей степени, чем для историков науки. Ибо и те и другие принимают модель исторического развития науки как приращение знаний; с этой точки зрения редкие паузы случаются только из-за неудачной попытки восстановить полную информацию из трудов прошлого. Не зная предыдущих работ, ученые других поколений делают открытия, оказывающиеся переоткрытиями (то есть концепциями и сведениями, уже изложенными раньше в каждом функционально существенном отношении). Для историка, имеющего доступ и к ранним, и к более поздним вариантам открытия, это является показателем интеллектуальной, хотя и не исторической преемственности идей, о которой не подозревал более поздний автор открытия. Это предположение о преемственности подтверждается тем фактом, что в науках имеют место многократные независимые открытия, о чем свидетельствуют многочисленные примеры¹⁷. Отсюда, конечно, не следует, что поскольку некоторые научные идеи были полностью предвосхищены, то так было во всех случаях. В действительности историческая преемственность знаний включает в себя новые дополнения к предыдущим знаниям, которые не были предугаданы; в какой-то мере также имеет место настоящая прерывность в форме квантовых скачков в формулировке идей и открытии эмпирических закономерностей. Фактически одна из мер по развитию социологии науки как раз и состоит в решении проблемы определения условий и процессов, вызывающих преемственность и прерывность в науке.

Эти проблемы воссоздания степени преемственности и прерывности присущи всей истории науки. Но они приобретают особый характер в истории таких наук, как социология: здесь она в основном ограничивается кратким обзором идей, расположенных в хроноло-

гипотез и теорий, являющихся примерами самих себя, занесенные в указатель в: R.K. Merion, *On the Shoulders of Giants* (New York: The Free Press, 1965; Harcourt, Brace & World, 1967). — *Примеч. автора.*

" О последних работах, в которых собраны доказательства такого рода, по крайней мере со времен Фрэнсиса Бэкона до времени Уильяма Огберна и Дороти Томас, и которые дают дополнительные систематические подтверждения, см. Merton, «Singletons and multiples in scientific discoveries», *op. cit.* и «Resistance to the systematic study of multiple discoveries in science», *European Journal of Sociology*, 1963, 4, 237—282. — *Примеч. автора.*

гическом порядке. В трудах, исключая серьезных изучение взаимодействия идей и социальной структуры, на авансцену выдвигается утверждаемая связь между ранее и позднее высказанными идеями. Историк идей, признает он это или нет, в этом случае ограничивается различением степени сходства между такими идеями, причем спектр различий описывается терминами «переоткрытие», «повторное открытие», «предвидение», «предвосхищение» и, что уже крайность, «выискивание предвосхищений».

1. Повторное открытие и предоткрытие. Строго говоря, многократные независимые открытия в науке относятся к сущностно идентичным или функционально эквивалентным идеям и эмпирическим данным, изложенным двумя или более учеными, не подозревающими о работе других исследователей. Когда это происходит примерно в одно и то же время, их называют «одновременно сделанными» независимыми открытиями. Ученые не разработали общепринятых критериев «одновременности», но на практике многократные открытия описывают как одновременные, когда они происходят в пределах нескольких лет. Когда между функционально взаимозаменяемыми открытиями более длинный промежуток времени, более позднее называют *повторным*. Поскольку у историков науки нет устоявшегося обозначения для более раннего, мы будем применять термин *предоткрытие*.

Не так-то легко определить степень сходства между независимо выдвинутыми идеями. Даже в таких более точных дисциплинах, как математика, решительно оспариваются претензии на независимые многократные открытия. Вопрос в том, при какой степени совпадения можно говорить об «идентичности»? При тщательном сравнении неевклидовых геометрий, созданных Больяй* и Лобачевским, например, выясняется, что Лобачевский разработал пять из девяти основных компонентов их совпадающих концепций более систематически, плодотворнее и более детально¹⁸. Точно так же было отмечено, что среди тех двенадцати ученых, кто «сам выявил важнейшие компоненты понятия энергии и ее сохранения», не было даже двух с абсолютно одинаковой концепцией¹⁹. Тем не менее, немного ослабив критерии, их в целом описывают как многократные независимые от-

* Больяй (правильнее Бойай) Янош (1802—1860) — выдающийся венгерский математик. — *Примеч. пер.*

¹⁸ B. Petrovieics «N. Lobatschewsky et J. Bolyai: etude comparative dun cas special d inventeurs simultanes», *Revue Philosophique*, 1929, cviii, 190—214; и более ранняя статья того же автора на ту же тему для другого случая: «Charles Darwin und Alfred Russei Wallace: Beitrag zur hoheren Psychologie und zur Wissenschaftsgeschichte», *Isis*, 1925, vii, 25—57. — *Примеч. автора.*

¹⁹ Thomas S. Kuhn, «Energy conservation as an example of simultaneous discovery», в *Clogett, op. dr.*, 321—356. — *Примеч. автора.*

крытия. А для характерно менее точных формулировок в большинстве социальных наук становится еще труднее установить сущностное сходство или функциональную эквивалентность независимо разработанных концепций.

Вместо радикального сравнения ранних и поздних вариантов «одного и того же» открытия подтверждение другого рода может служить предположительным, если не определяющим доказательством идентичности или эквивалентности: это сообщение более *позднего* автора, что другой пришел к открытию раньше его. По всей видимости, все эти сообщения правдивы. Поскольку нынешний век науки поощряет оригинальность (в отличие от прежних времен, когда новые идеи преднамеренно относили к авторитетам древности), маловероятно, чтобы авторы открытий отрекались от оригинальности своей собственной работы. Во всех науках мы находим свидетельства того, что авторы более позднего открытия сами сообщают о предоткрытиях. Например, автор многих открытий в физике Томас Юнг сообщал: «Я потом обнаружил, что несколько неизвестных английским математикам положений, которые, как мне казалось, я открыл первым, были уже открыты и доказаны зарубежными математиками». Перед Юнгом, в свою очередь, извинился Френель, узнавший, что невольно воспроизвел работу Юнга по волновой теории света²⁰. Так и Бертран Рассел отмечал, говоря о своем вкладе в книгу «*Principia Mathematica*», написанную им и Уайтхедом, что «большая часть работы уже была сделана Фреге, но мы тогда этого не знали»²¹.

В каждой области общественных и гуманитарных наук тоже есть свой ряд случаев, когда более поздние авторы заявляют, что их опередили, давая тем самым красноречивое подтверждение факту многократных открытий в этих дисциплинах. Рассмотрим хотя бы некоторые примеры: Павлов настойчиво утверждал, что «честь проделать первые шаги на этом пути [нового метода исследования Павлова] принадлежит И.Л. Торндайку»²². Фрейд, который более 150 раз подтвердил в печати свою заинтересованность в приоритете своего открытия, сообщает, что позже «нашел существенные характеристики и наиболее значительную часть своей теории сновидений — сведение искажения

²⁰Alexander Wood, *Thomas Young: Natural Philosopher 1773—1829* (Cambridge: University Press, 1954), 65, 188—189. Френель пишет Юнгу: «Когда я подал ее [свою статью о теории света] в институт, я не знал о Ваших экспериментах и выводах, которые Вы из них сделали, и получилось, что я представил как новые те объяснения, которые Вы уже давно сделали». — *Примеч. автора*.

²¹Bertrand Russell, «My mental development», в James R. Newman, ed., *The World of Mathematics* (New York: Simon and Schuster, 1956), I, 388. — *Примеч. автора*.

²²I.P. Pavlov, *Lectures on Conditioned Reflexes*, перевод W.H. Gantt (New York: International Publishers, 1928), 39—40. — *Примеч. автора*.

сновидения к внутреннему конфликту, своего рода внутренней нечестности — у автора, знакомого с философией, но не с медициной, у инженера Дж. Поппера, опубликовавшего свои «*Phantasien eines Realisten*» под именем Линкеуса»²³. Р.Г. Эллен и Дж.Р. Хикс, которые самостоятельно довели современную экономическую теорию стоимости до высшей точки развития в 1934 году, специально постарались привлечь внимание публики к тому, что позднее узнали о предоткрытии русского экономиста Евгения Слуцкого, опубликовавшего ее в итальянском журнале в 1915 году — в такое время, когда война вышла на первый план, оттеснив свободное распространение идей. Эллен посвятил статью ранней теории Слуцкого, а Хикс в честь него назвал фундаментальное уравнение в теории стоимости «уравнением Слуцкого»²⁴.

Такую же картину можно наблюдать среди философов. В работе Мура «Принципы этики», возможно, самой влиятельной книге по этической теории в двадцатом веке, встречается теперь уже хорошо знакомый нам тип описания достигнутых результатов: «Когда эта книга была закончена, я обнаружил у Ф. Brentano в «*Происхождении нравственного познания*» идеи, более созвучные моим собственным, чем у какого-либо другого известного мне автора». И затем Мур кратко излагает четыре главные концепции, о которых пишет со сдержанным юмором: «Brentano, по-видимому, полностью со мной согласен»²⁵. В сообщениях о предшествующих формулировках указывают даже на такие второстепенные детали, как вновь созданные риторические фигуры. Так, Дэвид Рисмен вводит понятие «психологического гироскопа», а затем сообщает, что, «написав это, потом обнаружил применение той же метафоры у Гарднера Мерфи в его книге «*Личность*»²⁶.

²³ Sigmund Freud, *Collected Papers*, trans by Joan Riviere (London: Hogarth Press, 1949), I, 302. Подробное изложение участия Фрейда в предвидениях, предоткрытиях, повторных открытиях и приоритете см.: Merton «Resistance to the systematic study of multiple discoveries in science», *op. cit.*, 252—258. — *Примеч. автора.*

²⁴ R.G. D. Allen, «Professor Slutsky's Theory of Consumer Choice», *Review of Economic Studies*, февраль 1936, Vol. III, 2, 120; J.R. Hicks, *Value and Capital* (Oxford: Clarendon Press, 1946). — *Примеч. автора.*

²⁵ Мур Дж. Принципы этики. М., «Прогресс», 1984, с. 40. Будучи скрупулезным исследователем, Мур также сообщает об основном различии между своими идеями и идеями Brentano. Тем самым он приводит пример главной составляющей той точки зрения, которую мы здесь понемногу излагаем: что даже сходство определенных идей в двух или более независимо созданных теориях не обязательно означает радикальное сходство между теориями как целыми системами. У социальных и гуманитарных теорий, а иногда и у физических и биологических, нет такой упорядоченной логической связности, когда сходство частей равно сходству целого. — *Примеч. автора.*

²⁶ David Riesman, in collaboration with Reuel Denney and Nathan Glazer, *The Lonely Crowd* (New Haven: Yale University Press, 1950), 16, 6n. — *Примеч. автора.*

Когда наталкиваешься на предоткрытие своей собственной идеи, это может привести в такое же замешательство, как неожиданное столкновение в толпе со своим двойником. Экономист Эдит Пенроуз, безусловно, говорит о переживаниях множества ученых, когда заявляет, что, «тщательно разработав самостоятельно то, что считала важной и «оригинальной» идеей, я часто приходила в замешательство, обнаружив впоследствии, что какой-нибудь другой автор выразил ее гораздо лучше»²⁷.

Есть и другого рода подтверждения подлинных предоткрытий — это когда ученые прерывают исследования, обнаружив, что их уже опередили. У более поздних авторов, наверное, был бы стимул взглянуть хотя бы малейшие различия между более ранними работами и своими собственными; если же они прекращают поиск в определенном направлении, это говорит о том, что, по их мнению, еще до них там были получены важные результаты. Карл Спирман, например, рассказывает, что не успел он создать тщательно разработанную теорию «коэффициентов корреляции» для измерения степени корреляции, как обнаружил, что «большую часть моей теории корреляции уже разработали — и намного лучше — другие авторы, особенно Гэлтон и Адни Юл. И опять-таки, значит, огромная работа была впустую, а оригинальное открытие, в которое так верилось, было, к сожалению, как таковое выброшено за ненадобностью»²⁸. Говорить об опережении в исследовании можно также в отношении к отдельным деталям научной работы. Например, историк Дж.Х. Хекстер сообщает со всей прямолинейностью, присущей ему вначале, что почти закончил приложение, где подвергал сомнению «тезис, что в *Утопии* Мор отмежевывается от взглядов на частную собственность, высказанных Хитлодеем, когда мой коллега проф. Джордж Парке обратил мое внимание на отличную статью Эдварда Л. Сурца, в которой это уже доказано. ...Статья делает такое приложение излишним»²⁹. Доля таких обнародованных примеров опережения повторных открытий,

²⁷ Edith Penrose, *The theory of the Growth of the Firm* (New York: John Wiley, 1959), 2. — Примеч. автора.

²⁸ Carl Spearman в *A History of Psychology from Autobiography*, Carl Murchison, ed. (New York: Russell and Russell, 1961), 322. — Примеч. автора.

²⁹ J.H. Hexter, *More's Utopia: The Biography of an Idea* (Princeton 2. University Press, 1952), 34п. Хекстер настойчиво утверждает, что его опередили и в другом аспекте работы: «Из-за моего полного несогласия с интерпретацией Онкеном задачи, поставленной Мором в *Утопии*, и существенных возражений по поводу его анализа структуры книги мне вдвойне досадно, что он опередил меня в одном отношении. Моя иллюзия, что я первым заметил ошибку в книге 1 *Утопии*... потерпела крах при последующем чтении введения Онкена к немецкому переводу Риттера». Ibid., 13—14п. — Примеч. автора.

безусловно, ничтожно мала по сравнению с огромным числом незарегистрированных случаев. Многие ученые не могут заставить себя сообщить в печати, что их опередили, поэтому эти случаи известны лишь ограниченному кругу близких им сотрудников³⁰.

2. *Предвидения и предвосхищения*. В своей новой книге³¹ историк науки Томас С. Кун проводит различие между «нормальной наукой» и «научными революциями» как фазами эволюции науки. В большинстве опубликованных откликов на эту книгу внимание сосредоточено точно так же, как у самого Куна, на этих редких бросках вперед, знаменующих собой научную революцию. Но хотя эти революции — самые впечатляющие моменты в развитии науки, большинство ученых большую часть времени занимают «нормальной наукой», совокупными дополнениями расширяя знания, основанные на принятых ими парадигмах (более или менее согласованных множествах предположений и обозначений). Таким образом, Кун не отвергает устоявшуюся концепцию, согласно которой наука в основном растет за счет дополнений, хотя его главная задача — показать, что это далеко не полная картина. Но из его работы не следует, что накопление знаний, сертифицированных сообществом ученых, — это всего лишь миф; такое толкование находилось бы в вопиющем несоответствии с историческими данными.

При той точке зрения, что в основном наука развивается за счет аккумуляции знаний — хотя она может иногда свернуть в неправильном направлении, пойти по проторенному пути или временно повернуть вспять, — подразумевается, что большинство новых идей и данных было предугадано или предвосхищено. В истории есть множество примеров, когда ученый вплотную подходил к какой-то идее, которой в скором времени суждено было получить более полное развитие. Нужна соответствующая терминология для обозначения различных степеней сходства между более ранними и поздними формулировками научных идей и данных. Одну крайность мы уже исследовали: предоткрытия и повторные открытия, для которых характерно сущностное сходство или функциональная равноценность. В случае предвидения речь идет о меньшей степени сходства, когда более ранние формулировки частично совпадают с более поздними, но не сосредоточены на том же комплексе заключений и не приходят к нему. Для предвосхищения характерно еще меньшее сходство: более ранние формулировки буквально только предвещают более поздние, т.е. лишь отдаленно

³⁰ Другие доказательства см. Merton, *Singletons and multiples in scientific discovery*, *op. cit.*, 479 ff. — *Примеч. автора*.

³¹ Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (Chicago: University of Chicago Press, 1962). — *Примеч. автора*.

и неявно соответствуют последующим идеям, и практически ни один из присущих им выводов не был взят на вооружение в дальнейшем.

Основное различие между предоткрытием и предвидением или предвосхищением передано в кратком изречении Уайтхеда, помещенном под заголовком данной главы: «Но близко подойти к подлинной теории и осознать ее точное применение — две совершенно разные вещи, как учит нас история науки. Все истинно значимое было раньше сказано кем-то, кто этого просто не осознал сам». Уайтхед первым бы оценил насмешку истории, что в этом замечании его предвосхищали, хотя и не опередили. Математик, логик и историк идей Огастес де Морган, к примеру, отмечал еще тридцать лет назад: «Едва ли было хоть одно великое открытие в науке, чтобы при этом не оказалось, что в зачаточном состоянии оно находится в трудах нескольких современников или предшественников того человека, который собственно его и сделал»³². И наконец, еще один умелый теоретик, используя типично фрейдистские риторические фигуры, дал точное объяснение определяющему различию между предоткрытием и предвидением: первое в отличие от второго заключается в разработке идеи или в достаточно серьезных наработках, делающих выводы из нее очевидными³³.

Но историки идей часто пренебрегают этими глубинными различиями. Большая частота подлинных переоткрытий иногда приводит их к занижению стандартов сущностной идентичности или функциональной равноценности и к тому, что они объявляют «повторными открытиями» формулировки, лишь смутно обозначенные в прошлом; в крайнем случае историки вообще обходятся без таких стандартов и тешатся игрой в повсеместное обнаружение «предвидений» и «пред-

³² Augustus de Morgan, «Essays on the Life and Work of Newton» (Chicago and London: The Open Court Publishing Co., 1914), 18. Более поздний пример см.: наблюдение нынешнего главы американских психологов Edwin G. Boring, *A History of Experimental Psychology* (New York: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1950, 2nd ed.), 4. «Почти всем великим открытиям предшествовали предвидения, которые потом раскапывает историк». — *Примеч. автора.*

³³ Характерно, что Фрейд излагает проблему, выражаясь именнотак: «Я прекрасно осознаю, что одно дело — один раз, два или даже чаще выразить словами идею, которая приходит в форме мимолетного вдохновения, и совсем другое — иметь серьезные намерения, буквально взяться за нее, преследовать, несмотря на все трудности, разрабатывая до мелочей, и отвоевать ей место среди принятых истин. Такова разница между случайным флиртом и серьезным браком со всеми его обязанностями и сложностями. «Быть преданным идее» — распространенный оборот речи». Sigmund Freud, «On the history of the psycho-analytic movement», впервые опубликованной в 1914 г. и переизданной *Collected Papers, op. cit.*, 1,287—359 на 296. Этот глубоко личный очерк, посвященный истории идеи, изобилует наблюдениями, подходящими к нашей непосредственной теме. — *Примеч. автора.*

открытий». Эта склонность преувеличивать сходство и игнорировать различия между более ранними и более поздними формулировками является профессиональной болезнью, которой подвержены многие историки идей.

Нынешние историки идей, глубоко разочарованные склонностью своих предшественников выдумывать предвидения и предвосхищения в более точных науках, могут гневно отвергать поставленный им аналогичный диагноз, но фактически эта болезнь, по-видимому, еще шире и в более острой форме распространена среди историков социальных наук. Причины этого найти нетрудно. Возьмем историю социологии — пример, который, понятным образом, нас здесь интересует в первую очередь. В течение многих поколений большинство социологических трудов (включая это вступление) было написано в стиле научного очерка. В отличие от естественных и биологических наук, где статьям уже давно придают четко определенную форму, в социологии лишь недавно установилась практика излагать в статьях сжатую формулировку проблемы, методику и средства исследования, эмпирические данные, их обсуждение и теоретические выводы из найденного³⁴. В прошлом при написании социологических статей и особенно книг авторы редко давали точное определение основных понятий, а логика метода и связи между переменными и непосредственно разрабатываемой теорией оставались, как правило, скрытыми в соответствии с общепринятой гуманитарной традицией. Такая практика привела к двум обстоятельствам. Первое: основополагающие понятия и идеи легко ускользают от внимания, так как ясно не обозначены и не определены, поэтому фактически некоторые из них позже открывают заново. Второе: туманность прежних формулировок позволяет историку идей поддаться соблазну и усмотреть предоткрытия в тех случаях, когда более тщательный анализ выявляет лишь смутное и несущественное сходство.

Такие неточности возлагают на историков идей тяжелую обязанность: различить подлинные предвидения и псевдопредвидения, в которых сходство обычно сводится к случайному употреблению некоторых слов, таких же, что и в более позднем тексте, которым исто-

³⁴ Уточним, что мы *не* говорим и *не* хотим сказать, что использование этой формы для социологических статей гарантирует им значимость. Некоторым статьям, которые все-таки приняли такую форму, удастся лишь ясно продемонстрировать свою незначительность, тогда как другим, сохранившим стиль научного очерка, удастся гораздо больше способствовать нашему пониманию человека в обществе. Речь идет не о соотносительном научном достоинстве разных стилей в социологических трудах, а о свойствах социологического очерка, способствующих тому, что историки социологии находят в ней несуществующие предвидения и предвосхищения. — *Примеч. автора.*

рик приписывает определенные значения, исходя из более поздних данных. Разница между подлинным и псевдопредвидением далеко не ясна. И все же если историк ленится и позволяет любой степени сходства между старыми и новыми формулировками сойти за предвидение, то он фактически пишет мифологию идей, а не их историю.

Как и в случае предоткрытий, предположительное подтверждение подлинного предвидения получают тогда, когда более поздний автор сам утверждает, что некоторые аспекты его идеи были до него изложены другими. Так, Гордон Оллпорт убедительно сформулировал принцип функциональной автономии: что формы поведения становятся при точно определяемых условиях целями и задачами сами по себе, хотя были вызваны другими причинами. Существенно важным моментом является то, что поведение может сохраняться, даже если не подкреплено первоначальным стимулом или мотивом. Когда Оллпорт впервые сформулировал эту важную и в некоторых отношениях противоречивую концепцию³⁵, он не замедлил указать на более ранние сообщения об этом: замечание Вудворта, что психологические механизмы могут трансформироваться в побуждения; замечание Стерна, что феномотивы могут трансформироваться в геномотивы; замечание Толмана, что «средства-цели» могут «установиться как полноправные». Они расцениваются скорее как предвидения, чем предоткрытия, поскольку более ранние варианты совпали с более поздним лишь отчасти и, что более важно, в них нет многих логических заключений и эмпирических проявлений, четко сформулированных Оллпортом. Вот почему формулировка Оллпорта перевернула весь ход истории функциональной автономии, тогда как им это не удалось. Такого рода различие упускают в историях идей, в которых главная задача — распределить «заслуги» за вклад, поскольку они склонны смешивать предоткрытия и предвидения в одно бесформенное целое. В противоположность этому в историях идей, ставящих своей главной задачей восстановить действительный ход научного развития, отмечается кардинальное различие между ранними приближениями к идее и более поздними формулировками, оставляющими след в развитии этой идеи, побуждая их авторов или других ученых систематически их разрабатывать.

Когда ученый наталкивается на раннюю и забытую формулировку, останавливается, сочтя ее содержательной, а *потом сам ее доводит до конца*, мы имеем дело с подлинным случаем исторической

³⁵ Gordon W. Allport, «The functional autonomy of motives», *American Journal of Psychology*, 1937, 50, 141 — 156. Ссылки Оллпорта на предвидения отмечены Calvin S. Hall and Gardner Lindzey, *Theories of Personality* (New York: John Wiley & Sons, 1957), 270—271. — *Примеч. автора.*

ппеемственности идей, несмотря на временной промежуток в несколько лет. Но в отличие от надуманной версии научного исследования такая модель встречается нечасто. Обычно же идея бывает настолько определенно и выразительно сформулирована, что современникам трудно ее не заметить, а затем становится легко найти ее предвидения и предвосхищения. Но решающим для теории истории идей является тот факт, что эти ранние наброски остаются преданными забвению и никем систематически не разрабатываются, пока их не вернет на авансцену новая и на данный момент окончательная формулировка.

Идентификация предоткрытий, предвидений и предвосхищений может быть незамедлительной или отсроченной. Незамедлительные открытия происходят благодаря чистой наблюдательности, характерной для социальной системы ученых. Стоит только опубликовать вновь сформулированную идею или эмпирические данные, как может найтись небольшая группа ученых, уже сталкивавшихся с более ранней версией идеи, хотя и не использовавших ее в своей работе. Когда новая формулировка оживляет в их памяти прежний вариант, они сообщают о предоткрытиях, предвидениях или предвосхищениях другим ученым в этой области. (Страницы журнала «Сайенс» пестрят письмами научному сообществу, что подтверждает эту картину.)

Отсрочка в идентификации имеет место тогда, когда ранняя версия быстро была предана забвению. Она могла быть опубликована в неизвестном журнале, затеряться в статье на другую тему или скрываться в неопубликованных лабораторных записках, журнале или письме. Какое-то время современники считают открытие совершенно новым. Но как только они хорошо ознакомились с этой новой идеей, некоторые из них узнают формулировки, напоминающие новую, когда *впоследствии* перечитывают ранние работы. Именно в этом смысле прошлая история науки постоянно переделывается ее последующей историей.

Формулировка Оллпортом функциональной автономии как психологического принципа является примером второй модели открытия. Раз Оллпорт внедрил в наше сознание этот принцип, мы теперь подготовлены к любому его варианту при чтении трудов прошлого. Так, благодаря Оллпорту я могу сообщить, перечитав Дж.С. Милля, что он мельком упоминал тот же принцип еще в 1865 году: «Лишь тогда, когда наши цели становятся независимыми от чувства боли или Удовольствия, породившего их, считается, что у нас сложившийся характер»³⁶. Дело в том, однако, что я не задумался над наблюдением

³⁶ John Stuart Mill, *A System of Logic* (London: Longmans, Green, 1865), 423. — *Примеч. автора.*

Милля, встретившись с ним впервые, поскольку тогда мое восприятие не было обострено знакомством с формулировкой Оллпорта. Также я могу сообщить, что в 1908 году Зиммель предугадал принцип Оллпорта в социологическом плане:

1

Огромное социологическое значение имеет тот факт, что бесчисленные взаимосвязи сохраняют свою социологическую структуру неизменной даже после того, как уходит ощущение практической ситуации, породившей их. ...Для возникновения взаимосвязи, безусловно, требуется определенное число положительных и отрицательных условий, и отсутствие хотя бы одного из них может тут же помешать их развитию. Но когда связи установились, они не обязательно всегда разрушаются из-за последующего исчезновения этого условия, которое ранее они не могли бы преодолеть. То, что было сказано о [политических] структурах — что их сохранность обеспечивается лишь теми средствами, которыми они были созданы, — всего лишь неполная истина и все, что угодно, только не всеобъемлющий принцип создания социальных форм в целом. Социологическая связность, независимо от ее происхождения, обеспечивает самосохранение и автономное существование социативной формы, которые не зависят от первоначальных связывающих мотивов³⁷.

Как формулировка Милля, так и высказывание Зиммеля представляют собой подлинное предвидение принципа Оллпорта. Они четко излагают часть той же идеи, но не применяют ее в той мере, чтобы она отложилась в памяти современников (несмотря на то, что Зиммель характеризует ее как «факт огромной социологической важности»), и главное, их прежние формулировки не были подхвачены и разработаны в промежутке между их появлением и формулировкой Оллпортом принципа функциональной автономии. Действительно, если бы в этом промежутке у них нашлись последователи, то у Оллпорта не было бы шанса сформулировать этот закон (в лучшем случае он бы его просто расширил).

Этот случай в иносказательной форме отражает правильный подход к предвидениям в истории идей. Обнаружив предвидение идеи у Милля и Зиммеля после того, как его к этому подготовила формулировка Оллпорта, настоящий историк идей сразу бы распознал главнейшую историческую проблему: почему эти прежние сообщения были проигнорированы авторами, их современниками и непосредственными преемниками? Он бы отметил, что не было *мгновенного* и неуклонного развития этой идеи, точно так же, как отметил бы ее повторное появление в конечном счете в качестве центрального объек-

³⁷ Georg Simmel, *Soziologie* (Leipzig: Duncker & Humblot, 1908), 582—583, верный перевод; Kurt H. Woultb *The Sociology of Georg Simmel* (New York: The Free Press, 1950), 380—381. — *Примеч. автора.*

та эмпирического исследования. Такой историк попытался бы определить интеллектуальные и социальные контексты, в которых эта идея появилась в своей ранней форме, и изменения в этих контекстах, придавшие ей больший вес в более поздней и развитой форме. Короче говоря, он бы уделил внимание как сходству, так и различию (1) между несколькими формулировками идеи, (2) той степени, в которой она вписывалась в другие теоретические построения того времени, и (3) контекстам, повлиявшим на ее историческую судьбу.

Но, как известно, историки социологии обычно совершенно не удовлетворяют этим строгим требованиям анализа предвидений и предвосхищений. Нередко создается впечатление, что им доставляет удовольствие — а иногда, поскольку они тоже люди, это удовольствие бывает нездоровым — откапывать реальные или вымышленные предвидения недавно сформулированных концепций. Поставить перед собой такую четкую задачу нетрудно, как видно из нескольких примеров:

Первичная группа. Как известно, формулировка первичной группы, сделанная Кули в 1909 г., наложила отпечаток на современный ему и последующий социологический анализ групповой жизни. Несколько лет спустя один историк социологии привлек внимание общественности к появлению в том же году книги Элен Босанке, где речь шла о взаимодействии между членами семьи как о социальном процессе, влияющем на личность каждого члена. Далее историк отмечает, что Смолл и Винсент еще в 1894 г. назвали одну из глав своей работы *Введение в изучение общества* «Первичная социальная группа: семья». Позднее, однако, биограф Кули тщательно рассмотрел этот вопрос и пришел к важному выводу, что «ярлыки — это одно, а их общепринятое содержание — это другое. Кули дал этому понятию значимое содержание; вот что важно». А еще существенней его дополнительное замечание, что именно формулировка Кули, а не других авторов, вызвала к жизни огромное количество работ по изучению первичной группы. Подготовленные важной формулировкой Кули, мы теперь можем отметить, что *термин* «первичная группа» («*primare Masse*») был самостоятельно и быстро введен в 1921 г. Фрейдом, который, судя по имеющимся данным, не подозревал о существовании Кули³⁸. Но концепция

³⁸ Как теперь известно из собственного признания Кули, обсуждение первичной группы в его «Социальной организации» было включено лишь потом и в первоначальный вариант не входило вообще. Историком, отметившим одновременное и независимое обсуждение этого понятия, и предвосхищение термина, является Флойд Н. Хаус. См.: Floyd N. House, *The Range of Social theory* (New York: Holt, 1929), 140-Н. Биограф Кули, который, отстаивая его права, очень точно отмечает значение предвидения для истории мысли, это Эдвард С. Джанди. См.: Edward C. Jandy, *Charles Horton Cooley: His Life and His Social Theory* (New York: The Dryden Press, 1942), 171-181. Использование термина Фрейдом и частичное совпадение его концепции с концепцией Кули можно обнаружить в его работе *Massenpsychologie und Ich-Analyse* (Leipzig, Wien, Zurich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921), 76, в следующем виде: «Eine solche primare masse ist eine Ansahl von Individuen, die ein und dasselbe

Кули явилась гораздо более плодотворной для социологической теории и практики, чем понятие «первичной группы» Фрейда.

Зеркальное «я». Классическая формулировка этого понятия, сделанная Кули, обозначает социальный процесс, при котором наши образы «я» формируются через восприятие нас другими людьми. Всем известно, поскольку Кули сам об этом говорит, что эта формулировка расширила прежние концепции, выдвинутые психологами Уильямом Джеймсом и Джеймсом Марком Болдуином. Здесь перед нами четкий пример кумулятивных дополнений к теории, вносимых и поныне. Менее известен тот факт, что недавние исследования в Советском Союзе по развитию «я» и социализации исходят из замечания Маркса, что при понимании своего «я» каждый человек смотрит на другого, как в зеркало. Но ни киевские исследователи, ни Энн Арбор явно не знали, что еще Адам Смит употребил метафору с зеркалом, созданным из мнений других людей о нас, которое позволяет нам быть свидетелями своего собственного поведения.

Смит говорит: «Это единственно зеркало, с помощью которого мы в какой-то мере глазами других людей можем внимательно изучить правильность нашего поведения». Расширяя метафору почти в духе Уильяма Джеймса, Лесли Стивен пишет в конце прошлого столетия: «Необходимо учесть не только первичное, но и вторичное отражение; и фактически надо представить два противоположных зеркала, отражающих образы до бесконечности». Тут по внешним признакам мы имеем множественные независимые формулировки данной идеи в совершенно разных теоретических традициях. Но эти эпизоды — лишь сырье для анализа эволюции идеи, а не конечный пункт, в котором разнообразные и частично совпадающие варианты идеи просто имели место³⁹.

Предлагаю ряд наскоро собранных, неразвернутых аллюзий на предоткрытия, предвидения, предвосхищения и псевдопредвидения

Objekt an die Stelle ihres Ichideals gesetzt und sich infolgedessen in ihrem miteinander identifierte haben» (в печати все это набрано вразбивку для усиления эффекта). А поскольку в английском переводе Джеймса Стречи во всем тексте несколько более обширное немецкое слово «Masse» заменено «группой», то этот отрывок, без всякого намерения подражать Кули, выглядит так: «Первичная группа такого рода — это ряд индивидов, замесивших свое эго одним и тем же объектом и, как следствие, отождествляющих себя друг с другом в своем эго». Термин «первичная группа» принадлежит Кули, а характерная теоретическая формулировка, безусловно, дана Фрейдом. — *Примеч. автора.*

³⁹ Выдержавшая испытание временем формулировка Кули появилась в его *Human nature and the Social Order* (New York: Scribner, 1902), 183—184. Jandy, op. cit., 108—126, восстанавливает по очереди расширение этой идеи Кули и Дж. Мидом. Независимый источник идеи у Маркса засвидетельствовали социальные психологи института психологии в Киеве, хорошо знавшие Маркса, но ничего не слышавшие о Кули и Миде (основано на интервью, проведенном Генри Рикеном и мною в 1961 г.). Лесли Стивен подхватил метафору Адама Смита в *History of English Thought in the Eighteenth Century* (New York: G.P. Putnam's Sons, 1902, 3d ed.), I, 74—75. — *Примеч. автора.*

в социологии и психологии для того, чтобы доказать, что: (1) на них легко натолкнуться и (2) они легко перерождаются в коллекционирование антиквариата, которое совершенно не продвигает *историю* социологической теории, а лишь дублирует битву между любителями древности (назовем их «антикварами») и сторонниками всего современного (назовем их «модернистами»), на которую ушло столько интеллектуальных сил в семнадцатом и восемнадцатом веках:

Шекспир явным образом предвосхитил Фрейда в вопросе об осознании и рационализации желаний в пьесе «Генрих IV»: «Твое желание, Гарри, отцом явилось этой мысли».

Эпиктет, не говоря уже о Шопенгауэре и многих других, по всей видимости, предвосхитил то, что я назвал теоремой Томаса: определения, даваемые людьми ситуациям, влияют на последствия: «Человека тревожат и беспокоят не вещи, а его мнения и представления о вещах»⁴⁰.

Самнер явно предугадал понятие Липпмана о стереотипах, когда писал в *Нравах*, что нравы «стереотипны». Спенсер пишет, что «притяжение городов прямо пропорционально массе и обратно пропорционально расстоянию», тем самым явно предугадывая теорию Стауффера об имеющихся возможностях — еще одно скорее полностью вербальное, чем сущностное сходство.

Понятие Веблена «неспособность, приобретенная благодаря обучению» (подхваченное, развитое и примененное другими социологами), которое явно предугадал Филип Хамертон в своей давно забытой книге, опубликованной в 1873 г., написав, что «умственные отказы» [торможения] не указывают «ни на какую врожденную неспособность, а [лишь] на то, что ум стал непригодным из-за приобретенных привычек и обычных для него занятий», таким образом породив «приобретенную непригодность» («Интеллектуальная жизнь»).

Джон Стюарт Милль предугадал в общем правиле частный случай воздействия Хоторна, определенного веком позже: в экспериментах «воздействие могло быть оказано не изменением, а средствами, использованными для введения изменения. Однако возможность этого последнего предположения в целом допускает убедительную проверку с помощью других экспериментов».

У Аристотеля есть предвосхищение понятия «значимых других» Дж.Х. Мида, когда он пишет в «Риторике», что «люди, перед которыми нам стыдно, это те, чьим мнением мы дорожим... и т.д.».

⁴⁰ Родившиеся в один и тот же год и оказавшиеся в конце концов в оживленной атмосфере социологического исследования, характерной для университета в Чикаго в первой трети нашего столетия, УИ. Томас и Дж.Г. Мид пользуются почти одинаковым языком при формулировке теоремы — Томас в общем виде, Мид в более ограниченном. Так, Томас говорит: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям». Мид говорит: «Если что-то не признают действительным, то оно и не функционирует в данном сообществе как действительное». *Movements of Thought in the Nineteenth Century* (University of Chicago Press, 1936), 29. — *Цит. по автору.*

Особый пример сбывшегося пророчества французского философа и ученого семнадцатого века Пьера Гассенди, утверждавшего, что астрологические предсказания о судьбе отдельных людей способствуют их самоосуществлению в силу стимулирующего или подавляющего воздействия этих предсказаний на этих людей.

Широко распространенным примером данной точки зрения служит утверждение, что пословицы полностью передают общепринятые социологические идеи; так, стоит человеку усвоить отраженный в пословице девиантный образ, и его поведение станет девиантным: «Назовите человека вором, и он начнет воровать».

Этот быстро подобранный список примеров, который при желании мог бы пополнить любой грамотный социолог, показывает, с какой легкостью можно взять и указать на настоящие или мнимые предвидения и предвосхищения сразу после обнародования теоретической идеи или эмпирических данных. Такое приписывание теоретических заслуг не способствует пониманию исторического развития мысли. И при исследовании многократных открытий в естественных и биологических науках, и для плодотворных исторических изысканий требуется детальный анализ как теоретической сути более ранних и поздних вариантов, так и условий, способствующих в каждом конкретном случае преемственности или прерывности идей. Прекрасным примером такого изыскания является тщательное изучение Дж. Дж. Шпенглером утверждения Лавджоя, что в *Басне о пчелах* Мандевилля (1714) полностью предугаданы все основные идеи Веблена, развитые в его «Теории праздного класса»⁴¹. Не принимая поверхностное сходство за достаточное доказательство, Шпенглер подвергает эти два комплекса идей скрупулезному анализу, выявляя таким образом глубинные различия, помимо случайного сходства между ними. При этом он показывает, как первоначально малые, но функционально существенные различия в формулировках приводят к разным теоретическим заключениям, которые потом подхватывают и развивают последователи.

3. *Предвосхищения*. Идентификация предвидений и предвосхищений, которая обсуждалась в предыдущем разделе, встроена в информационные каналы социальной системы науки; ради их обнаружения не прикладывают больших усилий. Однако постоянное выискивание предвосхищений означает преднамеренный, целенаправленный поиск разного рода предшествующих вариантов научных идей. Впадая в крайность, искатель предвосхищений описывает малейший оттенок сходства между более ранними и поздними идеями как факти-

⁴¹ J.J. Spengler, «Veblen and Mandeville Contrasted», *Weltwirtschaftliches Archiv. Zeitschrift des Institutes für Weltwirtschaft an der Universität Kiel*, 1959, 82, 3—67. — Примеч. автора.

ческую идентичность. Истоки этого мотивированного поиска самые различные. В некоторых случаях он, по-видимому, продиктован страстным стремлением доказать, что ничего нового в этом мире нет. Поиск тогда представляет собой настоящую «человеческую комедию», в то время как каждый усердно старается сделать новые открытия, чтобы способствовать развитию своей дисциплины, ученые утверждают, что все важное, наверное, было открыто раньше⁴². В других случаях на поиск воодушевляют шовинистические пристрастия. Когда новую формулировку выдвигает ученый чуждой национальности или чуждой школы мышления или, если обобщить, *членлюбой* внешней группы, у искателя предвосхищений появляется стимул найти какое-то мнимое предвидение или предугадывание у интеллектуально близкого предка ради того, чтобы восстановить соответствующее его взглядам распределение заслуг внутри системы. В остальных случаях поиск, похоже, обусловлен враждебностью к открывателю-современнику, с которого, наверное, удастся сбить спесь, если выложить ему предвосхищения его объявленного им нового открытия. Но это выискивание предвосхищений становится особенно заметным, когда оно воплощается в целенаправленное развенчание «модернистов» в пользу «антикваров», то есть когда отбирают у живых и отдают мертвым⁴³. Каковы бы ни были мотивы искателя предвосхищений, которые в лучшем случае можно лишь очень осторожно вывести из его произведений, наблюдаемая модель остается во многом такой же. Фактически целенаправленный поиск предвосхищений можно выразить в виде кредо:

Открытие не подлинное,
Если подлинное, то не новое;
Если же и новое и подлинное, то несущественное.

На такого рода критерии указывают как жертвы искателя предвосхищений, так и беспристрастные наблюдатели. Часто страдавший от упреков искателя предвосхищений Уильям Джеймс нашел в себе силы описать «классические стадии судьбы теории»: сначала «она подвергается нападкам как абсурдная; потом признают, что она истинная, но очевидная и несущественная; и наконец, ее счи-

⁴² Ученым, как и другим людям, часто присуще поведение, опровергающее те самые предположения, которые они пытаются подтвердить. Уайтхед ссылается на бихевиориста в 1920-х, заявлявшего, что его цель — показать, что цель не имеет значения в человеческом поведении. — *Примеч. автора.*

⁴³ Битва между «модернистами» и «антикварами» печально известна своей продолжительностью. Описание этой бессмысленной битвы, превратившейся в нескончаемую войну, с которой я весьма близко знаком, сделано в кн. Merlon, *On the Shoulders of Giants*. — *Примеч. автора.*

тают настолько важной, что ее противники утверждают, будто сами ее открыли»⁴⁴. Кроме того, спровоцированный «неправильно толкующими» его прагматическое изложение истины, Джеймс горестно жалуется на неискренность оппозиции, «которая уже стала выражаться шаблонной фразой: что ново — то не истинное, а что истинное — то не ново... Если мы не сказали ничего нового, почему так трудно было уловить, что имелось в виду? (А затем следует мастерски сформулированное сдержанное высказывание.) Едва ли дело лишь в туманности наших высказываний, ведь по другим вопросам нам удалось довести свою мысль до читателя»⁴⁵.

В то время как жертвы бурно протестуют против выискивания предвосхищений, историки науки взирают на него с полной бесстрастностью. Так, Джордж Сартон, на данный момент старейшина среди историков науки во всем мире, отметил, что

ярые возражения против открытия, особенно против того, которое в той же мере нарушает душевное равновесие, в какой и является великим, обычно проходят две стадии. Первая — это отрицание, лучшим примером которого являются парижские противники концепции кровообращения: теория Гарвея неверна, это абсолютная чушь и т.д. Когда эта точка зрения оказывается непригодной, наступает вторая стадия. С открытием-то все в порядке, но сделал его не Гарвей, а многие другие задолго до него. Первоначально именно Ван Дер Линден как главный последователь Гиппократов того времени утверждал, что... «не может быть и тени сомнения, что Гиппократ знал о кровообращении!». Это хороший пример того, как рассуждают люди с филологическим складом ума, принимая слова за реальность⁴⁶.

Искатель предвосхищений неутомим и в области гуманитарных наук, где ему присвоили грубовато звучащий титул *Quellenforscher* (охотник за источниками). Сейнсбери выявил подходящего представителя этой когорты: Жерара Лангбена, довольно известного автора «Очерка об английских поэтах-драматургах». У английского критика

⁴⁴William James, *Pragmatism: A New name for Some Old Ways of Thinking* (New York: Longmans, Green, 1907), 198. — *Примеч. автора.*

⁴⁵William James, *The Meaning of Truth: A Sequel to «Pragmatism»* (New York: Longmans, Green, 1909), 181. — *Примеч. автора.*

⁴⁶George Sarton, «Johannes Antonides Vander Linden (1609—1664) Medical Writer and Bibliographer», in *Science, Medicine and History: Essays on the Evolution of Scientific Thought and Medical Practice, Written in Honour of Charles Singer*, collected and edited by E. Ashworth Underwood (London: Oxford University Press, 1953), II, 15. Другой пример этой модели, описанной историком, см. в A.R. Hall, *The Scientific Revolution, 1500—1800* (London: Longmans, Green, 1954) 255 ff., где отражены во многом такие же стадии восприятия теории света Ньютона. — *Примеч. автора.*

нет даже намека на бесстрастность при создании портрета французского искателя предвосхищений:

Обладая некоторой начитанностью и хорошей памятью, он обнаруживает, что поэты, как правило, не являются родоначальниками избранной темы, и ему кажется, что он одерживает над ними своеобразную победу, указывая, где они ее взяли. С чисто исторической точки зрения против этого, конечно, ничего не возразишь: иногда это интересно и никогда не должно быть оскорбительным. Однако на самом деле чаще всего выглядит именно так, а у Лангбена только так... «Если бы м-р У. водрузил на нос очки, он бы увидел, что это напечатано было таким образом», и т.д. и т.п. ... Боюсь, что Данте, зная он Лангбена, организовал бы для него особые *bolgia**; да и в дальнейшем он бы не испытывал недостатка в обитателях⁴⁷.

У преднамеренного поиска предвосхищений в биологических и естественных науках есть мощный аналог в социальных науках. Например, в социологии это явление также имеет свои корни. Хотя нам недостает сравнительных монографических исследований по этому вопросу, современная социология на ранних стадиях своего развития, по-видимому, не носила такого кумулятивного характера, как физические и биологические науки⁴⁸. Пристрастие социологов в девятнадцатом веке, а у некоторых и поныне, к развитию своих собственных «систем социологии» означает, что в них, как привило, изначально видят соперничающие мыслительные системы, а не консолидированный кумулятивный продукт. Из-за этого исторический анализ развития теории сосредоточивается на том, чтобы показать, что предполагаемая новая система совсем не нова. История идей в этом случае превращается в выяснение претензий и контрпретензий на такую оригинальность, которая нетипична для прогресса науки. Чем меньше внимания уделяется различным уровням аккумуляции идей, тем сильнее тенденция к поиску сходств между прежней и со-

* «злые щели» (*um.*) — глубокие рвы в восьмом круге «Ада» Данте. — *Примеч. пер.*

⁴⁷ George Saintsbury, *A History of Criticism and Literary Taste in Europe from the Earlier Texts to the Present Day* (Edinburgh and London: William Blackwood & Sons), II, 400—401. — *Примеч. автора.*

⁴⁸ Мы не хотим сказать, что модель развития в физических и биологических науках — это модель постоянной, неуклонной преемственности и кумулятивное™ знания. Для истории этих наук, безусловно, характерны многие повторные открытия спустя годы или даже десятилетия после того, как предоткрытие исчезло из виду. Но такие паузы в непрерывности интеллектуальной традиции, впоследствии заполненные независимыми повторными открытиями, заставляющими наблюдателей обратиться к забытым версиям, встречаются реже и не столь значительны, как в социальных науках. — *Примеч. автора.*

временной идеей, а от этого недалеко и до выискивания предвосхищений.

Историки социологии то вступают на эту зыбкую почву, то движутся в противоположном направлении. В разной степени⁴⁹ они колеблются между двумя описанными нами основными предположениями относительно развития социологии: с одной стороны, они занимаются выискиванием предвосхищений; с другой — они полагают, что социология развивается благодаря появляющимся время от времени новым ориентациям и благодаря включению в знания новых дополнений, полученных на основе исследований, проведенных в свете этих ориентации, — иногда здесь имеют место *подтвержденные документально* предоткрытия, предвидения и предвосхищения.

Наверное, никто из историков социологической теории не занимался столь тщательно вопросом предоткрытий, предвидений и предвосхищений, как Питирим Сорокин в своем солидном труде «Современные социологические теории»⁵⁰, пользующемся большой популярностью и сейчас, через сорок лет после первой публикации. В книге, построенной на анализе школ социологической мысли и задуманной «для соединения современной социологии с ее прошлым», перед аналитическим обзором каждой школы дается список предшественников. Вероятно, из-за того, что в книге приводятся ссылки на более чем тысячу авторов, в ней применяются весьма различные критерии идентичности прежних и последующих идей.

Одна крайность заключается в утверждении, что древние труды — *Священные книги Востока*, Конфуций, даосизм и т.д. — содержат «все основные» идеи современных социологических или психологических школ; последние описываются как «всего лишь повторения» или «простые повторения» (например, стр. 5п, 26п, 309, 436—437). В каких-то случаях сходство состоит в ссылках прежних классиков на определенные «факторы» в общественной жизни, которые также обсуждаются в более поздних работах: например, в *Священных книгах* «подчеркивается роль», которую играют «факторы расы, отбора и наследственности»

⁴⁹ При методологическом анализе следующих современных работ по истории социологической теории обнаруживается большое разнообразие в этом отношении: N.M. Timasheff, *Sociological Theory: Its Nature and Growth* (New York: Doubleday & Co., 1955); Dan Marlandale, *The Nature and Types of sociological Theory* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1960); Harry E. Barnes and Howard Becker, *Social Thought from Lore to Science* (Washington: Harran Press, 1952, 2nd ed.); Charles P. Loomis and Zona K. Loomis, *Modern Social Theorists* (New York: D. van Nostrand, 1961); Harry Elmer Barnes, *An Introduction to the History of Sociology* (Chicago: University of Chicago Press, 1948); Lewis A. Coseriu and Bernard Rosenberg, *Sociological Theory* (New York: Macmillan, 1964, 2d ed). — *Примеч. автора.*

⁵⁰ Pitirim A. Sorokin, «Contemporary Sociological Theory» (New York and London: Harper & Brothers, 1928). — *Примеч. автора.*

i TD 219); «тот факт, что мыслители с незапамятных времен осознавали важность роли «экономических факторов» в поведении человека, организации общества, социальных процессах...» (стр. 514) и т.д. В каких-то случаях замечание, что некая школа мысли является очень старой, оскорбляет своей несправедливостью. Так, формальная школа (Зиммель, Теннис, фон Визе), считающая себя новой, охарактеризована как «очень старая, возможно, даже самая старая среди школ социологии» (стр. 495); об экономической школе, главным образом об отвергнутых взглядах Маркса и Энгельса, говорится, что она «стара, как сама человеческая мысль» (стр. 523); тогда как психосоциологическая «теория о том, что вера, особенно магическая или религиозная, — это самый действенный фактор в человеческой судьбе, является, наверное, старейшей формой социальной теории» (стр. 662).

С другой стороны, в книге Сорокина четко выражена концепция, согласно которой эти древние идеи были существенным образом разработаны в более поздних работах, не являющихся «простыми повторениями». Это выражено в следующем противоречивом замечании: «...ни Конт, ни Виниарский, ни кто-либо другой из социологов конца девятнадцатого века не может претендовать на то, что является родоначальником вышеизложенной или *практически любой другой теории*. Они *лишь развивали* то, что было известно много веков и даже тысячелетий назад» (стр. 368, курсив мой). Или опять: социологическая школа, «как почти все современные социологические системы, зародилась в далеком прошлом. С тех пор с *различными вариациями* принципы этой школы можно обнаружить во всей истории социальной мысли» (стр. 437; курсив мой).

Эта промежуточная формулировка допускает возможность важных новых отправных точек в истории социологической мысли. Так, И. Де Роберти назван «одним из первых пионеров в социологии» (стр. 438); Ковалевский «разработал свою [демографическую] теорию независимо от Лориа на три года раньше» (стр. 390п); блистательный Тард «оставил много оригинальных планов, идей и теорий» (стр. 637); недавние изучения общественного мнения «значительно прояснили наше представление об этих явлениях» (стр. 706); Гиддингс — «пионер американской и мировой социологии» (стр. 727п); и как последний пример развития за счет постоянных дополнений к имеющимся знаниям: «социальная физиология... таким образом, шаг за шагом... была расширена, и в настоящий момент мы наблюдаем первые попытки построить общую, но основанную на фактах теорию социальной мобильности» (стр. 748).

Это стремление распознать степени сходства между более старыми и более современными теориями становится намного более замет-

ной в парном томе Сорокина «Социологические теории сегодня»⁵¹, опубликованном тридцать лет спустя. Какая-то часть того, что в прежней работе описывалось как предоткрытия, теперь фактически трактуется как предвидения, а названное ранее предвидениями — **как** предвосхищения. Новая работа остается такой же непримиримо критической, **как** и прежняя, но тем не менее, за редкими исключениями, передает ощущение роста и развития в теории. Два примера, выделенных курсивом, отражают этот сдвиг во взглядах автора.

Шпенглер и Данилевский: от предоткрытия до предвидения

Так, теории О. Шпенглера были предугаданы полвека назад. Фактически по всем своим существенным характеристикам работа Шпенглера — *простое повторение* социальных рассуждений Леонтьева и Данилевского [а поскольку Данилевский опередил Леонтьева на четыре года, работа Леонтьева, надо думать, тоже «простое повторение»]. (*Современные социологические теории*, стр. 26п, курсив мой.)

Как «простое повторение» работа Шпенглера казалась бы излишней, поскольку ее ничто не отличает от работы предшественников. Но более позднее и более разборчивое суждение Сорокина указывает на обратное:

Книга Шпенглера «Закат Европы», опубликованная в 1918 г., оказалась одним из самых значительных, противоречивых и долговечных шедевров первой половины двадцатого века в областях социологии культуры, философии истории и немецкой философии. Хотя в целом по своему характеру «Закат Европы» *полностью отличается* от работы Данилевского, тем не менее ее основная концептуальная структура напоминает труд Данилевского во всех важных моментах... Многие страницы, посвященные Шпенглером детальному анализу этих трансформаций [в цикле социальных форм или систем], отличаются *новизной*, пронизательностью и являются *классическими*... Несмотря на недостатки, «Закат Европы» вполне может остаться одной из наиболее важных работ первой половины двадцатого столетия. («Социологические теории сегодня», стр. 187, 196—197.)

Маркс — Энгельс и их предшественники: от выискивания предвосхищений к предвидению

Что касается оригинальности и теоретического содержания Марксовой материалистической концепции истории (но не практического влияния Маркса) в настоящий момент... видимо, *нет возможности ут-*

⁵¹ Pitirim A. Sorokin, *Sociological Theory of Today* (New York: Harper & Row, 1966).

верждать, что Маркс привнес хоть одну новую идею в эту область или дал новый и лучший в научном отношении синтез идей, существовавших до него (ССТ, 520п, курсив мой).

В своей прежней работе Сорокин продолжает повторять, что ни в конкретных идеях, ни в теоретическом синтезе Маркса и Энгельса нет ни толики оригинальности; заканчивает он классическим кредо искателя предвосхищений:

Первое: с чисто научной точки зрения, что касается ее здравых элементов, в их теории нет ничего, что не было бы сказано более ранними авторами; второе: действительно оригинальные идеи являются совершенно ненаучными; третье: единственное достоинство их теории в том, что в ней в несколько более сильном и расширенном виде обобщены идеи, высказанные до Маркса... Нет никаких оснований считать их научный вклад более чем средним (ССТ, 545).

В своей более поздней работе Сорокин, продолжая сильно критиковать теорию Маркса⁵² и обоснованно утверждать, что она не возникла *ex nihilo**, готов признать за ней особую интеллектуальную (а не просто политическую) роль.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс, разделив социокультурные отношения на два класса — «производственные отношения, [которые] составляют экономическую структуру общества», и «идеологическую надстройку, «...дали новую жизнь и полное развитие экономической разнovidное-

⁵² Сама же теория Маркса, касающаяся исторического развития науки и мышления, конечно, предполагает, *то ex nihilo nihil fit*. Как выразился Маркс при известной попытке отделить прежнюю массу накопленных идей от своих собственных дополнений к ней: «...мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*». (Письмо Маркса Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, М., Госполитиздат, 1962. — т. 28, сс. 424—427.) Нет необходимости принимать самооценку Маркса за чистую монету; два из этих трех вкладов сомнительные проекты относительно будущего, и, как свидетельствует поздний Сорокин, Маркс внес вклад не только в теорию общественных классов. Дело в том, что и в письме Маркса, и у позднего Сорокина есть попытка различить простое предоткрытие и аналитические или синтетические дополнения, развивающие знания. — *Примеч. автора.*

* из ничего, на пустом месте (*лат.*).

ти дихотомических теорий. Почти все недавние теории такого рода представляют собой *разновидности и разработки* этого различия, проводимого Марксом и Энгельсом... Теория Маркса, по сути, является прототипом всех рассмотренных мною более поздних теорий (СТС, 289, 296; курсив мой).

Если более позднюю работу Сорокина взять за образец, то мы, возможно, наблюдаем сдвиг в сторону более дифференцированного подхода к развитию социологических идей. Это только идет на пользу. Если отказаться от выискивания предвосхищений, то социологи смогут непредвзято сосредоточиться на выяснении того, *в каком именно отношении* более новые разработки идей построены на прежних, чтобы проанализировать характер и условия преемственности в социологической науке.

Гуманитарный и естественнонаучный аспекты социологии

Контраст между отношением точных и гуманитарных наук к великим классическим трудам отмечался часто. Он вызван глубокими различиями в типах избирательной аккумуляции, происходящей в цивилизации (куда входят наука и техника) и в культуре (куда входят гуманитарные науки и ценностные формы)⁵³. В более точных науках избирательная аккумуляция знаний означает, что классический вклад, сделанный гениальными или необыкновенно одаренными людьми в прошлом, во многом развивается в более поздних работах и часто людьми явно менее талантливыми.

О наличии подлинно кумулятивного знания свидетельствует тот факт, что сегодня человеку с заурядными способностями по силам решение задач, к которым не могли подступиться великие умы про-

⁵³ Различие между обществом, культурой и цивилизацией было подчеркнуто Альфредом Вебером в «Prinzipiellen zur Kulturosoziologie: Gesellschaftsprozess, Zivilisationsprozess und Kulturbewegung», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1920, 47, 1—49. Похожий анализ см.: R.M. MacIver, *Society: Its Structure and Changes* (New York: Long & Smith, 1931), 225—236, и более позднее обсуждение: Merton, «Civilization and Culture», *Sociology and Social Research*, нояб.-дек. 1936, 21, 103—113. Примеры тенденции к смешению истории и систематики теории см. краткие обзоры понятий «культуры» и «цивилизации», использованных Гердером, Гумбольдтом, Гизо, Э. Дюбуа-Реймоном, Вундтом, Фергюсоном, Морганом, Тайлором, Боклем, Гете, и т. д. в следующих работах: Paul Barth, *Die Philosophie der Geschichte als Soziologie* (Leipzig: Reissland, 1922), 597—613; Y.S. Stoltenberg, «Seele, Geist und Gruppe», *Schmollers Jahrbuch*, 1929. LV, 105ff.; R. Eucken, «Geschichte und Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart» (Leipzig: 1878), 1871T. Сорокин дает критический обзор этой системы анализа в своих *Sociological Theories of Today*, глава 10. — *Примеч. автора.*

шлого. Студент-математик умеет идентифицировать и решать задачи не поддавшиеся усилиям Лейбница, Ньютона или Коши⁵⁴.

Поскольку в более точных науках теория и данные довольно далекого прошлого в большой мере входят в состав современного кумулятивного знания, то упоминание великих авторитетов прошлого главным образом приходится на историю дисциплины; а ученые на своих рабочих местах и в трудах в первую очередь пользуются недавними достижениями, развившими эти прежние открытия. В результате прежние и часто более весомые научные достижения часто предаются забвению (за редкими и иногда существенными исключениями), поскольку их поглощает более поздняя работа.

В гуманитарных областях все обстоит иначе: с каждой классической работой — каждым стихотворением, драмой, эссе или историческим исследованием — последующие поколения гуманитариев знакомятся непосредственно. По образному выражению Дерека Прайса, «кумулятивная структура естественных наук имеет фактуру с последовательным соединением элементов, подобно вязанию, тогда как фактура гуманитарной области больше напоминает беспорядочное плетение, в котором любая точка с равной вероятностью может быть связана с любой другой»⁵⁵. Короче говоря, личное знакомство с произведениями классиков играет малую роль в физических и биологических науках и очень большую в работе гуманитариев.

Кесслер, другой специалист по информационным системам в науке, изложил эту мысль в намеренно провокационной, если не возмутительной манере:

В научной литературе даже шедевры со временем потеряют всю ценность, кроме исторической. В этом основная разница между научной и художественной литературой. Немыслимо, например, чтобы человек, серьезно изучающий английскую литературу, не читал Шекспира, Милтона или Скотта. А тот, кто всерьез занимается физикой, может спокойно проигнорировать первоисточники Ньютона, Фарадея и Максвелла⁵⁶.

Стиль Кесслера на то и направлен, чтобы вызвать возмущение читателя. И действительно, с точки зрения гуманизма и истории на-

⁵⁴ Charles C. Gillespie, *The Edge of Objectivity: An Essay in the History of Scientific Ideas* (Princeton University Press, 1960), 8. «...каждый первокурсник колледжа знает физику в большем объеме, чем Галилей, который в первую очередь заслужил честь считаться основателем современной науки, и знает больше Ньютона, ум которого превосходил все другие, обращавшиеся к природе». — *Примеч. автора*.

⁵⁵ Derek J. De Solla Price, «The scientific foundations of science policy», *Nature*, апрель 17, 1965, 206, № 4981, 233-238. — *Примеч. автора*.

⁵⁶ M.M. Kessler, «Technical information flow patterns», *Proceedings, Western Joint Computer Conference*, May 9, 1961, 247—257. — *Примеч. автора*.

уки, это утверждение кажется выражением современного невежества. Многим из нас трудно отделить свой преисполненный признательности прошлому интерес к истории, к трудам основоположников от увлеченности работой, направленной на развитие современной науки и почти не требующей непосредственного знакомства с *Principia* Ньютона или *Traite* Лавуазье. Тем не менее такое же замечание, как у Кесслера, красноречиво высказал один из основателей современной социологии. Рассматривая основное предназначение науки — включение новых знаний и тем самым расширение ее сферы через призму личности ученого, Макс Вебер отмечает:

...каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 30, 40 лет, такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры, всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным. С этим должен смириться каждый, кто хочет служить науке. Научные работы могут, конечно, долго сохранять свое значение, доставляя «наслаждение» своими художественными качествами или оставаясь средством обучения научной работе. Но быть превзойденным в научном отношении — не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот процесс уходит в бесконечность⁵⁷.

Социологи, балансируя между представителями естественных и гуманитарных наук, испытывают давление в ориентации на классические достижения с обеих сторон и не торопятся брать на себя обязательства, описанные Вебером. Лишь некоторые из них уступают и полностью принимают либо естественнонаучную ориентацию, предложенную Вебером, либо гуманитарную. Большинство, по всей видимости, колеблется, а некоторые пытаются их объединить. Эти попытки соединить естественнонаучную и гуманитарную ориентации обычно приводят к смешению систематики социологической теории с ее историей.

То, что в процессе кумуляции знаний социальные науки находятся между естественными и гуманитарными, убедительно подтверждается так называемым исследованием ссылок, где сравниваются распределения дат публикаций, на которые ссылаются в нескольких определенных областях. Полученные данные исключительно закономерны. В естественных науках — представленных такими журналами, как

⁵⁷ М. Вебер. Наука как призвание и профессия. — В М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990, с. 712. — *Примеч. автора.*

«*физикалревью*» и «*Аапрофизикал джорнал*», — примерно от 60% до 70% ссылок относятся к публикациям, появляющимся за предшествующие пять лет, в гуманитарных науках — представленных такими журналами как «*Американ хисторикал ревю*», «*Арт Бюллетин*» и «*Джорнал ов Истетикс энд арт критисизм*», — соответствующие цифры колеблются от 10% до 20%. Между ними социальные науки — представленные такими журналами, как «*Американ социолоджи кал ревю*», «*Американ джорнал ов социолоджи*» и «*Бритиш джорнал ов сайкологджи*», — где от 30% до 50% ссылок относятся к публикациям предшествующих пяти лет⁵⁸. Другие исследования ссылок подтверждают, что эти данные типичны в общих чертах.

В одном отношении социология принимает ориентацию и практику естественных наук. Исследование движется от рубежей, установленных кумулятивной работой прошлых поколений; социология, именно в этом отношении, отличается исторической близорукостью, узостью кругозора и плодотворности. Но в другом отношении социология сохраняет свое родство с гуманитарными науками. Она не желает отказать от личного знакомства с классическими произведениями социологии и предсоциологии как от неотъемлемой части работы социолога *quia* социолога. Каждый современный социолог с претензией на социологическую грамотность непосредственно и многократно встречался с работами основателей: Конта, Маркса и Спенсера, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля и Парето, Самнера, Кули и Веблена и других талантливых людей, оставивших неизгладимый след в современной социологии. Поскольку я тоже обращался к наследию прошлого, даже до того, как нашел этому разумное обоснование, и поскольку отчасти и сейчас не желаю отказаться от общения с классиками, это может послужить достаточным основанием для размышления о характере и причинах этого нежелания.

⁵⁸ Я благодарен Дереку Дж. де Солла Прайсу за то, что получил доступ к его еще не опубликованному данным, основанному на 154 подшивках журналов в различных областях науки. Огромное количество упоминаний включает: P.E. Burton and R.W. Keebler, «'Half-life' of some scientific and technical literatures», *American Documentation*, 1960, 11, 18—22; R.N. Broadus, «An analysis of literature cited in the American Sociological Review», *American Sociological Review*, июнь 1952, 17, 355—356, и «A citation study for sociology», *The American Sociologist*, февраль 1967, 2, 19—20; Charles E. Osgood and Louis V. Xhignesse, «Characteristics of bibliographical coverage in psychological journals published in 1950 and 1960». *Institute of Communications Research, University of Illinois, март 1963*. В дифференцированных исследованиях ссылок необходимо, конечно, различать ссылки на исследования и на «необработанные данные», т.е. исторические документы, стихотворения и другую литературу далекого прошлого, которые критически заново оценивают гуманитарии. — *Примеч. автора.*

Эрудиция и оригинальность

Влечение социологов к работам своих предшественников не окутано тайной. Во многом социологическую теорию, представленную новыми членами этого прославленного генеалогического древа, отличает непосредственная связь с прошлым, и современная теория отчасти откликается на многие до сих пор не решенные проблемы, выделенные предшественниками.

Однако интерес к классическим произведениям прошлого также вызвал интеллектуально дегенеративные тенденции в истории идей. Первая из них — это слепое благоговение почти перед каждым высказыванием блистательных предков. Оно не раз звучало в самоотверженном, но в целом бесплодном для науки толковании комментатора. На этот обычай как раз и ссылается Уайтхед в эпиграфе к данной главе: «Наука, которая не торопится забыть своих основателей, обречена». Вторая дегенеративная форма — это превращение в банальность. Ведь один из способов превратить истину в заезженный и все более сомнительный штамп — это чтобы ее часто повторяли, желательно в неосознанно искаженном виде, те, кто ее не понимает. (Примером является часто высказываемое предположение, что Дюркгейм отводил огромное место насилию в общественной жизни, развив концепцию «принуждения» как одной из характеристик социальных фактов.) Превращение в банальность — отличное средство истощить истину, выжав из нее все соки.

Короче говоря, изучение классических произведений может быть или прискорбно бесполезным, или удивительно полезным. Все зависит от того, какую форму принимает это изучение: бесплодного простого толкования классики и превращения истины в банальность или активного развития и разработки теоретических наметок авторитетных предшественников. Огромная пропасть разделяет эти два подхода и обуславливает двойственное отношение ученых к постоянному чтению первоисточников.

У этой двойственности есть исторические и психологические корни. Со времени зарождения современной науки доказывалось, что ученым надо знать работу предшественников, чтобы исходить из того, что уже сделано, и отдать должное тем, кто этого заслуживает. Даже самый ярый проповедник антисхоластики Фрэнсис Бэкон считал это само собой разумеющимся: «Когда человек, готовясь и приступая к какому-либо исследованию, прежде всего отыскивает и изучает сказанное об этом другими, затем он прибавляет свои соображения и посредством усиленной работы разума возбуждает свой дух и как бы

призывает его открыть свои прорицания»⁵⁹. С тех пор такая практика закрепились в требованиях к научным статьям: в них должен быть обзор теории и исследований, имеющих отношение к рассматриваемым проблемам. Логическое обоснование этого и понятно, и знакомо: незнание прежних работ часто обрекает ученого на открытие того, что уже известно. Вот как Сорокин изложил это для нашей области знаний:

Не зная, что конкретная теория была давно разработана или что конкретная проблема тщательно изучена многими предшественниками, социолог вполне может потратить время и силы на открытие новой социологической Америки, когда ее уже давно открыли. Вместо того чтобы с удобствами пересечь научную Атлантику за короткий период времени, необходимый для изучения достигнутого ранее, такой социолог вынужден перенести все испытания Колумба лишь для того, чтобы обнаружить уже после напрасной траты времени и сил, что его открытие давно сделано и все испытания были впустую. Обнаружить такое — трагедия для ученого и пустая трата ценного для общества и социологии дарования⁶⁰.

Ту же картину не раз отмечали и в других областях науки. Гениальный физик Кларк Максвелл (проявлявший огромный, хотя и не профессиональный интерес к социологии того времени) заметил на заре своей научной карьеры: «Я читаю старые книги по оптике и нахожу в них много такого, что гораздо лучше, чем новое. Зарубежные математики сейчас сами открывают методы, хорошо известные в Кембридже еще в 1720 году, но ныне забытые»⁶¹.

Так как политика и отчасти практика поиска предшествующей литературы давно стали правилом в науке, научные исследования перестали нуждаться в каком-нибудь другом документальном подтверждении. Но противоположная тенденция, не получившая официального признания, но все же часто проявляющаяся на практике, требует обширного документального подтверждения, если мы хотим понять двойственное отношение ученых к эрудиции.

Примерно на протяжении последних четырех столетий выдающиеся ученые мужи предупреждали о возможных опасностях эрудиции. Исторические корни этого отношения кроются в неприятии схоластического подхода комментатора и толкователя. Так, у Галилея звучит громкий призыв:

⁵⁹ Фрэнсис Бэкон Вереуламский. Новый органон. — Л.: Соцэкгиз, 1935. — Афоризм LXXXII, с. 149. — *Примеч. автора.*

⁶⁰ Sorokin, *Contemporary Sociological Theories* XVIII—XIX. — *Примеч. автора.*

⁶¹ Lewis Campbell and William Garnett, *The Life of James Clerk Maxwell* (London: Macmillan and Co., 1884), 162. — *Примеч. автора.*

...человеку не стать философом, если его все время будет волновать написанное другими, и он никогда не посмотрит своими глазами на творения природы, пытаясь распознать в ней уже известные истины и исследовать некоторые из бесчисленного числа тех, которые еще предстоит открыть. Так, я считаю, философом никогда не станешь, а будешь всего лишь учеником других философов и знатоком их работ⁶².

Уилльям Харви вторит ему (выразительностью сказанного глубоко поразив Кларка Максвелла, тоже испытывавшего противоречивые чувства к эрудиции):

Все те, кто читает авторов, а не выводит сам посредством своего ума истинные утверждения о вещах (выражая свое авторское понимание), воспринимают не истинные идеи, а лишь обманчивые идола и фантомы; тем самым они создают себе некие тени и химеры, и вся их теория и размышления (которые они зовут наукой) есть не что иное, как сны наяву и фантазии больного воображения⁶³.

Со временем эту двойственность по отношению к эрудиции некоторые превратили в выбор между ученостью и творческой научной работой. К концу семнадцатого века Темпл, апологет древних мыслителей, знавший о естественных науках лишь понаслышке, был готов высмеять современных авторов, которые не хотели ограничиваться древней мудростью:

Окажись эти рассуждения верными, я уж тогда не знаю, на какие преимущества могут претендовать современные Знания по сравнению с теми знаниями, которые мы получаем от Древних. В этом случае люди скорее многое потеряют, а не приобретут, возможно, они ослабят Силу и Развитие своего Гения, сдерживая его и формируя на основе чужого, будут меньше иметь собственных знаний, удовольствовавшись знаниями тех, кто был раньше... К тому же, кто знает, а вдруг ученость ослабит Творческое начало в человеке, имеющем огромные преимущества от Природы и Рождения, вдруг весомость и количество идей и понятий у такого множества других людей подавят его собственные или затруднят их движение и пульсацию, из которых и возникают все открытия⁶⁴.

То, что Темпл от полного незнания ученых считал смешным, было всерьез воспринято великими учеными позже. Их двойственное отношение к эрудиции было выражено недвусмысленно. Напри-

⁶² *Le Opere di Galileo Galilei, Edizione Nazione* (Firenze: Tipographia di G. Barbera, 1892), III, i. 395. — *Примеч. автора*.

⁶³ Campbell and Gavnett, op. cit., 277. — *Примеч. автора*.

⁶⁴ Sir William Temple's, *Essays on Ancient and Modern Learning*, изданные J.E. Spingam (Oxford: Clarendon Press, 1909), 18. — *Примеч. автора*.

мер, Клод Бернар допускает, что человек науки должен знать работу своих предшественников. Но, продолжает он, чтение даже такой «полезной научной литературы... не должно заходить слишком далеко, чтобы не иссушить ум и не задушить изобретательность и научное творчество. Какую пользу можем мы извлечь, выкапывая источенные червями теории или результаты наблюдений, полученные без должных методов исследования?». Словом, «неправильно понятая эрудиция была и до сих пор является одной из главных преград на пути развития экспериментальной науки»⁶⁵.

Такая широта ума, как у Бернара, явно позволяла относительно легко справиться с этим двойственным отношением, остановившись на выборочном чтении работ, непосредственно относящихся к собственной экспериментальной и теоретической работе. Математик Литтлвуд, подобно самому Бернару, решил эту проблему, обратившись сначала к своим собственным идеям, а *потом* проверив их по предшествующей литературе, прежде чем опубликовать свои результаты⁶⁶. Тем самым Бернар и Литтлвуд «замкнули цикл», вернувшись к практике, которую отстаивали светила в науке задолго до них⁶⁷.

⁶⁵ Claude Bernard, *An Introduction to the Study of Experimental Medicine* (New York: Henry Schuman, 1949; впервые опубликовано в 1865 г.), 145, 141. — *Примеч. автора.*

⁶⁶ J.E. Littlewood, *A Mathematician's Miscellany* (London, Methuen Publishing Co., 1953), 82—83. «Это, конечно, хороший способ — и я часто прибегал к нему — *начинать*, не слишком погружаясь в существующую литературу» (курсив мой). Charles Richet, *The Natural History of a Savant*, trans by Sir Oliver Lodge (New York: George H. Doran Co., 1927), 43—44, формулирует этот способ так: «Информированный человек... может знать слишком много о том, что напечатано другими, и не сохранить оригинальность своего подхода. Наверно, было бы лучше никогда не публиковать результаты эксперимента, тщательно не изучив соответствующую библиографию, и все же лучше не отягощать себя слишком большими знаниями перед проведением эксперимента». — *Примеч. автора.*

" Д-р И. Бернар в письме Джону Коллинзу 3 апреля 1671 г.: «Книги и эксперименты хороши в сочетании друг с другом, но, взятые отдельно, страдают недостатками, поскольку работу человека неосведомленного невольно предвосхитят труды древних, а начитанного вводит в заблуждение вымысел вместо науки». Stephen Peter Rigaud, ed. *Correspondence of Scientific Men of the 17th Century* (Oxford: at the University Press, 1981), 1, 158. О взаимосвязи эрудиции и личных наблюдений см. также высказывание врача XVII—XVIII веков Джона Фрейнда: «Каждый врач хочет и должен делать заключения, исходя из своей врачебной практики; но он сможет высказать лучшее суждение и дать более справедливое заключение, сравнивая то, что читает и что видит. Когда я говорю, что и то, и другое стало бы более плодотворным и совершенным благодаря поиску и изучению мнений и методов тех, кто жил раньше, не стоит считать мои слова оскорблением для интеллекта любого человека, особенно учитывая то обстоятельство, что ему никто не мешает самому рассуждать и он не обязан вдаваться в понятия автора больше, чем сочтет разумным и применимым к практике. Поэтому не надо опасаться, что чтение скажется на его природной сообразительности, какова

Другие преодолевают свое двойственное отношение к эрудиции главным образом тем, что отказываются от всякой попытки сделать хорошее знание предшествующей литературы необходимым условием продвижения в своей собственной работе. В социальных науках есть свой ряд примеров такого приспособления к ситуации. Давным-давно Вико готов был с радостью процитировать замечание Гоббса, что если бы он прочитал так же много, как другие, то и знал бы так же мало⁶⁸. Герберт Спенсер — о котором можно сказать, что никто до него не писал так много, зная столь мало о том, что уже написано по такому же широкому кругу вопросов, — превратил и свое неприятие авторитетов по отношению к авторитетам, и свою болезнь (у него от чтения кружилась голова) в философию исследования, не предполагавшую знакомство с работами предшественников⁶⁹. И Фрейд тоже неоднократно и вполне осознанно в своих клинических исследованиях и в своей теории не считал нужным обращаться к предшествующим работам. Как он однажды выразился: «Я на самом деле очень мало знаком со своими предшественниками. Если мы когда-нибудь встретимся в мире ином, они меня, конечно, заклеят плагиатором. Но это такое удовольствие исследовать что-то самому, а не читать об этом литературу». И еще: «В последние годы я отказал себе в огромном удовольствии читать работы Ницше из тех соображений, чтобы моей работе над впечатлениями, полученными в ходе психоанализа, не мешали никакие ожидания, полученные извне. Так что мне нужно быть готовым — и я с радостью готов — отказаться от всех притязаний на приоритет во многих случаях, когда тщательное психоаналитическое исследование может лишь подтвердить истины, которые этот философ постиг интуитивно»⁷⁰.

Заметим, что именно основоположнику социологии удалось довести этот способ адаптации к конфликту между эрудицией и творчеством до абсурда. В течение двенадцати лет, посвященных написанию «Курса позитивной философии», Конт следовал «принципу умственной

бы она ни была, сбивая с пути и вводя в заблуждение. *History of Physic* (London: 1725—1726), I, 292. — *Примеч. автора.*

⁶⁸ *The Autobiography of Giambattista Vico*. Перевод Max Harold Fisch and Thomas Goddard Bergin (Ithaca, New York: Great Seal Books, 1963). — *Примеч. автора.*

⁶⁹ *Autobiography of Herbert Spencer* (New York: D. Appleton & Co., 1904). — *Примеч. автора.*

⁷⁰ Первое замечание — из письма Фрейда к Пфистеру, 12 июля, 1909 г.; второе — из его «Истории психоаналитического движения», *Collected Papers*, I, 297. Фрейд не зря предвидел, что позднее откопают всякого рода предвидения его работ; см. под борку как давних, так и недавних «предвидений» в Lancelot Law Whyte *The Unconscious Before Freud* (New York: Basic Books, Inc., 1960). — *Примеч. автора.*

гигиены» — он очистил свой мозг от всего, кроме собственных идей, с помощью простого способа: не читая ничего, что хотя бы отдаленно относилось к его теме. Он с гордостью писал об этом А.Б. Джонсону: «Что касается меня, я не читал ничего, кроме великих поэтов, древних и современных. Умственная гигиена действует на меня чрезвычайно благотворно, особенно способствуя сохранению оригинальности собственных только мне рассуждений»⁷¹. Таким образом, мы видим, как Конт проводит окончательное — и в своей крайности абсурдное — разграничение истории и систематики социологии. Как историк науки он пытался воссоздать ее развитие, довольно обстоятельно познакомившись с трудами классиков, тогда как в качестве зачинателя позитивистской *системы* социологической теории он преднамеренно игнорировал непосредственно предшествующие ему идеи — в том числе и идеи своего бывшего наставника Сен-Симона, — чтобы добиться специфически понимаемой им оригинальности своих суждений.

Как мы уже видели, исторически повторяющееся противостояние эрудиции и творчества — это проблема, которую еще предстоит решить. С семнадцатого века ученые предупреждали, что эрудиция часто толкает на чисто схоластические толкования прежних трудов вместо нового эмпирического исследования и что сильное увлечение прежними идеями сковывает творчество, лишая мышление гибкости. Но, несмотря на эти опасности, великие ученые смогли соединить эрудицию и творческий поиск ради продвижения науки, либо читая лишь самые последние исследования по своей проблеме, которые, по-видимому, вбирают в себя соответствующие накопленные в прошлом знания, либо изучая более далекие источники только после завершения своего исследования. Однако экстремальные попытки освободиться от предшествующих идей — как это сделал Конт — могут переродиться в осознанное пренебрежение всей существенной теорией прошлого и в искусственное разделение истории и систематики теории.

Функции классической теории

Даже основоположнику нельзя позволить исказить исследуемую нами фундаментальную разницу между подлинной историей и систематикой социологической теории, поскольку различие, подчеркиваемое нами, мало, если вообще похоже на разграничение, сделанное

Письмо было адресовано Александру Брайану Джонсону и напечатано в новом издании его замечательного «Трактата о языке» [*Treatise on Language*], ed. by. David Rymn (Berkeley University of California Press, 1959), 5—6. — *Примеч. автора.*

Контом. Истинная *история* социологической теории должна представлять собой нечто большее, чем хронологически упорядоченный набор критических обзоров определенных доктрин. Она должна заниматься взаимодействием теории и таких вопросов, как социальное происхождение и статусы ее представителей, меняющаяся социальная организация социологии, изменения идей в результате их распространения, и их связи с окружающей социальной и культурной структурой. Теперь мы хотим обрисовать некоторые отличительные функции систематики теорий, основываясь при этом на классических формулировках социологической теории.

Ситуация в естественных и биологических науках продолжает значительно отличаться от ситуации в социальных науках и социологии в частности. Хотя физику как таковому нет необходимости с головой уходить в *Principia* Ньютона или биологу как таковому читать и перечитывать «Происхождение видов» Дарвина, то у социолога как такового скорее, чем у историка социологии, есть достаточные основания изучать работы Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, коли на то пошло, иногда возвращаться к работам Гоббса, Руссо, Кондорсе или Сен-Симона.

Причина этого различия была изучена здесь детально. Данные говорят о том, что в целом естествознание больше, чем социальные науки, преуспело в извлечении соответствующих накопленных ранее сведений и во включении их в последующие формулировки. В социологии случаи забвения классических формулировок из-за такого включения встречаются пока редко. В результате не извлеченную никем ранее информацию все еще можно успешно использовать как новую отправную точку и современное применение прошлой теории весьма разнообразно, о чем свидетельствует диапазон функций, которые выполняют ссылки на классическую теорию.

Иногда цель ссылки состоит в том, чтобы просто прокомментировать классиков или привлечь авторитетный источник и тем самым придать весомость теперешним идеям. Цитата приводится для того, чтобы отразить элементы родства между собственными идеями и идеями предшественников. Многим социологам доводилось пережить удар по самолюбию, когда они обнаруживали, что самостоятельно сделанное ими открытие поневоле оказывается *повторным* и что, более того, язык этого классического предоткрытия, давно исчезнувшего из поля зрения, настолько живой, выразительный или настолько содержательный, что их собственное открытие становится всего лишь второстепенным. Раздираемые противоположными чувствами — переживая, что их опередили, и наслаждаясь красотой прежней формулировки, они цитируют классическую идею.

Лишь немногим отличаются от таких ссылок на классические труды те заметки, которые делает читатель, переполненный своими соб-

ственными идеями, когда обнаруживает в ранней книге именно то, к чему пришел сам. Идею, пока незаметную другим читателям, отмечают именно потому, что она близка разработавшему ее самостоятельно. Часто предполагают, что упоминание раннего источника *обязательно* означает, что идея или данные в этой ссылке впервые пришли в голову после чтения классиков. Однако есть много свидетельств тому, что более ранний отрывок замечают лишь потому, что он согласуется с тем, к чему читатель уже пришел сам. Здесь мы сталкиваемся с невероятным событием: диалогом между мертвыми и живыми. Они не слишком отличаются от диалогов между современными учеными, в которых каждый радуется, когда обнаружит, что другой согласен с тем, что до сих пор было идеей, рассматриваемой в одиночестве и, возможно, даже казавшейся сомнительной. Идеи приобретают новую весомость, когда их самостоятельно высказывает другой, будь то в печати или в разговоре. Когда ученый наталкивается на них в печати, то единственное преимущество заключается в уверенности, что ученый знает, что не было неумышленного пересечения книги или статьи со своей более ранней формулировкой той же идеи.

Есть еще один способ ведения «диалога» с классическими трудами. Современный социолог часто наталкивается на трактовку классиков, подвергающую сомнению идею, которую он готов был выдвинуть как состоятельную. Следующие за этим размышления действуют отрезвляюще. Более поздний теоретик, вынужденный допустить, что он ошибся, заново исследует свою идею и, если находит, что она действительно несовершенна, формулирует ее в новом варианте, извлекая пользу из состоявшегося, но нигде не зарегистрированного диалога.

Четвертая функция классиков в том, что они являются эталоном интеллектуальной работы. Следя затем, как глубоко проникают в суть явлений великие умы, такие, какими в социологии были Дюркгейм и Вебер, мы обретаем критерии, необходимые для настоящей социологической проблемы — той, которая осмысливается теорией, — и узнаем, что представляет собой адекватное теоретическое решение проблемы. Классики — это то, что Салвемини любил называть *libri fecondatori* — книги, развивающие способности требовательных читателей, которые уделяют им пристальное внимание. Видимо, именно этот процесс и заставил великого юного норвежского математика Нильса Абеля отметить в своей записной книжке: «Мне кажется, что если хочешь добиться чего-то в математике, надо изучать учителей, а не учеников»⁷².

Отрывок из записной книжки Абеля приводится в Oystein Ore, *Niels Henrik Abel: Mathematician Extraordinary* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1957), 138. — Примеч. автора.

В конце концов, если классическая социологическая книга или статья стоит того, чтобы ее вообще читать, то ее стоит и периодически перечитывать, поскольку то, что сообщает печатная страница, отчасти меняется в результате взаимодействия между покойным автором и живым читателем. Точно так же, как бывает разной *Песня песней*, когда читаешь ее в 17 лет и в 70, так и «Wirtschaft und Gesellschaft» Вебера, «Самоубийство» Дюркгейма или «Soziologie» Зиммеля различны, когда их читают в разные времена. Ибо точно так же, как новые сведения имеют обратное воздействие, помогая распознать предвидение и предвосхищение в ранних работах, так и изменения в современной социологической науке, проблемах и круге интересов социологов позволяют найти *новые* идеи в работе, которую мы уже читали. Новый контекст текущих достижений в нашей собственной интеллектуальной жизни или в самой дисциплине высвечивает идеи или намеки на идеи, которые мы упустили, читая работу раньше. Конечно, этот процесс требует интенсивного чтения классиков и такого рода сосредоточенности, которую проявил тот воистину преданный науке ученый (описанный Эдмундом Уилсоном), который, когда его работу прервал стук в дверь, открыл ее, задушил незнакомца, стоявшего на пороге, и затем снова вернулся к своей работе.

В качестве неформальной проверки потенциально творческой функции перечитывания классиков достаточно изучить записи на полях и другие заметки, сделанные нами в классической работе, когда мы ее читали, а затем перечитывали годы спустя. Если книга сообщает нам абсолютно то же самое во второй раз, мы или переживаем сильный интеллектуальный застой, или в классической работе меньше интеллектуальной глубины, чем ей приписывалось, или, к несчастью, верно и то и другое.

То, что характерно для интеллектуальной жизни отдельного социолога, может стать типичным для целых поколений социологов. Ведь по мере того, как каждое новое поколение накапливает свой собственный запас знаний и тем самым повышает свою восприимчивость к новым теоретическим проблемам, оно начинает видеть много нового в прежних работах, сколько бы ни обращались к ним до этого. В пользу перечитывания старых работ можно сказать многое, особенно в такой не полностью сложившейся области, как социология, при условии, что это изучение представляет собой нечто большее, чем бездумную мимикрию, посредством которой серость выражает свою признательность величию. Повторное чтение прежней работы при свежем восприятии позволяет современным социологам по-новому воспринимать то, что неясно вырисовывалось в ходе первоначального

изучения, и в результате объединить старое, полусформировавшееся представление и проходящее заново исследование.

Таким образом, помимо чтения классиков с целью написания истории социологической теории, знакомство с ними и повторное обращение к их трудам имеет ряд функций. Они таковы: искреннее удовольствие при нахождении эстетически привлекательного и более убедительного варианта своих собственных идей, удовлетворение от независимого подтверждения этих идей великими умами, воспитательная функция установления эталонов социологической работы и эффект взаимодействия при разработке новых идей, когда обращаются к более старым работам в контексте современных знаний. Каждая функция вызвана недостаточной востребованностью прошлой социологической теории, которую еще пока полностью не впитала в себя последующая идея. По этой причине социологи в наши дни должны и впредь вести себя не так, как их современники в естественных науках, и больше уделять внимания знакомству с не такими уж далекими предшественниками-классиками. Но если их цель — творчество, а не ханжеское почитание, если они хотят *использовать* прежние формулировки теории, а не просто испытывать благоговение перед ними, они должны отличать схоластическую практику комментария и толкования от научной практики расширения предшествующей теории. И что самое важное, социологам надо различать две совершенно самостоятельные задачи: развитие истории социологической теории и развитие ее современной систематики.

II. О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Подобно многим другим часто применяемым словам, слово «теория» грозит стать бессмысленным. Из-за разнообразия его референтных значений — куда входит все: от второстепенных рабочих гипотез и обстоятельных, но туманных и неупорядоченных рассуждений до аксиоматических систем мышления — употребление этого слова скорее затрудняет понимание, чем способствует ему.

Во всей этой книге термин *социологическая теория* относится к логически взаимосвязанным множествам утверждений, из которых можно вывести эмпирические закономерности. Везде в центре нашего внимания находится то, что я называю *теориями среднего уровня*: это теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе проведения рутинного исследования¹, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения².

Теория среднего уровня используется в социологии в основном как ориентир для эмпирического исследования. Она находится между общими теориями социальных систем, слишком далекими от час-

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

¹ «Рабочая гипотеза» мало чем отличается от разумного образа действия, характерного для всех нас в повседневной жизни. Когда мы сталкиваемся с определенными фактами, в голову приходят определенные альтернативные объяснения, и мы приступаем к их проверке». James B. Conant, *On Understanding Science* (New Haven: Yale University Press, 1947), 137, n. 4. — *Примеч. автора.*

² В этом обсуждении использована и расширена рецензия на статью Парсонса о положении социологической теории на заседаниях Американского социологического общества в 1947 г., в сжатом виде опубликованная в *American Sociological Review*, 1949, 13, 164—168. В нем также использованы последующие дискуссии: R.K. Merton, «The role-sets: problems in sociological theory», *The British Journal of Sociology*, июнь 1957, 8, 106—120, на 108—110; R.K. Merton, «Introduction» to Allen Barton, *Social Organization under Stress: A sociological Review of Disaster Studies* (Washington, D.C.: National Academy of Sciences — National Research Council, 1963), xvii-xxxvi, на xxix-xxxvi. — *Примеч. автора.*

тных классов социального поведения, организации и изменения, чтобы объяснить наблюдаемые явления, и теми подробными четкими описаниями частных случаев, которые совершенно не обобщены. Теории среднего уровня, разумеется, содержат отвлеченные понятия, но они достаточно тесно связаны с наблюдаемыми данными, чтобы их можно было ввести в утверждения, допускающие эмпирическую проверку. Теории среднего уровня, как видно из их названий, касаются совершенно определенных аспектов социальных явлений. Мы говорим о теории референтных групп, социальной мобильности или ролевого конфликта и формирования социальных норм точно так же, как о теории цен, теории вирусных заболеваний или о кинетической теории газов.

Конструктивным идеям в таких теориях свойственна простота: возьмем, например, теорию магнетизма Гильберта, теорию атмосферного давления Бойля или теорию формирования коралловых островов Дарвина. Гильберт *начинает* с относительно простой идеи о том, что Землю можно представить как магнит; Бойль — с простой идеи о том, что атмосферу можно представить как «море воздуха»; Дарвин — с идеи о том, что атоллы можно представить как направленный вверх и наружу рост кораллов над уровнем островов, которые уже давно погрузились в море. В каждой из этих теорий создан некий образ, благодаря которому можно прийти к определенным заключениям. Приведем всего один пример: если считать атмосферу морем воздуха, то тогда, как заключает Паскаль, на вершине горы атмосферное давление должно быть меньше, чем у ее основания. Так начальная идея подсказывает особые гипотезы, которые проверяются тем, получают ли эмпирическое подтверждение сделанные на их основе выводы. Плодотворность самой идеи проверяется тем, что констатирует круг теоретических проблем и гипотез, позволяющих выяснить новые характеристики атмосферного давления.

Во многом сходным образом теория референтных групп и относительной депривации начинается с простой идеи, выдвинутой Джеймсом, Болдуином и Мидом и развитой Хайменом и Стауффером, о том, что за основу самооценки люди принимают стандарты других «значимых» людей. Некоторые выводы, сделанные на основе этой идеи, расходятся с разумными ожиданиями, основанными на неизученном множестве «самоочевидных» предположений. Здравый смысл, например, подсказывает, что чем больше сам ущерб, нанесенный семье при массовом бедствии, тем более обделенной она будет себя чувствовать. Это представление основано на неизученном предположении, что величина объективного ущерба находится в линейном соотношении с субъективной оценкой ущерба и что эта оценка ограни-

чивается собственным опытом. Но теория относительной депривации приводит к совершенно другой гипотезе, а именно: самооценки зависят от сравнения своего собственного положения с положением других людей, с которыми мы себя сопоставляем. Согласно этой теории, таким образом, предполагается, что при определяемых условиях семьи, понесшие тяжелые утраты, будут себя чувствовать *менее* обделенными, чем понесшие меньшие утраты, если окажутся в ситуации, позволяющей им сравнивать себя с другими людьми, пострадавшими еще больше. Например, именно те люди, которые сами испытали огромные лишения в зоне наибольшего ущерба от бедствия, видят вокруг себя тех, кто пострадал еще больше. Эмпирическое исследование подтверждает теорию относительной депривации, а не предположение, сделанное на основе здравого смысла: «ощущение, что твое положение относительно *лучше*, чем у других, *возрастает при объективном ущербе*, доходя до категории наибольшего ущерба», и лишь потом идет на убыль. Эта последняя модель укрепляется из-за склонности средств массовой информации делать утверждения о том, что «*наиболее* пострадавшие обычно фиксируют себя как референтную группу, относительно которой даже другие пострадавшие могут делать сравнения в свою пользу». В ходе дальнейшего обследования выясняется, что эти модели самооценки, в свою очередь, влияют на распределение морального состояния в среде выживших и на их мотивацию в оказании помощи другим³. В пределах отдельного класса поведения, таким образом, теория относительной депривации приводит нас к набору гипотез, которые можно проверить эмпирически. Подтвержденный вывод можно сформулировать довольно просто: когда мало людей пострадало в основном в одной и той же степени, боль и потеря каждого кажется огромной; когда многие пострадали в совершенно разной степени, даже довольно большие потери кажутся малыми, когда их сравнивают с более значительными. На вероятность самого факта сопоставления влияет различная очевидность потерь большей и меньшей степени.

Специфика этого примера не должна затемнять общий характер теории среднего уровня. Очевидно, что поведение людей при массовом бедствии — всего лишь одна из бесконечного множества конкретных ситуаций, к которым можно эффективно применить теорию референтных групп; точно так же это касается теории изменения в социальной стратификации, теории авторитета, теории институциональной взаимозависимости и теории аномии. Понятно, что эти теории среднего уровня не были логически *выведены* из единой всеобъемлющей теории социальных систем, хотя в своем окончательном виде

³ Barton, *op. cit.*, 62—63, 70—72, 140, и Введение, XXIV—XXV. — *Примеч. автора.*

ут не противоречить ей. Более того, каждая теория — это нечто большее, чем простое эмпирическое обобщение, то есть отдельное утверждение, суммирующее наблюдаемые закономерности отношений между двумя или более переменными. Теория содержит множество предположений, из которых получены сами эмпирические обобщения.

Еще один пример теории среднего уровня в социологии может помочь нам определить ее характер и применения. Теория набора ролей⁴ начинается с образного представления, как социальный статус «встроен» в социальную структуру. Этот образ не сложнее, чем образ атмосферы как моря воздуха у Бойля или образ Земли как магнита у Гильберта. Однако, как и в случае со всеми теориями среднего уровня, их доказательство заключается в применении, а не в том, чтобы мгновенно объявить появляющиеся идеи очевидными или странными, полученными из более общей теории или предназначенными для решения частного класса проблем.

Несмотря на самые разные значения, закрепленные за понятием *социального статуса*, по одной из социологических традиций оно последовательно применяется к положению в социальной системе с его отличительным набором определенных прав и обязанностей. Согласно этой традиции, представленной Ральфом Линтоном, родственное понятие *социальной роли* относится к поведению носителей статуса, ориентированному на принимаемые за образец ожидания со стороны других людей (тех, кто дает права и требует выполнения обязательств). Линтон, как и многие другие представители в этой школе, придерживается давно признанного всеми базисного положения: каждый человек в обществе непременно имеет многочисленные статусы и у каждого статуса есть своя связанная с ним роль.

Здесь-то и начинается расхождение теории набора ролей с этой давно установившейся традицией. Разница поначалу мала — настолько, сказали бы некоторые, что ее можно считать несущественной, — но изменение угла зрения постепенно ведет к все большим фундаментальным теоретическим различиям. Теория набора ролей исходит из той идеи, что каждый социальный статус подразумевает не одну-единственную связанную с ним роль, а совокупность ролей. Эта особенность социальной структуры приводит к понятию набора ролей: того комплекса общественных отношений, в который люди вступают просто в силу занимаемого ими определенного социального статуса. Так, человек со статусом студента-медика играет не толь-

⁴ На следующих страницах использована работа Merton «The role-set», *op. cit.* — Примеч. автора.

ко роль студента, чей статус находится в определенном отношении к статусу своих преподавателей, но и комплекс других ролей, связывающих его разным образом с другими людьми в этой системе: другими студентами, врачами, сестрами, социальными работниками, медиками-лаборантами и им подобными. Опять-таки, статус школьного учителя имеет свой отличительный набор ролей, связывающий учителя не только с обладателем соотносительного статуса, учеником, но также с коллегами, директором школы, министерством образования, профессиональными ассоциациями и, в Соединенных Штатах, с местными патриотическими организациями.

Заметим, что набор ролей отличается от того, что социологи давно называют «множественными ролями». Последний термин традиционно относится не к комплексу ролей, связанных с одним социальным статусом, а к разнообразным социальным статусам (часто в разных институтах общества), которые приобретают люди — например, у одного человека могут быть разнообразные статусы врача, мужа, отца, профессора, церковного старосты, члена партии консерваторов и армейского капитана. (Этот комплекс отдельных статусов человека, каждый со своим собственным набором ролей, является набором статусов. Это понятие породило свой собственный комплекс аналитических проблем, которые исследуются в главе XI.)

Вплоть до этого момента концепция набора ролей была *просто* образом для представления компонента социальной структуры. Но этот образ — начало, а не конец, поскольку непосредственно ведет к определенным аналитическим проблемам. Из понятия набора ролей непосредственно вытекает, что социальные структуры ставят перед нами задачу четко сформулировать компоненты бесконечных наборов ролей — то есть функциональную задачу, — постараться как-то их упорядочить для достижения ощутимой степени общественного порядка, достаточной, чтобы позволить большинству людей большую часть времени заниматься своим делом и чтобы при этом их не сковывали глубокие конфликты в своих наборах ролей.

Если это относительно простая идея набора ролей имеет теоретическую ценность, она должна породить четко определенные проблемы для социологического исследования. Так оно и происходит⁵. Возникает общая и определенная проблема идентификации социальных

⁵ Более раннюю версию этой развивающейся идеи см. в Merton, «The social-cultural environment and anomie», в Helen L. Witmer and Ruth Kotinsky, ed., *New Perspective for Research on Juvenile Delinquency*: доклад на конференции по релевантности и взаимосвязям определенных понятий из социологии и психиатрии для преступности, состоявшейся 6 и 7 мая 1955 г. (Washington, D.C.: U.S. Department of Health & Education, and Welfare, 1956), 24—50, на 47—48. — *Примеч. автора.*

ханизмов (то есть социальных процессов, имеющих конкретные последствия для конкретных частей социальной структуры), в которых в остаточной мере артикулированы ожидания носителей данного набора ролей: ослабить конфликты ролей для их носителя. Затем возникает следующая задача: обнаружить, как приходят в действие эти механизмы, чтобы можно было объяснить, почему они не срабатывают или вообще не проявляются в некоторых социальных системах. И наконец, подобно теории атмосферного давления, теория набора ролей прямо указывает на соответствующее эмпирическое исследование. В монографиях о деятельности разнообразных типов официальных организаций на основе эмпирических данных расширены теоретические представления о том, как функционируют наборы ролей на практике⁶.

Теория наборов ролей помогает уяснить еще один аспект социологических теорий среднего уровня. Они часто согласуются с самыми разнообразными так называемыми школами социологической теории. Насколько можно судить, теория наборов ролей не противоречит таким широким теоретическим ориентациям, как марксистская теория, функциональный анализ, социальный бихевиоризм, интегральная социология Сорокина или теория действия Парсонса. Это высказывание может ужаснуть тех, кого приучили считать, что школы социологической мысли — это логически замкнутые и взаимоисключающие друг друга доктрины. Но на самом деле, как мы позже отметим в этом вступлении, всеобъемлющие социологические теории имеют довольно свободные внутренние связи и внутренне многообразны, они частично совпадают друг с другом, так что *некую данную теорию среднего уровня*, в какой-то мере подтвержденную эмпирически, часто можно включать в такие всеобъемлющие теории, которые в каких-то отношениях противоречат друг другу.

Пояснить это довольно нетипичное мнение можно, рассмотрев заново теорию наборов ролей как теорию среднего уровня. Мы отходим от традиционного понятия, допустив, что один статус в обще-

⁶ Если можно судить по динамике развития в науке, кратко изложенной в предыдущей части этого введения, то теории среднего уровня, находясь близко к исследовательским рубежам науки, особенно часто являются результатом многократного и приблизительно одновременного открытия. Центральная идея набора ролей была независимо разработана в важной эмпирической монографии Neal Gross, Ward S. Mason and A.W. McEachern, *Explorations in Role Analysis: Studies of the School Superintendency Role* (New York: John Wiley & Sons, inc., 1958). Значительные расширения теории вместе с эмпирическим исследованием можно найти в монографиях: Robert F.L. Kahn et al., *Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity* (New York: John Wiley & Sons, 1964), см. 13-17 и *passim*; Daniel Katz and Robert L. Kahn, *The Social Psychology of Organizations* (New York: John Wiley & Sons, 1966) 172 ff. and *passim*. — *Примеч. автора.*

стве предполагает не одну роль, а комплекс связанных с ним ролей, соотносящий данного человека с разными людьми. Второе: мы отмечаем, что данное понятие набора ролей порождает четко определенные теоретические проблемы, гипотезы, а также эмпирическое исследование. Одна из основных проблем — это выяснить, какие социальные механизмы структурируют набор ролей и сокращают количество конфликтов между ролями. Третье: понятие набора ролей выводит нас на структурную проблему выявления таких видов общественного устройства, которые объединяют, а не только противопоставляют ожидания разных членов данного набора ролей. Понятие множественности ролей, с другой стороны, сосредоточивает наше внимание на ином и, несомненно, важном вопросе: *какотдельные* носители статусов справляются со многими и часто противоположными требованиями, предъявляемыми к ним? Четвертое: понятие набора ролей приводит нас к дальнейшему вопросу о том, как возникают эти социальные механизмы. Ответ на этот вопрос позволяет объяснить многие конкретные случаи, когда набор ролей действует неэффективно. Это не означает, что в целом мы исходим только из функциональности всех социальных механизмов. Мы допускаем ее не больше, чем теория биологической эволюции, предполагающая, что никаких дисфункциональных изменений не происходит. И наконец, логика анализа, представленная этой социологической теорией среднего уровня, полностью построена на элементах социальной структуры, а не на конкретных *исторических описаниях* отдельных социальных систем. Таким образом, теория среднего уровня позволяет выйти за пределы мнимой проблемы теоретического конфликта между номотетическим и идиотетическим, то есть между общим и совершенно частным, между обобщающей социологической теорией и историзмом.

Следовательно, согласно теории набора ролей, всегда есть *вероятность* существования отличающихся друг от друга ожиданий среди участников набора ролей относительно того, что является подходящим поведением для носителя статуса. Основной источник этой возможности конфликта — и опять важно отметить, что в этом мы согласны с такими несопоставимыми глобальными теоретиками, как Маркс и Спенсер, Зиммель, Сорокин и Парсонс, — заключается в том структурном явлении, что другие носители набора ролей чаще всего занимают самое разное общественное положение, отличное от положения данного носителя статуса. В силу того, что носители набора ролей разнообразно размещены в социальной структуре, они вполне могут иметь интересы и мнения, ценности и нравственные ожидания, отличающиеся от тех, которые есть у самого носителя статуса. Таково, в конце концов, одно из главных предположений марксистс-

ойтеории, как и многих других социологических теорий: социальная ибференциация порождает различие интересов среди людей с разным положением в структуре общества. Например, члены местного ольного совета часто принадлежат к общественным и экономическим слоям, существенно отличающимся от того слоя, к которому принадлежит школьный учитель. Поэтому интересы, ценности и ожидания членов совета могут отличаться от тех, что у учителя, и, таким образом, в отношении его могут быть противоречивые ожидания у этих и у других носителей его набора ролей: коллег по профессии, влиятельных членов школьного совета и, скажем, Комитета по патриотизму Американского легиона. То, что для одного — основа воспитания, для другого может быть излишеством, а для третьего — вообще подрывной деятельностью. То, что явно верно для данного статуса, то верно в определяемой степени и для носителей других статусов, структурно связанных через свой набор ролей с другими людьми, которые при этом занимают совершенно разное положение в обществе.

Таким образом, теория наборов ролей, как любая другая теория среднего уровня, начинается с некоторой общей идеи и связанной с ней образности и порождает комплекс теоретических проблем. Так, предполагаемая структурная основа возможного нарушения набора ролей приводит к двойному вопросу (который, как показывают данные, не возникал до появления теории): какие из социальных механизмов, если таковые имеются, вступают в действие для того, чтобы противостоять теоретически предполагаемой нестабильности наборов ролей, и соответственно при каких обстоятельствах эти социальные механизмы не срабатывают, приводя к падению эффективности, путанице и конфликту? Подобно другим вопросам, возникшим исторически из общей ориентации функционального анализа, они тоже не предполагают, что наборы ролей неизменно работают с максимальной эффективностью. При этом данная теория среднего уровня занимается не историческим обобщением того, в какой мере в обществе преобладает общественный порядок или конфликты, а аналитической проблемой выяснения социальных механизмов, приводящих к большему порядку или меньшему конфликту, по сравнению с тем, что было бы, если бы эти механизмы не вступили в действие.

Универсальные системы социологической теории

Поиски теорий среднего уровня требуют от социолога совершенно иной устремленности, чем поиски единой универсальной теории. В дальнейшем изложении мы исходим из того, что этот поиск уни-

версальной системы социологической теории, в которой результаты наблюдений за каждым аспектом социального поведения, организации и изменения тут же находили бы заранее отведенное им место, так же заманчив и так же бесперспективен, как все те многочисленные всеобъемлющие философские системы, которые заслуженно преданы забвению. Этот вопрос следует хорошенько обсудить. Некоторые социологи все еще пишут так, будто надеются тут же получить формулировку «той самой» общей социологической теории, достаточно обширной, чтобы охватить огромный массив точно установленных деталей социального поведения, организации и изменения, и достаточно плодотворной, чтобы направить внимание исследователей в русло проблем эмпирического исследования. Все это я считаю совершенно неактуальным и апокалиптическим представлением. Мы не готовы к этому. Прделано мало подготовительной работы.

Историческое осмысление постоянно меняющихся интеллектуальных контекстов социологии должно действовать достаточно отвязляюще и избавлять этих оптимистов от нелепых ожиданий. Начнем с того, что некоторые аспекты исторического прошлого все еще дают о себе знать. Нужно помнить, что на ранних этапах социология развивалась в такой интеллектуальной атмосфере⁷, когда всеохватывающие философские системы наступали со всех сторон. Любой философ восемнадцатого и начала девятнадцатого века, не напрасно евший свой хлеб, должен был разработать свою собственную философскую систему. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель были лишь самыми известными из них. Каждая система была личной заявкой на наиболее полную картину мира материи, природы и человека.

Эти попытки философов создать всеохватывающие системы послужили образцом для социологов того времени, и девятнадцатый век стал веком социологических систем. Некоторых отцов-основателей, таких как Конт и Спенсер, переполнял *esprit de system**, отразившийся в их социологических учениях, как и в других частях их более глобальных философских систем. Другие, такие как Гумплович, Уорд и Гиддингс, позднее пытались придать интеллектуальную легитимность этой тогда еще «новой науке о древнем предмете». Для этого требовалось скорее создание общей и наиболее полной структуры социологической мысли, чем развитие специальных теорий, которые служили бы ориентирами для исследования отдельных социологических проблем в только еще намечающихся рамках.

⁷ См. классическую работу: Theodore Merz, *A History of European Thought in the Nineteenth Century* (Edinburgh and London: William Blackwood, 1904), 4 тома. — Примеч. автора.

* дух системности (фр.). — Примеч. пер.

В этих условиях почти все пионеры в социологии пытались смоделировать свою собственную систему. Многообразие систем, каждая из которых претендовала на звание подлинной, вполне естественно привело к созданию школ, и в каждой была своя группа учителей, учеников и эпигонов. Социология не только отделилась от других дисциплин, но стала и внутренне дифференцированной. Однако эта дифференциация проявилась не в специализации, как в естественных науках, а скорее как в философии, в создании всеобъемлющих теорий, которые обычно типично считались взаимоисключающими и во многом не совпадающими. Перефразируя высказывание Бертрانا Рассела относительно философии, можно сказать: эта всеохватывающая социология не воспользовалась тем «преимуществом, которым она обладает по сравнению с социологическими системами основателей социологии и которое состоит в том, что она способна решать свои проблемы одну за другой, вместо того, чтобы одним росчерком пера выдавать целостную теорию всего [социологического] мира»⁸.

Другим путем пошли социологи, пытавшиеся придать своей дисциплине интеллектуальную легитимность: в качестве прототипа они взяли системы естественнонаучной теории, а не философии. Это тоже иногда приводило к попытке создать универсальные системы социологии — такую цель часто ставят, исходя из одного из трех основных неправильных представлений о естествознании.

В первом случае предполагается, что систему мышления можно эффективно разработать еще до того, как накоплена огромная масса основных эмпирических наблюдений. Получается, что Эйнштейн мог бы наступать на пятки Кеплеру, и не нужны были бы целые столетия исследований и систематического размышления о результатах исследования для того, чтобы подготовить для этого почву. Системы социологии, вытекающие из этого молчаливого предположения, в частности системы Сталя, Буассье де Соваж, Бруссэ, Джона Брауна и Бенджамина Раша, во многом похожи на системы, введенные создателями универсальных теорий в медицине за 150 лет. Почти до середины девятнадцатого века выдающиеся деятели медицины считали необходимым разработать теоретическую систему заболеваний задолго до того, как было адекватно разработано предшествующее эмпирическое исследование⁹. Если в медицине эти протоптанные тропинки дав-

⁸ Bertrand Russell, *A History of Western Philosophy* (New York: Simon and Schuster, 1957), 834. — *Примеч. автора.*

⁹ Wilfred Trotter, *Collected Papers* (Oxford: University Press, 1941), 150. Одеятельности создателей систем рассказывается в каждой истории медицины, например: Fielding H. Garrison, *An Introduction to the History of Medicine* (Philadelphia: Saunders, 1929) и Ralph H. Major, *A History of Medicine* (Oxford: Blackwell Scientific Publications, 1954), в Двух томах. — *Примеч. автора.*

но заросли, то для социологии до сих пор характерны попытки такого рода. Именно эта тенденция и вызвала замечание биохимика и социолога-любителя Л.Дж. Хендерсона:

Различие между созданием систем в социальных науках и системами мышления и классификации в естествознании проявляется в их эволюции. В естественных науках как теории, так и описательные системы развиваются, адаптируясь к увеличению знаний и опыта ученых. *Появляющиеся в социальных науках системы нередко полностью являются плодом творчества одного человека.* Потом их могут активно обсуждать, если они привлекают внимание, но *постепенная адаптивная модификация как результат согласованных попыток большого числа людей — явление редкое*¹⁰.

Вторая неправильная трактовка естественных наук вызвана неверным предположением по поводу исторической одновременности, а именно допущение, что все продукты культуры, существующие в данный исторический момент, имеют одинаковую степень зрелости. На самом деле осознание существующих здесь различий определяется чувством меры. Тот факт, что и физика, и социология одинаково считаются научными дисциплинами в середине двадцатого века, не означает, что достижения одной должны быть мерилем другой. Безусловно, социологи сегодня живут в такое время, когда физика достигла сравнительно большого размаха и точности в теории и эксперименте; она располагает большим количеством инструментов исследования и получает множество побочных технологических продуктов. Наблюдая происходящее, многие социологи воспринимают достижения физики как образец для самооценки. Им хочется сравнить свои бицепсы с бицепсами старших братьев. Им тоже хочется, чтобы с ними считались. Но когда выясняется, что у них нет ни крепкого телосложения, ни убийственной силы удара, как у старших братьев, некоторые из них впадают в отчаяние. Они начинают задавать вопрос: а возможна ли действительно наука об обществе, если мы не создадим универсальную систему социологии? Но при такой точке зрения не учитывают, что физику двадцатого столетия отделяют от социологии двадцатого столетия миллиарды человекочасов непрерывного, организованного и совокупного исследования. Вероятно, социология пока не готова к появлению своего Эйнштейна, поскольку еще не нашла своего Кеплера — не говоря уже о своем Ньютоне, Лапласе, Гиббсе, Максвелле или Планке.

В-третьих, социологи иногда неправильно истолковывают действительное состояние теории в естествознании. Эта ошибка пара-

¹⁰ Lawrence J. Henderson, *The Study of Man* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1941), 19—20, курсив мой; если уж на то пошло, большинство из нас, социологов, может с большей пользой для себя прочитать всю книгу. — *Примеч. автора.*

показательна, поскольку физики признают, что у них еще нет универсальной теоретической системы, и в основном возлагают мало надежд на ее появление в ближайшем будущем. Что характерно для физики, так это множество специальных теорий большего или меньшего масштаба и к тому же исторически оправданная надежда, что их будут продолжать объединять в группы. Как выразился один наблюдатель: «хотя многие из нас действительно надеются на появление в будущем всеобъемлющей теории, которая объединит различные постулаты физики, мы не ждем ее, а продолжаем заниматься важным делом — наукой»¹¹. Совсем недавно физик-теоретик Ричард Фейнман сообщил без всякого смущения, что «сегодня наши физические теории и законы — это множество различных частей и кусочков, которые не очень-то сочетаются друг с другом»¹². Но, наверное, наиболее убедительным является замечание самого обстоятельного из теоретиков, посвятившего последние годы своей жизни неустанному и безуспешному поиску, вызванному стремлением «найти для унификации всех отраслей науки теоретическую основу, образованную минимальным числом понятий и фундаментальных соотношений, из которых логическим путем можно было бы вывести все понятия и соотношения отдельных дисциплин». Несмотря на свою глубокую и редкую для физиков преданность этой идее, Эйнштейн заметил:

Большая часть физических исследований посвящена развитию различных отраслей физики; предметом каждой отрасли является теоретическое осмысление большего или меньшего числа областей опыта; в каждой из них законы и понятия остаются по возможности тесно связанными с опытом¹³.

Над этими словами могли бы призадуматься те социологи, которые ждут обоснованной общей системы социологической теории уже в наше время — или в недалеком будущем. Если физике за целые столетия, посвященные расширению теоретических обобщений, не удалось разработать всеобъемлющую теоретическую систему, тогда *a fortiori* социологии, которая лишь начала накапливать эмпирически обоснованные теоретические обобщения в скромных масштабах, вполне можно было бы посоветовать умерить свое стремление получить такую систему.

¹¹ Henry Margenau, *The basis of theory in physics*, неопубликованная рукопись, 1949, 5—6. — Примеч. автора.

¹² Richard Feynman, *The Character of Physical Law* (London: Cox & Wyman Ltd., 1965), "• — Примеч. автора.

¹³ А. Эйнштейн. Рассуждения об основах теоретической физики. — Собр. науч. трудов; под ред. И.Е. Тамма и др. - М.: Наука, 1967. - В 4 т. Т. IV, с. 229. — Примеч. автора.

Утилитарная потребность в универсальных социологических системах

Убежденность некоторых социологов в том, что нужно срочно создать грандиозную общетеоретическую систему, вызвана не только неуместным сравнением с естественными науками, но еще и реакцией на неясное положение социологии в современном обществе. Сама неуверенность в том, что накопленные в социологии знания соответствуют тем огромным требованиям, которые к ним предъявляют политики (как реформаторы, так и реакционеры), бизнесмены и правительственные чиновники, ректоры колледжей и первокурсники, провоцирует у социологов защитную реакцию и вызывает слишком усердное стремление как-то соответствовать этим требованиям, какими бы преждевременными и нелепыми они ни были.

При такой позиции исходят из ошибочного предположения, что наука должна достичь такого уровня, чтобы *отвечать* всем требованиям, и умным и глупым, которые к ней предъявляют. Такая убежденность косвенно основана на кощунственном и мазохистском предположении, что мы должны быть всеведущими и всезнающими — признаться в меньшем означает расписаться в своем полном невежестве. Поэтому часто случается, что представители неоперившейся дисциплины неправомочно претендуют на создание универсальных теоретических систем, соответствующих всему кругу проблем, изучаемых этой дисциплиной. Именно на такую позицию ссылается Уайтхед в эпиграфе к данной книге: «Для науки на ее ранних стадиях характерны... как честолюбивая глубина поставленных задач, так и дилетантство в обращении с деталями».

Подобно социологам, бездумно сравнивавшим себя с современниками естествоиспытателями лишь потому, что и те и другие живут в один исторический момент, общество в целом и те, кто от его лица принимает стратегические решения, часто ошибаются, вынося окончательную оценку социологии на основе ее способности решить неотложные проблемы общества сегодня. Неуместный мазохизм социолога и невольный садизм общества вызваны тем, что они забывают, что социология, как и все науки, постоянно развивается и провидением отнюдь не предусматривается, чтобы она в любой момент соответствовала всему кругу проблем, стоящих перед человеком. В историческом плане такие предположения были бы равносильны вынесению в семнадцатом веке окончательного суждения о статусе и перспективах медицины, основанного на том, способна ли она немедленно предоставить лекарство или хотя бы профилактику для сердечных заболеваний. Если бы проблема получила широкую огласку — посмотрите на

овышение уровня смертности от тромбоза коронарных сосудов! — яма ее важность затмила бы *совершенно самостоятельный вопрос*, насколько адекватны медицинские знания 1650 года (или 1850-го, или 1950-го) для решения большого круга других проблем со здоровьем. Тем не менее именно эта нелогичность стоит за многими практическими требованиями, предъявляемыми к социальным наукам. Поскольку и война, и эксплуатация, и бедность, и расовая дискриминация, и психологическая незащищенность — это язвы современного общества, то социология обязана оправдать свое существование, дав решения всем этим проблемам. Ноу социологов сегодня, возможно, не больше средств для решения этих неотложных проблем, чем было у врачей, таких как Гарвей или Сиденхем, для распознавания, изучения и лечения тромбоза коронарных сосудов в 1655 году. И все же, как свидетельствует история, неспособность медицины справиться с этой отдельной проблемой едва ли означала, что она не может развиваться. Если все ставят на фаворитов, то кто поддержит жеребенка, которому еще предстоит себя проявить?

Сделанный мною акцент на расхождении между практическими проблемами, предназначенными для социолога, и уровнем накопленных знаний и навыков не означает, конечно, что социолог не должен стремиться разработать все более полную теорию или не должен работать над исследованием, имеющим непосредственное отношение к неотложным практическим задачам. И главное, это не значит, что социологи должны специально выискивать проблему, не имеющую серьезного практического значения. Различные эмпирические исследования и теории с разной степенью вероятности могут оказаться уместными для конкретных практических проблем; у них разный потенциал релевантности¹⁴. Но важно восстановить историческое чувство меры. Безотлагательность или масштабность практической социальной проблемы не гарантируют ее немедленное решение¹⁵. В любой данный момент времени ученые бывают близки к решению одних проблем и далеки от решения других. Следует помнить, что необходи-

¹⁴ Эта концепция развита в R.K. Merton, «Basic research and potentials of relevance», *American Behavioral Scientist*, May 63, VI, 86—90, на основе более раннего обсуждения этой проблемы в работе «The role of applied social science in the formation of policy», *Philosophy of Science*, 1949, 16, 161-181. — Примеч. автора.

¹⁵ Что подробно изложено в таких работах, как: Paul F. Lazarsfeld, William Sewell and Harold Wilensky, eds, *The Uses of Sociology* (New York: Basic Books, in press); Alvin W. Gouldner and S.M. Miller, *Applied Sociology: Opportunities and Problems* (New York: The Free Press, 1965); Bernard Rosenberg, Israel Gerver and F. William Howton, *Mass Society "i Crisis: Social Problems and Social Pathology* (New York: The MacMillan Company, 1964); Barbara Wooton, *Social Science and Social Pathology* (New York: The Macmillan Company, 1959). — Примеч. автора.

мость — только мать изобретения; а его отец — накопленные общими усилиями знания. Если их не свести вместе, необходимость остается бесплодной. Она, конечно, может зачать когда-нибудь потом, когда произойдет нормальное соитие. Но ее партнеру нужно время (и поддержка), если он хочет приобрести величину и мощь, необходимые для того, чтобы соответствовать требованиям, которые будут ему предъявлены.

Ориентация этой книги на связь современной социологии и практических проблем общества во многом такая же, как ее ориентация на связь социологии и общей социологической теории. Это скорее эволюционная ориентация, чем ориентация, полагающаяся на неожиданные мутации в работе одного социолога, которые вдруг дадут решения основных социальных проблем или создадут единую универсальную теорию. Хотя эта ориентация не претендует на чудеса и сенсации, она предлагает довольно реалистичную оценку современного положения социологии и путей, по которым она развивается на самом деле.

Универсальные теоретические системы и теории среднего уровня

Исходя из всего сказанного, было бы разумно заключить, что социология будет продвигаться вперед в той мере, в какой ее главной (но не единственной) задачей будет разработка теорий среднего уровня, и задержится в своем развитии, если сосредоточит основное внимание на разработке универсальных социологических систем. Так, в своей инаугурационной речи в Лондонской школе экономики Т.Г. Маршалл умолял социологов «проложить дорогу до середины»¹⁶. Наша главная задача сегодня — разработать специальные теории, применимые к ограниченным концептуальным областям, например: теории девиантного поведения, непредвиденных последствий целенаправленного действия, социального восприятия, референтных групп, социального контроля, взаимозависимости социальных институтов, — а не искать сразу общую концептуальную структуру, адекватную для получения этих и других теорий среднего уровня.

Социологическая теория, если хочет заметно продвинуться вперед, должна развиваться в следующих взаимосвязанных направлени-

¹⁶ Инаугурационная лекция была прочитана 21 февраля 1946г. Напечатана в Т.Н. Marshall, *Sociology at the Crossroads* (London, Heinemann, 1963), 3—24. — *Примеч. автора.*

ях: (1) разрабатывая специальные теории, на основании которых создаются гипотезы, поддающиеся эмпирической проверке, и (2) развивая, а не обнаруживая «вдруг» все более общую концептуальную схему, способную объединить группы специальных теорий.

Если сосредоточиться полностью на специальных теориях, то мы рискуем получить в результате отдельные гипотезы, которые объясняют ограниченные аспекты социального поведения, организации и изменения, но остаются взаимно несочетающимися.

Если сосредоточиться полностью на главной концептуальной схеме для получения всех второстепенных теорий, это чревато тем, что мы представим современные социологические аналоги больших философских систем прошлого со всей их многозначительностью, архитектурным величием и научным бесплодием. Социолог-теоретик, увлеченный *исключительно* разработкой универсальной системы с ее абстракциями, поджидает опасность того, что, как в случае с современным стилем интерьера, обстановка в его голове будет голой и неудобной.

Препятствия на пути к эффективным общим схемам в социологии проявятся только в том случае, если, как и в прежние времена в социологии, каждый харизматический социолог попытается разработать свою собственную общую теоретическую систему. Придерживаться такой практики — значит способствовать дальнейшей «балканизации» социологии, когда каждым княжеством правит своя собственная теоретическая система. Хотя этот процесс периодически оставлял свой след в развитии других наук — наиболее заметный в химии, геологии и медицине, — нет необходимости воспроизводить его в социологии, если нас чему-то учит история науки. Мы, социологи, можем вместо этого стремиться ко все более полной социологической теории, которая, не являясь порождением ума одного человека, постепенно объединит теории среднего уровня/и они станут специальными проявлениями более общих формулировок.

То, что сейчас происходит в социологической теории, свидетельствует о том, что этой ориентации необходимо уделить особое внимание. Заметьте, как малочисленны, как разрозненны и невыразительны конкретные социологические гипотезы, *выведенные* из главной концептуальной схемы. Заявки на универсальную теорию настолько опережают подтвержденные специальные теории, что им суждено остаться нереализованными программами, а не *объединениями* теорий, которые сначала казались отдельными. Безусловно, как указывали Талкотт Парсонс и Питирим Сорокин (в «Социологических теориях сегодня»), недавно мы достигли значительного прогресса. Постепенное слияние теорий в социологии, социальной психоло-

гии и антропологии сильно обогатило теорию и представляется еще более перспективным¹⁷.

Однако то, что сейчас называют социологической теорией, в основном представляет собой *общую ориентацию на данные, указывающие на типы переменных, которые теории должны каким-то образом учитывать, а не четко сформулированные, поддающиеся проверке утверждения о взаимоотношениях между точно определенными переменными*. У нас есть много понятий, но гораздо меньше подтвержденных теорий; много точек зрения, но мало теорем; много «подходов», но мало достижений. Возможно, некоторые дальнейшие сдвиги в акцентах пошли бы только на пользу.

Вольно или невольно люди распределяют свои скудные ресурсы в производстве социологической теории в такой же мере, как в производстве водопроводных труб, и эти распределения отражают лежащие в их основе предположения. Цель нашего обсуждения теории среднего уровня в социологии — прояснить, перед каким выбором стратеги-

" Я придаю большую важность замечаниям Талкотта Парсонса в его президентском обращении к Американскому социологическому обществу после моей формулировки этой позиции. Например, «В *конце* этого пути возрастающей частоты и специфичности островков теоретического знания находится идеальная область, выражаясь научно, где *большинство* современных действующих гипотез эмпирического исследования непосредственно выводится из общей теоретической системы. В сколько-нибудь значительной степени... лишь физике из *всех* наук удалось достичь такой области. Мы же даже не приблизились к нему. Но из этого не следует, что, как бы мы ни были далеки от этой цели, шаги в этом *направлении* напрасны. Наоборот, *любой* реальный шаг в этом направлении — продвижение вперед. Только в этой *конечной* точке острова сливаются в единый континент.

Самое малое, таким образом, что может сделать общая теория, это дать широкие рамки для ориентации [п.Б.]... Она также может служить для того, чтобы кодифицировать, взаимно связать и предоставить огромную массу существующих эмпирических данных. Она также нужна, чтобы обратить внимание на пробелы в наших знаниях и предоставить критерии для критики теорий и эмпирических обобщений. И наконец, даже если их нельзя систематически выводить [п.Б.], она незаменима для систематического прояснения проблем и плодотворной формулировки гипотез» (курсив мой).

T. Parsons, «The prospects of sociological theory», *American Sociological Review*, февраль 1950, 15, 3—16 на 7. Важно, что такой приверженец общей теории, как Парсонс, признает, (1) что фактически общая социологическая теория редко обеспечивает выводимость из нее специальных гипотез; (2) что по сравнению с такой областью, как физика, выводимость для большинства гипотез — это далекая цель; (3) что общая теория дает лишь общую ориентацию и (4) что она служит основой для кодификации эмпирических обобщений и специальных теорий. Стоит только это признать, и социологи, увлеченные разработкой общей теории, не будут в принципе существенно отличаться от тех, кто наиболее перспективным в сегодняшней социологии считает разработку теорий среднего уровня и их периодическое объединение. — *Примеч. автора.*

ческого решения стоят все социологи-теоретики. Чему отдать большую часть наших совместных усилий и ресурсов: поиску подтвержденных теорий среднего уровня или поиску всеобъемлющей концептуальной схемы? Я убежден — а, конечно, нашим убеждениям, как известно, свойственны ошибки, — что теории среднего уровня наиболее перспективны, *при условии, что* их поиск сочетается с неустанным стремлением объединить специальные теории в более общие множества понятий и взаимно согласующихся утверждений. Но даже в этом случае нужно учитывать осторожную точку зрения наших старших братьев и Теннисона:

Наши системки имеют успех;
Имеют успех и сходят на нет.

Полярные отзывы о теориях среднего уровня

С тех пор как политика сосредоточения на социологических теориях среднего уровня была изложена в печати, мнения социологов понятным образом разделились. В общем, как представляется, на отклики социологов в основном повлияли их собственные модели работы. Большинство ученых, занимавшихся теоретически ориентированным эмпирическим исследованием, одобрили установку, которая лишь формулировала то, что уже было их рабочей философией. И наоборот, большинство ученых, придерживавшихся метода гуманитарного изучения истории общественной мысли или пытавшихся разработать общую социологическую теорию немедленно, назвали эту политику отступлением от истинно высоких устремлений. Третья позиция промежуточная. Тут признают, что акцент на теории среднего уровня не означает исключительного внимания к этому виду обобщения. При этом более обстоятельную теорию предполагают получить через объединение теорий среднего уровня, а не рассчитывают на то, что она целиком появится из широкомасштабного исследования отдельных теоретиков.

Процесс поляризации

Подобно большинству полемик в науке, этот спор вокруг распределения интеллектуальных ресурсов среди разных видов социологической работы предполагает социальный конфликт, а не просто ин-

теллектуальную критику¹⁸. То есть этот спор вызван не столько противоречиями между самостоятельными социологическими идеями, сколько соперничающими определениями роли социолога, которую они считают наиболее эффективной в данный момент.

Эта полемика развивается по классически определенным канонам социального конфликта. За атакой следует контратака со все большим отчуждением сторон, вовлеченных в конфликт. Со временем, поскольку конфликт происходит на глазах у всех, он становится скорее борьбой за статус, чем поиском истины. Позиции становятся полярными, и затем каждая группа социологов начинает пространно отвечать на стереотипные варианты того, что говорит другая. Теоретикам среднего уровня стереотипно отводится роль простых «счетчиков голов», фактографов или описателей — социографов. А теоретиков, нацеленных на общую теорию, стереотипно представляют как закоснело умозрительных, абсолютно не учитывающих бесспорных эмпирических данных или как безусловно преданных доктринам, сформулированным так, что их нельзя проверить.

Эти стереотипы не так уж далеки от реальности; как и большинство стереотипов, они являются безоговорочными преувеличениями действительных тенденций или свойств. Но в ходе социального конфликта они превращаются в самоподтверждающиеся стереотипы, когда социологи отгораживаются от реальности, которая могла бы внести в них поправки. У социологов из каждого лагеря развивается глубоко избирательное восприятие того, что действительно происходит в другом. Каждый лагерь видит в работе другого в первую очередь то, на что его настроил враждебный стереотип, и тогда он мгновенно принимает случайное замечание за устоявшуюся философию, а расставленные акценты — за сложившийся подход. При этом у каждой группы социологов постепенно уменьшается мотивация к изучению работы другой, поскольку та заведомо не содержит истины. Они лишь быстро просматривают произведения внешней группы, чтобы найти патроны для дальнейшей стрельбы.

Процесс взаимного отчуждения и создания стереотипов, по-видимому, усиливается из-за возросшего числа опубликованных социологических работ. Как и многие другие ученые, социологи уже не могут «быть в курсе» всего, что печатается в их области. Им приходится быть все более избирательными в чтении. И эта нарастающая избирательность, безусловно, заставляет тех, кто изначально враждебно относится к определенному виду социологической работы, пре-

¹⁸ На следующих страницах использована работа Мертона: «Social conflict in styles of sociological work», Четвертый всемирный социологический конгресс, 1961, 3, 21—46. — *Примеч. автора.*

небредь изучением тех самых публикаций, которые могли бы их привести к отказу от своих стереотипов.

Такие обстоятельства обычно способствуют поляризации мнений. Социологические ориентации, *не* являющиеся по своей сути противоположными, рассматриваются как несовместимые. С позиции «все или ничего» социологическое исследование должно быть только статистическим *или* только историческим; либо глобальные вопросы и проблемы нашего времени должны быть единственными объектами изучения, либо этих необъятных вопросов надо вообще избегать, поскольку они не поддаются научному исследованию; и так далее.

Процесс социальной конфронтации можно было бы приостановить на полпути и превратить в интеллектуальную критику, если бы стороны прекратили высказывать взаимное неуважение, часто отличающее такие споры. Но обычно сражения между социологами происходят не в том социальном контексте, который не допускает регулярного обмена любезностями. Этот контекст подразумевает взаимное признание различий в статусе сторон, по крайней мере по отношению к рассматриваемому вопросу. Когда существует эта дифференциация статуса — как у адвоката и его клиента или у психиатра и его пациента, — то принятые нормы, закрепленные за более авторитетным статусом при данном взаимоотношении, не допускают взаимного выражения чувств. Но ученые споры обычно происходят в обществе равных (каким бы разным в других отношениях ни был статус сторон), и более того, публично, на виду у равных. Так, на риторику отвечают риторикой, на презрение презрением, а интеллектуальные вопросы становятся второстепенными по сравнению с борьбой за статус.

Более того, в этих жарких баталиях почти нет места для беспристрастной третьей стороны, которая могла бы превратить социальную конфронтацию в интеллектуальную критику. Правда, некоторые социологи не хотят занимать позицию «все или ничего», которая предполагается при социальном конфликте. Но обычно эти потенциальные тыловики попадают под перекрестный огонь враждующих лагерей. Их обзывают либо «простыми эклектиками», тем самым лишая оба лагеря необходимости изучить, в чем состоит эта третья точка зрения или насколько она обоснованна; либо клеймят как «ренегатов», отказавшихся от истин доктрины; или, что еще хуже, наверное, про них говорят, что они занимают выжидательную позицию, остановились на полпути и из скромности или соображений целесообразности закрывают глаза на фундаментальное противоречие между безусловным социологическим добром и безусловным социологическим злом.

Но у полемики в науке есть и свои функции, и свои дисфункции. В процессе социального противостояния когнитивные проблемы пред-

стают в искаженном виде, так как их заставляют служить цели одержать верх над противником. Тем не менее, когда конфликт урегулирован сообществом равных, даже полемика с ее перегибами, на которые потрачены усилия участников этих нелепых интеллектуальных баталий, может помочь восстановить равновесие в науке. Не так-то легко установить оптимальное использование ресурсов в некоей области науки, в частности, из-за серьезных разногласий по поводу критерия оптимальности¹⁹. Социальная конфронтация обычно становится заметной в социологии каждый раз, когда какое-то направление в исследовании — скажем, изучение небольших групп или мировых обществ, — или отдельный комплекс идей — скажем, функциональный анализ или марксизм, — или конкретный способ исследования — скажем, социальное исследование или историческая социология — овладевает вниманием и оттягивает на себя силы быстрорастущего числа социологов. Это направление в развитии, возможно, стало популярным потому, что оно оказалось эффективным для решения определенных интеллектуальных или социальных проблем или близким идеологически. На непопулярные на данный момент области или виды работы приходится меньше именитых приверженцев и меньше достижений, и этот вид работы становится менее привлекательным. Если бы не подобные конфликты, то господство теоретической ортодоксальности и неравномерное распределение социологической работы были бы еще заметнее. Таким образом, громогласные заявления, что заброшенные проблемы, методы и теоретические ориентации заслуживают более пристального внимания — даже если эти заявления сопровождаются нелепыми атаками на преобладающее направление развития, — могут способствовать многообразию в социологической работе, сдерживая тенденцию к сосредоточению на узком круге проблем. Большая степень разнородности исследований, в свою очередь, увеличивает возможность появления научно продуктивных начинаний, пока те не превратятся в новую ортодоксальность.

Согласие с установкой теории среднего уровня

Как отмечалось ранее, акцент на теорию среднего уровня получил наибольший резонанс среди социологов, которые сами занимаются теоретически ориентированным эмпирическим исследованием.

¹⁹ Физик и исследователь направления развития науки Элвин М. Уэйнберг эффективно изучил эту проблему. См. Chapter III, «The Choices of Big Science», в книге *Reflections on Big Science* (Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1967). — *Примеч. автора.*

Вот почему сегодня установка социологических теорий среднего уровня получила признание, тогда как прежние варианты — которые мы вскоре изучим — не получили. Именно в том смысле, что тогда «не пришло время», как говорится. То есть двадцать—тридцать лет назад социологи, за явными исключениями, обычно были намного больше увлечены или поиском универсальной, унифицирующей теории, или описательной эмпирической работой с малой теоретической ориентацией. В результате призывы принять установку на теорию среднего уровня оставались в основном без внимания.

Тем не менее, как я отмечал в других работах²⁰, эта установка не является ни новой, ни привнесенной извне; у нее глубокие исторические корни. Более чем кто-либо другой до него, Бэкон подчеркивал первостепенную важность «средних аксиом» в науке:

Не следует все же допускать, чтобы разум перескакивал от частности к отдаленным и почти самым общим аксиомам (каковы так называемые начала наук и вещей) и по их непоколебимой истинности испытывал бы и устанавливал средние аксиомы. Так было до сих пор: разум склоняется к этому не только естественным побуждением, но и потому, что он уже давно приучен к этому доказательством через силлогизм. Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не разверстым и перемежающимся ступеням — от частных к меньшим аксиомам и затем — к средним, одна выше другой, и наконец, к самым общим. Ибо самые низкие аксиомы немногим отличаются от голого опыта. Высшие же и самые общие аксиомы (какие у нас имеются) умозрительны и отвлеченны, и у них нет ничего твердого. Средние же аксиомы истинны, тверды, жизненны, от них зависят человеческие дела и судьбы. А над ними, наконец, расположены наиболее общие аксиомы, не отвлеченные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами²¹.

Бэкон, в свою очередь, цитирует более древнюю версию:

А Платон в своем «Тэетете» отмечает, «что частности бесконечны, а утверждения более общего порядка не дают достаточного представления», и что суть всех наук, то, что создает отличие искусного от неумелого, заклю-

²⁰ Merton, «The role-set», *British Journal of Sociology*, июнь 1957, 108. — *Примеч. автора.*

²¹ Фрэнсис Бэкон Веруламский. Новый органон. — ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, Ленинградское отделение, 1935. Кн. I, афоризм CIV; см. также Кн. I, афоризмы LXVI и t-XVI. Герберт Баттерфилд замечает, что Бэкон, похоже, «своеобразно, но в значительной мере... предвидел, какую структуру суждено иметь науке в будущем». *The Origins of Modern Science, 1300-1800* (London: G. Bell & Sons, 1949), 91-92. - *Примеч. автора.*

чается в средних теоремах, которые в каждой отдельной области знаний берут из традиций и опыта²².

Точно так же, как Бэкон упоминает Платона как своего предшественника, так и Джон Стюарт Милль и Джордж Корнуолл Льюис ссылаются на Бэкона. Хотя он и отличается от Бэкона в логике рассуждений, связывающей «самые общие законы» со «средними», Милль тем не менее вторит ему, высказавшись таким образом:

Бэкон высказал здравое замечание, что значимость каждой науке главным образом придают *axiomata media*. Низшие обобщения, пока их не объясняют и не вбирают в себя средние законы, следствиями которых они являются, имеют лишь недостаточную точность эмпирических законов; тогда как самые общие законы являются слишком общими и включают слишком мало подробностей, чтобы дать достаточное представление о том, что происходит в отдельных случаях, где подробностей почти всегда огромное количество. Таким образом, в вопросе о важности, которую Бэкон придает в каждой науке средним законам, с ним нельзя не согласиться. Но мне представляется, что он кардинально ошибался в своей доктрине относительно способа получения *raKnxaxiomata media*... [речь идет о «глубоком пристрастии Бэкона к полной индукции, совершенно не оставлявшем места для дедукции»]²³.

Выступая в печати почти одновременно с Миллем, но, как свидетельствуют исторические данные, не оказывая такого же влияния на современников, Льюис много почерпнул у Бэкона, чтобы изложить свое представление об «ограниченных теориях» в политических науках. Он идет дальше, утверждая, что можно разработать большое число обоснованных теорем, ограничиваясь наблюдением за определенными *классами* сообществ:

...у нас есть возможность создать ограниченные теории, чтобы предсказать общие тенденции и превалирующие законы причинной связи, которые могут быть и неверными по большей части, если их распространить на все человечество, но которые имеют предполагаемую истинность, если их применить к лишь к определенным нациям...

...можно расширить область теоретической политики в соответствии с истинным отражением фактов, сузив область наблюдений и не выходя за рамки изучения ограниченного класса общностей. Приняв этот ме-

²² Francis Bacon, *The Advancement of Learning*, Works, изд. Basil Montague (London: William Pickering, 1825), II, 177; см. также 181. — *Примеч. автора*.

²³ John Stuart Mill, *A System of Logic* (London: Longmans & Green and Co., 1865), 454—455; Милл четко применяет ту же самую концепцию к законам социальных изменений как средним законам, *ibid.*, 520. — *Примеч. автора*.

тод, мы сможем увеличить количество верных политических теорем, которые можно получить из фактов, и в то же время придать им больше полноты, жизненности и содержательности. В отличие от сухих и пустых обобщений они напоминают *Media Axiomata* Бэкона, являющиеся обобщенными выражениями фактов, но тем не менее достаточно близкими к реальности, чтобы служить руководством в жизненных делах²⁴.

Хотя эти ранние формулировки отличаются в деталях — контраст между Бэконом и Миллем особенно заметен, — все они подчеркивают стратегическую важность классифицированного ряда эмпирически подтвержденных теорий.

После тех ранних версий сходные, хотя и не идентичные формулировки были выдвинуты Карлом Маннгеймом в понятии «*principia media*»; Адольфом Леви в тезисе, гласящем, что «социологические средние законы» связывают экономический процесс с социальным; и Моррисом Гинзбергом в исследовании подхода Милля к средним законам в социологии²⁵. На данный момент, таким образом, существует достаточно данных, указывающих на то, что теории среднего уровня в социологии отстаивали многие из наших интеллектуальных предков. Но, видоизменяя кредо искателя предвосхищений, можно сказать: если задействованная в этой ориентации философия не так уж нова, она по крайней мере верна.

Едва ли вызывает сомнение тот факт, что широко известные формулировки Бэкона не были приняты социологами, поскольку не было социологов, чтобы исследовать уместность его концепций. И лишь немногим более сомнительным является то, что формулировки Мил-

²⁴ George Cornewall Lewis, *A Treatise on the Methods of Observation and Reasoning in Politics* op. cit., 11, 112; см. также 200, 204—205. — *Примеч. автора.*

²⁵ Эти формулировки были недавно упорядочены Сеймуром Мартином Липсетом в его Введении к американскому изданию: T.N. Marshall, *Class, Citizenship and Social Development* (New York: Doubleday, 1964) xvi. Ссылки сделаны на Karl Mannheim, *Mensch und Gesellschaft in Zeitalter des Umbaus* (Leiden, 1935), *Man and Society in an Age of Reconstruction* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1950) 173—190; Adolf Lowe, *Economics and Sociology* (London: Allen & Unwin, 1935), Morris Ginsberg, *Sociology* (London: Thornton Butterworth Ltd., 1934). Когда эта книга уже была готова для печати, я обнаружил подробное изложение тех же самых исторически предшествующих формулировок вместе со строгим критическим разбором: C.A.O. Van Nieuwenhuijze, *Intelligible Fields in the Social Sciences* (The Hague: Mouton & Co., 1967), глава 1: «Поиск управляемой социальной единицы — есть ли средний уровень?» В этой работе поднят целый ряд серьезных вопросов о теориях среднего уровня; все они, на мой взгляд, способствуют пониманию проблемы, и на каждый из них можно дать такой же серьезный ответ. Но поскольку эта книга находится сейчас в производстве, данное мнение невозможно подтвердить подробным анализом, которого вполне заслуживает изложение Ньювенгейзе. — *Примеч. автора.*

ля и Льюиса почти двести сорок лет спустя не вызвали широкий резонанс среди ученых в области социальных наук; эти дисциплины тогда лишь зарождались. Но почему формулировки Маннгейма, Леви и Гинзберга уже в 1930 г. не нашли отклика в социологической литературе последующего периода? Лишь после сходных формулировок Маршалла и моей в конце сороковых годов можно обнаружить широкое обсуждение и применение этой ориентации к социологической теории. У меня есть подозрение — хотя я и не провел кропотливой подготовительной работы, необходимой для изучения этого вопроса, — что широкий резонанс, который получила теория среднего уровня в последние десятилетия, вызван отчасти появлением большого числа социологов, проводящих исследование, являющееся как эмпирически обоснованным, так и теоретически релевантным.

Небольшое количество специально подобранных случаев согласия с установкой теории среднего уровня покажет, чем вызван этот широкий резонанс. Обозревая развитие социологии за последние четыре десятилетия, Фрэнк Хокинс заключает, что:

По всей видимости, теории среднего уровня... имеют большую объяснительную значимость [чем универсальные социологические теории]. Здесь многое было сделано в отношении передачи информации, классовой стратификации, бюрократии, небольших групп разного типа и других важных аспектов социальной общности. [А затем, с крайней позиции «все или ничего», Хокинс делает противоположный вывод: вполне возможно, мы обнаружим, что они имеют только утилитарную и практическую ценность.]²⁶

Теория среднего уровня находит отклик среди социологов самой разной общетеоретической ориентации при условии, что они заинтересованы в эмпирической релевантности теории. Так, Артур К. Дэйвис, ориентирующийся на марксизм, считает, что многое говорит в пользу «теорий среднего уровня» по сравнению с более универсальным подходом Парсонса. ...Выясняется, что ориентация на средний уровень — эмпирический анализ в ограниченном концептуальном поле — в большей степени сильнее обеспечивает необходимый продолжительный контакт эмпирическими переменными²⁷.

Десять лет назад Питер Х. Росси, активно занимающийся эмпирическим исследованием и внимательно наблюдающий за новейшей историей социологии, отметил, что точная характеристика ситуации,

²⁶ Frank H. Hawkins, «A forty-year perspective», *Sociology and Social Research*, 1956, 40, 391-398 at 398. — *Примеч. автора.*

²⁷ Arthur K. Davis, «Social theory and social problems», *Philosophy and Phenomenological Research*, Dec. 1957, 18, 190-208, at 194. — *Примеч. автора.*

сложившейся в связи с появлением теорий среднего уровня, приводит к сложным последствиям.

Концепция «теорий среднего уровня» завоевала большую популярность как среди социологов, в первую очередь ориентирующихся на практическое исследование, так и среди тех, кто занимается теорией. Пока еще слишком рано судить о том, насколько эта идея повлияет на отношения между теорией и практикой в американской социологии. Пока что принятие идеи привело к двум противоположным результатам. Отрицательное последствие: исследователи, которых нетрудно обвинить в принадлежности к «чистым эмпирикам», обретают в этой концепции теории удобный способ повысить статус своей работы, не меняя ее формы. Положительное последствие: происходит повышение статуса исследования, ориентиром для которого служат соображения ограниченного характера, например, изучение малых групп. По мнению автора, в конечном счете можно извлечь большую пользу из перенесения теоретической деятельности с широких теоретических схем на уровни, гораздо теснее связанные с нынешними возможностями нашей исследовательской технологии²⁸.

Среди этого множества замечаний наибольший интерес представляет отказ Росси от полярности суждений. Понятие теорий среднего уровня иногда неверно истолковывают как оправдывающее чисто описательные исследования, не отражающие никакой теоретической ориентации вообще. Но неправильное применение концепции не является проверкой ее достоинств. В конечном счете Росси, будучи социологом, занимающимся систематическим эмпирическим исследованием ради теоретических выводов, поддерживает эту установку как сочетающую одинаковую заинтересованность в эмпирическом исследовании и теоретической релевантности.

Монография Дюркгейма «Самоубийство» является, наверное, классическим примером использования и развития теории среднего уровня. Поэтому неудивительно, что такие социологи из школы Дюркгейма, как Арман Кювилль²⁹, поддерживают эту теоретическую ориентацию.

В своей работе Кювилль напоминает нам, что теория среднего Уровня занимается как микро-, так и макросоциологическим исследованием и, следовательно, экспериментальное изучение небольших групп интересует ее не меньше, чем сравнительный анализ опреде-

²⁸ Peter H. Rossi, «Methods of social research, 1945—1955», in *Sociology in the United States of America: A Trend Report*, ed. By Hans L. Zetterberg (Paris: UNESCO, 1956), 21 — 34, at 23—24. — *Примеч. автора.*

²⁹ Armand Cuvillier, *Où va la sociologie française?* (Paris: Librairie marcel Riviere & Cie, 1953) and *Sociologie et problèmes actuels* (Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1958). — *Примеч. автора.*

ленных аспектов социальной структуры. Дэвид Рисман тоже придерживается точки зрения, согласно которой макросоциологические исследования не предполагают универсальной системы социологической теории. Он считает, что лучше «работать на среднем уровне, меньше говорить о «прорыве» или об «основном» исследовании и умерить свои притязания»³⁰.

Можно было бы предположить, что сложившаяся европейская традиция, нацеленная на создание универсальных систем социологии, могла бы привести к отказу от теории среднего уровня как от предпочтительной ориентации. Но это совсем не так. Изучая недавнюю историю социологической мысли и высказывая предположения о перспективах ее развития, один обозреватель выразил надежду, что «теории среднего уровня» сократят простое полемизирование среди «школ социологической мысли» и будут способствовать их непрерывному сближению³¹. Другие осуществили детальный анализ логической структуры этого вида теории; особенно Филиппо Барбано в расширенном ряде монографий и статей, посвященных «теориям среднего уровня»³².

Наверное, самый тщательный и детальный анализ логической структуры теории среднего уровня был проделан Гансом Л. Зеттербергом³³ и Анджеем Малевски³⁴. Очень важно, что и Зеттерберг, и Малевски выходят за пределы тенденциозного рассмотрения теории

³¹ David Riesman, «Some observations on the «older» and the «newer» social sciences», *The State of the Social Sciences*, изд. Л.Д. Уайт (Chicago: The University of Chicago Press), 319—339, на 339. Заявленную Рисманом ориентацию следует понимать в свете замечания Мориса Р. Стейна, которое мы вскоре обсудим, что теория среднего уровня «выставляет в невыгодном свете усиленные попытки понять современное общество, принятые такими людьми, как К. Райт Миллз и Дэвид Рисман...». — *Примеч. автора*.

³² Salustiano del Campo, *Revista de Estudios Políticos*, янв. — февр. 1957, 208—213. — *Примеч. автора*.

³³ В длинный список таких работ Барбано входят: *Teoria e ricerca nella sociologia contemporanea* (Mibno: A. Guiffre, 1955), особ. на 100—108; «Lamethodologiadellaricerca nella sua impostazione terica», *Sociologia*, июль—сент. 1958, 3, 282—295; «Fittavita e programmi di gruppi ricerca sociologica», // *Politico*, 1957, 2, 371—392; «Strutture e funzione sociali: l' emancipazione strutturale in sociologia», *Quaderni di Scienze Sociali*, апрель 1966, 5, 1—38. Ту же установку см. также: Gianfranco Poggi, «Momento tecnico e momento metodologica nellaricerca», *Bollettino delle Ricerche Sociale*, сент. 1961, 1, 363—369. — *Примеч. автора*.

³⁴ Hans Z. Zetterberg «On Theory and Verification in sociology» (Totowa, N.J.: The Bedminister Press, 1965), третье дополненное издание. См. также: Zetterberg, «Theorie, Forschung und Praxis in der Soziologie», *Handbuch der empirischen Sozialforschung* (Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1961), I. Band, 64—104. — *Примеч. автора*.

³⁵ Andrzej Malewsky, «Verholten und Interaction», пер. с пол. Wolfgang Wehrstedt. (Tubingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1967). В этой книге приводится полная библиография исключительно тонких по восприятию и строгих работ Малевски, одного из самых талантливых польских социологов, который покончил с собой, когда ему было

среднего уровня как набора не связанных друг с другом специальных теорий. С помощью теоретических соображений и детальных примеров они показывают, как специальные теории объединяются во все более крупные теоретические системы. Та же ориентация характерна для Бергера, Зельдича, Андерсона и их единомышленников; они считают что теории среднего уровня применимы ко всем ситуациям, в которых проявляются детализированные аспекты социальных явлений, и демонстрируют применение целого ряда таких теорий³⁵.

Систематическое описание теорий среднего уровня, разработанных за последние десятилетия, вышло бы далеко за пределы этих страниц. Но возможно, небольшая и случайная выборка покажет разнообразие проблем и вопросов, которыми они занимаются. Существенным моментом является то, что это эмпирически обоснованные теории, включающие целостную совокупность подтвержденных гипотез, а не просто упорядоченные описательные данные, или эмпирические обобщения, или гипотезы, остающиеся логически несопоставимыми и несвязанными. Кумулятивный ряд таких теорий разработан исследователями бюрократий; особенно Селзником, Гоулднером, Блау, Липсетом (совместно с Троу и Кольманом), Крозье, Каном и Кацом и многими другими³⁶. Рэймонд Мак разработал теорию профессиональной подсистемы; Пелегрин — теорию перехода на самое высокое положение в группе; Юнкичи Абе — промежуточную теорию, основанную как на микро-, так и на макросоциологических данных, которая соотносит модели девиантного поведения со структурой сообществ; Хаймен осуществил объединение эмпирических закономерностей общественного мнения в сводную теорию, а Хиллери — объединение демографических закономерностей³⁷.

всего 34 года. Мало кому в наше время удалось с такой ясностью и строгостью разработать связи марксистской теории с определенными теориями среднего уровня. См. его самую важную статью «Der empirische Gehalt der Theorie des historischen Materialismus», *Kolter Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1959, 11, 281—305. — *Примеч. автора*.

³⁵ Berger, Zelditch and Anderson, *Sociological Theories in Progress*, *op. cit.*, на 29 и *passim*. — *Примеч. автора*.

³⁶ Philip Selznick, *TVA and the Grass Roots* (Berkeley: University of California Press, 1949); A. W. Gouldner, *Patterns of Industrial Bureaucracy* (Glencoe: The Free Press, 1954); P.-M. Blau, *The Dynamics of Bureaucracy* (Chicago: University of Chicago Press, 1963, 2d ed.); S. M. Lipset, Martin Trow and James Coleman, *Union Democracy* (New York: The Free Press, 1956). Теоретические выводы этих монографий представлены в James G. March and Herbert A. Simon, *Organizations* (New York: John Wiley, 1958), 36—52. Другие основные примеры теории среднего уровня в этой области см.: Michel Crozier, *The Bureaucratic Phenomenon* (Chicago: The University of Chicago Press, 1964); Kahn and Katz, *°P- cit.* — *Примеч. автора*.

Raymond Mack, «Occupational determinateness: a problem and hypotheses in role theory», *Social Forces*, окт. 1956, 35, 20-25; R. J. Pellegrin, «The achievement of high

Есть, однако, более важная основа для оценки сегодняшней ориентации социологов на теории среднего уровня, чем этот скудный список примеров. Показательно, что Сорокин, хотя сам целенаправленно занимается разработкой широкомасштабной социологической теории, постоянно придает большое значение теории среднего уровня. В своей последней книге он периодически оценивает современные теоретические достижения с точки зрения их способности объяснить «закономерности среднего уровня». Например, рассматривая целый ряд статистических исследований в социологии, он находит их ущербными, поскольку они «не дают нам общих закономерностей или закономерностей «среднего уровня», законов причинной связи или формул, верных для всех времен и для разных обществ». В другой книге Сорокин использует этот критерий для оценки современного исследования, которое было бы оправданно, если бы оно «открыло универсальные закономерности или по крайней мере... закономерности «среднего уровня», применимые ко многим людям, группам и культурам». А еще в одной публикации он описывает избранные типологии культурных систем как приемлемые, если «подобно... обобщениям «среднего уровня»... они не преувеличены и не чрезмерно обобщены». В своем обзоре современных исследований в социологии Сорокин проводит четкую грань между «нахождением фактов» и «закономерностями среднего уровня обобщенности». Первое поставляет «чисто локальный, временный «информационный» материал, лишенный общей познавательной ценности». Второе позволяет наконец разобраться в хаотическом нагромождении исторических событий. Без таких обобщений мы запутаемся в этих дебрях, а бесконечные факты почти ничего не говорят о том, как и почему эти события происходят. С помощью нескольких основных правил мы можем сориентироваться в полной темноте этих не нанесенных на карту дебрей. Такова познавательная роль эти ограниченных, приблизительных, превалирующих правил и закономерностей³⁸.

statutes», *Social Forces*, окт. 1953, 32, 10—16; Junkichi Abe, «Some problems of life space and historicity through the analysis of delinquency», *Japanese Sociological Review*, июль 1957, 7, 3—8; Herbert H. Hyman, «Toward a theory of public opinion», *Public Opinion Quarterly*, весна 1957, 54—60; George Hillery, «Toward a conceptualization of demography», *Social Forces*, окт. 1958, 37, 45—51. — *Примеч. автора.*

³⁸ Sorokin, *Sociological theories of Today*, 106, 127, 645, 375. С присущей ему решительностью и прямолинейностью Сорокин обвиняет меня в противоречивости по отношению к «главным системам социологии» и «теориям среднего уровня» и в других противоречиях тоже. Но попытка опровергнуть обвинения, хотя и тешит гордость, была бы здесь не к месту. Важным остается то, что хотя Сорокин продолжает сам упорно заниматься поиском разработки полной системы социологической теории, он тем не менее движется в направлении точки зрения, принятой в этой книге. — *Примеч. автора.*

Сорокин, таким образом, не признает той безудержной страсти к фактам, которая скорее мешает, чем способствует обнаружению тех социологических идей, проявлением которых служат эти факты; сам же он по-прежнему предпочитает заниматься поиском системы общей социологии.

Неприятие теории среднего уровня

Поскольку в спорах о теориях среднего уровня пролито так много социологических чернил, полезно было бы рассмотреть критические замечания в их адрес. Говорили, что в отличие от универсальных социологических теорий теории среднего уровня свидетельствуют о низких интеллектуальных запросах. Мало кто был столь красноречив, выражая эту точку зрения, как Роберт Бирстедт:

Нас даже призывают отказаться от крупных проблем человеческого общества, которые занимали наших предшественников по истории общественной мысли, и вместо этого стремиться, как выразился Т.Г. Маршалл в своей инаугурационной лекции в Лондонском университете, «проложить дорогу до середины» и искать то, что другие социологи с тех пор называют «теориями среднего уровня». Что за жалкие устремления! Мы что, должны стремиться к полупобеде? Где же те мечты, что привлекли нас в мир науки в первую очередь? Я всегда считал, что социологи тоже умеют мечтать и полагают вместе с Броунингом, что человек должен тянуться к большему, чем может ухватить³⁹.

Из этой цитаты можно было бы заключить, что Бирстедт предпочел бы оптимистические амбиции всеобщей теории «жалким устремлениям» теории среднего уровня. Или что он считает социологические решения больших и неотложных «задач человеческого общества» теоретически важным пробным камнем в социологии. Но оба вывода были бы явно ошибочными. Ибо теория среднего уровня часто получает признание именно у тех, кто ее официально критикует. Так, Бирстедт далее говорит, что, «с его точки зрения, одно из величайших социологических исследований, когда-либо проведенных учеными, это работа Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Я не подвергаю сомнению высокую оценку монографии Вебера — хотя на этот очень высокий пост я бы выдвинул кандидатуру Дюркгейма с его *Самоубийством*, — поскольку, как многие другие социологи, знакомые

Robert Bierstedt, «Sociology and humane learning», *American Sociological Review*, №0. 25, 3—9, на 6. — *Примеч. автора.*

с целой библиотекой отзывов, скопившихся по работе Вебера, я продолжаю считать ее огромным вкладом в науку⁴⁰. Но мне трудно примирить оценку монографии Вебера Бирстедтом с красноречивым, изгонявшим теории среднего уровня как болезненно бледные и исключительно нечестолобивые. Ведь эта монография, безусловно, лучший пример теоретических рассуждений на среднем уровне. Она посвящена четко определенной проблеме, рассматриваемой применительно к конкретной исторической эпохе, но с важными выводами для других обществ и других эпох. В ней использована четко определенная теория о том, каким образом связаны религиозные взгляды и экономическое поведение. И она дополняет несколько более общую теорию о видах взаимозависимости социальных институтов. Так что делать: винить Вебера за жалкие устремления или хвалить за попытку разработать эмпирически обоснованную теорию ограниченного масштаба?

Бирстедт отвергает такую теорию, как я подозреваю, по двум причинам. Первое: его замечание, что теории среднего уровня далеки от устремлений наших интеллектуальных предков, прозрачно намекает на то, что эта концепция сравнительно новая и поэтому чуждая нам. Однако, как я уже отмечал в этой главе и в других работах⁴¹, установку на теорию среднего уровня предвосхищали неоднократно.

Второе: Бирстедт, похоже, предполагает, что теория среднего уровня полностью исключает макросоциологическое исследование, в котором отдельная теория порождает специальные гипотезы, подлежащие изучению в свете систематически собранных данных. Как мы видели, такое предположение безосновательно. Действительно, основная работа в сравнительной макросоциологии сегодня большей частью основана на специальных и ограниченных теориях взаимоотношений между компонентами социальной структуры, которые можно подвергнуть систематической эмпирической проверке, используя

* Я даже развил некоторые выводы веберовской специальной теории взаимозависимости социальных институтов в монографии, охватывающей во многом тот же период, что и у Вебера, и посвященной изучению функциональной взаимозависимости между наукой, понимаемой как социальный институт, и современными экономическими и религиозными институтами. См.: *Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England* в *Osiris: Studies on the History and Philosophy of Science, and on the History of Learning and Culture*, ed. By George Sartor (Bruges, Belgium: St. Catherine Press, Ltd., 1938); переиздано с новым вступлением (New York: Howard Fertig, Inc. 1970; Harper & Row, 1970). Хотя у Вебера можно найти всего лишь несколько строк о взаимозависимости пуританства и науки, они приобрели особую важность, как только я начал свое исследование. Именно в этом смысл кумулятивной работы в теории среднего уровня; мы исходим из предшествующей теории и исследований и пытаемся распространить теорию на новые эмпирические области. — *Примеч. автора.*

⁴¹ Merton, «The role-set», *British Journal of Sociology*, июнь 1957, 108. — *Примеч. автора.*

ту же логику и во многом те же виды показателей, что и при микросоциологическом исследовании⁴².

Стремление рассматривать теоретические вопросы с позиции «все или ничего» нашло отражение еще у одного критика, который превращает установку теоретика среднего уровня в утверждение, что найдена панацея для современной социологической теории. Признав, что «в большинстве работ Маршалла и Мертон действительно виден тот самый интерес к *проблемам*, который я здесь отстаиваю», Дарендорф продолжает:

Мое возражение по поводу их формулировок направлено, таким образом, не против этих работ, а против их явного предположения [sic], что весь [sic] недостаток теперешней теории в ее обобщенности и что, просто [sic] понизив уровень обобщенности, мы можем решить все [sic] проблемы⁴³.

Тем не менее из сказанного нами должно быть ясно, что теоретики среднего уровня не считают, что недостатки социологической теории обусловлены единственно тем, что она является чрезмерно обобщенной. Это далеко не так. Сами теории среднего уровня — теория диссонанса, теория социальной дифференциации или теория референтных групп — имеют большую степень обобщения, выходя за пределы конкретной исторической эпохи или культуры⁴⁴. Но эти теории *не* выведены из единой и всеобъемлющей теоретической системы. В достаточно широких пределах они совместимы с целым рядом теоретических ориентации. Они подтверждаются разнообразными эмпирическими данными, и если в какой-то общей теории, по сути, утверждается, что таких данных не может быть, тем хуже для этой теории.

Согласно еще одной критической точке зрения, теории среднего уровня разбивают область социологии на не связанные между собой специальные теории⁴⁵. В социологии действительно появились тенденции к фрагментации. Но это едва ли *результат* работы по созданию теорий промежуточного звена. Наоборот, теории среднего уров-

⁴² Подробный обзор этих достижений см. в: Robert M. Marsh, *Comparative Sociology: Toward a Codification of Cross-Societal Analysis* (New York: Harcourt, Brace & World, 1967). - *Примеч. автора*.

⁴³ Ralf Dahrendorf, «Out of Utopia: toward a reorientation of sociological analysis», *American Journal of Sociology*, 1958, 64, 115-127, на 122-123. - *Примеч. автора*.

Уильям Л. Колб видел это очень отчетливо, ясно показывая, что теории среднего уровня не ограничиваются отдельными историческими обществами. *American Journal of Sociology*, март 1958, 63, 544-545. - *Примеч. автора*.

Е.К. Francis, *Wissenschaftliche Grundlagen Soziologischen Denkens* (Bern: Francke Verlag, 1957), 13. - *Примеч. автора*.

ня объединяют, а не дробят эмпирические данные. Я пытался это показать, например, на теории референтных групп, которая сводит вместе данные из таких в корне отличных областей человеческого поведения, как военная служба, расовые и этнические отношения, социальная мобильность, правонарушения, политика, образование и революционная деятельность⁴⁶.

Эти критические статьи явно представляют собой попытки определить место теории среднего уровня в современной структуре социологии. Но из-за процесса поляризации критика выходит далеко за пределы этого вопроса и искажает легкодоступную информацию. Как иначе объяснить тот факт, что любой может заметить четко выраженную Рисманом позицию поддержки теории среднего уровня и все же считать, что «характерные для среднего уровня стратегии исключения» содержат в себе систематические нападки на современные социологические таланты, которые пытаются работать над проблемами классической традиции. Эти нападки обычно выражаются в отношении такой социологической работы к разряду «умозрительной», «импрессионистской» или даже «журналистской». Так, серьезные попытки понять современное общество, предпринятые такими людьми, как Ч. Райт Миллс и Дэвид Рисман, находящимися, в органической связи с классической традицией, лишь потому, что те смеют заниматься проблемами, находящимися в центре внимания этой традиции, систематически выставляются коллегами по профессии в невыгодном свете⁴⁷.

Согласно этому заявлению, Рисмана «систематически выставляют в невыгодном свете» сторонники того самого типа теории, которую отстаивает он сам. Точно так же, хотя тут утверждается, что такая «стратегия исключения» теории среднего уровня, — «выставлять в невыгодном свете» работу Ч. Райта Миллса, есть письменное свидетельство того, что один такой теоретик очень одобрительно высказался по поводу той части работы Миллса, которая дает систематический анализ социальной структуры и социальной психологии⁴⁸.

⁴⁶ *Социальная теория и социальная структура*, 278—280, 97—98, 131—194. — *Примеч. автора*.

⁴⁷ Maurice R. Stein, «Psychoanalytic thought and sociological inquiry», *Psychoanalysis and the Psychoanalytic Review*, лето 1962, 49, 21—29, на 23—24. Бенджамин Нельсон, издатель этого номера журнала, далее замечает: «Каждый предмет, надеющийся стать наукой, порождает свой подход «среднего уровня». Враждебное отношение к этому явлению кажется мне во многом оправданным». «Sociology and psychoanalysis on trial: an epilogue», *ibid.*, 144—160 на 153. — *Примеч. автора*.

⁴⁸ Я ссылаюсь здесь на важную теоретическую работу, осуществленную Миллсом совместно с инициатором идеи Гансом Герттом: *Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1953). Во вступлении я описываю эту блестящую работу следующим образом: «Авторы не утверждают, что

Современные советские социологи пошли еще дальше в толковании «печально известной «теории среднего уровня» как позитивистской концепции. По мнению Г.М. Андреевой, такая теория получена на относительно низком уровне абстракции, принципиально не выходя за рамки эмпирических данных. «Теоретические» знания на этом уровне опять-таки относятся к категории эмпирических, поскольку сама теория, по сути, сведена к уровню эмпирических обобщений...⁴⁹

Это неправильное представление о теории среднего уровня не нуждается в долгом обсуждении. В конце концов, глава о социологической теории в ее отношении к эмпирическому исследованию, воспроизведенная в этом издании, опубликована почти четверть века назад. Еще тогда я строго разграничил теорию, т.е. комплекс логически взаимосвязанных предположений, из которых выводятся эмпирически проверяемые гипотезы, и эмпирическое обобщение — отдельное утверждение, подводящее итог наблюдаемым закономерностям отношений между двумя или более переменными. И все же ученые-марксисты толкуют теорию среднего уровня, исходя из таких понятий, которые эти формулировки начисто исключают.

Это неправильное толкование, возможно, продиктовано приверженностью авторов к всеобъемлющей социологической теории и опасениями в связи с этим, вызванными ролью теорий среднего уровня. Необходимо отметить, однако, что поскольку общая теоретическая ориентация, заданная марксизмом, становится руководством для систематического эмпирического исследования, она должна добиваться этого, разрабатывая промежуточные специальные теории. Иначе, как случалось с такими исследованиями, подобными работе Свердлова по изучению установок и поведения рабочих, эта ориентация приведет в лучшем случае к ряду эмпирических обобщений (см., на-

получили полностью законченный синтез, включающий все основные концепции психологии и социологии, имеющие отношение к формированию характера и личности в контексте социальной структуры. Они дают нам ясно понять, что мы еще очень далеки от этой цели и сейчас ее достичь невозможно. Тем не менее они систематизировали значительную часть этой области и дали ориентиры, с помощью которых можно изучать многое из оставшегося. Такого рода научная работа совместно с Гертом совершенно отличается по характеру от других книг Миллса, таких как *Listen Yankee: The Revolution in Cuba* и *The Causes of World War Three*. Их не «выставляют в невыгодном свете как явно журналистские»; они *и есть* журналистские. Но это суждение едва ли обусловлено ориентацией теории среднего уровня. — *Примеч. автора.* Эти мнения высказаны А.Г. Здравомысловым и В.А. Ядовым в «О планировании конкретных социальных исследований», *Вопросы философии*, 1963, 17, 81, и Г.М. Андреевой в «Буржуазная эмпирическая социология ищет выход из кризиса», *Философские науки*, 1962, 5, 39. Отрывки из обеих статей переведены George Fischer, *Science and Politics: The New Sociology in the Soviet Union* (Ithaca, New York: Cornell University, 1964). — *Примеч. автора.*

пример, исследование соотношения уровня образования рабочих к их членству в организациях, количеству прочитанных книг и тому подобное).

В предыдущей главе высказано предположение, что ученые, убежденные в существовании общей теории, охватывающей весь диапазон социологических знаний, склонны полагать, что социология должна незамедлительно удовлетворять все практические требования, предъявляемые к ней. Этот взгляд ведет к отрицанию теории среднего уровня, как видно из следующего замечания Осипова и Иовчука:

Точка зрения Мертона, что социология еще не созрела для всеобъемлющей цельной теории и что существует лишь несколько теорий на промежуточном уровне абстракции, важность которых относительна и временна, хорошо известна. Мы вправе полагать, что это определение нельзя применить к марксистской научной социологии. Материалистическое понимание истории, впервые описанное Марксом примерно 125 лет назад, проверено временем и подтверждено всем ходом исторического развития. Материалистическое понимание истории основано на конкретном изучении общественной жизни. Появление марксизма в сороковых годах прошлого века и его дальнейшее развитие органически связано с исследованием конкретных социальных проблем и подтверждено им⁵⁰.

Это изучение специфических социальных проблем — «конкретное социологическое исследование», как его называют советские социологи, — не вытекает логически из общей теоретической ориентации исторического материализма. И когда еще не были разработаны промежуточные теории, эти исследования тяготели к «практическому эмпиризму»: методическому сбору информации лишь в той мере, в какой она необходима для принятия практических решений. Например, проводили различные исследования поведения рабочих с точки зрения бюджета времени, в чем-то похожие на те, которые осуществлял Сорокин в начале тридцатых годов. Рабочих просили записать, как они распределяют свое время среди таких категорий, как рабочее время, домашние обязанности, физиологические потребности, отдых, время, проведенное с детьми, и «общественно полезная работа» (включая участие в гражданских советах, рабочих судах, посещение лекций или участие в «массовых культурных мероприятиях»). У анализа бюджета времени две главные цели. Первая: определить, а потом устранить проблемы, мешающие эффективному рас-

⁵⁰ Г. Осипов и М. Иовчук, «Некоторые принципы теории, проблемы и методы исследования в социологии в СССР: советская точка зрения», перепечатано в Alex Simirenko, ed., *Soviet Sociology: Historical Antecedents and Current Appraisals* (Chicago: Quadrangle Books, 1966), 299. — *Примеч. автора.*

оделению времени. Например, установили, что одним из препятствий для вечернего школьного образования для рабочих стало то, что из-за расписания экзаменов требовалось отпустить с работы больше рабочих, чем могло себе позволить предприятие. Вторая цель бюджетов времени — это помочь спланировать изменения в деятельности рабочих. Например, когда соединили данные бюджета времени с изучением мотиваций рабочих, то пришли к выводу, что можно рассчитывать на то, что молодые рабочие будут больше учиться и будут «активнее повышать производительность труда». Эти примеры показывают что для такого исследования характерен практический эмпиризм, а не теоретические формулировки. Полученные сведения находятся на таком же уровне обобщения, как и большая часть исследования рынка в других обществах. Их надо включить в более абстрактные теории среднего уровня, если мы хотим ликвидировать разрыв между общей ориентацией марксизма и эмпирическими обобщениями⁵¹.

Резюме и ретроспектива

Предшествующий обзор крайних/з/ш и *cons* теорий среднего уровня позволяет сделать следующий вывод: все мы постоянно страдаем от фарисейства. Но мы благодарны силам небесным, что не похожи на тех социологов, которые скорее говорят, чем наблюдают, или просто наблюдают, а не думают, или просто думают, а не подвергают свои мысли проверке систематическим эмпирическим исследованием.

Поскольку существуют такие полярные интерпретации социологической теории среднего уровня, наверное, нелишним будет еще раз перечислить ее свойства:

1. Теории среднего уровня состоят из ограниченного множества утверждений, из которых логически выводятся и подтверждаются экспериментальным исследованием конкретные гипотезы.
2. Эти теории не остаются разрозненными, а объединяются в более широкие теоретические системы, примером чего являются теории уровня стремлений, референтных групп и структуры возможностей.
3. Эти теории достаточно абстрактны, чтобы иметь дело с разными сферами социального поведения и социальной структуры, они

⁵¹ Этот отрывок основан на R.K. Merton and Henry W. Riecken, «Notes on Sociology in the USSR», *Current Problems in Social-Behavioral Research* (Washington, D.C.: National Institute of Social and Behavioral Science, 1962), 7—14. Краткое изложение одного такого конкретного социологического исследования см.: А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов, «Отношение советских рабочих к работе: эмпирическое изучение», в Simirenko, *op. cit.*, 147—366 — *фрУМе4 автора*.

выходят за пределы простого описания или эмпирического обобщения. Теория социального конфликта, например, применялась к этническому и расовому конфликту, классовому и международному конфликту.

4. Такого рода теория выходит за рамки различий между микро-социологическими проблемами, что видно из исследования малых групп, и макросоциологическими проблемами, что видно из сравнительного изучения социальной мобильности и официальных организаций и взаимозависимости социальных институтов.
5. Всеобщие социологические теоретические системы — такие, как теория исторического материализма Маркса, теория социальных систем Парсонса и интегративная социология Сорокина — представляют собой скорее теоретические ориентации, чем строгие и упорядоченные системы, на которые направлен поиск «единой теории» в физике.
6. В результате многие теории среднего уровня перекликаются с целым рядом систем социологической мысли.
7. Теории среднего уровня продолжают классические теоретические традиции. Все мы являемся наследниками Дюркгейма и Вебера, чьи работы подают нам идеи, которые предстоит развивать, показывают примеры теоретического рассуждения, являются образцами хорошего вкуса при выборе проблем и учат нас ставить теоретические вопросы, которые вытекают из их собственных.
8. Установка на средний уровень позволяет точно определить сферу непознанного. Вместо того чтобы претендовать на осведомленность там, где ее в действительности нет, она четко указывает, что еще надо узнать, чтобы заложить фундамент для еще больших знаний. Это не означает, что она способна справиться с задачей предоставить теоретические решения всех неотложных практических проблем нашего времени; но это означает, что она обеспечивает поворот к тем проблемам, которые уже сейчас можно уточнить в свете имеющихся знаний.

Парадигмы: кодификация социологической теории

Как отмечалось ранее, одна из важнейших тем данной книги — это кодификация наиболее существенных теорий и процедур качественного анализа в социологии. Здесь под кодификацией понимается упорядоченная и сжатая классификация плодотворных процедур исследования и существенных открытий, сделанных благодаря их применению. Этот процесс влечет за собой скорее идентификацию и

ооюдочение того, что имплицитно подразумевалось в работах про-
лого, чем изобретение новых стратегий исследования.

В следующей главе, посвященной функциональному анализу, в качестве основы для кодификации предыдущей работы в этой области выдвигается определенная парадигма⁵². Я полагаю, что такие парадигмы имеют огромную пропедевтическую ценность. Прежде всего они выставляют на обозрение предположения, понятия и базовые предположения, используемые в социологическом анализе. Тем самым они уменьшают невольное стремление скрыть суровую суть анализа под вуалью беспорядочных, хотя, возможно, и что-то проясняющих комментариев и соображений. Несмотря на появление различных логических описей, в социологии еще очень мало формул, то есть компактных символических обозначений отношений между социологическими переменными. Вследствие этого социологические интерпретации часто грешат отсутствием логики. Их методология, ключевые понятия и взаимоотношения между ними часто теряются в потоке слов. Когда это происходит, заинтересованный читатель вынужден сам доискиваться до того, что имел в виду автор. Парадигма сдерживает это стремление теоретиков использовать молчаливо подразумеваемые понятия и допущения.

Этой предрасположенности социологического изложения скорее к пространности, чем к ясности, способствует традиция — унаследованная отчасти от философии, в значительной мере от истории и больше всего от литературы — писать социологические отчеты ярко и живо, чтобы передать всю глубину и полноту происходящего в жизни. Социолог, не отказавшийся от этого привлекательного, но чуждого наследия, занимается исключительно поиском таких словосочетаний, которые наилучшим образом выразят *специфику* данного социологического случая, а не поиском объективных, поддающихся обобщению понятий и взаимоотношений, примером которых он является, — а ведь именно в этом заключается суть точных наук в отличие от гуманитарных. Слишком часто это неуместное применение подлинного художественного дарования поощряется восторженными отзывами широкой публики, с благодарностью уверяющей соци-

⁵² Я предложил и другие парадигмы: для девиантного социального поведения в главе VI данной книги; для социологии знаний в главе XI. Также в этой книге; для смешанных⁸ расовом отношении браков в «Intermarriage and the social structure», *Psychiatry*, 1941, 4, ■361—374; для расовых предрассудков и дискриминации в «Discrimination and the American creed», в *Discrimination and National Welfare*, R.M. MacIver, ed. (New York: Harper & Brothers, "48). Необходимо отметить, что использование термина *парадигма* Т.С. Куном в его едавней работе по истории и философии науки гораздо более широкое, относящееся к новому набору утверждений, принятых научной дисциплиной в определенный исторический период; см. *The Structure of Scientific Revolutions*, *op. cit.* — *Примеч. автора.*

олога, что тот пишет, как романист, а не как чрезмерно сдержанный и академически суховатый доктор наук. Нередко ему приходится рас-плачиваться за эти аплодисменты публики, ибо чем больше он достигает красноречия, тем дальше уходит от методического смысла. Надо, однако, признать, что, как давно говорил святой Августин, мягко опровергая аналогичные обвинения, «...мысль не обязательно является истинной только потому, что она плохо выражена, и не является ложной только потому, что высказана блестяще».

И все же чисто научные сообщения нередко теряют в четкости из-за не относящихся к делу факторов. Когда пишущий впадает в крайность, жесткий скелет фактов, выводов и теоретических заключений обрастает мягкой плотью стилистических украшений. А другим научным дисциплинам — физике и химии, а также биологии, геологии и статистике — удалось избежать этого неуместного интереса к литературным красотам. Верные целям точной науки, эти дисциплины предпочитают краткость, точность и объективность изысканно ритмическим оборотам речи, богатству коннотаций и проникновенной словесной образности. Но, даже не соглашаясь с тем, что социология должна достичь планки, установленной химией, физикой или биологией, не следует утверждать, что она должна равняться на историю, дискурсивную философию или литературу. Каждый должен заниматься своим делом, а дело социолога — ясно заявить о создании логически взаимосвязанных и эмпирически подтвержденных предложений структуре общества и его изменениях, поведении человека в этой структуре и последствиях этого поведения. Парадигмы социологического анализа предназначены для того, чтобы помочь социологу работать по специальности. Поскольку тщательное социологическое толкование неизменно предполагает наличие некой теоретической парадигмы, представляется более разумным предать ее гласности. Если настоящее искусство состоит в том, чтобы скрыть все признаки искусства, то истинная наука заключается в том, чтобы открыть взору ее леса, а не только законченное строение.

Не претендуя на создание полной картины, я считаю, что у парадигм качественного анализа в социологии должно быть по крайней мере пять тесно связанных между собой функций⁵³.

Первое: парадигмы вводят систему условных обозначений. Они дают компактную классификацию главных понятий и их взаимоотношений, которые используются для описания и анализа. Возможность выстроить понятия в достаточно узких пределах для их *одно-*

⁵³ Критический отзыв об этой дискуссии см.: Don Martindale, «Sociological theory and the ideal type», в Llewellyn Gross, ed., *Symposium on Sociological Theory* (Evanston: Row, Peterson, 1959), 57—91, на 77—80. — *Примеч. автора.*

пременного рассмотрения — очень важное подспорье при исправлении своих следующих друг за другом интерпретаций. Эта цель труднодостижима, когда понятия разбросаны по всему дискурсивному изложению. (Как указано в работе Каджори, это, очевидно, является одной из важных функций математических символов: они способствуют одновременной проверке всех терминов, входящих в анализ.)

Второе: парадигмы уменьшают вероятность невольного введения скрытых допущений и понятий, поскольку каждое новое допущение и каждое новое понятие должно или логически выводиться из предыдущих компонентов парадигмы, или быть четко введено в нее. Парадигма, таким образом, указывает, как избежать гипотез *ad hoc* (т.е. логически безответственных).

Третье: парадигмы способствуют накоплению теоретических интерпретаций. По сути, парадигма — это фундамент, на котором построен дом интерпретаций. Если новый этаж нельзя построить непосредственно на этом фундаменте, тогда к нему надо отнестись как к новому крылу общей структуры, и нужно расширить фундамент понятий и предположений, чтобы подпереть это крыло. Более того, каждый новый этаж, который *можно* надстроить над первоначальным фундаментом, укрепляет нашу уверенность в его прочности точно так же, как каждая новая пристройка, именно потому, что она требует дополнительного фундамента, заставляет нас усомниться в основательности его первоначальной субструктуры. Заслуживающая настоящего доверия парадигма будет со временем держать интерпретационную структуру размером с небоскреб, с каждым новым этажом подтверждая высокое качество изначального фундамента, тогда как дефектная парадигма будет держать лишь беспорядочно выстроенную одноэтажную структуру, в которой каждое новое множество закономерностей требует закладки нового фундамента, поскольку первый не выдерживает веса дополнительных этажей.

Четвертое: парадигмы по самой своей структуре подразумевают перекрестное сведение в таблицы важнейших понятий и тем самым могут помочь аналитику разглядеть эмпирические и теоретические проблемы, которые он иначе упустил бы из виду⁵⁴. Парадигмы способствуют скорее анализу, чем описанию конкретных деталей. Они обращают наше внимание, например, на компоненты социального поведения, на возможные напряжения и трения между этими компонентами и тем самым на источники отклонений от нормативно предписанного поведения.

Хотя они выражают сомнения по поводу использования систематической теории, Джозеф Бенсман и Артур Виндич превосходно продемонстрировали эту эвристическую функцию парадигмы в своей интересной статье «Social theory in field research», *American Journal of Sociology*, май 1860, 65, 577—584. — *Примеч. автора.*

Пятое: парадигмы способствуют кодификации качественного анализа таким образом, что он приближается к логической, если не эмпирической строгости количественного. Кодификация методик для вычисления статистических критериев и их математических баз осуществляется как нечто само собой разумеющееся; их предположения и методики выставлены на всеобщее обозрение. В отличие от этого социологический анализ качественных данных часто происходит в замкнутом мире глубоких, но необъяснимых озарений и интуиции. Действительно, дискурсивные описания, не основанные на парадигмах, часто включают перцептивные интерпретации. Пользуясь расхожей фразой, они полны «озаряющих наш путь интуиции». Но не всегда понятно, на каких именно операциях с какими именно аналитическими понятиями построены эти интуитивные озарения. Некоторые ученые даже намекают на то, что эти глубоко личные процессы необходимо преобразовать в наглядно подтверждаемые методики, чтобы они могли стать частью науки об обществе, воспринимаясь как святотатство. И все же понятия и методики даже корифеев от социологии должны поддаваться воспроизведению, а результаты их глубоких интуитивных озарений — проверке другими социологами. Наука, а к ней относится и социология, — дело общее, а не частное. Это не значит, что мы, обыкновенные социологи, хотим все таланты измерить общим аршином. Это означает лишь, что необходимо кодифицировать вклады и великих, и рядовых, если мы хотим, чтобы они способствовали развитию социологии.

Любая добродетель легко превращается в порок просто оттого, что ее довели до крайности, это относится и к социологической парадигме. Она способна вызвать зашоренность. Вооружившись своей парадигмой, социолог может закрыть глаза на стратегические данные, которые этой парадигмой четко не предусмотрены. Тем самым ее можно превратить из социологического полевого бинокля в социологические шоры. Неправильное использование происходит скорее из-за абсолютизации парадигмы, чем из-за применения ее в качестве пробной отправной точки. Но если рассматривать парадигмы как что-то временное и меняющееся, чему суждено претерпеть изменения в ближайшем будущем точно так же, как это происходило с ними в недавнем прошлом, то они предпочтительнее, чем набор молчаливо подразумеваемых допущений.

III. ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ ФУНКЦИИ

Задача кодификации функционального анализа в социологии

Функциональный анализ — одновременно самая перспективная и, возможно, наименее кодифицированная из современных ориентации в области проблем социологической интерпретации. Появившись одновременно на многих интеллектуальных фронтах, он разрастался скорее вширь, чем вглубь. Достижения функционального анализа позволяют утверждать, что возлагаемые на него большие надежды постепенно сбудутся, точно так же, как его нынешние недостатки свидетельствуют о необходимости периодического пересмотра прошлого ради будущих свершений. По крайней мере периодические переоценки выносят на открытое обсуждение многие трудности, которые в противном случае остаются невысказанными и невыраженными.

Как все интерпретационные схемы, функциональный анализ зависит от тройственного союза между теорией, методом и данными. Из трех союзников метод, несомненно, самый слабый. Многие из главных приверженцев функционального анализа увлеченно занимались теоретическими формулировками и уточнением понятий. Некоторые с головой уходили в данные, имеющие непосредственное отношение к функциональной точке зрения. Но лишь немногие нарушили воцарившееся молчание по поводу того, как, собственно, проводят функциональный анализ. Тем не менее обилие и разнообразие видов функционального анализа заставляют прийти к выводу, что *какие-то* методы использовались, и вселяют надежду, что, изучив их, можно многое узнать.

Хотя извлечь пользу из изучения методов можно и без обращения к теории или имеющимся данным — именно это, безусловно, и является задачей методологии или логики метода, — эмпирически ориентированные дисциплины получают гораздо больше от исследования методологических процедур, если при этом должным образом учи-

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

тываются их теоретические проблемы и важнейшие из имеющихся данных. Ибо применение «метода» подразумевает не только логику, но и, возможно, к несчастью для тех, кому приходится бороться с трудностями исследования, также и практические проблемы выстраивания данных в соответствии с требованиями теории. По крайней мере это наша предпосылка. Соответственно, мы будем перемежать наше изложение с систематическим обзором некоторых главных концепций функциональной теории.

Терминология функционального анализа

С самого начала функциональный подход в социологии запутался в терминологии. *Слишком часто один термин использовался для обозначения разных понятий, а одно и то же понятие обозначалось разными терминами.* Жертвами этого непродуманного словоупотребления являются ясность анализа и адекватность информации. Временами анализ страдает от невольного сдвига в концептуальном содержании данного термина, а процесс обмена информацией нарушается, когда одинаковое по сути содержание скрывают за частоклоном различных терминов. Стоит лишь немного проследить за превращениями судьбы понятия «функция», и мы увидим, как вредят концептуальной ясности и разрушают процесс коммуникации соперничающие терминологии функционального анализа.

Один термин, разные понятия

Слово «функция» еще раньше применялось в нескольких дисциплинах и в обычной речи, поэтому нет ничего неожиданного в том, что его коннотации часто становятся неясными собственно в социологии. Ограничиваясь лишь пятью оттенками значений, обычно придаваемыми этому одному слову, мы специально пренебрегаем многими другими. Согласно первому расхожему употреблению, функцией называют прием или торжественное собрание обычно официального характера. Именно в таком смысле, видимо, надо понимать утверждение в газетном заголовке: «Мэр Тобин не поддерживает социальную функцию», так как далее в статье объясняется, что «мэр Тобин заявил вчера, что не заинтересован ни в какой социальной функции, а также никого не уполномочил продавать билеты или продавать рекламу для какого-либо мероприятия». Будучи столь рядовым, это употребление слишком редко встречается в академической литературе, чтобы вне-

сти хоть какую-то лепту в царящий в терминологии хаос. Ясно, что *эта* коннотация слова абсолютно чужда функциональному анализу в социологии.

Во втором значении термин «функция» становится фактически эквивалентом термина «профессия». Макс Вебер, например, определяет профессию как «способ специализации, точного определения и сочетания функций индивида в той мере, в какой он представляет для него основу постоянной возможности заработка или прибыли»¹. Таково частое и на самом деле почти типичное употребление термина некоторыми экономистами, называющими «функциональным анализом группы» сообщение о распределении профессий в этой группе. Поскольку это так, может быть, целесообразно принять предложение Сарджента Флоренса² и закрепить за такими исследованиями более точный оборот — «анализ профессий».

Третье словоупотребление, представляющее собой частный случай предыдущего, характерно как для обычной речи, так и для политических наук. Функцией часто называют деятельность по выполнению обязанностей, возложенных на человека с определенным общественным положением и в особенности предусмотренных пребыванием на высоком посту в государственных и политических органах. Отсюда возникает термин «функционер» или крупный чиновник. Хотя функция в этом смысле частично совпадает с более широким значением, в котором применяется этот термин в социологии и антропологии, его лучше исключить, поскольку он отвлекает внимание оттого факта, что функции выполняют не только люди, занимающие вышеуказанное положение, они характерны и для широкого круга стандартизированной деятельности, общественных процессов, моделей культуры и систем верований в обществе.

Поскольку первым в употребление его ввел Лейбниц, слово «функция» имеет самый точный смысл в математике, где относится к переменной, рассматриваемой по отношению к одной и более переменным, через которую она может быть выражена или от значения которой зависит ее собственное. Эта концепция в более расширенном (и часто в менее точном) смысле отражена в таких фразах, как «функциональная взаимозависимость» и «функциональные отношения», которые так часто применяют социологи³. Когда Маннгейм утвержда-

Max Weber, «Theory of Social and Economic Organization» (edited by Talcott Parsons), (London: William Hodge and Co., 1947), 230. - *Примеч. автора.*

P. Sargent Florence, «Statistical Method in Economics» (New York: Harcourt, Brace and Co., 1929), 357-358. - *Примеч. автора.*

Например, Александер Лессер: «По своей логической сущности, что такое функциональное отношение? Оно чем-то отличается от функциональных отношений в других областях науки? Думаю, что нет. Подлинно функциональное отношение —

ет, что «каждый социальный факт есть функция времени и места, в которых он появляется», или когда демограф утверждает, что «коэффициенты рождаемости являются функцией экономического состояния», они открыто применяют математическую коннотацию, хотя первое не выражено в форме уравнений, а второе выражено. Из контекста обычно ясно, что термин «функция» используется в этом математическом смысле, но социологи нередко мечутся между этим и другим сходным, хотя отдельным оттенком смысла, который также включает понятие «взаимозависимости», «взаимоотношения» или «взаимозависимых вариаций».

Именно эта пятая коннотация и является главной в функциональном анализе применительно к социологии и социальной антропологии. Возникнув отчасти на основе сугубо математического смысла этого термина, данное словоупотребление чаще всего явно заимствуется из биологических наук, где термин «функция» относится к «жизненно важным или органическим процессам, рассматриваемым в том отношении, в котором они способствуют поддержанию жизнедеятельности организма»⁴.

С поправкой на изучение человеческого общества это довольно близко к ключевому понятию функции, принятому антропологами-функционалистами, теми, кто исключительно или отчасти занимается функциональным анализом⁵.

Радклифф-Браун наиболее откровенно возводит свою рабочую концепцию социальной функции к аналогичной модели в биологических науках. Подобно Дюркгейму, он утверждает, что «функция по-

это то, которое устанавливается между двумя или более членами или переменными, так что можно утверждать, что при определенных условиях (образующих один член отношения) наблюдаются определенные выражения этих условий (являющиеся вторым членом этого отношения). Функциональное отношение или отношения, сформулированные относительно любого ограниченного аспекта культуры, должны быть такими, чтобы объяснять природу и характер этого ограниченного аспекта при определенных условиях». «Functionalism in social anthropology», *American Anthropologist*, N.S. 37 (1935), 386-393, на 392. — *Примеч. автора*.

⁴ См., например, Ludwig von Bertalanffy, *Modern Theories of Development* (New York: Oxford University Press, 1933), 9ff, 184 ff.; W.M. Bayliss, *Principles of General Physiology* (London: 1915), 706, где он сообщает от своих исследований функций гормона, об наруженного им и Стерлингом; W.B. Cannon, *Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage* (New York: Appleton & Co., 1929), 222, где описываются «экстремальные функции симпатической и надпочечной системы». — *Примеч. автора*.

⁵ Лоуи разграничивает «чистый функционализм» Малиновского и «умеренный функционализм» Турнвальда. Хотя различие солидное, вскоре станет ясно, что для наших целей оно несущественно. R.H. Lowie, *The History of Ethnological Theory* (New York: Farrar & Rinehart, 1937), глава 13. — *Примеч. автора*.

вторяющегося физиологического процесса является, таким образом, соответствием между ним и потребностями (т.е. необходимыми условиями существования) организма». И в социальной сфере, где отдельные люди, «составляющие сущность элементы», связаны системой социальных отношений в единое целое, «функцией любой повторяющейся деятельности, такой как наказание за преступление или ритуал похорон, является роль, которую она играет в социальной жизни в целом, и таким образом вкладом, которую она вносит в поддержание структурной целостности»⁶.

Хотя Малиновский в своих формулировках отличается в некоторых отношениях от Радклиффа-Брауна, он вслед за ним сутью функционального анализа считает изучение «роли, которую [социальные или культурные элементы] играют в обществе». «Такого рода теория, — объясняет Малиновский в одной из своих первых деклараций о намерениях, — стремится дать объяснение антропологических фактов на всех уровнях развития через *их функцию, через роль, которую они играют в целостной системе культуры, через способ их связи друг с другом внутри системы...*»¹ Как мы вскоре увидим при более подробном изложении, такие повторяющиеся обороты, как «роль, которую они играют в социальной или культурной системе», обычно стирают важное различие между понятием функции как «взаимозависимости» и как «процесса». Нам также нет необходимости особо отмечать здесь, что постулат, согласно которому у каждого элемента культуры есть *некоторые* прочные связи с другими элементами и он занимает некое особое место в целой культуре, едва ли дает наблюдателю или аналитику точные ориентиры для методики. Все это пусть пока подождет. На данный момент достаточно признать, что недавние формулировки прояснили и расширили это понятие функции благодаря постепенным уточнениям. Так, например, Клюкхон говорит: «...данный объект культуры «функционален» в той мере, в какой он определяет

¹ A.R. Kaddiff-Brown, «On the concept of function in social science», *American Anthropologist*, 1935, 37, 395—396. См. также его более позднее президентское обращение к Королевскому антропологическому институту, где он говорит: «...Я бы определил социальную функцию социально стандартизированного образа действия или образа мышления как его отношение к социальной структуре, в существование и продолжительность которой он вносит некий вклад. Аналогично в живом организме физиологическая функция сердцебиения или выделения желудочного сока есть его отношение к органической структуре...» «On social structure» *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1940, 70, часть 1, 9—10. — *Примеч. автора.*

В. Malinowski, «Anthropology», *Encyclopaedia Britannica*, First Supplementary Volume (London and New York, 1926), 132-133 [курсив мой]. - *Примеч. автора.*

вид реакции, являющийся адаптивным с точки зрения общества и регулирующим с точки зрения индивида»⁸.

Из этих коннотаций термина «функция» — а мы затронули лишь некоторые из более широкого спектра — ясно, что за одним и тем же словом скрывается множество понятий. Это ведет к путанице. А когда полагают, что за множеством разных слов стоит одно понятие, то это вызывает еще более страшную путаницу.

Одно понятие, разные термины

В огромный набор терминов, используемых без различий и почти синонимично «функции», входят наданный момент «использование», «полезность», «цель», «мотив», «намерение», «задача», «последствия». Если бы эти и схожие термины использовались в отношении одного и того же строго определенного понятия, не было бы особого смысла, конечно, отмечать их великое множество. Но дело в том, что неупорядоченное применение этих терминов, явно имеющих концептуальную ориентацию, ведет ко все большим отклонениям от четкого и строго функционального анализа. Коннотации каждого термина, скорее отличающиеся от объединяющего их значения, чем соответствующие ему, (невольно) начинают служить основой для выводов, которые становятся все более сомнительными, поскольку все дальше отходят от центрального понятия функции. Достаточно одного-двух примеров, чтобы показать, как неустойчивая терминология способствует нарастающему непониманию.

В следующем отрывке, взятом из одного из самых заметных трудов по социологии преступления, можно обнаружить сдвиги в значении номинально синонимичных терминов и сомнительные выводы, вызванные этими сдвигами. (Ключевые термины выделены курсивом, чтобы помочь сориентироваться в изложении.)

Цель наказания. Делаются попытки определить *цель* или *функцию* наказания в разных группах в разное время. Многие исследователи настойчиво утверждают, что какой-то один *мотив* был *мотивом* при наказании. С другой стороны, подчеркивается *функция* наказания в восстановлении солидарности группы, которая была ослаблена преступлением. Томас и Знанецкий указывают, что у польских крестьян наказание преступления *предназначено прежде всего* для восстановления ситуации, существовавшей до преступления и для возобновления солидарности

⁸ Clyde Kluckhohn, *Navaho Witchcraft*, Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, (Cambridge: Peabody Museum, 1944), XXII, No. 2, 47a. — *Примеч. автора.*

группы, и что месть является *вторичным соображением*. С этой точки зрения наказание имеет *первостепенную важность* для группы и лишь *второстепенную* для правонарушителя. С другой стороны, искупление, удержание от преступных действий, возмездие, исправление, доход для государства и другие моменты постулируются как *функция* наказания. Как в прошлом, так и сейчас, не видно, чтобы один из этих элементов являлся единственным *мотивом*; наказания, видимо, продиктованы *многими мотивами* и выполняющего *функций*. Это верно и в случае отдельных жертв преступления, и в случае государства. Безусловно, законы в наше время непоследовательны *в задачах или мотивах*; вероятно, та же ситуация была и в более ранних обществах⁹.

Сначала нам надо обратиться к списку терминов, явно относящихся к одному понятию: цель, функция, мотив, предназначено, вторичное соображение, первостепенная важность, задача. При пристальном рассмотрении выясняется, что эти термины *группируются вокруг совершенно различных концептуальных ориентиров*. Временами некоторые из них — мотив, предназначение, задача или цель — явно относятся к *точно сформулированным конечным целям представителей государства*. Другие — мотив, вторичное соображение — относятся к *конечным целям жертвы преступления*. И оба набора терминов сходны в своей ориентации на *субъективные ожидания результатов наказания*. Но понятие функции включает в себя точку зрения *наблюдателя* и не обязательно — точку зрения участника. Социальная функция относится к *наблюдаемым объективным последствиям*, а не к *субъективным планам* (задачам, мотивам, целям). А отсутствие различий между объективными социологическими последствиями и субъективными планами неизбежно ведет к неразберихе в функциональном анализе, как видно из следующего отрывка (в котором ключевые термины опять выделены курсивом).

Самый большой отрыв от реальности происходит при обсуждении так называемых «функций» семьи. Семья, нам говорят, выполняет *важные функции* в обществе; она обеспечивает продолжение рода и воспитание молодых; она выполняет экономические и религиозные функции и так далее. Нам чуть ли не внушают, *что люди женятся и заводят детей, потому что* стремятся выполнить эти необходимые социальные функции. На самом деле люди женятся, *потому что* влюблены или подругам менее романтичным, но не менее личным причинам. *Функция семьи, с точки зрения человека*, в том, чтобы удовлетворить его желания. *Функция семьи или любого другого социального института — это просто то, для чего люди его используют*. Социальные «функции» — в основном *рациона-*

Edwin H. Sutherland, *Principles of Criminology*, third edition (Philadelphia: J.B. Lippincott, 1939), 349-350. - *Примеч. автора*.

лизации сложившейся практики; мы сначала действуем, потом объясняем; мы действуем *личными причинами* и оправдываем *наше* поведение общественными или этическими *законами*. Постольку поскольку эти *функции* институтов имеют какое-то реальное основание, его надо сформулировать на языке социальных процессов, в которых участвуют люди, *пытаясь* удовлетворить свои желания. Функции возникают из взаимодействия конкретных людей и конкретных *целей*¹⁰.

Этот отрывок — интересная смесь маленьких островков ясности среди огромной неразберихи. Каждый раз, когда ошибочно отождествляются (субъективные) мотивы с (объективными) функциями, происходит отказ от ясного функционального подхода. Ибо, как мы вскоре увидим, нет необходимости предполагать, что *мотивы* вступления в брак («любовь», «личные причины») идентичны *функциям*, выполняемым семьей (социализация ребенка). Опять-таки нет необходимости предполагать, что *причины*, которыми люди объясняют свое поведение («мы действуем по личным причинам»), точно такие же, как наблюдаемые последствия этих моделей поведения. Субъективные планы могут совпасть с объективным последствием, но опять-таки может и не совпасть. Оба фактора меняются независимо друг от друга. Однако когда говорится, что люди имеют определенные мотивы, чтобы выбрать такое поведение, которое может вызвать (не обязательно преднамеренно) те или иные функции, то тем самым предлагается выход из возникшей путаницы".

Этот краткий обзор соперничающих терминологий и их неудачных последствий может послужить своего рода ориентиром при дальнейших попытках кодификации понятий функционального анализа. В будущем безусловно представится возможность ограничить использование социологического понятия функции и возникнет необходимость четко различать субъективные категории планов и объективные категории наблюдаемых последствий. Иначе суть функциональной ориентации может потеряться в облаке туманных определений.

¹⁰ Willard Waller, *The Family* (New York: Cordon Company, 1938), 26. - *Примеч. автора.*

¹ Эти два примера, когда путают мотив и функцию, взяты из доступных всем дополнительных материалов такого рода. Даже Радклиффу-Брауну, который обычно избегает этого, иногда не удается их разграничить. Например: «...обмен подарками не служил той же *цели*, что торговля и товарообмен в более развитых обществах. Его же *цель* была моральная. *Задачей* обмена было вызвать дружеские чувства у двух данных лиц, и если это не получалось, то *цель* не была достигнута». С чьей точки зрения рассматривается «задача» обмена: наблюдателя, участника или обоих? См. A.R.-Radcliffe-Brown, *The Andaman Islanders* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1948), 84 [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

Преобладающие постулаты в функциональном анализе

Главным образом в антропологии, но не только в ней, функциональные аналитики широко применяют три взаимосвязанных постулата, которые, как мы сейчас будем утверждать, оказались спорными и ненужными для функциональной ориентации.

По сути, в этих постулатах утверждается — первое: что стандартизированная социальная деятельность или элементы культуры функциональны для *всей* социальной или культурной системы; второе: что все такие социальные или культурные элементы выполняют социологические функции; третье: что эти элементы, следовательно, *обязательны*. Хотя эти три догмата веры обычно можно увидеть лишь в компании друг друга, их лучше исследовать отдельно, поскольку с каждым из них связаны свои особые трудности.

Постулат функционального единства общества

Именно Радклифф-Браун в типичной для него манере четко формулирует этот постулат:

Функция отдельного социального обычая — это вклад, который он вносит в *общую социальную жизнь* как функционирование *общей социальной системы*. Такой взгляд предполагает, что социальная система {общая социальная структура общества вместе с совокупностью социальных обычаев, в которых появляется эта структура и от которых зависит ее непрерывное существование) обладает неким единством, о котором мы можем говорить как о функциональном единстве. Можно определить его как условие, при котором все части социальной системы работают вместе с достаточной степенью гармоничности или внутренней непротиворечивости, т.е. не порождают постоянных конфликтов, которые нельзя ни разрешить, ни урегулировать¹².

Необходимо отметить, однако, что он далее описывает это понятие функционального единства как гипотезу, нуждающуюся в дальнейшей проверке.

Сначала могло бы показаться, что Малиновский сомневается в эмпирической приемлемости этого постулата, когда отмечает, что «со-

¹² Radcliff-Brown, «On the concept of function», *op. cit.*, 397 [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

циологическая школа» (в которую он загоняет Радклиффа-Брауна), «преувеличивала социальную солидарность первобытного человека» и «игнорировала индивида»¹³. Но вскоре становится очевидным, что Малиновский не столько отказывается от этого сомнительного предположения, сколько умудряется добавить к нему другое. Он дальше говорит о стандартизированных обычаях и верованиях как о функциональных «для культуры в целом», а потом выдвигает предположение, что они *также* функциональны для каждого члена общества. Так, ссылаясь на первобытную веру в сверхъестественное, он пишет:

Здесь функциональная точка зрения подвергается серьезному испытанию... Она должна показать, каким образом вера и ритуал способствуют социальной интеграции, технической и экономической эффективности, *культуре в целом* — косвенно, таким образом, биологическому и умственному благосостоянию *каждого отдельного члена*¹⁴.

Если первое несостоятельное предположение сомнительно, то это сходное с ним сомнительно вдвойне. Действительно ли элементы культуры единообразно выполняют функции для общества, рассматриваемого как система, и для всех членов общества это, видимо, скорее эмпирический вопрос, чем аксиома.

Клюкхон явно осознает эту проблему, поскольку его альтернативы шире и включают ту возможность, что культурные формы являются «регуляторными или адаптивными... для членов общества *или* для общества, рассматриваемого как устоявшаяся единица»¹⁵. Это необходимый первый шаг, допускающий вариативность *единицы*, для которой выполняется приписываемая ей функция. Эмпирические наблюдения заставят нас значительно расширить диапазон изменчивости этой единицы.

Кажется достаточно ясным, что понятие функционального единства не является постулатом, который невозможно эмпирически проверить; как раз наоборот. Степень интеграции — это эмпирическая

¹³ См. B. Malinowski, «Anthropology», *op. cit.*, 132, и «The group and the individual in functional analysis», *American Journal of Sociology*, 1939, 44, 938—964, на 939. — *Примеч. автора.*

¹⁴ B. Malinowski, «Anthropology», *op. cit.*, 135. Б. Малиновский придерживался этой точки зрения без существенных изменений и в более поздних работах. Среди них см., например, «The group and individual in functional analysis», *op. cit.*, на 962—963: «...мы видим, что каждый институт способствует, с одной стороны, интегральному функционированию *общества в целом*, но он также удовлетворяет производные и основные потребности индивида... каждым из перечисленных благ пользуется *каждый отдельный член*» [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

¹⁵ Kluckhohn, *Navaho Witchcraft*, 46b [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

переменная¹⁶, меняющаяся со временем для одного и того же общества и различная в различных обществах. Все ли общества должны обладать некоторой степенью интеграции — это вопрос определения голословных утверждений. Но не у всех обществ такая *высокая* степень интеграции, в которой *каждая* культурно стандартизированная деятельность или верование функциональны для общества в целом и одинаково функциональны для людей, живущих в нем. Радклиффу-Брауну фактически не надо было далеко ходить за примерами, стоило лишь обратиться к своему любимому миру аналогий, чтобы усомниться в адекватности предположения о функциональном единстве. Ибо мы находим существенные вариации в степени интеграции среди отдельных биологических организмов, несмотря на продиктованное здравым смыслом предположение, что тут уж, конечно, все части организма стремятся к «единой» цели. Рассмотрим хотя бы следующее высказывание:

Легко увидеть, что есть *высокоинтегрированные организмы*, жестко регулируемые нервной системой или гормонами, и потеря любой большой их части сильно влияет на целую систему и часто вызывает смерть, но, с другой стороны, существуют низшие *организмы с намного более слабой взаимосвязью*, где потеря даже большей части тела вызывает лишь временное неудобство до регенерации заменяющих тканей. Многие из этих более свободно организованных животных настолько *слабо интегрированы*, что *разные части могут находиться в активной оппозиции друг к другу*. Так, если обычную морскую звезду положить на спину, часть ее щупальцев может попытаться повернуть животное в одном направлении, тогда как другие стараются повернуть ее в противоположную сторону... В силу своей *свободной интеграции* морская ветреница может плыть дальше, оставив часть своей ножки прикрепленной к камню, так что ее тело оказывается сильно разорванным¹⁷.

Если это верно относительно отдельных организмов, то *a fortiori** казалось бы справедливым в отношении сложных социальных систем.

Не нужно далеко ходить, чтобы показать, что предположение о полном функциональном единстве общества постоянно противоречит фактам. Социальные обычаи или настроения могут быть функциональными для некоторых групп и дисфункциональными для других в одном и том же обществе. Антропологи часто приводят «возрос-

¹⁶ Заслугой Сорокина в его раннем обзоре теорий социальной интеграции является то, что он не упустил этот важный факт. СГ. P.A. Sorokin, «Forms and problems of culture-integration», *Rural Sociology*, 1936, 1, 121-141; 344—374. — *Примеч. автора*.

¹⁷ G.H. Parker, *The Elementary Nervous System*, процитирован: W.C. Allee, *Animal Aggregation* (University of Chicago Press, 1931), 81—82. — *Примеч. автора*.

* тем более (лат.). — *Примеч. пер.*

шую солидарность общины» и «возросшую гордость за семью» в качестве примеров функционально адаптивных настроений. Тем не менее, как отметил Бейтсон¹⁸ и многие другие, усиление семейной гордости среди отдельных семей зачастую может приводить к подрыву солидарности небольшой местной общины. Постулат о функциональном единстве не только часто противоречит фактам, он еще имеет очень малую эвристическую ценность, поскольку отвлекает внимание аналитика от того обстоятельства, что данный социальный или культурный элемент (обычай, верование, модель поведения, институт) может иметь разное значение для различных социальных групп и для отдельных членов этих групп.

Если масса наблюдений и фактов, отрицающих предположение о функциональном единстве, столь велика и легкодоступна, как мы показали, интересно узнать, как же так получается, что Радклифф-Браун и другие, которые следуют его примеру, продолжают придерживаться этого предположения. Возможно, ключом к разгадке служит тот факт, что эта концепция в своих последних формулировках была разработана антропологами, то есть людьми, занимающимися в первую очередь изучением обществ, не знающих письменности. Принимая во внимание то, что Радин описал как «высокоинтегрированную природу большинства цивилизаций аборигенов», это предположение может подойти для некоторых, если не для всех обществ, не знающих письменности. Но приходится интеллектуально расплачиваться за перенос этого, возможно, полезного предположения из области малых обществ без письменности в область больших, сложных и высокодифференцированных обществ с письменностью. Наверное, ни в одной другой сфере опасность такого переноса не проявляется столь явно, как в функциональном анализе религии. На этом стоит ненадолго остановиться хотя бы потому, что тут отчетливо видны заблуждения, которые мы унаследуем, если примем это предположение, не подвергнув его тщательной проверке.

Функциональная интерпретация религии. При рассмотрении цены, которую приходится платить за перенос этого подразумеваемого предположения о функциональном единстве из области относительно малых и относительно тесно спаянных групп без письменности в область более высокодифференцированных и, возможно, более свободно интегрированных обществ, полезно рассмотреть работу социологов, особенно тех, кто обычно чутко относится к допущениям, на которых основывается его работа. Этот вопрос представляет большой интерес, так как он связан с более общим вопросом о попытках приме-

¹⁸ Gregory Bateson, *Naven* (Cambridge [England] University Press, 1936), 31—32. — Примеч. автора.

нить без соответствующих модификаций к изучению обществ с письменностью концепции, полученные и развитые при изучении обществ, не имеющих письменности. (Во многом та же проблема возникает и при переносе методов и процедур исследования, но мы это здесь не рассматриваем.)

Широкие и сделанные безотносительно ко времени и пространству обобщения об «интеegrативных функциях религии» в основном, хотя, конечно, не в целом, получены из наблюдений за обществами, не имеющими письменности. Нередко социолог безоговорочно принимает сведения, касающиеся таких обществ, и продолжает разглагольствовать об интеegrативных функциях религии *в целом*. Так недолго дойти до рассуждений следующего рода:

Причина, по которой необходима религия, со всей очевидностью заключается в том факте, что общество достигает единства в первую очередь благодаря тому, что у его членов есть определенные общие конечные цели и ценности. Хотя эти ценности и цели субъективны, они влияют на поведение, и их интеграция позволяет обществу функционировать как системе".

В развитых обществах, построенных на научной технологии, духовенство постепенно утрачивает свой статус, поскольку духовная традиция и вера в сверхъестественное отходят на второй план... [но] *Ни одно общество не стало настолько совершенно секуляризированным, чтобы полностью ликвидировать веру в трансцендентальные цели и сверхъестественные существа. Даже в секуляризированном обществе должна быть какая-то система для интеграции конечных ценностей, для их ритуального выражения и эмоционального регулирования, необходимых при ра-*

Исходя из ориентации Дюркгейма, которая была в основном построена на изучении обществ, не имеющих письменности, эти авторы склонны выделять *только* явно интеegrативные последствия религии и игнорировать ее возможно дезинтеegrативные последствия *в определенных типах социальной структуры*. Однако рассмотрим следующие известные факты и вопросы. (1) Когда в одном обществе сосуществуют разные религии, часто происходят серьезные конфликты между разными религиозными группами (достаточно посмотреть на огромную литературу по межрелигиозным конфликтам в европейских обществах). В каком же тогда смысле религия способствует интеграции «данного» общества в различных обществах с множеством

Kingsley Davis and Wilbert E. Moore, «Some principles of stratification», *American Sociological Review*, April 1945, 10, 242—49, на 244 [курсив мой]. — *Примеч. автора*. Ibid., 246 [курсив мой]. — *Примеч. автора*.

религий? (2) Безусловно верно, что «общество достигает единства [в той степени, в которой оно проявляет такое единство] в первую очередь благодаря тому, что у его членов есть общие конечные цели и ценности». Но где данные, указывающие на то, что «нерелигиозные» люди, скажем, в нашем обществе реже согласны с определенными общими «целями и ценностями», чем приверженцы религиозных доктрин? (3) В каком смысле религия способствует интеграции большего общества, если содержание ее доктрины и ценностей расходится с содержанием других, нерелигиозных ценностей, которые характерны для многих людей в том же обществе? (Например, конфликт между неприятием Католической церковью законодательства о детском труде и светскими ценностями предотвращения «эксплуатации юных изживенцев». Или противоположная оценка регулирования рождаемости различными религиозными группами в нашем обществе.)

Можно было бы значительно расширить список общеизвестных фактов, касающихся роли религии в современных обществах с письменностью, и с ними, безусловно, хорошо знакомы функционалисты-антропологи и социологи, описывающие религию как интегративную, не ограничивая круг социальных структур, для которых это верно. Можно по крайней мере себе представить, что теоретическая ориентация, выведенная из исследования обществ без письменности, заслонила собой очевидные факты о функциональной роли религии в обществах с несколькими религиями. Наверное, именно перенос предположения о функциональном единстве и приводит к вычеркиванию всей истории религиозных войн, инквизиции (которая вбивала клин не в одно общество), разрушительных конфликтов между религиозными группами. Ибо факт остается фактом: все игнорируют эти хорошо известные данные, предпочитая примеры, взятые из исследования религии в обществах без письменности. Еще более поразительно, что в той же самой статье, процитированной выше, где дальше говорится о «религии, приводящей к интеграции с точки зрения настроений, верований и ритуалов», нет ни намека на возможно разъединяющую роль религии.

Такой функциональный анализ может, конечно, подразумевать, что религия приводит к интеграции тех, кто верит в *те же самые* религиозные ценности, но маловероятно, что имеется в виду именно это, поскольку это просто бы доказывало, что интеграция достигается любым консенсусом по любому множеству ценностей.

Более того, это опять-таки показывает, как опасно придавать постулату функционального единства (который *может* быть более или

менее приемлемым для некоторых обществ без письменности) значение безусловной модели *обобщенного* функционального анализа. Обычно в обществах без письменности существует всего лишь одна преобладающая религиозная система, так что, кроме "отдельных девиантов", членство всего общества и членство религиозной общности фактически совпадает по объему. Очевидно, что в этом типе социальной структуры общий набор религиозных ценностей может иметь в качестве одного из своих последствий усиление общих чувств и социальной интеграции. Но это не так-то легко поддается доказуемому обобщению относительно других типов общества.

У нас будет возможность вернуться к другим теоретическим заключениям современного функционального анализа религии, но на данный момент мы видим, чем чревато принятие несостоятельного постулата о функциональном единстве. Такое единство всего общества нельзя успешно постулировать, предваряя наблюдение. Это непреложный факт. Теоретическая система функционального анализа должна четко требовать *точного определения единиц*, для которых данный социальный или культурный элемент является функциональным. Она должна четко допускать, что данный элемент может иметь разные последствия, функциональные и дисфункциональные, для индивидов, подгрупп и для более широкой социальной структуры и культуры.

Постулат универсального функционализма

В сжатом виде этот постулат гласит, что все стандартизированные социальные или культурные формы имеют позитивные функции. Малиновский формулирует его категорично, как и другие аспекты функциональной концепции:

Функциональная точка зрения на культуру настоятельно выдвигает, таким образом, принцип, что *в любом типе цивилизации каждый обычай, материальный объект, идея или верование выполняет какую-то жизненно важную функцию...*²¹

Хотя, как мы видели, Клюкхон допускает изменчивость единицы, какой является форма культуры, он присоединяется к Малиновскому в постулировании функционального значения всех сохраняющихся форм культуры. «Мой основной постулат... гласит, что ни одна

B. Malinowski, «Anthropology», *op. cit.*, 132 [курсив, хотя и дан, наверное, излишен при такой выразительности оригинала]. — *Примеч. автора.*

форма культуры не выживает, если не представляет собой реакцию, которая в некотором смысле является регуляторной или адаптивной...»²² Может ли этот универсальный функционализм быть эвристическим постулатом — это будет видно. Но нужно быть готовым к тому, что он тоже отвлекает внимание аналитика от ряда нефункциональных значений существующих форм культуры.

Фактически, когда Клюкхон пытается доказать свое положение, приписывая «функции» элементам без видимых функций, он говорит о такой функции, которую, как можно было бы увидеть *по определению*, без всякого исследования, выполняют все существующие до сих пор элементы культуры. Так, он высказывает мысль, что на

данный момент бесполезные в техническом отношении пуговицы на рукавах европейского мужского костюма содействуют выполнению «функции» сохранения привычного, поддержания традиции. Люди по большей части испытывают больший комфорт, если чувствуют преемственность в поведении, если чувствуют, что придерживаются ортодоксальных и социально одобренных форм поведения²³.

Это как бы представляет собой пограничный случай, когда приписывание функции мало что вносит в непосредственное описание модели культуры или формы поведения. Вполне можно предположить, что все *устоявшиеся* элементы культуры (которые можно расплывчато описать как «традицию») как минимум имеют функцию «сохранения привычного, поддержания традиции». Это все равно что сказать, что «функция» подчинения любой-установившейся практике, — это позволить конформисту избежать санкций, которые иначе были бы к нему применены за отклонение от установившейся практики. Это, безусловно, верно, но мало что проясняет. Однако это послужит нам напоминанием, что надо будет исследовать *типы функций*, которые приписывает элементам культуры социолог. На данный момент мы приходим к предварительному предположению, что, хотя каждый элемент культуры или социальной структуры *может* иметь функции, рано утверждать безоговорочно, что каждый такой элемент *должен* быть функциональным.

Постулат универсального функционализма является, конечно, историческим результатом бурной, скучной и затянувшейся дискуссии по поводу «пережитков», в которой ломали копыя антропологи в первой половине столетия. Понятие социального пережитка, то есть, по словам Риверса, «обычая... [который] нельзя объяснить его со-

²² Kluckhohn, *Navaho Witchcraft*, 46 [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

²³ Ibid., 47. — *Примеч. автора.*

временной полезностью, но который становится понятным благодаря его прошлой истории»²⁴, восходит по крайней мере к Фукидиду. Но когда на первый план вышли эволюционные теории культуры, понятие пережитка оказалось стратегически еще более важным для реконструкции «стадий развития» культур, особенно для обществ, не имеющих письменности и не оставивших никаких письменных свидетельств. Для функционалистов, желавших уйти от того, что они считали обычно фрагментарной и часто предположительной «историей» обществ без письменности, критика понятия пережитка вылилась в критику всей интеллектуально неприемлемой для них системы эволюционного мышления. В результате они, наверное, перестарались в своих нападках на это центральное понятие эволюционной теории и выдвинули столь же односторонний «постулат» о том, что «каждый обычай [везде]... выполняет некую жизненно важную функцию».

Было бы обидно позволить полемике антропологических предков создавать столь же великолепные преувеличения в настоящем. Раз социальные пережитки были открыты, получили название и были изучены, их нельзя изгнать постулатом. А если нельзя предъявить никакие образцы таких пережитков, то дискуссия сходит на нет сама по себе. Более того, можно сказать, что даже когда такие пережитки можно обнаружить в современных обществах с письменностью, они, похоже, мало что дают для понимания поведения человека или динамики социальных изменений. Нетребую от них исполнения сомнительной роли — роли жалких заменителей письменных исторических свидетельств, — социолог, занимающийся обществами с письменностью, может без особого ущерба пренебречь пережитками. Но не надо, чтобы архаичная и не имеющая отношения к делу полемика заставляла его принять несостоятельный постулат, что все элементы культуры выполняют жизненно важные функции. Ибо это тоже проблема, подлежащая изучению, а не готовый вывод, сделанный до исследования. Гораздо более полезным в качестве ориентира для исследования нам представляется предварительное допущение, что у существующих культурных форм есть *четкое равновесие функциональных влияний*, идет ли речь об обществе, рассматриваем как единое целое, или о подгруппах, достаточно сильных, чтобы сохранить эти формы неизменными путем прямого принуждения или косвенного убеждения. При такой формулировке сразу же удается избежать присущей функционально-

²⁴ W.H.R. Rivers, «Survival in sociology», *The Sociological Review*, 1913, 6, 293—305. См. также E.B. Tylor, *Primitive Culture* (New York, 1874), особ. 1, 70—159; и недавний обзор проблемы Lowie, *The History of Ethnological Theory*, 44ff., 81f. Разумное и сдержанное изложение проблемы см.: Durkheim, *Rules of Sociological Method*, chapter 5, особ. на 91. — *Примеч. автора.*

му анализу склонности сосредоточиваться на положительных функциях и направить внимание исследователя и на другие типы логических выводов.

Постулат обязательности

Последний из этого трио постулатов, распространенных среди социологов-функционалистов, является во многих отношениях самым двусмысленным. Двусмысленность становится очевидной в вышеупомянутом манифесте Малиновского, гласящем, что в каждом типе цивилизации каждый обычай, материальный объект, идея или верование выполняет некую *жизненно важную* функцию, у каждого своя задача, это *обязательный элемент* работающего целого²⁵.

Из этого отрывка не совсем ясно, об обязательности чего он говорит: *функции, элемента* (обычая, объекта, идеи, верования), выполняющего функцию, или их *обоих*.

Эта двусмысленность довольно часто встречается в литературе. Так, в уже упомянутом нами изложении роли религии Дэвисом и Мором на первый взгляд кажется, что они считают религию обязательной именно *как институт*: «Причина, по которой религия необходима...», «...религия... играет уникальную и обязательную роль в обществе»²⁶. Но вскоре оказывается, что не столько институт религии рассматривается как обязательный, сколько функции, которые обычно закрепляют за религией. Ибо Дэвис и Мор полагают религию обязательной лишь постольку, поскольку она заставляет членов общества принять «некоторые общие для всех конечные ценности и цели». Эти ценности и цели, говорится там,

должны... казаться членам общества имеющими некую реальность, и как раз роль религиозной веры и ритуала — дать и усилить это ощущение реальности. Через ритуал и веру общие цели и ценности связаны с воображаемым миром, который символизируют святыни, и этот мир, в свою очередь, значимым образом связан с фактами и тяжелыми испытаниями в жизни индивида. Через поклонение святыням и существам, которые они символизируют, и через приятие *сверхъестественных предписаний*, которые в то же время являются кодексами поведения, осуществляется мощный контроль за поведением человека, направляя его на под-

²⁵ B. Malinowski, «Anthropology», *op. cit.*, 132 [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

²⁶ Kingsley Davis and Wilbert E. Moore, *op. cit.*, 244, 246. См. недавнее изложение вопроса Дэвисом во вступлении к W.J. Goode, *Religion Among the Primitives* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951) и интересные функциональные интерпретации религии в этом томе. — *Примеч. автора.*

держание институциональной структуры и соотнозя его с конечными целями и ценностями²⁷.

Декларируемая обязательность религии, таким образом, основана на допущении, что именно через «поклонение» и «сверхъестественные предписания» — и только через них — можно достичь необходимого минимума «контроля за поведением человека» и «интеграции с точки зрения настроений верований».

Короче говоря, постулат обязательности в своей обычной формулировке содержит два связанных, но различных утверждения. Первое: предполагается, что существуют определенные функции, являющиеся обязательными в том смысле, что если они не будут выполнены, общество (или группа, или индивид) не сохранится. Тем самым выдвигается понятие *функциональных предпосылок или непременных условий, функционально необходимых* для общества, и у нас будет возможность изучить это понятие более детально. Второе — и это совсем другой вопрос, — предполагается, что для выполнения каждой из этих функций *определенные культурные или социальные формы* необходимы. Это влечет за собой понятие специализированных и незаменимых структур и приводит ко всякого рода теоретическим трудностям. Так, можно показать не только то, что это явно противоречит фактам, но еще и включает несколько вспомогательных допущений, которые с самого начала доставляют неприятности в функциональном анализе. Это отвлекает внимание от того факта, что при определенных условиях, которые еще предстоит изучить, функции, необходимые для сохранения групп, выполняются альтернативными социальными структурами (и формами культуры). Идя дальше, мы должны выдвинуть главную теорему функционального анализа: *точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так и одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы*. По отношению к определенным социальным структурам функциональные потребности здесь считаются факторами скорее рекомендующими, чем жестко детерминирующими. Или, другими словами, существует целый круг вариаций в структурах, выполняющих данную функцию. (В ограничения, накладываемые на этот круг вариаций, входит понятие структурной детерминации, о нем подробнее в дальнейшем.)

Таким образом, в противовес подразумеваемому понятию обязательных форм культуры (институтов, стандартизированных ритуалов, систем верований и т.д.) существует понятие *функциональных альтернатив*, или *функциональных эквивалентов*, или *функциональных заме-*

²⁷ Ibid., 244—245 [курсив мой]. — Примеч. автора.

нителей. Это понятие имеет широкое распространение и применение, но необходимо заметить, что ему неуютно в той же самой теоретической системе, которая связана с постулатом обязательности определенных форм культуры. Так, после обзора теории Малиновского о «функциональной необходимости таких механизмов, как магия», Парсонс счел нужным отметить следующее:

...всегда, когда такие элементы неопределенности присутствуют при преследовании эмоционально важных целей, пусть даже не магии, можно было бы ожидать появления по крайней мере *функционально эквивалентных* явлений²⁸.

Это сильно отличается от настойчивого утверждения самого Малиновского, что, таким образом, магия выполняет *обязательную функцию* в области культуры. Она удовлетворяет определенную потребность, которую не могут удовлетворить никакие другие факторы первобытной цивилизации²⁹.

Это двойное понятие обязательной функции и незаменимой модели верование-действие полностью исключает понятие функциональных альтернатив.

По сути дела, понятие функциональных альтернатив или эквивалентов периодически возникало в каждой дисциплине, которая принимала функциональную систему анализа. Оно, например, широко использовалось в психологических науках, о чем красноречиво свидетельствует работа Инглиша³⁰. И в неврологии, исходя из экспериментальных и клинических данных, Лэшли подчеркнул неадекватность «предположения, что отдельные нервные клетки приспособлены для отдельных функций», утверждая, что отдельную функцию может выполнять ряд альтернативных структур³¹.

У социологии и социальной антропологии есть еще больше оснований избегать постулата об обязательности данных структур и систематически работать с понятием функциональных альтернатив и функциональных заменителей. Ведь точно так же, как неспециалисты давно ошибаются, полагая, что «странные» обычаи и верования других обществ являются «простыми суевериями», так и социологи-функционалисты рискуют ошибиться, впад в другую крайность: во-пер-

²⁸ Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory, Pure and Applied* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1949), 58. — *Примеч. автора.*

²⁹ B. Malinowski, «Anthropology», *op. cit.*, 136 [курсив мой]. — *Примеч. автора.*

³⁰ Horace B. English, «Symbolic versus functional equivalents in the neuroses of deprivation», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1937, 32, 392—394. — *Примеч. автора.*

³¹ K.S. Lashley, «Basic neural mechanisms in behavior», *Psychological Review*, 1930, 37, 1—24. — *Примеч. автора.*

вых, торопясь обнаружить функциональное или адаптивное значение в этих обычаях и верованиях, и во-вторых, не умея понять, какие из альтернативных видов действия следует исключить, поскольку они не укладываются в официально провозглашенные нормы функционализма. Так, нередко некоторые функционалисты готовы заключить, что магия или определенные религиозные обряды и верования функциональны, так как они воздействуют на душевное состояние верующего или придают ему уверенность в себе. Тем не менее в некоторых случаях вполне возможно, что эти магические действия заменяют доступные всем светские и более адаптивные действия. Как отметил Ф.Л. Уэллс,

Если прибить к двери подкову во время эпидемии оспы, это может оказать моральную поддержку живущим в доме, но не изгонит оспу; такие представления и практика не выдержат светской проверки, которой их можно подвергнуть, и чувство защищенности, которое они дают, сохраняется лишь до тех пор, пока не подвергается действительной проверке³².

Те функционалисты, чья теория вынуждает их следить за воздействием таких символических ритуалов *только* на душевное состояние индивида и которые поэтому заключают, что магический обычай функционален, игнорируют тот факт, что эти самые ритуалы могут иногда занять место более эффективных альтернатив³¹. А теоретики, ука-

³² F.L. Wells, «Social maladjustments: adaptive regression», in Carl A. Murchison, ed., *Handbook of Social Psychology* (Clark University Press, 1935), 880. Замечание Уэллса не устарело до сих пор. Не далее как в тридцатые годы нашего века оспа «прошлась» и по таким штатам, как Айдахо, Вайоминг и Монтана, которые, не имея законов об обязательной вакцинации, могли похвастаться где-то 4300 случаями оспы за пятилетний период в то самое время, когда более населенные штаты Массачусетс, Пенсильвания и Род-Айленд, штаты с законами об обязательной вакцинации, не имели ни одного случая оспы вообще. О недостатках «здорового смысла» в таких вопросах см. Hugh Cabot, *The Patient's Dilemma* (New York: Reynal & Hitchcock, 1940), 166—167. - *При меч. автора*.

³³ Наверное, необходимо отметить, что это утверждение сделано с учетом замечания Малиновского, что тробриандеры не *заменяли* применение рациональной технологии своими магическими верованиями и обычаями. Остается проблема определить степень, до которой технологическое развитие замедляется полузависимостью от магии при столкновении с «рядом неопределенностей». Эта область неопределенности, вероятно, точно не зафиксирована, а сама по себе связана с имеющейся технологией. Ритуалы, направленные на изменение погоды, например, вполне могут поглотить силы людей, которые могли бы вместо этого сокращать эту «область неопределенности», занимаясь развитием метеорологических знаний. Каждый раз нужно судить по существу дела. Мы здесь ссылаемся лишь на все большее стремление социальных антропологов и социологов ограничиваться наблюдаемыми воздействиями на «моральное состояние» рационально и эмпирически необоснованных обыча-

зывающие на обязательность стандартизированных ритуалов или преобладающих институтов, выполняющих наблюдаемую функцию усиления каких-либо общих настроений, прежде чем делать этот вывод, чаще преждевременный, чем обоснованный, должны сначала попытаться найти их функциональные заместители.

В результате обзора этих трех функциональных постулатов появляется несколько основных соображений, которые необходимо учесть при попытке кодифицировать этот способ анализа. Начав с тщательного изучения *постулата функционального единства*, мы установили, что нельзя постулировать полную интеграцию всех обществ и что это — эмпирический фактуальный вопрос, решая его, мы должны быть готовы обнаружить целый ряд степеней интеграции. А при рассмотрении конкретного случая — функциональных интерпретаций религии — мы осознали, что хотя природа человека может быть единой, из этого не следует, что структура обществ без письменности во всем сходна со структурой высокодифференцированных обществ с письменностью. Разница в их уровне — скажем, существование нескольких в корне отличающихся религий в одном типе обществ в отличие от другого — может сделать рискованной аналогию между ними. Из критического изучения этого постулата вытекает, что теория функционального анализа должна требовать *уточнения* социальных единиц, для которых выполняются данные социальные функции; кроме того, надо признать, что элементы культуры имеют разнообразные значения, некоторые из них функциональны, а другие, возможно, дисфункциональны.

Обзор второго постулата — *постулата универсального функционализма*, который гласит, что все до сих пор существующие формы культуры неизбежно функциональны, — привел к другим соображениям, которым должен соответствовать кодифицированный подход к функциональной интерпретации. Оказалось, что нужно быть готовым не только к тому, чтобы обнаружить наряду с функциональными также и дисфункциональные значения этих форм, но и к тому, что теоретик в конце концов столкнется с трудной задачей разработать аппарат для оценки точного баланса этих значений, если хочет, чтобы его исследование имело отношение к социальной технологии. Ясно, что рекомендация эксперта, основанная лишь на оценке ограниченного и, возмож-

ев и обыкновение предрешать анализ альтернатив, которые были бы доступны в данной ситуации, если бы ориентация на «трансцендентальное» и «символическое» не сосредоточивала внимание на других вопросах. И наконец, надо надеяться, что все это не будет ошибочно принято за повторную формулировку иногда наивного рационализма века Просвещения. — *Примеч. автора.*

но, произвольно выбранного круга значений, которые могут появиться в результате изучаемой деятельности, часто будет ошибочной и ее обоснованно сочтут малоценной.

Постулат обязательности, как мы обнаружили, привел к двум утверждениям: в первом говорится об обязательности определенных функций, откуда возникает понятие *функциональной необходимости* или *функциональных предпосылок*; во втором — об обязательности существующих социальных институтов, форм культуры и тому подобного, и отсюда после соответствующего критического разбора возникает понятие *функциональных альтернатив, эквивалентов* или *заменителей*.

Более того, использование этих трех постулатов, вместе или отдельно, вызывает частые обвинения в том, что функциональный анализ неизбежно предполагает определенные идеологические пристрастия. Поскольку этот вопрос нередко будет напрашиваться при изучении дальнейших концепций функционального анализа, лучше рассмотреть его сейчас, если мы не хотим, чтобы идеологические призраки общественных наук постоянно отвлекали наше внимание от рассматриваемых аналитических проблем.

Функциональный анализ как идеология

Функциональный анализ как консервативная идеология

Со всех сторон и все более настойчиво звучат обвинения, что какой бы ни была интеллектуальная значимость функционального анализа, он неизбежно связан с «консервативным» (даже «реакционным») мировоззрением. Для некоторых таких критиков функциональный анализ мало чем отличается от современной версии доктрины восемнадцатого века об основном и неизменном тождестве общих и частных интересов. Его считают секуляризированной версией доктрины, выдвинутой Адамом Смитом, когда, например, в «Теории моральных чувств» он писал о «гармоничном устройстве природы под божественным руководством, которое способствует благополучию человека, приводя в действие его индивидуальные склонности»³⁴. Таким образом, говорят эти критики, функциональная теория — это всего лишь установка консервативного социолога, который настроен защищать существующее положение дел, какое бы

³⁴ Jacob Viner, «Adam Smith and Laissez Faire», *Journal of Political Economy*, 1937, 35, 206. — *Примеч. автора.*

оно ни было, и нападать на целесообразность перемен, пусть даже незначительных. Согласно этой точке зрения, функциональный аналитик систематически игнорирует предупреждение Токвиля не путать привычное с необходимым: «...то, что мы называем необходимыми институтами, часто всего лишь институты, к которым мы привыкли...» Однако нужно еще показать, что функциональный аналитик неизбежно впадает в это приятное заблуждение, но, рассмотрев постулат об обязательности, мы готовы признать, что *этот* постулат, если бы был принят, вполне мог бы вызвать такое идеологическое обвинение. Мердаль — один самых последних и наиболее типичных критиков, доказывающих неизбежность консервативного уклона в функциональном анализе, считает:

...если у вещи есть «функция», то это хорошо или по крайней мере необходимо*. Термин «функция» может иметь значение *только* с точки зрения предполагаемой *цели*** ; если эта цель остается неопределенной или под ней подразумевается «интерес общества», который далее не определяется***, то тем самым допускается произвол в практических заключениях, но при этом задается главное направление: *описание социальных институтов с точки зрения их функций должно привести к консервативной телеологии* *⁵.

Замечания Мердаля поучительны не столько в силу своего вывода, сколько из-за предпосылок. Ибо, как мы уже заметили, исходя из двух постулатов, столь часто используемых функциональными аналитиками, он выдвигает несостоятельное обвинение, что тот, кто описывает институты с точки зрения функций, неизбежно исповедует «консервативную телеологию». Но Мердаль нигде не подвергает сомнению неизбежность самих постулатов. Спрашивается, насколько безусловно такое заключение, если исходить из других посылок.

На самом деле, если бы функциональный анализ исповедовал телеологию, не говоря уже о консервативной телеологии, его бы вскоре подвергли, и совершенно справедливо, еще более сильной критике, чем эта. Как часто случается с телеологией в истории чело-

* Здесь, заметьте, Мердаль беспричинно *принимает* доктрину обязательности как свойственную любому функциональному анализу. — *Примеч. автора.*

** Это, как мы уже видели, не только беспричинно, но и ошибочно. — *Примеч. автора.*

*** Здесь Мердаль справедливо отмечает двойственность и туманность постулата о функциональном единстве. — *Примеч. автора.*

³⁵ Gunnar Myrdal, *An American Dilemma* (New York: Harper and Brothers, 1944) II, 1056 [курсив и дополнительные замечания мои]. — *Примеч. автора.*

веческой мысли, его бы подвергли процедуре *reductio ad absurdum**. Тогда функционального аналитика могла бы постигнуть судьба Сократа (хотя не по той же причине), который выдвинул предположение, что Бог расположил наш рот прямо под носом, чтобы мы могли наслаждаться запахом пищи³⁶. Или, подобно христианским теологам, посвятившим себя спорам о Божьем замысле, его мог бы совсем заморочить некий Бен Франклин, доказывавший, что Господь явно «хочет, чтобы мы выпили, поскольку дал нам руки как раз такой длины, чтобы донести стакан до рта и чтобы мы сказали себе: «Давайте поклоняться тогда стакану в руке, этой великодушной мудрости; давайте поклоняться и пить»³⁷. Или он мог бы обнаружить, что склонен к более серьезным высказываниям, подобно Мишле, который заметил, «как все красиво устроено природой. Не успеет ребенок прийти в этот мир, как тут же находит мать, готовую ухаживать за ним»³⁸. Подобно любой другой системе мышления, граничащей с телеологией, хотя она и старается не перешагнуть эту границу, чтобы не оказаться на этой чужой и бесплодной территории, функциональному анализу в социологии грозит сведение к абсурду, как только он примет постулат обо всех существующих социальных структурах как обязательно необходимых для удовлетворения важных функциональных потребностей.

Функциональный анализ как радикальная идеология

Довольно интересно, что другие пришли к выводу, прямо противоположному обвинению функционального анализа в том, что ему присуще представление о правильности всего существующего, или фактически, что это лучший из миров. Такие наблюдатели, как, например, Лапьер, считают, что функциональный анализ — это подход, критический по настрою и прагматический по суждению:

Сдвиг от структурного описания к функциональному анализу в социальных науках имеет гораздо большую значимость, чем может пока-

* Доведение до абсурда (как способ доказательства) (*лат.*). — *Примеч. пер.* ³⁶ У

Фаррингтона есть некоторые дальнейшие интересные замечания о псевдо-телеологии в *Science in Antiquity* (London: T. Butterworth, 1936), 160. — *Примеч. автора.* Высказывание в письме Франклина к аббату Морелли, процитировано из мемуаров последнего Диксоном Уэктором: Dixon Wecter, *The Hem in America* (New York: Scribner, 1941), 53-54. - *Примеч. автора.*

Именно Зигмунд Фрейд отметил это замечание у Мишле: Michelet *The Woman*. — *Примеч. автора.*

заться сначала. Этот сдвиг представляет собой разрыв с социальным абсолютизмом и основами морали христианской теологии. Если важным аспектом любой социальной структуры является его функции, отсюда следует, что никакую структуру нельзя судить только с точки зрения структуры. На практике это означает, например, что система патриархальной семьи имеет коллективную ценность, только *тогда и в той степени*, в какой она функционирует для удовлетворения коллективных целей. Как социальная структура *она не имеет собственной значимости*, поскольку ее функциональная значимость будет отличаться в зависимости от времени и места.

Функциональный подход к коллективному поведению, несомненно, *оскорбит всех тех, кто полагает, что ценность конкретных социально-психологических структур заключена в них самих*.

Так, для тех, кто считает, что церковная служба хороша, потому что это церковная служба, утверждение, что одни церковные службы — это формальные действия, лишённые религиозной значимости, другие функционально сопоставимы с театральными представлениями, а третьи являются своего рода пирушкой и потому сравнимы с пьяным разгулом, будет представлять собой вызов здравому смыслу и принципам порядочных людей или по крайней мере бред полоумного³⁹.

Тот факт, что одни считают функциональный анализ по сути консервативным, а другие по сути радикальным, означает, что *по сути* он может не быть ни тем, ни другим. Это означает, что у функционального анализа может не быть *внутренней* идеологической приверженности вообще, хотя, подобно другим формам социологического анализа, ему можно придать любую из множества идеологических ценностей. Уже не в первый раз теоретической установке в социологии или социальной философии приписывают диаметрально противоположные идеологические ориентации. Таким образом, может оказаться полезным рассмотреть один из самых заметных примеров в прошлом, когда социологическая и методологическая концепция являлась объектом самых разных идеологических обвинений, и сравнить данный пример, насколько это возможно, со случаем функционального анализа. Сравнимый случай — диалектический материализм; представителями диалектического материализма являются экономист-историк, социальный философ и профессиональный революционер девятнадцатого века Карл Маркс и его близкий помощник и единомышленник коллега Фридрих Энгельс.

³⁹ Richard Lapiere, *Collective Behavior* (New York: McGraw-Hill, 1938), 55-56 [курсив мой]. — *Примеч. автора*.

*Идеологические ориентации
диалектического материализма*

1 Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

2. В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей.

3. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели.

*Сравнительные идеологические
ориентации функционального анализа*

1. Некоторые функциональные аналитики без всяких на то оснований *предположили*, что все существующие социальные структуры выполняют обязательные социальные функции. Это чистая вера, мистицизм, если хотите, а не конечный продукт длительного и систематического поиска. Чтобы этот постулат мог получить признание в социологии, он должен быть завоеванным, а не унаследованным.

2. Три постулата функционального единства, универсальности и обязательности охватывают систему предпосылок, которая должна неизбежно привести к прославлению существующего положения дел.

3. На функциональный анализ в его более эмпирически ориентированных и аналитически точных формах часто смотрят с подозрением те, кто считает существующую социальную структуру закрепившейся навечно и не подлежащей изменению. Эта более строгая форма функционального анализа включает не только изучение *функций* существующих социальных структур, но также и изучение их *дисфункций* для находящихся в различных обстоятельствах индивидов, подгрупп(или слоев), а также для общества в более широком смысле слова. При этом, как мы увидим, заранее допускается: когда существующая социальная структура в целом явно дисфункциональна, появляется сильная и настоящая потребность в переменах. Возможно, хотя это еще предстоит установить, что после определенного момента эта потребность неизбежно приведет к более или менее предопределенным направлениям социального изменения.

4. Каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна⁴⁰.

5. ...все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением.

4. Хотя функциональный анализ зачастую сосредоточивал внимание скорее на *статике* социальной структуры, чем на *динамике* социальных изменений, это не присуще данной системе анализа. Сосредоточиваясь как на функциях, так и на дисфункциях, этот способ анализа может не только определить основы социальной стабильности, но и вскрыть потенциальные источники социального изменения.оборот «исторически развитые формы» может послужить полезным напоминанием о том, что социальные структуры обычно претерпевают заметные изменения. Остается исследовать настоящую потребность, способствующую разным видам перемен. В той мере, в какой функциональный анализ полностью сосредоточивается на функциональных последствиях, он склоняется к ультраконсервативной идеологии; в той мере, в какой он полностью сосредоточивается на дисфункциональных последствиях, он склоняется к ультрарадикальной утопии. «По своей сути» он не является ни тем ни другим.

5. Признавая, в силу необходимости, что социальные структуры все время меняются, функциональные аналитики должны тем не менее изучить взаимозависимые и часто опирающиеся друг на друга элементы социальной структуры. В общем, по-видимому, большинство обществ интегрировано в той степени, в какой многие, если не все их элементы взаимно пригнаны друг к другу. У социальных структур нет случайного набора свойств, они на

⁴⁰ Отрывок на эту тему приводится без сокращений и добавлений и лишь с введенным для соответствующего усиления курсивом из следующего источника: К. Маркс. Капитал. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: Госполитиздат, 1960, — т. 23, с. 22. — *Примеч. автора.*

6. Но она становится непрочной и лишается своих оправданий перед лицом новых, более высоких условий, *постепенно развивающихся в ее собственных недрах*. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет.

7. На всем и во всем видит она (диалектическая философия) печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения... *У нее, правда, есть консервативная сторона: каждая данная степень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа понимания относителен, его революционный характер абсолютен — вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической Философией⁴¹.*

самом деле различным образом взаимосвязаны и часто опираются друг на друга. Признать — это не значит принять некритичное утверждение каждого status quo; не признать — значит поддаться соблазнам радикального утопизма.

6. Напряжения, накапливающиеся в социальной структуре в результате дисфункции последствия существующих элементов, не ограничены жесткими рамками соответствующего социального планирования и со временем приведут к институциональному развалу и глубоким социальным изменениям. Когда эти изменения превышают определенный, но нелегко определяемый уровень, принято говорить, что появилась новая социальная система.

7. Снова необходимо повторить: ни изменение, ни устойчивость сами по себе не могут быть настоящим объектом изучения функционального аналитика. Из истории становится достаточно ясно, что все основные социальные структуры со временем совокупно модифицировались или резко прекратили существование. В любом случае они не закрепились навечно, а поддавались изменениям. Но на данный момент наблюдения любая такая социальная структура может быть вполне сносно приспособленной как к субъективным ценностям многих людей или большинства населения, так и к объективным условиям, с которыми она сталкивается. Признать это — значит быть верным фактам, а не придерживаться заранее

⁴¹ Сходным образом в цитируемом отрывке отсутствует лишь несущественный материал и введен курсив. См.: Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М., 1961, — т. I — с. 275—276. — *Примеч. автора.*

установленной идеологии. Кроме того, это нужно признать в тех случаях, когда видно, что структура идет вразрез с потребностями народа или с такими же по основательности условиями деятельности. Кто осмелится все это сделать, может стать функциональным аналитиком, кто осмелится на меньшее, таковым не является⁴².

Это систематическое сравнение, наверное, в достаточной мере говорит о том, что функциональный анализ (в равной мере это относится и к диалектике) *не обязательно* влечет за собой определенные идеологические предпочтения. Это не означает, что такие пристрастия редко проявляются в работах функциональных аналитиков. Но это представляется скорее чуждым, чем присущим функциональной теории. Здесь, как и в других областях интеллектуальной деятельности, злоупотребление не отрицает возможности употребления. Переработанный *критически*, функциональный анализ нейтрален по отношению к основным идеологическим системам. В этом отношении и лишь в этом узком смысле⁴³ он подобен тем теориям или приборам естественных наук, которые одинаково доступны противоборствующим группам и могут ими использоваться в целях, не имеющих отношения к намерениям самих ученых.

Идеология и функциональный анализ религии

Будет полезно снова обратиться, пусть ненадолго, к дискуссиям о функциях религии, чтобы показать, как принимают *логику* функционального анализа люди, в остальном занимающие противоположные идеологические позиции.

⁴² Я признаю, что этот перифраз наносит ущерб первоначальному замыслу барда, но также надеюсь, что в данном случае нанесенная обида оправдана. — *Примеч. автора.*

⁴³ Не нужно расценивать это как отрицание того важного факта, что явно и полно заявленные ценности социолога могут помочь определить его выбор проблем для исследования, его формулировку этих проблем и, следовательно, полезность его даных для таких-то целей, а не для других. В этой формулировке имеется в виду только то, что утверждается эксплицитно, а именно: функциональный анализ не имеет присущей ему пристрастности какому-либо идеологическому лагерю; по крайней мере именно об этом свидетельствует предшествующая дискуссия. — *Примеч. автора.*

За социальной ролью религии, конечно, периодически наблюдали объясняли ее на протяжении многих веков. Преемственность этих наблюдений обеспечивается тем, что религия по преимуществу рассматривается как институциональное средство социального контроля. Это проявляется и в концепции Платона о «благородной лжи», и в том, что, по мнению Аристотеля, она функционирует «с целью убеждения масс», или в сравнимом суждении Полибия, что «массами... можно управлять лишь с помощью таинственных ужасов и трагических страхов». Если Монтескье замечает относительно римских законодателей, что они стремились «внушить народу, который ничего не боялся, страх перед богами, и использовать этот страх, чтобы привести его туда, куда им было угодно», то Джавахарлал Неру отмечает на основе своего собственного опыта, что «единственными книгами, которые британские официальные лица горячо рекомендовали [политическим узникам в Индии], были религиозные книги или романы. Просто замечательно, как близко к сердцу принимает тему религии британское правительство и как беспристрастно оно поддерживает все ее виды»⁴⁴. Как видно, существует древняя и постоянная традиция, утверждающая так или иначе, что религия служит цели управления массами. При этом оказывается, что форма, в которую облечено это утверждение, обычно дает представление об идеологических предпочтениях автора.

А как обстоит дело с некоторыми современными функциональными анализами религии? Критически объединяя несколько основных теорий в социологии религии, Парсонс обобщает некоторые основные выводы, сделанные относительно «функциональной важности религии»:

...если моральные нормы и подтверждающие их мнения и настроения имеют такую первостепенную важность, то каковы механизмы их поддержания, *отличные от внешних процессов принуждения*? По мнению Дюркгейма, религиозный ритуал имеет первостепенное значение в качестве механизма для *выражения и усиления мнений и настроений*, очень важных для институциональной интеграции общества. Легко заметить, как это перекликается со взглядами Малиновского на похоронные церемонии как на важный *механизм подтверждения солидарности группы* в случае сильного эмоционального напряжения. Таким образом, Дюркгейм более определенно, чем Малиновский, разработал определенные аспекты особых отношений *между религией и социальной структурой* и вдобавок к этому рассмотрел проблему под другим функциональным ракурсом, применив ее к обществу в целом, абстрагируясь от частных ситуаций, в которых индивид испытывает напряженность⁴⁵.

⁴⁴ Jawaharlal Nehru, *Toward Freedom* (New York: John Day, 1947), 7. — *Примеч. автора.*

Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory*, 61 [курсив мой]. — *Примеч. автора*[^]

Обобщая важные существенные выводы фундаментальных работ по сравнительному изучению в социологии религии, Парсонс снова замечает: «Наверное, наиболее поразительная особенность анализа Вебера заключается в том, что он показал, в какой именно степени изменения в социально санкционированных ценностях и целях светской жизни соответствуют изменениям в доминирующей религиозной философии великих цивилизаций»⁴⁶.

Сходным образом исследуя роль религии среди расовых и этнических подгрупп в Соединенных Штатах, Дональд Юнг, в сущности, отмечает близкое соответствие между их «социально санкционированными ценностями и целями светской жизни» и их «доминирующей религиозной философией»:

Одна из функций, которую может выполнять религия меньшинства, это функция *примирения с низким статусом и его дискриминационными последствиями*. Доказательства того, что религия выполняет эту функцию, можно найти у всех национальных меньшинств в Америке. С другой стороны, религиозные институты могут развиваться таким образом, что становятся *стимулом и поддержкой бунта против низшего статуса*. Так, индеец, обращенный в христианство, за определенными исключениями, становится *более покорным, чем язычник*. Специальные культы, например, связанные с употреблением мескалина, индейская секта шекеров, обрядовый танец североамериканских индейцев, посвященный умершим, каждый из которых содержит и христианские, и туземные элементы, представляли собой предсказанные выше попытки получить *способы религиозного выражения, адаптированного к условиям жизни индивида или группы*. Последний из них, с его акцентом на предполагаемом тысячелетии свободы от белого человека, вдохновлял на сильный бунт. При обращении в христианство негра, несмотря на заметное поощрение словесной критики существующего положения вещей, *подчеркивается принятие нынешних бед, исходя из того, что в будущей жизни настанут лучшие времена*. В различных вариантах христианства и иудаизма, принесенных иммигрантами из Европы и Мексики, несмотря на общие националистические элементы, также делается упор скорее на вознаграждение в будущем, чем на немедленное непосредственное действие⁴⁷.

Эти разнообразные и разрозненные наблюдения самого разного идеологического происхождения обнаруживают некоторые осново-

⁴⁶ Ibid., 63. — Примеч. автора.

⁴⁷ Donald Young, *American Minority Peoples* (New York: Harper, 1937), 204 [курсив мой]. По функциональному анализу негритянской церкви в Соединенных Штатах см. George Eaton Simpson and J. Milton Yinger, *Racial and Cultural Minorities* (New York: Harper & Brothers, 1953), 522—530. — Примеч. автора. .

полагающие сходные черты. Первое: они все посвящены влиянию конкретных религиозных систем на превалирующие мнения и настроения, понимание определенных ситуаций и действий. Это влияние, как показывают научные наблюдения, выражается в усилении превалирующих моральных норм, покорном принятии этих норм, отсрочке честолюбивых устремлений и вознаграждений (если того требует религиозная доктрина) и так далее. Однако, как замечает Юнг, при определенных условиях религии также побуждают к бунту, или, как показал Вебер, религии также мотивируют или направляют поведение большого числа людей на преобразование социальных структур. Таким образом, было бы преждевременно заключать, что все религии везде воздействуют в одном направлении, способствуя апатии масс.

Второе: марксистская точка зрения имплицитно, а точка зрения функционалиста эксплицитно подтверждают центральное положение, согласно которому религиозные системы *действительно влияют на поведение*, будучи не просто эпифеноменами, а частично независимыми детерминантами поведения. Ибо, по всей видимости, есть разница, принимают или не принимают «массы» конкретную религию, точно так же, как есть разница, употребляет индивид опиум или нет.

Третье: не только марксистские, но и более старые теории занимаются *дифференциальными* влияниями религиозных верований и ритуалов на различные подгруппы и слои общества, например, на «массы», как это делает немарксист Дональд Юнг. Функционалист, как вы видим, не ограничивается изучением влияния религии на «общество в целом».

Четвертое: возникает подозрение, что функционалисты с их акцентом на религию как на *социальный механизм* для «укрепления мнений и настроений, чрезвычайно необходимых для институциональной интеграции общества», возможно, существенно не отличаются по своей *аналитической системе* от марксистов, которые, если превратить их метафору «опиума для народа» в нейтральную констатацию социального факта, также утверждают, что религия действует как социальный механизм для усиления в среде верующих определенных светских умонастроений наряду с духовными.

Различие появляется лишь тогда, когда подвергаются обсуждению оценки этого общепринятого факта. Поскольку функционалисты ссылаются лишь на «институциональную интеграцию», не изучая разнообразные последствия интеграции относительно разных типов ценностей и интересов, они ограничиваются лишь *формальной* интерпретацией. Ведь интеграция — чисто формальное понятие. Общество может быть интегрировано вокруг норм строгой касты, распределе-

ния по классам и покорности подчиненных социальных слоев, точно так же, как вокруг норм открытой мобильности, широких областей самовыражения и независимости суждения среди временно низших слоев. И поскольку марксисты утверждают без всяких на то оснований, что религия всегда и везде, каковы бы ни были содержание ее доктрины и ее организационная форма, означает «наркотик» для масс, они тоже переходят к чисто формальным интерпретациям, не допуская, как доказывает отрывок из Юнга, что конкретные религии в конкретных социальных структурах активизируют массы, чем погружают их в летаргию. Именно в оценке этих функций религии, а не в логике анализа и расходятся, таким образом, функционалисты и марксисты. И именно оценки позволяют разливать идеологическое содержание по бутылкам функционализма⁴⁸. Сами же бутылки нейтральны по отношению к своему содержанию и могут в одинаковой мере служить сосудами для идеологического яда и для идеологического нектара.

⁴⁸ Эта манера говорить, не слыша друг друга, гораздо больше распространена, чем мы обычно подозреваем. Часто фундаментальное расхождение в *оценке* ситуации заслоняет собой фундаментальное сходство в *анализе* этой ситуации. В результате ошибочно полагают, что оппоненты отличаются по своим познавательным методикам и полученным сведениям, тогда как они отличаются лишь по своим системам ценностей. Рассмотрим, например, недавний поразительный случай публичных дебатов и конфликтов между Уинстоном Черчиллем и Гаролдом Ласки, когда все полагали, в том числе и сам Черчилль, что они расходятся в сущностной предпосылке, согласно которой социальные перемены легче принимаются во время войны, чем в мирное время. Сравним, однако, следующие отрывки из их произведений.

Прежнюю структуру общества мирного времени больше чем на четыре года вытеснило магическое воздействие войны, а жизнь стала необычайно напряженной. Под этим загадочным влиянием войны мужчины и женщины заметно возвысились над смертью, болью и тяжелым трудом. *Стали возможными союз и дружба между людьми, классами и нациями, и они становились все сильнее, пока сохранялось враждебное давление и объединяло общее дело.* Но теперь магия исчезла: слишком поздно для одних целей, слишком рано для других и слишком неожиданно для всех! Каждая победившая страна опустилась до своего старого уровня и прежнего устройства; но последнее, как выяснилось, сильно обветшало, ослабло и расшаталось, показалось узким и устаревшим.

Атмосфера войны допускает и даже вызывает изменения и эксперименты, невозможные, когда наступает мир. Нарушение нашего привычного распорядка жизни приучает нас к тому, что Уилльям Джеймс назвал важной привычкой нарушения привычек... *Мы чувствуем, что готовы напрячь все силы, даже пойти на жертвы,* чего мы раньше за собой и не знали. *Общая опасность закладывает основы для нового братства,* будущее которого полностью зависит от того, являются ли его основы временными или постоянными. Если они временные, тогда в конце войны происходит возобновление всех наших прежних различий, возросших в десять раз из-за серьезных проблем, которые оставляет война. Я, таким образом, утверждаю, что нужные нам перемены мы можем

Логика функционального анализа

Преобладание функциональной ориентации

функциональная ориентация, безусловно, не нова и не ограничивается социальными науками. Она действительно относительно поздно появилась в области социологии, если судить по ее более раннему и широкому применению в огромном количестве других дис-

осуществить по общему согласию в период, когда, как сейчас, условия заставляют людей помнить о своем сходстве, а не различиях.

С исчезновением магического воздействия также исчезла именно тогда, когда новые трудности достигли предела, большая часть исключительных возможностей для управления и контроля... Для верных, обремененных тяжелым трудом масс победа была настолько полной, что казалось, никаких дальнейших усилий не требуется... Огромная усталость подавила коллективное действие. Хотя каждый подрывной элемент пытался самоутвердиться, революционный накал, как любая другая форма психической энергии, был слаб.

Интенсивность усилий, вызванная национальной опасностью, намного превосходила обычные возможности людей. Напряжение у всех достигло невероятной степени. *С исчезновением главного стимула все ощутили тяжесть напряжения. Надвигалось обширное и всеобщее расслабление и возврат к нормам обычной жизни.* Ни одно сообщество не могло бы продолжать расходовать свои ценности и жизненную энергию в таком темпе. *Больше всего напряжение проявилось в высших эшелонах работников умственного*

Они

труда.

держались, потому что их поддерживал стимул, которому теперь суждено было исчезнуть. «Я могу

Мы можем приступить к этим переменам сейчас, поскольку для них сложилась благоприятная атмосфера. Весьма сомнительно, что мы могли бы их осуществить по общему согласию, если бы эта атмосфера отсутствовала. Это еще более сомнительно, поскольку усилия, потраченные на войну, вызовут у многих, прежде всего у тех, кто согласился на отсрочку привилегий, усталость, жажду вернуть прошлое устройство жизни, которым будет трудно противиться.

Во всех революциях наступает период инерции, когда упадок сил заставляет сделать перерыв в процессе изменений. Этот период неизбежно наступает с прекращением враждебных действий. *После жизни на полном пределе организм человека, видимо, требует спокойствия и расслабления.* Наставать во время этого перерыва, чтобы мы собрались с силами для нового и трудного путешествия, и более того, путешествия, в неизвестное, означает требовать невозможного... Когда прекратятся военные действия против нацизма, людям больше всего захочется такого уклада жизни и образа мыслей, которые не требуют болезненной адаптации ума к раздражающему возбуждению.

циплин⁴⁹. Центральная ориентация функционализма — выраженная в практике интерпретации данных путем установления их значения для более крупных структур, в которые они входят, — была обнаружена практически во всех науках о человеке: биологии, психологии, эко-

работать, пока не свалюсь» было мерой, пока гремели пушки и маршировали армии. *Но теперь наступит мир, и во всех областях стало очевидным истощение, нервное и физическое, которое раньше не чувствовали или на которое не обращали внимание.*

Отрывки в стиле Гиббона* в первой колонке принадлежат, конечно, Черчиллю, Уинстону Черчиллю между двумя великими войнами, который писал в ретроспективе о последствиях первой из них: *The World Crisis: Volume 4, the Aftermath* (London: Thornton Butterworth, 1928), 30, 31, 33. Наблюдения во второй колонке принадлежат Гаролду Ласки, писавшему во время Второй мировой войны, что политика г-на Черчилля — заставить «осознанно отложить решение любого спорного вопроса до тех пор, пока война не выиграна, и [это значит]... что производственным отношениям суждено оставаться неизменными, пока не наступит мир, и что, соответственно, в распоряжении нации не будет ни одного средства для социальных изменений в большом масштабе для согласованных целей». *Revolution of Our Time* (New York: Viking Press, 1943), 185, 187, 193, 227—228, 309. Если Черчилль не забыл свой анализ последствий первой войны, то ясно, что он и Ласки *сошлись в диагнозе*, что существенные и специально осуществляемые социальные перемены маловероятны в ближайший после войны период. Разница явно заключалась в оценке желательности введения предназначенных перемен вообще. (Курсив в обеих колонках не принадлежит ни одному автору.) — *Примеч. автора.*

* Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк античности, автор исторического труда «Упадок и разрушение Римской империи».

Отметим попутно, что само предположение, с которым были *согласны* и Черчилль, и Ласки — а именно, что послевоенный период в Англии будет периодом массовой летаргии и безразличия к запланированным институциональным переменам, — не было в целом подтверждено действительным ходом событий. Англия после второй войны вовсе не отвергла понятие запланированных перемен. — *Примеч. пер.*

⁴⁹ Распространенность функциональной точки зрения отмечалась неоднократно. Например, «тот факт, что во всех областях мышления заметна одинаковая тенденция, доказывает, что теперь существует общая тенденция объяснять мир скорее через взаимосвязь операции, чем через отдельные реальные единицы. Альберт Эйнштейн в физике, Клод Бернар в физиологии, Алексис Кэррел в биологии, Фрэнк Ллойд Райт в архитектуре, А.Н. Уайтхед в философии, У. Келер в психологии, Теодор Литт в социологии, Герман Геллер в политической науке, Б. Кардозо в юриспруденции — это люди, представляющие разные культуры, разные страны, разные аспекты человеческой жизни и человеческого духа: тем не менее все они подходят к своим проблемам с чувством «реальности», которое в понимании явления интересуется не материальной субстанцией, а функциональным взаимодействием». G. Niemeyer, *Law Without Force* (Princeton University Press, 1944), 300. Эта пестрая компания еще раз говорит о том, что согласие в функциональном взгляде не обязательно подразумевает сходство политической или социальной философии. — *Примеч. автора.*

номике и юриспруденции, антропологии и социологии⁵⁰. Преобладание функционалистской точки зрения взгляда само по себе не гарантирует ее научной ценности, но все же наводит на мысль, что совместный опыт заставил обратиться к этой ориентации исследователей, специализирующихся в изучении человека как биологического организма, субъекта психической деятельности, члена общества и носителя культуры.

⁵⁰ Литература, комментирующая функционалистскую тенденцию, почти столь же обширна и значительно более разнообразна, чем научные произведения, являющиеся примером этого направления. Нехватка места и беспокойство по поводу непосредственной уместности цитат ограничивают число ссылок, которым здесь предстоит занять место обширного обзора и обсуждения этих параллельных достижений в научной мысли.

Для биологии общим и теперь классическим источником является J.H. Woodger, *Biological Principles: A Critical Study* (New York: Harcourt Brace and Co., 1929), особ. 327ff. Из аналогичных работ указаны по крайней мере следующие: Bertalanffy, *Modern Theories of Development*, op. cit., особ. 1—46, 64ff.; E.S. Russell, *The Interpretation of Development and Heredity: A study in Biological Method* (Oxford: Clarendon Press, 1930), особ. 166—280. Предзнаменования дискуссий по проблемам функционализма можно найти и в менее поучительных работах: W.E. Ritter, E.B. Wilson, E. Ungerer, J. Schaxel, J. Von Uexkull и т.д. Можно с пользой для себя изучить статьи Дж. Нидхема, например J. Needham «Thoughts on the problem of biological organization», *Scientia*, August 1932, 84-92.

Что касается физиологии, см. труды C.S. Sherrington, W.B. Cannon, G.E. Coghill, Joseph Barcroft, особенно следующие: C.S. Sherrington, *The Integrative Action of the Nervous System* (New Haven: Yale University Press, 1923); W.B. Cannon, *Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage*, chapter 12 and *The Wisdom of the Body* (New York: W.W. Norton, 1932); в этой последней работе можно обратить внимание на все, кроме неудачного эпилога, посвященного «социальному гомеостазу»; G.E. Coghill, *Anatomy and the Problem of Behavior* (Cambridge University Press, 1929); Joseph Barcroft, *Features in the Architecture of Physiological Function* (Cambridge University Press, 1934).

Что касается психологии, то фактически любая из фундаментальных работ по динамической психологии является хорошим примером. Не только не надуманно, но совершенно верно было бы сказать, что фрейдистские концепции преисполнены инстинктивного ощущения функционализма, поскольку их основные понятия неизменно соотносятся с функциональной (или дисфункциональной) системой. Другого рода концепцию см.: Harvey Carr, «Functionalism», в Carl Murchinson, ed. *Psychologies of 1930* (Clark University Press, 1930); и как одну из множества статей, имеющих дело по существу с этим же набором концепций, см. J.M. Fletcher, «Homeostasis as an explanatory principle in psychology», *Psychological Review*, 1942, 49, 80—87. Формулировку применения функционального подхода к личности см. главу I в Clyde Kluckhohn and Henry A. Murray, ed. *Personality in Nature, Society and Culture* (New York: A.A. Knopf, 1948), 3—32. Функционалистская в своих основных чертах ориентация группы Левина общепризнанна.

В области юриспруденции см. критическую статью: Felix S. Cohen, «Transcendental nonsense and the functional approach», *Columbia Law Review*, 1935, XXXV, 809-849, и многочисленные аннотированные ссылки в ней.

На данный момент нам более важна та возможность, что предыдущий опыт других дисциплин может дать полезные методологические модели для функционального анализа в социологии. Учиться на канонах аналитической методике в этих зачастую более строгих науках не значит, однако, принять гуртом их особые концепции и методы. Извлечь пользу из логики метода, успешно используемого в биологических науках, например, не значит поступиться своими убеждениями и принять в основном несущественные аналогии и гомологии, которые так давно привлекают приверженцев организмической социологии. Изучить систему *методов* биологических исследований не значит принять их *существующие в них* понятия.

Логическая структура эксперимента, например, не отличается в физике, химии или психологии, хотя фундаментальные гипотезы, технические средства, основные понятия и практические трудности могут значительно отличаться. Не отличаются по своей *логической структуре* в антропологии, социологии или биологии и близкие заменители эксперимента: контрольное наблюдение, сравнительное изучение и метод «выделения».

Обращаясь ненадолго к логике метода Кэннона в физиологии, мы, таким образом, ищем методологическую модель, которую, возможно, удалось бы вывести для социологии, не принимая неудачные гомологии Кэннона между структурой биологических организмов и общества⁵¹. Его методика вырисовывается примерно следующим образом. Принимая ориентацию Клода Бернара, Кэннон сначала указывает, что *организму требуется* относительно постоянное и стабильное состояние. Одной из задач физиолога, таким образом, является предоставить «конкретное и детальное объяснение способов обеспе-

В области *социологии и антропологии* см. краткую выборку ссылок во всей этой главе. Книга, изданная Робертом Редфилдом, представляет собой столь необходимый мост, перекинутый через пропасть, слишком часто разделяющую биологические и социальные науки. «Levels of Integration in Biological and Social Systems», *Biological Symposia*, 1943, VIII. Важнейшую попытку установить концептуальные рамки функционального анализа см. в Talcott Parsons, *The Social System* (Glencoe, Illinois: Free Press, 1951). — *Примеч. автора.*

⁵¹ Как мы уже раньше давали понять, эпилог Кэннона к его «Мудрости тела» остается непревзойденным примером той бесплодной крайности, в какую может впасть даже выдающийся ученый, как только он поставит своей задачей вывести сущностные аналогии и гомологии между биологическими организмами и социальными системами. Рассмотрим, например, его сравнение между жидким веществом тела и каналами, реками и железными дорогами, по которым «туда и обратно переправляется продукция ферм и заводов, недр и лесов». Такого рода аналогия, ранее разработанная в многочисленных книгах Ренэ Вормса, Шеффле, Винсена, Смолла, Спенсера и др., *значительно уменьшает* ценность работ Кэннона для социолога. — *Примеч. автора.*

чения устойчивых состояний». Изучив многочисленные «конкретные и детальные» объяснения Кэннона, мы находим, *что общий способ формулировки* неизменен независимо от данной рассматриваемой проблемы. Типичная формулировка звучит так: «*Для того чтобы* кровь могла служить агентом кровообращения, выполняющим в одно и то же время функцию переносчика питательных веществ и функцию переносчика отходов... *должна быть* предусмотрена остановка кровотечения в тех случаях, когда такая опасность существует». Или возьмем другое утверждение: «Чтобы клетка продолжала жить... кровь... должна течь с достаточной скоростью, чтобы доставить живым клеткам (необходимый) запас кислорода». Установив *требования* органической системы, Кэннон потом переходит к *описанию* разнообразных *механизмов*, которые функционируют с целью удовлетворения этих требований (к ним относятся, например, сложные изменения, ведущие к свертыванию крови, локальное сжатие поврежденных кровеносных сосудов, уменьшающее силу кровотечения; ускоренное формирование сгустков благодаря выделению адреналина и действию адреналина на печень, и т.д.). Или он снова и снова описывает различные биохимические механизмы, обеспечивающие достаточное снабжение кислородом нормального организма, и компенсаторные изменения, происходящие тогда, когда некоторые из этих механизмов не функционируют адекватно.

Если сформулировать этот подход в более общих терминах, становится очевидной следующая взаимосвязанная последовательность шагов. Прежде всего устанавливаются определенные функциональные требования организмов, которые необходимо удовлетворить, чтобы организм выжил или функционировал с некоторой степенью эффективности. Второе: дается конкретное и детальное описание механизмов (структур и процессов), благодаря которым эти требования удовлетворяются в «нормальных» случаях. Третье: если некоторые типичные механизмы для удовлетворения этих требований разрушаются или оказывается, что они функционируют неадекватно, наблюдатель должен испытывать потребность в том, чтобы обнаружить компенсаторные механизмы (если они вообще есть), которые выполняют необходимую функцию. Четвертое, имплицитно подразумеваемое всем вышесказанным: существует детальное объяснение структуры, *которой* соответствуют эти функциональные требования, а также детальное описание механизмов, *благодаря которым* эта функция выполняется.

В биологических науках логика функционального анализа настолько утвердилась, что эти требования адекватного анализа выпол-

няются как нечто почти само собой разумеющееся. Другое дело в социологии. Здесь мы находим самые разнообразные концепции того, в чем должна заключаться цель исследований в функциональном анализе. Для некоторых он в основном (или даже исключительно) состоит в установлении эмпирических взаимосвязей между «частями» социальной системы; для других — в показе «ценности для общества» социально стандартизированной практической деятельности или социальной организации; еще для кого-то — в тщательном объяснении целей формальных социальных организаций.

При изучении самых разнообразных случаев применения функционального анализа в социологии становится очевидным, что для социологов в отличие, скажем, от физиологов не типично выполнять операционально осмысленные процедуры, они не собирают систематически данных определенного, необходимого для этого метода типа, не применяют общий набор понятий и не используют одинаковых критериев валидности. Другими словами, в физиологии мы находим набор стандартных понятий, процедур и целей анализа, а в социологии — пестрый набор понятий, процедур и целей, зависящих, как получается, от интересов и вкусов отдельного социолога. Безусловно, это различие между двумя дисциплинами в чем-то — возможно, во многом — связано с различием в характере данных, исследуемых физиологом и социологом. Относительно большие возможности для экспериментальной работы в физиологии, пусть это звучит банально, едва ли соотносимы с возможностями социологии. Но это едва ли объясняет систематическую упорядоченность процедур и понятий в одном случае и несопоставимость, часто нескоординированность и зачастую ущербность процедур и понятий в функциональной социологии.

Парадигма функционального анализа в социологии

В качестве начального и, безусловно, экспериментального шага в направлении кодификации функционального анализа в социологии мы выдвигаем парадигму понятий и проблем, являющихся основными для этого подхода. Вскоре станет очевидным, что главные компоненты этой парадигмы постепенно появлялись на предыдущих страницах, когда мы критически изучали терминологию, постулаты, понятия и идеологические обвинения, существующие сейчас в этой области. Парадигма сводит их вместе в компактном виде, допуская тем самым одновременное рассмотрение основных требований функционального анализа и помогая ему скорректировать промежуточные интерпретации на его собственной основе. Такого результата трудно достичь, когда понятия не упорядочены, а разбросаны по страницам

пространного дискурсивного изложения⁵². Парадигма показывает самую суть понятий, процедур и выводов функционального анализа.

Более того, необходимо отметить, что парадигма представляет собой не множество категорий, введенных *de novo**, а кодификацию тех понятий и проблем, которые не могли не привлечь нашего внимания при критическом изучении современной практики и теории в функциональном анализе. (Ссылки на предыдущие разделы этой главы покажут, что для каждой из категорий, входящих в парадигму, уже была подготовлена почва.)

1. Элемент(ы), которым отводятся функции

Весь диапазон социологических данных можно подвергнуть функциональному анализу, и большая его часть уже ему подвергалась. Главное требование состоит в том, чтобы предмет анализа представлял собой *стандартизированный* (т.е. шаблонный и повторяющийся) объект, такой, как социальные роли, институциональные модели, социальные процессы, культурная модель, культурно-типичные эмоции, социальные нормы, групповая организация, социальная структура, средства социального контроля и т.д.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Что должно входить в протокол наблюдения за данным объектом, если мы хотим, чтобы он поддавался систематическому функциональному анализу?

2. Понятия субъективных диспозиций (мотивов, целей)

В какой-то момент функциональный анализ неизменно предполагает некую концепцию мотивации индивидов, входящих в социальную систему, или явно применяет такую концепцию. Как показало предыдущее изложение, эти понятия субъективных диспозиций часто и ошибочно смешивают со сходными, но отличающимися от них понятиями объективных последствий установки, убеждений или поведения.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: В каких видах анализа достаточно взять наблюдаемые мотивации в качестве *данных* как существующие, а в каких их следует рассматривать как проблемные, т.е. выводимые из других данных?

3. Понятия объективных последствий (функций, дисфункций)

Мы заметили, что неясность некоторых современных концепций «функций» выражается в двух основных формах:

- (1) в виде тенденции ограничивать социологические наблюдения *позитивными* вкладами социологической структуры в социальную или культурную систему, в которую она входит; и
- (2) в виде тенденции смешивать субъективную категорию *мотива* с объективной категорией *функции*.

Чтобы ликвидировать эту путаницу, надо соответствующим образом разграничить эти понятия.

⁵² Краткое изложение цели аналитических парадигм, подобной этой, см. в замечаниях о парадигмах в других местах этой книги. — *Примеч. автора*. * заново (лат.). — *Примеч. пер.*

Первая проблема предусматривает понятие *множественности последствий* и *понятие их равновесия*.

Функции — это наблюдаемые последствия, способствующие адаптации или приспособлению данной системы; а *дисфункции* — те, которые уменьшают адаптацию или регулировку системы. Есть еще эмпирическая вероятность *нефункциональных* последствий, которые просто несущественны для рассматриваемой системы.

В любом данном случае поведение объекта может иметь как функциональные, так и дисфункциональные последствия, приводя к трудной и важной проблеме разработки критериев для оценки четкого равновесия совокупности последствий. (Это, конечно, очень важно при использовании функционального анализа в качестве ориентира для формирования и осуществления политики.)

Вторая проблема (возникающая из-за того, что мотивы и функции легко смешать друг с другом) заставляет нас ввести концептуальное различие между теми случаями, когда субъективная предусматриваемая цель совпадает с объективным результатом, и теми случаями, когда они расходятся.

Явные функции — это те объективные результаты, способствующие регулировке или адаптации системы, которые планируют и осознают участники данной системы;

Латентные функции, соответственно, те, которые они не планируют и не осознают*.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Каковы результаты трансформации ранее латентной функции в явную (включая проблему роли знаний в поведении человека и проблемы «манипуляции» поведением человека)?

4. *Понятия единиц, для которых выполняется функция* Мы уже видели, к каким трудностям ведет *ограничение* анализа функциями, выполняемыми для «общества», поскольку элементы могут быть

* Отношения между «непредвиденными последствиями» действия и «латентными функциями» легко определить, поскольку они присутствуют в предыдущем разделе парадигмы. Непреднамеренные последствия действия бывают трех типов:

- (1) те, которые являются функциональными для обозначенной системы, и они включают латентные функции;
- (2) те, которые дисфункциональны для обозначенной системы, и они включают латентные дисфункции; и
- (3) те, которые несущественны для системы, на которую они не воздействуют ни функционально, ни дисфункционально, т.е. несущественный в практическом отношении класс нефункциональных последствий.

Предварительную формулировку см. в R.K. Merton, «The unanticipated consequences of purposive social action», *American Sociological Review*, 1936, I, 894—904; таблицу этих типов последствий см. в Goode, *Religion Among the Primitives*, 32—33. — *Примеч. автора.*

функциональны для одних индивидов и подгрупп и дисфункциональны для других. Поэтому необходимо рассмотреть кдуг единиц, для которых элемент имеет определенное значение: индивиды с разнообразными статусами, подгруппы, более крупную социальную систему и культурные системы. (Терминологически это подразумевает понятия психологической функции, групповой функции, социетальной функции, культурной функции и т.д.)

5. *Понятия функциональных требований (потребностей, необходимых предварительных условий)*

В каждом функциональном анализе скрыто или явно присутствует концепция функциональных требований рассматриваемой системы. Как я уже отмечал в других работах⁵³, это остается одним из самых неясных и эмпирически наиболее спорных понятий в функциональной теории. Социологи склонны превращать понятие функционального требования в тавтологическое или *ex post facto**; сводить его к условиям «выживания» данной системы; включать в него, как в работе Малиновского, наряду с социальными биологические «потребности».

Это приводит к трудной задаче установления *типов* функциональных требований (универсальных и специфических); процедур обоснования постулированных требований; и т.д.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Что требуется для установления обоснованности такой переменной, как «функциональное требование» в ситуациях, где строгий эксперимент неосуществим?

6. *Понятия механизмов, благодаря которым выполняются функции*

Функциональный анализ в социологии, как и в других дисциплинах, таких, как физиология и психология, предусматривает «конкретное и детальное» объяснение механизмов, которые действуют с целью выполнения обозначенной функции. Это относится не к психологическим, а к социальным механизмам (например, сегментация роли, обособление институциональных требований, иерархическое упорядочение ценностей, общественное разделение труда, ритуальные и церемониальные отправления и т.д.). ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Каким набором социальных механизмов мы располагаем в настоящий момент? Соответствует ли он набору, скажем, психологических механизмов? Какие методологические проблемы связаны с выяснением действия этих механизмов?

7. *Понятия функциональных альтернатив (функциональных эквивалентов или заместителей)*

Как мы уже видели, как только мы отказываемся от необоснованного предположения о функциональной обязательности конкретных социальных структур, нам тут же требуется некое понятие функциональных альтерна-

R.K. Merton, «Discussions of Parsons's» «Position of sociological theory», *American Sociological Review*, 1949, 13, 164-168. - *Примеч. автора*. * *постфактум (лат.)*. — *Примеч. пер.*

тив, эквивалентов или заместителей. Это заостряет наше внимание на *том что в исследуемом случае существует целый ряд различных структур*, которые могут выполнять данное функциональное требование, и тем самым разрушает идентичность существующего и неизбежного.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Поскольку научное доказательство эквивалентности предполагаемой функциональной альтернативы в идеале требует строгого эксперимента и поскольку это не всегда осуществимо в широкомасштабных социологических ситуациях, какие реальные методики исследования больше всего соответствуют логике эксперимента?

8. *Понятие структурного контекста (или структурных ограничений)* Круг различных структур, которые *могут* выполнять определенные функции в социальной структуре, не безграничен (и это не раз отмечалось в предыдущем изложении). Взаимозависимость элементов социальной структуры ограничивает реальную возможность изменений или функциональных альтернатив. В области социальной структуры понятие структурных ограничений соответствует «принципу ограниченных возможностей» в более широкой области, выдвинутому Гольденвейзером. Неспособность осознать релевантность взаимозависимости и сопровождающих ее структурных ограничений приводит к утопической идее, согласно которой подразумевается, что можно изъять некоторые элементы социальной системы, не затронув ее оставшуюся часть. Это обстоятельство признают как социологи-марксисты (например, Карл Маркс), так и немарксисты (например, Малиновский)⁵⁴.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: В какой мере данный структурный контекст ограничивает диапазон структур, которые могут эффективно удовлетворять функциональным требованиям? Можем ли мы найти при условиях, которые еще надо определить, нейтральную область, в которой функцию может выполнять любая из самых разнообразных альтернатив?

⁵⁴ Приведенные выше цитаты из Маркса подтверждают эту мысль, но, разумеется, здесь приведены лишь немногие из тех высказываний, в которых Маркс действительно подчеркивает важность учета структурного контекста. Например, в своей работе «К критике политической экономии» (появившейся в 1859 г.) он замечает: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производительные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда условия для ее решения уже имеются налицо или по крайней мере находятся в процессе становления». (См.: К. Маркс. К критике политической экономии. — Предисловие. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. М.: Госполитиздат, 1959. — т. 13, с. 7. — *Примеч. пер.*) Возможно, самое известное из его многочисленных упоминаний сдерживающего влияния данной социальной структуры находится во втором абзаце «*Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарты*»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые не-

9. Понятия динамики и изменения

Мы уже отмечали, что функциональный анализ обычно концентрирует внимание на социальной структуре и пренебрегает изучением структурного изменения.

Этот акцент на статику, однако, *не свойственен* теории функционального анализа. Это скорее побочный акцент, вызванный желанием ранних функционалистов-антропологов противостоять прежней тенденции создавать предположительные истории обществ, не имеющих письменности. Эта сложившаяся практика, полезная в те времена, когда она была впервые введена в антропологию, со временем отрицательно сказалась на работе некоторых социологов-функционалистов.

Понятие дисфункции, подразумевающее понятие напряжения, стресса и напряженности, обеспечивает аналитический подход к изучению динамики и изменения. Каким образом наблюдаемые дисфункции включены в конкретную структуру, не вызывая нестабильности? Вызывает ли накопление стрессов и напряжений такого рода перемены, которые могли бы свести их на нет?

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Отвлекает ли внимание функционалистов от явлений *социальной неустойчивости* преобладающий среди них интерес к понятию *социального равновесия*? Какие имеющиеся методики позволят социологу достаточно адекватно оценить накопление стрессов и напряжений в социальной системе? В какой степени знание структурного контекста позволяет социологу предвидеть наиболее вероятные направления социальных изменений?

10. Проблемы обоснования функционального анализа

В масштабах всей парадигмы в целом мы настойчиво, вновь и вновь обращали внимание на *определенные* моменты, когда допущения, обвинения и наблюдения должны получать законное основание⁵⁵. Для этого

посредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — т. 8, с. 119.) Насколько мне известно, А.Д. Линдсей — самый чуткий из комментаторов, заметивших теоретический смысл подобных утверждений. См. его брошюру *Karl Marx's Capital: An introductory Essay* (Oxford University Press, 1931), особ. на 27—52. — *Примеч. автора*.

⁵⁵ К данному моменту очевидно, что мы рассматриваем функциональный анализ как метод *интерпретации* социологических данных. Это не отрицает важной роли Функциональной установки в ориентации социологов на *сбор* тех видов данных, которые иначе можно было бы упустить. Наверное, нет необходимости повторять ту аксиому, что понятия, используемые исследователем, *действительно* определяют включение или исключение данных, что, несмотря на этимологию данного термина, *данные* не «даны», а «изобретаются» с неизбежной помощью понятий. В процессе

⁵⁶ Работа функциональной интерпретации у социолога-аналитика неизменно воздает необходимость получать данные, отличные от тех, которые предполагались начально. Интерпретация и сбор данных, таким образом, неразрывно связаны с Ругом понятий и предложений, соотносящих эти понятия. Продолжение этих рас-
⁵⁷У*дений см. в главе IV.

прежде всего необходима строгая формулировка социологических методик анализа, которые наиболее подходят *логике* проведения эксперимента. Для этого требуется систематический обзор возможностей и ограниченности *сравнительного* (межкультурного и межгруппового) *анализа**.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Насколько функциональный анализ ограничен трудностями локализации адекватных *образцов социальных систем*, которые можно подвергнуть сравнительному (квазиэкспериментальному) изучению⁵⁶.

11. *Проблема идеологического значения функционального анализа* В предыдущем разделе подчеркивалось, что функциональный анализ не обязательно связан с какой-либо идеологической позицией. Это не отрицает того факта, что *отдельные* случаи функционального анализа и *отдельные* гипотезы, выдвинутые функционалистами, могут выполнять узнаваемую идеологическую роль. Таким образом, перед социологией знания возникает определенная проблема: в какой мере социальная позиция социолога-функционалиста (например, его отношения с конкретным «клиентом», заказавшим данное исследование) приводит скорее к одной, чем к другой формулировке проблемы, воздействует на принятые им допущения и понятия и ограничивает диапазон выводов из имеющихся у него данных?

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: Как обнаруживается идеологическая окраска функционального анализа и в какой степени конкретная идеология вытекает из основных предположений, принятых социологом? Связан ли круг этих предположений со статусом и исследовательской ролью социолога?

Прежде чем перейти к более тщательному изучению некоторых частей этой парадигмы, давайте четко представим, как предполагается применить эту парадигму. В конце концов, можно до бесконечности множить таксономические системы понятий и при этом не продвигаться реально в решении задач социологического анализа. Каковы в таком случае цели парадигмы и как ее можно было бы использовать?

* Другую формулировку с совершенно отличным идеологическим смыслом, но сходными теоретическими выводами см.: Б. Малиновский: «При наличии определенной культурной потребности средства ее удовлетворения малочисленны, и поэтому решение культурных проблем, происходящее в ответ на эту потребность, детерминировано в узких пределах. «Culture». *Encyclopedia of the Social Sciences*, op. cit., 626. — *Примеч. пер.*

⁵⁶ Работы Мердока — George P. Murdock, *Social Structure* (New York: Macmillan, 1949) — достаточно, чтобы показать, что методики, подобные тем, что используются при межкультурных исследованиях, очень перспективны для решения определенных методологических проблем функционального анализа. См. также о процедурах функционального анализа в: George C. Homans and David M. Schneider, *Marriage, Authority, and Final Causes* (Glencoe: The Free Press, 1955). — *Примеч. автора.*

Цели парадигмы

Первая и главная цель — это дать предварительный кодифицированный ориентир для адекватного и плодотворного функционального анализа. Тем самым, очевидно, предполагается, что парадигма содержит минимальный набор понятий, которыми должен оперировать социолог, чтобы провести адекватный функциональный анализ, и, как следствие, что ее можно сразу же использовать как ориентир для критического изучения существующих видов анализа. Таким образом, она предназначена служить в качестве чрезвычайно компактного и сжатого руководства для постановки эмпирических исследований в функциональном анализе и в качестве средства для точного определения вкладов и недостатков предыдущих исследований. Ограниченность объема книги позволит нам применить лишь отдельные разделы парадигмы и лишь для критической оценки специально подобранных наиболее показательных случаев.

Во-вторых, парадигма должна приводить непосредственно к постулатам и (часто неявным) допущениям, лежащим в основе функционального анализа. Как мы обнаружили в предыдущих частях этой главы, одни из этих предположений имеют первостепенную важность, другие несущественны и незначительны, третьи сомнительны и даже обманчивы.

В-третьих, парадигма должна заставить социолога осознать не только сугубо научные выводы разных типов функционального анализа, но также и их политические и иногда идеологические выводы. В чем именно при функциональном анализе проявляются определенные политические воззрения и в чем он пересекается с «социальной инженерией» — это вопросы, непосредственно касающиеся парадигмы.

Безусловно, в рамках данной главы невозможно подробно изучить все универсальные проблемы, охватываемые парадигмой. Придется подождать, пока не появится более полное изложение этой проблемы в книге, специально посвященной этой цели. Поэтому в оставшейся части данного раздела мы ограничимся кратким применением лишь первых частей парадигмы к строго ограниченному числу случаев функционального анализа в социологии. И время от времени эти немногие случаи будут использованы в качестве отправной точки для обсуждения специальных проблем, которые не в полной мере отражены в рассматриваемых примерах.

Объекты, подвергаемые функциональному анализу

На первый взгляд кажется, что простое *описание* объекта, который предстоит проанализировать функционально, вызывает мало проблем. Вероятно, описывать элемент надо как можно «полнее и точнее». И все же, если подумать, очевидно, что этот принцип не дает почти никаких ориентиров для наблюдателя. Представим себе, в каком затруднительном положении оказывается приобщенный к функционализму неопит, вооруженный лишь этим авторитетным изречением для ответа на вопрос: *за чем мне наблюдать, что вносить в свои полевые записи и что можно спокойно пропустить?*

Не предполагая дать сейчас полевому работнику детальный и обстоятельный ответ, мы тем не менее можем отметить, что вопрос сам по себе законный и что частично уже получены *полные* ответы. Чтобы вычленивать и кодифицировать эти ответы, надо подойти к случаям функционального анализа с таким вопросом: *какого рода данные последовательно включались вне зависимости от объекта, подвергающегося анализу, и почему были включены именно эти, а не другие данные?*

Вскоре выясняется, что функциональная ориентация в основном определяет, что включается в описание объекта, который необходимо объяснить. Так, описание магического обряда или церемонии не ограничивается сообщением о заклинаниях или магической формуле, ритуале и исполнителях. Оно включает систематическое сообщение об участвующих и наблюдающих, о типах и видах взаимодействия между исполнителями и аудиторией, об изменениях этих моделей взаимодействия в ходе церемониала. Так, описание обрядов дождя у племени гопи, например, включает нечто большее, чем действия, вроде бы ориентированные на вмешательство богов в метеорологические явления. Сюда входит сообщение о людях, которые разным образом вовлечены в эту модель поведения. А описание участников (и зрителей) дается *с точки зрения структуры*, то есть с точки зрения расположения этих людей в их взаимосвязанных социальных статусах.

Короткие выдержки покажут, что функциональный анализ начинается с систематического учета (и, желательно, схематизации) статусов и социальных взаимоотношений тех, кто осуществляет поведение, ставшее предметом исследования.

Обряд достижения половой зрелости для девочек в племени Chiracahua: расширенная семья (родители и родственники, которые могут помочь финансами) берет на себя расходы по этой четырехдневной церемонии. Родители выбирают время и место для обряда. «Присутствуют все члены лагеря девочки и почти все члены местной группы. Немало гостей из других

местных групп и несколько прибывших из внешних формирований, и их число растет с каждым днем». Выступает, приветствуя гостей, лидер местной группы, к которой принадлежит семья девочки. Короче говоря, это описание четко привлекает внимание к следующим статусам и группам, по-разному занятым в обряде: к девочке; ее родителям и близким родственникам; местной группе, особенно через ее лидера; формированию, представленному членами внешних местных групп, и «племени, представленному членами других формирований»⁵⁷.

Как мы в свое время увидим — хотя это можно сформулировать уже в данный момент, — *простое описание* обряда с точки зрения статусов и групповой принадлежности разнообразных участников *дает главный ключ к пониманию функций, выполняемых этим обрядом*. Словом, мы хотим сказать, что структурное описание участников анализируемого действия дает гипотезы для последующих функциональных интерпретаций.

Еще один пример также коротко и ясно выражает характер таких описаний, выполненных на языке роли, статуса, групповой принадлежности и взаимоотношений между ними.

Шаблонные ответы на миррири (непристойности, услышанные в адрес сестры) в австралийском племени Murngin. Стандартизированную модель можно очень кратко описать так: когда муж ругает жену в присутствии ее брата, то брат ведет себя внешне аномально, бросая пики в жену (не в мужа) и ее сестер. Далее описание этой модели включает описание статусов участников. Сестры являются членами клана брата; муж принадлежит к другому клану.

Снова отметим, что участников локализуют/от внутри социальных структур и эта локализация является основой для дальнейшего функционального анализа этого поведения⁵⁸.

«Комплекс романтической любви» в американском обществе: хотя все общества признают «временные сильные эмоциональные привязанности», современное американское общество — одно из немногих, извлекающих выгоду из романтических привязанностей: по крайней мере общество считает именно их основой выбора партнера по браку. Эта

⁵⁷ Morris E. Opler, «An Outline of Chiracahua Apache social organization», в Fred E. Eggan ed. *Social Anthropology of North American Tribes* (Chicago: University of Chicago Press, 1937), 173—239, особ. на 226—230 [курсив мой]. — *Примеч. автора*.

⁵⁸ W.L. Warner, *Black Civilization — A Social Study of an Australian Tribe* (New York: Harper & Bros., 1937), 112—113. Так как эти примеры взяты из обществ, не имеющих письменности, можно было бы предположить, что эти требования к описанию относятся исключительно к таким обществам. Однако обращаясь к другим примерам функционального анализа моделей, обнаруженных в современном западном обществе, мы можем видеть то же самое требование, а также указания на то, какие «описательные данные» требуются дополнительно. — *Примеч. автора*.

характерная модель выбора сводит к минимуму или исключает выбор партнера родителями или более широкой группой родственников⁵⁹.

Отметим, что выделение одной модели выбора партнеров тем самым исключает альтернативные модели выбора, существующие в других обществах.

Этот случай подсказывает *второе* пожелание, касающееся того, какие данные необходимо включить в описание объекта, подвергаемого функциональному анализу. При описании характерной (модальной) модели для решения стандартизированной проблемы (выбор партнера по браку) наблюдатель где только можно указывает главные альтернативы, которые в связи с этим исключаются. Это, как мы увидим, дает непосредственное представление о структурном контексте модели и, подсказывая подходящие сравнительные материалы, свидетельствует об обоснованности функционального анализа.

Третий неотъемлемый компонент описания проблемного объекта, непосредственно подготавливающий его к функциональному анализу — так сказать, дальнейшее требование при подготовке образца для анализа, — это включение «*значений*» (или когнитивной и эмоциональной значимости) данного действия или модели для членов группы. Фактически, как станет очевидно, обстоятельное описание значений, придаваемых данному объекту, во многом задает нужное направление функциональному анализу. Пример, взятый из множества функциональных анализов Веблена, поможет нам проиллюстрировать этот общий тезис:

Культурная модель престижного потребления: престижное потребление относительно дорогостоящих товаров «означает» (символизирует) обладание достаточным богатством, чтобы «позволить себе» такие траты. Богатство, в свою очередь, почетно. Люди, занимающиеся престижным потреблением, получают удовольствие не только от непосредственного потребления, но и от повышенного статуса, отраженного в отношении и мнениях других людей, наблюдающих за этим потреблением. Эта

⁵⁹ О разных подходах к функциональному анализу «комплекса романтической любви» см. Ralph Linton, *Study of Man* (New York: D. Appleton-Century Co., 1936), 174—175; T. Parsons, «Age and sex in the social structure of the United States», *American Sociological Review*, Oct. 1942, 7, 604—616, особ. на 614—615; T. Parsons, «The kinship system of the contemporary United States», *American Anthropologist*, 1943, 45, 22—38, особ. на 31—32, 36—37, обе переизданы в его *Essays in Sociological Theory*, *op. cit.*; T. Parsons, «The social structure of the family», в Ruth N. Anshen ed., *The Family: Its Function and Destiny* (New York: Harper, 1949), 173—201; R.K. Merton, «Intermarriage and the social structure», *Psychiatry*, 1941, 4, 361—374, особ. на 367—368; и Isidor Thomer, «Sociological aspects of affectional frustration», *Psychiatry*, 1943, 6, 157—173, особ. на 169—172. — *Примеч. автора.*

модель весьма заметна среди праздного класса, т.е. тех, кто может уклониться и уклоняется от продуктивного труда [это статус или компонент роли при описании]. Однако это проникает и в другие слои, которые стремятся подражать такой модели и тоже испытывают чувство гордости при «расточительных» расходах. И наконец, потребление как элемент престижа стремится выпеснить другие критерии потребления (например, «эффективное» расходование средств). [Это явная ссылка на альтернативные способы потребления, которые оказались в тени благодаря тому, что культура акцентирует только модель престижного потребления.]⁶⁰

Как известно, Веблен далее отводит модели престижного потребления целый ряд функций: повышения статуса, подтверждения статуса, «хорошей репутации», хвастовства финансовой мощью. Эти последствия, испытанные на себе участниками данной типовой деятельности, приносят им удовлетворение и во многом объясняют постоянство этой модели. *Ключ к пониманию отведенных функций почти полностью дает описание самой модели*, которое включает явные ссылки на (1) статус тех, кто дифференцированно воплощает эту модель; на (2) известные альтернативные модели потребления, когда оно осуществляется скорее ради хвастовства и «расточительности», чем ради «глубоко личного» удовольствия от конкретного продукта потребления; наконец, на (3) всевозможные значения, придаваемые в данной культуре престижному потреблению его участниками и наблюдателями.

Эти три компонента описания подлежащего анализу образца никоим образом не являются исчерпывающими. Полное протокольное описание, адекватное дальнейшему функциональному анализу, неизбежно выходит на уровень проблемы непосредственных психологических и социальных последствий поведения. Но эти последствия можно с большей пользой изучить в связи с понятиями функции. Здесь лишь надо повторить, что описание объекта не ведется из прихоти или по наитию. Оно должно включать по крайней мере три характеристики объекта, если мы хотим, чтобы протокольное описание представляло оптимальную ценность для функционального анализа. Хотя еще много предстоит узнать о пожеланиях, касающихся описательной фазы всего анализа, эта краткая презентация дескриптивно-содержательных моделей может послужить указанием на то, что процедуры функционального анализа можно кодифицировать до такой степени, что в конечном счете социолог, ведущий полевое исследование, получит необходимую для его наблюдений «карту».

Другой пример служит иллюстрацией того, что еще желательно учесть при описании подлежащего анализу объекта:

⁶⁰Thorstein Veblen, *The Theory of the Leisure Class* (New York: Vanguard Press, 1928), особ, главы 2—4. — *Примеч. автора.*

Табу на внешний брак: чем выше степень групповой солидарности, тем сильнее чувство неприятия брака с людьми за пределами группы. «Не важно, какая причина заставляет желать групповой солидарности...» Внешний брак *означает* или потерю члена своей группы в пользу другой, или включение в свою собственную группу таких людей, которые недостаточно подготовлены к восприятию ценностей, мнений и обычаев внутренней группы⁶¹.

Здесь содержится указание на *четвертый* тип данных, которые необходимо включить в описание социального или культурного образца, предваряя функциональный анализ. У всех, кто причастен к изучаемому обычаю, обязательно *есть* некий набор мотивов для конформизма или для девиантного поведения. *Описание должно, насколько это возможно, сообщать об этих мотивациях, но эти мотивы нельзя путать, как мы видели, с (а) объективной моделью поведения и (б) с социальными функциями этой модели.* Включение мотивов в описание помогает объяснить психологические функции, выполняемые моделью, и, как часто оказывается, оно подводит вплотную к социальным функциям.

Пока что мы рассматривали объекты, представляющие собой явно выраженные типовые обычаи или верования — модели, которые признают таковыми сами члены данного общества. Так, члены конкретного общества могут, хотя и в разной степени, обрисовать обряд достижения половой зрелости у Chiricahua, модель миррири у Murngin, выбор супруга на основе романтической привязанности, интерес к престижному потреблению или табу на внешний брак. Это очевидные проявления культуры, и поэтому они в большей или меньшей мере известны тем, кто принадлежит к этой культуре. Однако социолог не ограничивается этими очевидными моделями. Время от времени он раскрывает скрытую культурную модель — ряд обычаев или верований, — которая столь же шаблонна, как и очевидные модели, но которую участники не считают нормативно упорядоченной. Таких примеров множество. Так, статистика показывает, что в квазикастовой ситуации, которая характерна, например, для отношений между неграми и белыми в нашей стране, преобладающая модель смешанного брака (когда он имеет место) — это брак между белой женщиной и негром (а не между негритянкой и белым мужчиной). Хотя эта модель, которую можно назвать кастовой гипогамией, не институционализирована, она сохраняется и является удивительно устойчивой⁶².

⁶¹ Romanzo Adams, *Interracial Marriage in Hawaii*, особ, на 197—204; Merton, «Intermarriage...», *op. cit.*, особ, на 368—369; K. Davis «Intermarriage in caste societies», *American Anthropologist*, 1941, 43, 367—395. — *Примеч. автора.*

⁶² Ср. Merton, «Intermarriage...», *op. cit.*; Otto Klineberg ed., *Characteristics of the American Negro* (New York: Harper, 1943). — *Примеч. автора.*

Или рассмотрим другой пример устоявшейся, но явно непризнанной модели. Малиновский сообщает, что тробриандеры, коллективно занимающиеся технологической задачей построения каноэ, выполняют не только эту явную технологическую задачу, но также устанавливают и укрепляют по ходу дела межличностные отношения между собой. Многие из последних данных по этим первичным группам, называемым «неформальными организациями», относятся к этим моделям отношений, которые наблюдает социолог, но которые не признают, по крайней мере в их полной значимости, участники⁶³.

Все это указывает на *пятое* пожелание, касающееся протокольного описания: проявления упорядоченности поведения, *связанной* с номинально главной деятельностью (хотя и не являющейся частью эксплицитной культурной модели), должны входить в протокольные описания, которые ведутся полевым исследователем, поскольку *эти неосознанные закономерности* часто дают ключ к разгадке отличительных функций всей модели. Как мы увидим, включение этих «неосознанных проявлений упорядоченности» в протокольное описание почти сразу ориентирует исследователя на анализ модели с точки зрения латентных функций, как мы их здесь называем.

Подведем итоги; протокольные описания, таким образом, должны, насколько это возможно, включать:

- 1) локализацию участников модели в пределах социальной структуры, их дифференцированное участие;
- 2) рассмотрение альтернативных способов поведения, исключенных из-за акцентирования наблюдаемой модели (т.е. концентрации внимания не только на том, что происходит, но также и на том, чем пренебрегают из-за существующей модели);
- 3) эмотивные и когнитивные значения, придаваемые данной модели участниками;
- 4) различие между мотивациями участия в модели и объективным поведением при данной модели;
- 5) закономерности поведения, не осознаваемые участниками, но тем не менее связанные с главной моделью поведения.

Вполне вероятно, что список этих пожеланий относительно протокольного описания, выполненного наблюдателем, далеко не полон. Но он все же является пробным шагом в направлении *тонного определения*

⁶³ Повторное открытие первичной группы учеными, изучающими социологию промышленности, было одним из главных стимулов для функционального подхода в недавнем социологическом исследовании. Здесь мы ссылаемся на работы Элтона Мэйо, Рутлисбергера и Диксона, Уильяма Уайта и Берли Гарднера и многих других. Безусловно, сохраняются интересные различия в *интерпретации*, которую допускают эти данные. — *Примеч. автора.*

объектов наблюдения, что облегчает последующий функциональный анализ. Эти пожелания отличаются большей конкретностью по сравнению с рекомендациями, которые обычно даются при общей характеристике этого метода, — такими, как совет наблюдателю чутко улавливать «контекст ситуации».

Явные и латентные функции

Как уже говорилось в прежних разделах, разграничение явных и латентных функций было введено с тем, чтобы предотвратить неумышленное смешение, часто характерное для социологической литературы, *осознанных мотиваций* социального поведения и *его объективных последствий*. Наше тщательное изучение современных терминологий функционального анализа показало, как легко и как неудачно социолог может отождествлять *мотивы* и *функции*. Далее указывалось, что мотив и функция меняются независимо друг от друга, и если не отразить этот факт в принятой терминологии, это способствует неумышленному смешению социологами субъективных категорий мотивации и объективных категорий функции. Этим мы главным образом и руководствовались, когда пошли на то, что не всегда считается похвальным, а именно — на введение новых терминов в быстро растущий технический словарь социологии; многие неспециалисты считают это вызовом, брошенным их умственным способностям, и оскорблением интеллекта вообще.

Нетрудно заметить, что я позаимствовал термины «явный» и «латентный» из другого контекста, где их применял Фрейд (хотя Фрэнсис Бэкон давно еще говорил о «латентном процессе» и «латентной конфигурации» в связи с процессами, находящимися «за порогом» внешнего наблюдения).

К самому же различию исследователи поведения человека приходили постоянно и регулярно в течение многих столетий⁶⁴. Мы бы, безусловно, пришли в замешательство, если бы обнаружили, что различие, рассматриваемое нами как центральное в функциональном анализе, не было отмечено никем из широкого круга лиц, кто фактически принял функциональную ориентацию. Достаточно упомянуть хотя бы некоторых из тех, кто за последние десятилетия счел необходимым в своих конкретных интерпретациях поведения разграничить планируемые цели и функциональные последствия действия.

⁶⁴ Ссылки на некоторые наиболее значительные из этих прежних упоминаний данного различия см. в Merton, «Unanticipated consequences...», *op. cit.* — *Примеч. автора*.

Джордж Г. Мид⁶⁵: «...это враждебное отношение к нарушителю закона обладает уникальным преимуществом [читай: латентной функцией] объединения всех членов общности в эмоциональной солидарности в агрессии. В то время как самые превосходные гуманные устремления, безусловно, расходятся с индивидуальными интересами многих членов общины или же им не удастся затронуть интересы и воображение большинства, оставляя общину разделенной или безразличной, крик «держи вора» или «хватай убийцу» находит отклик в глубоких комплексах, находящихся гораздо глубже, чем противоборствующие индивидуальные устремления, и граждане, которых разделяло расхождение в интересах, смыкают ряды, чтобы противостоять общему врагу».

В схожем анализе социальных функций наказания Эмиль Дюркгейм⁶⁶ также в большой степени сосредоточивает внимание на латентных функциях (последствиях для общины), а не ограничивается явными функциями (последствиями для преступника).

У.Г. Самнер⁶⁷: «...с первых действий, которыми человек пытался удовлетворить свои потребности, каждое из них существует само по себе и не направлено ни на что, кроме непосредственного удовлетворения. Из повторяющихся потребностей возникают привычки для индивида и обычаи для группы, но эти результаты являются последствиями, которые никогда не были сознательными, никогда не предвиделись и не планировались. Их не замечают, пока они не просуществуют достаточно долго, и пройдет еще больше времени, прежде чем их оценят». Хотя здесь и не определено место латентных функций стандартизированных социальных действий для обозначенной социальной структуры, тут явно присутствует разграничение планируемых целей и объективных последствий.

Р.М. Макивер⁶⁸: вдобавок к непосредственным воздействиям институтов «есть и другие воздействия через контроль, находящийся за пределами непосредственных целей людей... этот реактивный контроль... может, хотя и непреднамеренно, сослужить большую службу для общества».

⁶⁵George H. Mead, «The psychology of punitive justice», *American Journal of Sociology*, 1918, 23, 577—602, особ. на 591. — *Примеч. автора*.

⁶⁶Как уже указывалось в этой главе, Дюркгейм принял функциональную ориентацию во всей своей работе и оперирует, хотя зачастую явно этого не отмечает, понятиями, тождественными понятию латентной функции во всех своих исследованиях. Ссылка в тексте на данный момент на «Deux lois de l'évolution pénale», *L'année sociologique*, 1899—1900, 4, 55—95, и на *Division of Labor in Society* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1947). — *Примеч. автора*.

⁶⁷Это одно из его многочисленных наблюдений такого рода взято, конечно, из W.G. Sumner, *Folkways* (Boston: Ginn & Co., 1906), 3. Его коллега Дж. Келлер сохранил это различие в своих собственных трудах; см., например, *Social Evolution* (New York: Macmillan, 1927) на 93—95. — *Примеч. автора*.

⁶⁸Это специально взято из ранних работ Макивера, *Community* (London: Macmillan, 1915). Различие приобретает еще большую важность в его поздних работах, стано-

У.И. Томас и Ф. Знанецкий⁶⁹: «Хотя все новые [польские крестьянские кооперативные] институты созданы с определенной целью удовлетворения конкретных потребностей, их социальная функция никоим образом не ограничивается их внешней и сознательной целью... каждый из этих институтов — коммуна или группа сельскохозяйственных производителей, кредитный и сберегательный банк или театр — не просто механизм для поддержания бережного отношения к определенным ценностям, но также ассоциация людей, в которой предусмотрено, что каждый ее член участвует в общих мероприятиях как реальный конкретный индивид. Каким бы ни был преобладающий официальный общий интерес, на котором основан институт, ассоциация как конкретная группа личностей неофициально включает много других интересов; социальные контакты между ее членами не ограничиваются их общим устремлением, хотя последнее, конечно, представляет собой и основную причину, по которой создана ассоциация, и наиболее постоянную связь, которая держит их вместе. Благодаря этому соединению абстрактно-политического и экономического или скорее рационального механизма удовлетворения особых потребностей с конкретной социальной группой новый институт является также лучшей промежуточной связью между крестьянской первичной группой и вторичной национальной системой».

Эти и многие другие социологи, таким образом, время от времени проводили различие между категориями субъективной диспозиции («потребностями, интересами, целями») и категориями не общепризнанных, но объективных функциональных последствий («уникальными преимуществами», «никогда не осознаваемыми» последствиями, «непреднамеренным... служением обществу», «функцией, не ограниченной сознательной и явной целью»).

Поскольку ситуации, когда надо проводить это различие, возникают очень часто и поскольку цель концептуальной схемы — направить усилия наблюдателя на наиболее важные элементы ситуации и

всясь основным элементом в *Social Causation* (Boston: Ginn & Co., 1942), особ, на 314—321, и пронизывает большую часть его *The More Perfect Union* (New York: Macmillan, 1948). — *Примеч. автора.*

^m Единственный отрывок, процитированный в тексте, один из множества, благодаря которым *The Polish Peasant in Europe and America* заслуженно описывают как «социологическую классику». См. стр. 1426—1427, 1523П". Как будет позднее замечено в этой главе, открытия и концептуальные особенности, содержащиеся лишь в этом отрывке, — а есть и многие другие, подобные ему по богатству содержания, — были забыты или вообще никогда не были замечены теми социологами, изучающими промышленность, кто недавно разработал понятие «формальной организации» в промышленности. — *Примеч. автора.*

не дать их упустить из виду, нам кажется, мы были бы вправе обозначить это различие с помощью соответствующего набора терминов. Это и есть разумное основание для различения явных и латентных функций: первые относятся к тем объективным последствиям для определенной единицы (человека, подгруппы, социальной или культурной системы), которые способствуют регуляции или адаптации и для этого и предназначались; вторые относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же порядка.

Есть признаки того, что, получив признание, это различие может служить эвристической цели, если его включить в четко сформулированный концептуальный аппарат, помогая тем самым систематическому наблюдению и затем анализу. В последние годы, например, это разграничение явных и латентных функций применялось в анализе расовых смешанных браков⁷⁰, социальной стратификации⁷¹, аффективной фрустрации⁷², социологических теорий Веблена⁷³, преобладающих американских ориентаций в отношении России⁷⁴, пропаганды как средства социального контроля⁷⁵, антропологической теории Малиновского⁷⁶, черной магии навахо⁷⁷, проблем социологии знания⁷⁸, моды⁷⁹, динамики личности⁸⁰, мер национальной безопасности⁸¹, внутренней

⁷⁰ Merton, «Intermarriage and the social structure», *op. cit.* — Примеч. автора.

⁷¹ Kingsley Davis, «A conceptual analysis of stratification», *American Sociological Review*, 1942, 7, 309—321. — Примеч. автора.

⁷² Thorner, *op. cit.*, особ. на 165. — Примеч. автора.

⁷³ A.K. Davis, «Thorstein Veblen's Social Theory», Harvard Ph.D dissertation, 1941 and «Veblen on the decline of the Protestant Ethic», *Social Forces*, 1944, 22, 282—286; Louis Schneider, *The Freudian Psychology and Veblen's Social Theory* (New York: Kings Cross Press, 1948), особ. Chapter 2. — Примеч. автора.

⁷⁴ A.K. Davis, «Some sources of American hostility to Russia», *American Journal of Sociology*, 1947, 53, 174—183. — Примеч. автора.

⁷⁵ Talcott Parsons, «Propaganda and social control», в его *Essays in Sociological Theory*. — Примеч. автора.

⁷⁶ Clyde Kluckhohn, «Bronislaw Malinowski, 1884—1942», *Journal of American Folklore*, 1943, 56, 208—219. — Примеч. автора.

⁷⁷ Clyde Kluckhohn, *Navaho Witchcraft*, *op. cit.*, особ. на 46—47 и ff. — Примеч. автора.

⁷⁸ Merton, глава XIV данной книги. — Примеч. автора.

⁷⁹ Bernard Barber and L.S. Lobel, «Fashion in women's clothes and the American social system», *Social Forces*, 1952, 31, 124—131. — Примеч. автора.

⁸⁰ О. Н. Моврер and C. Kluckhohn, «Dynamic theory of personality», в J.M. Hunt, ed., *Personality and the Behavior Disorders* (New York: Ronald Press, 1944), I, 69—135, особ. на 72. — Примеч. автора.

⁸¹ Marie Jahoda and S.W. Cook, «Security measures and freedom of thought: an exploratory study of the impact of loyalty and security programs», *Yale Law Journal*, 1952, 61, 296—333. — Примеч. автора.

социальной динамики бюрократии⁸² и великого множества других социологических проблем.

Само разнообразие этих тем указывает на то, что теоретическое различие явных и латентных функций относится не только к поведению человека. Возникает огромная задача: обнаружить, какое конкретное применение может получить это различие, и этому мы посвящаем оставшиеся страницы данной главы.

Эвристические цели данного различения

Оно вносит ясность в анализ кажущихся иррациональными социальных моделей. В первую очередь данное различие помогает социологически интерпретировать многие социальные обычаи, которые сохраняются, несмотря на то что их явная цель точно недостижима. По устаревшей традиции в таких случаях самые разные, особенно непрофессиональные, наблюдатели называли эти обычаи «суевериями», «иррациональностями», «простой инерцией традиции» и т.д. Другими словами, когда групповое поведение не достигает — и фактически часто не может достичь — своей очевидной цели, люди склонны связывать его со слабым умственным развитием, простым невежеством, пережитками или так называемой инерцией. Так, обряды племени гопи, цель которых — вызвать обильный дождь, могут называть суеверным обычаем первобытных людей и считать вопрос решенным. Необходимо отметить, что это ни в каком смысле не объясняет группового поведения. Это тот случай, когда наклеивают ярлыки; тут эпитетом «суеверие» подменяют анализ действительной роли этого поведения в жизни группы. Если же мы прибегнем к понятию латентной функции, то поймем, что такое поведение *может* выполнять какую-то функцию в жизни группы, хотя эта функция может быть весьма далека от открыто признанной цели поведения.

Понятие латентной функции выводит нас за пределы вопроса, достигает или нет поведение открыто признанной цели. Временно игнорируя эти эксплицитные цели, оно фокусирует внимание наблюдателя на другом ряде последствий: тех, которые, например, имеют отношение к отдельным личностям племени гопи, вовлеченным в обряд, и к сохранению и целостности большей группы. Если бы все сводилось к вопросу о том, выполняется ли явная (заявленная как

⁸² Philip Selznick, *TVA and the Grass Roots* (University of California Press, 1949); A.W. Gouldner, *Patterns of Industrial Bureaucracy* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1954); P.M. Blau, *The Dynamics of Bureaucracy* (University of Chicago Press, 1955); A.S.K. Davis, «Bureaucratic patterns in Navy officer corps», *Social Forces* 1948, 27, 142—153. — *Примеч. автора.*

цель) функция, то это стало бы проблемой не для социолога, а для метеоролога. И безусловно, наши метеорологи согласны, что обряд дождя не вызывает дождь; но это мало о чем говорит. Это всего лишь значит, что обряд не имеет данного технологического применения, что цель обряда и его фактические последствия не совпадают. Но с понятием латентной функции мы продолжаем исследование, изучая последствия обряда не для богов дождя или для метеорологических явлений, а для групп, совершающих обряд. И здесь можно обнаружить, как указывают многие наблюдатели, что обряд действительно имеет функции, но они являются непреднамеренными или латентными.

Обряды могут выполнять латентную функцию укрепления солидарности группы, предоставляя периодическую возможность разрозненным членам группы собраться вместе для участия в совместных действиях. Как наряду с другими учеными указывал Дюркгейм, такие обряды являются средством, благодаря которому получают коллективное выражение настроения и мнения, являющиеся, как оказывается при дальнейшем анализе, основным источником единства группы. Благодаря систематическому применению понятия латентной функции, таким образом, можно обнаружить, что *явно* иррациональное поведение является *временами* позитивно функциональным для группы. Используя понятие латентной функции, мы не торопимся заключить, что если деятельность группы не достигает своей номинальной цели, то ее сохранение можно описать лишь как пример «инерции», «пережитка» или «манипуляции властных подгрупп в обществе».

Фактически некая концепция, похожая на концепцию латентной функции, весьма часто применяется социологами, изучающими *стандартизированный обычай, предназначенный для достижения цели, которая, как известно из общепринятого естествознания, не может быть достигнута таким образом*. Наглядным примером могли бы быть ритуалы пуэбло, связанные с дождем или плодородием. *Но когда речь идет о поведении, которое не направлено на явно недостижимую цель, социологи гораздо реже изучают побочные или латентные функции поведения.*

Оно направляет внимание на теоретически плодотворные области исследования. Различие между явными и латентными функциями также направляет внимание социолога именно на те области поведения, отношения и верования, где он может наиболее плодотворно применить свои особые навыки. Ибо какова его задача, если он ограничивается изучением явных функций? Тогда он в основном занят тем, чтобы определить, достигает ли фактически обычай, учрежденный для

конкретной цели, той самой цели. Он тогда, например, интересуется, достигает ли новая система оплаты труда своей поставленной цели сокращения текучести кадров или увеличения выпуска продукции. Он спрашивает, достигла ли пропагандистская кампания своей цели усиления «готовности бороться», или «готовности покупать военные облигации», или «терпимости к другим этническим группам». Это, конечно, важные и сложные типы исследования. Но до тех пор, пока социологи *ограничиваются* изучением явных функций, их исследования им диктуют практики (на данный момент не важно, кто это: промышленный магнат, лидер профсоюзов или, возможно, вождь навахо), а не теоретические проблемы, лежащие в основе данной дисциплины. Занимаясь в основном областью явных функций, для которых ключевой проблемой будет, достигают ли своих целей специально учрежденные обычаи или организации, социолог превращается в прилежного и умелого регистратора в целом известной модели поведения. *Условия оценки определены и ограничены вопросом, заданным ему деловыми людьми, далекими от теории*, например, достигла ли новая программа оплаты труда таких-то целей?

Но, вооруженный понятием латентной функции, социолог расширяет свое исследование именно в тех направлениях, которые более перспективны для теоретического развития дисциплины. Он изучает известные (или запланированные) социальные обычаи, чтобы выяснить латентные и, следовательно, не общепризнанные функции (наряду с явными функциями, конечно). Он, например, рассматривает последствия нового плана оплаты, скажем, для профсоюза, в котором состоят рабочие, или последствия пропагандистской программы не только для усиления ее открыто заявленной цели пробуждения патриотического пыла, но и то, как она вызывает нежелание большого числа людей открыто выражать свое мнение, если оно расходится с официальной точкой зрения, и т.д. Короче говоря, мы считаем, что *заметный* интеллектуальный вклад социолога прежде всего можно обнаружить в изучении непреднамеренных последствий (к которым относятся и латентные функции) социальных обычаев, а не только в изучении ожидаемых последствий (в том числе явных функций)⁸³.

Есть доказательства того, что именно там, где внимание исследователей в социологии переместилось из области явных в область латентных функций, они и внесли свой *заметный* и главный вклад. Это можно в полном объеме подтвердить документально, но достаточно будет и нескольких примеров по ходу дела.

⁸³ Краткую иллюстрацию данного общего утверждения см. в Robert K. Merton, Marjorie Fiske and Alberta Curtis, *Mass Persuasion* (New York: Harper, 1946), 185—189; Jahoda and Cook, *op. cit.* — *Примеч. автора*.

Исследование Хоторн Вестерн Электрик:⁸⁴ как известно, на первых этапах это исследование было посвящено проблеме соотношений «освещения и эффективности» у промышленных рабочих. Примерно два с половиной года внимание было приковано к таким проблемам, как: влияет ли на производительность различная интенсивность освещения? Первые результаты показали, что в целом нет закономерной связи между освещением и выработкой. Производительность увеличилась *и* в экспериментальной группе, где освещенность увеличили (или *уменьшили*), *и* в контрольной группе, где в освещение не внесли никаких изменений. Из-за отсутствия понятия латентной социальной функции сначала не уделяли никакого внимания социальным последствиям *эксперимента* для отношений между членами тестируемой и контрольной групп или для отношений между рабочими и руководителями эксперимента. Другими словами, исследователям не хватало социологических критериев, и они работали просто как «инженеры» (точно так же, как группа метеорологов могла бы изучать «воздействия» обряда гопи на дождь).

И лишь после долгого изучения исследовательской группе пришлось в голову заняться последствиями новой «экспериментальной ситуации» для образа «я» и представления о самих себе у рабочих, принимавших участие в эксперименте, для межличностных отношений между членами группы, для цельности и единства группы. Как сообщает Элтон Мэйо, «фиаско с освещением заставило их обратить пристальное внимание на необходимость вести тщательную запись всего, что происходит в помещении, а не только следить за работой инженерных и промышленных устройств. Их наблюдения, таким образом, включали не только регистрацию промышленных и инженерных изменений, но и физиологических или медицинских изменений и, *в некотором смысле*, социальных и антропологических. Последнее вылилось в своего рода вахтенный журнал, который дал наиболее полное описание фактических событий каждого дня...»⁸⁵ Короче говоря, эта четкая социологическая система была введена лишь после долгой серии экспериментов, которые полностью игнорировали латентные социальные функции эксперимента (как задуманной социальной си-

⁸⁴ Приводятся в качестве изучения примеры того, как *тщательное исследование полностью поменяло теоретическую ориентацию и характер полученных данных после «ведения понятия, приближающегося к понятию латентной функции*. Выбор для этой Цели данного случая не означает, безусловно, полного приятия *интерпретаций*, которую авторы дают своим данным. Среди нескольких томов по исследованию Вестерн Электрик см. особенно F.J. Roethlisberger and W.J. Dickson, *Management and the Worker* (Harvard University Press, 1939). — *Примеч. автора*.

⁸⁵ Elton Mayo, *The Social Problems of an Industrial Civilization* (Harvard University Press, 1945), 70. — *Примеч. автора*.

туации). «Когда мы это осознали, — пишут авторы, — исследование приобрело новый характер. Исследователей больше не интересовала проверка воздействия отдельных переменных. Вместо контрольного эксперимента они использовали понятие социальной ситуации, которую надо было описать и понять как систему взаимозависимых элементов». Впоследствии, как теперь всем известно, изучение было направлено в основном на выявление латентных функций стандартизированных обычаев в рабочей среде, неформальных организаций, зарождающихся в среде рабочих, рабочих игр, введенных «мудрыми администраторами», больших программ консультаций и опросов рабочих и т.д. Новая концептуальная схема полностью поменяла ранг и типологию данных, собранных в последующем исследовании. Достаточно вернуться к ранее процитированному отрывку из классической работы Томаса и Знанецкого тридцатилетней давности, чтобы признать правильность замечания Шилза:

...действительно, история изучения первичных групп в американской социологии является непревзойденным примером *разрывов в развитии этой дисциплины*. Проблема выделяется признанным основателем науки, проблема остается неизученной, а потом, несколько лет спустя, ею начинают заниматься с таким энтузиазмом, будто о ней никто раньше и не думал⁸⁶.

Ибо Томас и Знанецкий неоднократно отстаивали ту социологическую точку зрения, что, какова бы ни была ее основная цель, «ассоциация как конкретная группа личностей неофициально предполагает много других интересов; социальные контакты между ее членами не ограничиваются их общей целью...». Фактически потребовались годы экспериментирования, чтобы команда исследователей Вестерн Электроник обратила внимание на латентные социальные функции первичных групп, проявляющиеся в промышленных организациях. Необходимо уяснить, что этот случай приводится здесь не как пример несовершенного экспериментального замысла; в данный момент наша задача заключается в другом. Мы рассматриваем его как подтверждение необходимости для *социологического* исследования понятия латентной функции и других связанных с ним понятий функционального анализа. Он иллюстрирует, каким образом включение этого понятия (не важно, используется этот термин или нет) может привлечь внимание социологов к целому ряду важных социальных переменных, которые в противном случае можно было бы легко упустить. Эксплицитное выделение этого понятия, по всей видимости,

⁸⁶ Edward Shils, *The Present State of American Sociology* (Glencoe, Illinois The Free Press, 1948), 42 [курсив мой]. — *Примеч. автора*.

поможет сократить число подобных разрывов в будущих социологических исследованиях.

Открытие латентных функций знаменует собой значительный рост социологических знаний. И еще в одном отношении изучение латентных функций представляет собой существенный вклад ученого-социолога. Именно латентные функции обычая или верований и не являются общеизвестными, так как это непреднамеренные и вообще неосознанные социальные и психологические последствия. В результате открытия, касающиеся латентных функций, представляют собой больший вклад в познание, чем открытия, касающиеся явных функций. Они также представляют собой больший отход от представлений о социальной жизни, основанных на «здравом смысле». Ввиду того, что латентные функции расходятся в большей или меньшей степени с открыто признанными явными функциями, исследование, раскрывающее латентные функции, очень часто дает «парадоксальные» результаты. Кажущийся парадокс возникает из-за резкой модификации привычного подхода, при которой стандартизированный обычай или верование рассматривается *только* с точки зрения его явных функций, за счет указания на некоторые из его второстепенных или побочных латентных функций. Введение понятия латентной функции в социальное исследование приводит к выводам, показывающим, что «социальная жизнь не так проста, как кажется сначала». Ибо пока люди ограничиваются *определенными* (то есть явными) последствиями, им сравнительно легко высказывать нравственное суждение об изучаемом обычае или веровании. Нравственные оценки, основанные в целом на этих явных последствиях, обычно полярны, рисуя картину или в черных, или в белых тонах. Но восприятие дополнительных (латентных) последствий часто усложняет картину. И проблемы моральной оценки (что не представляет для нас непосредственный интерес), и проблемы социальной инженерии (которые нас интересуют⁸⁷) обрастают дополнительными трудностями, которые обычно сопутствуют принятию ответственных социальных решений.

Пример исследования с применением понятия латентной функции покажет, в каком смысле иногда в результате применения этого понятия возникает «парадокс» — расхождение между видимым, всего лишь явной функцией, и действительным, включающим также латентные функции. Так, возвращаясь к известному анализу престиж -

⁸⁷ Это не отрицает того факта, что социальная инженерия подразумевает непосредственные нравственные выводы или что техника и нравственность неизбежно переплетаются друг с другом, но я не намерен заниматься этим кругом вопросов в данной главе. Обсуждение этих проблем см. в главах VIII, XVII и XIX; также Merton, Fiske ^{at>}d Curtis, *Mass Persuasion*, chapter 7. — *Примеч. автора.*

ного потребления, отметим, что Веблена не случайно признают социальным аналитиком, подмечающим парадоксальное, ироническое и сатирическое. Ибо таковыми нередко, если не с неизбежностью, бывают результаты применения понятия латентной функции (или его эквивалента).

Модель престижного потребления

Явная цель покупки товаров потребления — это, конечно, удовлетворение потребностей, для которых эти товары непосредственно предназначены. Так, автомобили явно предназначены для определенного вида перевозок; свечи — для освещения; деликатесы — для питания; раритетные произведения искусства — для эстетического удовольствия. Поскольку эти товары *на самом деле* имеют такое применение, в основном считали, что оно охватывает весь диапазон социально важных функций. Веблен действительно полагает, что таковым было обычно преобладающее мнение (до эпохи Веблена, естественно): «Целью приобретения и накопления обычно считают потребление накопленных товаров... Это по крайней мере осознают как экономически оправданную цель приобретения, *учитывать которую как единственную и вменяется в обязанности теории*»^{TM}.

Хотя, в сущности, говорит Веблен, как социологи мы должны идти дальше и рассматривать латентные функции приобретения, накопления и потребления, а они весьма далеки от явных. «Но лишь когда потребление товаров рассматривается в смысле, весьма далеком от его наивного значения [т.е. явной функции], можно сказать, что оно дает побудительную причину, которой неизменно обусловлено накопление». И среди этих латентных функций, помогающих объяснить устойчивость и социальную локализацию модели престижного потребления, приводится та, которая символизирует «финансовую мощь и вследствие этого приобретение или сохранение репутации». Проявление «щепетильного умения разбираться» в преимуществах «пищи, напитков, жилья, услуг, украшений, одежды, развлечений» вызывает не только непосредственное удовольствие от потребления «лучших» в отличие от «худших» товаров, но также приводит, что, как считает Веблен, гораздо важнее, *к повышению или подтверждению социального статуса*.

Парадокс Веблена заключается в том, что люди покупают дорогие товары не столько потому, что они лучше, а потому, что они дорогие. Ибо в своем функциональном анализе он выделяет именно ла-

⁸⁸ Veblen, *Theory of Leisure Class*, *op. tit.*, стр. 25. — *Примеч. автора.*

тентную функцию («дорогая цена = знак более высокого общественного положения»), а не явное тождество («дорогая цена = превосходство товаров»). Это не значит, что он *вообще* отказывает явным функциям в какой-либо роли в укреплении модели престижного потребления. Они тоже срабатывают. «Только что сказанное нельзя воспринимать так, будто нет других стимулов к приобретению и накоплению, кроме этого желания превзойти в финансовой мощи и тем самым завоевать уважение своих знакомых и вызвать у них зависть. Желание большего комфорта и стремление защитить себя от нужды присутствуют в качестве мотива на каждой стадии...» Или еще: «Было бы рискованно утверждать, что всегда в использовании любого товара или любых услуг отсутствует полезная цель, насколько бы ни была очевидной его первая задача и главный элемент — престижное расточительство» и вызванное им социальное уважение⁸⁹. Просто дело в том, что *эти прямые, явные функции не объясняют в полной мере преобладающие модели потребления. Выражаясь иначе, если удалить латентные функции укрепления или подтверждения статуса из моделей престижного потребления, то эти модели подверглись бы таким серьезным изменениям, которые «обыкновенный» экономист не мог бы предвидеть.* В этом отношении анализ латентных функций, осуществленный Вебленом, значительно отличается от представления, продиктованного здравым смыслом, что конечная цель потребления — это, «конечно, непосредственное удовлетворение, которое оно дает»: «Люди едят икру потому, что хотят есть; покупают «кадиллак» потому, что хотят лучшую из возможных машин; обедают при свечах потому, что им нравится спокойная обстановка». Интерпретация, продиктованная здравым смыслом и основанная на выделении явных мотивов, уступает место в анализе Веблена дополнительным латентным функциям, которые тоже и, возможно, даже более значимо выполняют эти обычаи. Безусловно, за последние десятилетия анализ Веблена настолько внедрился в общественное сознание, что теперь эти латент-

⁸⁹ Ibid., 32, 101. В дальнейшем повсюду будет отмечаться, что Веблен не любит строгой терминологии. В отмеченных отрывках (и периодически в других местах) он использует термины «стимул», «желание», «цель» и «функция» как взаимозаменяемые. Поскольку контекст обычно проясняет предметную отнесенность этих терминов, большого вреда в этом нет. Но ясно, что явно выраженные цели конформности культурной модели никоим образом не идентичны латентным функциям этой конформности. Веблен периодически признает это. Например, «строго говоря, в разряд престижных трат нельзя включать ничего, кроме таких расходов, которые при сравнении представляются возмутительной тратой денег. Но чтобы включить любой данный элемент в этот разряд, *не обязательно, чтобы его признавал как излишнюю трату*» *в этом смысле тот человек, который несет расходы*» (Ibid, 99; курсив мой). Ср. А.К. Davis, «Veblen on the decline of the Protestant Ethic», *op. cit.* — Примеч. автора.

ные функции являются общепризнанными. [В связи с этим возникает интересная проблема изменений, происходящих в преобладающей модели поведения, когда *еелатентные* функции получают общее признание (и таким образом перестают быть латентными). У нас не будет возможности обсудить эту интересную проблему в данной книге.]

Открытие латентных функций не только уточняет понятие функций, выполняемых определенными социальными моделями (что происходит и при изучении явных функций), но и знаменует *качественно иной этап познания*.

Оно препятствует подмене социологического анализа наивными моральными суждениями. Поскольку нравственные оценки в обществе обычно основаны на явных последствиях сложившихся обычаев или моральных норм, мы должны быть готовы к тому, что анализ, построенный на латентных функциях, иногда может идти вразрез с преобладающими нравственными оценками. Ибо ниоткуда не следует, что латентные функции будут проявляться таким же образом, как явные последствия, обычно лежащие в основе таких суждений. Так, во многих слоях американского общества политическую машину или «политические махинации» недвусмысленно оценивают как «плохие» или «нежелательные». Основания для такого нравственного суждения бывают разными, но в основном при этом подчеркивают, что политические машины нарушают законы морали: политический патронаж нарушает принципы подбора персонала, основанный на беспристрастной оценке квалификации, а не на преданности какой-то партии или взносах в партийную казну; институт местной политической власти нарушает ту норму, по которой голосование должно быть основано на индивидуальной оценке достоинств кандидатов и политических программ, а не на постоянной преданности феодальному лидеру; взяточничество и «честный подкуп» — явно недостойное приобретение собственности; «покровительство» преступности безусловно нарушает закон и противоречит нравственным устоям и т.д.

В связи с тем, что деятельность политических организаций во многом, хотя и в разной степени, идет вразрез с нормами морали и иногда с законом, уместен вопрос, как им удастся продолжать функционировать. Знакомые «объяснения» сохранения политической машины здесь нам не важны. Безусловно, вполне возможно, что если бы «уважаемые граждане» жили согласно своим политическим обязательствам; если бы электорат был бдительным и просвещенным; если бы число кандидатов было сокращено по сравнению с десятками и даже сотнями, которых приходится оценивать среднему избирателю в ходе городских, окружных выборов и выборов в штате и во всей стране; если бы избиратели прислушивались к мнению «богатых и обра-

зованных, без участия которых», как выражается не всегда демократически настроенный Брайс, «наилучшим образом сформированное правительство должно быстро деградировать», — если бы в политическую структуру были внесены эти и множество других сходных изменений, то, возможно, «злые духи» и были бы изгнаны из политической машины⁹⁰. Но нужно отметить, что зачастую такие изменения не вносятся, что политические машины обладают способностью, подобно фениксу, возрождаться из пепла целыми и невредимыми, — короче говоря, эта структура проявляет замечательную жизнеспособность во многих областях американской политической жизни.

Поэтому, если исходить из функциональной точки зрения, согласно которой нам следует *обычно* (но не всегда) ожидать появления устойчивых социальных моделей и социальных структур, выполняющих позитивные функции, *которые в данное время неадекватно выполняют другие существующие модели и структуры*, то возникает мысль, что, возможно, эта поносимая всеми организация удовлетворяет *при данных условиях* основным латентным функциям⁹¹. Краткий обзор современного анализа структуры этого типа может также послужить примером дополнительных проблем функционального анализа.

Некоторые функции политической машины

Не вдаваясь в детали различий между видами политических машин — ведь некие Твид, Вэер, Крамп, Флинн, Хэйг далеко не одинаковые типы начальников, — мы можем вкратце рассмотреть функ-

⁹⁰ Эти «объяснения» — «причинные» по своему замыслу. Они претендуют на то, что бы определить, при каких социальных условиях появляются политические машины. В той мере, в какой они подтверждены эмпирически, эти объяснения, конечно, увеличивают наши знания о том, как получается, что политические машины действуют в одних областях, а не в других? Как им удастся сохраниться? Но *этих причинных объяснений недостаточно*. Осмысление функционально-результативного значения машины, как мы увидим, успешно дополняет причинную интерпретацию. — *Примеч. автора.*

⁹¹ Я думаю, излишне добавлять, что эта гипотеза выдвинута отнюдь не «в поддержку политической машины». В свое время еще предстоит рассмотреть, не перевешивают ли дисфункции машины ее функции и не отсутствуют ли альтернативные структуры, которые могут выполнять ее функции, без того, чтобы обязательно приводить к социальным дисфункциям в пей. Нам здесь важно подтвердить документально, что моральные суждения, основанные целиком на оценке явных функций социальной структуры, «нереалистичны» в строгом смысле этого слова, т.е. не учитывают других действительных последствий этой структуры — последствий, которые могут оказывать основную социальную поддержку этой структуре. Как будет указано позднее, если «социальные реформы» или «социальная инженерия» игнорируют латентные Функции, то в результате им грозят жестокие разочарования и эффект бумеранга. — *Примеч. автора.*

ции, являющиеся более-менее общими для политической машины как определенного рода социальной организации. Мы не собираемся ни перечислять все ее разнообразные функции, ни утверждать, что каждая из них одинаково выполняет все эти функции.

Ключевая структурная функция местного партийного босса — это организовать, централизовать и поддерживать в хорошем рабочем состоянии «разрозненные ветви власти», которые наданный момент рассредоточены по нашей политической организации. С помощью этой централизованной организации политической власти руководитель и его аппарат могут удовлетворить потребности разнообразных подгрупп большого района, которые в полной мере не удовлетворяются предусмотренными законами или культурно одобренными социальными структурами.

Таким образом, чтобы понять роль института местного партийного босса и самой машины, нам надо рассмотреть два типа социологических переменных: (1) *структурный контекст*, который затрудняет, а то и делает невозможным выполнение важных социальных функций морально одобренными структурами и предоставляет тем самым возможность выполнять эти функции политическим машинам (или их структурным эквивалентам), и (2) подгруппы, чьи особые потребности остаются неудовлетворенными, за исключением латентных функций, которые политическая машина фактически и осуществляет⁹².

Структурный контекст: весь конституционный строй американской политической системы целенаправленно пресекает любую легальную возможность чрезмерной централизации власти и, как отмечалось, тем самым «препятствует эффективному и ответственному руководству лидера. Творцы конституции, как отметил Вудро Вильсон, установили систему сдержек и противовесов, чтобы удерживать правительство в некоем механическом равновесии посредством постоянного дружеского соревнования между ее несколькими органическими частями. Они не доверяли власти, считая ее опасной для свободы, и поэтому размазали ее тонким слоем и воздвигли препятствия на пути ее концентрации». Эта рассредоточенность власти обнаруживается не только на общенациональном уровне, но и на местах. «В результате, — как далее замечает Сэйт, — *котпалюди или отдельные группы* требуют позитивных действий, никто не обладает достаточной властью, чтобы действовать. Машина предоставила противоядие»⁹³.

⁹² Опять, как и в предыдущих случаях, мы не будем рассматривать возможные дисфункции политической машины. — *Примеч. автора.*

⁹³ Edward M. Sait, «Machine, Political», *Encyclopedia of the Social Sciences*, IX, 658 b [курсив мой]; cf. A.F. Bentley, *The Process of Government* (Chicago, 1908), Chap. 2. — *Примеч. автора.*

я конституции децентрализация власти не только
Заложенная в эффективных решений и действий, но когда
издает труд «^{0СТМ} принимаются, их определяют и окружают
[^]кие-то мерь, Лайсонности. В результате появилась «гораздо *более*
; ообра*сНi** "Lew система партизанского правления, главной
яойс^венная», рвое стал обман правительства с помощью закона.
^ью которого в 'J ь демократии было лишь противовесом
" законие н?о* ой демократии. Поскольку юристу было по-
законности офии тию Закону, пришлось призвать местно-
!яолеНО подчинить д чтобы вызвоЛить жертву> что он некоторым об-%
партийно^ ще и за вознаграждение»^
ЛзоМ и сделал, да ческаявласть рассредоточена. Радидостиже-
V официально и были раЗработаны хорошо известные приемы,
этой явной Ц знакомое нам разделение власти между не-
Г^еДй них не тальк У R нек0торой степени было ограничено
сколами ветвям , ости и одобрена ротация кадров. И еще
Пребывание ***** рамки полномочий для каждой должности,
были строго опР^ функциональном плане отмечает Сайт, «руко-
\рсе же, как в стр б мо; а *поскольку* оно не так легко развивается
родство лидера не ^ <<Бос>>осуществляет его в грубой и бе-
,, конституции ^ ю пределами>>9>.
зответственной Ф Р ^ это звучит так: ^ нкцм0, аль«ые «ейо-
В более обоош, ы пороЖдают альтернативную (неофи-
апапки офи^ал^ ^ эффективного удовлетворения существу-
иальную) для неск ^ ^ Шт ее конкретные исторические
ющих » отРебНО ы^сы* машик- ~—тм тмк аппаоатдля удовлетво-

рения неутоленны ь ^ несколькими таким подфуппам и их ха-
[руппнаселения^Р^ ^ ^ ж&тврдем к широкому кругу ла_
рактерньгмпор еской машины.
Рентных ФУнк^"" етШж><б/ йля/ишиТМ"* лодэдулл. Известно,
фу,,к^« " ^ силы политической машины - это ее корни
что один из источи стностях. политическая машина не счи-
в местной обш""^ п(ьной и недифференцированной массой избира
ет электорат амо^м социологическим чутьем, машина признает,
телей. Обладая осу человек> живущий в определенной округе,
что избиратель личные проблемы и личные потребности,
имеющий опреде абстрактны и далеки; частные проблемы
Государственные и насущны. Машина функционирует не
чрезвычайно конкр

Z— " . *Progressive Democracy* (New York, 1914), p. 254, процитировано:
" Не.беГ< b - *Примеч. автора*. Salt, <>/>• «'•• 658 J' 659q
[курсив мой]. - Л/ИМ.М-^опа. » Sait, op. «'■• 6-й

через обобщенное обращение к большим государственным вопросам, а через прямые квазифеодалные связи между местными представителями машины и избирателями в их округе. Победу на выборах обеспечивает избирательный участок.

Политическая организация упрочивает свою связь с обычными людьми через искусно сотканную сеть личных отношений. Политика превращается в личные связи. Начальник избирательного участка «должен быть другом каждому, притворяясь, что сочувствует бедолагам, и используя в своих добрых деяниях все средства, которые руководитель предоставил в его распоряжение»⁹⁶. Начальник участка постоянно выступает как друг, который познается в беде. В нашем по большей части обезличенном обществе такая машина через своих местных агентов выполняет важную социальную *функцию, внося личный оттенок в разного рода помощь* нуждающимся и *облагораживая* ее. Корзины с продовольствием и рабочие места, юридические консультации и советы, как обойти закон, урегулирование случаев легких нарушений закона, предоставление политической стипендии для учебы в местном колледже смышленому бедняку, помощь понесшим утрату — это тот ряд кризисных ситуаций, когда тебе нужен друг, а больше всего — такой друг, который знает что к чему и может что-то придумать, — и всем этим занимается всегда готовый прийти на помощь начальник избирательного участка.

Чтобы адекватно оценить эту функцию политической машины, важно отметить не только то, что помощь *оказывают*, но и то, *как* ее оказывают. В конце концов, для оказания такой помощи существуют другие организации. Благотворительные организации, отделы социальных услуг для обитателей трущоб, курсы юридической помощи, медицинская помощь в бесплатных больницах, департаменты помощи населению, иммиграционные власти — эти и многие другие организации для того и существуют, чтобы оказать самую разную помощь. Но в отличие от профессиональных методов работника сферы социальной защиты, которые обычно в сознании получателя могут быть связаны с холодным, бюрократическим оказанием ограниченной помощи после подробного изучения *законных* оснований на получение помощи «клиентом», существуют непрофессиональные методы начальника избирательного участка, который не задает вопросов, не требует соблюдения юридических правил, определяющих право на помощь, и не «сует нос» в частную жизнь⁹⁷.

⁹⁶ Ibid., 659. — *Примеч. автора.*

⁹⁷ Во многом такой же контраст с официальной политикой благотворительности обнаруживается в щедром и неполитическом распределении пособий по безработице Гарри Хопкинсом в штате Нью-Йорк под руководством Франклина Делано Рузвель-

Для многих потеря «самоуважения» — слишком высокая плата за положенную по закону помощь. В отличие от работников, профессионально занятых улучшением культурно-бытовых условий населения, которые глубокой пропастью отделены от жителей трущоб — ведь эти работники часто принадлежат к другому общественному классу, этнической группе, имеют другое образование, — работник избирательного участка — «свой человек», который понимает что к чему. Снисходительная щедрая дама едва ли может соревноваться с проверенным и понимающим тебя другом. В *этой борьбе между альтернативными структурами за выполнение номинально той же функции* оказания помощи и поддержки нуждающимся именно политик явно лучше вписывается в группы, которые он обслуживает, чем обезличенный, профессиональный, социально далекий и зажатый в тиски юридических правил работник сферы социального обслуживания. А поскольку политик иногда может влиять на официальные организации по оказанию помощи и манипулировать ими, тогда как работник сферы социального обслуживания практически не имеет влияния на политическую машину, это лишь способствует большей эффективности его усилий. Наверное, наиболее доступно и проникательно эту функцию описал заинтересовавшемуся этим Линкольну Стеффенсу руководитель административного района в Бостоне Мартин Ломасни. «Я считаю, — сказал Ломасни, — что в каждом районе должен быть кто-то, к кому любой может прийти — что бы он ни натворил — и получить помощь. Помощь, понимаете? Не эти ваши законы и правосудие, а помощь»⁹⁴.

«Обделенные классы», таким образом, представляют собой одну из подгрупп, для которых политическая машина удовлетворяет потребности, неадекватно удовлетворяемые официальной социальной структурой.

Для второй подгруппы, подгруппы бизнеса (прежде всего «большого», но также и «малого»), политический босс выполняет функцию предоставления тех политических привилегий, которые ведут к

та. Как сообщает Шервуд: «Официальные благотворительные организации резко критиковали Хопкинса за эту неположенную деятельность, утверждая, что «это непрофессиональное поведение», когда раздают такие пособия, не изучив тщательно каждого кандидата, его собственные финансовые ресурсы или ресурсы его семьи и, возможно, его религиозные взгляды. «Гарри послал эту организацию к черту», — говорит [соратник Хопкинса д-р Джекоб А.] Гольдберг» Robert E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins, An Intimate History* (New York Harper, 1948), 30. — *Примеч. автора.*

⁹⁴ *The Autobiography of Lincoln Steffens* (Chautauqua, New York: Chautauqua Press, 1931), 618. Опираясь, по его собственным словам, в основном на Стеффенса, Ф. Стюарт Чэпин очень четко формулирует эти функции политической машины. См. его *Contemporary American Institutions* (New York: Harper, 1934), 40—54. — *Примеч. автора.*

непосредственным экономическим выгодам. Корпорации, среди которых коммунальные предприятия (железные дороги, местные транспортные компании и компании по электроснабжению, корпорации средств связи) являются просто самыми заметными в этом отношении, ищут особой политической поддержки, которая позволит им стабилизировать свое положение и приблизить цель извлечения максимальных доходов. Довольно любопытно, что корпорации часто хотят избежать хаоса бесконтрольной конкуренции. Им хочется большей надежности, исходящей от экономического царька, который контролирует, регулирует и организует конкуренцию, при условии, что этот царек не является государственным чиновником, чьи решения подлежат публичному рассмотрению и контролю. (Последнее было бы «правительственным контролем», а следовательно, запрещающим.) Местный политический босс на месте превосходно отвечает этим требованиям.

Если на минуту отвлечься от любых моральных соображений, политический аппарат, управляемый Боссом, идеально предназначен для выполнения этих функций с минимальными потерями в эффективности. Умело манипулируя различными правительственными решениями, комитетами и органами, Босс рационализирует взаимоотношения между государственным и частным бизнесом. Он выступает как посол деловых кругов в чуждом (и зачастую недружелюбном) царстве правительства. И четко, по-деловому его экономические услуги респектабельным деловым клиентам хорошо оплачиваются. В статье, озаглавленной «Оправдание взятки», Линкольн Стеффенс высказал мнение, что во взятках виновна «наша экономическая система, которая выставляет богатство, власть и уважение как награду людям, достаточно смелым и достаточно способным, чтобы за взятку скупать лес, шахты, нефтяные залежи и оставаться безнаказанными»⁹⁹. И на встрече с сотней ведущих бизнесменов Лос-Анджелеса он привел всем им хорошо известный факт: местный партийный Босс и его аппарат являются *неотъемлемой частью* организации экономики. «Нельзя построить ни одной железной дороги, трамвайной линии, компании по снабжению газом, водой или электричеством или управлять их работой, разрабатывать рудники, выращивать и вырубать леса, руководить привилегированным бизнесом, не подкупая власти или не участвуя в коррупции. Вы говорите мне в частной беседе, что вынуждены делать это, и я вам сейчас говорю почти публично то же самое. И так по всей стране. А это значит, что наше общество организовано так, что *по какой-то причине* вы и вам подобные, самые способные, самые умные, самые сообразительные, смелые и изобретательные столпы общества,

⁹⁹ *Autobiography of Lincoln Steffens*, 570. — Примеч. автора.

противостоите и вынуждены противостоять обществу, его законам и его всестороннему развитию»¹⁰⁰.

Поскольку потребность в услугах по предоставлению особых привилегий встроена в структуру общества, Босс выполняет разнообразные функции для этой второй подгруппы, помогающей привилегий для бизнеса. Эти «потребности» бизнеса в том виде, в каком они сложились на данный момент, не удовлетворяются адекватным образом обычными и одобренными культурой социальными структурами. В результате эти услуги оказывает незаконная, но более или менее эффективная организация — политическая машина. Заняться *ключительно* нравственную позицию в отношении «коррупцированной политической машины» — значит потерять из виду сами структурные условия, порождающие то «зло», которое так резко критикуют. Принятие функциональной точки зрения ведет не к апологии политической машины, а к созданию более прочной основы для модификации или ликвидации этой машины *при условии* внесения особых структурных преобразований, имеющих своей целью либо «снятие» этих реальных требований деловых кругов, либо, если цель заключается именно в этом, их удовлетворение альтернативными средствами.

Третий комплекс типичных функций, выполняемых политической машиной для особой подгруппы, — это предоставление альтернативных источников социальной мобильности тем, кому в противном случае становятся недоступными более обычные пути личного «продвижения». Как причины этой особой «потребности» (в социальной мобильности), так и то, в каком отношении политическая машина приходит на помощь, чтобы удовлетворить эту потребность, — все это можно понять, рассматривая структура культуры и общества в целом. Как известно, американская культура придает огромное значение деньгам и власти как цели «преуспеяния», которую имеет право ставить перед собой любой член общества. Не являясь никоим образом единственной в нашем списке культурных целей, она тем не менее остается одной из самых значительных по положительному воздействию и ценности. Однако у определенных подгрупп и в определенных экологических районах возможность достижения этих (денежных и властных) видов преуспеяния значительно меньше. Они представляют собой, короче говоря, такие подгруппы, в которых «куль-

¹⁰⁰ Ibid., 572—573 [курсив мой]. Это помогает объяснить, как заметил Стеффенс вслед за комиссаром полиции Теодором Рузвельтом, «выдающееся положение и респектабельность тех мужчин и женщин, которые вступаются за жуликов», замеченных в неоднократных попытках «подмазать политическую машину». Cf. Steffens, 371, и *passim*. — Примеч. автора.

турный акцент на финансовый успех был воспринят, но у которых *почти нет доступа к традиционным и законным средствам достижения* такого успеха. Обычные возможности занятости людей (в таких районах) почти полностью ограничены физическим трудом. Так как в нашей культуре физический труд не в почете¹⁰¹, а его коррелятом является престижная работа «белых воротничков», то в результате появляется стремление достичь этих одобренных культурой целей *какими угодно средствами*. С одной стороны, от этих людей «требуют ориентировать свое поведение на перспективу приобретения богатства [и власти], а с другой — они, как правило, лишены реальной возможности достичь этого в рамках существующих общественных институтов».

В этом контексте даже коррумпированная политическая машина и рэкет «представляют собой торжество аморального разума над предписанной моралью «неудачей», когда закрыты и сужены пути вертикальной мобильности *в том обществе, которое поощряет экономическое изобилие, [власть] и социальное продвижение для всех своих членов*»^m. Как заметил один ученый на основе многолетнего наблюдения в трущобах,

Социолог, отбрасывающий рэкет и политические организации как отклонения от желаемых стандартов, тем самым игнорирует некоторые из главных элементов жизни в трущобах... *Он не раскрывает функции, которые они выполняют для обитателей трущоб* [или существующих там

¹⁰¹ См. обследование Исследовательского центра общественного мнения, касающееся оценки рода деятельности, которое документально подтверждает общее впечатление, что рабочие профессии очень низко котируются по социальной шкале ценностей *даже среди тех, кто сам занят физическим трудом*. Рассмотрим этот последний вопрос во всей его значимости. Фактически культурная и социальная структура требует признать ценности финансового и властного успеха даже теми, кто вынужден заниматься униженным физическим трудом. На этом фоне рассмотрим сильную мотивацию для достижения этого вида «успеха» любыми средствами. Мусорщик, присоединяющийся к другим американцам в их мнении, что у него — «самая грубая из всех грубых» профессий, явно о себе невысокого мнения; по роду деятельности он пария в том самом обществе, где его заверяют, что «все достойные могут преуспеть». Добавьте к этому, что он периодически признает, что «у него не было таких возможностей, как у других, что бы там ни говорили», и становится ясно, под каким огромным психологическим давлением он находится, чтобы стремиться «сравнять счет», найдя какие-то способы, законные или не совсем, для своего продвижения вперед. Все это служит структурным, а затем и психологическим фоном для «социально индуцированной потребности» *некоторых групп найти какие-то доступные пути к социальной мобильности*. Именно в этом контексте социальной структуры политическая машина выполняет базисную функцию предоставления каналов социальной мобильности для тех, кто без нее не имеет никаких шансов продвинуться. — *Примеч. автора*.

¹⁰² Merton, *Socialstructure and anomie*. Chapter VI данной книги. — *Примеч. автора*.

группировок]. Ирландцы и другие иммигранты испытывали огромные затруднения, пытаясь найти свое место в нашей городской социальной и экономической структуре. Неужели кто-то думает, что иммигранты и их дети могли бы достичь нынешней степени социальной мобильности, не взяв под контроль политические организации в некоторых из наших крупнейших городов? То же самое верно и в отношении рэкета. *Политика и рэкет предоставляют важнейшее средство социальной мобильности тем, кто в силу этнического происхождения и принадлежности к низшим классам лишен возможности продвигаться «респектабельным» путем*¹¹³.

Таким образом, здесь мы имеем третий тип функции, выполняемой для особой подгруппы. Эта функция, отметим мимоходом, выполняется *самим* существованием и действием политической машины, поскольку именно в самой машине эти индивиды и подгруппы находят большее или меньшее удовлетворение своих индуцированных потребностей. Это относится к услугам, которые политическая машина оказывает своим собственным сотрудникам. Но при рассмотрении ее в более широком социальном контексте, выдвинутом нами, она уже не представляется *просто* средством самовозвеличивания для жаждущих выгоды и власти *индивидов*, а выступает как организованное оказание помощи *подгруппам*, исключенным из гонки за «продвижением» или находящимся при этом в невыгодном положении.

Точно так же, как политическая машина оказывает услуги «законному» бизнесу, она действует и для оказания аналогичных услуг «незаконному» бизнесу: проституции, преступности и рэкету. И, повторяю снова, мы можем с достаточной полнотой оценить фундаментальную социологическую роль этой машины в данном отношении

¹⁰⁵ William F. Whyte, «Social organization in the slums», *American Sociological Review*, Feb. 1943, 8, 34—39 [курсив мой]. Таким образом, политическая машина и рэкет представляют собой один из способов организационного приспособления к условиям, описанный в главе VI. Они представляют собой, заметьте, *организационное* приспособление: здесь возникают и действуют определенные структуры, с тем чтобы несколько ослабить сильное напряжение и проблемы индивидов, попавших в описанную ситуацию конфликта между «культурным акцентом на успех для всех» и «социально структурированным фактом неравных возможностей для успеха». Как указано в главе VI, возможны и другие виды *индивидуального* «приспособления»: преступления одинокого волка, психопатологические состояния, бунт, уход в себя при отказе от культурно одобренных целей и т.д. Точно так же бывают и другие виды *организационного приспособления*; рэкет или политическая машина не *одни* предлагают себя в качестве организационных средств для решения этой социально индуцированной проблемы. Например, в этом контексте участие в революционных организациях можно рассматривать как альтернативный способ организационного приспособления. Все это представляет теоретический интерес, иначе мы можем не разглядеть основные функциональные понятия — функциональных заместителей и функциональных эквивалентов, которые предстоит обсудить подробно в следующих главах. — *Примеч. автора.*

лишь в том случае, если временно откажемся от выражения морального негодования, чтобы изучить с нравственной беспристрастностью фактическую деятельность этой организации. В таком разрезе сразу же становится очевидным, что у подгруппы профессионального преступника, рэкетира или азартного игрока есть сходство в организации, требованиях и функционировании с подгруппой промышленника, бизнесмена или биржевика. Если есть король древесины или нефтяной король, то есть также и король проституции или король рэкета. Если растущий законный бизнес организует административные и финансовые синдикаты, чтобы «рационализировать» и «интегрировать» разнообразные сферы производства и делового предпринимательства, то и растущий рэкет и преступность организуют синдикаты для упорядочения сферы производства незаконных товаров и услуг, которая в противном случае осталась бы хаотической. Как законный бизнес считает увеличение предприятий малого бизнеса расточительным и неэффективным, заменяя, например, огромными универсальными магазинами сотни бакалейных лавок, так и незаконный бизнес занимает такую же деловую позицию и создает синдикаты в сферах преступности и проституции.

И наконец, очень важным является глубинное сходство, если не полное тождество, экономической роли «законного» и «незаконного» бизнеса. *Оба в некоторой степени обеспечивают товарами и услугами, на которые есть экономический спрос.* Если отбросить в сторону мораль, оба являются бизнесом: промышленными и профессиональными предприятиями, предоставляющими товары и услуги, нужные некоторым людям, и имеющие рынок, где товары и услуги превращаются в предметы потребления. А в преимущественно рыночном обществе нам следует ожидать появления соответствующих предприятий каждый раз, когда возникает рыночный спрос на определенные товары или услуги.

Как известно, проституция, преступность и разного рода рэкет являются «большим бизнесом». Стоит лишь сказать, что, по имеющимся данным, количество профессиональных проституток в Соединенных Штатах в 1950 году составляло 500 000, а теперь сравним это с примерно 200 000 врачей и 350 000 профессиональных медицинских сестер. Трудно подсчитать, у кого больше клиентура: у профессионалов от медицины или у профессионалов от порока. Конечно, трудно подсчитать экономические активы, доход, прибыль и дивиденды незаконного игорного бизнеса в нашей стране и сравнить его с экономическими активами, доходом, прибылью и дивидендами, скажем, обувной промышленности, но вполне возможно, что обе индустрии примерно на одном уровне. Нет точных данных о ежегодных расхо-

дах на запрещенные наркотики, и вполне вероятно, что они меньше, чем расходы на сладости, но не менее вероятно, что они выше, чем расходы на книги.

Не требуется долгих размышлений, чтобы признать, что с *чисто экономической точки зрения* нет существенной разницы между обеспечением законными и незаконными товарами и услугами. Торговля спиртным прекрасный тому пример. Было бы нелепо утверждать, что до 1920 года (когда вступила в силу 18-я поправка) поставка алкоголя являлась собой экономической услугой, с 1920-го по 1933-й его производство и продажа уже не представляли собой экономическую услугу, осуществляемую рынком, а с 1934 года по настоящее время это вновь стало услугой. Или было бы абсурдом с *экономической* (не моральной) точки зрения полагать, что продажа самогона в штате Канзас с его сухим законом является в меньшей степени ответом на рыночный спрос, чем продажа произведенного официально алкоголя в соседнем штате Миссури, где нет сухого закона. Примеров такого рода можно было бы привести, разумеется, несметное количество. Можно ли считать, что в странах Европы с зарегистрированной и узаконенной проституцией проститутка оказывает экономическую услугу, тогда как в нашей стране, где она законом не разрешена, проститутка такой услуги не оказывает? Или что профессиональный акушер, делающий аборт, является участником такого экономического рынка, где у него легальное положение, и не занят на том экономическом рынке, где аборт официально запрещен? Или что игорный бизнес удовлетворяет определенный спрос на развлечения в Неваде, где он представляет собой самый крупный бизнес самых крупных городов этого штата, но существенно отличается в этом отношении от киноиндустрии в соседнем штате Калифорния?¹⁰⁴

Нежелание признать, что такой бизнес лишь *морально*, но не *экономически* отличается от «законного», делает анализ неполноценным. Но стоит признать их экономическое тождество, и сразу становится понятным, что если политическая машина выполняет функции для «законного большого бизнеса», то скорее всего она будет выполнять сходные функции и для «незаконного большого бизнеса». И конечно, так оно зачастую и есть на самом деле.

¹⁰⁴ Наверное, лучше всех эту точку зрения выразили Хокинс и Уоллер: «Проститутка, сводник, распространитель наркотиков, владелец игорного зала, продавец порнографических картинок, самогонщик, акушер, делающий аборт, — все они что-то производят, все предоставляют услуги или товары, которые люди хотят и готовы оплатить. Так случилось, что общество наложило запрет на эти товары и услуги, но их продолжают производить и продолжают потреблять, и законодательный акт не делает их в меньшей степени частью экономической системы». «Critical notes on the cost of crime», *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1936, 26, 679—694, at 684. — *Примеч. автора.*

Отличительная функция политической машины для своей преступной, порочной или мошеннической клиентуры — дать возможность работать для удовлетворения экономического спроса большого рынка без ненужного вмешательства со стороны правительства. Точно так же, как большой бизнес может внести деньги в кассу политической партии, чтобы обеспечить себе минимальное вмешательство со стороны правительства, так может поступить и большой рэкет, и крупная преступность. В обоих случаях политическая машина способна в разной степени обеспечить «защиту». В обоих случаях многие черты структурного контекста идентичны: (1) рыночный спрос на товары и услуги; (2) заинтересованность владельцев в извлечении максимальных доходов из своих предприятий; (3) потребность в частичном влиянии на правительство, которое иначе может вмешаться в эту деятельность бизнесменов; (4) потребность в эффективном, влиятельном и централизованном органе, который обеспечил бы эффективную связь «бизнеса» с правительством.

Не считая, что вышеприведенный анализ охватил весь диапазон функций или диапазон-подгрупп, которые обслуживает политическая машина, мы можем по крайней мере понять, что *в настоящее время она выполняет для этих разных подгрупп-некоторые функции, которые не выполняются адекватным образом, одобренным культурой, или более традиционными структурами.*

Можно лишь мимоходом отметить некоторые дополнительные выводы из функционального анализа политической машины, хотя они явно требуют детальной разработки. Первое: предшествующий анализ имеет непосредственное значение для *социальной инженерии*. Он помогает объяснить, почему обычно (хотя и не обязательно) такими недолговечными и недейственными оказываются периодические попытки провести «политическую реформу», «выгнать мошенников» и «очистить наш политический дом». Он подтверждает главную теорему: *любая попытка ликвидировать существующую социальную структуру, не обеспечив адекватную альтернативную структуру для выполнения функций, ранее осуществляемых отмененной организацией, обречена на провал.* (Нет нужды говорить, что эта теорема охватывает гораздо больше случаев, чем один пример политической машины.) Когда «политическая реформа» ограничивается четко выраженной задачей «изгнания мошенников», она занимается чем-то вроде социологических заклинаний. Реформа может на какое-то время вывести на политическую сцену новые фигуры; может на какое-то время внушить избирателям уверенность в том, что нравственные добродетели остаются неизменными и в конце концов восторжествуют. Она может действительно повлиять на смену персонала политической машины. Реформа мо-

жет даже какое-то время настолько сдерживать деятельность этой машины, что многие потребности, которые она раньше удовлетворяла, останутся неудовлетворенными. Но если реформа не включает также реформирования социальной и политической структуры, при котором удовлетворять существующие потребности будут альтернативные структуры, и если она не влечет за собой таких изменений, которые совсем ликвидируют эти потребности, политическая машина непременно вернется на свое законное место в социальном устройстве. *Стремиться к социальным переменам, не учитывая должным образом явные и латентные функции, выполняемые социальной организацией, претерпевающей изменения, значит довольствоваться социальным ритуалом, забыв о социальной инженерии.* Понятия явных и латентных функций (или их эквивалентов) — неотъемлемые элементы теоретического репертуара ученого, занимающегося социальной инженерией. В этом важнейшем смысле эти понятия не «просто» теоретические (в негативном смысле этого слова), но в высшей степени практические. Пройгнорировать их — значит увеличить риск неудачи при целеустремленном претворении социальных перемен.

Второй вывод из анализа политической машины также имеет отношение к более широким областям, чем та, которую мы рассмотрели. Часто отмечают тот парадокс, что сторонниками политической машины являются и представители «респектабельного» бизнеса, которые, конечно, враждебно относятся к преступнику или рэкетиру, и явно «нереспектабельные» представители подпольного бизнеса. На первый взгляд это приводят как пример очень странного альянса. Зачастую опытному судье приходится выносить приговор тому самому мошеннику, рядом с которым он сидел накануне вечером на неофициальном ужине политических «шишек». Окружной прокурор сталкивается в дверях с бывшим заключенным, торопясь на тайный сход, назначенный местным политическим боссом. Крупный бизнесмен может почти так же сильно сетовать, как и крупный мошенник, на «грабительские» взносы в партийную кассу, которые требует босс. Социальные противоположности сходятся... в прокуренной комнате удачного политика.

В свете функционального анализа все это, конечно, уже не кажется парадоксальным. Поскольку машина служит как бизнесмену, так и преступнику, две кажущиеся антиподами группы пересекаются. Это указывает на более общую теорему: *социальные функции организации помогают определить структуру (включая набор персонала, входящего в структуру), точно так же, как структура помогает определить эффективность, с которой выполняются эти функции.* С точки зрения социального статуса, группа бизнеса и криминальная группа — дей-

ствительно полные противоположности. Но статус не дает полного предположения о поведении и взаимоотношениях между группами. Эти отношения модифицируются благодаря функциям. При наличии определенных общих потребностей несколько подгрупп более крупного общества «интегрируются» — вне зависимости отличных желаний и намерений — централизующей структурой, удовлетворяющей эти потребности. Если воспользоваться фразой, многозначность которой требует дальнейшего изучения, то *структура влияет на функцию, а функция влияет на структуру*.

Заключительные замечания

Рассмотрев некоторые важные обстоятельства, касающиеся структурного и функционального анализа, мы всего лишь указали на некоторые главные проблемы и возможности этого способа социологической интерпретации. Каждый элемент, кодифицированный в парадигме, требует длительного теоретического уточнения и совместного эмпирического исследования. Но ясно, что в функциональной теории, очищенной от тех традиционных постулатов, которые ее окружали и часто превращали всего лишь в новейшую рационализацию существующих методов, социология обретает начальную стадию систематического и эмпирически уместного способа анализа. Мы надеемся, что указанное здесь направление наведет на мысль о возможности и желательности дальнейшей кодификации функционального анализа. Со временем каждый раздел парадигмы будет преобразован в подтвержденную документами, проанализированную и кодифицированную главу в истории функционального анализа.

Библиографический постскриптум

В первом варианте, написанном в 1948 году, предшествующая работа представляла собой попытку систематизировать главные предположения и концепции медленно развивающейся в то время теории функционального анализа в социологии. С тех пор развитие этой социологической теории приобрело заметный размах. При подготовке этого издания я включил некоторые произошедшие расширения и исправления теории, но отложил подробную и расширенную формулировку до публикации новой книги, которая сейчас готовится к изданию. Поэтому, возможно, было бы полезно на этом перепуте пе-

речислить некоторые, хотя далеко не все, недавние теоретические вклады в функциональный анализ в социологии.

Основной вклад в последние годы внес, безусловно, Толкотт Парсонс своей книгой «Социальная система» («The Social System» Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951), дополненной дальнейшими работами Парсонса и его коллег: Т. Парсонс, Р.Ф. Бейлс и И.А. Шиле, «Работы по теории действия» («Working Papers in the Theory of Action» Glencoe, Illinois: The Free Press, 1953); Т. Парсонс и И.А. Шиле (издатели), «К общей теории действия» («Toward a General Theory of Action» Cambridge: Harvard University Press, 1951). Заметный вклад такой всеобъемлющей и логически сложной работы, как «Социальная система», нелегко отделить от ее предварительных и временами спорных концептуальных разработок; социологи лишь сейчас начали отделять одно от другого. Но, как видно и из исследований, основанных на формулировках Парсонса, и из их критического теоретического обзора, именно эти формулировки являются решающим шагом на пути к методологическому обоснованию современной социологической теории.

М. Дж. Леви-мл. в своей работе «Структура общества» («The Structure of Society», Princeton University Press, 1953) многое почерпнул, по его собственным словам, из концептуальной схемы Парсонса и логически приумножил число различных категорий и понятий. Нам еще предстоит убедиться, являются ли такие таксономии понятий подходящими и полезными для анализа социологических проблем.

Менее широкий, но зато более глубокий анализ отдельных теоретических проблем функционального анализа дан в ряде статей, появившихся из разнообразных «культурных ареалов» социологической теории, как видно из следующей краткой библиографии. Пожалуй, самой глубокой и продуктивной среди них является пара связанных между собой статей Ральфа Дарендорфа «Структура и функция» («Struktur und Funktion», «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie», 1955, 7, 492—519) и Дэвида Локвуда «Некоторые замечания о «Социальной системе»» («The British Journal of Sociology», 1956, 7, 134—146). Обе статьи являются образцовыми примерами систематического теоретизирования, в задачу которого входит выявление определенных пробелов в современной функциональной теории. Взвешенное и неполемическое изложение статуса функциональной теории и некоторых ее ключевых нерешенных проблем можно найти в: Бернард Барбер, «Структурно-функциональный анализ: некоторые проблемы и недоразумения» («Structural-functional analysis: some problems and misunderstandings», «American Sociological Review», 1956, 21, 129—135). Попытка прояснить важную проблему логики функционального анализа, входящей в ту часть функциональ-

ной социологии, которая предназначена для объяснения наблюдаемых структурных моделей в обществе, была предпринята Гарри С. Бредемейером в «Методологии функционализма» («The methodology of functionalism», *American Sociological Review*, 1955), 20, 173—180. Хотя позиции, занятые автором этой статьи по отношению к нескольким рассматриваемым им примерам функционального анализа, выглядят спорными, она обладает тем явным достоинством, что поднимает важный вопрос о логике функционального анализа.

Об упорядочении антропологами функционального анализа в современной социологии (не просто антропологии) см. работу Медфорда И. Спиро «Типология функционального анализа» («A Typology of functional analysis», *Explorations*, 1953) 1, 84—95, и тщательное критическое исследование Рэймонда Фирта «Функция» («Function», *Current Anthropology*, edited by William L. Thomas, Jr., University of Chicago Press, 1956), 237-258.

Распространение функциональной теории в том виде, в каком она на данный момент разработана в Соединенных Штатах, видно из ряда критических обзоров этой теории в Бельгии, Франции, Италии и Бразилии. Самые значительные среди них: Анри Жанн («Fonction et finalite en sociologie», *Cahiers Internationaux de Sociologie*, 1954), 16, 50—67, в которой предпринята попытка соединить современную функциональную теорию с предшествующей и современной теорией французских и бельгийских социологов. Тщательный критический обзор функционального анализа в социологии предпринят Жоржем Гурвичем («Le concept de structure sociale», *Cahiers internationaux de Sociologie*, 1955), 19, 3—44. Всестороннее рассмотрение функциональной теории применительно к отдельным проблемам социологического исследования можно найти у Филиппо Барбано («Teoria e Ricerca nella Sociologia Contemporanea», Milano: Dott. A. Giuffre, 1955). Работа Флорестана Фернандеса («Ensaio sobre o Metodo de Interpretacao Functionalista na Sociologia», Sao Paulo: Universidade de Sao Paulo, Boletim No 170, 1953) является информативной и систематичной монографией, отдающей должное даже такому трудному и небезошибочному тексту, как мой.

Представленная на предыдущих страницах парадигма была формализована с помощью системы абстрактных теорминов, призванной выяснить, каким образом ее различные части связаны с элементами функционального подхода в биологии. См. «Формализация функционализма с учетом его применения в социальных науках» в выходящем сборнике статей Эрнеста Нейджела «Логика без метафизики» («Logic Without Metaphysics», Glencoe: The Free Press, 1957). Детальное применение парадигмы см. в Уоррен Брид, «Социальный контроль в отделе новостей: функциональный анализ» («Social control in the newsroom:

a functional analysis», *Social Forces*, 1955), 33, 326—335; А.Г. Лейтон и С.С. Хьюз, «Заметки о моделях самоубийства у эскимосов» («Notes on Eskimo patterns of suicide», *Southwestern Journal of Anthropology*, 1955), 11, 327—338; Джон Чэпмен и Майкл Экстейн, «Социально-психологическое изучение явления Девы Марии в Пуэрто-Рико» («Asocial-psychological study of the alleged visitation of Virgin Mary in Puerto Rico», *Year Book of the American Philosophical Society*, 1954), 203—206; Дэниел Чэпмен, «Дом и социальный статус» («The Home and Social Status», London: Routledge & Kegan Paul, 1955); Кристиан Бэй, «Свобода выражения: очерк политических идеалов и социопсихологических реальностей» (готовится к печати) («The Freedom of Expression: A study in Political Ideals and Socio-Psychological Realities»); Майкл Экстейн, «Разные действия и реакция на преступление» (в печати) («Diverse action and response to crime»); И.Б. Дамль, «Передача современных идей и знаний в индейских деревнях» («Communication of Modern Ideas and Knowledge in Indian Villages», Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, Center for International Studies, 1955).

Интересное обсуждение явных и латентных последствий поступков в связи с самооправданием или ощущением собственного поражения см.: Глава 8 у Кеннета Боулдинга «Образ» («The Image», Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956).

IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Недавнюю историю социологической теории можно в основном описать как чередование двух противоположных увлечений. С одной стороны, мы видим тех социологов, которые прежде всего стремятся к обобщению, пытаются как можно скорее найти свой путь к формулировке социологических законов. Склонные оценивать важность социологической работы скорее с точки зрения масштаба, чем с точки зрения доказательности обобщений, они воздерживаются от «тривиальности» детального мелкомасштабного наблюдения и стремятся к грандиозности глобальных обобщений. На другом полюсе находится группа смельчаков, которые не слишком гонятся за общим смыслом своего исследования, зато уверены и убеждены, что все, о чем они сообщают, соответствует действительности. Безусловно, их изложение фактов не голословное и часто подтверждается, но они не могут связать факты друг с другом или даже объяснить, почему были сделаны именно эти, а не другие наблюдения. Иногда кажется, что для первой группы отличительным девизом мог бы быть такой: «Мы не знаем, истинно ли то, что мы говорим, но по крайней мере это важно». А для радикального эмпирика девизом может быть такой: «Можно продемонстрировать, что дела обстоят именно таким образом, но мы не способны указать, в чем важность этих данных».

Каковы бы ни были причины приверженности одному из этих лагерей — психологи, социологи знаний, историки науки могли бы дать разные, но не обязательно противоречащие друг другу объяснения, — достаточно ясно, что нет никаких логических оснований для их противопоставления *друг другу*. Обобщения можно сочетать с упорядоченным наблюдением; пристальные детальные наблюдения не надо превращать в тривиальность, отказываясь от их теоретического осмысления.

Все вышесказанное, безусловно, получит широкое, если не всеобщее одобрение. Но само это единодушие наводит на мысль, что эти

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

замечания банальны. Если же, однако, одной из функций теории является открытие скрытого смысла того, что кажется самоочевидным, было бы нелишним посмотреть, что влекут за собой такие программные утверждения об отношениях социологической теории и эмпирического исследования. При этом необходимо приложить все усилия, чтобы не останавливаться на рассмотрении примеров, взятых из «более зрелых» наук, таких, как физика и биология, — не потому, что они не отражают данных логических проблем, а потому, что сама их зрелость позволяет этим дисциплинам *плодотворно* рассматривать абстракции высокого порядка на таком уровне, который, надо признать, еще не характерен для социологии. В многочисленных дискуссиях о научном методе были созданы логические предпосылки научной теории, но они зачастую отличались таким высоким уровнем абстракции, что перспектива воплотить эти предписания в современном социологическом исследовании кажется утопической. В конечном счете социологическое исследование должно соответствовать критериям научного метода; в данный момент задача заключается в следующем: сформулировать эти требования так, чтобы они имели более непосредственное отношение к аналитической работе, возможной в настоящее время.

Термин «социологическая теория» широко применяется по отношению к результатам нескольких взаимосвязанных, но тем не менее отличающихся один от другого видов деятельности, осуществляемой членами профессиональной группы, а именно социологами. Но поскольку эти несколько видов деятельности различаются по своему отношению к эмпирическому социальному исследованию — так как они отличаются по своим научным функциям, — то в целях обсуждения их нужно разделить друг от друга. Более того, такое разграничение дает основу для оценки достоинств и недостатков, характерных для каждого из следующих шести видов работы, которые часто без разбора включают в социологическую теорию: (1) методологии; (2) общих социологических ориентации; (3) анализа социологических понятий; (4) социологических интерпретаций *post factum*; (5) эмпирических обобщений в социологии и (6) социологической теории.

Методология

С самого начала необходимо четко различать социологическую теорию, предметом которой являются определенные аспекты и результаты взаимодействия людей и которая поэтому имеет самостоятельное значение, и методологию или логику научного метода. Методология не замыкается в рамках какой-либо одной дисциплины, так как ее

интересуют проблемы общие, либо для отдельных групп дисциплин¹, либо для всех научных исследований. Методология не связана исключительно с социологическими проблемами, и хотя в книгах и журналах по социологии существует несметное количество методологических дискуссий, они тем самым не приобретают социологический характер. Социологи наряду со всеми другими, кто занимается нелегким научным трудом, должны быть методологически подкованы; они должны осознавать замысел исследования, характер выводов и требования теоретической системы. Но в такого рода знания не входит представление о конкретном *содержании* социологической теории. Короче говоря, существует четкая и важная разница между *знанием того, как проверить* целый ряд гипотез, и *знанием теории*, из которой можно выводить гипотезы, подлежащие проверке². У меня такое впечатление, что современная социологическая подготовка гораздо больше нацелена на то, чтобы студенты понимали скорее первое, чем второе.

Как заметил Пуанкаре полвека назад, социологи давно являются толкователями методологии и, расходуя на это свой талант и энергию, возможно, уходят от задачи построения содержательной теории. Эта сосредоточенность на логике процедуры имеет свою собственную научную функцию, поскольку инвентаризация процедур служит важной цели — сориентировать и оценить теоретические и эмпирические исследования. Она отражает также болезни роста незрелой дисциплины. Подобно тому, как подмастерье, приобретающий новые навыки, сознательно изучает каждый их элемент в отличие от мастера, привычно применяющего наработанные навыки, не особенно беспокоясь о точной формулировке собственных действий, так и представители дисциплины, урывками продвигающейся к научному статусу, мучительно расшифровывают логические основания своего метода. Тоненькие книжки по методологии, множась в со-

¹ См. некоторые книги, в которых изложены методологические задачи социологии в отличие от методических: Florian Znaniecki, *The Method of Sociology* (New York: Farrar & Rinehart, 1934); R.M. MacIver, *Social Causation* (Boston: Ginn & Co., 1942); G.A. Lundberg, *Foundations of Sociology* (New York: Macmillan Co., 1939); Felix Kaufmann, *Methodology of the Social Sciences* (New York: Oxford University Press, 1944); P.F. Lazarsfeld and M. Rosenberg (eds.), *The Language of Social Research* (Glencoe: The Free Press, 1955), esp. The Introductions to section. — *Примеч. автора.*

² Необходимо отметить, однако, не только то, что инструменты и методы, применяемые в социологическом (или другом научном) исследовании, должны отвечать методологическим критериям, но и что они также логически предполагают содержательные теории. Как заметил в связи с этим Пьер Дюгем, научный инструментарий и экспериментальные результаты, полученные в науке, пронизаны специфическими допущениями и общими теориями содержательного характера. *La theorie physique* (Paris: Chevalier et Riviere, 1906), 278. — *Примеч. автора.*

циологии, экономике и психологии, не имеют аналогов среди специальных трудов в науках, уже давно достигших совершеннолетия. Каковы бы ни были их интеллектуальные функции, эти методологические произведения отражают перспективы еще только опережающей дисциплины, старательно представляющей свои верительные грамоты для получения полноправного статуса в содружестве наук. Но достаточно показательно, что примеры адекватного научного метода, используемые социологами в целях доказательства или объяснения, обычно взяты из других дисциплин, а не из самой социологии. Физику и химию двадцатого, а не шестнадцатого столетия берут в качестве методологического прототипа или образца для социологии двадцатого века, недостаточно понимая при этом, что социологию и эти науки разделяют века кумулятивного развития научных исследований. Эти сравнения неизбежно являются скорее программными, чем реалистичными. Более уместные методологические требования сделали бы разрыв между методологическими устремлениями и действительными достижениями социологии не столь заметным и менее обидным.

Общие социологические ориентации

Многое из того, что описывается в учебниках как социологическая теория, является общей ориентацией на получение содержательного материала. Такие ориентации скорее включают общие постулаты, указывающие, какие *типы* переменных надо каким-то образом учесть, но не уточняют определенные отношения между конкретными переменными. Хотя без этих ориентации обойтись нельзя, они дают лишь самые широкие рамки для эмпирического исследования. Хорошим примером подобных ориентации служит гипотеза «общей порождающей причины» Дюркгейма, согласно которой «определяющую причину социального факта следует искать среди предшествующих ему социальных фактов» и «социальный» фактор определяется как институциональные нормы, на которые ориентировано поведение³. Другим примером того же рода служит высказывание о том, что «в определенной степени полезно рассматривать общество как интегрированную систему взаимосвязанных и функционально взаимозависимых частей»⁴. К этой же категории имеющих большое значение общих ориен-

³ Durkheim, *The Rules of Sociological Method*, 110; *L'Education morale* (Paris: Felix Alcan, 1925), 9—45, *passim*. — *Примеч. автора*.

⁴ Conrad M. Arensberg and Solon Kimball, *Family and Community in Ireland* (Cambridge: Harvard University Press, 1940), xxvi. — *Примеч. автора*.

таций относится также установленный Знанецким, Сорокиным и др. «гуманистический коэффициент культуры». В заключение по поводу подобных общих ориентации можно сказать следующее: игнорируя их, исследователь в ущерб себе игнорирует *упорядоченность фактов*. Но они не содержат конкретных гипотез.

Главная функция таких ориентации — предоставить общий контекст для исследования; они облегчают процесс получения конкретных гипотез. Рассмотрим характерный пример: Малиновский был вынужден пересмотреть фрейдистское понятие эдипова комплекса, исходя из общей социологической ориентации, считающей формирование чувств обусловленным социальной структурой. Эта ориентация на специфику общества явно лежала в основе его исследований особого «психологического» комплекса в его отношении к системе взаимоотношений статусов в обществе, отличном по структуре от общества Западной Европы. *Специальные* гипотезы, использованные им в этой работе, совпадали с этой ориентацией, но не были ею предписаны. Иными словами, общая ориентация выявила релевантность *некоторых* структурных переменных, но по-прежнему оставалась задача отыскать конкретные переменные, которые надо включить в процесс исследования.

Хотя такие общетеоретические взгляды оказывают более сильное и глубокое воздействие на развитие научного исследования, чем частные гипотезы (они представляют собой матрицы, с которых, по словам Мориса Артю, «новые гипотезы слетают одна за другой без передышки, а за цветением этих гипотез быстро следует урожай фактов»), но все же они являются лишь отправной точкой для теоретика. Его задача — разработать конкретные взаимосвязанные гипотезы, заново сформулировав эмпирические обобщения в свете этих общих ориентации.

Кроме того, необходимо отметить, что растущий вклад социологической теории в родственные дисциплины больше относится к области общих социологических ориентации, чем к области конкретных подтвержденных гипотез. Развитие социальной истории, институциональной экономики и перенесение социологических подходов в психоаналитическую теорию означает скорее признание «социологического измерения», чем слияние конкретных теорий. Применяя свою теорию к конкретному социальному поведению, социологи стали обнаруживать в ней большие пробелы. Они не так уж часто демонстрируют социологическую наивность в своих интерпретациях. Экономист, политолог и психолог все чаще стали признавать: то, что они систематически принимали как данное, может представлять собой социологическую проблему. Но восприятие социологической точки

зрения часто оказывается бесполезным из-за недостаточного количества *получивших адекватное подтверждение специальных (конкретных) теорий, например, теорий* детерминантов человеческих потребностей или теории социальных процессов, связанных с распределением и отправлением социальной власти. Настоятельная потребность в том, чтобы заполнить соответственные теоретические пробелы в социальных науках, может со временем привести к созданию конкретных и систематических социологических теорий, решающих эту задачу. Одних только общих ориентации недостаточно. Вероятно, в этом контексте и прозвучала жалоба экономиста:

[Экономист всегда стремится соотнести свой анализ проблемы] с некими исходными «данными», то есть с чем-то, что находится за пределами экономики. Это «что-то» может быть явно очень далеким от проблемы в ее первоначальном виде, поскольку цепочки экономической причинной связи зачастую очень длинные. Но ему всегда хочется передать потом проблему какому-нибудь социологу, *который ожидал бы этого. Но чаще всего этого никто не ждет*¹.

Анализ социологических понятий

Иногда полагают, что теория состоит из понятий. Это утверждение, будучи неполным, не является ни истинным, ни ложным, а просто туманным. Безусловно, концептуальный анализ, ограничивающийся уточнением и прояснением ключевых понятий, является неотъемлемым этапом теоретической работы. Но набор понятий — статус, роль, *общность*, социальное взаимодействие, социальная дистанция, *аномия* — это еще не теория, хотя он может входить в теоретическую систему. Поскольку у социологов существует сильное предубеждение по отношению к теории, эта мысль, возможно, возникла как протест против взглядов тех, кто отождествляет теорию с уточнением определений, кто ошибочно принимает часть теоретического анализа за целое. Теория начинается с того, что такие понятия обретают взаимосвязь и образуют систему. Понятия, таким образом, представляют собой определения (или предписания) того, за чем надо наблюдать; это переменные, между которыми надо искать эмпирические взаимоотношения. Как только предположения обретают логическую взаимосвязь, возникает теория.

⁵ J.R. Hicks, «Economic theory and the social sciences», *The Social Sciences: Their Relations in Theory and in Teaching* (London: Le Play Press, 1936), p. 135 [курсив мой]. — Примеч. автора.

Выбор понятий, являющихся ориентирами для сбора и анализа данных, безусловно, играет решающую роль в эмпирическом исследовании. По этому поводу можно высказать пусть банальную, но очень важную мысль: если понятия отобраны так, что между ними не устанавливается никаких взаимосвязей, исследование будет бесплодным, вне зависимости от того, насколько тщательными являются последующие наблюдения и выводы. Важность этому трюизму придает мысль, составляющая его внутренний подтекст: одни только методы проб и ошибок в эмпирическом исследовании скорее всего окажутся сравнительно неплодотворными, поскольку число переменных, не связанных значимым образом, неограниченно велико.

Итак, одна из функций уточнения понятий — прояснение характера данных, относящихся к этой категории⁶. Тем самым оно уменьшает вероятность того, что с помощью данных понятий будут сделаны ложные эмпирические «открытия». Так, пересмотр Сазерлендом принятого понятия «преступления» является поучительным примером того, как такое уточнение приводит к ревизии гипотез, касающихся данных, упорядоченных с помощью этого понятия⁷. Он раскрывает внутреннюю неопределенность, характерную для криминологических теорий, пытающихся объяснить тот факт, что у низших сословий уровень преступности гораздо выше, по «официальным оценкам», чем у высших. Эти «данные» по преступности (упорядоченные с помощью частного операционального понятия «мера преступности») привели к ряду гипотез, рассматривающих бедность, жизнь в трущобах, слабоумие и другие характеристики, которые считают тесно связанными с положением низшего сословия, в качестве «причин» преступного поведения. Стоит только уточнить понятие преступления, соотнеся его нарушением уголовного права, и тем самым распространить его на «преступность «белых воротничков» в бизнесе и пре-

⁶ Как говорит Шумпетер о роли «аналитического аппарата»: «Если мы хотим говорить об уровнях цен и создать методы их измерения, мы должны знать, что такое уровень цен. Если мы хотим наблюдать за спросом, у нас должно быть точное понятие его гибкости. Если мы говорим о производительности труда, надо знать, какие утверждения верны относительно совокупного продукта за человекочас и какие еще утверждения верны относительно частичного дифференциального коэффициента совокупного продукта по отношению к человекочасу. Никакие гипотезы не входят в такие понятия, которые просто отображают методы описания и измерения, они не входят и в предположения, определяющие их отношения (так называемые теоремы). И все же их создание является главной задачей теории и в экономике, и в других областях. Вот что мы подразумеваем под инструментами анализа». Joseph A. Schumpeter, *Business Cycles* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1939), I, 31. — *Примеч. автора.*

⁷ Edwin H. Sutherland, «White-collar criminality», *American Sociological Review*, 1940, 5, 1 — 12. — *Примеч. автора.*

стижных профессиях (а эти нарушения гораздо реже отражаются в официальной статистике преступности, чем нарушения закона низшим сословием) — и уже нет такой сильной связи между низким общественным положением и преступностью, как предполагалось. Нет никакой необходимости дальше рассматривать анализ Сазерленда, чтобы на этом примере выяснить, в чем заключается функция уточнения понятий. Оно позволяет осуществить *реконструкцию данных*, указывая более точно, что именно в них включается, а что — нет. Это приводит к устранению гипотез, выдвинутых для объяснения ложных данных, так как подвергаются сомнению предположения, на которых были основаны изначальные статистические данные. Поставив знак вопроса рядом с молчаливо подразумеваемым предположением, лежащим в основе исследуемого определения преступности, — то есть с предположением о том, что нарушения уголовного права членами нескольких общественных классов репрезентативно представлены в официальной статистике, — это концептуальное уточнение имело непосредственное воздействие на суть теорий.

Сходным образом анализ понятий может часто разрешить кажущиеся антиномии в эмпирических сведениях, показав, что они скорее мнимые, чем реальные. Это связано отчасти с тем, что в изначальном неточно определенные понятия были негласно включены существенно различные элементы, поэтому данные, упорядоченные с помощью этих понятий, отличаются по существу и демонстрируют мнимо противоречивые тенденции⁸. Функция концептуального анализа в этом примере состоит в том, чтобы сделать сопоставимыми (насколько это возможно) те данные, которые предстоит включить в исследование.

Пример, взятый у Сазерленда, просто подтверждает более общий факт, что в научном исследовании, как и в менее упорядоченных формах деятельности, наш концептуальный язык обычно фиксирует наши восприятия и, следовательно, мысли и поведение. Понятие определяет ситуацию, и исследователь реагирует соответственно. Эксплицитный концептуальный анализ помогает ему осознать, на что он реагирует и какие (возможно, важные) элементы он игнорирует. Данные, полученные Уорфом по этому вопросу, применимы с соответствующими поправками к эмпирическому исследованию⁹. Он обнаружил, что в своем поведении мы ориентируемся на языковые или понятий-

⁸ Тщательные формулировки этого типа анализа можно найти в Corrado Gini, *Prime linee di patologia economica* (Milan: Giuffrè, 1935); краткое обсуждение см. в С. Gini, «Un tentativo di armonizzare teorie disparate e osservazioni contrastanti nel campo dei fenomeni sociali», *Rivista di politica economica*, 1935, 12, 1—24. — *Примеч. автора.*

⁹ B.L. Whorf, «Relation of habitual thought and behavior to language», in L. Spier, A.I. Hallowell, and S.S. Newman (eds.), *Language, Culture, and Personality* (Menasha: Sapir Memorial Fund Publication, 1941), 75—93. — *Примеч. автора.*

ные значения, передаваемые терминами, с помощью которых описывается данная ситуация. Так, когда перед нами предметы, которые мы концептуально описываем как «бочки с бензином», то наше поведение можно отнести к модальному типу: нужно быть очень осторожными. Но когда люди оказываются рядом с тем, что называется «пустыми бочками из-под бензина», они ведут себя совершенно иначе: они неосторожны, почти не следят за тем, где курят и куда бросают окурки. А ведь «пустые» бочки опаснее, так как содержат воспламеняющиеся пары. Это реакция не на физическую, а на концептуализированную ситуацию. Понятие «пустой» используется здесь двусмысленно: как синоним «бессилия, инертности, ничто» и как термин, применяемый к физическим ситуациям без учета таких «несущественных моментов», как пары и остатки жидкости в контейнере. Выраженное в понятиях представление о ситуации имеет второй смысл, а реагируют на эти понятия в первом, и в результате «пустые» бочки становятся очагами пожара. Выяснение того, что же именно означает «пустой» во всех многообразных формах дискурса, оказало бы огромное влияние на поведение. Этот случай может служить парадигмой функционального воздействия уточнения понятий на поведение исследователя: становится ясно, что именно происходит, когда он имеет дело с концептуализированными данными. По мере изменения его концептуального аппарата меняются результаты эмпирического исследования.

Это, однако, не означает, что имеющийся лексикон понятий раз и навсегда фиксирует восприятия, мысли и связанное с ними поведение. И это тем более не означает, что подобные обманчивые термины навсегда «встроены» в тот или иной язык (как склонен был утверждать Уорф в своей теории лингвистического бихевиоризма). Люди не заключены постоянно, как узники, в рамки понятий (часто унаследованных ими), которые они используют. Они могут не только вырваться из этих рамок, но и создать новые, более соответствующие данному случаю. И все же в любое время нужно быть готовым к тому, что главные понятия могут, и это часто случается, отставать от поведенческих требований конкретной ситуации. В течение этих иногда затянувшихся периодов отставания неправильно употребленные понятия наносят большой ущерб. Однако само это несоответствие понятия и ситуации, осознанное на горьком опыте, часто приводит к появлению исправленных и более адекватных формулировок. Задача состоит в том, чтобы понять, где происходит концептуальное отставание, и освободиться от неправильных познавательных моделей, которые оно обычно вызывает⁹³.

⁹³ Расширенное обсуждение см. в посмертно опубликованной книге избранных трудов: B.L. Whorf, *Language, Thought and Reality* (Cambridge: Technology Press of M.I.T., 1956). Джошуа Уотмо критикует именно крайнюю позицию Уорфа в *Language: A*

Следующей задачей анализа понятий является разработка применительно к социальным данным наблюдаемых индексов, которыми занимается эмпирическое исследование. Первые попытки в этом направлении намечены в работах Дюркгейма (и являются одним из самых значительных его вкладов в социологию). Хотя его формализованные концепции в этом отношении не дотягивают до сложности более современных формулировок, он явно применял «опосредующие переменные», как их недавно описали Толман и Халл, и пытался установить индексы для этих переменных¹⁰. Проблема в том виде, в каком ее необходимо сформулировать для наших непосредственных целей, заключается в том, что речь идет об индексах ненаблюдаемых объектов или символических конструкторов (например, социальной сплоченности); подтвердить адекватность этих индексов может только теория. Таким образом, анализ понятий служит единственным основанием, позволяющим критически оценивать, в какой мере произвольно постулируемые знаки и символы являются адекватным индексом для социального субстрата. Такой анализ позволяет определить, действительно ли данный индекс (или способ измерения) адекватно соответствует требованиям ситуации".

Modern Synthesis (New York: St Martin's Press, 1956), 85, 186-187, 22, 7-234. И все же прямые попадания Уотмо не разрушают позиции Уорфа окончательно, а лишь заставляют его отойти на более ограниченные и удобные для обороны позиции. Социально укоренившиеся понятия на самом деле влияют на восприятие, мысли и поведение, но структура языка предоставляет достаточный простор для замены несоответствующих понятий более подходящими. Положительный отзыв о взглядах Уорфа см. в Franklin Fearing, «An examination of the conceptions of Benjamin Whorf in the light of theories of perception and cognition», Harry Hoijer, ed. *Language in Culture* (University of Chicago Press, 1954), 47—81. — *Примеч. автора*.

¹⁰ Основная формулировка Дюркгейма, различным образом повторяемая в каждой его монографии, звучит так: «Надо... заместить ускользающий от нас внутренний факт внешним, который его символизирует, и изучать первый через последний». См.: *Rules of Sociological Method*, Chap. ii; *Le Suicide* (Paris: F. Alcan, 1930), 22ff. Более подробное рассмотрение взглядов Дюркгейма на социальные индексы дано в Harry Alpert, *Emile Durkheim and His Sociology* (New York: Columbia University Press, 1939), 120 ff. Об общей проблеме см.: C.L. Hull, «The problem of Intervening Variables in molar behavior theory», *Psychological Review*, 1943, 50, 273—291. — *Примеч. автора*.

¹¹ В данном аспекте одной из функций анализа понятий является исследование вопроса о «нейтральности» индекса к своему окружению. Исследуя допущения, лежащие в основе отбора (и подтверждения правильности для данной группы населения) тех или иных наблюдаемых величин в качестве индексов (например, религиозная принадлежность или шкала установок), анализ понятий разрабатывает соответствующие тесты, позволяющие подтвердить, что индекс действительно извлечен из его субстрата. Четкую формулировку этой мысли см. в Louis Guttman, «A basis for scaling qualitative data», *American Sociological Review*, 1944, 9, 139-150, esp. 149-150. — *Примеч. автора*.

Социологические интерпретации *post factum*

В эмпирическом социологическом исследовании часто случается, что сначала собирают данные, а лишь потом подвергают их толкованию. Эта методика, при которой наблюдения находятся под рукой, а интерпретации применяются к данным впоследствии, имеет логическую структуру клинического исследования. Наблюдения могут напоминать историю болезни или носить статистический характер. Отличительная черта этого метода состоит в том, что интерпретация дается *после* того, как были сделаны наблюдения, а не в том, что эмпирическую проверку проходят заранее продуманные и созданные гипотезы. При этом негласно допускается, что сложившихся обобщений вполне достаточно для того, чтобы их можно было хотя бы приблизительно применить ко всем имеющимся данным.

Такие *объяснения post factum*, предназначенные для «объяснения» наблюдений, отличаются по своей логической функции от обманчиво сходных методик, когда материалы наблюдения применяются для *выведения* свежих гипотез, которые предстоит подтвердить *новыми* наблюдениями.

Обезоруживающей характеристикой этого метода является то, что объяснения действительно согласуются с данным кругом наблюдений. Это неудивительно, поскольку отбираются только те гипотезы *post factum*, которые действительно соответствуют этим наблюдениям. Если основное утверждение верно, а именно: что интерпретация *post factum* применяет достаточно подтвержденные теории, — тогда этот вид объяснения действительно «озаряет огненными молниями темный хаос материалов». Но если, как это чаще бывает в социологической интерпретации, гипотезы *post factum* являются также гипотезами *ad hoc** или, во всяком случае, имеют очень слабое предварительное подтверждение, тогда такие «скороспелые объяснения», как их назвал Г.С. Салливан, вызывают ложное ощущение адекватности вместо того, чтобы подтолкнуть к дальнейшему исследованию.

Объяснения *post factum* скорее остаются на уровне *правдоподобия* (малой доказательной ценности), чем приводят к «убедительному доказательству» (высокой степени подтверждения). Мы имеем дело с правдоподобием, а не убедительным доказательством, когда интерпретация согласуется с каким-либо одним набором данных (что обычно и приводит к решению использовать именно эту, а не какую-либо другую интерпретацию). Правдоподобное объяснение означает также, что не были систематически изучены альтернативные интерпре-

* произвольный, надуманный (лат.). — Примеч. пер.

тации, в той же степени согласующиеся с этими данными, и что выводы, сделанные из этой интерпретации, не были проверены новыми наблюдениями.

Логическая ошибка, лежащая в основе объяснения *post factum*, базируется на том, что у нас имеется более или менее широкий круг незрелых гипотез, каждая из которых в какой-то мере подтверждена, но предназначена для объяснения совсем других, даже противоположных категорий случаев. От метода объяснения *post factum* нельзя избавиться хотя бы потому, что он абсолютно гибкий. Например, сообщается, что «безработные обычно читают меньше книг, чем раньше». Это «объясняется» гипотезой, что в результате безработицы возрастает беспокойство и поэтому любая деятельность, требующая сосредоточенности, например чтение, становится затруднительной. Такое объяснение вполне правдоподобно, поскольку есть некоторые свидетельства того, что возросшее беспокойство *может* иметь место в таких ситуациях, и поскольку нездоровая озабоченность действительно мешает упорядоченной деятельности. Если же потом сообщают, что первоначальные данные ошибочны и в действительности «безработные читают больше, чем раньше», тут же может появиться новое объяснение *post factum*. Теперь оно заключается в том, что у безработных больше свободного времени или что они занимаются тем, что должно повысить их уровень. Следовательно, они читают больше, чем прежде. Так что, какими бы ни были наблюдения, всегда можно найти новую интерпретацию, которая «подходит к фактам»¹². Этого примера достаточно, чтобы показать, что такого рода реконструкции служат лишь иллюстрациями, а не проверкой. Именно логическая неадекватность конструкции *post factum* заставила Пирса заметить:

Суть индукции в том, что выводы теории нужно сначала применять к неизвестному или практически неизвестному результату эксперимента; и что фактически удостовериться в этом нужно лишь впоследствии. Ибо если мы будем отбирать явления таким образом, чтобы они согласовывались с теорией, то только от нашей изобретательности и усердия будет зависеть, сколько мы их найдем¹³.

Такие реконструкции обычно уходят от точной формулировки условий, при которых гипотезы окажутся верными. Чтобы отвечать

¹² Подходящие данные собраны не были. Но о правдоподобии второй интерпретации см.: Douglas Waples, *People and Print: Social Aspects of Reading in the Depression* (Chicago: University of Chicago Press, 1937), 198. — *Примеч. автора.*

¹³ Charles Sanders Pierce, *Collected Papers*, ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss (Cambridge: Harvard University Press, 1932), II, 496. — *Примеч. автора.*

этому логическому требованию, подобные интерпретации должны были бы иметь характер предсказания, а не давать объяснения задним числом.

Как подходящий пример можно процитировать Блумера, который неоднократно утверждал, что анализ документов Томасом и Знанецким «оказывается всего лишь правдоподобным»¹⁴. Основу правдоподобия составляет согласованность интерпретации и данных; отсутствие убедительных доказательств вызвано неспособностью обеспечить четкие тесты интерпретаций помимо их согласованности с начальными наблюдениями. Анализ подогнан к фактам, и нет никакого указания на то, какие именно данные можно было бы использовать в качестве опровержения авторской интерпретации. В результате документальные доказательства просто иллюстрируют, а не проверяют теорию¹⁵.

Эмпирические обобщения в социологии

Часто говорят, что цель социологической теории — дать формулировки социальных закономерностей. Это неразвернутое утверждение, и поэтому оно требует уточнения. Существует два вида формулировок социологических закономерностей, существенно отличающихся по их отношению к теории. Первый из них — эмпирическое обобщение: отдельное утверждение, обобщающее наблюдаемые закономерности отношений между двумя или более переменными¹⁶. Социологическая литература изобилует такими обобщениями, которые не были освоены социологической теорией. Так, в качестве примера можно привести «законы» потребления Энгельса. Или обнаруженная Холбвахсом закономерность, что расходы на еду для одного взрослого у рабочих больше, чем у служащих с таким же уровнем

¹⁴ Herbert Blumer, *An Appraisal of Thomas and Znaniecki's «The Polish Peasant in Europe and America»* (New York: Social Science Research Council, 1939), 38, см. также *ibid.*, 39, 44, 46, 49, 50, 75. — *Примеч. автора.*

¹⁵ Трудно понять, на каком основании Блумер утверждает, что эти интерпретации не могут быть простыми случаями иллюстрации теории. Его замечание, что эти материалы «приобретают значение и смысл, которых у них не было», подошло бы в целом к объяснениям *post factum*. — *Примеч. автора.*

¹⁶ Такое употребление термина «эмпирический» является обычным, как отмечает Дьюи. В этом контексте «эмпирическое» означает, что содержание данного утверждения, основанного на реальных фактах, — это лишь набор закономерных сочетаний постоянно наблюдаемых особенностей без всякого объяснения, *почему* такое сочетание имеет место; без всякой теории, формулирующей его обоснование». John Dewey, *Logic: The Theory of Inquiry* (New York: Henry Holt & Co., 1938), 305. — *Примеч. автора.*

дохода¹⁷. Такие обобщения могут отличаться большей или меньшей точностью, но это не влияет на их логическое место в структуре исследования. Гровс и Огберг обнаружили, что в американских городах с большим процентом занятых на производстве также в среднем несколько больший процент молодежи, состоящей в браке; это обобщение было выражено уравнением, показывающим степень этой связи. Хотя утверждения такого порядка важны в эмпирическом исследовании, великое множество таких утверждений лишь поставляет сырье социологии как дисциплине. Теоретическая задача и ориентация эмпирического исследования на теорию начинаются с того, что связь этих закономерностей с системой взаимосвязанных предложений устанавливается опытным путем. Понятие направленного исследования подразумевает, что отчасти¹⁸ эмпирическое исследование организовано так, что если и когда обнаруживаются эмпирические закономерности, то они имеют непосредственное значение для теоретической системы. В той мере, в какой исследование является направленным, логическое обоснование обнаруженных закономерностей выдвигается до их получения.

Социологическая теория

Второй вид социологического обобщения, так называемый научный закон, отличается от предыдущего, поскольку является формулировкой инвариантности, *выводимой* из теории. Малочисленность

¹⁷Обобщение огромного количества таких закономерностей см. в С.С. Zimmerman, *Consumption and Standards of Living* (New York: D. Van Nostrand Co., 1936), 51 (1 — *Примеч. автора*).

¹⁸«Отчасти» хотя бы потому, что оно сводит на нет возможности получения плодотворных новых открытий, чтобы *полностью* ограничить исследования проверкой предопределенных гипотез. Предчувствия, зарождающиеся в ходе исследования, которые могут и не иметь непосредственного значения для более широкой теоретической системы, могут привести к открытию эмпирических закономерностей, которые позже можно включить в теорию. Например, в социологии политического поведения было недавно установлено, что чем больше число социальных перекрестных давлений, которым подвергают избирателей, тем меньший интерес они проявляют к выборам президента (P. F. Lazarsfeld, Bernard Verelson, and Hazel Gaudet, *The People's Choice* [New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944], 56—64). Эти открытия, абсолютно непредвиденные на момент первой формулировки исследования, вполне могут подсказать новые направления систематического изучения политического поведения, даже если они еще не включены в обобщенную теорию. Плодотворное эмпирическое исследование не только проверяет теоретически выведенные гипотезы, оно также порождает новые. Это можно было бы назвать «непреднамеренным» компонентом исследования, т.е. открытием важных результатов, которые не были запланированы, а были получены случайно или благодаря прозорливости исследователя. — *Примеч. автора*.

таких законов в области социологии отражает, видимо, господствующую в ней бифуркацию теории и эмпирического исследования. Несмотря на множество книг по истории социологической теории и на изобилие эмпирических исследований, социологи (включая автора этой книги) могут обсуждать логические критерии социологических законов, не приводя ни единого примера, полностью удовлетворяющего этим критериям¹⁹.

Обобщений, приблизительно соответствующих этим критериям, вполне хватает. Но чтобы показать отношение эмпирических обобщений к теории и установить функции теории, может оказаться полезным рассмотреть один известный пример, когда такие обобщения были включены в состав общей содержательной теории, имеющей большое значение. Так, уже давно было установлено в качестве статистической закономерности, что в самых различных группах населения у католиков уровень суицидов ниже, чем у протестантов²⁰. Сформулированная таким образом, данная закономерность превратилась в теоретическую проблему. Она просто представляла собой эмпирическую закономерность, которая стала бы существенной для теории, только если бы ее можно было вывести из набора других предложений. Эту задачу и поставил перед собой Дюркгейм.

Если мы формализуем его теоретические допущения, то станет ясна парадигма его теоретического анализа:

1. Социальная сплоченность оказывает психологическую поддержку членам группы, испытывающим сильный стресс или беспокойство.
2. Процент суицидов является функцией *неснятого* беспокойства или стресса, который испытывают люди.
3. У католиков социальная сплоченность больше, чем у протестантов.
4. Следовательно, у католиков следует ожидать меньшую долю суицидов, чем у протестантов²¹.

" Например, см. книгу: George A. Lundberg, «The concept of law in the social sciences», *Philosophy of Science*, 1938, 5, 189—203, которая подтверждает возможность существования таких законов, не приводя ни одного подходящего примера. Книга K.D. Hart, *Social Laws* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1930) не оправдывает своего названия. Целый ряд социологов, обсуждающих возможность получения социальных законов, находят трудным привести примеры (Blumer, *op. cit.*, 142—150). — *Примеч. автора.*

²⁰ Нет необходимости говорить, что это утверждение предполагает, что образование, доход, национальность, проживание в городе или селе и другие факторы, которые могли бы сделать эти выводы ложными, считались постоянными. — *Примеч. автора.*

²¹ Нет необходимости исследовать дальнейшие аспекты этого примера, скажем, (1) в какой степени мы адекватно сформулировали предпосылки, имплицитно присутствующие в интерпретации Дюркгейма; (2) дополнительный теоретический анализ, ко-

Этот пример позволяет определить положение эмпирических обобщений относительно теории и проиллюстрировать несколько функций теории.

1. Он показывает, что теоретическая связь, как ее наличие, так и отсутствие, не входит как неотъемлемая часть в эмпирические обобщения, а появляется, когда обобщение концептуализируется в абстракциях более высокого порядка (католицизм — социальная сплоченность — снятое беспокойство — процент суицида), которые характерны для более общих формулировок отношений²². То, что изначально рассматривалось как отдельная закономерность, формулируется заново как отношение, но не между религиозной принадлежностью и поведением, а между группами с определенными концептуализированными признаками (социальной сплоченностью) и поведением. *Сфера охвата* исходных эмпирических данных значительно расширяется, и несколько казавшихся несоизмеримыми закономерностей оказываются взаимосвязанными (так что различия в проценте суицидов между женатыми и холостяками может быть выведено из той же самой теории).
2. Как только благодаря выводу закономерности из набора взаимосвязанных предложений устанавливается ее связь с теорией, так сразу же становится возможным кумулятивное пополнение и теории, и исследовательских данных. Закономерные различия в процентном соотношении суицидов служат дополнительным подтверждением того комплекса предложений, из которых эти и другие закономерности были получены. Это главная функция *систематической теории*.
3. В то время как эмпирическая закономерность не дает возможность делать разнообразные выводы, новая формулировка позволила сделать различные выводы относительно типов поведения, весьма далеких от суицидного. Например, исследования одержимого пове-

торый принял бы эти предпосылки не как данные, а как сомнительные; (3) на каком основании потенциально бесконечная регрессия теоретических интерпретаций прерывается именно в этом месте; (4) проблемы, сопутствующие введению таких затрудняющих исследование переменных, как социальная сплоченность, которые не измеряются непосредственно; (5) до какой степени были эмпирически подтверждены предпосылки; (6) сравнительно низкий уровень абстракции, представленной этим примером, и (7) тот факт, что Дюркгейм вывел несколько эмпирических обобщений из одного и того же набора гипотез. — *Примеч. автора.*

²²Торстейн Веблен выразил эту мысль с типичной для него убедительностью: «Может показаться, что мы тратим силы на мелочи. Но данные, с которыми приходится иметь дело любому научному исследованию, являются мелочами не в том смысле, что с ними не надо считаться». *The Place of Science in Modern Civilization* (New York: King Press, 1932), 42. - *Примеч. автора.*

дения, болезненной озабоченности и других форм неадекватного поведения выявили наличие их связи с недостаточностью групповой сплоченности²³. Превращение эмпирических закономерностей в теоретические формулировки, таким образом, увеличивает *плодотворность* исследования, выявляя в нем все новые и новые смыслы.

4. Предоставляя разумное объяснение, теория тем самым обеспечивает более надежную *основу для предсказаний*, чем простое эмпирическое предвидение на основе ранее наблюдаемых тенденций. Так, если бы независимые оценки указали на понижение социальной сплоченности среди католиков, теоретик предсказал бы тенденцию к увеличению доли суицидов в этой группе. А вот не принимающий во внимание теории эмпирик мог бы делать предсказания только на основе экстраполяции.

5. Предыдущий перечень функций предполагает еще одно свойство теории, которое не в полной мере проявилось в формулировке Дюркгейма, но которое приводит к постановке общей проблемы, особенно досаждавшей социологической теории, по крайней мере до настоящего времени. Если мы хотим получить продуктивную теорию, она должна быть достаточно *точной*, чтобы стать *определяющей*. Точность является неотъемлемым элементом критерия *проверяемости*. Широко распространенное требование применять статистические данные в социологии каждый раз, когда это возможно, для того чтобы регулировать и проверять теоретические выводы, вполне оправдано, если учесть, какая логическая роль отводится точности в научном исследовании.

Чем точнее выводы (предсказания), которые можно сделать из теории, тем меньше вероятность появления *альтернативных* гипотез, которые будут соответствовать этим предсказаниям. Другими словами, точные предсказания и данные уменьшают значение *эмпирии* для исследования *логической* ошибочности подтверждения результата²⁴. Известно, что верифицированные предсказания, сделанные на базе той или иной теории, не доказывают и не подтверждают эту теорию; вернее, они подтверждают ее лишь в какой-то мере, поскольку всегда возможно, что альтернативные гипотезы, выведен-

²³ См., например, Elton Mayo, *Human Problems of an Industrial Civilization* (New York: Macmillan Co., 1933), 113 *et passim*. Теоретическая система координат, примененная при изучении морального состояния в промышленности Уайтхедом, Рутлисбергером и Диксоном, по признанию авторов, явно вышла из формулировок Дюркгейма. — *Примеч. автора.*

²⁴ Парадигма «доказательства через предсказание» является, конечно, логически ошибочной: Если *A* (гипотеза), то *B* (предсказание). *B* наблюдается. Следовательно, *A* верно. Это не слишком сказывается на научном исследовании, поскольку используются критерии, отличные от формальных. — *Примеч. автора.*

ные из других теоретических систем, тоже могут объяснять предсказанные явления²⁵. Но те теории, которые позволяют сделать точные прогнозы, подтвержденные наблюдением, приобретают стратегическую важность, поскольку обеспечивают начальную основу для выбора между конкурирующими гипотезами. Другими словами, точность увеличивает вероятность того, что мы вплотную подойдем к «решающему» наблюдению или эксперименту.

Внутренняя согласованность имеет во многом ту же функцию, так как если различные эмпирически подтвержденные выводы делаются на основе одной теоретической системы, это сокращает вероятность того, что те же самые данные могут адекватно объяснять конкурирующие теории. Интегрированная теория имеет большую степень подтвержденное^{TM}, чем отдельные и не связанные друг с другом гипотезы, аккумулируя в себе — именно благодаря своей интегральности — большую доказательную силу.

Оба требования — точности и логической согласованности — могут привести к непродуктивной деятельности, особенно в социальных науках. Любую процедуру можно не только применять, но и злоупотреблять ею. Преждевременное требование добиться точности во что бы то ни стало может сделать творческую гипотезу бесплодной. Это может привести к тому, что новая формулировка научной проблемы создается только для того, чтобы сделать возможным процесс измерения, и иногда в результате последующие данные не имеют отношения к первоначальной проблеме²⁶. В погоне за точностью надо постараться нечаянно не упустить из виду важные проблемы. Сходным образом требование логической согласованности иногда приводит к словесным баталиям и пустому теоретизированию, поскольку допущения, содержащиеся в аналитической системе, настолько далеки от эмпирических референтов или находятся на таком высоком уровне абстракции, что не допускают эмпирической провер-

²⁵ В качестве примера рассмотрим, каким образом разные теоретики предсказывали войну и крупномасштабные конфликты в середине столетия. Сорокин и некоторые марксисты, например, сделали это предсказание на основе совершенно разных теоретических систем. Действительное возникновение этих широкомасштабных конфликтов само по себе не позволяет нам выбирать между этими схемами анализа хотя бы потому, что наблюдаемый факт согласуется с обеими. Если бы предсказания были настолько уточнены и настолько точно определены, что имеющий место факт совпадал бы с одним предсказанием, а не с другим, только тогда была бы начата решающая проверка. — *Примеч. автора.*

²⁶ Стюарт А. Райе комментирует эту тенденцию в исследовании общественного мнения; см. *Eleven Twenty-six: A Decade of Social Science Research*, e. Louis Wirth (Chicago: University of Chicago Press, 1940), 167. - *Примеч. автора.*

ки²⁷. Но правомочность этих критериев не теряет своей действительной силы из-за подобного неправильного их применения.

Формальные выводы и кодификация

Этот неполный аналитический обзор по меньшей мере указал на необходимость более тесной связи между теорией и эмпирическим исследованием. Широко распространенное разделение двух сфер проявляется в отсутствии преемственной связи между отдельными эмпирическими исследованиями, с одной стороны, и в систематическом теоретизировании, не подтвержденном эмпирической проверкой, — с другой²⁷³. Поражает малое количество примеров последовательного исследования, в ходе которого кумулятивно-последовательно изучались все гипотезы, выведенные из данной теории. Зато хорошо просматривается разбросанность эмпирических исследований, ориентированных на конкретную область человеческого поведения, но не имеющих общей теоретической ориентации. Несчетное количество отдельных эмпирических обобщений и интерпретаций *post factum* отражает эту исследовательскую модель. Большой объем общих ориентации и концептуальных анализов (а это совсем не то, что комплекс взаимосвязанных гипотез), в свою очередь, отражает тенденцию к отделению теоретической деятельности от эмпирического исследования. Общеизвестно, что достичь связанности и ликвидировать разбросанность можно только в том случае, если эмпирические работы ориентированы на теорию, а теория способна получать эмпирическое подтверждение. Однако можно пойти еще дальше и предложить определенные конвенциональные правила для социологического исследования, которые вполне могли бы облегчить этот процесс. Эти правила можно назвать «формализованный вывод» и «кодификация»²⁸.

Как в отношении замысла, так и в отношении описаний эмпирического исследования можно было бы взять за правило, чтобы

²⁷ Именно эту практику И. Рональд Уокер и называет в сфере экономики «теоретическим вредом». *From Economic Theory to Policy* (Chicago: University of Chicago Press, 1943) chap. iv. — *Примеч. автора*.

²⁷³ В связи с этим см. впечатляющий пример подобного отсутствия преемственности, приведенный в Главе III (т.е. недавнее повторное открытие первичной группы в рамках формальных союзов после того, как это было тщательно рассмотрено Томасом и Знанецким). — *Примеч. автора*.

²⁸ Этими правилами не являются, безусловно, дедукция и индукция, взятые в их соотношении. Этот вопрос интересует нас лишь в том отношении, чтобы перевести эти логические процедуры на язык современной социологической теории и исследования. — *Примеч. автора*.

гипотезы и, по мере возможности, теоретические основания (допущения и постулаты) этих гипотез излагались эксплицитно. Описание данных следовало бы давать с точки зрения их непосредственной связи с гипотезами и, следовательно, с лежащей в их основе теорией. Особое внимание надо обратить на введение интерпретационных переменных, отличных от тех, которые вытекают из первоначальной формулировки гипотез; необходимо также указывать на их связь с теорией. Интерпретации *post factum*, которые будут неизбежно возникать при обнаружении новых и неожиданных отношений, должны быть сформулированы так, чтобы стало очевидным направление дальнейшего проверочного исследования. Выводы из исследования вполне могли бы включать не только формулировку полученных данных в их отношении к начальным гипотезам, но, когда это уместно, указание на то, какого рода наблюдения необходимы для новой проверки дополнительных, более отдаленных смыслов исследования. Подобная формализация оказала благотворное влияние на психологию и экономику, в одном случае вызвав соответствующие эксперименты²⁹, а в другом — связанный с этим ряд исследований. Одним из результатов такой формализации является то, что она позволяет отслеживать появление несвязанных, неупорядоченных и расплывчатых интерпретаций. Она не возлагает на читателя задачу доискиваться до отношений между интерпретациями, содержащимися в тексте³⁰. Но, главное, она подготавливает почву для последовательного кумулятивного исследования, идущего на смену целой россыпи беспорядочно разбросанных исследований.

Видимо, необходим соотносительный процесс — тот, который Лазарсфельд называет «кодификацией». В то время как формализация сосредоточивает наше внимание на имплицитных смыслах теории, кодификация стремится систематизировать имеющиеся эмпирические обобщения в *совершенно различных* сферах поведения. Не позволяя отдельным эмпирическим данным оставаться неотработанными и не ограничивая их пределами отдельных областей поведе-

²⁹ Работа Кларка Халла и его коллег является выдающейся в этом отношении. См., например: Hull, *Principles of Behavior* (New York: D. Appleton-Century Co., 1943); см. также аналогичные попытки формализации в работах Курта Левина (например, Kurt Lewin, Ronald Lippit, and S.K. Escalona, *Studies in Topological and Vector Psychology* I [«University of Iowa Studies in Child Welfare», Vol. XVI (Iowa City, 1940)], 9–42). — *Примеч. автора.*

Такая книга, как *Caste and Class in a Southern Town* Джона Долларда, о многом заставляет задуматься, но читателю очень сложно точно определить теоретические проблемы, которые рассматривает автор, интерпретационные переменные и имплицитные интерпретации. И все же все это необходимо проделать, если на работе Долларда предлагается построить ряд исследований. — *Примеч. автора.*

ния, целенаправленная попытка создать подходящие рабочие гипотезы обещает привести к расширению существующей теории, сделав ее предметом дальнейшего эмпирического исследования. Так, огромная масса эмпирических данных в таких областях, как пропаганда и общественное мнение, реакции на безработицу и реакции семьи на кризисные ситуации, свидетельствует о том, что в тех случаях, когда поведение людей сопоставляется с моделью «объективного стимула», которая, как следовало бы ожидать, вызывает реакции, противоположные их «первоначальным предварительным планам действий», их действительное поведение можно было бы удачнее прогнозировать, исходя из их предварительных планов действий, а не из их модели стимула. Об этом говорят «эффекты бумеранга» в пропаганде³¹, о хорошей и плохой реакции на безработицу³², исследование стабильности семей, столкнувшихся с сильным сокращением доходов³³. Кодифицированная формулировка, даже такая приблизительная, приводит к теоретическим проблемам, которые можно было бы легко упустить, если бы некоторые эмпирические сведения не были рассмотрены заново в едином контексте. Мы признаем, что кодификация как процедура, дополняющая формализацию гипотез, подлежащих проверке, облегчит совместное развитие жизнеспособной социологической теории и соответствующего эмпирического исследования.

" Paul F. Lazarsfeld and Robert K. Merton, «Studies in radio and film propaganda». *Transactions of the New York Academy of Sciences*, Series II, 1943, 6, 58—79. — Примеч. автора.

³² O.M. Hall, «Attitudes and unemployment», *Archives of Psychology*, No. 165 (march, 1934); E.W. Bakke, *The Unemployed Worker* (New Haven: Yale University Press, 1940). — Примеч. автора.

" Mirra Komarovsky, *The Unemployed Man and His Family* (New York: Dryden Press, 1940); R.C. Angell, *The Family Encounters the Depression* (New York: Charles Scribner's Sons, 1936); E.W. Burgess, R.K. Merton, et al., *Restudy of the Documents Analyzed by Angell in the Family Encounters the Depression* (New York: Social Science Research Council, 1942). — Примеч. автора.

V. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

История способна делать стереотипы устаревшими. Это видно на примере исторического развития социологии. Стереотип социолога-теоретика, витающего в эмпиреях чистых идей, не оскверненных земными фактами, быстро устаревает, как и стереотип социолога-практика, вооруженного анкетой и карандашом в погоне за отдельными и • ничего не значащими статистическими данными. При возведении здания социологии за последние десятилетия теоретик и эмпирик научились работать вместе. Более того, за это время они научились разговаривать друг с другом. Иногда это означает лишь то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все чаще один человек занимается и теорией, и эмпирическим исследованием. Специализация и интеграция развиваются параллельно. Все это привело не только к осознанию того факта, что теория и эмпирическое исследование *должны* взаимодействовать, но и к тому, что они *действительно* взаимодействуют.

В результате уже нет необходимости в том, чтобы анализ связей между теорией и исследованием носил чисто программный характер. Увеличивающийся объем теоретически ориентированных исследований дает все большую возможность плодотворно обсуждать фактические связи между ними. И, как нам всем известно, недостатка в таких обсуждениях нет. Журналы пестрят ими. В центре дискуссии обычно находится вопрос о роли теории в исследовании, зачастую сопровождаемый в высшей степени понятным изложением функции теории в замысле и проведении эмпирического исследования. Но поскольку это не односторонняя связь, поскольку *own взаимодействуют*, может оказаться полезным изучить второе направление взаимоотношений: роль эмпирического исследования в развитии социальной теории. Такова цель данной главы.

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

Теоретические функции эмпирического исследования

За несколькими заметными исключениями недавние социологические дискуссии отвели эмпирическому исследованию всего одну важную функцию: проверки или верификации гипотез. Модель правильного осуществления этой функции общеизвестна. Исследователь исходит из предчувствия или гипотезы, делает на этой основе разные выводы, а они, в свою очередь, подвергаются эмпирической проверке, которая подтверждает или опровергает гипотезу¹. Но это логическая модель, и поэтому, конечно, ей не удастся описать многое из того, что действительно происходит при плодотворном исследовании. Она представляет собой набор логических норм, а не описание того, что происходит непосредственно в процессе исследования. И, как прекрасно осознают логики, стремясь изобразить этот процесс в чистом виде, логическая модель может также исказить его. Как и другие модели, она абстрагируется от временной последовательности событий. Она преувеличивает творческую роль эксплицитно выраженной теории и сводит к минимуму творческую роль наблюдения. Ибо исследование не просто логика, смешанная с наблюдением. Оно имеет и свои психологические, а не только логические аспекты, хотя это едва ли можно было бы заподозрить, если исходить из той логически строгой последовательности, в которой обычно излагается ход исследования². Мы как раз и хотим выяснить психологические и логические требования, предъявляемые эмпирическим исследованием к социальной теории.

Мой центральный тезис гласит, что роль эмпирического исследования далеко не исчерпывается пассивной верификацией и проверкой теории: оно не только подтверждает или опровергает гипотезы, но и делает нечто гораздо более важное. Исследование играет активную роль; оно выполняет по крайней мере четыре главные функции, которые помогают разработать теорию. Оно инициирует теорию, дает новые формулировки, придает новые направления развитию и уточняет теорию³.

¹ См., например, методологический обзор работы Стоуффера, (Stouffer, «Theory of intervening opportunities») Дж. Ф. Лундбергом (G.F. Lundberg, «What are sociological problems?», *American Sociological Review*, 1941, 6, 357—369). — *Примеч. автора.*

² См. R.K. Merton, «Science, population and society», *The Scientific Monthly*, 1937, 44, 170—171; удачное обсуждение: Jean Piaget, *Judgement and Reasoning in the Child* (London, 1929), Chaps. V, IX, и комментарий: William H. George, *The Scientist in Action* (London, 1936), 153. «Исследовательская работа развивается не так, как она подробно написана для публикации». — *Примеч. автора.*

³ Четвертая функция, уточнение, была разработана Полом Ф. Лазарсфельдом. — *Примеч. автора.*

1. Модель «серендипити», или «нежданно-негаданно» (Непредвиденный, аномальный и стратегический исходный факт заставляет основать теорию)

При определенных условиях обнаруженный в ходе исследования факт приводит к созданию социальной теории. В одной из более ранних работ это было кратко сформулировано следующим образом: «Плодотворное эмпирическое исследование не только проверяет теоретически выведенные гипотезы; оно также порождает новые. Это можно назвать компонентом «неожиданности» в исследовании, т.е. обнаружением достоверных результатов, открытие которых не планировалось благодаря случайности или прозорливости»⁴.

Модель «серендипити»^{4а} относится к довольно распространенному явлению, когда обнаруживают *непредвиденный, аномальный* или

⁴ R.K. Merton, «Sociological Theory», *American Journal of Sociology*, 1945, 50, 469n. Любопытно, что такой же странный термин «серендипити», который имел малое хождение с тех пор, как его создал Хорас Уолпоул в 1754 году*, был также использован в отношении этого компонента исследования физиологом Уолтером Б. Кэнноном. См.: Walter B. Cannon, *The Way of an Investigator* (New York: W.W. Norton, 1945), chap. VI, в которой он приводит много случаев непредвиденности в нескольких областях науки. — *Примеч. автора*.

* В оригинале *serendipity* — счастливая способность к открытиям; интуитивная прозорливость. Этим словом Хорас Уолпоул обозначил способность, которой обладал герой сказки «The Three Princes of Serendip». — *Примеч. пер.*

^{4а} С тех пор как предыдущее примечание впервые было написано в 1946 году, слово «серендипити», несмотря на все свою этимологическую странность, распространилось далеко за пределами академической среды. Высокие темпы его распространения можно проиллюстрировать следующим образом; в последнее время оно замелькало на страницах «Нью-Йорк тайме». 22 мая 1949 г. Вольдемар Кимпфферт, научный редактор журнала, получил повод употребить термин «серендипити» в своем обзоре статьи Эллиса МакДональда — и это на самой важной странице, посвященной недавним достижениям в науке. Где-то через три недели после этого, 14 июня, Орвил Прескотт, литературный критик «Тайме», был явно очарован этим словом, поскольку в рецензии на книгу, герой которой обожал причудливые слова, Прескотт спрашивает, знает ли он слово «серендипити». В День независимости 1949 года слово «серендипити» получает всеобщее признание. Без всяких пояснений или кавычек слово «серендипити» появляется на первой странице «Тайме». Оно завоевывает такую широкую известность благодаря новостям из Оклахома-Сити, передающим речь сэра Александра Флеминга, открывателя пенициллина, на торжественном открытии в Оклахоме Фонда медицинских исследований. («Опыт сэра Александра, приведший к открытию современных лекарственных препаратов, — так начинается статья Роберта К. Плама, — часто приводят как выдающийся пример важности «серендипити» в науке. Он обнаружил пенициллин случайно, но всей своей работой был подготовлен к ожиданию значимых научных случайностей») Пропутешествовав сначала по эзотерической странице, посвященной науке, потом по менее специфическим колонкам книжного обозрения и добравшись до популярной первой страницы, слово «се-

стратегический исходный факт, который служит поводом для развития новой теории или для расширения существующей. Каждый из элементов этой модели легко описать. Прежде всего факт является непредвиденным. Исследование, направленное на проверку одной гипотезы, приносит случайный побочный продукт — неожиданное наблюдение, имеющее отношение к теориям, о которых в начале исследования не было и речи.

Второе: наблюдение является аномальным, удивительным⁵ потому, что кажется несовместимым с превалирующей теорией или с другими установленными фактами. В любом случае кажущаяся несовместимость пробуждает любопытство; подталкивает исследователя на то, чтобы «осмыслить факт», найти ему место в более широких познавательных системах. Он продолжает поиск: делает новые наблюдения, а из наблюдений — выводы, зависящие в основном, конечно, от его общей теоретической ориентации. Чем больше он погружается в данные, тем больше вероятность того, что он натолкнется на перспективное направление исследования. Если ему повезет и его новое предчувствие оправдается, аномальный факт приведет в конце концов к новой или расширенной теории. Любопытство, вызванное аномальным фактом, временно удовлетворено.

И третье: отмечая, что неожиданный факт должен быть стратегическим, т.е. должен допускать смыслы, имеющие отношение к обобщенной теории, мы, конечно, имеем в виду то, что наблюдатель при-

рендипити» получило право гражданства. Возможно, оно скоро попадет на страницы кратких американских словарей.

Это, таким образом, еще один пример того, как термин, давно не встречавшийся в обиходной речи, возродился и нашел широкое применение. (Сравните примечание 6 в главе VI, относящееся к похожей истории термина *аномия*.) И опять здесь можно было бы спросить: чем объясняется культурный резонанс, вызванный последнее время этим придуманным, странно звучащим, но полезным словом?

Вопросы такого порядка изучаются в написанной Элиной Дж. Барбер и мной монографии о социологической семантике, что вызвано распространением слова «срендипити» в культуре. В работе изучаются социальные и культурные контексты создания этого слова в восемнадцатом веке; состояние соответствующего общественного мнения, когда оно впервые появилось в печати в девятнадцатом веке; модели реакции на этот неологизм при первой с ним встрече; разнообразные социальные круги литераторов, ученых, занимающихся естественными и социальными науками, инженеров, лексикографов и историков, в которых оно получило распространение; изменения в значении, которые оно претерпело в ходе распространения, и разнообразное идеологическое употребление, которое оно получило. — *Примеч. автора.*

⁵ Чарльз Сэндерс Пирс давно отметил стратегическую роль «удивительного факта» в изложении того, что он называл «абдукцией», то есть зарождением и рассмотрением гипотезы как одной из стадий заключения. См. его Charles Sanders Pierce, *Collected Papers*, VI, 522—528. — *Примеч. автора.*

вносит в факт, а не сам факт. Ведь для того чтобы обнаружить общее в частном, требуется наблюдатель с теоретическим складом ума. В конце концов, люди веками отмечали такие «тривиальные» случаи, как оговорки, опiski, опечатки и провалы в памяти, но потребовалась теоретическая интуиция Фрейда, чтобы увидеть в них стратегические данные, благодаря которым он смог расширить свою теорию «вытеснения» и симптоматических актов.

Модель «серендипити», таким образом, подразумевает непредвиденный, аномальный и стратегический факт, который заставляет исследователя выбрать новое направление, которое приводит к расширению теории. Примеры «серендипити» имели место во многих дисциплинах, но я бы хотел обратиться за примером к недавним социологическим исследованиям. В ходе изучения социальной организации Крафтауна⁶, пригородного поселка, насчитывающего 700 семей, в основном имеющих статус рабочего класса, мы обнаружили, что здесь гораздо большая доля жителей входит в большее число гражданских, политических и других добровольных организаций, чем на прежних местах жительства. Совершенно случайно мы затем заметили, что членство в группах также возросло среди родителей младенцев и маленьких детей. Эти данные в какой-то мере противоречили здравому смыслу. Ведь известно, что особенно в семьях с низким уровнем благосостояния дети обычно связывают родителей по рукам и ногам и препятствуют их активному участию в организованной жизни группы за пределами своего дома. Но родители в Крафтауне сами с готовностью объяснили свое поведение. «Да в общем-то это не проблема, если надо уйти вечером, — сказала одна мать, член нескольких организаций. — Всегда можно найти подростков, чтобы они присмотрели за детьми. Здесь их гораздо больше, чем там, где я жила раньше».

Объяснение кажется достаточно адекватным и удовлетворило бы любопытство исследователя, если бы не один смутивший нас факт: как и в большинстве новых жилых массивов, в Крафтауне очень небольшая доля подростков — лишь 3,5%, например, в возрастной группе от 15 до 19 лет. Более того, большинство взрослых, 63%, — моложе 34 лет, так что их дети составляют подавляющее большинство младенцев и маленьких детей. Таким образом, в Крафтауне совсем немного подростков, которые могли бы присмотреть за детьми, а верно совсем другое: пропорция подростков и детей моложе 10 лет 1:10, тогда как в местах их прежнего жительства она 1:1,5⁷.

⁶ Взято из работ по изучению социологии и социальной психологии жилых массивов, проведенных на грант от Фонда Лаванбурга. — *Примеч. автора.*

⁷ По сути то же расхождение между возрастным распределением в Крафтауне и прежними местами жительства его обитателей можно обнаружить при сравнении

Мы, таким образом, неожиданно столкнулись с аномальным фактом, который, безусловно, не входил в нашу первоначальную программу наблюдений. Мы не приступали да и не могли приступить к своему исследованию в Крафтауне, начав его с гипотезы, базирующейся на иллюзорном представлении об изобилии подростков, присматривающих за детьми. Тут наблюдение было и непредвиденным, и аномальным. Было ли оно также стратегическим? Мы не спешили придать ему важность «как таковому». Оно казалось не более и не менее тривиальным, чем наблюдение, сделанное Фрейдом во время последней войны (когда оба его сына были на фронте); он заметил, что неправильно прочитал заголовок в газете — «*Die Feinde vor Gorz*» (*Враг перед Герцем*), приняв его за «*Der Friede von Gorz*» (*Мир в Герце*). Фрейд взял тривиальный случай и превратил его в стратегический факт. Если наблюдаемое расхождение между субъективными представлениями жителей Крафтауна и объективными фактами нельзя было подвергнуть аналогичному преобразованию, его лучше было бы проигнорировать, поскольку оно явно имело малую «социальную значимость».

Однако именно невозможность объяснить эту иллюзию просто как продуманное преследование корыстного интереса, заключающегося в распространении представления, противоречащего фактам, превратило ее в чрезвычайно интересный пример общетеоретической проблемы. Вообще говоря, когда социолог, концептуальная программа которого исходит из утилитарной теории, замечает явно не соответствующее действительности социальное представление, он будет искать особые группы, в чьих интересах придумывать и распространять это представление. Возглас «Пропаганда!» часто принимают за теоретически обоснованный анализ⁸. Но в данном случае это абсолютно исключено: тут просто нет групп, заинтересованных в том, чтобы неверно представить возрастное распределение населения Крафтауна. Каков же тогда источник этой социальной иллюзии?

Разнообразные теории предлагали свою отправную точку. Был постулат Маркса, согласно которому «общественное бытие опре-

пропорции детей младше десяти лет и теми, кому от 10 до 19. Если за основу сравнения мы возьмем детей младше пяти лет, диспропорции будут еще более заметными. — *Примеч. автора.*

⁸ Безусловно, корыстные интересы на самом деле ведут к пропаганде неверных сведений, и это может усилить массовые иллюзии. Но теории корыстного интереса или пасторской лжи, объясняющие ошибочные мнения людей, не всегда представляют собой самую многообещающую отправную точку; к тому же они далеки от объяснения основ восприятия представлений или их отрицания. Рассматриваемый случай, хотя и является тривиальным в любом практическом смысле, имеет теоретическое значение, так как еще раз показывает ограниченность утилитарной программы анализа. — *Примеч. автора.*

деляет сознание». Была теорема Дюркгейма: социальные образы («коллективные представления») некоторым образом отражают социальную реальность, хотя «отсюда не следует, что реальность, лежащая в его основе, соответствует объективному представлению о ней». Был тезис Шерифа, гласящий, что «социальные факторы» обеспечивают систему координат для избирательной перцепции и суждений в относительно неструктурированных ситуациях. Было и преобладающее в социологии познания мнение, что социальное местоположение определяет угол зрения при формировании восприятия, представления и идеи. Но какие бы соображения ни подсказывали эти общие ориентации⁹, они не говорили прямо о том, *какие именно* особенности социального бытия, *какие именно* аспекты социальной реальности, *какие именно* социальные факторы и *какое именно* социальное расположение могли сформировать это, по-видимому, неверное представление.

Ключ к разгадке мы невольно получили из дальнейших бесед с жителями. Вот что сказала активистка из Крафтауна, мать двоих детей моложе шести лет:

Мы с мужем стали гораздо чаще уходить вместе. Видите ли, здесь вокруг больше людей, которые могли бы присмотреть за детьми. *Чувствуешь себя уверенней, если оставляешь дома какого-нибудь подростка тринадцати-четырнадцати лет здесь, где почти всех знаешь. А в большом городе как-то не по себе, если у тебя дома находится почти незнакомый человек.*

Это явно говорит о том, что социологические корни этой «иллюзии» находятся в структуре отношений, которые связывают сообщество жителей Крафтауна. Их мнение является невольным отражением не статистической реальности, а сплоченности этого сообщества. Дело не в том, что в Крафтауне объективно больше подростков, а в том, что больше таких подростков, с кем близко знакомы, кто в силу этого *социально существует* для родителей, нуждающихся в помощи по присмотру за детьми. Большинство жителей Крафтауна, переехав недавно из городских кварталов, теперь оказались в таком сообществе, где близость расстояния перешла в близкие отношения. Данная иллюзия отражает мнение людей, для которых подростки в качестве помощников по уходу за детьми «существуют» лишь тогда, когда их хорошо знают, и они в силу этого внушают доверие. Коро-

* Различия между теорией и общими ориентациями были рассмотрены в главе V. — *Примеч. автора.*

че говоря, восприятие было функцией доверия, а доверие, в свою очередь, было функцией социальной сплоченности¹⁰.

С социологической точки зрения, таким образом, этот непредвиденный факт вписывается в теорию, согласно которой социальное восприятие является продуктом социальной структуры, и расширяет эту теорию. Он развивает «психологию социальных норм», поскольку не представляет собой просто пример того, что индивиды усваивают конкретные нормы, суждения и стандарты от других членов сообщества. Социальная перцепция является скорее побочным продуктом, производным от структуры человеческих отношений.

Этого, наверное, достаточно, чтобы показать, как срабатывает модель «серендипити»: неожиданный и аномальный факт возбудил любопытство исследователя и повел его по не обдуманной заранее боковой тропинке, которая привела его к свежей гипотезе.

2. Переработка теории (Новые данные заставляют перерабатывать концептуальную систему)

Но эмпирическое исследование вызывает расширение теории не только благодаря аномальному факту. Это происходит также благодаря тому, что в поле зрения ученых снова и снова попадают факты, которыми раньше пренебрегали. Когда существующая концептуальная схема, применяемая обычно к объекту изучения, не учитывает этих фактов адекватным образом, исследование настойчиво требует дать ее новую формулировку. Это приводит к введению переменных, которые не включались систематически в программу анализа. Здесь, надо заметить, дело не в том, что данные являются аномальными,

¹⁰ Расчетные данные из исследования дают этому подтверждение. В связи с исключительно высокой долей маленьких детей поражает то, что 54% их родителей подтверждают, что «в Крафтауне легче найти кого-то, кто присмотрит бы за детьми, когда мы уходим», чем в других местах, где они жили; лишь 21 % говорит, что труднее, и оставшиеся 25% не чувствуют разницы. Те, кто переехал из более крупных городских сообществ, чаще сообщают, что в Крафтауне легче найти такую помощь. Более того (и этого можно было ожидать исходя из нашей гипотезы), те жители, которые больше влились в жизнь Крафтауна, полнее себя с ним ассоциируют, гораздо чаще считают, что такую помощь найти легче: 61% тех, для кого это верно, против 50% тех, кто себя отождествляет с другими сообществами, тогда как лишь 12% считают это более трудным по сравнению с 26% второй группы. — *Примеч. автора.*

¹ Книгу Музафера Шерифа, носящую это название, стоит упомянуть как основополагающую в этой области, хотя она отличается несколько ограниченным представлением о «социальных факторах», *The Psychology of Social Norms* (New York, 1936). — *Примеч. автора.*

неожиданными или несовместимыми с существующей теорией, а в том, что их не считали существенными. В то время как в модели «серендипити» главным является очевидная несогласованность, которая требует разрешения, — в модели «новой формулировки» главное — это проигнорированные, но релевантные факты, которые требуют расширения концептуальной схемы.

Примеров такого рода в истории социологии предостаточно. Так, именно ряд свежих эмпирических фактов и позволил Малиновскому включить новые элементы в теорию магии. Именно его тробриандеры, конечно, подсказали ему отличительную особенность его теории. Когда эти островитяне рыбачили во внутренней лагуне, полагаясь на испытанный способ отравления рыбы, был обеспечен богатый улов и не было никакой опасности. Не было ни неопределенности, ни опасностей, ни бесконтрольного риска. И здесь, отмечает Малиновский, магию не применяли. Но при ловле рыбы в открытом море, когда не было уверенности в улове и часто подстерегала опасность, магические обряды процветали. Из этих содержательных многообещающих наблюдений и появилась его теория, согласно которой магические верования появляются для того, чтобы компенсировать неопределенность в практических устремлениях человека, чтобы укрепить его уверенность, уменьшить беспокойство, дать пути отхода, чтобы выйти из кажущегося тупика. Магию истолковывали как дополнительное средство достижения практических целей. Именно эти эмпирические факты и навели его на мысль включить новые аспекты в прежние теории колдовства — особенно связи колдовства со случайным, опасным и неконтролируемым. Это не значит, что эти факты *не согласовывались* с прежними теориями, просто старые концептуальные системы недостаточно их учитывали. Да и Малиновский не проверял заранее созданную гипотезу — он развивал и совершенствовал теорию на основе заставляющих задуматься эмпирических данных.

Другой пример того, что эмпирические данные заставляют переделывать конкретную теорию, мы находим поближе к дому. Исследование касалось единичного, но впечатляющего случая массового убеждения: выходя периодически в эфир на протяжении восемнадцати часов, Кэйт Смит, популярная ведущая, продала огромное количество военных облигаций в течение одного дня. Я не намерен полностью излагать динамику этого случая массового убеждения¹²; исходя из наших целей на настоящий момент, мы заинтересованы лишь в выводах из двух фактов, появившихся в результате изучения.

Прежде всего в ходе интенсивных опросов многие наши респонденты — жители Нью-Йорка, купившие облигацию у Смит, — *вы-*

¹² Merton, «Fiske and Curtis», *Mass Persuasion*. — Примеч. автора.

ражали полное разочарование в мире рекламы и пропаганды. Они чувствовали, что ими манипулируют, и им это не нравилось. Они не хотели быть объектом рекламы, которая обманывает, настаивает и терроризирует. Они возражали против того, чтобы их окружала пропаганда, предлагающая мнения и поступки далеко не в их интересах. Их ужасало то, что по сути является профанацией настоящей, подлинно человеческой общности и придает всем ее проявлением фиктивный характер — хитрые методы продажи, где присутствует имитация личного интереса к клиенту, чтобы лучше им манипулировать. Как выразился один из мелких бизнесменов: «В своем собственном бизнесе я вижу, как многие люди при своих сделках обычно делают какой-то дружеский жест, изображают искренность и так далее, а в основном все это фальшивка». Выбранные из высококонкурентоспособного, расслоенного общества в столице, наши респонденты описывали атмосферу взаимного недоверия, *аномии*, при которой общие ценности потонули в пучине личных интересов. Общество воспринимало как арену соперничающих между собой мошенников. В бескорыстность такого поведения верили мало.

Полной противоположностью был второй факт: мы обнаружили, что убедительность кампании по продаже облигаций у Смит в глазах тех же опрошенных в основном объяснялась их полной верой в честность и искренность ведущей. И, как обнаружилось, во многом то же наблюдалось при опросе большой выборки, отражавшей поперечный разрез почти тысячи жителей Нью-Йорка. Целых 80% утверждали, что во время своей круглосуточной кампании Смит была заинтересована *исключительно* в продаже военных облигаций, тогда как лишь 17% полагали, что ее *также* занимала самореклама, и всего лишь 3% считали, что она *в первую очередь* занималась саморекламой.

Как проблема для исследования формирования репутаций упор на ее искренность удивляет еще больше, поскольку она собственной персоной появлялась по крайней мере в шести коммерческих радиопрограммах каждую неделю. Но хотя она и занималась явно той же рекламной деятельностью, как и другие, большинство опрошенных считали ее прямой антитезой всему, что представляли собой другие дикторы и звезды. По словам одного из ее поклонников, «она искренний человек и всегда *действительно убеждена* в том, что говорит. Не просто сидит там себе, болтает и получает за это деньги. Она не такая, как другие».

Откуда эта ошеломляющая вера в искренность Смит? Безусловно, то же самое общество, которое порождает чувство отчуждения и отстранения, вызывает у многих и стремление к восстановлению доверия, сильное желание верить, безотчетную веру. Но почему же имен-

но Смит стала объектом этой веры для многих в общем-то недоверчивых людей? Почему именно ее представляют искренней те, кто ищет спасения от фальши? Почему считают, что она в своих мотивах выше жадности, амбиций и классовой спеси? Каковы социально-психологические причины восприятия Смит как воплощения искренности?

Среди нескольких причин мы бы хотели изучить здесь ту, которая имеет самое непосредственное отношение к теории массовых убеждений. Ключом к разгадке является тот факт, что среди слушавших кампанию Смит по продаже военных облигаций больше тех, кто убежден в ее бескорыстном патриотизме, чем среди тех, кто не слушал. Это, похоже, указывает на то, что кампания-марафон увеличила веру публики в ее искренность. Но надо учитывать и ту возможность, что те ее почитатели, для которых ее искренность безусловна, вероятнее всего слышали эти передачи. Поэтому, чтобы определить, укрепил ли марафон эту уверенность на самом деле, нам надо сравнить постоянных слушателей ее программы с теми, кто не является ее поклонниками. В каждой группе значительно больше доля людей из слушавших марафон, которые убеждены в том, что Смит преследовала исключительно патриотические цели^{12a}. Это касается и ее преданных почитателей, и тех, кто совсем не слушал ее регулярных программ. Другими словами, мы как бы сделали моментальный снимок скрытой камерой в тот самый момент, когда произошло укрепление репутации Смит как искреннего человека. Мы на мгновение приостановили процесс создания репутации.

Но если марафон увеличил веру в искренность Смит, то как это произошло? Именно тут наши интенсивные интервью с их зачастую оригинальными и поражающими подробностями помогают нам интерпретировать статистические результаты опроса. Атмосфера во время марафона отражала непреклонное, решительное стремление прорваться через непреодолимые трудности. Некоторые распознали признаки напряжения и храброго упорства. «Последнее время голос у нее ослабел, но она выдержала все, как настоящий боец», — говорит проникательная домохозяйка. Некоторые мысленно перенеслись в ситуацию, которую они так ярко представляли себе: ведущая невероятно устала, но продолжает стойко выполнять свой долг. Полные сочувствия к ней сообщения ее помощника Теда Коллинза усилили их беспокойство по поводу перенапряжения, которому подвергала себя Смит. «Я почувствовал, что больше не выдержу, — вспоминает один респондент. — Слова мистера Коллинза, что она на пределе сил, так на меня подействовали, что я просто не мог больше вытерпеть». Марафон приобрел черты ритуала самопожертвования.

^{12a} Статистические данные можно найти в *ibid.*, pp. 87—88. — *Примеч. автора.*

Короче говоря, ее искренность подтверждалась не столько тем, что она *говорит*, сколько тем, что она *делает*. Именно предполагаемый стресс и напряжение при восемнадцатичасовом эфире, именно дело, а не слово послужили бесспорным доказательством. Слушатели могли бы усомниться, не слишком ли она сама сгущает краски, но им некуда было деться от неопровержимого доказательства, что она посвящает весь день этой задаче. Говоря о прямом свидетельстве поведения Смит, другой респондент объясняет, что «она была в эфире весь день, а другие нет. Поэтому и казалось, что она большим жертвует и более искренняя». Как процесс убеждения марафон превратил начальные чувства скептицизма и недоверия среди слушателей сначала в неохотное, а потом полноценное признание честности Смит. Последующие передачи расценивались как выполнение наделе обещаний, данных на словах. Слова были подкреплены тем, что она на самом деле сделала. Бумажная ценность разговора была принята, так как была обеспечена золотом поведения, более того, золотому запасу не надо было даже примерно равняться количеству бумажных денег, которое он обеспечивает.

Эмпирические исследования говорят о том, что пропаганда действием может быть эффективна среди тех самых людей, которые не доверяют пропаганде словом. Там, где есть социальная дезорганизация, *аномия*, сталкивающиеся ценности, там пропаганда достигает размаха эпидемии. Любую формулировку ценностей могут посчитать «простой пропагандой». Призывы внушают подозрение. Но пропаганда действием вызывает больше доверия. Аудитории в целом позволено делать свои собственные выводы из действий, и скорее всего у них не возникнет чувства, что ими манипулируют. Когда действие пропагандиста и его слова символически совпадают, это вызывает веру в его искренность. Дальнейшее исследование должно определить, является ли эта модель пропаганды значительно более эффективной в обществах, страдающих от аномии, чем в тех, которые более полно интегрированы. Но, подобно важному примеру Малиновского, этот случай демонстрирует роль эмпирического исследования, заключающуюся в том, что оно подсказывает новые переменные, которые надо включить в конкретную теорию.

3. Переориентация теории на другие проблемы

(Новые методы эмпирического исследования вызывают новые ориентации теоретического интереса)

До сих пор мы рассматривали влияние эмпирического исследования на разработку частных теорий. Но оно также оказывает воздействие на более общие тенденции развития теории. В основном это

происходит благодаря изобретению процедур исследования, которые стремятся перенести внимание теоретика на разрастающиеся объекты исследования.

Причины этого в целом очевидны. В конце концов, хорошая теория расцветает только на благодатной почве существенных фактов, и вновь созданные процедуры помогают подпитывать эту почву важными ингредиентами. Новые и часто ранее недоступные данные порождают свежие гипотезы. Более того, теоретики обнаруживают, что их гипотезы можно немедленно проверить в тех сферах, где созданы соответствующие методики эмпирического исследования. Им не надо больше ждать, когда же появятся данные, — можно тут же приступить к исследованиям, направленным на верификацию гипотез. Таким образом, поток существенных данных увеличивает темпы продвижения в определенных сферах теории, тогда как в других теория переживает стагнацию из-за недостатка адекватных наблюдений. Соответственно этому смещается и интерес ученого.

Отмечая, что новые темы, представляющие теоретический интерес, появляются вслед за созданием исследовательских процедур, мы не хотим сказать, что только они играют решающую роль¹³. Растущий интерес к теории пропаганды как к инструменту социального контроля, например, по большей части является реакцией на изменяющуюся историческую ситуацию с ее конфликтом основных идеологических систем, новыми технологиями средств массовой информации, которые открыли новые средства для пропаганды и богатые сокровищницы для исследования, предоставленные бизнесом и правительством, заинтересованными в этом новом оружии войны, как объявленной, так и не объявленной. Но это смещение акцента также является побочным продуктом накопленных фактов, ставших доступными благодаря таким недавно разработанным и, по общему признанию, незрелым методикам, как контент-анализ, панельный опрос и фокусированное интервью.

Примеров такого влияния в современной истории социальной теории множество, но у нас хватит времени упомянуть лишь некоторые. Так, увеличение интереса к теории формирования характера и личности в связи с социальной структурой стало заметным после введения новых проективных методов. Самыми известными из них являются тест Роршаха, тест тематической апперцепции, игровые методики и завершение рассказов. Сходным образом социометрические методы Морено и других ученых, новые достижения в методе «пассивно-

¹³ Наверное, нет необходимости добавлять, что эти процедуры, инструменты и аппарат, в свою очередь, зависят от прежней теории. Но это не изменяет их стимулирующего воздействия на дальнейшее развитие теории. — *Примеч. автора.*

го интервью» возродили интерес к теории межличностных отношений. Именно подобные методики сначала вызвали теоретический интерес к неформальным социальным структурам как промежуточному звену между индивидом и большими формальными организациями, а в итоге привели к тому, что можно было бы назвать «повторным открытием первичной группы». Этот интерес нашел отражение во всей литературе о роли и структуре неформальной группы, например, в заводских социальных системах, бюрократических и политических организациях. Сходным образом можно ожидать, что недавнее введение панельного опроса—повторного интервью с той же самой группой респондентов — с течением времени в большей степени сосредоточит внимание социальных психологов на теории формирования установки, выборе одной из альтернатив, факторах политического участия и детерминантов поведения в случае противоречивых ролевых требований, и это лишь несколько видов проблем, которым этот метод особенно подходит.

Вероятно, самое прямое воздействие методик исследования на теорию имело место в результате создания социологической статистики, упорядоченной с помощью теоретически уместных категорий. Толкотт Парсонс заметил, что числовые данные представляют научную важность только тогда, когда их можно привести в соответствие с аналитическими категориями, и что «огромное число современных исследований представляют факты в таком виде, в каком их не может применить ни одна современная обобщенная аналитическая система»¹⁴. Эти совершенно заслуженные критические замечания, высказанные не так уж давно, постепенно теряют свою актуальность. В прошлом социологу в основном приходилось иметь дело с *собранными заранее* статистическими данными, обычно упорядоченными безотносительно к социологическим целям и поэтому не выраженными в категориях, непосредственно подходящих для какой-то теоретической системы. В результате, по крайней мере что касается количественных фактов, теоретик был вынужден работать с данными, заимствованными из других исследований и имеющими лишь отдаленное отношение к его проблемам. Это не только приводило к ошибкам — посмотреть хотя бы на весьма приблизительные индексы социальной сплоченности, на которые пришлось полагаться Дюркгейму, — но также означало, что теории приходилось дожидаться случайно-

¹⁴Talcott Parsons, «The role of theory in social research», *American Sociological Review*, 111 (1938), 19; cf. его *The Structure of Social Action* (New York, 1937), 328-329n. «...в социальной области большинство имеющейся статистической информации находится на том уровне, который никак не подходит категориям аналитической теории». — *Примеч. автора.*

го появления нужных данных и она не могла быстро продвигаться. Теперь эта картина стала меняться.

Теоретик уже не зависит почти исключительно от того, согласится ли административный совет или агентство по выплате пособий предоставить нужные ему количественные данные. Программный очерк Тарда¹⁵, написанный полвека назад и посвященный потребности социальной психологии (особенно тех ее разделов, которые связаны с изучением позиций, мнений и настроений) в статистике, уже наполовину воплощен в жизнь. Исследователи, изучающие организацию общества, тоже создают статистику по классовой структуре, поведению в ассоциациях, формированию клика, и это наложило свой отпечаток на теоретические интересы. Этнические исследования начинают предоставлять количественные данные, которые переориентируют теоретика. Вполне можно предположить, что огромный, накопленный во время войны социологический материал — особенно исследовательским филиалом отдела информации и образования военного министерства, — материал, появившийся отчасти благодаря новым методам исследования, увеличит интерес к теории морального состояния группы, теории пропаганды и лидерства¹⁵³. Но наверняка, и этих примеров достаточно.

Сказанное не означает, что большое количество статистических материалов само по себе развивает теорию, а также что теоретический интерес обычно перемещается в те области, где в избытке есть *подходящие* статистические данные¹⁵⁶. Более того, мы всего лишь привлекаем внимание к смещению акцента, а не оцениваем его. Вполне может быть, что при этом внимание переносится на проблемы, которые в теоретическом или гуманитарном смысле являются «незначительными»; это может отвлечь внимание от проблем с большей значимостью, переключая его на те, которые кажутся быстроразрешимыми. Ввиду отсутствия детального исследования трудно утверждать что-нибудь определенное по этому вопросу. Но сама модель кажется достаточно ясной как в социологии, так и в других дисциплинах: когда благодаря применению новых методов появляются новые и ранее недоступные факты, теоретики обращают свой аналитический взор на осмысление этих данных и разрабатывают новые направления исследования.

¹⁵ Gabriel Tarde, *Essais et melanges sociologique* (Paris, 1895), 230—270. — *Примеч. автора.*

^{15a} Как и оказалось после публикации работы: S.A. Stouffer et al. «The American Soldier». — *Примеч. автора.*

¹⁵⁶ Статистические данные тоже способствуют достаточной точности в исследовании, чтобы подвергнуть теорию окончательной проверке; см. обсуждение функций точности в главе IV. — *Примеч. автора.*

4. Уточнение понятий (Эмпирическое исследование требует ясных понятий)

Большая часть работы, называемой «теоретизированием», посвящена уточнению понятий, и это вполне оправдано. Именно в вопросе четкого определения понятий социологическое исследование и бывает зачастую несовершенным. Исследование, продиктованное интересом к методологии, может быть запланировано как установление причинных отношений без должного анализа переменных, используемых в исследовании. Этот методологический эмпиризм, как можно назвать план исследования без соотносительного интереса к уточнению основных переменных, характерен для большей части современного исследования. Так, в ряде эффективно задуманных экспериментов Чэпин находит, что «переселение семей из трущоб в муниципальные дома приводит к улучшению жизненных условий и социальной жизни этих семей»¹⁶. Или посредством контрольных экспериментов психологи выясняют, как влияет проживание ребенка у приемных родителей на его результаты тестов умственного развития¹⁷. Или опять-таки через эксперимент исследователи пытаются установить, достиг ли пропагандистский фильм своей цели — улучшить отношение к британцам. Эти несколько случаев — а они дают представление о большом числе исследований, способствующих развитию социологического метода, — объединяет то, что эмпирические переменные не анализируются с точки зрения их концептуальных элементов¹⁸. Как с присущей ей ясностью Ребекка Уэст сформулировала эту общую проблему методологического эмпиризма, «можно знать, что А, В и С связаны некими причинными связями, но никогда нельзя сколько-нибудь точно предугадать природу А, В или С». В результате эти исследования развивают исследовательские методики, но их данные не являются базой кумулятивной социологической теории.

Но в целом уточнение понятий, обычно считающееся областью теоретика, часто является результатом эмпирического изучения. Ис-

¹⁶ F.S. Chapin, «The effects of slum clearance and rehousing on family and community relationships in Minneapolis», *American Journal of Sociology*, 1938, 43, 744—763. — *Примеч. автора.*

¹⁷ R.R. Sears, «Child Psychology», в Wayne Dennis, ed., *Current Trends in Psychology* (University of Pittsburgh Press, 1947), 55—56. Комментарии Сearса по поводу этого вида исследования прекрасно формулируют общую проблему. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Какими бы они ни были приблизительными, методики, подобные фокусированному интервью, явно задуманы как средства для распознавания возможно существенных переменных в первоначально недифференцированной ситуации. См. R.K. Merton, M. Fiske and P.L. Kendall, *The Focussed Interview* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956). — *Примеч. автора.*

следование, чутко осознающее свои собственные задачи, не может спокойно проигнорировать настоятельную необходимость уточнить понятия. *Ибо основное требование исследования заключается в том, чтобы понятия, переменные были определены с достаточной ясностью, позволяя тем самым продолжить исследование.* Этому требованию не соответствует тот вид дискурсивного изложения, который часто ошибочно называют социологической теорией.

Уточнение понятий в ходе эмпирического исследования обычно заключается в установлении *индексов* рассматриваемых переменных. Чисто умозрительно можно сколько угодно рассуждать о «моральном состоянии» или «социальной сплоченности», не имея точного представления, какое значение закреплено за этими терминами, но *ихнеобходимо* уточнить, если исследователю предстоит заниматься своим обычным делом, систематически наблюдая примеры высокой и низкой степени морального состояния, социальной сплоченности или социального раскола. Если он не хочет застопориться в самом начале, он должен создать такие индексы, которые будут наблюдаемыми, достаточно точными и предельно ясными. Целое направление мысли, получившее название «операционализм», является лишь одним наглядным примером того, что исследователю требуется достаточно точное определение понятий, чтобы он мог приступить к работе.

Это обычно понимают те социологи, у которых теоретическая ориентация сочетается с систематическим эмпирическим исследованием. Дюркгейм, например, несмотря на то что его терминология и индексы теперь кажутся приблизительными и спорными, четко осознавал необходимость создания индексов для своих понятий. Он неоднократно утверждал, что «необходимо... заменить внутренний факт, ускользающий от нас, на внешний, который его символизирует, и изучать первый через второй»¹⁹. Индекс, или знак концептуализированного предмета, находится в идеальном взаимно однозначном соответствии с тем, что он обозначает (и трудность установления этого отношения является, конечно, одной из главных задач исследования). Поскольку индекс и его объект связаны именно таким образом, можно задать вопрос, на каком основании один берется как индекс, а второй как индексированная переменная. Как полагал Дюркгейм и как заново указала Сюзан Лэнгер, индекс — это тот элемент в корреля-

¹⁹ Emile Durkheim, *Division of Labor in Society* (New York: Macmillan, 1933), 66; также: *Les regies de la methode sociologique* (Paris, 1895), 55—58; *Le Suicide* (Paris, 1930), 356 and passim. Cf. R.K. Merton, «Durkheim's *Division of Labor in Society*», *American Journal of Sociology*, 1934, 40, esp. 326—327, в которой затрагивается вопрос об индексах; подробно разработанный анализ см.: Lazarsfeld and Rosenberg, eds., *The Language of Social Research*, Intro. To Section I. — *Примеч. автора.*

ционной паре, который является воспринимаемым, а второй, который почти (или совсем) недоступен, является теоретически релевантным²⁰. Так, шкала установок делает доступными индексы таких установок, которые нельзя четко выделить во всяком ином случае, а экологическая статистика выявляет индексы разнообразных социальных структур в самых различных регионах.

Таким образом, то, что в исследованиях, позволяющих ввести количественный подход (например, разработав шкалу), часто выглядит как тенденция, можно рассматривать как попытку уточнить понятия настолько, чтобы стало возможным проведение эмпирических исследований. Разработка обоснованных и наблюдаемых индексов становится определяющим моментом для использования понятий при проведении исследования. Заключительный пример покажет, как настоятельно исследование требует уточнения устаревших социологических понятий, которые на уровне дискурсивного изложения оставались недостаточно определенными и неуточненными.

Концепция, являющаяся основной для социологии, гласит, что у индивидов есть множественные социальные роли и они склонны организовывать свое поведение с точки зрения определенных структурой ожиданий, связанных с каждой ролью. Считается далее, что чем менее интегрировано общество, тем чаще индивиды будут испытывать напряжение из-за несовместимости социальных ролей. Типичные случаи многочисленны и хорошо известны: католик-коммунист, испытывающий давление от партии и церкви, маргинал, страдающий от требований противоборствующих групп, женщина с престижной работой, разрывающаяся между семьей и карьерой. В каждом социологическом учебнике приводится масса примеров несовместимых требований, предъявляемых к людям с множественными ролями.

Возможно потому, что она подвергалась лишь дискурсивным интерпретациям и редко была главным предметом систематического исследования, эту центральную проблему конфликтующих ролей еще предстоит существенно уточнить и разработать, не останавливаясь на том, что было достигнуто десятилетия назад. Томас и Знанецкий давно уже указывали, что конфликты между социальными ролями можно ослабить с помощью конвенционализации и сегментации ролей (закрепляя каждый набор ролевых требований за разными ситуациями)²¹. А другие отмечали, что частый конфликт между ролями является дисфункциональным и для общества, а не только для индивида.

²⁰Suzanne K. Langer, *Philosophy in a New Key* (New York: Penguin Book, 1948), 46—47. — *Примеч. автора.*

²¹W.I. Thomas and F. Znaniecki, *The Polish Peasant* (New York: Knopf, 1927), 1866—1870, 1888, 1899 ff. — *Примеч. автора.*

Но при этом не затрагивают очень многие бросающиеся в глаза проблемы: на чем следует основываться, прогнозируя поведение людей с конфликтными ролями? А когда нужно выносить решение, то какая роль (или какая групповая солидарность) превосходит другие по важности? При каких условиях та или другая оказывается господствующей? На уровне дискурсивного мышления предполагалось, что преобладающей окажется роль, с которой индивид отождествляет себя полнее всего; тем самым предлагалось тавтологическое псевдорешение проблемы. Или возьмем проблему прогнозирования поведения, вытекающего из несовместимости ролей: от этой исследовательской проблемы, требующей операционального уточнения понятий солидарности, конфликта, ролевых требований и ситуации, уходили, отделавшись замечанием, что конфликты ролей типичным образом приводят к фрустрации.

Совсем недавно эмпирическое исследование потребовало уточнения ключевых понятий, связанных с этой проблемой. Были созданы индексы, характеризующие взаимное давление конфликтных групп, и проведены наблюдения за появившимся в результате поведением в определенных ситуациях. Началом работы в этом направлении послужило определенное обстоятельство; было показано, что в конкретной ситуации принятия решения, такой, как голосование, индивиды, испытывающие на себе эти перекрестные давления, реагируют следующим образом: они откладывают свое решение на потом. А при условиях, которые еще предстоит определить, они пытаются уменьшить конфликт, покидая поле битвы: они теряют интерес к политической кампании. И наконец, в этих данных есть указания на то, что в случаях перекрестного давления на избирателя основное значение обычно имеет его социально-экономическое положение²². Как бы то ни было, важным моментом является то, что в этом примере, как и в других, сами требования эмпирического исследования способствовали уточнению полученных понятий. В ходе эмпирического исследования возникают концептуальные вопросы, которые могут долго оставаться неопознанными в теоретическом исследовании.

Теперь остается сделать несколько заключительных замечаний. Мой анализ был исключительно посвящен четырем видам воздействия эмпирического исследования на развитие социальной теории: основанию, новой формулировке, переориентации и уточнению теории. Несомненно, есть и другие. Также несомненно, что акценты, расставленные в этой главе, можно неправильно понять. Можно прийти к

^a Lazarsfeld, Berelson and Gaudet, *The People's Choice*, Chapter VI, и следующая за этим работа: D. Berelson, P.F. Lazarsfeld and W.N. McPhee, *KotogCUniversity of Chicago Press*, 1954). — *Примеч. автора.*

выводу, что я сделал обидное для теории и теоретика сравнение. Это не входило в мои намерения. Я лишь высказал ту мысль, что эксплицитно сформулированная теория не обязательно всегда предшествует эмпирическому изучению, что теоретик не обязательно является факелом, освещающим путь к новым наблюдениям. Порядок следования часто бывает обратным. Также недостаточно сказать, что эмпирическое исследование и теория должны вступить в брак, чтобы социология принесла законные плоды. Они должны не только дать друг другу торжественную клятву — им надо научиться жить вместе дальше. Нужно четко определить их обоюдные роли. В этой главе дается сжатый набросок такого определения.

Часть II

Исследования по социальной и культурной структуре

ВВЕДЕНИЕ

В состав II части вошли восемь глав, в которых избранные проблемы социальной структуры рассмотрены с теоретических позиций функционального анализа.

Глава VI, «Социальная структура и аномия», была впервые опубликована в 1938 году, но совсем недавно расширена и переработана. В ней есть примеры для освещения теоретической ориентации представителей функционального анализа, рассматривающих *социально-девиантное поведение* в качестве такого же продукта социальной структуры, как и *конформистское поведение*. Направленность этой ориентации находится в резком противоречии с ложным допущением (глубоко укоренившимся в теории Фрейда, а также лежащим в основе работ таких ревизионистов фрейдизма, как Фромм), согласно которому структура общества прежде всего ограничивает свободное выражение человеческих врожденных импульсов и человек в соответствии с этим периодически вступает в открытую борьбу с данными ограничениями ради достижения свободы. Подчас рядовые представители общества не слишком расположены к подобной свободе нравов и немедленно объявляют ее криминальной, патологической и социально опасной. Политическая философия, которую косвенно отражают подобные доктрины, — это, разумеется, теоретически не разработанный анархизм. По Фромму, это — человеколюбивый анархизм; в то время как у Фрейда и Гоббса концепция анархизма-вражды представляет человека, вступающего в общественный договор с целью защитить себя от этой вражды. В любом случае социальная структура выглядит как неизбежное зло: впервые возникнув из ограничения свободного выражения враждебных импульсов, она продолжает ограничивать их и впредь.

В отличие от подобных анархических доктрин функциональный анализ рассматривает социальную структуру как активно продуцирующую новую мотивацию, которую невозможно предсказать на основе знания о врожденных человеческих побуждениях. Если соци-

альная структура и ограничивает некоторые предрасположенности к действию, то она создает и другие. Следовательно, функциональный подход отказывается от позиции, разделяемой различными индивидуалистическими теориями, полагающими, что разная интенсивность девиантного поведения в различных группах и социальных слоях является случайным результатом наличия в этих группах и слоях некоторого переменного числа патологических личностей. Вместо этого функциональный подход стремится к решению вопроса, каким образом социальная и культурная структура воздействуют на людей, занимающих различное положение в этой структуре, способствуя возникновению девиантного поведения в обществе.

В шестой главе эта общая ориентация дает начало некоторым специфическим гипотезам о структурных источниках девиантного поведения. Мы считаем, что большая часть отклонений от институциональных требований является результатом глубинных, вызванных культурой мотиваций, которые не могут быть удовлетворены среди социальных слоев с ограниченными возможностями. Культура и социальная структура имеют разные цели.

Комментируя отклонения от институциональных требований, я стремился объяснить, что *некоторые* девиации можно рассмотреть как *новые* образцы поведения, возникающие с большой вероятностью в тех подгруппах, которые не в ладах с институциональными нормами, соответствующими закону и поддерживаемыми другими группами. Недостаточно сослаться на «институты», как будто бы все группы и слои в обществе их поддерживают одинаково. Если мы не рассмотрим систематически *степень* поддержки отдельных институтов *специфическими* группами, мы не заметим важное место власти в обществе. Говоря о «легитимной власти» или авторитете, мы часто используем упрощенное или ошибочное выражение. Власть может быть легитимной для *некоторых* групп без легитимности для *всех* групп в обществе. Поэтому было бы ошибочно описывать неконформизм по отношению к *отдельному* социальному институту просто как девиантное поведение: возможно, он символизирует начало нового альтернативного образа жизни с его собственными особыми требованиями к моральной обоснованности.

Таким образом, в 6-й главе я рассматривал в первую очередь распространение теории функционального анализа на проблемы социальных и культурных *изменений*. Как я уже отмечал в другом месте, представители функциональной социологии и антропологии проявляют наибольший интерес к проблемам «социального порядка» и «сохранения социальных систем»; их научное внимание обычно направлено на изучение процессов, посредством которых социальная система остается в значительной степени неизменной. Вообще они не

уделяют большого внимания процессам, детерминирующим основные изменения в социальной структуре. И если анализ, предложенный в главе 6, не дал существенных решений в этом направлении, то по крайней мере мы признаем значение проблем социальной динамики и изменений и ориентируемся на них.

Ключевыми понятиями, восполняющими разрыв между статикой и динамикой в функциональной теории, являются понятия «деформация», «напряжение», «противоречие» или «расхождение» (несоответствие между составляющими элементами социальной или культурной структуры). Подобные деформации могут быть как дисфункциональными для существующих в социальной системе в определенное время форм, так и инструментальными, приводящими к изменениям в этой системе. В любом случае они влияют на возникновение изменений. Когда социальные механизмы, контролирующие их, действуют эффективно, эти деформации сдерживаются в таких пределах, которые ограничивают изменения социальной структуры. (В некоторых системах политической теории и идеологии действие этих контрольных механизмов названо «уступками», «компромиссами», препятствующими процессу основных структурных изменений.)

Все это не говорит, конечно, о том, что только эти деформации влияют на процесс возникновения изменений в социальной структуре. Но они действительно отражают в теории исключительно важную причину изменений, ставшую объектом довольно длительных кумулятивных социологических исследований. Среди проблем, избранных для дальнейшего исследования, назовем следующие: степень фактической ассимиляции одних и тех же индуцированных культурой ценностей и целей в различных социальных слоях американского общества*; действие социальных механизмов (таких как социальная дифференциация), которые минимизируют деформации, возникающие из этих видимых противоречий между культурными целями и социально ограниченным доступом к этим целям; действие психологических механизмов, посредством которых несогласованность между индуцированными культурой стремлениями и социально осуществимыми достижениями становится терпимой; функциональное значение различных нефинансовых вознаграждений для стабильности социальной системы, обладающей различными сферами занятости (возможно, таким образом, сдерживающих некоторую невыносимую напряженность); степень давления этих деформаций как на культуру

* Шаг в этом направлении был сделан Гербертом Хайманом; Herbert H. Hyman, «The value systems of different classes», in Reinhard Bendix and Seymour Martin Lipset (editors), *Class, Status and Power: A Reader in Social Stratification* (Glencoe: The Free Press, 1953), 426—442. — Примеч. автора.

в целях ее изменения (замена «чувства безопасности» на «честолобие» как приоритетную ценность), так и на социальную структуру (изменение правил взаимодействия ради расширения области экономических и политических возможностей для людей, лишенных их ранее).

Со времени первого издания этой книги некоторые из указанных проблем были систематически изучены. В главе 7, подготовленной заново, я подробно рассмотрел эти исследования (включая отчасти выводы этих исследований в переработку ранней статьи) ради выявления существенного значения последовательных разработок и концепций для развития такой дисциплины, как социология. Таким образом, я уверен, можно подчеркнуть значение последовательности в теоретических и эмпирических исследованиях, которые расширяют, модифицируют и корректируют ранние формулировки и, следовательно, соответствуют признакам систематического исследования.

Функциональная теория используется для анализа бюрократической структуры и личности в главе 8 так же, как и для анализа девиантного поведения в двух предшествующих главах. Я вновь допускаю, что структура воздействует на людей, различным образом включенных в нее, и вынуждает их развивать культурные предпочтения, социальные поведенческие формы и психологические склонности. И еще раз я допускаю: то, что является истинным для социального конформизма и функций, является столь же верным для девиаций и дисфункций. Мы убедились, что девиации не обязательно дисфункциональны для социальной системы, а конформность не всегда функциональна.

Функциональный анализ бюрократической структуры дает представление о том, что при определенных условиях конформизм по отношению к регулирующим инструкциям может стать дисфункциональным как для осуществления структурных целей, так и для различных общественных групп, которым должна служить бюрократия. В подобных случаях инструкции применяются даже тогда, когда обстоятельства (первоначально сделавшие их функциональными и эффективными) настолько существенно изменились, что конформизм по отношению к правилам лишает их целесообразности. Очевидно, это далеко не новая точка зрения, хотя бы в свете библейского различия между духом и буквой. На протяжении многих веков люди отмечали, что нормы, однажды санкционированные благодаря культурным ценностям, продолжают оставаться обязательными, даже когда изменившиеся условия сделали их устаревшими. Действительно, это еще одно из старых, укоренившихся наблюдений, настолько обычных и банальных, что их привычность вредит глубокому пониманию. В результате важный социологический смысл этого обще-

принятого утверждения еще не был *серьезно* изучен, то есть изучен систематически и с техническим мастерством. Каким образом в бюрократической организации непреклонность такого рода становится неизбежной? Потому ли, что инструкции слишком сковали бюрократический персонал, или потому, что инструкции были насквозь пропитаны определенными аффектами и чувствами, вследствие чего они остаются жестко закрепленными и неизменными, даже когда они не соответствуют более своему функционированию? Долг, честь, верность, порядочность — это только несколько высоких слов, якобы описывающих конформизм к определенным социальным нормам. Будут ли эти нормы более непреложными и, следовательно, более устойчивыми к изменению, чем нормы, рассматриваемые как полностью инструментальные? Подобные вопросы рассмотрены в главе 8.

В этой главе бюрократические дисфункции рассмотрены как происходящие не только от слишком точной и неизменной регламентации в изменившихся обстоятельствах, но и от распада обычно саморегулирующегося социального механизма (*например*, ориентация бюрократов на хорошо организованную карьеру может привести при определенных условиях к чрезмерной предусмотрительности, а не просто послужить в качестве наиболее эффективного критерия конформности к регулирующим инструкциям). Принимая во внимание растущий интерес к механизмам саморегуляции в социальных системах (данный интерес нашел отражение в понятиях «социальный гомеостаз», «социальное равновесие», «механизмы обратной связи»), в первую очередь необходимо обратиться к эмпирическому исследованию условий, при которых подобные, когда-то объединяющие механизмы прекращают саморегуляцию и становятся дисфункциональными для социальной системы. Как недавно показали исследования Филипа Селзника «Администрация Долины Теннесси и народ»*, эта теоретическая проблема может быть эмпирически исследована в бюрократической организации с большим успехом, поскольку здесь взаимосвязи структуры и механизмов наблюдать легче, чем в менее организованной социальной системе.

Не только глава 8 посвящена отношению бюрократической структуры к развитию личности профессионала, но и глава 9 рассматривает осложнения, ограничения и возможности, с которыми может встретиться профессиональный социолог-эксперт в государственной бюрократии. Обе главы исследуют, во-первых, общие структурные проблемы бюрократии и, во-вторых, проблемы социологии занятости. Очевидно, обе эти области социологии требуют намного больше кумулятивных эмпирических исследований, чем ранее.

* Philip Selznick, *TVA and the Grass roots*. — *Примеч. автора*.

Социологические исследования бюрократии откровенно нуждаются в создании широкой и прочной основы для понимания управленческого аппарата, как государственного, так и частного. До сих пор социологические дискуссии были склонны к спекулятивности, необоснованности и абстрактности, и даже обращаясь к конкретному материалу, они в целом были во власти сиюминутных впечатлений. Этот заметный пробел привлек запоздалое внимание и, соответственно, ряд эмпирических монографий по социологическим проблемам бюрократии (инициированных на факультете социологии Колумбийского университета, некоторые из этих исследований с целью получения грантов от Совета по социальным наукам). В ранее упоминаемом исследовании Селзник (1949) концентрирует свой анализ на непредвиденных последствиях организованного действия в бюрократической политике; книга Сеймура Мартина Липсета «Аграрный социализм» (1950) исследует взаимоотношения между бюрократическим персоналом и политическими деятелями; две монографии Олвина У. Гоулднера — «Структура индустриальной бюрократии» (1954) и «Незаконная забастовка» (1954) — описывают функции и дисфункции, как латентные, так и явные, бюрократических правил на индустриальном заводе; в книге «Движущие силы бюрократии» (1955) Питер М. Блау анализирует условия, при которых происходят изменения в структуре двух ветвей правительственной бюрократии. До сих пор не опубликовано исследование Дональда Д. Стюарта о местных призывных комиссиях (1950), которое исследует роль волонтерского участия в бюрократических организациях. В совокупности эти исследования, основанные на наблюдении над работой бюрократии, дают материал особого рода, который не доступен из одних лишь документальных источников. Эти работы начинают вносить ясность в некоторые из принципиальных вопросов в изучении бюрократии¹.

¹ Дополнительный материал о структуре и деятельности бюрократии в двух сборниках статей R.K. Merton, A.P. Gray, B. Hockey and H.C. Selvin, eds., *Reader in Bureaucracy* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1952), and Robert Dubin, *Human Relations in Administration* (New York: Prentice-Hall, Inc., 1951). Отличное руководство по интерпретации и исследованию бюрократической структуры дано Харольдом Виленски — Harold L. Wilensky, *Syllabus of Industrial Relations* (Chicago: The University of Chicago Press, 1954). Обзор современных теоретических направлений дан Питером М. Блау — Peter M. Blau, *Bureaucracy in Modern Society* (New York: Random House, 1956). — Roy G. Francis and Robert C. Stone, *Service and Procedure in Bureaucracy* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956).

Совсем недавно появились независимые исследования бюрократии, которые охарактеризованы их авторами как по большей части параллельные исследованиям Гоулднера и Блау, а также как идущие к тем же самым выводам — Roy G. Francis and Robert C. Stone, *Service and Procedure in Bureaucracy* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956). Авторы отмечают: «Конвергенция исследований является особенно интересной,

Другая большая область исследований, затронутая в главе 9, — социологический анализ профессиональной занятости, в данном случае профессии социолога-эксперта. Здесь необходимость кумулятивных исследований еще более очевидна. Множество разрозненных исследований занятости опубликовано за последние 30 лет, и ссылки на отдельные из них можно найти в примечаниях к некоторым главам этой книги. (В их числе серия книг о профессиях и о временной занятости Эстер Браун была очень полезна для практических целей.) Но до настоящего времени эти исследования обычно не были соотношены с последовательной социологической теорией. Несмотря на то что эти интересные или практически полезные исследования существуют, они достигли немногого в качестве развитой социологической теории или благодаря применению этой теории к пониманию изучаемого в них важного сектора человеческой деятельности.

Разумеется, большинство различных групп (по самым разным критериям) повсеместно *признает* профессиональную занятость как важное ядро организации общества. Важнейшая часть человеческих часов бодрствования посвящена профессиональной деятельности. Совместная работа социально связанных профессий создает экономическую основу для группового выживания. Человеческие личные стремления, интересы, чувства являются в значительной степени основанными на профессиональных взглядах и сохраняют их черты. Так, мы знаем (на основе личных впечатлений и на основе некоторых исследований) с определенной достоверностью, что люди разных профессий стремятся играть разные роли в обществе, иметь различное участие в осуществлении власти, как признанной, так и непризнанной, и *смотреть* на мир по-разному. Все это повсеместно чувствуется, но мало исследуется. Так, У.Х. Эйден, стремясь выразить современные идеи в поэтической форме, видел, как мечты о будущем, обусловленные профессиональными взглядами, отстают от изучаемых в социологии знания проблем:

Малиновский, Риверс,
Бенедикт и прочие
Знают — у культуры
Для всех одни законы

поскольку различные исследования проводились, насколько нам известно, совершенно независимо. Ясно, что теория бюрократии ведет к общим проблемам и к общим эмпирическим исследованиям». Стр. V. Исследования в Колумбийском университете и эти исследования в Тулене действительно приходят к сходным выводам, и, возможно, недалеко то время, когда теоретическая сила их заключений сможет быть направлена в один фокус. Здесь мы можем только утверждать, без доказательств, что эти исследования служат скорее расширению и спецификации социологической теории бюрократии, чем обновлению предшествующих теорий. — *Примеч. автора.*

И мечты у племени
Потомков одинаковы: Убить
бы братьев матери, Своих
сестер взять в жены...

Но, взглянув на лица
Тех, кто едет в поезде,
Каждое — особое, со своей мечтой,
Хочется спросить:
Что так заботит каждого?
Как выглядят для каждого
Отчаянье, любовь?

Вам спросить не хочется,
Как влияет «занятость» На
людские взгляды, Судьбы и
мечты? Например, все
клерки — Творения
конторки, Брокер знает о
цене И на «вещь-в-себе»?

А когда политик
Мечтает о любимой —
Видит ее образ
Умноженным в толпе?
Нежные ответы —
Как голосование?
Он ее подкупит?
Целует напоказ?

Возможно, на самом деле это лишь стихотворение; возможно, и нет. В любом случае эти вопросы, очевидно, достойны исследования. В главах 7 и 8 представлены первоначальные усилия в этом направлении, и отчасти в связи с их результатами я убежден в потенциальной ценности систематических и, сверх того, *кумулятивных* эмпирических исследований занятости и профессий, руководствующихся основами социологической теории и, в свою очередь, расширяющих ее. Уже сделаны первые шаги по направлению к подобной программе объединенных исследований в социологии профессиональной занятости. Конечно, можно предположить, что в этой большой и значительной области социологических исследований² все, что было в прошлом, — только пролог.

² William J. Goode, Robert K. Merton and Mery Jean Huntington, *The Profession in American Society: A Sociological Analysis and Casebook*. Эта книга представляет тщательную экспертизу данной области и теоретический каркас для дальнейших исследований. — *Примеч. автора.*

Главы 10 и 11 — обе написаны после выхода в свет первого издания этой книги — являются попыткой применить функциональный анализ к исследованию важных компонентов социальной структуры — референтных групп. Глава 10, написанная в сотрудничестве с Элис С. Росси, рассматривает исследования по теории поведения референтных групп (опубликованные в «Американском солдате»), придавая им законченную форму, и связывает их с родственными концепциями, созданными ранее. В данной главе референтные группы рассматриваются не только с точки зрения социальной психологии, но также с точки зрения их структурных особенностей, порожденных социальной структурой. Дальнейшая детализация теории референтных групп дана в главе 11 (публикуемой впервые). Она направлена на уточнение некоторых основных понятий теории в свете современных исследований и на разработку их *проблематики*, т.е. принципиальных проблем (концептуальных, содержательных, процедурных), которые должны быть разрешены ради продвижения данной теории к среднему уровню.

В главе 12, также новой для этого издания, вводится понятие «личность как фактор влияния». Идентифицируются и характеризуются два типа «влиятельных личностей» — локальный и космополитический, также изучаются формы их действия в структуре влияний в обществе. Выявляется, что степень влияния личности не полностью детерминирована ее классовой позицией, и, следовательно, значительное количество «влиятельных личностей» может быть найдено в каждом слое социальной структуры. В этом отношении материал, изложенный в главе 12, является частью развивающейся традиции социологического изучения проявления влияния в местных сообществах³.

Хотя глава 13 «Самоосуществление пророчества» написана первоначально для юридической аудитории, я включил ее в эту книгу, поскольку ее тема относится к наиболее заброшенному сектору функционального анализа в социологии — исследованию динамики социального механизма.

Читатель скоро заметит, что механизм самоосуществления социального убеждения, в котором ошибочная убежденность порождает ее собственное ложное подтверждение, имеет тесные теоретические связи с понятием латентной функции. Оба механизма являются разновидностями непредвиденных последствий действий, решений или убеждений. Первый создает именно те обстоятельства, которые ошибочно признаются за уже существующие, второй создает результаты,

³ Для детального рассмотрения источников и результатов этой линии последовательных социологических исследований см. Elihu Katz and P.F. Lazarsfeld, *Personal Influence* (Gloencoe, Illinois: The Free Press, 1955). Введение и часть 1. — *Примеч. автора.*

к которым не стремились вообще. Оба механизма, косвенно рассмотренных в моей ранней статье о «непредвиденных последствиях целенаправленного социального действия», являются еще одним примером социального образца, который часто упоминается, но не исследуется. (Это еще один пример принципиального расхождения с индивидуальной психологией, которая постоянно и внимательно изучает образец самоосуществляемых утверждений как один из типов психологического порочного круга.)

В этой главе кратко упоминается, хотя и не рассматривается подробно, третий образец непредвиденных последствий, а именно: саморазрушающее убеждение. Этот механизм, образно названный логиком XIX века Джоном Венном «суицидальное предсказание», включает убеждения, предотвращающие осуществление каких-либо обстоятельств, которые в ином случае могли бы возникнуть. Хорошо известно множество примеров, подтверждающих это. Уверившись, что они выиграют игру, войну или ценный приз, группы становятся самонадеянными, их самодовольство ведет к бездеятельности, а бездеятельность — к окончательному поражению. Многие люди, в частности, те, кто имел опыт в руководстве государственными делами, отмечали и принимали во внимание образцы суицидальных убеждений. Линкольн, например, действительно осознавал этот образец. В тяжелые дни 1862-го, когда Мак-Клеллан был в безвыходном положении и войска на западе парализованы, Линкольн не объявил общего призыва, который дал бы несколько тысяч отчаянно необходимых новых солдат, объясняя: «Я бы публично обратился к стране за этими новыми силами, если бы это не означало, что я боюсь общей паники, за которой последует бегство: ведь так трудно понимать реальное положение вещей».

Но, с точки зрения науки, мы находимся в самом начале исследования этих своеобразных и важных динамических механизмов. Случаи каждого из них установлены в изобилии и используются для случайных иллюстративных целей (как здесь), но немного исследований было посвящено более глубоким изысканиям. Кроме того, как я утверждал неоднократно на этих страницах, люди стремятся избежать банальностей, что ведет нас временами к игнорированию важных истин, скрытых за этими банальностями. Для нас сейчас образ саморазрушающего убеждения известен почти так же, как колебания маятника для людей во времена Галилея. И поскольку это слишком известно, то этим пренебрегают с чистой совестью, и значение данного убеждения не получает систематического исследования. Следовательно, это остается отдельным эмпирическим наблюдением, чем-

то не относящимся к основному предмету эмпирически подтвержденной социологической теории.

Здесь, следовательно, еще одна область в исследовании основных процессов социальной динамики и изменений — определение условий, при которых можно встретить три разновидности непредвиденных последствий: самоосуществляемое убеждение (предсказание, пророчество), самоубивающее или суицидальное убеждение и латентные функции (или непредвиденные социальные успехи).

Самоосуществляемое предсказание и суицидальное предсказание представляют двойной интерес для социолога. Они отражают не только образец, который он хотел бы исследовать в поведении других, но также образцы, которые создают острые и очень специфические социальные проблемы по отношению к его собственным исследованиям. В связи с ними эмпирическая проверка предсказаний социальной науки исключительно сложна. Так как эти предсказания могут быть приняты во внимание именно теми людьми, к которым они относятся, социологи всегда стоят перед лицом возможности, что их предсказания войдут в ситуацию как *новый и динамичный* фактор, изменяющий как раз те условия, при которых предсказания первоначально были верными. Такая характеристика предсказаний свойственна именно человеческим делам. Ее нельзя встретить среди предсказаний о мире природы (за исключением естественных феноменов, технологически сформированных человеком)⁴. Так, мы знаем, что метеорологическое предсказание о непрерывном дожде не виновно в наступлении засухи. Но направленные на перспективу предсказания правительственных экономистов о перепроизводстве пшеницы, вероятно, могут заставить индивидуального производителя пшеницы как сократить их планируемую продукцию, так и считать неполноценным данное предсказание.

⁴ Как заметил Адольф Грюнбаум, здесь необходимы дополнительные оговорки: «...рассмотрим целенаправленное действие сервомеханизма, например бытового прибора, в котором используется обратная связь и который подчинен автоматическому контролю огня. Ясно, что каждая фаза работы данного прибора является примером, подтверждающим один или несколько чисто *физических* принципов. Благодаря тем же самым принципам возможна и следующая ситуация: компьютер предсказывает, что при настоящем курсе ракета промахнется мимо цели, и сообщение этой информации о ракете в форме новых инструкций заставляет его изменить ее курс и таким образом достичь цели вопреки первоначальному предсказанию компьютера. Чем это отличается в принципе от ситуации, в которой предсказание правительственных экономистов о перепроизводстве пшеницы пытается дать инструкцию производителям пшеницы: изменить их первоначальные посевные планы?» См. поучительную заметку Грюнбаума «Historical determinism, social activism and prediction in the social sciences» в *The British Journal for the Philosophy of Science*. — *Примеч. автора*.

Все это означает, что нацеленный на перспективу и пока еще не полностью идентифицированный тип социального научного предсказания сталкивается с парадоксом: если оно сделано публично, то становится, по-видимому, неполноценным, если оно не сделано публично, то его вообще не рассматривают как предсказание, но как «предсказание задним числом». (Это создает ряд трудностей в общественных науках, на мой взгляд, сходных, хотя и не эквивалентных трудностям в отдельных областях физической науки, представленных принципом неопределенности Гейзенберга.) Конечно, в мизантропическом настроении, или ставя ценности общественных наук выше всех остальных человеческих ценностей, или в качестве научного самурая, социолог мог бы письменно изложить, запечатать и надежно депонировать свое предсказание надвигающейся безработицы, войны или междоусобных конфликтов, опубликовав его только после того, как предсказанные события произошли. Но такое безрассудное равнодушие к предмету политики почти равносильно равнодушию к основам своего собственного материального существования. Если мы имеем представление о глубоком отвращении многих людей к тому, чтобы стать объектом психологического эксперимента в качестве «подопытных кроликов», то можно примерно предположить совокупную ярость целого народа, обнаружившего себя превращенным в громадных социологических подопытных морских свинок. Возможно, этот эксперимент Цирцеи следовало бы критически пересмотреть.

Таким образом, социолог имеет исключительный стимул, дополняющий его абстрактный интерес к механизму саморазрушающего убеждения, для систематического и тщательного исследования условий, при которых эти саморазрушающие пророчества или прогнозы действуют в социальной области. Возможно, благодаря такому жизненно важному исследованию социолог начнет изучать то, что необходимо для преобразования потенциально суицидального предсказания в социально полезное и объективно верное предсказание.

Итак, 2-я часть посвящена в первую очередь взаимодействию между социальными структурами и профессиями в контексте динамического социального механизма. Эта часть дает представление о некоторых линиях социологических исследований, соотносимых с теорией, эмпирически проверяемых и социально полезных. В любом случае большой пробел в этих областях убедил одного социолога начать немедленную работу по социологическому исследованию бюрократии и функциональному анализу занятости.

VI. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И АНОМИЯ

До недавнего времени, а тем более раньше, можно было говорить о наличии в психологической и социологической теории отчетливой тенденции объяснять несовершенное функционирование социальных структур недостаточным социальным контролем над повелительными биологическими влечениями человека. Образ отношений между человеком и обществом, предполагаемый этой доктриной, столь же ясен, сколь и сомнителен. Вначале существуют биологические импульсы человека, стремящиеся достичь своего полного выражения. А затем появляется социальный порядок, являющийся, по существу, аппаратом, который обеспечивает управление импульсами, социальную переработку напряжений и, по выражению Фрейда, «отказ от удовлетворения». Тем самым предполагается, что неподчинение требованиям социальной структуры укоренено в изначальной природе человека¹. Именно глубинные биологические импульсы время от времени прорываются через социальный контроль. А следовательно, конформность есть результат утилитарного расчета или ускользающего от сознания обусловливания.

С последними достижениями социальной науки этот узел концепций претерпел существенную модификацию. Прежде всего уже не кажется столь очевидным, что человек противостоит обществу в нескончаемой войне между биологическим импульсом и социальным ограничением. Образ человека как неприрученного сплетения импульсов начинает выглядеть больше похожим на карикатуру, чем на портрет. Кроме того, в анализ поведения, отклоняющегося от предписанных образцов, все более проникало социологическое видение проблемы. Ибо какую бы роль ни играли биологические импульсы,

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

¹ См., например, S. Freud, *Civilization and Its Discontents*, *passim*, особенно р. 63 (рус. пер.: З. Фрейд. Неудовлетворенность культурой — З. Фрейд. Психопанализ. Религия. Культура. — М: Ренессанс, 1992, — с. 66—134, особенно с. 120); Ernest Jones, *Social Aspects of Psychoanalysis* (London, 1924), р. 28. Если позиция Фрейда является разновидностью доктрины «первородного греха», то интерпретация, развиваемая в этой статье, представляет собой доктрину «социально порожденного греха». — *Примеч. автора.*

остается открытым вопрос, отчего же все-таки частота отклоняющегося поведения различается в разных социальных структурах и как так получается, что в разных социальных структурах отклонения приобретают разные формы и образцы (patterns). Сегодня, как и прежде, нам предстоит еще многое узнать о тех процессах, в ходе которых социальные структуры создают такие условия, при которых нарушение социальных кодексов становится «нормальной» (т.е. ожидаемой) реакцией². Настоящая глава представляет собой очерк, в котором предпринимается попытка прояснить эту проблему.

Понятийная схема, представленная в этом очерке, призвана обеспечить единый систематический подход к анализу социальных и культурных источников девиантного поведения. Наша главная цель — раскрыть, каким образом некоторые *социальные структуры оказывают на некоторых лиц в обществе определенное давление, побуждающее их вести себя скорее вразрез с предписаниями, нежели в соответствии с ними*. Если бы мы смогли выявить группы, особенно подверженные такому влиянию, то следовало бы ожидать, что именно в них мы найдем заметно высокую интенсивность девиантного поведения, и не потому что люди, составляющие их, обладают какими-то особыми биологическими предрасположенностями, а потому что они нормально реагируют на социальную ситуацию, в которой они оказываются. Взгляд, принятый в этой статье, социологический. Нас интересуют вариации в *уровнях интенсивности* девиантного поведения, а не масштабы его проявления³. И если наши поиски увенчаются успехом, мы

² Под «нормальной» имеется в виду психологически ожидаемая или даже одобряемая в культуре реакция на определенные социальные условия. Это, конечно, не отрицает роли биологических и личностных различий в *степени проявления* девиантного поведения. Просто это не та проблема, которая здесь рассматривается. В том же смысле, насколько я понимаю, Джеймс Планта говорит о «нормальной реакции нормальных людей на ненормальные условия». См.: James S. Plant, *Personality and the Cultural Pattern* (New York, 1937), p. 248. — *Примеч. автора*.

³ Точку зрения, которой мы придерживаемся, тонко выразил Эдвард Сепир: «...проблемы социальной науки отличаются от проблем индивидуального поведения в степени конкретности, но не по типу. Любое утверждение о поведении, явно или неявно акцентирующее действительные целостные переживания определенных личностей или типов личностей, относится к данным психологии или психиатрии, но не социальной науки. Однако любое утверждение о поведении, не нацеленное на точное описание поведения конкретного индивида или индивидов либо ожидаемого поведения индивида того или иного физически и психологически определенного типа, но вместо этого абстрагирующееся от такого поведения с целью ясно и четко выявить некоторые ожидания в отношении тех аспектов индивидуального поведения, которые разные люди разделяют друг с другом как межличностный, или «социальный» образец (pattern), является, пусть даже в сколь угодно сыром виде, исходным фактом социальной науки». Я выбрал вторую перспективу. И хотя иногда мне все-таки при-

увидим, что некоторые формы девиантного поведения психологически также нормальны, как и конформное поведение, и приравливание девиантного поведения к психологической ненормальности будет поставлено под вопрос.

Образцы культурных целей и институциональных норм

Среди множества элементов социальной и культурной структур есть два непосредственно для нас важных. Они аналитически различимы, хотя в конкретных ситуациях и сливаются воедино. Первый — это определенные культурой цели, намерения и интересы, выступающие как требуемые законные цели для всех членов общества либо некоторых его членов, так или иначе в нем размещенных. Эти цели более или менее связаны друг с другом (степень этой связи — вопрос эмпирический) и складываются в более или менее строгую иерархию ценностей. Приобретая эмоциональную поддержку и значимость, господствующие цели устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Это вещи, «за которые стоит бороться». Это основной, хотя и не единственный, компонент того, что Линтон назвал «проектами групповой жизни». И хотя какие-то (не все) из этих культурных целей прямо связаны с биологическими влечениями человека, последние их все-таки не определяют.

Второй элемент культурной структуры определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. Каждая социальная группа неизменно связывает свои культурные цели с укорененными в ее нравах и институтах нормами, регулирующими допустимые процедуры продвижения к этим целям. Эти регулирующие нормы не обязательно совпадают с техническими нормами, или нормами эффективности. Многие процедуры, которые с точки зрения отдельных индивидов эффективнее всего обеспечивали бы обретение желаемых ценностей — применение силы, обмана, власти, — выведены за пределы институциональной сферы разрешенного поведения. Иногда недозволенные процедуры содержат элементы, могущие быть целесообразными для самой группы — например, табу, которые исторически накладывались на вивисекцию, на медицинские экспе-

Дется говорить об установках, ценностях и функции, речь о них будет идти под углом зрения того, как социальная структура способствует или препятствует их проявлению в конкретных типах ситуаций. См.: E. Sapir, «Why Cultural Anthropology Needs the Psychiatrist», *Psychiatry*, 1938, Vol. 1, p. 7—12. — *Примеч. автора.*

рименты или на социологический анализ «священных» норм, — ведь критерием приемлемости является не техническая эффективность, а ценностно окрашенные чувства (поддерживаемые либо большинством членов группы, либо теми, кто способен содействовать усилению этих чувств совокупными средствами власти и пропаганды). Во всех случаях выбор средств достижения культурных целей ограничивается институционализированными нормами.

Социологи часто говорят, что такие механизмы контроля заключены «в нравах» или действуют через социальные институты. Такие эллиптические суждения в общем-то правильны, однако скрывают от внимания тот факт, что культурно стандартизированные практики не все одним миром мазаны. Они подчинены целой гамме контролирующих норм; в них могут быть представлены безусловно предписываемые, просто предпочтительные, разрешенные или запрещенные образцы поведения. И конечно, при оценке действенности социального контроля необходимо принимать в расчет эти его разновидности, очень приблизительно разграничиваемые с помощью терминов «*предписание*», «*предпочтение*», «*разрешение*» и «*запрещение*».

Более того, говоря, что культурные цели и институционализированные нормы сообща придают форму существующим практикам, мы вовсе не имеем в виду, что их связывают друг с другом неизменные отношения. Культурное акцентирование определенных целей изменяется независимо от степени акцентирования институционализированных средств. Может возникать очень мощное, временами даже исключительное, превознесение ценности каких-то особых целей, соединенное со сравнительным отсутствием заботы об институционально предписанных средствах их достижения. В предельном случае масштабы распространения альтернативных процедур определяются исключительно техническими, но не институциональными нормами. В этом гипотетическом крайнем случае становятся дозволенными все и любые процедуры, обещающие достижение всезначущей цели. Это один из типов плохо интегрированной культуры. Другой крайний случай обнаруживается в группах, в которых деятельности, первоначально задуманные как средства, превращаются в самодостаточные практики, не преследующие никаких последующих целей. Первоначальные цели забываются, и непоколебимая верность институционально предписанному поведению становится предметом ритуала⁴. Главной ценностью

⁴ Этот ритуализм может связываться с мифологией, рационализирующей эти практики таким образом, чтобы они сохраняли видимость своего статуса средств; однако независимо от этой мифологии преобладает давление в сторону строгой ритуалистической конформности. А стало быть, ритуализм является наиболее полным тогда, когда такие рационализации даже и не нужны. — *Примеч. автора.*

становится полная конформность. На какое-то время это гарантирует социальную стабильность — но ценой потери гибкости. Поскольку степень распространения альтернативных способов поведения, дозволяемых культурой, жестко ограничивается, утрачивается почти всякая основа для приспособления к новым условиям. Возникает связанное традицией «священное» общество, отмеченное чертами неофобии. Между этими крайними типами располагаются общества, которые сохраняют относительное равновесие в акцентировании культурных целей и институционализированных практик; это интегрированные и относительно стабильные, хотя при этом и изменяющиеся, общества.

Действительное равновесие между этими двумя аспектами социальной структуры сохраняется до тех пор, пока индивиды, придерживающиеся тех или других ограничений, получают при этом удовлетворение, т.е. получают как удовлетворение от достижения целей, так и удовлетворение, напрямую вытекающее из направленных в институциональное русло способов борьбы за их достижение. Здесь мы имеем дело как с продуктом, так и с процессом, как с результатом, так и с деятельностью. Так, индивид должен непрерывно черпать удовлетворение и из самого участия в конкурентном порядке, и из «затмевания» конкурентов; только тогда этот порядок может быть сохранен. Если интерес смещается исключительно в сторону результата конкуренции, те, кто вечно терпит поражение, могут — что вполне понятно — попытаться изменить правила игры. Жертвы, которые время от времени (но не всегда, как полагал Фрейд) влечет за собой подчинение институциональным нормам, должны компенсироваться социализированными вознаграждениями. Распределение социальных статусов, происходящее в процессе конкуренции, должно быть организовано так, чтобы давать положительные стимулы к верности статусным обязательствам *для каждой позиции* в рамках этого распределительного порядка. В противном случае, как вскоре станет ясно, следствием становится аберрантное поведение. Моя главная гипотеза как раз и состоит в том, что отклоняющееся поведение можно социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений.

Из типов обществ, возникающих в результате независимого изменения культурных целей и институционализированных средств, нас прежде всего будет интересовать первый: общество, в котором придается исключительно сильный акцент некоторым целям, но нет соответствующего акцентирования институциональных процедур. Во избежание неправильного понимания это утверждение следует разъяснить. Нет ни одного общества, где не было бы норм, регулирующих

поведение. Однако общества отличаются друг от друга тем, насколько эффективно народные обычаи, нравы и институциональные требования интегрированы с целями, занимающими высокое положение в иерархии культурных ценностей. Иногда культура может подталкивать индивидов к сосредоточению их эмоциональных убеждений на комплексе превозносимых культурой целей, но при гораздо меньшей эмоциональной поддержке предписанных способов продвижения к этим целям. При таком различии в акцентировании целей и институциональных процедур последние могут быть настолько ослаблены превознесением целей, что поведение многих индивидов будет полностью ограничиваться соображениями технической целесообразности. В этом контексте единственно важным становится вопрос: какая из доступных процедур наиболее эффективна в деле заполучения культурно одобренной ценности⁵. Наиболее эффективной в техническом плане процедуре — вне зависимости от того, узаконена она культурой или нет, — как правило, начинают отдавать предпочтение перед институционально предписанным поведением. По мере продолжающегося размыwania институциональных норм общество становится нестабильным, и в нем появляется то, что Дюркгейм назвал «аномией» (или безнормностью)⁶.

Действие этого процесса, приводящего к аномии, можно легко увидеть в ряде известных и поучительных, хотя, возможно, и тривиальных случаев. Так, в спортивных соревнованиях, когда цель достижения победы лишается своих институциональных нарядов и ус-

⁵ В этой связи уместно вспомнить перефразированное Элтоном Мэйо название широко известной книги Тауни: «На самом-то деле проблема не в болезненности стяжательского общества; она — в стяжательстве большого общества». См.: Е. Mayo, *Human Problems of an Industrial Civilization*, p. 153. Мэйо рассматривает процесс, в ходе которого богатство становится главным символом социального достижения, и усматривает его истоки в состоянии аномии. Меня же в основном интересуют социальные последствия всемерного превознесения цели денежного успеха в обществе, структура которого не приспособлена к следствиям такого акцентирования. Полный анализ потребовал бы одновременного изучения обоих процессов. — *Примеч. автора.*

⁶ Воскрешение Дюркгеймом термина «аномия», который, насколько мне известно, был впервые употреблен примерно в том же самом смысле в конце XVI века, вполне могло бы стать предметом исследования для ученого, интересующегося историей идей. Как и термин «общественное мнение», ставший благодаря Уайтхеду популярным в науке и политике спустя три века после того, как его ввел в оборот Джозеф Глэнвилл, слово «аномия» (*anomie*, *anomy* или *anomia*) вошло в широкое употребление с запозданием, лишь после того, как его заново ввел Дюркгейм. Почему оно получило такой резонанс в современном обществе? Великолепный образец того, как надо исследовать такого рода вопросы, см. в работе: Leo Spitzer, «Milieu and Ambiance: An Essay in Historical Semantics», *Philosophy and Phenomenological Research*, 1942, Vol. 3, p. 1—42, 169—218. — *Примеч. автора.*

пех начинает истолковываться как «выигрыш в игре», а не как «выигрыш в соответствии с правилами игры», первенство явно отдается применению незаконных, но технически эффективных средств. Звезду футбола, играющего в команде противника, исподтишка сбивают с ног; борец выводит из строя соперника хитроумным, но запрещенным приемом; бывшие питомцы университета тайком субсидируют «студентов», чьи таланты ограничиваются областью спорта. Акцентирование цели настолько ослабляет удовлетворения, приносимые самим участием в состязательной активности, что теперь удовлетворение обеспечивается только успешным результатом. В силу того же процесса напряжение, порождаемое желанием выиграть, снимается при игре в покер успешной сдачей самому себе четырех тузов, а при игре в пасьянс — вот уж где поистине расцвел культ успеха — дальновидным тасованием карт. Чуть заметный приступ смущения в последнем случае и манера действовать тайком, свойственная общественным правонарушениям, ясно показывают, что институциональные правила игры известны тем, кто уклоняется от их соблюдения. Но культурное (или идиосинкратическое) гипертрофирование цели успеха заставляет людей лишиться их своей эмоциональной поддержки⁷.

Этот процесс, разумеется, не ограничивается областью спортивных соревнований; последние просто дают нам микрокосмические образы социального макрокосма. Процесс, посредством которого превознесение цели порождает в буквальном смысле слова *деморализацию*, то есть разинституционализацию средств, происходит во многих⁸ группах, где эти два компонента социальной структуры плохо интегрированы друг с другом.

Нынешняя американская культура, видимо, близка к крайнему типу, в котором сильное акцентирование некоторых целей успеха не сопровождается эквивалентным акцентированием институциональных средств. Было бы, разумеется, нереалистично утверждать, что накопленное богатство является единственным символом успеха, как, впрочем, и отрицать, что американцы отдают ему в своей шкале цен-

⁷ Представляется невероятным, чтобы некогда интериоризированные культурные нормы уничтожались полностью. Любой их остаток, каким бы он ни был, будет вызывать в личности напряжения и конфликты вместе с присущей им в той или иной степени амбивалентностью. Явное отвержение некогда усвоенных институциональных норм будет сочетаться со скрытым сохранением их эмоциональных коррелятов. Чувство вины, ощущение греховности, угрызения совести — вот несколько выражений, указывающих на это состояние неизбежного напряжения. Более мягкими проявлениями таких напряжений являются символическая верность номинально отвергнутым ценностям и рационализации отказа от этих ценностей. — *Примеч. автора.*

⁸ Во «многих» не интегрированных группах, но не во всех, по названной ранее причине. В группах, где основной акцент перемещен на институциональные средства, обычно возникает ритуализм, а не аномия. — *Примеч. автора.*

ностей высокое место. Деньги в значительной степени были освящены как самоценность, стоящая выше того, тратят ли их на предметы потребления или используют для увеличения власти. «Деньги» особенно хорошо приспособлены для того, чтобы стать символом престижа. Как подчеркивал Зиммель, деньги в высшей степени абстрактны и безличны. Независимо от того, были ли они добыты обманом или институционально принятым способом, их можно использовать для приобретения одних и тех же товаров и услуг. Анонимность городского общества, сочетаясь с этими особенностями денег, позволяет богатству, источники которого могут быть неизвестны сообществу, в котором живет плутократ (а если даже и известны, то полученные таким путем деньги можно со временем «отмыть»), служить символом высокого статуса. Более того, в Американской мечте нет конечной точки, в которой можно бы было остановиться. Мера «денежного успеха» отличается удобной неопределенностью и относительностью. Как обнаружил Х.Ф. Кларк, на любом достигнутом уровне дохода американцы хотят иметь хотя бы на двадцать пять процентов больше (и, разумеется, вот это «хотя бы чуть-чуть побольше», стоит только его достичь, повторяется снова). В этом потоке сдвигающихся стандартов нет стабильных мест, где можно было бы передохнуть, или, скорее, есть такое место, но оно всегда ухитряется быть «еще впереди». Наблюдатель сообщества, в котором не являются редкостью шестизначные годовые жалованья, передает страдальческие слова одной из жертв Американской мечты: «В этом городе все меня презирают, потому что я зарабатываю всего тысячу в неделю. Это оскорбительно»⁹. Говорить, что в американской культуре укоренилась цель денежного успеха, означает одно: что на американцев со всех сторон обрушиваются предписания, закрепляющие за ними право, а часто и обязанность сохранять эту цель даже перед лицом непрерывного разочарования. Пользующиеся престижем представители общества усиливают этот культурный акцент. В свою очередь, семья, школа и работа — основные факторы, формирующие структуру личности и целевую структуру американцев — обеспечивают интенсивное дисциплинирующее воздействие, необходимое для того, чтобы индивид сохранял в неприкосновенности цель, которая постоянно от него ускользает, и черпал мотив в надежде на вознаграждение, которая из раза в раз не оправдывается. Как мы далее увидим, родители служат ремнем передачи ценностей и целей тех групп, в которые они входят, прежде всего своего социального класса или класса, с которым они себя идентифицируют. Школа, разумеется, также является официальным механизмом передачи господствующих ценностей; в значительной доле

⁹ Leo C. Rosten, *Hollywood* (New York, S940), p. 40. — *Примеч. автора.*

учебников, используемых в городских школах, либо неявно предполагается, либо открыто утверждается, что «образование развивает интеллект и тем самым гарантирует хорошую работу и денежный успех»¹⁰. В центре этого процесса дисциплинирования людей, направленного на поддержание их несбыточных устремлений, лежат культурные прототипы успеха, живые документальные подтверждения того, что Американскую мечту можно осуществить, были бы только для этого необходимые способности. Рассмотрим в этой связи следующие выдержки из делового журнала *Nation's Business*. Они составлены на основе огромного сравнительного материала, обнаруженного в средствах массовой информации, устанавливающих культурные ценности делового класса.

*Документ (Nation's Business, Vol.27,
No. 8, p. 7)*

«Ты, приятель, должно быть, рожден для такой работы, иначе бы у тебя были хорошие связи».

Его социологический смысл

Перед нами еретическое мнение — возможно, рожденное постоянными разочарованиями, — которое опровергает ценность сохранения явно неосуществимой цели и даже ставит под вопрос легитимность социальной структуры, которая обеспечивает неравный доступ к этой цели.

Это старый испытанный способ умерить амбиции.

Это контратака, открыто утверждающая культурную ценность сохранения своих устремлений и «амбиций» в неприкосновенности.

Прежде чем прислушаться к такой соблазнительной отговорке, спроси

Ясная формулировка функции, выполняемой нижеследующим перечнем «успехов». Эти люди — живое свидетельство того, что социальная структура позволяет реализовать эти устремления *в том случае, если человек этого заслуживает*. И, соответственно, неудача в достижении этих целей свидетельствует только о личных недостатках неудачника. А стало быть, вызванную неудачей агрессию следует направлять внутрь, а не вовне;

¹⁰ Malcolm S. MacLean, *Scholars, Workers and Gentlemen* (Harvard University Press, 1938), p. 29. — *Примеч. автора.*

совета у этих людей:

*Документ (Nation's Business, Vol.27,
No. 8, P-7)*

Элмера Р. Джонса, президента «Уэллс-Фарго и Ко.», который начал жизнь в бедности и после пятого класса бросил школу, чтобы впервые в жизни устроиться работу;

Фрэнка К. Болла, главу фирмы «Мэйсон», короля Америки в производстве стеклянной тары для фруктовой продукции, который вместе с лошадью своего брата Джорджа приехал в товарном вагоне из Буффало в Манси, штат Индиана, дабы открыть там собственное дело, ставшее потом крупнейшим в этой области;

Дж.Л. Бивена, президента Центральной железнодорожной компании Иллинойса, который в возрасте двенадцати лет служил посыльным в погрузочной конторе в Новом Орлеане.

Его социологический смысл

винить следует самого себя, а не социальную структуру, обеспечивающую всем свободный и равный доступ к возможностям.

Первый прототип успеха: *Все* вправе иметь *одинаково* высокие амбиции, ведь как бы ни был низок стартовый уровень, подлинный талант может достичь каких угодно высот. Устремления должны оставаться в неприкосновенности.

Второй прототип успеха: Каковы бы ни были текущие результаты человеческих устремлений, будущее прямо-таки наполнено обещаниями лучшего; ведь самый обычный человек все еще может стать королем. И пусть кажется, что вознаграждения постоянно откладываются; в конце концов, они обязательно придут, как только твое предприятие станет «крупнейшим в своей области».

Третий прототип успеха: Если кажется, что извечные тенденции нашей экономики дают мало простора для малого бизнеса, то можно подняться наверх и в рамках гигантских бюрократических организаций, существующих в сфере частного предпринимательства. Если невозможно более стать королем в собственноручно созданном царстве, то можно по крайней мере стать президентом в одной из экономических демократий. И не важно, в каком положении ты сейчас находишься, мальчика на побегушках или клерка; взгляд должен быть прикован к вершине.

Из разных источников исходит постоянное давление, побуждающее сохранять высокие притязания. Не иссякает поток поучительной литературы, выбрать из которого что-нибудь можно лишь с риском показаться несправедливым. Назовем лишь следующих авторов: преподобного Рассела Х. Конуэлла с его воззванием *«Алмазные россыпи»*, которое было услышано и прочитано сотнями тысяч, и последующей книгой *«Новый день, или Новые возможности: книга для молодых»*; Элберта Хаббарда, выступившего со знаменитым *«Посланием к Гарсиа»* на летних сборах учителей, прошедших по всей стране; Орисона Суэтта Мардена, который первым во всем потоке книг предложил *«Секрет успеха»*, расхваленный президентами университетов, потом объяснил, *как пробыться вперед*, в одноименной книге, вызвавшей восхищение президента Маккинли, и, наконец, отбросив прочь все эти демократические рекомендации, прочертил путь, пройдя который *«Каждый человек — король»*. Символика простого обывателя, взбирающегося на вершины, где обитает социальное экономическое королевство, глубоко вплетена в текстуру американского культурного образца и, по-видимому, находит свое наивысшее выражение в словах Эндрю Карнеги, человека, который знал, о чем говорил: «Стань королем в своих мечтах. Скажи самому себе: мое место на вершине»¹¹.

С этим позитивным акцентированием обязанности сохранять высокие цели соединен соответствующий акцент на наказании тех, кто умеряет свои амбиции. Американцев увещевают «не пасовать перед трудностями», ведь в словаре американской культуры, как и в лексиконе молодежи, «нет слова «неудача». Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо «не неудача, а скромная цель — вот что является преступлением».

Итак, культура обязывает принять три культурные аксиомы: во-первых, всем надлежит бороться за достижение одних и тех же высших целей, поскольку путь к ним открыт для всех; во-вторых, текущая кажущаяся неудача — всего лишь остановка на пути к конечному успеху; и в-третьих, настоящая неудача состоит лишь в снижении амбиций или отказе от них.

В грубом переложении на язык психологии эти аксиомы означают, во-первых, символическое вторичное подкрепление побудительного стимула; во-вторых, обуздание угрозы угасания реакции посредством сопутствующего стимула; в-третьих, повышение

¹¹Ср.: A.W. Griswold, *The American Cult of Success* (Yale University doctoral dissertation, 1933); R.O. Carlson, *«Personality Schools»: A Sociological Analysis* (Columbia University Master's Essay, 1948). — *Примеч. автора.*

способности мотива вызывать повторение реакций, несмотря на продолжающееся отсутствие вознаграждения.

В переложении на социологический язык эти аксиомы означают: во-первых, перенос критики среди тех, кто в силу своего положения в обществе лишен полного и равного доступа к возможностям, с социальной структуры на собственное Я; во-вторых, сохранение структуры власти в обществе путем принуждения индивидов, принадлежащих к низшим социальным стратам, к самоидентификации не с равными себе, а с теми, кто находится на самом верху (и к кому они в конечном счете присоединятся); в-третьих, обеспечение давлений, заставляющих подчиниться культурному диктату неумеренных амбиций, через угрозу неполного членства в обществе для не выполнивших это требование.

Именно в этих условиях и благодаря этим процессам нынешняя американская культура продолжает характеризоваться превознесением богатства как основного символа успеха и отсутствием соответствующего акцентирования законных путей, по которым можно было бы проследовать к этой цели. Как реагируют на это индивиды, живущие в таком культурном контексте? И какие следствия имеют наши наблюдения для доктрины, согласно которой типичной причиной девиантного поведения являются биологические импульсы, прорывающиеся через накладываемые культурой ограничения? Короче говоря, какие следствия для поведения людей, по-разному расположенных в социальной структуре, имеет культура, в которой акцентирование господствующих целей успеха стало все более отделяться от эквивалентного акцентирования институционализированных процедур их достижения?

Типы индивидуального приспособления

Теперь от этих культурных образцов перейдем к рассмотрению типов приспособления индивидов в обществе, имеющем такую культуру. Хотя в центре нашего внимания все еще будет оставаться культурное и социальное происхождение различных разрядов и типов отклоняющегося поведения, мы перенесем наше внимание с образцов культурных ценностей на типы приспособления к этим ценностям индивидов, занимающих разные позиции в социальной структуре.

Здесь мы рассмотрим пять типов приспособления. Они схематично представлены в следующей таблице, где (+) обозначает «принятие», (—) — «отвержение», а (±±) — «отвержение господствующих ценностей и замену их новыми».

Типология форм индивидуального приспособления¹²

Формы приспособления	Культурные цели	Институционализи- рованные средства
I. Конформность	+	+
II. Инновация	+	—
III. Ритуализм	—	+
IV. Бегство	—	—
V. Мятеж"	±	±

Анализ того, каким образом социальная структура оказывает на индивидов давление, побуждающее их к принятию того или иного из этих альтернативных способов поведения, следует предварить заме-

¹² В типологиях альтернативных форм реагирования на фрустрирующие условия недостатка не наблюдается. Одну из них предлагает Фрейд в книге «Недовольство культурой» (указ. соч., с. 93 и далее); производные типологии, часто различающиеся в существенных деталях, можно найти в книгах: Karen Homey, *Neurotic Personality of Our Time* (New York, 1937) (рус. пер.: К. Хорни. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. — М.: Прогресс-Универс, 1993, с. 7—220); S. Rosenzweig, «The Experimental Measurement of Types of Reaction to Frustration» H.A. Murray *et al.*, *Explorations in Personality* (New York, 1938), p. 585—599; а также в работах Джона Долларда, Гарольда Лассуэлла, Абрама Кардинера и Эриха Фромма. Однако — и прежде всего это касается собственно фрейдовской типологии — типы индивидуальных реакций рассматриваются в отрыве от места, занимаемого индивидом в социальной структуре. Например, несмотря на свой неугасающий интерес к «культуре», Хорни не исследует различия во влиянии, которое оказывает эта культура на фермера, рабочего и бизнесмена, на представителей низшего, среднего и высшего классов, на членов различных этнических и расовых групп и т.д. В результате этого при рассмотрении роли «культурных противоречий» не принимается во внимание их неодинаковое воздействие на группы, занимающие разное положение в обществе. Культура становится своего рода одеялом, одинаково покрывающим всех членов общества, независимо от идиосинкратических различий их жизненной истории. В нашей типологии прежде всего предполагается, что эти реакции проявляются с разной частотой в разных подгруппах нашего общества, и именно потому, что члены этих групп или слоев неодинаково подвержены культурным призывам и социальным ограничениям. Эту социологическую ориентацию можно найти в работах Долларда и, в менее систематической форме, в исследованиях Фромма, Кардинера и Лассуэлла. Исходные общие положения этой ориентации см. в прим. 3 к этой главе. — *Примеч. автора.*

" Пятая альтернатива явно располагается на ином уровне, нежели остальные. Она представляет собой переходную реакцию, заключающую в себе попытку *институционализировать* новые цели и процедуры, которые могли бы быть приняты другими членами общества. Таким образом, речь идет о попытках *изменить* существующую культурную и социальную структуру, вместо того чтобы пытаться вписать свои усилия в рамки самой этой структуры. — *Примеч. автора.*

чением, что люди могут переходить от одной альтернативы к другой по мере вовлечения в разные сферы социальной деятельности. Эти категории относятся к ролевому поведению в специфических типах ситуаций, но не к личности. Это типы более или менее устойчивых реакций, а не типы организации личности. Рассмотрение этих типов приспособления в нескольких сферах поведения поставило бы сложную задачу, невыполнимую в рамках этой главы. Поэтому мы сосредоточим внимание на экономической деятельности — в широком смысле «производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг» — в нашем конкурентном обществе, где богатство приобрело высокую символическую ценность.

/ . Конформность

Чем выше степень стабильности в обществе, тем более типичным и распространенным становится первый тип приспособления: конформность как к культурным целям, так и к институционализированным средствам. Не будь это так, поддержание стабильности и преемственности общества стало бы невозможным. Сеть ожиданий, конституирующая всякий социальный порядок, поддерживается модальным поведением его членов, выражающим подчинение установленным, хотя, возможно, и постоянно меняющимся культурным образцам. И лишь благодаря тому, что поведение, как правило, ориентируется на основные ценности общества, мы можем говорить о том, что скопление людей образует общество. До тех пор, пока не сложился запас ценностей, разделяемых взаимодействующими индивидами, существуют только социальные отношения, если можно так назвать беспорядочные взаимодействия людей, — но не общество. Так, в середине века мы можем говорить об Обществе Наций прежде всего как о фигуре речи или как о воображенной цели, но не как о социологической реальности.

Поскольку наш интерес сосредоточен прежде всего на источниках *девиантного* поведения и поскольку мы уже коротко проанализировали механизмы, делающие конформность в американском обществе модальной реакцией, вряд ли нужно еще что-то добавлять к тому, что уже было сказано об этом типе приспособления.

// . Инновация

Сильное культурное акцентирование цели успеха открывает дорогу этой форме приспособления, состоящей в использовании ин-

ституционально запрещенных, но часто эффективных средств достижения хотя бы подобия успеха — богатства и власти. Эта реакция возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, не интернализовав при этом в равной степени институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения.

С точки зрения психологии, при больших эмоциональных вложениях в цель можно ожидать появления готовности идти на риск, и эта установка может приниматься членами всех социальных слоев. С точки зрения социологии, возникает вопрос, какие свойства нашей социальной структуры располагают к этому типу приспособления, производя тем самым в одном социальном слое большую частоту девиантного поведения, чем в другом.

На высших уровнях экономики давление к инновации нередко стирает различие между честным деловым соперничеством и жестокими практиками, лежащими по ту сторону нравственности. Как отмечал Веблен, «в каждом конкретном случае нелегко, а подчас и невозможно до решения суда сказать, что перед нами: достойная похвалы предприимчивость или уголовное преступление». Вся история крупных американских состояний пропитана тяготением к институционально сомнительным инновациям, свидетельством чему служит восхищение «баронами-разбойниками» XIX века. Невольное восхищение этими «практичными, ловкими и преуспевающими людьми», часто выражаемое в частной обстановке, а нередко и публично, — продукт культурной структуры, в которой священная и неприкосновенная цель фактически освящает средства. И в этом нет ничего нового. Нисколько не предполагая, что Чарльз Диккенс был абсолютно точным наблюдателем американской жизни, и отдавая себе полный отчет в том, что он был кем угодно, но только не беспристрастным наблюдателем, процитируем его проникательные заметки об американском

«умении «ловко обдeldывать дела»: этим умением позолочены для них и мошенничество, и грубое злоупотребление доверием, и растрата, произведенная как общественным деятелем, так и частным лицом; и оно позволяет многим плутам, которых стоило бы вздернуть на виселицу, держать высоко голову наравне с лучшими людьми... Нарушение условий сделки, банкротство или удачное мошенничество расцениваются не исходя из золотого правила «поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой», а в зависимости от того, насколько ловко это было проделано... Мне сто раз пришлось вести следующий диалог:

— Ну разве не постыдно, что такой человек, как имярек, наживает состояние самым бесчестным и гнусным путем, а его граждане терпят и поощряют его, несмотря на все совершенные им преступления? Ведь он же нарушает общественную благопристойность!

— Да, сэр.
 — Ведь он же общепризнанный лжец!
 — Да, сэр.
 — Ведь его секли, пороли, гнали в шею!
 — Да, сэр.
 — И это совершенно бесчестный, низкий, распутный человек!
 — Да, сэр.
 — Ради всего святого, в чем же тогда его заслуга?
 — Видите ли, сэр, он ловкий человек».

В таком карикатурном изображении конфликта культурных ценностей Диккенс был, разумеется, лишь одним из многих остроумных писателей, беспощадно исследовавших последствия превознесения финансового успеха. Когда пришедшие острословы иссякли, их дело продолжили уроженцы страны. Артемус Уорд высмеивал «общие места» американской жизни до тех пор, пока они не стали казаться до странности несуразными. «Доморожденные философы» Билл Арп и Нефтяной Вулкан [позднее Везувий] Нэсби поставили остроумие на службу разоблачению святынь, разбивая в пух и прах образы общественных деятелей и испытывая при этом нескрываемое удовольствие. Джош Биллингс вместе со своим альтер эго Дядюшкой Изеком ясно высказал то, в чем многие не смогли бы добровольно признаться: что удовлетворение относительно, ибо «самое большое счастье в этом мире состоит в обладании тем, чего не могут достать другие». Все они увлеченно демонстрировали социальные функции тенденциозных острот и, как позднее показал Фрейд в монографии «Остроумие и его отношение к бессознательному», использовали их как оружие «нападения на все большое, достойное и могущественное, которое защищено от непосредственного унижения внутренними задержками или внешними обстоятельствами...»* Но пожалуй, наиболее показательным в этом отношении было облечение Амброзом Бирсом остроумия в такую форму, которая со всей очевидностью показала, что слово «*остроумие*» не утратило связи со своей исходной этимологией и все еще означало силу, с помощью которой человек познает, учится и думает. Свой характерно ироничный и пронизательный очерк о «преступлении и его коррективах» Бирс начинает со следующего замечания: «Социологи уже давно пылко обсуждают теорию о том, что импульс к совершению преступления — это болезнь и что согласие в открытую им обладать — тоже болезнь». После такого вступления он описывает способы, с помощью которых преуспевающий мошенник приобретает социальную легитимность, и переходит к ана-

* З. Фрейд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. — Тбилиси: Мерани, 1991, — Кн. 2. с. 274. — *Примеч. пер.*

томическому анализу несоответствий между культурными ценностями и социальными отношениями.

Добропорядочный американец, как правило, терпеть не может мошенничества, но возмещает эту суровость благожелательной терпимостью к мошенникам. Единственное, что ему для этого требуется, — это знать мошенников лично. Все мы довольно громко «изобличаем» воров, если не имеем чести быть с ними знакомыми. Но если уж мы их знаем, то — вот те раз! — наше отношение к ним сразу меняется, несмотря на явственно расходящийся вокруг них аромат трущоб и тюрем. Мы можем знать, что они виновны в преступлении, но встречаемся с ними, пожимаем им руку, вместе выпиваем, а если они к тому же еще богаты или чем-то иным примечательны, приглашаем их в свои дома и считаем за честь часто бывать у них. Мы «не одобряем их методы»; дескать, пусть они это поймут, и это будет для них достаточным наказанием. Представление о том, будто подлеца хоть на йоту волнует, что думает о его методах человек, ведущий себя с ним корректно и дружелюбно, явно изобрел какой-нибудь юморист. В постановке водевилей у Марса он, вероятно, сделал бы себе целое состояние.

[И еще:] Если бы мошенникам отказывали в общественном признании, их стало бы намного меньше. Некоторые стали бы лишь усерднее замечать следы своего присутствия на окольных путях неправедности, но другие надругались бы таки над собственной совестью и отказались от неудобств мошенничества ради неудобств честной жизни. Ведь недостойный человек ничего на свете так не боится, как лишиться пожатия честной руки и остаться наедине с ледяной, неотвратимой пощечиной безразличного взгляда.

Богатые мошенники водятся у нас потому, что есть «респектабельные» люди, которые не стыдятся подавать им руку, видаться с ними, говорить, что они их знают. В этом сквозит предательский отказ приструнить их; крикнуть во весь голос, что они тебя ограбили, значит изобличить своих сообщников.

Можно мило улыбаться мошеннику (а большинство из нас делают это много раз в день), если не знаешь, что он мошенник, и если тебе не сказали об этом другие. Но если об этом знаешь или если тебя об этом предупредили, то продолжать при этом улыбаться ему значит быть лицемером — либо просто лицемером, либо льстивым лицемером, в зависимости от того места в жизни, которое занимает одаряемый улыбкой мошенник. Простых лицемеров больше, чем льстивых, ведь заурядных мошенников больше, чем богатых и выдающихся; правда, и улыбок им достается меньше. Американцев будут грабить до тех пор, пока американский характер остается таким, какой он сейчас, пока сохраняется терпимость к удачливым негодяям и пока американская изобретательность проводит воображаемое различие между публичным и частным характером, коммерческим и личным поведением человека. Короче говоря, американцев будут грабить до тех пор, пока они этого заслуживают. Ни один

человеческий закон не сможет это остановить, ничто не в силах это остановить, ибо невозможно отменить высший и более спасительный закон: «Что посеешь, то и пожнешь»¹⁴.

Бирсу, жившему в эпоху процветания американских «баронов-разбойников», было трудно не заметить появление того, что позже получило известность как «должностное преступление». Тем не менее он признавал, что далеко не все крупные и драматичные отступления от институциональных норм в высших экономических сферах предаются огласке, а отклонения в кругу скромного среднего класса становятся достоянием гласности, может быть, даже в еще меньшей степени. Сазерленд неоднократно доказывал с документами на руках, что среди бизнесменов преобладают «должностные преступления». Кроме того, он отмечает, что многие из этих преступлений так и не были наказаны — либо потому, что не были раскрыты, либо, если они все-таки были раскрыты, в силу «статуса бизнесмена, тенденции ухода от наказания и сравнительно неорганизованного возмущения общественности в отношении должностных преступников»¹⁵. Исследование, охватившее около 1700 человек, в основном представителей среднего класса, показало, что «незаре-

¹⁴ Наблюдения Диккенса взяты из его «Американских записок»: Charles Dickens, *American Notes* (Boston: Books, Inc., 1940), p. 218. (Здесь приводятся в переводе Т. Кудрявцевой по изданию: Ч. Диккенс. «Собр. соч. в 30-ти томах». — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958, — Т. 9. с. 296—297.) Социологического анализа, который стал бы формальным, хотя и неизбежно менее полным, аналогом фрейдовского психологического анализа функций тенденциозных острот, давно ждут. Одну из отправных точек для него дает докторская диссертация Жаннетт Тэнди, правда, не социологическая по характеру: Jeannette Tandy, *Crackerbox Philosophers: American Humor and Satire* (New York: Columbia University Press, 1925). В пятой главе книги «Интеллектуальная Америка», удачно озаглавленной «Интеллигенция», Оскар Каргилл приводит несколько емких замечаний о роли мастеров американского юмора XIX века, но они, естественно, занимают лишь очень скромное место в этой большой книге о «развитии американских идей». См.: О. Cargill, *Intellectual America* (New York: Macmillan, 1941). Очерк Бирса, большую цитату из которого я привел, можно найти в книге: *The Collected Works of Ambrose Bierce* (New York, Washington: The Neale Publishing Company, 1912), Vol. XI, p. 187—198. Следует заметить, что я ни в коем случае не могу согласиться с резкой и совершенно необоснованной оценкой Бирса, данной Каргиллом. Она кажется мне даже не столько оценкой, сколько выражением предвзятости, который, по словам самого Бирса, есть лишь «бродающее мнение без зримых средств поддержки». — *Примеч. автора.*

¹⁵ См.: E.H. Sutherland, White collar criminality, *op. cit.* Crime and business, *Annals, American Academy of Political and Social Science*, 1941, Vol. 217, p. 112—118; Is «white collar crime» crime?, *American Sociological Review*, 1945, Vol. 10, p. 132—139; Marshall B. Clinard, *The Black Market: A Study of White Collar Crime* (New York: Rinehart & Co., 1952); Donald R. Cressey, *Other People's Money: A Study in the Social Psychology of Embezzlement* (Glencoe: The Free Press, 1953). — *Примеч. автора.*

гистрированные преступления» — обычное дело для вполне «респектабельных» членов общества. 99% опрошенных признались, что совершили по крайней мере одно из сорока девяти преступлений, внесенных в уголовный кодекс штата Нью-Йорк; каждое было достаточно серьезным, чтобы при самом суровом приговоре повлечь за собой тюремное заключение сроком не менее чем на 1 год. Среднее число преступлений среди взрослых (сюда не входят нарушения, совершенные в возрасте до 16 лет) составило 18 для мужчин и 11 для женщин. Целых 64% -мужчин и 29% женщин признали себя виновными в совершении одного или более уголовного преступления, которые, согласно законодательству штата Нью-Йорк, являются основанием для лишения их всех гражданских прав. Один из лейтмотивов этих открытий выражен в словах священника, подававшего ложные сведения о продаваемом товаре: «Сначала я пытался вести себя честно, но это не всегда приносит успех». Опираясь на эти результаты, авторы делают сдержанный вывод, что «число действий, содержащих с правовой точки зрения состав преступления, намного превосходит число официально зарегистрированных преступлений. Противозаконное поведение отнюдь не относится к числу социальных или психологических аномалий; на самом деле это вполне обычная практика»¹⁶.

Но сколь бы ни различалась интенсивность девиантного поведения в разных социальных стратах — а мы из многочисленных источников знаем, что официальная статистика преступности, регулярно показывающая более высокий ее уровень в низших социальных стратах, далека от совершенства и надежности, — из нашего анализа ясно видно, что самый сильный толчок к отклоняющемуся поведению получают низшие страты. Конкретные примеры позволяют нам выявить социологические механизмы, втянутые в производство этих давлений. В ряде исследований было показано, что в некоторых специализированных областях порок и преступление являются «нормальной» реакцией на ситуацию, когда культурный акцент на денежный успех был усвоен, а доступ к общепризнанным и законным средствам достижения этого успеха — почти полностью перекрыт. Профессиональные возможности людей в этих областях ограничиваются преимущественно ручным трудом и малоквалифицированной конторской работой. В условиях характерной для американцев стигматизации ручного труда, *которая оказалась почти в равной степени присущей всем социальным классам американского об-*

¹⁶ См.: James S. Wallerstein, Clement J. Wyle, «Our law-abiding law-breakers», *Probation*, April, 1947. — *Примеч. автора.*

щества¹⁷, и в условиях отсутствия реальных возможностей выйти когда-нибудь за пределы этого уровня результатом становится отчетливая склонность к девиантному поведению. Статус неквалифицированного труда и вытекающий из него низкий уровень доходов никак не могут, с точки зрения установленных стандартов человеческой ценности, конкурировать с теми обещаниями власти и высокого дохода, которые исходят от организованного порока, рэкета и преступности¹⁸.

С точки зрения наших задач, в этих ситуациях можно выделить два ключевых элемента. Во-первых, установленные культурные ценности дают стимул стремиться к успеху; во-вторых, классовая структура ограничивает доступные пути продвижения к этой цели главным образом девиантным поведением. Это сочетание культурного акцента и социальной структуры как раз и производит сильное принуждение к отклонению. Обращение к законным каналам «заполучения денег» сдерживается классовой структурой, которая не полностью открыта на всех уровнях для талантливых людей¹⁹. Несмотря на нашу настойчиво пропагандируемую идеологию «открытых классов»²⁰, достиже-

" См.: National Opinion Research Center, *National Opinion on Occupations*, April, 1947. Это исследование, проведенное на общенациональной выборке и посвященное ранжированию и оценке 90 родов занятий, предоставляет ряд важных эмпирических данных. Большое значение имеет сделанное в нем открытие, что, несмотря на известную склонность людей располагать свои и родственные им профессии в ранговой иерархии выше, чем это делают другие группы, между всеми профессиональными слоями есть существенное согласие в общем ранжировании профессий. Необходимы еще исследования такого рода для выяснения культурной топографии нынешних обществ. (См. сравнительное исследование престижности основных профессий в шести индустриализованных странах: Alex Inkeles, Peter H. Rossi, «National Comparisons of Occupational Prestige», *American Journal of Sociology*, 1956, Vol. 61, p. 329—339.). — *Примеч. автора.*

¹⁸См.: Joseph D. Lohman, «The Participant Observer in Community Studies», *American Sociological Review*, 1937, Vol. 2, p. 890-898, и William F. Whyte, *Street Corner Society* (Chicago, 1943). Обратите внимание на выводы Уайта: «Человеку из Закоулка трудно взобраться на лестницу [успеха], даже на самую нижнюю ее ступень... Он итальянец, а представители высшего класса относят итальянцев к числу наименее желательных иммигрантских народов... Привлекательные вознаграждения в виде денег и собственности общество преподносит тому, кто «добился успеха». Для большинства жителей Закоулка эти вознаграждения становятся доступными лишь через успех в мире рэкета или политики» (p. 273—274). — *Примеч. автора.*

¹⁹Во множестве исследований было обнаружено, что образовательная пирамида не подпускает значительную долю бесспорно талантливых, но стесненных в средствах молодых людей к получению высшего образования. Этот факт, касающийся нашей классовой структуры, в частности, отметил с тревогой в своем правительственном докладе «Наука: бесконечный фронт» Ванневар Буш. См. также: W.L. Warner, R.J. Havighurst, M.B. Loeb, *Who Shall Be Educated?* (New York, 1944). — *Примеч. автора.*

²⁰Изменяющаяся историческая роль этой идеологии — благодатная тема для изучения. — *Примеч. автора.*

ние цели (успеха) случается относительно редко и заметно затруднено для тех, в чьем распоряжении есть только низкое образование и скудные экономические ресурсы. Господствующее в культуре давление ведет к постепенному затуханию законных, но в общем и целом неэффективных усилий и ко все большему применению незаконных, но более или менее действенных средств. К тем, кто занимает место в низинах социальной структуры, культура предъявляет несовместимые требования. С одной стороны, она призывает их ориентировать свое поведение на перспективу обретения крупного состояния («Каждый человек — король», — говорили Марден, Карнеги и Лонг), с другой стороны, в значительной степени лишает их возможности сделать это институционально. Следствием этого структурного несоответствия является высокий уровень девиантного поведения. Равновесие между предписанными культурой целями и средствами становится очень шатким по мере того, как все больше делается акцент на достижение наделенных престижем целей любыми средствами. В этом смысле фигура Аль Каноне выражает триумф аморального интеллекта над морально предписанной «неудачей» в условиях, когда закрыты или сильно сужены каналы вертикальной мобильности в обществе, которое всячески превозносит экономическое изобилие и социальное восхождение для всех его членов²¹.

Последнее уточнение имеет первостепенное значение. Из него видно, что если мы желаем понять социальные корни отклоняющегося поведения, то мы должны принять во внимание не только исключительное акцентирование денежного успеха, но и другие аспекты социальной структуры. Высокая частота девиантного поведения не порождается самим по себе отсутствием возможностей или этим возвеличиванием денежного успеха. Сравнительно жесткая модификация классовой структуры, каковой является кастовый порядок, может заходить в ограничении возможностей гораздо дальше, чем сегодняшнее американское общество. Именно когда система культурных ценностей превозносит до небес, ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, в то время как социальная структура жестко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого насе-

²¹ Роль негра в этой связи поднимает почти столь же много теоретических и практических вопросов. Сообщалось, что большие сегменты негритянского населения ассимилировали ценности денежного успеха и социального роста господствующей касты, но «реалистично приспособились» к тому «факту», что социальное восхождение в настоящее время почти целиком ограничено пределами их касты. См.: Dollard, *Caste and Class in a Southern Town*, p. 66 и далее; Donald Young, *American Minority Peoples*, P- 581; Robert A. Warner, *New Haven Negroes* (New Haven, 1940), p. 234. См. также последующее обсуждение этого вопроса в настоящей главе. — *Примеч. автора.*

ления доступ к одобряемым способам достижения этих целей, — именно тогда принимает широкие масштабы девиантное поведение. Иначе говоря, наша эгалитарная идеология косвенно отрицает существование таких индивидов и групп, которые бы не конкурировали друг с другом в погоне за денежным успехом. Более того, одна и та же совокупность символов успеха считается применимой ко всем. Считается, что цели выходят за классовые границы, не удерживаются в их пределах; и в то же время реальная социальная организация устанавливает различия в доступности этих целей для разных классов. В этой среде главная американская добродетель, «честолюбие», пестует главный американский порок, «девиантное поведение».

Этот теоретический анализ может помочь объяснить изменчивые корреляции между преступностью и бедностью²². «Бедность» — не изолированная переменная, действующая одинаково везде, где бы ее ни находили; это лишь одна из переменных, входящая в комплекс опознаваемо взаимосвязанных социальных и культурных переменных. Самой по себе бедности и сопутствующего ей ограничения возможностей еще недостаточно, чтобы вызвать явно высокую интенсивность преступного поведения. Даже пресловутая «нищета посреди изобилия» не обязательно приведет к этому результату. Но когда бедность и связанные с ней невыгодные условия соперничества за культурные ценности, одобренные *всеми* членами общества, соединяются с акцентированием культурой денежного успеха как наивысшей цели, нормальным следствием этого становится высокая интенсивность преступного поведения. Так, очень приблизительная (и не обязательно надежная) статистика преступности говорит, что в Юго-Восточной Европе бедность меньше коррелирует с преступностью, чем в Соединенных Штатах. Казалось бы, экономические жизненные шансы бедных в этом европейском регионе являются даже менее обещающими, чем в нашей стране, а стало быть, ни бедность, ни ее связь с ограниченными возможностями недостаточны для объяснения этих меняющихся корреляций. Однако когда мы рассматриваем всю конфигурацию — бедность, ограниченность возможностей и навязы-

²² Эта аналитическая схема может помочь разрешить некоторые кажущиеся противоречия в связях между преступностью и экономическим статусом, упомянутые П.А. Сорокиным. В частности, он отмечает, что «не везде и не всегда бедные демонстрируют большую долю преступлений... во многих более бедных странах преступность была ниже, чем в более богатых... Экономические улучшения второй половины XIX и начала XX в. не привели к снижению преступности». См. его *Contemporary Sociological Theories* (New York, 1928), p. 560—561. Главное, однако, в том, что низкий экономический статус играет разную динамическую роль в разных социальных и культурных структурах, о чем говорится в тексте. А потому не следует ожидать линейной зависимости между преступностью и бедностью. — *Примеч. автора.*

вание культурных целей, — появляется некоторая основа для объяснения более высокой корреляции между бедностью и преступностью в нашем обществе, нежели в других, где более жесткая классовая структура соединена с *разными для каждого класса символами успеха*.

Жертвы этого противоречия между культурным акцентированием денежных амбиций и общественным ограничением возможностей не всегда сознают структурные источники сдерживания их устремлений. Разумеется, они часто сознают расхождение между индивидуальной ценностью и общественными вознаграждениями. Но они не обязательно понимают, откуда оно берется. Те, кто находит его источник в социальной структуре, могут отчуждаться от этой структуры и становятся готовыми кандидатами на пятый тип приспособления (мятеж). Между тем другие — а их, видимо, подавляющее большинство — могут относить свои трудности на счет более мистических и менее социологических источников. Ибо, как заметил в этой связи Гилберт Мэррей, выдающийся исследователь античности и вопреки-самому-себе-социолог, «лучшая почва для суеверий — это такое общество, в котором судьбы людей кажутся практически никак не связанными с их достоинствами и усилиями. Стабильное и хорошо управляемое общество, грубо говоря, склонно гарантировать, что Добродетельный и Прилежный Ученик достигнет успеха в жизни, а Порочный и Ленивый — нет. В таком обществе люди склонны придавать особое значение цепочкам причинности, которые можно разумно помыслить или увидеть. Но в [обществе, страдающем от аномии], обычные добродетели прилежания, честности и доброты, по-видимому, приносят мало пользы»²³. И в таком обществе люди обычно находят опору в мистицизме, начинают все списывать на Судьбу, Случай, Удачу.

Действительно, и самые «преуспевшие», и самые «непреуспевшие» в нашем обществе нередко объясняют этот результат «удачей». Так, например, процветающий бизнесмен Юлиус Розенвальд заявил, что 95% крупных состояний «обязаны удаче»²⁴; а один из ведущих деловых журналов, объясняя в редакционной статье социальные преимущества, приносимые большим личным богатством, считает необходимым добавить к мудрости как фактору обогащения еще и удачу: «Когда человек благодаря мудрому вложению денег — пусть даже

²³ Gilbert Murray, *Five Stages of Greek Religion* (New York, 1925), p. 164—165. Главу профессора Мэррея об «Утрате самообладания», из которой я взял этот отрывок, можно с уверенностью причислить к лучшим образцам тонкого и проницательного социологического анализа нашего времени. — *Примеч. автора*.

²⁴ См. цитату из интервью, приводимую в книге: Gustavus Meyers, *History of the Great American Fortunes* (New York, 1937), p. 706. — *Примеч. автора*.

во многих случаях не без помощи удачи — накапливает пару-другую миллионов, он ничего у нас не отнимает»²⁵. Точно так же и рабочий часто объясняет экономический статус «случаем». «Рабочий видит вокруг себя много опытных и квалифицированных людей, оставшихся без работы. Если у него есть работа, он чувствует, что ему повезло; если нет — считает себя жертвой неудачного стечения обстоятельств. *Рабочий может не видеть почти никакой связи между заслугами и их последствиями*»^{1*}.

В той мере, в какой рабочему приходится подстраиваться под иной раз непредсказуемые решения менеджеров, его начинают терзать тревоги и страх потерять работу; и это еще одна «благодатная почва» для веры в участь, судьбу и случай. Было бы полезно выяснить, ослабевают ли эти верования, когда организации рабочих редуцируют вероятность ускользания их профессиональной судьбы из их рук.

Между тем эти ссылки на случай и удачу выполняют разные функции в зависимости от того, делаются ли они теми, кто достиг акцентуруемых культурой целей, или теми, кто их не достиг. Для первых, с психологической точки зрения, это обезоруживающее выражение скромности. Говорить, что тебе просто улыбнулась удача, не разглашая о том, что ты совершенно заслуживаешь своей счастливой доли, — нечто бесконечно далекое от всякого подобия самодовольства. С социологической точки зрения, доктрина удачи, выдвигаемая преуспевшими, выполняет двойную функцию: она объясняет частое расхождение между заслугами и вознаграждениями и в то же время делает неприкосновенной для критики социальную структуру, допускающую частое проявление этого расхождения. Ведь если успех прежде всего дело случая, если он заложен в слепой природе вещей, если он «дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»*, то, разумеется, он не подчиняется никакому контролю и будет проявлять себя в одной и той же степени, *какова бы ни была социальная структура*.

Для не достигших успеха и особенно для тех из них, чьи заслуги и усилия не были достаточно вознаграждены, доктрина удачи обслуживает психологическую функцию сохранения самоуважения перед лицом неудачи. Она может также влечь за собой и дисфункцию:

²⁵ *Nation's Business*, Vol. 27, No. 9, p. 8—9. — *Примеч. автора*.

²⁶ См.: E. W. Bakke, *The Unemployed Man* (New York, 1934), p. 14. [Курсив мой]. Бакке намекает на структурные источники веры в удачу среди рабочих: «Есть какая-то доля безнадежности в ситуации, когда человек знает, что *его везение или невезение почти им не контролируется и зависит только от счастливого случая*». [Курсив мой]. — *Примеч. автора*.

* Иоан. 3, 8. — *Примеч. пер.*

обуздание мотивации к продолжению усилий". С социологической точки зрения, как предположил Бакке²⁸, эта доктрина может отражать непонимание того, как работает социальная и экономическая система, и может быть дисфункциональной в той мере, в какой уничтожает основания бороться за структурные изменения в направлении более справедливых возможностей и вознаграждений.

Эта ориентация на шанс и риск, обостренная напряжением, связанным с крушением надежд, возможно, поможет объяснить повышенный интерес к азартным играм — институционально запрещенной или в лучшем случае допускаемой, но никак не предпочтительной и не предписываемой форме деятельности, — который свойствен некоторым социальным стратам²⁹. У тех, кто не применяет к колоссальной пропасти между заслугами, усилиями и вознаграждением доктрину удачи, может сформироваться индивидуалистическая и циничная установка по отношению к социальной структуре, ярче всего выраженная в культурном стереотипе: «Ценно не то, что ты знаешь, а то, кого ты знаешь».

В таких обществах, как наше, культура, чрезмерно акцентирующая денежный успех для всех, и социальная структура, слишком ограничивающая практическое обращение к одобренным средствам для большинства, создают тяготение к инновативным практикам, расходящимся с институциональными нормами. Однако эта форма приспособления предполагает, что индивиды не были как следует социализированы, что и позволяет им отбрасывать институциональные средства, сохраняя при этом стремление к успеху. Тех же, кто полностью интернализировал институциональные ценности, аналогичная ситуация скорее всего приводит к альтернативной реакции, когда цель отбрасывается, а конформность к нравам сохраняется. На этом типе реакции следует остановиться более подробно.

²⁷ В предельном случае она может подталкивать к отказу от притязаний и рутинизации деятельности (III тип приспособления) или к фаталистической пассивности (IV тип), на которых мы далее подробно остановимся. — *Примеч. автора.*

²⁸ Ср.: Bakke, *op. cit.*, p. 14, где высказывается предположение, что «рабочий знает о процессах, которые приводят его к успеху или лишают всякого шанса на успех, меньше, чем бизнесмены и профессионалы. А следовательно, есть еще много других то чек, в которых события кажутся происходящими по воле благоприятного или неблагоприятного случая». — *Примеч. автора.*

²⁹ Ср.: R.A. Warner, *New Haven Negroes*; и Harold F. Gosnell, *Negro Politicians* (Chicago, 1935), p. 123—125. Оба автора в этой связи упоминают о большом интересе малообразованных негров к «участию в нелегальных лотереях». — *Примеч. автора.*

III. Ритуализм

Ритуалистический тип приспособления легко поддается определению. Он предполагает отвержение или понижение завышенных культурных целей великого денежного успеха и быстрой социальной мобильности до той точки, когда эти устремления могут быть удовлетворены. Но хотя индивид отвергает культурное обязательство пытаться «обогнать весь мир», хотя он ужимает горизонты своих устремлений, он продолжает при этом едва ли не с маниакальной навязчивостью соблюдать институциональные нормы.

В вопросе о том, на самом деле ли это девиантное поведение, есть нечто от терминологической софистики. Поскольку приспособление здесь в конечном счете является внутренним решением, а внешнее поведение хотя и не предпочтительно с точки зрения культуры, но все-таки институционально дозволено, в ритуализме обычно не усматривают социальной проблемы. Близкие индивидов, выбравших этот путь приспособления, могут судить о них в рамках господствующих культурных приоритетов, «сочувствовать им» и, как было в одном случае, переживать, что «дружище Джоунси явно погряз в рутине». Описываем ли мы такое поведение как девиантное или нет, оно явно представляет собой отступление от той культурной модели, в которой людей обязывают активно стремиться — желательно пользуясь для этого институционализированными процедурами — к продвижению вперед и вверх в социальной иерархии.

Следует ожидать, что этот тип приспособления будет довольно часто происходить в обществе, где социальный статус человека во многом зависит от его достижений. Ибо, как часто отмечалось³⁰, непрерывная конкурентная борьба порождает у людей острую тревогу за свой статус. Один из способов смягчения этой тревоги — постоянное снижение человеком уровня своих притязаний. Страх порождает бездействие, или, точнее говоря, рутинизированное действие³¹.

Синдром социального ритуалиста известен и поучителен. Его скрытая жизненная философия находит выражение в ряде культурных стереотипов: «я стараюсь не выделяться», «я соблюдаю осторожность», «я довольствуюсь тем, что у меня есть», «не стремись высоко — и не будешь разочарован». Сквозной нитью через все эти установки прохожем, например: H.S. Sullivan, «Modern Conceptions of Psychiatry», *Psychiatry*, 1940, Vol. 3, p. 111-112; Margaret Mead, *And Keep Your Powder Dry* (New York, 1942), Chapter VII; Merlon, Fiske, Curtis, *Mass Persuasion*, p. 59—60. — *Примеч. автора*.

³¹ См.: P. Janet, «The Fear of Action», *Journal of Abnormal Psychology*, 1921, Vol. 16, p. 150—160, а также блистательное обсуждение вопроса, имеющее прямое отношение к рассматриваемому здесь типу приспособления, в F.L. Wells, «Social Maladjustments: Adaptive Regression», *op. cit.* — *Примеч. автора*.

дит мысль, что высокие амбиции открывают дорогу разочарованию и опасности, тогда как скромные приносят удовлетворение и уверенность. Это ответ на ситуацию, которая выглядит угрожающей и возбуждает недоверие. Такая установка неявно присутствует среди рабочих, тщательно следящих за соответствием своей производительности труда установленной норме выработки; такое поведение свойственно промышленной организации, в которой рабочие имеют повод опасаться, что если их производительность труда будет то возрастать, то падать, управляющие «поставят их на заметку» и «что-нибудь случится»³². Так ведут себя и напуганный увольнением служащий, и бюрократ, ревностно соблюдающий нормы в кассовом отделе частного банка или в дирекции государственного предприятия³³. Короче говоря, это форма приспособления, состоящая в том, что индивид пытается в *частном порядке* уйти от тех опасностей и фрустраций, которые кажутся ему неотъемлемым компонентом конкуренции за основные культурные блага, отказываясь от этих целей и тем больше привязываясь к безопасным рутинам и институциональным нормам.

Если от американцев *низшего класса* в ответ на фрустрации, вызываемые преобладающим акцентом на большие культурные цели и фактом малых социальных возможностей, следует ожидать второго типа приспособления («инновации»), то от американцев *низшего среднего класса* следует ожидать большого представительства среди тех, кто прибегает к третьему типу приспособления, «ритуализму». Ибо именно в низшем среднем классе родители обычно оказывают на детей непрерывное давление, дабы те строго следовали моральным наказам общества, тогда как вероятность того, что их социальное восхождение будет успешным, ниже, чем в высшем среднем классе. Строгое дисциплинарное принуждение к подчинению нравам снижает вероятность второго типа приспособления и повышает вероятность третьего. Суровое воспитание нагружает многих тяжелым бременем тревожности. Таким образом, образцы социализации низшего среднего класса способствуют появлению самой структуры характера, наиболее предрасположенной к ритуализму³⁴. А потому именно в этом

³² F.J. Roethlisberger, W.J. Dickson, *Management and the Worker*; Chapter 18, а также р. 531 и далее; в более общем плане см. пронизательные, как всегда, замечания Гилберта Мэррея, *op. cit.*, 138—139. — *Примеч. автора.*

³³ См. три следующие главы. — *Примеч. автора.*

³⁴ См., например: Allison Davis, John Dollard, *Children of Bondage* (Washington, 1940), Chapter 12 («Child Training and Class»); хотя речь в книге идет об образцах социализации низшего и низшего среднего классов у негров Дальнего Юга, этот материал, видимо, можно применить, с небольшими изменениями, и к белому населению тоже. Об этом см. также: M.C. Erickson, «Child-rearing and Social Status», *American Journal of Sociology*, 1946, Vol. 53, p. 190—192; Allison Davis, R.J. Havighurst, «Social Class and Color

социальном слое будет чаще всего встречаться третья форма приспособления³⁵.

Однако следует еще раз подчеркнуть, как мы уже делали в начале этой главы, что мы рассматриваем лишь *формы приспособления* к

Differences in Child-rearing», *American Sociological Review*; 1946, Vol. 11, p. 698—710: «...основное значение социального класса для исследователей индивидуального развития состоит в том, что он определяет и систематизирует разные среды обучения для детей, принадлежащих к разным классам». «Обобщая данные, представленные в таблицах, мы бы сказали, что дети из среднего класса [авторы не проводят различия между низшим средним и высшим средним слоями] раньше и более настойчиво подвергаются влияниям, которые делают ребенка дисциплинированным, добросовестным, ответственным и покорным человеком. В процессе такого воспитания дети из среднего класса, вероятно, испытывают больше страданий от фрустрации их побуждений». — *Примеч. автора.*

³⁵ Эта гипотеза еще ждет эмпирической проверки. Первые шаги в этом направлении были сделаны в экспериментах с «уровнем притязаний», в которых исследовались детерминанты формирования и изменения целей в особых экспериментально заданных видах деятельности. Остается, однако, главное препятствие, пока не преодоленное, суть которого состоит в том, как получить из лабораторной ситуации с присущей ей относительно слабой эго-вовлеченностью в выполнение случайной задачи (бумажно-карандашных головоломок, бросания колец, арифметических задач и т.д.) такие выводы, которые были бы применимы к ситуации сильных эмоциональных вложений в цели успеха в рутинных повседневной жизни. Не могли эти эксперименты с их одноразовыми групповыми формированиями воспроизвести и острые социальные давления, присущие повседневной жизни. (Какой лабораторный эксперимент воспроизведет, например, надоедливое ворчание современной Ксантиппы: «Проблема в том, что ты ни к чему не стремишься; настоящий мужчина не сидел бы дома, а пошел бы и занялся делом»?) Из исследований, имеющих определенное, хотя и ограниченное отношение к этой теме, можно выделить: R. Gould, «Some Sociological Determinants of Goal Strivings», *Journal of Social Psychology*; 1941, Vol. 13, p. 461—473; L. Festinger, «Wish, Expectation and Group Standards as Factors Influencing Level of Aspiration», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1942, Vol. 37, p. 184—200. Обзор исследований см.: Kurt Levin *et al.*, Level of Aspiration//J. McV. Hunt (ed.), *Personality and the Behavior Disorders* (New York, 1944), Vol. I, Chap. 10.

Представление об успехе как о соотношении притязания и достижения, систематически фигурирующее в экспериментах с уровнем притязаний, имеет, разумеется, давнюю историю. Гилберт Мэррей (*op. cit.*, p. 138—139) отмечает преобладание этого представления среди греческих мыслителей IV века. Карлейль в романе «*Сартор Резартус*» говорит о том, что «счастье» (удовлетворение) можно представить в виде дроби, где числителем является достижение, а знаменателем — притязание. В почти таком же смысле успех рассматривается Уильямом Джемсом (William James, *The Principles of Psychology* (New York, 1902), Vol. 1, p. 310). См. также: F.L. Wells, *Op. cit.*, p. 879; P.A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York, 1937), Vol. III, p. 161-164. Решающим является вопрос о том, можно ли подвергнуть это знакомое представление строгой экспериментальной проверке, в которой искусственная лабораторная ситуация точно воспроизвела бы характерные черты реальной жизненной ситуации, или более продуктивным методом исследования будет дисциплинированное наблюдение рутинного поведения в повседневной жизни. — *Примеч. автора.*

противоречиям в культурной и социальной структурах: типы характера, или личности, не попадают в центр нашего внимания. Индивиды, оказываясь вовлеченными в эти противоречия, могут переходить и действительно переходят от одного типа приспособления к другому. Так, легко можно представить ритуалистов, педантично следующих институциональным правилам, которые настолько пропитаны этими нормами, что станут бюрократическими виртуозами; их сверхконформность будет реакцией на чувство вины, порождаемое в них их прежним неподчинением правилам (т.е. вторым типом приспособления). А случающийся иногда переход от ритуализма к драматическим формам незаконного приспособления хорошо задокументирован в психиатрических историях болезни и часто становится темой пронизательной художественной литературы. За вспышками демонстративного неповиновения следуют продолжительные периоды сверхуступчивости³⁶. Но хотя психодинамические механизмы этого типа приспособления были довольно четко выявлены и связаны с образцами воспитания и социализации в семье, требуется еще много социологических исследований, чтобы объяснить, почему эти образцы встречаются в некоторых социальных стратах и группах пред-

36 Этот процесс впечатляюще изображен в романе Элинора Кларк: Eleanor Clark, *The Bitter Box* (New York, 1946). Можно сослаться и на исследование Эриха Фромма, не принимая, правда, при этом его понятия «спонтанности» и «свойственной человеку тенденции к саморазвитию»: Erich Fromm, *Escape from Freedom* (New York, 1941), p. 185—206 (рус. пер/. Э. Фромм. Бегство от свободы — Э. Фромм. Бегство от свободы; Человек для себя. — Минск, 1997, с. 230—256). Вот, например, явно социологическая формулировка: «До тех пор, пока мы полагаем, что... анальный характер, типичный для низшего среднего класса в Европе, обуславливается определенными ранними переживаниями, связанными с испражнением, у нас нет никаких данных, которые позволяли бы понять, почему же все-таки какому-то конкретному классу должен быть свойствен анальный социальный характер. Но если истолковать последний как одну из форм связи с другими людьми, коренящуюся в самой структуре характера и проистекающую из взаимодействия с окружающим миром, то мы получим ключ к пониманию того, почему весь жизненный уклад низшего среднего класса, его узость, замкнутость и враждебность способствуют развитию структуры характера именно этого типа» (p. 293—294). А вот пример высказывания, продиктованного вошедшим в последнее время в моду благодушным анархизмом, который мы здесь считаем сомнительным: «...существуют еще и неотъемлемые психологические качества человека, тоже нуждающиеся в удовлетворении... Самое важное среди них — это, по всей видимости, стремление к росту, к развитию и реализации тех способностей, которые сформировались у человека в ходе истории, например, способности к творческому и критическому мышлению... Кроме того, представляется, что это общее стремление к Росту, являющееся психологическим эквивалентом аналогичного биологического явления, приводит к появлению таких особых тенденций, как страстная жажда свободы и ненависть к угнетению, ибо свобода есть необходимое условие любого роста» (Р. 287—288). - *Примеч. автора.*

положительно чаще, чем в других. Наши рассуждения всего лишь дают одну из возможных аналитических схем для социологического исследования этой проблемы.

ГУ. Бегство

Если первый тип приспособления (конформность) проявляется чаще всего, то четвертый тип приспособления (отвержение культурных целей и институциональных средств) встречается, вероятно, наиболее редко. Люди, которые приспособились (или неадекватно приспособились) таким способом, строго говоря, находятся *в* обществе, но при этом *ему не принадлежат*. В социологическом смысле они поистине являются в нем чужими. Поскольку они не разделяют общую структуру ценностей, их можно отнести к числу членов *общества* (в отличие от *населения*) чисто фиктивно.

Под эту категорию подпадают некоторые виды приспособительной активности психотиков, аутистов, париев, бездомных, лиц без определенного рода занятий, праздношатающихся, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов³⁷. Они отвергли предписанные культурой цели, а их поведение не согласуется с институциональными нормами. Это не значит, что источником их способа приспособления не была в некоторых случаях сама социальная структура, которую они отвергли, равно как не означает и того, что само их существование рядом не представляет проблемы для членов общества.

Этот способ приспособления, учитывая его социально-структурные источники, должен становиться наиболее вероятным в том случае, когда индивид глубоко усвоил *и* культурные цели, *и* институциональные практики, вложил в них свои чувства, наделил их высокой ценностью, но доступные институциональные пути не принесли ему успеха. В результате возникает двойной конфликт: усвоенное моральное обязательство применять только институциональные средства вступает в конфликт с внешними давлениями, побуждающими прибегнуть к противозаконным средствам (позволяющим достичь цели), и индивид оказывается отрезанным от средств, которые одновременно законны, и эффективны. Конкурентный порядок остается, аразо-

³⁷ Конечно, это эллиптическое утверждение. Эти индивиды могут сохранять ориентацию на ценности своих группировок в рамках более широкого общества, а иногда и на ценности самого конвенционального общества. Иначе говоря, они могут переходить к другим формам приспособления. Однако бегство у них всегда можно легко обнаружить. Например, описание Нельсом Андерсоном поведения и установок бродяги можно легко перевести в термины нашей аналитической схемы. См.: Nels Anderson, *The Hobo* (Chicago, 1923), p. 93—98 и везде. — *Примеч. автора.*

чарованный и потерявший всякую надежду индивид, неспособный с ним справиться, «выбывает из борьбы». Пораженческие настроения, пассивность и смирение находят выражение в механизмах бегства, которые в конечном счете приводят индивида к «бегству» от требований общества. Стало быть, это такое средство, которое рождается из постоянных неудач в стремлении приблизиться к цели законными средствами и из неспособности прибегнуть к незаконным способам в силу интернализованных запретов; *этот процесс происходит, пока высшая ценность цели-успеха еще не отвергнута*. Конфликт разрешается устранением *обоих* досаждающих элементов: и целей, и средств. Бегство завершено, конфликт устранен, индивид исключен из общества.

В публичной и церемониальной жизни этот тип отклоняющегося поведения осуждается консервативными представителями общества наиболее сурово. В отличие от конформиста, который продолжает вращать колеса общества, «беглец» является непроизводительным балластом. В отличие от инноватора, который по крайней мере «ловок» и активно стремится к цели, «беглец» не видит никакой ценности в стремлении к успеху, столь высоко превозносимому культурой. В отличие от ритуалиста, который по крайней мере подчиняется установленным нормам, «беглецу» нет почти никакого дела до институциональных практик.

Да и само общество не принимает с легким сердцем отречение от его ценностей. Поступить так значило бы поставить эти ценности под сомнение. Тех, кто отверг стремление к успеху, общество, настаивающее на том, чтобы все его члены ориентировались на это стремление, безжалостно преследует, не оставляя их в покое даже в облюбованных ими укрытиях. Так, в самом сердце чикагской Хобогемии книжные прилавки ломаются от продукции, призванной оживить их мертвые устремления.

Книжная лавка Золотого Берега ютится в полуподвале старого жилого дома, возведенного некогда вдали от улицы и теперь зажатого между двумя деловыми кварталами. Все пространство перед ней заполнено лотками, забастовочными плакатами и постерами.

Эти постеры рекламируют книги, которые должны привлечь внимание неудачников. Один из них гласит: «...Тысячи людей ежедневно проходят мимо этого места, но большинство из них так и не достигли финансового успеха. Не более двух шагов отделяет их от оборванцев. Вместо этого им следовало бы действовать более смело и решительно, «преуспеть в игре», пока старость не наступила их и не выбросила за борт. Если хочешь избежать этой печальной участи, участи подавляющего большинства людей, заходи и купи книжку «Закон финансового успеха». Онавло-

жит несколько новых идей в твою голову и выведет тебя на прямую дорогу к успеху. Всего 35 центов».

У этих лотков всегда толпятся люди. Но книги покупают редко. Цена успеха — даже тридцать пять центов — слишком высока для бродяги³⁸.

Но если в реальной жизни такого девианта осуждают, то в жизни вымышленной он может становиться источником удовольствия. В частности, Кардинер разработал идею о том, что такого рода персонажи в современном фольклоре и популярной культуре поддерживают «крепкий моральный дух и самоуважение, предлагая зрелище человека, отвергающего текущие идеалы и выражающего презрение к ним». Прототипом такого героя в кино является, конечно, «никчемный человек» Чарли Чаплина.

Он г-н Никто и прекрасно сознает всю свою незначительность. Он неизменно становится посмешищем для сумасшедшего и приводящего в недоумение мира, в котором ему нет места и из которого он постоянно бежит в умиротворенное ничегонеделание. *Он свободен от конфликта, потому что отказался от поиска безопасности и престижа и смирился с отсутствием всякой претензии на достоинство или почести.* [Точный характеристический портрет четвертого типа приспособления.] Он всегда оказывается вовлечен в мир случайно. Там он сталкивается со злом и агрессией против слабых и беспомощных, и у него нет сил с этим бороться. Тем не менее всегда, вопреки самому себе, он становится защитником обиженных и угнетенных, однако не в силу каких-то великих организаторских способностей, а благодаря своей простой и дерзкой находчивости, с помощью которой он выискивает слабые стороны обидчика. Он всегда остается скромным, бедным и одиноким, но в то же время презрительно относящимся к этому непостижимому миру и его ценностям. Следовательно, он представляет собой типичного героя нашего времени, *раздираемого дилеммой: быть раздавленным в борьбе за достижение социально одобренных целей успеха и власти (он достигает их лишь однажды, в «Золотой лихорадке») либо покорно отдаться безысходности и уйти от них.* Никчемный человек Чаплина дает великое утешение тем, как он радуется своей способности перехитрить ополчившиеся против него злые силы, когда ему это понадобится; он доставляет каждому человеку приятное чувство, что окончательный уход от социальных целей в одиночество — *акт выбора*, а не симптом поражения. Микки-Маус — это продолжение чаплинской саги".

Четвертая форма приспособления свойственна, стало быть, социально обделенным людям, которые — несмотря на то что не полу-

³⁸ H.W. Zorbaugh, *The Gold Coast and the Slum* (Chicago, 1929), p. 108. - *Примеч. автора.*

³⁹ Abram Kardiner, *The Psychological Frontiers of Society* (New York, 1945), p. 369—370. [Курсив мой]. — *Примеч. автора.*

чили ни одного из вознаграждений, предлагаемых обществом, — в то же время почти лишены фрустраций, сопутствующих продолжающимся поискам этих вознаграждений. Более того, это скорее приватизированный, нежели коллективный способ приспособления. Хотя люди, проявляющие девиантное поведение этого типа, могут тяготеть к центрам, где они будут вступать в контакт с другими девиантами, и даже доходить до участия в субкультуре этих девиантных групп, их адаптации являются преимущественно частными и обособленными, а не объединенными под эгидой нового культурного кода. Осталось рассмотреть тип коллективного приспособления.

В. Мятёж

Этот тип приспособления выводит людей за пределы окружающей их социальной структуры и побуждает их представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов. Их начинают считать чисто произвольными; а произвольное — не то, что может требовать приверженности и обладать легитимностью, ибо оно могло бы быть и другим. В нашем обществе организованные бунтарские течения явно нацелены на введение такой социальной структуры, в которой культурные стандарты успеха были бы сильно модифицированы и обеспечивалось большее соответствие между достоинствами, усилиями и вознаграждениями.

Однако прежде чем обратиться к «мятежу» как типу приспособления, мы должны отграничить его от внешне похожего, но по существу другого типа — *ressentiment*. Это понятие, введенное в качестве специального термина Ницше, было принято и социологически разработано Максом Шелером⁴⁰. Это сложное чувство содержит три взаи-

⁴⁰ Max Scheler, *L'homme du ressentiment* (Paris, n.d.). Этот очерк впервые увидел свет в 1912 году; его переработанный и дополненный вариант вошел в *Abhandlungen und Aufsätze* Шелера, а впоследствии появился в его *Vom Umsturz der Werte* (1919). Французский перевод был выполнен с последнего текста. Этот очерк оказал значительное влияние на разные интеллектуальные круги. Превосходное и сбалансированное обсуждение шелеровского очерка, в котором отмечаются некоторая его ограниченность и предвзятость, ряд его аспектов, предвосхитивших концепции нацизма, его антидемократическая ориентация и вместе с тем его порою блестящая проницательность, см. в статье: V.J. McGill, «Scheler's Theory of Sympathy and Love», *Philosophy and Phenomenological Research*, 1942, Vol. 2, p. 273—291. Еще один критический обзор, в котором справедливо подвергается критике идея Шелера о том, что социальная

мосьвязанных элемента: во-первых, смутное чувство ненависти, зависти и враждебности; во-вторых, ощущение собственного бессилия активно выразить эти чувства против лица или социального слоя, которые их возбуждают; и в-третьих, постоянно возвращающееся переживание этой немошной враждебности⁴¹. Решающее отличие *ressentiment* от мятежа состоит в том, что первый не предполагает подлинного изменения в ценностях. *Ressentiment* заключает в себе образец притворного пренебрежения к недоступному, утверждающий единственно то, что желаемые, но недостижимые цели на самом деле не представляют собой сколь-нибудь важных ценностей: в конце концов, лиса в винограднике не говорит, что она отказывается от всякого пристрастия к сладкому винограду; она только говорит, что вот эти гроздья несладкие. Мятеж, в свою очередь, заключает в себе подлинную переоценку всех ценностей, когда прямое или косвенное переживание фрустрации приводит к полному обличению того, что прежде высоко ценилось: взбунтовавшаяся лиса просто отказывается от всеобщего пристрастия к сладкому винограду. В случае *ressentiment*'а человек осуждает то, чего втайне желает; в случае мятежа он осуждает само желание. Однако, несмотря на различие этих двух явлений, организованный мятеж может находить опору в огромном резервуаре обиды и недовольства, когда до предела обостряются институциональные деформации.

Когда институциональная система расценивается как препятствие для удовлетворения узаконенных целевых устремлений, расчищается площадка для мятежа как приспособительной реакции. Чтобы эта реакция переросла в организованное политическое действие, приверженность должна быть не только отделена от существующей социальной структуры, но и перенесена на новые группы, одержимые новым мифом⁴². Миф выполняет двойную функцию: он обнаруживает источник широкомасштабных фрустраций в социальной структуре и изображает альтернативную структуру, которая, предположительно, не будет приносить разочарование достойным. Это хартия действия. В этом контексте становятся еще более ясными функции контрмифа консерваторов, кратко описанные ранее в этой главе: каков бы ни был

структура играет только второстепенную роль в детерминации *ressentiment*'а, см. в книге: Svend Ranulf, *Moral Indignation and Middle-Class Psychology: A Sociological Study* (Copenhagen, 1938), p. 199—204. — *Примеч. автора.*

⁴¹ См.: Scheler, *op. cit.*, p. 55—56. В английском языке нет слова, которое бы полностью передавало весь комплекс смысловых элементов, содержащихся в слове *ressentiment*; его ближайшим аналогом в немецком языке будет, видимо, слово *Groll*. — *Примеч. автора.*

⁴² См.: George S. Pettee, *The Process of Revolution* (New York, 1938), p. 8—24, в особенности его трактовку «монополии воображения». — *Примеч. автора.*

источник массового разочарования, его не следует искать в базисной структуре общества. Консервативный миф может, таким образом, уверять, что эти разочарования заключены в самой природе вещей и присущи *любой* социальной системе: «Периодические всплески безработицы и спады деловой активности нельзя отменить законодательным актом; ведь и человек сегодня может быть здоров, а завтра болен»⁴³. Или если уж не применяется доктрина неизбежности, то пускается в ход доктрина постепенного улучшения: «Еще немного, и все у нас будет в полном порядке». Или идет в ход доктрина, отводящая враждебные чувства от социальной структуры и переводящая их на индивида, который стал «неудачником», потому что «каждый человек в этой стране реально получает то, что ему причитается».

И миф мятежа, и миф консерватизма стремятся «монополизировать воображение», пытаясь так определить ситуацию, чтобы либо подтолкнуть недовольных к пятому типу приспособления, либо, наоборот, отвадить от него. Из всех мятежников объектом наибольшей ненависти становится прежде всего ренегат, который, достигнув успеха, отвергает господствующие ценности. Ведь он не только ставит под сомнение ценности, как это делает они-группа, но и становится знаком того, что единство группы разрушено⁴⁴. Тем не менее, как уже не раз отмечалось, обычно именно члены восходящего класса (а не наиболее угнетенных слоев) организуют обиженных и мятежных в революционную группу.

Предрасположение к аномии

Рассмотренная нами социальная структура предрасполагает к аномии и девиантному поведению. Давление такого социального порядка внушает индивиду: превзойди своих конкурентов! Пока чувства, поддерживающие эту состязательную систему, распределены по всему спектру деятельности и не ограничиваются одним только конечным достижением «успеха», выбор средств будет в значительной степени оставаться под институциональным контролем. Но когда культурный акцент переносится с удовлетворений, вытекающих из самого процесса конкуренции, на едва ли не исключительное внимание к его результатам, возникает напряжение, ведущее к крушению регулиру-

⁴³ R.S. and H.M. Lynd, *Middletown in Transition* (New York, 1937), p. 408; в книге можно ознакомиться с рядом культурных стереотипов, используемых в консервативном мифе. — *Примеч. автора.*

⁴⁴ См. тонкие наблюдения Георга Зиммеля: Georg Simmel, *Soziologie* (Leipzig, 1908), S. 276—277. — *Примеч. автора.*

ющей структуры. С ослаблением институциональных механизмов контроля возникает ситуация, очень близкая к той, которую философы-утилитаристы ошибочно считали типичной для общества: ситуация, когда калькуляция личной выгоды и страх наказания становятся единственными регулирующими факторами.

Предрасположение к аномии распределено в обществе неравномерно. В ходе нашего анализа мы уже предположили, что некоторые социальные страты наиболее уязвимы для давлений, подталкивающих к девиантному поведению, и выявили ряд механизмов, ответственных за возникновение этих давлений. Ради упрощения задачи мы взяли в качестве главной культурной цели денежный успех, хотя на складе общих ценностей можно, конечно, найти и альтернативные цели. Миры интеллектуальных и художественных достижений предоставляют, например, иные образцы карьеры, не связанные с крупными денежными вознаграждениями. В той мере, в какой культурная структура наделяет престижем эти альтернативы, а социальная структура дает к ним доступ, система несколько стабилизируется. У потенциальных девиантов остается возможность подчиниться ей в рамках этих запасных наборов ценностей.

Однако главные предрасположения к аномии сохраняются, и именно на них предложенная здесь аналитическая схема обращает особое внимание.

Роль семьи

В заключение следует собрать воедино разбросанные выше идеи, касающиеся той роли, которую играет в формировании этих образцов девиантного поведения семья.

Семья, безусловно, является главным ремнем передачи культурных стандартов грядущему поколению. Но чего до самого последнего времени не замечали, так это того, что семья передает детям главным образом ту часть культуры, которая доступна социальной страте или группам, в которых оказались родители. Следовательно, она является механизмом воспитания ребенка в рамках культурных целей и нравов, характерных для этого узкого круга групп. Однако социализация не ограничивается непосредственным обучением и воспитанием. Этот процесс, по крайней мере отчасти, протекает непреднамеренно. Помимо непосредственных наставлений, вознаграждений и наказаний, на ребенка оказывают воздействие социальные прототипы, которые он видит в повседневном поведении и случайных разговорах родите-

лей. Нередко *дети замечают и усваивают культурные единообразия даже тогда, когда те остаются неявными и не сведенными к правилам.*

Языковые образцы дают наиболее впечатляющее — и прямо-таки бросающееся в глаза в психологических наблюдениях — свидетельство того, что дети в процессе социализации улавливают единообразия, которые не были явно сформулированы для них старшими или сверстниками и в которых они сами не отдают себе отчет. Наиболее показательны устойчивые языковые ошибки у детей. Так, ребенок будет самопроизвольно употреблять такие слова, как «mouses» или «moneys», *даже если он никогда их раньше не слышал и никто не учил его «правилу образования множественного числа».* Или будет создавать такие слова, как «failed», «gunned», «singed», «hitted», хотя в возрасте трех лет никто не учил его «правилам» спряжения глаголов. Или будет говорить, что отобранный им лакомый кусочек «лучшее» [gooder], чем другой, или — следуя далее по логике — описывать его как «лучший» [goodest] из всех. Он явно уловил скрытые парадигмы выражения множественности, спряжения глаголов и образования степеней сравнения прилагательных. Об этом свидетельствует сама природа его ошибок и неправильного применения парадигмы⁴⁵.

Из этого можно сделать предварительный вывод, что он не только впитывает явную культурную ориентацию своих родителей, выражающуюся в бесконечном потоке приказаний, объяснений и поучений, но и деятельно вовлекается в *поиск и усвоение неявных парадигм культурного оценивания, категоризации людей и вещей и иерархизации достойных уважения целей.* По всей видимости, важные исследования процессов социализации, проводимые глубинной психологией, нужно дополнить прямым наблюдением диффузии культуры внутри семьи. Вполне может оказаться, что ребенок сохраняет неявную парадигму культурных ценностей, выявленную им в повседневном поведении его родителей, даже в том случае, когда она входит в конфликт с их явными советами и наставлениями.

Проекциродительских амбиций на ребенка тоже имеет самое прямое отношение к предмету нашего обсуждения. Как хорошо известно, многие родители, столкнувшись с личной «неудачей» или недостаточным «успехом», могут утаивать свой изначальный целевой акцент и откладывать дальнейшие попытки добраться до цели, рассчитывая достичь ее косвенным образом с помощью своих детей. «Влияние может осуществляться через мать или отца. Часто они надеются, что ребе-

⁴⁵ W. Stern, *Psychology of Early Childhood* (New York, 1924), p. 166; в книге отмечается *факт* таких ошибок (например, употребления «drinked» вместо «drank»), но не делается никаких выводов относительно выявления скрытых парадигм. — *Примеч. автора.*

нок достигнет тех высот, которых не смогли достичь они»⁴⁶. В недавнем исследовании социальной организации жилых микрорайонов мы обнаружили, что значительная часть представителей низших профессиональных уровней (и среди негров, и среди белых) надеются на то, что их дети сделают профессиональную карьеру⁴⁷. В случае, если это открытие подтвердится дальнейшими исследованиями, оно будет иметь важное значение для рассматриваемой здесь проблемы. Ведь если компенсаторная проекция родительских устремлений на детей вещь широко распространенная, то именно эти родители, наименее способные обеспечить своим детям свободный доступ к возможностям, именно эти «неудачники» и «разочарованные», будут оказывать на своих детей колоссальное давление, зовущее к высоким достижениям. И этот синдром высоких устремлений и ограниченных реальных возможностей, как мы увидели, является тем самым образцом (pattern), который открывает дорогу девиантному поведению. Это ясно говорит о необходимости исследований, посвященных формированию профессиональных целей в разных социальных стратах, без которых мы не сможем понять (в рамках нашей аналитической схемы) непреднамеренную роль семейного воспитания в производстве девиантного поведения.

Заключительные замечания

Следует ясно понять, что приведенные выше рассуждения находятся вовсе не в моралистической плоскости. Какие бы чувства ни возникали у читателя в отношении моральной желательности согласования аспектов социальной структуры, связанных с целями и средствами, очевидно, что несовершенное их согласование ведет к аномии. Одна из наиболее общих функций социальной структуры состоит в том, чтобы закладывать основу предсказуемости и постоянства социального поведения; и ее эффективность все более и более снижается по мере диссоциации этих элементов социальной структуры. В предельном случае предсказуемость снижается до минимума, и возникает то, что можно с полным правом назвать аномией, или культурным хаосом.

Этот очерк о структурных источниках девиантного поведения остается не более чем прелюдией. В нем нет подробного рассмотрения структурных элементов, предрасполагающих индивидов, живущих в

⁴⁶ H.A. Murray et al., *Explorations in Personality*, p. 307. — *Примеч. автора.* ⁴⁷ Данные взяты из исследования социальной организации плановых сообществ: R.K. Merton, Patricia S. West, M. Jahoda, *Patterns of Social Life*. — *Примеч. автора.*

обществе с плохо уравновешенной социальной структурой, к той или иной из альтернативных реакций; мы оставили без внимания социально-психологические процессы, определяющие конкретные масштабы этих реакций (не отвергая при этом их релевантность); лишь очень коротко были затронуты социальные функции, выполняемые девиантным поведением; объяснительная сила предложенной аналитической схемы не была подвергнута полной эмпирической проверке путем определения группы вариаций в отклоняющемся и конформистском поведении; мы лишь походя коснулись мятежного поведения, направленного на переустройство всего социального каркаса.

Надеемся, что предложенная схема окажется полезной в анализе этих и связанных с ними проблем.

VII. СВЯЗИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И АНОМИИ

В последние годы появилась многочисленная социологическая литература, которая затрагивает тот или иной аспект аномии. В связи с этим возникает расширенный базис для уточнения и развертывания формулировок, подробно изложенных в предыдущей главе. В самом деле, интерес к понятию «аномия» возрос достаточно остро, и это послужило (почти неизбежно) его вульгаризации при проникновении во все более широкие социальные круги. Как один из примеров вульгаризации, можно рассматривать случай с еженедельником, который ухватился за объективное и тщательное исследование Герхарта Нимейера о социальных последствиях аномии и немедленно опубликовал обзор «читательских откликов», начиная с таких просторечных и навязчивых выражений: «Дружище, это именно то, что я называю острой аномией, — присвистнул в знак одобрения Бликер Тоттен, один из 225 студентов Оглеторпского университета»¹. Менее «свистящие», но более поучительные теоретические, содержательные и процедурные исследования аномии будут рассмотрены сейчас.

Расширенное понятие аномии

Понятие аномии, как с самого начала показал Дюркгейм, относится к состоянию относительного отсутствия норм в обществе или группе. Дюркгейм точно определил, что это понятие относится к качествам социальной или культурной структуры, а не к качествам людей, противостоящих этой структуре. Тем не менее стало очевидно, что при использовании данного понятия для понимания различных форм девиантного поведения оно было расширено скорее по отношению к состоянию людей, чем к их окружению.

Это психологическое понятие аномии было одновременно сформулировано Р. МакИвером и Дэвидом Рисманом. Поскольку их фор-

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

¹ *Pathfinder*, May 17, 1950, 55. — *Примеч. автора.*

мулировки в основном похожи, все, что может быть сказано об одном, можно сказать об обоих.

Аному, — МакИвер воскрешает относящееся к шестнадцатому веку и давно вышедшее из употребления написание слова, — означает *состояние ума* человека, у которого подорваны корни его морали, у которого нет больше каких-либо норм, но только несвязные побуждения, у которого нет больше каких-либо представлений о целостности, о народе, о долге. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой, не отвечающим ни перед кем. Он издевается над ценностями других людей. Его единственная вера — философия отрицания. Он живет тонкой линией чувств, пролегающей вне будущего и вне прошлого». И еще: «Аномия является *состоянием ума*, в котором человеческое восприятие социальной сплоченности — движущая пружина его морального состояния — разрушено или фатально ослаблено².

Как было отмечено, «подход МакИвера является, таким образом, психологическим (то есть аномия для него состояние *ума*, а не состояние общества, хотя состояние ума может отражать социальное напряжение), и психологические разновидности [аномии] соответствуют элементам (тревога — изоляция — бесцельность), которые формируют субъективный аспект понятия у Дюркгейма»³. Нет сомнений, что психологическое понятие аномии имеет определенное значение, что оно относится к идентифицируемому «состоянию ума» отдельного человека, как подробное описание психического состояния. Но, несмотря на это, психологическое понятие аномии является составной частью социологического понятия аномии, а не заменителем для него.

Как было показано на предшествующих страницах, социологическое понятие аномии предполагает, что полезно рассмотреть характерное для людей окружение как включающее, с одной стороны, культурную структуру, а с другой стороны, социальную структуру. Допускается, что как бы ни были эти структуры тесно связаны в действительности, в целях анализа их необходимо рассмотреть отдельно, а

² R.M. MacIver, *The Rampart We Guard* (New York: The Macmillan Company, 1950), 84, 85, и полностью глава 10; [курсив мой] (*прим. автора*). Сравнить с независимо осмысленным, но эквивалентным описанием «анемического» Дэвида Рисмана в соавторстве с Р. Денни и Натаном Глазер, *The Lonely Crowd* (New York: Yale University Press, 1950), с 287 и следующие. — *Примеч. автора*.

³ R.H. Brookes, «The anatomy of anomie», *Political Science*, 1951, 3, 44—51; 1952, 4, 38—49, — обзорная статья, рассматривающая современное расширение понятия аномии. Связь понятия аномии с понятием Адлера «недостаток социального интереса» см. в заметках H.L. Ansbacher, *Individual Psychology New Letter: Organ of the International Association of Individual Psychology* (London, June — July, 1956). — *Примеч. автора*.

затем опять вместе. В связи с этим культурная структура может быть определена как то, что формирует ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов определенного общества или группы. А к социальной структуре относится то, что формирует ряд социальных отношений, в которые члены общества или группы различным образом включены. Следовательно, anomia рассматривается как распад в культурной структуре, происходящий в особенности тогда, когда существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры. Согласно этой концепции культурные ценности могут способствовать возникновению поведения, которое не соответствует направленности самих ценностей.

С этой точки зрения, социальная структура фильтрует культурные ценности, в соответствии с которыми совершаются поступки, легко возможные для людей, имеющих определенный статус в обществе, и трудные или невозможные для других. Социальная структура действует как барьер или как открытая дверь для поступков, исходящих из культурных установок. Когда культурная и социальная структура недостаточно интегрированы и в первой содержатся требования к поведению, которым препятствует вторая, возникает стремление к нарушению норм, к их отсутствию. Конечно, из этого не следует, что это единственный процесс, создающий социальные условия для anomia; развитие теории и исследований направлено на поиск других типичных причин острой anomia.

Предпринималась попытка усмотреть различие между психологическим и социологическим понятием anomia в различиях между «простой» и «острой» anomia⁴. Простая anomia относится к состоянию нарушения порядка в группе или обществе, в которых между системами ценностей происходят конфликты, проявляющиеся в некоторой степени беспокойства и ощущении разобщенности с группой. Острая anomia относится к девальвации и в крайнем случае к дезинтеграции системы ценностей, которая проявляется в значительной тревоге. Подобное разделение понятий (сформулированное неоднократно, но которым иногда пренебрегают) основано на том, что anomia, как и другие условия общественной жизни, различается по степени и, вероятно, по роду.

В предшествующей главе мы идентифицировали некоторые из процессов, ведущих к anomia, и подробно изложили типологию адаптивных реакций на это состояние и на структурные воздействия, от-

⁴ Sebastian De Grazia, *The Political Community* (University of Chicago Press, 1948), 72—74, *passim*; cf. Brookes, *op. cit.*, 46. — Примеч. автора.

ветственные за большую или меньшую частоту каждой из этих реакций среди различных слоев классовой структуры. Согласно нашей основополагающей предпосылке, общественные классы не только различным образом подвержены аномии, но и различным образом подвержены тому или иному типу реакции на нее. Толкотт Парсонс рассмотрел эту типологию и вывел ее в мотивационных терминах из своей концептуальной схемы социального взаимодействия⁵. Этот анализ исходит из допущения, что ни склонность к девиантному поведению, ни склонность к сохранению равновесия в социальной интерактивной системе не могут развиваться хаотически; напротив, они формируются в более или менее ограниченном числе идентифицируемых направлений. Можно сказать, что девиантное поведение имеет собственные образцы.

По словам Парсонса и Бэлса, «мы рассмотрели девиацию, включающую четыре основных направления, соответствующих, с одной стороны, потребности либо выразить отчуждение от нормативной структуры (включая отказ от привязанности к другому человеку как к цели), либо сохранить вынужденную конформность с нормативным образцом и привязанностью к другому, а с другой стороны, в соответствии с пассивным или активным характером поведения. Таким образом, мы получаем четыре разных вида направленности девиантного поведения: агрессия и бегство в качестве отчуждения и вынужденное действие и вынужденное одобрение в качестве вынужденной конформности. Кроме этого, мы показали, что данная парадигма, независимо выведенная, существенно сходна с парадигмой, ранее предложенной Мертоном для анализа социальной структуры и аномии»⁶.

Заметим, что это первое расширение типологии реакций продолжает рассматривать *обе* структуры — и культурную («нормативный образец»), и социальную (структурированная привязанность к другим людям или отчуждение от них). Тем не менее характеристика типов реакций дана с точки зрения их пассивного или активного характера. Это означает, что девиантное поведение может включать либо активное «распоряжение ситуацией», направленное на больший контроль над ситуацией, чем требуют [институционализированные] ожидания, или пассивный «отказ от необходимой степени активного контроля», которую требуют эти ожидания. Типы девиантного поведения могут быть далее подразделены благодаря различию между случаями, в которых первичной является либо напряженность в соци-

⁵ Parsons, *The Social System*, 256-267, 321—325; Talcott Parsons, Robert F. Bales and Edward A. Shils, *Working Papers in the Theory of Action* (Glencoe: The Free Press, 1953), 67—78. — *Примеч. автора.*

⁶ Parsons et al., *Working Papers*, 68. — *Примеч. автора.*

альных отношениях, либо в культурных нормах, по отношению к которым ожидается конформность⁷. Конкретные проявления реакций на аномическое напряжение (преступность, злодеяние и суицид) и концептуально опосредованные типы реакций (инновация, ритуализм, бегство и мятеж), таким образом, становятся классифицированными как результаты определенных абстрактных качеств интерактивной системы, идентифицированной Парсонсом. Созданная не так давно, эта более сложная классификация типов девиантного поведения уже была широко использована в эмпирических исследованиях.

Показатели аномии

Подобно многим из нас, кто стремится быстро обойти и исследовать эту чрезмерно широкую область, а следовательно, не обращать внимание на частности, Дюркгейм не дал эксплицитного и методичного руководства по различным признакам аномии, а также по приметам отсутствия норм и нарушений в социальных взаимоотношениях. Однако очевидно, что какие-то показатели должны быть разработаны, если понятие аномии должно использоваться в эмпирических исследованиях.

Шаг в этом направлении сделал Лео Сроул в разработке предварительной «шкалы аномии»⁸. С одной стороны, шкала включает пункты, относящиеся к человеческому представлению о социальном окружении, а с другой стороны, к человеческому представлению о своем собственном месте среди этого окружения. Точнее, пять пунктов, входящих в эту предварительную шкалу, включают (1) представление, что общественные лидеры безразличны к нуждам людей; (2) представление, что немногое может быть совершенно в обществе, которое выглядит в основном непредсказуемым и беспорядочным; (3) представление, что жизненные цели скорее уходят в прошлое, чем реализуются; (4) чувство тщетности и (5) убеждение, что человек не может рассчитывать на своих коллег для социальной и психологической поддержки⁹. Какуюточня-

⁷ Ibid, с. 74. — *Примеч. автора.*

⁸ В статье «Социальная дисфункция, личность и установка на социальную дистанцию» (прочитана перед Американским социологическим обществом в 1951 году), а также в расширенном, но еще не опубликованном варианте, названном «Социальная интеграция и определенные последствия». — *Примеч. автора.*

*> Особая формулировка этого вопроса дана Alan H. Roberts and Milton Rokeach, «Anomie, authoritarianism, and prejudice: a replication», *American Journal of Sociology*, 1956, 61. 355—358, в заметке 14. В опубликованном комментарии на эту статью Сроул сомневается, что его исследования на самом деле получили возражение. Там же, 1956,

62. 63—67. — *Примеч. автора.*

ет Сроул, эта попытка создать шкалу аномии имеет определенную ограниченность и некоторую неполноценность, но здесь заложено начало стандартизации измерений аномии, как ее воспринимают и испытывают люди в группе и обществе.

Данную шкалу можно принять для измерения аномии как субъективно испытываемой; очевидно, необходимо новое измерение аномии как объективного состояния в жизни группы. Бернард Лэндер сделал симптоматичное продвижение к последнему типу измерений¹⁰. Используя факторный анализ восьми качеств из материалов переписи в американском городе, он идентифицировал две группы переменных, одну из которых он определил как «анемический фактор». Он имел в виду, что эта группа переменных (высокий рост преступности, большой процент не-белых резидентов в районе и небольшой процент собственников жилья) выглядит, в сущности, как характеристика района относительной безнормности и нестабильности. Лэндер первый признал, что данная специфическая группа переменных может измерить фактор аномии в лучшем случае только очень огрубленно. Ее несомненная ограниченность возникает из обстоятельства, с которым регулярно сталкиваются социологи, разрабатывая системы измерений теоретических понятий с помощью привлечения множества социальных данных, которые случайно оказались зафиксированными в статистических выпусках, изданных общественными организациями, а если точнее, из обстоятельства, что эти данные социальных отчетов, которые случайно оказались в их распоряжении, не являются теми необходимыми данными, которые наилучшим образом измеряют понятие. Именно поэтому я назвал оригинальную попытку Лэндера скорее «симптоматическим», чем принципиальным успехом. Простое наличие официальной статистики заставило Дюркгейма использовать такие приблизительные, косвенные и всего лишь предварительные измерения аномии, как профессиональный статус и семейную дезинтеграцию (расторжение брака). И такая же случайность, что отчеты по переписи в Балтиморе (включающие данные о преступности, расовом составе, собственности на жилье) заставили Лэндера использовать эти приблизительные, косвенные и всего лишь предварительные измерения аномии. Прагматические исследования такого рода, конечно, не являются подходящей альтернативой теоретически определяемым признакам понятия. Перемена места жительства может быть косвенным измерением степени нарушения установив-

¹⁰ *Towards an Understanding of Juvenile Delinquency* (New York: Columbia University Press, 1954), esp. Chapters V-VI. См. также полезную обзорную статью, основанную на этой книге: Ernest Greenwood, «New directions in delinquency research», *The Social Service Review*, 1956, 30, 147—157. — Примеч. автора.

шихся социальных взаимоотношений. Но очевидно, что существенное усовершенствование измерений связано с получением данных непосредственно о размерах нарушенных социальных взаимоотношений. Так же и с другими объективными компонентами аномии, связанными с нарушениями как в нормах, так и в отношениях. Речь идет не просто о недоступном совершенстве. Мы считаем совершенно очевидным, что в дальнейшем должны быть усовершенствованы и шкала субъективных аспектов аномии, и шкала объективных аспектов. Применение доступных социально-статистических данных является только навязанным практикой временным заменителем.

Из представления о субъективных и объективных признаках аномии возникает новая потребность *рассматривать одновременно* эти два типа компонентов в исследовании причин и последствий аномии. Конкретнее это означает, что можно было бы систематически сравнивать поведение «аномических» и «эуномических»*/людей, входящих в группу с определенной степенью объективной аномии, с поведением людей того же самого типа, принадлежащих к группе с иной степенью аномии. Исследования такого рода, очевидно, представляют следующий шаг в изучении аномии".

Таким образом, современные теоретические и процедурные исследования несколько уточнили понятие аномии и начали моделировать методы, необходимые для его систематического изучения. Недавно появились содержательные исследования, непосредственно связанные той или другой частью со структурным и функциональным анализом аномии (о чем шла речь в предшествующей главе).

Тема успеха в американской культуре

Напомним, что мы рассматривали акцентирование денежного успеха как *одну* из доминантных тем в американской культуре и выявили напряжение, которое данная тема навязывает людям, имеющим разное положение в данной структуре. Конечно, мы не утверждали (как указывали неоднократно), что разобщение между культурными целями и институционально узаконенными средствами возникает только из *данного* крайнего акцентирования цели. Согласно теории, *любое* чрезмерное акцентирование достижения (будь то научная про-

* eunomic — от eunomy (эуномическое правление) — правление, основанное на началах законности и справедливости. — *Примеч. пер.*

"Общая логика такого рода анализа в разделе о «статистических показателях социальной структуры» этой книги, а также см. Paul F. Lazarsfeld and Morris Rosenberg, *The Language of social Research* (Glencoe: The Free Press, 1955). — *Примеч. автора.*

дуктивность, накопление личного богатства, а при некотором воображении — победы Дон Жуана) будет ослаблять конформность по отношению к социальным нормам, контролирующим поведение, когда оно предназначено для достижения особых форм «успеха», особенно среди тех, кто находится в неблагоприятном социальном положении в борьбе за успех. Именно этот конфликт между культурными целями (каков бы ни был характер целей) и невозможность использовать институциональные средства создают напряженность, ведущую к аномии¹².

Цель денежного успеха была избрана для иллюстративного анализа на основе допущения, что она особенно глубоко укоренилась в американской культуре. Это широко известное допущение получило новое подтверждение во множестве исследований по истории и исторической социологии в последнее время. Ирвин Гордон Вилли (в своей подробной монографии об американской доктрине экономического успеха с помощью «самоусовершенствования») показал, что хотя «успех» был по-разному определен в американской культуре (и различным образом среди разных социальных слоев), но другие определения «не получили такого всеобщего признания в Америке, как отождествление успеха с приобретением денег»¹³.

Этот сильный акцент на финансовом успехе не является, конечно, особенностью американцев. Давние аналитические наблюдения Макса Вебера до сих пор во многом уместны: «Стремление к приобретению, погоня за прибылью, деньгами, желание иметь как можно больше денег сами по себе не имеют ничего общего с капитализмом [а в настоящем случае — с особенностями американской культуры]. Это стремление существует и существовало среди официантов, врачей, кучеров, артистов, проституток, недобросовестных чиновников, солдат, аристократов, общественных деятелей, игроков и нищих. Можно сказать, что оно было общим для людей всех групп и положений во все времена и во всех странах мира, где существовали или существуют объективные возможности для этого»¹⁴.

Но что определенным образом отличает американскую культуру в этом отношении и что мы считали важным проанализировать в этой связи в предшествующей главе — так это то, что наше «общество оказывает наибольший почет экономическому богатству и социальному восхождению любого своего члена». «Учебнику успеха» конца XIX века

¹² W.J.H. Sprott выразил это с завидной точностью в лекциях, прочитанных в Бирмингемском университете. *Science and Social Action* (London: Watts & Co., 1954), 113. — *Примеч. автора*.

¹³ Irvin Gordon Wyllie, *The Self-Made Man in America* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1954), 3–4 и далее. — *Примеч. автора*.

¹⁴ Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (New York: Charles Scribner's Sons, 1930), 17. — *Примеч. автора*.

замечательно изображает это культурное убеждение: «Дорога к счастью, как обществе иная магистраль, открыта как для детей нищих, так и для потомков королей. Все платят налоги, все имеют права, и нам остается только извлечь из этого пользу для себя»¹⁵. Особый характер этой культурной доктрины состоит из двух частей: во-первых, борьба за успех не связана с вопросом о том, что у людей *есть* приобретаемые побуждения, уходящие корнями в человеческую природу, но является социально определяемым ожиданием, и во-вторых, эти образцы ожиданий рассматриваются как подходящие для каждого, независимо от его первоначального жребия или места в жизни. Конечно, в реальности нет необходимости в идентичных стандартах достижений для каждого человека в обществе; характер и границы этого продвижения по экономической лестнице могут быть определены поразному в отдельных социальных слоях. Но преобладающие культурные ориентации придают большое значение этой форме успеха и считают приемлемым, что все должны бороться за него. (Как мы вскоре увидим, от этого далеко до эмпирического утверждения, что определенная часть людей во всех социальных слоях действительно принимает этот акцент в культуре и ассимилировала его в своих личностных ценностных структурах.) Единственное, чему внимают американцы в проповедях и в прессе, в романах и в кино, в курсе формального образования и в ходе неформальной социализации, в различных официальных и личных сообщениях, — большее или меньшее акцентирование моральной обязанности (а также фактической возможности) бороться за денежный успех и достичь его.

Как показал Вилли, эту тему настойчиво пропагандируют вдохновенные лекторы в лекториях, коммерческие библиотечные ассоциации, колледжи бизнеса и огромное число учебников успеха (123 ff.). В доказательство он приводит анализ содержания ряда повсеместно читаемых романов, бесконечно переиздаваемых учебников, используемых в средней школе по всей стране, а также неоднократно подтверждающих данные ценности некрологов некоторых наиболее известных бизнесменов Америки. Кеннет Линн проследил распространенную тему «быстрого обогащения» в романах Теодора Драйзера, Джека Лондона, Дэвида Грэхема Филипса, Фрэнка Норриса и Роберта Геррика. Ричард Мозер¹⁶ продемонстрировал неизменное присутствие

¹⁵A.C. McCurdy, *Win Who Will* (Philadelphia, 1872), 19, as cited by Wyllie, *op. cit.*, 22. — *Примеч. автора.*

¹⁶Kenneth S. Lynn, *The Dream of Success* (Boston: Little Brown, 1955); Ricard D. Mosier, *Making the American Mind* (New York: King's Crown Press, 1947). См. также Marshall W. Fishwick, *American Heroes: Myth and Reality* (Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1954). — *Примеч. автора.*

той же самой темы в очевидно неисчерпаемой серии хрестоматий Мак-Гаффи. А в «Репутации американского бизнесмена»¹⁷ Зигмунд Даймонд анализирует большое число некрологов, этих хранилищ морального чувства, опубликованных после смерти Стефана Джирарда, Джона Якоба Астора, Корнелиуса Вандербильда, Дж. Моргана, Джона Рокфеллера, Генри Форда, и выявляет их основную мысль: пока человек «обладает необходимыми качествами, успех будет принадлежать ему в любое время, в любом месте, при любых обстоятельствах».

Данная тема культуры не только предполагает, что денежный успех возможен для всех независимо от общественного положения и что борьба за успех является долгом каждого, но иногда считает, что видимые недостатки бедности являются в действительности преимуществами. По словам Генри Уорда Бичера, именно «жесткий, но добрый дух Бедности говорит им «Работай!» и с помощью труда делает их людьми»¹⁸.

Естественно, так возникает сопутствующая тема, что успех или поражение целиком являются результатом личных качеств: тот, кто совершил ошибку, должен упрекать только себя самого, так как в соответствии с понятием о человеке, «сделавшем себя», он является человеком, «себя не сделавшим». В той степени, в которой это культурное определение ассимилировали те, кто не добился успеха, неудача представляет двойное поражение: очевидное поражение отставшего в погоне за успехом и подразумеваемое поражение — отсутствие способностей и моральной стойкости, необходимых для успеха. Независимо от объективной истины или ложности этой доктрины в любом частном случае, важно то, что ее нелегко исследовать: распространенное определение требует духовной дани от тех, кому она не по силам. В значительной части случаев именно таков культурный фон, когда угроза поражения побуждает людей использовать такую тактику, которая сулит «успех» вне закона и морали.

Следовательно, моральный мандат на достижение успеха оказывает воздействие, заставляя преуспеть с помощью честных средств, если возможно, и с помощью грязных, если необходимо. Моральные нормы, конечно, продолжают повторять правила игры и призывать к честной игре, в то время когда поведение отклоняется от нормы. Иногда тем не менее даже руководства по достижению успеха настоятельно советуют людям «прийти и победить», используя все наличные средства для успешной борьбы в соревновании», как в анонимном трактате 1878 года «Как стать богатым». А «в период между 1880и 1914 годами популисты, чиновники, публицисты и социалисты заглянули

¹⁷ Cambridge: Harvard University Press, 1955. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Цитируется по Wyllie, 22—23. — *Примеч. автора.*

за моральный фасад бизнеса, чтобы рассмотреть его практику. Полученные сведения вряд ли соответствовали теме о богатстве, добром добродетелью. Их выводы не были слишком новыми для скептиков, всегда подозревавших, что нечто иное, чем добродетель, замешано в приобретении денег. Действительно новыми были только документы — конкретные свидетельства, что величайшие магнаты были магнатами-грабителями, людьми, которые прокладывали свой путь благодаря подкупу законодателей, присвоению ресурсов, организации монополий и уничтожению конкурентов»¹⁹.

Таким образом, эти современные исследования подтверждают то, что часто отмечалось ранее: когда в культуре существует чрезвычайное акцентирование цели успеха, ослабевает конформность к институционально предписанным методам продвижения к этой цели. Понятие «амбиция» почти тождественно значению своего этимологического корня. «Одурманивать голову» продолжают и сейчас, и не только в той форме, которую практиковали мелкие политики Древнего Рима, домогаясь голосов от всех и каждого в своем «избирательном округе» и используя различные коварные замыслы для обеспечения нужного количества необходимых голосов. Именно таким образом установленные в культуре цели направлены к оправданию всех тех средств, которые дают человеку возможность достичь их. Именно это мы назвали в предшествующем очерке процессом «деморализации», в котором нормы лишаются своей силы для регуляции поведения, и возникает «безнормность» как компонент аномии.

Тем не менее этот процесс, создающий аномию, не должен продолжаться беспрепятственно. При условиях, которые мы еще определим, могут развиваться компенсирующие тенденции. До некоторой степени, судя по историческим фактам, так было и в американском обществе. Культурное акцентирование «успеха, открытого для всех», стало смягчаться, возможно, отчасти как реакция на растущее осознание структуры возможностей и отчасти как реакция на временами наблюдаемые деморализующие последствия этой идеи в чистом виде. Это говорит о том, что хотя первоначальная идея и продолжает существовать, в ней иногда появляются ограничения и оговорки, советы умерить свои стремления. Вот что советует своим читателям Оризон Свит Марден, популярный миссионер доктрины успеха: «На самом деле большинство из нас не должно надеяться когда-либо разбогатеть». Учебник успеха, опубликованный в начале столетия, предлагает философию утешения, которая определяет успех по-но-

¹⁹ Wyllie, 84-85, 146. - *Примеч. автора.*

вому: «Быть простым солдатом в строю так же неплохо, как и генералом, который командует. Мы не можем все быть генералами. Если вы хороший солдат в хорошей группе и имеете хорошую репутацию, это само по себе успех». Даже такие журналы, как «Американский банкир», считают возможным утверждать, что только некоторым из нас, разделяющим общую участь, суждено накопить большое богатство или достичь заметного поста. Число подобных постов и шансов для подобного накопления никогда не совпадало и не будет совпадать с числом энергичных, честолюбивых и способных людей, которые надеются достичь их. Эту неприятную истину литература об успехе ненавидит²⁰.

Но хотя эти доктрины, приспособленные к очевидной реальности, находят периодическое выражение и дают рациональное объяснение для медленного и ограниченного продвижения в экономической иерархии, Вилли и другие современные исследователи предмета показывают, что все же эти доктрины являются второстепенными для культуры нашего времени. В значительной степени идея успеха до сих пор доминирует в американской культуре.

Но если средства коммуникации, обращенные к поколениям американцев, продолжают повторять проповедь успеха, из этого не следует, что американцы во всех группах, регионах и классовых слоях равным образом ассимилировали этот ряд ценностей. Ценности, выраженные в популярной культуре, не связаны неизменно и неразрывно с ценностями реальной жизни. Тем не менее мы бы глубоко ошиблись, предположив, что они полностью не связаны просто потому, что они не тождественны. Отбросив предположения, мы исследуем вопрос, насколько широко исследуемые ценности были ассимилированы. Именно поэтому во введении ко второй части этой книги было сказано, что «среди проблем, избранных для дальнейшего исследования, назовем следующие: степень фактической ассимиляции одних и тех же индуцированных культурой ценностей и целей в различных социальных слоях американского общества» (177). В дальнейшем мы разьясим эту проблему, рассмотрев исследования, для которых она была центральной.

Различия в ассимиляции ценности успеха

В последней статье Герберт Г. Хаймен обратился к сопоставлению и повторному анализу данных, доступных в обзорах общественно-

Такие и сравнимые с ними наблюдения, см. Wyllie, 144 ff. — *Примеч. автора.*

го мнения, которые прямо или косвенно связаны с распространением ценности успеха среди экономических и социальных слоев²¹. Он первый сформулировал общий вопрос: «Очевидно, анализ Мертон допускает, что культурные ценности в действительности усваиваются людьми из низших классов» (427). Принимая во внимание данные, которые будут представлены впоследствии, очень важно сформулировать это допущение более точно, модифицируя его: анализ допускает, что *некоторые* люди в низших экономических и социальных слоях действительно принимают ценность успеха. Ибо, согласно анализу, главное не то, что *все* или *большинство* членов низших слоев подвержены воздействию, вызывающему неконформистское поведение различных видов (размещенных в типологии адаптации), но только то, что по сравнению с высшими слоями среди них *больше* тех, кто подвержен этому давлению. Согласно рассматриваемой гипотезе, девиантное поведение является все же второстепенным образцом, а конформность — обусловленным образцом. Поэтому достаточно, что *значительное количество* нижних слоев ассимилируют эту цель, чтобы оказаться дифференцированно подверженными этому воздействию в результате их относительно небольших возможностей для достижения денежного успеха.

Далее Хаймен делает предварительные замечания к своей статье, указывая, что, «очевидно, необходимо дать эмпирические доказательства, в какой *степени* люди в различных слоях ценят культурно предписанную цель успеха, верят, что возможности доступны для них, и принимают другие ценности, которые могли бы содействовать или мешать им в их усилиях двигаться по направлению к цели. Следовательно, эта статья определенным образом является дополнением к теоретическому анализу Мертон»²². Кроме того, если рассматриваемые данные

²¹ Herbert H. Hyman, «The value systems of different classes», in Bendix and Lipset, editors, *Class, Status and Power*; 426—442. Подходящие данные по стремлениям и достижениям религиозных и расовых меньшинств также представлены в кн. Gerhart Saenger and Norma S. Gordon, «The influence of discrimination on minority group members in ins relation to attempts to combat discrimination», *Journal of Social Psychology*, 1950, 31, 95—120, esp. 113 ff. — *Примеч. автора*.

²² Ibid, 427 (курсив Мертон). Эмпирические исследования сравнительной частоты наличия мотива успеха в различных социальных группах начались. Одно из таких исследований см. R. W. Mack, R. J. Murphy and S. Yellin, «The Protestant ethic, level of aspiration, and social mobility: an empirical test», *American Sociological Review*, 1956, 21, 295—300. Это исследование подразумевает, хотя и не демонстрирует непосредственно, что американский эпос успеха распространен настолько, что пренебрегает различиями между протестантами и католиками в Соединенных Штатах. Согласно другому исследованию, «Миф Горацио Алгера является мифом среднего класса, который проникает и к некоторым, хотя и не всем, представителям нижних классов». Joseph A. Kahl, «Educational and occupational aspirations of «common man» boys», *Harvard Educational Review*, 1953, 23, 186—203. — *Примеч. автора*. »

соответственно связаны с гипотезой, то они подкрепляют ее формулировку. Верно, что анализ требует эмпирических свидетельств о «степени, в которой люди в различных слоях» придают большое значение цели успеха; очевидно, что ценность успеха не сможет стать мотивацией, если люди не преданы ей в значительной степени. Но дело в том, что данные обзора не дают возможность Хаймену сделать различие между *степенями* приверженности цели, но только определить относительную *частоту*, с которой люди в выборках, взятых из нескольких социальных слоев, выражают некоторую неизвестную степень признания цели успеха и связанных с ней ценностей. Из этих данных видно, что дальнейшие исследования хорошо бы направить на изучение интенсивности, а также степени, в которой эти ценности приняты в различных группах, социальных слоях и сообществах.

Таким образом, мы должны отметить (в соответствии с гипотезой, изложенной в предшествующей главе), что значительное количество, а не все или большая часть людей в нижних социальных слоях ассимилируют «наказ» культуры — добиваться денежного успеха. И мы имеем в виду настоящую ассимиляцию этой ценности, а не просто вынужденное согласие с ней на словах. Эти две оговорки создают контекст для определения теоретического значения эмпирических данных, собранных в своевременной и краткой статье Хаймена.

В целом совокупность данных (которые мы не рассматриваем здесь подробно, поскольку они легкодоступны) постоянно демонстрирует *различия в пропорциях* как среди взрослых, так и среди молодежи в низших, средних и высших социальных слоях, которые позитивно ориентированы на профессиональный успех и на общепринятые средства, содействующие достижению подобного успеха. Например, один национальный обзор мнений в конце тридцатых годов XX века обнаружил классовые различия в мнениях о профессиональных возможностях. Они были зарегистрированы в ответах на вопрос: «Считаете ли вы, что в наши дни любой молодой человек, экономный, способный и честолобивый, имеет возможность преуспеть, иметь свой собственный дом и зарабатывать \$ 5000 в год?» Среди «преуспевших» 53% подтвердили такое мнение по сравнению с «только» 31% среди «бедных», как пишет Хаймен²³. Другой национальный опрос выявил 63%

²³ Ibid, 437. По-видимому, уверенность в реальности надежд на профессиональный успех в достаточной степени распространена среди рабочих, по крайней мере последние сорок лет. Например, Ропер сообщает что в выборке рабочих 70% сказали, что их шансы на продвижение лучше, чем были у их отцов, и 62% сказали, что шансы их сыновей будут еще лучше, чем их собственные. Эта *относительная* оценка профессиональных возможностей, предполагающая сравнение между последовательными поколениями, более подходит для представления о возможностях, чем *абсолютная* оценка только собственного поколения. См. Elmo Roper, «A self portrait of the American people — 1947», *Fortune*, 1947, 35, 5—16. — *Примеч. автора.*

профессиональных и административных служащих, выразивших свою уверенность, что впереди хороший шанс для продвижения выше своей настоящей позиции, по сравнению с 48% заводских рабочих; более того, 58% первой группы (служащие на более высоких должностях) подтвердили, что упорная работа проложит путь к повышению, в то время как во второй группе (рабочие) этого оптимистического взгляда придерживались 40%.

К этим данным, приведенным Хайменом, мы можем добавить другие, взятые из социологического изучения белых и негров, живущих в бедных жилых районах²⁴. Более 500 резидентов на различных уровнях в нижней части профессиональной иерархии изложили свою оценку возможности для продвижения в своей профессиональной сфере в целом и на своем рабочем месте в частности²⁵. Выявлено три значительных образца оценки. Во-первых, существует образец возрастающего оптимизма в связи с шансами для «достижения успеха» в профессии в целом, они выше на каждом более высоком уровне в этой иерархии работы. Именно реальное существование других людей на более низком профессиональном уровне поддерживает убежденность в возможности карьеры для человека, который находится на относительно высоком уровне. Среди негров на канцелярской или квалифицированной работе 63% уверены, что шансы для продвижения в их профессии хорошие или средние, по сравнению с 44% негров на полуквалифицированной работе, 31% на неквалифицированной или в домашнем бытовом обслуживании. Хотя это не декларируется, тот же самый образец существует среди белых.

Во-вторых, во многом тот же самый образец (хотя со значительно сокращенным количеством вариаций) встречается при оценке шансов, преобладающих на собственном рабочем месте. Чем выше уровень работы, тем больше часть тех людей, которые уверены, что шансы для продвижения на их рабочем месте хорошие или средние. Среди негров процент, отражающий их оптимизм, — 43, 32 и 27; среди белых — 58, 47 и 44.

Тем не менее третий образец в оценке возможностей явно отличается виды на будущее негров и белых рабочих (как совокупностей). Белые рабочие склонны не усматривать большие различия между перспективами в профессии в целом и на их собственном рабочем месте:

²⁴ R. K. Merton, P. S. West and M. Jahoda, *Patterns of Social Life*, Chapter 3, не опубликована. — *Примеч. автора*.

²⁵ Чтобы выявить оценку, были предложены вопросы: «Каковы шансы для продвижения в вашей профессии для человека, который действительно за него борется?»; «Что можно сказать о месте, где вы работаете сейчас, каковы шансы для продвижения там?» — *Примеч. автора*.

то, что они считают верным в целом, они считают верным и в непосредственном окружении. Среди негритянских рабочих, особенно среди тех, кто находится на несколько более высоком уровне работы, эти оценки изменяются. Несмотря на то как они оценивают возможности в их сфере занятости в целом, они склонны к крайнему пессимизму в оценке возможностей на их рабочем месте. По-видимому, данная статистика профессиональных ожиданий демонстрирует обычное убеждение негритянских рабочих (любого профессионального уровня), что они отстранены от равноправного доступа к продвижению.

К этим данным по классовой и расовой дифференциации в убеждениях о профессиональных возможностях могут быть добавлены данные, цитируемые Хайменом, по классовой дифференциации в оценках формального образования как средства для расширения перспектив профессионального успеха. Например, значительно большая часть высших социальных слоев (чем низших) выражают уверенность, что «определенное обучение в колледже» требуется, чтобы «неплохо устроиться в мире», с другой стороны, 91% «преуспевающих» людей, опрошенных в национальном обзоре, в сравнении с 68% бедных людей сказали, что они скорее предпочитают, чтобы их дети ходили в колледж, чем получили работу сразу после окончания средней школы; далее, 74% мальчиков из «богатых и преуспевающих» семей в сравнении с 42% мальчиков из «низших классов» предпочитают не работу, а обучение в колледже как продолжение образования в средней школе; и в заключение этой выборки из многочисленных данных, обобщенных Хайменом, 14% юношей — выпускников средних школ из «бедных» семей выразили предпочтение работе, которая дает высокий доход, но связана с большим риском, по сравнению с 31 % юношей из семей служащих в бизнесе или профессионалов²⁶.

Таким образом, эти доступные, хотя и недостаточные, данные постоянно демонстрируют, что в определенных социальных слоях (и возможно, среди негров и белых) *различная часть* людей поддерживает культурно сформированное мнение о возможности профессионального успеха, стремится к высокооплачиваемой, хотя рискованной работе, признает ценность высшего образования как средства для профессионального продвижения. Но Хаймену не удалось заметить в своем во многих отношениях поучительном и полезном сопоставлении данных один важный вопрос. С точки зрения гипотезы, выдвинутой в предшествующей главе, *проблема не в относительной части людей из определенных социальных классов, принимающих культурную цель успеха, но в том, каково абсолютное число таких людей*. Если мы скажем, что больший процент в высших социальных и экономичес-

²⁶ Hyman, *op. cit.*, 430—434. — Примеч. автора.

ких слоях прочно придерживается культурной цели успеха, это не значит, что так поступает большее число людей из высших, чем из нижних классов. Действительно, поскольку число людей в наиболее высоких слоях (что установлено в этих исследованиях) является значительно меньшим, чем число людей в нижних слоях, время от времени возникает проблема, что *больше* людей из низшего класса, чем людей из верхнего класса, остаются верными этой цели.

Из-за того что Хаймен²⁷ сосредоточился почти исключительно на *сравнении количественных соотношений* в нескольких социальных слоях, имеющих ту или иную ценностную ориентацию (вопрос, который, конечно, и сам по праву вызывает интерес), Хаймену не удалось рассмотреть факты, прямо соответствующие данной гипотезе. Ведь, как было неоднократно сказано, гипотеза не требует, чтобы пропорционально большая часть или даже просто большее число людей в нижних социальных слоях было ориентировано нацель успеха; она требует только, чтобы таким образом было ориентировано *значительное число* людей. Поскольку *существует расхождение* между культурно вызванными высокими стремлениями и социально структурированными препятствиями для реализации этих стремлений, считается, что именно это расхождение оказывает давление, ведущее к возникновению девиантного поведения. Под «значительным числом», следовательно, подразумеваем число достаточно большое для того, чтобы привести к более частому *расхождению* между целями и возможностями среди слоя нижних классов, чем среди слоя более преуспевающих высших классов. Вполне возможно (хотя адекватных эмпирических данных по этому вопросу все еще не хватает), что это расхождение является более частым в слое нижних классов, чем в средних классах, поскольку очевидно, что среди большого числа американцев среднего класса, принимающих цель успеха, достаточно невелика часть тех, у кого есть серьезные препятствия на пути к этой цели.

Во всяком случае, существует фундаментальное аналитическое требование: сделать систематическое различие между данными по

²⁷ В окончании своей статьи Хаймен точно отмечает различие между сравнительными и абсолютными соотношениями (и абсолютным количеством). Но он отмечает это в связи со специальной проблемой референтно-групповой теории и не указывает на смысловое значение этого различия для рассматриваемой нами теории. Он пишет так: «Хотя данные, представленные далее, дают твердое и сильное подтверждение, что низшие классы *как группа* имеют систему ценностей, которая снижает вероятность личного успеха, все же эти данные свидетельствуют о том, что значительная часть низшей группы не принимает эту систему ценностей». (Хаймен затем сообщает, что «значительная часть» представляет существенное большинство.) «Сходным образом, в высших классах есть люди, которые не проявляют модальных тенденций своей группы». Ibid., 441. — *Примеч. автора.*

относительным частям и по абсолютному числу²⁸ в нескольких социальных слоях, принимающих культурную цель, а также признать, что именно частота расхождения между целью и социально структурируемым доступом к ней имеет теоретическое значение. Дальнейшие исследования должны разрешить сложную проблему получения систематических данных как по целям, так и по структурированному доступу к возможностям, а также проанализировать их *совместно*, для того чтобы рассмотреть, будет ли сочетание высоких ожиданий и небольших возможностей встречаться с существенно разной частотой в различных социальных слоях, группах и сообществах и будут ли, в свою очередь, эти различия связаны с различной интенсивностью девиантного поведения. Дадим перечень необходимых данных по *социально сформированным различиям*:

- 1) в *воздействии* культурной цели или норм, регулирующих поведение, ориентированное на эту цель;
- 2) в *принятии* цели или норм как моральных мандатов или усвоенных ценностей;
- 3) в *относительной доступности цели*: жизненные шансы в структуре возможностей;
- 4) в *степени несоответствия* между принятой целью и ее доступностью;
- 5) в *степени аномии*;
- 6) в *интенсивности девиантного поведения* различного вида, представленного в типологии форм адаптации.

Очевидно, что нелегко собрать адекватные данные по всем этим различным, хотя и связанным пунктам. До настоящего времени социологи должны были работать с явно приблизительным и несовершенным измерением почти всех этих переменных (например, используя уровень формального образования как показатель доступа к возможностям). Но в социологии все больше возрастает проблема: должны быть определены переменные, имеющие стратегическое значение для теории, должно быть разработано совершенное измерение для них. Существует возрастающее взаимодействие между теорией, которая формулирует вопрос о значительности определенных переменных;

²⁸ Следует заметить, по крайней мере в примечаниях, что требование провести такое различие тесно связано с анализом социальной жизни. Важные сами по себе *относительные соотношения* людей в различных социальных слоях и группах, представляющих особые установки, способности, доходы или любые поведенческие образцы, не должны затемнять, как часто бывает в социологических исследованиях, столь же важные данные об *абсолютном* числе людей, проявивших эти качества в различных слоях и группах. С точки зрения влияния на общество, часто имеет значение не относительная пропорциональность, а абсолютное число людей. Другие примеры, относящиеся к этому вопросу, см. в главе XII этой книги, прим. 16. — *Примеч. автора.*

методологией, которая разрабатывает логику эмпирического исследования, включая эти переменные; и методикой, которая развивает эти средства и процедуры для измерения переменных. Как мы уже видели, недавно было положено определенное начало в разработке измерений как субъективных, так и объективных компонентов аномии. Не будет слишком сильным допущением, что эти измерения будут продолжать совершенствоваться и что соответствующие измерения этих переменных будут развиваться. В частности, будет усовершенствовано измерение важного, но по-прежнему неопределенно используемого понятия, названного Вебером «жизненными шансами» в структуре возможностей.

Таким образом, мы можем выявить социальную топографию аномии. Мы можем, например, определить место в структуре американского общества, где существует максимальное расхождение между культурными ценностями, принимаемыми людьми в стремлении к определенным целям, и сформировавшимися возможностями жить согласно эти ценностям. Подобное исследование может натолкнуться на легкомысленную склонность — допустить, что все американское общество одинаково подвержено аномии. Напротив, мы можем исследовать статусы в структуре американского общества, которые влекут величайшие трудности для людей жить в согласии с нормативными требованиями. И именно это означает утверждение, что расхождение между принятыми нормами и возможностями для социально вознаграждаемой конформности с этими нормами «вызывает напряжение», в связи с чем возникает девиантное поведение и аномия.

Насколько необходимо определить причины различной степени аномии в различных секторах общества, настолько же необходимо исследовать различия в адаптации к аномии и силы, создающие скорее один, чем другой тип адаптации. Множество современных исследований связано с этой общей проблемой.

Аномия и формы девиантного поведения

Инновация

Первую форму девиантного поведения, определенную в типологии, изложенной в предшествующей главе, мы описали как инновацию. Вспомним, что она относилась к отрицанию институциональной практики и сохранению культурных целей. Она кажется характеристикой существенной части девиантного поведения, которое получило самое большое исследовательское внимание, а именно той

части, которая не совсем точно подводится под всеобъемлющие понятия «преступление» или «правонарушение». Поскольку закон дает точные критерии для этих форм поведения, они очевидны и относительно легко попадают в центр внимания исследователей. Напротив, другие формы поведения, которые являются отклонениями от принятых норм с точки зрения социологии, хотя и не с точки зрения закона (например, то, что мы называем «бегство»), являются менее очевидными и получают меньше внимания.

Некоторые исследования недавно показали, что общепринятые понятия «преступление» и «правонарушение» могут скорее запутать, чем уточнить наше понимание многочисленных разновидностей девиантного поведения, к которому они относятся. Оберт, например, замечает, что «определение преступления в законе... возможно, [отражает] мало общего между всеми феноменами, подведенными под это понятие. И это, по-видимому, также верно для «канцелярских» преступлений. Этот тип может также отличаться во многом по своей природе и может нуждаться во вполне различных причинных объяснениях»²⁹.

Когда мы применяем к определенному классу поведения термин «преступление» или «правонарушение», развивается тенденция искать в первую очередь сходство (существенное или не очень) между чертами поведения, включенного в этот класс. Например, под определение в общем понятии «подростковые правонарушения» подпадают вполне различные с социологической точки зрения формы поведения молодежи. Это часто связано с допущением, что широкое разнообразие поведения или люди, включенные в одну или другую форму поведения, с теоретической точки зрения относятся к одному роду. Но мы считаем спорным, что поведение молодого человека, который похитил бейсбольные принадлежности, является очень похожим на поведение молодого человека, который периодически нападает на членов внешней группы.

Более того, решение включить широкую область поведения и одну рубрику «преступление» или «правонарушение» ведет к допущению, что весь круг поведения, относящегося к этой категории, будет объяснять единственная теория. Это не слишком далеко по своей логике от допущения Бенямина Раша или Джона Брауна, что

²⁹ Vilhelm Aubert, «White-collar and social structure», *American Journal of Sociology*, 1952, 58, 263—271; а также R.K. Merton, «The social-cultural environment and anomie», in Helen L. Witmer and Ruth Kolinsky, editors, *New Perspectives for Research on Juvenile Delinquency* (Washington, D.C., U.S. Department of Health, Education, and Welfare, Children's Bureau, 1956), 24—50, включая дискуссию участников конференции; Daniel Glaser, «Criminality theories and behavioral images», *American Journal of Sociology*, 1956, 61, 433—443, at 434. — *Примеч. автора.*

скорее должна быть одна теория болезни, чем различные теории болезни — туберкулеза или артрита, синдрома Менъере или сифилиса. Подведение безгранично разнообразных состояний процессов под одно название «болезнь» приводит некоторых ревностных медицинских систематиков к убеждению, что их задача — развивать единственную всеохватывающую теорию болезни. Точно так же, по видимому, признанная идиома (как разговорная, так и научная), которая относится к «подростковой преступности» как к единой сущности, и приводит некоторых к убеждению, что должна быть единственная основополагающая теория «ее» причинности. Пожалуй, сказанного достаточно для понимания того, что означает отношение к преступлению или юношеским правонарушениям как к общему понятию; такое отношение может возникнуть на пути теоретической формулировки проблемы.

Как только мы признаем, что поведение, обычно описываемое как преступное или злонамеренное, является с социологической точки зрения очень разным и несоизмеримым, то становится очевидно, что рассматриваемая теория не претендует на объяснение всех подобных форм девиантного поведения. Альберт К. Коэн в своей теоретически тонкой книге предполагает, что эта теория является высоковероятной как объяснение для взрослой профессиональной преступности, а также правонарушений против собственности, совершаемых некоторыми наиболее старшими и почти профессиональными молодыми ворами. «К сожалению, — продолжает он, — она терпит неудачу в объяснении не утилитарных свойств субкультуры... Поскольку сторонник преступной субкультуры просто использует незаконные средства с целью получения экономических благ, то он мог бы демонстрировать больше уважения к благам, которые он в итоге получает. Более того, деструктивность, непостоянство, эпатаж и массовый негативизм, которые характеризуют преступную субкультуру, находятся вне компетенции этой теории»³⁰.

³⁰ Albert K. Cohen, *Delinquent Boys* (Glencoe: The Free Press, 1955), 36. Поскольку некоторые принципиальные теоретические вопросы рассматриваются в связи с книгой Козна, то последующая дискуссия, которая связана с парадигмой социальной структуры и аномией как основой для анализа криминального и опасного поведения, только цитируется. Milton L. Barron, «Juvenile delinquency and American values», *American Sociological Review*, 1951, 16, 208—214; Solomon Kobrin, «The conflict of values in delinquency areas», *American Sociological Review*, 1951, 16, 653—662; Ralph H. Turner, «Value conflict in social disorganization», *Sociology and Social Research*, 1954, 38, 301 — 308; W.J. Sprott, *The Social Background of Delinquency* (University of Nottingham, 1954), as reviewed by John C. Spencer, *The Howard Journal*, 1955, 9, 163—165; Hermann Mannheim, «Juvenile delinquency», *British Journal of Sociology*, 1956, 7, 147—152; Aubert, *op. cit.*; Glaser, *op. cit.* — Примеч. автора.

Первый и основной вопрос, поставленный Коэном, вызывает одобрение и заслуживает повторения. Предшествующая теория аномии предназначена для объяснения некоторых, но далеко не всех форм девиантного поведения, обычно описываемых как криминальные или злонамеренные. Второй вопрос является важным (если он правильно сформулирован), но в любом случае его достоинство — в привлечении внимания будущих исследователей к его осмыслению. Этот вопрос заключается в том, что теория социальной структуры и аномии *не* объясняет «не утилитарный» характер большей части поведения, встречающегося в группах правонарушителей. Но для дальнейшего исследования этого предмета необходимо напомнить (в целях теоретической ясности), что эта теория не утверждает, что возникающее девиантное поведение рационально рассчитано и утилитарно. Вместо этого она сосредоточена *насилом* на напряжении, возникающем из-за расхождения между стимулируемыми культурой целями и социально структурированными возможностями. Реакции на это напряжение с последующей нагрузкой на людей, подверженных им, предполагают значительную степень фрустрации и нерационального или иррационального поведения³¹. «Деструктивность» часто бывает определена психологически как одна из форм реакции на продолжительную фрустрацию. Точно так же, очевидно, «массовый негативизм» может быть истолкован (без включения в теорию новых *ad hoc* переменных) как постоянное отрицание авторитетов, которые олицетворяют противоречие между законными культурными стремлениями и социально ограниченными возможностями.

Тем не менее существует, по-видимому, случай, который не объясняется непосредственно теорией социальной структуры и аномии: «изворотливость» и «эпатаж», наблюдаемые у некоторых молодых людей, помогают им осуществлять девиантное поведение, поддерживаемое группой. Ибо причины этих свойств девиантного поведения необходимо предварительно искать в социальном взаимодействии этих сходно мыслящих людей с девиантным поведением, которые взаимно усиливают свои девиантные установки и поведение. Согласно теории, такое поведение является результатом более или менее общей ситуации, в которой они находятся. Именно к этой фазе всеобщего процесса поддержки бандой девиантного поведения Коэн в первую очередь применяет свой поучительный анализ. Но, как впоследствии показано в его книге, перед проведением анализа типов «решения» проблем, с которыми «несовершеннолетние правонарушители»

³¹ В своем комментарии именно по этому вопросу Герман Мангейм указывает, что теория «вполне способна объяснить намного больше, чем только утилитарные. Формы выражения фрустрации стремлений», *op. cit.*, 149. — *Примеч. автора.*

сталкиваются в своем непосредственном социальном окружении, нам необходимо объяснить различную частоту, с которой эти проблемы возникают. В этой части анализа Коэн действительно исследует социальные и культурные источники этих воздействий по большей части в тех же терминах, как те, которые рассматривали мы. Его тщательный социологический анализ значительно продвинул наше понимание определенных форм девиантного поведения, обычно встречающихся в преступных группах, и это было достигнуто благодаря расширению структурно-функциональной теории того типа, который мы сейчас рассматриваем.

В исследовании преступной субкультуры Коэн, конечно, непосредственно продолжает предшествующие исследования Шоу, Мак-Кея и особенно Трашера³². Тем не менее он отмечает, что эти исследования были принципиально связаны с проблемой, как преступная субкультура *передается* молодежи, а он обращается к связанной с ней проблеме, рассматривая *причины* этого культурного образца. Во многом таким же образом можно провести различие между теорией, которая относится только к реакциям людей на культурно-стимулируемое воздействие (такая теория развивалась Карен Хорни, например), и теорией, которая относится также к *воздействиям совокупных и иногда социально организованных реакции на саму нормативную структуру*.

Социальный процесс, связывающий аномию и девиантное поведение. Чтобы поставить эту проблему в ее ближайшем теоретическом контексте, мы должны рассмотреть возникновение и рост аномии как результат продолжающегося социального процесса, а не просто как состояние, которое случайно возникло³³. В этом контексте процесс может быть предварительно изображен следующим образом. Имея объективно невыгодную позицию в группе, а также различные личные особенности³⁴, некоторые люди более, чем другие, подвержены

³² Среди хорошо известных многочисленных публикаций этой группы социологов см.: Clifford R. Shaw and Henry D. McKay, *Juvenile Delinquency and Urban Areas* (University of Chicago Press, 1942); Frederic M. Thrasher, *The Gang* (University of Chicago Press, 1936), 2nd edition. — *Примеч. автора*.

³³ См.: Merton, «The social and cultural environment and anomie», *op. cit.* — *Примеч. автора*.

³⁴ С рассматриваемой теорией согласуется признание того, что различные семейные плеяды могут содействовать уязвимости для аномического воздействия. Например, Франц Александер пишет о своих пациентах, выходцах из «второго поколения американцев, членов иммигрантских семей, и... из групп расовых меньшинств», что роль отца заключается во внушении сыну сильного интереса к успеху. Он формулирует это так: «Обычный результат таков, что у сына, занявшего место отца в материнской привязанности, а также во многих материальных отношениях, возникают огромные амбиции. Он хочет оправдать все надежды и жертвы матери и таким образом успокоить свою больную совесть по отношению к отцу. Есть только один способ до-

напряжению, возникающему из расхождения между культурными целями и эффективным способом их реализации. Они являются, следовательно, более восприимчивыми для девиантного поведения. В некоторой части случаев, зависящих еще и от управляющей структуры группы, эти отклонения от институциональных норм социально вознаграждаются «успешным» достижением цели. Но эти девиантные способы достижения цели происходят в социальной системе. Девиантное поведение, следовательно, влияет не только на людей, которые сами включаются в него, но некоторым образом также влияют на других людей, с которыми они взаимосвязаны в системе.

Возрастающая частота девиантного, но «успешного» поведения стремится преуменьшить и (как крайняя возможность) отменить законность институциональных норм для других в системе. Таким образом, этот процесс расширяет степень аномии внутри системы настолько, что другие люди, которые не реагировали в форме девиантного поведения при относительно слабой аномии, сталкиваясь с первыми, начинают поступать таким же образом, так аномия распространяется и интенсифицируется. Это, в свою очередь, создает более острую анемическую ситуацию для остальных первоначально менее восприимчивых людей в социальной системе. Таким образом, аномия и возрастающая интенсивность девиантного поведения могут быть поняты как взаимодействие в процессе социальной и культурной динамики, с куму-

стичь этой цели. Он должен достичь успеха во что бы то ни стало. В иерархии ценностей успех становится важнейшим, затеняющим все остальные, а неуспех становится равным греху. ...Следовательно, все остальные пороки, такие как неискренность в человеческих отношениях, недобросовестность в конкуренции, предательство и пренебрежение к другим людям, кажутся в сравнении с ним ничтожными, и возникает ужасный феномен безжалостного карьериста, умом которого завладела единственная идея — самовозвышения, карикатура на «сделавшего себя человека», угроза для западной цивилизации, принципы которой он довел до абсурда». Franz Alexander, «Educative influence of personality factors in the environment», перепечатано в Clyde Kluckhohn, Henry A. Murray and David M. Schneider, editors, *Personality in Nature, Society, and Culture* (New York: A.A. Knopf, 1953, 2d ed.), 421-435, at 431-433.

Однако необходимо связать с социологическим анализом этот по существу психологический анализ формирования неправомерной и поэтому разрушающей нормы цели успеха (отдавая должное данным фактам). Хотя в каждой описываемой семье борьба за успех начинается заново и более или менее независимо, девиантное поведение возникает в социальной системе, которая объединяет эти различными образом возникшие образцы поведения. Таким образом, какова бы ни была первоначальная ситуация для каждого человека, девиантное поведение *вне семьи* имеет тенденцию и поддерживать, и разрушать установленные нормы. Аномия становится социальным феноменом, вне рамок, соединяющих отдельные и разные семьи. Анализ, относящийся к данному вопросу, см. Ralf Pieris, «Ideological momentum and social equilibrium», *American Journal of Sociology*, 1952, 57, 339—346. — Примеч. автора.

лятивно нарастающими разрушительными последствиями для нормативной структуры, если не введены в действие противостоящие механизмы контроля. В каждом изучаемом специфическом случае, следовательно, очень важно, как мы писали ранее, определить контролирующие механизмы, которые «снижают напряжение, возникающее из видимого (или реального) противоречия между культурными целями и социально ограниченным доступом» к ним.

Новые гипотезы

В предыдущем разделе этой главы рассмотрены данные, связанные с формами реакции на аномию, подведенными под эмоционально и этически нейтральное понятие «инновация»: использование институционально запрещенных средств для достижения культурно-ценной цели. Перед тем как обратиться к данным по другим основным типам реакции — ритуализму, бегству и мятежу, мы должны снова подчеркнуть, что общая теория связи социальной структуры и аномии *не* ограничена специфической целью денежного успеха и социальными препятствиями к ее достижению. Теория находила применение, например, для проблемы междисциплинарных исследований в науке, для проблемы массовой коммуникации³⁵, для проблемы отступлений от религиозной ортодоксии³⁶ и в случае конформности к социальным нормам и отклонений от них в военных тюрьмах³⁷ — проблемы, которые, по крайней мере при первом взгляде на них, вне нашей теории показались бы имеющими мало общего и, конечно, мало общего с господствующей целью денежного успеха.

³⁵ Warren G. Bennis, «Some barriers to teamwork in social research», *Social Problems*, 1956, 3, 223—235; Matilda White Riley and Samuel H. Flowerman, «Group relations as a variable in communications research», *American Sociological Review*, 1951, 16, 174—180; Leonard I. Pearlin, *The Social and Psychological Setting of Communications Behavior* (Columbia University, unpublished doctoral dissertation in sociology, 1957). Пирлин обнаружил сильную тенденцию к использованию телевизора как «бегства» среди тех людей, кто, с одной стороны, заинтересован в социальной мобильности, а с другой стороны, находится в положении, которое не позволяет реализоваться данному мотиву. Один из принципиальных выводов этих эмпирических исследований состоит в том, что «телевидение представляет собой средство, благодаря которому люди могут уйти от конфликтов и стрессов, которые имеют свою этиологию в социальной системе». — *Примеч. автора.*

³⁶ Celia Stopnicka Rosenthal, «Deviation and social change in the Jewish community of a small Polish town», *American Journal of Sociology*, 1954, 60, 177—181. — *Примеч. автора.*

³⁷ Richard Cloward, *The Culture of a Military Prison: A Case Study of Anomie* (Glencoe: The Free Press, to be published); и частичный итог этих исследований Кловарда в Witmer and Kolinsky *op. cit.*, 80—91. — *Примеч. автора.*

Как было сказано при первоначальном описании теории, «денежный успех рассматривается как основная культурная цель» только «ради упрощения проблемы... хотя, конечно, существуют альтернативные цели в хранилище общих ценностей». С точки зрения общей теории, любые культурные цели, которые получают чрезвычайное и лишь незначительно смягчаемое акцентирование в культуре группы, будут служить ослаблению акцентирования институциональной практики и вызовут аномию.

Также необходимо повторить, что типология девиантного поведения далека от того, чтобы ограничиться поведением, которое обычно описывают как криминальное или преступное. С точки зрения социологии, в других формах отступления от регулирующих норм нет ничего или почти ничего, что сталкивалось бы с установленным в стране правопорядком. Простая идентификация некоторых типов девиаций сама по себе сложная проблема для социологической теории, которая разрешается постепенно. Например, значительный теоретический прогресс был осуществлен с помощью концепции Парсонса, согласно которой *болезнь* в одном из ее принципиальных аспектов необходимо «определить как форму девиантного поведения и что элементы мотивации для девиации, которые выражены в роли больного, можно дополнить другими, иначе выраженными, включая типы вынужденной конформности, которые не считаются девиантными в обществе»³⁸.

Есть и другой пример: поведение, которое описано как «сверхконформизм» или «сверхуступчивость» по отношению к институциональным нормам, было проанализировано в социологии как девиантное, даже если оно на первый взгляд кажется проявлением сверхконформизма³⁹. Как видно *типологии* реакций на аномию, они являются особыми видами поведения, которое в противоречии с их очевидным проявлением (конформность к институциональным ожиданиям) представляет отклонение от этих ожиданий, что может быть обнаружено в дальнейшем социологическом анализе.

В заключение в качестве преамбулы к данному обзору типов девиантного поведения следовало бы отметить еще раз, что с точки зрения социологии не все подобные отклонения от господствующих норм группы являются неизбежно дисфункциональными для основных ценностей и адаптации группы. Соответственно строгая и несомненная приверженность всем преобладающим нормам может быть функциональной только в группе, которой никогда не было: а именно в

³⁸ Parsons, *The Social System*, 476—477, and the whole of Chapter X. — *Примеч. автора.*³⁹

См. дальнейшее обсуждение этого вопроса в следующем разделе, посвященном образцу «бегства» как реакции на аномию. — *Примеч. автора.*

такой группе, которая сама абсолютно статична и неизменна и при этом находится в таком социальном и культурном окружении, которое также является статичным и неизменным. Некоторая (неизвестная) степень девиации от современных норм, вероятно, является функциональной для основных целей во всех группах. Определенная степень «инновации», например, может иметь своим результатом формирование новых институционализированных образцов поведения, которые являются более подходящими, чем старые для реализации основных целей.

Более того, мы считаем недальновидным взглядом и скрытой этической оценкой допущение, что девиантное поведение, которое дисфункционально для насущных ценностей группы, является также этически несовершенным. Ибо, как мы могли часто заметить в этой книге, понятие социальной дисфункции не является современной терминологической заменой для «безнравственности» или «внеэтической практики». Особый образец поведения, который отличается от господствующих в группе норм, может быть дисфункциональным, снижая стабильность группы или уменьшая ее надежды на достижение целей, которые имеют для нее ценность. Но, судя по тому или иному ряду этических стандартов, такими могут быть нормы группы, которая находится в затруднительном положении, а не инноватора, который отрицает их. Один из действительно великих людей нашего времени изложил это с характерной пронизательностью и красноречием.

В первобытном племени каждый класс имеет свою определенную *Мойру*, или удел, свою *Эргон*, или обязанность, и все идет как следует, если каждый класс и каждый человек осуществляет свою *Мойру*, исполняет свой *Эргон* и не нарушает или не злоупотребляет *Эргоном* и *Мойрой* других. На современном языке, у каждого есть своя социальная обязанность для исполнения и свои последующие права. Это древняя Фемида (закон или правосудие персонифицированные и воплощенные в то, что «сделано»); но Фемида благодаря воображению расширяется и делает больше положительного. Фемида, которая может призвать не просто умереть за свою страну — старые племенные законы подразумевают это, — но умереть за правду, или, как он объясняет на прекрасных страницах во второй книге, игнорировать полностью конвенциональный закон вашего общества ради истинного закона, от которого отреклись и который забыли. Ни один из читателей не сможет легко забыть отношение к праведному человеку в злом и ошибочном обществе: он должен был подвергнуться бичеванию, ослеплен и, наконец, посажен на кол или распят; общество, которое приговорило его к такому наказанию, не понимает его, поскольку он является праведным и выглядит полной противоположностью обще-

ства, и, несмотря на это, для него лучше так страдать, чем следовать за толпой в несправедливых поступках⁴⁰.

Не стоило бы повторять все это, если бы не столь частое допущение, что девиантное поведение является неизбежно эквивалентным социальной дисфункции, а социальная дисфункция, в свою очередь, нарушает этический кодекс. В истории каждого общества, вероятно, есть свои культурные герои, которые считаются героями именно потому, что они имели мужество и проницательность отойти от норм, которые признаются в группе. Как мы хорошо знаем, мятежники, революционеры, нонконформисты, индивидуалисты, еретики и отступники прежнего времени часто становятся героями современной культуры.

Следует также еще раз повторить, поскольку это легко забывается, что, сосредоточив эту теорию на культурных и социальных источниках девиантного поведения, мы не предполагаем, что подобное поведение является типичной или даже единственной реакцией на воздействие, которое мы рассматривали. Это анализ различных *типов и интенсивности* девиантного поведения, а не эмпирическое обобщение ради вывода, что *все*, кто подвержен этому давлению, реагируют через девиацию. Теория только полагает, что именно люди, локализованные в тех участках социальной структуры, которые в наибольшей мере испытывают это давление, вероятнее всего продемонстрируют девиантное поведение. Однако в результате действия компенсирующих социальных механизмов даже наиболее напряженные положения *не всегда* вызывают девиацию; конформность стремится сохранить формальную реакцию. Среди компенсирующих механизмов, как предполагалось в предшествующей главе, — доступ к альтернативным целям в хранилище общих ценностей. В той степени, в какой культурная структура придает ценность этим альтернативам, а социальная структура дает доступ к ним, система остается чем-то стабильным. Потенциальные девиации могут все же адаптироваться с помощью дополнительного ряда ценностей. Исследование было начато с изучения таких альтернатив как препятствий для девиантного поведения⁴⁰³.

⁴⁰ Gilbert Murray, *Greek Studies* (Oxford: Clarendon Press, 1946), 75. Упоминается вторая книга Платона «Государство». Прекрасный вопрос для обсуждения — соответствуют ли оригинальные формулировки Платона пересказу Гилберта Муррея. — *Примеч. автора.*

^{40a} См.: Ruth B. Granick, *Biographies of popular Negro heroes*. Используя методы, разработанные Лео Ловенталем в его исследовании известных биографий, Граник анализирует социальную принадлежность негров-героев в двух популярных журналах, предназначенных главным образом для читателей-негров, в контексте, соответ-

В кратких итогах, таким образом, следует подчеркнуть, что (1) данная теория относится к целям различных видов, предпочитаемым в культуре, а не только к цели денежного успеха, которая рассматривалась в качестве иллюстрации; (2) что в теории выделены формы девиантного поведения, которые могут быть далеки от тех, которые представляют нарушение закона; (3) что девиантное поведение не обязательно является дисфункциональным для эффективной деятельности и развития группы; (4) что понятие социальной девиации и социальной дисфункции не служит прикрытием для этических предпосылок; и (5) что альтернативные культурные цели дают основу для стабилизации социальной и культурной системы.

Ритуализм

В соответствии с типологией ритуализм относится к образцу реакции, в которой определенные культурой стремления отвергаются, в то время как человек вынужденно продолжает придерживаться институциональных норм. Когда это понятие было введено, был задан вопрос, представлено ли здесь действительно девиантное поведение, так как это понятие является чем-то вроде терминологического каламбура. Поскольку адаптация является фактически внутренним решением и поскольку внешнее поведение является институционально допустимым, хотя и не предпочитаемым точки зрения культуры, оно вообще не рассматривается как «социальная проблема». Друзья тех людей, которые адаптируются подобным образом, могут вынести суждение с точки зрения культурных предпочтений и могут испытывать к ним жалость, они могут в индивидуальных случаях чувствовать, что

существующем рассматриваемой здесь теории девиантного поведения. Она видит различные нуты к успеху в мире предпринимательства для негров и белых, хотя, очевидно, ценимые статусы во многом похожи для этих двух подгрупп. Наиболее важно в ее предварительных выводах, что доступ к альтернативным целям успеха создает скорее возможности для конформного, чем для девиантного, поведения. Хорошо известное исследование Ловенталя «Биографии в популярных журналах» см. в P. F. Lazarsfeld and F.N. Stanton (editor), *Radio Research*, 1942-1943 (New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944).

Были также отмечены образцы потребительского поведения (например, проникновение стилей и моды в системе стратификации), которые являются латентной функцией для создания системы, удовлетворяющей даже тех, кто недостаточно поднялся в ней. См.: Bernard Barber и Lyle S. Lobel, «Fashion in women's clothes and the American social system», *Social Forces*, 1952, 31, 124—131, и статья Lloyd A. Falles, «A note on the «trickle effect», *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18, 314—321.

Относящиеся к данному вопросу наблюдения различных символов, достижение которых служит смягчению ощущения личной неудачи, см.: Margaret M. Wood, *Paths of Loneliness* (New York: Columbia University Press, 1953), 212 ff. — *Примеч. автора.*

«старый Джонси, конечно, не может выбраться из привычной колеи». Описывается ли это как девиантное поведение или нет, оно, очевидно, представляет отклонение от культурной модели, согласно которой люди обязаны активно бороться, предпочтительно с помощью институционализированных методов, чтобы продвигаться вперед и вверх в социальной иерархии.

Таким образом, предполагалось, что острое беспокойство о статусе в обществе, которое акцентирует мотив достижения, может вызывать девиантное поведение «сверхконформности» и «сверхуступчивости». Например, подобная сверхуступчивость может быть обнаружена среди «бюрократических виртуозов»: некоторые из них могут чрезмерно приспосабливаться именно потому, что они испытывают чувство вины, вызванное их предыдущим неконформистским отношением к правилам⁴¹. Кстати, существует очень мало систематических данных, подтверждающих эту гипотезу, разве что психоаналитические исследования двадцати «бюрократов», которые обнаружили, что они становятся вынужденными неврастениками⁴². Однако даже эти скудные данные не связаны напрямую с нашей теорией, которая должна иметь дело не с типами *личности*, что важно для других целей, но с типами *исполнения ролей* в реакции на социально структурированную ситуацию.

Более прямое отношение имеют исследования поведения бюрократов Питера М. Блау⁴³. Он предполагает, что наблюдаемые случаи сверхконформизма «не вызваны тем, что ритуальная приверженность существующему способу действия должна стать неизбежной привычкой» и что «ритуализм происходит не столько от чрезмерной солидарности с инструкциями и сильной привычки к закрепившейся практике, сколько от недостатка уверенности в важных социальных взаимосвязях в организации». Короче, именно тогда, когда структура ситуации не уменьшает беспокойство о статусе и беспокойство о возможности соответствовать институционализированным ожиданиям, люди в этой организации реагируют со сверхподчиненностью.

Ситуации, сформированные социальной структурой, которая провоцирует ритуалистическую реакцию сверхконформизма на нормативные ожидания, были экспериментально и, конечно, только гомоло-

⁴¹ См. обсуждение «структурных источников сверхконформности» в главе VIII и «отступников» и «обращенных» в главах X и XI этой книги; также замечание Парсонса и Бейлса: «Наиболее важное представление в этой связи (относительно их независимо разрабатываемых теорий) состоит в том, что сверхконформность следует определить как девиацию». *Parsons at at. Working Papers*, 75. — *Примеч. автора*.

⁴² Otto Sperling, «Psychoanalytic aspects of bureaucracy», *Psychoanalytic Quarterly*, 1950, 19, 88—100. — *Примеч. автора*.

⁴³ P.M. Blau, *The Dynamics of Bureaucracy*, глава XII, с. 184—193. — *Примеч. автора*.

гично воспроизведены среди козлов и овец. (Читатель, конечно, не поддастся искушению сделать вывод, что нет более символически подходящих животных, чтобы выбрать их для этой цели.) Ситуация, провоцирующая ритуализм, мы напомним это, включает либо постоянную фрустрацию из-за важных целей, либо длительный опыт, в котором награда не пропорциональна конформизму. Психобиолог Говард С. Лиддел фактически воспроизвел оба этих условия в серии экспериментов⁴⁴. Среди этих примеров следующий:

Каждый день приведенный в лабораторию козел подвергается простому тесту: каждые две минуты стук телеграфа от секунды до десяти секунд предшествует воздействию электричества на переднюю ногу. После двадцатикратного повторения комбинации «сигнал—шок» козла возвращают на пастбище. Вскоре достигается удовлетворительный уровень моторного навыка, и, очевидно, животное хорошо адаптируется к этой конвейерной процедуре. В течение шести или семи недель наблюдатель отмечает, что постепенно возникают изменения в поведении животного, которое охотно приходит в лабораторию, но при входе демонстрирует определенную заученную осмотрительность, и его условные реакции являются крайне точными. Кажется, будто он старается «совершать только правильные поступки». Несколько лет назад наша группа стала называть подобных животных «перфекионисты»... Мы обнаружили, что в лаборатории Павлова выражение «правильное поведение» использовалось для характеристики такого поведения у собак.

По-видимому, здесь есть нечто большее, чем мимолетное сходство с тем, что мы описали как «синдром социального ритуалиста», который «реагирует на ситуацию, которая кажется угрожающей и вызывает недоверие» с помощью «все более тесной привязанности к спасительной рутине и институциональным нормам»⁴⁵. И действительно, Лиддел далее сообщает, что «мы можем предположить сходное поведение у человека при угрожающих обстоятельствах, что можно найти у Мира в описании шести стадий человеческого страха (первая из которых описана следующим образом):

Предусмотрительность и самоограничения. При внешнем наблюдении субъект проявляет скромность, предусмотрительность и неприязнательность. Посредством добровольного самоограничения он ограничивает свои цели и амбиции и отвергает все те удовольствия, которые влекут за собой риск или неблагоприятные последствия. Человек на этой стадии

⁴⁴ Условно подведен итог в Howard S. Liddell, «Adaptation on the threshold of intelligence», *Adaptation*, edited by John Romano (Ithaca: Cornell University Press, 1949), 55—75. — *Примеч. автора.*

⁴⁵ Глава VI этой книги. — *Примеч. автора.*

уже под подавляющим влиянием страха. Он реагирует с предупреждающим уклонением от надвигающейся ситуации. *Интроективно* субъект даже не осознает наличие страха. Напротив, он скорее доволен собой и горд, поскольку он считает, что ведет себя более предусмотрительно, чем другие люди⁴⁶.

Этот характерологический портрет вынужденного конформиста, который благодарит Бога, что он отличается от других людей, изображает существенные элементы реакции ритуалистического типа на угрожающую ситуацию. Социологическая теория обязана определить структурные и культурные процессы, которые создают высшую степень таких состояний угрозы в определенных частях общества и ничтожную степень в других. Именно к этому типу проблем обращается теория социальной структуры и аномии. Таким образом, рассматривая примеры ритуализма, мы продемонстрировали объединение «психологических» и «социологических» объяснений наблюдаемых образцов поведения.

Дальнейшие подходящие данные и идеи (в центре которых скорее личность, чем исполнение роли в определенных типах ситуаций) обнаружены в исследованиях, направленных на «нетерпимость неопределенности»⁴⁷. Недостаток этих исследований в отсутствии систематического включения переменных и динамики социальной структуры, что в основном компенсируется с помощью точной характеристики компонентов, которые, вероятно, входят в ритуалистические реакции на сформированные ситуации, а не только в структуру ригидной личности. В итоговом беглом перечислении компоненты «нетерпимости неопределенности» включают: «чрезмерное предпочтение симметрии, подобия, определенности и регулярности; тенденцию к черно-белым решениям, свехупрощенную дихотомизацию, безоговорочные решения «либо—либо», преждевременное завершение дискуссии, настойчивость и стереотипность; тенденцию к излишне «правильной» форме (то есть чрезмерную сосредоточенность на будущем образе организации), они возникают либо благодаря чрезмерному распространению всеобщности, либо благодаря свехакцентированию конкретных деталей; умственная ограниченность, ограниченность стимулов; стремление избежать неопределенности дополняется суже-

⁴⁶ Emilio Mira y Lopez, *Psychiatry in War* (New York: Academy of Medicine, 1943), as quoted by Liddell, *op. cit.*, 70. — *Примеч. автора.*

⁴⁷ Также Frenkel-Brunswik, «Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable», *Journal of Personality*, 1949, 18, 108—143; T.W. Adorno et al., *The Authoritarian Personality* (New York: Harper & Brothers, 1950); Ricard Christie and Marie Jahoda, editors, «Studies in the Scope and Method of «The Authoritarian Personality» (Glencoe: The Free Press, 1954). — *Примеч. автора.*

нием целей, недоступностью опыта, механическим повторением определенного набора действий, а отчасти — произвольным выбором или абсолютизацией тех аспектов реальности, которые должны быть сохранены»⁴⁸.

Существенное значение каждого из этих компонентов не может стать очевидным из краткого перечисления; детали изложены в многочисленных публикациях. Но даже из приведенного перечня видно, что понятие «нетерпимости неопределенности» относится к «чрезмерному проявлению» определенного рода восприятия, установок и поведения (на что указывают такие термины, как «чрезмерная исполнительность», «сверхупрощение», «безоговорочность», «сверхпредпочтение» и тому подобное). Нормы, которые осуждаются как «крайности», тем не менее не нужно ограничивать статистическими нормами, наблюдаемыми в данной совокупности личностей, или нормами «функциональной уместности», закрепленными *рядом* рассматриваемых людей, абстрагируясь от их социального окружения. Из стандартизированных нормативных ожиданий также можно вывести нормы, которые признаются в различных группах, и поведение, которое благодаря первому ряду стандартов может быть рассмотрено как «психологически сверхригидное», может иногда рассматриваться с помощью второго ряда стандартов как адаптивная социальная конформность. Это говорит только о том, что хотя, возможно, существует связь между понятием сверхригидных личностей и понятием социально продуцируемого ритуалистического поведения, они далеко не идентичны.

Бегство

Модель бегства состоит из существенного отрицания как уважаемых когда-то культурных целей, так и социальной практики, направленной на эти цели. Близкое соответствие этому образцу в настоящее время можно найти в описании «проблемных семей» — проще говоря, тех семей, которые не соответствуют нормативным ожиданиям, преобладающим в их социальном окружении⁴⁹. Дополнительные дан-

⁴⁸ Также Frenkel-Brunswik, in Christie and Jahoda, *op. cit.*, 247. — *Примеч. автора.*

⁴⁹ W. Baldamus and Noel Timms, «The problem family: a sociological approach», *British Journal of Sociology*, 1955, 6, 318—327. Авторы заканчивают следующими словами: «Хотя индивидуальные характерные черты структуры личности, кажется, влияют сильнее... чем мы ожидали, основания девиантных убеждений и ориентации являются отдельными детерминантами, что по-прежнему доказывает необходимость более глубоких исследований природы и значения этого фактора. Таким образом, видно, что с определенными оговорками наиболее крайний случай расстройств и неэффективности в проблемах семьи граничит с ситуацией «бегства»... возникает отказ от конформности

ные об этом способе реакции находим среди рабочих, у которых возникает состояние психической пассивности в ответ на некоторую заметную степень аномии⁵⁰.

Тем не менее бегство в целом выглядит как реакция на острую аномию, включая резкий разрыв с привычной и признанной нормативной структурой и с установившимися социальными отношениями, особенно когда попавшие в такие условия люди считают, что это состояние будет продолжаться бесконечно. Как заметил Дюркгейм с характерной для него пронизательностью⁵¹, подобный разрыв может быть обнаружен в «аномии успеха», когда Фортуна улыбается и многие переходят в гораздо более высокий статус по сравнению с привычным, а не только в «аномии депрессии», когда Фортуна хмурит брови и явно не сулит добра. Большинство подобных аномических состояний часто возникают в тех структурированных ситуациях, которые «освобождают» людей от широкого круга ролевых обязанностей, как, например, в случае «отставки» от работы, навязанной людям без их согласия, и в случае вдовства⁵².

к установленным ценностям, особенно в отношении к стандартам поведения». По всем показателям «бегство» выглядит наиболее заметным среди самых низших социальных слоев, как это описал W. Lloyd Warner and Paul S. Lunt, *The Social Life of Modern Community* (New Haven, Yale University Press, 1941). — *Примеч. автора*.

⁵⁰ Ely Chinoy, *Automobile Workers and the American Dream* (New York: Doubleday & Company, 1955); и по этому вопросу см. обзор книги: Paul Meadows, *American Sociological Review*, 1955, 20, 624. — *Примеч. автора*.

Как мы отмечали при первом описании типов адаптации, это относится «к ролевому поведению... а не к личности». Из этого, конечно, не следует, что адаптация остается жестко закрепленной в течение жизни человека; напротив, здесь остается место для систематического исследования образцов последовательной смены ролей, которая развивается при определенных условиях. Например, за конформистскими усилиями может последовать ритуалистическая адаптация, а она, в свою очередь, может уступить место ретритизму; другие типы последовательности ролей можно также определить. Интересные исследования, которые начинают обращаться к последовательности ролевых адаптаций, см.: Leonard Reissman, «Levels of aspiration and social class», *American Sociological Review*, 1953, 18, 233—242. — *Примеч. автора*.

⁵¹ Как и большинство пронизательных открытий в области человеческого поведения, это также было «предвосхищено». Например, в кн. Samuel Butler «*The Way of All Flesh*» автор отмечает: «Несчастья, если они осаждают человека мало-помалу, большинство людей принимают с большим самообладанием, чем большой успех, достигнутый один раз в жизни» (глава V). Различие, конечно, в том, что Дюркгейм со временем включил эту пронизательную мысль в организованную систему теоретических идей, которую он завершил их полным осмыслением; Батлер не занимался этим, но зато он пришел к другим многочисленным, хотя и не связанным между собой глубоким представлениям о человеке и человеческом обществе. — *Примеч. автора*.

⁵² Здесь снова литератор понимает то, что социолог продолжает подробно изучать и осмысливать. В классическом эссе Charles Lamb, *The Superannuated Man* автор описывает синдром дезориентации, переживаемый теми, кто освобожден от своей обя-

В исследовании вдовствующих и тех, кто отстранен от работы, Зена С. Блау исследует в деталях обстоятельства, создающие бегство как один из нескольких образцов реакции⁵³. Как она отмечает, и вдовствующие, и «отстраненные» потеряли свою основную роль и до некоторой степени испытывают чувство изоляции. Она считает, что бегство чаще возникает среди одиноких вдов и вдовцов, среди вдов даже чаще, чем среди вдовцов. Бегство проявляется в ностальгии по прошлому и в апатии к настоящему. Люди, склонные к бегству, еще больше сопротивляются вхождению в новые социальные отношения с другими, чем те люди, которые описываются как «оставленные», поскольку они стремятся продолжать свое апатическое состояние.

Возможно, поскольку бегство представляет форму девиантного поведения, которое не регистрируется в социальной статистике подобно таким бесспорным примерам девиантного поведения, как преступление и правонарушение, и поскольку оно не имеет такого же драматического и слишком очевидного воздействия на функционирование групп как нарушение закона, то социологи (если не психиатры) склонны пренебрегать им как предметом для изучения. Однако синдром бегства был определен еще столетия назад и назван *acedie* (*acedy, acedia, accedia*)*, Римская католическая церковь считала его одним из смертных грехов. Как лень и глупость, из-за которых «источники духа иссушаются», равнодушие интересовало теологов начиная со Средних веков. Оно привлекало внимание мужчин и женщин в литературе по крайней мере со времен Ленгленда и Чосера, через Байрона к Олдосу Хаксли и Ребекке Вест. Множество психиатров имели с ним дело в форме апатии, меланхолии или отсутствия чувства радости жизни⁵⁴. Но социологи уделяют этому синдрому исключительно мало внимания. Все же видно, что эта форма девиантного

зательной роли — быть прикованным к конторке, со всей, возможно, монотонной, но вполне комфортабельной рутинной, которая приводит в порядок повседневное существование. И он продолжает: «Предусмотрительным людям, состарившимся в активном бизнесе, нелегко, не имея на то своих веских оснований, отказаться от своих привычных занятий *sразу*, поскольку это было бы опасно для них». Выделенное курсивом обращает внимание на то, что Дюркгейм, Батлер и Лэмб рассматривали как суть вопроса: внезапность изменения статуса и роли. — *Примеч. автора.*

⁵³ Zena Smith Blau, *Old Age: A Study of Change in Status*, неопубликованная докторская диссертация по социологии, Columbia University, 1956. — *Примеч. автора.*

* равнодушие. — *Примеч. пер.*

⁵⁴ Среди многих описаний *acedie*: Langland's *Vera Plowman* and Chaucer's «Parson's Tale»; Burton's *Anatomy of Melancholy*; эссе Aldous Huxley in *On The Margin*; Rebecca West, *The Thinking Reed*. Further, F.L. Wells, «Social maladjustments: adaptive regression», in Carl A. Murchison, ed., *Handbook of Social Psychology*, 869 ff. и статья A. Meyerson, «Anhedonia», *American Journal of Psychiatry*, 1922, 2, 97—103. — *Примеч. автора.*

поведения имеет свои социальные предпосылки, так же как свои очевидные социальные последствия, и мы можем ожидать больше социологических исследований на эту тему, похожих на упомянутое исследование Зены Блау.

Остается рассмотреть, можно ли виды политической и организационной апатии, в настоящее время исследуемые социологами, в теоретической форме соотнести с теми социальными силами, которые, согласно этой теории, создают бегство как форму поведения⁵⁵. Возможно, это лучше изложено в следующей цитате:

«...отрицание норм и целей включает в себя феномен культурной апатии по отношению к стандартам поведения. Качественно различным аспектам последнего состояния придают различные дополнительные значения с помощью таких терминов, как индифферентность, цинизм, моральная усталость, разочарование, отказ от аффектов, оппортунизм. Одним из известных типов апатии является потеря связи с ранее близкими культурными целями. Так происходит, когда продолжительная борьба заканчивается постоянной и, по-видимому, неизбежной фрустрацией. Утрата главных жизненных целей переносит человека в социальный вакуум, лишает его жизнь центрального направления или значения. Другой очень серьезный вид апатии, по-видимому, возникает в условиях большой нормативной сложности и/или острой перемены, когда люди вовлечены на такой путь, на котором сталкиваются с многочисленными противоречивыми нормами и целями, в этих случаях человек становится буквально дезориентированным и деморализованным, неспособным твердо следовать тем нормам, с которыми он согласен. При определенных условиях, еще не понятых, в результате возникает «отказ от ответственности»: обесценивание принципиального поведения, недостаток интереса к поддержанию моральной общности с другими людьми. По-видимому, такая потерянности является *одним* из основных состояний, из которых возникают некоторые типы тоталитаризма. Люди отказываются от моральной автономии и подчиняются внешней дисциплине⁵⁶.

Бунт

К настоящему времени должно быть ясно, что рассматриваемая теория считает конфликт между культурно-определенными целями и институциональными нормами одним из источников аномии; она

⁵⁵ Cf. Bernard Barber, «*Mass Apathy*» and *Voluntary Social Participation in the United States*, неопубликованная докторская диссертация по социологии (Harvard University, 1949); B. Zawadzki and Paul F. Lazarsfeld, «The psychological consequences of unemployment», *Journal of Social Psychology*, 1935, 6. — *Примеч. автора.*

⁵⁶ Robin M. Williams, *h. American Society* (New York: A.A. Knopf, 1951), 534-535. - *Примеч. автора.*

не считает *тождественными* конфликт ценностей и аномию⁵⁷. Напротив, конфликт между нормами, которых придерживаются различные подгруппы в обществе, конечно, часто заканчивается возросшей приверженностью нормам, преобладающим в каждой подгруппе. Девиантное поведение и разрушение нормативной системы возникает из-за конфликта между культурно-принятыми ценностями и социально структурированными трудностями для тех, кто станет жить согласно этим ценностям. Такое последствие аномии тем не менее может быть только прелюдией к развитию новых норм, и оно является ответом, который мы описали как «бунт» в типологии адаптации.

Когда бунт ограничен относительно небольшими и относительно слабыми элементами в обществе, он создает возможность для формирования подгруппы, отчужденной от остального общества, но объединенной внутри себя. Примерами этого образца являются отчужденные

⁵⁷ Впервые сформулированная теория, очевидно, не осветила этот вопрос. По крайней мере к такому выводу приводят две дискуссии, предполагавшие, что конфликт между нормами равносителен безнормности (культурный аспект аномии). Ralph H. Turner, «Value conflict in social disorganization», *Sociology and Social Research*, 1954, 38, 301—308; Christian Bay, *The Freedom of Expression*, не опубликована, глава III.

Представитель исторической социологии описал основные черты процесса разочарования как в культурных целях, так и в институциональных средствах в конце 30-х годов в Соединенных Штатах, например, об этом свидетельствовали мнения, опубликованные после смерти Джона Рокфеллера. Социолог пишет. «Ясно, что несогласные с друг другом люди не встречались для обсуждения мер по реформированию общества, но, с точки зрения защитников Рокфеллера и предпринимательства, несогласие было, по-видимому, менее важно, чем доказательство недоверия режиму предпринимательства и отчуждения (особенно на нижних ступенях социальной организации) от целей и стандартов, которые обеспечивают его идеологическую безопасность. Согласно критикам, цели и стандарты больше не обладают легитимностью и не могут служить для требуемой лояльности. А когда лояльность нарушена, как могут бизнесмены-предприниматели с уверенностью ожидать рутинной деятельности и реакций, которые характеризуют поддерживаемую индустриальную дисциплину? Но в обличительных речах критиков таилось нечто большее, чем расхождение и неудовлетворенность. Если деятельность такого предпринимателя, как Рокфеллер, являлась функцией социальной организации, которая сама была причиной недовольства — бедности и безработицы, то ее критики утверждали, что такая организация больше не заслуживает поддержки и что «молодые люди» больше не будут равняться на ее культурные стандарты. При соответствующих изменениях (в этом вопросе сами критики расходились) может быть создана новая и лучшая социальная организация. Это было (или могло стать) чем-то большим, чем просто дискуссия; это было планом действия. И поскольку планировалась деятельность для ограничения масштабов и свободы предпринимательства, то его защита журналистами сталкивалась с возражениями. Приверженность к риску нуждалась в подтверждении, и каждое новое доказательство, что они рисковали — от сидячей забастовки в Флинте до нового политического и экономического законодательства в Вашингтоне, — делало задачу безотлагательной». Sigmund Diamond, *The Reputation of the American Businessman*, 116—117. — *Примеч. автора.*

подростки, объединяющиеся в банды или становящиеся участниками различных молодежных движений в их собственной субкультуре⁵⁸. Эта реакция на аномию склонна тем не менее к неустойчивости, если только новые группы и нормы не изолированы в достаточной мере от остального общества, которое отвергает их.

Когда бунт становится всеобщим в существенной части общества, он создает возможность революции, которая преобразует как нормативную, так и социальную структуры. Именно в этой связи современные исследования изменяющейся роли буржуазии во Франции восемнадцатого века значительно расширяют данную теорию аномии. Это расширение точно и кратко изложено в следующей цитате⁵⁹

Предполагается, что... слишком большое несоответствие между ожиданием мобильности и ее реальным осуществлением приводит к состоянию *аномии*, то есть частичной социальной дезинтеграции, отражающей слабость моральных норм. Та же самая деморализация с большой вероятностью возникнет, когда *de facto* существует мобильность, не сопровождаемая моральным одобрением; французская буржуазия XVIII века сталкивалась именно с этими двумя видами несоответствий, все больше и больше в течение века.

Полностью независимо от частных данного исторического примера в центре нашего теоретического внимания — общая концепция, согласно которой аномия может привести к двум видам расхождений между объективной степенью социальной мобильности и культурными определениями моральных прав (и обязанностей) для продвижения в иерархической социальной системе. В течение всего времени мы рассматривали только один тип несоответствия, в котором ценное с точки зрения культуры восхождение является социально ограниченным, и может оказаться, что в истории это наиболее частый образец. Но второе несоответствие, как наблюдает д-р Бербер, также приводит к разрушающему напряжению в системе. Вообще его можно определить как хорошо знакомый образец, хорошо знакомый для американского общества, в котором как кастовые, так и общеклассовые нормы признаны в обществе, что приводит к широко распространенной амбивалентности по отношению к классовой и кастовой мобильности *de facto* для тех, кто причислен многими к нижней касте. Фазу деморализации, которая вызвана структурной ситуацией такого рода, иллю-

⁵⁸ См. очень полезное исследование: Howard Becker, *German Youth: Bond of Free* (London: Routledge & Kegan Paul, 1946); S.N. Eisenstadt, *From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure* (Glencoe: The Free Press, 1956), esp. Chapter VI. — Примеч. автора.

⁵⁹Elinor G. Barber, *The Bourgeoisie in 18th Gentry France* (Princeton: Princeton University Press, 1955), 56. - Примеч. автора.

стрируют примеры межрасовых взаимоотношений не только в различных частях Соединенных Штатов, но и в большом количестве сообществ, когда-то колонизированных Западом. Эти знакомые факты, как и факты о буржуазии *старого режима*, которые изложила д-р Барбер в своей теоретической интерпретации⁶⁰, по-видимому, с точки зрения социологической теории, хорошо согласуются друг с другом.

Изменение социальной структуры и девиантное поведение

В соответствии с рассматриваемой теорией, очевидно, различные давления, создающие девиантное поведение, будут продолжать оказывать воздействие на определенные группы и слои только тогда, когда структура возможностей и социальных целей остается неизменной по своей сути. Соответственно, как только происходят значительные изменения в данных структуре и целях, мы должны ожидать соответствующих изменений среди той части населения, которая наиболее сильно подвержена этому давлению.

У нас часто была возможность отметить, что криминальный «рэкет» и иногда действующий совместно с ним политический механизм сохраняются благодаря социальным функциям, которые они исполняют для различных частей основного населения, которое состоит из их признанных и непризнанных заказчиков⁶¹. Следует ожидать, таким образом, что как только созданы легитимные структурные альтернативы для исполнения этих функций, это приведет к существенным изменениям в социальном распространении девиантного поведения. Именно этот тезис развивается Дэниелом Беллом в глубокой аналитической статье⁶².

⁶⁰ Поскольку это скорее теоретический вклад, чем специфический, эмпирические данные, которые имеют непосредственный интерес, — я не делал общих выводов из содержательного материала, изложенного Барбер. Она же, обобщая свой материал, делает следующий предварительный вывод: «Именно жесткость, ригидность классовой системы ускорила отчуждение этой (средней) части буржуазии от существующей классовой структуры, к которой она, вплоть до революции, была лояльна более чем другие. Когда отвергли его право улучшить свое социальное положение, буржуа обнаружил, что давление конфликтующих моральных норм совершенно невыносимо, и он всецело отверг свое прежнее осуждение социальной мобильности». Ibid., 144. — *Примеч. автора.*

⁶¹ См. наблюдения Уильяма Уйта, цитируемые в главе III этой книги, и см. дальнейшее обсуждение преступления как средства социальной мобильности в главе VI. — *Примеч. автора.*

"Daniel Bell, «Crime as an American way of life», *The Antioch Review*, (Summer 1953), 131 — 154. — *Примеч. автора.*

Белл отмечает, что «члены воровской шайки имеют в основном иммигрантские корни и преступление (как показательный образец) является средством социального восхождения, позволяющим занять определенное положение в американской жизни». И как социологи, изучающие этот предмет, часто наблюдают, каждая новая иммигрантская группа оказывается занимающей нижний социальный слой, недавно оставленный иммигрантской группой, которая пришла перед ними. Например, когда итальянцы прожили поколение или два в американской жизни, они нашли «более открытые в большом городе пути от нищеты к богатству, занятые ранее» евреями и ирландцами. И как Белл пишет далее:

Не допущенные к политической карьере (в начале 30-х годов почти не было итальянцев среди городских рабочих и служащих на высокооплачиваемой работе, в книгах этого периода невозможно найти обсуждение итальянских политических лидеров) и ищущие какие-либо открытые средства к успеху, некоторые из них обращались к незаконным способам. В детской судебной статистике 30-х годов самая большая группа нарушителей была итальянцами...

Белл пишет, что именно бывший рэкетир, ищущий респектабельности, «оказывал значительную поддержку итальянцам в предвыборной борьбе за место в структуре власти городского политического механизма». А решающее изменение в источниках финансирования городского политического механизма создало контекст, способствующий этому альянсу рэкетира и политической организации. Ибо основные фонды, которые ранее приходили из большого бизнеса, были в этот момент перенаправлены от муниципальных к национальным политическим организациям. Один из замещающих источников для финансирования этого механизма был уже под рукой в «новом и часто нелегально заработанном итальянском успехе». Это хорошо иллюстрируется карьерой Костелло и его появлением в качестве политической силы в Нью-Йорке. Здесь ведущим политическим мотивом был поиск входа — для себя и для этнической группы — в правящие круги большого города. Впервые за все время итальянцы достигли существенной ступени политического влияния.

В кратком заключении Белл прослеживает «особую этническую последовательность в способах достижения незаконного успеха». Хотя Данные все же далеки от адекватности, существует некоторое основание для заключения, сделанного Беллом, что «люди итальянского происхождения появились на первых ролях в высокой драме игроков и воров, также как двадцать лет назад дети восточноевропейских евреев были наиболее известными фигурами в организованной преступ-

ности, а еще раньше люди ирландского происхождения прославились подобным образом».

Но с изменением в структуре возможностей «растущее число итальянцев, получивших профессиональное обучение и законный успех в бизнесе... как побуждало итальянскую группу, так и позволяло ей обладать всевозрастающим политическим влиянием; и все больше и больше именно профессионалы и бизнесмены создают модели для итальянской молодежи сегодня (модели, которые едва ли могли существовать двадцать лет назад)».

По иронии судьбы, принимая во внимание тесную связь Рузвельта с политической машиной больших городов, в конце концов именно фундаментальные структурные изменения, выразившиеся в рациональных мероприятиях по улучшению культурно-бытовых условий (то, что некоторые называют «система вэлфер»), в основном повлекли за собой упадок политической машины. Образно, но по существу верно, можно сказать, что именно система «вэлфер» и появление слоя более или менее включенных в бюрократическую администрацию ученых, которые прямо критиковали реформаторов, практически свели на нет власть политической машины. Как заключает Белл:

После рационализации и включения некоторых ранее нелегальных действий в структуру экономики пришло к своему концу время старшего поколения, которое установило свою гегемонию с помощью преступления и обеспечило продвижение групп меньшинств к ведущим социальным позициям, разрушение городской управленческой системы, а также модель преступления, которую мы обсуждали. Преступление, конечно, остается по-прежнему как страсть и желание наживы. Но большая организованная городская преступность, которую мы знали на протяжении прошедших 75 лет, базировалась на большем, чем эти общие мотивы. Она базировалась на характерных чертах американской экономики, американских этнических групп и американской политики. Изменения во всех этих областях означают, что преступность в той форме, которую мы знаем, также заканчивается.

Нам не нужно искать более подходящее, с точки зрения структурно-функционального анализа, заключение к этому обзору неразрывной связи социальной структуры и аномии.

VIII. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЛИЧНОСТЬ

Формальная, рационально организованная социальная структура предполагает строго установленный образ деятельности, в котором (в идеальном случае) каждый ряд действий функционально связан с целями организации¹. В подобной организации существует интегрированный ряд должностей, иерархически закрепленных статусов. Их неотъемлемой частью является множество обязанностей и привилегий, строго определенных жесткими и специфическими правилами. Каждая из этих должностей содержит сферу вменяемой компетенции и ответственности. Авторитет (право руководства), который проистекает от признанного статуса, является неотъемлемой частью должности, а не частного лица, исполняющего официальную роль. Официальное действие обычно происходит в рамках уже существующих правил этой организации. Система предписанных отношений между различными должностями предполагает значительную степень формальности и точно определенной социальной дистанции между людьми, занимающими различные должности. Формальность отношений проявляется при помощи более или менее сложного социального ритуала, который символизирует и поддерживает подчеркнутый порядок различных должностей. Подобная формализация отношений, которая интегрирована с распределением власти в системе, служит минимизации разногласий благодаря сведению официальных контактов к образу действий, который был предварительно определен правилами организации. Таким образом, создается возможность с легкостью предсказать поведение других и стабильный ряд взаимных ожиданий. Более того, формализация способствует взаимодействию должностных лиц, несмотря на их личные (возможно, недоброжелательные) отношения друг к другу. Таким образом, под-

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

¹ Для изучения понятия «рациональная организация» см. Karl Mannheim, *Mensch und Gesellschaft im Zeitalter der Umwälzung* (Leiden: A.W. Sijthoff, 1935), esp. 28 ff - *Примеч. автора*.

чиненный защищен от произвольных действий своего начальника, поскольку взаимно признанный ряд правил сдерживает поступки каждого. Специальный процедурный механизм способствует развитию объективности и ограничивает «быстрое проведение побуждения в действие»².

Структура бюрократии

Бюрократия является идеальным типом такой формальной организации. Во многих отношениях классический анализ бюрократии был сделан Максом Вебером³. Как показал Вебер, бюрократия предполагает точное распределение нескольких интегрированных видов деятельности, которые рассмотрены как обязанности, неотделимые от должности. В регулирующих инструкциях установлена система разграничения типов контроля и санкций. Распределение ролей происходит на основе специальной квалификации, которая определяется через формализованную, объективную процедуру (например, экзамен). В структуре иерархически организованной власти деятельность «подготовленных и получающих установленный оклад штатных экспертов» подчинена общим, абстрактным и ясно определенным правилам, которые исключают необходимость издания специальных инструкций для каждого отдельного случая. Универсальность правил требует постоянного использования *категоризации*, с помощью которой определенные критерии применяются для классификации и соответствующего рассмотрения отдельных проблем и обстоятельств. Как правило, чиновник получает назначение на должность либо благодаря начальству, либо пройдя объективную экспертизу; он не является избираемым лицом. Степень гибкости в бюрократии достигается с помощью избранных высших функционеров, которые, предполагается, выражают волю электората (например, гражданского общества или совета директоров). Выборы высших чиновников предназначены для влияния на цели организации, но технические процедуры для достижения этих целей выполняются неизменным бюрократическим персоналом⁴.

² H.D. Lasswell, *Politics* (New York: McGraw-Hill, 1936), 120—121. — *Примеч. автора.*

³ Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft* (Tübingen: J.C.B. Mohr, 1922), Pt. III, chap. 6; 650—678. Краткий итог рассуждений Вебера см. Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, esp. 506 ff. Описание, не карикатурное, бюрократа как типа личности см. C. Rabany, «Les types sociaux: le fonctionnaire», *Revue generale d'administration*, 1907, 88, 5—28. — *Примеч. автора.*

⁴ Karl Mannheim, *Ideology and Utopia* (New York: Harcourt, Brace, 1936), 18n., 105 ff. См. также Ramsay Muir, *Peers and Bureaucrats* (London: Constable, 1910), 12—13. — *Примеч. автора.*

Большинство бюрократических должностей предполагают вероятность долговременного пребывания в должности при отсутствии разрушающих факторов, которые могут сократить размер организации. Бюрократия стремится к максимальным гарантиям профессиональной безопасности⁵. Функция гарантированного пребывания в должности, пенсий, пособий, возрастающего должностного оклада и упорядоченной процедуры продвижения по службе заключается в том, чтобы обеспечить полноценное исполнение служебных обязанностей, несмотря на посторонние влияния⁶. Главное достоинство бюрократии в ее технической эффективности, она вознаграждается за точное, быстрое и квалифицированное управление, последовательность и ответственность, а также оптимальный ответ на поступивший сигнал. Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха, аффективных осложнений и т.д.).

С ростом бюрократизации становится очевидным для всех, кто хочет видеть, что управление людьми в очень значительной степени определяется их социальными отношениями по поводу средств производства. Это больше не может выглядеть только догмой марксизма, это — упрямый факт, который должен быть признан всеми, совершенно независимо от их идеологической принадлежности. Бюрократизация сразу делает очевидным то, что первоначально было туманным и непонятным. Все больше и больше людей обнаруживают, что для того, чтобы работать, они должны быть кем-либо наняты. Для того, чтобы работать, человек должен иметь инструменты и оборудование. Но инструменты и оборудование все в большей степени находятся в распоряжении бюрократии, частной или государственной. Следовательно, человек должен быть нанят бюрократией ради доступа к инструментам, ради работы и ради возможности жить. В этом смысле бюрократизация влечет за собой отделение человека от средств производства (на современном капиталистическом предприятии или на государственном коммунистическом предприятии образца 50-х годов), а в постфеодальной армии бюрократизация влечет за собой полное отделение человека от орудий уничтожения. Типично, что ни рабочий не имеет больше собственных инструментов, ни солдат — собственного оружия. И в этом специфическом смысле все больше и

⁵ E.G. Cahen-Salvator предполагает, что бюрократический персонал состоит в основном из тех, кто ценит безопасность превыше всего. См. его кн. «La situation materielle et morale des fonctionnaires», *Revue politique et parlementaire* (1926), 319. — *Примеч. автора.*

⁶ H.J. Laski, «Bureaucracy», *Encyclopedia of the Social Sciences*. Эта статья написана скорее со точки зрения политолога, чем социолога. — *Примеч. автора.*

больше людей становятся рабочими либо в «синих воротничках», либо в «белых воротничках», либо в «крахмальных рубашках». Так, например, создается новый тип научного работника как ученого, «отделенного» от своего специального оборудования, — в конце концов, физик не владеет своим собственным циклотроном. Для того чтобы осуществить свое исследование, он должен быть нанят бюрократией, распоряжающейся лабораторными ресурсами.

Бюрократия — это такая администрация, которая почти полностью избегает публичного обсуждения своих методов, хотя возможны случаи публичного обсуждения ее политики⁷. Полной секретности не придерживается ни государственная, ни частная бюрократия. Полагают, что она необходима для охраны ценной информации от частных экономических конкурентов или от иностранных и потенциально враждебных политических групп. И хотя, возможно, не часто, но так называемый шпионаж среди конкурентов существует и в системах частного экономического предпринимательства (простой или сложно организованный), и в системах национальных государств. Но если необходимо публично защищать основу всех решений и политики, то должны быть обнародованы и смета расходов, и список заказчиков, и новые технологические процессы, и производственные планы — все, что обычно рассматривают как существенные секреты частной экономической бюрократии.

Дисфункции бюрократии

В предыдущем рельефном очерке подчеркнуты позитивные достижения и функции бюрократической организации и почти полностью отброшены внутреннее напряжение и деформация подобной структуры. Тем не менее общество в целом явно подчеркивает несовершенство бюрократии, о чем говорит тот факт, что «мерзкий гибрид», «бюрократ» — стал эпитетом, бранным словом.

Переход к изучению негативных аспектов бюрократии возможен благодаря применению таких понятий, как «вышколенная недееспособность» (Веблен), «профессиональный психоз» (Дьюи) или концепции «профессиональной деформации» (Варно). «Вышколенная недееспособность» относится к такому положению дел, при котором способности должностного лица функционируют как «несостоятельность» или «мертвая зона». Действия, которые основаны на обучении и навыках, успешно применяемых в прошлом, могут в итоге превратиться в

⁷ Weber, *op. cit.*, 671. — *Примеч. автора.*

несоответствующие реакции *при изменившихся обстоятельствах*. Недостаток гибкости в применении навыков, воли в меняющихся условиях, приводит к более или менее серьезному несоответствию обстоятельствам⁸. Воспользуемся примером с птичьего двора, приводимым в этой связи Берке. Легко приучить цыплят воспринимать звук колокольчика как сигнал к получению корма. Тот же самый колокольчик может быть использован в час, роковой для приученных цыплят, чтобы созвать их, когда им будут рубить головы. Вообще если человек предпринимает меры в соответствии со своими прежними знаниями, не понимая, что новые условия *существенно* отличаются от старых, то именно высокое качество обучения может привести к принятию неверной процедуры. Вновь вернемся к Берке, к его почти эхололической фразе: «Люди могут оказаться непригодными из-за их подгонки к негодной пригодности»; их обученность становится неполноценностью.

Понятие профессионального психоза, используемое Дьюи, основано во многом на сходных наблюдениях. Как результат ежедневной рутины люди вырабатывают особые предпочтения, антипатии, пристрастия и акценты⁹. (Дьюи использует термин «психоз» для обозначения «ярко выраженной характерной особенности ума».) Этот психоз развивается из-за требований, предъявляемых к человеку особой структурой его профессиональной роли.

И у Веблена, и у Дьюи используемые понятия относятся к фундаментальной амбивалентности. Любое действие можно рассмотреть с точки зрения «того, что достигается», и «того, что не удастся достичь». «Способ видеть также является способом не видеть — фокус на объекте А предполагает пренебрежение объектом В»¹⁰. Вебер, обсуждая этот вопрос, почти исключительно интересуется тем, что бюрократическая структура достигает: точность, надежность, эффективность. Та же самая структура может быть изучена с другой точки зрения, предполагающей амбивалентность. Что мешает организации, запланированной для достижения этих целей?

По причинам, которые мы уже указывали, бюрократическая структура оказывает постоянное давление на чиновника для того, чтобы он был «методичным, предусмотрительным, дисциплинированным». Если бюрократия должна действовать успешно, она обязана достичь высокой степени надежности поведения, исключительной степени конформности по отношению к предписанным образцам действия.

⁸ Для дальнейшего обсуждения и применения этих понятий см. Kenneth Burke, *Permanence and Change* (New York: New Republic, 1935), pp. 50 ff.; Daniel Warnotte, «Bureaucratie et Fonctionnarisme», *Revue de l'Institut de Sociologie*, 1937, 17, 245. — *Примеч. автора*.

⁹ Ibid, 58—59. — *Примеч. автора*.

¹⁰ Ibid, 70. — *Примеч. автора*.

И из этого следует фундаментальное значение дисциплины, которая может быть развита так же сильно в религиозной и экономической бюрократии, как и в армии. Дисциплина может быть эффективной только в том случае, если идеальные формы поддерживаются сильными чувствами, которые влекут за собой преданность обязанностям, тонкое восприятие ограничения власти и компетенции и методичное исполнение рутинных обязанностей. Эффективность социальной структуры зависит в конечном счете от группы участников, вдохновленных соответствующими установками и чувствами. Как мы увидим, для внушения и укрепления этих чувств в бюрократии существуют определенные мероприятия.

Иногда можно заметить, что для обеспечения дисциплины (необходимой надежности реакций) эти чувства даже более сильны, чем это формально необходимо. Существует, так сказать, запас прочности в воздействии, которое оказывается на бюрократа для подчинения его формальным обязанностям. Это во многом похоже на заложенные инженером при проектировании опор моста добавочные денежные выплаты (смету, преувеличенную из предосторожности). Но именно это усиление ведет к перенесению чувств с *целей* организации на отдельные детали поведения, требуемые правилами. Строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс *замены цели*, из-за которого «техническая ценность становится конечной ценностью». Дисциплина, легко интерпретируемая как конформизм к регулирующим инструкциям в любой ситуации и не рассматриваемая как мера, запланированная для специальной цели, тем не менее становится непосредственной ценностью для бюрократа в организации, с которой связана его жизнь. Такой акцент, возникающий из замены пер-

¹¹Этот процесс часто наблюдают в различных контекстах. Одним из его аспектов является *гетерогония целей* Вундта, другим — парадокс следствий Макса Вебера. См. также исследования МакИвера по трансформации цивилизации в культуру и замечание Лассуелла, что «человек отличается от животного своей неограниченной способностью достигать запланированной цели». См.: Merton, «The unanticipated consequences of purposive social action», *American sociological Review*; 1936, 1, 894—904. С точки зрения психологического механизма, этот процесс наиболее полно проанализирован Гордоном Олпортом, в обсуждении «функциональной автономности мотивов» Олпорт уточняет ранние формулировки Вудворта, Толмена и Вильяма Стерна и приходит к формулировке процесса с точки зрения индивидуальной мотивации. Он не рассматривает те фазы социальной структуры, которые ведут к «трансформации мотивов». Формулировка, принятая в этой главе, таким образом дополняет анализ Олпорта; одна подчеркивает психологический механизм, другая рассматривает напряжение в социальной структуре. Конвергенция психологии и социологии в этом центральном понятии наводит на мысль, что возможен концептуальный мост между двумя дисциплинами. См.: Gordon W. Allport, *Personality* (New York: Henry Holt & Co., 1937), chap. 7. — *Примеч. автора.*

воначальной цели, развивается в непреклонность и неспособность легко справиться с регулированием вопросов. Формализм, даже ри-туализм, стремится с настойчивостью, не вызывающей сомнений, к педантичному исполнению правил и к формализованным процедурам¹². Это может быть преувеличено до такой степени, когда первоначальная забота о конформистском отношении к правилам начинает наносить вред целям организации, в этом случае мы получаем хорошо известный феномен формализма или волокиты чиновников. Крайним продуктом этого процесса «замены цели» является бюрократ-виртуоз, который никогда не забывает единственное правило, сковывающее его действие, и поэтому не способен помочь большинству своих клиентов¹³. Подходящим примером того, как строгое признание границ полномочий и буквальное строгое исполнение правил дают такой результат, является ужасное положение Бернета Бальхе-на, pilota адмирала Берда, во время перелета через Южный полюс.

Согласно постановлению Департамента труда, ему нельзя выдать документы о получении гражданства США. Бернет Бальхен, уроженец Норвегии, декларировал свое намерение в 1927 году. Признано, что он не исполнил условие пятилетнего постоянного пребывания в Соединенных Штатах. Он выбыл из страны в связи с антарктической экспедицией адмирала Берда, хотя он был на корабле, несущем американский флаг, был бесценным членом американской экспедиции и находился в регионе, на который американцы предъявляют притязания, поскольку он исследуется и заселяется американцами и поэтому является Малой Америкой.

Бюро натурализации объяснило, что не может исходить из допущения, что Малая Америка является американской землей. Это было бы *нарушением международного права*, где подобные вопросы не предусмотрены. Поэтому бюро натурализации полагает, что Бальхен был вне пределов страны и *формально* не исполнил закон о натурализации¹⁴.

Структурные источники сверхконформизма

Подобная неадекватность в ориентации, которая включает вышестоящую недееспособность, несомненно, возникает из структурных источников. Можно сделать краткое резюме этого процесса. (1) Эф-

¹² См.: E.C. Hughes, «Institutional office and the person», *American Journal of Sociology*, 1937, 43, 404—413; E.T. Hiller, «Social structure in relation to the person», *Social Forces*, 1937, 16, 34-4. — *Примеч. автора*.

¹³ Mannheim, *Ideology and Utopia*, 106. — *Примеч. автора*.

¹⁴ Цитируется из *Chicago Tribune* (June, 24, 1931, p. 10) by Thurman Arnold, *The Symbols of Government* (New Haven: Yale University Press, 1935), 201—202. [Курсив мой]. — *Примеч. автора*.

фективная бюрократия требует надежности реакций и беззаветной преданности, не допускающей отклонений от регулирующих инструкций. (2) Подобная преданность правилам приводит к их трансформации в самодовлеющие правила; они не могут больше восприниматься как подчиняющиеся ряду целей. (3) Это мешает быстрой адаптации при особых обстоятельствах, которые не были детально предусмотрены теми, кто создавал общие правила. (4) Таким образом, именно те элементы, которые способствуют эффективности в общем, являются причиной бездействия в особых случаях. Члены бюрократических групп, глубоко проникнувшись тем значением, которое эти правила имеют для них, все же редко доходят до полной неадекватности. Но иногда эти правила становятся скорее символическими, чем строго утилитарными.

До сих пор мы рассматривали прочно укоренившиеся чувства, позволяющие относиться к строгой дисциплине как к чему-то данному. Тем не менее можно думать, что определенные черты бюрократической организации так способствуют этим чувствам. Жизнь должностного лица планируется для него желанием «сделать карьеру», то есть добиться более высокого положения, пенсий, возрастающей оплаты труда и т.д., причем все это призвано обеспечить стимулы для дисциплинированного поведения и конформистского отношения к служебным правилам¹⁵. Подразумевается, что чиновник по большей части приспособит свои мысли, чувства и действия к перспективам своей карьеры, что и происходит на самом деле. Но именно эти механизмы, которые увеличивают вероятность конформизма, ведут также к преувеличению значения строгого выполнения инструкций, что вызывает робость, консерватизм и формализм. Смещение чувств от целей к средствам способствует развитию огромного символического значения средств (правил).

Другая черта бюрократической структуры направлена на получение во многом сходных результатов. У функционеров есть представление об общности судьбы всех, кто работает вместе. Они разделяют одни и те же интересы, конкуренция относительно невелика, поскольку продвижение по службе зависит от старшинства. Таким образом, внутри группы агрессивность минимизирована, и, следовательно, эта согласованность является позитивно функциональной для бюрократии. Тем не менее дух группы и неформальная социальная организация, которая обычно формируется в такой ситуации, часто ведет пер-

¹⁵ Mannheim, *Mensch und Gesellschaft*, 32—33. Манхейм подчеркивает важность «*Lebensplan*» и «*Amtskarriere*» См. комментарии Hughes, *op. cit.*, 413. — Примеч. автора.

сонал к защите своих укоренившихся интересов более, чем к содействию своим клиентам и избранным высшим должностным лицам. Как писал ректор Лоуелл, если бюрократы уверены, что их статус неадекватно признан вступившим в должность избранным официальным лицом, подробная информация будет утаиваться от него, что приведет его к ошибкам, за которые он будет нести ответственность. Или, если он стремится полностью доминировать и таким образом нарушит полноту функций бюрократии, он может получить документы в таком количестве, что не сможет управиться с тем, чтобы подписать их, даже не читая¹⁶. Это иллюстрирует оборонительную позицию неформальной организации, которая стремится возникнуть всякий раз, как только появляется явная угроза целостности группы¹⁷.

Было бы слишком большим снисхождением и отчасти ошибкой отнестись подобное сопротивление бюрократов просто к законным интересам. Законные интересы противостоят какому-либо новому порядку, который либо отменяет, либо по крайней мере делает неопределенным их различные преимущества, проистекающие из существующего положения дел. Несомненно, что это вызвано частично бюрократическим сопротивлением изменениям, но, возможно, большее значение имеют другие процессы. Как мы видели, должностные лица эмоционально отождествляют себя со своим образом жизни. У них есть профессиональная гордость, которая руководит ими в сопротивлении изменению установившейся рутины по крайней мере тем изменениям, которые воспринимаются как навязанные другими. Эта нелогичная профессиональная гордость встречается даже, если судить по «Профессиональному вору» Сазерленда, у воров-карманников, которые, несмотря на риск, получают удовольствие от овладения несущим престиж мастерством «бить по левой штанине» (то есть мастерски воруя из левой стороны брючного кармана).

В своей увлекательной статье Хьюджес применил понятия «светский» и «сакральный» к различным типам разделения труда; «сакральность» касты и сословные привилегии ярко контрастируют с возрастающей секуляризацией профессиональной дифференциации в нашем обществе¹⁸. Тем не менее, как мы предположили в нашем об-

¹⁶ A.L. Lowell, *The Government of England* (New York, 1908), I, 189 fl - *Примеч. автора*.

¹⁷ Полезное описание исследования такой защитной организации в группе рабочих см.: F.J. Roethlisberger and W.J. Dickson, *Management and the Worker* (Boston: Harvard School of Business Administration, 1934). — *Примеч. автора*.

¹⁸ E.C. Hughes, «Personality types and the division of labor», *American Journal of Sociology*, 1928, 33, 754-768. Во многом такое же различие сделано Leopold von Wiese and Howard Becker, *Systematic Sociology* (New York: John Wiley & Sons, 1932), 222-225 *et passim*. — *Примеч. автора*.

суждении, в отдельных родах деятельности и в особого типа организациях может происходить *процесс сакрализации* (рассматриваемый как противоположность процессу секуляризации). Это свидетельствует о том, что благодаря формированию чувств (эмоциональной зависимости от бюрократических символов и статусов, аффективного вовлечения в сферу компетенции и власти) складывается определенное отношение к моральной легитимности, которая становится абсолютной ценностью и больше не рассматривается как просто формальное средство для повышения действенности администрации. Можно отметить, что существует определенная тенденция для некоторых бюрократических норм, первоначально введенных по формальным соображениям: они постепенно укрепляются, их все больше почитают, хотя, как сказал бы Дюркгейм, они *laïque en apparence*¹⁹. Дюркгейм затронул эту проблему в своем описании отношений и ценностей, которые продолжают существовать в органическом единстве в высокодифференцированном обществе.

Первичные и вторичные отношения

Другая характерная черта бюрократической структуры — особое значение обезличенности отношений — также играет свою роль в бюрократическом тренинге недееспособности. Структура личности бюрократа имеет своим ядром именно норму обезличенности. Как эта норма, так и тенденция «разбивать людей по категориям», которая развивается из доминантной роли общих, абстрактных правил, становится причиной конфликта в контактах бюрократа с обществом или заказчиками. Поскольку функционеры сводят на нет личные отношения и «раскладывают всех по категориям», то особенности индивидуальных случаев часто игнорируются. Но вполне понятно, что клиент, который абсолютно убежден в специфическом характере *своей* проблемы, часто протестует против подобной классификационной трактовки. Стереотипное поведение не приспособлено к остроте индивидуальных проблем. Обезличенная трактовка дел, которые, одна-

" Хьюджес признает одну фазу в этом процессе освящения, когда он пишет, что профессиональное обучение «несет дополнительную ассимиляцию кандидатом ряда профессиональных установок и правил, *профессионального сознания и солидарности. Профессиональные требования и цели становятся моральным единством*». Hughes, *op. cit.* [Курсив мой.] В этом же отношении понятие Самнера «пафос», как ореол чувств, которые охраняют социальные ценности от критики, отчасти уместно, поскольку оно пытается дать ключ к механизму, включенному в процесс освящения. См.: *Folkways*, 180—181. — *Примеч. автора.*

ко, имеют большое личное значение для клиента, дает повод обвинить бюрократов в «надменности» и «кичливости». Так, на Гринвичской бирже труда безработный, который добивается страхового пособия, возмущается тем, что он считает «безличным отношением и в то же время явной грубостью и даже резкостью в обращении клерков с ним... Некоторые люди жалуются на высокомерное отношение, которое проявляют клерки»²⁰.

Еще один источник конфликтов с общественностью происходит из бюрократической структуры. Бюрократ, частично безотносительно к своему положению *внутри* бюрократической иерархии, действует как представитель власти и престижа всей структуры. В своей официальной роли он облечен определенной властью. Это часто приводит к действительному или кажущемуся высокомерному отношению, которое может только усилиться из-за несоответствия между его позицией внутри иерархии и его позицией по отношению к публике²¹. Протест со стороны клиента и его обращение за помощью к другим чиновникам часто неэффективны или вообще предотвращаются ра-

²⁰ «Они относятся к вам, как к пустой породе. Я видел одного чернорабочего, который проник за конторку и тряс одного из них за воротник. Все остальные поддерживали *его*... Конечно, он потерял свое пособие после этого... Но клерк заслужил это за свое грубое обращение» (E.W. Bakke, *The Unemployed Man*, 79—80). Отметим, что безработный клиент вменил в вину начальственное отношение, он находился в напряженном состоянии из-за потерянной работы и самоуважения в обществе, которое склонно к идеологии, что «способный человек» всегда найдет работу. Обвинение в высокомерности происходит в основном из душевного состояния, что видно из собственных наблюдений Бакке: «Клерки были перегружены работой, и у них не было времени для шуток, но были некоторые признаки грубости и превосходства в их отношении к людям». Поскольку существуют объективные основания для обвинения бюрократов в надменном поведении, это, возможно, объясняется следующими сопоставимыми утверждениями. «Современный чиновник — как в качестве официального, так и частного лица — всегда добивается и чаще всего пользуется особым, повышенным «словесным уважением» со стороны общества» (Weber, *op. cit.*, 652). «В людях, в которых преобладает стремление к престижу, враждебность принимает форму желания унижать Других» (K. Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, 178—179). — *Примеч. автора.*

²¹ В этой связи заметим уместность комментария К. Коффа, относящегося к определенным чертам упорядоченности у птиц: «Если сравнивать поведение птицы, находящейся на самой вершине иерархии, с поведением птицы, находящейся на гораздо более низких (но не самой последней) ее ступенях, то можно обнаружить, что последняя относится более жестоко к тем, над которыми возвышается, чем первая ко всем остальным. По мере того как мы переходим от предпоследней группы к более высоким, поведение становится мягче и может стать даже дружелюбным... Нетрудно обнаружить аналогию с человеческим обществом, и, следовательно, такое поведение должно быть связано с воздействием социальной группы, а не только с индивидуальными чертами» (K. Koffka, *Principles of Gestalt Psychology* (New York: Harcourt, Brace, 1935), 668-669). — *Примеч. автора.*

нее упомянутым «духом корпоративности», который объединяет чиновников в более или менее солидарную внутреннюю группу. Эта причина конфликта *может* быть «сведена на нет» в частном предпринимательстве, поскольку клиент может выразить протест и перенести свою сделку в другую организацию внутри конкурирующей системы. Но в государственных организациях, имеющих монополистический характер, такая альтернатива невозможна. Более того, в этом случае напряжение возрастает из-за несоответствия между идеологией и фактом: считается, что правительственный персонал является «службой народа», но фактически они часто обладают превосходством начальства, и редко удается ослабить напряжение, обратившись в другие агентства²². Эта напряженность частично может быть приписана смешению статусов бюрократа и клиента; клиент может считать себя социально превосходящим по отношению к чиновнику, который в данный момент доминирует²³.

Таким образом, в отношениях между чиновником и клиентом один структурный источник конфликта заключается в напряжении из-за формальной и обезличенной трактовки со стороны чиновника, тогда как для клиента желательно индивидуальное, личное рассмотрение. Следовательно, можно думать, что конфликт возникает из-за несоответствия установок и взаимоотношений. Конфликт внутри бюрократической структуры возникает из противоположной ситуации, а именно, когда личные отношения заменяют структурно необходимые безличные отношения. Этот тип конфликта можно охарактеризовать следующим образом.

Бюрократия, как мы видели, организована как вторичная, формальная группа. Нормальные реакции, предполагаемые в этой организованной сети социальных ожиданий, поддержаны аффективными отношениями членов группы. Поскольку группа ориентирована на вторичные нормы обезличенности, любая ошибка в подчинении этим нормам вызывает антагонизм со стороны тех, кто идентифици-

²² В этом вопросе политический механизм часто становится функционально значительным. Например, Стеффан и другие показали, что административный аппарат более полно удовлетворяет потребности индивидуального «клиента» глубоко личным отношением и отменой формальных правил (канцелярской проволочки), чем формализованный механизм государственной бюрократии. См. об этом в главе III. — *Примеч. автора*.

²³ Например, безработные люди говорят о клерках на Гринвичской бирже труда: «У этих проклятых тупиц не было бы их работы, если бы не было таких безработных, как мы. Именно из-за этого я вынужден появляться перед ними». См. также H.D. Lasswell and G. Almond, «Aggressive behavior by clients towards public relief administrators», *American Political Science Review*, 1934, 28, 643—655. — *Примеч. автора*.

рует себя с легитимностью по отношению к этим правилам. Следовательно, замена безличного рассмотрения на личное внутри структуры сталкивается с широко распространенным неодобрением и характеризуется такими эпитетами, как взяточничество, фаворитизм, nepотизм (семейственность), приукрашивание реального положения дел и т.д. Эти эпитеты являются очевидной демонстрацией оскорбленных чувств²⁴. Функцию подобного практически автоматического чувства обиды можно понять, если уяснить требования бюрократической структуры.

Бюрократия является вторичной групповой структурой, предназначенной осуществлять определенную деятельность, которая не может быть удовлетворительно исполнена на основе критериев первичной группы²⁵. Поэтому поведение, которое противоречит этим формализованным нормам, становится предметом неодобрения, имеющего эмоциональный характер. В этом состоит функционально значимая защита, направленная против тенденции, которая угрожает исполнению социально необходимых видов деятельности. Конечно, эти эмоциональные реакции не являются рационально детерминированной практикой, явно предназначенной для осуществления этой функции. Более того, рассмотренное с точки зрения индивидуальной интерпретации ситуации, подобное чувство обиды является просто непосредственной реакцией, направленной против «непорядочности» тех, кто нарушает правила игры. Тем не менее, несмотря на субъективность этих референтных ориентиров, эти реакции являются латентной функцией, направленной на сохранение существенных структурных элементов бюрократии, подтверждая необходимость формальных, вторичных отношений и предотвращая дезинтеграцию бюрократической структуры, которая могла бы произойти, если бы они были вытеснены личными отношениями. Этот тип конфликта можно вообще описать как посягательство отношений первичной группы, в то время как институционально требуются отношения вторичной груп-

²⁴ Социологи редко используют для диагностики значительности такие лингвистические показатели, как эпитеты. Самнер верно замечает, что эпитеты подводят «критический итог и дают определение социальным ситуациям. Доллард также замечает, что «эпитеты часто определяют основные проблемы в обществе», и Сепир правильно подчеркивает важность контекста ситуации для оценки значения эпитетов. Равным образом уместно и наблюдение Линтона, что «в истории наиболее важен для изучения путь, по которому общество проходит через особый эпизод, чем обычное поведение». Социологическое изучение лексикона «восхвалений и оскорблений» приведет

²⁵ Ценным открытием. — *Примеч. автора.*

²⁵ C/. Ellsworth Faris, *The Nature of Human Nature* (New York: McGraw-Hill, 1937), 4^я П". — *Примеч. автора.*

пы; напротив, конфликт между бюрократом и клиентом часто возникает из-за того, что взаимодействие между ними носит безличный характер, когда требуется сугубо личный подход²⁶.

Проблемы для дальнейшего исследования

Тенденция к возрастанию бюрократизации западного общества, которую Вебер давно предвидел, не единственная причина для социологов обратить свое внимание на эту область. Эмпирические исследования взаимодействия бюрократии и личности могли бы особенно углубить наше понимание социальной структуры. Большое количество специальных вопросов привлекает наше внимание. В какой степени различные личностные типы отбираются и модифицируются разными типами бюрократии (частным предпринимательством, государственными службами, полуполициальными политическими механизмами, религиозными орденами)? Принимая во внимание, что господство и подчинение рассматриваются как черты личности, несмотря на их изменчивость в различных ситуациях-стимулах, отбирает ли бюрократия определенные личности, с особой склонностью к господству или подчинению? И поскольку различные исследования показывают, что эти черты могут быть модифицированы, приводит ли участие в бюрократической администрации к возрастанию стремления к господству? Отбирают ли различные системы комплектования кадров (например, патронаж или открытая конкуренция, которая предполагает либо специальные знания, либо общие ментальные способности, либо практический опыт) различные личностные типы?²⁷ Действительно ли продвижение по служебной лестнице уменьшает страх конкуренции и повышает эффективность административной дея-

²⁶ Общественное неодобрение многих форм поведения можно проанализировать с точки зрения того или другого образца замены неуместных с точки зрения культуры взаимоотношений. Таким образом, проституция представляет типичный случай, когда совокупление, форма близости, которая институционально определена как символизировавшая наиболее «неприкосновенное» отношение в первичной группе, замещается в контексте договора, который связан с обменом наиболее безличным из всех символов — деньгами. См. Kingsley Davis, «The sociology of prostitution», *American Sociological Review*, 1937, 2, 744—755. — *Примеч. автора.*

²⁷ Среди современных исследований о вербовке в бюрократию см.: Reinhard Bendix, *Higher Civil Servants in American Society* (Boulder: University of Colorado Press, 1949); Dwaine Marwick, *Career Perspectives in a Bureaucratic Setting* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1954); R.K. Kelsall, *Higher Civil Servants in Britain* (London: Routledge and Kegan Paul, 1955); W.L. Warner and J.C. Abegglen, *Occupational Mobility in American Business and Industry* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955). — *Примеч. автора.*

тельности? Детальное изучение механизмов, наполняющих бюрократические кодексы аффектами, было бы поучительным как для социологии, так и для психологии. Приводит ли общая анонимность решений гражданских служб к ограничению престижно-символической сферы только определенным узким внутренним кругом? Существует ли тенденция для дифференцированного объединения, особенно заметная у бюрократов?

Круг теоретически значимых и практически важных вопросов, по-видимому, ограничен только доступностью конкретных данных. Изучение религиозных, образовательных, военных, экономических и политических видов бюрократии, имеющих дело с взаимозависимостью социальной организации и личности, должно открыть дорогу перед плодотворными исследованиями. А функциональный анализ конкретных структур поможет даже воздвигнуть храм для социологов на этой дороге.

IX. РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Долгое время американские социологи занимались изучением функциональных и профессиональных групп в обществе. Им удалось расширить современные представления о социальных проблемах и социальных девиациях. Например, многое известно о причинах юношеских правонарушений и преступности. Но, возможно, прошлое социологии слишком дорого для нас, возможно, мы не продвинулись достаточно далеко от наших ранних привязанностей в исследовании подобных социальных проблем, чтобы перейти к исследованию и другого круга проблем, которые также уходят корнями в социальную структуру и которые непосредственно связаны с совершенствованием этой структуры¹. Например, интеллектуалы, посвятившие себя общественным наукам, настолько были заняты изучением поведения других, что в значительной степени пренебрегли исследованием своих собственных проблем, ситуаций и поведения. Мы выбирали для тщательного исследования и безработного, и продавщицу, но, кажется, мы не слишком охотно анализируем обществоведа как профессиональный тип. У нас есть эмпирические монографии о профессиональном воре и профессиональном нищем, но до последнего времени никто не обращался к роли профессионального интеллектуала в нашем обществе². Хотя очевидно, что хорошо бы начать с порядка в собственном доме.

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

¹ Наводящая на размышления интерпретация различной ориентации в социологии в Европе и Америке: см.: Karl Mannheim, «German Sociology (1918—1933)», *Politico*, 1934, 29—33. — *Примеч. автора.*

² Мы не пренебрегаем рядом исследований, существующих в настоящее время, которые идут в этом направлении. Однако книга Florian Znaniecki, *The Social Role of the Man of Knowledge*, (New York, 1940) посвящена скорее теоретической схеме, чем эмпирическим исследованиям. Logan Wilson, *The Academic Man* (New York, 1941), ограничивает себя, как показывает заголовок, академическим контекстом. Исследование Claud Bowman, *The College Professor* (Phila., 1938), относится к образу профессора, представленного в 19 журналах в последние 50 лет. А книга Willard Wallard, *Sociology of Teaching** в основном посвящена учителям начальной и средней школы. Карл Мангейм ссылается на неопубликованную монографию об интеллектуалах и, конечно, на

Интеллектуалы как профессиональная группа

Признаком этого пробела в наших современных исследованиях является отсутствие множества необходимых подробных данных. Интеллектуалы-должны вспомнить, что и они люди, и, следуя афоризму Теренция, не чуждаться познания самих себя. И действительно, в последние критические десятилетия интеллектуалы обратили внимание на свое место в обществе³. Многие из них, испытав непрочность своего положения в обществе, начали исследовать более общие причины этой ненадежности не только для других слоев общества, но и для себя. Они начали оценивать взаимосвязь между своим местом в социальной структуре и своими понятиями, теориями и перспективами. Некоторые пришли к убеждению, что их желания не могут быть удовлетворены в рамках существующей институциональной структуры, и задали вопрос: почему? В настоящее время стало почти респектабельным признавать существование классовых конфликтов; они настолько признаны, что в журнале большого бизнеса «*Fortune*» автор отвергает «ханжеское туманное словоблудие» и «сладкоречивые высказывания» ради «более реалистичной терминологии и аналитических методов, принятых в Европе, где существование классов и конфликтов их интересов является очевидно признанным как не марксистскими политическими аналитиками, так и марксистскими, которые впервые указали на них»⁴.

многочисленные краткие исследования в литературе (главным образом европейской). Однако эти исследования в целом не базируются на подробных эмпирических данных, относящихся к роли интеллектуалов в социальной политике и решениях. Общие биографии интеллектуалов есть в работах Мангейма и в статье Roberto Michel, «Intellectual», *Encyclopedia of the Social Sciences*. — *Примеч. автора*.

³ См., например, H.D. Lasswell, «The relation of ideological intelligence to public policy», *Ethics*, 1942, 53, 25—34; H.D. Lasswell и M.S. McDougal, «Legal education and public policy: professional training in the public interest», *Yale Law Journal*, 1943, 52, 203—295. Юридические журналы уделяют в последнее время значительное внимание подобным проблемам. — *Примеч. автора*.

⁴ Sherry Mangan, «State of the Nation», *Fortune*, 28 (1943), 138. Ее дальнейший комментарий подчеркивает отношения между открытым классовым конфликтом и со временным экономическим развитием. «Долгое время главным принципом американской политической литературы был принцип: «Не говорите об этом, и это произойдет». Возможно, нет другой нации, столь запутавшейся в таком ханжеском туманном словоблудии политических определений, тенденций и событий. Такая неточность происходит не только из-за литературной идиосинкразии. Это скорее отражает относительно политическую отсталость американского народа, и даже такой глубокий экономический кризис, как в 1929—1930 годах, не вполне разрушил (как в Европе) экономическую структуру, чтобы привести к серьезным сомнениям в социальном режиме. Отличный прецедент, который позволит со временем ликвидировать невнятную терминологию, был недавно создан мистером Эриком Джонсоном, президентом

Вероятно, когда американские интеллектуалы признают эти проблемы, они соберут данные, необходимые для оценки своей реальной и потенциальной роли в широкой социальной политике. Возможно, они убедятся в необходимости описать свой опыт подробно. Какую роль они призваны исполнять? С какими конфликтами и фрустрациями им приходится сталкиваться при исполнении своей роли? Какое институциональное давление оказывается на них? Кто, например, определяет их интеллектуальные проблемы? При каких обстоятельствах именно они выдвигают проблемы для исследования? Как влияют на политику такие исследования? Как влияет бюрократизация на взгляды интеллектуалов? Считают ли они, что склонны рассуждать с точки зрения строго ограниченного числа альтернатив, даже при выборе проблем для анализа? Каковы характерные проблемы в поддержании общения между политическими деятелями и интеллектуалами? Можно и дальше продолжить этот перечень вопросов для интеллектуалов, работающих в бюрократии или наблюдающих ее со стороны. Только такая подробная информация даст нам возможность перейти от приблизительных представлений к глубокому и хорошо обоснованному анализу отношения интеллектуалов к социальной политике. Только когда мы получим эти данные в большом объеме, социология знания не будет так часто обращаться к широким обобщениям, которые не были просеяны сквозь сито соответствующей эмпирической проверки.

Но поскольку данных не хватает, обсуждение этих вопросов должно опираться на отдельные опубликованные материалы и на неформальные беседы с интеллектуалами об их опыте участия в государственной политике. Таким образом, мы можем только кратко описать некоторые аспекты роли интеллектуалов: их возможности и пределы, тщетность их усилий и вознаграждение. Наше обсуждение этих вопросов даже не рекогносцировка, которая может определить важные направления для дальнейшего исследования. Мы всего лишь обратимся к избранным аспектам роли интеллектуала, главным образом в правительственной бюрократии⁵.

Американской торговой палаты, призвавшим заменить такие сладкоречивые выражения, как «система свободного предпринимательства» и «американский образ жизни», точным научным термином «капитализм». Будет ли такое признание классового конфликта означать, что социальный кризис начинает разрушать защиту ложного сознания? — *Примеч. автора.*

⁵ Эта статья была прочитана на встрече в Американском социологическом обществе и включала развернутый анализ деятельности интеллектуалов, помогавших определять и осуществлять политику во время Парижской мирной конференции. — *Примеч. автора.*

Статус интеллектуала и социальная политика

Для наших целей нам не нужно абсолютно точно определять понятие «интеллектуал». Мы будем рассматривать людей как интеллектуалов, *поскольку* они посвятили себя развитию и формулировке знания. Им доступны накопленные в культуре знания, которые нельзя получить только из непосредственного личного опыта⁶. Их деятельность может быть профессиональной или любительской, это не имеет значения. Тот факт, что Джон Стюарт Милль провел долгие годы в Ост-Индской компании, не исключает его из числа интеллектуалов.

Следует заметить, что понятие «интеллектуал» относится к социальной роли, а не к личности в целом. Хотя эта роль частично совпадает с различными профессиональными ролями, она не должна отождествляться с ними. Таким образом, мы обычно причисляем учителя и профессора к интеллектуалам. В определенном смысле это может быть верно, но из этого не следует, что каждый учитель или профессор является интеллектуалом. Он может им быть, а может и не быть в зависимости от реального характера своей деятельности. Такое разделение возникает в случае, когда учитель *просто* передает содержание учебника, без дальнейшей интерпретации или применения. В этом случае учитель не является большим интеллектуалом, чем диктор радио, который просто читает текст, приготовленный для него другими. Он является просто винтиком в механизме, передающем мысли других людей.

Нас будет интересовать определенный класс интеллектуалов: те, кто специализируется в области социального, экономического и политического знания. Это в основном социологи и юристы. Во многих аспектах их роль, особенно по отношению к государственной политике, отличается от социальной роли специалистов в области физических и биологических наук.

Во-первых, существует значительная степень *неопределенности* в исследованиях социолога, поскольку они связаны с проектируемыми действиями. Он сталкивается со значительно большим числом непредвиденных обстоятельств, чем, скажем, инженер-электрик. Последний может предсказать, например, как электронная лампа, изобретенная для определенных целей, будет работать в тех условиях, в которых будет использоваться; предсказания в социальных делах являются только грубым приближением, и большая степень случайности существует даже в определении условий, в которых предложенный план будет реализован. Следовательно, предлагаемые социологами альтернативы не могут обладать авторитетом убедительного

⁶ Znaniecki, *op. cit.*, стр. 37—38. — *Примеч. автора.*

предсказания, подходящего для поставленных целей. Экспертное знание здесь состоит скорее в сокращении числа явных ошибок в суждениях. Возможно, эта неопределенность лежит в основе амбивалентного отношения (то безнадежного, то оптимистичного) к способности социолога быть советником.

Во-вторых, этот элемент неопределенности вносит неопределенность и в отношения между экспертом и заказчиком. В оценке компетенции эксперта заказчик не может всегда опираться на результаты, поскольку суждения всегда относительны. Возможно, проблема могла быть решена более эффективно другим специалистом, а возможно, и нет. Существует большая область неопределенности при оценке деятельности эксперта. Следовательно, в роли эксперта присутствует значительный компонент доверия. Должна существовать социальная организация, например, профессиональное сообщество, университет, который подтверждает компетентность и, вероятно, дает заказчику основания *в целом* доверять эксперту. Но чем меньше определенности в объективных стандартах оценки деятельности эксперта, тем вероятнее влияние личных отношений, чувств и других необъективных факторов на степень доверия заказчика эксперту. На этом фоне нам становится ясна одна из причин досады экспертов, которые видят коллегу с точки зрения формальных норм менее компетентного, чем они сами, но сидящего по правую руку от политического деятеля. Неопределенность в оценке прокладывает дорогу к несоответствию между положением эксперта и его компетенцией. Мы полагаем, что подобные несоответствия чаще встречаются среди социологов, которые служат в качестве советников, чем среди технологов, работающих в областях, где относительную эффективность их работы можно оценить более точно.

В-третьих, эта неопределенность при оценке достижений в социальной области усиливает трудности политических деятелей, которые опираются на суждения экспертов для подбора нового экспертного персонала. *Группа* советников стремится разрастаться именно таким образом, который отличается от умышленного протекционизма. Для экспертов, работающих в организации, удобно пригласить других экспертов, *которых они знают* и о которых могут высказать свое мнение на основании непосредственного знакомства. Сеть личных отношений между интеллектуалами служит часто фактором возникновения замкнутой группы, по крайней мере среди самых важных советников.

В-четвертых, интеллектуалы, работающие в социальной области, обращаются к данным и проблемам, которые политические деятели

часто считают прекрасно известными им самим. Именно по этой причине политическому деятелю ясно, что эксперт не более компетентен в обсуждении данных проблем, чем он сам. Когда ученый-обществовед полностью уверен в обоснованности своего совета, это чаще всего относится к мелким вопросам. Когда он поднимает более серьезные проблемы, его знания о них могут оказаться не столь глубокими, как полученные политическим деятелем за долгие годы личного опыта. Может быть, в этом причина незавидной участи интеллектуала в социальных науках, который обречен на муки чистилища, никогда не зная точно, что уготовано ему — рай или ад. Он востребован, но редко считается необходимым. Если его советы не поддерживают точку зрения «людей действия», он может остаться при своих личных переживаниях. Поскольку очень трудно однозначно предвидеть последствия тех или иных политических альтернатив, советами ученых-обществоведов можно легко пренебречь.

И, наконец, интеллектуал, который работает в области человеческого поведения и культуры, изучает альтернативные решения, которые непосредственно и очевидно имеют ценностное значение. В частности, он подвержен нападкам тех людей, интересы и чувства которых были задеты его исследованиями. Этот аспект его работы в сочетании с низким уровнем вероятности его предсказаний, касающихся реализации политических альтернатив, делает его особенно уязвимым и приводит к быстрой смене кадров среди экспертов, которую мы встречаем в бюрократических организациях.

По этим причинам (и по другим, несомненно) интеллектуалы, работающие в социальной сфере, в целом находятся в менее безопасном положении, чем физики или биологи, которые оказывают влияние на государственную политику.

Интеллектуалы в бюрократии и независимые интеллектуалы

Мы можем для удобства классифицировать интеллектуалов как два основных типа: тех, кто исполняет советнические и технические функции в бюрократии, и тех интеллектуалов, которые не служат в бюрократических организациях.

На эти разграничения указывает признание разных «саказчиков» У этих двух видов интеллектуалов: для бюрократического интеллектуала ими являются политические деятели в организации, для кото-

рых он прямо или косвенно исполняет штатные функции; для независимого интеллектуала⁷ заказчиком является общество.

В первую очередь мы рассмотрим отношение к политике интеллектуалов в государственной бюрократии, уделяя в связи с этим вопросом некоторое внимание независимым интеллектуалам. Мы считаем, что независимый интеллектуал, который временно входит в государственную бюрократию в период социального кризиса, является промежуточным типом.

Вербовка интеллектуалов в государственную бюрократию

Главнейшая черта бюрократизации заключается в рационализации делопроизводства (в определенных пределах), для чего необходимы интеллектуально подготовленные сотрудники. Все больше и больше молодых интеллектуалов в Соединенных Штатах вербуются государственной бюрократией, по крайней мере последние тридцать лет. Два аспекта этого процесса заслуживают внимания: 1) его значение для смены ценностей у молодых интеллектуалов; 2) методы, с помощью которых бюрократия превращает политически мыслящих интеллектуалов в специалистов.

Многие интеллектуалы *отчуждены* от обязанностей, целей и вознаграждений частного предпринимательства. Этот разрыв с ценностями класса бизнесменов является отражением институциональных нарушений, которые вызывают беспокойство и сомнения. В отказе доверять господствующим структурам власти ощущается пережитой опыт повторной экономической депрессии. Интеллектуалов стали вдохновлять ценности и нормы, которые, как они считают, несовместимы с деятельностью в мире бизнеса. Некоторые из них обратились к преподавательской деятельности, в частности к преподаванию в университетах, которое, по их мнению, дает возможность реализовать свои интеллектуальные интересы и избежать прямой зависимости от «власти бизнеса». Но для многих отчужденных интеллектуалов профессия преподавателя означает скорее по-

⁷ Понятие «независимый интеллектуал» здесь не применяется в смысле, который был у Мангейма или Альфреда Вебера. Оно относится просто к тем интеллектуалам, которые, помогая формулировать или осуществлять политику в бюрократии, не выполняют штатные функции. Люди из университета или академии также относятся к независимым интеллектуалам, несмотря на их связь с «академической бюрократией». Их роль отличается от бюрократических интеллектуалов, поскольку от них, как правило, не ждут, что они применяют свои специальные знания к формированию политики бюрократии. — *Примеч. автора.*

зицию стороннего наблюдателя, чем участника современного исторического процесса. Они предпочитают находиться не в стороне от истории, а создавать историю, работая в государственной бюрократии, которая, вероятно, приближает их к действительно важным решением.

Вашингтон привлекает интеллектуалов; возможно, это симптом убеждения в том, что центр эффективного управления обществом сместился (переместился, если можно так сказать, с Уолл-стрит на авеню Конституции). Здесь мы говорим нечто противоположное тому, что имел в виду Уолтон Гамильтон, предположивший, что Уолл-стрит превратит свою штаб-квартиру в столицу. Отчужденные интеллектуалы, работающие в правительственной бюрократии, вообще не рассматривают свою карьеру как косвенный вклад в деятельность бизнес-класса. Они, вероятно, рассматривают правительство и свою роль в нем (большую или маленькую) как средство для изменения той системы власти бизнеса, с которой они порвали. Для этих людей государственная служба представляет фронтальное наступление на интересы групп, которые ранее принимали важные решения.

Интеллектуалы, которые ранее могли поручиться за свою преданность политическим движениям, стремящимся изменить нашу экономическую и политическую структуру, сейчас все чаще принимают альтернативную возможность — воплотить эти изменения через установленную государственную власть. Поскольку интеллектуал именно так представляет современную роль правительства, он, вероятно, должен считать себя экспертом по информации, на которой основаны административные решения для нововведений.

Мы, конечно, не предполагаем, что такой род мотивации *наиболее характерен* для интеллектуалов в государственной бюрократии. Можно сомневаться в том, насколько часто он встречается, но для тех, кто изучал наплыв интеллектуалов в государственную бюрократию, особенно перед войной, очевидно, что в определенной степени такая мотивация существует. Отчужденные интеллектуалы, несомненно, противостоят гораздо большему числу специалистов, поступивших на службу в государственную бюрократию, кому якобы безразлична любая данная социальная политика, но кто разделяет чувства и ценности правящих групп. Специалисты рассматривают свою роль просто как проведение в жизнь любой политики, которую определяют политические деятели. Профессиональный кодекс специалиста требует от него занять подчиненное положение по отношению к исполнительной власти. Дух этой зависимости, поддерживаемый чувствами, выражен в формуле: политический деятель определяет цели

(задачи, результаты), а мы, специалисты, на основе экспертного знания указываем на альтернативные средства для достижения этих результатов. Этот профессиональный кодекс является настолько влиятельным и распространенным, что вынуждает специалистов оставаться преданными такому резкому разграничению средств и целей, без признания, что такое разделение ведет к отказу специалистов от социальной ответственности. Они рассматривают результат и цель как завершающую точку в действии. Они могут не увидеть в них возможность дальнейших последствий. Они могут не увидеть, что действие подразумевает эти последствия.

В конце концов, существуют и независимые интеллектуалы, которые во время острых социальных кризисов, таких как война или депрессия, временно вливаются в государственную бюрократию. Эти «временные» бюрократы могут быть как отчужденными от господствующих правительственных групп, так и неотчужденными. Но поскольку они не отождествляют свою карьеру со службой в бюрократии, они, вероятно, менее подвержены бюрократическому влиянию. Для них существует подходящая альтернатива — возвращение к частной жизни.

Таковы возможные направления в изучении вербовки интеллектуалов в государственную бюрократию. Мы легко можем получить данные по объективным критериям их отбора, но интерес к этим материалам вторичен. Нам необходимо узнать классовую принадлежность интеллектуалов, которые нашли свой путь в бюрократии. Когда именно возникают альтернативные возможности в карьере интеллектуала? Что заставляет его предпочесть государственную бюрократию частной? До какой степени отчуждение от ценностей бизнес-класса и их отрицание играют роль в таком выборе? Каковы причины такого отчуждения? Можем ли мы таким образом пролить свет на типичный образец отвержения интеллектуалами номинально господствующих ценностей и соединения своей судьбы с центрами власти? Может ли наплыв интеллектуалов в государственную бюрократию, как барометр, предсказать реальные или приближающиеся изменения во власти? Какие ожидания являются наиболее общими для интеллектуалов, которые стремятся обрести свой духовный дом в бюрократии? Данные по вопросам, подобным этим, представляют собой первый шаг в изучении влияния бюрократической жизни на интеллектуала. Только когда мы соберем эту информацию, мы сможем проверить гипотезу, согласно которой бюрократия вызывает постепенное преобразование отчужденного интеллектуала в аполитичного специалиста, который готов служить любому слою общества, оказавшемуся у власти.

Положение в бюрократии и мировоззрение

Хотя мы описали контраст между отчужденным (но политически мыслящим) интеллектуалом и специалистом в тот момент, когда они вступают в бюрократию, но это различие может сглаживаться все больше и больше за время их службы в бюрократии. Очевидно, что государственная бюрократия оказывает давление на отчужденных интеллектуалов, чтобы подчинить их политике тех, кто принимает стратегические решения. В результате роль ранее отчужденного интеллектуала может стать неотличимой от роли специалиста.

Описывая процесс, посредством которого интеллектуалы в бюрократии превращаются в специалистов, мы продолжаем развивать нашу гипотезу, согласно которой точка зрения является продуктом социального положения. Интеллектуалы ориентируются на более или менее определенные социальные круги и приспособливают свои интересы, установки и цели к этим кругам. Требования и ожидания, присущие социальному положению, формируют поведение людей, находящихся в данном положении. Как верно определил Мид, социальная личность возникает благодаря усвоению организованного набора установок других значимых личностей. Более того, это присвоение чужих оценок и ожиданий накапливается постепенно и происходит, как правило, неосознанно, за исключением происходящих иногда конфликтов⁸. Эта точка зрения на формирование ролевой личности сразу направляет наше внимание на то, что бюрократические и независимые интеллектуалы имеют разных «значимых других»: коротко говоря, нам нужно рассмотреть различных заказчиков у этих двух типов интеллектуалов и то влияние, которое они оказывают на формирование роли интеллектуала.

Косвенно или непосредственно заказчиком бюрократического интеллектуала является политический деятель, который заинтересован в том, чтобы некоторые расплывчатые или хорошо определенные цели воплотились в программу действия. Требования заказчика к интеллектуалу могут варьироваться, но, в сущности, их можно классифицировать в несколько категорий.

Специфика требований клиентов к бюрократическому интеллектуалу связана с характером деятельности последнего. В крайнем случае политический деятель может просто указать общую область, не определяя сущность решений, которые запланированы. Например, этнические отношения в Европе или состояние морального духа в армии являются такими широко определяемыми областями, о которых нужно собрать дополнительные сведения. К интеллектуалу об-

См.: G.H. Mead. *Mind, Self and Society* (Chicago, 1934). 4. 3. — *Примеч. автора.*

ращаются с просьбой собрать данные, относящиеся к этому вопросу, на основе которых позднее может быть принято «продуманное» решение. Из-за недостаточно точной спецификации требований заказчика интеллектуал получает большую свободу действий в определении проблем, подборе соответствующих данных и рекомендации альтернативной политики (временами свобода действий неудобна, она приводит к беспокойству из-за неопределенной ориентации). А иногда заказчик более определенно указывает интересующую его область, в которой должна быть выработана определенная политика, и требует подобрать информацию для этой более ясно определенной области (например, сербо-хорватские отношения в Европе или продукция небольших индустриальных концернов во время войны). Такое сужение области исследований ограничивает свободу действий интеллектуала в определении как сущности практических проблем, так и характера соответствующей вопросу информации. А иногда интеллектуал знакомится с проблемой, которая связана с *рядом последовательных решений*: во-первых, рассматривается альтернативная политика; во-вторых, принимается особая политика и необходима информация ради осуществления этой политики посредством определенной программы действий; и, наконец, после того как данная программа воплощена на практике, необходимо оценить эффективность программы. Эти стадии в решении вопроса представляют для интеллектуала различные виды проблем. В целом здесь существует обратная зависимость между спецификацией проблемы заказчиком и свободой интеллектуала в постановке политических целей.

Чем раньше бюрократический интеллектуал подключается к этому ряду последовательных решений, тем сильнее его возможное влияние на направленность решения. Когда политический деятель недостаточно четко определяет область исследований, интеллектуал может в своей работе (в определенных пределах) обратить внимание на определенные альтернативы в политике, подчеркивая значение определенных типов доказательств. Так было, например, в случае Четырнадцати пунктов Вильсона, которые были по большей части результатом оценки общей ситуации интеллектуалами, «чьи головы» — по собственным словам президента — «он присвоил». Помогая установить такую широкую политическую структуру, интеллектуал может вызвать определенный контроль снизу. В редких ситуациях такого рода политический деятель может оказаться в печально известном положении француза в 1848 году, который, когда его убеждали не присоединяться к толпе, устремившейся на баррикады, сказал: «Я должен последовать за ними, я их лидер».

Тем не менее наиболее типичны случаи, когда бюрократический интеллектual призван давать информацию для альтернативной или специальной политики, которая уже predetermined политическим деятелем. От него как от эксперта требуют определить, какие проблемы необходимо принять во внимание в выборе той или иной предложенной альтернативы или при осуществлении специальной политики. Когда к интеллектualу обращаются на последней стадии в решении проблемы, он в основном рассуждает с точки зрения средств и принимает господствующее определение целей. Его точка зрения становится соответствующей этой политике. Он начинает видеть в общей ситуации только те аспекты, которые непосредственно связаны с предложенной политикой. Он может как осознавать, так и не осознавать, что игнорирует возможные альтернативы в своем исследовании, сосредоточившись на последствиях или способах осуществления ограниченных вариантов, которые были ему предложены. Он может не обратить внимание на факт, что, глядя в одно, мы упускаем из виду другое: что ограничение исследования альтернативами А и В означает пренебрежение альтернативами С и D.

Эта проблема отношения к политическому деятелю принимает совершенно другую форму для независимого интеллектuala. *Его взгляды могут быть определены его положением в классовой структуре*, но они менее подвержены непосредственному контролю со стороны *специального* заказчика. По существу, он подходит к проблемной области абсолютно независимо от предположений и интересов бюрократического заказчика. Он может свободно рассматривать те последствия политических альтернатив, которые бюрократия игнорирует или отрицает. Он не отвергает альтернативы без соответствующей проверки. Но независимый интеллектual может остаться в мире добрых намерений и плохих программ для действия, поскольку он не должен принимать конкретные решения на основе своей работы. Даже если он формулирует политическую программуреалистично, его точка зрения с трудом *доходит до ответственного политического деятеля*. Голос интеллектuala, который не находится на бюрократической службе, плохо слышен, когда идет речь о влиянии на государственную политику.

Интеллектual, который действительно заинтересован в дальнейших социальных инновациях, сталкивается с дилеммой, которая возникает из всего вышеизложенного. Достаточно точно ее можно выразить в афоризме: того, кто вводит новое, не слушают; тот, кого слушают, новое не вводит. Если интеллектual должен играть важную роль, применяя свои знания на практике, возрастает необходимость его участия в государственных бюрократических структурах. Однако

такая роль требует от него отказаться от преимущества изучать политические возможности, которые он считает значительными. С другой стороны, если он останется независимым ради сохранения полной свободы выбора, у него не будет ни ресурсов для осуществления своих исследований в полном масштабе, ни какой-либо серьезной возможности представить их в качестве основания для работы политических деятелей.

Нет необходимости говорить, что мы встречаем абсолютную честность и у бюрократических, и у независимых интеллектуалов. Существенное различие лежит в их взаимоотношениях с заказчиком и соответствующем влиянии, которое играет роль при определении значительных, по их мнению, проблем. Оба типа интеллектуалов могут быть абсолютно честны, когда сами *определяют проблемы*. Но, принимая или отвергая определения проблемы, они принимают важные и часто различные ценностные решения. Приведем пример. Как бюрократический, так и независимый интеллектуал может работать в одной и той же проблемной области: расовая сегрегация в северных индустриальных центрах. На уровне сбора информации оба типа интеллектуалов могут прийти к одним и тем же заключениям: что большая часть негритянских рабочих имеет низкие моральные и низкие производственные показатели, очевидно в результате продолжительной дискриминации. Исследователи могут также согласиться, что значительное число белых рабочих возражает против любых предложений ликвидировать сегрегацию. Различие между точкой зрения и исследованиями у бюрократических и независимых интеллектуалов может проявиться на следующем этапе, когда формируется политика и на основе ее создается программа. Политическая линия может быть определена для интеллектуала следующим образом: как мы можем сделать сегрегацию терпимой (хотя она и неприятна) для негритянских рабочих? В соответствии с этим бюрократический советник может указать, что определенные типы пропаганды, направленные на негритянское население, могут поднять моральный дух, хотя и без ликвидации сегрегации. Таким образом, исследования бюрократического интеллектуала служат осуществлению предопределенной политики. А независимый интеллектуал не испытывает необходимости ограничивать свое исследование этим направлением. Он может изучать средства для ликвидации расовой сегрегации без заметного ухудшения морального состояния белых рабочих. Другими словами, он может сомневаться в господствующей политике, исследуя ее последствия и рассматривая способы осуществления альтернативной политики. Следует заметить, что мы не сомневаемся в *пригодности* этих двух типов исследований, но использоваться они будут для разных целей. *Очень важно осознавать,*

что осмысление ценностей непосредственно связано с выбором и определением проблемы и этот выбор зависит от положения интеллектуала в социальной структуре. Бюрократический интеллектуал должен уступить политическому деятелю право определить область его исследовательских проблем. Разумеется, он ставит свои навыки и познания на службу определенному институциональному порядку ради его сохранения. Независимый интеллектуал не может прямо повлиять на господствующую политику, но он развивает те знания, которые могут послужить изменению существующего порядка. Таким образом, интеллектуал принимает свои значительные ценностные решения при выборе своего заказчика и, как следствие этого, того типа проблем, которыми он будет заниматься⁹.

Есть и другой путь, когда интеллектуалы, вступившие в бюрократию, склонны изменить свою ориентацию; это связано с необходимостью совершать поступки. Они хотят стать, выражаясь общими словами, «менее теоретическими, но более практическими». Что это означает? Чем мы ближе к реальному решению, тем больше необходимость в создании конкретной программы действий на основе общей политической установки и тем больше число соображений, которые необходимо принять во внимание в дополнение к первоначально сформулированной политике. Когда мы принимаем во внимание дополнительные переменные, то это означает частичное изменение первоначальной политики, «компромисс с реальностью». Таким образом, чем ближе к действительному решению находится интеллектуал, тем большее воздействие он испытывает: он должен «проявить милосердие к обездоленным», то есть приспособить свои первоначальные абстрактные формулировки к запросам ситуации. Такое воздействие, возникающее в определенный период времени, формирует общую точку зрения бюрократического интеллектуала, он все больше и больше рассматривает методы осуществления политики *в данной ситуации* в технических и инструментальных терминах.

Для независимого интеллектуала подобные изменения во взглядах его бюрократического коллеги часто кажутся предательством. Этот хорошо известный тип конфликта происходит из-за различного по-

⁹ Здесь мы пытались пояснить с помощью конкретных иллюстраций и, по существу, осмыслить понятие Вебера о роли ценностных отношений в интеллектуальном исследовании. Вебер указывает, что исследование направлено на определенные аспекты конкретной ситуации с точки зрения ценностей, которые обуславливают и определяют, что считается «значительным». Остается, следовательно, только исследовать различные устоявшиеся вопросы в социальной структуре, которые обладают определенной ценностью, и таким образом определить эффективные отношения между социальной структурой и интеллектуальной деятельностью. См.: Max Weber, *Cesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre* (Tübingen, 1922), 177—184. — *Примеч. автора.*

ложения двух типов интеллектуалов в социальной структуре и из-за неизбежного различия во взглядах. Независимый интеллектуал может остаться неизменно верным своим собственным формулировкам, поскольку они не воплощаются в действие, и он часто не способен увидеть те аспекты действительной проблемы, которые всегда понятны бюрократическому интеллектуалу. С другой стороны, бюрократический интеллектуал выбирает из ограниченного числа альтернатив. (1) Он может согласовать свои собственные социальные ценности и специальные знания с ценностями политических деятелей. (2) Он может стремиться изменить господствующую в исполнительном бюрократическом аппарате политику. (3) Он может реагировать, исходя из полнейшего размежевания между своими собственными ценностями и ценностями бюрократии, рассматривая свои функции как просто технические, без ценностного осмысления. Первая реакция включает усвоение бюрократических ценностей и иногда изменение первоначальных взглядов интеллектуала. Вторая реакция: когда отдельный интеллектуал стремится противопоставить свои собственные взгляды взглядам целого аппарата, обычно возникает бесполезный конфликт, который является предпосылкой к бегству интеллектуала из бюрократии. Мы полагаем, что наиболее частой является третья реакция, которая ведет к «технической роли». Поскольку профессиональные установки интеллектуала поддерживают эту роль («как человек науки, я не склонен к ценностным суждениям»), это несколько смягчает конфликт, который возникает при осуществлении политики, в целом расходящейся с его собственным мнением. Коротко говоря, разделение ролей позволяет интеллектуалу сохранить чувство собственного достоинства, несмотря на то что он участвует в программах, которые противоречат его собственным ценностям.

Все это означает, что независимые и бюрократические интеллектуалы исполняют совершенно различные функции по отношению к социальной политике. Независимый интеллектуал — это овод, он может критиковать установленную политику, публично указывая на ее определенный смысл и последствия. Следовательно, в определенной степени он может воздействовать на атмосферу принятия решения. Такая функция интеллектуала имеет все большее значение, чем в прошлом, благодаря развитию средств массовой коммуникации. С другой стороны, бюрократический интеллектуал (за исключением относительно редких случаев, когда он действительно определяет политику) слишком ограничен разработкой более эффективных способов осуществления политики и применением альтернативных возможностей для практических действий, которые бы не нарушали ценности бюрократии. Мы полагаем, что независимые интеллектуалы могут служить

общим целям, в том числе и во время военного кризиса, столь же эффективно, хотя и несколько иным образом, чем те интеллектуалы, которые отдали «свою энергию борьбе за победу» на службе в государственной бюрократии.

Политические деятели и интеллектуалы

Хотя бюрократические интеллектуалы часто приспособляются к взглядам политических деятелей, они могут все же разрабатывать *альтернативное направление, которое противостоит ценностям и целям бизнесменов, влияющих на политику правительства*. Такое столкновение ценностей часто происходит в политических проектах. Возможно, именно оно лежит в основе возмущения политического деятеля, заявления которого мы приведем:

На мой взгляд, профессорский ум — один из опаснейших факторов в нашем правительстве сейчас. Вместо широкого взгляда, который предполагает теоретическая подготовка, их мышление под непривычным блеском власти воспаряет под облака, безразличное к фактам и свободное от реальности.

С меня достаточно этих парней с логарифмической линейкой. Я полагаю, что не существует компромисса для их негибких академических умов... не существует мнения, равного их собственному, разве только оно полностью согласуется с их миром грез.

Им не нужны советы опытных людей. Их ограниченные книгами, мечтами, классными комнатами умы совершенно не имеют дверей и окон, ведущих к ним¹⁰.

Тем не менее такой конфликт не столько продукт бюрократического окружения, а скорее результат более широкого противоречия в ценностях и интересах между интеллектуалами и деловыми людьми. В этой связи показательным является отношение организованного бизнеса к интеллектуалу, выраженное в журнале «Национальный бизнес». Они показали, какими путями интеллектуал приходит к конфликту с установленными экономическими ценностями и интересами.

Интеллектуалы дают оценку современной экономической практике и системе, которую они не рассматривают как священную, чем вызывают прямое противодействие со стороны бизнесменов, полно-

¹⁰Lou R. Махол. Заявление, вышедшее в связи с его уходом в отставку из «Office of Price Administration», *New York Times*, July 15, 1943, 15. — *Примеч. автора*.

¹¹ Этот краткий обзор основан на содержащихся в «Национальном бизнесе» (за 1928—1943 гг.) всех упоминаний интеллектуалов, профессоров и так далее. — *Примеч. автора*.

стью солидарных с этой практикой и считающих ее технически эффективной и морально справедливой. В этом одна из причин обвинения интеллектуалов в непрактичности. Они не признают «реальные факты», а ведь эти «факты» — современная практика. «Экономисты-теоретики», которые разрабатывают альтернативные системы, осмеяны как «тошнотворно сентиментальные» по сравнению с «практичными людьми», которые работают в национальном бизнесе. И поскольку альтернативные системы обычно не воплощаются в реальность, все эти проекты можно без промедления назвать «утопическими». Таковы нападки на «высокомерный интеллект, который пишет путеводитель по экономической Утопии».

Поскольку бизнесмены солидарны с обычной устоявшейся практикой и культурными аксиомами, они не готовы принять изменения в этой практике и аксиомах. Следующий невеселый стишок — это типичное возражение делового человека, который хочет преуспеть в работе:

Работа ради клерков, Профессоров
и кабинетных крыс, Бранящих вас,
как только За дело вы взялись.

Исторический и критический анализ, который используют интеллектуалы, тесно связан с их вызовом нравам бизнес-класса. Мир бизнеса, как правило, воспринимается теми, кто непосредственно входит в него, как данный и неанализируемый сточки зрения составных элементов, которые могут быть изменены¹². Следовательно, анализ интеллектуала кажется «нереалистичным» и «теоретическим» (в оскорбительном смысле). Неудивительно, что бизнесмены используют слово «теория» как эпитет и отвергают «профессорские абстракции, созданные в тумане интеллектуальных трущоб».

В дополнение к этим основным причинам конфликта линия раскола возникает в результате различного положения интеллектуалов и организованного бизнеса в социальной структуре. Интеллектуал может улучшать свое собственное экономическое положение, однако институциональный контроль требует от него считать это побочным продуктом, а не прямой целью его деятельности. Напротив, роль бизнесмена точно и традиционно определяется как повышение его экономического дохода (законными средствами), и все остальные аспекты его роли считаются подчиненными этой институциональ-

¹² Переработанная формулировка Мангейма см.: K. Mannheim, *Ideology and Utopia*, 246. — Примеч. автора.

но определенной цели. Таким образом, существуют два противоположных жизненных плана, два противостоящих комплекса культурных императивов. По крайней мере взаимное недоверие и взаимные упреки происходят из этой институционально закреплённой противоположности взглядов. Бизнесмены могут сомневаться и оспаривать моральный кодекс интеллектуалов. Или они могут попытаться объединить их моральные установки со своими собственными. Так, считается, что для интеллектуалов их собственный интерес тоже стоит на первом месте: их стремление к знаниям считается *просто* попыткой улучшить свое положение: хорошей иллюстрацией подобных мнений является следующее определение «профессорской книги»:

Читатели чувствуют, что эта бесполезная книга написана профессором для того, чтобы поставить свое имя на опубликованном тексте.

Бизнесмены могут также попытаться обесценить социальную личность интеллектуала. Среди тех, кто получил недостаточное образование, это может привести к антиинтеллектуализму, и ученая степень становится символом сомнительной репутации. А бизнесмен, получивший высшее образование, когда-то мог прислушиваться к профессорам. В этом качестве он имел возможность понять ценности и стандарты, существующие у профессоров и (в идеальном случае) в определенных отношениях отличающиеся от ценностей мира бизнеса. Но бизнесмен, даже выйдя из стен колледжа, сохраняет черты своего класса и может не принять те бескорыстные ценности, которые он изучал в качестве студента. Он может воспользоваться случаем доказать свою полную эмансипацию, невысоко оценивая своих прежних учителей, и таким образом поменаться с ними ролями. Это очень напоминает типичный семейный конфликт, который возникает, когда для детей заканчивается возраст зависимости и подчинения и начинается взрослая независимая жизнь. Таким образом, нам говорят, что профессора — это «люди, которые потратили годы на обращение к незрелому интеллекту, которые (вследствие этого) нетерпимы к оппозиции». И самым решительным образом провозглашается перестановка ролей, когда профессорам напоминают об их задолженности перед теми, кто дает им выжить: например, в замечании о «так называемых интеллектуалах... которые выходят в основном из колледжей, где у них была привилегия использовать дорогую аппаратуру и другие льготы и которые редко оценивали их стоимость для налогоплательщиков или воздавали должное системе, взрастившей благодетелей, дающих здания, оборудование и постоянное жалование».

Фрустрации интеллектуалов в бюрократии

На фоне этих образцов конфликтов неудивительно, что интеллектуал обычно испытывает ряд фрустраций, когда он становится неотъемлемой частью бюрократии, которая контролируется теми, кто не может ни ужиться с ним, ни обойтись без него¹³. Медовый месяц интеллектуалов и политических деятелей зачастую короткий и неприятный. Для этого существует вполне понятный социологический базис. Интеллектуал, до того как занять свой бюрократический пост, привычно рассматривает свои интеллектуальные проблемы независимо от требований других реальных людей. Он может считать, что проблема сама по себе заслуживает решения. Когда он оказывается в бюрократии, он понимает, что интеллектуальная задача тесно связана с социальными отношениями в бюрократии. Он должен выбирать проблему для исследования, руководствуясь своими знаниями и мыслями; тем, что он знает о своих заказчиках или будущих заказчиках; его формулировка проблемы, его анализ и отчеты должны зависеть от его взаимодействия с заказчиком. Коротко говоря, в тех вопросах, где раньше он испытывал чувство интеллектуальной автономности (сейчас не важно, реальной или мнимой), он начинает осознавать *очевидный контроль* над сущностью и направленностью своих исследований. Это ощущение скованности (особенно когда у него нет возможности точно выяснить требования заказчика или когда он, точно зная эти требования, не согласен с ними по существу) свидетельствует о фрустрации. Возникающий в результате конфликт между критериями выбора и анализа проблем часто приводит как независимого интеллектуала, так и бюрократического интеллектуала к разрыву с бюрократией и к бегству в принадлежащее ему царство интеллектуальной независимости.

Частая смена экспертного персонала в государственной бюрократии происходит не просто из-за неудовлетворенности заказчиков или критики со стороны внешних групп (например, Конгрессом). Она возникает часто в результате накопившейся фрустрации, испытываемой интеллектуалами. Ранее они испытывали чувство личной независимости и не в состоянии выносить очевидные ограничения, на-

¹³ Было бы интересно распространить среди американских политиков следующее высказывание Иосифа Сталина: «...ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции... Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих товарищей». И еще: «Спецеобразование» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением». (Делая вывод из случая Вавилова и Варги, как и из многих других, сталинская политика изменилась опять.) [Примеч. пер. — См.: Сталин И.В. Сочинения. — М., 1951. — т. 13, с. 67—68, с. 72—73]. — Примеч. автора.

кладываемые формальной организацией. Так, недавно один психиатр наблюдал эйфорию и оптимизм, возникший у его друзей. Ему было трудно объяснить этот феномен, и первоначально он предположил, что эти чувства возникли в результате победы Объединенных Наций. Только позднее он осознал, что встречался с рядом друзей, которые к тому времени навсегда оставили вашингтонскую бюрократию. Очевидно, они испытывали эйфорическое освобождение от фрустрации. Нечто подобное о своих наблюдениях военного времени сообщает и Стоуффер:

В Вашингтонской военной администрации никто не мог сохранить альпийское беспристрастие, которое было достоинством университетских исследований в мирное время. Фрустраций было много... Все сотрудники, которые работали в области социологии и социальной психологии, например в ведомстве военной информации, в ведомстве стратегических служб, военной разведке и других, испытывали похожие переживания¹⁴.

Полезно рассмотреть некоторые из наиболее обычных типов фрустрации, высшей точкой которых является разочарование, ибо таким образом мы прольем свет на возможности бюрократического интеллектуала влиять на политику и на пределы этого влияния. Эти фрустрации можно подразделить на две основные группы: (1) те, которые проистекают из конфликта ценностей между интеллектуалами и политическими деятелями; (2) из бюрократического типа самой организации.

1. *Конфликт ценностей между интеллектуалом и политическим деятелем.*

а. Иногда бюрократический интеллектуал оказывается мишенью в конфликте, возникающем из-за разных типов дискурса политического деятеля и интеллектуала. Исследования, которые кажутся тривиальными с непосредственной практической точки зрения, могут быть очень важными для теоретического осмысления и могут позднее прояснить ряд практических проблем. Интеллектуал должен вовремя улавливать, что считать важной проблемой.

б. Результаты исследований могут быть использованы для целей, которые противоречат ценностям интеллектуала; его политическими рекомендациями, основанными на веских доказательствах, могут пренебречь и проводить противоположную политику.

с. Интеллектуал не станет брать на себя ответственность, если доказательства кажутся ему неубедительными, в то время как политический деятель обязан принять срочное решение.

Samuel A. Stouffer, «Social science and the soldier», *American Society in Wartime*, ed. W.F. Ogburn (1943), 116. - *Примеч. автора.*

d. Специалисты могут испытывать фрустрацию из-за требования работать в области, находящейся вне сферы их компетенции, так как политический деятель иногда не знает точно существенных различий между специалистами.

2. Фрустрации, возникающие из-за бюрократической организации.

a. Поскольку бюрократия организована для практических действий, интеллектуалам часто задают вопросы, на которые у них нет немедленного ответа. Это провоцирует «невроз предельного срока»; перед интеллектуалом стоят проблемы, которые не могут быть решены в пределах выделенного срока. Проблема предельного срока была прекрасно описана Робертом Льюисом Стивенсоном в абсолютно другом контексте: «Мы не кабинетные ученые, исследующие предмет на совесть; мы теоретизируем с пистолетом у своего виска; мы сталкиваемся с новыми обстоятельствами, в которых мы не более чем за час должны не только принять решение, но и начать действовать».

b. Затруднения в общении между интеллектуалом и политическим деятелем обычно приводят к фрустрациям.

- 1) Поскольку политический деятель часто не информирует интеллектуалов о ближайших политических проблемах, последним трудно определить, какие данные необходимы именно сейчас.
- 2) Проблема может заключаться и в том, чтобы существующие исследовательские результаты попали к политическому деятелю, который нуждается в них, в то время как он вынужден сталкиваться с большим числом материалов из различных источников.
- 3) Персонал, выступающий в роли посредника, может выхолостить или исказить результаты исследований до их поступления к политическому деятелю.
- 4) В конце концов, существует проблема такой формулировки результатов, при которой наиболее значительные результаты стали бы понятны и привлекли внимание политического деятеля. «Обработка материала» требует упрощения в некоторых пунктах, где отбрасываются некоторые из наиболее сложных и значительных данных.

c. Несмотря на все предосторожности, данные интеллектуалов могут не использоваться теми, кому они предназначены. Это лишает работу интеллектуала рациональных оснований и снижает его интерес к собственной работе, приводит к «неврозу бессмысленности». (Соответственно, даже случайное использование результатов исследования, даже в ограниченном контексте, служит для интеллектуала новым моральным стимулом.)

1) Иногда политический деятель отказывается от исследований, накопленных в социальных науках, полагая, что его непосредственный опыт дал ему более надежное представление о ситуации, чем может получить интеллектуал. С наибольшей вероятностью это происходит, если результаты исследований предполагают изменения в хорошо знакомой повседневной практике, поскольку интеллектуалу редко удастся продемонстрировать большую эффективность предлагаемой системы по сравнению с существующей системой.

Наш экскурс, затронувший один из аспектов роли интеллектуала в нашем обществе, направлен главным образом на формулировку определенных гипотез. Коллекция биографий, дневников и записок интеллектуалов, работающих в государственной бюрократии, непосредственное наблюдение участников и исторические данные могут дать нам надежную и плодотворную основу для исследований в этой области¹⁵.

¹⁵С того времени, как это было написано, первый шаг в этом направлении был сделан. См.: Julian L. Woodward, «Making government opinion research bear upon operations», *American Sociological Review*, 1944, 9, 670—677. См. также K.K. Merton, «The role of applied social science in the formation of policy», *Philosophy of Science*, July 1949, 16, 161 —181. — *Примеч. автора.*

Х. ВКЛАД В ТЕОРИЮ РЕФЕРЕНТНО-ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ*

В этой главе мы развиваем гипотезу, согласно которой между социальной теорией и эмпирическими исследованиями существует двустороннее сообщение. Систематический эмпирический материал содействует прогрессу социальной теории, когда ставит задачи и дает возможность для интерпретации в новых направлениях. В свою очередь, социальная теория определяет масштаб эмпирических данных и увеличивает их предсказательную ценность, указывая, при каких условиях они имеют силу. Хорошую возможность для исследования взаимодействия социальной теории и прикладных социальных исследований дают систематические материалы «Американского солдата», во всех своих многочисленных вариациях.

Говоря точнее, мы стремились идентифицировать и упорядочить довольно многочисленные исследования в «Американском солдате»¹, которые имеют отношение к теории *референтно-группового поведения* (благодаря применению эксплицитных формулировок или определенному осмыслению). Теперь мы более подробно рассмотрим эмпирические факты, на которые указывает этот термин. Однако здесь следует заметить, что хотя *термин* «референтная группа» не используется в этих работах, все же *понятия*, относящиеся к референтной группе, играют важную роль в объяснительном аппарате, используемом Исследовательским сектором Отдела информации и образования Военного департамента (и даже в большей мере, чем они кому-либо времени получили признание в словаре социологии в отличие от социальной психологии).

Дважды мы кратко рассмотрим родственные проблемы, которые тем не менее не являются неотъемлемой частью теории референтных

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

* В соавторстве с Алисой Росси.

¹ Авторы первого тома «Адаптация к службе в армии» — S.A. Stouffer, E.A. Suchman, L.C. DeVinney, S.A. Star, R.M. Williams; авторы второго, озаглавленного «Фронт и его проблемы», — S.A. Stouffer, A.A. Lumsdaine, M.H. Lumsdaine, R.M. Williams, Jr., M.B. Smith, I.L. Janis, S.A. Star, L.S. Cottrell, Jr. Оба тома изданы в 1949 году (Princeton University Press). — *Примеч. автора.*

групп. Мы рассмотрим статистические показатели групповых атрибутов и социальной структуры, различным образом включенные в эти исследования, и попытаемся показать, хотя бы очень кратко и прагматично, особую ценность *систематического* включения подобных показателей в дальнейшее исследование. И, равным образом в кратком виде, мы покажем, как данные, проанализированные Исследовательским сектором с психологических позиций, могут быть дополнены и успешно переработаны с позиции функциональной социологии.

Анализируя материалы «Американского солдата», мы используем общую методику для их теоретического осмысления. Она предполагает тщательное изучение примеров, приведенных в этих томах, чтобы сделать обобщения на более высоком абстрактном уровне. В самих материалах авторы строго (и разумно, по нашему мнению) ограничивают свой анализ интерпретацией поведения солдат и организационного контекста, в котором это поведение встречается. Но, разумеется, анализируемые понятия относятся не только к поведению солдат. Предварительно обобщив эти понятия, мы можем рассмотреть широкое значение этих материалов для социальной теории.

Таким образом, наше обсуждение выходит за рамки внутреннего анализа любого из рассмотренных в данных томах предметов исследования, для которых авторы используют в качестве поясняющей переменной некоторые понятия, относящиеся к референтной группе. Целью сравнения этих примеров является определение проблем, которые требуют развития теории референтно-группового поведения (данное развитие можно осуществить с помощью новых стратегически направленных исследований). В отдельных случаях мы делаем попытку представить, как эти теоретические приложения могут быть включены в проекты новых эмпирических исследований, которые, следовательно, будут основываться на данных, полученных Исследовательским сектором. Таким образом, здесь могут существовать условия для последовательного взаимодействия между кумулятивной теорией и новыми исследованиями.

Индуктивное рассмотрение данных примеров также позволяет нам объединить относящиеся к ним понятия теории референтных групп с другими понятиями, которые распространены в социальной психологии и социологии, но обычно не связаны с теорией референтно-группового поведения. В той степени, в которой нам удастся установить подобные взаимосвязи, материалы «Американского солдата» выступят в роли: предварительного объединения разрозненных в настоящее время фрагментов теории.

В соответствии с этим мы попытались показать связь между теорией референтных групп и понятиями функциональной социологии.

Ясно, что они обращаются к различным аспектам одного предмета: теория референтных групп концентрируется на процессах, через которые люди соотносят себя с группой, а свое поведение — с ценностями этих групп; функциональная социология концентрируется на значении процессов, главным образом для социальных структур, но также для личностей и групп, включенных в эти структуры. Будет установлено, что теория референтных групп и функциональная социология адресуют различные вопросы к одному и тому же феномену, но эти вопросы имеют взаимную релевантность.

Следовательно, наш очерк направлен на извлечение из «Американского солдата» тех данных, которые соответствуют современному состоянию теории референтных групп и связанных с ней теоретических проблем. Мы разделяем точку зрения, что развитие социальной теории требует гораздо больше последовательности, чем коллекционирования самодостаточных и якобы определенных результатов. И это означает, что наша переработка некоторых материалов из «Американского солдата» сама по себе всего лишь предварительная фаза в непрерывном развитии, а не заключительная точка. Мы не считаем, конечно, что все без исключения приложения теории референтных групп, предложенные здесь, окажутся действительно верными; как любые формы человеческой деятельности, теоретизирование имеет свою долю риска. На самом деле именно тогда, когда каждая рабочая гипотеза, выдвинутая на определенной стадии развития дисциплины, выглядит подкрепленной, теоретик имеет основания для тревоги, поскольку достижение неизменного успеха может свидетельствовать скорее о несовершенном и чрезмерно подогнанном аппарате подтверждения, чем о безупречно проверенной теории.

Понятие относительной утраты

Среди различных понятий, используемых авторами «Американского солдата» для интерпретации своих многообразных материалов, есть одно, которое занимает значительное место. Это понятие относительной утраты. Его центральное значение в какой-то мере подтверждается тем, что оно является одним из двух понятий, на которые специально обращено внимание читателей в главе, служащей вступлением к двум томам «Американского солдата». Как полагают сами авторы (после краткого упоминания концепций различного профиля): «Ради упорядочения иным способом несопоставимых эмпирических данных вводятся другие концептуальные средства, и прежде всего теория относительной утраты» (I, 52).

Хотя понятие относительной утраты часто используется на страницах этих томов для интерпретации разнообразных установок различных категорий людей, отличающихся, например, по возрасту, образованию и семейному положению, оно нигде не находит формального определения. Однако, как мы сейчас покажем, основные черты этого понятия постепенно выявляются из разных примеров, в которых оно используется. Например, уже в самом первом случае такого использования авторы обращаются к природе теоретической полезности данного понятия и его возможного сходства с другими установившимися понятиями социологической теории:

Идея [относительной утраты] простая, почти очевидная; и хотя она нужна для согласования данных (особенно в последних главах), ее пригодность не слишком очевидна в начале. Эта идея, очевидно, имеет сходство с такими хорошо известными социологическими понятиями, как «социальная система референтных координат», «образцы ожиданий» или «определения ситуации», и она отчасти включает в себя эти понятия (I, 125).

Отсутствие формального определения относительной утраты не является большой помехой. Во всяком случае, авторы избежали укоренившейся традиции в работах по социологической теории — они насыщены бесчисленными определениями, которые остаются неиспользованными. Вместо эксплицитного определения понятия мы можем систематизировать множество разрозненных случаев, приведенных в этих материалах. Мы можем понять действительный операционный характер понятия, имея дело с различными, на первый взгляд никак не соизмеримыми типами ситуаций, в которых авторы используют это понятие.

Следующий перечень представляет, хотя в слишком сокращенной форме, каждое исследование, в котором какая-либо версия понятия относительной утраты (или похожего понятия, такого как относительный статус) явным образом используется авторами «Американского солдата»:

1. *О призванном в армию женатом мужчине*: «Сравнивая себя со своими неженатыми товарищами в армии, он мог считать, что призыв в армию требует большей жертвы от него, чем от них; а сравнивая себя со своими женатыми гражданскими друзьями, он мог считать, что ему предложили принести такие жертвы, которых они избежали совершенно» (I, 125).
2. Обычный выпускник средней школы или колледжа являлся наиболее очевидным кандидатом для призыва; связанные с профессиональной занятостью пограничные ситуации гораздо чаще возникали в груп-

пах с более низким образовательным уровнем. Как правило, не имеющий среднего образования человек, который был призван в армию, мог указать на многих своих знакомых, которые имели не больше прав на отсрочку, чем он сам, но тем не менее получили отсрочку на профессиональной почве; когда они сравнивают себя со своими гражданскими друзьями, то скорее всего считают, что от них требуют принести жертвы, от которых другие подобные им люди были освобождены» (I, 127).

3. «Понятие *относительной утраты* особенно подходит для оценки роли образования в удовлетворенности статусом или работой, а также для некоторых аспектов одобрения или критики в армии. Более образованный человек, обладая более высоким уровнем притязаний, чем менее образованный, должен больше потерять в своих собственных глазах и в глазах своих друзей из-за неуспеха в достижении определенного статуса в армии. Следовательно, если цель, которой он добивается, не была достигнута, то фрустрация будет больше для него, чем для других...» (I, 153)

4. «...понятие дифференцированной утраты и вознаграждения... может помочь нам понять некоторые из психологических процессов, относящихся к этой проблеме. В общем, это, конечно, верно, и то, что солдаты, находящиеся за рубежом, страдают из-за большого отрыва от домашних привязанностей и от многих удобств жизни в Соединенных Штатах, к которым они привыкли. Но также верно, что по сравнению с фронтовиками солдаты, находящиеся за рубежом в тылу театра военных действий, испытывают намного меньшую утрату, чем действительно сражающийся человек» (I, 172).

5. «Понятие дифференцированной утраты могло бы привести нас к исследованию причины, по которой действительно испытавшие больше лишений группы солдат выглядят не слишком требовательными по сравнению с теми, кто испытал меньше лишений... чем меньше различие между офицерами и солдатами в обладании скудными привилегиями (крайний случай — это реальный бой), тем меньше вероятность критики офицеров солдатами и тем легче для солдата принять неизбежность утраты» (I, 181).

6. «Как и следовало ожидать, те солдаты, которые продвигаются по службе медленнее по сравнению с другими солдатами, проходившими службу в армии в течение такого же срока, были наиболее критичны к армейским возможностям продвижения по службе. Но относительная оценка продвижения по службе может быть основана на различных стандартах в различных группах армейского личного состава. Например, окончивший начальную школу человек, который стал капралом после года службы, имел бы более высокую оценку продвижения в сравнении с большинством своих друзей на том же образовательном уровне, чем человек, окончивший колледж, который также через год получил то же самое звание. Следовательно, мы могли бы ожидать, что более образованные сол-

даты (в данном звании и с данной выслугой) скорее, чем другие, будут выражать неудовлетворенность медленным продвижением по службе. Сходные феномены проявляются при исследовании различных родов войск» (I, 250).

7. «Исходя из обследования военнослужащих, представленного ранее в этой главе, можно было бы ожидать, что отношение офицеров к продвижению по службе, как и у тех военнослужащих, будет отражать некоторое взаимоотношение между их уровнем ожиданий и их уровнем достижений по сравнению с уровнем их знакомых. Таким образом, мы можем ожидать, что капитан, который был произведен в звание через больший промежуток времени по сравнению с другими капитанами, будет менее удовлетворен продвижением по службе, чем лейтенант, получивший звание в относительно короткий срок» (I, 179).

8. «...вероятно, негры, как северных, так и южных штатов, при размещении на Юге могут в значительной мере находиться под влиянием совсем иной психологической компенсации; их установки можно понять, если мы рассмотрим их ситуацию как ситуацию относительного статуса.

Солдат-негр обладает положением сравнительного благополучия и достоинства по сравнению с большинством негритянских граждан, которых он видит в городах южных штатов (I, 563).

9. Проще говоря, психологическая ценность армейской жизни для солдат-негров в южных штатах (по сравнению с гражданскими неграми-южанам) намного превосходит психологическую ценность армейской жизни для солдат-негров в Северных штатах (по сравнению с гражданскими неграми-северянами) (I, 564).

Эти девять отрывков содержат существенные утверждения, в которых понятие относительной утраты или родственные понятия были прямо использованы для объяснения казавшихся аномальными или противоречивыми данных². К этому явному употреблению понятий мы позднее добавим несколько примеров, которые не интерпретировались авторами с точки зрения теории референтных групп, но которые кажутся тем не менее объяснимыми в пределах этой теории.

Следует отметить, что во всех этих случаях понятие относительной утраты служит одной и той же теоретической цели: оно используется как объясняющая опосредующая переменная. Исследования

² Когда у нас появится возможность подробнее рассмотреть влияние эмпирических исследований на теорию, то станет ясно, что понятие относительной утраты вырастает из того, что мы назвали «моделью серендипити», а именно «из широко распространенного опыта наблюдения неожиданных, аномальных и стратегических данных, которые дают возможность для создания новой теории или расширения существующей теории». См. главу V. — *Примеч. автора.*

были запланированы для изучения мнений и установок американских солдат: например, их отношения к призыву на военную службу или их оценки возможностей для продвижения по службе. Эти установки обычно воспринимаются как зависимая переменная. Анализ данных показывает, что эти установки различны среди солдат с различным статусом: например, более старшие по возрасту и женатые мужчины высказывают большее возмущение по поводу призыва в армию, чем молодые и неженатые; те, кто обладает статусом выпускника средней школы или колледжа, были не слишком оптимистичны по отношению к своим перспективам продвижения по службе в армии. Эти атрибуты статуса, в общем, рассматриваются как независимые переменные. Когда взаимосвязь между независимыми и зависимыми переменными установлена, проблема заключается в том, чтобы объяснить, почему более образованные люди обычно менее оптимистичны по поводу своих возможностей продвижения по службе в армии или почему женатые мужчины выражают большее возмущение по поводу своего призыва на военную службу. В этом пункте объяснения вводится понятие относительной утраты. Структура анализа выглядит так: женатый человек (независимая переменная) чаще спрашивает о законности своего призыва в армию (зависимая переменная), поскольку он оценивает ситуацию в референтной системе координат (независимая переменная), возникающей сопоставлением себя с другими женатыми мужчинами, по-прежнему ведущими гражданский образ жизни, которые избежали призыва полностью, или благодаря сравнению с неженатыми военнослужащими, чей призыв в армию не вызвал жертв, достойных сравнения. Таким образом, мы можем определить основную функцию понятия относительной утраты как функцию предварительного понятия, объясняющего «свершившиеся факты». Оно стремится объяснить различия в установках солдат, обладающих различным социальным статусом. И поскольку объяснение «свершившихся фактов» играет особую роль для дальнейшего развития теории, позднее мы подробнее рассмотрим эту характеристику понятия относительной утраты³.

³ По этому вопросу необходимо, между прочим, заметить, что слишком преждевременно предполагать, что *ex postfacto* объяснения в принципе невосприимчивы к эмпирической проверке, устанавливающей их недействительность. Отстаивать это (как поступает Натан Глезер, чересчур торопливо отклоняя понятие относительной утраты) — значит не понимать взаимодействие между теорией и эмпирическими исследованиями в *историческом развитии* дисциплины. Как мы увидим, нет оснований для утверждения Глезера, что понятие относительной утраты нельзя мыслимым образом фальсифицировать: «Следовательно (по отношению к понятию относительной утраты), немного воображения — и мы сможем предусмотреть любой возможный результат...» И позднее он утверждает, что это понятие «не может быть опровер-

Сопоставление этих ключевых отрывков служит более важной задачей, чем скудное обобщение оригинального материала. Поскольку исследования, использующие понятие относительной утраты, связаны с различными проблемами и рассеяны по страницам «Американского солдата», то, разумеется, их не рассматривали с точки зрения их общей теоретической связи. Сопоставление отрывков дает возможность фактически одновременно рассмотреть нескольких интерпретаций, и мы можем выявить центральные категории, которые Исследовательский сектор, очевидно, рассматривал как основания для сравнения, которые имеют значение для изучаемых установок и оценок солдат. А как только выявляются категории анализа, разработанные Исследовательским сектором, то могут быть исследованы их логические связи. Полученные формулировки, как мы полагаем, имеют значение для дальнейшего развития теории референтных групп.

Если мы будем рассуждать индуктивно, то увидим, что, по мнению Исследовательского сектора, у наблюдаемых солдат существует три вида референтных стандартов. Первый из них относится к тем случаям, в которых, по их мнению, на установки или оценки людей влияет сравнение с ситуацией других людей, с которыми они действительно общались, были в постоянных социальных отношениях (например, «женатые гражданские друзья» солдата в отрывке 1 или «знакомые» человека, не имеющего среднего образования, в отрывке 2).

Второе предполагаемое основание для сравнения относится к тем людям, которые в определенном отношении обладают таким же статусом или той же самой социальной категорией (как в случае с капитаном, который сравнивает свою участь «с другими капитанами» в отрывке 7), однако прямой социальный контакт между ними не считается обязательным.

И третий тип сравнения относится к тем, кто обладает в некотором важном для данного случая отношении другим статусом или относится к другой социальной категории, как в примере с тыловыми солдатами по сравнению с фронтовиками в отрывке 4 или рядовыми

гнута фактами и не может считаться истинным на основе полученных данных». Из настоящего изложения станет понятно, что предложения, входящие в понятие относительной утраты, легко поддаются эмпирической фальсификации, если они действительно неверны. Чтобы понять одну из причин нашего акцентирования эмпирической ориентации социологической теории как непрерывного развития, следует рассмотреть последствия пренебрежения этим фактом, продемонстрированного в книге- Nathan Glazer, «'The American Soldier' as science», *Commentary*, 1949, 8, 487—496. — Примеч. автора.

солдатами по сравнению с офицерами в отрывке 5 (социальное взаимодействие между ними в этих случаях не обязательно).

Мы поняли из рассмотренных случаев, что чаще всего солдаты берут за основу для сравнения группы или личности, не просто подпадающие под один из этих трех типов сравнения, но имеющие различные комбинации таких типов. Самым обыкновенным из возможных сравнений является сравнение с товарищами, обладающими тем же самым статусом (например, окончивший школу человек сравнивает себя с друзьями с таким же образовательным уровнем в отрывке 6), или с различными незнакомыми «другими», которые обладают статусом, сходным в некотором характерном отношении и несходным в других отношениях (например, солдат-негр сравнивает себя с гражданским негром в отрывках 8 и 9).

Если эти атрибуты личности или группы, которые служат в качестве предполагаемых стандартов для сравнения, систематизировать в виде таблицы, концептуальная структура понятия относительной утраты (или родственных понятий) становится наиболее очевидной. Схематичное упорядочение дает нам возможность разместить не только стандарты для сравнения, наиболее часто используемые при объяснении данных в Исследовательском секторе, но и дополнительные стандарты сравнения, не получившие достаточного места в их интерпретациях. Таким образом, мы создаем возможность для систематического изучения теоретической сущности понятия «относительная утрата» как объясняющего средства и указываем на вопросы, с помощью которых возможно расширение и углубление теории референтно-группового поведения.

На самом деле группы или личности, рассматриваемые как основа для сравнения в девяти предложенных отрывках, очевидно, имеют несколько характерных атрибутов. Существование постоянных социальных отношений между человеком и теми людьми, которые приняты за основу для сравнения, указывает на то, что в соответствии с этим они находятся в общей членской группе, или внутренней группе, а отсутствие постоянных отношений указывает на то, что они находятся в не-членской, или внешней, группе. Когда мы переходим к сравнительному статусу, предполагаемая классификация становится несколько сложнее: люди, представляющие основу для сравнения, могут обладать тем же самым статусом, что и субъект, или иным статусом, который может быть выше, ниже или однопорядковым. Итак, совокупность пунктов для сравнения, предложенная в интерпретациях Исследовательского сектора, может быть представлена следующим образом:

*Атрибуты личности, социальные категории и группы, принятые
людьми в качестве стандартов для сравнения**

В постоянных социальных отношениях с человеком	Одинаковый статус	Различный социальный статус		
		Выше	Ниже	Одно- порядковый
Да (членская, или внутренняя, группа)	№ 1 женатые друзья № 2 знакомые без среднего образования № 6 друзья с таким же образовательным уровнем	№ 5 офицеры	№ 8,9 гражданские негры в Южных штатах	№ 3 друзья № 7 знакомые
Ориентация личности				
Нет (не-членская, или внешняя, группа)	№ 4 солдаты в США или в на фронте № 6 солдаты того же призыва № 7 другие капитаны	№ 5 офицеры	№ 8,9 гражданские негры Южных штатов	

Рассмотрение этой таблицы переменных величин, которые осмыслены с помощью понятия относительной утраты, сразу направляет наше внимание к нескольким эмпирическим и теоретическим проблемам. Эти проблемы, как сейчас станет очевидно, имеют не только особое отношение к понятию относительной утраты, но и более общее отношение к теории референтно-группового поведения.

Как видно из предварительного обзора случаев, содержащихся в таблице, в отдельных случаях авторы «Американского солдата» считают, что люди берут в качестве основы для сравнения ситуацию людей; с которыми они находились в прямом социальном взаимодействии: в первую очередь внутреннюю группу друзей и знакомых. А в Других случаях возможные стандарты сравнения возникают благода-

* Номера относятся к соответствующим отрывкам, которые здесь условно классифицированы. — *Примеч. автора.*

ря тем социальным категориям людей, с которыми человек не находится в постоянных социальных отношениях (солдаты на фронте, другие капитаны и т.д.). Этих «других», с которыми человек не вступает во взаимодействие, мы определим как не-членскую группу, или внешнюю, группу, для того чтобы выдвинуть на первый план взаимосвязь понятия относительной утраты с теорией референтных групп⁴. Поскольку в этих объяснениях как членские, так и не-членские группы (т.е. внутренние группы и внешние группы) фактически были рассмотрены как возможные социальные эталоны сравнения, мы сразу подходим к важнейшим вопросам в развиваемой теории референтно-группового поведения: при каких условиях для самооценки и формирования установок в качестве эталонов берутся товарищи внутри своей собственной группы, а при каких условиях значимые стандарты сравнения обеспечивают внешние, не-членские группы?

Референтные группы в принципе почти неисчислимы: любые группы, в которых человек является членом (их сравнительно немного), а также группы, в которых человек не является членом (их, конечно, множество), могут стать референтной основой для формирования собственных установок, оценок и поведения. Здесь возникает новый ряд проблем, требующих теоретической формулировки и дальнейшего эмпирического исследования. Как видно из схематичной классификации примеров из «Американского солдата», человек может быть ориентирован на какую-либо одну или несколько различных видов групп и статусов: членские группы и не-членские группы, статусы подобные его собственному или иные — либо более высокие или низкие, либо несравнимые в социальном отношении с его собственным. Следовательно, здесь возникает новая проблема: если

⁴ Мы осознаем, что это утверждение наполнено имплицитными проблемами, которые пока преждевременно рассматривать в этом месте. Здесь, например, подразумевается проблема критерия «членства» в группе. Поскольку частота таких взаимодействий является одним из таких критериев, мы должны признать, что границы между группами не очерчены четко. Скорее «члены» данных групп различным образом связаны с другими группами, членами которых они *обычно* не считаются, хотя у социолога могут быть достаточные основания для включения их в эти последние группы — из-за их частых социальных взаимодействий с обычными членами этих групп. Итак, в настоящий момент мы оставим на время вопрос о различиях между социальными группами и социальными категориями (последние относятся к установленным статусам, обладатели которых либо мало взаимодействуют, либо не взаимодействуют совсем). Мы также заметим, что формулировки, содержащиеся в «Американском солдате», расширяют формулировки таких теоретиков социальной психологии, как Джордж Мид, который ограничился изучением *членских групп* — как значительных стандартов для сравнения — в своем понятии «обобщенный другой» и в своем объяснении формирования самоустановки. Этот вопрос упомянут вскользь, поскольку он будет рассмотрен в более подходящем месте. — *Примеч. автора.*

столь многочисленные группы или статусы, с их возможно расходящимися и даже противоречивыми нормами и стандартами, рассматриваются человеком как референтные ориентиры, то как разрешаются такие несоответствия?⁵

Эти первоначальные вопросы помогают уточнить область нашего исследования. Уже давно существует достаточно верная идея, согласно которой люди действуют в рамках определенной социально-референтной системы координат, существующей в группах, к которым они принадлежат. Если бы теория референтных групп занималась только этим, она была бы просто новой терминологией для старых социологических проблем, которые всегда были сосредоточены на групповой детерминации поведения. Однако нам известно, что люди при формировании своего поведения и оценок часто ориентируются на группы иные, чем их собственная группа. И именно эти проблемы, относящиеся к ориентации на не-членские группы, представляют исключительный интерес в теории референтных групп. В конце концов, разумеется, теория должна достигнуть такого уровня обобщения, чтобы она могла объяснить оба вида ориентации, то есть ориентации как на членскую, так и не-членскую группы, но ее ближайшая основная задача — исследовать процессы, благодаря которым человек соотносит себя с группами, к которым он не принадлежит.

Следовательно, теория референтных групп стремится систематизировать решающие факторы и последствия тех процессов оценки и самооценки, в которых человек принимает ценности и стандарты других людей и групп в качестве референтной системы координат⁶.

Из нашего краткого предварительного исследования очевидно, что исследования в «Американском солдате», применяющие понятие относительной утраты, могут стать катализатором, ускоряющим теоретическое осмысление и формулировку проблем для дальнейших эмпирических исследований. И после того как мы определенно связали понятие относительной утраты с теорией референтно-группового поведения, нам станет яснее сущность этих формулировок при более подробном рассмотрении некоторых из использованных примеров.

⁵ Хотя это напоминает традиционную, но малопроясненную проблему конфликта между членством в *многочисленных* группах или многочисленными/шлями, мы не считаем эти проблемы тождественными, поскольку (как мы увидим) стандарты сравнения представлены не только своей *собственной* членской группой или своими собственными статусами, но, кроме того, и не-членскими группами и другими статусами. — *Примеч. автора.*

⁶ Это краткое изложение и эллиптические утверждения будут расширены в последней части этой главы. — *Примеч. автора.*

Относительная утрата или Относительная утрата

Авторы «Американского солдата», развивая предложенное ими понятие относительной утраты, в целом концентрировали свое внимание на компоненте утраты более, чем на компоненте относительности. Так сказать, в центре их внимания больше была относительная *утрата*, чем *относительная* утрата. Причина этого совершенно очевидна, принимая во внимания бросающиеся в глаза, характерные для службы в армии утраты. В целом американцы рассматривают службу в вооруженных силах в лучшем случае как неохотно признаваемую, жестокою неизбежность:

Подавляющее большинство людей не хочет идти в армию добровольно... для того чтобы роль солдата была признана, возможно, требуется склонность к подчинению в характере человека, по крайней мере это касается первоначальной установки... в пассивном отношении к военной службе заложено относительное отсутствие своей идентификации с широкими социальными целями, которые могли бы отвлечь от повседневных фрустраций в новом окружении. Поэтому новобранцы должны остро воспринимать черты утраты в армейской жизни. (I, 208—209)

Следовательно, наиболее часто выбираются для изучения именно эти образцы реакции на ситуацию утраты, и понятие относительной утраты развивалось первоначально для объяснения этих образцов реакции. Из самого понятия относительной утраты видно, что оно используется главным образом для оценки чувства неудовлетворенности, особенно в случаях, когда объективная ситуация, как кажется на первый взгляд, не может вызвать подобное чувство. Это не означает, что понятие использовалось только для объяснения чувства неудовлетворенности, утраты и несправедливости, так как на практике сравнение своей собственной ситуации с ситуацией других часто приводило солдат в состояние относительного удовлетворения. Однако кажется, что в основном удовлетворение, возникающее из такого сравнения с другими, играет роль компенсации чрезмерной неудовлетворенности. В случаях сложного сравнения, например, неудовлетворенность человека, служащего за границей в тылу, преимущественно усиливается при сравнении с теми, кто служит в Соединенных Штатах, но смягчается удовлетворенностью своим положением при сравнении с фронтовиками. (I, 173)

Хотя сами авторы явно признают, что «утрата» является несущественным и частным компонентом понятия «относительной утраты», тогда как смысловым ядром понятия является ударение на «относительном» характере социального и психологического опыта. Это можно увидеть в тех местах текста, где авторы вводят понятие относитель-

ной утраты и указывают на его родство с другими социологическими понятиями, такими как «социально-референтная система координат», «образцы ожиданий» или «определение ситуации». (I, 125) Именно компонент относительности и эталоны сравнения при самооценке являются общими для этих понятий.

Понятие относительной утраты, не ограниченное тем конкретным материалом, который первоначально предлагался для его объяснения, можно обобщить и связать с более широким теоретическим содержанием. Относительную утрату можно рассмотреть как специальное понятие в теории референтных групп. И так как «Американский солдат» дает систематические эмпирические данные, а не просто излагает взгляды на понятие относительной утраты, то, возможно, открывается путь для последовательного уточнения основных переменных и, следовательно, могут быть намечены дальнейшие кумулятивные исследования, но уже имеющие теоретическое основание.

Тем не менее все это является пока лишь планом. Действительно ли «Американский солдат» выполнил такую функцию для теории референтных групп, можно определить, только рассмотрев более подробно те из опубликованных в этом журнале исследований, которые имеют отношение к этой теории.

На предыдущих страницах мы проанализировали нескольких примеров, связанных с обоснованием и разработкой проблем теории референтных групп, кратко указав на родственные проблемы, которым еще не уделили внимания. Теперь наша задача собрать для каждого случая существенные факты и основные объяснения, подробно изложенные Исследовательским сектором, а затем сделать вывод об их определенном значении для теории референтных групп.

В качестве предисловия, можно сказать, что эти случаи дают возможность сформулировать широкий круг конкретных проблем, которые будут подробно рассмотрены и которые мы кратко перечислим в следующем перечне:

членские группы как референтные группы;
конфликтные референтные группы и референтные группы взаимной поддержки;
единообразие поведения, выводимое из теории референтных групп;
статистические показатели социальной структуры;
теория референтных групп и социальная мобильность;
функции позитивной ориентации на не-членские группы;
социальные процессы, поддерживающие или сдерживающие эти ориентации;
психологические и социальные функции институтов, регулирующих переход от одной членской группы к другой;
обзор концепций, родственных теории референтных групп.

Членская группа как референтная группа

Случай № 1. Это исследование рассматривает, как солдаты оценивают возможности продвижения по службе, что выявлялось с помощью вопроса: «Полагаете ли вы, что способный солдат обладает хорошими шансами для продвижения по службе?» Согласно обобщенным данным (неизбежно слишком сокращенным в нашем изложении), для любого срока службы, звания и образования «чем меньше возможностей продвижения по службе предоставлено отделением или родом войск, тем больше одобрения находит мнение, что есть возможности для продвижения по службе» (I, 256). В рамках тех данных, которые находятся в нашем распоряжении⁷, этот парадоксальный ответ о большем удовлетворении возможностями для продвижения по службе именно в тех родах войск, в которых мобильность невысока, находят прямое подтверждение. Так, хотя в воздушных силах уровень продвижения по службе был довольно высок, служащие воздушных сил, очевидно, были даже более требовательны к шансам продвижения, чем, скажем, служащие военной полиции, где объективные шансы для продвижения «были несколько хуже, чем в любом роде войск». Точно так же, при любом ранге или сроке службы, более образованные солдаты, несмотря на довольно высокую скорость их продвижения в целом, гораздо критичнее относились к возможностям продвижения.

Этот парадокс объясняется Исследовательским сектором как результат оценок, возникающих в той системе референтных координат, которые сложились под влиянием скорости продвижения по службе в группе. Обычно высокий уровень продвижения вызывает чрезмерные надежды и ожидания среди членов группы, поэтому каждый может часто испытывать чувство недовольства своим положением и шансами для продвижения. Как пишут авторы: «Такой результат мог бы показаться действительно парадоксальным, если мы не обратимся к теории, согласно которой подобные мнения выражают соотношение между ожиданиями людей и их достижениями *по сравнению с другими людьми, находящимися с ними в той же самой лодке*» (I, 251, курсив мой).

Теоретическое осмысление. Прежде всего следует отметить именно эту парадоксальность данных, которая, очевидно, приводит к ги-

⁷ Важно сделать эту оговорку, поскольку вряд ли вероятно, что был рассмотрен весь круг вариаций в соотношениях между действительной степенью мобильности и индивидуальной удовлетворенностью шансами мобильности. Если степень продвижения практически была сведена к нулю во многих из этих групп, обнаружили бы у них еще более «благоприятное мнение» о возможностях продвижения? Вероятно, соотношение не прямолинейное, и социологам необходимо определить условия, при которых не удастся получить линейное соотношение. — *Примеч. автора.*

потезе, согласно которой оценка шансов продвижения по службе является функцией ожиданий и достижений «по сравнению с другими людьми, находящимися в одной лодке с ними». Отметим далее, что необработанные, необъясненные данные кажутся парадоксальным только потому, что они противоречат допущению здравого смысла, которое гласит, что оценка всегда соответствует объективному положению дел. Согласно здравому смыслу, отмеченные различия в объективной степени продвижения по службе могли получить отражение в соответственно разных оценках шансов для продвижения. Если бы эмпирически было обнаружено именно такое соответствие, то не было бы повода для развития указанной гипотезы о референтно-групповой системе координат. Но, как выяснилось из полученных данных, люди определяют ситуацию по-разному. Однако недостаточно привести эти «определения ситуации», необходимо *дать им объяснение*. И функция понятия относительной утраты (как и других понятий теории референтных групп) состоит именно в том, чтобы помочь объяснить наблюдаемые определения ситуации.

В этом случае необходимы *систематические* эмпирические данные, именно такие, какие собраны в «Американском солдате», чтобы *обнаружить* парадоксальный образец, не поддающийся обнаружению при поверхностном наблюдении. И это иллюстрирует основополагающую роль систематических эмпирических исследований в достижении неожиданных, парадоксальных и стратегических данных, которые влияют на возникновение или развитие теории⁸. Полученные данные и гипотеза, выдвинутая для их объяснения, ставят новые теоретические и исследовательские проблемы, которые при этом лишь упоминаются, но пока не получают такого полного объяснения, которого они заслуживают.

Согласно гипотезе, группа является основой сравнения для солдат и, следовательно, влияет на уровень их удовлетворенности возможностями продвижения по службе. Как мы видели, это допущение сформулировано так: оценки существуют «по сравнению с другими людьми, находящимися в той же лодке». Эти данные дополнены представлением о существовании четырех групп или социальных категорий в качестве контекста или референтной системы координат: это люди с одинаковым сроком службы, со сходным образовательным уровнем, с одинаковым званием, а также служащие в одном и том же роде войск.

Обобщив эту гипотезу соответствующим образом, мы можем задать разнообразные вопросы, относящиеся к теории референтных

⁸ Здесь эта «созидательная функция» эмпирического исследования по отношению к теории получает больше внимания, чем в пятой главе этой книги. — *Примеч. автора.*

групп и требующие новых исследований и анализа. Почему в качестве важного эталона сравнения выбирают людей, входящих в ту же самую группу или обладающих таким же статусом? Идиоматическая фраза «в той же лодке» дает начало тем же самым социологическим проблемам, как и идиоматическая фраза «стараться быть не хуже людей». Кто те самые «люди» в различных социальных структурах, с кем все остальные стараются быть наравне? Их близкие знакомые? Люди в более высоких по социальным или доходным показателям слоях, с которыми они общались? Когда этими «людьми» являются те, с кем человек никогда не встречался, но о ком лишь слышал (через средства массовой информации, например)? Как получается, что одни выбирают в качестве образца Джонса, другие Кэбота или Кессиди, а некоторые вообще пытаются не равняться на кого бы то ни было.

Другими словами, гипотеза, выдвинутая в «Американском солдате», согласно которой люди сходного статуса являются эталоном для самооценки, сразу открывает целый спектр взаимосвязанных проблем, подлежащих исследованию и создающих новые важные связи в развитии теории референтных групп. Когда чья-либо членская группа *не* рассматривается как референтная группа для формирования оценок? Все-таки многие люди, очевидно, осознавали различие между штатным расписанием воздушных сил и своего собственного рода войск. Когда на их собственный уровень удовлетворенности может повлиять темп мобильности у людей не из «той же самой лодки»? И хотя эти социологические проблемы могли возникать повсюду, они были фактически выявлены с помощью парадоксальных эмпирических данных, полученных и первоначально объясненных в рассматриваемом исследовании.

О теоретических вопросах, которые возникают на основе систематических исследований в «Американском солдате», в свое время писал в кратких и до некоторой степени противоречивых работах замечательный теоретик социальной психологии Джордж Г. Мид, который не погружался в изучение систематического эмпирического материала. Мид был, конечно, важным предшественником теории референтных групп. В первую очередь это относится к ее центральному понятию, различно определяемому в его основных работах, но достаточно точно схваченному в утверждении: «Человек воспринимает себя как таковой не прямо, а только опосредованно, исходя из различных точек зрения других людей — членов той же самой группы, или из обобщенной точки зрения социальной группы как целого, к которому он принадлежит»^{*}.

⁹ Georg H. Mead, *Mind, Self and Society* (The University of Chicago Press, 1934), 138 [Курсив мой]. — *Примеч. автора.*

В этой формулировке и в многочисленных других, подобной этой¹⁰, Мид фактически выдвигает гипотезу, что именно те группы, в которых человек является *членом*, создают важнейшие референтные ориентиры для самооценки. И он часто иллюстрирует эту гипотезу анекдотичными примерами, возникающими из разнообразного личного опыта, а также проницательными рассуждениями. Но, возможно, поскольку он не сталкивался с систематическими эмпирическими данными, которые могли оказаться несовместимыми с его формулировкой в особых пунктах, у него не возникали сомнения: действительно ли человек рассматривает как основу для сравнения всегда именно ту группу, членом которой он является. Мид использует понятия «иной», «другой», «другие» буквально в сотнях случаев, при изложении тезиса, согласно которому социализация личности вызвана реакцией на установки «другого» или «иного». Но различный статус «этих других», рассматриваемых как референтный эталон для самооценки, истолкован недостаточно точно (кроме частого утверждения, что они члены группы). Таким образом, Мид и те из его последователей, которые также воздерживались от эмпирических исследований, не могли поставить вопрос об условиях, при которых не-членские группы могут также стать важным референтным ориентиром.

Исследования в «Американском солдате» не только подводят прямо к этому вопросу, но ведут далее к проблемам, связанным с фактами членства в *многочисленных* группах и *многочисленностью* референтных групп. Это напоминает нам, что развитие теории и эмпирических исследований связано с изучением *динамики выбора* референтных групп среди нескольких членских групп. Когда люди ориентируются на других людей из своей профессиональной группы, из своей родственной группы или из своей религиозной группы? Как мы можем охарактеризовать *структуру социальной ситуации*, которая заставляет рассматривать как существенный контекст одну из групп, к которой человек принадлежит?

Продолжая развивать предлагаемую гипотезу, мы отмечаем еще одну проблему, вызванную одновременным влиянием нескольких референтных групп. Дальнейшие шаги направлены на изучение *динамических процессов, заключающихся* в противоречивых тенденциях (установленных теоретически), связанных с *многочисленностью* референтных групп. Например, как выглядит динамика оценки (а не просто конечная оценка), которую дают выпускники колледжа системе продвижения по службе в военной полиции? Согласно гипотезе, выдвинутой «Американским солдатом», они могут испытывать неудов-

¹⁰ Например, см. там же, 151 — 156, 193—194. — *Примеч. автора.*

пртвооенность, сравнивая свое положение с положением других выпускников колледжа, но как сравнительно новое пополнение в военной полиции, они могут испытывать относительную удовлетворенность. Как эти противоречивые тенденции в конечном счете сводятся к оценке, которая берется на заметку наблюдателем?

В заключение, обращаясь к зависимой переменной в этом исследовании мы отмечаем, что она состоит в оценке солдатами *институциональной системы* продвижения по службе в армии, а не в оценке своего личного продвижения в этой системе". Людей фактически просили оценить систему продвижения с точки зрения ее эффективности и легитимности. Это можно увидеть из тщательно сформулированного вопроса, с помощью которого выявляли их мнения: «Считаете ли вы, что способный солдат имеет хороший шанс для продвижения

По ^дТсь^озникает проблема, достойная внимания, которого она еще не получила. Существует ли один и тот же механизм референтно-группового поведения в обоих типах оценок: самооценках и институциональных оценках? Если задать этот вопрос, то становится ясно, что необходимо исследовать структуру таких социальных ситуаций, в КОТОРЫХ обычно формируется самооценка или внутренняя оценка (например таких ситуаций, где сравнение с достижениями определенных других ведет к оскорбительному самоуничижению, к чувству личной неспособности). Также нужно изучать и структуру таких ситуаций, которые обычно ведут к оценке институтов или внешним оценкам (например таких ситуаций, где сравнение с другими ведет к чувству институциональной неадекватности, к мнению, что социальная система препятствует точному соответствию между индивидуальным заслугами и социальным вознаграждением).

Рассмотренные исследования (как и многие другие в «Американской солдате») дают возможность теоретически осмыслить методы, анализ и объяснение, которые имеют отношение не только к изучению поведения солдат. Они связаны с важными стратегическими областями исследований в больших социальных системах. Например, в проблемную область первостепенного теоретического и политического значения входят и те социологические факторы, которые вынуждают людей рассматривать свое собственное относительно низкое

» действительно, как предполагается в тексте, институциональные оценки относятся к оценке солдатами их собственного положения по сравнению с их легитимными ожиданиями, но здесь этот вопрос не рассматривается. Референтно-групповая гипотеза пытается объяснить вариации в характере этих ожиданий с точки зрения социального контекста, созданного распределением статусов в значимой внутренней группе. - *Примеч. автора.*

социальное положение как законное, и те факторы, которые заставляют их истолковать свое положение как результат несовершенной и, возможно, несправедливой социальной системы. Когда люди воспринимают относительно небольшие жизненные шансы как нормальное и ожидаемое положение дел, которое они относят к своей личной несостоятельности, а когда они рассматривают их как результат несправедливой системы социальной мобильности, в которой вознаграждение не пропорционально способностям?¹² Понятие относительной утраты и относительного вознаграждения помогает перевести эти часто обсуждаемые, но недостаточно проанализированные образцы поведения из области поверхностных спекуляций в область систематических исследований.

Многочисленные референтные группы

Некоторые исследования в «Американском солдате» дают возможность перейти к рассмотрению теоретических проблем, возникающих из представления, согласно которому контекст для оценки личности создают многочисленные референтные группы. Мы выбрали два примера, которые привлекли наше внимание потому, что они очевидно демонстрируют различные образцы сложного сравнения: в первом из них многочисленные референтные группы создают разноплановые контексты, во втором — они создают контексты, которые обоюдно поддерживаются.

Конфликтные референтные группы. Случай 2. В конце 1943-го и в начале 1944 г. Исследовательский сектор провел ряд опросов, продемонстрировавших различные установки (отражающих личные оценки) солдат, служащих за пределами США (вне фронтовой полосы), и солдат, размещенных в США. Различия в установках были неболь-

¹² Конечно, подобные вопросы возникали много раз и раньше. Но они обычно рассматривались как самостоятельные и самодостаточные проблемы, сами по себе вызывающие интерес, а не как специальные проблемы, относящиеся к теории референтно-группового поведения. Например, предполагалось, что явно «успешные» индивиды, которые быстро поднялись в социальной иерархии и которые так много значат в глазах людей, служат в качестве модели или эталонной личности, подтверждающей систему мобильности, в которой, очевидно, карьера является по-прежнему открытой для талантов. Поскольку такая модель успеха является живым подтверждением легитимности институциональной системы, люди избегают критики системы. См.: Menon, Fiske and Curtis, *Mass Persuasion*, 152ff. Но эти наблюдения остаются поверхностными и случайными, поскольку они не дают систематического плана для исследований поведения в направлениях, предложенных в «Американском солдате». — *Примеч. автора.*

шими, хотя и постоянными. Например, среди солдат, оставшихся в Соединенных Штатах, 41% сообщают о себе как о находящихся «обычно в хорошем настроении» по сравнению с 32% служащих за рубежом; 76% первых полагают, что «управление армией налажено довольно хорошо или очень хорошо», что сравнимо с 63% у вторых (I, 167, таблица IV). Но поскольку, согласно другим опросам, основное желание солдат за рубежом — возвращение домой (I, 187), авторы полагают, что можно было ожидать гораздо больше различий в установках и мнениях людей.

В качестве рабочей гипотезы для объяснения отсутствия больших различий приведены три фактора, сдерживающих ожидаемую¹³ степень неудовлетворенности у тыловых солдат за рубежом. В связи с этим мы используем для объяснения понятие «дифференциальной утраты и вознаграждения»¹⁴, которое, как мы помним из более раннего отрывка,

может помочь нам понять некоторые из психологических процессов, относящихся к этой проблеме. В общем, это, конечно, верно, что солдаты, находящиеся за рубежом (по сравнению с солдатами, оставшимися на родине), страдают из-за большего отрыва от домашних привязанностей и от многих удобств жизни в Соединенных Штатах, к которым они привыкли. Но так же верно, что по сравнению с фронтовиками солдаты, находящиеся за рубежом в тылу театра военных действий, испытывают намного меньшую утрату, чем действительно сражающийся человек.

Теоретическое осмысление. В сущности, авторы считают, что два различных контекста сравнения влияют на оценку среди тыловых подразделений за рубежом. Какой же можно сделать из этого приме-

" Здесь мы снова видим, что понятие относительной утраты (так же, как понятие «определение ситуации») в большинстве случаев вводится для объяснения очевидно парадоксальных данных. В этом случае данные очевидно расходятся не только с ожиданиями, основанными на здравом смысле, но и с другими фактами, обнаруженными в ходе исследований. Таким образом, это является иллюстрацией «модели серендипити» в исследованиях, в которых «наблюдаемое выглядит парадоксальным, неожиданным из-за того, что оно кажется несовместимым либо с преобладающей теорией, либо с другими установленными фактами. В любом случае видимая несовместимость вызывает интерес, она стимулирует исследователя «осмыслить данные». — *Примеч. автора.*

¹⁴ Два других: первый — физический отбор, поскольку солдаты за рубежом должны соответствовать более жестким стандартам, и второй — «понимание значительности армейской службы». В связи с последним авторы замечают: «Хотя различие в месте службы... не может подтвердить или опровергнуть гипотезу, существует факт, что в среднем различие в отношении к военной службе между служащими за рубежом и в США было незначительным, тогда как различия в личном состоянии духа или в отношении к армии были очень велики; этим фактом не стоит пренебрегать» (I, 173). — *Примеч. автора.*

ра вывод о причинах, по которым одни контексты, а не другие влияют на формирование мнения?

Вначале следует отметить, что статус людей, ставших контекстом для формирования оценки, является в некотором существенном отношении *сходным* со статусом людей, делающих оценку. Таким образом, солдаты, оставшиеся на родине, похожи на тех, кто также остается в тылу, а фронтовики похожи на тех, кто также служит за рубежом. Помимо этого, другие сходства и несходства, присущие ситуации, влияют на окончательную оценку противоречивым образом. Таким образом, по стандартам американской жизни солдатам вне фронта за рубежом хуже, чем солдатам на родине, в том отношении, что они относительно лишены удобств и оторваны от социальных связей, и лучше, чем фронтовикам, в том отношении, что они не несут таких потерь и не подвергаются такому же риску. И хотя они говорят: «Нам плохо, но другим еще хуже, чем нам», — именно такое сравнение нередко принимается теми, кто приспособился к своему положению. Следовательно, их определение ситуации является итогом этих противоречащих образцов сравнения.

Мы можем выдвинуть общую гипотезу, согласно которой между человеком и референтной группой должно быть некоторое сходство в атрибутах статуса, для того чтобы сравнение вообще произошло. Когда это минимальное сходство существует¹⁵, другие черты сходства и различия, присущие ситуации, будут создавать контекст для формирования оценки. Следовательно, в центре внимания теоретиков оказываются те факторы, которые создают чувство соответствующего сходства между статусами, так как именно эти факторы помогут определить, какие группы призваны играть роль сравнительного контекста. Итак, основополагающее сходство статусов у членов внутренней группы (которую Мид определяет как «социальный контекст») является только одним, хотя, по-видимому, важным основанием для выбора референтных групп. Внешние группы могут также включать *некоторое* сходство статусов.

¹⁵ Очевидно, необходимо систематическое изучение минимума сходства статусов, предполагаемого в референтно-групповом поведении. Всегда можно обнаружить *некоторое* сходство статуса, что зависит только от широты категории статуса. Человек может сравнивать себя с другими, даже в наиболее общем социальном качестве «человека». Но в рассматриваемом случае уместнее, когда фронтовик, воюющий за рубежом, сравнивал себя с невоюющим солдатом, оставшимся дома, в связи с их сходным статусом — «солдаты», и с гражданскими людьми в связи с их сходным статусом — «молодые совершеннолетние американские мужчины». В этом пункте существует теоретическая и исследовательская проблема — определить, каким образом структура социальной ситуации становится основой для такого сравнения и приводит к тому, что другие сходные статусы игнорируются как «несоответствующие». — *Примеч. автора.*

Осмыслив гипотезу Исследовательского сектора в этом вопросе, мы получаем ключ к факторам, влияющим на выбор референтных групп. Гипотеза не утверждает, что каждый фронтовик сравнивает себя только с двумя категориями людей — солдатами за рубежом и солдатами на родине. На самом деле он может сравнивать свою участь с другими многочисленными и разнообразными людьми: гражданским другом, имеющим несложную работу на родине, кузеном, наслаждающимся жизнью в качестве военного корреспондента, с известным артистом, не призванным на военную службу, о котором он мог прочесть в журнале. Но подобные сравнения, именно потому, что они включают личные референтные системы координат, могут быть сугубо индивидуальными. Они не могли бы создать контекст, *общий* для многих или для большинства фронтовиков. В той мере, в какой они носят чисто индивидуальный характер, они произвольно варьируются среди различных категорий солдат. Следовательно, они не могли бы сложиться в статистически значимую разницу в установках между группами или социальными категориями солдат.

Другими словами, используем статистику «Американского солдата» по дифференцированным определениям своей ситуации фронтовиками¹⁶, солдатами за рубежом, и солдатами в США для выявления влияния *социально структурированных* референтных групп, более или менее общих для представителей каждой категории. От полного исследования всех сравнительных контекстов, которые есть у любого человека, социологов удерживает не небрежность или непонимание. Дело скорее в том, что многие из этих контекстов являются сугубо индивидуальными, не разделяемыми большей частью других людей в той же самой группе или социальной категории. Сравнительная статистика в «Американском солдате» просто не стремится, да и не может выявить эти многочисленные частные контексты, свойственные людям и, следовательно, произвольно варьирующиеся в социальной категории. Социолога не интересуют данные по индивидуальным контекстам оценки.

Следовательно, референтные группы, о которых говорится в изложенной здесь гипотезе, не являются просто артефактом произвольной авторской системы классификации. Напротив, они образуют референтные системы координат, общие для большей части представителей данной социальной категории — части достаточно многочисленной для того, чтобы дать определения ситуации, характерные для этой категории. И эти референтные системы координат являются общими, пото-

¹⁶ «Американский солдат» не представляет данные об установках фронтовиков в этом месте текста, хотя соответствующие данные есть в других местах этого тома (например, 1, 111). — *Примеч. автора.*

му что они формируются благодаря социальной структуре. В настоящем случае, например, степень близости к фронту дает социально организованный и социально акцентированный базис для сравнения трех категорий солдат — воюющие за рубежом солдаты, солдаты за рубежом в тылу и войска на родине. Соответственно именно категории, подобные этим, создают *общи́е* сравнительные контексты для определения ситуации солдатами. Мы не отрицаем, что другие контексты могут иметь большое значение для отдельных людей в каждой из этих социальных категорий. Но они становятся релевантными для социологов, если только получили распространение, достаточное для того, чтобы привести к групповым различиям в оценках.

На этих страницах «Американского солдата» есть ключ, и, возможно, совершенно необходимый ключ для решения оставшейся невыясненной социологической проблемы: исследование различий референтных групп в категориях с разным социальным статусом.

Здесь подразумевается и другая проблема, которая становится ясной для нас лишь отчасти в данном случае: каковы образцы реакций среди членов группы или статусной категории, когда они подвержены влиянию различных многочисленных референтных групп? В рассматриваемом примере конечная оценка своей участи солдатами, находящимися за рубежом в тылу, очевидно, представляет компромисс, опосредованный оценками солдат, служащих на родине, и фронтовиков. Но авторы «Американского солдата» не считают, что это единственный образец реакции при таких обстоятельствах. Например, когда несколько членских групп оказывают различное и противоречивое воздействие на самооценку, человек, возможно, стремится взять в качестве референтного ориентира иную, не-членскую группу. В любом случае здесь возникает ранее упомянутая большая и неполно определенная проблема: как подойти к изучению подобных противоречивых воздействий". То, что социологи Исследовательского сектора осознавали необходимость таких исследований, видно из их материалов военного времени. Об этом же свидетельствует изучение

¹⁷ Таким образом, согласно исследованиям политического поведения, люди под разнонаправленным влиянием, вероятно, отложат свое заключительное решение по голосованию. И как продолжает уважаемый автор: «Но такая отсрочка не единственная возможная реакция. Другие альтернативы возможны в пределах индивидуальных нервных реакций, начиная от неспособности принять какое-либо решение вообще до интеллектуальных решений, которые могут привести к новым социальным движениям. Многие трудные вопросы о взаимоотношениях между индивидуальными Установками и социальным окружением могут быть решены, когда проблемы противоречащих воздействий и реакций на них тщательно и соответствующим образом будут изучены». Lazarsfeld, Berelson, и Gaudet, *The People's Choice* (New York: Columbia University Press, 1948 second edition), xxii. — *Примеч. автора.*

различных образцов реакций на одновременные и при этом конфликтные требования первичных групп и формальных организационных инстанций¹⁸, которым в настоящее время занят директор Стауффер.

Взаимно поддерживающие референтные группы. Случай 3. В своих основных чертах это исследование (1,122—130) относится к представлению людей о легитимности их призыва на службу. Образцы ответа на вопрос «Полагали ли вы, что следует получить отсрочку в то время, когда вас призвали в армию?»¹⁹ показали, что женатые люди в возрасте старше 20 лет, которые не были выпускниками средней школы, чаще всех утверждали, что они могли бы получить отсрочку. В этой статусной категории 41% опрошенных (по сравнению, например, с 10% неженатых выпускников средней школы в возрасте до 20 лет) утверждали, что они вообще не должны быть призваны. В целом считается, что возраст, семейное положение и образовательный уровень определенно связаны с готовностью к военной службе.

Поскольку гипотезы, выдвинутые для объяснения этих данных, являются, по существу, похожими для каждой из трех статусных категорий, здесь мы рассмотрим для иллюстративных целей только одну из них. Как мы уже видели в отрывке, в котором описан этот случай, авторы объясняют большее сопротивление службе женатых мужчин, исходя из эталонов, возникших из сопоставления ими своей ситуации с двумя другими статусными категориями. Здесь можно повторить ключевой объясняющий отрывок:

Сравнивая себя со своими неженатыми товарищами в армии, он мог считать, что призыв в армию требует большей жертвы от него, чем от них;

¹⁸ Samuel Stouffer, «An analysis of conflicting social norms», *American Sociological Review*, 1949, 14, 707—717. — *Примеч. автора.*

"Поскольку это не имеет отношения к нашей главной задаче, мы не стараемся в этой главе сообщать о многочисленных технических шагах, сделанных Исследовательским сектором для установления адекватности этих данных. Но читатели «Американского солдата» могут ознакомиться с различными и часто творческими методами, использованными для перепроверки каждого ряда данных. Например, в данном случае показано, что ответы на этот вопрос не просто отражали мнения, *последовавшие* за призывом в армию. Ибо «когда спрашивали новых призывников, чье сообщение об их отношении к призыву в армию еще не успело измениться за месяцы и годы последующего армейского опыта, то вопрос [такого же рода] значительно отличался для призывников, которые *позже* стали психоневротиками, и для других солдат» (I, 123). В этом примечании мы хотим подчеркнуть, один раз для всех случаев, что наш обзор исследовательских примеров вообще не воспроизводит эти тонкие и кумулятивные детали, которые часто придают вес рассматриваемым данным. Необходимо непосредственное изучение «Американского солдата», чтобы в большей мере понять эти детали, а не только те более общие вопросы, которые они поднимают. — *Примеч. автора.*

а сравнивая себя со своими женатыми гражданскими друзьями, он мог считать, что ему предложили принести такие жертвы, которых они избежали совершенно. Следовательно, женатый человек в среднем более вероятно, чем другие, должен был идти в армию неохотно и, возможно, с ощущением несправедливости (I, 125, курсив мой).

Теоретическое осмысление. Несмотря на краткость и гипотетичность данной интерпретации, она помогает нам определить и сформулировать новые проблемы, предполагающие развитие теории референтно-группового поведения.

Прежде всего эта интерпретация подкрепляет гипотезу (вытекающую из предшествующего примера), согласно которой именно институциональные определения социальной структуры могут привлечь внимание членов группы или обладателей социального статуса к определенным *общим* референтным группам. Это относится не только к факту, что солдаты рассматривают официальные институциональные нормы (правила призыва и предоставления льгот) как непосредственное основание для оценки законности их собственного призыва на службу. Те же самые правила (поскольку они сформулированы в соответствии с такими характеристиками статуса, как семейное положение и возраст) привлекают внимание к определенным группам или статусам, с которыми призванные на службу люди сравнивают себя. Действительно, так считают и сами авторы, оценивая призыв женатого человека как большую жертву: «Это официально признается призывными комиссиями. Призывные комиссии были более снисходительны к женатым, чем к холостым мужчинам. В соответствии с этим фактом призванный женатый мужчина видит бесчисленные примеры, когда другие люди *в таком же положении* добились относительно лучших возможностей, чем он» (I, 125, курсив мой). Институциональные нормы подводят к сравнениям с другими носителями статуса под *определенным* углом зрения — «другие в таком же положении». Таким образом, поддерживается *общая* референтная группа для этих женатых солдат. В дополнение к этой общей референтной группе, как ранее отмечено, могут также существовать все виды сугубо индивидуальных референтных групп, которые, поскольку они варьируются произвольно, не могли бы сделать отрицательное отношение женатых мужчин к военной службе статистически заметной.

Данная гипотеза освещает и другую проблему: женатый солдат постоянно сравнивает себя с людьми сходного статуса, с которыми он находится (или был) в *реальных социальных отношениях*: *товарищи* по армии или гражданские *друзья*. Следовательно, возникает вопрос, касающийся референтно-группового поведения: когда стандартом сравнения служит *безличная статусная категория* в целом (другие

женатые люди, солдаты, и т.д.), а когда — те представители статусных категорий, с которыми человек находится в *постоянных социальных отношениях*? Что больше влияет на оценки человека? Проблема ясно видна в таблице переменных, ранее размещенной в этой главе.

Возникает вопрос об относительной важности общих статусных категорий и ближайших подгрупп, членом которых человек является. Предположим, например, что все или почти все женатые солдаты имеют женатых друзей, которые также были призваны, хотя *в целом* эта статусная категория имеет меньшую долю призванных, чем категория холостых мужчин. Какое основание для сравнения окажется в среднем наиболее эффективным? Будет ли он сравнивать себя с другими призванными женатыми в своей группе или подгруппе и, следовательно, будет более склонен признать свой призыв в армию, или он будет сравнивать себя с большей статусной категорией женатых людей, которые, в общем, более часто получают отсрочку, и, следовательно, чувствовать себя удрученным после призыва? Этот вопрос, разумеется, имеет более общее значение. Например, что больше влияет на ожидания рабочих в отношении их личных перспектив дальнейшей занятости: та работа, которая есть в настоящее время у них и их товарищей, или высокий уровень безработицы, преобладающий в профессии в целом?

Таким образом, этот пример из «Американского солдата» указывает на необходимость кумулятивных исследований по относительной эффективности эталонов сравнения, когда этими эталонами являются знакомые люди или общие статусные категории. Те специфические вопросы, которые мы предлагаем изучить, должны быть включены в подобные проектируемые исследования; таким образом эта проблема, по крайней мере в ее основных контурах, может быть исследована здесь и сейчас, а не в отдаленном будущем. Такие проектируемые исследования должны включать данные о нормах или ситуациях близких знакомых, а также данные о нормах и ситуациях, преобладающих в данном статусе в целом. Таким образом, последующий анализ мог бы быть выполнен с позиций систематического сравнения непосредственно *знакомых людей одного статуса*, которые имеют явно противоположные нормы или которые находятся в противоположных ситуациях. Повторные исследования, включающие такие материалы, будут постоянно расширять наше понимание референтно-группового поведения²⁰.

²⁰ Так, современные неопубликованные исследования по социологии и социальной психологии в связи с жилищными условиями (R.K. Merton, P.J.S. West, M. Jahoda, *Patterns of Social life*) включают изучение сравнительной эффективности «первоначальной среды оценок» (состоящей из оценок тех людей, с которыми человек близко

В-третьих, теория предполагает, что индивиды, сравнивая свою собственную участь с участью других, обладают некоторыми *знаниями* о ситуации, в которой эти другие находятся. Если говорить более конкретно, предполагается, что люди *знают* об относительном уровне призыва в армию среди женатых и холостых людей или об уровне безработицы в их профессии в целом²¹. А когда мы рассматриваем человека как позитивно ориентированного на нормы не-членской группы, теория, конечно, допускает, что он имеет некоторое представление об этих нормах. Таким образом, теория референтно-группового поведения должна включать психологическую часть — определенную трактовку динамики восприятия (людей, норм и групп) и социологическую часть — определенную трактовку каналов коммуникации, по которым получена информация. Благодаря каким процессам создаются точные или искаженные образы ситуаций других людей или групп (рассматриваемых как эталоны сравнения)? Какие формы социальной организации увеличивают вероятность точного восприятия других людей или групп, а какие вызывают искаженные представления? Поскольку в описании референтно-группового поведения некоторые чувственные и когнитивные элементы уже определенно подразумеваются, необходимо включить эти элементы в теорию эксплицитно.

Четвертая проблема, возникающая на основе этого примера, касается эмпирического статуса понятий, связанных с референтной группой. В этом исследовании, так же как и в других, рассмотренных здесь, объясняющее понятие «относительной утраты» было введено после завершения полевых исследований²². В этом случае не было условий для накопления независимых систематических²³ данных о

знаком) и «вторичной среды оценок» (состоящей из оценок тех людей, с которыми человек не состоял в близком знакомстве). Когда они влияют противоположным образом, очевидно, что первоначальная среда действительно имеет некоторую степень предпочтения. — *Примеч. автора.*

²¹ Конечно, может оказаться, что при определенных обстоятельствах люди экстраполируют свое знание о ситуации знакомых в данной социальной категории на эту категорию в целом. Эти вопросы поддаются эмпирическому исследованию и характерны для теории референтных групп. — *Примеч. автора.*

²² Хотя это понятие объясняет *собранные данные* «задним числом», оно вводится в анализ достаточно рано, чтобы допустить его использование в предложенном типе классификации, который был бы невозможен в другом случае. Следовательно, понятие «относительная утрата» не ограничено для его использования в интерпретациях в качестве *expos/facto* понятия. — *Примеч. автора.*

²³ Акцент на *систематичности* данных является существенным, поскольку в «Американском солдате» есть множество показателей, что во *многих случаях* предполагаемые референтные группы действительно рассматриваются в качестве контекста сравнения. Например, в тексте есть замечания служащих за рубежом солдат, которые при оценке их собственной ситуации явно указывают, что солдаты, оставшиеся дома, вре-

функционировании других подобных социальных структур, влияющих на индивидуальные мнения. Пока данные не собраны, остается допущением, что значительная часть женатых солдат при формировании собственных суждений действительно стремится сравнить свою участь с участью женатых гражданских друзей и неженатых товарищей по армии. Эти сравнения скорее вводятся с помощью опосредующих переменных, чем проводятся на самом деле. Но они не должны оставаться просто допущением. Они не только согласуются с имеющимися в распоряжении фактами, но могут быть проверены в дальнейших исследованиях, использующих понятие референтной группы²⁴. В проекте в эти исследования можно включать систематические

менами рассматриваются как основание для сравнения: «Я считаю, что выполнил свою роль, отслужив два года за рубежом. Этого достаточно для любого солдата... Пусть ребята из USO получают эту пищу время от времени, затем пусть они узнают, что значит спать в грязи с москитами, жужжащими вокруг них, как Р-38», «Нам следовало бы дать шанс вдохнуть немного свежего воздуха на некоторое время. Но я предполагаю, вы лучше удержите ребят из USO дома, а здесь не будет никого из USO», «Трудно — как в аду — быть здесь и читать в каждой газете, прибывшей из дома, что рядовой Джо Докес снова дома в отпуске после исполнения трудных обязанностей в качестве охранника на городском радио», «Мы получаем письма от солдат, которые еще не покидали Штаты и которые уже второй раз в отпуске» (I, 188). Эти замечания также содержат мимолетные упоминания источников информации, сообщающих о ситуации солдат, оставшихся на родине: «читает в каждой газете», «мы получаем письма» и так далее. Но авторы «Американского солдата» не рассматривали такой наглядный случайный материал в качестве достаточного основания для *систематического* анализа. — *Примеч. автора.*

²⁴ Потребность в данных по референтно-групповому поведению (предвосхищаемая сейчас) получила новый пример их дальнейших перспектив в исследовании голосования в 1948 году в Эльмире (позднее опубликованном: B. Berelson, P.F. Lazarsfeld, W.N. McPhee, *Voting*, (University of Chicago Press, 1954). С помощью гранта от фонда Рокфеллера для исследования методов опроса общественного мнения в социальных исследованиях была организована конференция в Свортмор по референтно-групповому поведению для того, чтобы имеющиеся материалы связать с этими понятиями, введенными в исследования голосования в Эльмире. «Американский солдат» дает огромное число новых понятий, которые можно похожим образом включить в дальнейшие исследования. Именно этот процесс продолжающегося взаимодействия между теорией и эмпирическими исследованиями упускают из виду, когда делают такие суждения, как Глезер, согласно которым понятие относительной утраты «нельзя опровергнуть фактами» (см. примечание 3 к этой главе). Теоретическое понятие, возникшее или развитое в ходе одного исследования, если оно вообще имеет эмпирическую релевантность, может быть использовано (или если оно ошибочно — изменено или фальсифицировано) в последующих исследованиях. Если исследования в целом созидательные, они не должны *ограничиваться* проверкой predetermined гипотезы. Новые понятия и гипотезы возникают в процессе исследования и таким образом становятся основой для дальнейших исследований. Мы считаем, что именно таким образом создается последовательность в науке. — *Примеч. автора.*

данные по группам, которые индивиды действительно принимают в качестве ориентиров для своего поведения; таким образом, можно определить, будут ли изменения в установках и поведении личности соответствовать изменениям в референтно-групповом контексте.

Возможность превращения опосредующей переменной «референтная группа» из допущения в факт подводит нас к пятой проблеме. До погружения в исследование условий, при которых люди сравнивают себя с *конкретными* другими людьми или группами, необходимо рассмотреть психологический статус этих сравнений. Когда люди эксплицитно и осознанно принимают такие эталоны сравнения, тогда социологические исследования, включающие интервью с большим количеством людей, не сталкиваются с большими процедурными осложнениями. Соответствующие вопросы могут выявить необходимую информацию о группе, статусных категориях или людях, которые рассматриваются как эталоны для сравнения. Но, разумеется, ни по этой, ни по какой другой причине нельзя допустить, что сравнение себя с другими всегда является осознанным. Многочисленные экспериментальные исследования по социальной психологии показали, что люди *непроизвольно* реагируют на различные стандарты сравнения, предложенные на их рассмотрение экспериментатором. Для изучения функционирования неосознаваемых референтных групп, существующих в повседневной жизни, исследовательские технологии должны быть усовершенствованы.

Необходимо также сконструировать соответствующие исследовательские методики для изучения референтных групп, которые вступают в действие спонтанно и эксплицитно. Они будут отличаться от исследования реакций на референтно-групповой контекст, который предлагает экспериментатор или интервьюер. Как интервью, так и экспериментальные исследования были до сих пор связаны по большей части с реакциями на референтно-групповой контекст, соответствующий предмету исследования. Эти исследования могут быть в дальнейшем развиты благодаря упорядочению сравнительных контекстов, которые могут выглядеть так:

Считаете ли вы, что получаете достаточно хорошую оплату за вашу работу по сравнению с другими людьми в вашей рабочей группе (или другой членской группе)?

...по сравнению с людьми в дирекции?

...по сравнению с президентом фирмы?

Подобным образом можно дать информацию о зарплате различных людей и групп экспериментальной группе, но скрыть ее от контрольной группы рабочих, чтобы определить, изменятся ли последую-

щие самооценки и удовлетворенность экспериментальной группы в зависимости от того, какие из возможных референтных групп предложены исследователем.

Но подобные предварительные типы исследования, в которых представлены отдельные референтные группы, разумеется, совершенно не затрагивают неисследованную область *спонтанного выбора референтных групп* в различных ситуациях. Почему А в одной ситуации сравнивает себя с В, а в другой с С? Или более конкретная иллюстрация: когда рабочие сравнивают свою участь с участью других рабочих, хорошо им знакомых, а когда с другими людьми, принадлежащими к совершенно другому статусу? Какие аспекты социальной структуры и какие социологические процессы ограничивают круг отдельных личностей и групп, рассматриваемых как соответствующие эталоны для сравнения? Именно этот тип проблем — процессы, формирующие выбор референтных групп, — представляет первоочередную исследовательскую задачу²⁵.

Единообразие поведения, выводимое из теории референтных групп

С этой точки зрения мы рассмотрим исследования, в которых понятие относительной утраты было эксплицитно применено Стауффером и его сотрудниками при объяснении эмпирических данных. Занимаясь этим, мы пытались, во-первых, определить, как это понятие может быть включено в более общую, хотя все еще примитивную, теорию референтно-группового поведения, и, во-вторых, показать, как эти исследования могут дать начало новым теоретическим и эмпирическим проблемам, которые могут стать объектом новых и кумулятивных исследований. Мы хотим сейчас рассмотреть, действительно ли теория референтных групп будет обладать более широким применением, чем, по-видимому, специальное понятие относительной утраты. К счастью, многочисленные исследования «Американского солдата» дают нам возможность проверить это, хотя бы до некоторой степени. Неко-

²⁵ Замечательное начинание есть в исследовании, которое прокладывает новые пути: Herbert H. Hyman, «The Psychology of Status», *Archives of Psychology*, № 269, 1942. Хаймен просил людей сообщить о группах или индивидах, с которыми они сравнивали свой собственный статус. Прямые вопросы такого рода могут, разумеется, выявить только осознанные и запомнившиеся эталоны сравнения. Но прогрессу теории референтных групп воспрепятствовало то, что она не сумела воспользоваться предложением Хаймена о стихийном возникновении референтно-групповых координат. — *Примеч. автора.*

которые из этих исследований включают данные, которые, по-видимому, не соответствуют понятию относительной утраты, так как они обращены к образу «Я», а не к уровню удовлетворенности собственной участью; но мы уверены, что даже они могут быть объяснены благодаря применению к ним теории референтных групп. Исследуя, действительно ли эта теория позволит нам обнаружить социологическое единообразие, лежащее в основании различных образцов поведения, мы вместе с тем получаем возможность дополнить перечень конкретных проблем, требующих решения для развития теории референтных групп.

Случай 4 (II, 242—272). Группы фронтовиков были вообще подвержены большой текучести состава. Верно, что некоторые части были обучены и введены в боевые действия с незначительными изменениями в личном составе, но даже в этих случаях часто требуется пополнение из-за выбывших из строя солдат. Исследовательский сектор правильно оценил социологически важный факт, что неопытные солдаты находятся, таким образом, в двух совершенно различных социальных структурах: некоторые временно находятся в однородных частях, составленных полностью из таких же неопытных солдат, а другие — в подразделениях с боевыми ветеранами. И здесь исследование получает решительный социологический поворот. В отличие от обычного анкетного опроса в социальной психологии, которая сравнивает совокупности людей различного статуса (возраст, пол, класс и т.д.), в исследовании не просто сравниваются установки неопытных солдат из невоевавших частей и ветеранов. Это было бы только сравнением двух совокупностей людей в двух разных статусах — важный тип сравнения, но обладающий ограниченной ценностью для социологии. Они увидели здесь возможность изучить влияние группового контекста на установки разных типов людей — проблема, которая, конечно, является старой, старше, чем сама социология, но которая чаще становится объектом поверхностной дискуссии, чем систематических эмпирических исследований.

Исследовательский сектор, следовательно, сосредоточил внимание на групповом контексте, в котором находятся эти солдаты: неопытные солдаты в частях, полностью состоящих из таких же новичков; неопытные новички в подразделениях, состоящих еще и из боевых ветеранов; и сами ветераны в этих частях²⁶. В этих трех группах

²⁶ Конечно, существует четвертый групповой контекст, который может оперативно войти в систематическое сравнение, а именно подразделения, полностью состоящие из фронтовиков-ветеранов. Однако армейская практика пополнения частей не давала возможности Исследовательскому сектору включить такие полностью ветеранские подразделения в свое исследование. — *Примеч. автора.*

солдатам были предложены некоторые из тех вопросов, которые Исследовательский сектор называет «областью установок» (готовность к бою, уверенность в своей способности принять командование группой в бою, оценка своей физической формы и так далее). Это обследование обнаружило разнотипные *образцы различий* в ответах представителей трех групп. В первой «области установок», например, ветераны выражают большую неприязнь к вступлению в бой, чем солдаты в частях, состоящих из необстрелянных новичков, а новобранцы в боевых частях находятся посередине между ними. В то время как 45% личного состава еще не участвовавших в боевых действиях частей были «готовы вступить в реальную боевую зону», эта доля снижается до 28% среди новобранцев в боевых частях и составляет только 15% среди ветеранов. Конечно, именно контраст между неопытными солдатами еще не обстрелянных частей и пополнением боевых частей является наиболее значительным, поскольку они сходны по своему *индивидуальному атрибуту* (им всем свойственен недостаток боевого опыта), но различны по *виду группы*, в которой они находятся. Такие же образцы ответов встречаются при опросе об отношении к сержантам (ответы нового пополнения боевых частей занимают *среднее положение* между ответами ветеранов и неопытных солдат).

Но, как сообщает Исследовательский сектор, — это только один образец ответа. Совершенно иной образец мы можем найти в ответах на вопрос об уверенности в своей способности «принять командование группой людей» во время боя. Как некоторые могли бы ожидать на основании здравого смысла, ветераны более часто выражали уверенность в своей способности выполнить эту роль, чем неопытные солдаты в частях, состоящих только из новобранцев. Но здесь наиболее существенно то, что в отличие от первого вопроса о готовности к бою, когда ответы новобранцев боевых частей занимали промежуточное положение, в этом случае из всех трех групп именно они были менее уверенными в себе²⁷.

И еще один тип «установки»: отношение к своей собственной физической форме. Новобранец в боевой части практически не от-

²⁷ Если бы здесь существовала возможность для полной перепроверки этих данных, было бы необходимо рассмотреть проблему «достоверности вопроса», поскольку три различных показательных вопроса в этой «области установок» на «уверенность в себе» ведут к совершенно различным образцам ответа. Тем не менее это не является существенным для наших целей, особенно поскольку мы здесь рассматриваем главным образом пополнение из новобранцев, которые *последовательно* менее уверены, чем ветераны и новички, по всем трем пунктам (данные см. II, 252). См. также анализ вопросов в исследовании P.L. Kendall, P.F. Lazarsfeld, «Problems of Survey Analysis», R.K. Merton, P.F. Lazarsfeld, *Continuities in Social Research* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1950), 133—196. — *Примеч. автора.*

личался от неопытных солдат в невоевавших частях, но чаще, чем ветеран, рассматривал себя «в хорошей физической форме».

Эти три ряда данных, следовательно, демонстрируют три различных образца ответа; в первом из них новобранцы боевых частей отвечают более сходно с ветеранами, чем с неопытными солдатами из невоевавших частей; во втором ответы наиболее отличаются от ветеранов и вместе с тем не похожи на ответы новобранцев из невоевавших частей; и в третьем их ответы ничем не отличаются от ответов их необстрелянных собратьев из невоевавших частей. И поскольку эти три образца различны, Исследовательский сектор предлагает различные интерпретации. По отношению к сходной с ветеранами неприязни новобранцев к бою они предполагают, что «до некоторой степени новобранцы перенимают отношение воевавших ветеранов, окружающих их, чьи взгляды на бой могли иметь для них высокий престиж» (II, 250). По отношению к возможности руководить группой в бою, в чем новобранцы наиболее отличаются от ветеранов, предполагается, что «для ветеранов опыт является их сильной стороной, по отношению к которой новобранцы в контакте с ними испытывают сильнейшее чувство неполноценности, оказавшись действительно в тени ветеранов (II, 251). В тех случаях, когда новобранцы боевых частей ничем не отличаются от своих собратьев в невоевавших подразделениях, например, в оценке своей физической формы, предлагается гипотетическое объяснение, что эти суждения, возможно, отражают реальные (объективные) различия физической формы у ветеранов и других солдат.

Теоретическое осмысление. Признаем сразу, что здесь возникает интригующий вопрос и брошен вызов социологической теории. Поведенческие реакции новобранцев боевых частей, кажется, представляют почти беспорядочные вариации — ситуация неприятная для теоретиков, чья задача — осознать основополагающее единообразие посреди подобного очевидного беспорядка. Это напоминает ситуацию, с которой столкнулся Дюркгейм, когда он обнаружил бесконечное разнообразие уровня самоубийств у разных полов, в сельских и городских районах, у военных и у гражданского населения, в различных религиозных группах и т.д. Он скорее стремился вывести эти бесчисленные вариации из ограниченного набора предположений, чем давать самостоятельное новое объяснение для каждого круга различий. Так и в нашем примере: различные образцы ответов новобранцев ставят перед социологической теорией задачу разглядеть существенные переменные " Условия, которые являются причиной этих внешне разнообразных поведенческих реакций.

Хорошо известно, что первый шаг в поиске социологической упорядоченности среди очевидного беспорядка — перепроверка *понятий*,

с помощью которых сообщаются данные с точки зрения теории. Чаще всего обнаруживается, что эти понятия могут принести пользу после уточнения и переформулировки. Это проявляется и в данном случае. Полученные данные описываются как *установки*, входящие в различные «области установок». Теоретик мог бы сразу принять во внимание возможность того, что основные концептуальные различия в этих данных могли быть затемнены из-за использования одного неточно определенного понятия²⁸. Единственное всеобъемлющее понятие «установка» также далеко не всегда направляет внимание аналитика на теорию, подходящую для интерпретации данных. И, в конце концов, из-за негласного включения существенно различных элементов в одно недифференцированное понятие эмпирические данные могут казаться аномальными, противоречивыми, разнокалиберными, хотя в действительности это не так.

Что показывает новая концептуальная формулировка этих данных? Первая переменная, «готовность к бою», может действительно успешно описываться как «установка» в относительно верном смысле «ментального и нервного *состояния готовности*, воспитанного благодаря опыту и оказывающего директивное или динамическое влияние на индивидуальную реакцию, направленную на все объекты и ситуации, к которым она имеет отношение»²⁹. Но вторая переменная — «уверенность в своих лидерских способностях», — как здесь показано, вызывает впечатление не столько определенной направленности при подготовке поведения, сколько *образа Я и самооценки*. Два следствия вытекают из предварительной переформулировки одного понятия «установка» в два понятия: «установка» и «самооценка». Во-первых, мы больше не считаем, что данные, имеющие отношение к этим двум переменным, следует включать в общее сравнение: сейчас это становится спорным вопросом, а не молчаливым допущением. И второе: переформулировка данных с использованием термина «самооценка» подводит нас сразу к референтно-групповой теории само-

²⁸ Во введении Стауффер обращает внимание на неопределенность понятия «установка», принятого в этих исследованиях: «...в основной работе Исследовательского сектора и в большинстве текстов данных томов отсутствует операциональное понятие установки, по этой причине такие понятия, как «установки», «склонности» и «мнения», используются более или менее неопределенно и даже иногда заменяя друг друга...» (1, 42). Здесь мы занимаемся изучением некоторых эмпирических и теоретических последствий *переопределения* понятия. Точное изложение этой методики см. в W.J. Goode, P.K. Hatt, *Methods in Social Research* (New York: McGraw Hill, 1952), 48—53. — *Примеч. автора*.

²⁹ Прочитано частное определение, данное Дж. У. Олпортом, но различные современные концепции «установки» имеют, по существу, тот же самый основной смысл. — *Примеч. автора*.

оценки. Переформулировка понятий, в которой точно определены зависимые переменные, таким образом устанавливает гипотетическую связь с предшествующими теориями: мы не должны изобретать совсем новые гипотезы, стоящие одиноко и не связанные с общим содержанием теории, но можем, вероятно, вывести эти данные из установленных гипотез, концентрирующихся вокруг структуры, функций и динамического механизма самооценки в различных групповых контекстах. Более того, именно эта теория включает понятие относительной утраты, используемое везде в этих томах «Американского солдата», но не используемое в рассматриваемом примере.

С этим новым концептуальным базисом мы готовы перепроверить данные «Американского солдата», чтобы рассмотреть, действительно ли они демонстрируют определенную аномалию, когда три разных образца ответов даются при одних и тех же условиях. Если общая теория будет создаваться на основе этих данных, но вне объяснений, предложенных в «Американском солдате», то она должна будет охватить эти на первый взгляд различные образцы ответов и отнести к ним как к выражению лежащих в их основе закономерностей.

Исходя из теоретических оснований, разработанных Джеймсом, Кули, Мидом, а также Хайменом, Шерифом и Ньюкомом, мы утверждаем в своей гипотезе: поскольку подчиненная или формирующаяся группа членов хочет объединиться с данной группой, они будут стремиться ассимилировать настроения и ценности авторитетного и престижного слоя этой группы. Функция конформизма состоит в том, чтобы заслужить одобрение и признание со стороны группы, в свою очередь, возрастающее признание группой усиливает тенденцию к конформизму. И ценности этих «значительных других» являются зеркалом, в котором люди видят образ своего «Я» и формируют самооценки. Применим сказанное к рассматриваемому конкретному случаю: для только что призванного солдата значительными другими в одной членской группе являются такие же необстрелянные солдаты, а в другой — опытные ветераны, с их особым комплексом ценностей и настроений.

Применяя общую гипотезу, следует ожидать, что новобранцы как «аутсайдеры», желающие присоединиться к престижному и авторитетному слою (ветераны), могли бы полностью настроиться на *все* те Ценности и чувства ветеранов, которые здесь рассмотрены. Это должно быть абсолютно ясно. Если мы правильно оценили объяснительные возможности гипотезы, на нее следует положиться, а не изменять или отвергать ее только потому, что в тексте «Американского солдата» есть сообщение о том, что ответы новобранцев в этих «областях установок» были фактически различны. Наша гипотеза дает нам

ряд подсказок: мы должны перепроверить эти сообщения о различных образцах, чтобы определить, являются ли они действительно различными или просто кажутся такими.

Предварительно и в той мере, в какой это позволяют изложенные данные, мы считаем, что эти различия только кажущиеся. В основании проявившихся различий в процентном распределении ответов на заданные вопросы (среди ветеранов, новобранцев боевых частей и неопытных солдат из необстрелянных частей) лежит определенная закономерность, соответствующая нашей гипотезе.

Итак, во-первых, о готовности вступить в бой: ветераны считают, в сущности, что «бой есть ад», и, следовательно, ветераны наиболее часто выражают отвращение к вступлению в бой. Неопытные солдаты из невоевавших войск, напротив, позднее расставшись с гражданской жизнью, скорее всего разделяют набор ценностей гражданского населения военного времени, со всеми его «условными стереотипами» о бое как предоставленной возможности для драматического героизма. Это фактически подтверждается текстом в другом месте и в другой связи, где говорится, что «сильнейшим групповым кодексом (среди фронтовиков)... был запрет на любой разговор шовинистического вида... Суть установки *фронтовиков* заключается в том, что любой разговор, в котором идеалистические ценности и патриотизм преобладают над жестокой реальностью боевой ситуации, — это лицемерие, а человек, который выражает такие идеи, — ханжа»³⁰.

В первом примере, следовательно, наша гипотеза, происходящая из теории референтных групп, заставляет нас ожидать, что новобранцы, ищущие объединения с авторитетным и престижным словом ветеранов, заменят гражданские ценности на ценности ветеранов. Так и случилось. Для новобранцев в боевых частях ассимиляция ценностей ветеранов означает самый легкий способ получить признание у группы с высоким статусом, и в таких условиях подчиненная группа новобранцев не имеет самостоятельных притязаний на легитимный престиж.

Но если гипотеза согласуется с первым рядом данных о готовности к бою, может ли она также сохраняться для второго ряда данных,

³⁰II, 150 [курсив мой]. По существу, те же самые аспекты противоречия в оценке фронта между гражданским населением и фронтовиками описаны много раз на страницах этих двух томов: например, II, 11—112, 151; I, 484. Следует также рассмотреть замечание в таблице VIII в главе З тома II, показывающее, что ветераны очень далеки от вероятности заявить, как неопытные солдаты, что «эта война — не имеющая значения борьба». И, наконец, следует сказать, что противоречие между определениями боевой ситуации, данными гражданскими людьми и фронтовиками, описано Брюстером Смитом, который также проводил анализ поведения новобранцев, рассматриваемый сейчас. — *Примеч. автора.*

относящихся к так называемой «установке на уверенность в своей способности к лидерству» (особенно потому, что в этом примере было выявлено, что ответы новобранцев *расходились* с ответами ветеранов даже больше, чем с ответами новобранцев из невоевавших частей)? Действительно, авторы относятся к этому образцу ответа как «нетипичному» или «дивергентному». Конечно, во втором примере очевидное распределение ответов отличается от первого. Но рассмотренное с точки зрения теории референтных групп, оно является, мы уверены, только другим выражением тех же самых динамических закономерностей, определяющих поведение людей в этом групповом контексте.

Мы можем проверить это, применяя нашу гипотезу. В случае уверенности в себе, как мы видели, мы имеем дело скорее с самооценкой, чем с установкой (понимаемой как подготовка к определенной направленности действий). Согласно мнениям и ценностям ветеранов, «реальный боевой опыт требует подготовки рядового к командованию группой людей в бою»³¹. Но если, как мы предвидели в гипотезе, новобранцы стремятся признать эту ценность и судить о себе соответственно, причем судить с точки зрения престижных для них ветеранов, они могут только посчитать, что в общем и целом они не подготовлены для внезапного лидерства в бою. Согласно нашей гипотезе, новобранцы, короче говоря, должны вести себя именно так, как ведут, потому что для них проще всего сказать, что они не готовы принять командование людьми в бою (это связано с более низкой самооценкой, чем самооценке сравнивающих себя с ветеранами неопытных солдат из подразделений, не принимавших участия в боях). Таким образом, хотя Исследовательский сектор описал такое *распределение* ответов как иной образец ответа, который значительно отличается от распределения ответов ветеранов, тем не менее в этих двух примерах новобранцы демонстрируют тот же самый образец поведения; но это становится ясно только в том случае, когда оно реконструировано с позиции теории референтных групп. Новобранцы ассимилируют ценности ветеранов и, таким образом, как бы заранее соединяют себя с этим авторитетным и престижным слоем. В первом примере («готовность к бою») это предусматривает только прямую поддержку мнения ветеранов, что приводит к сходству распределения ответов новобранцев с ответами ветеранов. Во втором примере

³¹ Статистические данные по ответам на вопрос «Считаете ли вы, что получили Достаточное обучение и опыт для того, чтобы вы могли хорошо послужить, приняв командование группой солдат в бою?» являются основанием для точки зрения, что ветераны признают такую ценность. Обсуждение ценностей фронтовиков (главным образом в разделе II главы 3) подтверждает это. — *Примеч. автора.*

(«уверенность в своей способности к лидерству») они также ассимилируют стандарты ветеранов, но поскольку здесь речь идет не просто об установке, но о самооценке, они применяют эти стандарты к себе и находят себя сравнительно неумелыми; следовательно, и распределение ответов на вопросы о самооценке у них иное, чем у ветеранов. Таким образом, в основании различных образцов демонстрируемых ответов, очевидно, лежит единообразие социальных процессов.

Та же самая гипотеза может быть проверена вновь на других данных об «установках» ветеранов, новобранцев, составивших пополнение участвовавших в боях частей, и новобранцев из невоевавших подразделений; возьмем, к примеру, вопрос об «отношении к своей физической форме». В этом случае новобранцы из невоевавших и воевавших частей отвечали сходно, 57% и 56%, соответственно, говорят, что они в хорошей физической форме; напротив, только лишь 35% ветеранов сделали такое утверждение. Об этом сообщается как о третьем образце ответов (то есть о новом эмпирическом распределении частоты ответов), что подводит Исследовательский сектор к еще одной интерпретации этого, по-видимому, нового образца: сходство ответов новобранцев из воевавших и невоевавших частей рассматривается как «несомненное параллельное сходство в реальной физической форме людей»³².

Тем самым утверждается, что ответы представляют не ассимиляцию установок ветеранов, а скорее точное описание объективных различий в физическом состоянии усталых, «потрепанных в боях» ветеранов и свежего пополнения.

Но это только ставит новую теоретическую проблему: при каких условиях люди дают ответ, сообщающий скорее об объективной ситуации, чем о социально отраженном образе?³³

³²И, 263. Это относится к их «абсолютным» оценкам в ответах на вопрос: «Считаете ли вы, что находитесь в хорошем психическом состоянии?» Альтернативные вопросы, которые относились к «боевым» условиям, вероятно, вводят фактор ассимилированного новобранцами отвращения к бою; в своих ответах они склоняются к промежуточной позиции между ветеранами и новичками. — *Примеч. автора.*

³³ Здесь, как и в других местах, несколько более обобщенная формулировка проблемы направляет наше внимание на характерные особенности данных, представленных сейчас на различных, не связанных страницах «Американского солдата». В некоторых местах авторы видят выход в допущении, что ответы солдат представляют скорее «объективное сообщение», чем обусловленные группой мнения. Но без общей формулировки, вероятно, потребность в сопоставлении данных и в разъяснении теоретической проблемы остается непонятной. Посмотрим, например, на интерпретацию ответов «новобранцев, которые находились в частях, состоящих в основном из отозванных из других подразделений солдат». В этом месте говорится: «Частично это согласие между солдатами, отозванными из своих подразделений, и новобранцами означает, что *есть реальное основание для первой категории солдат предпочитать*

Требует ли этот третий, на первый взгляд необычный, образец ответа создания новой гипотезы? По-видимому, и в данном случае нет никакой необходимости вводить добавочные *ad hoc* переменные, хотя при отсутствии требуемых данных мы должны проверить это в дальнейшем исследовании. Ветераны явно не считают плохое физическое состояние позитивной социальной ценностью (разве что, как указано в тексте, оно поможет им избежать дальнейшего участия в боях). В том же самом смысле они придерживаются убеждения, что «бой — это ад» или что «боевой опыт подготовит рядового принять командование людьми в бою». Новобранцы стремятся примкнуть к престижным и социально утвердившимся ветеранам, поэтому они не станут утверждать, что находятся в плохой физической форме или что они также порядком «потрепаны». Так как это утверждение представляло бы не попытку соединения с группой, а претензию на одинаковый *статус*, оно привело бы только к тому, что ветераны отторгли бы новобранцев. Более того, признание новобранцами их сравнительно хорошего физического состояния не утверждает противоположные ценности, которые также могли бы помешать принятию новобранцев в группу ветеранов. В том же самом групповом контексте для новобранцев, следовательно, не существует функциональных или мотивационных оснований репродуцировать самооценки ветеранов, поэтому и находят выражение объективные на первый взгляд различия о физическом состоянии усталых ветеранов и свежего пополнения.

Поскольку различия в этих трех образцах демонстрируемых ответов могут быть теоретически выведены из функциональной теории референтно-группового поведения, этот случай иллюстрирует одну важную заслугу теории для прикладных социальных исследований: реконструкция через концептуальное уточнение очевидной неупорядоченности данных ведет к выявлению лежащих в их основании функциональных и динамических закономерностей. Но, как мы и предполагали, дорога между социальной теорией и прикладными исследованиями имеет двустороннее движение: не только теория может переформулировать некоторые материалы «Американского солдата», но на основании тех же самых материалов мы можем точно определить типы дальнейших социологических *показателей* и наблюдений, необходимых для достижения последовательности и кумулятивности в теоретическом осмыслении ассимиляции ценностей, группового кон-

" собственные подразделения, где они испытывают большую поддержку (что отражают их установки). Но эти данные нельзя рассматривать как точное подтверждение такой точки зрения, поскольку они могут по крайней мере частично подтверждать, то установки отозванных солдат, кроме всего, влияют на мнение новобранцев, ок-РУЖающих их» (II, 515, 517). - *Примеч. автора.*

текста самооценки и объективной оценки ситуаций. Поэтому место детального анализа их потенциала для развития теории должен занять краткий перечень таких показателей^{3*}.

1. *Показатель реальных социальных отношений.* Существует явная потребность в систематических данных по социальным отношениям, действительно существующим между престижными и авторитетными социальными слоями и новичками в группе. Существует ли эмпирически проверяемая тенденция (речь идет о людях, поддерживающих наиболее частые или длительные контакты с группой) демонстрировать ассимиляцию ценностей ради принятия в группу?
2. *Показатель мотивации вступающих в группу членов.* Теория предполагает, что новички заинтересованы в том, чтобы сплотиться с высшей по статусу группой. Для исследовательских целей, конечно, необходимо подразделить новичков с точки зрения присутствия, отсутствия или степени такой мотивации. Производный отсюда аналитический метод, однако, продвигается в ином направлении и состоит в том, чтобы рассматривать такую объединяющую мотивацию не как данную, но как проблематичную и требующую объяснения.
3. *Показатель социальной сплоченности и ассоциированных ценностей.* Представляют ли новички рассеянную совокупность индивидов или организованную подгруппу? Если верно последнее, имеют ли они свои собственные групповые ценности, самостоятельно претендующие на моральную легитимность? Ведет ли в подобных случаях длительный контакт скорее к обоюдной ассимиляции, чем к односторонней?³⁵

³⁴ У читателя может возникнуть искушение сказать, что большинство из указанных здесь вопросов признавались, вероятно, в качестве очень важных переменных с первых дней современной социологии. Но здесь, как и во многих местах этой главы, мы должны сказать, что существует огромная разница — между импрессионистским и спорадическим упоминанием таких переменных и *систематическим* включением этих переменных в исследование. Только благодаря последней процедуре возможен прогресс как теории, так и эмпирических исследований. Импрессионизм не является адекватной заменой, хотя бы *потому, что имеет подвижный и неопределенный характер и поэтому не может фальсифицировать предварительную гипотезу*. Например, Ницше, который мыслил достаточно неординарно, чтобы правильно понять этику науки, проникательно заметил по этому поводу: «Конечно, не самое меньшее обаяние теории в том, что ее можно опровергнуть». Цель систематического включения переменных в исследования заключается именно в том, чтобы предусмотреть как фальсификацию, так и подтверждение (довольно трудное задание для автора, преданного теории и не склонного опубликовывать данные, опровергающие ее настолько, чтобы заставить его самому отказаться от этой теории). — *Примеч. автора.*

³⁵ Следует отметить, что материалы «Американского солдата» не позволяют в целом исследовать влияние новобранцев на ветеранов; этот вопрос явно связан с более общей проблемой. Тем не менее Исследовательский сектор, очевидно, чутко воспринимал эту проблему. В одном месте, например, они смогли определить, что гордость ветеранов своим обществом зависела от сравнительно высокой доли нового пополнения (см. II, 255—257). — *Примеч. автора.*

шлого. В определенной мере именно эта теория подразумевалась понятием относительной утраты; но хотя оно применяется везде в «Американском солдате», оно не оказалось востребованным применительно к этим конкретным материалам.

В-третьих, переход к более общим понятиям (а не только применение непосредственно относящихся к данному материалу категорий ветеранов, новобранцев, пополняющих имеющие боевой опыт части, и новичков) указывает на возможность того, что эти формулировки, изначально характеризующие определенный класс явлений, подходят не только для чисто военной ситуации, но для гораздо более широкого круга ситуаций, соответствующих требованиям теоретических формулировок, расширяя таким образом круг данных, к которым их можно применить.

И, наконец, именно само существование подобных систематических данных, именно в силу того, что они допускают новую концептуализацию, может существенно продвинуть развитие теории, выявляя необходимость включения в исследование этих проблем ряда социологических показателей, обеспечивая таким образом дальнейшее накопление социологического знания благодаря тому, что они позволяют связать прошлые теории, современные данные и новые исследования. Итак, несмотря на то что исследования в «Американском солдате» были предприняты как прикладные, их побочным результатом может оказаться дальнейшая экономия теоретических объяснений, более глубокая преемственность и кумулятивность социологической теории, расширение сферы ее действия. И, как нередко бывает с прикладными исследованиями, побочный продукт может оказаться более значительным для социологии как науки, чем прямое применение их результатов.

Статистические показатели социальной структуры

Перед тем как продолжить наш обзор проблем теории референтных групп, будет полезно точно рассмотреть значение этих исследований для изучения социального контекста. Из предшествующего обзора исследований по оценке возможностей продвижения по службе и самооценке новобранцев можно понять, что «Американский солдат» — богатый источник для разработки относительно точных статистических показателей социальной структуры. В этих и других исследованиях данные анализируются с точки зрения распределения ответов в различных войсковых соединениях (роты, дивизии, рода войск). И в своем анализе, устанавливающем связь между частотой

распределения ответов (или ее процентными характеристиками) в различных соединениях и ответами людей или подгрупп в этих же соединениях, они далеко ушли от точки зрения, обычной для социально-экологических исследований.

«Американский солдат» разрабатывает показатели атрибутов социальной структуры, что похоже на использование статистических показателей в социальной экологии для описания различных видов социальных подразделений, имеющих в данном регионе. Но в отличие от экологических исследований он не останавливается на этом, а идет дальше, к созданию *систематического анализа установок или оценок людей одинакового статуса в различных социальных структурах*.

Эти комбинации показателей предполагают наличие многочисленных показателей групповых атрибутов или социальной структуры, которые могут быть включены в дальнейшие социологические исследования. Более того, использование частоты распределения, числовых соотношений или процентов как показателей социальной структуры имеет специфическое достоинство, напоминающее нам, что эти структуры часто различаются в количественном отношении и нет необходимости различать их по качеству («либо одно, либо другое»). Например, социальные системы не просто создают (или не создают) условия для мобильности своих членов, они демонстрируют разнообразные степени мобильности³⁷. Они не просто гетерогенные или гомогенные, но они различаются по различной степени гетерогенности³⁸. Они не интегрированы *или* дезинтегрированы, сплочены *или* разрознены, но имеют различные степени интеграции или сплоченности³⁹.

³⁷ См., например, использование показателей сравнительной скорости социальной мобильности в военно-воздушных силах, силах обеспечения, сухопутных войсках и так далее в качестве социального контекста для индивидуальной оценки шансов для продвижения (I, 251 и далее). — *Примеч. автора*.

³⁸ См., например, показатели социальной гетерогенности сообществ (определенные с помощью измерения пропорциональной доли новобранцев в частях) в качестве социального контекста для выражения личной гордости своим обществом (II, 255). Подобный метод был принят в исследовании личных расовых установок в контексте микрорайонов (в жилищном строительстве для двух рас), которые характеризуются различными пропорциями негров и белых. Merton, West and Jahoda, *op. cit.* — *Примеч. автора*.

³⁹ Посмотрим, как современные социологи могут усовершенствовать проведенные Дюркгеймом ранние исследования суицида, которые *предполагают* различную степень социальной сплоченности и интеграции среди католиков и протестантов, военных и гражданских групп и так далее. Как отмечалось в главе II, «степень интеграции является эмпирической переменной, изменяющейся для одного и того же сообщества время от времени и различной среди разных сообществ». Статистические показатели интеграции и сплоченности дают возможность систематического исследования (с точностью, которая была невозможна во времена Дюркгейма) связи таких разнообразных социальных контекстов с поведением людей, имеющих различное место в этих группах. — *Примеч. автора*.

Так как статистические показатели подобных атрибутов социальной системы редко бывают использованы в сочетании с показателями индивидуального поведения, сравнительная социология в большой степени ограничивалась расплывчатыми и неопределенными сведениями. Недоставало относительно строгого сравнения, так как большинство из нас большую часть времени ограничивалось разговором о «различных» социальных структурах вместо того, чтобы изучать структуры, демонстрирующие количественно определяемые степени различий. Когда применяются определенные статистические показатели групповых атрибутов (например, количественные вариации расовых соотношений между несколькими группами), то это обычно не комбинируется с систематическими сравнениями поведения людей со сходным статусом внутри различных групп. И соответственно, когда были получены относительно точные измерения индивидуальных установок, они редко комбинировались с такими же точными измерениями социальной структуры. Таким образом, вот уже более десяти лет тому назад социальная психология подошла к систематическому использованию показателей индивидуальных установок и мнений, в первую очередь характерных для совокупностей индивидов, не имеющих взаимных связей.

Работа Исследовательского сектора предполагает возможность и значение развития показателей *как* социальной структуры, *так* и поведения индивидов, размещенных в данной структуре. Поэтому выполненное этим сектором случайное сравнение статусной структуры различных родов войск включает такие показатели стратификации, которые похожи на процентное распределение населения среди нескольких социальных классов. Когда такие показатели установлены, появляется возможность сделать систематические, а не случайные сравнения поведения людей примерно одного классового статуса, но относящихся к классовым структурам, чье различие носит количественный характер. В результате мы переходим от привычных характеристик «человек из среднего класса» или «человек из рабочего класса» к рассмотрению поведения, которое характерно для них в различно организованных социально-классовых системах. Таким же образом один и тот же показатель — частота распределения различных статусов (образовательного, расового, возрастного и т.п.) в сочетании с систематическим изучением поведения индивидов, имеющих одинаковое положение в этих различных структурах⁴⁰ может дать количественную характеристику других типов социальной дифференциации.

⁴⁰ Берелсон, Лазерфельд и Макфи широко используют такие методы, возможно, дающие новые подтверждения последовательной связанности социальных исследований.

Более подробное описание социологических показателей см. в части 2 статьи Kendall and Lazarsfeld «Continuities in Social Research». — *Примеч. автора.*

В этом отношении «Американский солдат» может послужить прелюдией к исследованиям ближайшего будущего, в которых показатели степени мобильности, культурных изменений, групповой сплоченности и социальной дифференциации будут регулярно и систематически включаться в сравнительные исследования социальной структуры. И, сделав это, мы сможем сравнить образцы референтно-группового поведения в группах, состоящих из людей сходного статуса, но находящихся в различных социальных системах.

Теория референтных групп и социальная мобильность

Другие исследования, описанные в «Американском солдате», которые не используют понятие относительной утраты (или родственные понятия), могут быть также переработаны с точки зрения теории референтных групп. Одно из них — наиболее строгое и конструктивное — изучение мнения личного состава о взаимосвязи между конформистским отношением военнослужащих (рядовых и сержантов) к официальным армейским ценностям и последующим продвижением по службе.

Эти исследования также иллюстрируют широко известную, но редко разъясняемую точку зрения, что одно и то же социальное исследование может быть проанализировано различным образом, по крайней мере в трех различных, но взаимосвязанных аспектах: с точки зрения документально подтвержденных эмпирических данных; с логико-методологической точки зрения; с точки зрения теоретического осмысления.

Поскольку методологические и эмпирические выводы этого исследования были подробно обсуждены (первые — в статье Кендала и Лазарсфельда, последние — в самом «Американском солдате»), нам не нужно обращаться к ним здесь. Вместо этого мы ограничимся некоторыми из теоретических значений этого исследования.

Эти значения подразделяются на три взаимосвязанных вида. Во-первых, значение для теории референтных групп эмпирических данных, перепроверенных в контексте данной теории. Во-вторых, значение, которое дает нам возможность связать теорию референтных групп с гипотезами функциональной социологии. И в-третьих, значение, которое, будучи выражено в соответствующей ему общей форме, даст нам возможность увидеть, что это исследование распространяется не только на образцы связи конформизма и мобильности у американских солдат времен Второй мировой войны, но, вероятно, также на бо-

лее общие и, по-видимому, в корне отличные образцы поведения, такие как уход из группы, предательство, социальный карьеризм и тому подобное.

Указанные значения охватывают широкий круг вопросов, которые вряд ли можно полностью перечислить, не из-за ограниченности во времени, но из-за ограниченности наших социологических знаний. Однако даже движение по направлению к нашей цели поможет нам осознать теоретическую связь между разделенными в настоящее время типами социального поведения.

Мы начинаем, следуя принятой нами практике краткого обзора основных данных исследования, в том виде, как они представлены в «Американском солдате».

Случай 5 (I, 258—275). Это исследование было обращено не к *нормам* продвижения по службе, которое определяется изменениями в штатном расписании организации, но к *сфере* продвижения: какие люди вероятнее всего должны быть продвинуты? Поскольку решение командира о продвижении по службе ни в коей мере не основано на объективной проверке способностей или исполнения своих обязанностей рядовыми, на него могут серьезно повлиять личные отношения и мнения, играющие свою роль при принятии этого решения. В соответствии с этим Исследовательский сектор выдвинул такую гипотезу: «единственный фактор, который едва ли можно исключить из суждения офицера при выборе человека для продвижения по службе, — это его конформизм по отношению к официально санкционированным нормам военной морали» (I, 259). Далее отмечается, и мы имеем возможность рассмотреть этот вопрос более подробно, что, «вынося субъективное суждение, командир части неизбежно навлекает на себя обвинения в фаворитизме, особенно в том, что поддается на уловки военнослужащих, наиболее искусных в «подхалимаже» (I, 264).

Опрос личного состава в трех группах военнослужащих имел своей целью выявление того, будут ли солдаты, которые выражали установки, соответствующие утвердившимся нормам военной морали, вследствие этого получать продвижение по службе в значительно более высоких пропорциях, чем другие. Это положение постоянно получало подтверждения. Например, «из рядовых, которые в сентябре 1943-го сказали, что они не считают, что армейское управление было слишком строгим, 19% стали Pfc's в январе 1944-го, в то время как из других рядовых только 12% стали Pfc's» (I, 261—262). Точно так же, когда солдаты в трех выборках были расположены согласно их баллам в «квазишкале установок конформности», во всех трех группах постоянно обнаруживалось, что «именно тех, чьи установки были

наиболее конформистскими, скорее всего именно вследствие этого продвигали по службе» (I, 263)⁴¹.

Теоретическое осмысление. Рассматривая эти опросы личного состава, мы хотим выявить некоторые связи между теорией референтных групп и функциональной социологией, которые до сих пор оставались имплицитными. Это исследование особенно хорошо служит такой задаче, поскольку данные этого исследования могут быть легко переформулированы на языке и той, и другой теории и, следовательно, соотнесены с более широким кругом поведения, чем рассматриваемый в самих исследованиях.

Ценность подобной переформулировки для социологической теории, возможно, лучше всего видна в связи с независимой переменной «конформности». Очевидно, считается, что тип установки, описанный в этом исследовании как конформистский, является экстремальным выражением того, что обычно называют «социальной конформностью». Ибо на языке социологии «социальная конформность» обычно означает конформизм по отношению к нормам и ожиданиям, существующим в собственной членской группе индивида. Но в этом исследовании конформизм относится не к нормам непосредственной первичной группы, состоящей из военнослужащих, но к совершенно иным нормам, содержащимся в официальной военной морали. Действительно, как показывают данные «Американского солдата», нормы внутренней группы солдат часто расходились с официальными армейскими нормами и нормами офицерского корпуса⁴². На языке те-

⁴¹ Например, сами авторы говорят, а Кендалл и Лазарфельд указывают более подробно, что эти данные не являются окончательным подтверждением того, что конформистские установки более, чем другие корреляты этих установок, делают значительно выше вероятность продвижения. В принципе только полностью контролируемый эксперимент, очевидно невыполнимый в данном случае, может доказать это, опровергнув все обоснованные сомнения. Но контролируемый эксперимент (дополняя эти опросные исследования рассмотрением постоянных факторов возраста и образования, которые считаются связанными как с установками, так и с продвижением) идет долгим путем к доказательству взаимосвязи между показателями конформистских установок и последующими успехами. В этом отношении исследование направлено на другие цели, чем те, которые достигнуты с помощью использования менее точных данных, указывающих на статистическое соответствие между званием и конформистской установкой, поскольку это может доказать, что люди с конформистскими установками, вероятно, именно вследствие этого получили продвижение по службе (см. I. 272—273). — *Примеч. автора.*

⁴² Абсолютный процент людей, одобряющих данное мнение, конечно, нельзя оценить по внешнему виду, поскольку на этот процент влияет точная формулировка мнения, но тем не менее это означает, что данные, представленные ранее в этом томе (например, I, 147 и далее), обнаружили только небольшое меньшинство в выборках военнослужащих в этом исследовании, которые преданы официально санкционированным установкам. В целом значительно большая часть офицеров остается верной этим установкам. — *Примеч. автора.*

ории референтных групп, следовательно, установка конформности по отношению к официальной морали может быть описана как позитивная ориентация на нормы не-членской группы, которая принимается в качестве эталона. Подобная конформность по отношению к нормам внешней группы является, таким образом, эквивалентом тому, что обычно называют нонконформизмом, а именно нонконформизмом по отношению к нормам внутренней группы⁴³.

Это предварительная переформулировка непосредственно ведет к двум взаимосвязанным вопросам, которые мы до сих пор скорее подразумевали, чем рассматривали явно. Каковы последствия (функциональные и дисфункциональные) позитивной ориентации на ценности не своей группы, а чужой? И далее, какие социологические процессы инициируют, подкрепляют или сдерживают подобные ориентации?

Функции позитивной ориентации на не-членские группы, ожидаемая социализация. Рассматривая как можно более кратко возможные последствия этого образца конформности к не-членским групповым нормам, целесообразно делать различие между его последствиями для индивидов, демонстрирующих то или иное поведение, для подгруппы, к которой они принадлежат, и для социальной системы, охватывающей и то и другое.

Для человека, который принимает ценности группы, к которой он стремится, но не принадлежит, эта ориентация может обеспечить двойную функцию: помочь приобрести вес в группе и облегчить приспособление к группе после того, как он стал ее членом. То, что эта первая функция действительно выполняла свое назначение, является основным пунктом в выводах «Американского солдата»: у тех рядовых, которые принимают официальные ценности армейской иерархии, вероятность продвижения по службе должна быть гораздо больше, чем у всех остальных. Гипотеза, относящаяся ко второй функции, до сих пор остается непроверенной. Но в принципе не трудно обнаружить эмпирически, будут ли те люди, которые в процессе *ожидаемой социализации* принимают ценности не-членской группы, к которой они стремятся, быстрее приняты в группу, и легче ли они приспособятся к ней. Это

⁴³ Нет ничего постоянного в границах, разделяющих внутренние группы от внешних групп, членские группы от не-членских групп. Они изменяются при изменении ситуации. По сравнению со штатскими или иностранными группами служащие в армии могут считать себя или считаться членами внутренней группы; хотя в другом контексте рядовые военнослужащие могут считать себя и считаться внутренней группой в отличие от внешней группы офицеров. Поскольку эти понятия связаны с ситуацией, а не являются абсолютными, нет парадокса в упоминании офицеров как внешней группы для рядовых в одном контексте и как членов более широкой внутренней группы в другом контексте. Обобщенная точка зрения в главах X и XI. — *Примеч. автора.*

требует создания показателей принятия в группу и приспособления к ней, а также сравнения, с точки зрения этих показателей, тех новичков в группе, которые предварительно ориентировались на групповые ценности, с теми, которые не ориентировались на них. Конкретно в настоящем случае это могло бы повлечь за собой сравнительное исследование среди рядовых, выдвинутых на более высокое звание, а именно: как группа регулирует прием тех, кто готовится к возможному и ожидаемому изменению статуса, и тех, кто раньше твердо придерживался ценностей своей собственной внутренней группы рядовых. Показатели последующего приспособления можно было бы связать с показателями прежней ценностной ориентации. Это и составило бы систематическую эмпирическую проверку функциональной гипотезы.

Очевидно далее, что ожидаемая социализация является функциональной для человека только в относительно открытой социальной структуре, обеспечивающей продвижение по службе. Поскольку только в подобной структуре может быть такая установочная и поведенческая подготовка к изменениям статуса, которая предшествует действительным изменениям статуса в относительно большом числе случаев. Однако та же самая модель ожидаемой социализации могла бы быть дисфункциональной для человека в относительно закрытой социальной структуре, где он мог бы не получить признания в группе, к которой стремится, и, вероятно, мог бы из-за своей внегрупповой ориентации потерять признание группы, к которой он принадлежит. Этот последний вариант рассматривается как тип маргинального человека, балансирующего на краю нескольких групп, но не принятого полностью ни в одной из них.

Таким образом, часто изучаемый случай «маргинального человека»⁴⁴ и случай рядового солдата, который принимает официальную военную мораль как позитивный ориентир, могут быть идентифицированы в функциональной теории референтно-группового поведения как частные случаи ожидаемой социализации. Особый случай — это образец маргинального человека в относительно закрытой социальной системе, в которой члены одной группы принимают в качестве позитивных ориентиров нормы группы, из которой они принципиально исключены. Внутри такой социальной структуры ожидаемая социализация становится дисфункциональной для человека, ставшего жертвой

⁴⁴ Качественные описания поведения маргинальных людей, обобщенные, например, в кн.: E.V. Stonequist, *The Marginal Man* (New York: Scribner's, 1937), можно аналитически переработать, представив его как особый и ограниченный случай референтно-группового поведения, в котором человек стремится отказаться от одной членской группы ради другой, социальный доступ к которой для него воспрещен. — *Примеч. автора.*

стремлений, которые он не может претворить в жизнь, и надежд, которые он не может реализовать. Но, как показывают опросы личного состава, именно тот же самый вид референтно-группового поведения в относительно открытой социальной системе является функциональным для человека и хотя бы до некоторой степени помогает ему достичь статуса, к которому он стремится. Одно и то же референтно-групповое поведение в различных социальных структурах имеет различные последствия.

Таким образом, мы считаем, что контакты между членскими группами (реальные или воображаемые) повышают позитивную ориентацию на нормы не-членской группы, а ее функциональные или дисфункциональные последствия, очевидно, зависят от относительно открытого или закрытого характера социальной структуры, в которой эти контакты происходят. И то, что на первый взгляд могло бы показаться вовсе не связанными или в корне отличными формами поведения (например, поведение таких маргинальных людей, как цветные или евразийцы, и поведение военнослужащих, принимающих ценности военного командования больше, чем свои собственные), после соответствующей концептуализации выглядят как частные случаи референтно-группового поведения.

Хотя ожидаемая социализация в открытой социальной системе может быть функциональной для *индивида*, она, очевидно, может быть дисфункциональной для сплоченности *группы и слоя*, к которым он принадлежит. Ибо приверженность абсолютно иным ценностям других групп означает отступничество от морали внутренней группы. И в соответствии с этим, как мы сейчас увидим, внутренние группы реагируют на такие положительные ориентации по отношению к определенным нормам внешних групп, используя все способы социального принуждения.

С точки зрения большей социальной системы (армия как целое), положительная ориентация на официальную мораль выглядит функциональной как поддержка легитимности и сохранения в целостности структуры командования. (Вероятно, именно это имеет в виду «Американский солдат», когда описывает эти конформистские установки как «благоприятные с армейской точки зрения».) Но, очевидно, для подтверждения этого суждения необходимы серьезные исследования. Возможно, например, что вторичный эффект от такой ориентации может быть настолько пагубным для сплоченности первичных групп военнослужащих, что их моральный уровень понизится. Конкретный исследовательский вопрос поможет уточнить проблему: будут ли подразделения с относительно большим, хотя и не составляющим большинства количеством солдат, позитивно ориентированных на офи-

циальные армейские ценности, чаще проявлять признаки аномии и личной дезорганизации (т.е. «нести потери без боя»)? В такой ситуации не служит ли личный «успех» конформистов (повышение по службе) только подавлению боевого духа других солдат, поскольку вознаграждаются те, кто отстранился от морали их внутренней группы?

В этих опросах, так же как в нескольких других, которые мы рассматривали здесь (например, изучение солдатского мнения о справедливости их призыва в армию), референтно-групповое поведение, очевидно, соотносится с легитимностью, приписываемой институциональной системе. Таким образом, солдат, который старше по возрасту и женат, вряд ли считает «справедливым» свой призыв в армию; большинство призванных считают «несправедливым», что продвижение, вероятно, основано на «личном знакомстве», а не на знаниях и так далее. Отчасти это очевидное акцентирование легитимности является, конечно, артефактом исследования: многие из вопросов, заданных солдатам, должны относиться к их представлению о легитимном или нелегитимном характере их положения или господствующей институциональной системы. Но такая направленность исследовательского интереса, в свою очередь, была результатом наблюдений: солдаты действительно в значительной степени интересовались вопросами институциональной легитимности, на что часто указывали непроизвольные замечания военнослужащих⁴⁵.

Это следует подчеркнуть, так как недостаток легитимности социальной организации кажется функционально связанным с референтно-групповым поведением. Он, очевидно, влияет на весь диапазон типичных межгрупповых и межличностных сравнений. Например, если структура жесткой системы стратификации в целом определяется как легитимная, если права, привилегии и обязанности каждого слоя в целом рассматриваются как морально справедливые, следовательно, люди в каждом слое будут реже рассматривать положение другого слоя как контекст для оценки своей собственной участи. Скорее они ограничат свое сравнение другими членами своего собственного или соседнего социального слоя. Но если система стратификации оспаривается, то члены некоторых слоев должны чаще противопоставлять своей собственной ситуации ситуацию других слоев и в соответ-

⁴⁵ Например, при ответе на вопрос «Если бы вы могли побеседовать с президентом Соединенных Штатов, какие три наиболее важных вопроса вы бы хотели ему задать о войне и о вашем участии в ней?» существенная часть солдат (и негров, и белых), очевидно, поднимала вопросы, связанные с легитимностью современной практики и системы в армии. Солдаты-негры, конечно, сосредоточены на несправедливой практике расовой дискриминации, но 31% белых солдат также начинали с «обсуждения и критики» армейской жизни» (1, 504 *et passim*). — *Примеч. автора.*

ствии с этим формировать свои самооценки. Такие различия в структуре систем и в степени легитимности, относящейся к их устройству, помогают объяснить часто отмечаемый факт, что степень неудовлетворенности своей участью часто меньше у людей из чрезвычайно угнетаемых социальных слоев в соответственно жесткой социальной системе, чем среди тех слоев, которым, очевидно, «лучше» в более мобильной социальной системе. Во всяком случае, *круг групп*, принятых в качестве эффективного основания для сравнения различных социальных систем, может оказаться тесно связанным со степенью, в которой легитимность приписывается господствующей социальной структуре.

Хотя еще многое осталось несказанным, но уже достаточно оснований для предположения, что образец ожидаемой социализации может иметь различные последствия для людей, которые его демонстрируют, для групп, к которым они принадлежат, и для социальной структуры, включающей их в себя. Пересмотрев данные опросов о вознаграждении солдат за конформизм, мы можем определить некоторые новые типы проблем, которые предполагают более всесторонний функциональный анализ подобного референтно-группового поведения. Например:

1. Поскольку только часть внутренней группы позитивно ориентируется на ценности не-членской группы, необходимо установить социальную позицию и типы личности тех, кто наиболее вероятно поступает таким образом. Например, не изолированы ли в группе те, кто особенно готов принять эти чуждые ценности?
2. Большое внимание было уделено процессам, создающим позитивную ориентацию на нормы своей собственной группы. Но какие процессы создают подобные ориентации на другие группы и слои? Служит ли относительно высокая степень мобильности усилению этого последнего типа ориентации? (Вспомним, что «Американский солдат» приводит данные о скорости продвижения и оценке шансов продвижения, имеющие косвенное отношение к этому вопросу.) Соответственно адаптированные, такие данные о реальных темпах мобильности, стремлениях и ожидаемой социализации в соответствии с нормами более высоких социальных слоев могут расширить функциональную теорию конформизма и девиантного поведения.
3. Какие связи существуют (если существуют) между различными темпами мобильности и признанием легитимности системы стратификации людьми, занимающими разное положение в этой системе? Поскольку очевидно, что системы с очень низкими темпами мобильности могут получить широкое признание, какие другие объясняющие переменные необходимо включить, чтобы понять взаимосвязь между темпами мобильности и признанием легитимности?

4. В гражданской и военной жизни будут ли скорее приниматься группой, обладающей властью или престижем, те мобильные люди, которые наиболее готовы поддержать ценности этой группы? Является ли наиболее эффективным именно такое исполнение латентной функции, при котором мобильные люди ощущают эти ценности как наивысшие, а не перенимают их умышленно только ради принятия в группу? Если подобные ориентации мотивированы только желанием принадлежать к группе, не навредят ли они затем мобильным людям, которых будут характеризовать как карьеристов или «подхалимов» в армии — как службистов, которые «выслуживаются» ради продвижения по службе?

Социальные процессы, поддерживающие и подавляющие позитивные ориентации на не-членские группы. В ходе рассмотрения функций ожидаемой социализации мы иногда намекали на социальные процессы, которые поддерживают или подавляют этот образец поведения. Поскольку эти процессы являются центральными в теории референтно-группового поведения и поскольку именно эти данные трудно найти в обзорном материале по установкам (который главным образом используется в «Американском солдате»), они заслуживают дальнейшего рассмотрения.

Как мы видели, то, что с точки зрения индивида является ожидаемой социализацией, с точки зрения группы, членом которой он состоит, истолковывается как отступничество и неконформизм. В той степени, в которой человек отождествляет себя с другой группой, он отчуждает себя от своей собственной группы. И хотя многие поколения социологов изучали групповую сплоченность, они не уделяли *систематического* внимания ее оборотной стороне — групповому отчуждению. Если же они его рассматривали, то ограничивались такими специальными вопросами, как иммигранты второго поколения, конфликт лояльности по отношению к группе и по отношению к семье и т.д. В большой степени этот вопрос был оставлен для литературных обозревателей, которые могли рассмотреть драму, присущую ситуации ренегатов, предателей и дезертиров. Ценностно-нагруженные дополнительные значения этих терминов, используемыми для описания идентификации с группами иными, чем своя собственная, определенно предполагают, что эти образцы поведения обычно рассматриваются с точки зрения членских групп. (Хотя вероотступник одной группы может быть новообращенным в другой.) Поскольку каждая группа полагает, что ее члены будут лояльны (иначе независимо от действия она не носит характер группы), перенос лояльности на другую группу (особенно на группу, действующую в той же самой сфере экономики или политики) рассматривается в первую очередь в аффективных терминах чувств, а не в беспристрастных терминах ана-

лиза. Ренегат, или изменник, или карьерист (как бы их ни называли) чаще становится объектом поношения, чем объектом социологического изучения.

В рамках теории референтных групп, не связанной с языком эмоций, у социолога появляется возможность идентифицировать и локализовать предательство, измену, ассимиляцию иммигрантов, классовую мобильность, социальное восхождение и т.д. как разнообразные формы идентификации с не-членской группой. При этом мы получаем возможность изучать их не как абсолютно специфические и не связанные друг с другом формы поведения, но как различные выражение сходных процессов при достаточно разных условиях. Вопрос о переносе лояльности людей из высших классов от своего собственного класса к низшему классу (был ли это предреволюционный период во Франции XVIII века или в России XX века) принадлежит той же самой группе социологических проблем, что и более знакомый нам вопрос об идентификации людей из низшего класса с высшим классом; этот предмет довольно поздно начал привлекать внимание социологов в обществе, где вертикальная социальная мобильность является установившейся ценностью. Несмотря на такие акценты в нашей культуре, феномен «высших», принимающих ценности «низших» (как и многие референтно-групповые феномены), заслуживает дальнейшего исследования не меньше, чем феномен «низших», которые стремятся стать «высшими».

При таком отступничестве от внутренней группы может оказаться, как это часто предполагают, что человек остается в группе только номинально и что он лишь слегка включен в ее сеть социальных отношений, но позитивно ориентирован на не-членские группы. Но даже если это утверждение в целом верно, оно является статичной корреляцией и, следовательно, только частичным объяснением. На самом деле необходимо исследовать тот процесс, благодаря которому такие корреляции поддерживаются. Делая вывод из некоторых качественных данных в «Американском солдате» и из других исследований отречения от своей измены, мы полагаем, что между ухудшением социальных отношений в группе и позитивными *установками* на нормы не-членской группы существует постоянное и нарастающее взаимодействие.

То, что человек переживает как отчуждение от группы, членом которой он является, его товарищи склонны переживать как отступничество от группы, и это обычно вызывает враждебную реакцию. Поскольку социальные отношения между человеком и остальной группой ухудшаются, нормы группы становятся для него менее обязательными. А так как он постепенно отдаляется от группы и за это она его наказывает, маловероятно, чтобы он получил вознаграждение за пре-

данность групповым нормам. Однажды возникнув, этот процесс, по-видимому, движется к нарастающему отделению от группы — и с точки зрения установок и ценностей, и с точки зрения социальных отношений. И в той степени, в какой человек ориентируется на ценности внешней группы, возможно, поддерживая их словесно и выражая их в действии, он только расширяет пропасть и усиливает враждебность между ним и его товарищами по внутренней группе. Взаимосвязь между разобщением и постепенным отчуждением от групповых ценностей может послужить для человека двойной мотивацией ориентироваться на ценности другой группы и присоединиться к ней. Остается выяснить вопрос об объективной возможности присоединиться к референтной группе. Если возможность является ничтожной или отсутствует, то отчужденный человек становится социально незакрепленным. Но если социальная система допускает подобные изменения в групповом членстве, то человек, отстраненный от одной группы, все больше ориентируется на принадлежность к другой.

Это гипотетическое объяснение отстранения и отчуждения, которое, конечно, только слегка затронуло процессы референтно-группового поведения, требующие дальнейшего изучения, по-видимому, приблизительно соответствует качественным данным в «Американском солдате», где описаны те, кого называли «подхалимы», «подлизы», «выслуживающиеся». Выдержки из дневника рядового военнослужащего иллюстрируют взаимосвязь между отступничеством и отчуждением: ориентированный вовне человек слишком усерден в верности официальной морали. Групповую враждебность, выраженную в насмешках, вызывают слова, произнесенные К. и С: «Лейтенант сказал, что вы должны работать». После насмешек над ними: «Все должны подлизываться», — они начинают отдаляться от группы. «Остракизм стал очевидным, люди стали избегать их компании, только некоторые были дружелюбны». Они чаще общаются с людьми, представляющими нечленскую референтную группу: «У, С и К «подлизывались» все утро, крутились вокруг лейтенантов и задавали бодрые вопросы». В этом кратком описании хорошо просматривается действие внутригрупповой ориентации, нарушающей позитивную ориентацию на официальную мораль⁴⁶, а также процесс, в ходе которого эта ориентация развивает-

⁴⁶ Официальная брошюра военного департамента, розданная новобранцам, стремилась дать благословение «подхалимам»: «Подхалимажем» называют все те поступки солдата, которые он честно совершает для того, чтобы заслужить внимание и продвижение. Армия поощряет людей, делающих особые усилия в строевой подготовке, исключительное «надраивание до блеска» своего обмундирования. Иногда это доставляет неудобства для других людей, которые предпочитают более легкую жизнь, но⁴⁷ стимулирует дух соревнования и усовершенствования, который делает нашу армию лучшей» ([], 264). - *Примеч. автора.*

ся у тех, кто принимает эту мораль в качестве главного референтного ориентира, рассматривая свои связи с внутренней группой как менее значимые.

Делая выводы из осмысления этих опросных исследований по конформизму и мобильности, мы полагаем, что есть возможность для исследования последствий различных образцов референтно-группового поведения и для изучения их определяющих факторов. Более того, социология изучает последствия, которые имеют значение не только для людей, чье поведение рассматривается, но и для групп, в которых они состоят. Мы рассмотрели вероятность того, что степень, до которой структура этих групп и статус их членов признается легитимной, может определить круг групп или слоев, которые они обычно принимают в качестве эталона для оценки их собственного положения. И, в заключение, эти опросы привлекают внимание к необходимости тщательного изучения тех процессов в групповой жизни, которые поддерживают позитивные ориентации на не-членские группы или мешают им, что приводит к соединению теории референтных групп и современных теорий социальной организации.

Психологические и социальные функции

В нашем предшествующем обзоре мы старались провести различие между последствиями позитивной ориентации на не-членскую группу для индивида, для членской группы и для большой социальной системы. Если, как мы допустили, установленный образец поведения обычно имеет такие разные последствия, его можно результативно исследовать как с психологической, так и с социологической точки зрения. Иногда «Американский солдат» анализирует поведение только с точки зрения психологической ориентации. Но в некоторых из этих примеров ту же самую ситуацию полезно было бы пересмотреть с точки зрения ее значения для теории функциональной социологии⁴⁷. Это не говорит о том, что социологическая ориентация неизбежно «превосходит» психологическую или противоречит ей. Но они действительно различны. И, рассматривая эти материалы из различных перспектив, отличающихся от тех, которые есть в самом тек-

⁴⁷ Интересно посмотреть, как профессиональная подготовка явно влияет на способ описания материалов «Американского солдата». В своем обзоре этой книги Гордон Олпорт, психолог, говорит о ее «социологическом уклоне». А здесь двое социологов утверждают, что она имеет, в сущности, заметную «психологическую ориентацию». Авторы могут чувствовать себя очень комфортно при этом двойном попечении. — *Примеч. автора.*

сте, мы можем обнаружить новое значение этих прикладных исследований для социальной теории.

Случай 6 (II, 272—284). Среди случаев, демонстрирующих явную психологическую ориентацию, имеется краткое сообщение о переживаниях людей в лагерях для новобранцев, армейских гарнизонах, через которые они проходят после учебных частей и перед размещением во фронтовых подразделениях, нуждающихся в пополнении своего личного состава. Авторы рисуют живой психологический портрет лагеря для новобранцев: лагерь — это «неиссякаемый источник психологического расстройства», постоянный кадровый состав лагеря руководит новобранцами массово и безлично, новобранцы имеют только статус «ожидающих назначения» и испытывают недостаток «социальных связей, которые могли бы обеспечить их поддержку, у них отсутствуют гарантии безопасности, обеспечиваемые обладанием установленной нишей в какой-либо организации». Вероятно, «наиболее бросающаяся в глаза характеристика лагерной жизни... в том, что такая ситуация приводит в состояние тревожной неопределенности без возможности разрядить напряжение» (II, 274). Одно из последствий лагерных испытаний заключалось в том, чтобы новобранцы «приветствовали практически любое постоянное назначение». Хотя это не означало, что они одобряют сами по себе боевые действия, но «даже в этом отношении... завершение тревожной неопределенности, вероятно, в некотором отношении означало психологический выигрыш. Новоиспеченный фронтовик мог сказать себе: к лучшему или худшему, но «это нечто определенное» (II, 176).

Исследовательский сектор, следовательно, был в основном занят вопросом: каково воздействие этого опыта на *новобранца*? Но те же самые данные подразумевают совсем другую проблему; с точки зрения функциональной социологии, проблема состоит не в воздействии лагеря на новобранца, а в воздействии лагеря на его последующее включение в фронтовую группу.

Функциональный анализ этой ситуации можно начать с концептуализации социальной роли лагеря новобранцев, который подпадает под категорию организации, созданной для *передвижения людей из одной группы в другую*. Как правило, после того как дается более обобщенное описание какой-либо ситуации, другие ситуации, считающиеся различными на уровне здравого смысла, начинают рассматриваться как частные случаи той же самой категории. Материалы, размещенные на многочисленных страницах «Американского солдата», дают много хороших примеров, иллюстрирующих один общий для них образец перехода из одной группы в другую: например, лагерь новобранцев *в этом отношении*, по существу, ничем не отличается от

сборного пункта, в котором солдаты ожидают нового назначения и который представляет собой промежуточный этап между боевой частью и новым размещением на родине гарнизоном. Кроме того, социологи давно интересовались стандартными социальными образцами, обеспечивающими переход от одной группы к другой в различных институциональных областях, например, переход выпускника средней школы на первый курс колледжа.

Считается, что личные и социальные трудности, связанные с подобным переходом, возникают главным образом благодаря двойственности этого процесса, который сопровождается разрывом прежних групповых связей (или перемещением их на второе место) и созданием новых групповых связей. Это в некотором смысле сравнимо с процессом первоначальной абсорбции призывника в его первом армейском подразделении со всеми сопутствующими неприятностями формирования групповой структуры. Но в этом конкретном случае человеку легче приспособиться, поскольку это не является его особой личной проблемой. Любой член новообразованной группы испытывает сходные проблемы, является ли он студентом первого года колледжа или неопытным армейским новобранцем.

Однако если человек был членом одной группы, то его переход в другую, уже сложившуюся группу является совсем иной проблемой (на которую может пожаловаться любой ребенок, переведенный из одной школы в другую в середине учебного года). В этом случае его первоначальное положение в новой группе часто вызывает укрепление старых связей — его старые друзья, его прежние учителя, его старая школа оказывают несоразмерно большее влияние. Во многом это тот же самый феномен, как тот, когда солдаты отозваны из своих прежних военных подразделений и размещены в новых гарнизонах на родине. Одно из исследований в «Американском солдате» сообщает, что в подобном месте для призванных на действительную службу имеет особое значение возможность «сохранять военные знаки различия их прежних соединений» (II, 507—508), — так же как для внезапно переведенного школьника особое значение имеет укрепление прежних групповых связей. Оба примера отражают сопротивление разрыву прежнего членства в группе. Один школьник не может разрушить единство новой группы*, и со временем он обычно принимает-

* Об этом писал Льюис в первой части автобиографии, насмешливо описывая функциональное требование «прислуживать старшим ученикам» (зло шутить над новичками) в английских школах для мальчиков или по крайней мере в той школе, которую он имел счастье посещать. «Интересно, что школы для мальчиков были устроены таким образом, что создавали именно те ситуации, которые обещали предотвратить или излечить. Вы должны понять (если не были сами погружены в эту традицию), что вся штука заключалась в том, чтобы изобрести «розыгрыш» над младшими мальчиками и

ся в общий ряд. Но если значительное число новичков с их приверженностью старым школьным связям противостоит группе, нам вполне может понадобиться создание «учебного лагеря», чтобы предупредить дисфункциональные последствия того вызова, который они бросают единству группы. Точно такая же проблема существует в армии. Будучи созданным на достаточно непрочных основаниях, единство армейского подразделения может быть серьезно нарушено благодаря введению значительного числа новичков, если их привязанность к прежней группе не разрушена до их поступления в новое подразделение.

Таким образом, с точки зрения облегчения абсорбации новобранцев в фронтовой группе, новой для них, а также с точки зрения их потенциального влияния на группу, в которую они вступают, может существовать функциональное требование *не* переводить их непосредственно из учебной части в часть, с которой они вскоре вступят в бой. Одна из альтернатив, которая была фактически применена на практике в течение военных лет: пропустить заново обученного солдата через лагерь новобранцев. Тем самым лагерь новобранцев, возможно, выполняет латентную функцию: вероятно, он помогает разрыву прежних групповых армейских связей у солдата, облегчая им таким образом абсорбацию в их фронтовых частях; Во многом тем же самым способом, которым кессонщик приспосабливается к нормальному атмосферному давлению в конце рабочего дня, проходя под водой через декомпрессионную камеру, так солдат «дегруппируется», проходя через лагерь новобранцев. Это покажется еще более важным, если иметь в виду скорость, с какой новобранцы были действительно посланы в бой после присоединения к боевой части. В одном исследовании было обнаружено, что *половина* новобранцев-пехотинцев вступила в бой менее чем через три дня после их присоединения к части.

Другими словами, исключительная психологическая тревожность, отмеченная Исследовательским сектором как характеристика лагерной жизни, может также быть рассмотрена как поведенческий показа-

«поставить их на место». «Если бы младшие не подчинялись старшим, — сказал однажды мой брат, — они могли бы стать невыносимыми...» Очевидно, определенная серьезная опасность приходила на ум тем, кто создал вивернианскую иерархию. Для них кажется очевидным, что, если предоставить вещи самим себе, девятнадцатилетние парни, которые играют в регби за графство и боксируют за школу, будут везде сбиты с ног и осажены тринадцатилетними мальчиками. И это, вы представляете, было бы очень шокирующим спектаклем. Таким образом, был изобретен сложнейший механизм для защиты силы от слабости, тесной корпорации «стариков» против группы новичков, которые чужие друг для друга и для всех остальных в этом месте, жалкие, трепещущие вы против разъяренных и хищных овец» (C.S. Lewis, *Surprised by Joy: The Shape of My "Child" Life* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1955), 104—106). - Примеч. автора.

тель состояния временной «безгруппности». Но что бы ни подчеркивалось — лежащий в основе социологический феномен безгруппности или внешняя и очевидная психологическая тревожность, функциональная социология могла бы проследить их организационные последствия, то есть их воздействие на вступление новобранца в самую важную для него армейскую группу — ту часть, с которой он вступит в бой⁴⁸.

Эта тревожность, сопровождающая процесс утраты группы, вполне может быть дисфункциональной для отдельного солдата в то время, когда он ее испытывает, и для нескольких солдат; она вообще может иметь серьезное влияние на их личную адаптацию. Однако тот же самый процесс утраты группы может иметь функциональные последствия для других организационных общностей, особенно для фронтовых частей, в которых новобранцы, утратившие принадлежность к какой-либо группе, абсорбируются гораздо легче⁴⁵. Эмпири-

⁴⁸ Ранее мы упоминали сходство между функцией лагеря для новобранцев и пунктом, где отозванные солдаты ожидают назначения при переходе из своих боевых частей в их отечественные армейские подразделения. Изучение отозванных солдат в «Американском солдате» (глава II по проблемам замены личного состава и реконверсии) предполагает, что «дегруппирующие» процессы для отозванных солдат требуют более долгого отрезка времени, поскольку отозванные солдаты переходят из наиболее сплоченных армейских групп. Таким образом, в обследовании отозванных солдат и не служивших за рубежом солдат, в котором они отвечали на вопрос об их ощущении принадлежности к их новой части, отозванные солдаты гораздо чаще, чем другие солдаты, были склонны отвечать, что они не считают, что принадлежат к этой части, *хотя в большей доле случаев они могли находиться в этой части более долгий период времени*. В военно-воздушных силах, например, 34% отозванных и 15% других солдат говорили, что они не чувствуют «принадлежности» к своей части. Различие между отозванными и неотозванными в других родах войск в армии уменьшается понемногу от разницы в 17% в более сплоченных военно-воздушных соединениях до разницы в 11 % в интендантской службе (II, 507). Скорость и легкость процесса «дегруппировки» и последующей адаптации к новой группе будет явно зависеть от интенсивности прежних групповых связей. — *Примеч. автора.*

⁴⁹ Если мы указываем на возможную функцию тревоги, то это не означает, что мы *защищаем* тревогу. Поскольку (даже в качестве сопутствующего обстоятельства для процесса дегруппировки) не все такого рода ситуации тревоги являются функциональными для социальной организации. Например, в случае офицерской школы, которую «можно считать суровым испытанием», одно из последствий ситуации, вызывающей повышенное беспокойство, было лишение кандидата в офицеры любых признаков его прежних солдатских ценностей, что, очевидно, препятствует его последующей способности понимать точку зрения рядовых солдат. После анализа «испытаний» в офицерской школе с точки зрения данных исследований авторы говорят: «...при оценке такой передачи культуры существует достаточная вероятность предположения, что этот процесс объясняет нам, почему многим офицерам, которые сами были ранее рядовыми солдатами, по-видимому, не удастся в качестве офицеров вспомнить свой солдатский опыт и постараться понять точку зрения рядовых солдат при обращении с ними» (1,391).

ческую проверку этой гипотезы можно сделать, применив методику, использованную в исследовании отозванных из своих подразделений (см. предшествующую сноску). Для каждого уровня привязанности солдат к их прежнему подразделению следует определить, во-первых, будет ли больший период, который люди провели в лагере новобранцев, более эффективным для того, чтобы они сами отказались от своего прежнего группового единства; и, во-вторых, будут ли те солдаты, которые были таким образом «дегруппированы», затем более эффективно приняты в их фронтовые части. Эта проблема может быть связана с более общей проблемой факторов или процессов, влияющих на переход от старой к новой членской группе. И в определенной степени это можно дополнить тонким анализом лагеря новобранцев, представленным в «Американском солдате».

Концепты, родственные теории референтных групп

Ранее мы упоминали, что определенные факты референтно-группового поведения были отмечены задолго до того, как термин «референтная группа» был введен Хайменом в его важном исследовании 1942 года⁵⁰. Так, полвека назад Дюбуа заметил: «Белый житель Филадельфии с доходом \$ 1500 в год может называть себя бедным и живущим скромно. Негр с доходом \$ 1500 в год относится к богатейшим людям своей расы и, соответственно, должен обычно тратить больше, чем его белый сосед, на квартирную плату, одежду и развлечения»⁵¹. Но хотя

Это можно как считать, так и не считать вызывающим возражения, принимая во внимание осознанное представление об армии как об иерархии. Но, кажется, есть определенные доказательства, что рядовые солдаты (сформировавшись в культурной системе, которая развивает ценность демократического равенства) выполняют свои обязанности лучше, когда они уверены, что дистанция между ними и их командирами не является непреодолимой, когда они понимают, что их офицеры имеют относительно мало привилегий, которыми солдаты не обладают, и так далее (1, 369). Но в других случаях функциональные последствия процесса дегруппировки для армейских целей могут во многом перевесить временные дисфункциональные результаты для человека, заброшенного в лагерь для новобранцев. С точки зрения точно определенного понятия социальной технологии, можно вывести рекомендации для распространения понятия «дегруппировка» вплоть до создания положения о подобных промежуточных организациях или статусах в различных институциональных инструкциях. Но это заранее допускает исключительный интерес к цели организации — например, возрастающей эффективности военного механизма. — *Примеч. автора.*

⁵⁰ H. Hyman, «The Psychology of Status». — *Примеч. автора.*

⁵¹ W.E.B. DuBois, *The Philadelphia Negro*, E.F. Frazier, *The Negro in the United States* (New York: Macmillan, 1949, 299n). Фрейзер продолжает эти исследования, чтобы указать на противоречивые воздействия, которым подвержены негры-профессионалы.

тот специфический факт, что самооценки *соотносительны с «этой»* групповой системой координат, отмечался довольно часто, это не было сформулировано в понятиях достаточно общих, чтобы привести к систематическому осмыслению этого факта. Понятие «референтная группа» является полезным не потому, что само это понятие помогает объяснять поведение, но потому, что оно не позволяет нам игнорировать этот компонент самооценки. Именно обобщенность этого понятия приводит к осознанию сходства во внешне различном поведении.

Помимо этих отдельных наблюдений в социологии и социальной психологии, существовало несколько развивающихся концептов, которые в настоящее время обещают соединиться с функциональной теорией референтно-группового поведения. Каждый из них в определенной степени внес свой большой вклад, но с ретроспективной точки зрения поразительнее всего то, что по большому счету их взаи-

«Негр-профессионал или духовное лицо часто испытывает сильное побуждение, чтобы вести себя как человек, принадлежащий к высшему классу негритянской группы, и в то же самое время выступать в роли принадлежащего к среднему классу профессионала или «белого воротничка» в обществе в целом». И он продолжает свою мысль, что в действительности изменение системы социальных отношений (возрастающая интеграция «в большее сообщество») нарушает равновесие в соответствующих референтных группах. Он замечает: «Чем сильнее негр-профессионал (будь то мужчина или женщина) или духовное лицо интегрируется в большое сообщество, тем больше он избегает обязанностей представителя высшего класса в негритянской группе и может *ориентировать свое поведение в соответствии со своим статусом среднего класса*». Ibid., 300 [курсив мой].

Достаточно интересно, что технические проблемы в разработке выборок для опроса общественного *мнения усиливают* внимание к тому же самому факту, что экономический статус соотносится с распределением доходов окружающего сообщества. Таким образом, «собственник маленького обувного магазина в Дубьюке (штат Айова), женатый, не имеющий детей и получающий доход 5000 долларов в год, считает себя сопоставимым с процветающими людьми города... Он считает себя в экономическом отношении близким к «верхушке пирамиды» в Дубьюке. Его знакомство с другими преуспевающими людьми склоняет его рассматривать свою судьбу как наиболее близко связанную с судьбой наиболее преуспевающих людей в других местах... Дайте те же самые 5000 долларов годового дохода помощнику продавца, который живет в Нью-Йорке и имеет двух дочерей школьного возраста, и вы обнаружите, что он не считает себя принадлежащим к тому же экономическому уровню, что и торговец обувью в Дубьюке, он не имеет таких же мнений и не принимает таких же решений по многим важным вопросам, как этот человек». Elmo Roper, «Classifying respondents by economic status», *Public Opinion Quarterly*, 1940, 4, 270; см. также S.S. Wilks, «Representative sampling and poll reliability», *ibid.*, 263: «Оклад в 3000 долларов в год в маленьком городке в Арканзасе означает одно положение, а 3000 долларов годового оклада в Нью-Йорке означают совсем другое положение. Проблема экономического статуса в выборочном исследовании трактуется в настоящее время на относительной основе в каждом выбранном населенном пункте. — *Примеч. автора.*

мосьвязь до сих пор не осмыслена. Это, как известно, концепция внутренней и внешней группы, сформулированная Самнером, идеи социальной личности, развиваемые Джеймсом, Кули и Мидом, более современные исследования по референтно-групповому поведению, представленные в работах Хаймена, Шерифа и Ньюкома, и довольно многочисленные специальные исследования по конкретным проблемам человеческого поведения — окультуриванию, ассимиляции, маргинальной личности, социальной мобильности, множественности ролей, конфликтам лояльности, перекрестным давлениям и тому подобное.

Люди различным образом ориентируются на группы, которые являются внешними по отношению к их собственной. Этот общий и в краткой форме ничего не объясняющий факт был схвачен в терминологии, предложенной Самнером для различения между «своими», *мы-группой*, или внутренней группой, и всеми «остальными», или группами чужих, внешними группами⁵². Самнер продолжил описание отношений между этими типами групп. По существу, согласно этим несколько незрелым наблюдениям, внутренняя группа достигает состояния согласия и упорядоченности, тогда как отношение к внешней группе, напротив, является враждебным, грабительским и эксплуататорским. Что дело обстоит именно так (при неуточненных обстоятельствах), Самнер смог продемонстрировать в многочисленных *иллюстрациях*, взятых из истории и этнологии. Но, принимая описательный, а не аналитический подход, он неизбежно сгладил и завуалировал другое очевидное обстоятельство: при определенных условиях внешняя группа становится основой *позитивного*, а не только враждебного отношения⁵³ и социология как наука обязана определить, при каких условиях существует та или другая ориентация на внешнюю группу. Короче говоря, первоначальное разделение групп на внешние

⁵² W.G. Sumner, *Folkways*, 12. — *Примеч. автора.*

⁵³ Этот случай отсутствия закономерности в референтно-групповой теории наиболее важный, поскольку Самнер, конечно, признает в другом контексте, что действительно происходит «имитация» и «подражание» (как он называет их) образцам поведения внешних групп. Но эти наблюдения не были систематически связаны с его прежним разграничением на внутренние и внешние группы так, чтобы они привели к ряду аналитических проблем, рассматривающих различные образцы поведения референтных групп при различных условиях. Например, он комментирует парвеню (107), который, конечно, переходит от одной внутренней группы к другой, но и здесь Самнер не разрабатывает теоретические и аналитические вопросы, выступающие на первый план при таких изменениях членства в группе. Коротко говоря, он делает многочисленные наблюдения, относящиеся к проблемам референтных групп, но они остаются скорее разрозненными и несвязанными, чем аналитически проработанными вместе и рассмотренными как происходящие из одного корня. — *Примеч. автора.*

и внутренние вплотную подвело Самнера к открытию ряда проблем, относящихся к теории референтно-группового поведения. Однако в этом направлении, открывающем путь к развитию теории референтно-группового поведения (в принципе проложенный работами Самнера, опубликованными в 1906 году), не было сделано систематических исследований.

Обобщая множество фактов, мы не слишком преувеличим, сделав вывод, что теоретические положения Джеймса, Кули и Мида также оставались совсем неразвитым в течение 30 лет и более. При этом именно социологи рассматривали их концепции не как начало, но как фактическое завершение, постоянно цитируя и иллюстрируя примерами введенные ими представления о множественности «Я», зеркальном отражении собственного «Я», реакции на значимые жесты «других», и так далее. И поскольку слова предшественников стали заключительными словами, немного было создано на основе их проницательных предположений. Их уважали, но не так, как оказывают почет своим предшественникам люди науки, расширяя и разрабатывая их формулировки на основе кумулятивно развиваемых проблем и систематических исследований, связанных с этими проблемами, атак, как чествуют своих предшественников литераторы, постоянно цитируя «классические места» из работ мастеров.

Некоторые социальные психологи (особенно Хаймен, Шериф и Ньюком⁵⁴) отчасти развили эту теорию, разработав такие эмпирические исследования, которые были связаны с теоретическими характеристиками референтно-группового поведения по принципу обратной связи. И поскольку эти данные были систематическими, а не случайными, они вскоре столкнулись со многими из тех теоретических проблем, которые возникли на основе исследований «Американского солдата». Исследование Ньюкома, в частности, сосредоточилось не только на референтно-групповых контекстах установок, представлений и оценок, но также рассматривало социальную организацию, которая воздействует на выбор референтных групп.

Исследования «Американского солдата» принадлежат этой последней линии развития, состоящей из бесчисленных эмпирических исследований, очевидно, различных типов поведения, которые тем не менее предполагают сходные социальные и психологические процессы. Поскольку у социологов есть некоторые, хотя не вполне дос-

⁵⁴ Hyman, *op. cit.*; M. Sheriffs, *Psychology of Social Norms* (New York: Harper, 1936), развивает концепцию референтных групп, более полно разработанную в его более поздней книге *An Outline of Social Psychology*. Монография Т.М. Ньюкома, *Personality and Social Change* (New York: Dryden Press, 1943), представляет главный шаг в этой разработке, и его *Social Psychology* (New York: Dryden Press, 1950) включает самые новые исследования. — Примеч. автора.

точные методы для исследования референтно-группового поведения в повседневной жизни, им не нужно изучать только вымышленные ситуации в стенах социально-психологической лаборатории, оставляя в стороне установившиеся вне этих стен социальные отношения, которые влекут за собой формирование групп в обществе. Только в узком и с точки зрения теории поверхностном смысле армейское выслуживание рядового ради продвижения по службе можно расценить как отличающееся от поведения иммигранта, ассимилирующего ценности местной группы, или человека из нижних слоев среднего класса, ведущего себя в соответствии со своими представлениями об образцовом поведении высших слоев среднего класса, или мальчика из района трущоб, ориентирующегося скорее на ценности служащего благотворительного учреждения, чем на ценности уличной банды, или студентки из Беннингтона, отвергающей консервативные убеждения своих родителей, чтобы принять более либеральные идеи своих друзей по колледжу, или католика из низшего класса, изменяющего образцу своей внутренней группы, отдавшего свой голос за республиканцев, или французского аристократа, вступившего в ряды революционной группы того времени. Несмотря на то что возможны различия в деталях, эти формы поведения не являются полностью обособленными, соответственно «подчиняющимися» юрисдикции социологии военной жизни, расовых и этнических отношений, социальной мобильности, преступности (или «социальной дезорганизации»), социологии образования, политической социологии и социологии революции.

Подобное условное разграничение с точки зрения внешне различных сфер человеческого поведения скрывает сходство социальных и психологических процессов, которое изучают более абстрактные концепции, такие как теория референтных групп. Как мы увидели из таблицы переменных в первой части этой главы, комбинация элементов может отличаться, давая, таким образом, начало очевидно различным формам поведения, но они будут тем не менее только различным выражением сходных процессов при различных условиях. Они все представляют проблемы людей, старающихся идентифицировать себя с референтной группой, к которой они стремятся или членами которой они уже стали. И, таким образом, все виды наблюдаемого поведения могут в принципе быть выведены из нескольких относительно общих понятий, объединяющих их все, а не из различных терминов, скрывающих их сходство, например «продвижение», «ассимиляция» (и «окультурирование»), «классовая борьба» (и «конформизм»), «социализация», «социальные отклонения», «предательство» или упомянутая «относительная утрата», «ролевой конфликт», «разнонаправленное воздействие» или «ложное сознание».

Раннее развитие теории референтной группы наполнено примерами, когда отдельные исторические события в обществе заставили социологов сосредоточиться на той сфере социального поведения, в которой начинали осознаваться образцы референтно-группового поведения. Так, исследования по ассимиляции (которая является, очевидно, процессом, в котором существует сравнение с культурой нечленских групп) были ускорены волнами иммиграции в нашу страну и последующими муками абсорбации людей, воспитанных в разных культурах. Точно так же возросший социологический интерес к мобильности социальных классов и «ложному сознанию», посредством которого люди отождествляют себя с классом, «к которому они не принадлежат», по-видимому, отчасти является реакцией на общественное обсуждение классов и на преувеличенное значение классового конфликта. В подобных случаях социологический выбор предмета исследования был скорее продиктован конкретными практическими проблемами, чем требованиями систематической теории. В результате сложилась четко выраженная тенденция: объяснение оставалось тесно связанным с рассматриваемой исследователем конкретной сферой поведения. Характерные понятия, присущие каждой сфере, создавались как отдельные и почти независимые друг от друга средства анализа, а их теоретические совпадения и связи часто упускались из виду. Специализация исследований, являющаяся результатом их направленности на конкретные практические проблемы, вызванные социальными изменениями, иногда осуществлялась за счет более общего содержания теории. Внимание социологов привлекали конкретные ситуации, вводились конкретные понятия, но задача их теоретической консолидации только начала ставиться.

Хотя в нашем кратком обзоре проблем об этом результате говорится только мельком, приведенных выше примеров вполне достаточно, чтобы предположить, что они представляют собой не обособленные формы социального поведения, но конкретные проявления лежащих в их основе образцов референтно-группового поведения⁵⁵. Возможно, если специальные исследования проследят теоретические связи между этими формами поведения, они разовьют одну из тех теорий среднего уровня, которые консолидируют гипотезы, в противном случае ос-

⁵⁵ Представьте, что истории науки комментирует сопоставимую проблему теоретической консолидации в естественных и физических науках: «...среди всех форм ментальной активности наиболее сложно сформировать... искусство трактовать то же самое собрание данных, что и раньше, но поместив их в новую систему взаимосвязей и дав им новую систему координат; все это означает, что мы подвели их под своеобразную теоретическую «шапку», соответствующую данному моменту» (Н. Butterfield, *The Origins of Modern Science* (London: Bell, 1949), 1). — *Примеч. автора.*

тавшиеся бы разъединенными, и эмпирически установленные черты сходства. Широкая, более содержательная теория означала бы, что исследования, изучающие способы приспособления иммигрантов, вносят свой вклад в ту же самую теорию, которая поможет организовать дальнейшее развитие других исследований, например, факторов социальной мобильности. И эти шаги к объединению могут привести к более быстрому кумулятивному росту теории референтных групп, так как исследования в различных областях человеческого поведения начнут взаимно стимулировать и поддерживать друг друга. По крайней мере именно таково значение этого предварительного обзора концепций референтной группы, используемых в «Американском солдате».

XI. СВЯЗИ ТЕОРИИ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Понятие референтной группы формально возникло в социальной психологии. Эта наука обращает внимание прежде всего на то, какая реакция индивидов на свою межличностную и более широкую социальную среду. В результате, как только стали развиваться экспериментальные и теоретические исследования референтных групп, они сконцентрировались главным образом на том, чем детерминируется выбор индивидами своих референтных групп и каковы последствия этого выбора для личности. Однако, как время от времени указывалось в предыдущей главе, понятие референтной группы занимает также четко определенное место в социологической теории, концентрирующей свое внимание на структуре и функциях той социальной среды, в которой размещаются индивиды.

Социально-психологическая и социологическая теории референтных групп, разумеется, не имеют четких разграничений; они отчасти перекрывают, а отчасти дополняют друг друга. Но тем не менее они представляют собой разные уровни теоретического анализа, которые время от времени полезно различать с тем, чтобы выявить различия их теоретических проблем. Конечно, вполне возможно, что в конечном итоге социальная психология и социология составят одно неразрывное целое —точно так же, как и вся наука. Однако в настоящее время полезнее принимать во внимание различия между этими типами и уровнями теории, чтобы более систематически связывать их между собой. Во всяком случае, именно с этих позиций я предпринял систематическое исследование теории референтных групп уже после того, как впервые была написана предыдущая глава. В течение этого периода, занявшего примерно шесть лет, было проведено много исследований и выявлено множество пробелов в наших знаниях. Именно поэтому нижеследующие разделы группируются вокруг теоретических проблем, относящихся и к референтным группам, и к связанным с ними вопросам социальной структуры в целом.

© Перевод. Каганова З.В., 2006

Проблематика теории референтных групп

Основные понятия

Так как эта область исследований интенсивно развивается, ее основные понятия постепенно становятся все более ясными. Понятия, которые в первом приближении казались адекватными, должны получать все более точное определение благодаря накоплению результатов исследования. Когда вводятся более уточненные понятия, их часто обозначают другими терминами, чтобы зафиксировать в уме их своеобразие¹. Это постоянное уточнение основных понятий образует **одно** из современных направлений развития теории референтных групп.

Проблема 1 Уточнение понятия референтной группы

Мысль о том, что люди действуют в рамках социальных стандартов, выработанных теми группами, частью которых они являются, несомненно, возникла еще в древности и, вероятно, вполне разумна.

Если бы только это составляло предмет теории референтных групп, то она представляла бы собой просто новый термин для обозначения старой сферы интересов социологии, которая всегда концентрировала свое внимание на групповой детерминации поведения. Однако фактом является также и то, что люди, формируя свое поведение и оценки, часто ориентируются на *иные группы, чем их собственная*, и именно проблемы, связанные с этим фактом ориентации людей на группы, членами которых они не являются, имеют прямое отношение к теории референтных групп. Разумеется, в конечном итоге теория должна быть генерализована в такой мере, чтобы она смогла принять в расчет ориентацию на обе группы — как на ту, членом которой человек является, так и на ту, членом которой он не является; однако в настоящий момент ее главная задача состоит в том, чтобы исследовать процессы, благодаря которым индивиды относят себя к группам, к которым они не принадлежат.

Когда теоретические инновации — большие или малые — вводятся в сферу исследования, некоторые склонны включать их в ранее существовавшую теорию, в результате чего *явный* прогресс становится как бы размытым или совсем незаметным. Необходимость особо подчеркнуть, в каких отношениях теория референтных групп расширяет Давно установленную концепцию групповой детерминации поведе-

Прогрессирующее уточнение понятий как интегральная фаза социологическоеоретизирования было рассмотрено в главе IV. — *Примеч. автора.*

ния, стала очевидной благодаря некоторым современным попыткам подобного включения. Утверждалось, например, что, «несмотря на энтузиазм некоторых сторонников теории референтных групп, в действительности в ней нет ничего нового»². И далее: «Утверждение, что люди мыслят, чувствуют и воспринимают с позиций той группы, к которой они принадлежат, очень старо и многократно подчеркивалось всеми, кто изучал антропологию и социологию познания... В действительности понятие референтной группы вносит всего лишь небольшое уточнение в давно известную теорию...»³.

Совершенно ясно, каким образом можно прийти к заключению, будто теория референтных групп есть не *что иное*, как повтор другого представления, согласно которому мысли, чувства и восприятия человека формируются той группой(ами), в которую он входит, так что в этой теории «в действительности нет ничего нового». Для этого необходимо только признать практически целесообразным игнорирование в развивающейся теории *специфических* только для нее идей и, таким образом, идентифицировать ее с давно известными концепциями. Сделать так, чтобы новое казалось старым благодаря игнорированию нового и стремлению сосредоточиться на старом, — это отнюдь не новая практика. Однако эти рассуждения кажутся не слишком убедительными, так как их автор заключает свой обзор на эту тему признанием специфических особенностей у понятия референтных групп, которое «резюмирует ассоциации и стойкие представления и, таким образом, способствует изучению избирательности восприятий (хотя, как мы увидим, не только ее одной). Оно становится, следовательно, — добавляет он, — незаменимым инструментом для познания многообразия и динамичности того общества, в котором мы живем (хотя, по-видимому, не только его одного)»⁴. Нам остается только выяснить, действительно ли его можно описать как «незаменимый инструмент».

Проблема 1.1

Функциональные типы референтных групп

По всей предыдущей главе разбросаны многочисленные, но не систематические упоминания о некоторых функциональных типах референтных групп. О них говорится, что они обеспечивают систему

² Shibutani T., «Reference groups as perspectives», *American Journal of Sociology*, 1955, 60, 563. — *Примеч. автора.*

³ Ibid., 565. — *Примеч. автора.*

* Ibid., 569. — *Примеч. автора.*

«референтных ориентиров для самооценки и формирования своей позиции»; говорится, что существует необходимость «в систематическом изучении процесса усвоения ценностей как части референтно-группового поведения»; имеется краткий комментарий «по поводу референтно-групповых контекстов позиций, восприятий и суждений». Однако, как показали дальнейшие исследования, эти несистематизированные ссылки на имплицитно подразумеваемые типы референтно-группового поведения не заменяют продуманного и методичного упорядочивания этих типов.

Несколько опубликованных в последнее время статей были посвящены проблеме идентификации главных типов референтных групп с позиций характерных для них функций, которые они выполняют в поведении тех, кто ориентируется на них. Эти статьи⁵ совпадают между собой в главном, эксплицитно выделяя два⁶ основных типа референтных групп по тем же направлениям, которые в неявной форме были намечены в предыдущей главе: первый из них — это «нормативный тип», который устанавливает и сохраняет эталонные стандарты для индивидов, а второй — это «сравнительный тип», обеспечивающий общую систему референтных координат, относительно которой индивид оценивает себя и других. Первый тип — это источник ценностей, ассимилируемых теми, кому они предназначены (и кто может быть, но может и не быть членом группы); мы наблюдаем его, например, когда в армию приходит новое пополнение, усваивающее ценности ветеранов. Второй тип заменяет собой контекст для оценки относительного положения (и своего собственного, и положения других людей); как, например, в случаях, приведенных Дюбуа (Dubois), Ропером (Roper) и Уилксом (Wilks), где социальное значение экономического статуса соответствует экономической структуре окружающего общества. Эти два типа различаются только аналитически, так как, разумеется, одна и та же референтная группа может выполнять обе функции.

От обоих типов референтных групп следует отличать группы, идентифицированные Тернером, «члены которых просто образуют

⁵ Kelly H., «Two functions of reference groups» in: Swanson G.E., Newcomb T.M. and Hartley E.Z. (editors), *Readings in Social Psychology* (New York: Henry Holt & Co., 1952), pp. 410—414; Shibutani, op. cit; Turner R.H. «Role taking, role standpoint, and reference — group behavior», *American Journal of Sociology*, 1956, 61, pp. 316—328. — *Примеч. автора.*

⁶ Шибутани указал на якобы третий тип — группы, в которые человек стремится проникнуть. Однако, как справедливо указал Тернер, это не какой-то иной тип, ибо «острое желание быть признанным описывается (социологами) как тот механизм, который приводит к принятию ценностей и перспектив референтных групп» (Turner, *op. cit.*, 327). — *Примеч. автора.*

среду» для деятельности индивидов⁷. Эти «группы взаимодействия», как называет их Тернер, суть просто части социальной среды индивида, точно так же, как физические объекты суть части его географической среды; преследуя свои цели, он должен принимать их во внимание, но они не имеют для него нормативного или сравнительного значения.

Эти подразделения ставят перед нами ряд проблем: связан ли каждый из двух типов референтно-группового поведения с различными социальными и психологическими механизмами? Какие структурные условия в обществе усиливают или ослабляют сравнительно-референтные реакции, например, делают сравнения обидными или нет, что изучал Веблен? Зависит ли различие между группами членов и группами не-членов от того, в какой мере они выполняют специфические для них сравнительные и нормативные функции? Такого рода вопросы являются почти непосредственными следствиями различий между этими функциональными типами референтных групп.

Проблема 1.2 Понятие группы и членства в группе

Совершенно очевидно, что различие между группами членов и группами не-членов включает в себя, как мы уже видели, «проблему критериев «членства» в группе». Однако, как убедительно заметил современный критик⁸, нельзя допускать, чтобы эти критерии оставались имплицитными. Тем не менее в большинстве социологических работ, как и в предыдущем очерке, они по большей части остаются имплицитными. Одна из функций теории референтных групп состоит в том, чтобы прояснить концептуальные критерии членства в группе.

Как неоднократно указывалось на предыдущих страницах и время от времени будет указываться в дальнейшем, новый термин «референтная группа» не всегда употребляется правильно. Ибо этот термин применяется не только к группам, но также и к индивидам, и к социальным категориям. Различие между референтными группами и референтными личностями будет рассмотрено в одном из последующих разделов; здесь я постараюсь концептуально дифференцировать

⁷ Turner, *op. cit.*, 328. Я ни в коей мере не пытаюсь воспроизвести здесь в деталях весьма поучительное выделение Тернером различных видов групповой ориентации, которое до сих пор используется в общей концепции референтной группы. — *Примеч. автора.*

⁸ Kaplan N., «Reference Group Theory and Voting Behavior», Columbia University doctoral dissertation, 1955, 35—47 (unpublished). — *Примеч. автора.*

принципиально различные социологические данные, которые в настоящее время обычно относятся к референтным *группам*.

Отправным пунктом послужат краткие и неполные характеристики понятий «группа» и «членство в группе», данные в предыдущей главе.

Поскольку одним из таких критериев [членства в группе] служит частота взаимодействий, мы должны признать, что границы между группами обозначены в высшей степени нечетко. Скорее члены данных групп имеют самые разнообразные связи с другими группами, членами которых они *традиционно* не считаются, хотя у социолога может быть достаточно оснований для включения их в эти последние в силу того, что они часто взаимодействуют с теми, кто обычно считается их членами. Итак, в настоящий момент (который на самом деле растянулся на шесть календарных лет) мы оставляем в стороне вопрос о различии между социальными *группами* и социальными *категориями*, относя эти последние к устойчивым статусам, между носителями которых может быть очень немного (или вовсе не быть) взаимодействий.

Нет никаких твердо установленных границ, отделяющих внутренние группы от внешних, членские группы от не-членских. Они меняются в зависимости от изменения ситуации. По отношению к гражданским лицам или к проживающим в данной стране иностранцам военнослужащие могут рассматривать себя и рассматриваться другими в качестве членов внутренней группы; однако в другом контексте унтер-офицеры и рядовые могут рассматривать себя и рассматриваться другими в качестве отдельной группы, отличной от внешней по отношению к ней группы офицеров. Так как эти понятия носят ситуативный, а не абсолютный характер, нет ничего парадоксального в том, чтобы в одном контексте отнести офицеров к группе, внешней по отношению к унтер-офицерам и рядовым, а в другом — к членам более обширной внутренней группы, включающей в себя их всех.

На что критик резонно возражает: «Возможно, в этом нет ничего парадоксального, но мы, конечно, можем настаивать на таком эксплицитном критерии для выделения обособленной группы, как членство в группе в одном случае и отсутствие членства в другом»⁹. Однако поскольку критик Норман Каплан в дальнейшем не применяет этих критериев, возможно, полезно снова исследовать и систематизировать различные виды социальных образований, неточно обозначаемые как «группы», «социальные категории» и т.п. Некоторые из критериев, относящихся к данному вопросу, уже упоминались — правда, в несистематизированной форме — в вышеприведенных отрывках, однако в целях методологического анализа они должны быть четко выявлены. Прежде всего в общем понятно, что *социологическое* понятие

⁹ *ibid.*, 32. — *Примеч. автора.*

группы относится к некоторому количеству людей, которые взаимодействуют друг с другом в соответствии с установленными образцами¹⁰. Иногда группа определяется как некоторое количество людей, имеющих устойчивые и специфические социальные отношения. Однако оба утверждения эквивалентны, так как «социальные отношения» сами являются формами такого социального взаимодействия, которое происходит в соответствии с образцами и длится достаточно долго, чтобы стать идентифицированной частью социальной структуры. На этот единый *объективный* критерий указывала приведенная выше ссылка на «частоту взаимодействий». Можно, разумеется, считать этот единый критерий достаточным, однако если ставится цель создать такое понятие, которое было бы социологически полезным, то потребуются также и другие критерии".

Второй критерий группы, который в процитированных отрывках оставался только имплицитным, состоит в том, что взаимодействующие между собой люди *сами определяют себя* в качестве «членов», т.е. у них обычно складываются стереотипные ожидания таких форм взаимодействия, которые являются моральными обязательствами для них и для других «членов», но не для тех, кто, как считается, находится «вне» группы. В процитированных выше отрывках на этот критерий непреднамеренно указывалось при случайных ссылках на то обстоятельство, что люди «считают себя» членами группы.

Связанный с двумя первыми, третий критерий заключается в том, что люди, находящиеся во взаимодействии друг с другом, *определяются другими* как «принадлежащие к группе», причем эти другие включают как членов, так и не-членов. В случае формальных групп эти определения обычно являются эксплицитными; в случае неформальных групп они часто только молчаливо подразумеваются, обозначаясь скорее в поведении, чем в словах. Если все эти три критерия — наличие длительных, установленных на основе моральных принципов форм взаимодействия; самоопределение себя в качестве члена группы и такое же определение, но данное другими — присутствуют в полной мере, то всех тех, кто вовлечен в стабильные взаимодействия, можно четко определить как включающую их в себя группу. В своей совокупности объективный критерий взаимодействия и субъективный критерий социальных определений позволяют относительно точно отделить членов группы от тех, кто таковыми не является. Если субъективные определения туманны, то наблюдаемые социальные

¹⁰См., напр.: Homans G.C., *The Human Group* (N.Y. Harcourt, Brace and Company, 1950), 1, 82-86. - *Примеч. автора.*

¹¹Что касается широкого круга подобных критериев, см.: Sorokin P.A., *Society, Culture, and Personality* (New York: Harper & Brothers, 1947), 70 ff. — *Примеч. автора.*

взаимодействия теряют четкие очертания и возникает уже знакомый нам случай, когда социолог-наблюдатель прослеживает «групповое образование», которое отнюдь не обязательно переживается в качестве такового теми, кого он в них включает. Как уже имелось в виду, а теперь должно быть выражено словами, границы группы не обязательно являются фиксированными; они динамично изменяются в зависимости от конкретного *ситуационного контекста*. Изменившаяся ситуация может привести к значительным изменениям в степени социального взаимодействия, так что бывшие члены группы объективно могут остаться за ее пределами, даже если они не «подают в отставку» и не «выбывают по собственному желанию». Подобные изменения в степени социального взаимодействия могут сделать границы группы расплывчатыми прежде всего в тех неформальных группах, которым не хватает эксплицитных определений членства, сделанных как в форме самоопределения, так и даваемых другими людьми. Это можно считать одним из функциональных признаков неформальных групп: их стабильность отчасти зависит от этой относительной неопределенности членства. К тому же это создает *практические (не теоретические)* трудности для тех социологов, кто интересуется идентификацией членства в неформальных группах. Поэтому необходимо снова исследовать и отбросить некоторые из подразумеваемых значений терминов «член» и «не-член»; эти термины не полностью соответствуют фактам, так как, по-видимому, имеются *степени* членства, на что отчасти указывают степени социальных взаимодействий в группе. Это подразумевается в таких терминах, время от времени употребляемых социологами, как «номинальный» или «периферийный» член группы. Номинальный член группы — это тот, кто *определяется* другими как лицо, включенное в групповую систему социальных взаимодействий, но кто на самом деле перестал взаимодействовать с другими членами группы. Периферийный член группы — это тот, кто сократил взаимодействия с другими членами группы до такой степени, что лишь относительно небольшая часть его поведения контролируется ими. Изменение объективной ситуации — например, изменение пространственного распространения членов группы, входящих в ее состав в настоящее время, — может повысить долю номинальных членов по отношению к действительным членам. Точно так же ситуационные изменения могут повлиять на определения членства в группе (как самоопределения, так и определения, даваемые другими). Ибо в силу того, что взаимодействия между членами группы не одинаковы по степени, любое длящееся во времени событие, которое усиливает взаимодействие между одними и ослабляет его между другими, приводит к образованию *подгрупп*. Как подразумевает сам термин, в структурном плане подгруппы состоят из тех, кто развивает особые

взаимоотношения между собой, не разделяемые с остальными членами более обширной группы. Такие подгруппы могут возникнуть в любой группе. Силы, содействующие образованию этих дифференцированных групп, не всегда имеют отношение к культуре: например, члены группы, постоянно находящиеся в самых близкородственных отношениях, склонны к образованию обособленных подгрупп. Особые интересы, свойственные определенным статусам или слоям более обширной группы, также могут содействовать образованию подгрупп — например, в той мере, в какой *интересы* унтер-офицеров и рядовых, с одной стороны, и офицеров — с другой, не совпадают между собой и отличаются по своим паттернам. Чувства и ценности, специфические для различных статусов или слоев, составляющих данную группу, также могут срабатывать в одном и том же направлении и приводить к образованию подгрупп. Если эти три различных типа сил дифференциации будут действовать совместно, то возникнет одно из *техсоциальныхпереопределений*, на которые мы уже ссылались, когда говорили, что в некоторых случаях одна внутренняя группа может дифференцироваться и образовать как внутренние группы, так и внешние группы. «Разногласия», благодаря которым в потенциальных подгруппах кристаллизуются отличительные интересы, или чувства, или то и другое вместе, могут мобилизовать как поведение, так и установки, что в результате приводит к образованию новых групп. До тех пор, пока концептуальный язык, обычно применяемый для описания групповой структуры, будет исходить из статических условий членства в группе, — до тех пор будет казаться парадоксальным, что *одних и тех же индивидов* нужно в одних случаях описывать как членов одной группы, а в других — как членов разных (быть может, враждебных друг другу) групп. Но если признать, что состав и структура группы динамичны, что они представляют собой всего лишь концептуальные равнодействующие сил, действующих в группе, то станет ясно, что границы групп постоянно находятся в процессе объективных изменений, который регистрируется в степенях социального взаимодействия, и в процессе социального переопределения, который регистрируется в определениях членства, даваемых самим индивидом или другими людьми¹².

¹² Это общее понятие непостоянных границ членства в группе снова рассматривается в главе XIII, р. 479. Кстати, по поводу ситуационной детерминации подобных социальных переопределений имеется ироническое замечание Альберта Эйнштейна в его выступлении в Сорбонне: «Если моя теория относительности будет иметь успех, то Германия объявит меня немцем, а Франция заявит, что я — гражданин мира. Если же моя теория окажется заблуждением, то Франция скажет, что я немец, а Германия заявит, что я еврей». — *Примеч. автора.*

Проблема 1.3 Понятие не-членства

Подобно тому как понятие *членства* в группе далеко не самоочевидно и требуются эксплицитные социологические критерии, чтобы его можно было концептуально идентифицировать, точно также обстоит дело с понятием *не-членства*. Разумеется, не-члены — это те, кто не соответствует критериям членства, связанным со взаимодействиями и определениями, и, следовательно, можно было бы подумать, что определения членства вполне достаточно, чтобы определить всех остальных людей как не-членов. Но, как известно¹³, остаточные определения способны затемнять существенные черты того, что определяется только негативно¹³. Так обстоит дело и с остаточным пониманием не-членства.

Ибо категория «не-членства», если определять ее только негативно, чтобы она охватывала всех тех, кто не соответствует критериям членства, способствует затемнению основополагающих различий между разными видами не-членства — различий, которые особенно важны для теории референтных групп. В справедливости сказанного можно убедиться, если выявить, какой смысл вкладывается в важное и уже давно не применяемое понятие «полноты группы», введенное Зиммелем¹⁴. Понятие полноты относится к свойству группы, измеряемому соотношением между *потенциальными членами* (теми, кто удовлетворяет требованиям членства, установленным группой) и *действительными членами*. Профсоюзы, профессиональные ассоциации, группы выпускников учебных заведений — таковы только самые заметные примеры организаций, отличающихся разными степенями полноты.

Как справедливо подчеркивает Зиммель, полноту группы следует четко отличать от ее величины. В сущности, это означает, что группы, имеющие одну и ту же абсолютную величину (измеряемую числом членов), могут принципиально отличаться друг от друга по степени полноты (измеряемой соотношением потенциальных и действительных членов). Соответственно, это означает, что группы, имеющие одну и ту же абсолютную величину, могут резко отличаться друг от друга по степени *социальной силы* в зависимости от того, охватывают ли они всех потенциальных членов или какую-то их часть. Признание связи между полнотой и силой служит, конечно, одной из главных причин

¹³ Что касается убедительных соображений по поводу самой идеи остаточных категорий, см.: Parsons T., *The Structure of Social Action*, pp. 16—20, 192. — *Примеч. автора.*

¹⁴ *The Sociology of Georg Simmel* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1950). Translated and ed. by Wolf K.H. - p. 95. - *Примеч. автора.*

того, почему ассоциации, имеющие партикулярный статус, стремятся максимально расширить свой членский состав с тем, чтобы включить как можно больше потенциальных членов. Чем полнее данная группа, тем больше ее сила и влияние.

Этот краткий анализ понятия полноты только на первый взгляд выглядит отступлением от нового исследования понятий членства и не-членства в группе. Ибо понятие полноты подразумевает — и, по-видимому, это интуитивно почувствовал Зиммель, — что имеются четко выраженные, различные по своей структуре *типы не-членов* группы. Не-члены не образуют единой, гомогенной социальной категории. Модели их отношений с группой, членами которой они не являются, различны. Именно это, по-видимому, имеет в виду Зиммель, когда замечает, что «человек, который в идеале, так сказать, принадлежит к группе, но остается вне ее, позитивно наносит ей вред просто своей индифферентностью, своим неприсоединением. Это не-членство может принимать форму конкуренции, как в случае объединений рабочих; или же оно может продемонстрировать чужаку пределы власти, которой обладает группа; оно может также нанести ущерб группе в силу того, что она не может даже конституироваться, если *все* потенциальные кандидаты не станут ее членами, как в случае определенных промышленных картелей»¹⁵.

1. *Правомерность и неправомерность членства.* Здесь намечается первый признак, по которому может быть проведена последующая детализация остаточной категории не-членства; не-членов, которые не имеют права на членство, можно с успехом отличать от тех, кто имеет право на членство, но продолжает оставаться вне группы. Различие между теми не-членами, которые имеют право на вступление в группу, и теми, кто этого права не имеет, может пролить свет на то, при каких условиях не-члены скорее всего начнут позитивно ориентироваться на групповые нормы. При прочих равных критериях не-членства (которые мы рассмотрим здесь же) те не-члены, которые имеют право на членство, по-видимому, более склонны принять групповые нормы в качестве позитивных рекомендаций для себя.

Признаки правомерности и неправомерности обеспечивают только одно основание для дальнейшей детализации остаточной концепции не-членства. Однако можно систематически идентифицировать и связать с разными моделями референтно-группового поведения по крайней мере три других комплекса признаков.

2. *Отношение к тому, чтобы стать членом группы.* Не-члены различаются также своим отношением к вступлению в члены группы: а) некоторые могут стремиться стать членами группы; б) другие могут

¹⁵Ibid., p. 95. — Примеч. автора.

относиться к этому индифферентно; в) у всех остальных могут быть какие-либо мотивы, чтобы не присоединяться к группе. Теория референтных групп, разумеется, интегрировала в себя первый из этих мотивационных подходов к членству в группе, так как он представляет собой механизм, содействующий позитивной ориентации не-членов на групповые нормы. Вся предыдущая глава — это одно из многих исследований, специально изучающих «индивидов, которые принимают ценности, существующие в той группе, в которую они стремятся, но к которой не принадлежат»¹⁶.

Объединив оба признака — определяемый группой статус правомерности не-членов и определяемое самими не-членами отношение к своему вступлению в группу, — можно установить весь спектр идентифицируемых типов психосоциального отношения не-членов к соответствующим группам. Таким образом, становится очевидным, что не-члены, стремящиеся, чтобы их приняли в группу, составляют только один из нескольких различных типов не-членов.

Отношение не-членов к членству	Определяемый групповой статус не-членов	
	Имеют право на	Не имеют права на
Стремятся вступить	Кандидаты на вступление в число членов	Маргиналы
Безразличны к	Потенциальные члены	Далекие от группы не-члены
Имеют мотивы не вступать	Не-члены, не имеющие никакого отношения к группе	Не-члены — антагонисты

В предыдущей главе, представляющей собой как бы вольное изложение теории референтных групп, были определены только некоторые из этих четко различающихся типов не-членов. Судя по всем показателям, выполненная в ней идентификация типов была неполной и в высшей степени избирательной, потому что она основывалась на непосредственных описаниях наблюдаемых образцов поведения, а не была выведена аналитически из различных комбинаций определенных признаков, характеризующих отношение не-членов

¹⁶ См. краткое обсуждение этого вопроса. Действительно, Музафер Шериф и Кэролайн Шериф делают этот признак интегральной частью своего определения референтной группы: «Это группы, частью которых считает себя индивид или к которому он стремится отнести себя психологически». См.: Sherif M., Sherif C.W., *Groups in "voluntary and Tension"* (New York: Harper & Brothers, 1953), p. 161. — *Примеч. автора.*

к соответствующим группам. Как было замечено выше, первый из этих типов — индивиды, стремящиеся вступить в группу, членами которой они пока еще не являются, — стал предметом специального изучения именно в теории референтных групп. Однако, как имелось в виду в этом более раннем исследовании и вновь подтверждается последующей парадигмой, те, кто стремится стать членами группы, подразделяются на два существенно различающихся типа в зависимости от определяемых группой критериев правомерности членства. Они различаются структурно, по своему положению, а значит, по функциональным и дисфункциональным последствиям своей заинтересованности в ожидаемой ими социализации, которая должна произойти благодаря усвоению ценностей той группы, в которую они стремятся, но к которой не принадлежат¹⁷.

Претендент, имеющий право стать членом группы (он был идентифицирован как «кандидат» в члены), имеет мотивы для того, чтобы выбрать группу не-членов в качестве своей референтной группы и в то же время способен получить от нее вознаграждение за это. Претендент, не имеющий права на членство, но тем не менее заинтересованный в этой ожидаемой им социализации, становится маргиналом, который может быть отвергнут группой, членом которой он является, за то, что он отказывается от ее ценностей, и не способен получить признание в той группе, в которую он стремится вступить. Второй большой класс не-членов — это те, кто совершенно индифферентны к перспективе своего членства в группе; он состоит из лиц, которые вообще не ориентируются на группу, о которой идет речь. Они находятся абсолютно вне ее притяжения. Она не имеет никакого отношения к их референтным группам. Тем не менее этот тип тоже можно с пользой подразделить на тех, кто имеет право на членство и, следовательно, может иметь какое-то отношение к группе, которая, возможно, попытается вовлечь их в сферу своего притяжения, и на индифферентных не-членов, не имеющих права на членство, которых Тернер описал просто как среду для деятельности группы¹⁸.

Как мы вскоре увидим, эти два типа не-членов имеют разный статус в зависимости от того, стремится ли данная группа стать полной, насколько это возможно, или нет.

" Аналогичные типы на том же основании были разработаны Леонардом Брумом. См.: Broom L., «Toward a cumulative social science», (Research Studies of the State College of Washington, 1951), 29, pp. 67—75. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Это — адаптация концепции, выдвинутой Тернером и изложенной в самом начале главы. Тернер обращает наше внимание на такие группы, которые просто образуют среду для тех, кто в них не входит; здесь же мы рассматриваем соответственно тип не-членов, образующих среду для тех групп, которые не усматривают в них своих перспективных членов. — *Примеч. автора.*

Третий класс не-членов, напротив, ориентирован на группу, о которой идет речь, но имеет самые разнообразные мотивы, чтобы не стремиться к членству в ней. Не-члены, активно избегающие членства, на которое они имеют право, — это те, к кому, по словам Зиммеля, применим афоризм: «Кто не с нами, тот против нас»¹⁹. При этом Зиммель также имел в виду, что индивиды, имеющие право на членство в группе и в то же время резко отвергающие его, в некоторых отношениях представляют для группы большую угрозу, чем антагонисты, которые ни в коем случае не могли бы стать ее членами. Отказ от вступления в группу со стороны тех, кто имеет на это право, служит символом как относительной слабости группы (подчеркивая неполноту членского состава), так и относительной сомнительности ее норм и ценностей, которые не принимаются теми, кому они в принципе адресованы. Для тех, кто не вступает в группу, руководствуясь обоими этими мотивами, группа становится (или легко может стать) *негативной* референтной группой, как мы увидим в следующем разделе, где речь идет об этом типе групп.

Комбинированный анализ признаков правомерности, неправомерности и отношения к членству в соответствующей группе, таким образом, позволяет дифференцировать различные типы нечленства, а не исходить из того, будто все не-члены составляют единое целое. В свою очередь, каждый из этих типов не-членов способен проявлять различные образцы референтно-группового поведения по отношению к тем референтным группам, к которым они не принадлежат. Это позволяет предварительно выделить среди не-членов тех, кто имеет позитивную ориентацию по отношению к группе; кто относится к ней негативно; наконец, обширную и важную категорию не-членов, которые никак к ней не относятся и для кого, иными словами, группа, о которой идет речь, не является референтной группой.

Чтобы дать структурную и психологическую классификацию различных установок по отношению к группам не-членов, следует принять во внимание по крайней мере еще два дополнительных ряда признаков. К ним относятся: наличие или отсутствие интереса со стороны группы к тем, кто вступает в нее по праву; различие между теми не-членами, кто уже был членами групп, и теми, кто никогда в ней не состоял.

3. *Открытые и закрытые группы.* Подобно тому как индивиды по-разному относятся к своему вступлению в конкретные группы, так и группы по-разному относятся к расширению или ограничению свое-

¹⁹ Simmel, *op. cit.*, 95. — Примеч. автора.

го состава. Группы, как и социальные структуры вообще, могут быть, так сказать, сравнительно открытыми или сравнительно закрытыми, что уже давно было замечено социологической теорией²⁰.

В данном случае исходный пункт тоже намечен Зиммелем, Не все группы стремятся расширить свой членский состав; некоторые из них, напротив, организованы таким образом, чтобы ограничивать число своих членов, вплоть до исключения тех, кто формально сохраняет право оставаться их членом. Это особенно относится к элитам — как самоконституирующимся, так и социально признанным. Эта политика исключения определяется *не только* сохранением престижа и могущества группы, хотя в конкретных случаях эти соображения могут в ней присутствовать. Зиммель приходит к выводу, что она может определяться также структурными требованиями к элите, которая должна оставаться сравнительно небольшой, чтобы поддерживать сложившиеся социальные отношения²¹. Легкодоступное расширение членского состава может также снизить символическую цену приема в члены группы, так как он становится доступным многим другим. По этим и иным структурным и эгоистическим соображениям некоторые группы остаются относительно закрытыми.

По тем же самым формальным соображениям группы другого типа стремятся быть относительно открытыми и охотно расширяют свой

²⁰ Что касается более или менее современных формулировок, см.: Sorokin, *op. cit.*, p.175. «Соотношение сравнительно открытых или закрытых по своему характеру социальных структур» с референтно-групповым поведением и его следствиями рассматривается в предыдущей главе, но вне систематической связи с другими атрибутами не-членов и их групп. Следует также особо оговорить, что не только социальные классы можно рассматривать как в той или иной мере открытые или закрытые системы, но и любые группы и социальные категории. — *Примеч. автора.*

²¹ Наблюдение Зиммеля звучит следующим образом: «Таким образом, тенденция максимального ограничения численности... существует не только вследствие эгоистического нежелания разделить с кем-то свое правящее положение, но и благодаря инстинктивному пониманию <букв: чувственному познанию> того, что условия жизни, свойственные аристократии, можно сохранить только в том случае, если число ее членов невелико — как относительно, так и абсолютно... <При некоторых условиях> не остается ничего иного, как начать проводить жесткую линию против всякой экспансии и преградить доступ в эту количественно замкнутую группу для любых внешних элементов, которые, возможно, хотели бы проникнуть в нее — независимо от того, имеют ли они право на это. Аристократия часто начинает осознавать свою собственную природу только в этой ситуации, когда ее солидарность усиливается перед лицом возможной экспансии». Simmel, *op. cit.*, pp. 90—91 *<italics supplied>*. Стоит ли говорить, что, признавая, таким образом, структурное требование относительной замкнутости для элиты, Зиммель не оправдывает политику исключения? — *Примеч. автора.*

членский состав. Например, политические партии в демократических политических системах²², профсоюзы и некоторые религиозные объединения структурно-функционально организованы таким образом, что они всегда стремятся максимально увеличить число своих членов. Организации, принимающие новых членов, разумеется, не ограничены сферами политики или религии; их можно обнаружить в самых различных институциональных сферах. Подобные открытые организации стремятся и объединить своих членов в группы, и стать референтными группами для всех тех, кто формально соответствует их критериям правомерности. В некоторых случаях эти критерии можно с успехом применять не очень жестко, чтобы увеличить число не-членов, которых можно принять в данную группу, создавая тем самым возможность возникновения знакомого конфликта между «высокими стандартами приема» и «большим числом членов»²³.

К тому же в зависимости от открытого или закрытого характера группы варьирует и отношение к ней как к референтной группе со стороны не-членов. На этом основании в предыдущей главе было высказано предположение о том, что группы не-членов будут восприняты в качестве референтных групп скорее всего в тех социальных системах, которые обладают высокой социальной мобильностью, а не в относительно замкнутых системах. Именно структурный контекст мобильности определяет, будут ли ожидания не-членов играть для них роль функций или дисфункций. В открытой системе позитивная установка групп не-членов чаще будет вознаграждена их последующим включением в группу; в закрытой системе она скорее всего окончится разбитыми планами и маргинальным статусом. Благодаря этой более или менее явно выраженной системе стандартизированных поощрений и наказаний открытая система содействует усилению пози-

²² Подобный характер политические партии имеют не во всех политических системах. С социологической точки зрения, ленинская большевистская доктрина отстаивала закрытый элитарный принцип ограничения членства в партии дисциплинированными и идейными профессиональными революционерами, в противоположность меньшевистской доктрине Мартова и Троцкого, которая отстаивала открытый, массовый принцип членства. В различных институциональных сферах многие организации пытались сочетать «открытый» и «закрытый» принципы, чтобы под всевозможными структурными предлогами стратифицировать своих членов. — *Примеч. автора.*

²³ Этот конфликт в сфере социальной организации служит аналогом столь же знакомого конфликта в сфере поп-культуры и массовых коммуникаций. Цель максимального расширения аудитории — «массовый принцип популярности» — вступает в конфликт с целью сохранения «высоких стандартов» произведений культуры — «элитарным принципом хорошего вкуса». Любопытно, что те же самые люди, которые отвергают элитарный принцип организации, часто отстаивают его в поп-культуре. — *Примеч. автора.*

тивной ориентации на группы не-членов, а закрытая система — ее ослаблению²⁴.

4. *Временные перспективы не-членства: бывшие члены и посторонние не-члены.* Подобно другим социологическим понятиям, связанным со статусом, понятие не-членства обычно конструировалось статически, с позиций *нынешнего* статуса индивида. И, как и в других подобных случаях, требуется некоторое умственное усилие, чтобы уйти от этого статического контекста и включить в концептуальную схему «то, что знает каждый», а именно, что не только нынешний статус индивида, но и история всех его прежних статусов оказывает воздействие на его поведение в настоящем и в будущем. Таким образом, лишь с недавних пор социологические исследования различных типов классового поведения стали систематически, а не спорадически выявлять различия у индивидов, которые в настоящее время принадлежат к одному и тому же социальному классу, — различия, определяемые прошлой историей их классового статуса; при этом, как можно было ожидать, обнаружились серьезные различия в референтно-групповом поведении в зависимости оттого, как менялось классовое положение индивида — характеризовалось ли оно мобильностью (в сторону повышения или понижения) или же оставалось неизменным²⁵. Изучение дружбы как социального процесса тоже выявило различия у тех людей, которые в какой-то момент исследования оказались в одной и той же категории (например, в качестве друзей-единомышленников), но тем не менее в более ранний период исследования различались своими взаимоотношениями и ценностями. Тем самым (мы получаем) возможность связать подобные прошлые различия с вероятностью определенных отношений этих людей в какой-то иной, более поздний момент наблюдений²⁶. Подобным же образом можно предложить динамическую концепцию не-членства, принимая во внимание прошлую историю членства и проводя различие между теми, кто некогда уже входил в состав группы, и теми, кто никогда не был ее членом. Как мы видели, не-члены уже рассматривались в динамике,

²⁴ В этой связи см. раздел «Теория референтных групп и социальная мобильность» в предыдущей главе. — *Примеч. автора.*

²⁵ Bettelheim B., Janowitz M., *The Dynamics of Prejudice* (New York: Harper & Brothers, 1950); Greenblum J., Pearlman L.I., *Vertical mobility and prejudice: a socio — psychological analysis*. — In: *Class, Status and Power*. Editors Bendix R., Upset S.M. (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1953), pp. 480—491. — *Примеч. автора.*

²⁶ Lazarsfeld P.F. and Merton R.K., «Friendship as social process: a substantive and methodological analysis», In: *Freedom and Control in Modern Society*. Eds. Berger M., Abel T. And Page Ch. H. (New York: D. Van Nostrand Company, 1954), pp. 18—56. Что касается более широкого применения этого анализа, см. статью: Rilev J.W. Jr. and Rilev M.W., «The study of psychological mechanism in sociological research». — *Примеч. автора.*

сточки зрения их установок на будущее, например, те из них, кто стремится стать членом группы. Но они еще не рассматривались с точки зрения структурной динамики, интересующейся их прошлыми отношениями в группе. Тем не менее кажется вполне правдоподобным, что бывшие члены группы должны отличаться по своему референтно-групповому поведению от других не-членов, никогда не входивших в состав группы.

Можно предположить, что членство в группе, сопровождавшееся глубоко укоренившимися привязанностями и чувствами, нельзя отвергать легко, без психологических последствий. Иными словами, можно утверждать, что бывшие члены группы, которая имела для них большое значение, будут испытывать к ней амбивалентное отношение, а не полное безразличие. Разумеется, многочисленные структурные условия могут сгладить и даже совсем элиминировать эту амбивалентность; например, полное пространственное и социальное отделение от группы может свести на нет обстоятельства, при которых она сохраняет свою значимость для бывших членов. На языке нашей классификации позиций «не-членов по отношению к членству» это означает, что бывшие члены скорее склонны не вступать в группу, а не просто безразличны к вступлению. Группа сохраняет точно такое же отношение к ним, потому что они отчуждены от нее; следовательно, она скорее всего станет негативной референтной группой.

Сосредоточив свое внимание на особом виде не-членов — тех, кто некогда был членом группы, имевшей для них большое значение, — мы получаем возможность связать понятие негативной референтной группы (вскоре мы рассмотрим его подробно) с анализом отклоняющегося поведения и социального контроля, выполненным Парсонсом. Как указывает Парсонс,

«можно полагать, что отчуждение *всегда* есть часть амбивалентной мотивационной структуры, тогда как к конформизму это не относится. Там, где больше нет *никакой* привязанности к объекту и/или отсутствует интериоризация нормативных образцов, там возникает не отчужденность, а *безразличие*. И социальный объект, и образец становятся только нейтральными ситуативными объектами и больше не являются тем центром, на котором фокусируются основные потребности личности. В таком случае конфликт разрешается полностью — старый объект заменяется новым, потребности подавляются или угасают и/или интериоризуется новый нормативный образец»²⁷.

²⁷ Parsons T., *The Social System*, p. 254. Ср. с обсуждением процессов отчуждения в "Редьдущей главе данного тома, с. 323—325. — Примеч. автора.

Однако настоящей привязанности к своей бывшей группе возникать не должно, и обычно она не возникает. Здесь мы имеем именно тот случай, когда бывшие члены группы часто превращают ее в негативную референтную группу, по отношению к которой они скорее испытывают чувства *зависимости и враждебности*, чем просто безразличия. Ибо именно в силу того, что утрата членства или отказ от него не уничтожает былой привязанности к группе, результатом скорее всего будет амбивалентность, а не безразличие. Становится возможным то, что Парсонс называет «вынужденным отчуждением», в данном случае — постоянный и жесткий отказ от норм отвергнутой группы²⁸.

Таким образом, амбивалентный бывший член группы имеет двойную ориентацию: с одной стороны, он подыскивает новую группу, заменяющую прежнюю, с другой — сохраняет былую привязанность к своей прежней группе. Это может объяснить часто отмечаемую у таких людей тенденцию проявлять более сильную привязанность к своей новой группе по сравнению с ее прирожденными членами и, соответственно, более сильную враждебность к своей старой группе по сравнению со своими новыми союзниками. Майкле (Michels) — один из многих, у кого сложилось впечатление, что «ренегат» и более предан своей новой группе, и более враждебен по отношению к группе, которую он оставил, чем люди, традиционно входящие в состав его новой группы. По его мнению, революционер, имеющий буржуазное происхождение, гораздо яростнее выступает против буржуазии, чем его товарищи-революционеры, имеющие пролетарское происхождение. Если бы это впечатление получило эмпирическое подтверждение, то явление членства и референтно-групповое поведение, которое мы здесь исследуем, возможно, помогли бы объяснить эффект двойного усиления, своеобразную форму реагирования, при которой идентификация с новым сопровождается отказом от старого, причем и то и другое получает непропорционально сильное выражение.

Соответственно, поведение отвергнутой группы по отношению к своему бывшему члену проявляет тенденцию к большей враждебности и озлобленности, чем по отношению к тем людям, которые всегда были членами его новой группы, или по отношению к тем, кто ни-

28 -j-от тип амбивалентности, в котором доминирует компонент отчуждения, описывается Парсонсом следующим образом: «...то обстоятельство, что преданность другим (личностям или группе) и нормативному образцу все еще является фундаментальной потребностью, означает, что человек должен защищать себя и не выражать эту потребность явно. Следовательно, он должен не только выражать свои негативные реакции, но и быть при этом абсолютно уверенным, что элемент конформизма не одержит верх и не вынудит его снова подавлять свой негативизм. Поэтому отказ личности послушно сообразовываться с ожиданиями других становится неизбежным» (ibid., p. 255). — *Примеч. автора.*

когда не входил в состав его старой группы, хотя имел на это право. Здесь мы тоже имеем двойной эффект. С одной стороны, он определяется тем, что возникает угроза групповым ценностям, которые отвергаются теми людьми, кто раньше их принимал, так как тем самым подразумевается, что прежние члены группы подвергли эти ценности проверке и обнаружили их недостаточность. Символически это наносит больший ущерб, чем оппозиция этим ценностям со стороны членов иных групп, которые никогда не жили в соответствии с ними. Этот последний случай группа может объяснить полным неведением, но такое объяснение вряд ли уместно по отношению к ее бывшим членам. С другой стороны, принятие бывшим членом старой группы ценностей его новой группы может быть воспринято как символ слабой лояльности членов отвергнутой группы по отношению к этой последней. Если это произошло один раз, то может произойти снова. Таким образом, отчуждающий себя от группы ее бывший член становится живым символом как низкого качества групповых ценностей, так и низкого уровня лояльности ее членов.

Не будет слишком большим преувеличением предположить, что в нашем обыденном языке регистрируется это пристрастное отношение группы к тем, кто отказался быть ее членом. Приведем довольно широкий спектр эмоционально окрашенных терминов, обозначающих бывших членов группы: ренегат, отступник, перебежчик, еретик, предатель, раскольник, дезертир и т.п.; в обыденном языке трудно отыскать нейтральные термины, обозначающие те же самые явления. Оскорбительный оттенок, свойственный этим терминам, обычно сказывается на последующем отношении к группе того из ее членов, кто ее покинул. Ренегат не только отрекается от групповых норм и от членства в группе, но и становится в оппозицию к ней. Отступник заменяет веру, которую он исповедовал ранее, другими верованиями, которые с точки зрения его бывшей группы являются гораздо менее возвышенными. Перебежчик сочетает в себе и ренегатство, и отступничество, так как он становится изменником не по внутреннему убеждению, а в расчете на выгоду. Но какой бы позорный смысл ни вкладывался в эти эпитеты, любой из них подразумевает, что отказ от ориентации на прежнюю группу дается слишком нелегко, чтобы она стала безразличной для своего бывшего члена. Подобно тому как новообращенный роялист всегда больший роялист, чем сам король, так и бывший роялист — это всегда больший республиканец, чем урожденный и чистокровный простолюдин²⁹. Систематические эмпирические исследо-

²⁹ Обширный материал, подтверждающий эту схему, можно найти в современной истории, а именно в поведении многих бывших коммунистов, превратившихся в американских патриотов, и немногих бывших патриотов, ставших коммунистами. Для

вания референтно-группового поведения этих двух видов не-членов еще только предстоят. Но, по-видимому, имеется много теоретических соображений, подтверждающих предположение о том, что отношение к группам не-членов будет существенно отличаться у тех, кто когда-то входил в их состав, и у тех, кто никогда не был их членами. Однако если понятие не-членства не будет конкретизировано именно с этой точки зрения, то эту проблему вряд ли можно будет сформулировать. Этого предварительного очерка атрибутов не-членства, возможно, вполне достаточно для того, чтобы установить, что понимание не-членства как остаточной, имплицитно считающейся гомогенной категории было бы теоретически неадекватно. Не-члены отличаются друг от друга: правомерностью своего членства в данной группе; своим отношением к тому, чтобы стать ее членами; открытостью или закрытостью группы для тех, кто формально имеет право стать ее членами; своим ранее существовавшим статусом относительно той группы, членами которой они в настоящее время не являются. Если эти атрибуты, взятые в совокупности, отличаются друг от друга, то отличается социальная роль и психологическая ситуация не-членов, а вместе с тем, как можно предположить, и их отношение к той референтной группе, в которую они не входят.

Проблема 1.4 Понятия внутренней и внешней группы

Из приведенного выше обзора с полной очевидностью следует, что понятие членской группы не тождественно понятию внутренней группы, а группы, состоящей из не-членов, — понятию внешней группы, хотя Уильям Самнер, по-видимому, думал по-другому, когда впервые вводил понятия внутренней и внешней группы. В начале своей работы он применяет их к первобытному обществу, но в конце (говорит почти то же самое и о более сложных обществах:

...дифференциация возникает между нами и своими, составляющими внутреннюю группу, и всеми остальными, или группами, состоящими из «чужих» (внешними группами). Отношение друг к другу у тех, кто составляет группу «своих», — это отношение мира, правопорядка, управления и производства. Их отношение ко всем аутсайдерам, или «чужим», — это отношение войны и грабежа, если только они не придут к соглашению...

дополнительного изучения этого явления следует обратиться к работе: Almond G.A. et al. *The Appeals of Communism* (Princeton: Princeton University Press, 1954); что касается этих типов, см.: Coser L., *The Functions of Social Conflict* (Glencoe: The Free Press, 1956), pp. 67—72. — *Примеч. автора.*

Отношения товарищества и мира в группе «своих» и враждебность и воинственность по отношению к группам «чужих» связаны между собой коррелятивно... Преданность группе, готовность идти на жертвы ради нее — и ненависть и презрение по отношению к аутсайдерам; отношения братства внутри и воинственность, направленная вовне, — все это произрастает совместно, все представляет собой продукт одной и той же ситуации»³⁰.

Руководствуясь этими соображениями, мы, социологи, привыкли повторять, а не осмысливать тезис Самнера. Вместо того чтобы рассматривать внутреннюю группу как такую разновидность членской группы, которая характеризуется внутренней сплоченностью и направленной вовне враждебностью, на практике мы стали допускать, вдохновляясь при этом неопределенными формулировками Самнера, что все группы членов проявляют отличительные признаки внутренней группы. Эта практика существовала не только у социологов. Всеми принималось заданное, что сплоченность внутри группы усиливает враждебность к тем, кто в нее не входит, и наоборот, так что возникает своего рода кумулятивное спиралевидное сочетание внутренней сплоченности с враждебностью, направленной вовне. На первый взгляд и с самой общей точки зрения, со многим в этой концепции можно согласиться. Сильный национализм, как свидетельствует история и многократно подтверждает современная жизнь, обычно сопровождается враждебностью по отношению к другим национальным сообществам. Нападения извне или угроза таких нападения только усиливают внутреннюю сплоченность и подготавливают стадию еще большей враждебности по отношению к посторонним. Случаи, подтверждающие эту модель группового взаимодействия, слишком многочисленны и слишком хорошо известны, чтобы ее можно было отрицать. Однако можно усомниться — и мы действительно сомневаемся — в том, что это *единственная* модель, характеризующая связь между внутренней сплоченностью группы и ее внешними отношениями, а зна-

³⁰ Sumner W.G., *Folkways*, pp. 12—13 *<italics supplied>* Самнер говорит об «этноцентризме» как о техническом обозначении такой точки зрения, при которой наша собственная группа — это центр всего происходящего, а все остальное *соизмеряется с ней*; здесь мы сталкиваемся с ранним, еще не разработанным систематически предвосхищением функции самооценки референтных групп, даже в области терминологии. Он определяет патриотизм как «преданность той гражданской группе, к которой человек принадлежит по рождению или в силу других групповых связей», а шовинизм — как название для «хвастливого и агрессивного самоутверждения». Он считает, что все это — отличительные признаки одной и той же модели: товарищества во внутренней Тупце и враждебности по отношению к внешней группе, причем и то и другое усиливается и угасает синхронно. — *Примеч. автора.*

чит, и в том, всегда ли членские группы действуют по схеме, описанной Самнером.

Оказывается, это не логическая, а реальная проблема. Ибо, как уже указывалось выше, многие допускают, что с точки зрения своих членов все группы — это «внутренние группы», из чего следует, что группы членов, как правило, проявляют поведенческий синдром Самнера. Однако исследования показывают, что это не так³¹.

Опираясь лишь на самые примитивные психологические концепции, Самнер слишком быстро и без всяких на то оснований пришел к выводу, что глубокая преданность одной группе порождает антипатию (или по крайней мере индифферентное отношение) к другим группам. Исходя из эволюционной традиции в социальном мышлении, которая особо подчеркивала, что в обществе, так же как в природе, происходит борьба не на жизнь, а на смерть, Самнер описал хотя и важный, но специфический случай, придав ему при этом значение общего правила. Он допустил — и с тех пор это допущение многократно повторялось как твердо установленная истина, — что сильная преданность группе с необходимостью порождает враждебность по отношению ко всем, кто находится вне ее.

Теория референтных групп, которая *систематически* принимает в расчет *позитивную* ориентацию на группы не-членов, может внести серьезные коррективы в это поспешное и слишком узкое заключение. Внутренние и внешние группы часто являются подгруппами более обширной социальной организации, а потенциально дело всегда обстоит именно таким образом, так как новая социальная интеграция может объединить в единое целое ранее разделенные группы. Мы уже упоминали о структурных и ситуационных условиях, содействующих образованию подгрупп. Точно так же мы можем при определенных условиях обнаружить тенденцию к межгрупповой интеграции. Не социальная действительность, а наша собственная социально обусловленная невнимательность вынуждает некоторых из нас сосредоточиться исключительно на процессах социальной дифференциации и при этом пренебречь процессами социальной консолидации. Теория референтных групп рассматривает оба типа социальных процессов.

³¹ Мертон, Вест и Яхода доказывают, что модель «внутренняя сплоченность — враждебность вовне» — только одна из нескольких моделей, характеризующих отношения группы членов с другими группами. Это подтверждается простым наблюдением, но твердолобая концептуальность и смысловые связи с понятием внутренней группы обычно затемняли этот легко наблюдаемый факт. См.: Merton, West and Jahoda, *Patterns of Social Life*, Chapter 8. — *Примеч. автора.*

*Проблема 1.5 Понятия группы,
коллектива и социальной категории*

Термин «группа» часто употреблялся слишком расширительно, и не только в теории референтных групп, обозначая большое количество людей, между которыми нет никакого социального взаимодействия, хотя они и разделяют общие для них социальные нормы. Это свободное словоупотребление мы обнаруживаем, например, в выражении «национальная группа», когда оно обозначает всех, кто составляет данную нацию (в отличие от более правильного использования этих слов, когда они применяются к ассоциациям, члены которых имеют одинаковую национальность). Не удовлетворяя критерию социального взаимодействия, эти социальные структуры должны концептуально и терминологически отличаться от групп. После того как появились работы Леопольда фон Визе и Говарда Беккера, Флориана Знанецкого и Толкотта Парсонса, их можно обозначить как «*коллективы*»¹², то есть как людей, которые испытывают друг к другу чувство солидарности в силу того, что они разделяют общие для них ценности, и которые приобрели связанные с этим чувством моральные обязательства, необходимые для исполнения ими ролевых ожиданий. Разумеется, все группы являются коллективами, но коллективы, которым недостает критерия взаимодействия между их членами, не являются группами. Нельзя также рассматривать различие между ними чисто таксономически: социальный контроль в группах и в других коллективах действует по-разному вследствие различий, существующих в системах взаимодействия. Кроме того, коллективы — это потенциальный источник возникновения групп: общий фонд ценностей может способствовать тому, что между различными частями коллектива установятся социальные взаимодействия. *Социальные категории* отличаются и от групп, и от коллективов. Согласно определению, которое мы дали в предыдущей главе, социальные категории — это совокупности социальных статусов, носители которых не имеют социальных взаимодействий между собой. Они имеют одинаковые социальные характеристики — пол, возраст, состояние — в браке, доход и т.д., — но не обязательно ориентируются на специфический, *общий* для них комплекс норм³³. Имея одинаковые статусы, а следовательно, *сходные* интересы и ценности, социальные категории могут превратиться

¹² Wiese (von) L. and Becker H., *Systematic Sociology*, Ch. XLII; Znaniecki F., *Social Actions*. (N.Y.: Farrar & Rinehart, 1936), pp. 364—365; Parsons, *The Social System*, pp. 41, 77—78. — *Примеч. автора*.

³³ Что касается различия между «одинаковым» и «общим», см.: Mac Iver R.M. and Page C.H., *Society* (N.Y.: Rinehart and Company, 1949), pp. 32—33. — *Примеч. автора*.

в коллективы или группы. Если члены одной и той же категории действуют в качестве группы, то их можно рассматривать *как группированных* (даже в том случае, когда равенство членов группы ограничивается таким параметром, как равенство по возрасту). Таким образом, это исследование показало, что понятие референтной «группы» в недифференцированной форме включает в себя принципиально различные социальные образования — группы членов и не-членов, коллективы и социальные категории. Остается понять, различается ли референтно-групповое поведение, когда в качестве системы референтных координат берется какой-либо один из этих типов социальных образований. Во всяком случае, как мы убедимся, такая постановка вопроса позволяет понять, каким образом социальная структура влияет на выбор индивидом в качестве своей референтной группы других людей, с которыми он имеет реальные связи, и каким образом в отсутствие таких непосредственных связей она содействует выбору в качестве референтной группы одного из коллективов или какой-либо социальной категории.

Проблема 1.6 Позитивные и негативные референтные группы

Исследуя типы не-членов, мы вскользь заметили, что для некоторых из них характерно амбивалентное отношение к тем группам, членами которых они когда-то состояли. Но не только группы не-членов действуют в качестве негативных референтных групп; то же самое можно сказать и о группах членов. Не далее как в 1943 г. Ньюкомб в своем классическом исследовании ассимиляции ценностей студентами колледжа³⁴ указал, что нормы референтных групп могут быть отвергнуты, и, соответственно, предложил различать (скорее в аналитическом плане) позитивные и негативные референтные группы³⁵. Позитивный тип включает в себя мотивированную ассимиляцию групповых норм или стандартов в качестве базиса для самооценки; негативный тип включает в себя мотивированный отказ, то есть не только неприятие норм, но и выработку контрнорм.

В изучении референтных групп проявилась четко выраженная тенденция — концентрировать внимание на тех группах, чьи нормы и ценности *принимаются* теми, кому они предназначены. Соответственно

³⁴ Newcomb T.M., *Personality and Social Change* (N.Y.: Dryden Press, 1943). — *Примеч. автора*.

³⁵ Newcomb T.M., *Social Psychology* (N.Y.: Dryden Press, 1950), p. 227; а также анализ взглядов Ньюкома в кн.: (Sherif M., *An Outline of Social Psychology* (New York: Hafner & Brothers, 1948), pp. 139—155). — *Примеч. автора*.

понятию негативной референтной группы еще только предстоит привлечь внимание исследователей. Однако скорее всего оно обещает консолидировать широкий спектр социального поведения, проявления которого на первый взгляд выглядят обособленными и никак не связаны между собой. Как указывает Ньюком, оно концептуализирует такие образцы поведения, как «бунт подростков» против родителей. В психологическом плане оно обеспечивает связь между негативизмом и негативистским типом личности. В социологическом плане — это общее понятие, позволяющее обозначить тот тип враждебных отношений между группами или коллективами, при котором действия, установки и ценности одного *зависят* от действий, установок и ценностей другого, по отношению к которому он находится в оппозиции. Например, историк науки Чарлз Сингер считал, что даже самые выдающиеся медицинские школы Древней Греции отвергали понятие инфекционного заболевания только потому, что его поддерживали «варвары»*. Часто отмечалось, что примерно таким же образом многие американцы с порога отвергают концепции, по праву имеющие большие достоинства, просто потому, что они возникли в Советской России или пользуются там популярностью. По-видимому, многие русские точно так же относятся к концепциям, имеющим этикетку «американская». Многочисленные экспериментальные исследования «негативного престижа», при котором ценное суждение или эмпирическая истина отвергаются, если они принадлежат отвергнутым политическим деятелям, тоже продемонстрировали действие сходных процессов.

Развитие социологической теории негативных референтных групп, которая консолидирует множество разрозненных в настоящее время явлений, относящихся к самым разнообразным, не связанным между собой сферам поведения, можно уподобить развитию теории негативистской личности. Исходным пунктом исследования мог бы послужить следующий теоретически значимый факт: определенные установки, ценности и знания, выполняющие личностные и социальные функции, могут быть отвергнуты просто потому, что они идентифицируются с негативной референтной группой. Такое исследование позволило бы нам лучше понять основополагающую проблему — при каких условиях индивиды и группы продолжают придерживаться такого способа поведения, который для них является дисфункциональным. Оно имело бы также еще одно достоинство, расширив сферу социологических исследований и теорий, в настоящее время сосредоточивших свое внимание на условиях, делающих поведение функциональным,

³⁶ Цитируется по кн.: Pledge H.T., *Science Since, 1500.-L.*: H.M. Stationery Office, 1939, p. 163. — *Примеч. автора.*

и распространив их на изучение условий, позволяющих *сохранять* дисфункциональные модели поведения в обществе.

Выполненное выше исследование понятий группы, членства и нечленства, внутренних и внешних групп, коллективов и социальных категорий, позитивных и негативных референтных групп имеет своей целью прояснить некоторые из наиболее общих понятий теории референтных групп и поставить перед ней новые проблемы. Позже будут заново исследованы более специфические компоненты этой теории, о чем свидетельствует нижеследующий обзор субстанциональных и методологических проблем.

Выбор референтных групп: детерминанты

В предыдущей главе сфера действия и цели теории референтных групп описывались с точки зрения систематизации «детерминантов и последствий тех процессов оценки и самооценки, благодаря которым индивид принимает ценности или стандарты других людей в качестве сравнительно-референтных координат». Как мы убедились, это утверждение следует расширить и включить в него не только сравнительную, но и нормативную систему координат. Однако в других отношениях это утверждение можно оставить без изменений, рассматривая его как сжатую, конспективную характеристику области исследования. В особенности следует сохранить различие детерминантов и последствий, ибо, несмотря на то что они переплетаются между собой в динамическом взаимодействии, с каждым из них связан определенный комплекс теоретических проблем. Следует также различать референтные *личности* и референтные *группы*, чтобы со временем понять механизм их взаимосвязи.

Проблема 2 Выбор референтных групп и референтных личностей

С тех пор как Хайменом был введен термин «референтная группа», социологи заключили между собой терминологическую конвенцию, согласившись с тем, что этот термин описывает поведение, ориентированное не только на группу, *но и* на отдельных индивидов. Очевидно, эта эллиптическая конструкция была принята для краткости; просто термин «референтная группа и референтная личность» был бы слишком неудобен в употреблении, чтобы сохраниться на-

долго. Однако, каковы бы ни были причины сокращения, сама терминология зафиксировала существовавшую в социологии тенденцию определения референтного поведения (об этой тенденции подробнее говорится в главе IV). Исследования и теория стремились сосредоточиться на референтных *группах*, оставляя в стороне референтные *личности*.

С самого начала следует иметь в виду, что выбор референтных личностей не больше определяется характером человека, чем выбор референтных групп. Почти независимо от источника, социологическая теория считает, что идентификация с группами и индивидами, имеющими определенный статус, не происходит случайно, но моделируется структурой сложившихся социальных отношений и преобладающими культурными определениями. Одним из многочисленных примеров этого моделирования служит предложенное Малиновским объяснение эдипова комплекса: Малиновский показал, что основные черты эдипова комплекса (идентификация и враждебность) формируются вследствие определенной организации ролей в структуре семьи. Однако еще многое предстоит раскрыть как в социальных, так и в психологических механизмах, с помощью которых социокультурная структура систематически формирует отбор референтных личностей *внутри* референтных групп.

Референтная личность часто описывается как *ролевая модель*. Однако, как подразумевают сами термины, допущение их концептуальной синонимичности только затемняет принципиальное различие тех вопросов, которые ими обозначаются. Человек, который идентифицирует себя с референтной личностью, равняется на поведение и ценности этого индивида, проявившиеся при исполнении им нескольких ролей. Понятие ролевой модели можно считать более ограниченным по своему масштабу, обозначающим более ограниченную идентификацию с этой личностью всего лишь по одной или немногим избранным ролям. Разумеется, ролевая модель может стать референтной личностью, так как ее многочисленные роли присваиваются человеком ради подражания ей, а не ради того, чтобы подражание ограничивалось той единственной ролью, на основе которой первоначально устанавливались психологические отношения между ними. Именно потому, что в процессе социального взаимодействия можно отделить одну роль от другой, — именно поэтому они могут выступать в форме референтных ориентации. Подражание равному себе, одному из родителей или с общественному деятелю может ограничиваться лишь небольшой частью их поведения и ценностей, и тогда можно говорить о принятии ролевой модели. Или же подражание может распространяться на более широкий круг способов поведения и

ценностей этих людей, и тогда о них можно говорить как о референтных личностях.

Этот концептуальный анализ позволяет ролевых моделей или благодаря каким процессам происходит референтных личностей. Сказать, что ^n^мтзя^_ значит описать частичная идентификация, а во втором ^прежНему остается не-проблему на другом языке, а не решить^ ^частичная известным, при каких условиях Проис*о*ного взаимодействия идентификация. Например, структура „Сонбор некоторых людей в может сделать абсолютно н^во^а^и^одействие носитчастич-качествереферентныхличностей. Е<*и май *ивл/отнОшения-ный характер и ограничено лишь некоторый *а не более всест0-ми, то произойдет только выбор ролевой мод ^ ^воображении). ронний выбор референтной лично"";/од ной роли может вызвать Однако частичная идентификация в духе д ^ ^ценностях ролевой желание как можно больше узнать о по процесс вызывает модели в иных сферах. По-видимому именини астнойжизни всем известный, широко распространенн^ качестве ролевых моде-общественных деятелей, которые выс^и^Дикция с деятелями культу-лейдлямногихлюдей. Частичнаяидентификаи ю „дентифи-ры прошлого и настоящего может пре*ратм^ их поведение) „ ценно-кацию, вызвав тем самым активный ингер ла им известность. стям, весьма далекий от той роли, котора т' mш авторы и Биографы, издатели журналов для «фэнов ^ ^именно благо-распространители бульварных сплетен у-даря этой широко распространенной тенденции ащать ролевую модель в референтную личность. выбора референтных личное-

Ключ к пониманию детерминантов выбора РЛМ[^] и тот же
 тей можно найти, изучая, в какой^{нос же} По-видимому, по мере
 индивид выбирает референтных лич^{нос же} к другому на разных стадии-
 того как люди переходят от^{одного} С¹ а^{начая} ся с одних референт-
 ях своего жизненного цикла, они пере^{тем самым мы снова}
 ных личностей и ролевых моделей на, цру^{является чисто}
 имеем в виду, что такой выбор по^{оль} л ательными структурно
 психологическим, но моделируется not^{изменениями карьер-}
 детерминированными и статистически^{ыми или желанными.}
 еры - как реальными, так и предв^{развития во вре-}
 Такие исследования, базирующиеся на пр^{в один и тот же}
 мени, а также структурные^{шТМТМ£**} наше в высшей сте-момент
 времени, могут^{значительно} ^^антов выбора референтных пени
 несовершенное понима^и Х^{пообъемной} тесно связана дру-личностей и
 ролевых моделей С^{это} £^{ых личностей.} Речь идет гая - вопрос о
 ролиереды в выборе референтных лич

как о непосредственной среде (*milieu*), которую образуют те социальные отношения, в которые индивид включен непосредственно³⁶³, так и об обществе в более широком смысле, включая общественных деятелей, с которыми у него нет непосредственных социальных взаимодействий. Структура такой социальной среды (*milieux*), очевидно, разнообразна: в каких-то случаях, например, она имеет довольно устойчивую структуру и постоянные социальные отношения, связывающие, по существу, одних и тех же людей; в других случаях ее структура относительно устойчива, а состав людей быстро и часто изменяется. Как заметил Отто Фенихель, такие резкие перемены, часто сопровождаемые изменением моделей социальных отношений, «могут сделать невозможной длительную идентификацию»³⁷. Они могут также побудить тех людей, которым для идентификации не хватает местных референтных личностей, обратиться к более отдаленным фигурам, чтобы идентифицировать себя с ними.

Очевидно, эти немногочисленные наблюдения дают лишь краткий очерк обширного круга вопросов, который рассматривается в этом разделе теории референтных групп. Например, они ничего не говорят о том, обязательно ли идентификация с референтной группой опосредуется идентификацией с отдельными членами этой группы. Однако всего вышесказанного, возможно, вполне достаточно, чтобы показать, что, различая ролевые модели, референтные личности и референтные группы, мы тем самым стимулируем исследование целого круга проблем.

Проблема 3

Выбор между потенциальными референтными группами: сопоставление членских и не-членских групп

В принципе существует почти бесконечное множество референтных групп: любая из групп, членом которой является данный человек (их сравнительно немного), так же как и группы, членом которых он не является

^{36a} Обсуждая этот вопрос, я пытался внести предложение, чтобы современные исследователи - социологи и социальные психологи - «особо подчеркнули роль непосредственной, ближайшей среды, образующей социальную среду поведения человека, в противоположность более широким структурам» (см.: *New Perspectives for Research in Juvenile Delinquency: Session 2.* - Eds: Witmer, Kotinsky. - 25ff. Некоторые проницательные наблюдения, относящиеся к этой проблеме, см. в: Carlow T., «The definition and measurement of ambiances», *Social Forces*, 1955, 34, pp. 28-33). — *Примеч. автора.*

³⁷ См. его работу, заглавие которой вводит в заблуждение из-за его чрезмерной краткости: *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (N.Y.: Norton W.W. & Co., 1945), p. 505. — *Примеч. автора.*

(имя им легион), могут стать референтными центрами, формирующими его установки, оценки и поведение. При каких условиях человек выбирает других членов своей собственной группы в качестве референтных координат для самооценки и выработки своих позиций, а при каких такие координаты обеспечивают группы не-членов?

Эти более ранние формулировки, очевидно, подготавливали почву для постановки проблемы теоретического конструирования социальных, культурных и психологических детерминантов, определяющих выбор из широкого круга потенциальных референтных групп. Они концентрировали внимание на общей проблеме идентификации тех сил и контекстов, которые стимулируют выбор в качестве референтных ориентиров *либо* групп членов, *либо* групп не-членов; это — центральная проблема теории референтных групп.

В отличие от других разделов быстро развивающейся теории этот раздел в последние годы привлекал сравнительно небольшое внимание. Как мы вскоре убедимся, исследователи по большей части стремились идентифицировать условия, стимулирующие выбор тех или иных членских групп, но их мало интересовали условия, стимулирующие выбор не-членских групп. Однако проделанная работа подтверждает ранее выдвинутые в этой книге гипотезы и дает возможность поставить ряд дополнительных проблем. Одна такая гипотеза (которая, во всяком случае, немного продвигает решение вопрос) утверждает, что индивиды, «имеющие мотивы для вступления в группу», будут стремиться принять ценности этой не-членской группы. Эта ограниченная гипотеза позднее была расширена Эйзенштадтом, который на примере иммигрантов в Израиль обнаруживает, что выбор референтной группы определяется главным образом способностью определенных групп «присваивать себе какой-либо престижный с точки зрения институциональной структуры общества статус»⁵⁸. В той мере, в какой присуждение определенного статуса служит главным основанием для выбора не-членских групп, социальная структура, которая распределяет между группами престиж и авторитет и определяет доступ к ним, всегда будет моделировать этот выбор для тех, кто занимает разное положение в обществе.

В дальнейшем было высказано предположение о том, что «изолированные» члены группы, возможно, особенно легко примут в качестве нормативно-референтной системы координат ценности не-членских групп. Эта гипотеза позже была развита Блау, который полагает, что из всех людей, которые не проявляют социальной мобильнос-

⁵⁸ Eisenstadt S.M., «Reference group behavior and social integration: an explorative study», *American Sociological Review*, 1954, 19, pp. 175—188, at p. 177. — *Примеч. автора.*

ти, скорее всего именно та категория, «которая находится в относительной изоляции», включает в себя «социальных борцов; лиц, усваивающих образ жизни более престижного класса, к которому они не принадлежат; разочарованных представителей элиты, которые принимают политическую ориентацию более низкого класса, чем их собственный»³⁹.

Наконец, было высказано предположение, что социальные системы с относительно высокой социальной мобильностью стимулируют самую широкую ориентацию на выбор в качестве референтных групп не-членских групп. Ибо именно в таких обществах желание попасть в более высокие группы и страты будет встречаться часто, а желаемая социализация станет функциональной. С этим предположением согласуется по крайней мере одно исследование. Стерн и Келлер, изучавшие, какие референтные группы стихийно выбирались населением Франции в качестве референтных, пришли к выводу, что собранные ими данные не позволяют говорить «об ориентации на не-членские группы». Соотнося свои наблюдения со структурным контекстом этой модели выбора, они заметили, что «одной из характерных особенностей французского общества является относительная имобильность социальных групп. Аналогичные исследования, проведенные в других социальных системах, возможно, дадут другие результаты. Результаты нашего исследования нужно проверить в обществе, где традиционализм не играет такой важной роли, как во Франции, и где преобладает вертикальная социальная мобильность. Если бы мы обратились к такому обществу, как Соединенные Штаты, где базисные потребности удовлетворяются гораздо лучше, то, по-видимому, модель референтно-группового поведения была бы совсем иной»⁴⁰.

Несмотря на то что мы все еще очень далеки от создания теоретически развитых и эмпирически обоснованных гипотез по поводу детерминантов, определяющих выбор не-членских групп в качестве референтных групп, мы все же знаем достаточно, чтобы очертить общие контуры дальнейших исследований. По-видимому, конкретные образцы референтно-группового поведения отличаются друг от друга в зависимости от типа личности и социального статуса носителей этого поведения, а также от структурного контекста, в котором оно существует. Изучение личностных особенностей такого поведения предусматривается современными исследованиями, но все же ему не придается должного значения. Гораздо больше внимания уделяется

³⁹ Blau P.M., «Social mobility and interpersonal relations», *American Sociological Review*, '956, 21, pp. 290-295, at p. 291. - *Примеч. автора*.

⁴⁰ Stern E. and Keller S., «Spontaneous group references in France», *Public Opinion Quarterly*, 1953, 17, pp. 208—217, at p. 216-217. - *Примеч. автора*.

статусной детерминации референтно-группового поведения; особенно это относится к изолированным и интегрированным членам группы, а также к социально мобильным или, напротив, стационарным личностям.

Особенно поучительны начальные разделы сравнительных исследований различных обществ, которые призваны раскрыть, каким образом различные структурные контексты влияют на *классы и распространенность* идентификационных образцов референтно-группового поведения. Исследования, подобные уже упоминавшимся исследованиям Эйзенштадта, Стерна и Келлера, а также работам Митчелла⁴⁰³, можно адекватно применить для объяснения других интересующих нас теоретических проблем и воспроизвести в иных обществах со стратегической целью — обеспечить подлинно сравнительный анализ референтно-группового поведения. Это в особенности относится к проблеме условий, при которых не-членские группы выбираются в качестве референтных групп; здесь только сравнительное исследование позволит социологам избежать культурологической ограниченности своих обобщений, из-за которой их можно не признавать, так как они фактически относятся только к определенным типам социальных систем. Это соображение, которое, разумеется, уместно для гораздо более широкого круга социологических проблем, имеет особенно важное значение для теории референтных групп, которая вплоть до последнего времени развивалась почти исключительно в Соединенных Штатах. Это обстоятельство нашей интеллектуальной истории могло бы постепенно привести нас ко все большим перекосам в результатах исследования, если бы ему не противостояла традиция сравнительного изучения референтно-группового поведения в самых разнообразных структурных контекстах.

Проблема 4 Выбор референтных групп из числа не-членских групп

Как отмечалось в предыдущей главе, теория и эмпирические исследования должны перейти к изучению *динамики выбора* референтных групп из нескольких членских групп, в которые входит данный индивид: когда индивиды ориентируются на людей из своих профессиональных групп или из своих религиозных групп? Каким образом мы можем охарактери-

⁴⁰³ См. статью, подготовленную Митчеллом для 29-й сессии Международного Института Цивилизации, в которой он изучает, каким образом европейцы стали нормативной референтной группой для африканских туземцев: Mitchell J.C., «The African middle classes in British Central Africa», *29th Study Session of the International Institute of Differing Civilizations*, London, September 1955, pp. 13—16. —Примеч. автора.

звать *структуру социальной ситуации*, которая приводит к тому, что именно та, а не иная из этих групп принимается в качестве значимого контекста?

Выше неоднократно упоминалось, что *отличительная* особенность теории референтных групп определяется тем обстоятельством, что люди, формируя свое поведение и оценки, часто ориентируются *тиные группы, чем их собственная*. Она является отличительной в том смысле, что до недавних пор социологическая теория систематически концентрировала свое внимание на влиянии групп на своих членов и только случайно принимала во внимание влияние не-членских групп. Этим мы отнюдь не хотим сказать, будто именно не-членские группы образуют *эксклюзивный* центр теории референтных групп. Тем не менее предложенное здесь переключение внимания легко можно истолковать в том смысле, что только не-членские группы оказывают влияние на референтно-групповое поведение⁴¹ — недоразумение, от которого не так-то легко избавиться.

На самом деле, конечно, большая часть работ в этой области по-прежнему сосредоточена на изучении детерминантов и последствий принятия норм и ценностей членских групп в качестве нормативно-и сравнительно-референтных систем координат. Отчасти это происходит потому, что все признают: именно та группа, членом которой является данный человек, чаще всего оказывает самое сильное влияние на его поведение. В гораздо меньшей степени причиной такого положения дел являются серьезные затруднения, которые испытывает большинство исследователей в своих поисках подходящих исследовательских инструментов, позволивших бы адекватно идентифицировать влияние групп на тех, кто не является их членом. Но каковы бы ни были причины этого явления, именно выбор членских групп продолжает привлекать внимание исследователей, изучающих референтно-групповое поведение, и именно теоретическая структура этой проблемы требует самого тщательного исследования.

Все вышеназванные вопросы, связанные с изучением динамики выбора референтной группы из числа членских групп, очевидно, вполне уместные, однако не были поставлены в той эксплицитной форме, которая позволяет выявить специфику теоретической проблемы. Иными словами, эти вопросы *подразумевают, но не систематизируют те* частные проблемы, которые должны быть решены прежде, чем мы сможем получить фундаментальные методологичес-

⁴¹ Норман Каплан постоянно подчеркивает, что исключительная сосредоточенность на группах не-членов была бы просто безосновательной. См.: Kaplan N., *Reference Group Theory and Voting Behavior*, 30 ff". — Примеч. автора.

иястных проблем следует сформулиро-
кие ответь, КаЖДУ» - -их »^b £ чем мы сможем уловить их вать и
исследовать саму по се
взаимосвязь.

Проблема 4.1

____-xxv TTTTP

Классифин. """,»"

Вопоосы по поводу того, ^{какая} из нескольких членских групп из-
бирае^отся⁰ в^с качестве Р^{^^}£ро«а проблемы 4), ^{(подобные вопросы были} очевидно поставлены,
когда давать *ФР* типы членских дам они

ставят в эксп ификации этих ти й однако она являет-

Геенео™»ле»о*частьЮ^я ^отм „я «.,,цензуализирует и классифи-

зволяетвысл спользовать для нау (он действительно
гов практику -- исп ^ б№^д ^^д
имд__

"ИТз?Гоп"«"№ных"е1Ги™ зачало построенные „о ди-■»?£^"£
£25£Е«- «а одном или нескольких хотомическому принципу

критериях. Так как время их существования определяется все еще очень недолгой историей социологии, некоторые из этих классификаций успели стать почтенными и респектабельными и подверглись лишь незначительным усовершенствованиям на протяжении жизни двух (и более) поколений⁴². Но в настоящее время все указывает на то, что и эти классификации групп, и те, которые были сделаны позже, предназначены быть только предшественниками более точных и более жизнеспособных в теоретическом отношении классификаций, которым еще предстоит появиться. Есть некоторая заслуга в том, чтобы рассматривать незнание как прелюдию к общему наступлению на те проблемы, которые все еще не поддаются решению, но важность которых ясна всем. Для некоторых целей было очень полезно работать с применением таких классификаций, как первичные и вторичные группы, внутренние и внешние группы, конфликтные группы и группы компромиссные, «малые группы» (выделенные по числу членов, образующих диады, триады и т.д.) и (предположительно) «большие группы», ассоциации и сообщества. Однако совершенно очевидно, что они образуют всего лишь истоки теоретически обоснованных классификаций, способных адекватно проанализировать действия групповых структур.

Разумеется, проблема создания хорошей классификации групп возникла очень давно; она привлекала внимание многих поколений исследователей от Аристотеля до наших дней. Однако, отличаясь во всех остальных отношениях, лучшие из них были согласны в одном: они исходили из фундаментального требования, согласно которому эффективная классификация должна не просто описывать наблюдае-

⁴² В своем обзоре социологических концепций, сделанном в 1932 г., Эрл Эубанк рассмотрел тридцать девять различных классификаций групп; некоторые из них исходили из структуры, другие — из функции, все остальные — из природы преобладающих социальных отношений. Посмотрим, что сказал Эубанк по поводу публикации в 1926 году книги Уоррена Брауна «Социальные группы», имея при этом в виду явление, которое я описал как современное «переоткрытие первичных групп»: «Этот маленький томик — наглядное свидетельство открытия или, точнее, переоткрытия группы, происходящего в последние годы. В своей новой роли и при ее новом осмыслении она становится не только центральным понятием в характеристике социетальных форм, но и центральным понятием всей социологии в целом. Оказывается, в своем новом значении социология в гораздо большей степени, чем раньше, стала «наукой о группах». Но что такое эта группа, это заново открытое «нечто», которое мы считаем краеугольным камнем социологии?» (Eubank E.E., *The Concepts of Sociology*, (N.Y.: Heath D.C. and Company, 1932), pp. 132—168. Прочитировано замечание, сделанное на с 134.) Мы можем только надеяться, что благодаря опыту, если не мудрости, приобретенному с годами, новое, более современное переоткрытие групп окажется более плодотворным и последовательным, чем то, которое с таким энтузиазмом приветствовал Эубанк и которое было сделано предшествующим поколением. — *Примеч. автора.*

мые «типы», но быть выведенной из комплексной оценки определенных групповых свойств⁴³. Основная проблема, конечно, состоит в том, чтобы идентифицировать стратегическую в теоретическом отношении группу свойств, что позволит систематически различать действия каждого результативного типа групп и отделять их друг от друга⁴⁴. Именно

⁴³ Сорокин видел и очень точно высказывал это требование (см.: Sorokin P., «Society, Culture, and Personality», pp. 159—163); то же самое относится и к Парсонсу, особенно к его основополагающим соображениям по поводу понятий «Gemeinschaft» [община] и «Gesellschaft» [общество] (см. Parsons T., «The Structure of Social Action», pp. 686—694). Я назвал его соображения «основополагающими», так как, судя по всему, именно этот анализ конкретных отношений, который был задуман еще Теннисом и Вебером, послужил источником более поздней классификации «переменных образцов», выполненной Парсонсом. Таковы только два направления из множества дискуссий, ведущихся по обсуждаемому здесь вопросу, обзор которых содержится в следующем примечании. — *Примеч. автора*,

⁴⁴ Среди многочисленных попыток сформулировать эту проблему, а затем добиться ее решения, см.: Lundberg G.A., «Some problems of group classification and measurement», *American Sociological Review*, 1940, 5, pp. 351—360; уместную дискуссионную статью: Becker H., «Constructive typology in the social sciences», *American Sociological Review*, 1940, 5, pp. 40—55; многие статьи Стогдилл Р.М., особенно следующие из них: Stogdill R.M., «The organization of working relationships: twenty sociometric indices», *Sociometry*, 1951, 14, pp. 336—373, и «Leadership, membership and organization», *Psychological Bulletin*, 1950, 47, pp. 1—14; работу еще одного сотрудника той же лаборатории по изучению лидерства в Государственном университете штата Огайо: Hempill J.K., «Situational Factors in Leadership» 7 Columbus: The Ohio State University, 1949 (особенно глава 111 «Об описании группы»); целую серию статей и методологическое обсуждение данной проблемы в: *The Language of Social Research*, Section IV. — eds Lazarsfeld P.F. and Rosenberg M.; Bakke E.W., «Organisation and the Individual» (New Haven: Yale University Press, 1952); что касается систематического обсуждения проблем измерения групповых характеристик, см. серьезное, обобщающее исследование: Riley M.W., Riley J.W., Jr., Foby J., and associates. *Sociological Studies in Scale Analysis* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1954); Borgatta E.F. and Cottrell L.S., Jr. «On the classification of groups», *Sociometry and the Science of Man*, 1955, 18, pp. 409—422. Авторы этой последней статьи начинают ее с точной постановки обсуждаемой проблемы: «Если нам нужно выявить различия [между коллективами и группами]; то даже в том случае, когда мы делаем допущение, что одни коллективы представляют собой группы, а другие нет и что это различие носит качественный характер, мы все же будем искать переменные, которые помогут нам расположить все коллективы в определенной последовательности и с помощью которых их логично будет самым различным образом классифицировать для самых различных целей. Таким образом, вопрос о том, является ли данная совокупность людей группой или нет, преобразуется в вопрос о том, в какой мере данная совокупность характеризуется специфическим комплексом переменных, которые, как мы допустили, являются компонентами их «группового характера». Такая формулировка свидетельствует о необходимости идентифицировать релевантные, критические, составные переменные, которые позволят оценить и классифицировать любую совокупность людей по любому пункту». — *Примеч. автора*.

это попытался*сделать П.А. Сорокин⁴⁵, создав в результате классификацию, ожидающую своего дальнейшего систематического применения в современных исследованиях.

Социологи, в сущности, согласны с тем, что стратегическая классификация групп должна удовлетворять *логическому* требованию вывода из комбинации групповых свойств. Разногласия между ними относятся к проблеме *существования*, то есть к вопросу о том, какие свойства группы обеспечивают основу для самых поучительных классификаций. Так как проблема существования не имеет однозначного решения, то, возможно, будет полезно дать краткий обзор таких групповых свойств, которые, как показал анализ социологических работ⁴⁶, посвященных изучению групп и организаций, являются теоретически значимыми свойствами групповой структуры. Бесспорно, ниже следующий перечень, снабженный краткими аннотациями, есть всего лишь незавершенный эскиз, или, точнее, «эскиз эскиза», но тем не менее в условиях, когда общее направление теоретических исследований еще не обозначилось, он может принести некоторую пользу.

Проблема 4.2 ***Предварительный перечень групповых свойств***

1. *Определенность или неопределенность социальных дефиниций членства в группе.* Группы различаются в зависимости от того, насколько точно можно определить их членский состав, причем спектр этих различий весьма широк — начиная с неформальных групп, имеющих расплывчатые границы, которые можно идентифицировать только

⁴⁵ Сорокин, там же, глава 9: «Классификация организованных групп». Мы не оцениваем здесь эту хорошо известную классификацию; это легко можно сделать, если обратить внимание на то, в какой мере свойства групп, на основе которых составлена данная классификация, совпадают или идентичны с некоторыми из тех свойств, которые рассматриваются на следующих страницах этой книги. — *Примеч. автора.*

⁴⁶ Я не пытался цитировать здесь социологические работы, послужившие отправным пунктом для составления этого перечня; однако следует сказать, что труды Георга Зиммеля, вне всякого сомнения, принесли в данном случае неоценимую пользу. Я хочу также выразить признательность за полезные критические замечания и предложения, высказанные участниками моего аспирантского семинара по избранным проблемам теории организации: Хаиму Адлеру, Бернарду Блишену, Ричарду Кловарду, Питеру Харрису, Расселу Хеддендорфу, Джеймсу Джонсу, Уолтеру Клинку, Уильяму Макфи, Уильяму Николсу, Симоне Парс, Джин Питерсон, Чарлтону Прайсу, Джеймсу Прайсу, Джорджу Розенбергу, Роберту Сомерсу, Нехаме Тес и Кеннету Вейнгартену. Я особенно признателен Теренсу Гопкинсу — моему ассистенту в течение целого года работы. — *Примеч. автора.*

благодаря систематическим исследованиям, и кончая группами, в которых существует четкий, формализованный механизм «приема» в члены. По-видимому, это свойство связано с другими групповыми свойствами, например, со способами социального контроля. Если членство в группе определено неясно, то, по-видимому, на первый план может выйти проблема осуществления эффективного контроля над теми, кто может считать себя только номинальными или периферийными членами; в такой группе ориентация на ролевые требования членов будет неопределенной. Следует заметить, что в данном случае речь идет о свойстве *группы*, а не об индивидуально-психологических вариациях определения членства отдельными индивидами. Группа может иметь либо четко определенные, понятные критерии членства, либо они могут быть неясными, и их будет трудно идентифицировать как членам группы, так и ее не-членам.

2. *Степень вовлеченности членов в группу.* Это свойство связано со сферой и интенсивностью вовлеченности членов в группу. На одном полюсе находятся группы, которые почти полностью замыкают на себя и регулируют чувства и поведение своих членов как в личностном, так и в ролевом планах; их можно более или менее нейтрально описать как «тоталитарные группы». На другом полюсе находятся группы, которые лишь ограниченно-сегментарно замыкают на себя и регулируют личности и роли своих членов; их можно описать как «сегментарные группы».

Все это понимается не с позиций отдельных членов группы и не с точки зрения их идентификации с группой, а как свойство группы, то есть как мера вовлеченности в группу ее членов, *нормативно* предписанная и реализуемая в действительности. Разумеется, в социологии часто применялась общая концепция, утверждавшая, что в сложном организованном обществе индивид обычно включается в исполнение самых разнообразных ролей, каждая из которых захватывает его как личность лишь отчасти, тогда как в менее дифференцированных обществах членство в группе обычно почти полностью поглощает личность каждого из ее членов. Кажется вполне вероятным, что чем выше определяемая культурой степень вовлеченности в группу, тем выше вероятность того, что она выступит в качестве референтной группы для самого широкого круга оценок и способов поведения.

3—4. *Фактическая и ожидаемая длительность членства в группе.* Несмотря на то что оба эти свойства могут варьировать независимо друг от друга, они взаимосвязаны и могут рассматриваться совместно. Они, соответственно, относятся к реальной длительности членства в группе и к сложившимся ожиданиям по этому поводу. В некоторых группах и организациях (например, в школах) членство — как реальное, так и ожидаемое — имеет фиксированные сроки. В других

либо одно из них, либо они оба могут длиться сколь угодно долго. По крайней мере в одном исследовании по этому вопросу⁴⁷ было обнаружено, что *ожидание* относительного постоянства или быстрых перемен, как и его влияние на поведение членов сообщества, не зависит от сроков их действительного пребывания там. Членский состав групп и организаций проявляет большие различия в этих двух отношениях.

5—6. *Действительные и ожидаемые сроки существования группы.* Подобно своим индивидуальным членам, группы и организации, рассматриваемые как объединения, существующие во времени, тоже отличаются в этом отношении. Можно предположить, что действительный «возраст» группы — это свойство, которое оказывает влияние на другие ее свойства — способность к изменениям, относительную устойчивость, систему нормативного контроля и т.д.⁴⁸

Однако действительную длительность существования группы следует отличать от стереотипных ожиданий вероятной длительности. Иными словами, следует различать, является ли данная группа «временной» ассоциацией, сложившейся для удовлетворения некоторой потребности и предполагающей свою самоликвидацию⁴⁹ после того, как эта потребность будет удовлетворена, или же она учреждена с ожиданием своего бесконечного существования в будущем. Различия в ожиданиях по поводу сроков, по-видимому, могут влиять на самоопределение ее членов, на вид и степень их вовлеченности в группу, на внутреннюю структуру организации и на ее силу, а также на другие свойства, которые нам еще предстоит рассмотреть.

7. *Абсолютная величина группы или ее составных частей.* Это свойство характеризует число людей, составляющих группу. Однако простое на первый взгляд дело — сосчитать число членов группы, — очевидно, требует от социолога большой предварительной работы, выдвижения исходных допущений и решений, как это следует из выше-

⁴⁷ Merton, West and Jahoda, *Patterns of social life*, passim. — *Примеч. автора.*

⁴⁸ Наиболее всеобъемлющее и продолжительное исследование этого свойства было проведено П.А. Сорокиным. См.: Sorokin P.A., *Social and Cultural Dynamics*, IV, 85ff.; Sorokin P.A., «Society, Culture, and Personality», Chapter 34. В книгах имеется обширная библиография. — *Примеч. автора.*

⁴⁹ Что касается социологических исследований адаптации подобных самоопределяющихся ассоциаций (на примере Национального Фонда лечения детского паралича после открытия вакцины Солка), см.: Sills D., *The Volunteer Way: A Study in the Sociology of Voluntary Associations* (Columbia University, Department of Sociology, doctoral dissertation, 1956). См. также соответствующее замечание, сделанное Честером Барнардом. «Организация может распасться, если она не может достичь своей цели. Очень много организаций начинали успешно жить и работать, а затем исчезали именно по этой причине. Следовательно, для организаций с наиболее длительным сроком существования требуется постоянно ставить перед собой новые цели». *The Functions of the Executive*, p. 91. — *Примеч. автора.*

приведенного анализа понятия членства в группе. Что следует принять в качестве критерия членства: объективно измеряемый коэффициент социального взаимодействия, измеряемого в соответствии с ролевыми ожиданиями? Самоопределение индивидами своей принадлежности к группе? Наличие большого числа определений со стороны других людей, приписывающих индивиду членство в группе? В некоторых случаях абсолютная величина группы обозначает не число людей, входящих в ее состав, но число различных наложений в организации группы. В этом последнем случае связь между увеличением группы и усложнением ее социальной структуры, которую так часто декларируют, превращается в тавтологию.

Абсолютную величину группы (или ее составной части), независимо от способа ее измерения, следует эксплицитно отличать от ее относительной величины.

8. *Относительная величина группы или ее составных частей*®. Это свойство часто не принималось во внимание даже в тех случаях, когда оно имплицитно включалось в социологический анализ группы или социальной организации. Оно характеризует *отношение* числа людей в данной группе (или в каком-то определенном ее слое) к числу людей в других группах, входящих в ту же самую институциональную сферу (группы из других институциональных сфер принимаются в

⁵⁰ Понятия абсолютной и относительной величины выделены на основе текста следующего отрывка из «Социологии» Зиммеля, но им придано несколько иное значение: «Структурные различия между группами, которые возникают как результат простых количественных различий, становятся еще более очевидными благодаря роли, которую играют их выдающиеся, эффективно действующие члены. Число таких членов, очевидно, будет различным в больших и малых группах. Если группа будет изменяться в количественном отношении, то будет меняться и эффективность деятельности ее выдающихся членов. Следует заметить, что эта эффективность изменяется даже в том случае, если количество выдающихся членов возрастает или уменьшается прямо пропорционально численности всей группы. Роль одного миллионера, который живет в городе с населением в десять тысяч человек, относящихся к среднему классу, как и общее «выражение лица», которое этот город получает благодаря его присутствию, принципиально отличаются от того значения, которое пятьдесят миллионеров или, точнее, каждый из них, имеют для города с населением 500 000 человек, несмотря на то что количественное отношение между миллионером и его согражданами, которое, казалось бы, должно полностью детерминировать это значение, осталось неизменным... Суть дела состоит в том, что именно *абсолютные* величины группы в целом и ее наиболее важных компонентов заметнее всего определяют отношения в группе, несмотря на то что их количественное соотношение остается неизменным. См.: Simmel G., *The Sociology*; pp. 97—98 <first italics supplied>. Можно заметить, что важность для социологии этого различия между абсолютными величинами и пропорциональными соотношениями подчеркнута в этой книге при анализе социальной структуры и аномии, а также факторов, влияющих на них (см. примечание в гл. VII и примечание 16 в гл. XII). — *Примеч. автора.*

расчет только" в специальных целях). Иными словами, группы или организации, имеющие одинаковую относительную величину, будут функционировать по-разному в зависимости от их абсолютной величины, и соответственно группы, имеющие одинаковую абсолютную величину, будут функционировать по-разному в зависимости от их количественного соотношения с другими группами социальной среды. (Это, по-видимому, имеет силу для групп, ассоциаций и сообществ.) Например, сообщества, имеющие одинаковый *относительный* расовый состав — скажем, десять процентов негров, а все остальные — белые, — попадут в различные в социологическом плане ситуации в зависимости от того, составляет ли их абсолютная величина сто или сто тысяч человек. Соответственно, сообщество, состоящее из тысячи человек, будет иметь сильно различающуюся социальную структуру в зависимости от того, будут ли его окружать другие сообщества примерно такой же абсолютной величины или сообщества, имеющие гораздо большую или меньшую величину.

Все это означает, что группы и организации, имеющие ту или иную абсолютную величину, будут иметь один статус и выполнять одни функции в обществе, где имеются другие аналогичные группы и организации, чья абсолютная величина гораздо больше или гораздо меньше, чем у них, и совсем другой статус и другие функции, если они существуют в обществе, где сопоставимые с ними группы и организации имеют ту же самую величину. Например, университеты в США и в Англии, имеющие одинаковую абсолютную величину, будут иметь принципиально различные относительные размеры. Эта общая концепция, разумеется, хорошо сформулирована в пословице: «Большая рыба в маленьком пруду становится маленькой рыбкой в большом пруду». Однако, как это обыкновенно бывает с подобными идиомами, регистрирующими какие-то аспекты человеческой жизни и социальной реальности, они не стали *методологией* последующих исследований. Кроме того, эта фольклорная идиома (что для них характерно) не принимает во внимание, что один и тот же пруд в зависимости от его расположения может быть относительно малым или относительно большим. Во всяком случае, понятия абсолютной и относительной величины имеют прямое отношение к теории референтных групп.

9. *Открытый или закрытый характер группы.* Это свойство уже обсуждалось в этой главе; можно напомнить, что оно относится к таким критериям членства в группе, которые делают группу относительно открытой и доступной или относительно закрытой и ограниченной. Оно обозначает степень недоступности членства. В каждой институциональной сфере некоторые группы стремятся сохранить относитель-

но ограниченное членство, а другие — обеспечить максимальное увеличение числа членов. Это свойство, по-видимому, связано с другими: относительным положением, степенью «полноты», автономности, терпимостью к отклонениям и т.д. Этот пункт, если иметь в виду предшествующее обсуждение, не требует дальнейших пояснений.

10. *«Полнота»: отношение действительных членов к потенциальным.* Как мы убедились несколько раньше, свойство полноты, выделенное Зиммелем и по большей части проигнорированное социологами, характеризует количественное отношение действительных членов группы или организации к ее потенциальным членам, то есть к тем, кто удовлетворяет действующим критериям членства. Следует только повторить, что это свойство группы множеством нитей связано с другими ее свойствами. Например, на относительное положение группы в сообществе может влиять (не обязательно линейно) степень полноты, которая отличается от ее относительной или абсолютной величины. Например, Американская ассоциация медсестер (ААМ), имевшая в 1956 г. 178 000 членов, значительно превосходит по численности Американскую медицинскую ассоциацию (АМА), которая заявляет о наличии примерно 140 000 членов. Однако организация врачей имеет самый высокий среди всех профессиональных ассоциаций показатель, свидетельствующий о том, какая часть потенциальных членов, имеющих право на вступление в нее, действительно вошла в ее состав, — примерно 65% всех врачей, имеющих лицензию; в организации медсестер, несмотря на большую абсолютную величину, «организованные медицинские сестры» составляют всего около 41% всех работающих профессиональных медсестер. (Тем не менее обе эти ассоциации имеют гораздо более высокие показатели полноты, чем большинство остальных профессиональных организаций.) Совершенно очевидно (даже если оставить в стороне другие групповые свойства, характеризующие различия в социальном положении и силе этих ассоциаций, что АМА, включающая в свой действительный состав более высокий процент своих потенциальных членов, имеющих право на вступление в нее, может претендовать на более высокое положение и обладает большей силой, чем ААМ, имеющая больше членов. Тем не менее связи между абсолютной величиной, степенью полноты, социальным положением и силой еще предстоит изучать и изучать. Говоря о том, что полнота группы не обязательно находится в линейном соотношении с такими свойствами, как престиж и сила, мы хотим обратить внимание на такие организации, которые в целях создания и поддержания своего элитарного статуса отбирают только ограниченное число членов из всех тех, кто удовлетворяет критерию правомерности членства.

11. *Степень социальной дифференциации.* Это свойство характеризует набор статусов и ролей, операционально различаемых в организации группы. Было замечено — по крайней мере со времен Спенсера, — что увеличение размера группы идет рука об руку с возрастанием ее дифференциации⁵¹. Тем не менее эмпирически было также установлено, что организации, имеющие одинаковую абсолютную величину, значительно отличаются друг от друга в зависимости от того, сколько дифференцированных статусов они включают в себя. Организации могут либо придавать многим членам один из относительно немногих статусов, либо умножать число различных структурных статусов, приписывая каждый из них все меньшему числу членов.

Это свойство, конечно, характеризует не только иерархическую дифференциацию статусов (описываемую как социальная стратификация). Однако социальная дифференциация часто идентифицируется с социальной стратификацией, отчасти, наверное, потому, что дифференциация статусов по-разному оценивается (а значит, и ранжируется) членами общества. Однако, как напоминает нам понятие разделения труда, различная (большая или малая) дифференциация статусов может происходить на одном и том же уровне стратификации: например, различные виды труда, дифференцированные по функциональному признаку, могут относиться к сходным категориям.

12. *Форма и уровень стратификации.* Это свойство характеризует число признанных обществом и ранжированных страт, относительную величину каждой страты и относительную социальную дистанцию между стратами. Так как эти свойства групп и объединений уже привлекали внимание большого количества исследователей, нет никакой необходимости продолжать здесь их обсуждение⁵¹².

13. *Типы уровня социальной интеграции.* По крайней мере со времен Дюркгейма уровень социальной интеграции считался таким групповым свойством, которое оказывает воздействие на широкий спектр способов поведения и исполнения своих ролей членами группы. Существует удачная типология социальной интеграции, разработанная на основе понятия базисной интеграции и выделяющая три типа социальной

⁵¹ Для теории социальной структуры Герберта Спенсера это эмпирическое обобщение, разумеется, было центральным. См.: Spencer H., «The Principles of Sociology» (New York and London: Appleton D. and Company, 1925). — Part 11, «The Inductions of Sociology», 1, pp. 447—600. Что касается современных эмпирических исследований этого соотношения, см.: Terrien F.W. and Mills D.L., «The effect of changing size upon the internal structure of organisations», *American Sociological Review*, 1955, 20, pp. 11—14. — *Примеч. автора.*

^{51a} Что касается всестороннего сравнительного исследования данного вопроса, см.: Barber B., *Social Stratification* (New York: Harcourt Brace, 1957). — *Примеч. автора.*

интеграции⁵². Все три типа можно обнаружить в любой группе или объединении, но это не снимает различий между ними. Группы и объединения отличаются друг от друга в зависимости от того, в какой мере обнаруживаемый у них уровень социальной интеграции обусловлен тем или иным из этих базисов. В соответствии с ними мы различаем: а) социальную интеграцию, индуцированную культурой, — такая интеграция обусловлена общими нормами и ценностями, интериоризованными членами группы; б) социальную интеграцию, индуцированную организационно, — такая интеграция обусловлена тем, что личные и групповые цели реализуются через взаимодействие членов группы; в) социальную интеграцию, индуцированную структурным контекстом, — такая интеграция обусловлена, например, контрастом внутренних и внешних групп, конфликтом между группами и т.п.⁵³. Остается только понять, каким образом базис, который интегрирует группу, связан с другими свойствами группы.

14. *Потенциал разделения или единства группы.* По-видимому, это комплексное свойство есть производное от уровня социальной дифференциации (см. пункт 11) и от уровня социальной интеграции (см. пункт 13). Оно характеризует специфическую для жизни группы переменную величину: некоторые группы проявляют склонность к последовательному, зачастую стихийному разделению на подгруппы, которое в конце концов может привести к превращению возникающих при этом подгрупп в самостоятельные группы; другие стремятся

⁵²Были созданы также другие, более разработанные типологии. По этому вопросу см. ряд хороших статей У. Ландекера: Landecker W.S., «Types of integration and their measurement», *American Journal of Sociology*, 1951, 56, pp. 332—340; «integration and group structure: an area for research», *Social Forces*, 1951 — 1952, 30, pp. 394—400; «Institutions and social integration», *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters*, 1954, 39, pp. 477—493. — *Примеч. автора.*

⁵³Не только социологи, но и государственные и общественные деятели часто обращали внимание на этот источник социальной интеграции. Об одном из бесконечного множества подобных наблюдений, принадлежащем Уинстону Черчиллю, мы уже говорили в гл. III этой книги. В качестве второго такого наблюдения приведем следующий отрывок из «Автобиографии» Томаса Джефферсона: «Во время Войны за независимость, когда присутствие внешних врагов сплачивало нас, а предпринимавшиеся ими действия постоянно заставляли нас быть начеку, дух народа под влиянием опасности как бы и сам дополнял «Статьи Конфедерации», вдохновляя людей на самостоятельные дела независимо от того, предписывалось это ими или нет. Но после восстановления мира и безопасности, когда каждый занялся нужной и полезной деятельностью в своей сфере жизни, на призывы Конгресса стали обращать меньше внимания». [Цит. по: Томас Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. — Ленинград.: Наука (Ленинградское отделение), 1990, — с. 75. — *Примеч. пер.*] Тщательный анализ этого единообразия межгрупповых отношений дан Льюисом Козером. См.: «The Functions of Social Conflict», Chapter V, entitled «Conflict with Out — groups and Group Structure». — *Примеч. автора.*

вновь инкорпорировать возникающие подгруппы в более широкую организацию с тем, чтобы они помогли укрепить структуру и функции этой организации⁵⁴. Например, политические партии резко отличаются друг от друга в этом отношении: некоторые из них распадаются на многочисленные «раскольнические» партии, другие сохраняют монолитное единство. Кроме того, некоторые группы обнаруживают явную склонность к «колонизации», образуя зависимые от них дочерние группы, имеющие свой собственный облик; некоторые из них впоследствии обретают независимость от родительской группы.

Степень социального взаимодействия в группе. Это свойство характеризует степень ожидаемого и действительного социального взаимодействия между носителями определенных статусов в пределах группы. В некоторых группах реальное социальное взаимодействие ограничивается носителями «соседних» иерархических статусов (т.е. находящимися на одном и том же уровне, а также на непосредственно примыкающих к нему высшем и низшем уровнях), что и было зафиксировано в концепции «прохождения по каналам». Другие группы и организации обеспечивают больше структурных возможностей для взаимодействия между теми, кто относится к категориям, далеко отстоящим друг от друга, что нашло свое выражение в понятии иерархической группы, которая тем не менее образует «общество равных». Однако следует отметить, что в действительности группы первого типа часто обеспечивают более интенсивное взаимодействие между своими членами, занимающими неравное положение, чем это гарантируется их структурой (иными словами, в них имеются неформальные способы общения, не требующие «прохождения по каналам»), тогда как в группах второго типа часто обнаруживается гораздо более слабое

⁵⁴ Что касается весьма поучительного анализа процесса образования подгрупп и их отношения к более обширным группам, включающим их в себя, см.: Theodorson G.A., «Elements in the progressive development of small groups», *Social Forces*, 1953, 31, pp. 311—320. Обратим также внимание на следующее замечание Гарриет Мартинье, которое Теодорсон очень удачно приводит в качестве эпиграфа к своей статье: «Поистине общий дух социальной динамики состоит в том, чтобы постичь каждое из этих социальных состояний как необходимый результат предыдущего и как неизбежный шаг к последующему состоянию, согласно аксиоме Лейбница: «Настоящее беременно будущим». С этой точки зрения, предмет науки состоит в том, чтобы открыть законы, управляющие этой последовательностью, которые в своей совокупности определяют эволюцию человека» (Martineau H., *The Positive Philosophy of August Comte*, London, 1896, p. 228).

Современные теории групповых стохастических процессов дают более точную вероятностную версию этой основной идеи. Что касается выполненного в этом духе анализа социальных отношений как процесса, см.: Lazarsfeld P. and Merton R., «Friendship as Social process», in: *Freedom and Control in Modern Society*. Ed's: Berger M., Abel T. and Page C.H. pp., 18—66. Особенно см. вторую часть. — *Примеч. автора.*

взаимодействие между неравными, чем этого требуют нормативные предписания.

16. *Характер социальных отношений в группе.* Это свойство традиционно считалось главным признаком, позволяющим выделить различные типы групп; в этом можно убедиться, если вспомнить общепринятые классификации, разделяющие группы на первичные и вторичные, внутренние и внешние общины (*Gemeinschaft*) и общества в целом (*Gesellschaft*), формальные и неформальные и т.д. Сообразуясь именно с этим свойством, Парсонс создал свою известную систему структурных переменных, которая позволяет проанализировать соотношение ролевых структур в социальной системе: эмоциональность — эмоциональная нейтральность; личностная ориентация — коллективистская ориентация; универсализм — партикуляризм; реальные достижения — приписки; специфичность — диффузия⁵⁵. Составленные из этих пяти переменных комбинации ценностей позволяют охарактеризовать преобладающие в группе конкретные социальные отношения.

17. *Степень ожидаемой конформности по отношению к групповым нормам: терпимость к девиантному поведению и институционализированные отступления от строгого определения групповых норм.* Это свойство характеризует меру структурных отклонений в поведении членов группы, обычно допустимую с точки зрения других ее членов. Некоторые группы и организации требуют строгого соблюдения норм, допуская лишь минимальные отступления от них по усмотрению самих членов; это часто обозначается термином «бюрократизм», который применяется здесь в оскорбительном смысле. В других группах разрешаются самые разнообразные отступления от норм; это относится, в частности, к группам, которые гордятся тем, что обеспечивают большие возможности для проявления индивидуальности и творческой энергии своих членов. Стереотипный образ прусской бюрократии приблизительно соответствует первому типу; некоторые учебные и исследовательские организации Запада приближаются ко второму типу. Разумеется, в конкретных обстоятельствах первый тип допускает гораздо большую, а второй тип — гораздо меньшую свободу действий, чем считается обычно. Тем не менее это не означает, что группы и организации не отличаются по этому свойству.

Отклонения от норм могут стать функциональными в масштабах группы, и часто в качестве прелюдии к структурно-групповым изменениям возникает более или менее устойчивая фаза, в которой эти отклонения приобретают институциональный характер. Это именно

⁵⁵ Parsons, *The Social System*, pp. 58—88. — *Примеч. автора.*

та модель, которую я описал как «институционализированное отклонение от институциональных правил»⁵⁶. Это сложная фаза изменения социальной структуры, которая требует более серьезного исследования, вряд ли уместного здесь. Можно сказать, однако, что модель институционализированных отклонений возникает в тех случаях, когда острая практическая необходимость, с которой сталкивается группа или коллектив (или их значительная часть), требует выработать адаптивное поведение, не согласующееся с устоявшимися нормами, настроениями и практической деятельностью⁵⁷. В первом случае какое-то время официально поддерживаются существующие нормы и настроения, тогда как молчаливо допускаемые отклонения от них постепенно обретают свою собственную правовую основу и при-

⁵⁶ Что касается разнообразных примеров институционализированных отклонений в самых различных институциональных сферах, см.: Moore W.E., *Industrial Relations and the Social Order* (New York: The Macmillan Company, 1951), rev. ed., p. 114; Wilson L., *The Academic Man* (New York: Oxford University Press, 1941), pp. 218—219; Williams R., *American Society*, pp. 360—365; Simpson G.E. and Jinger I.M. «Racial and Cultural Minorities», pp. 658—660; Fichter I.H., *The marginal Catholic, Social Forces*, 1953, 32, pp. 167—173, at p. 169. — *Примеч. автора.*

⁵⁷ Принимая во внимание грядущие преобразования, вытекающие из решения Верховного суда от 17 мая 1954 г., объявившего, что расовая сегрегация в общественном образовании неконституционна, возможно, будет уместно процитировать следующее высказывание, сделанное в 1948 г. и относящееся к применению концепции институционализированных отклонений в анализе законодательной борьбы против расовой дискриминации: «В неблагоприятном культурном климате, который можно наблюдать даже на плодородном Юге, непосредственное применение нового закона, вероятно, может начаться с установления правового и административного федерального контроля над экстремальными формами дискриминации, и нужно ясно отдавать себе отчет, что от исполнения этих правил будут до поры до времени систематически уклоняться. В таких культурных регионах мы можем ожидать, что обычной практикой станет полное игнорирование данного закона, иногда достигающее общенационального масштаба, как было с восемнадцатой поправкой к Конституции, часто при попустительстве местных правоохранительных кадров. Огромный разрыв между новым законом и местными нравами не позволит сразу же изменить преобладающую практику; видимость наказания за нарушение закона, вероятно, будет более обычной, чем действенный контроль за его исполнением. В лучшем случае можно предположить, что значительные перемены будут происходить судорожно и мучительно медленно. Но секулярные изменения в хозяйстве могут в свое время оказать поддержку новой законодательной системе контроля. Когда начинают чувствоваться экономические последствия того, что скупцы-крохоборы не полностью мобилизовали Ресурсы рабочей силы и не расширили местный рынок, установив равновесие между зарплатой и ценами, они понемногу начинают отказываться от своей дискриминационной практики, так как начинают понимать, что она далеко не всегда бывает выгодна¹⁰¹, даже для тех, кто ее применяет» (Merton R.K., «Discrimination and the American creed», in: *Discrimination and National Welfare*, ed. Maclver R.M. (New York: Harper & Mothers, 1949), pp. 99-126, at p. 120 and p. 101). — *Примеч. автора.*

нимаются группой. Во втором случае от новых институциональных требований фактически уклоняются, тогда как медленно изменяющиеся нормы и настроения по-прежнему продолжают управлять действительным поведением. Можно предположить, что определенное количество терпимых отклонений от норм функционально необходимо для устойчивости сложных социальных структур.

18. *Система нормативного контроля.* Это свойство характеризует структуру нормативного контроля, который регулирует поведение членов группы. Группы и организации различаются в зависимости оттого, какую систему контроля они применяют: контроль при помощи четко сформулированных правил (законов); контроль при помощи менее четко сформулированных, но имеющих четкую структуру поведенческих ожиданий, которые усиливаются благодаря настроениям и поддерживающим их моральным доктринам, нормам и рутинным, часто привычным, но менее сильным ожиданиям (народным обычаям). На одном полюсе нормы, точно сформулированные и провозглашенные официально, проводятся в жизнь специально предназначенными для этой роли агентами; на другом — нормы проводятся в жизнь через посредство «спонтанных», но на самом деле скопированных с социальных образцов ответных реакций остальных членов группы, даже если им не отведено для этого никакой специфической роли. Остается еще понять, каким образом обычно устанавливается связь между системой нормативного контроля и многими другими свойствами групп и организаций.

19. *Уровень внутригрупповой видимости, или наблюдаемости.* Это свойство говорит о том, в какой мере внутригрупповые нормы и исполнение ролей в группе открыты для наблюдения со стороны других (носителей более низкого статуса, носителей того же самого статуса и носителей более высокого статуса). Существует также более общее по сравнению с наблюдаемостью понятие, которое американские социологи уже давно описывают как «социальную видимость», подразумеваемая под этим уровень видимости, позволяющий идентифицировать индивидов по их статусу (это в особенности относится к классовой, кастовой, расовой и этнической идентичности). В этом более широком смысле свойство видимости, или наблюдаемости, требует гораздо больше исследований, чем их было предпринято в действительности; отчасти это произошло потому, что оно *имплицитно* включено в многочисленные исследования, анализирующие групповую структуру и поведение; отчасти потому, что это имплицитное включение данного свойства в изучение социальных процессов и структур только теперь стало очевидным для исследователей — через много лет после того, как оно было косвенным путем, но в блестящей форме введено Зиммелем; отчасти потому, что оно имеет прямое отношение к одной

из главных проблем теории референтных групп (в чем мы убедимся несколько позже).

Описывая социологическую природу аристократии, Зиммель дает следующую характеристику этого свойства, выполненную им в форме эссе: «Существует абсолютный предел, ограничивающий число членов аристократии как группы; если число членов превысит его, аристократия не сможет сохраниться как группа. Этот предел, за которым начинается распад, определяется отчасти внешними, отчасти психологическими обстоятельствами. Для того чтобы эффективно действовать как целостная группа, аристократия должна быть «видимой или наблюдаемой»⁵⁸ каждым ее членом. Каждый элемент [этой группы] должен быть лично знаком со всеми остальными».

Интуитивно Зиммель понимал всю важность группового свойства хорошей видимости, однако, не располагая богатым теоретическим материалом, который появился уже после выхода его работ, он не сумел систематически разработать эту глубокую идею, так же как и идею величины группы, которая оказывает влияние на вариабельность этого свойства, и выяснить его отношение к системам контроля, которые поддерживают устойчивость группы. С появлением теории информации стало очевидно, что Зиммель выделил такое групповое

⁵⁸ В немецком оригинале этот термин пишется как «übersehbar». В своем английском переводе Курт Вольф переводит это слово как «surveyable» (обозреваемый), что, безусловно, является хорошим приближением к оригиналу. Однако еще лучше смысл оригинала передается словами «видимый» или «наблюдаемый», имеющими дополнительное значение визуальной видимости, хорошей доступности для наблюдения. Во всяком случае, именно по этой причине мы расходимся в данном пункте с превосходным переводом Вольфа. См.: Simmel, *Sociologie*, p. 50; *The Sociology of Georg Simmel*, p. 90. — *Примеч. автора.*

Общепризнанно (по крайней мере с тех дней, когда Сантаяна, будучи студентом в Берлине, писал Уильяму Джемсу: «Я открыл одного приват-доцента, д-ра Зиммеля, чьи лекции меня очень интересуют»), что Зиммель часто писал так, как будто он действительно полагал, что «в некоторых предприятиях тщательно рассчитанный беспорядок является правильным методом». Он не разрабатывал систематически такое переменное, как «видимость», ограничиваясь вместо этого его спорадическими упоминаниями. Его экскурс в «социологию значений» имплицитно подразумевает понятие видимости, но Зиммель предоставляет читателям (перед которыми он и без того в большом долгу) самим разбираться в ситуации (см.: *Sociologie*, ss. 646—665). В своей книге «Функции социального конфликта» Льюис Козер, который пытается систематизировать некоторые из многочисленных глубоких идей Зиммеля, приводит Удачное наблюдение Хосе Ортега-и-Гассета по поводу стиля Зиммеля: «Этот проницательный ум — своего рода философ-белка — никогда не рассматривает исследуемую им проблему саму по себе; вместо этого он воспринимает ее в качестве площадки, на которой он может исполнить свои удивительные аналитические упражнения». И где это суждение не находит лучшего подтверждения, чем в периодическом употреблении Зиммелем понятия видимости, или наблюдаемости. — *Примеч. автора.*

свойство, которое оказывает фундаментальное воздействие на поведение и развитие групп. Ибо теперь можно сказать, не обращаясь в поисках оправдания к простым аналогиям и другим бессодержательным оборотам речи, что социальные группы отличаются по своей организации следующим образом: некоторые из них обеспечивают эффективную «обратную связь» или «информацию» для тех, кто играет главную роль в регуляции поведения ее членов, тогда как другие группы почти не способны на это. Разумеется, те структурные условия, которые делают исполнение своих ролей членами группы хорошо наблюдаемым или видимым, обеспечат соответствующую обратную связь, если исполнение ролей отклонится от характерных для группы ожиданий. Ибо при таких условиях ответные реакции других членов группы, стремящихся привести отклонения в соответствие с нормами, начнут появляться вскоре после того, как произойдут случаи девиантного поведения. Соответственно, если существуют структурные помехи, затрудняющие такую прямую и непосредственную наблюдаемость, то девиантное поведение может стать кумулятивным, все больше отходя от преобладающих норм, прежде чем остальные члены группы обратят на него внимание, и тогда возникает «сверхсильная реакция», которая будет содействовать только отчуждению носителей девиантного поведения, а не исправлению их «отклонений». Эти структурные помехи, возникающие на пути потока информации (понятие информации, очевидно, служит современным аналогом введенного Зиммелем понятия наблюдаемости), будут, таким образом, нарушать относительно устойчивое состояние группы и вызывать резкие и нерегулярные колебания социального контроля.

В последнее время появилось много исследований, затрагивающих пограничные вопросы, связанные с этим групповым свойством. Эти исследования изучают, каким образом коммуникационные сети, действующие в экспериментальных, упрощенных групповых структурах, влияют на скорость, силу и характер потока информации и каковы последствия этого влияния не только для решения стоящих перед группой задач, но и для социального контроля. В столь кратком очерке, пожалуй, достаточно привести лишь некоторые из этих исследований, особенно упомянув при этом исследования, выполненные Алексом Бавеласом и его сотрудниками, которые, на мой взгляд, относятся к числу наиболее продвинутых исследований по данному вопросу⁵⁹. Другие исследования, относящиеся скорее к области социальной

⁵⁹ Bavelas A., «Communication patterns in task-oriented groups», in: *The Policy Sciences*. Ed's Lerner D. and Lasswell H.D. (Stanford: Stanford University Press, 1951), pp. 193-202, а также другие исследования, выполненные группой Бавеласа; Heise G.A. and МШ^{et} G.A., «Problem solving by small groups using various communication nets», *Journal of Abnormal*

психологии, чем к изучению социальной структуры, стали накапливать информацию о существовании качественных различий между мнениями лидеров и мнениями рядовых членов группы⁶⁰. Они служат просто прелюдией к новой фазе — социологическим исследованиям, в которых консолидируются исследования обоих типов — структурного и социально-психологического. Таким образом, наблюдаемость мнений и исполнения ролей будет соотнесена со структурой группы, потоком информации и действием социального контроля.

Социологические исследования, рассматривающие тот или иной аспект наблюдаемости (в том смысле, о котором говорится здесь), включают работы Блау по использованию статистических методов, которые выявляют количественную сторону и характер исполнения ролей в системе бюрократии, его значение для социального контроля⁶¹, а также работы, анализирующие дружбу как социальный процесс, которые в качестве своего главного переменного принимают условия, способствующие либо открытому выражению мнений в дружеских парах, либо их длительному подавлению⁶².

Так как социологические исследования, изучающие соотношение общения и социальной организации, развиваются бурными темпами и их теоретическая консолидация все еще не достигнута, они требуют тщательного обсуждения, а не простого упоминания. Но самым существенным моментом этого обсуждения является следующее обстоятельство: как только мы поймем, что наблюдаемость есть свойство группы, нас должно заинтересовать, каким образом структура группы влияет на вход информации и на ее выход (т.е. на ответную реакцию), который затем оказывает влияние на социальный контроль.

Примерно в том же духе, в каком мы уже упоминали о свойстве наблюдаемости и в каком будем рассматривать его в дальнейшем, оно с необходимостью подразумевается (если только явно не принимается в расчет) в теории референтных групп, так как изменчивость наших знаний о групповых нормах очевидно определяет, в каком отно-

and Social Psychology, 1951, 46, pp. 327—336; *Information Theory in Psychology: Problems and Methods*. Ed. Quastler H. (Glencoe: The Free Press, 1955); Guetzkow H. and Simon H.A., «The impact of certain communication nets upon organisation and performance in task-oriented groups», *Management Science*, 1955, 1, pp. 233—250. — *Примеч. автора*.

⁶⁰ Chowdhry K. and Newcomb T.M., «The relative abilities of leaders and non-leaders to estimate opinions of their own groups», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952, 47, pp. 51—57. Смысловой подтекст этой и других аналогичных работ будет рассмотрен в последующих разделах этой главы, посвященных более подробному анализу свойства наблюдаемости. — *Примеч. автора*.

⁶¹ Blau P.M., «The Dynamics of Bureaucracy», esp. Chapter III, «Statistical Records of Performance». — *Примеч. автора*.

⁶² Lazarsfeld and Merton, *op. cit.*, esp. Part II. — *Примеч. автора*.

шении эти изменения могут быть приняты в качестве референтно-нормативной системы координат. Но надлежащим образом это можно будет рассмотреть позже, когда этот перечень групповых свойств будет завершен.

20. *Экологическая структура группы* характеризуется прежде всего с помощью одного экологического переменного — пространственного распространения членов группы, хотя другие переменные, обычно включаемые в экологическую теорию, здесь не рассматриваются. Совершенно очевидно, что группы различаются в этом отношении: члены одних групп могут плотно распределяться в пространстве и иметь высокую концентрацию, тогда как члены других групп могут быть рассеяны в пространстве и находиться далеко друг от друга. Все современные исследования этого свойства показывают, что степень пространственной и функциональной близости влияет на формирование социальных отношений, типов социального контроля и уровень вовлеченности членов в группу⁶³. По-видимому, она связана также со свойством наблюдаемости.

21. *Автономность или зависимость группы*. Что касается исполнения функций и достижения целей, то в этом отношении группы различаются по уровню своей самодостаточности или зависимости от других, более масштабных групп и институтов. Группы могут продолжать свою деятельность, даже несмотря на то что сами они не удовлетворяют одно или несколько из своих функциональных требований, до тех пор, пока эти требования удовлетворяются ими с помощью других общественных групп. Видимость полной автономии, если рассмотреть ее с точки зрения социологии, часто бывает обманчивой. Например, израильские киббуцы, по-видимому, не могли бы сохранять свой, по существу, социалистический характер, если бы другие части израильской экономики и израильского общества не удовлетворяли некоторые из их наиболее существенных требований и если

⁶³ По поводу примеров связи между пространственным распространением и формированием социальных отношений в местном сообществе см.: Merton R.K., «The social psychology of housing», in: *Current Trends in Social Psychology*. Ed. Dennis W. — (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1948), pp. 163–217, esp. at pp. 203–209; Festinger L., Schachter S. and Back K., *Social Pressures in Informal Groups: A Study of Human Factors in Housing* (New York: Harper & Brothers, 1950). — esp. Chapter 3; Caplow T. and Forman R., «Neighborhood interaction in a homogeneous community», *American Sociological Review*, 1950, 15, pp. 357–366; Gans H.J., «The Sociology of new towns», *Sociology and Social Research*, 1956, 40, pp. 231–239. Социологических исследований, изучающих связи пространственного распространения людей с их социальным поведением и социальными отношениями, в настоящее время очень много; по-видимому, кодификация данных, полученных многими исследователями, оправдала бы затраченные усилия. — *Примеч. автора.*

бы к ним не поступали ресурсы из-за рубежа⁶⁴. Эта концепция уровня социальной самодостаточности группы или сообщества создавалась и эмпирически изучалась главным образом социологами-руралистами; по-видимому, она применима не только к сельскохозяйственному, но и к другим секторам общества.

22. *Уровень стабильности группы.* Это свойство характеризует способность группы противостоять оппозиции извне, сохранять свою структуру и упорядоченно изменяться. Оно не характеризует изменения в личном составе группы, хотя оба эти свойства тесно связаны. Более того, оно отличается от социальной интеграции (см. пункт 13), которая связана со стабильностью, но не совпадает с ней. Говоря об этом свойстве как о «способности», а не как об эмпирически наблюдаемом уровне стабильности, я хочу в эксплицитной форме высказать следующее соображение: как станет ясно из дальнейшего обсуждения, наблюдаемая стабильность группы зависит от давления среды, а не только от внутренней структуры группы.

23. *Уровень стабильности структурного контекста группы.* Это свойство говорит о способности социальной среды той или иной группы сохранять свой характер. Вероятно, оно имеет сложные связи со свойством стабильности группы. Например, стабильная социальная среда может укреплять эмпирическую стабильность групп, которые действуют в этой среде, так как они постепенно все лучше приспосабливаются к ней. Однако слишком стабильная среда может вызвать стресс у тех групп, которые явно находятся в процессе изменения. Именно эту ситуацию, если рассматривать ее с точки зрения социальной структуры, а не с точки зрения культуры, по-видимому, отражает введенное Огберном понятие «отставание культуры».

24. *Способы сохранения стабильности группы и структурного контекста.* Как часто отмечал Зиммель, группы и их структурные контексты в конечном итоге отличаются тем, какими способами они сохраняют свою стабильность — посредством сравнительной жесткости или сравнительной гибкости. Иными словами, сталкиваясь со стрессом, они могут либо сохранить свою групповую специфику и в структурном, и в функциональном отношениях, либо сохранить свои

⁶⁴ Rosenfeld E., *Institutional Change in the Israeli Collectives*, doctoral dissertation in sociology (Columbia University, 1952); Sp'iro M.E., *Kibbutz: Venture in Utopia* (Cambridge: Harvard University Press, 1956); Barber B., *Social Stratification*. Зиммель заметил, что «социалистические или почти социалистические сообщества были возможны только в очень малых группах и всегда терпели неудачу в больших» (*Sociology of Georg Simmel*, PP. 87—88). При дальнейшем исследовании оказывается, что это эмпирическое обобщение обусловлено другими групповыми свойствами, которые Зиммель спорадически вводит, когда имеет дело со специфическими историческими примерами. — *Примеч. автора.*

функциональные особенности, отвечая на стресс соответствующими изменениями структуры. Эта давнишняя идея требует серьезных разъяснений, но даже ее неточные термины не могут скрыть того, что, оказывается, группы значительно отличаются друг от друга специфическими способами адаптации к внутренним и внешним стрессам.

25. *Относительное социальное положение групп.* Группы, подобно индивидам, имеют определенный социальный ранг, измеряемый с точки зрения престижа и возможности пользоваться ценностями культуры. Социологи считают само собой разумеющимся, что статусы присваиваются на основании оценок и что носители этих статусов хотят, чтобы оценки были адекватными. Однако когда в своей исследовательской практике мы начинаем объединять все имеющиеся у нас данные, в своей совокупности характеризующие относительный ранг групп и организаций, то мы не столь единодушны⁶⁵. Все же повседневные наблюдения показали, в каких отношениях вопрос о положении группы имеет большое значение. Как заметили Парк и Берджес (целое поколение тому назад) и как постоянно подчеркивали эволюционисты, конкуренция определяет не только относительное положение индивидов, но и относительное положение групп, организаций и сообществ.

26. *Относительная сила групп.* Это свойство характеризует варьирующую способность группы навязывать свои коллективные решения а) своим членам и б) своей социальной среде. Здесь предполагается, что относительная сила группы есть совокупный результат других групповых свойств, но изучение этой сложной проблемы еще только начинается⁶⁶.

Прекратить на этом перечисление групповых свойств — значит, разумеется, поступить произвольно, потому что, вероятно, существует гораздо больше свойств (а возможно, совсем иные свойства), спорадически или систематически изучаемых социологами. Но этот перечень не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим; в лучшем случае он носит характер пропедевтики. Это только небольшой шаг к достижению важной теоретической цели — созданию концептуальной схемы, характеризующей социальные группы. Подобная схема,

⁶⁵ Большой вклад, внесенный исследованиями Уорнера, состоит, в частности, в том, что они действительно положили начало изучению относительного ранга групп и организаций. См., например: Warner W.L. and Lunt P.S., *The Social Life of a Modern Community*. — Примеч. автора.

⁶⁶ Труд, над которым в настоящее время работает Роберт Линд, обещает пролить свет на эту проблему. См. также: Hunter F., *Community Power Structure* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953); Pellegrin R.J. and Coates C., «Absentee — owned corporations and community power structure», *American Journal of Sociology*, 1956, 61, pp. 413—419. — Примеч. автора.

очевидно, потребуется, если многочисленные факты, относящиеся к группам и их структуре, нужно будет свести воедино в форме консолидированного знания.

По поводу этого предварительного перечня можно придергиваться диаметрально противоположной точки зрения: можно не считать его далеким от завершения, а, напротив, полагать, что он уже сейчас слишком длинен. Ибо как можем мы полностью охватить интересующую нас задачу — охарактеризовать каждую исследуемую группу по всем двадцати шести признакам одновременно? Сама постановка этой задачи заведомо означает, что лишь у немногих групп будет обнаружено структурное сходство по всем этим многочисленным показателям. Следовательно, будет трудно, а может быть, совсем невозможно обнаружить в групповом поведении единообразие, связанное с групповой структурой.

Эта проблема, разумеется, далеко не новая и не ограничивается социологическими классификациями. Именно эту проблему требуется решать каждый раз, когда в той или иной дисциплине предстоит создать полезную классификацию. Общие методы ее решения довольно хорошо известны по прошлому опыту. Во-первых, предложенный список свойств может послужить основой нескольких классификаций, каждая из которых будет полезна по-своему. Вряд ли следует создавать единую классификацию на основе многочисленных признаков. Во-вторых, совершенно очевидно, что некоторые свойства можно вывести из других и, следовательно, их не нужно рассматривать самостоятельно. Некоторые из таких возможностей мы предусмотрели в предложенном списке. Наконец, вполне возможно, что некоторые из этих (и других) групповых свойств окажутся «несущественными» и не позволят упорядочивать факты. Однако польза предварительного списка наподобие предложенного выше состоит в том, что он обеспечивает исходный пункт для «экспериментирования» с альтернативными классификациями и позволяет не принимать *ad hoc** классификации, созданные ради временных, преходящих целей.

Однако существует одно серьезное препятствие, которое нужно преодолеть, чтобы последующие классификации групп могли оказаться полезными. Это — трудность создания *стандартизированных методов измерения* каждого из рассматриваемых свойств. В развитии любой дисциплины существует фаза, когда методы измерения и индексы *ad hoc* заново создаются в каждом исследовании, так что хотя *слова*, описывающие данное свойство, остаются почти одинаковыми,

* *ad hoc* (букв. «для этого», «применительно к этому», «для этого случая», «для определенного случая») — гипотетическое допущение или аргумент, произвольно введенный в качестве объяснения тех или иных фактов. — *Примеч. пер.*

аспект явления, который они действительно обозначают, существенно меняется. До тех пор пока, например, «социальная интеграция» по-разному измеряется с помощью таких грубых показателей, как принятие групповых норм, «взаимная симпатия» членов группы, зарегистрированная с помощью метода социометрического выбора, чувство «принадлежности к группе» и т.д. — до тех пор сохраняется по крайней мере вероятность того, что один и тот же термин используется для обозначения различных, хотя и взаимосвязанных аспектов группы. С проблемой стандартизации номенклатуры и методов измерения сталкивается большинство научных дисциплин в тот или иной период своего развития; возможно, и социология подходит к той стадии, когда нужно попытаться решить эту проблему в принципе, а не с помощью целого ряда нелегких, судорожных подгонок и корректировок. Однако, подчеркивая важность того, что нам еще неизвестно и что нам предстоит сделать, не следует пренебрегать многочисленными знаниями и свершениями, которыми мы располагаем. На протяжении жизни одного-двух последних поколений накоплен огромный запас знаний о многих (возможно, о большинстве) свойствах, которые мы перечислили выше. Более того, у социологов все заметнее наблюдается тенденция мыслить на языке элементов и свойств групповой структуры, а не довольствоваться чисто описательными оценками различных групп. Если все это и не дает поводов для чистого оптимизма, то для угрюмого пессимизма их еще меньше.

А теперь мы можем подытожить то, что могло показаться длинным экскурсом в характеристику групповых свойств, но что по зрелом размышлении предопределено невинными вопросами, открывающими обсуждение проблемы 4 современной теории референтных групп: «...когда индивиды ориентируются на людей из своих профессиональных групп, или из групп родственников, или из своих религиозных групп? Каким образом мы можем охарактеризовать *структуру социальной ситуации*, которая приводит к тому, что именно та, а не иная из этих групп принимается в качестве значимого контекста?»

Ибо, как теперь выяснено, эти вопросы предполагают, что полезнее всего классифицировать группы с точки зрения их институциональной деятельности — работы, игры и религиозности. Однако это предположение в лучшем случае спорно. Правда, в социологии, как и в процессе роста, разумнее (да и необходимо) сначала научиться ходить, прежде чем учиться бегать. И все же на какое-то время не только в прошлом, но и в будущем может оказаться и мудрым, и целесообразным изучение выбора референтных групп из конкретно описанных членских групп — из семьи, а не из группы ровесников, из профессиональных групп, а не из религиозных. Информация, полученная

благодаря исследованиям, выполненным именно в плане конкретности, несомненно, очень полезна. Но на будущее следует признать, что с точки зрения систематической теории референтно-группового поведения эти исследования являются только промежуточными: возможно, они служат необходимой прелюдией — но все же только прелюдией — к открытию некоторого единообразия при выборе (сделанном в определенных условиях) в качестве референтной группы, того или *иного типа* групп. Сделав эти оговорки, будет полезно продолжить обсуждение проблем, связанных с динамикой выбора референтной группы из нескольких членских групп, давая попутно обзор исследований, относящихся к этой проблеме. Какие вопросы ставятся в настоящее время, каков статус теории и фактического знания условий и процессов, определяющих выбор тех или иных членских групп в качестве нормативных и сравнительных референтных координат?

Проблема 4.3 Различные ценности и нормы — различные референтные группы

Уже давно было высказано предположение (хотя эта мысль медленно прокладывает себе дорогу в теории референтных групп), что разным сферам индивидуального поведения соответствуют разные группы. Это только означает, что референтные группы действуют в качестве таковых имплицитно (всегда, хотя эксплицитно и не всегда) в сочетании с определенными типами оценок и поведения. Как мы видели, когда рассматривали степень вовлеченности в группу ее членов (см. пункт 2), некоторые группы, по-видимому, считают приемлемым для себя широкий спектр поведения, а другие — нет.

В социологии существует множество указаний на подобный эффект. Например, в социометрии с самого начала было принято считать, что некоторые индивиды стремятся к тому, чтобы их коллеги оказывали им предпочтение в сфере работы, а другие — в сфере игры⁶⁷. Рассуждая таким образом, нельзя молчаливо допускать, будто одни и те же группы постоянно служат референтными группами для одних и тех же индивидов на любом этапе развития их поведения. Понимаемое буквально, это высказывание имеет все признаки тривиального общего места, к тому же тяжеловесно сформулированного. Однако,

⁶⁷ Это соображение — существенное и очевидное, когда о нем упоминают, а в противном случае легко теряющееся из виду — вошло в методику социометрического анализа, впервые введенного Морено. См.: Moreno J.L., *Who Shalt Survive?* (Washington, D.C.: Nervous and Mental Disease Monograph, Series No. 58, 1934). — *Примеч. автора.*

поскольку на практике мы постоянно упоминаем референтные группы, не связывая их сразу же с определенными формами поведения или оценок, нам удастся избежать ограничений, заложенных в этой тривиальной формулировке. Более того, и профессионалы-социологи, и непрофессионалы, по-видимому, пока еще мало знают, каким образом общие принципы выбора в качестве референтной системы координат именно этой, а не какой-то другой группы связаны со специфическими типами поведения и оценок. Но то небольшое, что известно об этом, подсказывает нам: здоровое на первый взгляд предположение, согласно которому любая группа, подходящая в функциональном или субстанциональном отношении, обязательно станет референтной группой, далеко от истины. Выбор референтной группы отличается от таких ситуаций, когда, например, человек выбирает для себя какую-либо религию и этот выбор — и только он один — определяет, какая группа будет принята им в качестве нормативно-референтной системы координат по религиозным вопросам; или когда его профсоюз непременно будет определять его экономические взгляды. По-видимому, референтно-групповое поведение гораздо сложнее этой простой схемы вовлеченности.

Другие наблюдатели неоднократно подчеркивали, что одни и те же индивиды или группы в одних социальных сферах воспринимаются как ориентиры, определяющие поведение и оценки, а в других — нет. Со временем эти наблюдения вошли в описания деятельности лидеров. В качестве примера рассмотрим наблюдение, сделанное Солом Олински: «Человек считается с кем-то как с лидером, чьим суждениям по политическим вопросам он доверяет, но когда он сталкивается с финансовыми проблемами, то обращается к одному из своих собратьев. И так во всем. В сфере его деятельности, возможно, существуют пять-шесть человек, к которым он будет обращаться по разным вопросам. Очевидно, те, кого можно определить как полного лидера, встречаются очень редко — один на 40—50 человек (которые являются его последователями) в любой сфере деятельности...»⁶⁸ Так как в этом отрывке просто описываются впечатления, полученные Олински во время его полевых исследований, он выражает уверенность, что более систематические «исследования подтвердят» это наблюдение. Одно из таких исследований, описанное в следующей главе этой книги и посвященное изучению тех, кого, как я полагаю, лучше называть «люди, пользующиеся влиянием», а не «лидеры», обнаруживает, что

⁶⁸ Alinsky S.D., *Reveille for Radicals* (Chicago: University of Chicago-Press, 1946), p-90. — *Примеч. автора.*

...лица, пользующиеся влиянием, различаются по *числу сфер деятельности*» в которых проявляется оказываемое ими межличностное влияние. Некоторые лица, пользующиеся влиянием — их можно назвать *мономорфными*, — упоминаются часто, но только в одной довольно узкой сфере деятельности — например, в сфере политики, *или* в качестве законодателей хорошего вкуса, *или* моды. Мономорфные влиятельные лица — это «эксперты» в какой-либо ограниченной области, и их влияние не распространяется на другие сферы принятия решений. Другие влиятельные лица — это относится к довольно большому числу деятелей высшего ранга — являются *полиморфными*: их влияние на других людей проявляется в самых различных (иногда, по-видимому, даже не связанных друг с другом) сферах.

Однако, как подсказывает нам это обсуждение, социологи уже готовы выйти за пределы эмпирического обобщения, согласно которому относительно небольшое количество влиятельных лиц оказывает самое разнообразное влияние в различных сферах деятельности, тогда как влияние их относительного большинства ограничивается только одной сферой. Очевидно, последующие исследования должны идентифицировать условия, при которых возникает одна из этих моделей влияния.

Наиболее всеобъемлющее исследование этой общей проблемы (унитарного или полиморфного влияния) можно найти в книге Катца и Лазарсфельда⁶⁹. Здесь снова утверждается, что эмпирически преобладающая форма влияния — это влияние, ограниченное какой-либо одной разновидностью норм и деятельности: «Тот факт, что женщина является лидером в одной области, еще не говорит о вероятности того, что она будет лидером в другой области».

Эта проблема — одна из тех, которые дают повод для консолидации⁷⁰ имеющихся фактических данных и гипотез, относящихся к влиятельным лицам и лидерам общественного мнения, и, следовательно, к референтно-групповому поведению, в теорию среднего уровня. Ибо становится очевидным, что одна группа исследований в итоге изучает референтные группы и референтных личностей, принимая во внимание прежде всего *тех, кто обеспечивает систему*

⁶⁹ Katz E. and Lazarsfeld P.F., *Personal Influence*, Part Two and, in particular, chapter XV. В этой главе подводятся итоги исследования. — *Примеч. автора.*

⁷⁰ Это — один из многочисленных примеров, позволяющих проследить консолидацию различных теорий, происходящую именно таким образом, как было сказано в этой книге — во Введении и заключительных разделах главы IV. Возможность этой консолидации была замечена С.Н. Эйзенштадтом (см.: Eisenstadt S.N., *Studies in 'Deviance group behaviour'*; Human Relations, 1954, 7, pp. 191-216, at pp. 204-206). Онудач⁷⁰, к месту цитирует работу Мориса Яновитца (см.: Janowitz M., *The Community Press in an Urban Setting* (Glencoe: The Free Press, 1952)). — *Примеч. автора.*

координат для нормативной и сравнительной оценки. В этих исследованиях внимание концентрируется в первую очередь на типологии личностей и групп, деятельность которых служит ориентиром для других людей, и только во вторую — на условиях существования тех, на кого эти личности и группы оказывают влияние. Вторая группа исследований, напротив, обращает внимание на тех, кто принимает ту или иную группу, либо тех или иных личностей в качестве ориентира и направляющей силы и только во вторую очередь — на детальном аналитическом изучении личностей и групп, оказывающих это влияние. Но так как «референтно-групповое поведение» включает в себя социальные взаимосвязи, которые, разумеется, являются двусторонними, то, очевидно, на следующих этапах исследования этого поведения потребуется одновременно проанализировать как индивидов, выбирающих различные референтные группы, так и группы, обеспечивающие для них референтные ориентиры. Можно смело утверждать, что до сих пор относительная независимость этих двух направлений исследования действительно была благом для развития теории социального влияния, так как многие точки их конвергенции, которые теперь хорошо прослеживаются нами, были установлены благодаря нашему доверию к валидности обоих направлений исследования, на том основании, что идентичные ошибки, допущенные в двух независимых направлениях, гораздо менее вероятны, чем независимо установленные идентичные истины. Но чем бы это ни обернулось, многочисленные независимые исследования социальных влияний, обращающие внимание главным образом на личности и группы, оказывающие эти влияния, и исследования референтно-группового поведения, принимающие во внимание главным образом тех, кто испытывает эти влияния, должны, очевидно, консолидироваться в социологические концепции, рассматривающие оба этих вопроса одновременно.

На этом основании можно сделать вывод, что появление некоторых современных исследований, изучающих, почему в качестве референтной группы выбирается именно эта, а не какая-нибудь иная группа, приобретает дополнительное социологическое значение. Эти исследования считаются только началом работы в данном направлении, но, быть может, именно по этой причине они симптоматичны для его дальнейшего развития. Например, исследование Ральфа Тернера начинается со следующего вступления (очень уместного в пункте 2 нашего перечня групповых свойств): «В литературе, посвященной референтным группам, не всегда подчеркивается, что группы соответствуют индивидуальным ценностям только *сегментарно*, но не

целиком»⁷¹. Затем Тернер приступает к исправлению этого недостатка, изучая, какие членские группы выбираются в качестве референтных координат для самых разнородных ценностей: для ценностей, связанных с профессиональным успехом; для определения этических и моральных ценностей; для ценностей, относящихся к тому, что Тернер называет «полнотой жизни». Я не хочу суммировать здесь все его открытия; все они, как говорит сам Тернер, скорее наводят на размышления, чем вынуждают прийти к определенному выводу. Его наиболее существенная мысль заключается в том, что существуют различные формы выбора, при котором устанавливается связь между различными типами ценностей и различными типами референтных групп. Например, такое вступление в группу, которое является реальным достижением, а не вопросом социальных приписок, чаще всего служит уместным поводом для принятия ценностей, свойственных определенному типу людей — «людям, ориентирующимся на будущее» (именно этот тип исследует Тернер). И все-таки даже ценности и стандарты тех групп, к членству в которых люди стремятся, воспринимаются далеко не одинаково. Если эта последняя мысль может на первый взгляд показаться трюизмом, то при дальнейшем размышлении она может оказаться одним из тех трюизмов, которые лучше подвергнуть тщательному исследованию, чем оставить его без внимания как самоочевидный. Ибо она направляет наше внимание на изучение условий, порождающих *противодействие* нормам и ценностям потенциальной референтной группы, не ограничиваясь условиями, обеспечивающими принятие этих норм и ценностей; именно эту общую ориентацию мужественно пытался восстановить Соломон Эш⁷², придав ей подобающее значение по сравнению с преобладающей в социологии и психологии тенденцией — считать первичным побудительное или ограничительное влияние группы. Остается только предположить, что изучение «автономности личности» и социальных ограничений — это две разные стороны одной и той же теоретической медали, а не две противостоящие друг другу теоретические альтернативы («личность» vs.* «группа»).

⁷¹ Turner R.H., «Reference groups of future oriented men», *Social Forces*, 1955, 34, pp. 130—136, at p. 131. — *Примеч. автора.*

⁷² Из других его серьезных работ по этому вопросу см.: Asch S.E., Block H. and Hertzman M., «Studies in the principles of judgments and attitudes: 1. Two basic principles of judgments», *Journal of Psychology*, 1938, 5, pp. 219—251; Asch S.E., «Studies in the principles of judgments and attitudes: II. Determination of judgments by group and ego standards», *Journal of Social Psychology*, 1940, 12, pp. 433—465. Что касается полного изложения теоретических соображений, включенных в эти и последующие исследования, см.: Asch S.E., *Social Psychology* (New York: Prentice — Hall, Inc., 1952). — *Примеч. автора.*

* vs (versus) — в сторону; по направлению к, к. — *Примеч. пер.*

Анализ отношения «разные нормы и ценности — разные референтные группы», как оказалось, поднимается до уровня теоретического исследования. В том же самом номере журнала, где Тернер опубликовал свои сообщения, была опубликована также сходная по своей направленности, но независимая статья Розена (Rosen). Ее основное положение тоже утверждает очевидное, но он относится к трюизму серьезно и пытается его развить: «Значимые другие не обязательно являются референтами во всех сферах индивидуального поведения»⁷³. И в данном случае я тоже не буду суммировать все результаты исследования, а остановлюсь только на одном из них, который, по-видимому, имеет важное значение для дальнейших исследований. Розен приводит, казалось бы, аномальные данные: те индивиды, которые в действительности являются самыми большими «традиционалистами» в своих религиозных взглядах и поведении, меньше всего способны почувствовать, что они живут в соответствии с традиционными нормами, как можно было бы предположить на основе расхожего здравого смысла. Применение теории референтных групп проясняет этот кажущийся парадокс. Ибо наибольшими «традиционалистами» или «ортодоксами» в своем религиозном поведении стремятся быть те, чьи родители особенно строго требовали соблюдения религиозных стандартов, и именно в контексте этих строгих стандартов данные индивиды чаще всего оценивают, чего им не хватает для их точного соблюдения. Эти результаты хорошо совмещаются с укоренившейся теоретической концепцией, согласно которой самооценка зависит от разнообразных стандартов суждения, созданных группой. Заслуга этой концепции состоит в том, что она напоминает нам хорошо известное, но признаваемое только в экстренных случаях положение: испытываемое индивидом ощущение, что он находится «в согласии с самим собой», зачастую возникает только потому, что он находится «в согласии» со стандартами группы, в которую он вовлечен эмоционально. Чувство личной независимости *не обязательно* свидетельствует об отказе от нормативных ограничений, выработанных всеми группами вообще.

Третья — и больше всего наводящая на размышления — статья Эйзенштадта⁷⁴ рассматривает проблему обусловленности выбора различных референтных групп характером ценностей и норм, связанных с той или иной конкретной ситуацией, наиболее всесторонне. Несмотря на то что выполненный Эйзенштадтом анализ этой проблемы ог-

⁷³ Rosen B.C., «The reference group approach to the parental factor in attitude and behavior formation», *Social Forces*, 1955, 34, pp. 137—144. — *Примеч. автора.*

⁷⁴ Eisenstadt S.N., *Studies in reference group behaviour: I. Reference norms and the social structure*, *Human Relations*, 1954, 7, pp. 191—216. — *Примеч. автора.*

раничивается только его собственными данным, он все же явно представляет собой шаг вперед. Эйзенштадт начинает с создания типологии социальных норм, полностью признавая вместе с тем, что в его классификацию можно внести значительные усовершенствования. Пять типов норм, которые он выделяет (не буду упоминать их здесь, чтобы читатель мог обратиться к оригиналу), позднее были сведены к двум основным типам: 1) нормы, которые эксплицитно связывают «конечные ценности» группы с соответствующим ролевым поведением, создавая тем самым сложные переплетения социальных взаимодействий; 2) нормы, которые позволяют ранжировать различные роли или различные сферы поведения по их относительной важности, сглаживая тем самым потенциальные конфликты между их несовместимыми определениями. Подобно перечислению групповых свойств, которое, как мы только что убедились, есть прелюдия к классификации групп, классификация норм тоже предваряет постановку определенных теоретических проблем. Среди них основополагающей служит проблема определения условий, при которых тот или иной из этих общих типов референтных норм превращается в механизм социального контроля. Согласно пророческому предвидению Эйзенштадта, первый тип, который позволяет вновь и вновь подтверждать постоянно действующие ценности, лежащие в основе какой-либо специфической ситуации социального взаимодействия, обычно складывается в условиях, при которых установившийся в группе социальный порядок по тем или иным причинам серьезно нарушается. Слегка перефразировав это заключение, его можно выразить следующим образом: референтная ориентация на тип проникающих норм, связывающих конечные ценности с конкретными ситуациями социального взаимодействия, служит в качестве механизма социального контроля в условиях надвигающейся или действительно наступившей дезорганизации какой-либо *одной* подсистемы, а не в условиях потенциального *конфликта между* различными подсистемами (Eisenstadt, p. 202). Второй тип норм обычно вводится в действие, когда разнообразные и конфликтующие между собой определения социальной ситуации, даваемые различными группами, ставят индивида перед выбором между конфликтными ролями⁷⁵.

" Именно эта проблема служит связующим звеном между теорией референтно-группового поведения и близкой ей теорией социальных ролей и ролевых конфликтов. Социальные структуры, культурные ценности и давление ситуаций взаимодействуют друг с другом и определяют выбор между альтернативными, а иногда и конфликтными ролями; модели этого выбора только начинают проясняться, и то лишь в общих чертах. См., например: Stouffer S., «An analysis of conflicting social norms», *American Sociological Review*, 1949, 14, pp. 707—714; а также его последующую статью, написанную совместно с Джексоном Тоби (Jackson Toby) и вытекающую из первой.

Мне следует допустить возможность того, что эти концепции кажутся мне такими важными потому, что в теоретическом отношении они очень близки некоторым концепциям, изложенным в предыдущей главе этой книги (на эту близость обратил внимание Эйзенштадт). Однако, независимо от этих чисто внешних соображений, данные концепции имеют совершенно очевидное достоинство: они концентрируют внимание на *социологической* теории референтно-группового поведения, на *институциональных и структурных условиях*, которые определяют тот или иной выбор референтных групп и, кроме того, выполняют для группы те или иные социальные функции⁷⁶. И хотя авторы подобных исследований открыто признают, что эти работы носят предварительный характер, они тем не менее положили начало решению важной проблемы: каким образом именно те, а не другие членские группы выбираются в качестве референтных ориентиров для выработки взглядов, оценок и сравнений.

Проблема 4.4

Выбор референтных групп из статусных категорий или подгрупп, включающих длительное взаимодействие

[..Каково] сравнительное значение общих статусных категорий и внутренних подгрупп, членом которых является данный индивид... Например, что больше влияет на формирование личных ожиданий рабо-

См. также анализ выбора роли в ситуации острого социального давления в: Killian L.M., «The significance of multiple — group membership in disaster», *American Journal of Sociology*, 1952, 67, pp. 309—314. — *Примеч. автора.*

⁷⁶ Здесь содержится намек на проблемы, поставленные в предыдущей главе: «В этом пункте ставится теоретическая и исследовательская программа определения [т.е. выяснения] того, каким образом *структура социальной ситуации* способствует превращению некоторых сходных статусов в основу для подобных сравнений и в то же время приводит к игнорированию других сходных статусов как «не относящегося к делу». Вот еще один пример: проблема состоит в том, чтобы идентифицировать систему референтных координат, которой придерживается какая-то часть индивидов, относящихся к данной социальной категории, — часть достаточно большая, чтобы могли возникнуть определения ситуации, характерные для этой категории. Эти референтные координаты являются общими, потому что они формируются социальной структурой». Далее: «...именно институциональные определения социальной структуры могут привлечь внимание членов группы или носителей социального к некоторым *общим* для них референтным группам. Кроме этих общих референтных групп, могут существовать также всевозможные идиосинкразические референтные группы, различия которых совершенно хаотичны...» Эйзенштадт занимается спецификацией и разработкой именно этой социологической ориентации. Не будет большим преувеличением сказать, что в сфере действия теории референтных групп именно континуальность, а не дискретность становится преобладающим стилем мышления. — *Примеч. автора.*

чих по поводу перспектив их занятости в будущем — их (и их коллег по труду) нынешняя работа или высокий уровень безработицы, существующий в их профессии?

Этот эпизод из «Американского солдата» указывает, таким образом, на необходимость кумулятивного исследования *относительной эффективности систем референтных координат, созданных товарищами данного индивида и более общими статусными категориями*. Он подсказывает, какие ключевые наблюдения должны быть инкорпорированы в эти исследовательские проекты, так что эта проблема... возможно, станет доступной для исследования уже в не столь отдаленном будущем. Подобные исследовательские проекты могли бы включать в себя данные о нормах и ситуациях, преобладающих в данном статусе в целом. Последующий анализ можно было бы выполнить, систематически сравнивая индивидов, которые *имеют один и тот же статус*, но чьи ближайшие коллеги руководствуются противоположными нормами или находятся в противоположных ситуациях.

То, что рассматривалось в этом отрывке как исследовательский проект, с тех пор стало обретать черты реальности, воплотившись в исследование поведения избирателей под названием «исследование Эльмиры». Так, в одной из частей этого исследования, подробно рассматривающей референтно-групповое поведение⁷⁷, отмечается, что именно содержание данного отрывка «обеспечило исследование голосования и что именно этот способ анализа» применялся повсюду, где только возможно. Эта монография включает целый ряд существенных результатов, которые я снова даже не пытаюсь суммировать в деталях. Чтобы проиллюстрировать общий смысл этих результатов, можно привести один пример. Было обнаружено, что взгляды рабочего на политическое лицо формальной организации (тред-юниона), к которой он принадлежит, формируются под влиянием его ближнего окружения по профсоюзу. Люди, чьи коллеги по профсоюзу являются республиканцами, гораздо больше склонны думать, что их профсоюз голосует по преимуществу за республиканцев, чем индивиды, чьи коллеги являются демократами. Тем не менее из собранных данных следует, что профсоюз *как целое* служит политической референтной группой только для некоторых его членов, тогда как для остальных референтные функции выполняют непосредственные товарищи по союзу. Этот результат приводит к постановке другой проблемы — проблемы идентификации условий, определяющих ту или иную модель выбора референтной группы.

⁷⁷ Kaplan N., *Reference Group Theory and Voting Behavior*, pp. 79, 156 ff (эта работа Уже цитировалась раньше). — *Примеч. автора*.

Основная работа, в которой излагается «исследование в Эльмире»⁷⁸, прямо ставит эту общую проблему, о чем убедительно свидетельствуют следующие выдержки, написанные так сжато и выразительно, что их пересказ обернулся бы только искажением смысла:

...Что сказать по поводу неизбежных разногласий между небольшой тесной группой, состоящей из людей, близких друг другу, вместе с которыми данный избиратель живет, и более обширным сообществом, в котором он живет? Обычно говорят, что самое большое значение для избирателя имеет *близкая* ему среда, и так оно и есть на самом деле. Если первичная группа друзей или товарищей по работе имеет единое мнение по вопросам политики, то респондент голосует без колебаний. Если первичные группы демократов являются «сплоченными», то эта партия получает лишь ненамного меньше голосов, чем «сплоченные» группы республиканцев (т.е. каждая сторона теряет на всевозможные отклонения примерно 12—15 процентов голосов). Явное большинство республиканцев в более широком сообществе слабо влияет на результаты голосования, так как люди, входящие в гомогенные демократические группы, ничего об этом не знают.

Но если первичная среда внутренне *раздроблена*, то влияние более отдаленного сообщества становится заметным. Тогда республиканцы получают более высокий процент голосов. Если среди друзей и товарищей по работе республиканцы относятся ко всем остальным как один к двум, то за них будет отдано примерно три четверти голосов; но если на каждого двух друзей придется по одному демократу, то за них будет голосовать примерно половина избирателей. В *смешанной* первичной группе средний избиратель как бы склоняется на сторону республиканцев. *Таким образом, влияние более широкого сообщества больше всего сказывается на избирателях из раздробленных первичных групп. Если ближайшие партнеры избирателя не обеспечивают ему единого, ясного политического направления, если вместо этого они предлагают ему разные альтернативы, то более широкие ассоциации, имеющиеся в окружающем сообществе, усиливают какую-либо одну позицию в ущерб другой.*

⁷⁸ Berelson B.R., Lazarsfeld P.F. and McPhee W.N., *Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign* (Chicago: The University of Chicago Press, 1954). — pp. 98—101, and passim. Я позволил себе вольность выделить курсивом те предложения, которые, по-видимому, имеют наибольшее общетеоретическое значение; кроме того, я намеренно включил в цитату безыскусную, но информативную параллель между скачками и исследованием социальных процессов в местном сообществе. Низкий социальный статус этой аналогии, разумеется, не должен заставить социологов наложить на нее табу; по крайней мере в историческом плане стоит вспомнить, например, что теория вероятности обязана своим происхождением игорным домам и игре в кости, так как проблема метания костей последовательно заинтересовала д'Имола, Пачиоли, Кардана, Тарталья, Паскаля, Ферма и Жака Бернулли. Если мы можем сравнить великое с малым, то аналогия становится гораздо выразительнее и понятнее. — *Примеч. автора.*

Точно такой же эффект можно наблюдать в любом социально-экономическом статусе, в любой религиозной категории. При поддержке друзей из «правильной» партии (т.е. партии, традиционной для данной страны) каждая из подгрупп достигает 90-процентной «сплоченности» при голосовании. Но почти в каждом промежуточном случае категория избирателей, расположенная к республиканцам, вместе со смешанной группой друзей даст своей партии гораздо больше голосов, чем ее демократические оппоненты. Протестанты, имеющие одного (или трех) друга-демократа, «отдадут» демократам только 15 процентов голосов, но католики, имеющие одного друга-республиканца, «отдадут» республиканцам 36 процентов голосов (см. таблицу XLV — я усиленно рекомендую сделать это всем, кто испытывает интеллектуальное восхищение творческим социологическим анализом эмпирического материала).

В общем, республиканцы получают гораздо больше голосов, чем могла бы им дать чисто случайная доля их участия в корректировке конфликтной среды благодаря всепроникающей республиканской атмосфере в Эльмире, которая стремится сохранить себя именно таким образом. Окрестное большинство извлекает выгоду из перекрестного давления оппонентов друг на друга. Можно назвать это эффектом пошрины («навара»), позаимствовав этот термин из языка скачек. Играя на тотализаторе, люди делают ставки друг против друга и тем самым влияют друг на друга. Но когда в результате набираются круглые суммы, поставленные сверх того лишние пенни — «навар» — отчисляются в пользу ипподрома или маячащего на заднем плане государства. В нашем случае роль отчислений, корректирующих малые группы, переходит к республиканскому сообществу. В каждый данный момент времени они могут быть небольшими, как на ипподроме, но со временем становятся значительными. Например, более высокий процент голосов, поданных за республиканцев пожилым населением Эльмиры, может быть следствием усталости от компромиссов и взаимных уступок первичных групп. С возрастом бывшие демократы платят в республиканском сообществе более высокую пошлину.

Подобные результаты подтверждают некоторые фактуальные предположения, содержащиеся в давно известной концепции плюрализма, которая утверждает, что ассоциации могут (а согласно политической доктрине плюрализма — должны) *служить связующим звеном* между индивидами, обществом и государством⁷⁹. В аналитическом плане это здравая концепция социальной структуры, но только в первом приближении. Начать с того, что концепция не должна ограничиваться, как она ограничивалась в трудах плюралистов, борьбой за власть

⁷⁹ Что касается поучительного социологического анализа плюрализма, рассматриваемого не только в качестве политической теории, но и в качестве концепции социальной структуры, см.: Nisbet R.A., *The Quest for Community* (New York: Oxford University Press, 1953); Kerr C., «Industrial relations and the liberal pluralist», *Proceedings of the Seventh Annual Meeting of the Industrial Relations Association*. — *Примеч. автора*.

между негосударственными ассоциациями и государством. Социальная структура воздействует не только на формальные и осознанные проявления власти, но на всю сферу социальных влияний, в том числе на неформальные и произвольные влияния.

Во-вторых — и глубокое исследование Нисбета это хорошо доказывает, — не свободу «индивидов», понимаемых как ничем не связанные человеческие атомы, защищают ассоциации, которые стоят между ними и суверенным государством, а свободу «личностей», включенных в самые разнообразные первичные группы — семью, группу партнеров в том или ином виде деятельности, локальную группу. Вымышленная фигура полностью изолированного индивида, которого так ярко описал Гоббс в освященном временем тринадцатой главе своего «Левиафана» и который с тех пор был включен во все постулаты либерального плюрализма, есть фикция, и к тому же, как доказала современная социология, это ошибочная и ненужная фикция.

В-третьих, даже первичные группы, в которые в той или иной мере вовлечена личность, не одинаково влияют на ориентации своих членов. Иногда ценности групп, образующих непосредственную социальную среду (*milieu*) индивидов, не согласуются между собой (полностью или по большей части), и в таких случаях потенциальное воздействие этих групп нейтрализуется. Кроме того, если конфликтные ценностные ориентации, полученные в первичных группах, и модальные ориентации более широкой социальной среды выражены четко и определенно, то связующая роль первичной группы становится все более незначительной или вовсе сводится на нет, а связующее влияние более обширного сообщества — все более заметным. По крайней мере именно в этом направлении можно с успехом развивать экспериментальные итоги исследований в Эльмире.

Другой способ осмысления этих результатов связан с выявлением того, какое место занимают «исследования малых групп» в теории референтных групп и в более общей социологической теории групп. Ясно, что в Эльмире не удалось бы получить такие интересные данные, если бы исследованию подверглось поведение нескольких индивидов, собранных на короткое время, чтобы составить «малую группу» для той или иной социологической лаборатории. Ибо решение проблемы в том и заключается, чтобы поведение этих индивидов изучалось в двойном контексте — контексте длительных и очень близких отношений («друзья» или «коллеги») и в контексте нормативной и поведенческой структуры сообщества, образующего общую среду для этих индивидов. Именно *социологические* проблемы такого рода подразумевают активное функционирование социальных структур, длительное

время оказывающих большое влияние на включенных в них индивидов, и именно эти требования не улавливаются, если объектом исследования становятся задуманные специально для данного эксперимента «малые группы», в которых индивиды сведены вместе *ad hoc* ради ограниченных целей, ограниченно вовлечены в «группу», — и все это на ограниченное время. Разумеется, здесь не подвергается сомнению исследовательская ценность экспериментальных малых групп; я только настаиваю на том, что такое исследование подходит для ограниченного круга социологических проблем и, вероятно, совсем не подходит для гораздо более широкого круга всех остальных проблем. Остается только сказать, что для таких проблем, как те, которые рассматриваются здесь в данный момент и для которых именно взаимосвязи между длительными, имеющими большое значение для человека личными отношениями и более крупной социальной структурой служат предметом исследования, метод экспериментальных малых групп, весьма поучительный в других случаях, оказывается неадекватным. Будем надеяться и верить, что уже в скором времени социологи и социальные психологи идентифицируют теоретические проблемы, которые лучше всего решаются с помощью метода экспериментальных малых групп, и будут отличать их от проблем, которые лучше всего изучать в обычной, повседневной социальной жизни⁷⁹³.

Референтно-групповое поведение: элементы структуры

В предыдущем разделе этого исследования, посвященного изучению неразрывной связи теории референтных групп с социальной структурой, рассматриваются *детерминанты* выбора групп — членские группы и группы не-членов, альтернативные типы членских групп, группы, включающие в себя длительные личные отношения и отличающиеся этим от абстрактных общностей, охватываемых категорией социального статуса, а также от более крупных сообществ и общества в целом, где индивид тоже находит свое место. Был рассмотрен широкий круг разнообразных теоретических и эмпирических проблем, взятых в их отношении к детерминантам выбора. Но так как все это

^{79a} Что касается конфликтных референтных групп, см.: The Worker — Priests: A Collective Documentation. Translated from the French by Petrie J.-London: Routledge and Kegan Paul, 1956. *Паттерны* ролевых оппозиций, возникающих в среде французских священников-рабочих, можно очень хорошо интерпретировать с точки зрения только что рассмотренных концепций; их будет трудно, если не невозможно, воспроизвести в такой же теоретически адекватной форме в пределах лаборатории. — *Примеч. автора.*

время мы не уделяли большого внимания последствиям и функциям референтно-группового поведения, а только упоминали некоторые из них, то теперь мы должны исследовать по крайней мере несколько структурных элементов, имеющих ключевое значение для референтно-группового поведения, если понимать его как социальный процесс. Как было мельком упомянуто в вышеприведенном перечне групповых свойств, которые, по-видимому, связаны с дальнейшим развитием теории референтных групп, элемент «наблюдаемости», или «видимости», играет руководящую роль в этом процессе. Следовательно, он требует эксплицитного изучения.

Проблема 5

Наблюдаемость и видимость: способы передачи информации о нормах, ценностях и исполнении ролей

Теория референтных групп, конечно, «допускает, что индивиды, сравнивая свою собственную судьбу с судьбой других людей, кое-что *узнают* о ситуации, в которой находятся эти другие... Или, если индивид ориентируется на нормы группы не-членов, теория, разумеется, допускает, что он имеет какое-то представление об этих нормах. Поэтому теория референтно-группового поведения должна включать в себя хорошо разработанную психологическую интерпретацию динамики восприятия (индивидуального, группового и восприятия норм), а в своих социологических разработках — иметь какую-либо интерпретацию коммуникационных каналов, благодаря которым это знание приобретается. Какие процессы обеспечивают точный или искаженный образ ситуации, в которой находятся другие индивиды и группы (воспринимаемые как система референтных координат)? Какие формы социальной организации повышают вероятность правильного восприятия других индивидов и групп, а какие способствуют искаженному восприятию? Так как *некоторые* перцептуальные и когнитивные элементы определенно *подразумеваются* даже в описаниях референтно-группового поведения, то необходимо эксплицитно включать эти элементы в теорию».

В данной работе эта формулировка концепции, утверждающей, что на разных уровнях познания норм и ценностей референтной группы существуют разные познавательные паттерны, довольно адекватна. Однако если постоянно и бездумно применять это положение к вопросу о точном или искаженном восприятии, оно может переключить наше внимание исключительно на важную и серьезную проблему психологии восприятия и отвлечь его от другой, не менее важной

и серьезной проблемы: каким образом вариабельность групповой структуры влияет на доступность информации о преобладающих в группах нормах и ценностях. То, что понятие референтно-группового поведения предполагает некоторое знание или представление о существующих в группе нормах и ценностях, практически самоочевидно и, конечно же, через какое-то время будет общепризнано. Например, Ньюком в своем описании проведенного им исследовании в Беннингтоне заметил: не все студенты осознавали, что за годы своего пребывания в колледже они явно отошли от консерватизма. Он заметил также, что, «очевидно, те, кто не осознал доминирующую тенденции сообщества, не могли считать это сообщество своей референтной группой»⁸⁰. Поэтому Ньюком включил в свой проект дальнейших исследований измерение осознания этой тенденции студентами. Несмотря на то что этот компонент теоретических разработок совершенно «очевиден», положение дел таково, что многие исследователи референтно-группового поведения не обеспечили в эксплицитной форме систематического сбора доказательств, указывающих на существование различных уровней осознания того, какие нормы превалируют в группах, которые, вне всякого сомнения являются референтными группами⁸¹.

Однако вопрос о познаваемости или об осознании преобладающих в группе норм и ценностей — это не только вопрос о включении эмпирических данных в анализ детерминантов, определяющих выбор референтных групп. Он относится не только к данным, но и к социологическим проблемам. Так сказать, знание этих норм не просто *случайно-эмпирически* различается у разных индивидов: его наличие, стиль и уровень предопределены структурой группы. А это ставит перед дальнейшим анализом некоторые теоретически значимые проблемы. Каким образом структура группы влияет на распределение знаний о ценностях и нормах, которыми действительно располагают члены группы?

*^o Newcomb. — In: Sherif, *An Outline of Social Psychology*; p. 143. — *Примеч. автора.*

⁸¹ Что касается подробного и методичного исследования этого вопроса, см.: Kaplan N., *op. cit.* Каплан, соответственно, замечает, что в референтно-групповое поведение вовлечены два вида «осознания», и вовлечены по-разному: осознание того, что в качестве системы ценностно-референтных координат выбраны группа или индивид, и осознание (знание) только норм, носителями которых являются специально предназначенные для этого другие люди (которые произвольно могут стать референтными ориентирами). Причина того, что упор делается на этих «очевидных» теоретических предпосылках, проста и безыскусна: они часто оказывались настолько очевидными, что в проектах исследования референтных групп их совершенно упускали из виду. — *Примеч. автора.*

Действительное существование таких различий в познании групповых норм — это не вопрос конвенциональных допущений; оно систематически демонстрировалось в целом ряде исследований, например, в исследовании Чоудри и Ньюком (на которое я ссылался при обсуждении такого группового свойства, как «наблюдаемость», или «видимость»). В своей более поздней итоговой работе Ньюком заметил, что в каждой из исследуемых групп (исследование проводилось в студенческой религиозной группе, в группе политиков местного сообщества, в медицинской сестринской общине, в группе профессионального рабочего образования; каждая группа состояла из 20—40 чел.) лидеры лучше судили о позициях всех членов группы, чем не-лидеры, но только *по релевантным вопросам, к не-релевантным вопросам* это наблюдение не относилось. Релевантными он считал вопросы, тесно связанные с целями группы, а не-релевантными — вопросы, только отдаленно связанные с ними. Таким образом, религиозные проблемы считались релевантными для религиозной группы, но не для группы политиков. Продолжая свои наблюдения, Ньюком заметил:

Если бы суждения лидеров оказались лучшими также и по не-релевантным вопросам, ...[то это] означало бы, что лидеры вообще хорошо судят о позициях других людей, безотносительно к специфическим нормам именно этой группы. Это могло бы навести на мысль, что лидеры двух абсолютно различных групп легко могли бы поменяться местами. Действительные результаты, конечно, не подтвердили этого заключения. Они скорее наводят на мысль, что *положение лидера — это особое положение* с точки зрения специфически-групповых норм. Между прочим, поскольку эти лидеры были членами соответствующих групп не дольше, чем средний не-лидер, нельзя делать вывод, что они обязаны своим положением лидера или хорошему знакомству с групповыми нормами, или своему «старшинству»⁸².

⁸² Это итоговое исследование подготовлено Ньюкомом для «Социальной психологии» (с. 658—659). Я выделил курсивом оборот, имплицитно подразумевающий понятие групповой структуры, которое станет теперь предметом исследования; кроме того, я воспользовался случаем, чтобы исправить явную типографскую опечатку, заменив составным словом «не-лидер» слово «не-член». Как уточнили сами авторы (Чоудри и Ньюком), одного исследования, даже такого образного, как это, совершенно недостаточно, чтобы дать интерпретацию установленным фактам. Другое исследование, целью которого была последовательная интерпретация исследования Чоудри—Ньюкома, предполагает, что более точная оценка позиций группы со стороны лидеров происходит не только из их стратегического положения в структуре коммуникации. «Лидеры, возможно, лучше других знают мнения в своей группе потому, что они больше всех остальных членов группы влияют на формирование этих мнений». В поддержку этого объяснения приводятся некоторые экспериментальные доказательства. Я бы только добавил, что это следует воспринимать не как *альтерна-*

В последнее время довольно много исследований такого рода, изучающих вариативность знания групповых норм, появилось в социальной психологии⁸³. Они создают хорошие предпосылки для параллельного развития *социологических* исследований, изучающих процессы, благодаря которым структура группы порождает такие различия в видимости норм. Работы такого плана, дополняющие социально-психологические исследования, следует сконцентрировать *наположении* или *статусе*, занимаемом членами группы в групповой структуре, а не на индивидуальных различиях восприятия (это с очевидностью следует из выделенного курсивом наблюдения Ньюкома). Детальная разработка соответствующих социологических исследований завела бы нас слишком далеко, но некоторые краткие соображения на этот счет могут хорошо послужить нашим непосредственным целям.

Эмпирические социологические исследования, дифференцированно изучающие распределение ценностей и норм в группе, лучше всего начинать со следующего теоретического тезиса: власть в группе обычно действует не так, как это кажется извне — отдавая приказания. Как заметили Барнард (Barnard) и другие исследователи⁸⁴, авторитет власти — это атрибут коммуникации, благодаря которому она воспринимается «членом» группы как руководство к действию. Согласно этой концепции, «решение о том, является ли приказание авторитетным или нет, принадлежит людям, к которым оно обращено, а не «авторитетным личностям» или тем, кто издает эти приказания». Короче говоря, с точки зрения социологии власть и авторитет — это образцы социального отношения, а не атрибут, присущий индивиду («лидеру»).

тивный социальный процесс, обуславливающий лучшее знание лидерами групповых ценностей, позиций и бытующих в группе мнений, а *какдопоянительный* социальный процесс, подкрепляющий тот, на который указывали Чоудри и Ньюком. Мои соображения по этому поводу будут изложены ниже. См.: Talland G.A., «The assessment of group opinions by leaders, and their influence on its formation», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1954, 49, pp. 431—434. (Я очень обязан своему коллеге Ричарду Кристи, обратившему мое внимание на статью Толанда.) — *Примеч. автора.*

" Они приводятся в: *The Handbook of Social Psychology* ed. by Lindzey G. (Cambridge, Mass.: Addison — Wesley Publishing Company, Inc., 1954), например, в главах 17, 21, 22 и 28. — *Примеч. автора.*

⁸⁴ Barnard C.I., *The Functions of the Executive*, Chapter XII, особенно п. 163. Что касается дальнейших исследований различий между социально-психологическим конструктом «лидер» и социологическим конструктом «авторитет», см.: Wolpert J.F., «Toward a Sociology of authority», in: Gouldner A.W., *Studies in Leadership* (New York: Harper & Bros., 1950), pp. 679—701; Bierstedt R., «The problem of authority», In: *Freedom and Control in Modern Society*. Eds Berger, Abel and Page, pp. 67—81, esp. at pp. 71—72; Jacques E., *The Changing Culture of a Factory* (New York: Dryden, 1952). — Chapters 9, 10. — *Примеч. автора.*

В этом случае, как и во всех остальных, концептуализация проблемы позволяет выявить ощутимые различия таким образом, чтобы можно было приступить к дальнейшим исследованиям. Если под авторитетом понимается свойство личности, а не социальное отношение, то исследование обращается к специфически-психологическим характеристикам, позволяющим людям определенного (а не какого-либо иного) типа отдавать такие приказания, которые будут выполняться всеми. Однако, несмотря на всю свою важность, эта проблема не входит в теоретическую компетенцию социологии. Если же авторитет понимается как социальное отношение, то он подлежит социологическому исследованию.

Барнард дает указания, позволяющие проанализировать, какова роль видимости, или наблюдаемости, в проявлениях авторитета. Он утверждает — предположительно, но определенно, — что люди, находящиеся у власти, пользуются ею эффективно и добиваются исполнения своих «приказаний» только потому, что эти приказания, в свою очередь, соотносятся с нормами группы или организации. Если это и кажется парадоксальным, то только потому, что не исследованы предвзятые мнения противоположного характера. Ибо «власть» в лексиконе «человека с улицы», многократно подвергавшегося обработке рекламой, по-видимому, принадлежит тем, кто отдает приказания, а не ответным действием тех, к кому эти приказания обращены. Однако в свете новых исследований все это выглядит менее парадоксальным, так как «власть» останется только бессильным пожеланием, если приказания не будут исполняться. Основная мысль этой концепции состоит в том, что приказания *обычно* не исполняются, если они сильно отличаются от действующих в группе норм⁸⁵.

Все сказанное, разумеется, не означает, что те, кто находится у власти, это *всею лишь* пассивные последователи преобладающих в группе норм. Это означает только, «что власть» не даст *carte blanche* тем, кто ею обладает, что она не позволяет им делать все, что им вздумается. Чтобы всегда оставаться эффективной, власть должна действовать в пределах, налагаемых групповыми нормами. Тем не менее справедливо и другое утверждение: власть обеспечивает возможности для модификации норм и для введения в действие новых образцов поведения, считающихся совместимыми и с новыми нормами, и с теми

⁸⁵ Барнард основывал свою концепцию на многочисленных наблюдениях и размышлениях по поводу поведения людей в больших формальных организациях. С тех пор эта концепция неоднократно подтверждалась тщательными исследованиями, например, остроумным экспериментом, о котором сообщил Ф. Мерей (см. Merей F., «Group leadership and institutionalization», *Human Relations*, 1949, 2, pp. 23—39). — *Примеч. автора.*

нормами, которые существовали раньше. Короче говоря, авторитет власти гораздо меньше связан с неограниченной властью, чем обычно думают, и гораздо сильнее зависит от условий, чем это доступно пониманию рядовых членов группы.

Имея в виду этот контекст, я прежде всего остановлюсь на первом из этих атрибутов авторитета власти — его ограниченности групповыми нормами. Ибо он требует, чтобы те, кто находится у власти, хорошо знали эти нормы — лучше, чем остальные члены группы. В противном случае приказы, издаваемые властью, будут часто и непреднамеренно нарушать эти нормы и постепенно сведут на нет эффективность авторитета тех людей, которые отдают эти приказы. Приказы либо вообще не будут выполняться, либо будут выполняться только принудительно, так что в результате легитимный лидер постепенно превратится в «голового короля». Такой исход, конечно, иногда случается, и именно по тем причинам, которые мы только что рассмотрели. Но если авторитету власти не наносится серьезного ущерба, то именно потому, что «приказы» не нарушают границ групповых норм, которые принимаются в расчет теми, кто стоит у власти. Теперь мы должны разобраться в том, какие механизмы в социальной структуре приводятся в действие, чтобы обеспечить лидеров необходимой информацией.

До сих пор мы рассматривали главным образом функциональное требование, соблюдение которого необходимо для эффективности авторитета, а именно — получение адекватной информации о групповых нормах и ценностях, а также (имплицитно) о позициях членов группы. Теперь мы должны обратить внимание на то, что функционально требуется также сравнимая информация о действительном поведении членов группы, о том, как они *исполняют свои роли*. Эти два типа информации тесно связаны между собой, хотя они заметно отличаются друг от друга. Для того чтобы властные структуры действовали эффективно, требуется и видимость норм, и видимость исполнения ролей.

Проблема 5.1 Механизмы наблюдаемости норм и исполнения ролей

Все вышесказанное означает, что необходимы не только исследования устанавливающие первичные факты, то есть данные о том, действительно ли власти в эффективно действующих группах (как формальных, так и неформальных) знают о нормах и поведении в группе больше, чем остальные члены группы, но и исследования, которые

позволяют идентифицировать структурные механизмы и процессы, обеспечивающие такую видимость. Несмотря на то что систематических исследований, посвященных этому вопросу, очень немного, уже сейчас можно свести воедино некоторые факты и предположения о тех социальных механизмах, которые выполняют функцию обеспечения видимости.

Идентификация этих механизмов начинается с центрального факта: социальный контроль осуществляется членами группы вообще и членами группы, занимающими властное положение, в особенности. Этим фактом часто пренебрегают в исследованиях по социальному контролю — пренебрегают именно потому, что он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Однако, как известно, именно то, что само собой разумеется, доставляет больше всего неприятностей исследователям, изучающим процесс познания. Вот факт, о котором мы уже упоминали раньше и о котором вновь считаем необходимым напомнить: независимо от того, осознают ли это или нет, люди, эффективно осуществляющие социальный контроль, должны быть обязательно в каком-то смысле проинформированы о нормах (или о морально регулируемом и ожидаемом поведении), существующих в группе, а также о действительном поведении членов группы. При недостатке информации первого рода люди, находящиеся у власти, иногда будут призывать к такому поведению, которое несовместимо с нормами, действующими в группе, и при этом обнаружат (часто к своему удивлению и негодованию), что их ожидания («приказы») не исполняются или исполняются только «вынужденно», а это значит, что в каждый данный момент конформизм по отношению к их приказам достигается за счет уменьшения спонтанного конформизма в будущем. В любом случае это означает ослабление авторитета. Иными словами (что, по-видимому, только возвращает нас к нашему исходному теоретическому тезису), эффективный и устойчивый авторитет включает в себя функциональное требование самой полной информации о действительных (не гипотетических) групповых нормах и о действительном (не гипотетическом) исполнении своих ролей членами группы.

Как устроены части и процессы в групповой структуре, какие механизмы обеспечивают исполнение этих функциональных требований эффективной, авторитетной власти? Конечно, этот вопрос не означает, будто мы допускаем, что все группы всегда и везде имеют эти механизмы. Он означает только одно: если группа *не располагает* механизмами, позволяющими адекватно удовлетворить эти требования, то власть и социальный контроль в ней станут слабее. Как известно, именно такова судьба многих групп, которые распались пото-

му, что группа не может сохраниться, если в ней отсутствует достаточно сильный социальный контроль.

1. *Дифференциалы общения*. Один такой механизм, не обязательно предназначенный именно для этой цели, обеспечивается различными сетями общения, в которое обычно вовлечены групповые «власти». Этот механизм очень емко описал Хоманс двумя взаимосвязанными предложениями: 1) «Чем выше социальный ранг человека, тем шире круг людей, вступающих с ним во взаимодействие — прямое или опосредованное». 2) «Чем выше социальный ранг человека, тем шире круг людей, с которыми он вступает во взаимодействие — прямое или косвенное»⁸⁶. Структура вообще устроена таким образом, что люди, стоящие у власти, находятся на стыке двустороннего общения и поэтому лучше информированы о нормах и поведении, чем те, кто занимает другое положение в группе. Следует снова подчеркнуть, что речь идет об организационной тенденции, а не о конкретном факте. Эффективность организации требует, чтобы те, кто ею руководит, размещались в узловых точках сети общения, где они регулярно получают информацию о нормах, действительно существующих в группе.

Эта структура приводит к тому, что люди, занимающие руководящее положение, стремятся быть лучше (по сравнению со всеми остальными) информированными о характере ролей в группе. В разное время было придумано множество изобретений, призванных удовлетворить функциональное требование видимости. При этом в малых и неформальных группах часто обходились без структурных нововведений, специально приспособленных для этой цели: социальное взаимодействие само приводило «лидеров» в соприкосновение с деятельностью членов группы, относящейся непосредственно к группе. В больших и формальных организациях требуется изобретать специальные механизмы, которые в широком смысле можно назвать «процедурами отчета». Идет ли речь о двойной бухгалтерии в частном или государственном бизнесе, об «оценках» студентов, о «моральных характеристиках» в военных или промышленных учреждениях — все эти

¹⁶ Homans G.C., *The Human Group* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1950), P. 182; для дальнейшего анализа уместно обратиться к главе 16. Я обнаружил, что книга Хоманса — единственный и самый информативный источник по вопросу о структуре и функциях «общения» при осуществлении социального контроля в группах и организациях. Хоманс считал, и считал справедливо, что он многим обязан основополагающей Работе Барнарда. Однако следует заметить, что Хоманс значительно развил и систематизировал идеи созданной Барнардом теории власти. Следующий шаг в этом направлении состоит в том, чтобы изучить механизмы, благодаря которым группы и организации удовлетворяют функциональное требование, гласящее, что у власти в группе или организации должны находиться люди, адекватно информированные и о нормах, и об исполнении ролей. — *Примеч. автора.*

процедуры, по существу, выполняют одну и ту же функцию: они информируют руководство о качестве и количестве исполненных организационных ролей с тем, чтобы можно было более эффективно контролировать и координировать деятельность членов группы.

Тем не менее использование механизмов, которые должны удовлетворять функциональному требованию видимости, само ограничено групповыми нормами. Если власти попытаются довести информацию о подробностях исполнения ролей до такого уровня, который превышает нормативные ожидания членов группы, то они столкнутся с сопротивлением или с явно выраженной оппозицией. Оказывается, лишь в очень немногих группах лояльность членов достигает такой степени, что они охотно принимают ничем не ограниченное наблюдение над их исполнением своих ролей. Эта позиция иногда описывается как «потребность скрыть тайну». Но как бы хорошо этот оборот *ни описывал* оппозицию против беспрестанного наблюдения над тем, что происходит в группе, его вряд ли можно считать объяснением, несмотря на то что идея «потребности», очевидно, всегда служит в качестве объяснения.

Сопротивление полной видимости поведения индивида скорее всего есть результат структурных свойств жизни группы. Некоторое отставание от полного конформизма по отношению к ролевым ожиданиям предполагается во всех группах. В любое время предъявлять самые строгие требования к исполнению роли, не допуская даже малейших отклонений, — значит недостаточно учитывать индивидуальные различия (разные способности, разный уровень подготовки) и специфику ситуации, которые делают полный конформизм чрезвычайно затруднительным. Таков один из источников того, что в этой книге повсеместно называлось социально сформированными, или даже институционализированными, отклонениями от институциональных правил. Но если структура группы позволяет полностью обзирать действия ее членов, то даже вполне терпимые отклонения от строжайшего исполнения ролевых предписаний психологически окажутся очень затруднительными. В этом случае члены группы должны будут каждый раз заново решать, насколько они могут отступить от предписанных норм, не навлекая на себя наказаний, тогда как власти должны будут каждый раз заново решать, не разрушат ли наблюдаемые отклонения в поведении основную формообразующую структуру группы. Именно в этом смысле власти могут получить «избыточное знание» о том, что действительно происходит в группе, а это может вызвать дисфункцию системы социального контроля.

Сопротивление полной видимости, разумеется, усиливается благодаря расхождению интересов тех, кто управляет, и тех, кем управ-

ляют. Сильная враждебность по отношению к «суперобзору с близкой дистанции» в бизнесе и в промышленности, очевидно, выражает этот удвоенный протест против надзора за исполнением ролей. Во многом по той же самой причине людей, которые настаивают на полном соблюдении официальных правил, начинают рассматривать как сторонников строгой дисциплины, лично заинтересованных в том, чтобы не допускать терпимых отступлений от правил. Но предполагаемая недоброжелательность или эгоистическая заинтересованность наблюдателя только подчеркивают антипатию к тому, чтобы каждое действие любого отдельно взятого человека стало объектом наблюдения. Конечно, телеэкраны в антиутопии «1984» вызывали ужас, потому что полиция по надзору за мыслями имела институционально узаконенные основания для недоброжелательного наблюдения над тем, что делает любой из граждан Океании в каждый данный момент. Однако, если оставить в стороне недоброжелательность, всякая угроза приватной жизни (то есть сугубо личной, и притом тайной жизни, защищенной от наблюдения извне) воспринимается как угроза личной независимости. То, что Роберт Оуэн хорошо относился к своим рабочим в Нью-Ленарке, признавалось даже теми из его современников, кто сомневался в его здравом уме; однако поскольку он прибегал к услугам «тайных осведомителей», чтобы визуальнo наблюдать за поведением каждого рабочего, то можно предположить, что им не очень нравилась мысль, будто их доброжелательный «старший брат» был вправе знать все, что они делали, — как хорошее, так и плохое.

Заметить, что существует сопротивление полной видимости, значит не только обратить внимание на то, что эмпирически знакомо всем, но и поставить важную теоретическую проблему. Можно предположить, что в самых разнообразных социальных структурах существует *оптимальный в функциональном отношении уровень видимости*. Можно предположить далее, что этот оптимальный уровень не совпадает с полной видимостью. Это не означает, что люди просто хотят сохранить некоторую «приватность»: при всей справедливости этого предположения оно бесполезно в аналитическом плане. Недостаточно также просто сказать (в духе модного культурного релятивизма), что эта «потребность в чем-то приватном» различна в различных культурах или в различных социальных слоях, имеющих свою субкультуру. При всей справедливости данного варианта наша теория все же предполагает, что этот оптимизм определяется не простой исторической случайностью. Скорее мы приходим к выводу, что различным социальным структурам для эффективной деятельности *требуются* различные уровни видимости. Предполагается, соответственно, что для различных социальных структур — если они должны адекватно

функционировать — требуются различные механизмы, позволяющие изолироваться от полной, неограниченной видимости; на обыденном языке это описывается как «потребность в чем-то приватном» или как «значение потаенного».

Можно предположить, если не продемонстрировать, что попытки обуздать полную наблюдаемость поведения носят функциональный характер. В особенности это относится к сложной социальной жизни, где большинство людей в тот или иной момент отступало от строгих нормативных требований общества и где беспрестанное и буквальное соблюдение этих нормативных стандартов, сопровождаемое болезненными наказаниями за любое отступление от них, обязательно привело бы к «войне всех против всех». Ибо полное, беспрестанное и охотное исполнение строгих групповых стандартов было бы возможно только в социальном вакууме, которого никогда не существовало. Оно невозможно ни в одном обществе, известном людям. Социальная функция дозволенности, функция небольших проступков, оставшихся незамеченными, а если и замеченными, то не получившими огласку, заключается в том, чтобы дать социальным структурам возможность действовать без ненужного напряжения. Существуют некоторые виды поведения, которые общество разрешает, оставляя их без ненужных комментариев и без наказаний, несмотря на то что они нарушают букву закона (или морального кодекса). Количество этих институционализированных отклонений, по-видимому, изменяется от группы к группе в зависимости от неотложных требований изменяющейся среды. В периоды сильных стрессов, испытываемых группой или обществом, которые они угрожают разрушить, число таких дозволенных отклонений, очевидно, уменьшается; в военное время дело доходит до требования строжайшего конформизма. В остальное время, когда группа не подвергается серьезной опасности, сфера дозволенного расширяется, и если только видимость не становится более полной и внимание общества не привлекается к отклонениям от буквальных нормативных стандартов, эти отклонения по-прежнему разрешаются.

Как это часто бывает, писателю удается лучше, точнее и ярче, чем социологу, *обрисовать* социальную ситуацию, которую ученый абстрактно анализирует. Если говорить о наших современниках, то Джордж Оруэлл и Олдос Хаксли очень хорошо передали ужас полной наблюдаемости поведения. Но для того, чтобы создать жестокую картину общества с неограниченной видимостью, они должны были экстраполировать тенденции, по-разному проявляющиеся в современных обществах, в гипотетическое будущее. Задолго до того, как возникли общества, стимулирующие этот (не слишком далекий) полет вообра-

жения, викторианский романист и эссеист Уильяме Теккерей сумел изобразить ужасное общество, в котором любое отклонение от социальных норм сразу же расследовалось и наказывалось. Рассмотрим только одну выдержку из его эссе «Не пойман — не вор»:

Вообразите-ка себе, что каждого согрешившего неизменно уличают и, соответственно, наказывают. Все дети во всех школах ложатся под розги. Затем наступает очередь самих надзирателей, а там уже и директора школы... Вот уже вяжут начальника военной полиции, который предвзвременно подверг экзекуции всю доблестную армию... Представьте теперь, что священник объявляет «рессави»*, и самого епископа тащат, чтобы всыпать ему дюжину-две палок. (Я уже вижу, как лорду-епископу Глостерскому стало больно сидеть в своем почетном кресле председателя суда.) Разделавшись с епископом, не обратится ли нам к тому, кто его назначил... Кровь леденеет от такого побоища. В бессилии опускаются руки при мысли о количестве розог, которые надо приготовить и пустить в дело. Как прекрасно, повторяю я, что не каждый из нас попадаетеся. Да, дорогие мои братья, я против того, чтобы все мы получали по заслугам... Хотелось бы вам, чтобы жена и дети знали о вас все и ценили строго по заслугам? Будь это так, друг мой, в вашем жилище стояла бы гнетущая тишина и единственным собеседником вам был бы остывший камин... Не воображаете ли вы, что вы такой и есть, каким кажется? Ничуть не бывало, дружище! Отбросьте прочь эти чудовищные обольщения и благодарите судьбу, что вас до сих пор не поймали**.

Если бы воображение Теккерей, пробужденное практикой телесных наказаний в школах его времени, осталось только в этих пределах, ему никогда не удалось бы схватить самое главное: полная видимость поведения и требование буквально соблюдать нормативные стандарты превратило бы общество в джунгли. Именно такова центральная идея концепции, утверждающей, что некоторые ограничения видимости поведения необходимы для эффективного функционирования общества. Именно в силу этой необходимости доступ к персональным данным ограничен для психолога и социолога, которые, руководствуясь прекрасными целями и не имея личной заинтересованности, тем не менее хотят увеличить наблюдаемость человеческого поведения. Повидимому, именно к социологу часто относятся амбивалентно. Именно поэтому его исследования часто воспринимаются как простое желание «совать нос в чужие дела». Не будь в обществе других, компенсирующих механизмов, как, например, институты «сведений, сообщаемых врачу пациентом» или «доверительной информации», ни

* виновен. — *Примеч. пер.* ** Теккерей В.М. Не пойман — не вор. — Собр. соч. — М.: Художественная литература, 1980. - В 12 т. Т.12. , с. 215-222. — *Примеч. пер.*

социологи, работа которых зависит от свободного доступа к данным о человеческом поведении, ни другие профессионалы (например, доктор, юрист, священник), которым тоже требуется эта информация, не могли бы исполнять свои социальные роли. Но так как эти социальные роли включают в себя строгое соблюдение институционально определенных отношений и не могут делать предметом наблюдений нарушения законов, известные другим людям, то сферу наблюдаемости девиантного поведения можно спокойно расширять, не опасаясь нарушить функционально-необходимые «приватность», «потаенность» или «незнание»⁸⁷.

Одно дело — сказать, что с точки зрения групповых стандартов видимость исполнения ролей может показаться чрезмерной; и совсем другое дело — сказать, что тем не менее нормы обеспечивают более широкий доступ к такого рода информации тем, кто обладает властью, а не остальным членам группы. Различия в видимости возникают не случайно и не даны просто так: они являются следствием функциональных требований, которым соответствует структура группы и нормы, поддерживающие эту структуру.

2. *Различия в мотивации.* Не только структура групп обеспечивает большую доступность информации о действующих в группе нормах и исполнении ролей для тех, кто облечен властью, но и институциональное определение людей, наделенных властными полномочиями, дает им больше мотивов, чтобы искать и находить эту информацию. Такого рода любопытство — не просто вопрос личных склонностей, хотя, разумеется, они могут подкреплять социально определенные требования роли. И в формальных, и в неформальных группах признанные лидеры, очевидно, несут ответственность как за то, что происходит в группе, так и за отношения группы с ее социальной средой. У них есть серьезные мотивы интересоваться всем, что происходит, — хотя бы потому, что их считают людьми, разбирающимися в этом.

Соответственно, члены группы имеют серьезные мотивы, чтобы искать одобрение со стороны вышестоящих лиц предполагаемым

⁸⁷ Цитаты из «1984» Оруэлла и «О дивный новый мир» Хаксли, разумеется, не требуют дальнейшего уточнения ссылок. Отчет «тайного осведомителя» из Нью-Ленарка с гордостью приводится Робертом Оуэном в его жизнеописании, сделанном им самим. См. ■ The Life of Robert Owen, Written by Himself [at the age of 86]. — (London: Effingham Wilson, 1857), I, pp. 80-81.

Зиммель, который интуитивно почувствовал социологическое значение наблюдаемости, почувствовал также значение дополняющей ее «потаенности». См.: *The Sociology of Georg Simmel*, pp. 307—376. Его «социологический нюх» редко подводил его, хотя он часто беспокоился по этому поводу. В более позднее время появилась статья: Moore W.E. and Tumin M.M., «Some social functions of ignorance», *American Sociological Review*, 1949, 14, pp. 787—795. — *Примеч. автора.*

новым формам своей деятельности. Действовать без такой поддержки — значит подвергнуть опасности свое положение. Именно поэтому подчиненные стараются все «выведать» у своего «начальства», прежде чем предпринять какое бы то ни было действие, выходящее за пределы обычной деятельности. Эта процедура, конечно, встроена в структуру высокоорганизованной бюрократии. Но это практикуется также, как отметили Уайт, Хоманс и другие, в большинстве неформальных групп. «Выведывание» может состоять только в обмене случайными на первый взгляд репликами, который легко можно идентифицировать с «прохождением по каналам», существующим в формальных и более сложных организациях.

Таким образом, институционализируемая мотивация выше- и нижестоящих членов группы может стать взаимно дополнительной и поддерживать одна другую. В какой-то мере обремененные ответственностью вышестоящие имеют мотивы для получения информации об изменившемся поведении и ожиданиях; в какой-то мере зависимые от них подчиненные имеют мотивы, чтобы информировать вышестоящих, прежде чем вносить в свою деятельность что-то новое. И структура, и мотивация содействуют тому, чтобы лица, наделенные властью, были лучше информированными, чем рядовые члены группы.

3. *Что препятствует видимости.* Но это, разумеется, только одна сторона дела. Действующие в противоположном направлении мотивации и социальные процессы понижают уровень видимости, который был бы очень высок, если бы действовали только те механизмы, о которых говорилось выше. Некоторые из этих противодействующих механизмов хорошо известны; здесь их нужно только упомянуть⁸⁷³.

Лица, занимающие самое высокое положение в сложных группах или организациях, не могут непосредственно соприкасаться с теми, кто составляет все остальные страты. Дело не только в том, что это было бы дисфункционально в организационном отношении. Ибо если они хотят сохранить структуру власти, они тоже должны действовать «через каналы». В противном случае, как отмечали Зиммель и другие исследователи, они разрушат авторитет тех, кто является посредником между высшей властью и низшими эшелонами организации. В результате до высших слоев, возможно, начнут доходить только те сведения, которые хотят довести до них их непосредственные подчиненные. Наблюдаемость фильтруется структурными слоями личного состава, и полученная в итоге дистиллированная информация может разительно отличаться от действительного положения дел в организации (то есть от реально действующих норм и реального исполне-

⁸⁷³ Частично они рассматривались в: Homans, *op. cit.*, pp. 438—439, а также в других местах той же книги. — *Примеч. автора.*

ния ролей)⁸⁸. Кроме того, власть стремится изолировать тех, у кого ее слишком много. Так как обычно они общаются со своим ближайшим окружением, то чем сложнее организация, тем больше вероятность того, что со временем они ничего не будут знать об изменениях взглядов и норм на более низких (причем не только самых низких) уровнях организации. Эта особенность социальной структуры часто приводит к запаздыванию информации. Отчуждение большого количества людей от установленных норм может произойти задолго до того, как оно привлечет внимание властей, работа которых состоит именно в том, чтобы поддерживать эти нормы. Благодаря этой структурной изоляции они могут ничего не знать об изменениях действующих норм до тех пор, пока эти изменения не зайдут очень далеко. При наличии этого структурного источника повреждения коммуникаций такие изменения регулятивных норм могут привлечь внимание «властей» только тогда, когда они обнаружат, что их приказы, которые, как они считали, находятся в пределах преобладающих в данной организации норм, не воспринимаются с ожидаемым ими конформизмом. В эти условиях авторитет власти падает. Запоздалые уступки явно изменившимся нормам только делают очевидным для всех, насколько понизился былой авторитет власти. В некоторых случаях, когда этот процесс набирает силу прежде, чем он будет замечен официальными властями, этим властям приходится сложить свои полномочия.

Функциональное значение приемлемого уровня видимости норм и исполнения ролей должно быть закреплено организационно (за исключением особых случаев, где этого не требуется). Если структура группы или организации не соответствует гипотетическому минимуму требований «достаточной» видимости, то либо складывается новая структура власти, либо распадается социальная организация. Это теоретическое положение, которое требует гораздо больше систематических эмпирических исследований, чем их было до сих пор,

⁸⁸ «Народная мудрость» часто включает в себя признание этой структурной тенденции в сложно организованном обществе. Защитники Гитлера часто обращались к факту сложной организации, чтобы объяснить, почему «он ничего не знал» о лагерях смерти в нацистской Германии. Однако, как свидетельствуют исторические документы, говорить так — значит не отдавать должного организационному таланту Гитлера: его коммуникационные каналы действовали более эффективно, чем можно было думать. История считает его ответственным за массовые убийства не только потому, что институциональные лидеры вообще несут ответственность за поведение своих подчиненных, но и потому, что Гитлер «созидал» тем «лучше», чем больше он знал; он имел возможность хорошо наблюдать за тем, что происходит на самом деле. За исключением последнего периода существования его тысячелетнего рейха, он был хорошо информирован; этот аспект организационной эффективности нацизма дает достаточное основание считать его ответственным. — *Примеч. автора.*

связывает теорию референтно-группового поведения с теорией социальной организации. Эти две линии развития социологической теории переплетаются с третьей, представляющей собой совокупность идей о функциональных требованиях личности к властям предержащим и к поддержанию видимости организационных норм и исполнения ролей.

4. *Социальный отбор типов личности, подходящих для того, чтобы поддерживать видимость.* Будучи необходимым условием эффективного осуществления власти, видимость предполагает действие механизмов отбора организационных лидеров, обладающих соответствующим функциональным типом личности. Это утверждение легко может превратиться в банальность. Его можно понять следующим образом: было бы хорошо, если бы люди, облеченные властью, обладали «способностями руководителя»; в этом случае мы столкнулись бы с прискорбным явлением — ярко выраженной, излишне усложненной банальностью. Однако если это высказывание понимается по-другому, в том смысле, что требуются *специфические* свойства личности, чтобы поддерживать эффективную наблюдаемость групповых норм и исполнения ролей, то оно позволяет поставить такие вопросы, которые заслуживают и в конечном итоге, возможно, получают здравые эмпирические ответы. Обширная, иногда кажущаяся безбрежной литература о личностных свойствах «лидеров» и людей этого типа, исполняющих другие функциональные роли, несомненно, содержит большую информацию по вопросу, который мы обсуждаем в настоящий момент. Здесь не делается никаких попыток рассмотреть и сопоставить эти материалы. Вместо этого я только сошлюсь на весьма поучительные предположения Шилса (Shils)⁸⁹, которые, как мне кажется, имеют прямое отношение к проблеме требований, которым должна удовлетворять личность, чтобы поддерживать хорошую видимость норм и исполнения ролей.

Шиле подходит к этой проблеме, когда задается вопросом о том, почему нативистские* движения фашистского типа в Соединенных Штатах оказались либо недолговечными, либо — после кратковременного расцвета, если не славы — относительно безуспешными. Все же, по-видимому, должны существовать островки культурной почвы, где нативизм процветает. По словам Шилса, «на Среднем Западе и в Южной Калифорнии очень много мелких нативистско-фундаменталистских движений».

⁸⁹ Shils E.A., «Authoritarianism: «right» and «left», in: Christie R. and Jahoda M. «Studies in the Scope and Method of «The Authoritarian Personality», pp. 24—49, esp. at pp. 44—48. — *Примеч. автора.*

* Нативизм — политическая теория превосходства граждан, родившихся в стране, над иммигрантами. — *Примеч. пер.*

листских агитаторов такого типа, который можно назвать фашистским. Однако они никогда не имели никакого успеха в Соединенных Штатах, несмотря на наличие многих членов, несмотря на то что население Среднего и Дальнего Запада склонно к ксенофобии, популизму, антиурбанистическим и антиплутократическим настроениям и недоверчиво относится к интеллектуалам; многие (некоторые) из этих особенностей можно рассматривать как составные элементы фашизма. Но так как эти черты или общая система ценностей не совпадают с дифференцированным поведением в системе ролей, то эти люди никогда не могли составить сколько-нибудь значительного движения».

Частичным объяснением этого кажущегося парадокса, по-видимому, служит личностная неадекватность нативистских лидеров, если рассматривать ее с точки зрения того функционального требования к эффективности власти в социальных системах, которое я описал как наблюдаемость или видимость. По-видимому, нативистским лидерам вообще не хватает следующих необходимых личностных качеств, выделенных Шилсом: достаточной чувствительности к ожиданиям других; ориентации на одобрение коллег и избирателей (что, разумеется, не означает рабской зависимости от такого одобрения); умения настоять на своем в процессе организационной деятельности; способности доверять другим, готовности разделить с ними их ценности; способности подавлять непосредственную реакцию на ту или иную ситуацию, чтобы иметь возможность взвешенно судить об организационных последствиях своих действий; умения всегда различать, в каких случаях требуется поведение, выражающее собственные чувства и настроения, а в каких — инструментальное поведение и поведение, реализующее разделяемые с другими людьми ценности; умения действовать таким образом, чтобы не настаивать на непосредственном общении со своими избирателями и тем самым поддерживать авторитет своего окружения⁹⁰.

Таковы некоторые из личностных переменных, которые позволяют тем, кто облечен властью, чутко реагировать на действительные и возможные действия своих приверженцев и в то же время оставаться независимыми от них. Однако соответствие организационных лидеров этим личностным требованиям есть результат социальных процессов отбора лидеров, и Шилс описывает дефекты механизма отбора, существующие в нативистском движении; этим описанием следует восхищаться, но детально воспроизводить его здесь не стоит.

Наиболее важный в теоретическом отношении момент состоит в том, что на роль организационного лидера функционально требуется

⁹⁰ Эти пункты — частичный пересказ компактного изложения Шилсом данной проблемы. — Ibid., 44 ff". — *Примеч. автора.*

целая плеяда личностей определенного типа, а также в том, что в социальной структуре должны происходить некоторые селективные процессы, функционально необходимые для того, чтобы к власти могли прийти подходящие для этого личности, которые сумеют эффективно наблюдать за нормами и за исполнением ролей.

5. *Дальнейшее обсуждение видимости.* В предыдущем разделе мы обратили особое внимание на социологическую переменную, имеющую некоторое значение, в частности, для теории референтных групп, а в целом — для теории организации. Эта переменная — видимость — рассматривалась только в общих чертах. Но даже при таком подходе она требовала выхода за пределы теории референтных групп (понимаемой в узком смысле) и переноса проблемы видимости в более широкую сферу — сферу социальной организации. В нашем обзоре было высказано предварительное предположение, гласящее, что видимость — это структурный аналог того, что с точки зрения психологической теории называется социальным восприятием. Социологическое исследование видимости изучает, каким образом социальные *структуры облегчают или затрудняют* осознание преобладающих в группе норм и в какой мере члены группы живут согласно этим нормам. Подобно «понимающей теории» социальной организации, которая оставляет место для структурных моделей видимости, «понимающая теория» восприятия позволяет выделить психологические процессы, обуславливающие ту тонкую дифференцированную чувствительность к социальным ситуациям которая была названа «социальной восприимчивостью»⁹¹.

«Видимость» — это термин, обозначающий, в какой мере структура социальной организации дает возможность тем, кто занимает в этой структуре самые различные места, воспринимать существующие в данной организации нормы и характер исполнения своих ролей членами организации. Он обозначает именно свойство социальной структуры, а не *восприятия* индивида. Различные образцы видимости изучались путем сравнения тех, кто облечен властью, и тех, кто занимает подчиненное положение. В итоге появился краткий обзор некоторых социальных механизмов, улучшающих или ограничивающих видимость.

Речь идет о структурах и процессах, рассматриваемых с точки зрения их функционального значения для удовлетворения определенных требований социальной организации; в этом случае видимость выс-

⁹¹ Что касается информативного обзора и оценок этой области исследования, см.: Bruner J.S. and Tagiuri R., «The perception of people», in: Lindzey, *Handbook of Social Psychology*, II, pp. 634—654, и библиографию других обзорных статей, приведенную там же. — *Примеч. автора.*

тупает как элемент социального контроля. Выше уже были названы два из этих механизмов: во-первых, расположение «властей» в стратегически важных точках сети коммуникаций; во-вторых, наличие структурных мотиваций, побуждающих власти (которые считаются ответственными за успехи и неудачи организации) собирать информацию о нормах и деятельности. Соответственно, мы рассматривали, какие структурные и процессуальные препятствия ограничивают видимость для тех, кто обладает властью; мы заметили также, что требуются дальнейшие структурные усовершенствования, чтобы преодолеть эти препятствия. Наконец, было отмечено: если те, кто облечен властью, должны систематически пользоваться всеми структурными возможностями, определяющими хорошую видимость, то они должны удовлетворять определенным личностным требованиям.

Все это может показаться продолжительным отступлением от проблемы структурных элементов и процессов, составляющих референтно-групповое поведение. Отчасти здесь действительно имеется уклон в сторону более широкой теории социальной организации. Но в гораздо большей степени эти соображения связаны непосредственно с одной из основных исходных предпосылок теории референтных групп: эта предпосылка гласит, что должны существовать определенные структуры, благодаря которым люди знакомятся с нормами и деятельностью тех групп, которые они выбирают в качестве оценочных и сравнительных референтных координат. Социологи еще только начинают изучать механизмы, позволяющие тем, кто входит в группу, и «людям со стороны» получать какое-то представление о ее нормах и деятельности. До тех пор, пока эти вопросы не получают дальнейшего объяснения с помощью новых теоретических формул и связанных с ними эмпирических исследований, теория референтных групп останется принципиально ограниченной и в этом смысле неполной.

Можно по крайней мере вообразить, каким будет дальнейшее развитие теории референтных групп в этом направлении. Ибо как только мы признаем, что видимость есть интегральный компонент референтно-групповых процессов, на ум сразу же начинают приходить многочисленные вопросы, гипотезы и предположения. Является ли наблюдаемость *норм* и *ценностей* в группах не-членов более высокой, чем наблюдаемость реально существующих в них образцов поведения? Иными словами, существует ли среди аутсайдеров тенденция создавать нереалистический имидж не-членских групп, которая в случае позитивных референтных групп приводит к безоговорочной идеализации (когда официальные нормы воспринимаются как ценности, определяющие лицо группы), а в случае негативных — к безоговорочному осуждению (когда официальные нормы считаются со вершен -

но отчужденными от наиболее фундаментальных ценностей аутсайдера)? Соответственно, не относятся ли люди скептически к публично провозглашенным ценностям их членской группы, зная (даже если это знание не было ясно сформулировано), что реальное поведение только приблизительно соответствует этим ценностям, так как они становятся составной частью социальных ролей? Эти вопросы можно выразить в более общей форме: действительно ли видимость норм и действий различается в зависимости от того, является ли индивид членом группы, о которой идет речь, стремится ли он вступить в эту группу или отвергает любое участие в ее делах? Такого рода вопросы не являются бессмысленными. Рассмотрим, например, общеизвестный случай новообращенных членов группы. Часто говорят (по-видимому, отчасти это совершенно справедливо), что новообращенные члены группы чересчур ревностны в своем конформизме по отношению к групповым нормам, потому что считают, что находятся на испытании, и хотят обеспечить свое вступление в группу. Возможно, испытание пылкого конформизма новообращенных членов с точки зрения социально индуцированной мотивации и есть истина, но вся ли истина? Понятие дифференциальной наблюдаемости наводит на мысль, что нет. Ибо новообращенный может стать ярким конформистом не только благодаря определенной мотивации, но и из-за отсутствия достоверного знания о допустимых и стереотипных отклонениях от норм, действующих в той группе, к которой он недавно присоединился. В результате — и в отличие от давних членов группы к которым это знание пришло само собой в процессе социализации — новообращенный пытается жить в строгом соответствии с этими нормами. Он становится жестким конформистом. Однако теоретически значимый тезис состоит в следующем: новообращенный проявляет экстремальный конформизм не только потому, что относится к «жесткому типу личности», но и потому, что в отсутствие близкого знакомства с нормами своей новообретенной группы у него нет иной альтернативы, как вынужденно руководствоваться в своем поведении официальными нормами. Общеизвестно, что очень часто новообращенный — независимо от того, идет ли речь о религиозных, политических или «социальных» убеждениях — становится самодовольным резонером, полностью поглощенным своим стремлением делать все по правилам⁹².

⁹² Чтобы описать этот человеческий тип, не обязательно называть чьи-то имена. Резонер — это определенный социальный тип. Так как я не могу описать этот тип лучше, чем это сделано в анонимном собрании эссе, процитированном в книге Фаулера «Современный английский язык», я приведу это описание: «Резонер — это человек, верующий в бюрократизм; иными словами, он ставит метод выше проделанной работы. Подобно фар.шею, резонер говорит: «Господи, благодарю тебя зато, что

С точки зрения видимости норм, социологическим дубликатом резонерства служит убежденность в том, что высокий ранг налагает на человека определенные обязательства: *положение обязывает*. Люди, занимающие высокое положение в группе или в обществе, принадлежащие к аристократии (речь в данном случае не идет об аристократии в узкоисторическом смысле слова), знают правила игры, то есть они знают нормы и знают, как их обойти. Они стремятся также получить власть, чтобы заставить остальных подчиняться их воле. В этих пределах они испытывают социально оправданное чувство личной безопасности. Именно поэтому от них ожидают, что они не будут выходить за эти пределы. («Кому много дано, с того много спросится».) В отличие от неофита, не уверенного в своем статусе, человек, занимающий определенное положение, может свободно отступать от строгого исполнения норм, особенно если это не дает ему никаких преимуществ. Потому что, вообще говоря, настаивать на буквальном соблюдении норм значило бы настаивать на выгодном использовании своего положения, тогда как отступление от норм, обеспечило бы многим его подчиненным более свободный доступ к более высокому положению, рангу и известности. Поскольку социальная структура обладает такими свойствами, резонер низкого ранга еще может быть терпим, если не любим, но резонер высокого ранга, настаивающий на получении дополнительных преимуществ благодаря букальному соблюдению норм, заслуживает только двойное осуждение и ненависть: во-первых, его будут осуждать и ненавидеть зато, что он не приводит нормы в соответствие с требованиями ситуации и в этом отношении ничем не отличается от всех остальных, которые так и не сумели понять, что нормы — это всего лишь директивы, руководящие указания; его будут осуждать и ненавидеть вдвойне, потому что он извлекает выгоду из своего конформизма. Только в том случае, если человек, занимающий определенное положение, просто откажется от своего конфор-

я не таков, как другие», если не считать того, что он часто заменяет *Бога* своим «Я». Резонер — это человек, который рассчитывает свою жалкую выгоду до последней копейки, тогда как его сосед-миллионер позволяет выгоде самой заботиться о себе. Резонер ожидает, что другие будут кроить себя по его самым неадекватным меркам, и уверенно осуждает их, если они этого не делают. Резонер мудр не по годам во всех незначительных вопросах. Резонер стреляет из пушек по воробьям: иными словами, он обращается к вечным моральным заповедям, чтобы решить, должен ли он совершить самый незначительный поступок, например, выпить стакан пива. В общем, по-видимому, можно сказать, что все черты его характера проистекают из различных комбинаций трех факторов — желания выполнить свой долг, убежденности в том, что он знает все лучше других людей, и неумения видеть истинную цену вещей». — *Примеч. автора.*

мизма по отношению к нормам, которые он заставляет соблюдать себя и других, им будут неохотно и амбивалентно восхищаться. Именно его назовут принципиальным человеком, а не резонера, добивающегося собственной выгоды.

Необходимым, хотя и не всегда заметным компонентом всего этого является переменная видимости. Чтобы извлечь эту переменную из тени нашего невнимания, в которую она погружена, возможно, будет полезно провести своего рода краткое социологическое исследование, которое выявит, каким образом мнение «общественности» и «избирателей» начинает привлекать внимание тех, кто занимает высокое положение. Ибо взгляды, мнения, настроения и ожидания организованных групп и неорганизованных масс, вероятно, образуют социальную систему референтных координат для деятельности лиц, наделенных властными полномочиями, лишь в том случае, если эти лица знают их или думают, что знают. Короче говоря, именно общественное мнение самыми разнообразными способами влияет на решения властей (если не определяет их), но лишь в том случае, если оно наблюдаемо.

Проблема 5.2

Наблюдаемость общественного мнения со стороны тех, кто принимает решения

Уже многими было замечено, что общественное мнение носит информативный характер, если оно хорошо обосновано, то есть ориентируется на реалии той или иной ситуации. Этот вопрос здесь не обсуждается. Скорее нас интересует другой (хотя и тесно связанный с первым) вопрос — каким образом люди, облеченные властью, узнают о состоянии общественного мнения. Ибо общественное мнение влияет на реальный ход дел и обеспечивает систему референтных координат для лиц, наделенных властными полномочиями, по преимуществу в той мере, в какой оно наблюдаемо. Разумеется, лучше всего позволяют наблюдать уже сложившееся общественное мнение организованные «группы давления». Организованные «группы давления» обеспечивают наиболее бросающийся в глаза базис для наблюдаемости показного общественного мнения. Действительно, группу давления можно рассматривать как организационный механизм, позволяющий довести до сведения влиятельных личностей, носителей власти и властных структур определенные интересы, настроения и точки зрения, а также разъяснить, к чему приведет неконформизм по отношению к общественному мнению. Деятельность групп давления

хорошо изучена", и хотя, разумеется, еще неясно, какие условия определяют степень их эффективности, в данный момент это не представляет для нас непосредственного интереса. Рассмотрим лучше не столь очевидный вопрос: каким образом различные социальные механизмы воздействуют на *на.длюд.аемостьнеорганизованных* интересов, настроений и ориентации. Они становятся видимыми для носителей власти отчасти благодаря экспрессивному, а отчасти инструментальному поведению больших, зачастую неорганизованных сообществ; до сих пор эти механизмы плохо изучены и требуют дальнейших исследований⁹⁴.

⁹³ Довольно полный обзор и анализ этих исследований см. в: Key V.O., *Politics, Parties and Pressure Groups* (New York: Thomas Y. Crowell, 1952), 3 d ed. — Примеч. автора.

⁹⁴ Конечно, с давних времен множество теоретических работ рассматривало вопрос о том, как можно заставить прислушиваться к голосу людей, особенно в сфере политики. Существует также недавняя традиция эмпирических исследований, посвященных этой проблеме; лучше всего я знаком с теми из них, которые проводились в Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета. Первоначально эти исследования изучали, каким образом информация передается от аудитории тем, кто рассчитывает иметь аудиторию (см., например: Sayre J., «Progress in radio fan-mail analysis». — *Public Opinion Quarterly*, 1939, 3, pp. 272—278). Позже они включили в себя также анализ почты, получаемой политическими деятелями (см., например: Herzog H. and Wyant R., «Voting via senate mailbag». — *Public Opinion Quarterly*, 1941, 5, pp. 358—382; 590—624). В 1948 г. целая монография (завершенная, но до сих пор не опубликованная) была посвящена анализу выборки из 20 000 писем, почтовых открыток и телеграмм, адресованных Дуайту Эйзенхауэру и побуждающих его, не смотря на его публичный отказ, выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов (см.: Merton R.K., Sussmann L.A., Jahoda M. and Doris J., *Mass Pressure: The 1948 Presidential Draft of Eisenhower*). В настоящее время Лейла Зуссман (L.A. Sussmann) занята изучением почты, адресованной Франклину Делано Рузвельту; частично это исследование опубликовано (см.: Sussmann L.A., «FDR and the White House mail». — *Public Opinion Quarterly*, 1956, 20, pp. 5—16). См. также статьи, опубликованные в том же номере журнала под общим названием: «Communication to the policy — maker: petition and pressure». Изобретение опросов общественного мнения обеспечило новый и, при всем своем несовершенстве, все более широко используемый способ наблюдения за массовыми мнениями и массовым поведением. Подробный анализ этого вопроса увел бы нас далеко в сторону. Хороший анализ при менения опросов и других свидетельств общественного мнения деятелями законодательной и представительной власти см. в: «Kriesberg M., «What Congressmen and administrators think of the polls». — *Public Opinion Quarterly*, 1945, 9, pp. 333—337; в этом исследовании сообщается: примерно пятьдесят сенаторов и конгрессменов считают, что они получили представление о политических настроениях и общественном мнении прежде всего благодаря личной почте и в гораздо меньшей степени — благодаря прямому личному контакту со своими избирателями, газетам и, наконец, благодаря опросам. См. также: Lewis G.F., Jr., «The Congressmen look at the polls». — *Public Opinion Quarterly*, 1940, 4, pp. 229—231. Что касается кратковременной реакции на при менение опросов как средства измерения общественных настроений, последовавшей за мнимым провалом опросов в 1948 г., см.: Merton R.K. and Hatt P.K., «Election polling

Организованная социальная жизнь сама порождает мотивации, ведущие к созданию социальных механизмов, которые будут обеспечивать функционально-адекватный уровень наблюдаемости. Насколько можно судить, властная элита всегда заинтересована в изучении ценностей, норм, интересов и поведения других слоев с тем, чтобы, принимая решения, учитывать эти обстоятельства; в то же время рядовые члены общества заинтересованы в том, чтобы их ценности, нормы, интересы и поведение стали известны находящимся у власти творцам социальной политики и были приняты ими во внимание. (Только в определенных специфических условиях они стремятся сделать такую наблюдаемость абсолютно невозможной.) Однако одних мотиваций недостаточно, чтобы произошло какое-нибудь событие. Социальная организация должна обеспечить механизмы, которые дадут этой информации возможность привлечь внимание соответствующей властной элиты. В истории существовали самые разнообразные процедуры и механизмы, выполняющие эту функцию, — от использования наполеоновских полицейских «шпионов» и «экспертов общественного мнения» (например, Барера) до современных опросов общественного мнения. Однако, несмотря на то что они отличались друг от друга по своим организационным принципам и специфическим целям, все они имели одну и ту же функцию — обеспечить властям какое-либо представление о преобладающем «состоянии умов». Ибо даже в тех случаях, когда власти пытаются обмануть своих избирателей или изменить их интересы и ценности, не говоря уже о тех случаях, когда они стремятся действовать в соответствии с ожиданиями своих избирателей, очень полезно, даже необходимо знать, каковы эти ожидания. Какова бы ни была форма организации — диктатура или демократия, — функциональным требованием всегда остается определенный существенный уровень наблюдаемости. В различных социальных структурах существуют различные механизмы наблюдаемости, но, по-видимому, их функция в жизни социальных групп универсальна.

Это, разумеется, не означает, что данная функция всеми воспринималась одинаково и адекватно. В сложных социальных структурах всегда шла борьба с явно неадекватными способами осведомления

forecasts and public images of social science». — *Public Opinion Quarterly*, 1949, 13, pp. 185—222. Bailey S.K. and Samuel H., *Congress at Work* (New York: Henry Holt and Co., 1952); Bailey S.K., *Congress Makes A Law* (New York: Columbia University Press, 1950); Grodzins M., *American Betrayed: Politics and the Japanese Evacuation* (Chicago: University of Chicago Press, 1949); — вот три впечатляющих исследования о влиянии общественных настроений на принятие решений, в которых содержатся ценные данные о наблюдаемости общественного мнения. — *Примеч. автора*.

властей о настроениях и ценностях избирателей. Часто власти должны были прибегать к догадкам, базируясь на неполной, отрывочной информации. Например, Джефферсон замечает в своей «Автобиографии», что законодатели штата Вирджиния рассматривали билль, который в будущем обеспечил бы полную эмансипацию, однако, как оказалось, общественное мнение не поддерживает этого предложения. Приведем еще один пример. Линкольн предпринял героическую, но безуспешную попытку читать все письма, адресованные ему в Белый дом, чтобы он мог знать, что думают люди. С тех пор объем почтовой корреспонденции, посылаемой американским президентам, неуклонно возрастал; особенно резко он увеличился во время пребывания на посту президента Франклина Рузвельта⁹⁵.

В отсутствие социальных механизмов, позволяющих проанализировать большие количества поступающей корреспонденции, наблюдаемость скорее всего может уменьшиться. (Специалисты в области теории коммуникаций четко идентифицировали процессы, благодаря которым избыток информации порождает неразбериху.) Рассказ Сандберга (Sandburg) о попытке Линкольна справиться с возрастающим объемом адресованной ему документации может послужить социологической притчей на эту тему⁹⁶:

Первые несколько месяцев своего президентства... Линкольн внимательно читал каждую бумагу от начала до конца, замечая при этом: «Я никогда не подпишу документа, который предварительно не прочитал». Позже он стал требовать просто «сжатого изложения сути дела». Наконец, на четвертом году своего пребывания на посту президента он чаще всего говорил: «Покажите мне, где я должен поставить свою подпись?»

Большие и сложные организации, помимо формальной стороны дела, обеспечивают также функциональный эквивалент того постоянного плебисцита — частичного и не обязательно воплощающегося в жизнь, — который, несмотря на допускаемые при этом ошибки, знакомит власти с пожеланиями «рядовых членов». Кроме того, как выяснил Зусман (Sussmann)⁹⁷, массовые коммуникации не только слу-

⁹⁵ Sussmann, *op. cit.*, pp. 6—9. Здесь приводятся данные об объеме почтовой корреспонденции. Вот один из самых драматических примеров: в первую неделю пребывания Рузвельта в Белом доме туда поступило 450 тыс. почтовых отправлений. — *Примеч. автора.*

⁹⁶ Sandburg C, *Abraham Lincoln: The War Years* (New York: Harcourt, Brace & Company, 1939), 111, p. 414. — *Примеч. автора.*

⁹⁷ Весьма поучительный обзор широкого спектра функций, выполняемых таким количеством почтовой корреспонденции, см. в: Sussmann, *op. cit.* Что касается критического и вместе с тем программного утверждения о необходимости изучать общественное мнение, так как оно «сосредоточено на тех, кто должен действительно реаги-

жат (несовершенным) показателем общественных настроений, но и выполняют некоторые другие функции. Если пользоваться или разумно, они могут усилить позиции одних властей в их конфликте с другими. Администрация Рузвельта, например, мастерски пользовалась этим организационным оружием. Когда была отменена администрация по общественным работам, более 50 тыс. писем и 7 тыс. телеграмм, протестующих против этого решения, было послано в Белый дом, и с этим, по словам Шервуда, «нельзя было не считаться»⁹⁸. Точно таким же образом власти (которые во всех организациях, а не только в политических, несут ответственность за внешние отношения) могут стимулировать выражение чувств и настроений избирателей в поддержку их внешней политики". Наконец, такого рода наблюдаемость обеспечивает *непосредственное* общение с властями самого высокого ранга, минуя власти промежуточных уровней¹⁰⁰.

В этом схематическом наброске действия системы коммуникаций, которая возникает для того, чтобы удовлетворить, по крайней мере частично, функциональное требование наблюдаемости, или видимос-

ровать на него», см.: Blumer H., «Public opinion and public opinion polling», *American Sociological Review*, 1948, 13, pp. 542—549, а также обсуждение этой статьи Теодором Ньюкомом и Джулианом Вудвордом. — Ibid., pp. 549—554. — *Примеч. автора.*

⁹⁸ Sherwood R.E., *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History* (New York: Harper & Brothers), 198, p. 56. — *Примеч. автора.*

⁹⁹ Что касается одного из бесчисленного множества примеров, см. отчет Шервуда о совещаниях Гопкинса со Сталиным после смерти Рузвельта. Гопкинс подчеркивал важную роль «совокупного общественного мнения американцев», во многом определявшего современную внешнюю политику страны; далее, «со всей серьезностью относясь к его приказу», он убеждал Сталина в том, что «та часть носителей американского общественного мнения, которая оказывала постоянную поддержку политике Рузвельта, была серьезно обеспокоена отношениями с Россией. Действительно, за последние шесть недель ухудшение общественного мнения [о том, как оно было достигнуто, он не говорил] приобрело такой серьезный характер, что стало неблагоприятно влиять на отношения между нашими двумя странами. Г-н Гопкинс сказал, что непросто и нелегко установить точные причины, приведшие к этому ухудшению, но он должен особо подчеркнуть, что без поддержки общественного мнения, особенно без поддержки сторонников президента Рузвельта, президенту Трумэну будет очень трудно продолжать политику президента Рузвельта» (ibid., pp. 888-889). — *Примеч. автора.*

¹⁰⁰ Sussmann, *op. cit.*, p. 12. «Возможно, главной причиной, по которой Рузвельт придавал такое значение получаемой им почте, было то, что он считал ее одним из лучших способов общения с «простыми людьми». Он слишком хорошо знал необъективность контролируемых элитой средств массовой коммуникации... Он был убежден в ограниченности официальных информационных каналов. Френсис Перкинс вспоминает, что однажды он ей сказал: «Официальные каналы коммуникации и информации довольно консервативны... Их аналитики обычно далеки от простых людей». — *Примеч. автора.*

ти, многое, разумеется, остается недосказанным. Тем не менее он позволяет выделить главный пункт, который не становится менее важным только потому, что является совершенно очевидным и который заключается в следующем: теория референтных групп должна систематически обращаться к переменной наблюдаемости (норм, ценностей и исполнения ролей, существующих в группе), рассматривая ее как референтную систему координат. До сих пор исследования референтно-группового поведения в основном пренебрегали этой переменной. В лучшем случае в этих исследованиях содержались данные о восприятии норм и ценностей в потенциальных референтных группах; они рассматривали также, хотя и гораздо реже, социологические аналоги тех структурных механизмов, которые содействовали большей или меньшей достоверности этих восприятий у тех, кто занял различные положения в структуре коммуникаций. Эти два направления исследования развивались в значительной мере независимо друг от друга, и один из полезных итогов применения теории референтных групп, возможно, состоит в том, чтобы свести их воедино и консолидировать.

Проблема 6 Нонконформизм как тип референтно-группового поведения

В предыдущей главе и в предшествующих разделах данной главы было высказано предположение о том, что конформистское и неконформистское поведение можно адекватно *описать* (не говоря уже о том, чтобы адекватно *проанализировать*) только в том случае, если это поведение связано с членскими и не-членскими группами, взятыми в качестве нормативно- и оценочно-референтных ориентиров.

Например, выше читаем: «На языке социологии социальный конформизм обычно обозначает конформность по отношению к нормам и ожиданиям индивидов в их *собственной* членской группе... А неконформизм по отношению к нормам внешней группы, таким образом [как видим], эквивалентен тому, что обычно называют неконформностью, то есть неконформности по отношению к нормам внутренней группы». Указывалось, что на этом основании возникают «два взаимосвязанных вопроса... каковы функциональные и дисфункциональные последствия позитивной ориентации на ценности иной, не своей группы? Во-вторых, какие социальные процессы вызывают, поддерживают или подавляют такую ориентацию?»

После того как это было опубликовано, я вновь обратился к источнику наших представлений о том, что ныне называется референтно-повым поведением, - главе 8 книги Кули (Cooley) «Чедоаческая порода и социальный порядок» - и обнаружил, что уже в 1902 г. Кули понимал неконформизм примерно таким же образом. То что он описывал как «импульс к бунту или подспудное желание поступать наперекор» (то есть черту негативизма, отчужденности, неконформизма),

можно в более отдаленной перспективе РассМаГрМБаТb_пТМ" * ^ мизм. Это можно назвать бунтом только тмТМ'ТМ» °? тмТМТМй лишь тем что лежит на поверхности; человек, который на первый взгляд иГёт не в ногу с остальными участниками процессии, на самом дГе идет в такт с другой музыкой. По словам Торс, он тм^тм! барабаны. Если мальчик отказывается от профессии ^Т°РУЮ Род^ тели и друзья считают самой подходящей для него, и настаивает на Гм чтоТ, заниматься чем-нибудь странным и Ф*ТМТМ^ТМ» * пример, искусством или наукой, то это, разумеется, означает, что го подлинная жизнь вообще не связана с теми, кто его окружает со своими учителями он познакомился благодаря книгам, а может быть, слу чайно видел и слышал их.

Среда оказывает далеко не такое определенное и очевидно ^ , е влияние, как обычно думают. Наша реальная среда з"на образа ми, которые чаще всего присутствуют в наших мыслях и ^и человек обладает живым, способным к развитию умом, то скорее всего^ни будут разТМ отличаться от того, что дано главным образом ^Тстида'ртаи по отношению к которой мы проявляем лояльность и с чьими^JZZ- мы пытаемся сообразоваться, определяется нашими решенными склон ностями и симпатиями, путем выбора из всех оказываем, ^"X ных влияний; а поскольку наш выбор в какой-то мере "с»1ГГс2-чувственно воспринимаемых партнеров, возникает видимость неконфор

"юбой неконформизм, имеющий позитивный или^Z^oZ характер, должен проявляться именно в этом выборе более °ТМda""°ТМ ношении; сама по себе оппозиция бесплодна и за пределами личностной

-Здесь мы сталкиваемся с явным преувеличением - настолько!о» нем самом заложена возможность корректировки. Всячески --«с подчеркнуть мысль, очень важную в то время, когда писался этот текст, а именно тм^о тмТМ социальная среда состоит не только из людей, с которыми данная тм^ь **улет в непосредственное взаимодействие, Кули склоняется к другой, столь же^неразум ной крайности, утверждая, что среда состоит только из образов другие: лад ей и стан Дартов. Наивный объективизм нельзя исправить с помощью такого ^е наивного субъективизма. Однако, как выясняется при знакомстве с его трудами в действ тельноеТМ Кули нельзя считать таким крайним идеалистом, каким он предстае т в отрывке. — Примеч. автора.

специфичности не несет в себе никакого смысла. Следовательно, *между конформизмом и неконформизмом нет никакой демаркационной линии; есть просто более или менее специфический и необычный выбор, более или менее специфическая и необычная комбинация влияний*^m.

Какова бы ни была история понятия неконформизма, теперь совершенно очевидно, что это понятие обеспечивает основу для консолидации теории «девиантного поведения» (отчасти¹⁰² таким обра-

¹⁰¹ Cooley C.H., *Human Nature and the Social Order* (New York: C. Scribner's Sons, 1902; reprinted by The Free Press, 1956), pp. 301—302; вся глава 8, озаглавленная «Подражание». Я выделил курсивом те части отрывка, которые непосредственно связаны с теорией референтных групп. То, что Кули считает фактом, со временем превратилось в ряд *проблем*, изучаемых при помощи эмпирических исследований.

Сказать, что теория референтных групп отчасти представляет собой переоткрытие того, что уже давно было сделано Кули, значит дать правильное прочтение предыстории теории референтных групп. Но было бы ошибкой считать теорию референтных групп *всего лишь* таким переоткрытием. Ситуация, когда зародыши новых идей остаются бесплодными до тех пор, пока в ходе интеллектуального развития у них не возникнет новых значений, часто повторяется в истории человеческой мысли. Действительно, переоткрытие обычно происходит именно таким образом; накопление научных знаний в итоге приводит к тому, что становятся ясными соответствующие идеи и наблюдения, уже давным-давно опубликованные. Однако в большинстве случаев их игнорировали, потому что их достоверность была отнюдь не очевидна, а на более ранней стадии развития данной дисциплины и не могли быть очевидной для более широкого, но менее информированного круга наблюдателей, существовавшего в те далекие дни. Говоря несколько метафорически, эти идеи «опережали свое время». Со временем, в сочетании с новыми идеями и новыми исследовательскими инструментами, они приобретали новый смысл. Должен пояснить при этом, что, обратившись к давно забытым наблюдениям Кули (насколько мне известно, вышеприведенные страницы из его трудов еще никогда не служили исходным пунктом для подтверждающих их кумулятивных исследований с тех самых пор, как они были впервые опубликованы), я не хотел принизить достижения современных социологов, которые совершенно независимо создали теорию референтных групп. Я не намерен участвовать в играх «очернитель», отнимающих у современного Петра его заслуги, чтобы воздать должное Павлу давно прошедших дней. Я хочу только указать на некоторое нарушение постепенного развития этой теории, составляющее в ретроспективе, как мы можем видеть, перерыв более чем в сорок лет. — *Примеч. автора.*

^m Я не цитирую других работ, которые развивали теорию девиантного поведения, поскольку в некоторых своих деталях они были проанализированы в предыдущих главах. Следует, однако, сказать, что глава в книге Парсонса «Социальная система», посвященная «девиантному поведению и механизмам социального контроля», обеспечивает базис для предполагаемой теоретической консолидации. Действительно, в этой главе Парсонс предвосхищает один из тех случаев, когда теория референтных групп приобретает огромное значение для анализа социальных систем. Но такая консолидация еще не стоит в повестке дня, и потребуются согласованные усилия многих исследователей, прежде чем эта перспектива будет реализована. — *Примеч. автора.*

зом, как это было показано в главах VI и VII, трактующих явление аномии) и теории референтно-группового поведения. Ибо как только мы начинаем понимать, что нонконформизм — это типичный конформизм, соотносящийся с ценностями, стандартами и ожиданиями референтных личностей и групп, он сразу же начинает концептуально отличаться от остальных форм девиантного поведения. Подлинный «индивидуальный» нонконформизм, абсолютно не связанный с прошлыми, настоящими или реально возможными в перспективе референтными группами, — это то, что психологи называют «аутизмом», то есть странные, причудливые мысли и действия, далекие от внешней реальности¹⁰³. Здесь нас интересует не индивидуальный, а общественный нонконформизм. Когда нонконформизм представляет собой конформизм по отношению к ценностям, стандартам и практической деятельности, которые сложились на более ранних стадиях общественного развития и все еще существуют, хотя принимаются не всеми, его часто описывают как «консерватизм». Уничтожительно, но иногда точно его называют «реакционным», особенно в тех случаях, когда его выражением служат попытки снова обратиться к тем ценностям и практическим действиям, которые были заменены новыми или просто преданы забвению. Когда нонконформизм представляет собой конформизм по отношению к ценностям, стандартам и практической деятельности, которые еще не были институционализированы, но рассматриваются в качестве нормативной системы будущих референтных групп, то его часто описывают как «радикализм». Уничтожительно, но иногда точно его называют «утопизмом», особенно в тех случаях, когда, как считается, он изображает совершенное общество, которое невозможно достигнуть¹⁰⁴. Но так как подобные социально-политические ярлыки имеют не только чисто описательную функцию, их редко используют в качестве объективного описания, но наклеивают на различные типы нонконформизма. С этой точки зрения, теория референтных групп требует обоснованного выявления различий между многочисленными разновидностями поведения, в настоящее время описываемого социологами как «девиантное поведение». То, что здесь идентифицируется как «нонконформизм» (в устоявшемся в историческом смысле), должно просто отличаться от таких разновидностей девиантного поведения, как преступность и правонарушения. Эти разновиднос-

¹⁰³ О месте аутистского мышления в социально-психологической теории см.: Newcomb T., «Social Psychology», pp. 101—103; 287-294; 303-310. — *Примеч. автора.*

¹⁰⁴ Ср. с описанием идеологического и утопического менталитетов в: Mannheim K., *Ideology and Utopia* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1936), — особенно с. 173—237. — *Примеч. автора.*

ти «девиантного поведения» отличаются друг от друга в структурном, культурном и функциональном отношениях¹⁰⁴³. Следовательно, не нужно думать, что все они *адекватно* схвачены единым понятием «девиантного поведения»; это — вопрос для исследования, а не для выдвижения предположений и допущений.

На первый взгляд поведение нонконформиста и преступника в структурном плане может показаться одинаковым. Ни тот, ни другой не живут в соответствии с морально укорененными ожиданиями других, с кем они вовлечены в систему взаимно переплетающихся статусов и ролей. В обоих случаях другие люди, входящие в ту же социальную систему, будут действовать таким образом, чтобы привести поведение «девиантных» индивидов в соответствие с установившимися ожиданиями. Как бы то ни было, различия, которые, возможно, отделяют нонконформиста от преступника, часто скрыты от наблюдения, так как нонконформисты не так уж редко провозглашаются преступниками. Тем не менее под этим поверхностным сходством таятся глубокие различия.

Во-первых, нонконформист в отличие от преступника не пытается скрыть свои отступления от преобладающих групповых норм. Напротив, он громко заявляет о своих расхождениях с ними. С этим тесно связано второе различие: нонконформист бросает вызов легитимности норм и ожиданий, которые он отвергает, или по крайней мере их применимости в некоторых ситуациях; преступник, в общем, признает их легитимность. Он вообще не доказывает, что кража правомочна, а убийство добродетельно. Он просто находит удобным или соответствующим складу его ума нарушать нормы и уклоняться от них. В-третьих, нонконформист, соответственно, стремится изменить групповые нормы, заменить нормы, которые он считает нелегитимными с точки зрения морали, нормами, имеющими альтернативную моральную основу. Преступник, напротив, стремится только избежать влияния ныне существующих норм. Нонконформист обычно взывает к «высшей морали»; преступник, помимо вынужденной самообороны, ссылается на оправдывающие его обстоятельства. Наконец — и в этом принципиальное различие между ними, — нонконформист допускает (хотя допускает неохотно и неосознанно), что от-

^{104a} Об этих различиях говорится в главе VI при описании пятого типа адаптации к аномии; там указано, что и господствующие культурные цели, и институциональные средства отвергаются и *заменяются* новыми ценностями, которые обретают легитимность и сторонников (pp. 194, 209—210). Что касается дальнейшего обсуждения этого последнего типа «девиантного поведения», см.: Organski K., *Change in Tribal South Africa* (неопубликованная докторская диссертация, Columbia University, Department of Sociology, 1956). — *Примеч. автора.*

ход от преобладающих норм возможен только ради совсем или почти совсем бескорыстных целей; преступник предполагает, что отход от норм будет служить его собственным интересам. Предыдущие характеристики этих двух типов стремились выявить существующие между ними различия. Зная о тех карательных следствиях, которые может повлечь за собой его общественное поведение, нонконформист тем не менее действует в соответствии со своими чувствами и ценностями; преступник, зная о последствиях своих поступков, всячески стремится их избежать, скрывая от общества свое девиантное поведение. В сфере культуры нонконформист тоже принципиально отличается от преступника (повторяю, даже в тех случаях, когда общество, почти полностью исчерпав все остальные способы социального контроля, навешивает на нонконформиста ярлык преступника). Ибо, несмотря на публичные дефиниции и внешнюю видимость, многие понимают, что нонконформист, отличающийся от остальных людей только своими политическими, религиозными или моральными убеждениями, в действительности преступником не является. Сточки зрения социологической теории, различия между уровнем культуры и уровнем социальной структуры (к которому мы обращались в предыдущих разделах) носят основополагающий характер, хотя их не сразу можно заметить из-за того, что в основе *и культуры, и социальной структуры* лежат *одни и те же* исторические поведенческие комплексы. Не входя в подробное обсуждение этого вопроса, которое завело бы нас слишком далеко в сторону, укажем только, что они образуют различные уровни анализа. На уровне социальной структуры поведение нонконформиста (как и любое девиантное поведение) приводит в действие механизмы социального контроля со стороны тех, кто вовлечен в переплетающиеся социально-статусные и социально-ролевые взаимодействия с носителем девиантного поведения. Его неспособность жить в соответствии с ожиданиями тех, с кем он связан *непосредственно*, позволяет им накопить мстительные чувства, и они, в свою очередь, реагируют на нее тем, что наказывают его за отступления от установленных ролевых ожиданий. Ролевые партнеры носителя девиантного поведения стремятся вести с позиций своих *собственных интересов*; носитель девиантного поведения делает их жизнь несчастной или трудной, и они пытаются заставить его снова вести себя как все, чтобы в итоге они могли вернуться к своим обычным делам.

На уровне культуры такое же поведение со стороны «ортодоксальных» членов социальной системы возникает даже в тех случаях, если они не вовлечены *непосредственно* в систему социальных отношений с носителем девиантного поведения. В этом смысле их враждебная

реакция на его поведение *бескорыстна*. Они ничего (или почти ничего) не теряют из-за того, что он отклоняется от сложившихся норм и ролевых ожиданий; его «плохое поведение» не наносит им ощутимого ущерба. Тем не менее их реакция тоже враждебна, так как они интериоризировали эти моральные нормы (которые в данный момент нарушаются) и воспринимают поведение, которое в конечном итоге отвергает эти нормы или угрожает в дальнейшем их социальной валидности как отрицание ценностей, которыми дорожат они сами и все их группа. Форму этой враждебной реакции лучше всего описать как «моральное негодование», бескорыстные нападки на тех, кто отступает от групповых норм, даже если подобные отклонения не мешают другим членам группы исполнять их собственные роли, поскольку у них отсутствуют непосредственные социальные связи с девиантными индивидами¹⁰⁵.

ins функциональное объяснение морального негодования было классически сформулировано Гоббсом (хотя и на архаическом языке естественного закона): «Кроме того, несправедливость характера есть предрасположение или наклонность к правонарушению и является несправедливостью еще до перехода в действие и независимо от того, имеется ли правонарушение по отношению к какому-нибудь индивидуальному лицу. Несправедливость же поступка (т.е. правонарушение) предполагает наличие индивидуального лица, по отношению к которому совершено правонарушение, именно наличие лица, с которым заключено соглашение. И поэтому часто случается, что правонарушение совершено по отношению к одному лицу, между тем как материальный ущерб, проистекающий из этого правонарушения, нанесен другому. Так, например, если хозяин приказывает своему слуге дать деньги какому-нибудь постороннему человеку и это приказание не исполняется, то правонарушение совершено по отношению к хозяину, с которым слуга заключил раньше соглашение о повиновении, материальный же ущерб потерпел посторонний человек, по отношению к которому слуга не имел никакого обязательства и потому не мог совершить по отношению к нему никакого правонарушения. Точно так же в государствах могут частные люди прощать друг другу свои долги, но не могут прощать разбоев и других насилий, от которых они потерпели моральный ущерб, ибо неуплата долгов есть нарушение обязательства по отношению к ним самим, разбой же и насилия есть правонарушение по отношению к личности государства» (Гоббс Т. Левиафан — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936, — гл. XV, с. 131). Это — пример беспристрастного возражения на нарушение норм. *Классическая современная разработка* теории морального негодования содержится в книге Ранульфа «Моральное негодование и психология среднего класса» (см.: Ranulf S., *Moral Indignation and Middle Class Psychology* (Copenhagen: Levin & Munksgaard, 1938), хотя, по свидетельству ее автора, исследование этого вопроса находится еще на самой начальной стадии. Как неоднократно разъясняет Ранульф, его собственная работа в социологическом отношении исходит непосредственно из фундаментальной теории функций морального негодования, самым сильным (если не самым первым) представителем которой является Эмиль Дюркгейм. См. также более раннюю монографию того же автора: Ranulf S., *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation* (Copenhagen: Levin & Munksgaard; London: Williams & Norgate Ltd., 1933). 2 vols. — *Примеч. автора.*

Если бы этой отдушины морального негодования не существовало, действие механизмов социального контроля было бы жестко ограничено. Оно было бы ограничено действиями тех людей, кому неконформистское и девиантное поведение наносит непосредственный ущерб. Однако на самом деле моральное негодование и бескорыстное противодействие неконформизму и девиантному поведению придает механизмам социального контроля гораздо большую силу, так как не только относительно немногие люди, которым носители девиантного поведения причинили непосредственный ущерб (например, родители похищенного ребенка), но и крупные коллективы, придерживающиеся сложившихся культурных норм, активизируют свои попытки вернуть девиантных личностей (а также, в порядке упреждения, тех, кто обещает стать таковыми) к общепринятому поведению.

На уровне культуры неконформист, с его ссылками на высшую мораль, может (в отличие от простого преступника) в исторически благоприятных условиях продолжать свою деятельность на фоне латентного морального негодования. В какой-то мере его неконформизм является либо обращением к утраченным моральным ценностям прошлого, либо к ценностям грядущего. Поэтому для него всегда существует перспектива (далеко не всегда становящаяся реальностью) получить поддержку других членов общества, изначально не таких смелых и не склонных к риску. Его неконформизм — это не его личное отклонение от моральных норм, но вклад в создание новой морали (или в восстановление старой, полузабытой морали). Короче говоря, он апеллирует к прошлой или будущей референтной группе. Он реанимирует забытые системы ценностей, стандартов и практических действий или разрабатывает новые, еще не запятнанные разного рода уступками и прагматически целесообразными компромиссами. Всем этим неконформист резко отличается от обычного преступника, который ничего не восстанавливает и ничего не вводит в жизнь, а пытается только удовлетворить свои личные интересы или выразить свои личные мнения. Хотя, возможно, не всегда учитывает различия между ними, но с точки зрения динамики культуры неконформист и обыкновенный преступник находятся на разных полюсах.

Наше краткое описание культурного и структурно-социального уровней криминального поведения и неконформизма, разумеется, многое оставило за кадром. Но сказанного вполне достаточно для наших непосредственных задач. Обе разновидности отклонений от групповых норм можно описать (и они действительно описывались) как «девиантное поведение» (в первом приближении это не будет ошибкой), но тем не менее при более точном анализе (на структурно-социальном и культурном уровнях) они явно отличаются друг от дру-

га. Можно предположить также, что они различаются и на личностном уровне. Личности тех, кто возглавлял неконформистские движения, имеющие историческое значение, конечно *же,могут* случайно иметь большое сходство с личностями тех, кто совершал малые и большие преступления в своих собственных интересах. Однако подчеркивать это случайное поверхностное сходство за счет характерных и очень глубоких различий — значит расписываться в интеллектуальном банкротстве академической психологии. Как бы психология ни пыталась опровергнуть этот вывод, отважные английские разбойники Джон Невинсон и его более знаменитый последователь Дик Турпин (XVII в.) совсем не похожи на отважного неконформиста Оливера Кромвеля. Если же для кого-то в силу политических и религиозных пристрастий этот пример покажется самоочевидным и не требующим доказательств, пусть он проанализирует суждения историков, превращающих Троцкого или Неру в преступников, имеющих многочисленных последователей.

Возможно, бессознательные побуждения некоторых неконформистов не слишком отличаются от побуждений обычных преступников. В обоих приведенных примерах поведение является вынужденным, призванным искупить чувство лично совершенного греха. Нарушение существующих норм может иметь своей целью легитимизацию вины; этого можно достичь, если вину будут разделять все. Тем не менее, поскольку нарушаемые нормы очень многообразны в функциональном отношении, психологическое значение их нарушения тоже может быть самым разным. Подобно концептуальной структуре социологии, которая в первом приближении может быть настолько груба, что не видит разницы между неконформизмом по отношению к учрежденным, но подозрительным с точки зрения морали нормам и отклонением от бесспорных общепризнанных норм, концептуальная структура психологии, с ее идеями вины, защитных механизмов, форм реагирования и т.п., может завуалировать принципиальные различия, объясняя в корне отличные формы социального поведения одними и теми же мотивами. Правда, это значит констатировать проблему, но не решить ее. Однако сложившаяся в этих науках ситуация имеет несомненное теоретическое достоинство, напоминая нам, что мы довольно часто бываем склонны скрадывать или преуменьшать поведенчески значимые различия. Делать это — значит осуществлять на практике сомнительную методологию редукционизма. Быть редукционистом — значит придерживаться ложного допущения, которое, согласно незабываемому описанию Уильяма Джеймса, заключается в том, что «струнный квартет Бетховена... это на самом деле скрип лошадиных хвостов, трущихся о коша-

чьи кишки, и может быть исчерпывающе описан подобными терминами...»¹⁰⁶.

Нонконформист, чья деятельность имеет историческое значение, с точки зрения социальной структуры, культуры и личности представляет собой особый тип социально-девиантной личности. Следуя древнему изречению — «природа каждой вещи лучше всего познается в крайних проявлениях», — мы должны обратить особое внимание на крайних нонконформистов, которые вступают на свой путь общественного нонконформизма, хорошо зная, что они рискуют (риск настолько велик, что это знание перерастает в уверенность) и могут быть жестоко наказаны за свое поведение в группе. В самом точном смысле слова, этот тип человека является типом мученика, то есть человеком, который жертвует собой из принципа. Придерживаясь норм и ценностей какой-то иной референтной группы, а не той, чьим ожиданиям он не соответствует, он готов принять, если не приветствовать¹⁰⁷, почти неизбежные и притом болезненные последствия этих разногласий.

¹⁰⁶James W., *The Will to Believe* (New York: Longmans, Green, and Co., 1937), p. 76. В более общей форме Джеймс ставил эту теоретическую проблему так: быть рационалистом — значит вовлечь себя «в дурной абстракционизм, то есть такой способ употребления понятий, который можно описать следующим образом: мы постигаем конкретную ситуацию, выделяя в ней какую-нибудь характерную или важную черту и классифицируя по ней всю ситуацию; затем, вместо того чтобы дополнить существовавшие ранее характеристики всеми позитивными следствиями, которые может дать новый способ понимания, мы начинаем применять наше понятие только к тем значениям, на которые явно указывает абстрактно рассматриваемый термин; говорим, что в нем «нет ничего, кроме» этого понятия; действуем таким образом, как будто все остальные характерные черты, из которых это понятие было абстрагировано, больше не существуют. Абстракция, функционирующая таким образом, в гораздо большей мере становится средством сдерживания научной мысли, чем средство ее развития. Она искажает вещи; она создает затруднительные и невыносимые ситуации; я убежден, что те неприятности, которые причиняют метафизикам и логикам парадоксы и диалектические головоломки вселенной, объясняются этой относительно простой причиной. *Не правильное, неконкретное использование абстрактных свойств и общих наименований*, по моему убеждению, является одним из величайших первородных грехов рационалистического разума». Как неоднократно могли убедиться социологи и психологи, от этих неприятностей страдают не только метафизики и логики (James W., *The Meaning of Truth: A Sequel to «Pragmatism»* (New York: Longmans, Green, and Co., 1932), pp. 249—250). — *Примеч. автора.*

¹⁰⁷Однако если бы он действительно обнаруживал признаки радостного предвкушения этих болезненных последствий, то лучше всего ему подошла бы презрительная кличка — человек, который пытается «сам сделать из себя мученика». Это выражение, получившее широкое распространение задолго до пришествия Фрейда, выражает общее признание того, что бескорыстная на первый взгляд покорность наказанию, возможно, при дальнейшем анализе обернется либо личной заинтересованностью, либо

Но психологические причины мученического поведения — это одно, а его социологическая природа — это нечто совсем иное. Мотивы мученика могут быть самыми разнообразными: мученическое поведение может служить проявлением нарциссизма, или потребности в наказании, или стремления овладеть неподатливой на первый взгляд внешней реальностью ради тех, кого любишь¹⁰⁸. Возможно, и так. Однако в социальном контексте этот тип неконформизма обязательно включает в себя публичный отказ от некоторых установленных ценностей и практических действий и верность альтернативным ценностям и практическим действиям, за что человек навлекает на

удовлетворением «патологической» психической потребности. Мазохизм пользуется общим уважением лишь при наличии определенных социальных институций. В условиях такой социальной среды, где можно испытать чисто ритуальное наслаждение, мазохистский характер может идеально подходить для эффективного исполнения социальных ролей. Но в общем в попытках представить личную потребность как общественную добродетель усматривают двойное прегрешение: претензия на вознаграждение за действия, которые кажутся бескорыстными, а в действительности оказываются эгоистическими, и нарушение необходимого для стабильности общества взаимного доверия, поскольку тем самым внушается сомнение в моральности действительно бескорыстного поведения других людей. — *Примеч. автора.*

¹⁰⁸ Все согласны с тем, что терминологическое обозначение мотиваций оставляет желать лучшего. Из этого замечания не следует, что мотивы *представляют собой* отдельные единичные импульсы, каждый из которых «производит» соответствующую форму поведения. Кули (даже безотносительно к систематизированной психологической теории) высказал несколько общих соображений по этому поводу, которые гораздо лучше соответствуют (если они вообще чему-нибудь соответствуют) нашему времени, чем тому, когда он их высказал (около двух поколений тому назад). Например: «Обсуждение в терминах «альтруизм — эгоизм» фальсифицирует факты в наиболее жизненно важном пункте. Это становится возможным, если допустить, что наши импульсы, относящиеся к личности, можно разделить на два класса — импульсы «Я» и импульсы «Ты» — примерно так же, как мы подразделяем сами индивиды; между тем приоритетным для всего спектра чувств является факт взаимного воздействия личностей, так что импульс принадлежит не одной из них, но тому, что служит для них общей основой, — их общению». Или другой пример: «...термин «альтруизм» используется для того, чтобы обозначить нечто большее, нежели доброта или доброжелательность — некоторое принципиальное психологическое или моральное различие между этими чувствами (или этим классом чувств) и иными чувствами, называемыми эгоистическими; но этого различия, по-видимому, не существует. Все социальные чувства альтруистичны в том смысле, что включают в себя отношение к другим людям, и очень немногие альтруистичны в том смысле, что исключают себя. Мысль о подразделении чувств по линии «альтруизм — эгоизм», по-видимому, проистекает из смутного, неясного предположения, согласно которому каждая идея, исходящая от личности, должна давать отдельный единичный ответ на каждую идею, исходящую от тела» (Cooley C.H., *Human Nature and the Social Order*, pp. 128, 129—130). Можно утверждать: когда Конт создал новый термин «альтруизм» и дал ему свое определение, он помог создать своеобразное заблуждение, которое Кули попытался нейтрализовать. — *Примеч. автора.*

себя почти неизбежное наказание со стороны других людей. В функциональном отношении такой нонконформизм может содействовать социальным и культурным переменам. В этой связи следует заметить, что реакции других людей на эту разновидность нонконформизма могут быть гораздо более сложными, чем можно предположить, если судить о них только по чисто внешней враждебности.

Признанный нонконформист хочет, чтобы к нему относились со смешанным чувством ненависти, восхищения и любви, даже со стороны тех, кто все еще сохраняет верность оспариваемым ценностям и практическим действиям. Действуя открыто, а не тайно, и, очевидно, сознавая, что навлекает на себя суровые санкции со стороны группы, нонконформист стремится в какой-то мере заручиться уважением людей, даже если оно похоронено под толстым слоем открытой враждебности и ненависти со стороны тех, кто испытывает ощущение, что их чувствам, интересам и статусу угрожают слова и действия нонконформиста. Должное воздаяние за бескорыстное поведение образует позитивный компонент этого двойственного отношения. Чувствуется, что у нонконформиста достаточно смелости, чтобы пойти на большой риск (он, так сказать, демонстрирует эту способность), особенно ради бескорыстных целей¹⁰⁹. В какой-то мере (хотя, по-видимому, в гораздо меньшей) смелость, очевидно, проявляется и в тех случаях, когда человек рискует даже ради узколичных, эгоистических или чуждых ему целей, как в известных случаях «бесстрашного преступника» и «отважного врага», которыми, соответственно, восхищаются даже тогда, когда проклинают. Так как потенциально отвага представляет собой социальную добродетель (иными словами, она функционально необходима для сохранения и развития групп в соответствии с их конечными ценностями), то

¹⁰⁹ Примеров тому, разумеется, бесконечное множество. Рассмотрим только один из них — судьбу Джона Брауна, этого предателя, убийцы и отважного фанатика, готового умереть за дело свободы, как он его понимал. По мнению Карла Сандберга, «Браун так тихо и набожно радовался тому, что его повесят публично, на глазах у всех людей и всех народов, что его нельзя было с легкостью изгнать из людских мыслей». А губернатор штата, который повесил его после судебного процесса, проведенного с полным соблюдением закона, вынужден был сказать следующее: «Браун — это человек с самыми крепкими нервами, которые я когда-либо видел, разбитый и поверженный, истекающий кровью и брошенный в тюрьму. Это — человек, обладающий ясным умом, отвагой и силой духа. Это — фанатик, тщеславный и болтливый, но стойкий, искренний и умный». Поскольку «девиантное» поведение — это поведение, которое делают таковым общественные нормы и стандарты, то социальное определение ужасающих преступлений Брауна явно отличается от определения многочисленных преступлений, сделанных теми, кто был *только* конокрадами. Описывая этот великий акт нонконформизма, Карл Сандберг выступает и в качестве историка, и в качестве представителя американской культуры (Sandburg C, *Abraham Lincoln: The Prairie Years* (New York: Harcourt, Brace & Company, 1926). - II, pp. 188—195). — *Примеч. автора.*

она вызывает уважение даже в тех сложных случаях, когда ее используют не на благо группы, а во вред ей.

Даже этот краткий обзор может прояснить функциональные различия между двумя разновидностями девиантного поведения. В определенных условиях общественный нонконформизм может выполнять явные и латентные функции, вызывая изменение поведенческих стандартов и ценностей, ставших дисфункциональными для группы. Другие узколичные формы девиантного поведения выполняют явную функцию обслуживания интересов девиантной личности; в определенных условиях, идентифицированных Дюркгеймом, Джорджем Мидом и Радклифф-Брауном, они выполняют латентную функцию реанимации тех групповых чувств и настроений, которые стали слишком слабыми и поэтому перестали быть эффективными регуляторами поведения. Сваливать в одну кучу эти функционально (а не только морально) различные формы поведения, обозначая их одним понятием «девиантного поведения», — значит затемнять их социологическое значение. Кроме того, можно спокойно предположить, что в отличие от души Джона Брауна душа Аль-Капоне не будет жить долго. Другой пример: Юджин Дебс и Альберт Фолл (личный секретарь, или секретарь «внутренних чайных дел» президента Гардинга, запустивший руку в общественный фонд) были посажены в тюрьму согласно законам американского общества, так как оба были уличены в «девиантном поведении». Однако Гардинг, выразитель нормы, счел возможным освободить из тюрьмы нонконформиста Дебса с помощью запоздалого акта о помиловании, тогда как Кулидж, торжественно заявивший о необходимости расширить сферу нормативности, не счел возможным освободить другую девиантную личность — Фолла.

Если различие между двумя типами поведения — нонконформизмом и девиантным поведением — не будет учитываться, то в концептуальном и терминологическом отношении социология пойдет по неверному пути, на который она стала иногда вступать, и превратится в такую общественную науку, которая имплицитно считает добродетелью только социальный конформизм. Если социология не будет систематически выявлять различия между социальной структурой и функциями этих разных форм девиантного поведения, то в итоге она начнет (хотя, полагаю, непредумышленно) поощрять конформизм группы по отношению к преобладающим в ней стандартам и имплицитно подразумевать, что нонконформизм обязательно дисфункционален¹¹⁰.

¹¹⁰ В Америке признание культурной ценности права на инакомыслие слишком глубоко вошло в плоть и кровь, чтобы не оказывать контролирующего воздействия на поведение даже в условиях стресса. С точки зрения социологии познания, которая считает, что интеллект по-разному реагирует на основополагающие социальные ус-

Однако, как неоднократно подчеркивалось в этой книге, не так уж редко бывают ситуации, когда неконформистское меньшинство выражает интересы и конечные ценности группы более эффективно, чем конформистское большинство¹". Следует еще раз повторить: это не моральное, но функциональное суждение, не положение этической теории, но положение социологической теории. В конечном счете это такое положение, которое, будучи однажды высказано, вероятно, будет принято теми самыми социологами, которые, пользуясь недостаточно дифференцированным понятием «девиантного поведения», отрицают в своем социологическом анализе то, что признают в своих моральных предписаниях.

ловия, есть особый смысл в широком эмпирическом исследовании сил, обуславливающих признание, неприятие или поддержку политических и всяких иных неконформистов (см.: Stouffer S.A., *Communism, Conformity, and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Company, 1955). Исходным пунктом этого исследования служит предположение о том, что эти типы неконформизма значительно отличаются от других типов девиантного поведения. Кроме того, оно призвано вскрыть подоплеку признания и неприятия неконформистов (проблема, которой мы лишь слегка касались на предыдущих страницах). — Примеч. автора.

¹ Замечательное описание публичного неконформизма см. в истории сената США, написанной сенатором Джоном Кеннеди (Kennedy J.F., *Profiles in Courage: Decisive Moments in the Lives of Celebrated Americans* (New York: Harper & Brothers, 1955). Это — описание восьми сенаторов, которые отказались сообразоваться с господствующими ожиданиями, несмотря на оказанное на них сильнейшее давление — давление, которое включало в себя фатальный риск для их политической карьеры, клевету на их характеры, отречение избирателей. Ориентируясь на иные референтные группы, чем те, которые находились у власти, эти люди могли почувствовать, что их репутация и их принципы со временем получат широкую поддержку, а их неконформизм будет высоко оценен. Это сжатое и емкое описание «трудных и непопулярных решений», помимо всего прочего, очень поучительно для дальнейшего развития теории неконформизма как части более широкой теории референтно-группового поведения. Оно дает ценную клиническую информацию о применении социального давления в попытках предотвратить ожидаемый акт неконформизма; о многочисленных референтных группах, вовлеченных в принятие важных общественных решений; о структурном противопоставлении максимальной наблюдаемости таким общественным деятелям, как сенаторы; о сложностях, проистекающих из неясных и несовершенных определений ролевых обязанностей; о том, что наблюдаемость мнения избирателей невелика и, таким образом, обеспечивается возможность принимать независимые решения; о причинах явного конформизма любого публично высказанного мнения общественных деятелей; о том, в каком смысле можно действительно воспринимать будущие поколения как значительную референтную группу; обо всем том, что может отодвинуть ценности личной безопасности, всеобщего уважения и сохранения общественных связей на второй план по сравнению с ценностью независимых убеждений. Короче говоря, эта книга имеет исключительное значение для социологов, интересующихся теорией референтно-группового поведения. — Примеч. автора.

Проблема 7
*Структурный контекст референтно-группового поведения: ролевые
наборы, наборы статусов и последовательность статусов*

Исследовав рабочие функции *наблюдаемости* и различных типов нонконформизма и отклонений в процессе референтно-группового поведения, теперь мы должны исследовать социальную структуру ролей и статусов, которая обеспечивает контекст референтно-группового поведения. Это довольно большая задача, и мы, как и в предыдущих разделах этой главы, только дадим общий очерк нашего подхода к этому вопросу, а также рассмотрим связанные с ним проблемы, требующие дальнейшего исследования. Для этого нам потребуется создать нечто вроде теории социальных ролей и социального статуса.

Вот уже некоторое время (по крайней мере с момента появления имевших большой резонанс работ Ральфа Линтона) было признано, что для описания и анализа социальной структуры фундаментальное значение имеют два понятия — социального статуса и социальной роли¹².

Под статусом Линтон подразумевает положение в социальной системе, занимаемое определенными индивидами; под ролью — поведение, в котором реализуются ожидания, связанные с этим положением. С точки зрения этих определений, «статус» и «роль» — это понятия, позволяющие соединить определяемые культурой ожидания с поведенческими моделями и отношениями, составляющими социальную структуру. Кроме того, Линтон заметил, что каждый человек в обществе имеет множество статусов и что с каждым из этих статусов связана какая-нибудь роль¹³. Как многократно показали последующие социологические исследования, эта мысль оказалась очень плодотворной, но лишь в первом приближении. Линтон, однако, полагал (это и сделало его точку зрения верной лишь в первом приближении), что каждый статус выполняет *свою особую роль*¹⁴. Не входя в обсуждение этого вопроса более глубоко, чем он того заслуживает, заметим толь-

¹²Заявить, что не Линтон «первым» ввел эти два понятия в социологию, было бы столь же справедливо, сколь и неуместно. Ибо только после знаменитой восьмой главы в его «Науке о человеке» эти понятия и их производные стали систематически применяться в теории социальной структуры (Linton R., *The Study of Man* (New York: Appleton — Century, 1936). — *Примеч. автора*.

¹³См. там же, но в особенности в более поздней работе Линтона, которой, по-видимому, не уделялось того внимания, какого она заслуживает: Linton R., *The Cultural Background of Personality* (New York: Appleton — Century, 1945), esp. 76 ff". — *Примеч. автора*.

¹⁴В качестве одного из многих примеров, иллюстрирующих эту концепцию, см. следующее замечание Линтона: «Каждый статус в социальной системе может быть занят, а связанная с ним роль разучена и разыграна многими людьми одновременно»

ко, что каждый специфический социальный статус связан не с одной-единственной ролью, но с целым спектром ролей. В этом заключается основная особенность социальной структуры. Ее можно зафиксировать с помощью особого термина — «набор ролей»; им я обозначаю *полный комплект ролевых отношений, которыми люди обладают вследствие того, что занимают определенный социальный статус*. Например: один статус студента-медика создает не только роль студента по отношению к его учителям, но также широкий спектр других ролей, связывающих человека, занимающего этот статус, с другими студентами, медсестрами, врачами, социальными работниками, медицинскими техническими работниками и т.д.¹¹⁵ Другой пример: статус школьного учителя имеет специфический набор ролей, связывающих учителя с его учениками, коллегами, директором школы, советом по образованию, изредка — с местными патриотическими организациями, с профессиональными организациями учителей, с ассоциациями родителей и учителей и т.п.

Следует ясно понимать, что набор ролей отличается от структурной модели, которая уже давно определялась социологами как модель «множественности ролей». Ибо обычно множественность ролей обозначает комплекс ролей, связанных не с *одним* социальным статусом, но с *различными* статусами (часто в различных институциональных

(The Cultural Background of Personality, p.77). Только однажды Линтон случайно упомянул о «ролях, связанных... со статусом», но не раскрыл, в чем заключается структурное значение множественности ролей, связанных с одним статусом (см. Linton R., *The Study of Man*, p. 127).

Теодор Нькжом ясно видел, что каждое положение в системе ролей подразумевает множественность ролевых отношений (*Social Psychology*, pp. 285—286). — *Примеч. автора*.

¹¹⁵ Что касается предварительного анализа ролевого набора студента-медика (этот анализ имеет прямое значение для теории референтных групп), см.: Hantington M.J., «The development of a professional self— image», in: Merton R.K., Kendall P. L. and Reader I.I.(editors), *The Student — Physician: Introductory Studies in the Sociology of Medical Education* (Cambridge: Harvard University Press, 1957); эта работа составляет часть исследований, проведенных Бюро прикладных социологических исследований при Колумбийском университете на грант, полученный от Государственного фонда. См. также: Merton R.K. In: Witmerand Kotinsky. *op. cil.*, pp. 47—50. Ганс Зеттерберг рассматривает эти понятия и связанные с ними проблемы в главе V своей работы «Теория деятельности» [Zetterberg H.L., *An Action Theory* (m.s.)]. Кумулятивные процессы в социологической теории (как и в других областях) содействуют развитию понятий в определенных направлениях. По крайней мере это проиллюстрировано появлением понятий, аналогичных понятиям набора ролей, набора статусов и последовательности статусов, хотя и обозначенных другими терминами, в статье: Bates F.L., «Position, role and status», *Social Forces*, 1956, 34, pp. 313—321. Аналогичные теоретические идеи были также развиты Нийлом Кроссом, изучавшим работу школьной администрации. — *Примеч. автора*.

сферах), занимаемыми тем или иным индивидом. Таковы, например, роли, связанные с разными статусами — учительницы, жены, матери, католички, республиканки и т.д. Мы обозначаем этот комплект социальных статусов индивида как его *набор статусов*, причем каждый из статусов, в свою очередь, имеет свой особый набор ролей.

Понятия набора ролей и набора статусов являются структурными и характеризуют части социальной структуры в *данное время*. Если же набор статусов (встречающийся достаточно часто, чтобы стать социальной моделью) рассматривать с точки зрения изменений во времени, то он будет обозначаться как *последовательность статусов*. Так, например, студент-медик со временем будет последовательно занимать статусы интерна*, резидента** и независимого практикующего врача. Разумеется, в том же самом смысле мы можем говорить о последовательности *ролевых и статусных наборов*.

Структурные комплексы ролевых и статусных наборов, а также статусных последовательностей, по-видимому, составляют социальную структуру в целом. Эти понятия снова напоминают нам, причем самым неожиданным образом, что мы никогда не должны упускать из виду один упрямый факт: даже простая на первый взгляд социальная структура чрезвычайно сложна. Ибо функционирующие социальные структуры должны умудриться организовать эти наборы и последовательности статусов и ролей таким образом, чтобы в итоге получились ощутимый социальный порядок, достаточный для того, чтобы большинство людей могло большую часть времени уделять своим социальным обязанностям и при этом не импровизировать заново в каждой новой ситуации, с которой придется столкнуться.

Кроме того, эти понятия помогают нам идентифицировать некоторые существенные проблемы социальной структуры, требующие своего анализа. Какие социальные процессы могут нарушать или разрушать набор ролей, создавая тем самым условия для структурной нестабильности? Благодаря каким социальным механизмам роли в ролевых наборах сочетаются таким образом, что между ними возникает гораздо меньше конфликтов, чем в любом ином случае?

Проблема 7.1 Структурные источники нестабильности в ролевом наборе

Может показаться, что основным источником возмущений, выводящих из равновесия систему ролевого набора, служит ситуация,

* Интерн — молодой врач, работающий в больнице и живущий при ней. — *Примеч. пер.*

** Резидент — врач, работающий в больнице и живущий при ней. — *Примеч. пер.*

существующая в любой структуре: каждый человек, занимающий определенный статус, имеет ролевых партнеров, которые занимают самые различные места в социальной структуре. В результате ценности и моральные ожидания этих партнеров в какой-то мере отличаются от ожиданий и ценностей носителей того статуса, о котором идет речь. Например, то обстоятельство, что члены школьного совета зачастую принадлежат к иным социально-экономическим слоям, чем учитель средней школы, означает, что в некоторых отношениях их ценности и ожидания отличаются от ценностей и ожиданий учителя. Таким образом, тот или иной учитель может вызывать противоречивые ожидания у своих коллег по профессии и у влиятельных членов школьного совета, а значит, и у вышестоящих руководителей школьного образования (иногда). Это совершенно излишне с точки зрения образования, так как об этом учителе можно судить и по-другому — как о необходимом и существенном элементе процесса образования. Эти в корне отличные и несовместимые оценки усложняют для них всех задачу прийти к согласованному мнению. Все сказанное о статусе учителя в той или иной мере относится и к носителям других статусов, которые благодаря своим ролевым наборам связаны с другими людьми, занимающими самые разные статусы.

Судя по тому, как обстоят дела в настоящее время, это, по-видимому, и есть главное структурное основание для потенциального нарушения равновесия в системе устойчивого ролевого набора. Разумеется, все сказанное выше не относится к той специфической ситуации, когда все люди, обладающие одним и тем же набором ролей, имеют одинаковые ценности и одинаковые ролевые ожидания. Но это — совсем особая и, пожалуй, исторически редкая ситуация. Гораздо чаще, особенно в высокодифференцированном обществе, ролевые партнеры набираются из самых различных слоев, в какой-то мере, соответственно, отличающихся по своим социальным ценностям. Если дела обстоят таким образом, то наиболее характерной должна быть ситуация беспорядка (а не относительного порядка). И все же, по-видимому, в истории преобладают высокоупорядоченные общества, а не полный беспорядок (хотя степень упорядоченности может быть различной). Но тогда возникает проблема идентификации социальных механизмов, благодаря которым достигается некоторый разумный уровень «стыковки» ролей в ролевых наборах, а также, соответственно, социальных механизмов, действующих разрушительно, так что сложившиеся в данной структуре ролевые наборы не сохраняют своей относительной стабильности.

Проблема 7.2 Социальные механизмы стыковки ролей в ролевых наборах

Прежде чем приступить к исследованию некоторых из этих механизмов, следует еще раз повторить, что мы не считаем непреложным историческим фактом высокую эффективность всех ролевых наборов. Это относится не к широкому историческому обобщению, согласно которому в истории преобладает социальный порядок, но к аналитической проблеме идентификации социальных механизмов, благодаря действию которых возникает более высокий уровень социальной упорядоченности, которого нельзя было бы достичь, если бы эти механизмы не были задействованы. Другими словами, в данном случае нас интересует социология, а не история.

1. *Различная интенсивность вживания в роль со стороны партнеров по ролевому набору.* Ролевые партнеры по-разному относятся к поведению тех, кто занимает определенный социальный статус. Это означает, что ролевые ожидания партнеров по ролевому статусу не всегда имеют одинаковую интенсивность. Для некоторых из них данное ролевое отношение представляет только побочный интерес, для других — возможно, главный. Приведем гипотетический пример: родители школьников, обучающихся в одной и той же школе, вероятно, более непосредственно заинтересованы в оценке и контроле над поведением учителей, чем, скажем, члены местной патриотической организации, чьи дети не учатся в этой школе. Ценности родителей и ценности патриотической организации могут не совпадать во многих отношениях и вызывать совершенно различное поведение со стороны учителя. Но если ожидания одной группы, относящиеся к ролевому набору учителя, связаны с его главными делами и интересами, а ожидания другой группы — только с побочными, то это поможет учителю легче согласовать свое поведение с этими несовместимыми ожиданиями. Перечисляя выше структурные свойства групп, мы отметили, что имеются определенные различия в масштабах и интенсивности вживания членов группы в свой статус и свои роли. Эти различия помогают снять напряженность, существующую в таком ролевом наборе, который предполагает конфликтные ожидания по отношению к поведению людей, занимающих определенный статус. Учитель, для которого этот статус имеет первостепенное значение, сможет твердо противостоять требованиям сохранять конформизм по отношению к ожиданиям тех, кто ждет от его ролевого набора чего-то иного, но для кого его отношение имеет только второстепенное значение. Это, разумеется, не означает, что учителя совсем неуязвимы для этих ожиданий, которые несовместимы с их профессиональными обязанностями.

ми. Это только значит, что они уязвимы гораздо меньше, чем были бы в противном случае (а иногда бывают уязвимы и в этом), когда их могущественные партнеры по ролевому набору почти не интересуются этим тонким отношением. Если бы все те, кто входит в ролевой набор учителя, *одинаково* интересовались этим отношением, положение учителя было бы гораздо плачевнее, чем оно есть на самом деле. По-видимому, то, что справедливо для этого случая (то есть для ситуации учителя), справедливо и для носителей любого другого статуса: влияние на них различных ожиданий со стороны тех, кто входит в их ролевой набор, может быть смягчено благодаря тому, что люди, составляющие этот ролевой набор, по-разному вовлечены в свойственную ему систему отношений.

2. *Те, кто входит в данный ролевой набор, в разной степени обладают властью.* Вторым механизмом, оказывающий влияние на стабильность ролевого набора, потенциально обеспечивается распределением власти. В этой связи под властью подразумевается не что иное, как наблюдаемая и предсказуемая способность налагать на социальные действия отпечаток своей собственной воли, даже преодолевая сопротивление тех, кто принимает участие в этом действии¹¹⁶.

Члены ролевого набора в разной степени обладают властью, необходимой для формирования поведения людей, являющихся носителями определенного статуса. Однако отсюда не следует, что индивиду, группе или страте ролевого набора, *в отдельности* обладающим максимально возможной властью, в равной мере удастся внушить свои ожидания носителям какого-либо статуса, скажем, статуса учителя. Это бывает только в таких обстоятельствах, когда один член ролевого набора получает эффективную монополию на власть, либо отлучив от власти всех остальных, либо располагая такой властью, которая перевешивает объединенную суммарную власть других членов. Во всех остальных ситуациях индивиды, ставшие объектом противоречивых ожиданий со стороны других членов их ролевого набора, могут, объединяясь, создавать (обдуманно или непреднамеренно) *властные коалиции*, которые позволяют этим индивидам действовать по-своему. Тогда конфликты возникают не столько между носителями данного статуса и Другими членами их ролевого набора, сколько между самими членами ролевого набора. Противовес какому-либо одному могущественному члену ролевого набора иногда обеспечивается с помощью коалиции менее могущественных, но объединившихся членов. Знакомая модель «равновесия сил» не ограничивается только борьбой наций за власть; в

¹¹⁶ Это определение напоминает концепцию власти Макса Вебера, которая не слишком отличается от других современных версий концепции власти (см.: Weber M., *Essays in Sociology*, 188 ff). — *Примеч. автора.*

более завуалированной форме ее можно обнаружить, в общем, в деятельности любого ролевого набора: например, у каждого ребенка есть достаточно возможностей, чтобы убедиться в том, что решения отца можно с успехом уравновесить противоположными решениями матери. Если противоборствующие силы ролевого набора нейтрализуют друг друга, то у носителя статуса появляется относительная свобода, чтобы действовать в соответствии со своими первоначальными замыслами.

Таким образом, даже в таких потенциально неустойчивых структурах, в которых члены ролевого набора придерживаются в корне различных ожиданий по поводу того, что должен делать носитель данного статуса, этот последний не полностью зависим от милости самых могущественных из них. Кроме того, высокий уровень вовлеченности в свой статус усиливает его относительную власть. Ибо поскольку эти могущественные члены ролевого набора изначально не интересуются своими отношениями с определенным носителем статуса в той же мере, в какой он сам, у них нет мотивов, чтобы воспользоваться своей властью во всей ее полноте. В таком случае носитель статуса получает возможность действовать свободно в пределах своей ролевой деятельности, не подвергаясь контролю потому, что остался незамеченным. Это, разумеется, не означает, что носитель статуса, с которым связаны противоречивые ожидания¹¹⁷ членов его ролевого набора, действи-

¹¹⁷ В своей живой и очень информативной лекции Уильям Карр, исполнительный секретарь Национальной Ассоциации Образования, дал обзор противоречивых влияний, которым школа подвергается со стороны добровольных общественных организаций Американского Легиона, Ассоциации Объединения Наций, Национального Совета Безопасности, Лучшего Бизнес-бюро, Американской Федерации Труда, Дочерей Американской Революции и др. В его обзоре содержались конкретные примеры, продемонстрировавшие всю противоречивость ожиданий, имевшихся у этих организаций, которые входили в состав сложного ролевого набора, включающего школьную администрацию и школьные советы и действующего в таком дифференцированном обществе, как наше. Как сообщает м-р Карр, иногда эти добровольные организации «высказывают свое коллективное мнение сдержанно, иногда грубо, но всегда настойчиво. На протяжении всего года они организуют конкурсы, кампании, выставки, особые дни, особые недели и годовщины.

Они требуют, чтобы государственные школы уделяли больше внимания Детской Бейсбольной Лиге, первой [медицинской] помощи, умственной гигиене, коррекции речи, военной подготовке, интернациональному воспитанию, современной музыке, всемирной истории, американской истории, местной истории, географии и домоводству, Канаде и Южной Америке, арабам и Израилю, туркам и грекам, Христову Колумбу и Лейфу Эриксону, Роберту Ли и Вудро Вильсону, питанию, уходу за зубами, свободному предпринимательству, трудовым отношениям, профилактике рака, человеческим отношениям, атомной энергии, огнестрельному оружию, Конституции, табаку, трезвости, доброму отношению к животным, эсперанто, чтению, письму и арифметике, другим школьным предметам, печатанию на машинке и чис-

тельно защищен от контроля с их стороны. Это значит только одно — структура власти в ролевом наборе часто такова, что носитель статуса сохраняет почти полную автономность; этого не было бы, если бы не существовало структуры противоборства властей.

3. *Изоляция ролевой деятельности от наблюдаемости со стороны членов ролевого набора.* Носитель того или иного статуса не вступает в постоянное взаимодействие со всеми своими партнерами по ролевому набору. Этот вывод относится не к случайному одиночному факту, но к функционированию ролевого набора в целом. Взаимодействия с каждым членом (индивидуальным или групповым) ролевого набора ограничиваются и переплетаются самыми разными способами; они не одинаково распределяются в системе отношений, вызванной к жизни тем или иным социальным статусом. Этот фундаментальный факт ролевой структуры позволяет без чрезмерного стресса осуществлять такое ролевое поведение, которое не соответствует ожиданиям некоторых партнеров по ролевому набору. Ибо, как мы уже убедились, эффективный социальный контроль предполагает довольно высокую *наблюдаемость* ролевого поведения. В той мере, в какой ролевая структура выводит данного носителя статуса из-под прямого наблюдения со стороны некоторых из его партнеров по ролевому набору, конкурирующие силы оказывают на него разное давление. Следует особо подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с фактом социальной структуры, а не с индивидуальными приспособлениями, благодаря которым тому или иному человеку *удается* отчасти скрывать свое ролевое поведение от некоторых членов его ролевого набора.

Этот структурный факт заключается в следующем: различие между социальными статусами определяется тем, в какой мере какая-то часть совокупного ролевого поведения будет недоступна наблюдению со стороны всех членов ролевого набора. Разнообразие проявлений

топиканию, моральным ценностям, физическому здоровью, этике, гражданской оброне, религиозной грамотности, бережливости, соблюдению законов, потребительскому образованию, наркотикам, математике, драматургии, физике, керамике и (последняя образовательная новинка) наушникам. Каждая из этих групп стремится избежать перегрузки расписания. Каждая спрашивает, нет ли в нем несущественных вопросов, которые можно опустить, чтобы поставить на их место свои материалы. Большая их часть настаивает на том, что не требует специального курса — они только хотят, чтобы их идеи вошли в ежедневные школьные программы. Каждая провозглашает твердую веру в местный контроль над образованием и ненависть к общенациональному контролю.

Тем не менее, если образовательная программа их национальной организации не принимается, многие из них используют давление прессы, яркие краски радио, все пропагандистские средства, чтобы обойти избранный ими местный школьный совет». (An Address at the inauguration of Hollis Leland Casuwell, Teachers College, Columbia University, November 21-22, 1955, 10.) - *Примеч. автора.*

этого структурного атрибута социальных статусов, соответственно, усложняет проблему их охвата принципиально различными ожиданиями тех людей, которые входят в данный ролевой набор. Таким образом, носители любого статуса иногда должны принимать трудные решения, затрагивающие их чувства личной интегрированности, то есть жизни в соответствии с основополагающими нормами и стандартами, управляющими исполнением их профессиональных ролей. Но сами статусы различаются в зависимости от меры наблюдаемости ролевого поведения их носителей. Как замечает сенатор Кеннеди (в книге, которой мы посвятили восторженное примечание), немногие профессии (если вообще какая-нибудь из них) сталкиваются с тем, что подобные решения принимаются «в свете прожекторов, как это происходит в государственных структурах. Немногие (если вообще кто-нибудь) сталкиваются с ужасающей бесповоротностью решения, с какой приходится сталкиваться сенатору во время важного поименного голосования»¹¹⁸.

Напротив, другие социальные статусы хорошо (т.е. функционально значимо) скрыты от наблюдения со стороны некоторых из своих партнеров по ролевому набору. Хороший тому пример — статус университетского преподавателя. Норма, согласно которой все, что говорится в университетских аудиториях, не подлежит огласке (в том смысле, что она ограничивается только кругом профессора и его студентов), выполняет функцию сохранения независимости преподавателя. Ибо если бы все сказанное им было одинаково доступно тем, кто составляет ролевой набор преподавателя, то можно было бы вынудить его преподавать не то, что он знает или в чем он убедился с помощью доказательств, а то, что удовлетворит многочисленные и разнообразные ожидания всех тех, кто причастен к «образованию юношества». Это быстро свело бы преподавание к уровню наименьшего общего знаменателя. Это превратило бы преподавание в телевизионное шоу, для которого главное — улучшить рейтинг популярности. Именно освобождение от наблюдения со стороны всех и каждого, кто, возможно, хотел бы подчинить преподавателя своей воле, является составной частью академических свобод, понимаемых как функциональный комплекс ценностей и норм.

Если говорить в более широком плане, то понятия информации, не подлежащей огласке, и конфиденциального профессионального общения в таких профессиях, как юриспруденция и медицина, преподавание и деятельность священника выполняют ту же самую функцию вывода клиента, его поведения и убеждений, из-под наблюдения остальных членов его ролевого набора. Если бы врач или священ-

¹¹⁸ Kennedy, *op. cit.*, p. 8. — *Примеч. автора.*

ник могли свободно рассказывать все, что они узнали о частной жизни своих клиентов, это помешало бы им адекватно выполнять свои функции. Кроме того, как стало очевидно из нашего обзора по наблюдаемости, если бы все факты и отношения, связанные с ролевым поведением, были легко доступны для всех и каждого, то социальная структура была бы не способна к действию. То, что иногда называется «потребностью в сохранении приватности», то есть закрытость поступков и мыслей от наблюдения со стороны других людей, есть индивидуальный дубликат функционального требования социальной структуры, согласно которому должна быть обеспечена какая-то степень свободы от полной наблюдаемости. В противном случае давление, заставляющее жить в полном соответствии со всеми (часто противоречащими друг другу) социальными нормами, стало бы буквально невыносимым; в сложноорганизованном обществе шизофреническое поведение стало бы правилом, а не исключением, как теперь. «Приватность» — это не просто личная склонность; это — важное функциональное требование эффективности социальной структуры. В какой-то мере, соответственно, социальные структуры должны обеспечивать, как говорят во Франции, *quant-a-soi**, то есть какую-то часть собственной личности, остающуюся в стороне и защищенную от социального наблюдения. Разумеется, механизм, защищающий от наблюдения, может оказывать отрицательное действие. Если бы политический или государственный деятель был абсолютно недоступен для общественного прожектора, то социальный контроль над его поведением, соответственно, был бы сведен к нулю. Анонимная власть, анонимно осуществляемая, не содействует сохранению стабильной структуры общественных отношений, соответствующих общественным ценностям, о чем убедительно свидетельствует история тайной полиции. Педагог, который полностью закрыт для наблюдения со стороны своих коллег и вышестоящих инстанций, возможно, со временем перестанет соответствовать даже минимальным требованиям своего статуса. Частно практикующий врач, который почти полностью свободен от суждения своих компетентных коллег, возможно, допустит, чтобы его исполнение своей роли упало ниже минимально приемлемых стандартов. Полицейский, работающий в тайной полиции, может нарушить общественные ценности, и это никогда не будет обнаружено.

Все это означает следующее: если требование отчетности является обязательным, то необходима какая-то открытость наблюдению за исполнением ролей со стороны других членов ролевого набора. Это Утверждение, очевидно, не противоречит более ранним высказыва-

* сдержанность, надменность (*фр.*). — *Примеч. пер.*

ниям, согласно которым какая-то степень закрытости для наблюдения тоже требуется для эффективной деятельности социальной структуры. Напротив, два этих утверждения, рассматриваемых во взаимной связи, снова говорят о том, что существует какой-то оптимальный уровень наблюдаемости (однако его трудно идентифицировать с помощью измерения и он, несомненно, различается для различных социальных статусов), который благоприятствует одновременно и подотчетности исполнения роли, и его автономности, но не боязливому и неохотному согласию с распределением власти, которое может сложиться в ролевом наборе в данный момент. Чтобы дать носителям социальных статусов возможность справиться с противоречивыми ожиданиями со стороны членов их ролевых наборов, могут быть задействованы различные модели наблюдения.

4. *Создание хороших условий для наблюдения за носителями какого-либо статуса со стороны членов ролевого набора, предъявляющих к ним противоречивые требования.* Этот механизм имплицитно подразумевался в двух предыдущих описаниях — структуры власти и способов ухода от наблюдения; следовательно, здесь требуется только комментарий по ходу дела. До тех пор пока члены ролевого набора находятся в счастливом неведении по поводу того, что их требования к носителям данного статуса совершенно несовместимы между собой, каждый из них по-своему оказывает давление на этих носителей. Эту модель можно обозначить как «многие против одного». Однако когда выясняется, что требования одних членов ролевого набора находятся в вопиющем противоречии с требованиями других, то именно члены ролевого набора, а не носители статуса должны решить эти противоречия — либо путем борьбы за власть, либо с помощью компромисса. Когда конфликт обретает ясные очертания, давление на носителя статуса временно ослабевает.

В подобных ситуациях носитель статуса, на котором сошлись противоречивые требования и ожидания, может начать играть роль *tertius gaudens**, третьей (или чаще всего «п»-й) партии, которая извлекает преимущества из конфликта других¹¹⁹. Носитель статуса, который

* букв. «третий радующийся», т.е. человек, выигрывающий от распри двух сторон (лат.). — *Примеч. пер.*

¹¹⁹ Классическим до сих пор остается анализ модели, выполненный Георгом Зиммелем (см.: Simmel G., *Sociology*, pp. 154—169; 232—239). Однако существует по крайней мере надежда, что скоро он будет превзойден современными исследованиями. См., например: Mills T.M., «The coalition pattern in three person groups», *American Sociological Review*, 1954, 19, pp. 657-667; Stodtbeck F.L., *The family as a three - person group*. Ibid., 1954, 19, pp. 23—29; Mills T.M., *Power relations in three — person groups*. Ibid., 1953, 18, pp. 351—357. Подобные исследования групп, состоящих из трех лиц, близки к проблеме, которую мы рассматриваем здесь, но, конечно, отношения между этими

сначала находится в самом фокусе конфликта, фактически становится более или менее влиятельным сторонним наблюдателем, функция которого состоит в том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение взаимоисключающие требования членов своего ролевого набора, предоставляя, таким образом, возможность им самим разрешать *их собственные* противоречия. Довольно часто это помогает изменить сложившуюся ситуацию. Можно думать, что этот социальный механизм позволяет элиминировать одну из форм того, что Флорид Оллпорт назвал «плюралистическим неведением», то есть такую модель, которая складывается, когда индивидуальные члены группы *предполагают*, что в действительности только они одни придерживаются определенных позиций и ожиданий, абсолютно не зная при этом, что другие тоже разделяют их¹²⁰. Эта ситуация часто встречается в группах, которые организованы таким образом, что взаимная наблюдаемость их членов невелика. Основополагающее понятие плюралистического неведения, однако, будет полезно несколько расширить, чтобы с его помощью попытаться объяснить формально сходную, но, по существу, принципиально иную ситуацию. В настоящий момент мы рассматриваем именно такую ситуацию, когда члены ролевого набора не знают, что их ожидания по поводу поведения, приличествующего носителю определенного статуса, *отличаются* от ожиданий, которые имеются у других членов ролевого набора. Существуют две формы плюралистического неведения: 1) необоснованное предположение, что чьи-то позиции и ожидания больше никем не разделяются, и 2) другое необоснованное предположение, согласно которому они одинаково разделяются всеми.

Столкнувшись со взаимоисключающими требованиями со стороны членов своего ролевого набора, каждый из которых полагает, что легитимность его требований вне всякого сомнения, носитель статуса может действовать таким образом, чтобы противоречивый характер этих требований стал очевиден для всех. В известной степени (это зависит от структуры власти) такое поведение переориентирует конфликт, так что он превратится в конфликт между членами ролевого набора и перестанет быть конфликтом между ними и носителем статуса. Именно *члены ролевого набора* теперь окажутся перед необходимо-

лицами отличаются от отношений между тремя социальными *стратами*. Эта последняя проблема изучается на семинаре по избранным проблемам теории организации⁸ Колумбийском университете. — *Примеч. автора.*

¹²⁰ Allport F.H., *Social Psychology* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1924). Понятие плюралистического неведения было развито: Schanck R.L., *A study of a community and its groups and institutions conceived of as behaviours of individuals. Psychological Monographs*, '932, 43, No 2. — *Примеч. автора.*

стью четко сформулировать свои ролевые ожидания. По крайней мере будет очевидно, что носитель статуса не по своей злой воле нарушает свои обязательства: просто он не может сохранять конформизм по отношению к взаимно исключаящим ожиданиям. В некоторых случаях замена плюралистического неведения всеобщим знанием позволяет заново определить, чего же, собственно, можно ожидать от носителя статуса, в других случаях это просто позволит ему идти своим путем, пока члены его ролевого набора заняты выяснением отношений. В обоих случаях выявление противоположных ожиданий позволяет четко понять, что произойдет с ролевым набором, если не привести в действие этот механизм.

5. *Социальная поддержка со стороны носителей близких социальных статусов, испытывающих аналогичные затруднения в своих попытках справиться с дезинтегрированным ролевым набором.* Этот механизм предполагает довольно обычную структурную ситуацию: носители одинаковых социальных статусов имеют одни и те же проблемы в отношениях с членами своих ролевых наборов. Обычно носитель социального статуса не одинок, даже если он уверен в обратном. Сам факт его принадлежности к определенному *социальному статусу* говорит о том, что есть другие люди, находящиеся в более или менее сходных обстоятельствах. Действительный и возможный опыт противостояния противоречивым ролевым ожиданиям других членов одного с ними ролевого набора в какой-то мере является общим для всех носителей этого статуса. Поэтому индивид, столкнувшись с такого рода конфликтами, не должен относиться к ним только как к своей личной проблеме, которую следует уладить сугубо частными методами. Подобные конфликты ролевых ожиданий носят структурный характер и относятся ко всем носителям одного и того же социального статуса.

Эти особенности социальной структуры позволяют понять, каким образом у людей, занимающих один и тот же статус, происходит формирование организаций и нормативных систем. Например, профессиональные ассоциации — это структурный отклик на проблемы, связанные с властными структурами и противоречивыми (потенциальными или действительными) требованиями со стороны тех, кто входит в ролевой набор данного статуса. Они составляют социальные образования, призванные противостоять требованиям ролевого набора, и помогают не только исполнять эти требования, но и формировать их. Организация носителей определенного статуса (такая знаковая составная часть социального ландшафта в дифференцированном обществе) помогает создать нормативную систему, которая предвосхищает и тем самым смягчает взаимоисключающие требования, предъявляемые носителям данного статуса. Она обеспечивает соци-

альную поддержку индивидуальным носителям статуса. Она помогает им свести до минимума надобность импровизированных частных приспособлений к конфликтным ситуациям.

По-видимому, именно эта функция частично определяет социологическое значение профессиональных кодексов, которые призваны точно определить, какому поведению носителя статуса следовало бы оказывать социальную поддержку. Дело, разумеется, не в том, чтобы такие кодексы действовали с автоматической эффективностью, помогая устранить те требования, которые с точки зрения этого кодекса являются нелегитимными, и недвусмысленно указывая, какие действия должен предпринять носитель статуса, столкнувшись со взаимоисключающими требованиями. Кодификация — как этическая, так и когнитивная — предполагает некоторую отвлеченность. Поэтому, прежде чем применять кодексы к конкретным случаям, им следует давать определенную интерпретацию¹²¹. Тем не менее социальная поддержка обеспечивается благодаря консенсусу между носителями данного статуса только потому, что этот консенсус описывается в кодексе или получает свое выражение в суждениях носителей статуса, ориентирующихся на этот кодекс. Функция таких кодексов приобретает наибольшее значение в тех случаях, когда носители статуса уязвимы для давления со стороны членов своего ролевого набора именно потому, что изолированы друг от друга. Так, например, тысячи библиотекарей, разбросанных по городам и весям страны и довольно часто подвергавшихся давлению цензуры, получили сильную поддержку благодаря законам о цензуре, разработанным совместно Американской ассоциацией библиотекарей и Американским советом книгоиздателей¹²². Такого рода социальная поддержка конформизма по отношению к требованиям статуса, когда он сталкивается с давлением

¹²¹ Очевидно, не существует явного намерения дать интерпретацию кодексов, управляющих статусным поведением в профессиональной, религиозной, политической и всех остальных институциональных сферах общества. Но что касается современного собрания таких интерпретаций (подробного и компактного одновременно), см. 900-страничный том: *Opinions of the Committees on Professional Ethics of the Association of the Bar of the City of New York and the New York County Lawyers' Association*, published under the auspices of the W.N. Cromwell Foundation by Columbia University Press, 1956. Он отнюдь не демонстрирует полного единодушия по проблемам статусного поведения в определенных ситуациях; однако становится ясно, что каждому отдельному взятому адвокату не нужно решать эти проблемы исключительно на основании его собственного прочтения ситуации. Профессионально он — чужой, и это главное. — *Примеч. автора.*

¹²² Что касается этих законов, см.: *The Freedom to Read* (Chicago: American Library Association, 1953); что касается анализа всей проблемы в целом, см.: McKeon R.P., Morton R.K. and Gellborn W., *Freedom to Read* (1957). — *Примеч. автора.*

ролевого набора, направленным на преодоление этих требований, позволяет предотвратить нестабильность при исполнении ролей, которой в противном случае нельзя было бы избежать.

6. *Сокращение ролевого набора и распад ролевых отношений.* Это, конечно, предельный способ справиться с несовместимыми требованиями, предъявляемыми к носителям статуса членами ролевого набора. Некоторые связи разрушаются; консенсус по поводу ролевых ожиданий сохраняется только там, где эти связи остались. Но этот способ адаптации возможен только в особых ограниченных условиях. Им можно эффективно пользоваться только в таких обстоятельствах, где носитель статуса все же может исполнять какие-то иные из своих ролей, не пользуясь при этом поддержкой со стороны тех, с кем он порвал какие-либо отношения. Иными словами, для этого требуется, чтобы сохранившиеся в ролевом наборе отношения не потерпели серьезных повреждений. Тем самым предполагается, что социальная структура делает правомерным разрыв некоторых отношений в ролевом наборе, например в системе личных дружеских отношений. В общем, однако, это право довольно ограничено, так как ролевой набор определяется не столько личным выбором, сколько социальной структурой, в которую включен данный статус. В этих условиях самый подходящий выбор заключается в том, чтобы носитель статуса отказался от своего статуса, а не в том, чтобы ролевой набор (или его существенная часть) утратил этот статус. Обычно индивид уходит, а социальная структура сохраняется.

Проблема 7.3 Остаточный конфликт в ролевом наборе

Вряд ли можно сомневаться в том, что выше были названы только некоторые из механизмов, позволяющих сочетать ожидания членов ролевого набора. Дальнейшее исследование не только обнаружит новые механизмы, но и, вероятно, изменит наши представления о тех из них, которые мы выявили раньше. Однако я убежден в том, что логическая структура этого анализа сохранится почти без изменений. Вкратце она сводится к следующему: во-первых, мы допускаем, что каждый социальный статус обладает целым комплектом ролевых отношений, которые, по-видимому, охватывают весь набор ролей.

Во-вторых, отношения существуют не только между носителем определенного статуса и каждым членом ролевого набора, но и между членами самого ролевого набора (потенциально — всегда; в действительности — часто).

В-третьих, члены ролевого набора, особенно те из них, кто относится к принципиально различным социальным статусам, могут иметь различные ожидания (как моральные, так и регистрационные) по поводу поведения отдельно взятого носителя статуса.

В-четвертых, с этим связана еще одна проблема: их различные ожидания должны довольно хорошо стыковаться, чтобы статусная и ролевая структуры действовали хоть сколько-нибудь эффективно.

В-пятых, неадекватная стыковка этих ролевых ожиданий может привести в действие один или несколько социальных механизмов, которые помогают уменьшить количество ярко выраженных ролевых конфликтов по сравнению с тем, что могло бы быть, если бы эти механизмы бездействовали.

В-шестых (последний и самый важный пункт): даже если эти механизмы приведены в действие, в некоторых случаях их может оказаться недостаточно, чтобы умерить конфликт ожиданий, имеющих у членов всего ролевого набора в целом, до уровня, необходимого для того, чтобы ролевая система действовала с высокой эффективностью. Этого остаточного конфликта в пределах ролевого набора может оказаться достаточно для того, чтобы реально помешать носителю статуса, о котором идет речь, эффективно исполнять свои роли. Действительно, чаще всего ролевая система, по видимому, действует с далеко не полной эффективностью. Не поддаваясь искушению провести аналогии с другими типами систем, я только выскажу предположение, что это очень похоже на ситуацию с машинами, которые не могут полностью утилизировать тепловую энергию, будь то пароатмосферная машина Ньюкомена или турбина Парсонса.

Мы еще не знаем некоторых требований, обеспечивающих, с одной стороны, наиболее гармоничные отношения между носителем статуса и членами его ролевого набора, а с другой — наиболее гармоничное сочетание ценностей и ожиданий всех тех, кто составляет ролевой набор в целом. Но, как мы убедились, в социальных системах не существует никаких гарантий, обеспечивающих быстрое удовлетворение этих требований. Поскольку они не удовлетворяются, социальные системы, соответственно, совершенствуются очень медленно и так неэффективно, что зачастую это можно вытерпеть лишь по одной причине: реальная перспектива принципиальных усовершенствований кажется такой отдаленной, что иногда ее вообще невозможно разглядеть.

Проблема 7.4
Социальная динамика адаптации в статусных наборах
и последовательностях

Как известно, статусным набором называется комплекс различных положений, занимаемых индивидом в пределах одной или нескольких социальных систем. В статусном наборе, как и в ролевом, тоже имеются проблемы стыковки. В какой-то мере эти проблемы сходны, хотя и не идентичны, по своей структуре. По этой причине, а также потому, что, надо признаться, эта глава чрезмерно затянулась, я не дам здесь даже общего очерка того круга проблем, которые можно идентифицировать уже сегодня. Однако будет полезно остановиться на некоторых из них и при этом указать, какой характер примет их дальнейший анализ.

Статусные наборы, очевидно, обеспечивают одну базисную форму взаимозависимости между общественными институтами и подсистемами. Это следует из того общеизвестного факта, что одни и те же люди входят в различные социальные системы. Кроме того, следует заметить, что подобно тому, как группы и сообщества различаются по числу и сложности социальных статусов (которые составляют часть их структуры), так и отдельно взятые индивиды различаются по числу и сложности статусов, составляющих их статусный набор. Ни у кого из тех, кто входит в «сложную социальную структуру», нет одинаково сложных статусных наборов. В качестве конкретного примера, иллюстрирующего одну крайность, перечислим статусы, занимаемые в одно и то же время Николасом Мерреем Батлером, хотя на первый взгляд число их кажется бесконечным; в качестве гипотетического примера, иллюстрирующего другую крайность, перечислим относительно небольшой перечень статусов, занимаемых ученым-рантье, который действительно преуспел в самоизоляции от большинства социальных систем: он работает, хотя формально числится «безработным»; он **не** состоит в браке; он не связан с политическими, религиозными, гражданскими, образовательными, военными и др. организациями. Проблемы стыковки ролевых требований в сложном статусном наборе (первый пример) и в простом статусном наборе (второй пример) — это скорее всего проблемы совершенно различного порядка. Сложные статусные наборы не только облегчают связь между подсистемами общества; носители этих статусов, организуя свою ролевую деятельность, сталкиваются с затруднениями различных уровней сложности. Кроме того, в некоторых статусах с характерной для них ценностной ориентацией первичная социализация может так сильно повлиять на формирование личности, что затруднит для нее (иногда в большей, иногда в меньшей степени) выход за пределы требований других статусов.

Нейтрализация таких затруднений (потенциально они свойственны всем сложным статусным наборам) происходит благодаря нескольким разнородным социальным процессам. Прежде всего люди не воспринимаются другими людьми только в качестве носителя одного-единственного статуса, даже если речь идет о статусе, определяющем их общественное положение. Работодатели часто признают, что их работники тоже имеют семьи, а в некоторых специфических случаях даже связывают свои ожидания по поводу поведения работника с этим обстоятельством. К работнику, о котором известно, что он перенес смерть близкого человека, члена своей семьи, естественно, какое-то время предъявляются более мягкие требования по работе. Социальное признание конкурирующих между собой обязательств, существующих в статусном наборе, помогает смягчать и модифицировать требования и ожидания членов ролевых наборов, связанных с некоторыми из этих статусов. В свою очередь, эта непрерывная адаптация связана с ценностями, существующими в обществе. Если имеется *априорный* консенсус по поводу относительной «важности» противоречащих друг другу статусных обязательств, то прекращается внутренняя борьба, сопровождающая принятие решений носителями этих статусов, и облегчается оказание помощи со стороны тех, кто входит в связанные с ними ролевые наборы.

Разумеется, существуют силы, препятствующие такой легкой адаптации. У тех, кто входит в ролевой набор, связанный с одним из статусов индивида, складывается свой собственный образ действий, который нарушается, если носитель этого статуса не выполняет своих ролевых обязательств. Если бы чисто эгоистическая мотивация действительно определяла все, это приводило бы к еще большим стрессам в статусных системах, чем обычно. В результате члены каждого ролевого набора то наступали бы на членов других ролевых наборов, то отступали бы под их натиском, а между ними всегда находились бы носители некоторых статусов. Но чисто эгоистическая мотивация — это еще не все; тем самым обеспечивается разработка различных способов согласования взаимоисключающих требований.

С точки зрения психологии, сопереживание, умение поставить себя на место других, помогает уменьшить до минимума давление на людей, имеющих противоречащие друг другу статусные обязательства. Однако отнести сочувствие, сопереживание к сфере «психологии» — это еще не значит, что оно есть всего лишь индивидуальное личностное свойство, которым разные люди обладают в разной степени; то, в какой мере сочувствие, сопереживание свойственно членам общества, отчасти есть функция лежащей в его основе социальной структуры. Ибо те, кто входит в ролевые наборы индивида, имеющего против-

речащие друг другу статусные обязательства, в свою очередь, являются носителями многочисленных статусов, которые прежде или теперь, действительно или потенциально подвержены подобным стрессам. Эта структурная деталь по крайней мере облегчает появление сочувствия («Вот что было бы со мной, если бы не милость Божия»).

Социальные структуры не лишены способности ко все более совершенной адаптации, которая достигается благодаря последовательной смене исходящих от культуры «наказов». Это помогает уменьшить частоту и интенсивность конфликтов в статусном наборе. Ибо чем чаще в сложных статусах происходят структурные конфликты между обязательствами, тем вероятнее, что возникнут новые нормы, которые будут управлять этими ситуациями, устанавливая приоритетные обязательства. Это значит, что каждый индивид, вовлеченный в подобные стрессовые ситуации, не должен будет импровизировать, изобретая новые приспособления. Кроме того, это означает, что члены его ролевых наборов в результате помогут ему уладить возникшие затруднения, одобряя и признавая его «решение», если оно соответствует функциональной эволюции стандартов приоритетности.

Социальные механизмы, сводящие подобные конфликты до минимума, можно также рассматривать с позиций статусной последовательности, то есть последовательной смены статусов, через которую проходит соответствующее число людей. Рассмотрим последовательность, которую Линтон назвал *достижением статуса* (говоря более обобщенно, ее можно назвать *приобретением статуса*: индивид переходит от статуса к статусу благодаря своим собственным достижениям, а не в силу случайностей рождения; эту вторую модель можно назвать моделью предопределенного статуса). Здесь основная идея заключается в том, что компоненты статусных наборов не комбинируются случайно. Процесс самоопределения — как социального, так и психологического — действует таким образом, чтобы свести на нет перспективы случайного набора статусов. Ценности, интериоризированные членами изначально господствующих статусов, уменьшают вероятность (которая в отсутствие этих ценностей была бы гораздо выше) того, что у них будут какие-либо побуждения занять статус, ценности которого несовместимы с их собственными. (Повторяю, как делал это в обзоре механизмов стыковки: я имею в виду, что этот механизм никогда не действует с полной и автоматической эффективностью; но он существует.)

В результате процесса выбора последовательных статусов статусный набор в каждый данный момент времени интегрирован лучше, чем был бы в случае его отсутствия. Исходя из уже усвоенных ценностных ориентации, люди отвергнут некоторые статусы, которых они

могли бы достичь, потому что найдут их неприемлемыми для себя и выберут другие перспективные статусы, потому что будут считать их близкими себе по духу. Вот прекрасный пример, иллюстрирующий это общее теоретическое положение: те, кто готовился стать христианами учеными и был предан этому учению, обычно не становятся врачами. Суть дела состоит в том, что это само собой разумеется. Эти два следующих друг за другом статуса — Христианская Наука и медицина — обычно не являются результатом процесса самоопределения. Но то, что действительно для этого яркого примера, по-видимому, сохраняет силу (хотя и не является таким наглядным и повторяющимся) и в других статусных последовательностях. В конечном итоге речь идет о той же самой теоретической идее, которую применил Макс Вебер, анализируя связь протестантской этики и частного предпринимательства. Он пришел к выводу, что благодаря процессу самоопределения в статистически наиболее частом статусном наборе принадлежности к аскетическим протестантским сектам сочетается с капиталистическим бизнесом (основные направления подобных стыковок мы наметили выше). Кроме того, оба эти статуса, как и следовало ожидать, стали создавать все более совместимые определения социальных ролей. Короче говоря, они действовали таким образом, чтобы свести действительный конфликт между статусами в статистически частом статусном наборе к более низкому уровню, чем тот уровень, которого конфликт достиг бы в отсутствие механизмов самоопределения и последовательного переопределения статусных обязательств.

Те же самые механизмы дают возможность статусам, которые относятся друг к другу как «нейтральные», столь же часто встречаться в тех же самых статусных наборах. Под словом «нейтральные» я подразумеваю только то, что ценности и обязательства соответствующих статусов *скорее всего не* вступят в конфликт. (Разумеется, если говорить конкретно, то почти каждая пара статусов при определенных условиях может содержать противоречащие друг другу требования; однако некоторые пары легче вступают в подобные конфликты; другие пары, как мы видели, могут усиливать друг друга; третьи могут быть просто нейтральными.) Например, в конкретной ситуации вполне возможно, что инженер-строитель локомотивов чаще будет встречаться с взаимоисключающими статусными требованиями, если он итальянец, а не ирландец по происхождению, но в определенной социальной системе эта комбинация статусов может оказаться совершенно нейтральной. Модель взаимно индифферентных статусов в какой-то мере обеспечивает многообразие статусов в статусных наборах и при этом не вызывает конфликта между статусами. Она помогает объяснить тот постоянно наблюдаемый факт, когда статусы в статусном наборе, не

будучи подобранными чисто случайно, в то же время не являются полностью интегрированными.

Понятия статусного набора и последовательности статусов помогают поставить перед функциональным анализом социальных структур новые проблемы¹²³. Тем не менее все вышеизложенное позволяет понять природу этих проблем. То, что они, в свою очередь, связаны с проблемами референтно-группового поведения, достаточно очевидно, и здесь мы не будем исследовать эти связи.

Последствия референтно-группового поведения

В заключение этого описания связей между теорией референтных групп и социальной структурой я просто избирательно упомяну (анализировать не буду) о некоторых *последствиях* референтно-группового поведения. Чтобы рассмотреть этот вопрос детально (теперь это возможно), следовало бы написать целую книгу, а не предварительное сообщение.

Проблема 8 Функции и дисфункции референтно-группового поведения

Как предполагалось в предыдущей главе и в первых разделах этой главы, «существует логическая связь между теорией референтных групп и концепциями функциональной социологии. Они, оказывается, интересуются разными аспектами одного и того же вопроса: первая теория концентрирует внимание на процессах, благодаря которым люди соотносят себя с группами, а свое поведение — с ценностями этих групп; вторая — на последствиях этих процессов, прежде всего для социальных структур, но также для индивидов и групп, вовлеченных в эти структуры»¹²⁴. В предшествующих разделах мы уже идентифи-

¹²³Описание некоторых сопутствующих проблем увело бы нас слишком далеко в сторону. Однако следует заметить, что *ролевые градации* (то есть постепенное, а не внезапное изменение ролей в статусных последовательностях) позволяют смягчить тот тип затруднений, который описан в: Benedict R., «Continuities and discontinuities in cultural conditioning», *Psychiatry*, 1938, 1, pp. 161 — 167. — *Примеч. автора.*

¹²⁴Та же самая ориентация, будучи принята Эйзенштадтом, привела к интересным результатам. Он замечает: «Вместо того чтобы вначале ставить вопрос, каким образом референтные группы влияют на поведение индивида, мы могли бы задаться другим вопросом: почему такая ориентация вообще необходима и с точки зрения данной социальной системы, и с точки зрения человеческой личности. Какие функции

цировали (правда, предварительно) некоторые из социальных функций референтно-группового поведения. Рассмотрим одну из них — функцию предвосхищающей социализации, то есть усвоение ценностей и ориентации, принадлежащих таким статусам и группам, в которые человек еще не вовлечен, но куда он, вероятно, вступит. Она помогает подготовить индивида к будущим статусам его статусной последовательности. Эксплицитная, сознательная, а часто и формальная сторона этого процесса, разумеется, задается образованием и воспитанием. Но многое в такой подготовке *имплицитно, неосознанно, неформально*; именно поэтому понятие предвосхищающей социализации привлекает наше внимание.

Подобная неформальная подготовка к ролям, которые предстоит исполнить в будущих статусах, должна идти в определенном направлении. К ней обычно не привлекается специализированный персонал, предназначенный для того, чтобы обучить человека исполнять эти роли, или же такое умение воспитывается бессознательно и попутно. Даже в школах предвосхищающая социализация переступает через формально отведенные для нее границы. К тому же предвосхищающая социализация не носит нравоучительного характера. Индивид реагирует на сигналы поведенческих ситуаций, более или менее бессознательно извлекает из них скрытый смысл, позволяющий осмыслить его ролевое поведение в будущем, и, таким образом, начинает ориентироваться на статус, который он еще не занимает. Обычно он не может четко сформулировать, какие ценности и ролевые требования он усваивает.

Эту функцию предвосхищающей социализации помогает выполнить одна структурная деталь, которую можно назвать «ролевой градацией». Индивид более или менее постепенно продвигается через последовательность статусов и связанных с ними ролей, причем каждая фаза этого продвижения не слишком отличается от той, которую он уже прошел раньше. Хотя его «официальный» (то есть социально признанный) переход в новый статус может показаться внезапным, чаще всего это происходит только потому, что неформальная предвосхищающая подготовка прошла незамеченной. В последовательности статусов существует гораздо меньше перерывов постепенности, чем может показаться на поверхности социальной жизни с ее праздничными *rites de passage** и официально объявленными изменениями статуса. Адекватность исполнения индивидом ролей его текущего реперту-

выполняет такая ориентация в социальном жизненном пространстве индивида и его Деятельности как члена общества?» (см.: Eisenstadt S.N., *Studies in reference group behaviour* (Human Relations, 1954), 7, pp. 191—216, esp. p. 192). — *Примеч. автора*. * Ритуалы, отмечающие переход в новое положение. — *Примеч. пер.*

ара более или менее постоянно подвергается оценке со стороны других людей. Тенденция возврата к поведению, свойственному предшествующей роли, подавляется благодаря постоянным подтверждениям его принадлежности к новообретенному статусу («Теперь вы большой человек...»). Соответственно подавляются также тенденции «преждевременного» перехода на более перспективные роли («Со временем, разумеется, но сейчас вы еще совсем не готовы...»). В итоге благодаря ориентации на нормы перспективных статусов индивид начинает вести себя как человек, находящийся на испытании, и стремится продвигаться вперед с такой скоростью, которая регулируется отзывами других членов его текущего ролевого набора.

Совсем немного известно о тех статусных и ролевых ориентациях во времени, которые на каждой стадии жизненного цикла должны приобретаться под влиянием культуры, и еще меньше — о тех, которые действительно приобретаются под ее влиянием¹²⁵.

В своем расписанном по минутам описании поведения одного мальчугана в течение дня Баркер и Райт¹²⁶ сообщают, что почти наполовину поведение мальчика явно ориентировалось на его текущие роли, очень небольшая часть (около четырех процентов «единиц поведения») была сориентирована на будущие роли и совсем незначительная — на прошлые роли. Параллельные репрезентативные данные о людях из различных обществ и социальных слоев отсутствовали, так что исследование этого вопроса осталось на уровне предположений. Например, было сказано, что в юности представления о далеком будущем неясны и почти безграничны; кажется, что прошлым можно пренебречь; таким образом, первостепенное значение приобретают настоящее и ближайшее будущее. В среднем возрасте сохраняется то же самое соотношение, только оно становится более сбалансированным. Старость ориентируется прежде всего на прошлое. Но все это остается на уровне догадок, и притом не самых поучительных. Структуры ориентации на статусы прошлого, настоящего и будущего на разных стадиях жизненного цикла почти наверняка меняются в соответствии с изменениями культурного уровня и социального положения. Но си-

¹²⁵ Одна статья, имеющая дело с четырьмя культурами, в какой-то мере проливает свет на этот вопрос: Smith M.W., «Different cultural concepts of past, present and future: a study of ego extension», *Psychiatry*, 1952, 15, pp. 395—400. В другой статье начато исследование о возможности существования «различных целевых ориентации во времени у различных социальных классов»: для этого в Соединенных Штатах были предварительно обследованы более сотни детей из низших и средних слоев (LeShan L. L., «Time orientation and Social class», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952, 47, pp. 589—592. —Примеч. автора.

¹²⁶ Barker R.G. and Wright H.F., *One Boy's Day* (New York: Harper & Brothers, 1951). —Примеч. автора.

стематическое изучение всего этого еще впереди. Однако можно сделать следующее предположение: так как ориентации во времени меняются, то выбор референтных групп тоже меняется; следовательно, меняется их функция по обеспечению предвосхищающей социализации.

То, что справедливо по отношению к одной этой функции референтных групп, по-видимому, сохраняет силу и для других функций, которые были идентифицированы в исследованиях референтно-группового поведения, ранее процитированных в настоящей главе. Но исследование этих функций (и дисфункций) референтных групп еще только началось, и, судя по тому как обстоят дела в настоящее время, лучшие работы появятся гораздо позже¹²⁷.

¹²⁷ Основные материалы по теории референтных групп можно найти в: Sherif M. and Sherif C.W., *An Outline of Social Psychology* (New York: Harper & Brothers, 1956). К сожалению, эта работа попала в поле моего зрения только после того, как моя книга была уже напечатана. — *Примеч. автора.*

ХII. СТРУКТУРА ВЛИЯНИЯ: ЛОКАЛЬНЫЙ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТИПЫ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Это исследование посвящено изучению места средств массовых коммуникаций в структуре межличностных влияний. Базируясь в основном на интервью, взятых у восьмидесяти шести мужчин и женщин, принадлежащих к различным социально-экономическим слоям в «Ровере» (городке с населением 11 000 чел. на Восточном побережье), оно, в сущности, представляет собой скорее исследование единичного случая, нежели статистический анализ¹ структуры влияний. Первоначально это пилотное исследование имело четыре основные цели: 1) идентифицировать типы людей, которых их окружение считает влиятельными; 2) соотнести формы коммуникативного поведения с ролями этих людей (то есть лиц, оказывающих влияние); 3) проследить, по каким каналам к ним приходит влияние; 4) выдвинуть гипотезы, необходимые для более систематического изучения межличностных влияний в местном сообществе.

Данная глава посвящена анализу принципиально различных типов влиятельных личностей, — типов, которые мы можем обозначить как «локальный» и «космополитический». Но прежде чем мы обратимся к этому вопросу по существу, возможно, нам будет интересно бросить взгляд на два процедурных и методологических отступления, которые пришлось сделать по ходу дела. Первое отступление было сделано, когда в ходе прикладного социологического исследования, первоначально посвященного узкой практической проблеме, неожиданно возникли теоретические конструкции. Хотя пилотное исследование первоначально было предпринято для того, чтобы изучить функции, выполняемые общенациональным информационным журналом для различных типов читателей (проблема, относящаяся к со-

© Перевод. Каганова З.В., 2006

¹ Несмотря на то что цифры и диаграммы, в которых подводятся итоги нашего исследования, время от времени цитируются, они носят эвристический, а не демонстрационный характер. Они только позволяют указать источники интерпретационных гипотез, которые еще предстоит детально, систематически разработать. — *Примеч. автора.*

циологии массовых коммуникаций), очень скоро благодаря первым же впечатлениям и результатам оно было переориентировано. Ибо оказалось, что журнал по-разному использовался людьми, которые в разной степени испытывали межличностные влияния в своем сообществе. Обращаясь ко второму отступлению, мы познакомимся с препятствием, которое вынудило нас выдвинуть альтернативные схемы для анализа тех же самых качественных данных. Дело в том, что наш первоначальный анализ оказался совершенно непродуктивным. Однако с возникновением понятия локального и космополитического типов *влиятельных личностей* «те же самые» качественные данные стали приносить полезные результаты, которые можно было разрабатывать в дальнейшем. После этого краткого процедурного обзора двух стадий нашего качественного анализа мы сможем лучше оценить описание локального и космополитического типов влиятельных людей.

Преобразование прикладного исследования в теоретическое

Практическая проблема, для решения которой появилось это исследование, была достаточно ясной². Научно-исследовательский отдел общенационального информационного журнала хотел выяснить, каким образом можно локализовать зоны личностных влияний в сообществе. Он хотел также знать, каковы характерные особенности влиятельных людей, в том числе читателей журнала. Доходил ли журнал до этих людей, занимающих «ключевое» положение в сети личностных отношений? Независимо от этого, каким образом журнал использовался влиятельными людьми и каким — рядовыми читателями?

² Очень хочется проследить вытекающий из этой постановки вопроса последовательный ход нашего исследования. Первоначально клиентов главным образом (если не целиком) интересовала структура межличностных влияний, потому что «тема влиятельности» могла помочь им повысить спрос на рекламу. (Фрэнк Стюарт перечисляет 43 журнала общенационального масштаба, которые в разных вариациях используют идеи о том, что их читатели — это люди, обладающие влиянием.) Эта практическая задача, а также существование научно-исследовательского отдела обусловили необходимость проведения исследований в данной области. Но как только исследование было начато, его цели стали гораздо более многообразными, так как оно включило в себя такие подпроблемы, которые только отдаленно были связаны с первоначально поставленными задачами. Функции прикладного исследования, связанного с соответствующей теорией, следовало систематически изучать; некоторые исходные соображения по этому поводу изложены в главе V. — *Примеч. автора.*

Как только эта практическая проблема была сформулирована, сразу же в центре внимания оказался вопрос о создании *методов идентификации личностей* по уровням межличностного влияния. Очевидно, невозможно определить, было ли число тех, кого можно назвать «влиятельными людьми», пропорционально (или непропорционально) числу читателей, не располагая процедурами для локализации и идентификации влиятельных лиц. Кроме того, сам факт, что эту проблему начали исследовать, указывал на то, что какие-то правдоподобные показатели влияния рассматривались клиентом неадекватно. Такие внешние показатели влияния тех или иных читателей, как род занятий, доход, владение собственностью и членство в организациях, можно было узнать при подписке на журнал или получить с помощью опроса читателей. Таким образом, исследование, имеющее своей целью создание более эффективных показателей влияния, исходило из следующей гипотезы: несмотря на то что люди, относящиеся к высокому «социальному статусу», *могут* оказывать относительно большее межличностное влияние, социальный статус не является адекватным показателем. Некоторые индивиды, занимающие высокий статус, очевидно, обладают небольшим межличностным влиянием, а некоторые индивиды, занимающие низкий статус, — большим. Требовалось новое качественное исследование, чтобы создать более адекватные показатели межличностного влияния.

Но, как это часто бывает, предполагалось, что проблема изначально была поставлена правильно. Действительно ли влиятельные личности непропорционально представлены в составе читателей? Во всяком случае, действительно ли влиятельные личности пользуются журналом по-другому, чем рядовые читатели? На самом деле это была *преждевременная постановка* проблемы, но мы поняли это только после того, как пилотное исследование уже началось. Ибо, как мы поняли, дело не в том, чтобы идентифицировать *влиятельных людей* (и пользу, которую они извлекают из журнала), а в том, чтобы выявить *типы влиятельных лиц* (и, соответственно, их различное отношение к журналам как источникам информации, относящейся к обществу в целом, а не к их собственному сообществу).

Основной перелом в этом исследовании, как мы убедимся, произошел вместе с осознанием того, что *практическая проблема была переопределена* по сравнению с ее первоначальной формулировкой. Это переопределение со временем отвлекло наше внимание от бросающихся в глаза альтернатив исследования. Только когда первоначальная проблема получила новую формулировку, только когда исследование средств для идентификации влиятельных людей превратилось

в исследование типов влиятельных личностей, вероятно, различающихся своим отношением к средствам коммуникации, — только тогда исследование оказалось продуктивным и в прикладном, и в теоретическом аспектах. Только тогда данные, до этого не укладывавшиеся в нашу интерпретацию, встали на свое место. Только тогда мы сумели объяснить разнообразные и ранее не связанные между собой данные наблюдений с помощью небольшого числа понятий и предложений.

Как мы увидим из описания основной части нашего исследования, потребовалась новая постановка проблемы, прежде чем мы оказались в состоянии продвинуться к решению и прикладных, и теоретических задач.

Две фазы качественного анализа влиятельных людей

По-новому поставив проблему, мы заинтересовались разработкой процедур (хотя бы несовершенных), которые дали бы нашим информаторам возможность выявить людей (помимо их непосредственного семейного круга), которые оказали на них большое «влияние» в ходе социальных взаимодействий³. Нас не интересовало косвенное влияние, оказываемое серьезными политическими, рыночными и другими административными решениями, которые влияют на большое количество людей⁴. В пролонгированных интервью опрашиваемых просили назвать людей, к которым они обращались за помощью или советом, когда принимали личное решение по тому или иному поводу (начиная с выбора работы и планирования образования для себя и своих детей и кончая выбором книг, игр или мебели). Кроме того, опрашиваемых просили указать, к кому, насколько им известно, люди вообще обращаются за советом в делах подобного рода. Такая пробная идентификация лиц, оказывающих межличностное влияние, разумеется, сопровождалась выяснением причин, по которым опрашиваемые выделяли тех, а не других индивидов.

³ В этой главе ничего не будет сказано по поводу предварительных процедур, разработанных для идентификации людей, в разной мере оказывающих влияние на Других. Что касается адаптации этих процедур в более поздних исследованиях, см.: Stewart F.A., «Asociometric study of influence in Southtown», *Sociometry*, 1947, 10, pp. 11 — 31. Необходимая методология была заметно усовершенствована в исследованиях по проблеме влияний в сообществе Среднего Запада, проведенных Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета (см. Katz E. and Lazarsfeld P.E., *Personal Influence* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955). — *Примеч. автора.*

⁴ Что касается краткого обсуждения понятия межличностного влияния, примененного в этом исследовании, см. «Дополнение» к этой главе. — *Примеч. автора.*

В этих интервью восемьдесят шесть опрошенных упомянули 379 человек, которые оказали на них влияние в конкретной ситуации принятия решений. В этих опросах некоторые люди упоминались неоднократно. (Всего было сделано 1043 «упоминания», относящихся к 379 человекам, причем на некоторых из них ссылались более чем в тридцати случаях.) Пятьдесят семь из 379, или 15%, упоминались больше четырех раз, и мы условно приняли это в качестве нашего рабочего критерия «влиятельности». Как мы вскоре убедимся, этот абсолютно пробный и произвольный критерий позволил нам идентифицировать ситуации, в которых мы могли исследовать межличностное влияние. Тридцать из этих влиятельных людей были впоследствии опрошены по поводу их собственной оценки своего влияния, оценки влияния, оказываемого на них другими людьми, ситуаций, в которых они оказывали влияние их поведения по отношению к средствам коммуникации, и т.п. Все это составило подлежащие анализу данные.

Здесь не место описывать в деталях первую, довольно непродуктивную фазу нашего анализа поведения влиятельных личностей по отношению к средствам коммуникации. Но из краткого обзора того, как и почему он привел к разработке альтернативного анализа, можно извлечь кое-что полезное для *кодификации* методов качественного анализа⁵. Будет сказано ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы показать, каким образом собранный материал данных оказывал давление на исследователя, постепенно модифицируя его общие представления, так что исправление и переработка данных в свете новых идей шло рука об руку с появлением наводящего на новые мысли единообразия на месте беспорядочной груды фактов.

На стадии, которая, как мы теперь знаем, была относительно бесплодной первой фазой нашего анализа, мы не только выделяли влиятельных личностей из общей массы, но и различали их сообразно с их

⁵ Поэтому данная часть нашего исследования — это призыв ко всему социологическому братству практиковать включение в свои публикации подробных описаний того, каким образом качественный анализ развивался в *действительности*. Только после того, как большая часть таких описаний станет доступной всем, будет возможно *кодифицировать* методы качественного анализа примерно с такой же четкостью, как и методы количественного анализа. Настоящее описание страдает оттого, что в нем опущены конкретные материалы, иллюстрирующие последовательность изменения категорий анализа; немногочисленные детали, приведенные здесь, извлечены из более обширной монографии, хранящейся в Бюро прикладных социальных исследований. Однако этого может оказаться достаточно, чтобы подчеркнуть необходимость все более подробных описаний социологического качественного анализа, которые сообщают сведения не только о *конечном продукте*, но также и о последовательных шагах, сделанных для того, чтобы получить этот продукт. С точки зрения Бюро, такая кодификация, очевидно, совершенно необходима и для *сбора*, и для *анализа* качественных социологических данных. — *Примеч. автора.*

динамичным положением в местной *структуре влияний*. Различия проводились следующим образом: между лицами, пользующимися влиянием в настоящее время (предположительно занимающими устойчивое положение); потенциально влиятельными лицами (восходящими звездами, все еще продолжающими свое восхождение); лицами, чье влияние слабеет (прошедшими свою точку зенита и начавшими двигаться по нисходящей); пассивными влиятельными лицами (обладающими *объективными* атрибутами влияния, но не пользующимися ими для приобретения действительного влияния). Лица, не обладающие влиянием, в свою очередь, подразделялись на рядовых (имеющих ограниченное поле социальных контактов, в которых они обычно выступают в качестве тех, кто получает, а не дает советы) и изолированных (людей, почти полностью отключенных от социальных контактов).

Как оказалось, эта классификация была логически безупречной, эмпирически применимой и фактически бесплодной. Конечно, наши данные легко можно было уложить в эти категории. Но достигнутое путем явно выраженное единообразие коммуникативного поведения или каких-то иных поведенческих моделей было совсем небольшим. Короче говоря, эти различия действительно существовали, но были относительно бесполезными для наших целей. Но поскольку, как однажды заметил Л. Дж. Гендерсон, «практически любая классификация лучше, чем никакая», наша классификация позволила кое-что открыть относительно функций информационных журналов и других средств коммуникации для лиц, занимающих различное положение в структуре влияний. Так, мы обнаружили, что некоторые влиятельные личности обычно пользуются информационным изданием не столько для того, чтобы выяснить что-то для себя, сколько для того, чтобы выяснить что-то для других, а именно для тех, кто обращается к ним за руководством и ориентацией. Кроме того, казалось совершенно очевидным, что функции информационных изданий различны в среде рядовых и влиятельных читателей. Для первых они выполняют частную, личную функцию; для вторых — общественную. Для рядового читателя информация, полученная благодаря журналу, — это *продукт личного потребления*, расширяющий его *собственные* представления о жизни общества, тогда как для влиятельного лица — это *товар для обмена*, увеличивающий его престиж, так как он дает ему возможность выступать в качестве интерпретатора положения дел в стране и за рубежом. Это помогает ему быть лидером общественного мнения.

Но эта первая классификация в лучшем случае породила массу отрывочных впечатлений, почти не связанных друг с другом. Она не давала нам возможности объяснить различия в поведении влиятель-

ных личностей. Например, больше половины влиятельных лиц читали журналы, но наша классификация не давала систематического объяснения, почему остальные не читали их. Бесплодность этой фазы нашего анализа послужила *мотивом для поиска* новых рабочих концепций, но только ряд наблюдений, случайно сделанных в процессе анализа, привлек наше внимание к *действительным понятиям*, которыми мы начали оперировать.

Помимо всего прочего, один стратегически важный *факт* определил вторую фазу нашего анализа. Интервью с влиятельными людьми касались только их отношений *в пределах* города. Однако в своих ответах на одни и те же вопросы некоторые влиятельные лица ограничивались рамками локальной ситуации в Ровере, тогда как другие ссылались на то, что происходило далеко за пределами этого города. Вопрос о воздействии войны на экономику Ровера в одном случае освещался исключительно с точки зрения городских проблем, а в другом — включал в себя замечания о национальной экономике или международной торговле. Именно это характерное моделирование ответа — либо с точки зрения сугубо местных ориентиров, либо в более широкой системе координат, — моделирование, которое можно было предвосхитить, но которое не было предвосхищено, привело нас к концепции двух основных типов влиятельных лиц: «локального» и «космополитического».

В то время как первая классификация имела дело с фазами в цикле персонального влияния, вторая была сформулирована в терминах *ориентации*⁶ влиятельных людей на местные и на более крупные социальные структуры. Одна концентрировала внимание на положении дел внутри структуры влияния; другая — на основаниях влияния и способах его употребления.

С появлением понятий локального и космополитического типов влиятельных лиц сразу же обнаружились новые формы единообразия. «Те же самые» данные приобрели совершенно новый смысл, когда были заново исследованы и проанализированы в свете этих понятий. Факты, которые не находили себе места в первом анализе, не только становились уместными, но приобретали решающее значение во втором. Так, различные типы построения карьеры влиятельными людьми

⁶ Понятие «ориентации» нуждается в объяснении. Социальная ориентация отличается от социальной роли. Роль обозначает, каким образом начинают работать права и обязанности, присущие данному социальному положению; под ориентацией мы понимаем здесь специфическую характерную черту, лежащую в основе всего комплекса социальных ролей, разыгрываемых индивидом. Именно эта черта явно или неявно находит свое выражение в каждом комплексе социальных ролей, в исполнение которых вовлечен данный индивид. — *Примеч. автора.*

мы - независимо от того, складывалась ли она главным образом в
 Ровере или только продолжись там, тогда как в
 интегральной составной частью складывавшимися
 первыми были «интересными и, различные вопросы, как гео
 общую схему. Такие эти межличностных отношений
 графическая мобильность, расширение возможности оказать
 и в добровольных органах влияние своего влияния, - все они
 влияние в Действительное употреблений, начиная с исключи-
 оказались проявлениями основными и кончая интересом к
 тельной сосредоточенности на местном
 огромному миру за пределами гор сообщения мы
 Итак, в этом введен процедурный и методологи-
 отметили два вопроса, представл прикладное социальное
 ческий интерес. Во-первых мы у м и м и Р цели и за-
 исследование, первоначально связанное с социо-
 дачи, переросло в А во-вторых, мы сде-
 логической теорией которые вызвали модификацию
 лали краткий обзор обстоятел^ котор е факты
 качественных схемы. Благодаря это-
 улеглись в последовательные и е д и Р объяснению двух принци-
 му краткому введению мы подго свойственных им
 пимально различных типов влиятельных
 форм коммуникативного поведения.

Типы влиятельных людей: локальный и космополитический

Термины «^{отмьнтм^}» и «космополитический»⁷, разумеется, не
 к регионам, ^{накотоР} действующим почти исключительно. Оба
 типа влиятельных людей д
 -----" мьно к идентификации двух типов влиятельных людей
⁷ Эти термины применительно * ьт пользуется ими как переводом двух
 были заимствованы у Карла Циммерман ^ ^ Теннисом: Gemeinschaft (община) и
 хорошо известных понятий, введен"" информированный читатель обнаружит, по
 Gesellschaft (общество). Социологиче ология при этом будет совсем другая, в
 существу, те же самые различия, хотя^ р Несмотря на то что термины обычно
 трудах Зиммеля, Кули, Вебера/Джонс-Кей^ ных типов социальной организации и соци-
 использовались для обозначения Рзд к эмпирическим данным, характеризую-
 альных отношений, здесь они примен^ ^ рмйатты Concepts of Sociology (New
 Цим типы влиятельных людей. Ср. Gemeinschaft u Gesellschaft, сделанный
 York, 1940), перевод его ТМассНесКов"К" ,ее более поздней статьи, носящей то же Луисом
 (Loomis C.P.), и, что гораздо важнее, OOI

но в пределах местного сообщества. В Ровере имеется немного резидентов, чье влияние выходит за пределы этого сообщества*.

Главный критерий, позволяющий различать эти типы, обнаруживается в их *ориентации* по отношению к Роверу. У локального типа интересы замкнуты на этом сообществе. Ровер — это, по существу, весь его мир. Почти не думая о «большом мире», он занят по преимуществу местными проблемами и практически не интересуется событиями общенационального и международного масштаба. Строго говоря, он очень ограничен.

По-иному обстоят дела с космополитическим типом. Его интересы в какой-то мере связаны с Ровером, и, разумеется, он должен хотя бы в минимальной степени поддерживать отношения в пределах местного сообщества, так как он тоже пользуется там влиянием. Но он ориентируется также на мир за пределами Ровера и считает себя интегральной частью этого мира. Он проживает в Ровере, но живет в «большом мире». Если локальный тип ограничен, то космополитический экуменичен.

Из тридцати влиятельных людей, давших подробное интервью, четырнадцать были отнесены тремя аналитиками⁸ независимо друг от друга к «космополитическому» типу (на основании материалов, характеризующих их ориентацию на сообщество города Ровера), а шестнадцать — к «локальному» типу.

название. См. также: Zimmerman C.C., *The Changing Community* (New York and London: Harper & Brothers, 1938), особенно р. 80 ff". Что касается компактной, сжатой характеристики употребления аналогичных понятий в социологической литературе, см.: Wiese, von, L. And Becker H., *Systematic Sociology* (New York: John Wiley & Sons, 1932), esp. pp. 223—226 n. — *Примеч. автора.*

* Понятие влиятельных людей рассматривалось в исследовании структуры влияний в пригороде, населенном людьми, имеющими репутацию и влияние общенационального масштаба. Авторы пишут: «Вряд ли стоит удивляться тому, что личностные характеристики этих «влиятельных людей» отличаются от личностных характеристик влиятельных людей космополитического типа в г. Ровере, занимающих более низкий ранг» (Adler K.P. And Bobrow D., «Interest and influence in foreign affairs», *Public Opinion Quarterly*, 1956, 20, pp. 89—101. См. также: Hunter F., *Power Structure: A Study of Decision — Makers* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.) — *Примеч. автора.*

⁸ Вряд ли можно ожидать такого полного совпадения оценок в более масштабном исследовании. Но в этом ограниченном по числу примеров случае космополитический и локальный синдромы были так ярко выражены, что сомнений по поводу «диагноза» практически не было. В более зрелом исследовании были бы созданы более формальные критерии (в направлениях, заданных последовавшей дискуссией) и, соответственно, возник бы промежуточный тип, не тяготеющий ни к локальному, ни к космополитическому полюсам. — *Примеч. автора.*

Эти ориентации нашли свое выражение в самых разнообразных контекстах. Например, влиятельным людям было предложено изложить свои взгляды, ответив на квазипроективный вопрос: «Сильно ли тревожат вас новости?» (Была осень 1943 г., когда новости в большинстве случаев были эквивалентны военным новостям.) Ответы, обычно очень подробные, легко поддавались классификации с точки зрения фокусировки интересов влиятельных людей. Одна группа комментариев фокусировалась на проблемах национального и международного уровней. В них выражалось беспокойство по поводу трудностей, с которыми столкнется создание стабильного послевоенного мира, подробно говорилось о проблемах строительства международной организации, обеспечивающей мир, и т.д. Во второй группе комментариев военные новости в подавляющем большинстве случаев преломлялись с точки зрения того, что они значили лично для опрашиваемых или для тех, с кем они связаны в Ровере. Они трактовали вопрос о «новостях» как повод для обзора того непосредственного круга проблем, которые принесла в город война.

Классифицируя влиятельных людей по этим двум категориям, мы обнаруживаем, что двенадцать из четырнадцати⁹ представителей космополитического типа обычно давали ответы в свете международных и общенациональных проблем, тогда как среди представителей локального типа только четверо из шестнадцати говорили в этом же духе. Каждый тип влиятельных людей выделял из потока событий совершенно различные элементы. Неясно сформулированный вопрос позволил каждому из них выразить в ответах свои основополагающие ориентации.

Все остальные различия между локальным и космополитическим типами влиятельных людей, по-видимому, проистекали из различия их фундаментальных ориентации¹⁰. Групповая характеристика демонстрирует присущую локальному типу верность локализму: вероятнее

⁹ Нужно еще раз повторить, что людей, которых мы цитируем в данном разделе и По ходу всего исследования, не следует воспринимать как репрезентативных представителей населения. Их мнения приводятся только для того, чтобы проиллюстрировать определенную эвристическую цель: они помогли подобрать ключи к различным образцам межличностного влияния. Как это часто бывает при подведении количественных итогов в исследовании конкретного единичного случая, эти люди не подтверждают каких-либо интерпретаций, а просто подсказывают их. Пробные интерпретации, в свою очередь, обеспечивают отправной пункт для новых количественных исследований, базирующихся на адекватных образцах (см., например: Kats and Lazarsfeld, *op. cit.*). — *Примеч. автора.*

¹⁰ Здесь ничего не говорится об объективных *детерминантах*, определяющих различие ориентации. Установить эти детерминанты — еще одна, и притом очень важная задача, выходящая за пределы данного исследования. — *Примеч. автора.*

всего представители этого типа уже давно живут в Ровере, они очень заинтересованы в общении со многими другими жителями города, они не хотят уезжать из города, их вероятнее всего интересует местная политика и т.д. Такие моменты, которые лучше всего демонстрируют различие между двумя типами влиятельных людей, составят основное содержание последующих разделов. Там мы обнаружим, что различие основополагающих ориентации сопровождается многими другими различиями: 1) различиями в структуре социальных отношений, в которые вовлечен каждый из этих типов; 2) различиями в способах и путях, которыми они пришли к своему нынешнему положению в структуре влияний; 3) различиями в использовании своего нынешнего статуса для оказания влияния на других людей; 4) различиями в их коммуникативном поведении.

Структура социальных отношений

Корни в сообществе

Локальный и космополитический типы влиятельных людей довольно заметно отличаются своей привязанностью к Роверу. Локалисты — большие местные патриоты, и мысль о том, чтобы уехать из Ровера, по-видимому, редко приходит им в голову. Один из них выразил это умонастроение следующим образом:

Ровер — самый великий город в мире. В нем есть что-то такое, чего больше нет нигде в мире, хотя я не могу сказать, что именно...

На прямой вопрос — «не думали ли они когда-нибудь уехать из Ровера» — тринадцать из шестнадцати влиятельных локалистов подчеркнуто твердо ответили, что никогда не думали об этом, а остальные трое решительно предпочитали остаться, хотя и предполагали, что при определенных условиях могли бы уехать. Никто не испытывал чувства, что жизнь в каком-нибудь другом сообществе могла бы принести им такое же удовлетворение, как жизнь в Ровере. У влиятельных космополитов дело обстояло по-другому. Только трое из них заявили, что с Ровером связана вся их жизнь. Четверо выразили свое настоятельное желание жить где-нибудь еще, а остальные семеро при определенных условиях хотели бы уехать. Атаких ответов у влиятельных локалистов вообще не было:

Несколько раз я был на грани отъезда, чтобы найти другую работу.

Я жду только того, чтобы мой сын унаследовал мою практику, прежде чем я уеду в Калифорнию.

Эти фундаментальные различия в отношении влиятельных локалистов и космополитов к Роверу связаны с их различным жизненным опытом. Космополиты всегда были более мобильны. Локалисты в большинстве случаев родились в Ровере или в его окрестностях. 14 из 16 локалистов прожили в Ровере больше двадцати пяти лет, а из космополитов это можно сказать меньше чем о половине. Космополиты — это обычно приезжие, которые раньше жили во многих сообществах в разных частях страны.

По-видимому, это различие не связано с различием возрастного состава группы влиятельных локалистов и космополитов. Правда, космополиты обычно моложе локалистов. Но из тех жителей Ровера, кому за сорок пять, космополиты, по-видимому, приехали сравнительно недавно, а локалисты являются коренными жителями.

Из материалов исследования мы можем понять, на чем основывается подчеркнутая привязанность к Роверу, характерная для локалистов. Добиваясь своих целей, влиятельные люди этого типа полностью *приспособились к данному сообществу* и стали сомневаться в возможности достичь таких же хороших результатов где-нибудь еще. С высоты своих семидесяти лет местный судья так описывает свое чувство полной инкорпорированности в сообщество:

Я не хочу даже думать о том, чтобы уехать из Ровера. Люди здесь очень добры, очень отзывчивы. Они любят меня, и я благодарю Бога за то, что, как мне кажется, люди доверяют мне и считают меня своим руководителем и лидером.

Таким образом, сильное чувство своей идентичности с Ровером, распространенное среди влиятельных людей локального типа, связано с их местным происхождением и построенной по меркам местного сообщества карьерой. И в экономическом отношении, и со стороны своих чувств они глубоко укоренены в Ровере.

Что касается привязанности к Роверу, то космополиты отличаются от локалистов фактически во всех отношениях. Они не только относительно недавно приехали туда, но и не чувствуют себя укорененными в этом городе. Привыкнув жить в других местах, они считают, что Ровер, будучи «довольно приятным городом», все же только один из многих. Благодаря своему опыту они также сознают, что могли бы сделать хорошую карьеру в других сообществах. Они, следовательно, не считают, что только Ровер обеспечит им безопасное и удов-

летворительное существование. Их более широкий опыт модифицировал их ориентацию на то сообщество, в котором они живут в настоящее время.

Способность к общению: сети личных отношений

Отвечая на вопросы интервью, влиятельные люди получили возможность выразить свое отношение к «знакомству со многими людьми», живущими в данном сообществе. Эти позиции четко подразделялись на два типа. Тринадцать из шестнадцати влиятельных локалистов и только четыре из четырнадцати влиятельных космополитов проявили явный интерес к установлению частных контактов со многими людьми.

Это различие становится особенно поучительным, когда дается его качественный анализ. Локалист из числа влиятельных людей обычно хочет знать *как можно больше* людей. В сфере социальных контактов он следует чисто количественному подходу. Он их считает. Вот слова влиятельного полицейского офицера (который вторит другому влиятельному локалисту-майору):

У меня множество друзей в Ровере, насколько я могу судить. Мне хочется знать всех и каждого. Когда я стою на перекрестке, то могу за два часа поговорить с пятью сотнями людей. Знакомство с людьми помогает, например, когда предстоит повышение по службе. Каждый упоминает тебя как подходящую кандидатуру на эту вакансию. Влиятельные люди, знакомые со мной, говорят обо мне с другими людьми. Однажды Джек Флай (майор) сказал мне: «Билл, — сказал он, — у тебя больше друзей в городе, чем у меня. Хотелось бы мне, чтобы все твои друзья, в том числе те, о которых ты даже не знаешь, стали моими друзьями». Это привело меня в хорошее настроение...

Эта типичная позиция хорошо вписывается во все то, что нам известно о локальном типе влиятельных людей. Более того, она наводит на мысль, что «карьерная» функция личных контактов и отношений хорошо осознается самими локалистами из числа влиятельных людей. Она не связана с каким-то одним родом деятельности. Бизнесмены, специалисты, чиновники — все одинаково прославляют желательность многочисленных и разнообразных контактов. Президент банка воспроизводит точно такую же историю с позиций своего опыта и своих перспектив:

Я всегда любил знакомиться с людьми... По-настоящему это началось, когда я стал кассиром. Что касается знакомства с людьми, кассир — это

самая важная позиция в банке. Будучи кассиром, ты должен соприкасаться со всеми. Ты должен научиться называть каждого по имени. Такой возможности познакомиться с людьми у тебя больше не будет. Как раз сейчас у нас есть очень способный кассир, но два или три человека уже приходили ко мне с жалобами на него. Он с ними недружелюбен. Я сказал ему, что он должен для каждого найти доброе слово. Это не только личный, но и деловой вопрос.

Эти ключевые слова позволяют выявить принципиальный интерес влиятельных локалистов к любым личным контактам, которые дают им возможность самоутвердиться, когда им необходима политическая, деловая или какая-либо иная поддержка. В этой группе влиятельные люди в своей деятельности исходят из допущения, что они могут стать заметными и влиятельными людьми в данной местности, если там будет достаточно людей, которые их знают и, следовательно, хотят помогать им и, в свою очередь, получать помощь от них.

С другой стороны, влиятельные люди космополитического склада явно были меньше заинтересованы в том, чтобы их знакомыми стало *как можно больше* людей". Они более избирательны в своем выборе друзей и знакомых. Обычно они подчеркивают важность того, чтобы ограничить круг своих друзей людьми, с которыми «можно поговорить» и «обменяться мыслями». Если влиятельные локалисты — это сторонники чисто количественного подхода, то космополиты в этом отношении являются сторонниками качественного подхода. В расчет принимается не то, *сколько* людей они знают, а то, *каких людей*¹².

Контраст с преобладающими позициями влиятельных локалистов проявляется в следующих замечаниях, сделанных влиятельными людьми космополитического склада:

Я не хочу знакомиться с людьми, если они ничего собой не представляют как личности.

Меня не интересует количество. Мне нравится понимать людей — это расширяет мое образование. Я люблю знакомиться с людьми знающими и занимающими определенное положение. Меня не интересуют

¹¹ Это получило любопытное подтверждение. Мы дали опрашиваемым составленный наугад список жителей Ровера и попросили идентифицировать каждого из них. Влиятельные люди локалистского типа узнали больше имен, чем любая другая группа опрашиваемых, а космополиты, в свою очередь, узнали больше людей, чем опрашиваемые, не пользующиеся влиянием. — *Примеч. автора.*

¹² В этом подробном исследовании мы ограничились только выявлением подходов к личным контактам и отношениям. Детальное исследование изучило бы *действительные* количественные и качественные характеристики личных отношений у Сиятельных людей локального и космополитического типов. — *Примеч. автора.*

людские массы. Мне нравится знакомиться с людьми, равными мне по уму, образованию и опыту.

Те же основополагающие позиции, что и у влиятельных людей данной местности, отмечены в сфере профессионалов, а также в сфере образования. Например, профессионал космополитического склада, который только начинает заниматься своим делом, не подчеркивает значение широкого (и постоянно расширяющегося) круга знакомств. В противоположность юристу локалистского склада, который считает «преимуществом для себя знать как можно больше людей», юрист-космополит становится одновременно и поэтической, и исключительной личностью, когда говорит: я никогда не гоняюсь за людьми. Я не испытываю никакого удовольствия от того, чтобы бегать за ними и созывать их. Как советовал Лаэрту По-лоний,

своих друзей, их выбор испытыв,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством С
любым бесперым панибратом...*

В последующем разделе этого исследования мы поймем, что различные ориентации локалистов и космополитов в сфере личных отношений можно интерпретировать как функцию достижения влияния разными способами. В данный момент достаточно заметить, что докалисты пытаются вступить в многочисленные личные отношения, тогда как космополиты находящиеся *на точно таком же статусном уровне*, явно ограничивают круг этих отношений.

Участие в добровольных организациях

Рассматривая способность к общению у локалистов и космополитов, мы подвергли исследованию их позиции по поводу неформальных личных отношений. А что можно сказать об исполняемых ими ролях в более формальных органах социального контакта — добровольных организациях?

Как можно предугадать, оба типа влиятельных людей связаны с большим числом организаций, чем рядовые жители. Каждый влиятельный человек космополитической ориентации в среднем является членом восьми организаций, а локалистской ориентации — шес-

* Шекспир У. Гамлет, принц датский. — Полное собр. соч. — М.: 1960. — В 8 т., т. 6, с. 26. — *Примеч. пер.*

ти. Это позволяет сделать следующее предположение: чтобы обрести влияние, космополиты чаще пользуются организационными каналами, тогда как локалисты в целом предпочитают личные контакты.

По отношению к организациям полностью можно применить вывод, сделанный нами по отношению к способности общения: качественные данные гораздо поучительнее, чем количественные. Дело не в том, что на космополитов приходится *больше* организаций, чем на локалистов. Даже если тщательное исследование подтвердит это впечатление, то оно все же не выявит стратегических организационных различий между ними. Дело скорее в том, что они принадлежат к организациям разного типа. И, повторяю, эти различия подкрепляют все то, что мы узнали о двух типах влиятельных людей.

Влиятельные люди локалистского типа, очевидно, заполняют такие организации, которые предназначены для того, чтобы устанавливать контакты и личные связи. По большей части их можно обнаружить в тайных обществах (масоны), братствах (братство Лосей) и местных клубах (в Ровере самыми многочисленными организациями этого типа являются клубы деловых людей. Их участие, по-видимому, связано не столько с номинальными целями этих организаций, сколько с использованием их как *центров по налаживанию контактов*. Приводим слова одного влиятельного локалиста (бизнесмена):

Обычно я знакомлюсь с людьми благодаря клубам. В настоящий момент я член только одного клуба. Он отличается от всех остальных клубов. Вас должны туда пригласить. Сначала они вас отбирают и проверяют. Туда входит только узкий круг влиятельных людей, и я встречаюсь с ними каждую неделю за ленчем.

С другой стороны, космополиты стремятся вступить в такие организации, где они могут применить свои профессиональные навыки и знания. Их можно найти в профессиональных обществах и в группах по увлечениям. Когда проводилось исследование (это было в 1943 г.), чаще всего они были членами организаций гражданской обороны, и интересовали их, повторяю, цели этих организаций, а не возможность установить личные связи.

Примерно такой же контраст наблюдается и в спектре государственных должностей, занимаемых влиятельными людьми обоих типов. Семеро представителей каждого типа занимали какую-либо государственную должность, хотя на локалистов в среднем приходилось на одну должность меньше. Основное различие относилось к *типу* занимаемой должности. Локалисты стремились занять политические посты — члена уличного комитета, политического «начальника», мун-

ципального советника и т.д., обычно получаемые благодаря политическим и личным связям. С другой стороны, космополиты чаще всего занимали должности, которые требуют не чисто политических действий, но применения определенных профессиональных навыков и знаний (например, членов совета по здравоохранению, жилищного комитета, совета по образованию).

На основе всего вышесказанного можно выдвинуть следующую гипотезу: участие в добровольных ассоциациях* выполняет несколько различные функции у влиятельных людей космополитического и локалистского типов. Космополиты интересуются ассоциациями прежде всего с точки зрения деятельности этих организаций. Эти последние служат средством для применения их профессиональных навыков и знаний. Локалистов интересует прежде всего не деятельность организаций, а то, что эти организации обеспечивают средства для расширения их личных связей. Таким образом, базисные ориентации влиятельных людей локалистского и космополитического типов по-разному проявляются в их организационном поведении, как и в других отношениях.

Пути к межличностному влиянию

Описанные выше различия в привязанности к Роверу, способности к общению и организационном поведении помогут нам проследить, каким путем обретают влияние локалисты и космополиты. Наметив эти пути, мы наметим и весь контекст, позволяющий интерпретировать различное коммуникативное поведение, характерное для обоих типов влиятельных людей.

Локалисты в большинстве случаев выросли в городе и вместе с городом. По большей части именно здесь они ходили в школу, ненадолго уезжая отсюда только для учебы в колледже или для обучения профессии. Здесь, в Ровере, они находили свою первую работу и получали свои первые заработки. Когда они начинали делать карьеру, Ровер, очевидно, был самым подходящим для этого местом. Это был единственный город, который они знали вдоль и поперек, где им были знакомы все входы и выходы в политике, бизнесе и общественной жизни. Это было единственное сообщество, которое они знали и, что не менее важно, в котором знали их. Здесь у них завязывались многочисленные отношения.

* По поводу типов и функций участия в подобных организациях см.: Barber B., «Participation and mass apathy in associations», in: Gouldner A.W. (ed.), *Studies in Leadership* (New York: Harper & Brothers, 1950), pp. 477—504. — *Примеч. автора.*

Это решающим образом определяет путь к успеху для влиятельных людей локального типа: *их влияние* в гораздо большей степени, чем у космополитов, *покоится на широкой сети личных отношений*. Мы можем выразить этот основополагающий факт в следующей формуле: *влияние локалистов строится не столько на том, что они знают, сколько на тех, кого они знают*.

Таким образом, интерес влиятельных людей локального типа к личным отношениям — это отчасти продукт, а отчасти инструмент их специфического типа влияния. «Местный парень, который делает успехи», скорее всего добивается этого благодаря хорошим личным отношениям. Так как его личные отношения сложились задолго до того, как он серьезно занялся своей карьерой, то в дальнейшем, строя карьеру, ему было проще всего по-прежнему полагаться, насколько это возможно, на свои личные отношения. У влиятельного лица космополитического типа все обстоит по-другому. Будучи обычно новичком в этом сообществе, он не пользуется (и не может этого сделать) личными связями как главным способом обратить на себя внимание. Он обычно приезжает в город, уже полностью обладая престижем и навыками, связанными с его бизнесом (или профессией) и его «глобальным» опытом. Он начинает свое восхождение в структуру престижа с относительно высокого уровня. Именно престиж его прежних достижений и ранее приобретенных навыков дает ему право претендовать на место в здешней структуре влияний. Личные связи — это в гораздо большей степени продукт, а не инструмент его влияния.

Эти различия в способах построения карьеры имеют некоторые интересные последствия для проблемы сопоставления двух типов влиятельных людей. Прежде всего есть некоторые данные (хотя далеко не полные), свидетельствующие о том, что локалисты гораздо медленнее становятся влиятельными людьми по сравнению с космополитами. Д-р А., священник, космополит и читатель информационных журналов, заметил по поводу легкости, с которой местное сообщество признало его влияние:

Преимущество священника состоит в том, что *ты не должен** проявлять себя. Тебя сразу же признают и принимают во всех домах, в том числе в лучших.

Каким бы оптимистическим ни выглядело это наблюдение, оно отражает весьма существенное обстоятельство: новичок, который «прибыл» в какой-то пункт во внешнем мире, гораздо скорее занимает место среди людей, пользующихся влиянием в местном сообществе.

* Курсив Мертонa. — *Примеч. пер.*

Напротив, местные влиятельные люди обязательно *должны* проявлять себя. Так, президент банка (местный), которому потребовалось около сорока лет, чтобы с работы посыльного подняться до своей должности, прочувствованно говорит о том медленном, долгом пути наверх, «который я проделал».

Возрастной состав влиятельных людей локального и космополитического типов тоже служит хорошим показателем скорости их восхождения. Всем локалистам (за исключением двух из шестнадцати) — за сорок пять лет, тогда как у космополитов в этой старшей возрастной группе находится менее двух третей.

Не только скорость продвижения локалистов в группу влиятельных людей меньше, чем у космополитов: само продвижение сталкивается с некоторыми специфическими затруднениями, проистекающими из личных отношений местных жителей. Оказывается, эти отношения могут не только помогать, но и препятствовать «преуспеванию» местного парня. Он должен преодолеть препятствие, которое заключается в том, что он был хорошо известен местному сообществу, когда был «совсем маленьким». Он должен дать другим возможность осознать изменение своего статуса. Еще важнее, чтобы люди, которым он подчинялся, в каком-то смысле признали его превосходство. Эта проблема не нова. Киплинг вслед за Евангелием от Матфея (13) замечает, что «пророков почитают всюду, кроме той деревни, где они родились». Проблему восхождения индивида к структурам влияния в его родном городе можно точно выразить на языке социологии: изменение его внутригруппового статуса, особенно если оно произошло быстро, требует пересмотра позиций по отношению к мобильному индивиду и перестройки отношений с ним. Таким образом, ранее сложившаяся структура личных отношений со временем ограничивает продвижение местного влиятельного человека. Только в том случае, если он разрушит эти сложившиеся представления о себе, другие признают изменение ролей, связанное с восхождением местного жителя в круг влиятельных людей. Прокурор Ровера, считающийся здесь влиятельным человеком, вкратце описывает эту ситуацию следующим образом:

Когда я впервые заявил о себе, жители города знали меня так хорошо, что обращались со мной, как будто я все еще был ребенком. Это было трудно преодолеть. Но после того как я привлек к себе интерес, участвуя в различных общественных и гражданских делах, стал председателем местной организации Демократической партии и баллотировался в законодательное собрание штата, хорошо зная, что не буду избран, — они стали воспринимать меня всерьез.

Космополит не сталкивается с необходимостью разрушить сложившиеся местные представления о себе, прежде чем он сможет получить статус «серьезно воспринимаемого» влиятельно о человеке. Как мы видели, его «верительные грамоты» - это престиж и авторитет его достижений, которых он добился где-то в другом месте. Таким образом, он проявляет меньше интереса к широким личным контактам по двум причинам. Во-первых, его влияние - из престижа, а не из взаимоотношений с другими членами сообщества. Во-вторых, для него не существует проблемы освоения старых представлений о нем как о «мальчике», и, следовательно, в отличие от местных влиятельных людей не нужно думать о ли

НЬ7Гм^

монументами, чтобы обрести влияние, помогают понять, расхождение их ориентации относительно местного сообщества, и все то, способствует выработке этих ориентации.

Социальный статус в действии: межличностное влияние

В этом месте читатель может подумать, что разница между влиятельными людьми локального и космополитического типа - просто выражение различий в образовании или профессии, но не правда, из всех, кого мы опросили, именно космополиты получили лучшее официальное образование по сравнению с локалистами. По крайней мере все космополиты (кроме одного) окончили школу (у локалистов - только половина). Процент локалистов, занятых в «большом бизнесе» («большом» локалистам Ровера), тогда как из четырнадцати космополитов только два попадают в эту группу; кроме того, половина влиятельных людей космополитического типа - это специалисты, а у локалистов профессионалами являются меньше одной трети.

Но не эти различия профессионального или образовательного статусов определяют принадлежность влиятельных людей к разным типам. Когда мы сравниваем поведение и ориентации локалистов и космополитов, то характерные для этих различия сохраняются даже при условии, что космополиты занимаются той же деятельностью и получили однотипное образование. Различия образовательные и профессиональные различия могут внести свои вклад

в различия между двумя типами влиятельных людей, но они не являются *источником* этих различий. Даже в качестве профессионала влиятельный человек локального типа по своему поведению и взглядам больше похож на бизнесмена и политика, чем космополит. Он явно гораздо больше использует личные отношения как путь к приобретению влияния, чем его космополитический соперник. Короче говоря, *решающее значение имеет способ использования социального статуса, а не формальный статус сам по себе*¹³.

Хотя у космополита профессиональный статус может служить основной опорой для приобретения влияния, у локалиста он имеет второстепенное значение. В то время как все пятеро профессионалов-локалистов активно участвуют в местной политике, профессионалы-космополиты практически не занимаются организационно-политической деятельностью в Ровере. (Занимаемые ими должности обычно являются почетными назначениями.) Мы отнюдь не считаем, что профессия объясняет различия между двумя типами влиятельных людей; напротив, один и тот же род занятий, оказывается, играет разную роль в зависимости от того, кто добивается межличностного влияния — локалист или космополит. Это подтверждает наше более раннее впечатление: «объективные атрибуты» (образование, профессия и т.д.) не могут служить достаточными показателями действительно оказываемого межличностного влияния.

Влиятельный бизнесмен (в нашем небольшом списке опрошенных они почти исключительно находятся среди локалистов) обычно пользуется своими личными отношениями, чтобы усилить свое влияние. Вполне вероятно, что в более широком исследовании, охватывающем гораздо большее число опрошенных, были бы представлены бизнесмены, относящиеся к влиятельным людям космополитического типа, поведение которых в этом отношении значительно отличается от поведения локалистов. Так, м-р Х., который, как считается, пользуется в Ровере большим влиянием, служит примером крупного бизнесмена космополитического типа. Он прибыл в Ровер в качестве исполнительного директора местного завода. Он установил некоторые личные связи. Но его советы добиваются потому, что он «повидал мир» и имеет ауру человека, знакомого с лежащим за пределами Ро-

¹³ Важность активного стремления добиться влияния очевидна из исследования «вертикального мобильного типа», опубликованного на страницах монографии, ставшей фундаментом данного сообщения. См. также: Hicks C, *Small Town* (New York: The Macmillan Co., 1946), p.154. Г. Хикс следующим образом описывает человека, который, очевидно, относится к влиятельным людям локального типа: «Это типичный политик, прирожденный манипулятор, человек, который преклоняется перед влиянием, много работает, чтобы его добиться, и изо всех сил стремится убедить других людей в том, что имеет его» [курсив Хикса]. — *Примеч. автора.*

вера деловым миром. Его влияние базируется на приписываемых ему качествах эксперта, а не на его хорошем понимании других людей.

Тем самым в различия между двумя типами влиятельных людей вносится новое измерение. Влиятельный человек космополитического типа, оказывается, имеет влияние потому, что *он знает*, а влиятельный человек локального типа — потому, что *понимает*. К первому обращаются потому, что он обладает профессиональными знаниями и опытом; ко второму — потому, что он улавливает неуловимые, но очень важные детали. Обе эти модели находят свое выражение в основных представлениях, характеризующих различие между «очень компетентным, но бездушным специалистом-медиком» и «старым семейным доктором». Вспомните также различие между «бездушным социальным работником» и «дружелюбным политическим начальником», которое мы рассматривали в главе I. Дело не только в том, что местный политический «начальник» снабжает продовольствием и работой, юридическим (и выходящим за юридические рамки) советом, что он улаживает мелкие столкновения с законом, помогает одаренному бедному пареньку получить политическое образование в местном колледже, присматривает в случае потери близких, но и в том, что он оказывает помощь в самых разнообразных кризисных ситуациях, когда человек нуждается в друге, и притом в таком друге, который «всех знает» и может что-то сделать. Он приобретает влияние на людей не просто потому, что обеспечивает им помощь. Все дело в том, *каким образом эта помощь обеспечивается*. Кроме того, для оказания этой помощи существуют специальные агентства. Агентства по пособиям, благотворительные учреждения, юридические консультации, поликлиники, департаменты социальных пособий — все эти и многие другие организации доступны людям. Но социальному работнику с его профессиональными навыками, который часто ассоциируется клиентом с холодным, бюрократическим распределением ограниченной помощи, сопровождаемой подробным расследованием, противостоят непрофессиональные методы местного политического босса, который не задает вопросов, не настаивает на согласовании помощи с правилами юридической правомерности и ничего «не вынюхивает» по поводу личной жизни.

Межличностное влияние, возникающее благодаря профессиональным навыкам эксперта, обычно предполагает некоторую социальную дистанцию между тем, кто дает советы, и тем, кто их просит, тогда как влияние, возникающее благодаря хорошему пониманию и Доброжелательности, обычно предполагает близкие личные отношения. В первом случае мы имеем модель влиятельного лица космополитического типа, во втором — влиятельного лица локального типа.

Таким образом, оперирование этими моделями влияния дает ключ к различным ориентациям обоих типов влиятельных людей¹³».

Есть все основания полагать, что дальнейшие исследования обнаружат разное соотношение влиятельных людей локалистского и космополитического типов в сообществах, относящихся к различным типам структур. По крайней мере именно в таком смысле можно истолковать все еще продолжающееся исследование технологических и социальных перемен в Пенсильвания-Сити, проводимое на протяжении последних пятидесяти лет Дороти Томас, Томасом Кохраном

¹³ При этом все же остается открытой проблема разработки моделей социального взаимодействия и взаимного влияния влиятельных людей локального и космополитического типов. Эта проблема изучалась в проводящемся в настоящий момент исследовании отношения средних школ к структуре ценностей окружающего их сообщества (исследование проводится П. Лазарсфельдом, Р. Кристи, Ф. Пиннером, А. Рогоу, Л. Шнейдером и А. Бродбеком).

В ходе этого исследования Ф. Пиннер обнаружил, что школьные советы и директора школ явственно различались по своей ориентации: одни из них были «локалистами», а другие — «космополитами». Оказывается, это не является просто исторической «случайностью». Пиннер полагает, что различные сообщества стремятся выбирать в школьный совет людей, придерживающихся различных ориентации. Это, в свою очередь, создает особую обстановку, когда взаимодействие школьных советов и директоров школ зависит от их первичной ориентации. По-видимому, ориентация школьных советов связана также с уровнем контроля над политикой в сфере образования. В одном сообществе влиятельные люди, «будучи очень заинтересованными в том, как обстоят местные дела, должны были постоянно подвергать все функции сообщества тщательному исследованию и либо принимать, либо отвергать образовательную политику в зависимости оттого, принимали ли они или отвергали общепринятые (в местном сообществе) ценности. К тому же (другой) район был «свободно» организованной зоной не только в чисто географическом смысле. Интерес к местным делам далеко не в равной степени разделялся теми, кто в силу своего социально-экономического положения был способен оказывать какое-либо влияние. В результате политика, управляющая деятельностью средней школы, не должна была выражать консенсус влиятельных групп сообщества; скорее многие потенциально влиятельные люди, отказавшись от своих обязательств, смогли предоставить управление школьными делами группе граждан, которые проявляли к ним интерес.

«Уровень «лабильности» и «жесткости» структуры сообщества, пожалуй, лучше всего измеряется тем, какими возможностями для маневра располагает администрация».

Изучение *взаимодействия* между группами, имеющими различное соотношение влиятельных людей локального и космополитического типов, довольно сильно продвинулось после того, как были высказаны идеи, изложенные в данной главе. Понятия «жесткости» и «лабильности» структур сообщества, связанные с преобладанием локалистских или космополитических ориентации у тех, кто занимает стратегические позиции, представляют собой еще один успех. Особенный интерес представляет то обстоятельство, что концепция «лабильных» и «жестких» социальных структур была развита независимо от нас в вышеупомянутом исследовании, а также (но гораздо позже) Б. Райеном и М. Штраус в: Ryan B.F. and Straus M.A., «The integration of Sinhalese Society», *Research Studies of the State College of Washington*, 1954, 22, PP-

и их коллегами*. В своем подробном исследовании они обнаруживают, что городское население можно подразделить на два типа: «более или менее постоянных жителей, многие из которых там и родились, и группу мигрантов, которые то приезжают, то уезжают». Исключительно на основе статистических данных о текучести населения в других американских городах исследователи пришли к заключению, что такая структура городского населения наблюдается довольно часто. Вполне возможно, что первая, наиболее постоянная группа включает в свой состав влиятельных людей локального типа, а вторая, относительно неустойчивая группа с переменным составом — влиятельных людей космополитического типа. Можно предположить, что в сообществах, относящихся к разным типам, два типа населения и два типа влиятельных людей по-разному соотносятся друг с другом.

В других современных исследованиях было обнаружено более непосредственно, что количественное соотношение двух типов влиятельных людей и их социальное положение изменяется в зависимости от изменений социальной структуры. Например, Эйзенштадт

179—227, esp. 198ff and 219 ff. Важно подчеркнуть, что эти концепции были развиты в ходе систематического эмпирического исследования; но, кроме того, важно подчеркнуть, что человек, занятие которого состоит в том, чтобы доказывать, что ничто не ново под луной, и который считает целесообразным отсекал все новое, сводя его к старому, превращается в профессионального оракула. Только в этом ограниченном смысле «ту же самую» центральную идею «жесткой» и «гибкой, подвижной структуры» можно обнаружить в работах создателя многочисленных провидческих идей — Георга Зиммеля. (См. его очерк, переведенный полвека тому назад А. Смоллом и опубликованный в «Американском социологическом журнале» в те давние и убогие времена, когда американские социологи, обладающие хорошими интеллектуальными вкусами, были вынуждены обращаться к интеллектуальному капиталу европейских социологов: Simmel G., «The persistence of social groups», *American Journal of Sociology*, 1898, 3, pp. 662—698; 829—836; 1898, 4, pp. 35—50.) Вот сжатая формулировка его основных идей: «Группа может сохраниться, если она: 1) сохранит максимальную прочность и жесткость формы, так что группа сможет сопротивляться угрожающим ей опасностям и сумеет сохранить связь своих элементов при любых изменениях внешних условий; 2) проявит максимально возможную изменчивость формы, чтобы ответить на изменение внешних условий послужила быстрая адаптация формы, чтобы Форма группы могла адаптироваться к любому требованию среды» (p. 831).

Очевидно, чем больше вещи меняются, тем меньше они остаются сами собой. Возрожденные понятия — «лабильная» и «жесткая» социальные структуры — соответствуют наблюдениям Зиммеля; тем не менее они значительно отличаются от этих последних по своему внутреннему смыслу. — *Примеч. автора.*

* См.: Cochran T.C., «History and the social sciences», in: *Relazioni del IX Congresso 'internazionale di Scienze Storiche* (Rome: 4—11 September 1955), 1, pp. 481-504, at pp.

⁹¹—488 on the basis of Goldstein S. *Patterns of Internal Migration in Norristown, Pennsylvania, 1900-1950*, 2 volumes (Ph. D. thesis, multigraphed), University of Pennsylvania, 1953. — *Примеч. автора.*

сообщает, что в традиционном йеменском сообществе космополитический тип почти совсем отсутствует, тогда как в некоторых других сообществах, где также проводилось исследование, и космополиты, и локалисты исполняют присущие им роли*. Основываясь на проведенном Стауфером исследовании гражданских свобод, Дэвид Рисман высказывает предположение о том, чем могут отличаться роли влиятельных людей локального и космополитического типов в различных социальных структурах. Космополиты, занимающие положение формальных лидеров сообщества, должны стать людьми средней терпимости, так как они находятся между двумя жерновами: сверху на них давит толерантная элита, снизу — нетерпимое большинство; таким образом, они должны стать менее толерантными, чем люди, чем люди их прежнего круга, и более толерантными, чем их избиратели. Благодаря различным структурным контекстам космополиты, принадлежащие к лидерам сообщества, будучи сами более «толерантными» по отношению к гражданским правам, чем все остальные, на Юге могут быть гораздо более уязвимыми, чем на Востоке или на Западе. Ибо, как обнаружил Стауфер, из всех людей, не имеющих высшего образования, южане гораздо более нетерпимы по отношению к гражданским правам, чем северяне, получившие такое же образование. «Это значит, — указывает Рисман, — что человек, окончивший колледж на Юге, в этом отношении резко отличается от большинства членов сообщества, даже от тех, кто обучается в колледже, ибо хотя образование повсюду связано с толерантностью, все же на Севере градации не такие резкие. Кроме того, все, что сказано о различиях сообществ больших городов и маленьких городков, справедливо и для Юга, хотя в этом отношении Север отличается также и от Востока»**.

Эти данные, которые только сейчас начинают накапливаться, свидетельствуют о том, что появление двух типов влиятельных людей

* Eisenstadt S.N., «Communication systems and social structure: an exploratory comparative study», *Public Opinion Quarterly*, 1955, 19, pp. 154—167. В материалах исследования небольшого южного городка сообщается, что там нельзя было выделить два типа влиятельных людей; высказывается предположение о том, что по мере аккумуляции результатов исследования становится недостаточным фиксировать наличие или отсутствие типов влиятельных людей. С социологической точки зрения скорее уместно выяснять, какие атрибуты социальной структуры содействуют изменению количественного соотношения между этими поддающимися идентификации типами влиятельных людей. См.: Fanelli A., «A typology of community leadership based on influence and interaction within the leader subsystem», *Social Forces*, 1956, 34, pp. 332—338. — *Примеч. автора.*

** Stouffer S.A., *Communism, Conformity, and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Company, 1955). Стауфер обсуждает открытия, сделанные Д. Рисманом в его статье: Riesman D., «Orbits of tolerance, interviewers, and elites», *Public Opinion Quarterly*, 1956, 20, pp. 49—73. — *Примеч. автора.*

зависит от форм социальной структуры (которая образует их среду) и от присущих им функциональных требований.

Теперь, на основании проделанного анализа, стало возможным более полно рассмотреть использование средств массовой коммуникации местными влиятельными людьми и ориентации обоих типов влиятельных людей.

Поведение влиятельных людей по отношению к средствам массовой коммуникации

Поведение по отношению к средствам массовой коммуникации — это, оказывается, часть повседневной жизненной рутины и основополагающая черта, характеризующая ориентацию двух типов влиятельных людей. Их выбор журналов, газет и радиопрограмм тотчас же отражает и подкрепляет их базисные ориентации. Несмотря на то что *мотивы* отбора материалов из безбрежного потока средств массовой коммуникации могут быть самыми разнообразными, его психологические и социальные *функции* довольно ограничены. Так как «локалисты» и «космополиты» предъявляют разные требования к своей социальной среде, они пользуются средствами массовых коммуникаций в разных целях.

Структура и функции чтения журналов

Влиятельные «космополиты», очевидно, читают больше журналов (каждый из них подписывается на четыре-пять журналов), чем «локалисты» (чья подписка состоит из двух-трех журналов). Этого следует ожидать, принимая во внимание их повседневный образ жизни и свойственные им ориентации. «Космополиты», чьи интересы не ограничиваются пределами данной местности, больше интересуются чужим опытом, представленным в журналах, тогда как «локалисты» интересуются только непосредственными межличностными отношениями. Первые хотят узнать о большом мире за пределами их непосредственного места обитания, а вторые — действовать в этом маленьком мирке. Их чтение есть отражение их образа жизни.

Тем не менее именно различие *типов* журналов, которые читают «локалисты» и «космополиты», прямо указывает на функции, выполняемые этими моделями чтения. Например, журнал «Тайм» читают⁰ преимущественно влиятельные люди космополитического (а не ло-

кального) типа. Этого вполне можно ожидать, если принять во внимание функции, выполняемые таким журналом, как журнал «Тайм».

Этот журнал предлагает широкий круг новостей и взглядов. Обещая давать интерпретацию новостей, он рассматривает современное развитие событий во внутренней и внешней политике, индустрии и бизнесе, образовании, науке и искусстве. Именно в этих сферах проявляется влияние «космополитов»; ибо, как мы видели, они считаются арбитрами в проблемах «хорошего вкуса», «культуры» и всего, что происходит в «большом мире». В то же время общенациональный журнал мало что может сообщить влиятельным людям локального типа. Помимо всего прочего, он не уделяет большого влияния Роверу и его окрестностям. Чтение «Тайм» ничего не добавит к их пониманию жизни в Ровере и не усилит их влияния в этом городе. Это совершенно излишняя роскошь.

Однако у «космополитов» журнал выполняет сразу несколько функций. Он представляет собой передаточный механизм, обеспечивающий распространение «культуры» внешнего мира среди «культурных лидеров» Ровера (особенно это относится к женщинам-«космополиткам»). В небольших объединениях и клубах единомышленников-«космополитов» он обеспечивает темы для разговора. Культурной элите среднего класса в Ровере он дает возможность оставаться на высоте, когда у ее представителей спрашивают совета в делах вкуса или интересуются их мнением по поводу развития событий международной жизни. «Тайм» не только перебрасывает мост через пропасть, отделяющую влиятельных людей космополитического типа от тех, на кого они оказывают влияние; он помогает сохранять дистанцию между людьми знающими и людьми неинформированными.

Таким образом, он доставляет «космополитам» Ровера много приятного. Он дает им возможность поддерживать своего рода контакт с внешним миром и сводит на нет их чувство культурной изоляции. Он дает им некоторое ощущение «самосовершенствования», так как они продолжают «держаться». Он помогает им поддерживать свое положение в сообществе, так как дает возможность продемонстрировать свою эрудицию, когда того требуют обстоятельства.

Однако, поскольку все это не обеспечивает влияния «локалистов» (ведь их социальные роли не связаны с их суждениями о «культуре» и о мире в целом), такие журналы, как «Тайм», им совершенно не нужны.

Следовательно, блага, извлекаемые из средств массовой коммуникации, не являются чисто психологическими; они также представляют собой результат различных социальных ролей, исполняемых теми, кто пользуется этими средствами коммуникации.

Дело не в том, что для одного человека данный журнал — это *полезная еда*, а для другого — *яд*. Дело скорее в том, что этот журнал является едой для одного *социального типа* и ядом — для другого *социального типа*. Анализ функций, выполняемых средствами массовой коммуникации, требует предварительного анализа социальных ролей, которые определяют, какую пользу могут принести (и приносят) эти средства коммуникации. Если не изучать социальный контекст межличностных влияний, то мы никогда не поймем, почему один тип влиятельных людей выбирает «Тайм», а другой — отвергает.

Почти то же самое можно сказать и об остальных журналах, которые читают влиятельные люди Ровера. Просто в нашем случае именно чтение «Тайм» ярче всего продемонстрировало различия между локалистами и космополитами. Но та же модель выбора действительна и для других журналов. «Атлантик монсли», «Харперс», «Национальный географический журнал» — так называемые журналы «высшего разряда», которые большую часть своего содержания отводят внешней и внутренней политике и искусству — читаются «космополитами» в два раза больше, чем «локалистами». По-видимому, то же самое относится и ко всем остальным журналам. «Ридерс дайджест» и «Лайф», по-видимому, одинаково часто читают и те и другие. Крупномасштабное исследование легко могло бы подтвердить наше впечатление: *при одном и том же уровне образования* влиятельные «локалисты» и «космополиты» по-разному читали журналы; это можно объяснить тем, что в каждой из этих групп журналы выполняют принципиально различные функции.

Модели и функции чтения газет

Чтение информационных журналов стоит выше потребности в обязательном чтении газет. Оно подразумевает интерес к тому, чтобы «разбираться во всем», «вырабатывать самостоятельное мнение», иметь «свою точку зрения». Довольно любопытно, что, оказывается, модели чтения газет тоже отражают различные ориентации влиятельных «локалистов» и «космополитов».

«Локалисты» читают больше газет, но это вполне объяснимо их более сильной склонностью к городским и иным местным газетам (то есть к газетам Ровера и близлежащих городов). Совсем по-другому обстоит дело с газетами, издающимися в больших городах. Каждый «космополит» читает «Нью-Йорк тайме», или «Нью-Йорк трибюн», или то и другое, тогда как «локалисты» обращаются к этим газетам с Присущим им широким и аналитическим охватом мировых новостей

гораздо реже. Этот контраст проявляется и в отдельных деталях. Почти половина «локалистов» читает нью-йоркские малоформатные газеты со сжатым текстом и большим количеством иллюстраций, со сжатым изложением мировых новостей, с подчеркнутой сосредоточенностью на «по-человечески интересных» новостях — по-видимому, для современного человека наибольший интерес представляют убийства, разводы и дерзкие преступления; но только один из «космополитов» включает подобные газеты в свою газетную диету. Каким бы ни оказалось это статистическое распределение в более детальном исследовании, устойчивость этих пробных данных предполагает, что основополагающие ориентации влиятельных людей получают свое выражение также и в их моделях газетного чтения.

Формы и функции прослушивания радиокомментаторов

Существуют некоторые данные, свидетельствующие о том, что склонность «космополитов» к безличному, аналитическому пониманию мировых событий получает отражение в их привычке слушать радиокомментаторов. На основе более раннего исследования, проведенного Бюро прикладных социальных исследований, комментаторов классифицировали в зависимости от того, «анализировали» ли они новости или «сообщали» их, особенно мировые новости. «Космополиты» предпочитали комментаторов-«аналитиков» (Суинга, Хьюгса), тогда как «локалистов» больше интересовали такие комментаторы, которые выступали до «аналитиков» и фактически транслировали новости (Томас, Годдард и др.).

Даже к новостям далеко не местным «локалисты» умудрялись применять локалистские критерии. Они явно предпочитали тех комментаторов, которые обычно превращали новости в *персоналифицированные* истории. Любимец «локалистов» (но не «космополитов») — это Габриэль Хиттер с его излияниями чувств по поводу политических и экономических событий. То же самое можно сказать и об Уолтере Уинчелле, который сообщает бродвейские сплетни о закулисной стороне внутренних и международных проблем и о связанных с ними личностях. Влиятельные «локалисты» всегда ищут личностные компоненты в безличностном спектре мировых новостей.

Таким образом, в поведении относительно средств массовой коммуникации, по-видимому, отражаются основополагающие ориентации влиятельных людей локального и космополитического типов. Дальнейшие исследования должны обеспечить полноценную статистическую проверку этих впечатлений и создать для этой цели более строгие тесты. Действительно ли «локалисты» и «космополиты», чи-

тающие, например, «одни и те же» журналы, выбирают в них одни и те же материалы? Или же «локалистам» свойственно обращать внимание главным образом на «личностные и местные» компоненты этих изданий, тогда как «космополиты» выискивают более безличные и «информативные» материалы? Какую пользу приносит этим типам читателей то, что они прочитали? Другими словами, каким образом содержание средств массовой коммуникации включается в процесс межличностного влияния?¹⁴ Исследования в области социологии средств массовой коммуникации должны дополнить анализ с позиций личных особенностей читателей и слушателей анализом их социальных ролей и включением их в сеть межличностных отношений.

Формы взаимных оценок

До сих пор мы изучали влиятельных людей — их способы оказывать межличностное влияние, их путь к приобретению влияния, их поведение по отношению к средствам массовой коммуникации. Но, кроме того, мы считаем этих людей влиятельными только потому, что их так описали наши опрашиваемые¹⁵. Что мы можем узнать по поводу форм межличностного влияния, изучая взаимные оценки? Что мы можем узнать, изучая отношения между теми, кого упоминают, и теми, кто упоминает; между теми, кто считается разносторонне влиятельным человеком, и теми, кто считает их влиятельными?

Кто и на кого влияет

Несмотря на то что мы часто говорим о «влиятельных людях», этот оборот, очевидно, представляет собой сжатый вариант другого высказывания: «люди, которые при определенных обстоятельствах ока-

¹⁴Именно в этом Катц и Лазарсфельд усматривают центральный пункт исследования влияний (см. Katz and Lazarsfeld, *op. cit.*) — *Примеч. автора.*

¹⁵Следует еще раз повторить, что межличностное влияние рассматривается здесь не как вопрос оценки, но как вопрос реальный. Вопрос в том, приведут ли *суждения* опрашиваемых нами людей и *объективные наблюдения* к одному и тому же результату. Должен оставаться открытым. Наше пробное исследование воспользовалось сообщениями опрашиваемых для того, чтобы поставить проблемы определенного типа, относящиеся к межличностным влияниям; полномасштабное исследование использовало бы эти наблюдения, как и сами интервью, для того, чтобы описать действительный уровень межличностного влияния и области, в которых оно проявляется. — *Примеч. автора.*

зывают влияние на некоторое число других людей». Как будет отмечено в постскрипуме к этой главе, межличностное влияние подразумевает асимметричное *отношение* людей. Влияние — это не абстрактное свойство личности; это — процесс, в который вовлечены два (или более) человека. Соответственно, в своем анализе этих отношений мы должны рассматривать не *только* того, кто оказывает влияние, но и тех, кто испытывает это влияние. Иными словами, мы должны ответить на вопрос: кто и на кого влияет?

Этот общий вопрос сразу же подразделяется на ряд более узких вопросов. Кто является влиятельным для людей, занимающих различное положение в структуре влияний? Кто чаще оказывает влияние на людей: те, кто находится на более высоком уровне в структуре влияний, или те, кто находится на одном с ними уровне?

Когда мы разделили опрашиваемых в Ровере людей на три группы: «самые влиятельные люди» (их упомянули 15% опрашиваемых); «влиятельные люди среднего ранга» (их упомянули 5—14% опрошенных) и «просто влиятельные люди» (их упомянули меньше 5% опрошенных); когда мы сопоставили их с теми, кто, как они считают, оказывает на них влияние, — у нас сложились некоторые четкие впечатления. На каждом уровне структуры влияний существует согласие (оно производит сильное впечатление) по поводу того, кто находится на вершине этой структуры. В основном в качестве влиятельных называются *одни и те же* люди, независимо от того, какое положение в структуре влияний занимают те, кто высказывает свое мнение. От двух третей до трех четвертей представителей всех трех страт поставили на высшую ступень 15% влиятельных людей.

Однако различия между стратами в структуре влияний все же существуют. На каждом данном уровне в число влиятельных для них людей опрашиваемые включают больше представителей своей страты, чем это делают опрашиваемые из других страт. Конкретнее: влиятельные люди из высшей страты вероятнее всего отнесут к числу влиятельных людей больше представителей своей страты, чем это сделают опрашиваемые из средней страты или из группы рядовых; влиятельные люди из средней группы, вероятно, упомянут в числе влиятельных людей больше других представителей своей группы, чем представители высшей группы или группы рядовых; а рядовые чаще назовут в числе влиятельных людей представителей этой страты, чем опрашиваемые из других групп. Складывается следующее впечатление: хотя относительно немногие люди — представители высшего уровня — оказывают влияние на все остальные уровни структуры влияний, существует также вторичная тенденция, благодаря которой самое большее влияние на людей имеют те, кто занимает равное с ними положе-

ние в этой структуре. Если это впечатление подтвердится, то мы узнаем что-то очень важное о межличностных влияниях.

Такая поразительная концентрация межличностного влияния может отвлечь наше внимание от общей картины распределения влияний. Это может быстро привести к неправильным выводам. Невзирая на эту концентрацию, *личные решения в сообществе скорее всего принимаются благодаря советам тех многочисленных людей, которые находятся на нижних уровнях структуры влияний, а не тех немногих, кто находится на вершине*. Ибо хотя влиятельные люди, относящиеся к высшей страте в структуре влияний, *индивидуально* пользуются самым большим влиянием, они, по-видимому, столь малочисленны, что *коллективно* на них приходится лишь малая доля межличностных влияний в сообществе¹⁶. Если в качестве индикатора воспользоваться данными по Саустауну, то 4% влиятельных людей из высшей страты были названы влиятельными людьми приблизительно в 40% приведенных примеров влияния; но остается фактом также и то, что остальные 60% примеров влияния относились к людям, ранжированным гораздо ниже в местной структуре влияний. Почти то же самое было обнаружено и в нашем предварительном исследовании. Нашего исследования, проведенного в Ровере, достаточно для того, чтобы сформулировать (но, разумеется, не для того, чтобы доказать) следующую основную мысль: немногочисленные индивиды, занимающие место в высшей страте структуры влияний, могут обладать огромным *индивидуальным* влиянием, но *общее* влияние этой относительно небольшой группы может оказаться гораздо меньше, чем влияние огромного числа людей, находящихся на более низких уровнях структуры влияний.

Таким образом, наше пробное исследование породило два основных впечатления относительно структуры влияний, которые еще ждут своего дальнейшего изучения: 1) на представителей каждого слоя в структуре влияний скорее всего влияют люди одного с ними ранга, а не представители других слоев; 2) несмотря на большую концентрацию межличностного влияния среди относительно немногих индивидов, существует широкий разброс этого влияния между большим числом людей на низших ступенях структуры влияний.

¹⁶ Эмпирическая сила этого соображения подобна той, что была обнаружена в исследованиях о социальном распределении гениев или талантов (или, скажем, о распределении покупательной способности). Было много раз установлено, что в высших социальных и образовательных слоях имеется относительно большая часть «гениев» или «талантов». Но так как количество людей в этих стратах невелико, большая часть гениев или талантов в действительности происходит из низших социальных слоев. Разумеется, с точки зрения общества имеет значение *абсолютное количество*, а не *пропорциональное соотношение* влиятельных людей из каждого данного социального слоя. — *Примеч. автора.*

Третье впечатление, заслуживающее дальнейшего исследования, относится к тому, каким образом межличностное влияние проходит по структуре влияний. Из данных, полученных в Ровере, явствует, что эта структура представляет собой «цепь влияний», причем звенья этой цепи составляют люди из соседних слоев влияния. Представителей каждого слоя влияния скорее всего следует рассматривать как влиятельных людей, которые входят в состав страты, непосредственно примыкающей к их собственному слою *сверху*; в отличие от опрашиваемых из других страт, независимо от того, расположены они выше или ниже по шкале страт. Таким образом, опрашиваемые из группы рядовых обращают свои взоры вверх, к среднему слою влиятельных людей, который непосредственно примыкает к их собственному, гораздо чаще считая этих людей влиятельными, чем это делают представители высшей группы влиятельных людей; влиятельные представители среднего слоя, в свою очередь, гораздо чаще упоминают в числе влиятельных людей представителей высшей группы, чем это делают рядовые влиятельные люди. Это наводит на мысль, что некоторые мнения и советы, разработанные влиятельными представителями высшей группы (или заимствованные ими из средств массовой коммуникации), могут спускаться вниз по цепочке. Другие мнения, возникшие на более низких уровнях, могут последовательно передаваться вверх — от уровня к уровню. Наши ограниченные материалы — это только соломинка, показывающая, куда дует ветер. В полномасштабном исследовании, имеющем дело с несколькими слоями влиятельных людей, это впечатление о способах проникновения межличностного влияния могло бы получить решающую проверку.

Мы же рассмотрели способы передачи влияния исключительно с точки зрения положения тех, кто испытывает влияние и кто его оказывает. Стоило бы исследовать эти способы с точки зрения размещения людей в других социальных системах. Общую проблему вкратце можно поставить следующим образом: в какой степени и в какой ситуации межличностное влияние *передается* главным образом *внутри* собственной социальной группы, или страты, или категории самого индивида (возраст, пол, принадлежность к определенному классовому слою, властному слою, уровню престижа и т.д.), а когда оно передается от группы к группе, от страты к страте или от одной социальной категории к другой? Так как в общих чертах эта проблема была поставлена во вводных разделах и так как она, *mutatis mutandi**, все же во многом остается прежней, здесь следует поставить только немногие симптоматичные вопросы.

* изменив то, что следует изменить; внося необходимые изменения; с соответствующими изменениями (*лат.*). — *Примеч. пер.*

Обращаются ли мужчины и женщины за советом и руководством только к людям своего возраста и пола, принадлежащим к одному с ними социальному классу или религиозной группе? Как, например, влияние зависит от возраста? Насколько общей является тенденция, отмеченная и в Ровере, и в Саустауне: чтобы влиять на других, нужно быть немного старше их? Проявляется ли эта тенденция в сообществах разных типов и в различных субкультурах нашего общества? Когда юноша обращается за советом к более закаленному ветерану, а когда — к такому же юнцу, как он сам?¹⁷ Многое остается также узнать о передаче влияния по линии пола. В исследованиях, проведенных в Ровере и Саустауне, обнаружилась одна четкая тенденция: мужчины сообщали о влиянии на них других мужчин, тогда как женщины в числе людей, имеющих на них влияние, называли и мужчин, и женщин (причем примерно в равном количестве). Дальнейшие исследования, несомненно, должны выяснить, какие сферы влияния фактически монополизированы мужчинами, какие — женщинами, а какие поровну разделены между ними¹⁸.

Подобным же образом, несмотря на то что ток межличностного влияния идет главным образом от высших социальных слоев к низшим, существует ток, идущий в обратном направлении. Совершенно необходимо знать, в каких типовых ситуациях первичное влияние одних людей на других обычно осуществляется на одном и том же уровне, а в каких — на более высоком или более низком уровнях. Но в особенности нужно изучать девиантные ситуации, когда на людей, занимающих высокий ранг в какой-нибудь статусной иерархии (власти, класса, престижа), оказывают влияние люди, занимающие более низкое положение. Так, в небольшом числе случаев люди, имеющие в Ровере высший статус, сообщают, что на них оказывали влияние те, кого обычно не считают сколько-нибудь влиятельными людьми. Действительно, в нашем случае есть материалы, позволяющие предположить, что люди, которые находятся на вершине иерархии и, вероятно, уверенные в себе и в прочности своего статуса, могут чаще обращаться за случайным советом к тем, кто находится в самом низу иерархии, в отличие от индивидов, относящихся к среднему уровню. Хотя этих случаев в общем-то не так много, они могут пролить яркий свет на то, как осуществляется межличностное влияние. Как и при изуче-

¹⁷Что касается этого вопроса, как и других вопросов, поставленных в этом разделе, то, разумеется, в разных *сферах* можно наблюдать различные формы и способы влияний. Следовательно, этого не нужно повторять каждый раз, когда обсуждается очередная группа вопросов. Общая проблема сфер влияния вкратце будет обсуждена в следующем разделе. — *Примеч. автора.*

¹⁸В начальной форме ответы на подобные вопросы, по существу, предложены в: Katz and Lazarsfeld, *op. cit.* — *Примеч. автора.*

нии концентрации влияния, здесь тоже существует опасность того, что исследователь ограничится только основными моделями, упустив при этом из виду весьма поучительные вспомогательные механизмы влияний. Подобные вопросы, возникающие на основе нашего первоначального исследования, легко можно умножить. Но, возможно, именно эти вопросы могут стать прототипами. Совершенно очевидно, что все эти вопросы должны ставиться при изучении каждой отдельной сферы влияния, так как вполне вероятно, что механизмы влияния будут различаться в зависимости от сферы деятельности и от тех позиций, с каких оно оказывается. Хотя мы всегда принимали во внимание сферы влияния, эта проблема все же требует отдельного, хотя и краткого исследования.

Сферы влияния: мономорфное и полиморфное влияние

В Ровере влиятельные лица довольно широко различаются по числу сфер деятельности, в которых они пользуются межличностным влиянием. Некоторые влиятельные люди (их можно назвать *мономорфными*) очень часто называются в числе тех, кто имеет влияние на других людей, но только в одной узкой области — например, в области политики, или критериев хорошего вкуса, или моды. Мономорфные влиятельные люди — это «эксперты» в ограниченной области, и их влияние не распространяется на другие сферы принятия решений. Другие влиятельные люди (эта группа включает довольно много влиятельных лиц высшего ранга) относятся к числу *полиморфных*; они пользуются межличностным влиянием в разных (иногда, по-видимому, не связанных друг с другом) сферах. Хотя эти типы легко идентифицируются в исследовании, проведенном в Ровере, все же многое о них еще предстоит узнать. При каких условиях влиятельные люди остаются мономорфными? Образуют ли они устойчивый тип или скорее *стадию* в формировании влияния, имея перспективу — со временем превратиться в полиморфных влиятельных людей благодаря переносу их престижа из одной сферы в другую («эффект ореола»)? Возможно, мономорфное влияние осуществляется только в определенных сферах, требующих высокого профессионализма и почти не требующих публичного признания. При таких условиях совета мономорфного влиятельного лица — например, биофизика — будут спрашивать только по вопросам, касающимся его специальной сферы компетенции («Что нам делать с Национальным научным фондом?»); такое мономорфное влияние скоро может перерасти в полиморфное: «авторитет» может стать всеобщим и передаваться в другие области.

Мы можем продолжить сравнительное исследование и выяснить, в каких сферах эффективно действуют влиятельные «локалисты», а в каких — влиятельные «космополиты». Собранные в Ровере материалы создают впечатление, что «локалисты» и «космополиты» пользуются влиянием в разных сферах, причем «локалисты» скорее всего относятся к полиморфному типу, а «космополиты» — к мономорфному. По-видимому, влияние «локалистов», основывающееся главным образом на их «связях», проникает в многочисленные и самые разнообразные сферы; влияние «космополитов», проистекающее чаще всего из их способности выступать в роли экспертов, обычно ограничивается более узкими рамками.

Так же интересно было бы узнать, оказывают ли *одни и те же* индивиды мономорфное влияние на одних людей и полиморфное — на других. Например, для представителей своего собственного социального слоя влиятельные люди могут давать советы в самых широких областях, а для своих последователей, в низшем социальном слое, — в более ограниченной сфере принятия решений. Как бы то ни было, не нужно думать, будто это *индивиды* являются мономорфными или полиморфными; скорее они *действуют* как тот или иной из этих типов, в соответствии с тем, как складывается ситуация*.

Отсюда ясно следует, что необходимо разъяснить такие термины, как «влиятельные люди» или «лидеры общественного мнения». Одного можно считать влиятельным, если у него есть много последователей в какой-либо одной сфере деятельности, тогда как другого — если у него есть несколько небольших групп последователей в разных сферах. Дальнейшие исследования межличностного влияния должны попытаться идентифицировать мономорфных и полиморфных влиятельных людей, определить их место в местной социальной структуре и установить динамику переходов из одного типа в другой.

В заключение несколько слов по поводу будущих исследований в области структуры межличностных влияний в местном сообществе. Предварительные исследования (особенно исследование, проведенное в Саустауне) упорно наводят на мысль, что формальные критерии — такие, как образование, доход, участие в добровольных обще-

* Как сообщает С.Н. Эйзенштадт, это различие «хорошо прослеживается» у различных групп европейских иммигрантов в Израиле (см.: Eisenstadt S.N., «Communication processes among immigrants in Israel». *Public Opinion Quarterly*, 1952, 16, pp. 42—58). Роберт Эггер проследил, какие типы влияния используются полиморфными влиятельными людьми при решении вопросов школьной политики, местного самоуправления и социального обеспечения в небольшом городе (см.: Agger R.E., «Power attributions in the local community: theoretical and research considerations», *Social Forces*, 1956, 34, pp. 322—331). _Примеч. автора.

ственных организациях, количество ссылок в местной газете и т.п. не являются адекватными показателями, с помощью которых можно определить, кто пользуется большим межличностным влиянием, ведутся систематические опросы, дополненные непосредственными наблюдениями. Иными словами, место, занимаемое в различных иерархических системах (здоровья, власти, классовой принадлежности), не предопределяет места, занимаемого в структуре межличностного влияния.

Дополнение: предварительное определение межличностного влияния

Ограничиваясь изучением субъекта «межличностного влияния» наше исследование не затрагивает вопроса о социальном влиянии в целом. Межличностное влияние — это непосредственное личное взаимодействие, взятое в плане его воздействия на будущее поведение или установки обеих сторон (которые будут совсем иным отсутствием этого взаимодействия)²⁰.

Стратегическое значение для социологии понятия «влияние» становится все более очевидным. Из многочисленных современных работ этой темы я остановлюсь только на анализе, сделанном А. Марчем^{20а}: несмотря на то что автор считает этот анализ пр

¹⁹ Влияние, приобретенное благодаря средствам массовой информации — очевидно, нечто совсем иное, чем межличностное влияние. На эти размышления приводит то обстоятельство, что, например, ни в Ровере, ни в Саустауне у Фрэда издатель местной газеты не был включен в число тех, кто пользуется межличностным влиянием. — *Примеч. автора.*

²⁰ Это определение представляет собой адаптацию формулировки,

сд. Гербертом Голдхамером и Эдуардом Шилсом (см.: Goldhamer H. and Shils C. «> of power and status», *American Journal of Sociology*, 1939, 45, pp. 171 — 184).

модификации их формулировки проясняются со временем. То, почему я выделяю будущее поведение или будущие установки, легко можно понять.

«влияние» относилось ко всем изменениям поведения и к каждому изменению в отдельности, оно фактически совпало бы с «социальным взаимодействием»,

так как любое взаимодействие воздействует (каким бы слабым это воздействие было) на поведение в данной конкретной ситуации. В присутствии других действует по-другому, чем в одиночестве. — *Примеч. автора.*

^{20а} March J.G., «An introduction to the theory and measurement of influence»

American Political Science Review, 1955, 49, pp. 431-451. Марч исходит из основ работы своего коллеги, Герберта Саймона (Herbert A. Simon) — см. Simon

on the observation and measurement of political power», *Journal of Politics*, 1955, 19, p. 500-516. См. также: Festinger L., Gerard H.B., Hymovitch B., Kelley H.H. and

«The influence process in the presence of extreme deviates», *Human Relations*, 1956, 9, pp. 327—346. — *Примеч. автора.*

рительным, он все же представляет собой большой шаг вперед. Влияние последовательно определяется им с точки зрения, совпадающей с вышеизложенной концепцией: влияние — это то, «что вызывает в положении организма такие изменения, которые отличны от ожидаемых». Это и есть настоящий пример выявления подлинной причинности, а не простое подведение ситуации под эту категорию. Однако, как указывает Марч, мы можем идентифицировать такие способы поведения, которые *можно* предсказать, имея информацию о социальном положении данной личности, и которые тем не менее могут быть вызваны межличностным влиянием. (Марч предпочитает говорить о положении «индивидуального организма». Для социолога понятие «организм» в некоторых отношениях подходит лучше, чем понятие личность, так как оно содержит характеристику биологических и других «несоциальных» свойств, а в некоторых — хуже, так как обычно оно не касается социального положения людей и их личных положений.) В свете этой концепции он делает следующее важное замечание: «Хотя мы часто можем установить факт межличностного влияния, установить, что такое влияние не имело места, чрезвычайно трудно. Отчасти по этой причине необходимо различать влияние одного события на другое (например, если «А» голосует «за», то и «Б» голосует «за») и влияние как отношение двух индивидов (то есть индивида «А» и индивида «Б») (Марч, там же, с. 435).

Эти соображения позволяют Марчу оценить достоинства и недостатки современных методов измерения влияния. Важно принять во внимание (хотя не стоит заново исследовать здесь) общий вывод, сделанный Марчем: до сих пор эти измерения делались *ad hoc*, но не выводились из какой-либо теории. Он приходит к такому заключению: «Невероятно, но факт: несмотря на то что в настоящее время применяется множество самых разнообразных методов измерения «влияния», до сих пор не ясно, при каких условиях они дают соизмеримые результаты. Можно, разумеется (хотя вряд ли это всегда полезно), определить понятие с помощью метода измерения [который не выводится из систематических сущностно-концептуальных представлений], но без знания соответствующих взаимозависимостей одно и то же понятие нельзя определить с помощью нескольких различных способов измерения. И, однако, современное состояние измерения влияния именно таково. С другой стороны, в литературе можно обнаружить совсем немного попыток соотнести формальные определения влияния либо с методами измерения, либо с содержанием социологической теории» (Марч, там же, с. 450—451).

Это замечание не только справедливо, но, что не менее важно, полезно. Оно позволяет *выявить сферу нашего незнания*, когда мы

пытается создать процедуры измерения, связанные с понятием влияния, а, как свидетельствует история человеческой мысли, *выявленное* незнание часто служит первым шагом к вытеснению незнания знанием.

Проблемы межличностного влияния привлекали систематическое внимание социологов довольно редко; гораздо чаще они затрагивались при обсуждении вопросов социальной стратификации. Причины этого довольно очевидны. Межличностное влияние подразумевает *асимметричное социальное отношение*: кто-то оказывает влияние, кто-то испытывает влияние, причем речь идет о конкретном поведении или позиции. Разумеется, довольно часто бывают случаи взаимного влияния. Но даже в этих случаях влияние, оказываемое в обоих направлениях, редко бывает одинаковым по своему уровню и редко воздействует на одну и ту же форму поведения. Именно этот асимметричный характер межличностного влияния объясняет, вообще говоря, его связь с дискуссиями по проблемам социальной стратификации. Ибо как бы ни отличались друг от друга различные системы стратификации, все они, разумеется, согласны в том, что стратификация подразумевает асимметричное социальное положение (то есть ранжирование). (Если бы положение социальных слоев было абсолютно симметричным, если бы все они были действительно/вдвны по своему рангу, то понятие стратификации оказалось бы излишним²⁰⁶.)

²⁰⁶ Сравним это соображение с замечанием Марча по поводу сходства между причинными связями и концептуально более узкими отношениями влияния. «Оба эти отношения асимметричны. Иными словами, высказывание, утверждающее, что «А» служит *причиной* «Б», исключает возможность того, что «Б» является причиной «А». Примерно таким же образом высказывание, утверждающее, что «А» *оказывает влияние* на «Б», исключает возможность того, что «Б» *оказывает влияние* на «А». В теоретических дискуссиях по проблеме влияния путаница проистекает (повторяю это еще раз) из неудачи всех попыток разделить отношения влияния между событиями (то есть определенными разделами деятельности индивидов) и отношения влияния между индивидами (то есть между деятельностью индивидов в целом). То, что (как оказалось) об асимметрии между событиями говорить можно, а об асимметрии отношений влияния между людьми можно говорить только в редких случаях (иными словами, то, что разделение отношений влияния часто может проявляться в форме выделения специфических влияний сообразно со «сферой деятельности»), позволяет предположить, что для описания отношений влияния между двумя индивидами подходит такая модель, в которой связанная с отношениями влияния деятельность индивидов подразделяется на взаимоисключающие ряды таким образом, что внутри каждого ряда между индивидуальными агентами деятельности устанавливается определенная асимметрия» (см.: *ibid.*, p. 436; а также процитированные выше «замечания» Саймона).

Соответственно, эта асимметричность обеспечивает основу для выделения «*влиятельных людей*», оказывающих влияние либо во многих сферах поведения и общественного мнения, либо в одной или немногих. — *Примеч. автора.*

Так как понятие межличностного влияния было втянуто в общие дискуссии по стратификации и не стало непосредственным предметом исследования, оно слилось с другими близкими к нему понятиями. Поэтому для того, чтобы прояснить нашу предварительную концепцию межличностного влияния, нужно определить место этого понятия в структуре стратификационного анализа.

В многочисленных современных дискуссиях по проблемам социальной стратификации сложился широкий спектр взаимосвязанных понятий и терминов. К ним относятся:

термины, обозначающие общественное положение, — статус, ранг, положение, социально-экономический статус, локус, страта, социальное положение, репутация;

термины, обозначающие определенное социально-классовое положение, — высший, средний и низший классы, выскочка, люди, добившиеся определенного положения, деклассированные элементы, аристократия, и т.п.;

термины, обозначающие стратификационные структуры, — система открытых групп, система уровней, касты, иерархии (престижные, экономические, политические, социальные) и т.п.;

термины, обозначающие атрибуты того или иного положения (источники, символы, критерии, детерминанты), — благосостояние, власть, престиж, успех, приписываемые свойства, образ жизни, почетный статус, авторитет и т.п.;

термины, обозначающие действия, связанные с общественным положением, — применение власти, контроля, влияния, запретов (на въезд в страну), господство, подчинение, дискриминацию, принуждение, манипуляции и т.п.

Этот выборочный перечень терминов наводит на мысль о терминологических избытках, далеко выходящих за пределы строгой необходимости, а также о большом количестве проблем, связанных со взаимными соотношениями этих понятий. Кроме того, он позволяет предположить, что социальная стратификация населения может быть произведена в различных иерархических рядах. Каким-то не очень понятным образом эти иерархические стратификационные ряды оказываются взаимосвязанными. Но мы не можем *допустить*, что они идентичны. Социологическая проблема в данном случае состоит в том, чтобы исследовать взаимосвязи между различными иерархическими Рядами, а не в том, чтобы сделать эту проблему неясной, нечеткой, *допустив*, что все иерархические ряды могут слиться в единую всеохватывающую систему ранжирования²¹.

²¹ Классическим примером этого тезиса служит проведенный Максом Вебером анализ класса, статуса и власти, ставший общедоступным благодаря английскому переводу (выполненному Гансом Герттом и Райтом Миллсом избранных работ Макса Ве-

Следовательно, мы допускаем, что *положение в локальной структуре межличностных влияний может быть связано с положением в других иерархических рядах, но не идентично ему*. Это допущение имеет как эмпирическое, так и концептуальное основание. Эмпирическая поддержка обеспечивается благодаря изучению политического поведения²²; в процессе исследования было установлено, что «лидеры общественного мнения не идентичны с людьми, выдающимися в социальном плане, или с самыми богатыми людьми местного сообщества, или с гражданскими лидерами»- Проведя краткое исследование типов отношений между некоторыми системами стратификации, мы получим новые основания для этого допущения.

Несмотря на то что межличностное влияние, социальный класс, престиж и власть могут коррелятивно соотноситься друг с другом, они ни в коем случае *не* совпадают. Если проводить ранжирование с точки зрения размера и источника дохода, а также достигнутого благосостояния, то, как можно обнаружить, некоторые члены «высшего среднего класса» оказывают гораздо более слабое непосредственное влияние на решения небольшого числа связанных с ними людей, чем некоторые члены «низшего класса» - на множество связанных с ними людей. Люди, занимающие высокий ранг в какой-либо престижной

бета (см.: From Max Weber: *Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1946), а также благодаря переводу (выполненному А. Гендерсоном и Толкоттом Парсонсом) его работы: Weber M., *The Theory of Social and Economic Organisation* (London: Wm Hodge, 1947), pp. 390-395. Более современные дискуссии в какой-то мере базируются на основе, заложенной Вебером. Из множества различных точек зрения остановимся на: Parsons T., «A revised analytical approach to the theory of social stratification». In: Bendix R. And Upset S.M. (eds). *Class, Status and Power: A reader in Social Stratification* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1953), pp. 92-12»; ДАТМ К- «A conceptual analysis of stratification», *American Sociological Review*, 1942, 7, PP- 309-321; Benoit - SmuUyan E., «Status, status types and status interrelations», *American Sociological Review*, 1944,9, pp. 151-161; Barber B., *Social Stratification* (New York: Harcourt, Brace, 1957).

Что касается эмпирических усилий прояснить эту проблему, см.: Warner W.L. and Lunt P.S., *The Social Life of a Modern Community* (New Haven: Yale University Press, 1941); Манн H.F., *Prestige and Social Structure in a New York Rural Community* (Cotner, New York: Experiment Station, Memoir 260, March 1944) и его же: *Defining Prestige in a Rural Community: Sociometry Monographs*, № 10 (Beacon, New York: Beacon House, 1946); Hollingshead A.B., «Selected characteristics of classes in a middle western community», *American Sociological Review*, 1947, 12, pp. 385-395; Mills C Wright., «The middle classes in middle - sized cities», *American Sociological Review*, 1946, 11> PP- 52U—529.

Больше всего современных данных по этой проблеме можно найти в книге Уорнера и Ланта; однако недостатком этого исследования является отсутствие типологии концептуальных различий, предложенной Вебером. - *Примеч. автора*.

²² Lazarsfeld, Berelson and Gaudet., *The People's Choice*, p. 50 and Chapter XVI. - *Примеч. автора*.

...люди (например, в иерархии, базирующейся на генеалогическом принципе) могут иметь небольшое межличностное влияние на всех. КР_{не} имеет отношения к специфической сфере их деятельности. ТЕМ¹ Мнений (то есть к искусству, моде, «хорошему вкусу»). Даже / связанные понятия власти и межличностного влияния отнюдь не идентичны. Лица, обладающие властью, позволяющей им влиять на экономические возможности большой группы людей, могут оказывать совсем незначительное межличностное влияние в других сферах, обладая достаточной властью, чтобы отказать людям в работе. ИМОГУТ не иметь прямого влияния на их политическое, личностно-ассоциативное или религиозное поведение, высокие места в престижной иерархии, могут не обладать властью, не позволяющей им определять решения других в конкретных ситуациях. (Власть, позволяющую некоторым людям из клубов «для избранных», следует отделить от власти, которая может перекрыть для них возможность доминировать над властью, следовательно, получаемые благодаря их текущим функциям, занимающие высокое положение в иерархии власти. ГМ^{TM} иметь небольшой престиж (самые стереотипные примеры „МУ- панический босс и удачливый рэкетиры).

Ключевое положение в классовых, властных и престижных иерархиях потенциально имеет значение для межличностного влияния, но не определяет его действительной силы.

Формы межличностного влияния столь же разнообразны, как и его носитель. Влияние может принимать такие формы, как, например:

- принуждение (применение силы, насилия);
- господство (командование без угрозы применения силы);
- манипулирование (когда делами того, кто оказывает влияние, завуалированы намерения (в них на дальнейшее поведение оказывает влияние вся совокупность способов деятельности);
- подражание (здесь личность, оказывающая влияние, не осознает, что результатом взаимодействия является модификация поведения или позиций других людей);
- это (содержит мнения и рекомендации, но не приказание); обмен (здесь каждый человек открыто модифицирует ситуацию, чтобы побудить другого к данному образу действий).

~«См.-Goldhamer and Shils. *op. cit.*, pp. 171-172. Так как эти авторы ограничивают обсуждение власти только с насилием, господством и манипулированием. См. также, Davis K., *op. cit.*, I> влияния «обмен». - Примеч. автора.

* * *

В данном исследовании мы сосредоточили внимание прежде всего на влиянии в форме разъяснения, совета и образца для подражания. Здесь мы *не* касались опосредованного применения власти — через рынок, через политическое и иное административное поведение, оказывающее влияние на большое число людей. Объектом нашего исследования стали люди, которые, как выясняется, имеют поддающееся *измерению межличностное* влияние, проявляющееся непосредственно в их отношениях с другими людьми.

ХІІІ. САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВА

У.А. Томас, глава американских социологов, в ряде работ (редко принимаемых во внимание вне академических кругов) сформулировал теорему, имеющую основополагающее значение для общественных наук: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях». Если бы теорема Томаса была более известна, то механизмы нашего общества стали бы гораздо понятнее. Хотя этой теореме недостает точности и полноты теорем Ньютона, она обладает таким же даром релевантности и успешно применяется ко многим, если не к большинству социальных процессов.

Теорема Томаса

«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях», — так написал профессор Томас. Мы считаем, что он подошел к важнейшему вопросу, и это впечатление усиливается, когда мы замечаем, что, по существу, та же самая теорема была сформулирована задолго до Томаса наиболее образованными и наблюдательными умами.

Мы можем обратиться к теоретикам, совсем непохожим друг на друга: к грозному епископу Боссюэ с его страстной защитой ортодоксального католицизма семнадцатого века; к ироничному Мандевиллю с его «Басней о пчелах», созданной из наблюдений над парадоксами человеческого общества восемнадцатого века; к пылкому гениальному Марксу с его ревизией гегелевской теории исторического развития; к плодовитому Фрейду, труды которого, вероятно, более чем работы других его современников изменили взгляды человека на самого себя; к эрудированному, догматичному, а иногда глубокому йельскому профессору Уильяму Грэму Самнеру, который останется в веках как «Карл Маркс средних классов». Я выбрал наиболее известные имена из очень Длинного перечня. Когда мы обратимся к этому разнообразному обществу, то обнаружим — все они уверены в истинности и уместности

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

утверждений, по существу совпадающих с теоремой Томаса. Мы можем сделать вывод, что, вероятно, она с равным успехом достойна и нашего внимания.

Итак, на что нацеливают наше внимание Томас, Боссюз, Мандевиль, Маркс, Фрейд и Самнер?

Первая часть теоремы — это настойчивое напоминание о том, что люди реагируют не только на объективные черты ситуации, но также (а иногда и в первую очередь) на значение, которое эта ситуация имеет для них. А когда они приписывают ситуации определенное значение, их последующее поведение и некоторые из последствий их поведения предопределены этими предписанными значениями. Пока это лишь абстрактное утверждение, а абстракции совершенно не воспринимаются нашим мышлением, если они случайно не соотнесены с конкретными данными. Каковы же примеры, подтверждающие нашу мысль?

Социологическая притча

Это случилось в 1932 году. Новый национальный банк — процветающая организация. Большая часть его ресурсов была ликвидной без разводнения*. Картрайт Миллингвил имел достаточные причины, чтобы гордиться банковской организацией, которую он возглавлял. До «черной среды». Когда он вошел в свой банк, то заметил, что дела идут необыкновенно оживленно. Это было несколько странно, поскольку люди, работавшие на сталелитейном заводе компании А.М.-О.К. и на фабрике по изготовлению матрацев фирмы К.О.М.А., обычно не получали денег до субботы. Однако две дюжины людей, очевидно с заводов, стояли в очереди в кассу. Когда управляющий банком вошел в свой личный кабинет, он задумчиво и с некоторым сожалением произнес: «Надеюсь, что их не уволили среди недели. Они должны быть в цехах в это время».

Но размышления такого рода никогда не были уместны в процветающем банке, и Миллингвил занялся пачками документов на своем столе. Он педантично подписал не более десяти бумаг, когда был встревожен отсутствием чего-то привычного и вторжением чего-то чуждого. Сдержанный глухой гул банковского делопроизводства уступил место странным и раздражающим выкрикам многих голосов. Ситуация была определена как реальная. Таково было начало «черной среды», следует заметить, последней среды Нового национального банка.

* финансовый термин. — *Примеч. пер.*

Картрайт Миллингвил никогда не слышал о теореме Томаса. Но ему было не трудно осознать ее механизм. Он знал, что, несмотря на относительную ликвидность банковских активов, слух о неплатежеспособности, в который внезапно поверят многие вкладчики, приведет к неплатежеспособности банка. И к концу «черной среды», и еще более «черного четверга» (когда длинная очередь встревоженных вкладчиков, каждый из которых безумно рвался спасти свою собственность, выросла в еще более длинную очередь еще более встревоженных вкладчиков), оказалось, что он прав.

Стабильная финансовая структура банка зависит от ряда определенных ситуаций: люди живут благодаря уверенности в надежности взаимосвязанной системы экономических обязательств. Но когда вкладчики определяют ситуацию иначе, когда они сомневаются в возможности исполнения данных им обязательств, последствия этих воображаемых определений оказываются вполне реальными.

Это очень типичный случай, и даже не нужно обращаться к теореме Томаса, чтобы понять, как он произошел, — по крайней мере если вы голосовали за Франклина Рузвельта в 1932 году. Но с помощью этой теоремы трагическая история банка Миллингвила может обратиться в социологическую притчу, которая поможет нам понять не только то, что произошло с сотней банков в 30-е годы, но также то, что происходит в отношениях между неграми и белыми, между протестантами, католиками и евреями в наши дни.

Притча учит нас, что публичные определения ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации. Такова специфическая характеристика человеческих дел. Мы не найдем ее в мире природы, к которому не прикасались человеческие руки. Предсказания о возвращении кометы Галлея никак не влияют на ее орбиту. Но слухи о неплатежеспособности банка Миллингвила на самом деле вызвали реальный результат. Предсказание краха привело к его осуществлению.

Образец самоосуществления пророчества является настолько общим, что у каждого из нас найдется свой любимый пример. Рассмотрим случай экзаменационного невроза. Взмолванный студент, убежденный в том, что он неизбежно провалится, тратит больше времени на беспокойство, чем на подготовку, и, следовательно, не сдает экзамен. Первоначальная ложная тревога преобразуется во вполне оправданный страх. Или рассмотрим уверенность в неизбежности войны между двумя нациями. Представители двух наций, руководствуясь такими убеждениями, постепенно отчуждаются друг от друга, с опасением противопоставляя каждому «агрессивному» шагу другого свои

собственные «оборонительные шаги». Запасы оружия, сырья и вооруженные силы чрезвычайно возрастают, и неизбежно предчувствие войны способствует ее реальному началу.

В начале самоосуществление пророчества является *ложным* определением ситуации, провоцирующим новое поведение, при котором первоначальное ложное представление становится *истинным*. Иллюзорная достоверность самоосуществления пророчества увековечивает власть ошибки. Ибо предсказатель будет ссылаться на реальный ход событий как доказательство того, что он был прав с самого начала. (Хотя мы знаем, что банк Миллингвила был платежеспособным, многие годы сохранялось убеждение, что не могли быть ложными слухи, *создавшие* условия для своего собственного осуществления.) Таковы недостатки социальной логики.

Именно это понятие о самоосуществлении пророчества подходит к объяснению динамики этнических и расовых конфликтов в современной Америке. Подтверждение этому (по крайней мере в отношениях между неграми и белыми) можно найти на страницах «Американской дилеммы» Гунара Мюрдала. Но самоосуществление пророчества связано с отношениями между этническими группами намного чаще, чем продемонстрировал Мюрдал. Далее, довольно кратко, мы рассмотрим этот тезис¹.

Общественное мнение и общественная практика

Многие благонамеренные американцы (иногда неохотно) сохраняют устойчивые этнические и расовые предрассудки, поскольку не в состоянии понять механизм самоосуществления пророчества. Они воспринимают свои мнения не как предубеждения, не как предрассудки, но как бесспорный результат своих собственных наблюдений. «Факты» не позволяют им сделать другие выводы.

Таким образом, наш честный белый гражданин решительно поддерживает политику, не допускающую негров в его профессиональный союз. Его взгляды, конечно, основаны не на предрассудках, но на твердых фактах. Эти факты кажутся вполне очевидными. Негры

¹ Двойником самоосуществляющегося пророчества является «суицидальное пророчество», которое так отвращает человеческое поведение от всего, что могло бы стать его путем, что если пророчество не сделано, то оно *не сможет* подтвердиться. Предсказание разрушает себя. Этот важный тип не рассмотрен здесь. Примеры обоих типов социального пророчества см.: MacIver, *The More Perfect Union* (New York: Macmillan, 1948); общие формулировки см.: Мертон «The unanticipated consequences of purposive social action» *op. cit.* — *Примеч. автора.*

«лишь недавно покинули аграрный Юг и не обучены традиционной профсоюзной дисциплине, а также искусству коллективной договоренности». Негр — это штрейкбрехер. Негр с его «низкими жизненными стандартами» набрасывается на работу с несоответствующей оплатой. Короче, неф — «предатель рабочего класса» и, очевидно, его нельзя допускать в ряды профсоюзной организации. Наши толерантные, но упрямые члены профсоюза считают это неоспоримым фактом, наивно не осознавая, что самоосуществление пророчества — основополагающий процесс в обществе.

Наш профсоюзный деятель, конечно, не в состоянии увидеть, что это он и его характер создают те самые факты, которые он наблюдает. Ибо, определяя ситуацию таким образом, что негры в ней считаются абсолютно чуждыми принципам профсоюзов, и (исключая негров из профсоюзов) он тем самым провоцирует ряд последствий, которые действительно не дают многим неграм возможности избежать роли штрейкбрехера. Тысячи негров, которые после Первой мировой войны остались без работы и не были членами профсоюза, не могли противостоять тем работодателям, которые приглашали штрейкбрехеров и предлагали им такую работу, которую в ином случае они никогда бы не получили.

Сама история проверяет теорию самоосуществления пророчества. Негры были штрейкбрехерами, поскольку их не принимали в профсоюзы (и на многие виды работ), а не наоборот. Об этом свидетельствует фактическое исчезновение негров-штрейкбрехеров в тех отраслях промышленности, в которых они получили доступ в профсоюзы в последнее десятилетие.

Применяя теорему Томаса, мы также начинаем понимать, как трагический (а иногда злонамеренный) цикл самоосуществления пророчества может быть разорван. Следует отвергнуть первоначальное определение ситуации, которое приводит в движение весь цикл. Только когда первоначальное допущение подвергается сомнению и вводится новое определение, последующий ход событий выявит ложность первого допущения. Только тогда мнение больше не будет становиться реальностью.

Но одного лишь волевого акта недостаточно, чтобы поставить под сомнение эти глубоко укоренившиеся определения ситуации. Волю или в данном случае добрую волю нельзя включить и выключить как водопроводный кран. Общественный разум и добрая воля сами по себе являются *продуктами* социальных сил. Они не возникают благодаря массовой пропаганде или массовому просвещению (в обычном смысле ^этих слов, обозначающих столь дорогие для социологов универсальные средства). В социальной области, также как в психологической,

ложные идеи не так уж тихо отмирают, столкнувшись с истинными идеями. Нельзя ожидать, что параноик отбросит свои с трудом преодолимые заблуждения и извращения, когда узнает, что все они не имеют оснований. Если бы психические болезни излечивались простым распространением истины, психиатры в нашей стране пострадали бы от технологической безработицы, а не от сверхурочной работы. Таким образом, продолжительная волевая просветительская кампания сама по себе не ликвидирует расовые предрассудки и дискриминацию.

Последнее положение не особенно популярно. Призыв к просвещению как к панацее от большинства разнообразных социальных проблем глубоко укоренился в нравах Америки. Однако это иллюзия. Ибо как можно осуществить такую программу расового образования? Кто будет заниматься просвещением? Учителя в наших общинах? Но учителя в определенной степени, как и многие американцы, разделяют именно те предрассудки, с которыми они призваны бороться. А когда они не разделяют эти предрассудки, то не вынуждают ли их исполнять роль добросовестного мученика во имя утопии просвещения? Как долго останется на своей должности учитель начальной школы в Алабаме, Миссисипи или Джорджии, который попытается методично освобождать своих маленьких учеников от ложных убеждений, усвоенных ими дома? Просвещение может служить в качестве практического дополнения, но не в качестве главной основы для мучительно медленного изменения господствующих образцов расовых отношений.

Чтобы в дальнейшем нам было понятно, почему нельзя рассчитывать на просветительскую кампанию для уничтожения преобладающей расовой враждебности, мы должны рассмотреть функционирование внутренних и внешних групп в нашем обществе. Этнические внешние группы (мы перенимаем у Самнера подходящую для нас часть социологической терминологии) состоят из тех людей, которые считаются значительно отличающимися от «своих» с точки зрения национальности, расы или религии. Этническим внешним группам, конечно, противостоят этнические внутренние группы, состоящие из «подобных» людей. Нет никаких твердо установленных или вечных способов установить границы, отделяющие внутреннюю группу от внешней. При изменении ситуации меняется и образ действий, направленный на их разграничение. Для большинства белых американцев Джо Луис — член внешней группы, когда они определяют ситуацию с точки зрения расы. В другом случае, когда Луис одержал победу над нацистским Шмелингом, многие из тех же самых белых американцев будут приветствовать его как члена национальной внутренней группы. Верность национальным интересам берет верх над расовым сепаратизмом. Иногда эти внезапные изменения групповых

границ могут поставить в очень неловкое положение. Так было, когда негры-американцы возвращались с победой с Олимпийских игр в Берлине. Нацисты отрицали, что Соединенные Штаты на самом деле победили на Играх, указывая на гражданство второго класса, которое приписывалось неграм в различных регионах нашей страны. Негры-спортсмены были, по нашему собственному признанию, «неполноценными» американцами. И что мог Бильбо или Ранкин ответить на это? Даже при доброжелательном управлении господствующей внутренней группы этнические внешние группы постоянно страдают от живучих предрассудков, которые, как я считаю, оказывают плохое влияние и на массовое просвещение, и на массовую пропаганду этнической терпимости. Перефразируя замечание социолога Дональда Юнга, происходит процесс превращения «внутригрупповых добродетелей в пороки внешних групп». А в обыденной речи (возможно, более образно и поучительно) этот процесс в этнических и расовых отношениях называется так: «Плохо все, что вы делаете и чего вы не делаете».

Добродетели внутренних групп и пороки внешних групп

Мы хотим показать, что этнические внешние группы осуждаются, если они принимают ценности белого протестантского общества, и осуждаются, если не принимают их. Ради этого мы обратимся к одному из героев нашей внутригрупповой культуры, рассмотрим качества, которыми его наделяют биографы и общественное мнение, и таким образом выявим качества его ума, характера и образа действий, которые рассматриваются как достойные восхищения.

Не нужно проводить опрос общественного мнения, чтобы подтвердить — Линкольн выбран в качестве героя, полностью олицетворяющего американские добродетели. Как отмечает Линде в «Мидлтауне», жители типичных маленьких городков считают, что только Джорджа Вашингтона можно поставить в один ряд с Линкольном как величайшего американца. Его считают своим как многие состоятельные республиканцы, так и менее состоятельные демократы².

О Линкольном как культурном герое см. пронизательный очерк «Getting Right with Lincoln» by David Donald, *Lincoln Reconsidered* (New York: Alfred A. Knopf, 1956), 3-18.¹

² Хотя Линкольн номинально остается, конечно, символическим лидером республиканцев, это, вероятно, является еще одним парадоксом политической истории, точно таким ³ который в свое время заметил Линкольн в связи с Джефферсоном и демократами. «Вспомним также, что партия Джефферсона сформирована на основе ее предлагаемого превосходящего служения правам человеческой личности (рассматри-

Даже простой школьник знает, что Линкольн был экономным, трудолюбивым, стремящимся к знаниям, честолюбивым, преданным правам среднего человека и чрезвычайно преуспевающим в своей карьере, начав с самой нижней ступени — рабочим и поднявшись до респектабельной высоты коммерсанта и юриста. Нет необходимости описывать его дальнейшее головокружительное восхождение.

Если вам неизвестно, что эти качества и достижения занимают высокое место среди ценностей американского среднего класса, вы тотчас узнаете это, просмотрев описание «Духа Мидлтауна» у Линдса. Здесь мы находим образ Великого освободителя, полностью отраженный в ценностях, в которые верят жители Мидлтауна. И поскольку это их собственные ценности, неудивительно, что жители американского Мидлтауна с осуждением и пренебрежением относятся к тем людям и группам, которые, очевидно, не могут проявить эти добродетели. Для внутренней группы белых ясно, что негры *не получили* такого же образования, как они, что среди них «чрезвычайно» много неквалифицированных рабочих и «чрезвычайно» мало преуспевающих бизнесменов и профессионалов, что они неэкономны и так далее по каталогу добродетелей и грехов среднего класса, именно поэтому нетрудно понять обвинение, что неф «хуже», чем белый.

Хорошо понимая механизм самоосуществления пророчества, мы готовы признать, что обвинения против негров не являются явно ложными, но лишь поверхностно истинными. В ироническом смысле, эти утверждения истинны, поскольку мы считаем, что самоосуществление пророчества вообще должно быть истинным. Так, если господствующая внутренняя группа убеждена, что негры «хуже», и в соот-

вая права собственности только как вторичные и подчиненные), и допустим, что так называемые демократы наших дней — это партия Джефферсона, а его оппоненты — противостоящая Джефферсону партия. Будет в равной мере интересно обратить внимание, как эти партии совершенно изменили направление, например, в принципах, которые первоначально предполагались как разделяющие их. Демократы наших дней считают свободу одного человека абсолютно несущественной, когда она вступает в конфликт с другим правом человека — правом собственности; республиканцы, напротив, стоят и за человека, и за доллар, но в случае конфликта человека с долларом человек выше доллара.

Я помню, как однажды было очень смешно смотреть на двух слегка подвыпивших солдат, ввязавшихся в драку за свои шинели; эта драка после долгой и скорее безвредной борьбы закончилась тем, что каждый из боровшихся выиграл свою собственную шинель и шинель другого. Если две ведущие партии наших дней действительно сравнить с этими партиями времен Джефферсона и Адамса, они совершают тот же подвиг, что и два пьяных солдата». Авраам Линкольн, в письме к Пирсу и ДРУ" гим, апрель 1859. В кн.: *Complete Work of Abraham Lincoln*, edited by John G. Nicolay and John Hay (New York, 1894), V, 125-126. - *Примеч. автора.*

ветствии с этим считает, что фонды образования «не стоит расходовать на этих неполноценных», а затем сообщает (как о решительном доказательстве их неполноценности) о том, что негры составляют «только» одну пятую от числа белых выпускников колледжа, то вряд ли кого-нибудь удивит такой очевидный социальный обман. Увидев кролика, не слишком искусно возникшего в шляпе, мы можем только с недоверием взглянуть на победоносное выражение лица, с которым был проделан этот фокус. (Действительно, к такого рода сомнениям приводит замечание, что среди выпускников средней школы гораздо выше процент негров, а не белых, собирающихся поступить в колледж; очевидно, что негры, которым достаточно трудно преодолеть высокую стену дискриминации, представляют собой даже более избранную группу, чем окончившие школу белые граждане.)

Таким образом, когда джентльмен из Миссисипи (штат, который тратит в пять раз больше на среднего белого ученика, чем на среднего ученика-негра) заявляет об отсутствии способностей у негров, ссылаясь на то, что врачей среди негров в четыре раза меньше, чем среди белых, то нас больше удивляет его хромающая логика, чем его глубокие предрассудки. В этих примерах настолько очевиден механизм самоосуществления пророчества, что только те, кто навсегда обречен ставить мнение выше факта, может принять эти ханжеские доказательства всерьез. Однако ложные доказательства часто создают настоящие убеждения. Самогипноз нашей собственной пропаганды — один из постоянных аспектов самоосуществления пророчества.

Так осуждаются многие внешние группы, если они не проявляют (очевидным образом) добродетели внутренней группы. Именно так «пресная» часть этноцентризма приправлена личным интересом. Но каков второй аспект этих отношений? Можно ли всерьез считать, что внешние группы осуждаются и в том случае, если они на самом деле обладают этими добродетелями? Можно.

Этнические и расовые внешние группы получают оценку сделанного и не сделанного ими в свете совершенно тождественных предрассудков. Систематическое осуждение внешних групп в основном *не зависит от того, что они делают*. Более того, странные метаморфозы переживает капризная судебная логика: жертва наказана за преступление. Несмотря на внешнее правдоподобие предрассудков и пристрастий, они нацелены на внешние группы не из-за того, что они *Делают*, а просто глубоко укоренились в структуре нашего общества и ^в социальной психологии его членов.

Чтобы понять, как это происходит, мы должны рассмотреть моральную алхимию, с помощью которой внутренняя группа легко пре-

вращает добродетель в порок и порок в добродетель, как того требуют обстоятельства. Наше исследование мы продолжим с помощью примеров.

Мы начнем с привлекательно простой формулы моральной алхимии: следует по-разному оценивать одно и то же поведение в зависимости от того, какой человек демонстрирует его. Например, искусный алхимик знает, что слово «решительный» подобает склонять следующим образом:

Я — настойчивый;
Ты — упрямый; Он
— тупой.

Люди, не искушенные в навыках такой науки, скажут вам, что одно и то же слово следует применить ко всем трем примерам одинакового поведения. Но алхимики просто не обратят внимание на такой абсурд.

Принимая во внимание такой опыт, мы готовы проследить, как оценка абсолютно сходного поведения претерпевает полное изменение при переходе от внутренней группы Авраама Линкольна к внешней группе Авраама Кохена или Авраама Куракавы. Рассмотрим это подробно. Линкольн работал до поздней ночи? Это свидетельствует о том, что он был трудолюбив, решителен, настойчив и стремился к полной реализации своих способностей. Работают в такое же время представители внешних групп евреев и японцев? Это свидетельствует только об их менталитете трудолюбивых, о грубом нарушении американских норм, о недобросовестной конкурентной практике. Герой внутренней группы бережлив, экономен, воздержан? Тогда отрицательный герой из внешней группы — скуп, скареден и вообще крохобор. Все уважение принадлежит Аврааму из внутренней группы — за его энергичность, находчивость, интеллект. Те же самые качества вызывают полное презрение к Аврааму из внешней группы — за его вьедливость, хитрость, коварство и за излишнее превосходство в уме. Неукротимый Линкольн отказался удовольствоваться скромной жизнью рабочего человека? Он предпочел использовать свой ум? В результате все превозносят его настойчивое восхождение по трудным ступеням карьеры. Но, разумеется, уклонение от физического труда ради умственного среди коммерсантов или юристов из внешней группы не заслуживает ничего, кроме осуждения их паразитического образа жизни. Линкольн стремился усвоить накопленную веками мудрость, непрерывно учась? Беспокойство вызывает еврей, «противный зубрила», всегда с головой, склоненной над книгой, в то время как порядочные люди собираются на шоу или спортивные состязания. Решительный

и непоколебимый Линкольн не хотел ограничиться теми нормами, которые были в провинциальном обществе? Именно этого и следует ожидать от человека с широким кругозором. Но если уязвимые места в нашем обществе критикуют представители внешних групп, их следует послать туда, откуда они прибыли. Линкольн, поднявшись гораздо выше, чем позволяло его происхождение, никогда не забывал о правах простого человека и одобрял право рабочих на забастовку? Это свидетельствует только о том, что величайший из американцев, как и все настоящие американцы, был бесконечно предан делу свободы. Но если вы рассмотрите данные о забастовках, то помните — эта антиамериканская практика является результатом злонамеренной агитации, проводимой членами внешних групп среди остальных рабочих, которые в противном случае были бы всем довольны.

Классическая формула социальной алхимии теперь достаточно ясна. Ловко используя богатый словарь похвал и оскорблений, внутренние группы легко трансформируют свои добродетели в пороки других. Но почему так много членов внутренней группы выступают в качестве социальных алхимиков? Почему слишком многие в господствующей внутренней группе постоянно предаются этой практике моральных преобразований?

Мы найдем объяснение, когда оставим нашу страну и последуем за антропологом Малиновским на Тробриандские острова. Ибо мы найдем здесь очень поучительный и похожий образец. Среди тробриандцев, в той же мере как среди американцев (несмотря на то что Голливуд и популярные журналы, очевидно, слишком далеки от них), успеху женщин составляет честь и престиж для мужчин. Сексуальная доблесть является положительной ценностью, моральной добродетелью. Но если рядовой тробриандец имеет «слишком большой» сексуальный успех, если он добился «слишком многих» побед над сердцами (то есть тех достижений, которые должны быть доступны только элите, вождям и могущественным людям), то этот славный рекорд становится позорным и омерзительным. *Вожди раздражены и возмущены любым личным достижением, не подкрепленным социальным положением.* Моральные добродетели остаются добродетелями только потому, что они ревностно ограничены рамками соответствующей внутренней группы. Правильные поступки негодных людей достойны презрения, а не похвалы. Ибо очевидно, что только таким образом, приписав эти добродетели исключительно себе, могущественные люди могут сохранить свою исключительность, свой престиж, свою власть. Невозможно изобрести более мудрую методику для того, чтобы сохранить неизменной систему социальной стратификации и социальной власти.

Тробриандцы могут научить нас многому. Ибо очевидно, что вожди не преднамеренно придумали эту программу укрепления власти. Их поведение спонтанное, необдуманное и непосредственное. Их возмущение «слишком большими» амбициями или «слишком большим» успехом обыкновенного тробриандца не запланировано преднамеренно, оно неподдельно. Именно эта резкая эмоциональная реакция на «неуместное» проявление добродетелей, принадлежащих внутренней группе, служит подходящим приемом для усиления особых прав вождей на важнейшие для тробриандской жизни поступки. Нет ничего более далекого от истины и более искажающего понимание фактов, чем предположение о том, что такое преобразование внутригрупповых добродетелей в пороки внешних групп — это часть умышленно разработанного тробрианскими вождями плана по удержанию тробрианской черни на ее месте. Просто вожди усвоили принципы правильного понимания существующего порядка вещей и смотрят на него как на свое тяжелое бремя — управлять другими (посредственными) людьми.

Испытывая глубокую неприязнь к заблуждениям моральных алхимиков, мы не должны совершить такую же ошибку, просто поменяв местами моральный статус внутренней группы и внешней группы. Мы не считаем, что евреи и негры — все как один ангелы, в то время как не евреи и белые — все как один дьяволы. Это не означает, что личные добродетели мы будем искать только среди групп, «неправильных» с расово-этической точки зрения, а личные пороки — у «правильной» стороны. Вполне понятно, что есть много испорченных и порочных мужчин и женщин среди евреев и негров, как и среди не евреев и белых. Мы утверждаем только то, что существуют отвратительные барьеры, отделяющие внутренние группы от людей, составляющих внешние группы, и изолирующие последних от достойных норм человеческого общения.

Социальные функции и дисфункции

Мы должны лишь проследить последствия этой странной моральной алхимии, чтобы увидеть, что в целом нет ничего парадоксального в осуждении внешних групп, и когда они проявляют добродетели внутренней группы, и когда они их не проявляют. Осуждение на обоих основаниях представляет собой одну и ту же социальную функцию. Эти кажущиеся противоположности едины. Когда негров преследуют как безнадежно неполноценных (поскольку, очевидно, они

не проявляют такие добродетели), это служит подтверждением естественного права приписать им нижний статус в обществе. А когда евреи или японцы преследуются из-за обладания слишком многими достоинствами внутренней группы, становится ясно, что они должны надежно удерживаться за высокой стеной дискриминации. В обоих случаях специфический статус, приписываемый отдельным внешним группам, выглядит как вполне обоснованный.

Однако это якобы разумное определение статуса группы получает развитие в очень неразумных последствиях, как логических, так и социальных. Рассмотрим только некоторые из них.

В некоторых ситуациях внешним группам навязываются определенные ограничения — например, ограничение числа евреев, допущенных в колледж и профессиональные школы. Логично предположить, что существует опасение перед мнимым превосходством внешней группы. Если бы это было не так, дискриминация была бы не нужна. Непреклонные, объективные силы академических конкурсов с готовностью уравнивают число студентов (евреев, японцев или негров) до «соответствующего» размера.

Это предполагаемое убеждение в превосходстве внешней группы выглядит опережающим. Нет каких-либо убедительных научных доказательств для подтверждения превосходства евреев, японцев или негров. Наука осуждает и обрекает на провал усилия дискриминаторов из внутренней группы заменить миф об арийском превосходстве на миф о неарийском превосходстве. Мифы такого рода вообще лишены здравого смысла. В конце концов, жизнь в мифологическом мире должна уступить место реальному миру. Следовательно, внутренняя группа поступит мудро, если просто в собственных интересах и ради социальной терапии отвергнет миф и останется верной реальности.

Образец «осуждения за сделанное и осуждения за несделанное» имеет и другие последствия — у внешних групп. Реакция на приписываемую неполноценность так же ясна, как и предсказуема. Если человеку постоянно говорить, что он худший, что ему не хватает каких-либо положительных качеств, то человеку вполне свойственно стремиться к опровержению каждого из этих утверждений. Определения, данные внутренней группой, вынуждают «худшие» с их точки зрения внешние группы стремиться к защите, преувеличивать и восхвалять «достоинства расы». Как отмечал известный негритянский социолог Франклин Фрейзер, «негритянские газеты демонстрируют огромную гордость достижениями негров, большинство из которых¹⁸ с слишком велики в соответствии с общими стандартами». Самопрославление встречается в определенной степени среди всех групп¹⁹ и становится частой реакцией на постоянное унижение извне.

Но к поистине эксцентричному поведению приводит осуждение внешних групп за действительно выдающиеся достижения. Ибо эти внешние группы за определенное время убедились, что в целях самозащиты лучше признать свои добродетели за пороки. Таким образом, в трагикомедии перевернутых ценностей начинается финальная сцена.

Попробуем найти путь в этом запутанном лабиринте самопротиворечий. Почтительное восхищение с большим трудом сделанной карьерой от курьера в офисе до президента глубоко укоренилась в американской культуре. Эта долгая и требующая больших усилий карьера показательна в двух отношениях: она подтверждает, что карьеры такого рода широко доступны для истинных талантов в американском обществе, а также свидетельствует о достоинстве человека, который отличился своим героическим возвышением. Трудно остановить свой выбор на одной из многих сильных личностей, которые проложили себе дорогу вопреки всему и достигли своей вершины: сели во главе стола президиума в министерстве. Возьмем наугад в качестве прототипа историю Фредерика Эккера, председателя правления одной из самых больших частных корпораций в мире — Компании по страхованию жизни. Он прошел путь от черной и малооплачиваемой работы до высокого положения в обществе. Соответственно, непрерывающийся поток почестей направлен на этого человека за его огромную энергию и огромные достижения. Так случилось (хотя это личное дело знаменитого финансиста), что мистер Эккер — пресвитерианин. Даже в последних выступлениях ни один из церковных деятелей не был в состоянии публично заявить, что успешную карьеру мистера Эккера не следует воспринимать слишком прямолинейно, что относительно мало пресвитериан поднялось из нищеты к богатству, что пресвитериане на самом деле не «контролируют» мир финансов, страхование жизни или инвестиции жилищного строительства. Напротив (это мы могли предвидеть), пресвитерианские церковные деятели наравне с другими американцами прониклись духом стандартных для среднего класса представлений об успехе: они поздравляют необычайно удачливого мистера Эккера и приветствуют других сынов веры, которые поднялись на такие же вершины. Укрепляя статус своей внутренней группы, они указывают на гордость личным успехом, а не на тревоги, с ним связанные.

Достижения внешних групп под влиянием привычки к моральной алхимии вызывают иную реакцию. Очевидно, если достижения — это порок, то эти достижения не следует признавать или по крайней мере необходимо обесценить. При таких условиях то, что является поводом для гордости пресвитериан, должно стать поводом для беспокой-

ства евреев. Если евреев осуждают за их образовательный, профессиональный, научный или экономический успех, следовательно, вполне понятно, что многие евреи почувствуют, что ради простой самозащиты стоит преуменьшить эти достижения. Таким образом, внешние группы замыкают круг парадоксов. Внутренняя группа навязала им свою убежденность в том, что они не «виноваты» в неординарных вкладах в науку, искусство, управление и экономику.

В обществе, которое, как правило, рассматривает богатство в качестве подтверждения способностей, внешние группы (из-за инвертированного отношения внутренней группы) вынуждены отрицать, что среди их членов много богатых людей. «Среди 200 крупнейших небанковских корпораций... только в десяти президент или глава управления — еврей». Вы полагаете, что это антисемитское наблюдение, направленное на доказательство несостоятельности и неполноценности евреев, сделавших так мало ради «создания корпораций, которые создают Америку»? Нет, это возражение Лиги антидиффамации на антисемитскую пропаганду.

Как показали последние обследования Национального центра общественного мнения, профессия врача более престижна в обществе, чем любые другие девятно профессии (за исключением Верховного судьи Соединенных Штатов). Но некоторые еврейские представители в нашем обществе (поставленные в невероятное положение нападающей внутренней группой) выражают свою «глубокую обеспокоенность» большим числом евреев в медицинской практике, которое не пропорционально количеству евреев в других профессиях. Нация страдает из-за пресловутого временного замещения врачей. Доктор-еврей становится печальным поводом для глубокого беспокойства, вместо того чтобы получить одобрение за свои с трудом приобретенные ради общественной пользы знания и навыки. Такое самопорицание покажется частью нормального порядка вещей только тогда, когда нью-йоркские янки публично объявят о глубокой обеспокоенности своими многочисленными званиями чемпионов на ежегодных чемпионатах по бейсболу, столь непропорциональных количеству побед, достигнутых другими командами большой лиги.

В нашей культуре постоянно утверждается, что специалисты более ценны для общества, чем самые умелые из «дровосеков и водоносов». А внешние группы находятся в парадоксальном положении, указывая ради собственной защиты на большое число евреев — маляров, обойщиков, штукатуров, электромонтеров, водопроводчиков и жестянщиков.

Но нам еще следует отметить окончательный переворот в ценностях. Каждая новая перепись регистрирует все больше и больше аме-

Government	Percentage
Current government	85%
Previous government	15%

$$-,\dots,\Gamma-$$

•Очевидно, что здесь необходимо упоминать имя, »»^{TM}*JXZITeZ*^Z математика, можно спутать с Юджином Минковским, ^^^, ^из анатом» ^лов-изучения шизофрении, или с Мичиславом Минковским, ^Λ^{Tn}мический дивного мозга, или даже с Оскаром Минковским, исследовавшим панкреатический бет. — *Примеч. автора.*

демонстрировать, что его народ внес свой достойный вклад в мировую культуру? Нет, мы знаем более точный ответ. Полные списки мы найдем в тридцать шестом издании антисемитской книги расиста фритша. Он представляет эти списки (в соответствии с алхимической формулой преобразования внутригрупповых добродетелей в пороки внешних групп) как реестр злых духов, которые узурпировали достижения, по праву принадлежащие арийской внутренней группе.

Поскольку мы осознали доминирующую роль внутренней группы в определении ситуации, то исчезает парадоксальность различного на первый взгляд поведения негритянских внешних групп и еврейских внешних групп. Поведение обеих внешних групп является реакцией на обвинения, выдвигаемые группой большинства.

Если негров обвиняют в неполноценности и в поддержку данного обвинения ссылаются на мнимое отсутствие их вклада в мировую культуру, то человеческое стремление к самоуважению и заинтересованность в безопасности часто заставляют их *в целях защиты* преувеличивать все до единого достижения представителей расы. Если евреев обвиняют в исключительных достижениях и исключительных амбициях и составляют список выдающихся евреев в поддержку этого обвинения, то стремление к безопасности заставляет их *в целях защиты* преуменьшать реальные достижения представителей группы. Эти внешне противоположные типы поведения имеют одни и те же психологические и социальные функции. Самообвинение и самоуничижение стали механизмами, направленными на то, чтобы справиться с обвинениями в мнимой групповой неполноценности или в мнимых групповых крайностях. А ничем не обеспокоенная внутренняя группа смотрит на это поведение с искренним чувством морального превосходства, смешанным с насмешкой и презрением.

Закон и институциональные изменения

Будет ли эта безнадежная трагикомедия продолжаться и продолжаться, озаменованная только небольшими изменениями в составе исполнителей? Нет, это не единственная возможность.

Будут ли моральные муки и чувство порядочности единственным основанием для окончания этой пьесы или на самом деле мы ожидаем ее продолжение в течение долгого времени? Сами по себе моральные чувства не намного более эффективны в лечении социальных "слезней", чем при лечении физических болезней. Без сомнения, моральные чувства способствуют мотивации действий, направленных

на изменения. Но они не заменяют практические средства для достижения цели, о чем свидетельствует множество похороненных нелепых утопий.

Существует много признаков, которые указывают на возможность продуманного и запланированного прекращения самоосуществления пророчества и порочного круга в обществе. Продолжение нашей социологической притчи о Новом национальном банке даст один ключ к возможности такого развития событий. Во времена легендарных 20-х, несмотря на то что Кулидж, несомненно, был причиной республиканской эпохи процветания, в среднем 635 банков в год спокойно прекращали свои операции. А в течение четырех лет, непосредственно до и после кризиса, Гувер, несомненно, не был причиной республиканской эпохи застоя и депрессии, число банкротств резко подскочило до потрясающего 2276 ежегодно. Но достаточно интересно, что банковские крахи сократились до 28 в год в среднем в течение двенадцати лет, последовавших после учреждения Федеральной депозитной страховой корпорации и принятия других банковских законодательств (это произошло в то время, когда Рузвельт как президент-демократ стал осуществлять контроль над депрессией, оживлением, спадом и подъемом). Может быть, нельзя откеститься от финансовой паники с помощью институционального законодательства. Тем не менее у миллионов вкладчиков больше нет оснований для массового изъятия вкладов, спровоцированного паникой, просто потому, что основания для паники устранены продуманными институциональными нововведениями. А причины для расовой ненависти не являются в большей степени врожденными психологическими качествами, чем причины для паники. Слепая паника и расовая агрессия не имеют корней в человеческой натуре, несмотря на учения поверхностных психологов. Этот образец человеческого поведения является главным образом продуктом социальной структуры, которая поддается изменению.

За другим ключом вернемся к нашему рассказу о широко распространенной ненависти белых профсоюзных деятелей к неграм-штрейк-брехерам, которых наниматели привлекали в промышленность после окончания Первой мировой войны. Когда по большей части было отброшено определение негров как не заслуживших членства в профсоюзе, то негры, обладая широким выбором работы, больше не считали необходимым входить в индустрию через двери, открытые нанимателями ради противодействия забастовке. И опять соответствующие институциональные изменения разрывают трагический круг самоосуществления пророчества. Продуманные социальные изменения показывают ложность устоявшегося обвинения, согласно которому

«не в натуре негра» объединяться в профсоюзы для совместной работы со своими белыми товарищами.

А последний пример мы взяли из изучения новых районов, в которых живут представители обеих рас. Община Хилтаун в Питсбурге состоит из 50% негритянских семей и из 50% белых семей. И это не утопия двадцатого века. Как и везде, здесь существуют межличностные разногласия. Но в сообществе, состоящем из равного числа представителей двух рас, реже, чем каждый пятый белый, и реже, чем каждый пятый негр, сообщают, что разногласия возникают между представителями *разных рас*. По их собственному свидетельству, разногласия как раз возникают *внутри* собственных расовых групп. Прежде только один из каждых двадцати пяти белых *ожидал*, что отношения между расами в этом сообществе сложатся легко, в то время как в пять раз больше ожидали серьезных неприятностей, а остальные ожидали терпимую, если не полностью хорошую ситуацию. Но это были просто ожидания. Пересмотрев свой реальный опыт, трое из каждых четырех наиболее опасавшихся белых впоследствии решили, что «расы уживаются довольно хорошо». У нас не хватает места, чтобы привести подробно все данные этого исследования, но в основном они вновь и вновь демонстрируют, что при *соответствующих институциональных и административных условиях* опыт межрасового согласия может вытеснить страх межрасового конфликта.

Эти изменения и другие такого же рода не происходят автоматически. *Пророчество воплощается в реальность из-за страха, оно осуществляется только при отсутствии продуманного институционального контроля.* Трагический круг страха, социальных бедствий и нового усиления страха можно разорвать, только отвергнув социальный фатализм, который заложен в понятии неизменной человеческой природы.

Этнические предрассудки на самом деле отмирают, хотя и медленно. Можно содействовать их изгнанию и забвению, не столько настаивая на том, что неразумно и недостойно сохранять их, но лишив их той поддержки, которую оказывают им в настоящее время определенные институты нашего общества.

Если мы испытываем сомнения в способности людей контролировать себя и свое общество, если мы уверены в нашей склонности искать в образцах прошлого схемы для будущего, то, возможно, пришло время обратиться к старинной мудрости Токвиля, который заметил: «Я склонен считать, что мы называем необходимыми институтами те институты, к которым просто привыкли. И в делах социального устройства сферы возможностей гораздо обширнее, чем представляют себе люди, живущие в различных сообществах».

Не стоит рассматривать как основание для пессимизма широко распространенные, даже типичные неудачи в планировании человеческих отношений между этническими группами. Во всемирной лаборатории социолога, как и в более обособленной лаборатории физика и химика, все решает один успешный эксперимент, а не тысяча и одна неудача, которые предшествовали ему. Единичный успех доказывает, что он может быть достигнут. Поэтому необходимо лишь изучить, что именно привело к успеху. По крайней мере, как я полагаю, в этом социологический смысл вполне ясных слов Томаса Л. Пикока: «Все, что существует, — возможно».

Часть III

Социология познания и массовых коммуникаций

Введение

Часть III состоит из трех глав, две из которых представляют собой критический обзор некоторых общих и частных проблем социологии познания, а третья, написанная в соавторстве с Полом Лазарсфельдом, обобщает результаты ряда исследований в области социологии общественного мнения и массовых коммуникаций. Сопоставление этих двух областей ни в коем случае не является случайностью. Ибо, несмотря на то что они развивались довольно независимо друг от друга, назначение настоящего введения состоит именно в том, чтобы выдвинуть следующую гипотезу: эффективному развитию каждой из этих областей могла бы помочь консолидация некоторых теоретических концепций, методов исследования и эмпирических открытий, которыми располагают они обе. Чтобы увидеть глубокое сходство между двумя этими областями, читатель должен только сравнить общие итоги социологии познания, изложенные в главе XIV настоящего издания, и общее резюме исследований в области массовых коммуникаций, сделанное Лазарсфельдом на симпозиуме «Современные тенденции развития социальной психологии» (материалы симпозиума вышли под редакцией Уэйна Денниса).

Действительно, обе области можно рассматривать как два вида, принадлежащих к общему роду — тому роду исследований, который интересуется взаимосвязями социальной структуры и массовых коммуникаций. Первое из этих направлений возникло и усиленно разрабатывалось в Европе, а другое до сих пор гораздо более распространено в Америке. Следовательно, если бы ярлыки не воспринимались буквально, социологию познания можно было бы отнести к «европейскому виду», а социологию массовых коммуникаций — к «американскому виду». (То, что эти ярлыки нельзя применять слишком строго, совершенно очевидно: помимо всего прочего, Чарльз Берд уже давно является представителем чисто американской разновидности социологии познания, тогда как Пол Лазарсфельд, например, проводил

некоторые из своих самых ранних исследований в области массовых коммуникаций в Вене.) Несмотря на то что обе эти разновидности социологии нацелены на изучение взаимосвязи между идеями и социальной структурой, каждая из них имеет свой собственный круг интересов.

Эти области представляют собой поучительные примеры двух принципиально различных центров развития социологической теории, описанных в предыдущих разделах настоящего издания (особенно в главах I и IV). В социологии познания работают главным образом теоретики глобального склада, для которых масштабность и значение проблемы оправдывают их увлеченность и интерес к ней, иногда несмотря на отсутствие в настоящее время возможности реально прорваться за пределы наивных умозрительных спекуляций и поверхностных умозаключений. В общем, представители социологии познания относятся к числу тех, кто высоко поднимает знамя со следующим девизом: «Мы не знаем, истинно ли то, что мы говорим, но по крайней мере это имеет значение».

Социологи и психологи, занятые изучением общественного мнения и массовых коммуникаций, чаще всего принадлежат к противоположному лагерю — лагерю эмпириков, и на их знамени начертан другой прославленный девиз: «Мы не знаем, имеет ли то, что мы говорим, какое-то особенное значение, но по крайней мере это истинно». Здесь ударение делается на систематизации данных, относящихся к предмету исследования, — данных, которые имеют статус доказательств, хотя и не являются абсолютно бесспорными. До сих пор, однако, почти никто не пытался соотнести эти данные с теоретическими проблемами, и большое количество практической информации ошибочно принималось за совокупность научных наблюдений.

Возможно, некоторый интерес (не только служебный, связанный с введением в часть III, но и самостоятельный) имело бы сравнение европейского и американского вариантов социологического изучения массовых коммуникации. Благодаря такому сравнению создается впечатление, что эти разные стратегии связаны с социальными структурами, образующими среду, в которой они развиваются; правда, на данном этапе можно только предположить, что, возможно, существуют некоторые связи между социальной структурой и социологической теорией, и это предположение служит всего лишь прелюдией к действительному исследованию данного вопроса. Такое сравнение имеет и более отдаленную цель: оправдать консолидацию этих взаимосвязанных областей социологического исследования, добыть-

ся их удачной комбинации, которая обладала бы научными достоинствами обоих направлений и не имела бы их чрезмерной ограниченности.

Социология познания и исследование массовых коммуникаций: сравнительный анализ

Различные направления этих взаимосвязанных, взаимодополняющих, отчасти перекрывающих друг друга областей исследования носят составной характер и имеют ряд взаимосвязанных аспектов — свой специфический предмет исследования и специфическое определение проблем, свое понимание данных, свои процедуры исследования и социальную организацию своей исследовательской деятельности.

Предмет исследования и определение проблем

Европейская разновидность призвана выявлять социальные корни познания, исследовать, каким образом на познание и мышление влияет составляющая их среду социальная структура. Здесь основной предмет интереса — формирование обществом интеллектуальных перспектив. В этой дисциплине познание и мышление интерпретируются так широко, что в итоге они включают в себя почти все идеи и мнения, о чем я пишу в последующих главах. Тем не менее сердцевину этой дисциплины образует социологический интерес к социальному контексту такого познания, которое подтверждено более или менее систематическими доказательствами. Иными словами, социология познания больше всего интересуется интеллектуальной продукцией профессионалов, независимо от того, идет ли речь о науке или философии, об экономической или политической мысли.

Американскую разновидность интересует главным образом общественное мнение, хотя она также проявляет некоторый интерес к современному состоянию познания (или уровню информированности, как его чаще всего понимают). Она концентрирует внимание *именно*, а не *незнании*. Конечно, их различия не столь велики, как различие между черным и белым. Не будучи произвольной, граница между ними тем не менее не является такой же резкой и определенной, как граница между странами. Мнение незаметно переходит в знание, которое есть не что иное, как часть мнения, социально подтвержденная

особыми доказательствами. Точно так же, как мнение может перерасти в знание, так и кажущееся очевидным знание может просто выродиться во мнение. Но все же, за исключением пограничных ситуаций, различие между ними сохраняется; оно проявляется в различной ориентации европейской и американской разновидностей социологии массовых коммуникаций.

Если американский вариант прежде всего интересуется общественным мнением, массовыми мнениями, тем, что стали называть «поп-культурой», то европейский вариант сосредоточивается на более эзотерических доктринах, на тех сложных познавательных системах, которые при своем последовательном переходе в поп-культуру трансформируются и часто разрушаются.

Эти различия в общей ориентации сопровождаются другими различиями: европейский вариант, для которого предметом интереса служит познание, в конечном итоге имеет дело с интеллектуальной элитой; американский вариант, изучающий широко распространенные мнения, имеет дело с массами. Один концентрирует внимание на эзотерических доктринах немногих, другой — на экзотерических доктринах многих. Это расхождение интересов, как мы убедимся в дальнейшем, оказывает непосредственное воздействие на все исследовательские процедуры, на каждую их фазу; совершенно очевидно, например, что опрос, имеющий целью получение информации от ученого или писателя, будет отличаться от опроса, предназначенного для того или иного среза всего населения в целом.

Ориентации двух вышеназванных вариантов демонстрируют далее характерные для каждой из них корреляции тонких деталей. Европейская разновидность ссылается на когнитивный аспект, на *познание*; американская — на *информацию*. Знание подразумевает *комплекс* фактов и идей, тогда как информация не имеет подобного смысла и не употребляется для обозначения *систематически связанных* фактов или идей. Соответственно, американский вариант изучает *отдельные фрагменты информации*, доступные массам; европейский вариант обычно *размышляет о структуре знания в целом*, что доступно немногим. Американский вариант делает упор на *совокупности* отдельных «лакомых кусочков» информации; европейский — на *системах* доктрин. Для европейского варианта важнее всего проанализировать систему общих принципов во всей их сложной взаимосвязи, постоянно имея в виду концептуальное единство абстрактного и конкретного, а также категоризацию (морфологическую или аналитическую). Для американского варианта важно обнаружить (например, благодаря применению метода факторного анализа) эмпирически сложившиеся кластеры идей (или установок). Один подчеркивает логи-

ческие связи, другой — эмпирические. Европейский вариант интересуется политическими ярлыками только в том случае, если они приведут его к системам политических идей, которые он затем детально анализирует во всей их сложности, стремясь продемонстрировать их (предполагаемую) связь с той или иной социальной стратой. Американский вариант интересуется только отдельными политическими убеждениями и только в том случае, если они дают исследователю возможность классифицировать («кодифицировать») людей в зависимости от общей политической этикетки или категории, которая, как затем можно установить (а не предположить), широко распространена в том или ином социальном слое. Если европейский вариант анализирует идеологию политических движений, то американский исследует мнения тех, кто принимает (или не принимает) участие в голосовании.

Можно и дальше выявлять и иллюстрировать эти разные точки приложения сил, но, пожалуй, сказанного достаточно, чтобы показать, что, имея общий предмет в широком смысле слова, европейская социология познания и американская социология массовых коммуникаций отбирают из него разные проблемы и дают им разные интерпретации. И постепенно, само собой, складывается впечатление, которое можно прямолинейно и упрощенно выразить следующим образом: в американском варианте исследователь знает, о чем говорит; знает он и о том, что знает мало. В европейском варианте исследователь не знает, о чем он говорит; не знает он и том, что доля незнания очень велика.

Оценки данных и фактов

В европейском и американском вариантах исследователи по-разному представляют себе, из чего состоят сырые, необработанные эмпирические данные; что необходимо для того, чтобы эти данные превратились в установленные, общепринятые факты; каково место этих фактов, скомпонованных самым различным образом, в развитии социологии. В целом европейский вариант гостеприимно и даже сердечно принимает кандидатов на статус эмпирических данных. Впечатление, вынесенное из некоторых документов, особенно если эти документы относятся к достаточно отдаленному времени или месту, будет принято в качестве факта, относящегося к широко распространенным течениям мысли или общепринятым доктринам. Если интеллектуальный статус автора достаточно высок и сфера его компетенции достаточно широка, то его впечатления (иногда случайные) о преобладаю-

щих мнениях обычно будут восприниматься как эмпирические данные. Когда подбираешь примеры, иллюстрирующие эту мысль, приходишь в замешательство от их обилия.

Например, Маннгейм часто дает обобщенную характеристику умонастроения «низших классов в постсредневековом периоде», утверждая, что «только постепенно, шаг за шагом, они приходят к осознанию своего социально-политического значения». Он может также считать не только важной, но и истинной следующую мысль: «Все прогрессивные группы полагают, что идея предшествует действию»; при этом он думает, что данная мысль полностью является результатом наблюдения, а не определения. Или, например, он может выдвинуть поучительную гипотезу, подобную нижеследующей и состоящую из нескольких фактуальных допущений: «...чем активнее господствующая партия сотрудничает с другими в рамках парламентской коалиции, чем больше она утрачивает свои первоначальные утопические импульсы и связанные с ними широкие перспективы, тем в большей мере ее энергия, направленная на преобразование общества, вероятно, превратится в интерес к отдельным конкретным деталям. Параллельно с изменениями, которые можно наблюдать в сфере политики, происходят изменения в научных воззрениях, которые становятся конформистскими по отношению к требованиям политики; иными словами, то, что когда-то было просто формальной схемой и абстрактным общим воззрением, превращается в исследование специфических частных проблем». Даже если такое утверждение — гипотетическое и почти аподиктическое — является истинным, то все же оно проливает свет главным образом на то, что испытывает и, пожалуй, случайно замечает интеллигент, живущий в политическом обществе; это служит для него искушением и побуждает рассматривать подобное суждение как факт, а не как гипотезу. Более того, создается впечатление (как это часто бывает в европейской разновидности), будто данное утверждение улавливает такое множество эмпирических деталей, что читатель лишь изредка продолжает думать о том, что необходимы широкие эмпирические исследования, прежде чем это утверждение можно будет считать чем-то большим, чем интересная гипотеза. Оно быстро обретает незаслуженный им статус фактуального (эмпирического) обобщения.

Следует отметить, что высказывания, подобные тем, которые мы извлекли из социологии познания, обычно относятся к историческому прошлому и, по-видимому, обобщают типичное или модальное поведение большого количества людей (целых социальных слоев или групп). В каком-либо строгом эмпирическом смысле данные, подтверждающие такие широкие обобщающие утверждения, разумеет-

ся, в систематической форме не собирались по той уважительной и достаточной причине, что их негде было обнаружить. Мнения тысяч рядовых людей в далеком прошлом можно только угадать или воссоздать в воображении; они действительно затерялись в истории, если только не признать удобную выдумку, позволяющую сегодня считать доказанными социальными *фактами впечатления* по поводу массового или коллективного мнения, сложившиеся у нескольких современных исследователей.

В противоположность всему этому американский вариант делает упор прежде всего на том, чтобы установить факты, относящиеся к исследуемой ситуации. Прежде чем пытаться определить, *почему* именно те, а не иные направления мышления больше склонны к «исследованию отдельных специфических проблем», сначала следует попытаться узнать, так ли это. Разумеется, эта направленность, как и направленность европейского варианта, имеет свои недостатки. Очень часто чрезмерный интерес к эмпирической проверке приводит к преждевременному отказу от выдвижения непроверенных гипотез: постоянно работая только с эмпирическим материалом, невозможно что-либо разглядеть за пределами своей непосредственной задачи.

Европейский вариант с его большими целями склонен пренебрежительно относиться к установлению тех самых фактов, которые он намерен объяснить. Оставляя без внимания трудную и зачастую трудоемкую задачу — определение того, какие факты относятся к изучаемому им вопросу — и сразу же переходя к объяснению предполагаемых фактов, представитель социологии познания может преуспеть только в том, чтобы поставить телегу впереди лошади. Как знает каждый, если эта процедура вообще способствует движению, то только движению вспять: пожалуй, это так же справедливо в сфере познания, как и в области транспорта. Но еще хуже, если случайно лошадь совсем исчезнет и теоретическая телега останется неподвижной до тех пор, пока в нее не впрягут новые факты. В таком случае спасение состоит в том, что, как это не раз бывало в истории науки, объяснительная идея оказывается плодотворной даже в тех случаях, когда факты, которые она первоначально была призвана объяснить, как оказывалось позже, вообще не были фактами. Но вряд ли стоит рассчитывать на эти плодотворные ошибки.

Американский вариант с его узким углом зрения настолько сосредоточен на том, чтобы установить факты, что лишь случайно привлекает во внимание теоретическую уместность однажды установленных фактов. Здесь проблема состоит не в том, что телега и лошадь поменялись местами; скорее проблема заключается в том, что слишком часто теоретической телеги вообще нет. Лошадь действительно

может продвигаться вперед, но так как она не тянет за собой телегу, то ее быстрое продвижение совершенно бесполезно, если только не появится какой-нибудь запоздалый европеец, чтобы прицепить к ней свою повозку. Однако, как мы знаем, теории *ex post facto** довольно-таки подозрительны.

Это различие ориентации по отношению к фактам и данным проявляется также в выборе предмета исследования и в определении проблем. Американский вариант с его подчеркнутым интересом к эмпирическому подтверждению уделяет мало внимания историческому прошлому, так как адекватность данных, относящихся к общественному мнению и групповым мнениям прошлого, становится подозрительной, если судить о них по критериям, применяющимся к сопоставимым данным, характеризующим групповые мнения в настоящее время. Этим можно отчасти объяснить американскую тенденцию иметь дело главным образом с краткосрочными проблемами — реакцией на пропагандистские материалы, экспериментальным сравнением эффективности пропаганды в различных средствах массовой информации и т.д. Фактическое пренебрежение историческим материалом возникает не из-за отсутствия интереса или из-за непонимания важности долгосрочных следствий, но исключительно из-за убежденности в том, что исторические исследования требуют данных, которые невозможно получить.

Европейская группа с ее более гостеприимным отношением к импрессионистским массовым данным может позволить себе интересоваться такими долгосрочными проблемами, как динамика политических идеологий, связанная с *системами* классовой стратификации (а не просто с перемещением индивида из одного класса в другой в пределах данной системы). Исторические данные европейских исследователей обычно базируются на допущениях, эмпирически исследованных американцами применительно к настоящему времени. Таким образом, Макс Вебер (или любой из многочисленного племени его эпигонов) может писать о пуританизме, получившем широкое распространение в семнадцатом веке, обосновывая свои фактуальные заключения с помощью литературы, созданной теми немногими, кто описал свои мнения и свои впечатления от мнений других людей в книгах, которые мы читаем теперь. Но, разумеется, при этом остается незатронутым и, более того, в принципе незатрагиваемым вопрос, имеющий самостоятельное значение: в какой степени мнения, описанные в книгах, выражают мнения гораздо большего числа людей, которые, поскольку ход истории нельзя остановить, образуют абсолютно молча-

* Сразу после факта, т.е. после того, как событие свершилось; *постфактум* (лат). — Примеч. пер.

ливое большинство (не говоря уже о различных страхах этого большинства). Эта связь между тем, что обнаруживается в публикациях, и действительными мнениями (или установками) населения, которая в европейском варианте считается сама собой разумеющейся, в американском варианте становится проблемой, подлежащей исследованию. Когда в газетах, или журналах, или книгах высказывается мнение, что они выражают перемены, происходящие в системе мнений или в общем мировоззрении, и эти изменения условно принимаются за отражение изменений, происходящих в мнениях и взглядах ассоциированного населения (класса, группы или региона), то представители американского варианта (даже не самые радикальные эмпирики) продолжают указывать на то, что было бы очень важно «открыть несколькими независимыми способами установки всего населения в целом. В данном случае верификация могла бы быть произведена только с помощью опросов одного и того же среза населения в два разных периода, чтобы убедиться в том, действительно ли изменение ценностей, о котором можно судить по изменению концентрации соответствующих материалов в журнале (или каком-либо ином средстве массовой информации), отражает изменение ценностей у их носителей среди населения»*. Но так как методики для опросов различных срезов народонаселения в далеком прошлом еще не созданы и, таким образом, нам остается только проверять впечатления, полученные из разрозненных исторических документов, то американские представители социологии массовых коммуникаций стремятся ограничиться историческим настоящим. Возможно, систематизируя сырые материалы, характеризующие общественное мнение, верования и познание сегодня, они помогают заложить основы будущей социологии познания, представители которой будут завтра эмпирически исследовать долгосрочные тенденции развития общественного мнения, верований и познания.

Если европейский вариант предпочитает исследовать долгосрочные процессы с помощью исторических данных, причем некоторые из этих данных, относящиеся к групповым и массовым мнениям, могут быть оспорены, а выводы тем самым опровергнуты, то американский вариант предпочитает тщательно изучать краткосрочные ситуации, используя при этом данные, которые полностью соответствуют требованиям решения научной проблемы, и ограничиваясь непосредственными реакциями индивидов на конкретную ситуацию, ^вБфванную из длительных временных интервалов истории. Однако, эмпирически исследуя более ограниченную проблему, он, разумеется, может быть отрезан от тех самых проблем, которые представляют

наибольший интерес. Европейец высоко поднимает знамя с девизом, который провозглашает необходимость изучения именно тех проблем, которые его больше всего интересуют, даже если они носят чисто спекулятивный характер; американец высоко поднимает стяг с девизом, утверждающим адекватность эмпирических исследований во что бы то ни стало, даже ценой отказа от проблемы, которая вызвала к жизни данное исследование.

Эмпирическая строгость американской концепции приводит ее к закономерному самоотрицанию, когда значительные долгосрочные изменения идей, связанные с изменениями социальной структуры, очень часто не считаются подходящим объектом для исследования; спекулятивные наклонности европейской концепции приводят к самооправданию всех ее прегрешений и позволяют принимать за факты свои впечатления о массовых процессах, так что немногие нарушают неписаное правило — избегать «трудных» вопросов о том, какие доказательства в конечном итоге подтверждают эти мнимые факты, относящиеся к массовому поведению или вере.

Именно поэтому европейский вариант говорит о серьезных вопросах, но без достаточных эмпирических доказательств, тогда как американский вариант говорит о возможно более тривиальных вопросах, но соблюдает при этом эмпирическую строгость. Европейский вариант пользуется воображением, американский — анализирует и исследует; американский вариант исследует краткосрочные проблемы, европейский умозрительно рассматривает долгосрочные.

Сначала, повторяю, следует рассмотреть, по каким вопросам строгость одной из этих концепций и широта другой неизбежно приходят в противоречие друг с другом, а потом разработать средства, позволяющие их совместить.

Исследовательские методики и процедуры

Оба варианта проявляют характерные отличия в своем отношении к исследовательским методикам по сбору данных и их последующему анализу.

Для представителя европейской социологии познания сам этот термин — «исследовательская методика» — звучит отчужденно и недружелюбно. Считалось интеллектуально унижительным четко выделять прозаические детали того, *каким образом* проводился анализ в социологии познания. Европейский социолог испытывает такое чувство, как будто прослеживать свои корни в истории, дискурсивной философии и гуманитарных науках — значит выставить напоказ все

вспомогательные конструкции, делающие возможным его анализ, и, что еще хуже, проявлять чрезмерную заботу именно об этих вспомогательных конструкциях, тогда как ее следовало бы уделить только конечной структуре. В этой традиции роль исследовательской методики не заслуживает ни высокой оценки, ни осмысления. Разумеется, существуют установленные и тщательно разработанные методики для проверки подлинности исторических документов, определения их вероятной даты и т.п. Но методики для *анализа* данных, а не для установления подлинности документов не привлекают почти никакого внимания.

Совсем по-другому обстоит дело с американским исследователем массовых коммуникаций. На протяжении последних десятилетий, когда предпринимались систематические исследования в этой области, был продемонстрирован широкий круг методик. Бесчисленное множество самых разнообразных методик интервьюирования (интервьюирование групповое и индивидуальное, не содержащее определенных установок и структурированное, поисковое, ведущее поиск во многих направлениях и сфокусированное на чем-либо одном, единичное, профилированное и повторяющееся социально-групповое); опросники; тесты по определению мнений и установок; шкалы установок (шкалы Терстона, Гутмана и Лазарсфельда); контролируемый эксперимент и контролируемое наблюдение; контент-анализ во всех его разновидностях (знаково-символический, предметно-пунктуальный, тематический, структурный и оперативный); программный анализатор Лазарсфельда — Стентона — вот лишь немногие примеры разнообразных процедур, созданных для исследования массовых коммуникаций¹. Само изобилие американских методик по контрасту только подчеркивает скудость европейского списка методик. Этот контраст наверняка поможет обнаружить другие грани различия между двумя ориентациями социологического исследования коммуникаций. Критерием, по которому можно судить о более общей методологической ориентации европейского и американского вариантов, является их отношение к проблеме *надежности* наблюдений. Для европей-

¹ См., например, методики, представленные в следующих публикациях. Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета: Lazarsfeld P.E. and Stanton F (editors). *Radio Research*, 1941 (New York: Duell, Sloan and Pierce, 1941); *Radio Research*, 1942—1943 (New York: Duell, Sloan and Pierce, 1944); *Communications Research*, 1948—1949 (New York: Harper and Brothers, 1949); а также текущий том, излагающий исследования Исследовательского подразделения армейского отдела информации и образования: Hovland C.I., Lumsdaine A.A., Sheffield F.D., *Experiments on Mass "Communication"* (Princeton University Press, 1949); и том, содержащий проект исследования военных коммуникаций: Lasswell H.D., Leites N. and Associates, *Language of Politics* (New York: George W. Stewart, 1949). — *Примеч. автора.*

ского исследователя *проблемы* надежности (под которой понимается согласованность независимых наблюдений одного и того же материала) не существует. В общем, каждый, кто изучает социологию познания, по-своему пользуется своими способностями, чтобы установить содержание и смысл своих документов. Предположение о том, что документ, который он уже проанализировал, должен быть независимо от него проанализирован другими, чтобы установить степень надежности, то есть степень согласия между несколькими наблюдателями одного и того же материала, будет рассматриваться как оскорбление, нанесенное честности или достоинству исследователя. Оскорбление станет только менее вызывающим, если исследователь далее заявит, что большие расхождения между подобными независимыми анализами должны вызвать сомнение в адекватности того или иного из них. Само понятие надежной категоризации (то есть того, в какой мере совпадают две независимые категоризации одного и того же эмпирического материала) очень редко получало свое выражение в исследовательских целях представителя социологии познания.

Это систематическое пренебрежение проблемой надежности, возможно, было унаследовано представителем социологии познания от историков, входящих в число его интеллектуальных предшественников. Ибо в работах историков разнообразие интерпретаций обычно считается не проблемой, которую нужно разрешить, а роком. Оно признается (если признается вообще) с покорностью судьбе, смешанной с некоторой гордостью за артистическое и, следовательно, индивидуализированное многообразие наблюдений и интерпретаций. Так, в своем введении к первому, основополагающему тому задуманного им четырехтомника, посвященного Томасу Джефферсону, Дюма Мэлон делает следующее заявление, довольно точно характеризующее также позиции других историков относительно их собственной работы: «Другие исследователи будут интерпретировать *того же самого* человека и *те же самые* события по-другому: это практически неизбежно, так как он был центральной фигурой исторических дискуссий, эхо которых все еще доносится до нас»*.

Эта доктрина различных интерпретаций *одних и тех же* событий настолько широко распространилась среди историков, что в той или иной форме она почти наверняка присутствует в предисловиях к большинству исторических трудов. Если история укладывается в традиции гуманитарных дисциплин, литературы и искусства, эта концепция сразу же становится понятной. В контексте искусства это провозглашение возможности любой конечной интерпретации (хотя бы и чисто условное) в одно и то же время служит и выражением професси-

* Слова выделены Р. Мертоном. — *Примеч. пер.*

ональной скромности, и описанием постоянно повторяющегося опыта: историки обычно многократно пересматривают интерпретации людей, событий и социальных движений. Именно по этой причине ученые тоже не ожидают «конечной» интерпретации, хотя их отношение к многообразию интерпретаций совсем другое.

Чтобы понять эту подспудную установку по отношению к надежности, выраженную историками и представителями социологии познания, нам не требуется порывать с доктриной неизбежного многообразия интерпретаций. Но мы лучше поймем эту доктрину, если сопоставим ее с точкой зрения, обычно встречающейся в трудах ученых, особенно физиков, и в меньшей степени — в трудах социологов. Там, где историк спокойно и даже с какой-то веселой покорностью судьбе ожидает появления *различных* интерпретаций *одних и тех же* данных, его коллеги-ученые считают это признаком временной неустойчивости, порождающей сомнения как в надежности наблюдения, так и в адекватности интерпретации. Как странно звучало бы предисловие в работе по химии, где утверждалось бы (как это делают историки), что «другие будут по-другому интерпретировать те же самые данные, касающиеся окисления; это практически неизбежно...». Действительно, в науке могут существовать и часто существуют различные теоретические интерпретации; это не является предметом спора. Однако эти различия рассматриваются как свидетельство неадекватности концептуальной схемы, а возможно, и исходных наблюдений, и исследование предназначено именно для того, чтобы устранить эти различия. Действительно, именно потому, что все усилия концентрируются на успешном устранении из науки различных интерпретаций, а консенсус призван заменить многообразие мнений, мы справедливо можем говорить о *кумулятивной* природе науки. Кумулятивность требует, помимо всего прочего, исходных наблюдений. К тому же искусство — именно потому, — что оно концентрирует свое внимание на различиях, которые служат выражением индивидуальности и личности художника, если не на его частных восприятиях, — в этом смысле не является кумулятивным. Труды по искусству кумулятивны в некотором ограниченном смысле — в том смысле, что они делают доступными для людей все больше произведений искусства; все они могут быть рядоположены. Тогда как научные труды как бы надстраиваются один над другим, образуя при этом структуру, состоящую из взаимосвязанных, подтверждающих друг друга теорий, и обеспечивающую понимание многочисленных наблюдений. Если иметь в виду эту цель, то, разумеется, надежность наблюдения совершенно необходима.

Это краткое отступление по поводу возможного источника безразличного отношения европейского варианта к надежности как ме-

тодологической проблеме может пролить свет на основания его более общего безразличия к методам исследования. В социологии познания сохраняется в качестве самой основной ориентация познания на гуманитарные науки, а вместе с ней — антипатия к стандартизации данных наблюдения и их интерпретаций.

Напротив, в американском варианте интерес к методологии усиливает систематическое обращение к таким проблемам, как проблема достоверности. Как только этим проблемам начинают уделять систематическое внимание, их природа становится все более понятной. Например, такие открытия, как открытие американского исследователя массовых коммуникаций, который утверждает, что с точки зрения контент-анализа высказывание «чем сложнее категория, тем ниже надежность» относится к такому типу, который просто не встречается в европейской социологии познания. Этот пример показывает также, какова цена, заплаченная за методологическую точность на этой ранней стадии развития социологии. Ибо с тех пор как было установлено (без всяких исключений), что надежность уменьшается по мере того, как возрастает сложность системы категорий, производилось заметное давление в пользу работы с самыми простыми, одномерными категориями, чтобы достичь высокой надежности. В своем крайнем пределе контент-анализ будет иметь дело с такими абстрактными категориями, как «благоприятный, нейтральный, неблагоприятный», «положительный, нейтральный, отрицательный». Это часто сводит на нет самую проблему, которая вызвала к жизни данное исследование, причем ее необходимой замены релевантными в теоретическом отношении фактами не происходит. С точки зрения европейского исследователя, это пиррова победа. Она означает, что надежность была достигнута за счет отказа от теоретической релеванности.

Может показаться, что мы слишком серьезно воспринимаем чисто риторические фигуры и тем самым допускаем, что европейский и американский подвиды в действительности представляют собой отдельные интеллектуальные виды, не способные к скрещиванию и не имеющие общего потомства. Конечно же, это не так. Приведем конкретный пример: в последней главе этой книги говорится о возможном использовании метода контент-анализа в социологии познания; этот метод предназначен для того, чтобы исследователь мог систематически (а отнюдь не импрессионистски) концентрировать свое внимание на работе английских ученых семнадцатого века и установить — не окончательно, но объективно, — в какой мере потребности экономики связаны с направлением научных исследований этого периода.

Как можно было предположить (это предположение уже высказывалось выше, причем имеются указания на то, что оно ни в коей мере не является просто социологическим), признание достоинств каждого варианта следует совместить с отказом от их недостатков. В некоторых случаях так и было сделано. Такое взаимное оплодотворение создает здоровый гибрид, обладающий интересными теоретическими категориями одного из родителей и методами эмпирического исследования другого. Контент-анализ популярных биографий в популярных журналах, выполненный Лео Лоуэнталем, представляет собой многообещающий образец того, чего можно ожидать, когда такой союз станет более частым². Прослеживая изменения в содержании этих популярных биографий — переход от «идолов производства» к «идолам потребления», — Лоуэнталь пользуется категориями, заимствованными из важной европейской традиции в социальной теории. А чтобы определить, является ли это изменение действительным или мнимым, он заменяет импрессионизм европейского варианта систематическим контент-анализом американского. Гибрид явно превосходит каждую из двух чистых пород.

Другой областью исследований, в которой интерес к методикам у представителей европейского варианта полностью отсутствует, а у представителей американского варианта чрезвычайно высок, является проблема *аудитории*, то есть проблема потребителей культуры. Европейский вариант отнюдь не игнорирует то обстоятельство, что доктринам, если они хотят быть эффективными, требуется аудитория; однако он не занимается этим сколько-нибудь систематически и серьезно. Он пользуется случайными, неполными и непроверенными данными. Если книга имела громкий успех, если число изданий можно установить, если в некоторых случаях можно определить также число распространенных экземпляров, то по условиям европейской традиции можно предположить, что все это говорит об аудитории нечто значимое. Рецензии, выдержки из случайных дневниковых записей отдельных читателей, импрессионистские догадки и предположения современников также считаются впечатляющими и значительными свидетельствами о размере, природе и составе аудитории и о ее реакциях.

В американском варианте, разумеется, многое обстоит по-другому. То, что является большим пробелом в исследовательской стратегии европейской социологии познания, становится основным предметом интереса в американских исследованиях массовых коммуни-

Lowenthal L., «Biographies in popular magazines». — Lazarsfeld P. and Stanton F. (editors), *Radio Research, 1942-1943* (New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944). - *Примечание автора.*

каций. Были разработаны продуманные и точные методики измерения не только *размера* аудитории некоторых массмедиа, но также ее состава, предпочтений и, до некоторой степени, даже ее реакции.

Одной из причин того, что изучению аудитории уделяется не одинаковое внимание, является различие центральных проблем в двух областях социологии. Представитель социологии познания прежде всего ищет социальные детерминанты, определяющие перспективы интеллектуала, то, как он пришел к своим идеям. Следовательно, аудитория обычно интересует его только в том случае, когда она оказывает воздействие на интеллектуала; для него достаточно принимать ее во внимание только тогда, когда ее принимает во внимание интеллектуал. С другой стороны, исследователь массовых коммуникаций почти с самого начала интересуется прежде всего *воздействием* mass media на аудиторию. Европейский вариант обращает внимание главным образом на структурные детерминанты мышления; американский — на социально-психологические последствия распространения того или иного мнения. Один сосредоточивается на источнике, другой — на результате. Европейский вариант задается вопросом, каким образом вообще появились именно эти идеи; американский вариант — вопросом о том, каким образом эти идеи, возникнув, воздействуют на поведение.

Поняв эти различия интеллектуальной ориентации, легко понять, почему европейский вариант пренебрегал исследованием аудитории и почему американский вариант был так привержен этому. Можно также задаться вопросом, не определяются ли эти центры интеллектуальной сосредоточенности, в свою очередь, структурным контекстом, в котором они возникают. Существуют указания на то, что дело обстоит именно таким образом. Как отмечали Лазарсфельд и другие авторы, исследования в области массовой коммуникации получили широкое распространение в ответ на требования рынка. Жесткая конкуренция между некоторыми mass media и некоторыми агентствами в каждом из mass media вызвала экономический спрос на объективное измерение размера, состава и реакций аудитории (тех или иных газет, журналов, радио и телевидения). В своей погоне за максимальной отдачей от каждого доллара, вложенного в рекламу, каждое средство массовой коммуникации, каждое агентство начинает очень хорошо улавливать возможные изъяны в критериях оценки аудитории, применяемых их конкурентами, оказывая тем самым большое влияние на развитие точных и объективных методов измерения, нелегко уязвимых для критики. В добавление к подобному рыночному давлению, большое внимание количественным методам оценки аудитории стали уделять современные военные в связи с их заинтересованнос-

тью в пропаганде, так как спонсоры хотят знать, достигает ли пропаганда (также как и реклама) той аудитории, для которой она предназначена, и приносит ли она ожидаемые результаты. В академическом сообществе, где широкомасштабное развитие получила социология познания, не было ни такого же сильного и интенсивного экономического давления на методики объективного измерения аудитории, ни (что случалось довольно часто) соответствующего исследовательского персонала, необходимого для того, чтобы проверить эти измерения, как только они (в предварительном порядке) были проведены. Это различие социальных контекстов двух областей привело к тому, что в них сложились различные (и хорошо различимые) центры проявления исследовательского интереса.

Эти рыночные и военные требования не только содействовали возникновению большого интереса к методам измерения аудитории у тех, кто изучает массовые коммуникации; они также помогли сформулировать категории, с помощью которых аудиторию описывают и измеряют. Но больше всего помогает определить категории и идеи исследования его цель. Соответственно, первоначально категориями измерения аудитории были категории стратификации дохода (такого рода данные, очевидно, важны для тех, кто в конечном итоге заинтересован в продаже и маркетинге своих товаров), пола, возраста и образования (это, очевидно, очень важно для тех, кто хочет наладить выпуск рекламы, лучше всего подходящий для того, чтобы достичь конкретных групп). Однако поскольку такие категории, как пол, возраст, образование и доход, обычно соответствуют некоторым из основных статусов социальной структуры, то процедуры, созданные для измерения аудитории исследователями массовых коммуникаций, представляют большой интерес также и для социолога.

Здесь мы снова заметим, что социально обусловленное выделение определенных интеллектуальных проблем может отвлечь внимание исследователей от других проблем, представляющих такой же или еще больший интерес, но считающихся менее ценными для *непосредственных* рыночных или военных целей. Непосредственная задача прикладного исследования иногда затеняет долгосрочные задачи Фундаментальных исследований. Динамические категории, не имеющие прямого отношения к коммерческим интересам, например, категория «ложного сознания» (операционально определяемая, например, явным расхождением между объективно низким экономическим статусом и идеологической идентификацией с высшими экономическими стратами), или различные типологии экономически мобильных индивидов пока еще играют незначительную роль в описании аудитории.

В то время как европейский вариант (социология познания) для получения различных интеллектуальных и культурных результатов редко обращался к исследованию аудитории, американский вариант (исследование массовых коммуникаций) делал это очень часто, и категории этого исследования до недавнего прошлого формировались не столько потребностями социологической или психологической теории, сколько практическими потребностями тех групп и агентств, которым требовалось исследовать аудиторию. Под прямым давлением рынка и в силу военных надобностей были созданы точные методики исследования, которые первоначально несли на себе отпечаток своего происхождения; в большой мере они обусловлены практическими целями, для которых они первоначально были предназначены.

Вопрос о том, становится ли впоследствии эта процедура исследования независимой от своего социального происхождения, сам по себе представляет интерес для социологии познания. При каких условиях исследования, вызванные к жизни рыночными и военными интересами, добиваются функциональной автономии, которая позволяет включить их методики и открытия в общую сферу социологии? Возможно, здесь имеется параллель (настолько самоочевидная, что мы вообще ее не замечаем) с тем, что происходило в физике в семнадцатом столетии. Вспомним, что в это время не старые университеты, а новые научные общества стимулировали экспериментальный прогресс науки, и сам этот импульс был связан с практическими потребностями, обусловившими развитие физических дисциплин. Точно так же в настоящее время индустрия и правительство вкладывают в исследование массовых коммуникаций большие капиталы, чтобы поддержать социологические исследования, необходимые для их собственных целей, — поддержать там и тогда, где и когда университеты не хотят или не могут оказать такую поддержку. Со временем были созданы методики, обучен персонал, получены результаты. По-видимому, в наши дни этот процесс продолжается, и по мере того как проявления действительной и потенциальной ценности исследования привлекают внимание университетов, те обеспечивают необходимые для исследований (фундаментальных и прикладных) ресурсы — как в этой, так и в других отраслях социологии. В дальнейшем было бы интересно проследить: не слишком ли исследования, ориентированные на потребности правительства и индустрии, подвержены давлению проблем, требующих немедленного решения и почти не дающих повода обратиться к более фундаментальным проблемам социологии? Не находим ли мы, что социология еще недостаточно продвинута, а индустрия и правительство еще недостаточно созрели, чтобы оказать такую же широкомасштабную поддержку социологии, какую они ока-

зывают физике? Эти вопросы вытекают непосредственно из социальной истории исследований в области массовых коммуникаций, но они имеют прямой интерес для представителей социологии познания.

Социальная организация исследования

Как в отношении предмета исследования, определения проблем, понимания эмпирических данных и методологических установок, так и в отношении организации исследовательских кадров европейский и американский варианты также занимают разные позиции. Европейцы обычно работают как ученые-одиночки, изучая публикации, которые можно получить в библиотеках, и, может быть, пользуясь помощью одного-двух сотрудников, постоянно работающих под их прямым наблюдением. Американцы же все больше работают как исследовательские команды или как большие исследовательские организации, включающие несколько команд.

Эти различия в социальной организации исследования подпитывают остальные различия, о которых мы говорили выше. Например, они усиливают различие установок относительно процедур исследования и относительно таких методологических проблем, как та, которую мы вкратце рассматривали, — проблема надежности.

Несомненно, европейские ученые-одиночки, работающие в области социологии познания, абстрактно осознают необходимость надежной категоризации своих эмпирических данных, поскольку их исследования вообще включают в себя систематические эмпирические данные. Не вызывает сомнений также и то, что обычно они стремятся создать, а может быть, и создают логически непротиворечивые, последовательные классификации на основе собранных ими материалов, придерживаясь определенных критериев классификации в тех, очевидно, редких случаях, когда они ярко выражены. Но ученый-одиночка не должен именно *в силу самой структуры своей рабочей ситуации* систематически иметь дело с надежностью как с методологической проблемой. Маловероятно, чтобы какой-нибудь другой ученый, занимающий совсем другое место в академическом сообществе, независимо от него случайно собрал бы точно такой же эмпирический материал, пользуясь точно такими же категориями и критериями их определения, осуществляя те же самые интеллектуальные операции. Маловероятен и другой, противоположный вариант — намеренное точное воспроизведение одного и того же исследования. Следовательно, при организации работы европейского ученого вряд ли возникнет ситуация, требующая то него *систематичес-*

ки заниматься трудной проблемой надежности наблюдений или надежности анализа.

С другой стороны, совсем другая социальная организация американских исследований в области массовых коммуникаций явочным порядком привлекает внимание к таким методологическим проблемам, как надежность. Эмпирические исследования в области массовых коммуникаций обычно требуют систематического охвата большого количества данных. Данных так много, что обычно ученый, работающий в одиночку, не в состоянии их систематизировать, и рутинные операции оборачиваются такой тратой времени, что он не в силах этого возместить. Если эти исследования вообще должны быть выполнены, они требуют совместной работы нескольких исследователей, объединенных в команды. Свежие примеры тому дают Лассуеловский проект исследования военных коммуникаций в библиотеке Конгресса, Ховландовская секция массовых коммуникаций в исследовательском отделении отдела информации и образования армии США и отдел исследования коммуникаций в Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета.

При такой организации исследований проблема надежности начинает играть столь важную роль, что ею уже нельзя пренебречь или не заниматься. Потребность в надежности наблюдений и анализа, которая, разумеется, существует во всей области исследований в целом, становится более различной и более настоятельной в миниатюрных пределах исследовательской команды. Разные исследователи, работая с одним и тем же эмпирическим материалом и выполняя одни и те же операции, вероятно, должны получить одинаковые результаты (в приемлемых границах разброса). Таким образом, сама структура непосредственной рабочей группы, включающей несколько разных сотрудников, усиливает постоянную заботу науки (в том числе и социологии) об ее объективности, то есть межличностной и межгрупповой надежности данных. Прежде всего, если содержание массовых коммуникаций классифицируется или кодифицируется несколькими кодификаторами, это неизбежно поднимает вопрос, действительно ли различными кодификаторами (наблюдателями) получены одинаковые результаты. Тем самым не только вопрос становится ясным и настоятельным, но и ответ на него можно получить без больших затруднений — путем сравнения нескольких независимых кодификаций одного и того же материала. В этом смысле, следовательно, «не случайно» такие исследовательские группы, как Лассуеловский исследовательский проект военных коммуникаций, уделяли большое внимание надежности контент-анализа, тогда как исследование Маннгеймом германского консерватизма, тоже основывавшееся на докумен-

тельном содержании, но проведенное ученым-одиночкой в чисто европейской манере, вообще не дает систематической разработки надежности как проблемы.

Таким образом, дивергентные тенденции усиливались благодаря различию социальной структуры двух типов исследования: в европейской традиции — это исследование, проводимое ученым-одиночкой, чье одиночество смягчается немногочисленными ассистентами; в американской традиции изучения массовых коммуникаций — это команда исследователей, где благодаря общей цели разнообразие превращается в единство.

Дальнейшие вопросы и проблемы

Вероятно, было бы очень поучительно продолжить сравнение между двумя этими различными формами исследования коммуникаций. Каково, например, социальное происхождение персонала, проводящего исследование в двух сопоставляемых областях? Различаются ли они в соответствии с различными социальными функциями двух типов исследования? Действительно ли представители социологии познания, как предполагает Маннгейм, чаще всего оказываются людьми, *маргинальными* по отношению к различным социальным системам, способными поэтому уловить, если не совместить, различные интеллектуальные перспективы различных групп, тогда как исследователи массовых коммуникаций чаще всего оказываются людьми, *мобильными в рамках* экономической или социальной системы, выявляющими данные, необходимые для тех, кто управляет организациями, отыскивает рынки и контролирует множество людей? Связано ли возникновение социологии познания в Европе с глубоким расколом принципиально противоположных социальных систем, так что для многих, казалось, не существовало таких сложившихся систем, в которых они могли бы серьезно применить свои навыки и умение, и они прежде всего начали с поисков значимой социальной системы?

Но такие крупномасштабные вопросы лучше рассматривать за пределами этого введения. Наш обзор двух вариантов исследования коммуникаций — европейского (социологии познания) и американского (социологии общественного мнения и массовых коммуникаций) — может обеспечить контекст для трех последующих глав.

Глава XIV задумана как систематический обзор и оценка некоторых фундаментальных вкладов в социологию познания. Сразу же заметим, что эти вклады в основном внесены европейцами и что они по большей части почти ничего не говорят о процедурах анализа и лишь

немногим больше — о способе получения систематических эмпирических данных. Зато в их интеллектуальных системах можно обнаружить генезис многих важных вопросов социологического исследования.

В следующей главе рассматривается более или менее подробно тот вклад, который внес в социологию познания Карл Маннгейм, и дается более полное исследование некоторых проблем, которые были только упомянуты в более общих дискуссиях, освещенных в главе XIV.

В последней главе части III, посвященной радио- и кинопропаганде, обзор текущих исследований почти полностью дается с точки зрения исследовательских процедур. Таким образом, она концентрирует внимание именно на исследовательских процедурах, необходимых для изучения пропаганды, а не на связанных с этим вопросах функциональной роли пропаганды в различных типах общества. Остается еще понять, подходят ли исследовательские методики, рассмотренные в этой главе, только для ограниченного круга проблем, вызванных к жизни в настоящее время безотлагательными рыночными и военными потребностями, или они подходят также для решения проблем, неизбежно возникающих в любой крупной социальной структуре. Например, действительно ли социалистическое общество в меньшей степени сталкивается с проблемой социальных стимулов и мотиваций, информирования и убеждения большого числа людей относительно целей, к достижению которых нужно стремиться, и необходимости выбрать наиболее быстрый способ достижения этих целей, чем капиталистическое? Можно далее задаться вопросом, *должны* ли те, кто считает неприемлемым то применение, которое иногда находит социально-методологическое знание, забыть о необходимости такого знания? Кроме того, можно задать вопрос, не означает ли исключительный интерес только к мельчайшим деталям процедуры преждевременного и не слишком продуктивного ограничения социологической проблемы, которое приводит к тому, что исследование явно перестает иметь какое-либо отношение к социологии или обществу. Перечисленные вопросы гораздо легче поставить, чем получить на них ответ, хотя содержание главы XVI может по крайней мере обеспечить исходное сырье для тех, кто захочет сформулировать эти ответы.

XIV. СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Нынешнее поколение стало очевидцем возникновения особой области социологического исследования — социологии познания (Wissenssociologie). В действительности термин «познание» следует интерпретировать очень широко, так как в этой области исследования, по существу, охватывают всю гамму продуктов культуры (идеи, идеологии, юридические и этические убеждения, философию, науку, технологию). Но какова бы ни была концепция познания, ориентация этой дисциплины в основном остается одной и той же: она в первую очередь интересуется связями между познанием и другими экзистенциальными факторами общества или культуры. Несмотря на то что эта формулировка основной цели, может быть, является чересчур общей и даже неясной, более конкретное высказывание не сможет охватить различные подходы, которые в ней развивались.

В таком случае, очевидно, социология познания занимается проблемами, которые имеют длительную историю. Не случайно эта дисциплина была основана ее первым историком — Эрнстом Грюнвальдом¹. Но нас многочисленные предшественники современных теорий интересуют далеко не в первую очередь. Действительно, лишь немногие современные наблюдения не нашли своего выражения гораздо раньше в виде сжатого наводящего на размышления афоризма. Королю Генриху IV напоминали: «Твое желание, Гарри, было отцом этой мысли» — только за несколько лет до того, как Бэкон написал: «Человеческий разум не холодный свет, его питают воля и чувства; а это порождает желательное каждому в науке»*. И Ницше

© Перевод. Каганова З.В., 2006 В этой главе ничего не будет сказано об истории этой дисциплины. Эрнст Грюнвальд дает очерк ранних стадий ее развития, начиная по крайней мере с так называемой Эры Просвещения (см.: Gruenwald E., *Das Problem der Sociologie des Wissens* (AVien — Leipzig: Wilhelm Braumueller, 1934). Что касается общего обзора, см.: Dahlke H.O., «The sociology of knowledge», in: Barnes H.E., Howard and F.B. Becker, eds., *Contemporary Social Theory* (New York: Appleton — Century, 1940), pp. 64—89. — *Примеч. автора.*

Бэкон Ф. Новый органон. — Ленинград: ОГИЗ — Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1935, с. 120. - *Примеч. пер.*

написал множество афоризмов о том, каким образом потребности определяют перспективы, через призму которых мы интерпретируем мир, так что даже чувственные восприятия пропитываются ценностными предпочтениями. Предшественники социологии познания только подтверждают одно замечание Уайтхеда, который считал, что приблизиться к истинной теории и схватить, как она применяется, — это две совершенно разные вещи, как учит история науки. Все сколько-нибудь важное уже было сказано раньше — кем-то, кто не открывал этого.

Социальный контекст

Помимо исторического и интеллектуального происхождения, есть еще один вопрос: на чем базируется современный интерес к социологии познания? Общеизвестно, что в качестве отдельной дисциплины социология познания культивировалась прежде всего в Германии и во Франции. Американские социологи стали проявлять интерес к проблемам в этой области только в последние десятилетия. Рост количества публикаций и — решающее свидетельство академической респектабельности — докторских диссертаций в этой области отчасти свидетельствует о возрастающем интересе.

Непосредственное и явно неадекватное объяснение этого развития событий указало бы на постоянно происходящий в настоящее время перенос европейского социологического мышления в Америку теми социологами, которые недавно приехали в эту страну. Несомненно, эти ученые входили в число носителей и распространителей социологии познания. Однако это обстоятельство просто обеспечивало наличие этих концепций и не больше объясняло их действительное признание, чем сам факт наличия чего-либо в любом другом примере диффузии культур. Американское мышление оказалось восприимчивым к социологии познания главным образом потому, что она имела дело с такими проблемами, понятиями и теориями, которые становились все более уместными в нашей современной социальной ситуации, так как наше общество обрело некоторые черты тех европейских обществ, в которых эта дисциплина развивалась первоначально. Социология познания становится уместной в определенных социальных и культурных условиях². С углублением социального конфликта различия между групповыми ценностями, установками и образами мыслей до-

² См.: Mannheim K., *Ideology and Utopia*, pp. 5-12; Sorokin P., *Social and Cultural Dynamics*, II, pp. 412—413. — Примеч. автора.

стигают такого пункта, где ориентация, которая у этих групп раньше была общей, затемняется из-за несовместимых с ней различий. Такое развитие событий не только создает различные дискурсивные миры, но существование любого из этих миров бросает вызов валидности и легитимности остальных. Сосуществование этих конфликтных перспектив и интерпретаций в одном и том же обществе приводит к активному и взаимному *недоверию* между группами. В контексте недоверия больше никто не исследует содержание мнений и суждений, чтобы определить, валидны они или нет; больше никто не сопоставляет суждения с их релевантным обоснованием; зато вводится совершенно новый вопрос: как происходит, что придерживаются именно этих взглядов? Мышление становится функционализированным; оно интерпретируется с позиций его психологических, экономических, социальных или расовых источников и функций. В общем, этот тип функционализации встречается тогда, когда суждения подвергаются сомнению, когда они кажутся так явно неправдоподобными, абсурдными или противоречивыми, что уже не нужно больше исследовать доказательства «за» и «против», а нужно только выяснить, почему это суждение вообще возникло³. Такие «чуждые» утверждения «объясняются» особыми интересами, случайными мотивами, разрушенными перспективами, социальным положением и т.д. (или *приписываются* им). В обыденном мышлении эта позиция влечет за собой взаимные нападки на честность оппонентов; в более систематическом мышлении она приводит к взаимному идеологическому анализу. На обоих уровнях она подпитывается за счет нарушений коллективной безопасности и подпитывает их.

В этом социальном контексте широкое распространение получает множество интерпретаций человека и культуры, которые имеют некоторые общие исходные предпосылки. Не только идеологический анализ и социология познания, но и психоанализ, марксизм, се-

³ Фрейд наблюдал эту тенденцию скорее для того, чтобы выяснить «происхождение», чем для проверки валидности тех суждений, которые кажутся нам очевидно абсурдными. Предположим, например, что некто утверждает, будто центр Земли сделан из джема. «Результатом наших интеллектуальных возражений станет *переключение наших интересов; вместо того чтобы заинтересоваться исследованием, действительно ли внутренность Земли сделана из джема или нет, мы начнем интересоваться, каким должен быть человек, у которого в голове имеется такая идея...*» (Sigmund Freud, *New Introductory Lectures* (New York: W.W. Norton, 1933, p. 49). На социальном уровне принципиальное различие воззрений различных социальных групп приводит нетолько к нападкам *ad hominem* [букв. применительно к человеку; довод, который имеет ^{любо} не доказательство правильности выдвигаемого положения, а воздействие на Увства собеседника. — *Примеч. пер.*], но также и к «функционализированным объяснениям». — *Примеч. автора.*

мантический и пропагандистский анализ, концепция Парето и в какой-то мере функциональный анализ имеют сходные воззрения на роль идей, несмотря на свои различия в других отношениях. С одной стороны, есть область вербализации и идей (идеологии, рациональности, способы выражения чувств, искажения, фольклор, словопроизводство), каждая из которых считается способом выражения, словопроизводства или обмана (себя самого или других людей) и функционально связана с каким-либо субстратом. С другой стороны, имеются ставшие понятными гораздо раньше субстраты (производственные отношения, социальное положение, базисные импульсы, психологический конфликт, интересы и чувства, межличностные отношения и т.п.). Через все это проходит сквозная основополагающая тема — тема спонтанной детерминации идей субстратом, подчеркивающая различие между реальностью и иллюзиями, между реальностью и видимостью в сфере человеческого мышления, мнений и поведения. И каковы бы ни были намерения аналитиков, их анализ имеет ярко выраженную тенденцию — обвинить, секуляризировать, иронически высмеять, сатирически изобразить, сделать чуждым, лишить всякой ценности внутреннее содержание любого общепринятого убеждения или точки зрения. Рассмотрим только, какие скрытые намеки содержатся в терминах, отобранных в связи с этими контекстами применительно к мнениям, идеям и мыслям: ложные жизненные представления, мифы, иллюзии, словесное творчество, фольклор, рационализация, идеология, вербальный фасад, псевдопричины и т.д. Общей для всех этих схем анализа является только практика обесценивания *парадной стороны* заявлений, мнений, идей вследствие того, что они рассматриваются в новом контексте, который позволяет раскрыть их «реальное значение». Каково бы ни было намерение аналитика, высказывания, обычно рассматриваемые с точки зрения их очевидного содержания, разоблачаются благодаря соотнесению этого содержания со свойствами того, кто делает эти высказывания, со свойствами общества, в котором он живет. Профессиональный бунтарь, подготовленный разоблачитель, аналитик в области идеологии и, соответственно, свойственный им образ мыслей процветают в обществе, где большие группы людей уже отчуждены от общих ценностей и где отдельные «дискурсивные миры» связаны взаимным недоверием. Идеологический анализ систематизирует недостаток доверия к главным символам, получившим широкое распространение; отсюда — его уместность и популярность. Аналитик в области идеологии не создает своих последователей, так как он обращается к таким последователям, которым его анализ помогает *осмыслить* происходя-

щее, то есть подтверждает их опыт, который раньше не подвергался анализу⁴.

В обществе, где взаимное недоверие получает выражение в популярном обороте «ему-то какое до этого дело?»; где слова «трескучие фразы» и «пустословие» стали идиоматическими выражениями почти для целого столетия, а «разоблачение» — для целого поколения; где реклама и пропаганда вызвали активное неприятие любого высказывания по его парадно-ценностной внешности; где псевдообщественному поведению, рассматриваемому в качестве приема для улучшения экономического или политического положения индивида, обучают с помощью бестселлера, описывающего, как завоевать друзей, на которых можно оказывать влияние; где социальные отношения все больше инструментализируются, так что человек начинает думать, что другие стремятся прежде всего управлять и манипулировать им, эксплуатировать его; где растущий цинизм влечет за собой прогрессирующее отчуждение от значимых групповых связей и высокий уровень отчуждения от самого себя; где неуверенность в своих собственных мотивах озвучена в нерешительном обороте «я могу дать рациональное объяснение, но...»; где защита от болезненного разочарования может состоять в том, чтобы всегда оставаться разочарованным, не рассчитывать на честность других и заранее сомневаться в их мотивах и компетентности, — в таком обществе систематический идеологический анализ и производная от него социология познания обретает социально обоснованную уместность и последовательность. И американские академики, которым представили аналитические схемы, по-видимому, упорядочивающие хаос культурного конфликта, подвергающего сомнению ценности и точки зрения, быстро поняли и усвоили эти аналитические схемы.

«Коперниканская революция» в этой области исследований состояла в появлении гипотезы, согласно которой не только ошибка, или иллюзия, или недостоверное мнение, но и открытие истины социально (исторически) обусловлено. До тех пор, пока внимание концентрировалось на социальной детерминации идеологии, иллюзии, мифа и моральных норм, социология познания не могла возникнуть. И без нее было совершенно ясно, что объяснение ошибочного или

⁴ Понятие уместности было принято марксистскими предвестниками социологии познания. «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или иным обновителем Мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. — 7-е изд. второе. — М.: 1955, — т. 4, с. 438). — *Примеч. автора.*

несертифицированного мнения включает в себя действие некоторых внетеоретических факторов, что иногда требуется специфическое объяснение, так как реальный объект не дает возможности объяснить ошибку. Однако в случае подтвержденного или сертифицированного познания долгое время считалось, что его можно адекватно объяснить с точки зрения непосредственного отношения объекта и его интерпретатора. Началом социологии познания послужила замечательная гипотеза, согласно которой даже истины следовало считать социально обусловленными, связанными с историей общества, в котором они возникли.

Дать краткий очерк даже основных течений социологии познания — значит не дать адекватного представления ни об одном из них и исказить их все. Разнообразие формулировок — от Маркса до Шелера и Дюркгейма; разнообразие проблем — от социальной детерминации систем категорий до классового характера политической идеологии; огромные различия в сфере применения — от всеобъемлющих категорий интеллектуальной истории до социальной локализации мышления негритянских ученых за последние десятилетия; разнообразные пределы, приписываемые этой дисциплине — от всеобъемлющей социологической эпистемологии до эмпирических отношений частных социальных структур и идей; пролиферация концептов — идей, убеждений, позитивного знания, мышления, истины, суперструктуры и т.д.; разнообразие методов обоснования — от правдоподобных, но не подтвержденных документально обвинений, до тщательного исторического и статистического анализа — в свете всего этого сжатое до нескольких страниц описание одновременно и аналитического аппарата, и эмпирических исследований должно пожертвовать деталями ради целого.

Чтобы сделать сопоставимыми многочисленные и разнообразные исследования, появившиеся в этой области, мы должны следовать некоторой аналитической схеме. Нижеследующая парадигма задумана как шаг в этом направлении. Она, несомненно, является частной и, будем надеяться, временной классификацией, которую со временем заменит лучшая, более точная аналитическая модель. Но все же она обеспечивает основание для составления полного каталога выдающихся достижений в этой области; для выявления противоречивых, контрастных и совместимых результатов; для совершенствования применяемого в настоящее время концептуального аппарата; для определения природы тех проблем, которые занимают ученых, работающих в этой области; для оценки данных, с помощью которых они исследуют эти проблемы; для того, чтобы отыскать харак-

терные пробелы и недостатки в современных способах интерпретации. Классификация, составленная на основании нижеследующей парадигмы, подготовит появление зрелой теории в социологии познания.

Парадигма социологии познания

1. Где находится экзистенциальный базис ментальной продукции?

а. *Социальный базис*: социальное положение, класс, поколение, профессиональные функции, способ производства, групповые структуры (университет, бюрократия, академии, секты, политические партии), «историческая ситуация», интересы, общество, этническая принадлежность, социальная мобильность, структура власти, социальные процессы (конкуренция, конфликт и т.д.).

б. *Культурный базис*: ценности, этос, общественное мнение, дух на рода, дух времени, тип культуры, культурная ментальность, мировоззрение и т.д.

2. Какая ментальная продукция подвергается социологическому анализу?

а. *Сферы*: моральные убеждения, идеологии, идеи, категории мышления, философия, религиозные верования, социальные нормы, позитивные науки, технология и т.д.

б. *Какие аспекты анализируются*: их выбор (на чем сосредоточено внимание), уровень абстрагирования, предпосылки (что считается данными, а что — проблемами), концептуальное содержание, модели верификации, цели интеллектуальной деятельности и т.д.

3. Каким образом ментальная продукция связана с экзистенциальным базисом ?

а. *Причинные или функциональные связи*: детерминация, причина, следствие, необходимое условие, обусловленность, функциональная взаимозависимость, взаимодействие, зависимость и т.д.

б. *Символические, организмические или смысловые отношения*: согласованность, гармония, последовательность, единство, конгруэнтность, сочетаемость (и антонимичность); выражение, реализация, символическое выражение, взаимное структурное тяготение (Strukturzusammenhang), структурная идентичность, внутренние связи, стилистические аналогии, логически значимая интеграция, идентичность значений и т.д.

в. *Двусторонние термины, обозначающие отношения*: соответствие, отображение, быть чем-то ограниченным, быть тесно связанным с чем-то, и т.д.

4. Явные и латентные функции, приписываемые этой экзистенциально обусловленной ментальной продукции (ответ на вопрос «зачем?»):

а. Чтобы сохранить власть, укрепить стабильность, сохранить ориентацию, продолжить эксплуатацию, завуалировать действительные социальные отношения, обеспечить мотивацию, канализировать поведение, отвечать на критику, смягчать враждебность, обеспечивать спокойствие, управлять природой, координировать социальные отношения и т.д.

5. Из какого источника получены отношения, приписываемые экзистенциальной базе и познанию?

а. Из исторических теорий (ограниченных рамками конкретных обществ или культур).

б. Из общих аналитических теорий.

Существуют, разумеется, дополнительные категории для классификации и анализа исследования в социологии познания, которые представлены здесь далеко не полностью. Таким образом, вечная проблема осмысления экзистенциальных влияний на познание, позволяющих выяснить его (познания) эпистемологический статус, горячо обсуждалась с самого начала. Решения этой проблемы, которые допускают, что социология познания с необходимостью является социологической теорией познания, образуют широкий спектр высказываний, начиная с заявления о том, что «генезис мысли не связан необходимым образом с ее валидностью», и кончая крайне релятивистским положением, согласно которому истина есть «просто» функция социального или культурного базиса, что она основывается только на социальном консенсусе и что, следовательно, любая принятая в культуре теория истины претендует на валидность, равную валидности любой другой теории.

Но изложенная выше парадигма позволяет организовать различные подходы и заключения в этой области таким образом, что этого будет достаточно для наших целей.

Основные подходы, которые следует рассмотреть здесь, — это подходы Маркса, Шелера, Маннгейма, Дюркгейма и Сорокина. Текущая работа в этой области по большей части ориентируется на ту или иную из этих теорий, либо модифицируя применение их концепций, либо развивая альтернативные концепции. Другие источники исследований в этой области, свойственные именно американскому мышлению (например, прагматизм), мы намеренно опустим, так как они до сих пор формулировались вне конкретных связей с социологией познания и не включались сколько-нибудь заметно в процесс исследования.

Экзистенциальный базис

Центральным пунктом, с которым согласны все подходы в социологии познания, является тезис, утверждающий, что мышление имеет экзистенциальный базис, поскольку оно не детерминировано имманентно и поскольку тот или иной из его аспектов можно вывести из внекогнитивных факторов. Однако это чисто формальное согласие, позволяющее развивать самые разнообразные теории относительно природы экзистенциального базиса.

В этом отношении, как и во всех остальных, основным очагом дискуссий в области социологии познания является марксизм. Не входя в обсуждение проблемы интерпретации и точной идентификации марксизма (нам нужно только помнить слова Маркса: «Я ни в коем случае не марксист»), мы можем набросать его основные формулировки прежде всего по работам Маркса и Энгельса. Какие бы изменения ни происходили в их теории на протяжении полувека их деятельности, они постоянно придерживались тезиса, гласившего, что «производственные отношения» образуют «реальный базис» для надстройки идей. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵. Пытаясь придать идеям функциональный характер, то есть связать идеи индивидов с социологическими основаниями, Маркс локализирует их в классовой структуре. Он не столько полагает, что другие влияния вообще не оказывают никакого воздействия, сколько то, что именно класс является первичной детерминантой и в качестве таковой — единственным и самым плодотворным исходным пунктом анализа. Эта мысль получает ясное выражение в его первом предисловии к «Капиталу»: «...здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов»⁶. Абстрагируясь от других переменных и рассматривая людей в их экономических и классовых ролях, Маркс предполагает, что эти роли являются первичными детерминантами, и, таким образом, оставляет открытым вопрос: *в какой мере они дают адекватное объяснение мышления и поведения в каждом кон-*

⁵ Маркс К. К критике политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1959, — т. 13, с. 7. — *Примеч. автора.*

⁶ Маркс К. Капитал. — Т. 1. Предисловие к первому изд. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1960, — Т. 23, с. 10. Ср. с. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1955. — Т. 3, а также с: Weber M., *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, s. 205. — *Примеч. автора.*

кретном случае. Фактически одно из направлений развития марксизма, начиная с ранней работы «Немецкая идеология» и вплоть до последних работ Энгельса, представляет собой попытку определить, в какой мере производственные отношения действительно обуславливают познание и формы мышления.

Однако как Маркс, так и Энгельс неоднократно и все более настойчиво подчеркивали, что идеологию социальной страты не нужно выводить только от тех личностей, которые *объективно* включены в эту страту. Уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс указывали: когда начинается разложение господствующего класса, его «небольшая часть... примыкает к революционному классу... Как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть *буржуа-идеологов*, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»⁷.

Анализируя свои перспективы и предпосылки, определяя, каким образом конструируются их проблемы, идеологии социально ограничены точкой зрения того или иного класса. Мышление не локализуется чисто механически, просто благодаря установлению классового положения мыслителя. Тот или иной образ мыслей свойствен такому классу, для которого он «подходит», чью социальную ситуацию с ее классовыми конфликтами, устремлениями, страхами, ограничениями и объективными возможностями в рамках данного социоисторического контекста он выражает. Самая ясная формула Маркса по этому поводу гласит:

Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *поли-*

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1955. — Т. 4, с. 433—434. — *Примеч. автора.*

тическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют⁸.

Но если мы не можем вывести идеи из объективного классового положения их носителей, то это оставляет широкий простор для индетерминизма. Кроме того, возникает еще одна проблема — раскрыть, почему одни идентифицируют себя с типичными воззрениями того социального слоя, к которому они принадлежат объективно, тогда как другие принимают исходные предпосылки иного, чем их собственный, социального слоя. Эмпирическое описание факта не служит адекватной заменой его теоретического объяснения.

Рассматривая экзистенциальный базис, Макс Шелер обычно противопоставляет свою собственную гипотезу другим распространенным теориям⁹. Он проводит различие между социологией культуры и тем, что он называет социологией реальных факторов (Realsoziologie). Данные, относящиеся к культуре, являются «идеальными» и находятся в царстве идей и ценностей; «реальные факторы» ориентированы на эффективные перемены в реальной природе или реальном обществе. Первые определяются идеальными целями или намерениями; последние выводятся из «структуры влечений» (Triebstruktur, то есть пола, голода, власти). Фундаментальная ошибка всех натуралистических теорий, считает он, состоит в том, что они утверждают, будто реальные факторы — будь то раса, геополитика, структура политической власти или экономические производственные отношения — однозначно определяют царство осмысленных идей. Он отвергает также все идеологические, спиритуалистические и персоналистские концепции, ошибка которых состоит в том, что они рассматривают историю экзистенциальных условий как однолинейное развертывание истории духа. Он приписывает этим реальным факторам полную автономность, непосредственно утверждая при этом, что их развитие направляется и управляется ценностно-нагруженными идеями. Идеи как таковые

⁸ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1957 — т. 8, с. 148. — *Примеч. автора.*

⁹ Это соображение базируется на наиболее тщательно продуманной дискуссионной работе Шелера «Проблема социологии знания» (Probleme einer Sociologie des Wissens), помещенной в его книге *Die Wissensformen und die Gesellschaft* (Leipzig: Der Neue — Geist Verlag, 1926), ss. 1 — 229. Этот очерк представляет собой расширенный и переработанный вариант очерка, входящего в его книгу: *Versuche zu einer Sociologie des Wissens* (München: Duncker und Humblot, 1924), ss. 5 — 146. Что касается последователя за этим обсуждения идей Шелера, см.: Schillp P.A., «The formal problems of Scheler's Sociology of knowledge», *The Philosophical Review*, March, 1927, 36, pp. 101 — 20; Becker H. and Dahlke H.O., «Max Scheler's sociology of knowledge», *Philosophy and Phenomenological Research*, 2, pp. 310 — 322, March, 1942. — *Примеч. автора.*

первоначально не имеют социальной эффективности. Что касается динамического воздействия на общество, то чем идея «чище», тем меньше ее потенциал. Идеи не находят своего реального осуществления и своего воплощения в истории культуры до тех пор, пока они каким-либо образом не окажутся связанными с интересами, влечениями, эмоциями или коллективными склонностями и не будут вместе с ними инкорпорированы в институциональные структуры¹⁰. Только тогда и только в этом ограниченном аспекте натуралистические теории (то есть марксизм) получают свое оправдание, которое состоит в том, что они оказывают определенное влияние. Если бы идеи не имели основания в поступательном развитии реальных факторов, они были бы обречены оставаться чисто утопическими.

Другая ошибка натуралистических теорий, считает Шелер, состоит в том, что они молчаливо предполагают, будто на всем протяжении истории действует одна и та же *независимая переменная*.

Никакой постоянной независимой переменной не существует, но в ходе истории есть определенная последовательность, определяемая первичными факторами, — последовательность, которую можно суммарно выразить в виде «закона трех фаз». На первоначальной фазе независимую переменную образуют кровно-родственные связи и связанные с ними институты родства; затем — политическая власть и, наконец, экономические факторы. Но тогда никаких постоянно действующих, эффективно-первичных экзистенциальных факторов не существует; скорее они упорядоченно изменяются. Таким образом, Шелер попытался сделать относительным само понятие исторических детерминант". Он претендует не только на то, что его закон трех фаз подтверждается индуктивно, но и на то, что он вывел его из теории человеческих влечений.

Шелеровская концепция реальных факторов: расы и родства, структуры власти, факторов производства, качественных и количественных аспектов народонаселения, географических и геополитических факторов — едва ли дает полезное определение этой категории. Включение таких разных элементов в одну рубрику не имеет сколько-нибудь значительной ценности; действительно, его собственные эмпирические исследования и исследования его учеников и последователей не извлекли никакой пользы из этого широкого спектра факто-

¹⁰ Scheler M., *Die Wissenschaftsformen und die Gesellschaft*, ss. 7, 32. — *Примеч. автора*.

¹¹ Ibid., ss. 25—45. Следует заметить, что задолго до этого Маркс немедленно отверг аналогичную концепцию переключения независимых переменных, которая стала основанием для нападок на его «Критику политической экономии»; см. «Капитал», т. 1, п. 94. — *Примеч. автора*.

ров. Но, предположив существование широкого круга существенных экзистенциальных факторов (хотя ему не удалось установить их упорядоченной последовательности), он пошел в направлении, по которому впоследствии двинулись многие исследователи.

Так, Маннгейм исходит из Маркса, прежде всего расширяя его концепцию экзистенциального базиса. Если *дано* присоединение к группе большого числа новых членов, то задача заключается в том, чтобы определить, вступление какого из них имеет решающее значение для установления перспектив, моделей мышления, определений данного и т.д. В отличие от «догматического марксизма» он не допускает, что одно только классовое положение является конечной детерминантой. Например, он обнаруживает, что органически интегрированная группа понимает историю как непрерывное движение к реализации своих целей, тогда как теряющие свои социальные позиции и слабо интегрированные группы интуитивно придерживаются идеи, подчеркивающей все случайное и трудноуловимое. Только исследуя самые разнообразные групповые образования — поколения, статусные группы, секты, профессиональные группы — и характерный для них образ мыслей, можно обнаружить, какой экзистенциальный базис соответствует многообразию перспектив и реально имеющимся знаниям¹².

Это, по существу, совпадает с позицией Дюркгейма, хотя тот представляет другую традицию. В своем раннем исследовании (выполненном совместно с Моссом) первобытных форм классификации он утверждал, что генезис категорий мышления следует искать в групповой структуре и групповых отношениях и что категории изменяются вместе с изменениями социальной организации¹³. Пытаясь объяснить социальное происхождение категорий, Дюркгейм постулирует, что индивиды более непосредственно и более полно ориентируются на те группы, в которых они живут, чем на природу. Первичные опытные значения опосредуются социальными отношениями, которые накладывают свой отпечаток на характер мышления и познания¹⁴. Та-

¹² Mannheim K., *Ideology and Utopia*, pp. 247—248. Ввиду широких современных дискуссий вокруг работы Маннгейма мы не будем ее рассматривать в этой главе. Что касается оценки самого писателя, см. гл. XV настоящего издания. — *Примеч. автора*.

¹³ Durkheim E. and Mauss M., «De quelques formes primitives de classification», *L'Année Sociologique*, 1901 — 1902, 6, 1—72: «...даже такие абстрактные идеи, как идеи времени и пространства, в каждый момент своей истории тесно связаны с соответствующей социальной организацией». Как указал Марсель Гране, в этой статье содержится несколько страниц по поводу мышления китайцев, которые, как считают специалисты, открывают новую эру в области синологических исследований. — *Примеч. автора*.

¹⁴ Durkheim E., *The Elementary Forms of the Religious Life*, pp. 443—444; см. также: Kelsen H., *Society and Nature* (University of Chicago Press, 1943), p. 30. — *Примеч. автора*.

ким образом, в своем исследовании первобытных форм мышления он относит периодическую повторяемость социальной деятельности (торжеств, празднеств, ритуалов), клановых структур и пространственных конфигураций групповых собраний к экзистенциальному базису мышления. Гране, применяя формулировки Дюркгейма к мышлению древних китайцев, приписывает типичные для них концепции пространства и времени таким базисам, как феодальная организация и ритмическое чередование концентрированной и дисперсной групповой жизни¹⁵.

Резко отличается от вышеописанных концепций экзистенциального базиса идеалистическая и эманационистская теория Сорокина, который стремится вывести любой аспект познания не из его экзистенциально-социального базиса, а из различия «культурных менталитетов». Эти менталитеты конструируются из «больших посылок»: так, идеациональный менталитет понимает реальность как «нематериальное, вечное Бытие»; его потребности носят прежде всего духовный характер, и их полное удовлетворение достигается за счет «добровольной минимизации или элиминации большей части физических потребностей»¹⁶. Чувственный (сенсативный) менталитет, напротив, ограничивает реальность тем, что может быть воспринято в ощущениях; он сосредоточивается прежде всего на физических потребностях, которые он стремится удовлетворить в максимальной степени — не с помощью их собственной модификации, а за счет изменения внешнего мира.

Главным промежуточным типом менталитета является идеалистический менталитет, который, по существу, представляет собой баланс предыдущих типов. Именно из этих менталитетов, то есть больших посылок каждой культуры, выводятся системы истины и познания. Здесь мы подходим к самоограниченному эманационизму идеалистической позиции: чистой тавтологией будет заявить, как это делает Сорокин, что в «сенсативном обществе и культуре должна доминировать сенсативная система истины, базирующаяся на показаниях органов чувств»¹⁷. Ибо чувственный менталитет уже *по определению* понимает «реальность как то, что представлено только в органах чувств»¹⁸.

Кроме того, эманационистские обороты, подобные этому, способствуют постановку некоторых основополагающих вопросов, связанных с другими подходами к анализу экзистенциальных условий. Так,

¹⁵ Granet M., *Lapensee chinoise* (Paris: La Renaissance du Livre, 1934), e.g. 84—104. — Примеч. автора.

¹⁶ Sorokin P., *Social and Cultural Dynamics*, I, pp. 72—73. — Примеч. автора.

¹⁷ Ibid., II, p. 5. — Примеч. автора.

¹⁸ Ibid., I, p. 73. — Примеч. автора.

Сорокин считает неудачу попыток «сенсативной системы истины» (эмпиризма) монополизировать культуру свидетельством того, что культура не является «полностью интегрированной». Но это означает отказ от исследования оснований именно тех различий в мышлении, которые относятся к нашему современному миру. То же самое справедливо и по отношению к другим категориям и принципам познания, которым он хочет дать социологическое объяснение. Например, он находит, что в нашей современной сенсативной культуре «материализм» распространен меньше, чем «идеализм», что «темпорализм» и «этернализм» распространены почти одинаково и что то же самое можно сказать по поводу «реализма» и «номинализма», «сингуляризма» и «универсализма» и т.д. Так как эти разнообразные компоненты существуют в рамках одной культуры, то общая характеристика этой культуры как сенсативной не дает оснований для того, чтобы указать, какие группы имеют один образ мыслей, а какие — другой. Сорокин не проводит систематического исследования различных экзистенциальных базисов, существующих в обществе или культуре; он прослеживает «доминантные» тенденции и приписывает их культуре в целом¹⁹. Наше современное общество, невзирая на различный интеллектуальный облик различных классов и групп, рассматривается как интегральный пример сенсативной культуры. Подход Сорокина, если исходить из его собственных посылок, пригоден прежде всего для всеобъемлющей характеристики различных культур, а не для анализа связей между различными экзистенциальными условиями и мышлением общества.

Типы познания

Даже поверхностного обзора вполне достаточно, чтобы показать, что термин «познание» понимается настолько широко, что его следует отнести к любому типу идей и любому образу мыслей — от народных верований до позитивной науки.

Познание часто начинает ассимилироваться термином «культура», так что не только точные науки, но и нравственные убеждения, эпистемологические постулаты, материальные предикаты, синтетические суждения, политические убеждения, категории мышления,

¹⁹ Единственное «исключение» из этой практики обнаруживается, когда он противопоставляет различные тенденции и указывает, что «духовенство и религиозная земельная аристократия становятся ведущими и организующими классами в идеациональной культуре, а буржуазия, интеллигенция, профессионалы и светские чиновники — в сенсативной...» (vol. III, p. 250). См. также его объяснение распространения культуры в социальных классах (vol. IV, 221 ff). — *Примеч. автора.*

эсхатологические представления, моральные нормы, онтологические допущения и наблюдение эмпирических фактов почти без исключений считаются «экзистенциально обусловленными»²⁰. Вопрос, разумеется, состоит в том, находятся ли эти различные виды «познания» в одинаковом отношении к их социологическому базису или же необходимо точно различать сферы познания, поскольку это отношение различно для различных типов. По большей части по отношению к этой проблеме существует некоторая двусмысленность.

Только в своих последних работах Энгельс стал признавать, что понятие идеологической надстройки включает в себя разнообразные «идеологические формы», которые *значительно* отличаются друг от друга, то есть в неравной степени и неодинаково обусловлены материальным базисом. Неудачная попытка Маркса систематически²¹ рассмотреть эту проблему во многом свидетельствует об исходной неясности относительно того, *что именно* включается в надстройку и каким образом несколько этих «идеологических» сфер связаны со способами производства. Задача Энгельса главным образом состояла в том, чтобы попытаться разъяснить это. Дифференцируя общий термин «идеология», Энгельс допустил некоторый уровень автономности права:

Как только становится необходимым новое разделение труда, создающее профессиональных юристов, открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений нарушается все больше и больше. И это происходит тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет собой резкое, несмягченное, неискаженное выражение господства одного класса: ведь это противоречило бы «понятию права»²².

Если это справедливо по отношению к праву, тесно связанному с давлением экономики, то в еще большей степени это справедливо по

²⁰Ср. с: Merton.op. c/У, pp. 133—135; WollfK.H., «The Sociology of knowledge: emphasis on an empirical attitude», *Philosophy of Science*, 10: 104—123, 1943; Parsons T., «The role of ideas in social action», *Essays in Sociological Theory*, Chapter VI. — *Примеч. автора*.

²¹Предположительно, именно это вызвало замечание Шеллера: «Специфическим тезисом экономической концепции истории является то, что законы развития идеологий подчинены законам развития всего познания в целом». *Die Wissensformen...*, 21. — *Примеч. автора*.

²²Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М: 1965 — т. 37, с. 417—418. — *Примеч. автора*.

отношению к другим сферам «идеологической надстройки». Философия, религия, наука ограничены исключительно предыдущим запасом знаний и верований; только косвенно, «в конечном итоге» на них оказывают влияние экономические факторы²³. В этих областях невозможно «вывести» содержание веры и знания просто из анализа исторической ситуации:

Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь²⁴.

Но сказать, что экономический базис прокладывает себе путь «в конечном счете» — значит утверждать, что сфера идеологии является в какой-то степени независимой в своем развитии; именно это делает Энгельс:

Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая²⁵.

Наконец, имеется даже еще более узкая концепция социологического статуса естественных наук. В одном хорошо известном отрывке Маркс явно выделяет естествознание из сферы идеологии:

С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей огромной надстройке. При рассмотрении та-

²³ Там же, с. 419. — *Примеч. автора.*

²⁴ Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1966, — т. 39, с. 175. (В первом издании Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса и последующих публикациях в качестве адресата данного письма ошибочно указан Гейнц Штаркенбург.) — *Примеч. автора.*

²⁵ Там же, с. 176. Ср. с: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1961, — т. 21, с. 312. «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации». Маркс К. Введение к критике политической экономии (из экономических рукописей 1857—1858 гг.). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — ■*: 1958, - т. 12, с. 736. - *Примеч. автора.*

ких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение²⁶.

Таким образом, естествознанию и политэкономии, которые, возможно, соответствуют друг другу своей точностью, придается статус, принципиально отличный от статуса идеологии. Концептуальное содержание естествознания не приписывается экономическому базису; приписываются просто его «цели» и «материал»:

Чем было бы естествознание без промышленности и торговли? Даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, только благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей²⁷.

Рассуждая таким же образом, Энгельс утверждает, что появление созданного Марксом материалистического понимания истории само было детерминировано «с необходимостью», на что указывают аналогичные точки зрения, возникшие у английских и французских историков этого периода, а также независимое открытие Морганом той же самой концепции²⁸.

²⁶Маркс К. К критике политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1959 — т. 13, с. 7. — *Примеч. автора.*

²⁷Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1955 — т. 3, с. 43. См. также: Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке (там же, т. 19, с. 194—195), где потребности восходящего среднего класса призваны объяснить расцвет науки. Утверждение, согласно которому «только» торговля и промышленность дают науке ее цели, типично для резких и бездоказательных высказываний, преобладающих именно в ранних марксистских работах. Такие термины, как «детерминация», нельзя понимать буквально: обычно они используются очень свободно. Действительный объем таких связей между интеллектуальной деятельностью и ее материальными основаниями не исследовали ни Маркс, ни Энгельс. — *Примеч. автора.*

²⁸Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1966 — т. 39, с. 176. Параллельные независимые открытия и изобретения приводились в качестве «доказательства» социальной детерминации познания на протяжении всего девятнадцатого века. Уже в 1828 г. Маколей в своем очерке о Драйдене заметил по поводу изобретения Ньютоном и Лейбницем одного и того же математического исчисления: «Математика действительно достигла такого пункта, что, если бы ни тот, ни другой вообще никогда не существовали, открытый ими принцип был бы неизбежно открыт кем-то еще через несколько лет». Он приводит и другие аналогичные случаи. Викторианские промышленники тоже разделяли точку зрения Маркса и Энгельса. В наши дни на этот тезис, основанием которого служат независимые, но одинаковые изобретения, особое внимание обращали Дороти Томас, Огберн и Фиркандт. — *Примеч. автора.*

Он заходит еще дальше, утверждая, что социалистическая теория сама является пролетарским «отражением» современной классовой борьбы, так что здесь по крайней мере само содержание «научного мышления» считается социально детерминированным²⁹, что отнюдь не делает его недействительным.

Тогда же в марксизме зародилась тенденция, полагающая, что естествознание иначе относится к экономическому базису, чем другие сферы знания и мнений. В науке направление исследований может быть социально детерминированным, но, вероятно, не ее концептуальный аппарат. В этом отношении, как иногда считалось, общественные науки значительно отличаются от естественных. Тенденция ассимиляции общественных наук сферой идеологии получила у поздних марксистов развитие в сомнительном тезисе о классовой ограниченности социологии (которая якобы неизбежно является тенденциозной)³⁰, а также в претензии на то, что только «пролетарская наука» действительно проникает в некоторые аспекты социальной реальности³¹.

Маннгейм следует марксистской традиции, в определенной мере освобождая от экзистенциальной детерминации «точные науки» и «формальное знание», но не «исторические, политические и социальные науки, мышление которых не отличается от обыденного мышления»³². Ситуационная детерминация мышления не делает его недействительным; однако она детализирует область исследования и сферу его действия³³.

Если Маркс не дает четкой дифференциации надстройки, то Шелер впадает в другую крайность. Он выделяет различные формы познания. Начнем с того, что существуют «относительно естественные мировоззрения»: они принимаются как данное, не требуют подтверждения и не способны его дать. Это, так сказать, культурные аксиомы групп, то, что Джозеф Гленвилл примерно триста лет тому назад

²⁹Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1961 — т. 19, с. 189. — *Примеч. автора.*

³⁰Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма. — Поли. собр. соч., т. 23. — *Примеч. автора.*

³¹Bukharin N., *Historical Materialism* (New York: International Publishers, 1925) pp. XI—XII; Hessen B., *Society at the Cross — Roads* (London: Kniga, 1932), p. 154; Timenev A.U., *Marxism and Modern Thought* (New York: Harcourt, Brace, 1935), p. 310; «Only Marxism, only the ideology of the advanced revolutionary class is scientific». — *Примеч. автора.*

³²Mannheim K., *Ideology and Utopia*. Pp. 150, 243; Mannheim, «Die Bedeutung der Konkurrenz in Gebiete des Geistigen», *Verhandlungen des 6. deutschen Soziologentages* (Tubingen, 1929), s. 41. — *Примеч. автора.*

³³Mannheim, *Ideology and Utopia*, pp. 256, 264. — *Примеч. автора.*

назвал «общественным мнением». Важнейшая задача социологии познания состоит в том, чтобы открыть законы трансформации этих мировоззрений. А так как эти системы взглядов далеко не обязательно имеют необходимое обоснование, то отсюда следует, что социология познания занимается не только поиском экзистенциальных основ истины, но и поиском экзистенциальных основ «социальных иллюзий, предрассудков и социально обусловленных ошибок и форм заблуждений»³⁴.

Мировоззрения развиваются естественно и только в больших интервалах времени. Вряд ли на них воздействуют теории. Не имея на то адекватных доказательств, Шелер утверждает, что сколько-нибудь фундаментально они могут изменяться только благодаря «смещению» рас или, возможно, благодаря «смещению» языков и культур. На основе этих чрезвычайно медленно изменяющихся мировоззрений вводятся более «искусственные» формы познания, которые в соответствии с уровнем их «искусственности» можно подразделить на семь классов: 1) мифы и легенды; 2) знания, имплицитно присутствующие в естественных языках; 3) религиозное знание (начиная с неясной эмоциональной интуиции и кончая фиксированной церковной догмой); 4) основные типы мистического знания; 5) философско-метафизическое знание; 6) позитивное знание, даваемое математикой, естественными науками и культурологией; 7) технологическое знание³⁵. Чем искусственнее эти типы знания, тем быстрее они изменяются. Очевидно, говорит Шелер, что религии меняются гораздо медленнее, чем различные метафизические системы, а эти последние продолжают существовать гораздо дольше, чем результаты позитивных наук, которые меняются ежечасно.

Эта гипотеза «скорости изменений» чем-то похожа на тезис Альфреда Вебера, согласно которому изменения цивилизации опережают изменения культуры, и на гипотезу Осберна, согласно которой «материальные» факторы изменяются быстрее, чем «нематериальные».

Гипотеза Шелера разделяет с ними их ограниченность, но имеет также и некоторые другие недостатки. Он нигде не дает ясных указаний на то, что в действительности означает его принцип классификации типов знания — так называемая искусственность. Почему, например, «мистическое знание» считается более «искусственным», чем религиозные догмы? Он вообще не раскрывает, что имеется в виду, когда говорится, что один тип знания изменяется быстрее, чем другой. Рассмотрим его любопытное сравнение новых научных «результата-

³⁴ Scheler, *Die Wissensformen...*, ss. 59—61. — *Примеч. автора.*

³⁵ *Ibid.*, p. 62. — *Примеч. автора.*

тов» с метафизическими системами; каким образом проводится сравнение масштабов изменения в послекантовской философии и, например, в биологии за соответствующий период? Шелер смело утверждает, что существует семикратное изменение скоростей изменения, и, разумеется, не дает эмпирического подтверждения этой сложной гипотезы. Если иметь в виду затруднения, с которыми приходилось сталкиваться при проверке гораздо более простых гипотез, то абсолютно непонятно, какую пользу можно извлечь, выдвигая подобную сложную гипотезу.

Считается, однако, что только определенные аспекты этого познания детерминированы социологически. Основываясь на некоторых постулатах, которые нет надобности рассматривать здесь, Шелер продолжает утверждать:

Не вызывает сомнений социологический характер всего познания в целом, всех форм мышления, интуиции и сознания. Несмотря на то что *содержание* и (даже в меньшей степени) объективная достоверность всего познания не детерминируется *контролирующими перспективами* социальных интересов, мы тем не менее имеем здесь пример *выбора* объектов познания. Кроме того, «формы» ментальных процессов, с помощью которых приобретаются знания, всегда с необходимостью имеют параллельную социологическую детерминацию, то есть детерминируются посредством социальной структуры»³⁶.

Так как объяснение заключается в том, чтобы отыскать в известном нечто относительно новое, и так как общество «известно лучше», чем что-либо еще³⁷, следует ожидать, что формы мышления, интуиции и классификации познаваемых объектов, вообще говоря, детерминированы (*mitbedingt**) с помощью выделения и классификации групп, которые в совокупности составляют все общество в целом.

Шелер категорически опровергает все формы социологизма. Он пытается избежать радикального релятивизма, обращаясь к метафизическому дуализму. Он постулирует царство «вневременных сущностей», которые в той или иной степени присутствуют в *содержании суждений*; это царство принципиально отличается от сферы исторической и социальной реальности, которая определяет *акт* суждения. Мандельбаум очень хорошо выразил суть этой точки зрения:

³⁶ Ibid., p. 55. — *Примеч. автора.*

³⁷ См. точно такое же допущение Дюркгейма, процитированное в прим. 14 этой главы. — *Примеч. автора.*

обусловлены. — *Примеч. автора.*

Царство сущностей — это, по Шелеру, царство возможностей, из которых мы в соответствии со временем и с нашими интересами сначала выбираем и начинаем рассматривать один комплекс, затем другой. То, на что мы как историки обращаем особое внимание, определяется нашими собственными, социологически обусловленными оценками; то, что мы там видим, определяется комплексом абсолютных и вечных ценностей, которые имплицитно присутствуют в прошлом и с которыми мы имеем дело³⁸.

Это действительно полная противоположность релятивизму — противоположность по определению. Просто утверждая различие между сущностью и существованием, мы избавляемся от демона релятивизма, изгоняя его. Понятие вечных сущностей скорее созвучно метафизическим понятиям; оно совершенно чуждо эмпирическому исследованию. Стоит заметить, что эти концепции не играют сколько-нибудь значительной роли в усилиях Шелера эмпирически установить отношения между познанием и обществом.

Шелер указывает на то, что различные типы познания связаны с определенными формами групп. Содержание платоновской теории идей требовало формы и организации платоновской академии; организация протестантских церквей и сект определялась содержанием их религиозных верований, которые, как показал Трельш, могли существовать только в этом — и никаком другом — типе социальной организации. Аналогичным образом типы общества, организованного по принципу общины (*Gemeinschaft*), имели традиционный запас знаний, которые передавались от поколения к поколению как окончательные; их не интересовали открытия или приращение знаний. Поскольку сама попытка проверить традиционное знание подразумевала сомнение, она исключалась как нечто богохульное. В такой группе преобладающей логикой и способом мышления было мышление по принципу «*ars demonstrandi*»*, а не по принципу «*ars inveniendi*»**. Его методы по преимуществу являются онтологическими и догматическими, а не эпистемологическими и критическими; его образ мыслей — это концептуальный реализм, а не номинализм, как при организации по типу общества в целом (*Gesellschaft*);

³⁸ Mandelbaum M., *The Problem of Historical Knowledge* (New York: Liveright, 1938), p. 150; Сорокин обращается к аналогичной сфере «вечных идей», например, в своей книге: *Sociocultural Causality, Space, Time* (Durham: Duke University Press, 1943), p. 215, *passim*. — *Примеч. автора*.

* *ars demonstrandi* (лат.; букв. искусство демонстрации) — доказательства высказывания посредством раскрытия дедуктивных процессов, с помощью которых оно может быть выведено. — *Примеч. пер.*

** искусство изобретения (лат.). — *Примеч. пер.*

его система категории является организмической, а не механистической³⁹.

Дюркгейм распространяет социологическое исследование на социальный генезис категорий мышления, обосновывая свою гипотезу с помощью доказательств — предположений трех типов: 1. Факт культурной изменчивости категорий и правил логики «свидетельствует о том, что они зависят от таких факторов, которые носят исторический характер и, следовательно, являются социальными»⁴⁰. 2. Так как понятия включены в язык, которым пользуется индивид (это относится и к специальной терминологии ученого), и так как некоторые из этих концептуальных терминов относятся к таким вещам, которые никогда не были даны в нашем индивидуальном опыте, то ясно, что они являются общественным продуктом⁴¹. 3. Принятие или неприятие понятий детерминируется не *просто* их объективностью, но и их совместимостью с другими преобладающими мнениями⁴².

Однако Дюркгейм не относится к тому типу релятивизма, в котором критерии достоверности просто конкурируют друг с другом. Социальное происхождение категорий не делает их абсолютно произвольными, поскольку дело касается их применимости к природе. Они в той или иной степени адекватны своему объекту. Но так как социальные структуры изменчивы (а вместе с ними меняется и категориальный аппарат), то конкретные логические конструкции, бытующие в обществе, неизбежно включают в себя «субъективные» элементы. Эти субъективные элементы «следует постепенно искоренять, если мы хотим еще больше приблизиться к реальности». Это тоже происходит под детерминирующим влиянием социальных условий. С расширением межкультурных контактов, распространением общения между людьми, вышедшими из разных общественных формаций, с развитием общества местные, локальные референтные координаты разрушаются. «Вещи не могут больше соответствовать тем социальным образцам, в соответствии с которыми их первоначально классифицировали; они должны быть организованы в соответствии со своими собственными принципами. Таким образом, логическая организация отделяется от социальной организации и становится автономной. Подлинно человеческое мышление не первобытно; оно — продукт истории...»⁴³ Именно эти представления, которые особенно подверга-

³⁹ Scheler, *Die Wissensformen...*, pp. 22—23; ср. с аналогичными характеристиками «духовных школ» мышления в: Znaniecki F., *The social Role of the Man of Knowledge* (New York: Columbia University Press, 1940). — Ch. 3. — *Примеч. автора.*

⁴⁰ Durkheim, *Elementary Forms...*, pp. 12, 18, 439. — *Примеч. автора.*

⁴¹ Ibid., pp. 433—435. — *Примеч. автора.*

⁴² Ibid., p. 438. — *Примеч. автора.*

⁴³ Ibid., pp. 444—445; 437. — *Примеч. автора.*

лись научно-методологической критике, постепенно стали приобретать все большую объективность и адекватность. Объективность сама стала рассматриваться как социальное новообразование.

Двойственная в целом эпистемология Дюркгейма переплетается с его сущностным объяснением социальных корней, определяющих конкретные названия пространственно-временных и других единиц. Нам не нужно впадать в традиционный восторг по поводу того, что категории — это нечто независимое и предсказуемое, чтобы заметить, что у Дюркгейма речь идет не о них, а об условном разделении времени и пространства. Мимоходом он заметил, что различия между ними не должны привести нас к «забвению их сходства, что не менее существенно». Если он был новатором, соотнося изменения концептуальных систем с изменениями социальной организации, то в установлении социального происхождения категорий он отнюдь не преуспел.

Подобно Дюркгейму, Гране придает большое значение языку, который ограничивает и фиксирует преобладающие понятия и образы мыслей. Он показал, что китайский язык не приспособлен для того, чтобы выделять понятия, анализировать идеи или дискурсивно излагать доктрины. Он никогда не поддавался формальному уточнению. В китайском языке слово не фиксирует понятие с достаточной степенью абстрагированности и обобщенности; напротив, оно подразумевает некоторый неопределенный комплекс отдельных конкретных образов. Так, в китайском языке нет слова, которое просто обозначает старика. Скорее в нем существует много слов, отображающих различные аспекты старости: «ки» — те, кто нуждается в усиленной диете; «као» — те, кто с трудом дышит, и т.д. Эти конкретные воплощения вызывают к жизни множество аналогичных конкретных образов, отображающих каждую деталь в образе жизни пожилых людей: это те, кто должен быть освобожден от военной службы; те, для кого следует заранее запастись похоронными принадлежностями; те, кто имеет право ходить по городу с палкой (посохом), и т.д. Всего лишь несколько образов, обозначаемых как «ки», в общем соответствует квазиединичному понятию пожилых людей (т.е. людей в возрасте приблизительно от 60 до 70 лет).

Поэтому китайские слова и предложения носят абсолютно конкретный, символический характер⁴⁴.

Подобно китайскому языку (который имеет конкретный и творческий характер), большинство общих идей древнекитайских мыслителей тоже были неизменно конкретными, и ни одна из них не сравнима с нашими абстрактными идеями. Ни время, ни пространство не понимались абстрактно. Время — цикличное и круглое; простран-

⁴⁴ Granet, *La Pensee Chinoise*, pp. 33—38, 82 и вся гл. 1. — *Примеч. автора.*

ство — квадратное. Земля, которая представляет собой квадрат, должна быть разделена на квадраты; стены городов, поля и военные лагеря должны иметь форму квадрата. Лагеря, здания и города должны иметь определенную ориентацию, и выбор надлежащей ориентации находится в руках ритуального лидера. Все методы деления и организации пространства — межевание, градостроительство, архитектура, политическая география, а также предполагаемые ими умообразные геометрические представления — связаны с рядом социальных регуляций. Так как все это в особенности относится к периодическим сборным комплексам, то тем самым вновь подтверждаются и подкрепляются в каждой своей детали те символы, которые представляют пространство. Они объясняют его квадратную форму, его гетерогенность и иерархичность; такая концепция пространства могла возникнуть только в феодальном обществе⁴⁵.

Хотя Гране и установил социальные основы конкретных обозначений пространства и времени, все же остается неясным, имеет ли он дело с данными, сопоставимыми с западными концепциями. Он рассматривает традиционные, или ритуализированные, или магические концепции и подспудно сравнивает их с нашей реальностью, с нашими техническими или научными представлениями. Но в целом ряде *практических* действий китайцы *не исходят* из допущения, что «время круглое», а «пространство квадратное». Когда рассматриваются соизмеримые сферы деятельности и мышления, то очень сомнительно, чтобы происходило подобное расщепление «категориальных систем» — расщепление в том смысле, что никаких общих знаменателей у мыслей и концепций нет. Гране продемонстрировал качественные различия понятий в *определенных контекстах*, но не в таких соизмеримых контекстах, как, например, технико-практический контекст. Его работа свидетельствует о том, что благодаря дифференцированной фокусировке интеллектуальных интересов в этих двух сферах и в ритуальной сфере существуют фундаментальные различия во взглядах, но в других сферах непреодолимых разрывов нет. Заблуждение, наиболее заметное в понятии «предлогичности» первобытного разума, введенном Леви — Брюлем, таким образом, проявляется также и в работе Гране. Как продемонстрировали Малиновский и Риверс, когда рассматриваются сопоставимые сферы мышления и деятельности, подобных несовместимых различий не обнаруживается⁴⁶.

⁴⁵ Ibid., pp. 87—95. — *Примеч. автора.* Ср. с тем, что говорит Б. Малиновский: «Каждая первобытная община обладает значительным запасом знаний, базирующихся на опыте и скроенных разумом» (Malinowski B., *Magic, Science & Religion* (Glencoe: The Free Press, 1948, p. 9). — *Примеч. автора.*

Сорокин развивает ту же самую тенденцию, приписывая своим типам культуры принципиально отличные критерии истины. Факт переключения внимания на определенную часть интеллектуальных элит в различных исторических сообществах он превратил в четкую идиому. В некоторых обществах в центре внимания находятся религиозные концепции и определенные типы метафизики, тогда как в других основной интерес представляет наука. Но в некоторых сферах каждого из этих обществ сосуществует несколько «систем истины»; Католическая церковь не отказалась от своих «идеациональных» критериев даже в наш сенсативный век.

До тех пор, пока Сорокин стоит на позициях принципиально различных и обособленных критериев истины, он должен включать в этот контекст и свою собственную работу. Можно сказать (хотя для того, чтобы это подтвердить, потребовалось бы широкое обсуждение), что он никогда не решает эту проблему. Его попытки выбраться из тупика радикального релятивизма довольно разнообразны. Так, в самом начале он утверждает, что его концепции должны проверяться точно таким же образом, «как любой научный закон. Прежде всего принцип должен быть логическим по своей природе; во-вторых, он должен успешно проходить проверку со стороны относящихся к делу фактов, то есть он должен соответствовать фактам и отражать их»⁴⁷. По терминологии самого Сорокина, тем самым он занял научную позицию, характерную для «сенсативной системы истины». Однако когда он прямо излагает свою собственную эпистемологическую точку зрения, он принимает «интегралистскую» концепцию истины, которая стремится ассимилировать эмпирические и логические критерии, а также «сверхчувственный, надрациональный, металогический акт интуиции или мистического опыта»⁴⁸. Таким образом, он постулирует интеграцию этих систем. Чтобы оправдать «истину веры» (единственный пункт, который отделяет его от обычных критериев, применяемых в современной научной работе), он указывает на то, что «интуиция» играет важную роль как *источник* научных открытий. Но разве об этом идет спор? Обсуждается не проблема психологических *источников* валидных умозаключений, но *проблема критериев и методов достижения валидности*. Какими критериями мог бы воспользоваться Сорокин, когда «сверхчувственная» интуиция не совпадает с эмпирическим наблюдением? В подобных случаях, насколько можно судить, исходя прежде всего из его работы, а не из его комментариев к ней, он принимает факты и отвергает интуицию. Все это наводит на мысль, что под общим ярлы-

⁴⁷ Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, I, p. 36; cf. II, 11—12n. — *Примеч. автора.*

⁴⁸ Ibid., IV, Chap. 16; *Sociocultural Causality...*, Chap. 5. — *Примеч. автора.*

ком «истины» Сорокин обсуждает абсолютно разные и несопоставимые типы суждений. Подобно тому, как химический анализ масляной живописи несопоставим и не несопоставим с ее эстетической оценкой, так и сорокинские системы истины относятся к совершенно разным типам суждений. И действительно, когда в конечном итоге он замечает, что «каждая из систем истины в пределах своей легитимной области компетенции дает нам подлинное знание соответствующих аспектов реальности»⁴⁹, то это говорит о многом. Но каково бы ни было его личное мнение по поводу интуиции, он не может ввести ее в свою социологию в качестве *критерия* (а не источника) валидных умозаключений.

Отношение познания к экзистенциальному базису

Несмотря на то что эта проблема, очевидно, составляет ядро любой теории в сфере социологии познания, она часто скорее подразумевалась, чем разрабатывалась непосредственно. Однако любой тип предполагаемого отношения между познанием и обществом предполагает целую теорию социологического метода и социальной причинности. Преобладающие в этой области теории имеют дело с одним из двух главных типов отношений (или с ними обоими): причинным, или функциональным, и символическим, или организмическим (или отношением значений)⁵⁰.

Маркс и Энгельс, разумеется, имеют дело только с одним из видов причинного отношения между экономическим базисом и идеями, обозначая это отношение с помощью самых разнообразных терминов — таких, как «детерминация, соответствие, отражение, перерастание, зависимость» и т.д. Кроме того, они вводят отношение «интереса», или «потребности»: если страта на определенной стадии исторического развития имеет (приписываемые ей) потребности, то, считают они, существует определенное давление, обуславливающее возникновение соответствующих идей и знаний. Неадекватность этих разнообразных формулировок — сущее бедствие для тех, кто исходит из марксистской традиции в наши дни⁵¹.

⁴⁹ Sociocultural Causality..., p. 230—In. — *Примеч. автора.*

⁵⁰ Различия между ними уже давно рассматривались в европейской социологической мысли. Наиболее тщательную разработку по этому вопросу см.: Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, e.g. I, chapters 1—2. — *Примеч. автора.*

⁵¹ Ср. с комментариями Ханса Шпейера в: Speier H., «The social determination of ideas», *Social Research*, 1938, 5, pp. 182-205; Wright Mills C., «Language, logic and culture», *American Sociological Review*, 1939, 4, pp. 670—680. — *Примеч. автора.*

Поскольку Маркс, как мы убедились, не считал мышление простым отражением объективного положения класса, то вновь возникает проблема его «привязки» к определенному базису. Преобладающие марксистские гипотезы, выдвинутые для решения этой проблемы, включают в себя концепцию истории, которая служит основанием для того, чтобы решить, действительно ли идеология данного социального слоя «адекватна в ситуационном отношении»: для этого требуется гипотетическая реконструкция того, что *думали бы* и что *воспринимали бы* люди, если бы они могли адекватно постигать историческую ситуацию⁵². Но *в действительности* такое проникновение в ситуацию не обязательно получает широкое распространение в конкретной социальной страте. Тогда, следовательно, появляется проблема «ложного сознания»: каким образом идеология, которая не соответствует интересам данного класса и не является ситуационно адекватной, становится преобладающей.

Частичное эмпирическое объяснение ложного сознания, имплицитно содержащееся в «Манифесте», утверждает, что буржуазия контролирует содержание культуры и, таким образом, содействует распространению доктрин и стандартов, чуждых интересам пролетариата⁵³. Или, говоря более обобщенно, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»⁵³. Но это объяснение является только частичным; по большей части оно относится к ложному сознанию подчиненного класса. Например, оно могло отчасти объяснить факт, замеченный Марксом: даже там, где собственник-крестьянин «по своему положению принадлежит к пролетариату, он не верит этому». Однако оно совершенно не подходит для объяснения ложного сознания самого правящего класса.

Другая, хотя и не четко сформулированная тема, связанная с проблемой ложного сознания, красной нитью проходит через всю теорию марксизма. Это понимание идеологии *кинематического, бессознательного* выражения «реальных побудительных мотивов», которые, в свою очередь, объясняются объективными интересами социальных классов. В этой концепции, таким образом, снова подчеркивается неявный, скрытый характер идеологии:

⁵³ Ср. с формулировкой Маннгейма, *Ideology and Utopia*, 175 ff.; Georg Lukacs, *Geschichte und Klassenbewusstsein* (Berlin, 1923), 61 ff.; Arthur Child «The problem of imputation in the sociology of knowledge», *Ethics*, 1941, 51, 200—214. — *Примеч. автора.*

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: т. 3, с. 46: «Поскольку они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всем ее объеме, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит, господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распространение мыслей своего времени». — *Примеч. автора.*

⁵⁴ Там же, с. 45. — *Примеч. автора.*

Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах⁵⁴.

На неопределенность термина «соответствие» применительно к связи между материальным базисом и идеей может не обращать внимание только заядлый полемист. Идеология понимается: как «искажение социальной ситуации»⁵⁵; как простое «выражение» материальных условий⁵⁶; как мотивационная поддержка для осуществления реальных изменений в обществе⁵⁷. Именно с помощью этого последнего допущения, согласно которому «иллюзорные» мнения обеспечивают побудительные мотивы для деятельности людей, марксизм обосновывает известную независимость идеологии в историческом процессе. Она отнюдь не является просто эпифеноменом. Она обладает некоторой автономией. На этой основе развивается представление о взаимодействующих факторах, согласно которому надстройка, будучи связана с материальным базисом отношениями взаимной зависимости, тем не менее обладает известной независимостью. Энгельс открыто признает, что более ранние формулировки были не адекватны по крайней мере в двух отношениях: во-первых, они оба — он и Маркс — раньше слишком преувеличивали роль экономического фактора и преуменьшали роль взаимодействий⁵⁸; во-вторых, они «упустили» формальную сторону — способ развития этих идей⁵⁹.

⁵⁴ Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1966, т. 39, с. 83. Ср. с: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Там же, т. 8, с. 145; Маркс К. К критике политической экономии. — Там же, т. 13, с. 7. — *Примеч. автора.*

⁵⁵ Маркс К. Восемнадцатое брюмера... — Там же, т. 8, с. 144 (речь идет о том, как демократическая партия Горы впадает в самообман). — *Примеч. автора.*

⁵⁶ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Там же, т. 19, с. 210. Ср. с: «Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости поднимавшегося бюргерства... Здесь кальвинизм явился подлинной религиозной маскировкой интересов тогдашней буржуазии». Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Там же, т. 21, с. 314—315. — *Примеч. автора.*

⁵⁷ Маркс признает мотивационное значение «иллюзий» поднимающейся буржуазии (см.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера... — Там же, т. 8, с. 145—146). — *Примеч. автора.*

⁵⁸ Энгельс Ф. Письмо Блоху от 21 сентября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М., т. 37 с. 394—395. — *Примеч. автора.*

⁵⁹ Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу от 14 июля 1893 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М., т. 39, с. 82. — *Примеч. автора.*

Таким образом, рассматривая взаимосвязи идей и экономического базиса, Маркс и Энгельс утверждали, что экономический базис образует тот каркас, который ограничивает разнообразие идей, способных оказаться социально-эффективными; идеи, которые не подходят тому или иному из борющихся классов, могут возникнуть, но их влияние будет невелико. Экономические условия необходимы, но недостаточны для возникновения и распространения идей, выражающих либо интересы, либо воззрения, либо интересы и воззрения различных социальных страт. Не существует строгой детерминации идей экономическими условиями; есть только определенная предрасположенность. Зная экономические условия, мы можем предсказать, какие идеи могут оказать регулирующее воздействие в том направлении, которое, возможно, окажется эффективным. «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁵⁹³. Идеи и идеологические системы играют определенную роль в истории: обратим внимание на религию, которая является «опиумом для народа»; кроме того, примем во внимание, какое значение Маркс и Энгельс придавали тому, чтобы пролетариат «осознал» свои «собственные интересы». Так как в развитии всей социальной системы в целом отсутствует какая-либо фатальность, а есть только развитие экономических условий, которое делает *возможной* и вероятной определенную направленность происходящих изменений, то идеологические системы могут играть решающую роль в выборе той альтернативы, которая «соответствует» реальному балансу сил, а не той, которая противоречит существующему раскладу сил и, следовательно, обречена на то, чтобы быть неустойчивой, ненадежной и преходящей. В конечном итоге существует некоторая неизбежность, проистекающая из экономического развития, но она не носит характера такой жесткой, распространяющейся даже на мельчайшие детали предопределенности, которая вообще сделала бы невозможной какую бы то ни было изменчивость идей.

Марксистское понимание истории допускает, *что раньше или позже* идеальные системы, несовместимые с действительно господствующей или только зарождающейся системой власти, будут отвергнуты в пользу такой идеальной системы, которая лучше выразит действительную расстановку сил. Именно эту точку зрения Энгельс выражает с помощью метафоры «зигзагообразное™» абстрактной идеологии: идеологии могут временно терять совместимость с существующими в данный момент общественными производственными отношениями, но в конечном итоге будут с ними согласовываться. Поэтому марк-

^{59a} Маркс К. Восемнадцатое брюмера... — Там же, с. 119. — *Примеч. автора.*

систский анализ идеологии всегда должен рассматривать всю историческую ситуацию «в целом», чтобы объяснять как временные отклонения идей от экономической необходимости, так и их приспособление к ней в конечном итоге. Но по этой же причине марксистский анализ склонен к чрезмерной «эластичности», доходящей чуть ли не до того, чтобы *любую* попытку его развития объяснять как временное отклонение; слова «анахронизм» и «отставание» становятся в нем ярлыками, позволяющими объяснить существование мнений, которые не соответствуют теоретическим ожиданиям; понятие «случайности» позволяет ему всегда иметь под рукой средство спасения своей теории от таких фактов, которые, по-видимому, бросают вызов ее верности, правильности⁶⁰. Как только теория начинает пользоваться такими понятиями, как «отставание», «выпад», «анахронизм», «случайность», «частичная независимость» и «конечная зависимость», она становится такой лабильной и такой расплывчатой, что ее можно согласовать, по существу, с любой конфигурацией данных. Здесь, как и в некоторых других теориях в области социологии познания, для того чтобы определить, есть ли у нас подлинная теория, нужно поставить решающий вопрос: как эту теорию можно опровергнуть? Какие данные в любой исторической ситуации будут противоречить этой теории и опровергать ее? Если на этот вопрос нельзя ответить прямо, если теория не содержит утверждений, которые можно опровергнуть с помощью определенных типов доказательств, она остается просто псевдотеорией, совместимой с любым кругом данных.

Хотя Маннгейм далеко продвинулся в создании действительных исследовательских процедур реальной социологии познания, он не прояснил сколько-нибудь значительно связей мышления и общества⁶¹. Как указывает Маннгейм, как только мы начинаем анализировать мысленные структуры, сразу же возникает проблема их принадлежности определенным группам. Требуется не только эмпирически исследовать группы или страты, которые мыслят по преимуществу на языке этих терминов, но также предложить интерпретацию того, почему именно эти, а не какие-нибудь другие группы проявляют данный тип мышления. Этот последний вопрос подразумевает обращение к социальной психологии, которой Маннгейм не занимался систематически.

Наиболее серьезный недостаток аналитического подхода Дюркгейма заключается именно в его некритическом восприятии наивной тео-

⁶⁰ Ср. с: Weber M., *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, ss. 166—170. — *Примеч. автора*.

⁶¹ Этот аспект теории Маннгейма подробно рассматривается в следующей главе. — *Примеч. автора*.

рии соответствия, согласно которой категории мышления «отражают» определенные черты групповой организации. Он утверждал, например, что «в Австралии и Северной Америке существуют общества, в которых пространство воспринимается как огромный круг, *потому что* их лагерь имеет форму круга... социальная организация стала моделью для пространственной организации и в то же время ее воспроизведением»⁶². Аналогичным образом общее понятие времени выводится из специфических временных единиц, дифференцирующихся благодаря социальной деятельности (церемониям, пирам, ритуалам)⁶³. Категория класса и способы классификации, включающие понятие иерархии, выводятся из социального группирования и стратификации. Затем эти социальные категории «проектируются в нашу концепцию нового мира»⁶⁴. В итоге категории «выражают» различные аспекты социальной упорядоченности⁶⁵. Социология познания Дюркгейма страдает от того, что он чуждается социальной психологии.

Для Шелера наиболее важным отношением между идеями и экзистенциальными факторами является взаимодействие. Идеи взаимодействуют с экзистенциальными факторами, которые действуют в качестве селективных факторов, содействующих или препятствующих тому, чтобы потенциальные идеи получили действительное выражение. Экзистенциальные факторы не «создают» и не «определяют» содержание идей; они просто отвечают за *различие* между возможностью и действительностью; они затрудняют, замедляют или ускоряют актуализацию потенциальных идей. Вводя образ, напоминающий гипотетического демона Клерка Максвелла, Шелер утверждает: «Определенным образом и в определенном порядке экзистенциальные факторы открывают и затворяют заслонки для потока идей». Эта формулировка, которая приписывает экзистенциальным факторам функцию выбора из автономного царства идей, согласно Шелеру, является тем основополагающим тезисом, с которым согласны такие теоретики (чьи мнения по всем остальным вопросам расходятся), как Дильтей, Трельч, Макс Вебер и он сам⁶⁶. Шелер оперирует также понятием «структурной идентичности», которое, с одной стороны, относится к общим предпосылкам знания или мнения, а с другой — к общим предпосылкам социальной, экономической или политической структуры⁶⁷. Так, возникновение в шестнадцатом столе-

⁶² Durkheim, *Elementary Forms...*, pp. 11—12. — *Примеч. автора.* °

Ibid., pp. 10—11. — *Примеч. автора.*

⁶⁴ *Ibid.*, pp. 148. — *Примеч. автора.*

⁶⁵ *Ibid.*, p. 440. — *Примеч. автора.*

⁶⁶ Scheler. *Die Wissensformen...*, p. 32. — *Примеч. автора.*

⁶⁷ *Ibid.*, p. 56. — *Примеч. автора.*

тии механистического мышления, которое стало доминировать над предшествующим ему организмическом мышлением, неотделимо от нового индивидуализма, зарождающегося господства машин и механизмов над ручным трудом, начавшегося разложения общин и возникновения общества, товарно-рыночного производства, появления в этосе западного общества принципа конкуренции и т.д. Понимание научного исследования как бесконечного процесса, благодаря которому можно аккумулировать большой запас знаний, необходимых для практического применения, и полный отход этой науки от теологии и философии были невозможны без появления нового принципа — бесконечного пополнения свойств современного капитализма⁶⁸.

Обсуждая подобные примеры структурной идентичности, Шелер не считает первичной ни социально-экономическую сферу, ни сферу познания. Скорее они обе детерминируются структурой импульсов, исходящих из элиты, тесно связанной с господствующим этосом. Эту мысль Шелер считает одним из наиболее важных положений в данной области. Таким образом, современная технология — это не просто применение чистой науки, основанной на наблюдении, логике и математике. В гораздо большей степени она является результатом ориентации на господство над природой, которая определяет как цели, так и концептуальную структуру научного мышления. Эта ориентация по большей части только подразумевается, и ее не нужно смешивать с личными мотивами ученых.

Благодаря понятию структурной идентичности Шелер близко подходит к понятию интеграции культуры, или смыслового контекста (*Sinnzusammenhang*). Оно соответствует концепции «системы культурных значений» Сорокина, включающей в себя идентичность основополагающих принципов и ценностей, которые пронизывают все ее составные части; эта система отличается от «каузальной системы», включающей взаимосвязь и взаимозависимость частей⁶⁹. Сделанный Сорокиным обзор критериев истины, онтологии, метафизики, научно-технологической продукции и т.д. не только завершает конструирование различных типов культуры, но и обнаруживает явную тенденцию к их смысловой интеграции с господствующей культурой.

Сорокин смело взялся за решение следующей проблемы: каким образом можно определить, до какого уровня доходит процесс интеграции. Несмотря на свои ядовитые комментарии по поводу роли статистиков в наш сенсативный век, он признает, что исследование сте-

⁶⁸ Ibid., 25; cf. 482-484. - *Примеч. автора.* Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, IV, Chap. 1, 1, Chap. 1. — *Примеч. автора.*

пени или уровня интеграции с необходимостью подразумевает некоторую статистическую систему измерения. Соответственно он создал количественные показатели, характеризующие различные произведения и их авторов в каждый период времени, разложил их по соответствующим категориям и тем самым установил сравнительную частоту (и влияние) различных систем мышления. Каковы бы ни были технические оценки достоверности и надежности этой культурологической статистики, он прямо признал существование проблемы, которую рассмотрели многие исследователи интеграции (или смыслового контекста) культуры, а именно проблемы приблизительного уровня или степени такой интеграции. Более того, с помощью этих статистических расчетов он открыто обосновывает свои эмпирические умозаключения⁷⁰. А эти умозаключения снова подтверждают, что его подход позволяет констатировать проблему связей между экзистенциальным базисом и познанием, но не приводит к ее решению. Приведем пример. «Эмпиризм» определяется как типичная сенсативная система истины. Последние пять столетий, в особенности прошлый век, представляют собой «по преимуществу сенсативную культуру»⁷¹. Однако даже при таком приливе сенсативной культуры, как свидетельствуют статистические индексы Сорокина, только приблизительно 53% влиятельных произведений относятся к области «эмпиризма». А на более ранних стадиях развития этой сенсативной культуры (конец XVI — середина XVII вв.) индексы эмпиризма соответственно ниже, чем индексы рационализма (который скорее всего ассоциируется с идеалистической, а не с эмпирической культурой)⁷². Цель этих заметок состоит не в том, чтобы усомниться, совпадают ли выводы Сорокина с его статистическими данными, и, следовательно, не в том, чтобы задаваться вопросом: почему, располагая этими данными, он говорит, что в XVI—XVII вв. доминирующей является «сенсативная система истины». Скорее она состоит в том, чтобы указать: даже сам Сорокин исходит из того, что всеобъемлющие характеристики исторических

⁷⁰ Несмотря на основополагающее значение этих статистических выкладок для своих эмпирических открытий, Сорокин занимает по отношению к ним любопытную двойственную позицию, похожую на позицию по отношению к эксперименту, приписываемую Ньютону: он стремится сделать свои основные выводы понятными и убедить невежд. Отметим, что Сорокин одобрительно отнесся к замечанию Паркса, который считал, что его статистические расчеты — это просто уступка господствующему сенсативному менталитету и что «они получают то, чего хотят» (Sorokin, *Sociocultural Causality, Space, Time*, 95n.). Амбивалентность Сорокина — следствие его попыток интегрировать совершенно разные «системы истины». — *Примеч. автора.*

⁷¹ Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, II, p. 51. — *Примеч. автора.*

⁷² Ibid., II, p. 30. — *Примеч. автора.*

типов культуры составляют только первый шаг, за которым должен последовать анализ отклонений от основных тенденций данной культуры. Как только вводится понятие *степени* интеграции, типы знания, не интегрирующиеся с господствующими тенденциями, больше нельзя рассматривать как простые конгломераты или считать их случайными. Их социальный базис должен быть установлен с помощью такого метода, который нельзя создать на основе теории эманации.

Основополагающим понятием, которое позволяет дифференцировать обобщения, относящиеся к мышлению и познанию всего общества или культуры в целом, является понятие «аудитории», или «публики», — то, что Знанецкий называет «социальным кругом». Ученые ориентируются не только на свои данные и не на все общество в целом, но на особые сегменты этого общества с их особыми требованиями, критериями достоверности, значимости познания, с постановкой уместных, относящихся к делу проблем, и т.д. Именно благодаря своему восприятию этих требований и ожиданий конкретных аудиторий, которые можно эффективно разместить в социальной структуре, исследователи организуют свою собственную работу, определяют свои данные, составляют свое мнение о проблемах. Следовательно, чем сильнее дифференцировано общество, чем шире круг таких эффективных аудиторий, тем разнообразнее интересы ученых, концептуальные формулировки и процедуры, определяющие цели познания. Связывая каждую из этих типологически определенных аудиторий с ее отличительным социальным положением, мы получаем возможность обеспечить научно-социологическое объяснение изменчивости и противоречивости мышления в обществе; теория эманации упускает из виду эту проблему. Таким образом, английские и французские ученые семнадцатого века, организованные в новоучрежденные научные общества, сами обращались к такой аудитории, которая резко отличалась от аудитории ученых, оставшихся исключительно в университетах. Направленность их усилий в сторону «простого, здравомыслящего, эмпирического» исследования специальных технических и научных проблем сильно отличалась от умозрительной, не связанной с экспериментом направленности работы университетских ученых. Изучение такого многообразия эффективных аудиторий, исследование их отличительных критериев значимого и достоверного познания", соотнесение этих критериев и этого многообразия с их положением в обществе, исследование социально-психологических процессов, бла-

Понятие «Wertbeziehung» (ценностная релевантность), введенное Риккертот — «бером, представляет собой лишь первый шаг в этом направлении; еще остается выделить дальнейшую задачу — дифференцировать различные наборы ценностей и сопоставить их с различными группами или стратами в обществе. — *Примеч. автора.*

годаря которым им удастся ограничиться определенными способами мышления, — все это составляет процедуру, которая обещает перевести процесс исследования в сфере социологии познания с уровня общего «приписывания» на уровень проверяемого эмпирического исследования⁷⁴.

Выше мы рассматривали содержание наиболее влиятельных в данной области теорий. Ограниченность размерами (главы, книги) позволяет только очень сжато рассмотреть еще один из аспектов парадигмы, связывающей функции ментальной продукции с ее различными типами⁷⁵.

Функции экзистенциально обусловленного познания

Теории не только обеспечивают познанию причинные объяснения, но и приписывают познанию социальные функции, которые, вероятно, позволяют объяснить его устойчивость или изменение. Здесь нельзя сколько-нибудь детально исследовать эти виды функционального анализа, хотя их тщательное исследование, несомненно, было бы очень полезным.

Наиболее отличительной особенностью марксистского понимания функции является то, что она приписывается не обществу в целом, а различным общественным стратам. Это относится не только к идеологии, но и к естествознанию. Считается, что в капиталистическом обществе наука и все, что производно от технологии, становится инструментом власти господствующего класса⁷⁶. Рассуждая таким же

⁷⁴Это, может быть, наиболее заметная разновидность социологии познания, развиваемая в настоящее время в американских социологических кругах; ее можно рассматривать как перенесение европейских подходов на американскую почву. Она возникла на базе социальной психологии Г. Мида. На ее уместность в этой связи указывали К.Р. Миллс, Ж. де Гре и др., см., в частности, вышеупомянутую концепцию «социального круга» Ф. Знанецкого. См. также начальные эмпирические исследования в этих направлениях, выполненные в более общей дисциплине — социологии общественных коммуникаций: Lazarsfeld P.F. and Merton R.K., *Studies in Radio and Film Propaganda*. — Примеч. автора.

⁷⁵Оценка исторического и неисторического подхода опущена по необходимости. Можно заметить, что эти противоположности определенно допускают какое-то среднее основание. — Примеч. автора.

⁷⁶Например, Маркс цитирует экономиста XIX в., апологета капитализма Эндрью Юра, который об изобретении автоматической мюль-машины говорит: «Она была призвана вновь восстановить порядок среди промышленных классов... Это изобретение подтверждает развитую уже нами доктрину, что капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности». Маркс К. Капитал, т. 1. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе. — М.: 1960 — т. 23, с. 446. — Примеч. автора.

образом, марксисты часто думали: достаточно показать, что применение науки делает возможным удовлетворение некоторых экономических или технологических нужд. Но применение науки к этим нуждам не обязательно служит доказательством того, что именно они значимо определяют научный результат. Гиперболические функции были открыты за два столетия до того, как они приобрели какое-либо практическое значение, а коническое сечение с перерывами изучалось на протяжении двух тысячелетий, прежде чем получить применение в науке и технологии. Можем ли мы в таких случаях делать вывод, что именно «нужды», которые в конечном итоге были удовлетворены благодаря применению науки, привлекли внимание математиков к этим областям? Что имело место, так сказать, ретроспективное влияние, охватывающее период от двухсот до двух тысяч лет? Требуется тщательно исследовать отношения между возникновением «нужд», осознанием этих «нужд» учеными или теми, кто определяет сделанный ими выбор проблем, а также последствий этого осознания, прежде чем можно будет установить роль экономических и технологических нужд в определении тематики научных исследований⁷⁷.

В дополнение к своему тезису о том, что возникновение категорий социально обусловлено, Дюркгейм указывает также на их социальные функции. Однако функциональный анализ предназначен не для того, чтобы объяснять частные категориальные системы в обществе, а для того, чтобы объяснить существование системы, общей для всего общества. Для коммуникации и координации деятельности людей требуется общая система категорий. Априорист заблуждается, полагая, что принудительная сила обычной, врожденной формы понимания — это в действительности и есть «сама власть общества, преобразующаяся в определенный способ мышления, который является необходимым условием всякого общего действия»⁷⁸. Для того, чтобы объединенная социальная деятельность вообще могла происходить, требуется определенный минимум «логического конформизма»; определенная система категорий является функциональной необходимостью. Эта точка зрения была развита Сорокиным, который указывает на некоторые функции, выполненные различными системами социального пространства и времени⁷⁹.

⁷⁷ Cp. c: Hessen B. *op. cit.*; Merton R.K. *Science, Technology and Society in 17th Century England* (Brugges: Osiris History of Science Monographs, 1938), ch. 7—10; Bernal J.D., *The Social Function of Science* (New York: The Macmillan Co., 1939); Crowther J.G., *The Social Relations of Science* (New York: The Macmillan Co., 1941); Barber B., *Science and the Social Order* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1952); De Gre G., *Science as a Social Institution* (New York: Doubleday & Company, 1955). - *Примеч. автора.*

Durkheim, *Elementary Forms...*, pp. 17, 10—11, 443. — *Примеч. автора.*
Sorokin, *Sociocultural Causality, Space, Time passim*. — *Примеч. автора.*

Дополнительные проблемы и современные исследования

Из приведенного выше обсуждения становится совершенно очевидно, что разнообразие проблем в этой области требует дальнейших исследований⁸⁰.

Шелер указал на то, что социальная организация интеллектуальной деятельности в значительной мере связана с характером познания, которое развивается под ее положительным влиянием. Одним из наиболее ранних исследований этой проблемы в США было предложенное Вебленом язвительное, импрессионистское и зачастую пронищательное объяснение давлений, под влиянием которых формируется жизнь американских университетов⁸¹. Гораздо более систематическим образом изучал методы и критерии набора, придание статуса преподавателям и механизмы руководства их деятельностью Уилсон, закладывая тем самым прочную основу для сравнительных исследований⁸². Создавая типологию ролей, исполняемых теми людьми, которые заняты в сфере познания, Знанецкий развил некоторые гипотезы по следующим поводам: отношения между этими ролями и типами культивируемого познания; между типами познания и основаниями оценки ученого членами общества; между определением ролей и установками относительно практического и теоретического познания и т.д.⁸³.

Еще остается исследовать и исследовать основания классовой идентификации интеллектуалов; их отчуждение от господствующих или подчиненных страт населения; их участие или неучастие в исследованиях, ценности которых, согласно заложенному в них замыслу, бросают прямой вызов существующим в настоящий момент институтам, препятствующим достижению целей, санкционированных культурой⁸⁴; давление, заставляющее принять точку зрения техницизма и избегать опасных мыслей; бюрократизацию интеллектуалов — про-

⁸⁰Что касается дополнительных итогов, см.: Wirth L., *Preface to Mannheim, Ideology and Utopia*, pp. XXV111 — XXXI; Gittler J.B., «Possibilities of a sociology of science», *Social Forces*, 1940, 18, pp. 350—359. — *Примеч. автора*.

⁸¹Veblen T., *The Higher Learning in America* (New York: Huebsch, 1918). — *Примеч. автора*.

⁸²Wilson L., *The Academic Man*; ср. с: Hartshorne E.Y., *The German Universities and National Socialism* (Harvard University Press, 1937). — *Примеч. автора*.

⁸³Znaniecki F., *Social Role of the Man of Knowledge*. — *Примеч. автора*.

⁸⁴Гуннар М юрдаль в своей монографии «Американская дилемма» неоднократно указывает на «скрытые оценки» американских социологов, исследующих американских негров, а также на то влияние, которое эти оценки оказывают на формулировку «научных проблем» в этой области исследований. См.: Myrdal G., *An American Dilemma*, esp. 11, pp. 1027—1064. — *Примеч. автора*.

цесс, благодаря которому проблемы политические превращаются в проблемы административные; сферы социальной жизни, в которых требуется высококвалифицированное позитивное знание, и сферы, в которых считается необходимой только мудрость простого человека. Короче говоря, роль интеллектуалов, которая заключается в осуществлении перемен, и отношение этих перемен к структуре, содержанию и влиянию их работы, требует все большего внимания, так как изменения в социальной организации все больше ставят интеллектуала в зависимость от противоречивых, взаимоисключающих требований⁸⁵.

Все чаще допускалось, что социальная структура оказывает влияние на науку не только тем, что концентрирует внимание ученых на определенных проблемах. В дополнение к тем исследованиям, на которые мы уже ссылались, существует много работ, в которых изучается, каким образом культурный и социальный контекст включается в концептуальное выражение научных проблем.

Теория отбора Дарвина была создана по образцу господствовавшей концепции конкуренции как основы экономического порядка, а этой концепции, в свою очередь, придавалась идеологическая функция, потому что она допускала естественную идентичность интересов⁸⁶. Полушутливое замечание Рассела о национальных особенностях исследований по обучению животных служит указанием на новый тип исследований — изучение отношений между национальной культурой и концептуальными формулировками⁸⁷. Другой пример:

⁸⁵ Маннгейм ссылается на неопубликованную монографию об интеллектуалах; общую библиографию можно найти в его книгах и статье Роберто Миклса: Michels R. Intellectuals. — *Encyclopedia of the Social Sciences*. См. также текущие статьи: Mills C.W., «The Social Role of the Intellectual», *Politics*, 1, April 1944; Merton R.K., «Role of the Intellectual in Public Policy». Статья представлена на ежегодном собрании Американского социологического общества 4 декабря 1943 г. (опубликована как глава IX на стоящего издания); Koestler A., *The Intelligentsia*, Horizon, 1944, 9, pp. 162—175. — *Примеч. автора*.

⁸⁶ Как заметил Кейнс, «Принцип выживания наиболее приспособленных можно было бы рассматривать как широкое обобщение всей рикардовской экономики» (протитировано Толкотом Парсонсом в: Parsons T., *The Structure of Social Action*, p. 113; ср. с: Sandow A., «Social factors in the origin of Darwinism», *Quarterly Review of Biology*, 13, PP. 316—326). — *Примеч. автора*.

⁸⁷ Рассел замечает, что все животные, используемые в психологических исследованиях, «обнаруживают черты национального характера наблюдателя. Животные, изучаемые американцами, действуют с бешеным напором, проявляя невероятную Энергию и решимость, и в конце концов случайно достигают желаемого результата. Животные, за которыми наблюдают немцы, спокойно сидят, думают и в конце концов извлекают решение из своего внутреннего сознания» (Russel B., *Philosophy* (New York: W.W. Norton and Co., 1927, pp. 29—30). Не следует заблуждаться по поводу ост-

Фромм также пытался показать, что «понимающий либерализм» Фрейда молчаливо подразумевал неприятие импульсов, табуированных буржуазным обществом, и что сам Фрейд, обладавший «отцовским» характером, был типичным представителем общества, которое требует послушания и покорности⁸⁸.

Примерно таким же образом указывалось на то, что концепция множественной причинности особенно созвучна университетским ученым, которые находятся в относительной безопасности, лояльны по отношению к status quo*, благодаря которому они имеют достоинство и средства к существованию; которые склонны к согласию и примирению и находят что-нибудь ценное во всех точках зрения, стремясь, таким образом, к созданию такой таксономии, которая дает им возможность сделать упор на множественности факторов и сложности проблем и тем самым избежать необходимости стать на чью-либо сторону⁸⁹. Подчеркивание важности природы или воспитания как первичных детерминантов человеческой природы связано с противоположными политическими ориентациями. Те, кто подчеркивает значение наследственности, являются политическими консерваторами, тогда как енвайронменталисты по большей части являются демократами или радикалами, жаждущими социальных перемен⁹⁰. Но

роумной шутки и считать ее неуместной; возможность национальных различий при выборе и формулировке научных проблем замечалась неоднократно, хотя и не изучалась систематически. Ср. с: Mueller — Freienfels R., *Psychologie der Wissenschaft* (Leipzig: J.A. Barth, 1936), Chap. 8. Автор этой работы интересуется национальными и классовыми различиями, проявляющимися в выборе проблем, «стиле мышления» и т.д.; при этом он не вполне соглашается с чисто немецкими требованиями. Однако этот тип интерпретации может привести к полемическим и безосновательным крайностям, как, например, при разоблачении Максом Шелером английского лицемерия. Он делает вывод, что в науке, как и во всех остальных сферах, англичане являются неисправимыми «лицемерами». Юмовская концепция личности, субстанции и последовательности как биологически полезного самообмана была просто целенаправленным лицемерием. Таким же лицемерием была типично английская концепция рабочей гипотезы (Максвелл, Кельвин), которая содействует прогрессу науки, но не достижению истины; эта концепция есть не что иное, как искусный маневр, позволяющий обеспечить сиюминутную проверку и упорядочивание данных. Прагматизм вообще подразумевает это оппортунистическое лицемерие, говорит Шелер (Scheler M., *Genius des Krieges* (Leipzig: Verlag der Weissenbuecher, 1915). — *Примеч. автора*.

⁸⁸ Fromm E., «Die gesellschaftliche Bedingtheit der psychoanalytischen Therapie», *Zeitschrift fuer sozialforschung*, 1935, 4, ss. 365—397. — *Примеч. автора*.

* существующее положение (*lat.*). — *Примеч. пер.*

⁸⁹ Feuer L.S., «The economic factor in history», *Science and Society*, 1940, 4, pp. 174—175. — *Примеч. автора*.

⁹⁰ Pastore N., «The nature — nurture controversy: a sociological approach», *School and Society*, 1943, 57, pp. 373—377. — *Примеч. автора*.

даже тем из современных американских писателей в области социальной патологии, которые стоят на позициях энвайронментализма и молчаливо принимают в качестве норм стандарты малых сообществ, не удастся определить, как возможно отдельным группам достичь своих целей при господствующих социальных условиях⁹¹. Объяснение подобных перспектив требует более систематических исследований, прежде чем его можно будет принять, но имеющиеся объяснения указывают на современную тенденцию — стремление выяснить перспективы ученых и соотнести их с характером опыта и с интересами, сложившимися под влиянием их социального положения. Сомнительный характер объяснений, не обоснованных с помощью адекватного *сравнительного* материала, можно хорошо проиллюстрировать на примере одного современного исследования, посвященного изучению трудов ученых-негров. Предпочтение аналитических, а не морфологических категорий; средовых, а не биологических детерминантов поведения; исключительных, а не типичных данных — все эти черты приписываются кастово обусловленному чувству обиды у негритянских авторов, причем не делается ни малейшего усилия сравнить эти данные с частотой проявления аналогичных тенденций у белых ученых⁹².

Пережитки любой концепции, считающей развитие науки и технологии *полностью* замкнутым и независимым от социальной структуры, исчезают в ходе реальных исторических событий. Все более заметный контроль, а часто и ограничения научных исследований и изобретений были неоднократно зафиксированы документально, особенно в цикле исследований, проведенных Стерном⁹³, который выяснил также основания сопротивления переменам в медицине⁹⁴. Фундаментальные изменения социальной организации в Германии обеспечили фактическую экспериментальную проверку тесной зависимости

⁹¹ Mills Wright C, «The professional ideology of social pathologists», *American Journal of Sociology*, 1943, 49, pp. 165—190. — *Примеч. автора.*

⁹² Fontaine W.T., «Social determination» in the writings of negro scholars», *American Journal of Sociology*, 1944, 49, pp. 302—315. — *Примеч. автора.*

⁹³ Stern B.J., *Resistances to the Adoption of Technological Innovations*, in *National Resources Committee, Technological Trends and National Policy* (Washington: U.S. Government Printing Office, 1937), pp. 39—66; *Restraints upon the Utilization of Inventions*. — *The Annals*, 200: 1 — 19, 1938, and further references therein; Hamilton W., *Parents and Free Enterprise*. — TNEC Monograph, № 31, 1941. — *Примеч. автора.*

⁹⁴ Stern B.J., *Social Factors in Medical Progress* (New York: Columbia University Press, 1927; *Society and Medical Progress*. — Princeton: Princeton University Press, 1941); cp. c: Shryock R.H., *The Development of modern Medicine* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1936); Sigerist H.E., *Man and Medicine* (New York: W.W. Norton and Co., 1932). — *Примеч. автора.*

направления и объема научной работы от господствующей структуры власти и связанных с ней воззрений в области культуры⁹⁵. А ограниченность любого безоговорочного утверждения, допускающего, что наука или технология представляют собой базис, к которому должна пристроиться подогнанная к нему социальная структура, становится очевидной в свете исследований, показывающих, каким образом наука и технология были поставлены на службу социальным или экономическим требованиям⁹⁶.

Рассматривать внушительный перечень всех остальных проблем, которые требуют эмпирического исследования (и получают его), значило бы выйти далеко за пределы этой главы. Остается только сказать, что социология познания быстро преодолевает свою первоначальную тенденцию — смешивать предварительные гипотезы с сомнительными догмами; множество умозрительных прозрений, которыми отмечены ранние стадии ее развития, теперь подвергаются все более строгой проверке. Хотя, возможно, Тойнби и Сорокин правы, говоря о том, что в истории науки периоды накопления фактов чередуются с периодами обобщений. В социологии познания обе эти тенденции, кажется, хорошо сочетаются друг с другом, и их союз обещает быть плодотворным. Но, главное, она концентрирует свое внимание на таких проблемах, которые в настоящее время представляют наибольший интеллектуальный интерес⁹⁷.

⁹⁵ Hartshorne, *German Universities and National Socialism*. — Примеч. автора.

⁹⁶ Заметнее всего это проявляется в военное время; см. замечание Сорокина, который говорит, что центры военной власти стремятся стать центрами научного и технологического развития (см.: Sorokin, *Dynamics*, IV, pp. 249—251); ср. с: Cohen J.B. and Barber B., *Science and War* (ms.); Merton R.K., «Science and military technique», *Scientific Monthly*, 1935, 41, pp. 542—545; Bernal, *op. cit.*; Huxley J., *Science and Social Needs* (New York: Harper and Bros., 1935). — Примеч. автора.

⁹⁷ Что касается исчерпывающей библиографии, см.: Barber B., *Science and Social Order*; Mannheim, *Ideology and Utopia*; Barnes H.E., Becker H., and Becker F.B., eds., *Contemporary Social Theory* (New York: D. Appleton — Century Co., 1940). — Примеч. автора.

XV. КАРЛ МАНН ГЕЙМ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

*Но в самом деле языку до сих пор удавалось
скрыть от нас почти все то, о чем мы говорим.*

И.А. Ричарде

У дисциплины, немецкие представители которой называли ее *Wissenssoziologie* — а за неимением более простого английского термина это напыщенное тевтонское слово часто сохраняют, — долгая история, и связана она в основном с проблемой объективности знания¹. *Систематическое* рассмотрение социальных факторов при приобретении, распространении и росте знаний, однако, является относительно недавним достижением, два основных источника которого возникли во французской и немецкой социологической мысли². У этих двух направлений развития разное прошлое, и каждое из них концентрирует внимание на разных проблемах. Французское, дюркгеймовское направление, выросло главным образом на этнографической почве, когда у разных народов подчеркивалось разнообразие не только моральной и социальной структур, но и

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

¹ Беглый очерк об этом раннем этапе развития, по крайней мере с так называемой эпохи Просвещения, дан в: Ernst Grunwald, *Das problem der Soziologie des Wissens*, chapter I. Однако предположение, что эта история начинает свой отсчет со времени древнегреческого Просвещения, продиктовано не просто желанием обратиться к древности. В самом деле типичный очерк Pierre-Maxime Schuhl, *Essai sur la formation de la pensee grecque* (Paris, 1934) дает достаточные основания для предположения о более раннем, хотя, возможно, столь же произвольном, «начале». — *Примеч. автора.*

² Можно придаться к этому замечанию, приводя значимые *арегеи* в английской традиции по крайней мере со времен Фрэнсиса Бэкона и Гоббса. Сходным образом прагматическое направление, начиная с Пирса и Джеймса, изобилует соответствующими обсуждениями. Они, однако, не являлись систематическим анализом рассматриваемых нами центральных *социологических* проблем. При более исчерпывающем изучении этой области эти несистематические исследования были бы учтены. — *Примеч. автора.*

когнитивных ориентации. Сам Дюркгейм, положивший начало этому направлению, представил на страницах своей книги «*Les formes elementaires de la vie religieuse*» (Paris, 1912) смелый анализ социальных истоков фундаментальных категорий мышления. Основываясь в некоторых отношениях на идеях Дюркгейма, Люсьен Леви-Брюль стремился продемонстрировать нередуцируемые различия между первобытным и цивилизованным менталитетами. Другие последователи Дюркгейма преодолели этот первоначальный интерес исключительно к обществам без письменности и применили его концептуальную схему к различным социальным аспектам мышления и познания в цивилизованном обществе. Эти работы свидетельствуют о том, что вклад французов в *la sociology du savoir* является в основном автономным и независимым от сходных исследований в Германии³.

Теоретические предшественники

Главные немецкие предшественники *социологии познания* — это непосредственные предшественники Маннгеймом. Они никоим образом не представляют собой единое целое — фактически они часто придерживались противоположных точек зрения, но занимались в основном той же совокупностью проблем. Более того, при объясне-

³ Но не полностью, однако, поскольку Дюркгейм начал писать раздел о «conditions sociologique de la connaissance» в *L'Année sociologique* (1910, 11, 41), делая обзор статьи Вильгельма Джерусалема «*Die Soziologie des Erkennens*». И снова вместо детального обсуждения дюркгеймовской традиции мы вынуждены привести краткие библиографические указания. Maurice Halbwachs в работе *Les cadres sociaux de la memoire* развивает тезис, что память, эпистемологическую значимость которой подчеркивают в последнее время Шлик, Франк и другие ученые из Венского кружка, является функцией социальной структуры. Marcel Granet в *La civilisation chinoise* и особенно в широко разрекламированной книге *La pensee chinoise* (Paris, 1934) приписывает типично китайский образ мыслей разным чертам социальной структуры. Дюркгейм также повлиял на разных авторов, пишущих о началах Западной науки: Abel Rey, *La science orientate avant les Grec* (Paris, 1930), *La jeunesse de la science grecque* (Paris, 1933); Leon Robin, *La pensee grecque et les origines de l'esprit scientifique* (Paris, 1928); P.-M. Schuhl, *op cit.*, и в какой-то мере на Arnold Reymond, *Histoire de la science exactes et naturelles dans l'antiquite greco-romaine* (Paris, 1924). Его влияние также заметно в различных социологических работах по искусству и литературе, особенно в трудах Шарля Лалю. В этой связи см. тома 16 и 17 *Encyclopedie francaise* под названием «Arts et litterflures dans la societe contemporaine» (Paris, 1935—1936). Особо надо отметить внесшего вклад в *Wissenssoziologie* во Франции Жоржа Сореля, который предвосхитил Дюркгейма и исходил из квазимарксистского наследия. См. его *Le proces de Socrate* (Paris, 1889); *Reflexions sur la violence* (Paris, 1908); *Les illusions du progres* (Paris, 1908). — *Примеч. автора.*

нии интеллектуальной родословной Маннгейма нельзя исходить из того, что в своих исследованиях по проблемам познания он следовал за кем-либо из них. Напротив, он полемизировал с ними по тем или иным вопросам, и именно эта полемика позволила ему постепенно уточнить свою собственную позицию.

На работу Маннгейма наложили свой отпечаток левые гегельянцы и, в частности, Маркс. Действительно, его позицию характеризовали как «буржуазный марксизм». У Маркса и Энгельса и в стимулирующей творческую мысль работе Дьердя Лукача «История и классовое сознание» (1923) мы находим некоторые основные концепции Маннгейма: далеко простирающийся историзм, представляющий даже категориальный аппарат как функцию социальной и особенно классовой структуры⁴³; динамическую концепцию знаний⁴⁶; энергичную, действенную интерпретацию диалектических отношений между теорией и практикой⁴⁴; роль знания в переводе деятельности людей из царства «необходимости» в царство «свободы»⁴⁵; роль противоречий и противоборствующих социальных групп как фактора, наводящего на размышления*¹; особое внимание к конкретной социологии, которая полностью исключает приписывание исторически обусловленных качеств абстрактному индивиду⁴⁶.

На формирование взглядов Маннгейма повлияли также неокантианцы, особенно так называемая Юго-Восточная или Баденская школа (использование единого названия для этой группы теоретиков не должно заслонять собой различия между ними, о которых свидетельствуют многочисленные разногласия по конкретным вопросам). Фактически, как мы увидим, Маннгейм не так далеко отошел от их центральных тезисов, как ему казалось⁵. УДильтея, Риккерта, Трельча и особенно у Макса Вебера он почерпнул многое, что легло в основу его идей: осо-

⁴³ Например, Friedrich Engels, «Socialism: Utopian and Scientific», in *Karl Marx: Selected Works*, i, 142 f.; cf. *Die deutsche Ideologie, Marx-Engels Gesamtausgabe* (Berlin, 1931), V. — *Примеч. автора*.

⁴⁶ Engels, «Ludwig Feuerbach and the Outcome of Classical German Philosophy», *ibid.*, I, 453 f. — *Примеч. автора*.

*• Marx, «Theses on Feuerbach», *ibid.*, I, 471; cf. *Capital* (Chicago, 1925-1960, III, 954. — *Примеч. автора*.

⁴⁴ Engels, «Socialism...», *op. cit.*, I, 180—181. — *Примеч. автора*.

⁴⁵ Marx, «Introduction to the Critique of Political Economy», *ibid.*, I, 356. — *Примеч. автора*.

⁴⁰ Marx, «Theses on Feuerbach», *op. cit.*, I, 473. — *Примеч. автора*.

⁵ В своем очерке «Das Problem einer Soziologie des Wissen&», *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*, 1925, 599f., Маннгейм эксплицитно отвергает неокантианство как отправную точку для социологии познания. Практически, как будет показано в дальнейшем, Маннгейм очень близко подходит к понятию «ценностное отношение» Риккерта—Вебера. — *Примеч. автора*.

бое значение аффективно-волевых элементов в направленности и формировании мышления; дуализм, эксплицитно отвергаемый Маннгеймом, но все же оставшийся в его теории познания, где проводится различие между ролью ценностных элементов в развитии точных наук и наук о духе; различие между *познанием и объяснением*, с одной стороны, и между *переживанием и пониманием* — с другой; ценностную «нагруженность» мышления, из которой тем не менее не следует вывод о принципиальной несостоятельности эмпирических суждений⁶. И, наконец, из трудов феноменологов: Гуссерля, Ясперса, Хайдеггера и более всего Макса Шелера — Маннгейм, видимо, вывел подчеркнутое внимание к точному наблюдению фактов, «данных» в непосредственном опыте; интерес к анализу тех *процессов* в социальной жизни, *которые протекают естественно, как бы «само собой»*; отнесение различных типов интеллектуального сотрудничества к тем или иным типам групповой структуры⁷. Разнообразие источников идей Маннгейма находит свое отражение в его эклектизме и в присущей его концептуальной схеме нестабильности.

Необходимо сразу же отметить, что теории Маннгейма постоянно претерпевали изменения, поэтому неправильно было бы думать, что его ранние или поздние работы в равной степени представляют его зрелые взгляды⁸. Так как мы здесь не ставим своей целью просле-

⁶ См. Heinrich Rickert, *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, 4th ed. (Tubingen, 1921), esp. 35-51, 245-271; Wilhelm Dilthey, *Gesammelte Schriften* (Tubingen, 1922), 111, 68f., 169 ff.; Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, 146-214; 403—502. — *Примеч. автора*.

⁷ См. Edmund Husserl, *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology* (New York, 1931), 187 ff.; Karl Jaspers, *Psychologie der Weltanschauungen* (Berlin, 1925), 20 ff.; 142 ff.; Julius Kraft *Von Husserl zu Heidegger* (Leipzig, 1932), esp. 87 ff.; Max Scheler, *Versuche zu einer Soziologie des Wissens* (Wienbthn—Leipzig, 1924); *ffte Wissensformen und die Gesellschaft* (Leipzig, 1926). — *Примеч. автора*.

⁸ Cf. *op. cit.*, 266—267. Чтобы сократить последующие ссылки и провести различие между «ранним» и «поздним» периодом Маннгейма, везде будут использованы следующие алфавитные сноски. Поскольку статья «Wissenssoziologie» представляет первый радикальный отход Маннгейма от его прежней позиции, она будет отмечать появление его «новых формулировок».

A. 1923. «Der Historismus», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 52, 1—60.

B. 1925. «Das Problem einer Soziologie des Wissens», *ibid.*, 53, 577—652.

C. 1926. «Ideologische und soziologische dergeistigen Gebilde», *Jahrbuch für Soziologie* (Karlsruhe), 424-440.

D. 1927. «Das konservative Denken», *Archiv für Sozialwissenschaft*, 57, Heft. 1—2, 68—142.

E. 1928. «Das Problem der Generationen», *Kolner Vierteljahrshefte für Soziologie*, 7, 157-185.

F. 1929. «Die Bedeutung der Konkurrenz im Geibiete des Geistigen», *Verhandlungen des 6. Deutschen Soziologentages in Zurich* (Tubingen), 35—83.

доть за развитием идей Маннгейма, хотя такая задача вполне могла бы принести пользу тем, кто занимается социологией познания, то при объяснении его настоящих взглядов мы будем исходить из его более поздних работ, а на ранние труды будем ссылаться лишь в тех случаях, когда они проливают дополнительный свет на эти взгляды. Из этого, безусловно, не следует общий вывод, что поздние формулировки всегда точнее и значительнее ранних, но в данном случае это именно так.

Теория идеологии

Маннгейм выводит некоторые основные концепции *социологии познания* из анализа понятия *идеология*⁹. О наличии идеологического мышления можно говорить тогда, когда утверждения оппонента считаются неверными в силу их обусловленности его жизненной ситуацией. Так как эти искажения не считаются преднамеренными, то идеология отличается от лжи. Действительно, различие между ними очень важно, поскольку оно подчеркивает непреднамеренный характер идеологических высказываний. Эта концепция, названная Маннгеймом «специальной концепцией идеологии», отличается от «общей концепции» по трем главным признакам. Специальная рассматривает как идеологические лишь некоторые утверждения оппонента, то есть предусматривает *возможность* его неидеологического мышления; общая же концепция характеризует всю систему мышления оппонента как неизбежно идеологическую. Кроме того, специальная концепция с необходимостью занимается анализом на психологическом уровне, так как она допускает, что ее противники допускают общие с ней

G. 1929. *Ideologie und Utopie* (Bonn), trans. By Louis Wirth and Edward Shils as parts II—IV (49—236) of *Ideology and Utopia* (New York, 1936); ссылки даны на английское издание.

H. 1931. «Wissenssoziologie», *Handwörterbuch der Soziologie*, ed. By Alfred Vierkandt (Stuttgart), 659—680, translated as part V (237—280) of *Ideology and Utopia*; ссылки даны на перевод.

I. 1934. «German Sociology», *Politico*, 12—33.

J. 1935. *Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus* (Leiden).

K. 1936. «Preliminary approach to the problem», написано специально для английского издания *Ideology and Utopia*, pt. 1, 1—48.

L. 1940. *Man and Society in an Age of Reconstruction* (New York), перевод Эдварда Шилза переработанного и значительно расширенного варианта J. — *Примеч. автора*.

⁹ Соотносительное понятие «утопия» можно с большей пользой обсудить позднее, поскольку оно главным образом связано со взглядами Маннгейма на критерии обоснованных утверждений. — *Примеч. автора*.

критерии валидности, тогда как общая концепция занимается ноологическим уровнем, на котором форма, содержание и концептуальный каркас любого «образа мыслей» представляются неизбежно обусловленными жизненной ситуацией. И, наконец, как следствие, в первом случае занимаются «психологией интересов» (во многом в том же смысле, как психоаналитик оперирует способами «рационализации»), а во втором стремятся лишь установить «соответствие» между социальным окружением и системой мышления. Таким образом, вторая концепция не требует определения *мотивов*, а довольствуется указанием на доступные нашему пониманию соответствия между различными образами мыслей и конкретной ситуацией¹⁰. Из этих различий следует, что специальная концепция носит индивидуалистический характер; занимаясь групповыми идеологиями, она лишь «складывает» отдельные идеологии членов группы или отбирает те, которые являются общими для индивидов данной группы. А общая стремится установить интегрированную систему мышления группы, которая имплицитно присутствует в суждениях ее членов (G, стр. 49—53). Развитие концепции идеологии от специальной до общей, которое Маннгейм прослеживает с непревзойденным мастерством, приводит к проблеме ложного сознания, то есть к вопросу о том, «как вообще могла появиться такая вещь, как... полностью извращенный ум, искажающий все подряд» (G, стр. 61—62).

Специальная и общая концепции впервые слились в марксистской теории, которая несомненно сместила акцент с психологического уровня на социальный. Нужно было сделать еще один шаг, чтобы появилась социология познания, — перейти от «специальной» формулировки понятия идеологии к «общей». В специальной формулировке только мышление наших оппонентов считается полностью функцией их социального положения; в общей — таким образом рассматривается мышление всех групп, включая нашу. Как сжато выразился Маннгейм, «с появлением общей формулировки общей концепции идеологии простая теория идеологии превращается в социологию познания. То, что когда-то было интеллектуальным оружием одной партии, превращается в метод исследования социальной и интеллектуальной истории в целом» (G, стр. 69).

Хотя теорию идеологии можно представить как мать *социологии познания*, необходимо отказаться от многого в ее наследии, если мы хотим, чтобы эта последняя стала скорее когнитивной, а не полити-

¹⁰ G, 50—51. Сравните Scheler, *Versuche...*, p. 95. Прежде всего здесь не может быть и речи о мотивах и субъективных целях исследуемых индивидов, так как эти мотивы и цели могут быть бесконечно разнообразными: технические проблемы, тщеславие, честолюбие, корыстолюбие, любовь к истине и т.д. — *Примеч. автора.*

ческой дисциплиной. Теория идеологии в первую очередь нацелена на дискредитацию противника *a toutprix** и лишь в очень малой степени на получение достоверных четких знаний о сути рассматриваемого предмета. Она полемична в своем стремлении разгромить противника. Она по сути своей антиинтеллектуальна. Она готова установить истину по приказу, в силу чисто политического господства, если потребуется. Она хочет, чтобы с ней соглашались вне зависимости от того, есть ли для этого основания. Она сродни скорее риторике, чем науке. Цели теории идеологии таковы, что их необходимо решительно отвергнуть, чтобы они не заслонили собой чисто познавательные цели социологии познания. Фактически Маннгейм стремится элиминировать ярко релятивистские и пропагандистские элементы, сохранившиеся в ранних формулировках *социологии познания*.

Фундаментальные теоремы

Вообще говоря, в социологии познания можно выделить два основных аспекта: теорию и «историко-социологический метод исследования». Теоретический аспект можно, в свою очередь, подразделить на (а) «чисто эмпирическое исследование посредством описания и структурного анализа того, каким образом социальные отношения действительно воздействуют на мышление»; и (б) «эпистемологическое изучение того, какое значение имеет эта соотнесенность для проблемы валидности» (Н, стр. 277). Методологический аспект связан с разработкой процедур для конструирования идеальных типов *мировоззрения, имплицитно присутствующих* в типах мышления, существующих на данный момент в различных социальных слоях (социальных классах, поколениях, сектах, партиях, кликах, философских школах). Именно с помощью подобных хорошо разработанных реконструкций конкретные виды мышления следует выводить из социального «состава групп и слоев», выражающих себя таким способом (Н, стр. 277). Таким образом, становится очевидным, что методологический аспект этой дисциплины тесно связан с первым из теоретических аспектов, о которых упоминалось выше. Поэтому мы можем изменить классификацию Маннгейма и считать, что эта дисциплина охватывает два основных класса проблем: проблемы, связанные с существованием социологии познания как самостоятельной дисциплины, которая включает эмпирический и процедурный аспекты, и проблемы, связанные с эпистемологической релевантностью социологии познания. Хотя большин-

* любой ценой (*фр.*). — Примеч. пер.

ство толкователей работы Маннгейма главным образом занимались ее эпистемологическим аспектом, представляется более полезным уделить внимание фундаментальной социологии познания, как фактически признает сам Маннгейм (Н, стр. 275).

Предмет самостоятельной дисциплины получает отражение в ее проблемах, понятиях, теоремах и критериях доказательств. Мышление считается экзистенциально детерминированным, когда можно показать, что оно не имманентно и не детерминировано внутренне, и когда на его происхождение, форму и содержание существенно влияют внетеоретические факторы (Н, стр. 240). [Как сказал Джексон Тернер: «Каждый век переписывает историю прошлого заново в зависимости от обстоятельств, задающих тон в данное время».] На основе эмпирических исследований можно утверждать, что коллективные цели и социальные процессы заставляют осознать наличие различных проблем, которые иначе могли бы остаться незамеченными и невыявленными. В связи с этим Маннгейм и выводит проблемы, представляющие особый интерес для самой *социологии познания*, из интенсивной горизонтальной и вертикальной мобильности в обществе, ибо только столкнувшись с кардинально различными видами мышления, участник и в то же время наблюдатель событий начинает сомневаться в общей валидности тех форм мышления, которые он сам считает правильными. Более того, именно тогда, когда быстрые социальные перемены разрушают обычные институциональные гарантии *мировоззрения* — например, государство, церковь, — множественность форм мышления и начинает представлять собою проблему. Подобные перемены в социальной структуре приводят к *пересмотру тех форм мышления, которые он сам считает правильными* (того, что прежде считалось само собой разумеющимся и принималось как данное) (J, стр. 132 f.).

Другие теоремы Маннгейма показывают в общих чертах корреляции между мышлением и социальной структурой, которые он стремится установить. Он выдвигает следующий тезис: «Даже категории, с помощью которых классифицируются, собираются и упорядочиваются эмпирические данные, различаются в зависимости от социального положения наблюдателя» (G, стр. 130). Органично интегрированная группа видит историю как непрерывное движение, направленное на реализацию своих целей; потерявшие социальные корни и нечетко интегрированные группы придерживаются антиисторического интуитивизма, который подчеркивает все случайное и неуловимое. Консервативно настроенный менталитет не расположен к теоретическим рассуждениям об истории, так как рассматривает социальный строй «*таким, как им он есть*», скорее считая его естественным и пра-

вильным, чем проблематичным. Консерваторы прибегают к оборонительным философским и историческим рассуждениям о социальном мире и своем месте в нем только тогда, когда находящиеся к ним в оппозиции группы подвергают сомнению *status quo*. Более того, консерватизм обычно рассматривает историю с точки зрения морфологических категорий, подчеркивающих уникальный характер исторических *конфигураций*, тогда как сторонники перемен применяют аналитический подход с тем, чтобы извлечь такие элементы, которые посредством причинной связи или функциональной интеграции можно перегруппировать в новые социальные структуры. При первой точке зрения подчеркивается стабильность, присущая социальной структуре как таковой; при второй делают акцент на изменчивости и нестабильности, вычленивая компоненты этой структуры и группируя их по-новому. В стране с расширяющимися экономическими и территориальными горизонтами, такой как Соединенные Штаты, ученые в области общественных наук занимаются детальным изучением отдельных социальных проблем и допускают, что решение индивидуальных проблем автоматически приведет к адекватной интеграции всего общества. Это допущение может успешно применяться только в том обществе, где широкие возможности и многочисленные альтернативы действия обеспечивают ту меру гибкости, которая действительно позволяет найти лекарство для исправления институциональных дефектов. Напротив, в такой стране, как Германия, ограниченное поле действия приводит к осознанию взаимозависимости социальных элементов и тем самым к взгляду на общество как на единый организм, подразумевающему скорее полное преобразование социальной структуры, чем частичный реформизм (G, стр. 228—229; I, стр. 30-33).

Примерно таким же образом Маннгейм увязывает четыре вида утопического менталитета — анабаптистский хилиастический, либерально-гуманистический, консервативный и социалистическо-коммунистический — с определенной социальной локализацией и коллективными целями их сторонников. В этой связи он показывает, что положение и стремления этих групп оказывают влияние даже на анабаптистский хилиазм, порождаемый революционным пылом и «чаяниями» угнетенных слоев, особо выделяет непосредственное настоящее, «*здесь и сейчас*». Нарождающиеся средние классы, породившие либеральный гуманизм, делают упор на «идею» *неопределенного будущего*, которое в свое время станет свидетелем осуществления их этических норм благодаря прогрессу «просвещения». У консерваторов их «ощущение времени» порождает мысль о том, что *прошлое* неумолимо приводит к существующему состоянию общества и безусловно оправдывает его. («Справедливо все, что существует». «Ясно одно: все

существующее справедливо».) И наконец, социалистическо-коммунистические концепции дифференцируют историческое время более сложным образом, проводя различие между *ближайшим и отдаленным будущим*, подчеркивая при этом, что *конкретное настоящее* содержит в себе не только *прошлое*, но и латентные тенденции *будущего*. Сформулировав эти связи между социальным положением, коллективными стремлениями и временной ориентацией, Маннгейм создал область исследования, которую сейчас интенсивно разрабатывают".

Типы знания

Необходимо отметить, что приведенные выше теоремы относятся не столько к позитивному знанию, сколько к политическим убеждениям, различным системам философии истории, идеологиям и социальным взглядам. Этот тезис сразу же подводит к основной проблеме. Какие области «мышления» входят в тезис Маннгейма, касающийся экзистенциальной детерминированности (*Seinsverbundenheit*) мышления? Что именно охватывает термин «знание», анализом которого номинально занимается дисциплина «социология познания»? Если исходить из задач данной дисциплины, существуют ли значительные различия в типах знаний?

Ни в одной работе Маннгейма нет конкретного и детального ответа на эти вопросы. Но из отдельных замечаний и эмпирических исследований становится ясно, что его постоянно мучил этот фундаментальный вопрос и что, более того, ему не удалось прийти ни к какому ясному, пусть даже временному заключению по этому поводу. Из-за этой неудачи возникают серьезные расхождения между некоторыми его теоремами и конкретными эмпирическими исследованиями. Иногда знание толкуется столь широко, что включает любой тип суждения и любой способ мышления от пословиц и поговорок до строго научных выкладок. Так, в ранней формулировке он утверждает, что

¹Осуществленный ранее Дюркгеймом социологический анализ временной системы отсчета был целиком связан с материалами обществ, не имеющих письменности, и (вследствие этого?) не касался различий во временной ориентации у групп того же общества. См. его *Elementary Forms of the Religious Life*, 1 f. 440 f.; также E. Durkheim and M. Mauss «De quelques formes primitives de classification», *L'Année sociologique*, 1901—1902, 6, 1—71; H. Hubert and M. Mauss, *Mélanges d'histoire des religions* (Paris, 1909), глава о «La représentation du temps». Недавние дискуссии см.: P.A. Sorokin and R.K. Merton, «Social time», *American Journal of Sociology*, 1937, 42, 615—629; A.I. Hallowell, «Temporal Orientation in Western Civilization and in a Pre-literate Society», *American Anthropologist*, 1937, 39, 647—670. Сорокин включает обширное обсуждение этого предмета в четвертый том *Socio/ and Cultural Dynamics*. — *Примеч. автора.*

«как обыденное, так и историческое, политическое и социальное мышление» является экзистенциально детерминированным (F, стр. 41). Из другой работы мы узнаем, что социальный процесс во многом определяет «перспективу в большинстве областей знания». Мы узнаем также, что на содержание «формального знания» [аналитических суждений? Логики? Математики? Формальной социологии?] социальная или историческая ситуация воздействия не оказывает (G, стр. 150). Таким иммунитетом обладают «точные науки», но не «науки о культуре» (H, стр. 243). В других работах нравственные убеждения, эпистемологические постулаты, материальные предикации, синтетические суждения, политические убеждения, категории мышления, эсхатологические доктрины, нормы морали, онтологические допущения и эмпирические наблюдения — все они почти без разбору считаются «экзистенциально детерминированными»¹². Когда выделяют совершенно разные типы исследования, но относят их к одной категории, это приводит лишь к путанице, а не проясняет механизмы, задействованные в «экзистенциальной детерминации». Разные комплексы идей обычно выполняют разные функции, и мы придем лишь к долгим дебатам и бесконечной полемике, если будем настаивать, чтобы их считали по существу сходными. Этот недостаток характерен для всей работы Маннгейма: Если бы он, например, учел известное различие между референтными и эмотивными функциями языка, едва ли бы эта смешанная масса осталась недифференцированной. Как выразился И.А. Ричарде, «Мы совершенно в разном смысле верим научному утверждению и эмотивным высказываниям, будь то политические — «Мы не намерены складывать оружие», критические — «Прогресс поэзии вечен», или поэтические высказывания».

Неспособность Маннгейма различить на практике явно разнородные типы знания, которые он считает *экзистенциально детерминированными*, особенно поразительна, поскольку он знаком с полезным разграничением культурологического и цивилизационного знания у Альфреда Вебера¹³. К счастью, собственные исследования Маннгейма по фундаментальной *социологии познания* почти полностью посвя-

¹² C/ E, 162; F, 41, K, 22-23; G, 71-72, 150; H, 243, 260, etc. См. по этому вопросу решительные возражения: Alexander von Schelting, *Max Weber's Wissenschaftslehre* (Tübingen, 1932), 95, 99 п.2. Отметьте также уместность замечания И.А. Ричардса, что «мысль в строгом смысле этого слова меняется в зависимости от подтверждения, а установки и чувства изменяются по множеству причин». Это не отрицает их интерпретации. — *Примеч. автора*.

¹³ Что ясно из обсуждения Маннгейма в A, 37, 48 и мимолетного замечания по поводу работы Вебера в другой связи, G, 159. Краткое общее обсуждение этого разграничения см.: R.M. MacIver, *Society* (New York, 1937), 268-281; R.K. Merton, «Civilization and culture». *Sociology and Social Research*, 1936, 21, 103—113. — *Примеч. автора*.

щены культуре (*мировоззрениям*, эсхатологиям, политическим убеждениям), так что эта путаница не сводит на нет его эмпирическую работу. Тем не менее его более общие теоремы становятся сомнительными из-за применения недостаточно дифференцированной, аморфной категории знания. Более того, этот недостаток препятствует любой попытке установить статус естественных наук в связи с экзистенциальной детерминацией. Если бы Маннгейм систематически и явно уточнял свою позицию в этом отношении, он бы далеко не столь охотно *допускал*, что естественные науки полностью неподвластны внетеоретическим влияниям, а общественные науки, соответственно, особенно подвержены им¹⁴.

Связующие звенья между познанием и обществом

Анализ Маннгейма также является неполным из-за того, что ему не удалось точно определить *тип* или *вид* отношений между социальной структурой и познанием. Этот пробел делает туманным и неясным главного элемента его центральный тезис, касающийся «экзистенциальной *детерминации* познания». Маннгейм явно осознал (но не преодолел) эту трудность, поскольку он пишет:

Здесь под «детерминацией» мы понимаем не механическую причинно-следственную связь: мы оставляем значение «детерминации» открытым, и лишь эмпирическое исследование покажет, насколько строгим является корреляция между жизненной ситуацией и процессом мышления или в каких пределах эта корреляция варьирует¹⁵.

Можно согласиться с тем, что неразумно заранее судить о типах связей между познанием и социальной структурой; но и верно также и то, что отсутствие точного определения этих типов фактически исключает возможность сформулировать проблемы для эмпирического

¹⁴ Например, недавние эмпирические исследования Боркно, Хессена, Бернала, Сорокина и Мертона по крайней мере указывают, что роль вненаучных факторов в определении направления развития естественных и социальных наук отличается скорее по степени влияния, чем по сути. Теоретическую формулировку этой точки зрения см. в: Talcott Parsons, *The Structure of Social Action*, 595 f. И, предвосхищая нашу последующую дискуссию, нет оснований предполагать, что валидность эмпирического суждения *обязательно* подвержена этим экстранаучным влияниям в одном случае больше, чем в другом. — *Примеч. автора.*

¹⁵ Н, стр. 239, п. Вирт и Шилз, переводчики, добавляют: «Немецкое выражение «*Seinverbundenes Wissens*» выражает такое значение, которое оставляет точную природу детерминизма неясной». — *Примеч. автора.*

исследования. Ибо *nolens volens** исследователь — и эмпирические труды самого Маннгейма являются подтверждением этого — включает в свою концептуальную схему или молчаливо предполагает некую концепцию этих связей. Так, стоит кратко остановиться на разнообразных терминах, используемых Маннгеймом для обозначения отношений между состоянием общества и познанием. Приведенный ниже список показателен [курсив мой].

Потребностям индустриального общества... *соответствовало* стремление основывать свои коллективные действия... на рационально оправданной системе идей (К, стр. 33).

Поколение, появившееся вслед за Романтизмом... [приняло] революционную точку зрения как *соответствующую требованиям* времени (G, стр. 144).

[Эта конкретная концепция идеологии] направляет наше внимание на ошибки... которые... неизбежно и невольно вытекают из определенных *каузальных детерминант* (G, стр. 54).

...данная точка зрения и данная система понятий, поскольку они *связаны* с определенной социальной реальностью и из нее *произрастают*... (G, стр. 72).

Когда меняется социальная ситуация, то система норм, которую она до этого породила, перестает *гармонично сочетаться с ней*. Такое же отчуждение происходит и в отношении познания... (G, стр. 76).

...интеллектуалистская концепция науки, лежащая в основе позитивизма, сама коренится в определенном *мировоззрении* и развивалась *в тесной связи* с определенными политическими интересами (G, стр. 148).

В социальном отношении базисом этой интеллектуалистской концепции является средний слой, буржуазия и интеллектуалы. Эта концепция *в соответствии со структурными отношениями* групп, представляющих ее, проводила динамичный курс... (G, стр. 199).

Идеи, формы мышления и психическая энергия сохраняются и трансформируются *в тесной взаимосвязи* с социальными силами. В социальном процессе они *никогда* не появляются *случайно* именно в данный момент (G, стр. 223).

Совсем не случайно одна группа [господствующие элиты] рассматривает историю как циркуляцию *элит*, тогда как для других [например, социалистов] она является трансформацией историко-социальной структуры. Каждая видит в первую очередь лишь ту сторону социальной и исторической целостности, на которую ориентирована по своей цели (G, стр. 127).

Те несколько терминов, которые номинально относятся к типам отношений между суб- и суперструктурой, свидетельствуют не столько

* *волей-неволей* (лат.). — Примеч. пер.

о стилистическом разнообразии изложения, сколько о присущей Маннгейму нерешительности. Для обозначения этих отношений он применяет общий термин «соответствие» (*Entsprechung*). Он сделал целый ряд не связанных воедино предположений, выводя определенные формы мышления из определенных типов социальных ситуаций. Остановимся кратко на некоторых из них.

1. Иногда — несмотря на то что он четко отрицает любое намерение такого рода — Маннгейм допускает прямую *причинную обусловленность* форм мышления социальными силами. Такому допущению обычно предшествует часто встречающаяся фраза: «Никогда не бывает случайным тот факт, что...» данная теория вытекает из данного состояния группы. (См., например, Н, стр. 248—249.) В этом случае Маннгейм принимает точку зрения естественных наук на «объяснение», согласно которой общее правило объясняет аспекты данного частного случая.
2. Второе предположение можно назвать «предположением об интересе», согласно которому идеи и формы мышления «соответствуют», то есть удовлетворяют интересам субъектов. В одной из формулировок оно является просто доктриной о влиянии корыстных интересов — экономических, политических, религиозных; согласно этой доктрине субъектам выгодно придерживаться определенных взглядов. Поэтому группа с социально выгодным положением будет, вероятно, менее восприимчива к разговорам о широкой социальной реформе или революции, чем группа с социально невыгодным положением. Одобрение или неприятие может быть сознательным или невольным¹⁶. Это предположение можно найти в *вульгарном марксизме*, который,

¹⁶ Периодическая мода на такие «теории интереса», будто бы дающие адекватное объяснение, сама по себе *прецедентно-познавательную-социологическую* проблему, заслуживающую дальнейшего изучения. Отдельные разновидности этой теории можно найти в выводах, сделанных из постулата об «экономическом человеке», «теории заговора» в политологии, чрезмерного расширения понятий «рационализации» и «пропаганды» в психологии, понятий Вольтера о «пасторской лжи», клише «религия — опиум для народа». Безусловно, периодическую популярность этих взглядов можно объяснить тем, что они «работают», что до определенного момента они объясняют поведение человека и совместимы с более обширными знаниями. Сказывается, однако, и то, что во всех этих доктринах поведение считается объясненным, если поступок или мысль можно приписать скрытым (особенно если они недостойные) мотивам, то любопытство удовлетворено: X — это особый ходатай, орудие корыстных интересов, большевик, «гамилътоновский» банкир. Общим допущением для этих версий является понятие Гоббса об эгоизме как о единственной побудительной силе поведения. Тщательное объяснение источников и последствий терзаний («теорий») по поводу заговора см.: Edward A. Shils, *The Torment of Secrecy* (Glencoe, Illinois: The Free press, 1956). — *Примеч. автора.*

хотя был отвергнут Маннгеймом, как и Марксом, иногда ощутим в трудах первого.

3. Третье предположение допускает наличие «фокуса внимания».

- Согласно этому допущению, субъект специально сужает свой угол зрения, чтобы разобраться с отдельной проблемой, чисто практической или теоретической. Здесь направление мысли задается самой формулировкой проблемы, осознание которой, в свою очередь, можно объяснить социальным положением субъекта. В целом можно утверждать, что этой гипотезе особое значение придается в фундаментальной социологии познания, тогда как в теории идеологии выделяется «гипотеза интереса».

4. На совершенно другом уровне находится его трактовка определенных социальных структур как простых предпосылок определенных форм мышления. В этом Маннгейм солидарен с Шелером, когда говорит об «определенных типах групп, в которых... лишь [эти формы мышления] могут появиться и развиваться» (Н, стр. 242—243). В основном анализ Маннгейма касается скорее установления предпосылок или даже содействующих факторов, чем необходимых и достаточных условий. Примеров тому множество. Социальная мобильность *может* иметь в качестве своих следствий размышление, анализ и широкий кругозор; но точно так же она может привести к *безмятежности*, поверхностности, поддержке предвзятых суждений. Или возьмем другую теорему: сопоставление противоборствующих взглядов/уж/е вызвать размышления, что отражено в афоризме инструменталистов: «конфликт — это раздражитель мышления». Но такой конфликт может также вызвать фидеизм, необоснованное беспокойство, скептицизм. Вот еще пример: классы, находящиеся в выгодном положении («консерваторы»), *могут* не хотеть теоретизировать по поводу своего положения, но едва ли допустимо проигнорировать порвавших со своим классом аристократов, обратившихся к социальным теориям энциклопедистов, или тех ренегатов, которые в социальном отношении принадлежат буржуазии, а в духовном — пролетариату, или их аналогов-пролетариев, отождествляющих себя с буржуазным этосом. Все сказанное не означает, что мы отрицаем предложенные Маннгеймом корреляции; мы хотим лишь выявить вместе с самим Маннгеймом необходимость в более обстоятельном анализе многих задействованных им структурных факторов. Обсуждение данной проблемы, первоначально ведущееся Маннгеймом в терминах предпосылок, необходимых предварительных условий, постепенно перерастает в рассмотрение экзистенциальной детерминации как относящейся просто к эмпирическим корреляциям между обществом и познанием, когда само наличие единообразия принимается за «соответствие». На этом

уровне анализ, как правило, заканчивается, как только выявляется корреляция.

5. Еще одна молчаливо подразумеваемая связь между социальной структурой и познанием включает то, что можно назвать эманационистским или квазиэстетическим предположением. Такой взгляд (особенно ярко представленный в В и F) не свободен от влияния Гегеля. О появлении этого предположения обычно говорит появление таких терминов, как «совместимость», «соответствие», «гармония», «согласованность» и «противоположность» *мировоззрений*. Критерии установления этих отношения остаются имплицитными. Так, мы читаем: «Отсутствие глубины в искусстве ваяния и преобладание чисто линейного соответствуют способу восприятия исторического времени как однолинейного прогресса и эволюции»¹⁷. Необходимо отметить, однако, что данное предположение не играет существенной роли в онтологических исследованиях Маннгейма. А те отголоски влияния, которые все-таки ощущаются, важнее как свидетельство его неуверенности в типах отношений между знанием, культурой и обществом, чем как показатель идеалистических предположений в его теории¹⁸.

Более широкое обсуждение онтологических и методологических аспектов работы Маннгейма включало бы детальное изучение принятых им процедур анализа. Выдвинутый им систематический «свод методов» страдает краткостью и чрезмерной обобщенностью. На эти недостатки только бы наложились недостатки любого толкователя, пытающегося представить в кратком виде и так уже сокращенную версию (Н, стр. 276—278). Надо, однако, отметить, что перед первой

¹⁷G, 200. Частые сравнения Маннгеймом «стилей» в истории искусства и интеллектуальной истории обычно предполагают квазиэстетическое утверждение. Ср. Scheler, *Versuche...*, 92—93, который говорит о «скрытых аналогиях между искусством (а также между его отдельными видами), философией и наукой великой эпохи» и об аналогиях между французской классической трагедией и французской математической физикой XVII—XVIII вв., между Шекспиром и Мильтоном и английской физикой...» и т.д. Шпенглер и Сорокин довольно подробно разработали эту тему. — *Примеч. автора*.

¹⁸Это всего лишь особый случай более общей проблемы установления типов социальной и культурной интеграции. Работа Маннгейма, несмотря на отсутствие систематической формулировки, представляет собой явный прогресс по сравнению с работой эпигонов Маркса. Сорокин в *Social and Cultural Dynamics*, vol. I, 7—13 дает четкую формулировку логики отношений между культурными ценностями. Поскольку он занимается «культурной интеграцией» и пренебрегает ее связью с социальной организацией, Сорокин склоняется к идеалистической интерпретации. Cf. C. Wright Mills, «Language, logic and culture», *American Sociological Review*, 1939, 4, 670—680. Специальный критический разбор работы Маннгейма по этому вопросу см в: Schelting, *op. cit.*, 102—115. — *Примеч. автора*.

из этих процедур возникает одно препятствие, а именно четкая формулировка предположений, общих для «отдельных выражений и записей мыслей». По крайней мере в отношении убеждений в настоящее время часто бывает невозможно определить, совместимы ли культурные ценности друг с другом или нет, если мы еще не рассмотрели реальные социальные ситуации, в которых проявляются эти ценности. Так, если вопрос о совместимости или несовместимости, например, «пацифизма» и «аболиционизма» поставить, абстрагируясь от конкретных случаев *поведения*, то ответ должен быть неопределенным. На абстрактном культурном уровне можно с одинаковым успехом считать эти две системы ценностей либо случайными, либо совместимыми, либо несовместимыми. В случае квакеров приверженность обеим системам ценностей повлекла за собой деятельность, сочетающую действия по отмене рабства, и отказ от насилия, тогда как Гаррисон и его ученики, вначале призывавшие к ненасильственным действиям, отказались от своих пацифистских взглядов, чтобы продолжить войну за отмену рабства. Надо отметить, что до возникновения этой ситуации было мало оснований предполагать какое-то противоречие между ценностями аболиционизма и пацифизма. У аналитика культуры, пожалуй, мог бы возникнуть соблазн рассмотреть эти ценности как компоненты системы ценностей, называемой «гуманитаризмом». Абстрактный культурный синтез, стремящийся воссоздать «основополагающее единство взглядов», может тем самым привести к ложным выводам. Ценности, не совместимые друг с другом с чисто абстрактной точки зрения, часто оказываются совместимыми в силу того, что они распределяются между разными статусами в социальной структуре, так что в итоге они не приводят к появлению противоречащих друг другу требований, предъявляемых к одному и тому же человеку в одно и то же время. Потенциальный конфликт ценностей можно устранить, разведя их по разным системам дискурса и придав им социальные роли. Неспособность понять, что выполнение одними и теми же ценностями разных социальных ролей может сделать конфликтные в абстрактном смысле ценности совместимыми, позволила бы нам утверждать, например, что Католическая церковь проповедует несовместимые ценности безбрачия и плодovitости. В данном случае конфликта и неправильного объединения избегают, разумеется, в основном за счет отнесения этих ценностей к различным статусам в церковной организации: безбрачия — к статусу священника, а неограниченной плодovitости — к состоящим в браке мирянам. Системы убеждений, таким образом, необходимо рассматривать с точки зрения их

отношений с социальной организацией. Это кардинальное требование и более глубокого осмысления, и накопления фактов, как их описывает Маннгейм (Н, стр. 276—277).

Релятивизм

Теперь остается рассмотреть самую спорную часть трудов Маннгейма, а именно его утверждения об эпистемологических выводах социологии познания. Нам нет необходимости останавливаться на них подробно, поскольку существует много критических обзоров¹⁹. Более того, Маннгейм признает, что фундаментальные результаты социологии познания — составляющие наиболее весомую часть этой области — не ведут к его эпистемологическим выводам.

В центре полемики находится маннгеймовская концепция общей, тотальной идеологии, которая, напомним, гласит, что «мышление всех партий во все эпохи имеет идеологический характер». Это, казалось бы, тут же приводит к радикальному релятивизму с известным порочным кругом, в котором именно предложения, выражающие подобный релятивизм, являются необоснованными в силу самого этого факта. То, что Маннгейм осознает логическую ошибку и интеллектуальный нигилизм, присутствующие в этой точке зрения, совершенно очевидно. Так, он явно отвергает безответственную позицию, когда «в интеллектуальной деятельности видят всего лишь произвольные личные суждения и пропаганду» (G, стр. 89, п.). Точно так же он отвергает «расплывчатую, неразумную и бесплодную форму релятивизма по отношению к научному знанию, которая сегодня получает все большее распространение» (Н, стр. 237). Как же он тогда избегает релятивистского тупика?

Вероятно, в чрезмерно упрощенной форме можно классифицировать попытки Маннгейма избежать релятивистской ошибочности и установить *исходные точки зрения, необходимые для валидности* его собственных суждений, дав им три основных заголовка: Динамические критерии валидности, Реляционизм и Структурные доказательства валидности.

¹⁹ Самый тщательный из них сделан: Schelting, *op. cit.*, pp. 94 f. См. также его обзор работы [*deologie und Utopie* в: *American Sociological Review*, 1936, 1, 664—672; Gunther Stern, «Ueber die sogenannte «Seinsverbundenheit» des Bewusstseins», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1930, 44, 492—102; Sjoerd Hofstra, *De sociale Aspecten van Kennis en Wetenschap* (Amsterdam, 1937), 39—31; Paul Tillich, «Ideologie und Utopie», *Die Gesellschaft*, 1929, 6, 348—355 (распространяемый частным образом английский перевод Джеймса Лютера Адамса). — *Примеч. автора.*

1. Динамические критерии валидности. Маннгейм вводит несколько динамических критериев валидности исторических суждений. «Теория... неверна, если в данной практической ситуации она использует понятия и категории, которые, если воспринимать их серьезно, помешали бы человеку *приспособиться к жизни на данном историческом этапе*» (G, стр. 85; курсив мой), «...знание является искаженным и идеологическим, если оно не способно учитывать новые реальности, относящиеся к ситуации, и пытается их скрыть, рассуждая о них с помощью неподходящих категорий». И в примечании Маннгейм добавляет: «Перцепция может быть ошибочной или неадекватной ситуации как из-за того, что устарела, так и из-за того, что опережает ее» (G, стр. 86 и п. 1). Однако очевидно, что критерий приспособления или адаптации является чисто голословным, если не указан тип приспособления²⁰. Многочисленные, даже противоречащие друг другу теории могут позволить человеку «приспособиться» тем или иным образом. Социальное приспособление скорее является нормативным, а не экзистенциальным понятием. Более того, определение «уместности» или «неуместности» категорий предполагает тот самый критерий валидности, от которого Маннгейм хочет отказаться. Вероятно, именно эти неточности и неясности и заставили его разработать другие критерии валидности, вводя понятие утопии.

«Лишь те из ориентации, трансцендентных по отношению к реальности», являются утопическими, «которые, переходя в поведение, стремятся нарушить частично или полностью тот порядок вещей, который преобладает в данное время» (G, стр. 173). В этом смысле утопическое мышление в отличие от идеологического является скорее истинным, чем иллюзорным. Трудности, порождаемые такой точкой зрения, сразу же становятся очевидными. Каким образом наблюдатель может в любой данный момент времени разграничить валидное утопическое мышление и искаженное идеологическое? Более того, поскольку, как мы только что видели, концепции могут быть «неадекватными ситуации, так как они ее опережают», как нам отделить валидную идею от несостоятельных, если все они «выдвинуты заранее»? Маннгейм осознает эти затруднения, но его решение имеет сомнительную ценность. Оно не только вводит в качестве критерия валидности критерий обоснованности *ex post facto*, но и препятствует возможности вынесения валидных суждений о современных идеях, как видно из следующего отрывка.

²⁰ Как уже давно указывал Вебер в обсуждении «diesen viel misbrauchten Begriff», у понятия «социальной адаптации» целый ряд значений, большинство из которых научно непригодны. См. его *Wissenschaftskhre*, 477 f.; см. далее Schelting, *op. cit.*, 102 f. — *Примеч. автора.*

...если мы обратимся к прошлому, вполне возможно обнаружить достаточно адекватный критерий того, {какую идею} считать идеологической, а какую утопической. Этот критерий — их реализация. Идеи, которые, как впоследствии оказалось, были лишь искаженными представлениями о прошлом или потенциальном социальном устройстве, были идеологическими, тогда как адекватно реализованные в последующем социальном устройстве были относительными утопиями... Степень реализации идей представляет собой дополнительный и притом имеющий прямое отношение к прошлому критерий различения фактов, которые именно в силу своей принадлежности к настоящему трудно поддаются выявлению из-за фанатичного противоборства мнений (G, стр. 184).

Как показал Шелтинг, этот имеющий обратное действие критерий предполагает те самые критерии валидности, которые Маннгейм хочет вытеснить, ибо как еще наблюдатель может продемонстрировать, что его трактовка исторического процесса верна? Чтобы выявить дальнейшие трудности, присущие этой позиции, потребовался бы длительный и подробный анализ, выходящий далеко за рамки данного обсуждения. Маннгейм, однако, предпринимая еще одну попытку обойти радикальный релятивизм, занимает гораздо более умеренную позицию.

2. *Реляционизм.* Маннгейм очерчивает три возможные позиции по вопросу о том, какое отношение происхождения утверждения имеет к его валидности. В первом случае утверждению отказывают в «абсолютной валидности» [sic], если показаны его структурные источники²¹. Во втором случае, напротив, считается, что указание на источники не имеет никакого отношения к истинности данного утверждения. Третья концепция, которой придерживается Маннгейм, занимает промежуточное положение между этими крайними взглядами. Выяснение социальной позиции человека, высказывающего утверждение, подразумевает лишь «подозрение», то есть некоторую вероятность того, что утверждение «может представлять лишь неполную точку зрения». Такое выяснение также уточняет сферу применения данного утверждения и устанавливает границы его валидности. Это отводит *социологии познания* гораздо более скромную роль, чем заявлено в ранних формулировках Маннгейма, о чем свидетельствует его собственное краткое резюме.

²¹ Маннгейм везде приписывает доктрину «абсолютной истины» всем, кто отрицает радикально релятивистскую позицию. (Например, Н, 270, 274.) Для этого нет оснований. Можно допускать разные рассмотрения, разные цели исследования, разные концептуальные схемы и добавить лишь то, что разнообразные результаты должны поддаваться осмыслению или составлять целое, прежде чем их можно считать обоснованными. — *Примеч. автора.*

В этом смысле характерный для социологии знания анализ никоим образом не является несущественным для определения истинности того или иного высказывания; но сам по себе... этот анализ не раскрывает истину в полном объеме, поскольку простое ограничение перспектив никоим образом не заменяет непосредственную и прямую дискуссию между расходящимися точками зрения или непосредственной проверки фактов²².

Излагая свои реляционистские взгляды, Маннгейм уточняет понятие «перспективы» (*Aspektstruktur*), обозначающее «каким образом мы рассматриваем объект, что мы в нем воспринимаем и как конструируем его в нашем мышлении». Перспективы можно описать и соотносить с их социальными источниками, если принять во внимание «значение используемых понятий; явление эквивалентного понятия; отсутствие определенных понятий; структуру категориального аппарата; преобладающие модели мышления; уровень абстракции; и предполагаемую онтологию» (Н, стр. 244).

К этому времени Маннгейм практически вернулся к тому, с чего начал — так, что его нынешние замечания можно легко приравнять к высказываниям Риккерта и Макса Вебера. Ситуационно детерминированное мышление уже не означает обязательно идеологическое мышление, а лишь подразумевает с некоторой «вероятностью», что человек, занимающий данное место в социальной структуре, будет думать определенным образом (Н, стр. 264). Валидность предположений уже устанавливается не с помощью аналитическим методов социологии познания, а благодаря непосредственному исследованию предмета. Кроме того, «партикуляризирующая функция» социологии познания просто помогает нам установить пределы, в которых обобщенные утверждения являются валидными. То, что Маннгейм называет партикуляризацией, является, конечно, не чем иным, как новым термином для общепризнанного методологического правила, а именно: что установлено как истинное при определенных условиях, не должно считаться универсально истинным или не имеющим пределов и условий. Бриджмен и Сорокин обозначили это как «закон пределов»; нарушение его Дьюи называет «философским заблуждением»; в своей наиболее прозаичной и широко известной форме это нарушение описывают как «заблуждение неоправданной экстраполяции».

Концепция «перспективизма» Маннгейма, по существу, не отличается от концепции ценностных отношений Риккерта — Вебера

²² Н, 256. Подобным образом в своем более позднем очерке Маннгейм пишет: «Безусловно, верно, что в социальных науках, как и в других областях, окончательный критерий истинности или ложности заключается в исследовании предмета, и социология знания не заменяет этого» (К, 4). — *Примеч. автора.*

(согласно которой ценности связаны с формулировкой научной проблемы и выбором материалов, но не с валидностью результатов)²³. В обоих случаях исходят из предпосылок неисчерпаемого множества явлений, неизбежности их отбора с точки зрения концептуальной схемы и соотнесения ценностей и социальной структуры с этой схемой и формулировкой проблемы. На самом деле, еще в 1904 году Кульп и психологи Вурцбургской школы экспериментально показали, что характер проблем во многом определяет форму и содержание перцепции и наблюдения²⁴. Представители гештальт-психологии и школа Левина недавно расширили сферу применения этих данных, заговорив о направляющем воздействии *проблем*. Риккерт, Вебер и особенно Маннгейм стремятся дополнительно ввести в это замечательное открытие социологический аспект, показывая, что культурные ценности и социальная структура, в свою очередь, определяют формулировку *проблем*, которая задает направление непосредственному наблюдению. Таким образом, на этой стадии развития социология познания логически переплетается с данными экспериментальных исследований в психологии. Однако следует заметить, что эти эксперименты не говорят о том, что благодаря им можно поставить под сомнение валидность таких направленных наблюдений.

Отчасти непоследовательность Маннгейма в его ранних трудах проистекает от того, что он не определяет различие между непра-

²³ См. Rickert, *Die Grenzen...*, 245—271. «...История — это наука не о ценностях, а о ценностных отношениях». Ср. с: Weber, *Wissenschaftslehre*, 146—214. «Не существует совершенно «объективного» научного анализа культурной жизни или «социальных явлений», независимо от того специфического и «одностороннего» исторического момента, когда будет выбран, проанализирован и разложен на составные части объект исследования» (170). Но вместе с тем «ценностное отношение, которое придает смысл и значение и разложению действительности на составные части, и систематизации получивших тем самым определенную окрашенность компонентов всего того, что существует на момент своего культурного осмысления, — это отношение совершенно не повторимого, уникального исторического момента к анализу действительности с помощью законов и их упорядоченности в рамках общей концепции» (176). — *Примеч. автора*.

²⁴ См.: O. Kulpe, «Versuche uber Akstraktion», *Bericht uber den Internationalen Kongress fur experimentelle Psychologie*, 1904, 56—69; C. C. Pratt, «The present status of introspective technique», *The Journal of Philosophy*, April 24, 1924, 21, 231: «Что касается точного наблюдения и ясного описания, то наблюдатель адекватно воспринимает лишь те аспекты данного эксперимента, которые определяющая тенденция четко приводит в соответствие со специфической для данного момента проблемой; остальные аспекты этого эксперимента находятся в разной степени удаленности от области непосредственного наблюдения и поэтому не могут стать объектами научного описания». Приведено в: Ralph M. Eaton, *Symbolism and Truth* (Cambridge, 1925), 17 f. — *Примеч. автора*.

вильностью (недостоверностью) и перспективой (односторонностью). Перспективные утверждения, вероятно, не являются неверными, *если* их автор признает и допускает их неполный характер; тогда они представляют собой лишь абстрактные формулировки определенных аспектов конкретной ситуации. Но они явно не верны, если их преподносят как полную и существенную репрезентацию исследуемых явлений («ошибочность неуместной конкретности», по Уайтхеду). В таком случае грань между валидностью и чистым перспективизмом не столь ясна, как представляется Маннгейму. То, что в настоящее время он подчеркивает необходимость признания и надлежащего учета перспективы, ее существенного значения для достоверности мышления в социологии, представляется не чем иным, как повторной формулировкой понятия «*ценностного отношения*», и это возвращает его в лоно единомышленников Риккерта и Вебера, откуда он, по всей видимости, и вышел²⁵.

3. *Структурные гарантии валидности.* До сих пор Маннгейм стремился предоставить основания для валидности *в пределах* данных перспектив. Перед ним, однако, все еще стоит проблема оценки относительного достоинства разных точек зрения и, далее, обоснования того, что он называет «динамическим синтезом» этих точек зрения. Короче говоря, чтобы избежать интеллектуальной анархии, необходимо некое общее основание для объединения различных частных интерпретаций. В своей работе «Идеология и утопия» он предлагает решение, которое, несмотря на некоторые различия, сильно напоминает позицию Гегеля и Маркса. Идеалистическое видение истории у Гегеля гарантировало свою собственную истинность в силу утверждения, что «абсолютный Дух» получил воплощение в философии Гегеля, поскольку история тем самым наконец-то достигла своей цели. Маркс с помощью аналогичного постулата обнаруживает, что пролетариат является современным исполнителем имманентного исторического процесса, который ему одному предоставляет возможность неискаженного социального мышления. А Маннгейм находит структурные гарантии валидности социального мышления в «бесклассовой позиции» «социально неангажированной интеллигенции». Эти попытки спастись от крайнего релятивизма напоминают подвиг Мюнхгаузена, когда он за волосы вытащил себя из болота.

²⁵ Расхождение между этой интерпретацией и интерпретацией Шелтинга, систематически критикующего Маннгейма на основе наукоучения Вебера, скорее мнимое, чем реальное. Шелтинг рассматривает работу Маннгейма как целое, в котором ранние и более поздние части нередко совпадают друг с другом. Здесь же мы рассматриваем труды Маннгейма как процесс развития, на более поздних стадиях которых отход от Вебера становится все менее заметным. — *Примеч. автора.*

Бытие, которое для всех остальных остается непроницаемым во всех своих взаимосвязях, за исключением крайне ограниченного среза познания перспектив, перестает быть таковым для интеллектуалов (D, стр. 115—120; F, стр. 67 f.). Роль интеллигенции заключается в том, чтобы каким-либо образом смягчить имплицитный релятивизм. Интеллигенция наблюдает за социальной вселенной, взирая на нее если не отстраненно, то по крайней мере с заслуживающей доверия проницательностью, синтезирующим оком. Ей гарантирован, как пролетариату Маркса, угол зрения, дающий полный обзор конкретной исторической ситуации, и, как для Маркса, эту привилегию ей дает ее особое положение внутри социальной структуры. Так, Маннгейм указывает, что интеллигенция способна постичь разнообразные противоборствующие тенденции на данном отрезке времени, поскольку ее ряды «пополняются за счет постоянно меняющихся социальных слоев и жизненных ситуаций» (K, стр. 10; G, стр. 139).

В «Коммунистическом манифесте» мы читаем: «ряды пролетариата пополняются за счет всех классов населения». Маннгейм утверждает, что интеллигенция структурно свободна от искаженных интерпретаций, поскольку «сознательно или бессознательно заинтересована совсем в другом, а не в успехе конкурирующей схемы, которая вытесняет существующую» (G, стр. 232; «сознательно или бессознательно, но для нее имеет значение не подъем на следующую ступень социального бытия, а нечто совсем иное»). Энгельс в очерке о Фейербахе напоминает нам, что «только в среде рабочего класса продолжает... жить, не задохнувшись, немецкий интерес к теории... Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху»*. Как бы то ни было на самом деле, ясно, что и в случае интеллигенции, и в случае пролетариата простого структурного положения данного слоя самого по себе недостаточно для подтверждения их концепций. И действительно, Маннгейм, видимо, приходит к этому выводу, поскольку в более поздней статье признает необходимость «общего знаменателя» и формулы для «перевода» результатов, полученных из разных перспектив (H, p. 270; «формула для различного перерасчета и перевода различных перспектив»). Однако в связи с этим он не утверждает, что лишь гарантированно занимающие свое место в социальной структуре интеллектуалы могут создавать такие синтезы. Маннгейм также не дает удовлетворительного объяснения, как, с его точки зрения, можно получить «перевод одной перспективы на язык другой». Раз мыш-

* Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — изд. второе — М.: Госполитиздат, 1961, — т. 21, с. 317. — *Примеч. пер.*

ление экзистенциально детерминировано, кому в этой разногласии дано право решающего голоса?

Таким образом, оказывается, что, делая эпистемологические выводы из социологии знания, Маннгейм пришел к неразрешимым антиномиям. Безусловно, дальнейшие изменения его позиции в недавно обозначившемся направлении приведут к надежной и интегрированной системе анализа. Что касается истинной революции в теории познания, которую он видит в соответствующем расширении *социологии познания*, можно сказать, что основные принципы этой эпистемологии уже знакомы американским ученым. Именно в работах Пирса и Джеймса, связующим звеном для которых служат Дьюи и Мид, мышление рассматривается лишь как один из многих видов деятельности, как неизбежно связанное с опытом, как то, что можно понять лишь в его связи с некогнитивным опытом, как стимулируемое препятствиями и временно разочаровывающими ситуациями, как включающее абстрактные понятия, которые необходимо постоянно переосмысливать в свете их конкретного применения, как достоверное лишь тогда, когда оно покоится на экспериментальном основании²⁶. Маннгейм внес свой вклад в решение этих проблем, дав ценный анализ роли социальной структуры в выборе направления и активизации-мышления.

Критический тон предшествующего обсуждения не должен вводить в заблуждение. Маннгейм с замечательным мастерством и проницательностью высветил область социологии знания. Методология Маннгейма и сделанные им фундаментальные выводы (если убрать некоторые эпистемологические дефекты, модифицировать введенные им понятия в свете дальнейших эмпирических исследований и устранить имеющиеся у него отдельные случаи логической непоследовательности) уточняют отношения между познанием и социальной структурой, которые до этого оставались неясными. К счастью, Маннгейм признает, что его работа никоим образом не является исчерпывающей — такое определение звучит диссонансом в применении к любой научной работе, — и мы можем ожидать новых значительных открытий благодаря последующим изысканиям на той территории, где он был первопроходцем.

²⁶ В более поздней книге Маннгейм указывает на свое согласие со многими позициями прагматизма (J, 170 f)- В некоторых отношениях, которые мы здесь не можем Рассмотреть, он разделяет также предпосылки операционализма. (См., например, Н. 254, 274—275.) - *Примеч. автора.*

XVI. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РАДИО- И КИНОПРОПАГАНДЫ*

В данной главе мы расскажем о некоторых исследованиях в области внутренней пропаганды в радиопередачах и кинофильмах. Назвав тему, мы определим термин «пропаганда» и рассмотрим это определение по ходу нашего обсуждения. Мы понимаем под пропагандой любой ряд символов, влияющих на мнение, убеждение, действие в вопросах, которые общество считает спорными. Эти символы могут быть написанными, напечатанными, произнесенными, нарисованными или музыкальными. Однако если тема считается необсуждаемой, она не является предметом для пропаганды. В этом смысле утверждение, что 2 и 2 равно 4, в нашем обществе пропагандируется в большей степени, чем моральное утверждение, что инцест матери и сына — зло. Но тем не менее можно пропагандировать убеждение, что наша победа в войне не так уж неизбежна; что подушный налог противоречит определенной концепции демократии; что неблагоприятно в течение военного времени снабжать граждан топливом и бензином по их желанию; что одна религиозная система может потребовать от нас большей преданности, чем другая. В данных спорных вопросах пропаганда становится возможной и, по-видимому, почти неизбежной.

Другое общее замечание. Во многих кругах пропаганда часто отождествляется с ложью, обманом и мошенничеством. На наш взгляд, пропаганда не имеет неизбежной связи с правдой или ложью. Достоверное сообщение о потоплении американских торговых кораблей во время войны служит доказательством того, что существует эффективная пропаганда, помогающая гражданам пережить многие утраты, которые в других обстоятельствах они не смогли бы перенести с достоинством. Если мы поддадимся взгляду, что пропаганда — это только ложь, то мы на пути к нигилизму. К тому же признаем, что установка на недоверие, без каких-либо критических оснований, может возникать как защита от осознания утраты или от мешающих фактов

© Перевод. Черемисинова Е.Р., 2006

* В соавторстве с П.Ф. Лазарсфелдом. — *Примеч. автора.*

и информации, которая вызывает страх, дискомфорт или отказ от любимых убеждений.

Но время ограничивает слишком развернутую дискуссию по пропаганде, такое обсуждение будет слишком долгим, обладающим всеми прелестями умозрения, неконтролируемого эмпирическими исследованиями. Чтобы уточнить определенные проблемы пропаганды, мы должны обратиться к конкретным деталям пропаганды и разработать определенную процедуру для проверки наших объяснений. Мы не считаем, что общие дискуссии о пропаганде обязательно лишены обоснованности, они лишь преступают границы нашего знания. В них много значительных пробелов.

Но, возможно, в этой главе есть ошибки другого рода. Мы собираемся сообщить только о некоторых исследованиях, которые во время Второй мировой войны проводило Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета под руководством д-ра Херта Херцог и авторов данной главы. Первая характерная черта этих исследований — изучение установленного влияния на людей отдельных пропагандистских документов. Другая их характерная черта — их методическая ориентация; они представляют основу для рекомендаций сценаристам и продюсерам данной пропаганды. Эти исследования должны быть средством для непосредственного решения и действия. За много лет до бегства в Самоа Роберт Льюис Стивенсон описал невольно именно тот тип ситуации, с которым столкнулись исследователи, работающие в структуре политической деятельности:

Мы не кабинетные ученые, исследующие предмет на совесть; мы теоретизируем с пистолетом у своего виска; мы сталкиваемся с новыми обстоятельствами, в которых мы не более чем за час должны не только принять решение, но и начать действовать.

Настоящая глава, таким образом, рассматривает исследования, проведенные «с пистолетом у нашего виска». Наша цель — изложить вопрос так, чтобы вы не спустили курок.

Формы анализа пропаганды

В определенном смысле точный анализ пропаганды не является нововведением. Влияние фильмов, радиопрограмм и газет изучается по крайней мере последние тридцать лет. Тем не менее до настоящего времени эти исследования обращались к общему воздействию пропагандистского материала в целом. Таким образом, некоторые иссле-

дования (например, исследования Л.Л. Турстоун) ограничивались обобщением определенного рода наблюдений:

Антинегритянский фильм «Рождение нации» усилил антинегритянские чувства в изучаемой аудитории.

Фильм «Улицы шансов», который изображает авантюриста «как интересный, привлекательный характер», по каким-то непонятным причинам приводит к возрастающему осуждению авантюризма.

Фильм «Все на Западный фронт» вызвал более заметный протест против войны в группе школьников, чем фильм «Конец путешествия».

Вы замечаете, что такие исследования почти не сообщают об особых чертах пропаганды, вызывающей такое влияние. Но именно этот вопрос интересует сценариста и продюсера. Если исследования пропаганды должны оказаться для них полезными, то должны раскрывать не только ее общее воздействие, но и наиболее типичное влияние особых аспектов пропаганды. Каков должен быть характер эффективной пропаганды в конкретных условиях? В этой главе мы рассмотрим образцы современных исследований, в которых определенные черты пропаганды соотнесены с определенными типами реакции.

Перед тем как обратиться к методам анализа воздействия пропаганды, мы попробуем рассеять одну общую иллюзию. Очевидно, что создатели пропаганды не знают в целом, как аудитория будет реагировать на их материалы, полагаясь только на свою интуицию или замечая свои собственные реакции. Некоторые примеры, первый из которых скорее просветительский, чем пропагандистский, проиллюстрируют, насколько неожиданные реакции могут вызвать у аудитории сценаристы.

Во время Второй мировой войны один опытный автор подготовил черновик инструкций по использованию промтоварных карточек в настолько понятных выражениях, насколько мог. Психологи-консультанты помогали ему в этой задаче. Обученные интервьюеры представляли эти инструкции домохозяйкам и наблюдали за их реакцией. На основе этих наблюдений был подготовлен второй вариант инструкций. Он также был проверен в опросах и, в конце концов, был принят третий модифицированный вариант. Основная задача состояла в том, чтобы объяснить, что промтоварные карточки различной ценности можно сложить для получения определенного числа единиц.

Авторы предположили, что поскольку большинство людей имеют опыт использования почтовых марок, то будет полезно использовать аналогию с ними в инструкциях. Кто бы мог предвидеть в тиши кабинета, что эта простая аналогия может вызвать комментарии, подобные следующим:

Я не имел в виду, что вы должны посылать их по почте.
Их не нужно приклеивать куда-либо.

Этот тривиальный пример непредвиденной реакции отражает нарушения, возникающие при передаче информации. Другой иллюстрацией может стать фильм, который подчеркивает жестокость и аморальность нацистов. Эпизоды, которые явно показывают, что нацисты абсолютно равнодушны к общим человеческим нормам, аудитория иногда оценивает с чисто технической точки зрения: они считают это иллюстрацией оперативности нацистов. Аудитория не обращает внимания на эмоциональный и моральный смысл, к которому стремились продюсеры этого фильма.

Такой же образец непредвиденной реакции мы находим после радиопередач. На радио под руководством медицинского общества была проведена беседа о рентгеновских лучах как часть кампании, направленной на содействие «правильному» использованию медицинских служб гражданами. Лектор — известный рентгенолог — старался убедить своих слушателей не обращаться к врачам, не имеющим лицензии (шарлатанам), для рентгеновского обследования и лечения. Стараясь быть убедительным, он несколько раз подчеркнул «опасность использования рентгеновских лучей и проведения рентгеновского обследования». Добрые намерения рентгенолога вызвали неожиданное беспокойство. Некоторые представители аудитории (как раз те, которые не лечились у шарлатанов) выразили свой внезапно возникший страх:

Людей заставляли отказаться от рентгена. Создалось впечатление опасности. Сам доктор использует свинец и надевает перчатки. Люди не хотят подвергаться рентгену после услышанного. Их испугали.

Я почувствовал, что рентген может причинить вред. Слушая о токах и тому подобном, я подумал, что это по крайней мере неприятно.

Образец непредвиденной реакции поднимает несколько основных вопросов. Каким образом мы можем проанализировать пропаганду в фильмах, на радио и в печати, чтобы определить, чем скорее всего вызван данный эффект? Процедура для решения этой задачи известна как *анализ содержания*. Есть и другие вопросы. Как мы можем убедиться, что рассматриваемая реакция действительно вызвана Данной пропагандой? Насколько мы можем объяснить расхождение между ожидаемой и действительной реакцией? Можем ли мы накопить опыт и интерпретации, которые дадут нам возможность более точно предсказать реакции на различные типы пропаганды и, таким образом, уменьшить или предотвратить нежелательные реакции с по-

мощью внесения соответствующих поправок в пропагандистский материал до его выхода в свет? Процедуру, предложенную для ответа на эти вопросы, мы назовем *анализом реакций*.

А сейчас мы обратимся к тому, что считаем своей главной задачей: сообщить о нашем двухлетнем опыте анализа различных типов пропаганды. Возможно, мы сможем сделать более понятными разработанные нами методы анализа содержания и анализа реакций, если сосредоточимся на проблемах, с которыми мы на самом деле столкнулись в наших исследованиях.

Анализ содержания

Для того чтобы определить возможные типы реакции на пропагандистский документ (брошюру, кино или радиопрограмму), он в первую очередь тщательно изучается и в целом, и в его отдельных компонентах, аспектах. Можно предположить, что любой человек, который ознакомился с пропагандистским материалом, будет знать его содержание. Но на самом деле это не так. Для анализа содержания необходимы определенные методы, основанные на практическом опыте, а также на психологической и социологической теории; они помогают понять вероятные реакции на содержание. Недостаточно одного лишь поверхностного взгляда. Содержание 15-минутной радиопрограммы или часового фильма можно адекватно оценить только благодаря систематическим методам. Как необходим полевой бинокль для различения объекта на далеком расстоянии, точно так же нам нужны средства, иногда удивительно простые средства, для того чтобы понять поток переживаний в течение большого периода времени. Таких средств множество, начиная с метода подсчета частоты определенных *ключевых символов* и заканчивая другим методом определения *структуры* пропагандистского материала в целом или всей пропагандистской кампании.

Рассмотрим несколько примеров использования самого простого метода—анализа символов. Регулярные пропагандистские радиопрограммы содержали примерно 1000 символов, обозначающих как Организацию Объединенных Наций (или ее членов, помимо Соединенных Штатов), так и Ось Держав Берлин — Рим (отдельные страны или в целом). Исследуя частоту использования соответствующих наборов символов в двенадцати программах, мы выявили определенную закономерность, которая отражает структуру программы, но расходится с явным намерением продюсера. Почти во всех программах частота использования символов Организации Объединенных Наций точно со-

ответствовала частоте использования символов, относящихся к Оси Держав Берлин — Рим: рост или уменьшение в одном ряду символов связаны с ростом или уменьшением в другом ряду символов. В связи с этим на передний план выходит важная модель в этой пропагандистской программе. Интерес к Организации Объединенных Наций в основном ограничен ее ролью в войне с Осью Держав Берлин — Рим: они редко упоминаются в другой связи. Согласно радиопередачам, Организация Объединенных Наций выглядит «друзьями на черный день»: интерес к ним главным образом проявляется как к союзникам, помогающим в борьбе с Осью Держав Берлин — Рим, а не как к союзникам, с которыми существуют и другие близкие связи, не зависящие от войны. В радиопрограммах о них рассказывают не как об обществах, но только как о нациях, демонстрирующих военную отвагу и мужество. Мы отдаем честь героически погибшим русским и довольны, что они — враги Гитлера. Мы восхваляем англичан, которые так долго охраняют крепость Британию от нацистов. Мы сочувствуем судьбе оккупированных наций, и опять же интерес к этим нациям ограничен их страданиями в руках врага. Мы обнаружили связь между частотой символов, относящихся к Организации Объединенных Наций и к Оси Держав Берлин — Рим, поскольку упоминание Организации Объединенных Наций было связано с этой основной темой. Следует отметить, что комментаторы, а также, вероятно, продюсеры этих радиопрограмм не обнаружили лежащую в их основании структуру, не обращая внимания на ее символический итог.

Эта серия радиопрограмм также широко использует персонификацию как стереотипное отношение к врагу: около 25 процентов всех символов, относящихся к врагам, — это Гитлер, Муссолини, Геринг и так далее; напротив, только четыре процента ссылок на Организацию Объединенных Наций и 11 процентов ссылок на Соединенные Штаты содержат персонификацию. Такое использование упрощенной стереотипной персонификации дает представление о враге как о небольшой, по сути, банде злодеев и подразумевает, что как только эти люди будут уничтожены, все будет хорошо. Слушатели легко воспринимают такой род персонификации, поскольку он соответствует широко распространенным наивным идеям: например, аналогичным является представление о том, что мы должны бороться с преступлением, главным образом наказывая преступников, а не профилактическими мерами.

Более того, мы обнаружили, что мнение опрошенных людей, которые посмотрели документальный фильм, отражает выборочное употребление выражений, используемых для характеристики врага в этом фильме. Таким образом, если комментатор фильма намного чаще

отождествляет с врагом единственную сатанинскую фигуру — Гитлера или весь немецкий народ, а не нацистскую партию, это отражается в образцах реакции аудитории. Чтобы осознать значительную политическую важность данной проблемы, мы должны лишь вспомнить реакцию на пункт об ответственности за развязывание войны в Версальском договоре. Современная пропаганда может небрежно проигнорировать фашистский или нацистский характер врага и, таким образом, проложить неверное русло для агрессивных настроений в послевоенный период.

Еще один пример мы возьмем из брошюры о неграх. В брошюре есть две основные темы: известно, что негры продолжают страдать от дискриминации, но тем не менее они достигли большого прогресса в нашем демократическом обществе, которое дало возможность многим неграм достичь личного успеха и внести свой вклад в общественное благосостояние. Напротив, Гитлер всегда выражал презрение к цветным людям, и если бы он победил в войне, все завоевания негров были бы уничтожены. Таким образом, содержание брошюры можно подразделить на две категории: материал, относящийся к «завоеваниям и достижениям негров в демократическом обществе», и «лишения, которыми угрожает неграм победа Гитлера». В брошюре 189 параграфов и заголовков. 84 процента рассказывают о современных завоеваниях и 16 процентов о возможных потерях при нацизме. Создатели брошюры, по-видимому, считают обоснованным такое распределение для акцентирования этих двух тем.

Но брошюра содержит два типа представления информации. Первый — это статья известного негритянского автора, второй — ряд приковывающих внимание фотографий с краткими подписями. В нашем дальнейшем анализе содержания мы обнаружили, что подписи под фотографиями и текст статьи раскрывают обе темы в совершенно разных пропорциях. В статье примерно 73 процента пунктов относятся к потерям при Гитлере и 27 процентов к завоеваниям в демократическом обществе, тогда как 98 процентов фотографий и подписей относятся к достижениям негров в демократическом обществе и только два процента к гитлеровской угрозе.

В настоящее время так сложилось, что большинство населения, и особенно негритянского населения с его низким образовательным уровнем, больше предпочитают фотографии и подписи к ним, чем подробной текст. Они чаще рассматривают первое, чем второе. А в нашем примере фотографии почти полностью пренебрегают темой негритянских потерь в случае победы нацистов. В результате брошюра в целом попала мимо цели. Определенные установки негров были проверены как до чтения брошюры, так и после. Большинство чита-

телей испытывали гордость и возросшее чувство собственного достоинства в результате данной характеристики достижений и вклада своей расы. Но брошюра потерпела неудачу в формировании особого побуждения у негров — усилить борьбу против нацистов ради своих собственных интересов, поскольку читатели в основном проглядели основной смысл сообщения.

Эти два примера, хотя и несколько поверхностно, иллюстрируют методы, которые с помощью простого подсчета ключевых символов и анализа содержания помогают нам обнаружить небрежные ошибки пропагандистов. Они также служат руководящим принципом для интервью с людьми, на которых направлена пропаганда. Существуют и другие методы анализа содержания, которые можно кратко обобщить: ¹

1. *Метод подсчета символов* состоит в определении ключевых символов и их подсчете в информационном материале. Просто указывается количество символов, которые были в центре внимания аудитории. Подсчет упоминаний врага в комментариях к фильму — иллюстрация этого метода².
2. *Одномерная классификация символов*: это некоторая разработка предыдущего метода. Символы классифицируются в соответствии с их применением, говоря в широком смысле, либо в позитивном (благоприятном), либо в негативном (неблагоприятном) контексте. Таким образом, Англия может быть описана в позитивных выражениях (побеждающая, демократичная, отважная) или в негативных выражениях (пораженческая, кастовая, предательская). Этот тип анализа — первый шаг в изучении наиболее эффективного распределения символов для достижения определенного результата. Он сможет послужить прекращению часто неэффективной практики черно-белых контрастов. Примененный к вражеской пропаганде, такой род анализа дает основания для оценки относительной безопасности или опасности врага³.

¹ Тщательное исследование процедур анализа содержания доступно изложено в книге: Bernard Berelson, *Content analysis in Communications Research* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951). См. также: H.D. Lasswell, «A provisional classification of symbol data», *Psychiatry*; 1938, 1, 197—204; Douglas Waples et al. *What Reading Does to People?* Appendix B (Chicago, 1940); N.C. Leites & I. de Sola Pool. On content analysis. Experimental Division for the Study of Wartime Communications. Document No. 26. September, 1942. — *Примеч. автора*.

² См., например: H.D. Lasswell, «The world attention survey», *Public Opinion Quarterly*; 1941, 3, 452–462. — *Примеч. автора*.

³ Например, исследования Hans Speier & Ernst Kris; исследовательский проект по тоталитарным коммуникациям в Новой школе социальных исследований; нео опубликованный анализ символов в серии радиопрограмм «Это война». Бюро прикладных социальных исследований, Колумбийский университет. — *Примеч. автора*.

3. *Анализ деталей*: классификация отдельных частей пропаганды (например, сцен в фильме, песен в радиопрограмме, фотографий в брошюре). Это требует отбора значительных или незначительных частей на основе психологической теории «ценности для внимания». Будет ли какая-либо часть вызывать основной или второстепенный интерес аудитории? Как эти части будут проинтерпретированы различными видами аудитории? При анализе некоторых фильмов можно предсказать сцены или ряд сцен, которые будут в центре внимания аудитории.
4. *Тематический анализ*: классификация явных и неявных (символических) тем в пропагандистских материалах. Это в отличие от анализа деталей относится к предполагаемой нарастающей значительности ряда деталей⁴.
5. *Структурный анализ*: рассматривает взаимосвязь различных тем в пропаганде. Эти связи могут быть *дополняющими* (враг жесток, мы милосердны), *интегрирующими* (враг жесток, лжив, агрессивен, не имеет религии), *интерферирующими* (когда темы направлены на разные цели, например, тема нацистской силы порождает беспокойство)⁵.
6. *Анализ пропагандистской кампании*: рассматривает взаимосвязь различных документов, каждый из которых предназначен для общей главной цели. В то время как структурный анализ рассматривает связи *внутри* одного пропагандистского документа, анализ кампании рассматривает связи ряда таких документов. Сюда входят: проблема последовательности сцен, их продолжительности, относительных акцентов, установление ритма и времени, а также соотношений, упомянутых в структурном анализе⁶.

Из этого обобщения мы видим, что главная задача анализа содержания — дать ключ к вероятной реакции на пропаганду. Но этого недостаточно. Мы должны увидеть, возникают ли эти ожидаемые реакции на самом деле, только тогда анализ содержания может быть обоснован по существу. Для этого необходимо интервью с представителями аудитории; это интервью особого типа, который мы назвали «направленное интервью»⁷.

В данном случае существует взаимосвязь между анализом содержания пропаганды и направленными интервью с читателями и слу-

⁴ Например, исследования Грегори Батесон о нацистских пропагандистских фильмах. См. также: Siegfried Krasauer, *Propaganda in the Nazi War Film* (New York: Museum of Modern Art Film Library, 1942). — *Примеч. автора*.

⁵ Например, Красауер, *op. cit.*; также исследование фильмов Бюро прикладных социальных исследований. — *Примеч. автора*.

⁶ Например, исследование политической кампании, общественной полезности пропагандистской кампании, общественных кампаний и т.д. — *Примеч. автора*.

⁷ R.K. Merton, M. Fiske and P.L. Kendall, *The Focused Interview*. — *Примеч. автора*.

шателями. Предварительно сделанный анализ содержания необходим для выработки основных принципов интервью, а опыт интервью обостряет ваше зрение для более точного анализа содержания.

Анализ реакции

Интервью, запланированные для выявления действительных реакций на пропаганду, кажутся на первый взгляд простой задачей. Но на практике это не так уж просто. Использование обычных методов интервью недостаточно для получения необходимой информации. Большинство людей считают, что трудно выразить свою реакцию на фильм или радиопрограмму в выражениях, которые используют сценаристы, продюсеры или социологи.

Мы считаем, что опрашиваемых можно разделить на два больших класса. Если они хорошо формулируют свои ответы, то, как правило, дают свои советы, как «следует показывать» фильм или как «следует переделать» радиопрограмму, чтобы возросла их эффективность. Они стремятся рассуждать как профессиональные критики или консультанты, но именно это нам и не нужно. Тактика интервью должна быть разработана таким образом, чтобы избежать таких установок «дать совет», возникающих у части опрашиваемых, и дать им возможность сообщить о своих непосредственных реакциях на пропаганду.

Для других людей, которые считают, что вообще трудно сообщить свою реакцию, была создана специальная методика интервью, которая помогает им сформулировать и передать свои переживания. В целом интервью направлено на пропагандистские материалы, которые должны быть исследованы. Замечания интервьюера не привлекают прямо внимание к определенным аспектам пропаганды. Они просто помогают опрашиваемым людям сообщить о том, что находится в центре их собственного внимания, и об их собственных реакциях на те детали, которые значительны для них. Позволим сравнение: интервьюер дает проблеск маяка, который в уме опрашиваемого освещает путь к фильму, радиопрограмме или опубликованным данным. Только после того, как опрашиваемый полностью сообщил о своей реакции на те аспекты пропаганды, которые он воспринял наиболее ярко, интервьюер завершает обсуждение проверкой своих собственных гипотез, происходящих из анализа содержания и которые даже не рассматривались в интервью. Полностью интервью записано в стенограмме. Позднее возможен глубокий анализ именно тех аспектов пропаганды, которые вызвали определенный тип реакции.

В целом мы можем сказать, что направленное интервью можно оценить в соответствии со степенью достижения следующих целей:

1. Выявлены ли эффективные аспекты пропаганды, на которые реагирует аудитория.
2. Выявлен ли неоднозначный характер этих реакций на значительные детали.
3. Дана ли возможность проверить, будут ли действительно возникать те реакции, которые мы ожидаем на основе анализа содержания.
4. Обнаружены ли полностью неожиданные ответы, то есть те ответы, которые не предвидели ни сценаристы, ни мы при анализе содержания.

Хотя все эти цели интервью важны, именно последняя имеет особое практическое значение. Вспомним ранее приведенные нами примеры — брошюру, посвященную неграм, и радиобеседу про рентген. В этих примерах мы хотели показать, что без анализа содержания и анализа реакции, которые могут помочь пропагандисту, он иногда может не увидеть леса за деревьями. Далее мы должны предположить, что часто пропагандист не может увидеть шипы на розах. Если пропагандист хочет довести до нас мысль или создать определенное впечатление, он делает это с помощью слов, иллюстраций или других символов. Когда брошюра, пьеса, радиопрограмма или сценарий выходят в свет, аудитория понимает его так, как считает нужным. Есть история о миссионере, который указывал на стол и повторял слово «стол» до тех пор, пока неграмотная аудитория не смогла повторить это слово. Через некоторое время он пришел в уныние, узнав, что некоторые из неграмотных относят слово «стол» к дереву, поскольку они оба были коричневого цвета. Другие называли собак «столами», поскольку у них четыре ноги. Короче, каждый слушатель выбрал некоторый аспект в сложном объекте, который для миссионера был определен как целое словом «стол». В связи с этим полезно рассмотреть, насколько часто эффект от пропаганды бывает полностью непредвиденным.

Эффект «бумеранга»

Случай, который мы хотим рассмотреть, возник из ранее упомянутого исследования программы, посвященной здравоохранению. Правительство должно было поддерживать просветительские и пропагандистские функции, которые, предполагалось, направлены на поддержание морального духа во время войны, что имело большое значение. В послевоенный период американское население, имея

опыт общепризнанных мер правительственного надзора, могло оказаться более восприимчивым к заботе об общественном здравоохранении, питании и образовательной деятельности.

Вспомним пример, в котором представитель окружного медицинского общества беседовал на радио о рентгене. Он подчеркивал предосторожность, необходимую для предотвращения рентгеновского облучения; он указывал, что местная администрация защищает граждан с помощью системы лицензирования работы в области рентгена и с помощью проверки оборудования; он подчеркивал, что требуется специальное обучение, чтобы стать компетентным в этой области. Лектор, очевидно, стремился уберечь своих слушателей от рук шарлатанов, которые не были ни компетентными, ни честными. Профессионально рассказывая об этой проблеме, он, по-видимому, не осознавал, что слушатели не имеют достаточного опыта, сравнимого с его собственным. Он не обратил внимания, как будет воспринята эта проблема с точки зрения опыта его аудитории.

Хорошо известно из родственной области исследований, что слушатели не могут легко ассимилировать установки и информацию, если они не согласуются с накопленным ими опытом. Если бы врач описывал процедуры, применяемые шарлатанами для своих клиентов, или представлял данные по предполагаемому числу нелегализованных обследований в этой области, его слушатели могли бы понять его взгляды и установки. Но поскольку он этого не сделал, он, по-видимому, стучал в открытую дверь.

Он говорил о получивших лицензии врачах, но недостаточно ясно. Он не сказал ни разу, что произойдет с вами, если в этой области работает человек, не имеющий лицензии.

В результате слушатели начали сомневаться в важности, а иногда и в реальности этой проблемы. Он говорил на самом деле в психологической пустоте, которую слушатели так или иначе образовали. Им говорили о сложности аппаратуры для рентгена, и они, получив эту новую информацию, использовали ее для собственного взгляда на проблему.

Я не считаю, что беспокойство оправдано. Не всякий может иметь рентгеновскую аппаратуру. «Дженерал электрик», вероятно, не станет продавать оборудование любому, не имеющему лицензии.

Я не могу понять, как любой человек, не имеющий лицензии, отважится купить такое дорогое оборудование ценой около 1Г 000 долларов, только для того, чтобы на следующий день его поймали те, кто обнаружит, что у него отсутствует лицензия.

Вероятно, стремясь опровергнуть такое мнение, лектор начал превозносить достоинства специалистов в общих выражениях. Анализ содержания выявил 63 упоминания в 14-минутной программе понятий «авторитет», «лицензия» и «специализация». Поскольку беседа подняла вопросы, которые не удалось прояснить, она привела к эффекту «бумеранга». Слушатели беспокоились чем дальше, тем больше и в результате стали сомневаться в самом эксперте по рентгену.

Существует достаточно много случаев, когда человек, имеющий лицензию, не мог использовать рентген достаточно правильно.

У вас могут быть водительские права, но это не доказывает, что вы умеете водить. Точно так же люди могут получить лицензию, что не доказывает, что они компетентны.

Программа подчеркивала ценность соответствующего обучения специалистов-рентгенологов. Но ошибочно допускалось, что слушатели имеют склад ума, при котором неизбежно отождествят лицензию с соответствующими навыками. Следовательно, вся убедительность лектора привела сначала к беспокойству, затем к сомнению и, в конце концов, к недоверию.

Значит, при определенных обстоятельствах люди реагируют на пропаганду противоположным образом, чем тот, который предполагал автор. В ходе наших исследований мы обнаружили различные разновидности таких «бумерангов», некоторые из них можно упомянуть здесь. Предшествующий «бумеранг» («специалист») иллюстрирует широко известную разновидность: *он возникает из-за ошибочной психологической оценки умонастроения аудитории*. Пропаганда не вызовет ожидаемую реакцию, если ее содержание не соответствует психологическим потребностям аудитории. Следовательно, необходимо получить большее количество информации о преобладающих установках и чувствах населения, если мы не хотим, чтобы пропаганда не спровоцировала такой «бумеранг». Для подробного анализа пропаганды можно использовать хорошо известные типы опросов общественного мнения и другие массовые обследования.

Например, мы знаем из опроса общественного мнения, что большая часть американцев была убеждена (в то время когда это не вполне соответствовало фактам), что у нас самая большая армия, самое большое производство военной продукции и мы внесли самый большой вклад в победу над Осью Держав Берлин — Рим. Следовательно, фильмы, которые стремились подчеркнуть нашу помощь союзникам, должны были планироваться особым образом, не поддерживая этот этноцентризм. Если мы хотим показать, что англичане, русские или

китайцы получили полную помощь по ленд-лизу или другую помощь от Америки, необходимо специально и точно указать границы такой помощи. Иначе мы столкнемся с описанной разновидностью эффекта «бумеранга»: пренебрегая психологическими особенностями аудитории, фильм достигнет не той цели, к которой он стремился.

Вторая разновидность эффекта «бумеранга» связана, вероятно, с тем, что существует непреодолимый минимум таких реакций-«бумерангов». *Такая разновидность возникает из дилеммы, с которой сталкивается автор, адресующий свою пропаганду психологически разнородной аудитории, т.е. аудитории, представители которой имеют различное умонастроение по отношению к данному вопросу.* Материалы, которые воздействуют на одну часть аудитории, могут вызвать противоположную эффект у другой части, которая отличается психологически и социально.

Приведем пример. Пропагандистские радиопрограммы, передаваемые вскоре после Перл-Харбор, содержали две основные темы. Первая подчеркивала силу и потенциал Объединенных Наций, стремясь преодолеть пораженческие настроения. Вторая подчеркивала силу врага, стараясь преодолеть самодовольство и сверхсамонадеянность. Проблема вполне ясна. Разве не может акцентирование нашей силы усилить самодовольство тех, кто уже самодоволен? И соответственно упоминание о силе врага поддержит пораженческие настроения у тех, кто уже готов к ним?⁸ Делая вывод из материалов опросов, мы видим, что так и происходит.

Это нелегкая задача — избежать противоположных реакций различных частей аудитории. К тому же это осложняется изменениями «состояния общественного умонастроения», иногда, кажется, происходящими с подвижностью ртути так, что преобладающий взгляд оказывается в один момент «самодовольным», а в другой — «самым пессимистическим». И опять видно, что «направленная на повышение боевого духа пропаганда» должна функционально соответствовать ситуации, должна быть постоянная информация о преобладающих эмоциональных настроениях у населения.

Третья разновидность «бумеранга», возможно, имеет большее значение, чем другие, поскольку ее в большой мере можно избежать на основе точного анализа пропаганды. Мы можем назвать ее «*структурный бумеранг*», который возникает в одном и том же пропагандистском материале из-за различных тем, направленных на разные цели. Если пропагандист развивает независимо друг от друга несколько тем

⁸ Действительно, существует экспериментальное подтверждение, хотя и незначительное, что люди реагируют избирательно таким образом, который усиливает их настоящие установки и чувства. — *Примеч. автора.*

в пропаганде и игнорирует их социальные и психологические взаимосвязи, он может столкнуться с тем, что пропагандистский документ в целом окажется неэффективным для достижения его цели. Чтобы избежать этого, необходим структурный анализ связи между темами.

Иллюстрацией «структурного бумеранга» может стать гипотетический пример, аналогичный, по сути, случаю, который действительно возник в исследованиях. Несколько фильмов, созданных до вступления Америки в войну, среди разных тем содержали две основные. Первая из них подчеркивала потрясающую жестокость и садизм нацистов, а также их угрозу нашему образу жизни; эта тема была ярко выражена в сценах ужасного обращения с гражданами только из-за их политических и религиозных убеждений. В интервью мы обнаружили, что сцены, подобные этим, вызывали сильные агрессивные чувства у большей части аудитории.

Но достаточно странно, что такие агрессивные чувства, направленные против нацистов, не приводили с неизбежностью к тому, чтобы большая часть тех людей, которые видели этот фильм — по сравнению с теми, кто не видел его, — выразили бы свою готовность к вступлению нашей страны в конфликт. На самом деле временами в «группе фильма» могло произойти даже небольшое сокращение числа людей, которые хотели бы вступить в войну, по сравнению с «контрольной группой». Почему это происходило?

В этом случае материалы интервью продемонстрировали, что эффект явно отсутствует, поскольку вступление в войну рассматривалось в совокупности с другой темой фильма, направленной на иную цель. Эта противодействующая тема подчеркивала навыки, опыт и огромный размер нацистской армии, что было представлено в подробных и ярких сценах действия нацистских солдат во время боя. Эта тема вызывала страх и тревогу по поводу намерения американцев совладать с такой громадной армией, как у нацистов, особенно потому, что мы еще не укрепили собственные вооруженные силы.

Таким образом, получилось, что тема о силе нацистов, которая вызвала страх, могла противодействовать теме о жестокости нацистов, которая вызывала протест. Следовательно, чувства протеста могут не преобразоваться в реальное желание того, чтобы наша нация вступила в конфликт. Компетентный структурный анализ таких фильмов указывает на вероятность того, что одна тема в фильме будет подавлять эффект, вызванный другой темой в том же самом фильме. В результате, хотя каждая тема фильма может быть эффективной, как и было на самом деле, — одна пробуждала протест, другая знакомила американцев с мощью врага, но общий результат по отношению к нашей готовности вступить в войну оказался нулевым.

Этот типичный пример не только иллюстрирует разновидность реакции-«бумеранга», но также показывает, как направленное интервью дает нам возможность дополнить и повысить ценность традиционного контролируемого эксперимента, упомянутого в начале нашего обсуждения. Контролируемый эксперимент проходит в двух тщательно подобранных группах людей, одна из них подвергается воздействию пропаганды, а другая — нет. Определенные установки и чувства этих двух групп проверяются дважды: первый раз — до того, как первая группа подвергается воздействию пропаганды; второй раз — после этого воздействия. Если группы были подобраны соответствующим образом, то различия в установках у этих двух групп, обнаруженные при второй проверке, можно приписать воздействию пропаганды. Но предположим, что в некоторых выявленных установках нет существенного различия, как в примере об отношении людей к вступлению Америки в войну. Контролируемый эксперимент не объяснит нам, почему эти изменения не произошли. *Его результаты показывают только общее воздействие пропаганды на установку, а не сложную динамику реакции, которая привела к такому эффекту.* Но, как мы видели, фильм оказался неудачным из-за того, что две темы, каждая из которых была эффективной сама по себе, вызвали реакции, нейтрализующие друг друга. Материалы интервью, таким образом, дают нам возможность предложить психологическое объяснение реакций, которые невозможно зарегистрировать в результатах эксперимента.

Стоит кратко обсудить и четвертую разновидность «бумеранга», хотя бы потому, что она часто встречается в пропаганде. *Этот «бумеранг» возникает из того, что мы назвали* (с должным извинением перед Уайтхедом) *ошибкой из-за неверного размещения примеров.* Как только пропаганда обращается к вопросам, которые хорошо известны из первых рук предполагаемой аудитории, существует риск, что некоторые из выбранных примеров не будут выглядеть убедительными для тех людей в аудитории, которые принимают во внимание свой собственный опыт. Брошюра о неграх и войне, которую мы обсудили ранее, была в основном посвящена социальным и экономическим достижениям негров в американском демократическом обществе. Эта тема была подтверждена по большей части фотографиями известных негров, улучшенных жилищных условий и тому подобного. Однако примерно 40 процентов опрошенных негров скептически оценили брошюру как «лживую», поскольку слишком заметно было расхождение между их собственным опытом, с одной стороны, и «примерами прогресса», с другой стороны.

Следует заметить, что достоверность примеров не уберегла их от возникновения реакции «бумеранга». Читатель обращается к своему собственному непосредственному опыту, и если он не соответствует примерам, содержащимся в документе, то он с чистым сердцем отвергает его. Недоверие, возникающее из такого очевидного расхождения между «реальностью» и «пропагандой», люди склонны обобщить и отнести ко всему документу.

Более того, реакция «бумеранга» передается другим от людей, которые испытали ее первоначально. Обсуждая документ с другими, недоверчивый читатель становится источником заразного скептицизма (как это и произошло в нашем примере). Он склоняет других потенциальных читателей к такому же недоверчивому отношению. Таким образом, анализ содержания и анализ реакции, устраняя эти основания для реакции «бумеранга», имеет важную профилактическую функцию.

Наше описание, возможно, включает уже достаточное количество примеров анализа пропаганды, которые могут помочь преодолеть постоянные трудности авторов и продюсеров пропаганды. Творческий автор часто не может признать представление о том, что его произведение, которое он считает уникальным выражением момента вдохновения, можно усовершенствовать или вообще рассматривать с помощью механической, с его точки зрения, исследовательской процедуры. Но все это не относится к делу. Мы не предполагаем, что влияем на умы изобретателей, художников, артистов, которые создают такую пропаганду. Мы не считаем, что наш прозаический анализ проникает в искусный риторический или выразительный ритм, который создает драматический эффект. Мы согласны, что не можем с легкостью научить их мастерству. Творческие идеи, выраженные в словах, звуках или рисунках, нельзя произвести синтетически⁹. Но систематические исследования необходимы, чтобы увидеть, достигли ли пропагандисты своих целей. Точно также, как исследователи не

* В соответствии с этим мы должны искренне согласиться с точкой зрения Олдоса Хаксли на тот же самый, по существу, вопрос «...большую часть своей работы писатель делает не с помощью размышлений, не с помощью применения формул, но благодаря эстетической интуиции. Ему есть что сказать и записать это в словах, которые он считает наиболее удачными с эстетической точки зрения. После этого произведение попадает к критику (читай: аналитику пропаганды), который считает, что писатель использовал определенный род литературных приемов, которые можно классифицировать в соответствующих главах поваренной книги. Но процесс в значительной степени необратим. Если у вас нет таланта, вы не сможете с помощью поваренной книги состряпать настоящее произведение искусства». «Т.Н. Huxley as man of letter», *Huxley Memorial Lecture*, 1932, 28; also Remy de Gourmont, *La culture des idées*. 1900, 51. — *Примеч. автора.*

могут написать подходящий сценарий, так и пропагандисты, мы уверены, не могут зачастую оценить психологический эффект их произведений без использования методики, подобной описываемой нами. Можно даже предположить, что сущность данной проблемы именно в том, что пропагандисты не могут обратить внимание на некоторый нежелательный скрытый смысл своих произведений.

Это объясняет частоту, с которой наше исследование обнаруживает неадекватность, которую, по-видимому, следует предвидеть заранее. Действительно, как правило, анализ реакции оказывается необходимым: он открывает множество других неточностей, которые мы сейчас не сможем обсудить подробно. Они относятся к способам представления. Например, рассмотрим приемы, которые радио перенимает у кино: быстрая смена сцен в передаче соответствует монтажу в визуальном представлении. Мы убедились на основе исследований, что эта техника в целом ведет к неясности передач для средних радиослушателей. Утрачивается последовательность. Люди уже не знают, о чем идет речь. Они теряют интерес. Во многом точно так же исторические ссылки часто проходят мимо ушей, если они не объяснены подробно.

Или рассмотрим вопрос об аутентичности документальных фильмов. Пропагандисты, возможно, удивятся, узнав, как часто аудитория сомневается в возможности сделать настоящий фильм о Гитлере в его горном убежище или о громадном Геринге в зале для конференций. Пропагандист знает, что это часть из немецкого фильма, но аудитория не знает этого. Недоверие зарождается и распространяется. Точно так же мы видим, как множество ошибок в утверждениях, которые делают дикторы на радио или официальные лица в своих речах, истощают терпение слушателей.

Мы постоянно подчеркиваем необходимость получения подробных данных о реакциях людей на пропаганду. Для этой цели часто используется прибор, который мы назвали «программный анализатор». Этот прибор назван так, поскольку он впервые был использован для исследований на радио, но он также может быть использован для любой информационной передачи, которая идет в течение определенного времени (такой, как фильм). Цель программного анализатора можно объяснить кратко. Интервью о реакции человека на пропаганду, конечно, должно быть отложено до окончания фильма или радиопрограммы, поскольку мы не хотим прерывать нормальный поток переживаемого аудиторией впечатления. Как мы можем потом помочь аудитории вспомнить свои реакции на отдельные аспекты материала? Если интервьюер будет упоминать определенные сцены или эпизоды, то он определит предмет, находящийся в центре внимания. Более

того, описание сцены интервьюером может также повлиять на оценку опрашиваемым своего впечатления. Анализатор программы служит для того, чтобы снять такое ограничение.

Каждый человек, пока он смотрит фильм или слушает радиопрограмму, если ему нравится то, что представлено, нажимает зеленую кнопку правой рукой, а если не нравится, то нажимает красную кнопку левой рукой. Если он остается равнодушным, то он не нажимает ни одну из кнопок. Эти реакции фиксируются на движущейся ленте, которая синхронизирована с фильмом или радиопрограммой. Таким образом, представители аудитории регистрируют свое одобрение или неодобрение, *как они реагируют на материал*. Причины и особенности этих реакций позднее определяются с помощью направленного интервью, которое мы упоминали.

Два преимущества этой процедуры очевидны. Во-первых, аудитория сама выбирает те части материала, которые достаточно важны для того, чтобы стать объектом подробного интервью. Каждый слушатель дает общий последовательный отчет о своих реакциях, классифицированный на три группы: моменты, которые повлияли на него позитивно, негативно или нейтрально.

Во-вторых, все зафиксированные на ленте реакции аудитории можно объединить для того, чтобы получить общую «кривую реакции». Этот график удобен для статистической обработки, которая дает возможность определить главную причину благоприятной или неблагоприятной реакции. И кроме этого, такой график дает вместе с первоначальным анализом содержания крайне полезное руководство для направленного интервью.

Специальная пропаганда или пропаганда фактов

Может быть, наше обсуждение уже выполнило свою главную задачу. Оно, вероятно, дало вам некоторое представление о процедуре, используемой в психологическом анализе пропаганды. А сейчас обратимся к более общим выводам, которые мы получили в ходе нашей работы.

Одна из наиболее заметных реакций, которую мы наблюдали в нашем исследовании, — это распространяющееся недоверие к пропаганде, проявляемое многими людьми. Пропагандисты вызывают огромную эпидемию. Любое утверждение о человеческих ценностях, вероятно, будет снабжено ярлыком «просто пропаганда» и сразу обесценено. Прямое выражение чувств кажется подозрительным. Мы приводим типичный комментарий обычного человека с улицы, который считает, что другие стремятся повлиять на него:

Я думаю, что слишком глупо влиять на зрелый ум. У меня все это вызывает совсем другой род реакции, чем полагают. Я считаю, что они хотят вызвать у меня чувство патриотизма, но я думаю, это вызывает у меня противоположную реакцию.

И в придачу в конце — бодрое «Звездное знамя». Все преданы флагу, но не любят, когда он развевается перед их лицами.

Это недоверие к чувствам не удивит вас. Очевидно, на войне было не так уж много фанфар. Психоаналитик Эрнст Крис указал на это, говоря о наших врагах и о нас самих: «Солдаты уходят на войну в печали и молчании»¹⁰. Есть такое же высказывание в одном из наших исследований:

В последнее время мы не видели солдат, марширующих, как в 1917-м. Сейчас мы не сентиментальны.

Какое значение имеет такое отсутствие порывов энтузиазма для пропагандиста, который стремится оказать всевозможную поддержку военным действиям?

Согласно нашим наблюдениям, подобное недоверие направлено главным образом против пропаганды, которая явно стремится повлиять на людей или возбудить их, взывая к их чувствам. Попытки вызвать сильные эмоции обесценены. Но этот скептицизм носит ограниченный характер. Та же самая аудитория, которая воздвигла защиту от пылких призывов к патриотическим чувствам, проявляет готовность признать значение другого типа пропаганды, который мы условно назвали *специальная пропаганда или пропаганда фактов*.

Начнем с наблюдения, сделанного в ходе наших исследований. Мы сразу заметили глубокий интерес к *подробным обстоятельным фактам*. Факты важнее всего. Эту установку отражает следующий (приведенный в одном из наших исследований) комментарий человека:

Большинство людей *[sic]* не любят сорт ура-патриотизма, который вас возбуждает. Мне *[sic]* нравятся факты.

Это желание особой, почти специфической информации иногда приобретает наивные формы, как можно увидеть из следующего замечания о документальном фильме, подчеркивающим силу нацистов:

¹⁰ Интересно, что, опираясь в своих рассуждениях на совсем другие пропагандистские материалы, Эрнст Крис независимо пришел к почти таким же выводам. См. его поучительную статью «Some problem of war propaganda», *The Psychoanalytic Quarterly*, 1943, 12, 381-399. - *Примеч. автора*.

Я был действительно удивлен. Я имею в виду, что не верю всему прочитанному в газетах. Но тому, что вы действительно видите собственными глазами, и тому, что документально подтверждено, вы должны поверить.

Одна из наиболее впечатляющих сцен в вышеупомянутой пропагандистской радиопрограмме в подробных деталях описывала, как скорость всего конвоя нужно было соразмерять со скоростью самого медленного корабля. Погружение в этот слой специальной информации приводило к значительному воздействию, и возникало понимание того, что люди из торгового флота добровольно жертвовали собой ради общего блага. В этих фактах есть моральное содержание («конечно, мои жертвы несопоставимы с их жертвами» — вывод слушателя), которое могли принять те, кто отвергал прямые призывы того же рода. Фильмы, показавшие сцены боя или бомбардировки, оказывались эффективными, если в фокусе скорее были детали операции, чем подчеркнутое прямое пропагандистское «сообщение» для аудитории. *Рассказывает факт, а не пропагандист.*

Теперь мы можем спросить: почему преобладает интерес к фактам? Каковы функции этого интереса? *Конкретный эпизод, наполненный обстоятельными деталями, служит в качестве прототипа или модели, которая помогает людям ориентироваться в том мире, в котором они живут. Эпизод обладает ценностью для ориентации.* Для большей части населения исторические события, которые они переживают, являются полной неразберихой. Нации, которые вчера были врагами, становятся союзниками на следующий день. Будущее кажется мрачным и безысходным или ярким и обещающим. У многих нет времени или возможности понять тенденции и силы, стоящие за этими событиями, даже если они понимают, как тесно эти события связаны с их собственной жизнью. Все это подчеркивает сильную потребность в ориентации. Конкретные факты играют роль модели, исходя из которой можно объяснить и понять более сложные события.

Есть множество иллюстраций. Так, один эпизод в пропагандистской радиопрограмме произвел заметное впечатление на аудиторию: во время последней войны Франклин Делано Рузвельт, в то время помощник министра военно-морского флота, сопровождал экипаж подводной лодки при ее испытании непосредственно после ряда катастроф с подводными лодками. Это сообщение оказывается более убедительным и эффективным, чем простое утверждение о мужестве и большом опыте нашего президента. Этот эпизод *полностью* выполнил объяснительную функцию.

Он показал, что он не был трусом: и если солдаты были готовы пойти ко дну, то и он был готов; этот человек лучше, чем кто-либо другой, может быть президентом, поскольку он сам испытал и делал такие вещи.

Точно так же, когда в фильме специально показали фактическое отсутствие бронетанковых подразделений в Англии после Дюнкерка, этот факт эффективно интегрировал различные несвязанные вопросы. Об этом неоднократно вспоминали в интервью. Этот факт помог кристаллизовать (так сказать) изобретательность и мужество англичан перед лицом значительно превосходящих сил. Это оказалось эффективным, в то время как непосредственная оценка англичан могла вызвать скептицизм и сомнение. Факты, которые интегрируют и «объясняют» главный ход событий, составляют важнейший компонент пропаганды фактов.

Мы можем сделать еще одно общее наблюдение о пропаганде фактов. Мы заметили, что есть определенный тип фактов, который имеет желаемое пропагандистское значение и является наиболее эффективным. Это «сенсационные факты», тип, используемый в колонках «верьте или не верьте» и юмористических программах. Они эффективны по крайней мере по трем причинам. Во-первых, они ценны для привлечения внимания. Сенсационный факт выделяется как «изображение» на «фоне». Во-вторых, такие пикантные новости имеют ценность для их распространения. Они легко становятся частью пространной беседы и небольшого разговора («А вы знаете, что...»). Основной смысл пропаганды, таким образом, оказывается у всех на устах. В конце концов, эти интегрирующие сенсационные факты ценны для доверия. Они «голые», как точно говорит поговорка. Невелика вероятность, что они вызовут недоверие, которое так глубоко укоренилось в народе.

Пропаганда фактов имеет и другие характерные черты, которые отличают ее от пропаганды, которая стремится убедить громкими призывами и прямой проповедью. Пропаганда фактов не пытается просто указать людям, куда им идти, а скорее показывает им путь, который им следует выбрать, чтобы добраться до цели. Так сохраняется чувство личной автономности. Человек принимает решение. Его решение добровольное, а не по принуждению. Именно косвенным образом, а не с помощью предписаний действует пропаганда фактов. Она имеет ценность руководства. Возрастающая сила факта имеет свой собственный импульс, так сказать. Практически она является силлогизмом с имплицитным выводом, но этот вывод делает аудитория, а не пропагандист. Рассмотрим подходящий пример: недавно военным агентством была издана брошюра, адресованная семьям солдат, находящихся на службе в вооруженных силах, чтобы убедить их не передавать никому содержание писем, полученных из-за границы. Лишь небольшой акцент был сделан на теме, рассказывающей, как неосторожно сказанные слова стоят жизней и кораблей. Вместо этого боль-

шая часть брошюры была посвящена подробному описанию методов, которые использует враг для получения полной информации из частей и обрывков, собранных агентами в разных случаях и в разных местах. Исследования показали, что брошюра достигла цели и оказалась убедительной, позволив читателю самому сделать неизбежный вывод из тщательно подобранного множества фактов. Добровольный вывод был бы менее вероятным в результате разочарования, которое часто следует за пропагандистской проповедью. Риторические призывы могут вызвать временное согласие с ними, а затем — упреки; автономные решения под нарастающим воздействием фактов не приводят к такой оценке.

Довольно интересно, что, по-видимому, и наши враги также обнаружили силу специальной пропаганды. Этот тип пропаганды, так же как любое другое средство, можно использовать, а можно и злоупотреблять им. Псевдофакты могут вытеснить факты. Некоторые наблюдатели комментировали нацистскую «подтасовку» реальности. Например, сообщалось, что до вторжения нацистов в Бельгию туда был заброшен немецкий офицер. У него обнаружили план вторжения, абсолютно непохожий на то, что реально планировалось. Или еще один пример: первая ночная бомбардировка Берлина. Рассказывали, как в швейцарских и шведских газетах, которым доверяли в Англии, нацисты внедряли сообщения о больших разрушениях. Эти сообщения были переданы по немецкому внутреннему радио (как английские), и местному населению предлагали сравнить реальный урон и самим увидеть, что сообщения были неверными. Таким образом, вероятно, многие люди не могли избежать вывода, что англичане солгали. Эффект такого рода внушения был, по-видимому, значительно больше, чем если бы немецкое радио прямо опровергло правдивость англичан.

Между прочим, можно заметить, что логика пропаганды фактов не слишком далека от логики прогрессивного образования. Как правило, в прогрессивных школах учителя не указывают, что дети должны делать и во что должны верить, но скорее создают ситуации, которые заставляют их выбирать для себя поведение и убеждения, которые учителя считают приемлемыми.

Ваш собственный опыт показывает, что пропаганда фактов не является новой концепцией. Мы только сформулировали эту идею, чтобы она представляла определенную ценность для планирования пропагандистских программ. Широко распространенное недоверие и скептицизм, доходящий до крайностей цинизма, подтачивают силы. Но поскольку они существуют, их следует принять во внимание. Если пропаганда полностью сведена к проповеди, она рискует усилить не-

доверие. Пропаганду фактов можно использовать для изживания цинизма, заменив его общим пониманием.

Мы не считаем, что проповеди полностью ушли в прошлое. Общие ценности и общие установки все еще необходимо укреплять у значительной части населения, если пропаганда оказывается эффективной. Но наши наблюдения принесут пользу тем из нас, кто задумывается о конструктивной послевоенной эпохе. Нам не следует ждать той поры, когда послевоенные проблемы навалятся на нас, чтобы понять, насколько для объединения общества необходимо обращаться к средствам пропаганды.

И, в конце концов, нам не следует преувеличивать роль пропаганды. В конечном счете пропаганда не может добиться своих целей, если она противоречит событиям и силам, лежащим в основании этих процессов, как уже обнаружили фашисты. Пропаганда не заменяет социальную политику или социальную практику, но она помогает людям понять и политику, и практику.

H

5

S

93

Л

5

ср

с

о

а

г

а

и

с

с

о

с

Введение

Часть IV состоит из пяти статей, относящихся к социологии науки¹. Это специализированная область исследования, которую можно рассматривать как подраздел социологии знания, занимающийся социальной средой того особого рода знания, который проистекает из контролируемого эксперимента, или контролируемого наблюдения, и постоянно к нему возвращается.

Предметом социологии науки в самом широком смысле является *динамическая взаимозависимость* между наукой как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и окружающей социальной структурой. Объектом изучения для нее служат *взаимные* связи между наукой и обществом, и те, кто всерьез посвятил себя исследованиям в области социологии науки, были вынуждены это признать. Однако вплоть до самого последнего времени взаимности этих связей уделялось неравномерное внимание: если влиянию науки на общество его уделялось много, то влиянию общества на науку — мало.

Влияние, оказываемое наукой на социальную структуру, особенно через ее технологические побочные продукты, совершенно очевидно, и, возможно, именно поэтому оно издавна было объектом если уж не систематического исследования, то, во всяком случае, постоянного интереса. Ясно видно, что наука является динамической силой социальных изменений, пусть даже не всегда предвиденных и желанных. На протяжении последнего столетия даже те ученые, которые занимались естественными науками, время от времени вырывались из плена своих лабораторий, дабы с гордостью и восхищением признать социальные последствия своей работы либо с ужасом и стыдом от них отмежеваться. Атомный взрыв над Хиросимой

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

¹ Подробнейший обзор этой области исследования см. в: Bernard Barber, *Science and the Social Order* (Glencoe, 111.: The Free Press, 1952); см. также Bernard Barber, R.K. Merton, «Brief Bibliography for the Sociology of Science», *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, May 1952, Vol. 80, p. 140—154. — *Примеч. автора.*

лишь подтвердил то, что уже знал каждый. Наука имеет социальные последствия.

Но если последствия науки для общества были уже давно замечены, то последствия различных социальных структур для науки — нет. Лишь очень немногие из ученых-естественников и ненамного больше социальных ученых уделяли внимание различным влияниям социальной структуры на темпы развития науки, центры сосредоточения ее интересов и, возможно, само ее содержание. Трудно сказать, откуда берется это нежелание изучать воздействие, оказываемое на науку ее социальной средой. Возможно, это нежелание идет от ошибочного мнения, будто признать данный социологический факт значило бы поставить под угрозу автономию науки. Возможно, считается, что объективность — ценность, занимающая столь важное место в этосе науки, — подвергается опасности тем фактом, что наука есть организованная социальная деятельность, что она предполагает поддержку со стороны общества, что степень этой поддержки и типы исследований, которым она оказывается, в разных социальных структурах различны, равно как и рекрутирование научных талантов. Возможно, здесь замешано и некое чувство, будто наука остается более чистой и незапятнанной, если имплицитно понимать ее как нечто, развивающееся в социальном вакууме. Как слово «политика» в настоящее время несет в себе для многих коннотацию с низменной коррупцией, так, возможно, и выражение «социальные контексты науки» коннотирует для некоторых ученых-естественников с привнесением в науку интересов, чуждых ей как таковой.

Или, возможно, это нежелание проистекает из не менее ошибочного мнения, будто признать эти связи науки с обществом значило бы поставить под сомнение бескорыстные мотивы ученого. Может казаться, будто признание этих связей предполагает, что ученый стремится в первую очередь и прежде всего не к развитию знания, а к возвеличению самого себя. Мы уже несколько раз указывали на протяжении книги на этот известный тип ошибки: суть ее — в ошибочном принятии уровня институционального анализа за уровень мотивационного анализа. Как показано в некоторых далее следующих главах, ученые могут быть мотивированы самым разным образом: бескорыстной страстью к познанию, надеждой на извлечение экономической выгоды, активной (или, как называет ее Веблен, праздной) любознательностью, агрессией или конкуренцией, эгоизмом или альтруизмом. Однако в разных институциональных обстановках одни и те же мотивы находят разное социальное выражение, равно как и в некоторой данной институциональной обстановке могут принимать приблизительно одинаковое социальное выражение разные мотивации. В од-

ном институциональном контексте эгоизм может заставить ученого развивать отрасль науки, полезную для военного дела; в другом институциональном контексте эгоизм может привести его к работе над исследованиями, не имеющими никакого видимого военного применения. Делать предметом рассмотрения то, каким образом и в какой степени социальные структуры определяют направление научных исследований, не значит обвинять ученого в его мотивах.

Однако где исследования и работы социальных ученых потерпели неудачу, там за них постарались события истории. Ход недавней истории делал все более затруднительным — даже для ученых, уединившихся в тиши своих лабораторий и редко выбирающихся в более широкое гражданское и политическое общество — дальнейшее пренебрежение тем фактом, что сама наука различным образом зависит от социальной структуры. Если отобрать лишь некоторые из этих событий, то в первую очередь следует назвать появление нацистской Германии с ее драматическим воздействием на природу, качество и направленность науки, культивируемой в этой стране. Вместо того чтобы признать это крайним и, следовательно, показательным случаем некоторой более общей связи и вместо того чтобы увидеть в этом свидетельство того факта, что наука для полного воплощения своего духа требует особых форм социальной структуры, некоторые ученые-естественники преподносят это как случай исключительный и патологический, из которого ровным счетом ничего не следует применительно к более общей ситуации. Между тем командование силами науки во время войны умножило число ученых, признающих взаимодействие между наукой и социальной структурой. А совсем недавно политизация науки в Советской России привела еще и других к тому же запоздалому заключению.

С проявлением этих процессов, которые следуют по пятам одно за другим настолько настойчиво, что кажутся едва ли не одним непрерывным событием, к признанию связей между наукой и социальной структурой пришли многие из тех, кто раньше думал об этих связях, если думал о них вообще, как о выдумке марксистской социологии. (Например, Джеймс Б. Конант в своей превосходной книжке «О понимании науки» все еще говорит о «взаимосвязи между наукой и обществом» как о предмете, «по поводу которого очень много было сказано в последние годы нашими друзьями-марксистами».) Как мы достаточно подробно увидели в главе XIV, Маркс и Энгельс действительно предложили общую концепцию этих взаимосвязей и осудили практику такого написания «истории наук, как будто бы они свалились на нас с неба». Однако со времен Маркса и Энгельса было проведено обидно мало эмпирических исследований отношений между

наукой и социальной структурой. Все те же старые исторические примеры, постаревшие от времени и поизносившиеся от частого применения, периодически извлекались наружу с тем, чтобы показать, что технологическая потребность иногда приводит ученых к сосредоточению внимания на тех или иных исследовательских проблемах. В такой гипертрофированной верности ранним концепциям Маркса и Энгельса находил выражение пиетет, но сдерживалось *развитие* социальной науки. Либо ошибочно принимались за исследование старые цитаты, снабженные новыми иллюстрациями. Сформировался даже некоторый образец мышления и письма, который, возможно, подошел бы религиозной группе, где неизменная традиция самое главное, а древнее откровение должно оставаться неприкосновенным. Однако такой образец вряд ли подходит для науки, в том числе социальной науки, где отцов-основателей почитают не ревностным повторением их древних открытий, но расширением, модификацией, а довольно часто и отвержением некоторых их идей и открытий. В социологии науки, как и в других областях, нам было бы полезно вернуться к мудрости, заключенной в апофеизме Уайтхеда: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, — потерянная наука».

Есть масса институциональных данных, свидетельствующих о том, что многочисленные, ныне широко признанные проблемы, касающиеся связей между наукой и социальной структурой, так и не были до конца изучены в эмпирических исследованиях: ни в одном из университетов нашей страны до сих пор нет института изучения социальных связей науки.

Этим связям между наукой и ее социальной средой посвящены последние пять глав этой книги. Написанные в разное время на протяжении нескольких лет, эти статьи преследуют две основные цели. Во-первых, в них предпринимается попытка проследить различные способы взаимозависимости между наукой и социальной структурой, а сама наука трактуется как социальный институт, различными способами связанный с другими институтами эпохи. И во-вторых, в них предпринимается функциональный анализ этой взаимозависимости, в ходе которого особое внимание уделяется аспектам интеграции и дезинтеграции (*malintegration*).

В главе XVII устанавливаются четыре типа связи между социальной структурой и развитием науки; особое внимание уделяется обществам, в которых имеется высокоцентрализованное политическое ядро. Прослеживаются точки напряжения между институциональными нормами науки и институциональными нормами политической диктатуры. Кроме того, в ней показываются напряжения, которые развиваются в менее централизованных обществах, таких, как наше,

между высокой оценкой науки и ее текущей утилизацией в военных целях, а также в целях создания нового производительного оборудования, внедрение которого иногда приводит к безработице. В этой главе развивается гипотеза, что такие социальные последствия текущего использования науки закладывают основы для бунта против науки, сколь бы ошибочным в выборе своей цели этот бунт ни был. Среди причин этой враждебности в отношении науки есть одна, нашедшая выражение в приговоре, который еще совсем недавно казался подозрительно метафорическим, а ныне воспринимается уже почти буквально: «На науке в значительной степени лежит ответственность за обеспечение человека теми механизмами разрушения, которые, как говорится, могут погрузить нашу цивилизацию в вечную ночь и хаос».

Главу XVIII составляет статья, дополняющая главу XVII. Она посвящена отношениям между наукой и демократическим социальным порядком. В ней утверждается, что этос социального института науки включает универсалистские критерии научной достоверности и научной ценности, а тем самым предполагает такие ценности, которые легко интегрируются с ценностями свободного общества, в котором значение имеют не происхождение людей или предоставленный им от рождения статус, а их способности и достижения. Еще одним компонентом этоса науки является «коммунизм», в том особом смысле, согласно которому институциональные нормы науки делают производимые ею продукты частью общественной сферы, которая является общей для всех и которой никто не владеет единолично. Коротко прослеживаются напряжения, возникающие между этим элементом этоса — с его требованием, чтобы знание делалось доступным для всех, кто достаточно оснащен, чтобы это знание воспринять, — и требованием секретности, часто исходящим от военных и иногда от экономических инстанций. Здесь опять-таки ход недавней истории сделал эти институциональные анализы чем угодно, но только не академическими штудиями, далекими от проблем повседневной жизни. Напротив, эти напряжения нарастают и становятся видимыми для всех. Так, например, Карл Т. Комптон, выступая в 1949 году с речью по случаю установления в Лаборатории военно-морской артиллерии нового исследовательского оборудования, счел необходимым напомнить своим слушателям: «К сожалению, секретность и прогресс — две вещи несовместимые. Это всегда верно применительно к науке, независимо от того, работает ли она над военными задачами или какими-то другими. Наука достигает расцвета, а ученые добиваются прогресса там, где есть атмосфера свободного исследования и свободного обмена идеями, где происходит постоянное взаимное стимулирование ищущих».

щих умов, работающих в одних и тех же или родственных областях. Всякое насаждение секретности в науке сродни применению тормоза для движения вперед».

В главе XIX разрабатывается одно из следствий того, о чем говорится в предшествующих главах, суть которого состоит в том, что экономические побочные продукты науки, представленные в форме новых технологий и производственного оборудования, оказывают обратное влияние на социальный статус науки и предположительно на ее дальнейшее развитие. Эта статья частично представляет собой исследование источников формирования публичных образов науки, т.е. образов того, что наука кажется делающей с людьми и для людей. Есть признаки того, что для подавляющего большинства людей социальная репутация науки базируется на ее явных и могущественных побочных технологических продуктах. Однако если не суметь спланировать упорядоченное внедрение этих технологических достижений, для многих рабочих это оборачивается вытеснением с рабочих мест, устареванием навыков, перебоями в занятости или потерей постоянной работы. Это тоже может оказать влияние на массовую оценку науки. В то же время инженеры и технологи, принимая роль технических специалистов, подчиненных экспертов, получающих инструкции от вышестоящих руководителей, находят возможным отречься от всякой заботы о социальных последствиях различных методов внедрения технологического изменения.

Последние главы этой книги, представляющие два типа эмпирических исследований в области социологии знания, были написаны первыми. Глава XX посвящена той форме, которую приняли некоторые социологические основания поддержки науки как социального института в Англии семнадцатого столетия. В этой главе берется и подвергается проверке интуитивное прозрение, заключенное в гипотезе Макса Вебера о связях между ранним аскетическим протестантизмом и капитализмом, а именно состоящее в том, что тот же аскетический протестантизм способствовал мотивации и ориентации деятельности людей в направлении экспериментальной науки. Это историческая форма указанной гипотезы. В более общей и аналитической своей форме она гласит, что наука, как и все другие социальные институты, должна, чтобы развиваться, находить опору в ценностях группы. Не в последнюю очередь, стало быть, обнаруживается тот парадокс, что даже такая рациональная деятельность, как научное исследование, базируется на нерациональных ценностях. Этот ранний экскурс в исследовательскую проблему социологических корней интереса к науке необходимо, разумеется, усложнить, дополнить и подкорректировать другими эмпирическими исследованиями, относящи-

мися к другим временам и другим местам. Из таких сравнительных исследований должно сложиться более основательное понимание этого важного сектора социологии науки.

Какие детерминанты, помимо сугубо научных, определяют точки сосредоточения научного интереса и отбор проблем, когда социальный институт науки обретает под собой прочные основания? Этому вопросу посвящена заключительная глава: местом опять-таки выбрана Англия, а временем — XVII век. С тех пор как эта статья была впервые опубликована, разгорелись жаркие и напряженные споры вокруг бесплодного и вводящего в заблуждение вопроса о том, оказывают или не оказывают воздействие на отбор проблем научного исследования практические (экономические и технологические) потребности эпохи. Именно энтузиастам из двух этих лагерей удалось превратить проблему социологического исследования в политические лозунги, в которых ответы даются еще до того, как начнется изнурительная исследовательская работа. Важно, в конце концов, не то, проявлялись ли *когда бы то ни было* такие практические влияния на ход научного развития и *всегда* ли они оказывались определяющими. Скорее тут есть целое множество вопросов, каждый из которых требует долгого и кропотливого исследования, а не поспешных нетерпеливых ответов: в какой степени были действительны эти влияния в разное время и в разных местах? при каких социологических условиях они оказываются более определяющими, а при каких — менее? обнаруживаются ли они с большей типичностью на ранних стадиях развития научной дисциплины? какие различные последствия — для науки и для социальной структуры — влекут за собой некоторые образцы, в соответствии с которыми происходит принятие исследовательских проблем?

По мере накопления материала, имеющего отношение к такого рода вопросам, еще один сектор социологии науки будет обретать под собой прочную основу. Последняя глава этой книги нацелена на то, чтобы дать кое-какой материал такого рода, касающийся того небольшого отрезка времени, когда происходило становление науки в Англии.

ХVII. НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК¹

Приблизительно на рубеже прошлого и нынешнего веков Макс Вебер обратил внимание на то, что «вера в ценность научной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство»². Теперь мы можем добавить: и такая вера легко превращается в сомнение или неверие. Наука неуклонно развивается только в обществах с определенным порядком, подчиненных особому комплексу молчаливых допущений и институциональных ограничений. То, что кажется нам нормальным явлением, не требующим объяснения и надежно закрепляющим многие самоочевидные культурные ценности, в другие времена было аномальным и нетипичным и во многих местах остается таковым до сих пор. Преемственность науки требует активного участия заинтересованных и талантливых людей в научных поисках. А эту поддержку науке обеспечивают только подходящие культурные условия. Поэтому нам важно изучить те регуляторы, которые мотивируют научные карьеры, отбирают и награждают престижем одни научные дисциплины и отвергают или дискредитируют другие. При этом выяснится, что изменения в институциональной структуре могут ограничивать, модифицировать научные искания или даже, возможно, им препятствовать³.

Источники враждебного отношения к науке

Враждебное отношение к науке может возникать при наличии по крайней мере двух наборов условий, хотя конкретные системы ценное -

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

¹ Доклад, прочитанный на конференции Американского социологического общества в декабре 1937 г. Автор выражает признательность профессору Риду Бейну, профессору Толкотту Парсонсу, д-ру Э.Й. Хартшорну и д-ру Э.П. Хатчинсону за полезные предложения. — *Примеч. автора.*

² Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, S. 213 (М. Вебер. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания — М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990, с. 412—413). Ср.: Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, особенно том II, глава 2. — *Примеч. автора.*

³ Ср.: Merton, *Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*, Chap. XI. — *Примеч. автора.*

тей — гуманистические, экономические, политические, религиозные, — на которых оно базируется, могут значительно различаться. Первый включает в себя логическое, хотя и не обязательно правильное заключение, что получаемые наукой результаты или используемые ею методы враждебны соблюдению важных ценностей. Второй складывается главным образом из нелогических элементов. В его основе лежит ощущение несовместимости между чувствами, воплощенными в научном этосе, и чувствами, которые обнаруживаются в других институтах. Всякий раз, когда достоверность этого ощущения ставится под сомнение, оно рационализируется. Оба набора условий в той или иной степени лежат в основе нынешних восстаний против науки. Можно добавить, что такого рода рассудочные и аффективные реакции включаются также в социальное одобрение науки. Однако в данном случае считается, что наука способствует достижению одобренных целей, и базисные культурные ценности ощущаются как совпадающие с ценностями науки, а не как эмоционально им противоречащие. Следовательно, положение науки в современном мире может быть проанализировано как результат действия двух наборов противоположных сил, первый из которых одобряет науку как широкомасштабную социальную деятельность, а другой ей противостоит.

Мы ограничим наше исследование лишь несколькими наглядными примерами переоценки социальной роли науки, нисколько не имея при этом в виду, что локализация антинаучного движения ограничивается только этими случаями. Многое из того, что будет здесь сказано, вероятно, может быть также применено и к другим случаям, относящимся к другим временам и другим местам⁴.

Иллюстрацией того, каким образом логические и нелогические процессы сливаются воедино в деле модификации или сокращения научной деятельности, является ситуация в нацистской Германии после 1933 года. Отчасти сдерживание развития науки в этой стране представляет собой непреднамеренный побочный результат изменений в политической структуре и националистическом кредо. В соответствии с догмой расовой чистоты практически все лица, не удовлетворяющие политически насаждаемым критериям «арийского» происхождения и открытого сочувствия нацистским целям, были изгнаны из университетов и научных учреждений⁵. Поскольку в число этих

⁴ Безвременная кончина Э.Й. Хартшорна оборвала на полпути намечавшееся исследование науки в современном мире, которое должно было опираться на анализ, введенный в этой главе. — *Примеч. автора.*

⁵ См. о чистке университетов главу III в книге: E. Y. Hartshorne, *The German Universities and National Socialism* (Cambridge: Harvard University Press, 1937); ср.: *Volk und Nation*, В. 5, 1937, S. 320—321, где приводятся некоторые новые требования, предъявляемые к докторату. — *Примеч. автора.*

изгнанников попало немало выдающихся ученых, одним из косвенных следствий этой расистской чистки стало ослабление науки в Германии.

В этом расизме имплицитно заложена вера в расовое загрязнение, происходящее через реальный или символический контакт⁶. Научные исследования тех ученых с безупречным «арийским» происхождением, которые сотрудничают с неарийцами или даже просто принимают их научные теории, либо ограничиваются, либо запрещаются. Для определения места этих безнадёжных арийцев была введена новая расово-политическая категория: «белые евреи». Наиболее выдающимся членом этой новой расы стал лауреат Нобелевской премии по физике Вернер Гейзенберг, который провозгласил в своей декларации, что теория относительности Эйнштейна закладывает «неоспоримую основу для дальнейших исследований»⁷.

В этих случаях чувства национальной и расовой чистоты явно возобладали над утилитарной рациональностью. Применение таких критериев, как обнаружил Э.И. Хартшорн, принесло несоизмеримо больше потерь естественнонаучным и медицинским факультетам германских университетов, нежели факультетам теологическим и юридическим⁸. Утилитарные соображения, напротив, выходят на передний план тогда, когда официальная политика испытывает заинтересованность в тех направлениях, в которых должны вестись научные исследования. Прежде всего содействие оказывается научной работе, которая обещает прямую практическую пользу нацистской партии или Третьему рейху, и в соответствии с этой политикой перераспределяется финансовая поддержка исследований⁹. Ректор Гейдельбергского уни-

⁶ Это один из множества аспектов внедрения кастовой системы в Германии. Как отметил Р.М. Макайвер, «идея загрязнения обычно присутствует в любой кастовой системе». R.M. MacIver, *Society*, p. 172. — *Примеч. автора*.

⁷ См. официальный орган СС, газету *Schwarze Korps*, номер от 15 июля 1937 г., с. 2. В этом номере Йоханнес Штарк, президент *Physikalisch-Technischen Reichsanstalt*, требует искоренить такого рода сотрудничество, которое все еще продолжается, и протестует против назначения трех университетских профессоров, которые были «учениками» неарийцев. См. также: Hartshorne, *op. cit.*, p. 112—113; Alfred Rosenberg, *Wesen, Grundsätze und Ziele der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei* (München: E. Boepfle, 1933), S. 45 и далее; J. Stark, «Philipp Lenard als deutscher Naturforscher» *Nationalsozialistische Monatshefte*, 1936, S. 71, 106—111, где сурово осуждаются Гейзенберг, Шрёдингер, фон Лауэ и Планк зато, что они не порвали с «еврейской физикой» Эйнштейна. — *Примеч. автора*.

⁸ Данные, на которых основывается это утверждение, были взяты из неопубликованного исследования Э.И. Хартшорна. — *Примеч. автора*.

⁹ Ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*, Reden anlässlich der Kundgebung der NSD-Dozentenbundes, 18 января 1937 г.; Hartshorne, *op. cit.*, p. 110 и далее; E.R. Jaensch, *Zur Neugestaltung des deutschen Studententums und der Hochschule* (Leipzig: J.A. Bart, 1937), особенно S. 57 и далее. Возьмем пример из области истории. Вальтер Франк, дирек-

верситета заявляет, что «вопрос научности [*Wissenschaftlichkeit*] всякого знания имеет абсолютно второстепенное значение по сравнению с вопросом его полезности»¹⁰.

Общий тон антиинтеллектуализма, со свойственным ему презрением к теоретике и восхвалением человека действия¹¹, может оказать не только непосредственное, но и долгосрочное влияние на место науки в Германии. Ибо можно ожидать, что как только эти установки закрепятся, наиболее одаренные элементы населения будут воздерживаться от интеллектуальных дисциплин, которые таким образом были дискредитированы. К концу 30-х годов последствия этой анти-теоретической установки можно было увидеть в распределении академических интересов в немецких университетах¹².

Было бы заблуждением предполагать, будто нацистское правительство полностью отвергло науку и интеллект. Его официальные установки в отношении науки явно амбивалентны и неустойчивы. (По этой причине любые утверждения по поводу науки в нацистской Германии высказываются с заведомыми оговорками.) С одной стороны, директор Рейхсинститута истории новой Германии, «первой германской научной организации, созданной духом национал-социалистической революции», свидетельствует, что он последним-из людей откажется от симпатии к изучению древней истории, «даже истории чужеземных народов», но в то же время указывает на то, что финансовая поддержка, оказываемая прежде Археологическому институту, должна быть перераспределена в пользу этого нового исторического учреждения, которое будет «иметь честь писать историю Национальной Социалистической Революции». См.: W. Frank, *Zukunft und Nation* (Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1935), особенно S. 30 и далее. — *Примеч. автора*.

¹⁰ Ernst Kriek, *Nationalpolitische Erziehung* (Leipzig: Armanen Verlag, 1935; 19-е издание), S. 8. — *Примеч. автора*.

¹¹ Нацистский теоретик Альфред Беймлер пишет: «Wenn ein Student heute es ablehnt, sich der politischen Norm zu unterstellen, es z. B. ablehnt, an einem Arbeits- oder Wehrsportlager teilzunehmen, weil er damit Zeit für sein Studium versaume, dann zeigt er damit, dass er nichts von dem begriffen hat, was um ihn geschieht. Seine Zeit kann er nur bei einem abstrakten, richtungslosen Studium versaumen». [«Если сегодня какой-то студент отклоняется от политической нормы, например, уклоняется от участия в трудовом или военно-спортивном лагере с тем, чтобы улучшить время для своих занятий, то этим он показывает, что так ничего и не понял из того, что вокруг него происходит. Лишь абстрактные, ни к чему не ведущие занятия ему только и можно прогуливать».] A. Baumbler, *Mannerbund und Wissenschaft* (Berlin: Junker & Dinnhaupt, 1934), S. 153. — *Примеч. автора*.

¹² Hartshorne, *op. cit.*, p. 106 и далее; ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*, *op. cit.*, S. 25—26, где говорится, что нынешняя «передышка в научной продуктивности» отчасти обусловлена фактом, что значительное число тех, кто мог получить научную подготовку, были рекрутированы в армию. Хотя такое объяснение данной ситуации довольно сомнительно, длительное отвлечение интереса от теоретической науки, по всей вероятности, приведет к упадку в научных достижениях. — *Примеч. автора*.

ствующий скептицизм науки препятствует насаждению нового набора ценностей, требующих беспрекословного принятия. Однако новые диктатуры должны признавать (как это делал Гоббс, который тоже отстаивал точку зрения, что государство должно быть либо всем, либо ничем), что наука — это сила. По причинам военного, экономического и политического характера теоретическая наука, не говоря уже о ее более уважаемой родной сестре, технологии, не может быть попросту отброшена в сторону. Опыт показал, что даже самые эзотерические научные исследования находили важное практическое применение. До тех пор, пока полезность и рациональность не отвергнуты безвозвратно, нельзя забывать о том, что именно спекулятивные размышления Клерка Максвелла об эфире привели Герца к открытию, кульминацией которого стало изобретение беспроводной связи. И в самом деле, даже один из нацистских ораторов отмечает: «Как сегодняшняя практика опирается на вчерашнюю науку, так и сегодняшние исследования становятся опорой для завтрашней практики»¹³. Акцент на утилитарность требует неуничтожимого минимума интереса к науке, которую можно призвать на службу государству и промышленности¹⁴. В то же время этот акцент приводит к ограничению исследований в области чистой науки.

Социальные давления на автономию науки

Анализ роли науки в нацистском государстве обнаруживает следующие элементы и процессы. Расширение господства одного сегмента социальной структуры — Государства — подразумевает требование первичной лояльности к нему. Ученых, как и все других людей, призывают отказаться от приверженности всем институциональным нормам, которые, по мнению политических властей, вступают в противоречие с нормами Государства¹⁵. Нормы научного этоса должны быть принесены в жертву, поскольку требуют отрицания политически

¹³ Слова профессора Тиссена. См.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*, *op. cit.*, S. 12. — *Примеч. автора.*

¹⁴ Например, высоко ценится химия ввиду ее практической значимости. Как говорит Гитлер, «мы будем идти вперед, потому что у нас есть фанатичная воля помочь самим себе и потому что у нас в Германии есть химики и изобретатели, которые удовлетворят наши нужды». Цит. в: *Wissenschaft und Vierjahresplan*, *op. cit.*, S. 6; *etpassim*. — *Примеч. автора.*

¹⁵ Об этом недвусмысленно говорит рейхсминистр науки Бернхард Руст в: B. Rust, *Das nationalsozialistische Deutschland und die Wissenschaft* (Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1936), S. 1—22, особенно S. 21. — *Примеч. автора.*

насаждаемых критериев научной достоверности или научной ценности. Экспансия политического контроля приводит, таким образом, к утверждению конфликтующих лояльностей. В этом отношении реакции набожных католиков, оказывающих сопротивление попыткам политической власти переопределить социальную структуру и внедриться в заповедные территории, традиционно принадлежавшие религии, — явление того же порядка, что и сопротивление ученого. С социологической точки зрения, место науки в тоталитарном мире является в значительной мере таким же, как и место всех других институтов, за исключением возобладавшего над всем Государства. Базисное изменение в этом случае состоит в перемещении науки в новый социальный контекст, где она время от времени вступает в противоборство с лояльностью к государству. Так, например, сотрудничество с неарийцами переопределяется как символ политической неблагонадежности. В либеральном порядке такого рода ограничения науки не возникает. Ибо в такого рода структурах за неполитическими институтами закрепляется существенная сфера автономии, степень которой, разумеется, изменчива.

Следовательно, конфликт между тоталитарным государством и ученым проистекает отчасти из несовместимости этики науки с новым политическим кодом, который навязывается всем людям, независимо от их профессионального кредо. Этос науки¹⁶ включает в себе функционально необходимое требование, чтобы теории, или обобщения, оценивались под углом зрения их логической непротиворечивости и согласия с фактами. Политическая этика обычно привносит до той поры нерелевантные критерии расы или политического кредо теоретика¹⁷. Современная наука сочла личностные критерии по-

¹⁶Под этосом науки подразумевается эмоционально окрашенный комплекс правил, предписаний, нравов, представлений, ценностей и допущений, которые считаются обязательными для ученого. Некоторые аспекты этого комплекса могут быть методологически желательными, однако соблюдение этих правил диктуется не только методологическими соображениями. Этот этос, как и вообще все социальные коды, поддерживается чувствами тех, к кому он имеет отношение. Нарушение его сдерживается интернализованными запретами и неодобрительными эмоциональными реакциями, приводимыми в движение сторонниками данного этоса. Как только складывается эффективный этос такого типа, почти автоматически включаются возмущение, презрение и иные установки антипатии, которые стабилизируют существующую структуру. Это можно видеть в том сопротивлении, которое в настоящее время оказывают в Германии ученые заметным модификациям в содержании этого этоса. Этот этос можно рассматривать как «культурный» компонент науки в отличие от «цивилизационного». См.: R.K. Merton, «Civilization and Culture», *Sociology and Social Research*, 1936, Vol. 21, p. 103—113. — *Примеч. автора.*

¹⁷См.: Baumeier, *op. cit.*, S. 145. См. также Kriek, *op. cit.*, где говорится: «Nicht alles, was den Anspruch auf Wissenschaftlichkeit erheben darf, liegt auf dergleichen Rang-

тенциальным источником ошибки и разработала безличные критерии для недопущения такого рода ошибок. Теперь ее призывают выступить с утверждением, что некоторые ученые в силу своих вненаучных принадлежностей *a priori* не способны ни к чему, кроме иллюзорных и ложных теорий. В некоторых случаях от ученых требуют согласия с суждениями некомпетентных в науке политических лидеров, касающихся *вопросов науки*. Однако такая политически целесообразная тактика идет вразрез с институционализированными нормами науки. Последние между тем отбрасываются тоталитарным государством как «либералистские», «космополитические» или «буржуазные» предрассудки¹⁸, ибо они с трудом интегрируются с кампанией насаждения непререкаемого политического кредо.

С более широкой точки зрения, этот конфликт представляет собой фазу институциональной динамики. Наука, приобретшая значительную степень автономии и развившая институциональный комплекс, требующий преданности от ученых, сталкивается теперь с тем, что внешняя власть бросает вызов как ее традиционной автономии, так и принятым в ней правилам игры — короче говоря, ее этосу. Чувства, воплощенные в этосе науки — описываемые такими понятиями, как интеллектуальная честность, неподкупность, организованный скептицизм, бескорыстность, безличность, — грубо попираются новым набором чувств, который навязывается в сфере научных исследований Государством. С переходом от прежней структуры, в которой существовали ограниченные центры власти, сосредоточенные в различных областях человеческой деятельности, к такой структуре, где

und Wertebene; protestantische und katholische, französische und deutsche, germanische und jüdische, humanistische oder rassistische Wissenschaft sind zunächst nur Möglichkeiten, noch nicht erfüllte oder gar gleichrangige Werte. Die Entscheidung über den Wert der Wissenschaft fällt aus ihrer «Gegenwartigkeit», aus dem Grad ihrer Fruchtbarkeit, ihrer geschichtsbildenden Kraft...» [«Не все, что может претендовать на научность, относится к области одинаково значимого и равноценного; протестантская и католическая, французская и немецкая, германская и еврейская, гуманистическая или расовая наука есть прежде всего лишь возможность, пока еще не исполненная и еще не наделенная равнозначной ценностью. Решение по поводу ценности науки принимается исходя из ее «злободневности», исходя из степени ее плодотворности, ее умения понимать историю...»] — *Примеч. автора*.

¹⁸ Так, например, Эрнст Крик говорит: «В будущем в науке фикцию вялой нейтральности будут принимать не более, чем это делают в праве, экономике, государстве или общественной жизни вообще. Метод науки в действительности лишь отражение метода руководства». *Nationalpolitische Erziehung*, S. 6. Ср.: Baeumler, *op. cit.*, S. 152; Frank, *Zukunft und Nation*, S. 10; противопоставьте это веберовскому «предрассудку», что «Politik gehört nicht in der Horsaal» [«политике не место в аудитории»]. (М. Вебер. Наука как призвание и профессия — М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990, с. 721.) — *Примеч. автора*.

существует одно-единственное централизованное сосредоточение власти над всеми аспектами поведения, представители каждой сферы начинают сопротивляться таким изменениям и пытаются сохранить первоначальную структуру плюралистической власти. Хотя ученого принято считать бесстрастным, безличным индивидом — а это и в самом деле может быть так в том, что касается его технической деятельности, — следует помнить, что ученый, как и все другие профессионалы, вносит огромные эмоциональные инвестиции в свой образ жизни, определяемый теми институциональными нормами, которые руководят его деятельностью. Социальная стабильность науки может быть гарантирована лишь при условии, что будут установлены адекватные способы защиты ее от изменений, навязываемых извне научного общества.

Процесс сохранения институциональной незапятнанности и сопротивления новым определениям социальной структуры, могущим поставить под вопрос автономию науки, находит выражение в еще одном направлении. Современная наука придерживается базисного допущения, что научные положения «неизменны вне зависимости от индивида» и группы¹⁹. Однако в насквозь политизированном обществе — где, как говорит один нацистский теоретик, «признается всеобщее значение политического»²⁰ — это допущение начинает оспариваться. Научные открытия считаются всего лишь самовыражением расы, класса или нации²¹. Поскольку такие доктрины получают хождение среди обывателей, они провоцируют общее недоверие к науке и умаление престижа ученого, открытия которого начинают казаться произвольными и непостоянными. Эта разновидность антиинтеллектуализма ставит под угрозу социальную позицию ученого и обычно встречает с его стороны довольно энергичный отпор. На идеологическом фронте тоталитаризм также влечет за собой конфликт с традиционными допущениями современной науки.

¹⁹ H. Levy, *The Universe of Science* (New York: Century Co., 1933), p. 189. — *Примеч. автора.*

²⁰ Baemler, *Mannerbund und Wissenschaft*, S. 152. — *Примеч. автора.*

²¹ Представляет значительный интерес, что тоталитарные теоретики приняли в качестве политического средства дискредитации «либеральной», «буржуазной» или «неарийской» науки радикальные релятивистские доктрины *Wissenssoziologie*. Выход из этого тупика дает постулирование Архимедовой точки опоры: непогрешимости *фюрера* (der Führer) и его народа (*Volk*). (См.: General Hermann Goering, *Germany Reborn* (London: Mathews & Marrot, 1934, p. 79.) Политически эффективные вариации «реляционизма» Карла Маннгейма (например, «Идеология и утопия») использовались в пропагандистских целях такими нацистскими теоретиками, как Вальтер Франк, Крик, Руст и Розенберг. — *Примеч. автора.*

Функции норм чистой науки

Одно из чувств, которое усваивается ученым с самого начала его профессионального обучения, связано с чистотой науки. Наука не должна позволить себе стать служанкой теологии, экономики или государства. Функция этого чувства соответственно состоит в том, чтобы оберегать автономию науки. Ибо в случае принятия таких вненаучных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономическая полезность или политическая благонадежность, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и ее место в обществе становится все более и более неопределенным. Упорный отказ ученых от применения утилитарных норм к своей работе имеет своей основной функцией избежание этой опасности, которая особенно заметна в настоящее время. Из негласного признания этой функции, возможно, и проистекает тот, быть может, апокрифический застольный тост, который в ходу у ученых в Кембридже: «За чистую математику, и пусть она никогда не будет никому полезной!»

В превознесении чистой науки, таким образом, усматривается средство защиты от вторжения норм, ограничивающих направление возможного прогресса и угрожающих стабильности и продолжению научных изысканий как ценимой социальной деятельности. Технологический критерий научного достижения, разумеется, тоже имеет для науки позитивную социальную функцию. Возрастающие удобства и преимущества, источником которых является технология и в конечном счете наука, призывают к социальной поддержке научных исследований. Кроме того, они удостоверяют чистоту помыслов ученого, поскольку абстрактные и сложные теории, которые не могут быть поняты и оценены обывателем, предположительно обретают доказательство, понятное для всех, а именно — свое технологическое применение. Готовность к признанию авторитета науки в значительной степени опирается на повседневную демонстрацию ее могущества. Не будь таких косвенных доказательств, устойчивая социальная поддержка науки, остающейся интеллектуально непостижимой для публики, вряд ли смогла бы подпитываться одной лишь верой в нее.

В то же время значимость, придаваемая чистоте науки, имела и другие последствия, которые скорее угрожают социальной оценке науки, нежели ее оберегают. То тут, то там приходится слышать мнение, что ученые в ходе своих изысканий должны игнорировать какие

бы то ни было соображения, за исключением развития знания²². Вниманию должно быть сосредоточено исключительно на научной значимости работы, невзирая на то, какие практические применения она может получить и какими будут ее социальные последствия вообще. Обычное оправдание этого принципа — который имеет отчасти фактические корни²³ и который в любом случае выполняет определенные социальные функции, как мы с вами только что увидели — гласит, что отказ следовать этому предписанию будет чинить препятствия исследованию, повышая возможность предвзятости и ошибки. Однако это *методологическое* воззрение оставляет без внимания социальные результаты такой установки. Объективные последствия этой установки заложили еще одно основание для бунта против науки — зарождающегося бунта, который можно найти практически в каждом обществе, где наука достигла высокой стадии развития. В силу того, что ученый не контролирует или не может проконтролировать направление, в котором будут применены его открытия, он становится объектом упреков и еще более несдержанных реакций в той мере, в какой эти применения порицаются властными органами или группами давления. Антипатия к технологическим продуктам проецируется на саму науку. Так, например, когда новоизобретенные газы или взрывчатые вещества находят применение в военном деле, те, чьи гуманистические чувства оказываются при этом попраны, подвергают цензуре химию в целом. Наука признается в значительной степени ответственной за допущение тех орудий уничтожения людей, которые, как говорится, могут обрушить нашу цивилизацию в вечную ночь и хаос. Или взять другой показательный пример. Быстрое развитие науки и

²² Парето, например, пишет: «Поиск экспериментальных единообразий является самоцелью». См. типичное утверждение Джорджа Э. Ландберга: «Не дело химика, изобретающего мощное взрывчатое вещество, руководствоваться в решении своей задачи соображениями касательно того, будет ли его продукт использоваться для разрушения церквей или для строительства туннелей в горах. Точно так же не следует и социальному ученому, занимающемуся поиском законов группового поведения, посылать себе поддаваться влиянию соображений по поводу того, насколько будут согласовываться его выводы с существующими понятиями и какое воздействие окажут его открытия на социальный порядок». G.A. Lundberg, R. Bain, N. Anderson (eds.), *Trends in American Sociology* (New York: Harper, 1929), p. 404—405. Ср. с замечаниями РидаБейна в: R. Bain, «Scientist as Citizen», *Social Forces*, 1933, Vol. 11, p. 412—415. — *Примеч. автора*.

²³ Нейрологическое обоснование этой точки зрения можно найти в очерке Э.Д. Адриана в книге: *Factors Determining Human Behavior* (Harvard Tercentenary Publications, Cambridge, 1937), p. 9. Он пишет: «В различительном поведении... должен наличествовать какой-то интерес: тем не менее, если он слишком высок, поведение перестает быть различительным. При сильном эмоциональном стрессе поведение обычно подпадает под один из нескольких стереотипных образцов». — *Примеч. автора*.

связанной с ней технологии вызвало подспудное антинаучное движение в рядах крупных предпринимателей и тех, чье чувство экономической справедливости оказалось им покороблено. Знаменитый сэр Джосайя Стэмп и целая армия менее примечательных людей предложили ввести мораторий на изобретения и открытия²⁴, дабы человек мог получить передышку и воспользоваться ею для того, чтобы приспособить свою социальную и экономическую структуру к постоянно изменяющейся среде, в которую его помещает «приводящая в смятение плодовитость технологии». Эти предложения получили широкую рекламу в прессе и высказывались с неумолимой настойчивостью в адрес научных организаций и правительственных учреждений²⁵. Это сопротивление исходит в равной степени со стороны тех представителей труда, которые опасаются утраты капиталовложений в их

²⁴ Разумеется, из этого еще не складывается движение, противостоящее науке как таковой. Более того, разрушение рабочими машин и подавление капиталом изобретательства имели место и в прошлом. См.: R.K. Merton, «Fluctuations in the Rate of Industrial Invention», *Quarterly Journal of Economics*, 1935, Vol. 49, p. 464 и далее. Однако это движение приводит к движению мнение, что науку следует считать полностью ответственной за ее социальные последствия. Предложение сэра Джосайи Стэмпа можно найти в его обращении к Британской ассоциации развития науки, зачитанном 6 сентября 1934 года. Такие моратории предлагались также М. Кайо (см.: John Strachey, *The Coming Struggle for Power* (New York, 1935), p. 183), Х.У. Самнерсом в Палате представителей США, а также многими другими. Сточки зрения нынешних гуманистических, социальных и экономических критериев, некоторые из продуктов науки более вредны, чем полезны. Эта оценка может подорвать рациональное обоснование научной работы. Как патетически воскликнул один ученый: если человек науки обязан оправдывать свою работу, то я напрасно потратил свою жизнь! См.: F. Soddy (ed.), *The Frustration of Science* (New York: Norton, 1935), p. 42 *et passim*. — Примеч. автора.

²⁵ Английские ученые особенно энергично выступили против «проституирования научных изысканий в военных целях». Президентские обращения, прочитываемые на ежегодных собраниях Британской ассоциации развития науки, многочисленные передовицы и письма, публикуемые в журнале «*Nature*», свидетельствуют об этом движении за «новое осознание социальной ответственности среди подрастающего поколения научных работников». Среди лидеров этого движения — сэр Фредерик Гоулленд Хопкинс, сэр Джон Опп, профессор Содди, сэр Дэниэл Холл, д-р Джулиан Хаксли, Дж.Б.С. Халдейн и профессор Л. Хогбен. См., в частности, письмо, подписанное двадцатью двумя учеными Кембриджского университета, в котором предлагается программа отмежевания науки от военного дела (*Nature*, Vol. 137, 1936, p. 829). Эти попытки совместных действий, предпринятые английскими учеными, резко контрастируют с безразличным отношением к этим вопросам ученых нашей страны. (Это наблюдение относится к периоду, который предшествовал появлению атомного оружия.) Основания этого контраста полезно было бы изучить. Во всяком случае, хотя это движение, возможно, и берет начало в чувствах, оно может выполнять функцию устранения одного из источников враждебного отношения к науке в демократических режимах. — Примеч. автора.

навыки, устаревающие в столкновении с потоком новых технологий, и из рядов тех капиталистов, которые возражают против моментального устаревания своего машинного оборудования. Хотя в обозримом будущем эти предложения, вероятно, так и не будут воплощены в действие, они группируются в один из возможных центров, вокруг которого может материализоваться бунт против науки в целом. И по большому счету несущественно, достоверны эти мнения, возлагающие на науку конечную ответственность за такие нежеланные ситуации, или нет. Социологическая теорема У.А. Томаса — «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» — из раза в раз подтверждалась.

Короче говоря, эти основания для переоценки науки проистекают из того, что я ранее назвал «повелительной непосредственностью интереса»²⁶. Забота о выполнении первостепенной задачи — продвижения знания — сочетается с невниманием к тем последствиям, которые лежат за пределами сферы непосредственного интереса, однако эти социальные результаты отвечают на это тем, что становятся препятствием для осуществления изначальных устремлений. Такое поведение может быть рациональным в том смысле, что от него можно ожидать, что оно приведет к удовлетворению непосредственного интереса. Однако оно иррационально в том смысле, что ниспровергает другие ценности, которые в данный момент не преобладают, но тем не менее являются неотъемлемой частью социальной шкалы ценностей. Именно в силу того, что научное исследование проводится не в социальном вакууме, его последствия простираются в другие сферы ценностей и интересов. И в той мере, в какой эти последствия считаются социально нежелательными, ответственность за них возлагается на науку. Благodeяния науки не рассматриваются более как безусловное благо. С этой точки зрения догмат чистоты науки и беспристрастности помог подготовить собственную эпитафию.

Линия фронта проходит через вопрос: может ли хорошее дерево приносить дурные плоды? Те, кому хотелось бы срубить древо познания под корень или остановить его рост из-за его ненавистных плодов, сталкиваются со встречным утверждением, что дурные плоды были привиты хорошему дереву агентами государства и экономики. Совесть индивидуального человека науки может быть успокоена суждениями о том, что неадекватная социальная структура привела к извращению его открытий. Однако это вряд ли удовлетворит озлобленную оппозицию. В точности *какмотивы* ученого могут варьировать в диапазоне от страстного желания приумножить знание до всепогло-

²⁶ Merton, «The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action» — *op. cit.* — *Примеч. автора.*

щающего интереса к достижению личной известности, и в точности как *функции* научного исследования могут варьировать в диапазоне от обеспечения престижных рационализации существующего порядка до увеличения нашего контроля над природой, так и другие социальные *последствия* науки могут считаться вредными для общества или даже приводить к модификации самого научного этоса. Среди ученых принято считать, что социальные последствия науки в конечном счете *должны* быть полезными. Этот символ веры выполняет функцию обеспечения научного исследования рациональным обоснованием, но представляет собой явно не констатацию факта. Он заключает в себе смешение истины с социальной полезностью, которое характерным образом обнаруживается в нелогическом полумраке науки.

Эзотерическая наука как популярный мистицизм

Еще одна важная сторона связей между наукой и социальным порядком до сих пор редко доходила до осознания. По мере возрастания сложности научных исследований возникает необходимость в продолжительной программе сурового обучения для проверки или даже понимания новых научных открытий. Современный ученый неумолимо подчинился культу непостижимости. Это приводит к возрастанию пропасти между ученым и обывателем. Обыватель вынужден принимать на веру предаваемые гласности суждения об относительности, квантах или прочих эзотерических предметах подобного рода. Это он с готовностью и делал, поскольку ему постоянно твердили о том, что технологические достижения, от которых он предположительно получал какие-то выгоды, рождаются в конечном счете из таких исследований. Тем не менее у него остаются некоторые подозрения по поводу этих странных теорий. Популяризуемые и зачастую искажаемые версии новой науки делают упор на теории, которые кажутся идущими вразрез со здравым смыслом. Наука и эзотерическая терминология становятся неразсторжимо связанными в сознании публики. Для неподготовленных обывателей якобы научные заявления тоталитарных ораторов о расе, экономике или истории оказываются в одном ряду с суждениями о расширяющейся Вселенной или волновой механике. В обоих случаях обыватели не в состоянии понять эти концепции или проверить их научную достоверность, и в обоих случаях эти концепции могут расходиться со здравым смыслом. Во всяком случае, мифы тоталитарных теоретиков будут казаться широкой публике более убедительными и, безусловно, более понятными, нежели

подтвержденные научные теории, поскольку они более близки к обыденному опыту и культурным предубеждениям. Следовательно — и это отчасти результат научного прогресса, — население в целом созрело для новых мистицизмов, облаченных во внешние одеяния научного жаргона. Вообще говоря, это потворствует успеху пропаганды. Заимствованный авторитет науки становится могущественным символом престижа для ненаучных доктрин.

Враждебное отношение общественности к организованному скептицизму

Еще одна особенность научной установки — организованный скептицизм, довольно часто превращающийся в иконоборство²⁷. Наука как будто бросает вызов «удобным властным допущениям» других институтов²⁸, просто подчиняя их беспристрастному анализу. Организованный скептицизм содержит в себе скрытую постановку под вопрос некоторых оснований установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы «сакрального» вообще. В действительности, с логической /почки зрения, установление эмпирического генезиса представлений и ценностей не означает отрицания их достоверности, однако именно таким зачастую бывает его психологическое воздействие на наивное сознание. Институционализированные символы и ценности требуют установок лояльности, верности и уважения. Наука, задающая фактологические вопросы в отношении каждого аспекта природы и общества, вступает в психологический — но не логический — конфликт с иными установками по отношению к тем же данностям, кристаллизованным и частично ритуализованным другими институтами. Большинство институтов требует беспрекословной веры; институт науки, напротив, возводит скептицизм в ранг добродетели. Каждый институт в этом смысле предполагает сакральную область, которая противится профанному исследованию средствами научного наблюдения и логики. Институт науки и сам предполагает эмоциональную приверженность определенным ценностям. Однако неза-

²⁷ Frank H. Knight, «Economic Psychology and the Value Problem», *Quarterly Journal of Economics*, 1925, Vol. 39, p. 372—409. Неискушенный ученый, забывающий о том, что скептицизм является прежде всего методологическим каноном, позволяет своему скептицизму выплеснуться в сферу ценностей как таковых. Социальные функции символов начинают игнорироваться, и они начинают оспариваться как «неистинные». Здесь опять-таки смешиваются социальная полезность и истина. — *Примеч. автора.*

²⁸ Charles E. Merriam, *Political Power* (New York: Whittlesey House, 1934), p. 82—83. — *Примеч. автора.*

висимо оттого, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя в обращении с ней предписанным некритическим и ритуалистическим образом. Он не устанавливает заранее никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует некритического почтения, и тем, что можно объективно анализировать²⁹.

Именно это отчасти и лежит в основе бунтов против так называемого вторжения науки в другие сферы. В прошлом такое сопротивление исходило главным образом со стороны церкви, которая препятствует научному исследованию освященных доктрин. Текстуальная критика Библии до сих пор внушает некоторое подозрение. Это сопротивление со стороны организованной религии убывало в своей значимости по мере того, как центр социальной власти перемещался в экономические и политические институты. Последние, в свою очередь, дают свидетельство неприкрытого непримиримо враждебного отношения к тому генерализованному скептицизму, со стороны которого, как считается, исходит вызов основам институциональной стабильности. Это противодействие может существовать совершенно независимо от внедрения тех или иных научных открытий, которые бы казались обесценивающими конкретные догмы церкви, экономики и государства. Прежде всего имеет место диффузное, нередко смутное осознание того, что скептицизм *угрожает статус-кво*. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в возникновении конфликта между скептицизмом, относящимся к сфере науки, и эмоциональными привязанностями, которые требуются другими институтами, нет никакой логической необходимости. Однако, как психологическая производная, этот конфликт неизменно проявляется всякий раз, когда наука распространяет свои исследования в новые сферы, по отношению к которым имеются институционализированные установки и когда расширяют сферу своего контроля другие институты. В тоталитарном обществе основным источником противодействия науке является централизация институционального контроля; в других структурах большее значение имеет расширение сферы научного исследования. Диктатура организует, централизует и, следовательно, интенсифицирует источники бунта против науки; в либеральной же структуре он остается неорганизованным, диффузным и зачастую латентным.

В либеральном обществе интеграция происходит прежде всего из совокупности культурных норм, на которые ориентирована человеческая деятельность. В диктаторской структуре интеграция произво-

²⁹ Общее рассмотрение сакрального в этих категориях см. в: Durkheim, *The Elementary Forms of the Religious Life*, p. 37 и далее, *et passim*. — Примеч. автора.

дится в первую очередь формальной организацией и централизацией социального контроля. Готовность к принятию этого контроля внушается через ускорение процесса насыщения государства новыми культурными ценностями, через замену медленного процесса диффузного внедрения социальных стандартов агрессивной пропагандой. Эти различия в механизмах, посредством которых типичным образом создается интеграция, обеспечивают различным институтам, в том числе и науке, в либеральной структуре большую гибкость самоопределения и автономии, нежели в структуре тоталитарной. Благодаря строжайшей организации диктаторское государство настолько усиливает свой контроль над неполитическими институтами, что возникает ситуация, отличная от либеральной не только по степени, но и по типу. Например, в нацистском государстве репрессии против науки легче находят выражение, чем в Америке, где интересы не настолько организованы, чтобы насаждать науке ограничения всякий раз, как только они будут сочтены необходимыми. Для наличия социальной стабильности несовместимые чувства должны быть либо надежно отграничены друг от друга, либо интегрированы друг с другом. Однако такое отграничение становится фактически невозможным там, где наличествует централизованный контроль под эгидой какого-то одного сектора социальной жизни, навязывающего и пытающегося насильно насадить людям обязательство верности его ценностям и чувствам в качестве условия их дальнейшего существования. В либеральных структурах отсутствие такой централизации делает возможной необходимую степень разграничения, гарантируя каждой сфере ограниченное право на автономию, а тем самым обеспечивает возможность постепенной интеграции временно не согласующихся друг с другом элементов.

Выводы

Теперь можно вкратце сформулировать основные выводы этой статьи. Во многих обществах существует латентная и активная враждебность по отношению к науке, хотя степень этого антагонизма установить пока еще невозможно. Престиж, приобретенный наукой за последние три столетия, настолько велик, что действия, ограничивающие изучаемую ею область или частично ее отвергающие, обычно сопровождаются заверениями насчет непоколебимой честности науки или «возрождения истинной науки». Эти словесные проявления уважения к пронаучным чувствам часто расходятся с поведением тех, кто их раздает. Отчасти антинаучное движение

проистекает из конфликта между этосом науки и других социальных институтов. Следствием, вытекающим из этого положения, является то, что нынешние бунты против науки *формально* аналогичны прежним бунтам, *хотя конкретные* их источники различаются. Конфликт возникает тогда, когда признаются нежелательными социальные следствия применения научного знания, когда скептицизм ученого оказывается направлен на базисные ценности других институтов, когда экспансия политической, религиозной или экономической власти ограничивает автономию ученого, когда антиинтеллектуализм ставит под сомнение ценность и честность науки и когда в отношении научного исследования вводятся ненаучные критерии приемлемости.

В этой статье не предлагается программа действий, направленная на преодоление угроз развитию науки и ее автономии. Однако можно предположить, что до тех пор, пока центр социальной власти сосредоточен в каком-то одном институте, но не в науке, и пока у самих ученых нет уверенности относительно их первостепенной лояльности, их положение остается шатким и неопределенным.

XVIII. НАУКА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Наука, как и любая другая деятельность, заключающая в себе социальное сотрудничество, подвержена превратностям судьбы. Сколько трудно ни давалось понимание этого людям, воспитанным в культуре, дарующей науке видное, если уж не лидирующее положение в системе вещей, очевидно, что наука вовсе не ограждена от нападков, ограничений и подавления. Веблен, еще не так давно писавший свои работы, имел возможность заметить, что вера западной культуры в науку была неограниченной, не подлежала сомнению и находилась вне всякой конкуренции. Отвращение к науке, казавшееся тогда настолько невероятным, что могло озаботить только какого-нибудь не уверенного в себе академика, пытавшегося предусмотреть все возможные обстоятельства, независимо от их отдаленности, теперь настойчиво предлагает себя вниманию ученого и обывателя. Локальные вспышки антиинтеллектуализма грозят перерасти в эпидемию.

Наука и общество

Зарождающиеся и действительные нападки на чистоту научных помыслов заставили ученых *признать свою зависимость от особых типов социальной структуры*. Отношениям между наукой и обществом посвящаются манифесты и воззвания ученых сообществ. Институт, подвергшийся нападению, должен заново оценить свои основания, переформулировать свои цели, найти свое рациональное оправдание. Кризис призывает к самооценке. Ныне, столкнувшись с вызовом, брошенным их образу жизни, потрясенные ученые погрузились в состояние острого самоосознания: осознания самих себя как неотъемлемой части общества с соответствующими обязательствами и интересами¹. Башня из слоновой кости становится ненадежным прибе-

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

¹ С тех пор, как это было написано в 1942 году, стало очевидно, что шок, вызванный атомным взрывом над Хиросимой, привел уже гораздо большее число ученых к осознанию социальных последствий своей научной работы. — *Примеч. автора.*

жищем, когда кто-то штурмует ее стены. После длительного периода относительного спокойствия, в течение которого получение и распространение знания заняло лидирующее место, если даже не высшую ступень в шкале культурных ценностей, ученые вынуждены оправдывать науку перед людьми. Таким образом, они прошли полный круг и достигли точки повторного появления науки в современном мире. Три века тому назад, когда институт науки мог претендовать лишь на скромную независимую гарантию социальной поддержки, натурфилософам точно так же приходилось оправдывать науку как средство достижения культурно узаконенных целей экономической полезности и прославления Бога. Занятия наукой не были в то время самоочевидной ценностью. Однако с непрекращающимся потоком достижений инструментальное было превращено в конечное, а средство — в цель. Обретя тем самым твердую почву под ногами, ученый стал считать себя независимым от общества и рассматривать науку как самоценное предприятие, происходящее в обществе, но не являющееся его частью. Потребовалось фронтальное наступление на автономию науки, чтобы превратить этот сангвинический изоляционизм в реалистичное участие в революционном конфликте культур. Споры вокруг этой проблемы привели к прояснению и укреплению этоса современной науки.

«Наука» — обманчиво широкое слово, обозначающее множество отличных друг от друга, хотя и взаимосвязанных элементов. Обычно оно используется для обозначения (1) некоторого набора особых методов, с помощью которых удостоверяется знание, (2) накопленного запаса знания, проистекающего из применения этих методов, (3) набора культурных ценностей и нравов, руководящих теми деятельностями, которые называются научными, или (4) любой комбинации вышеприведенных составляющих. Здесь мы предварительно сосредоточим свой интерес на культурной структуре науки, т.е. одном ограниченном аспекте науки как института. Таким образом, мы будем рассматривать не методы науки, а те нравы, которыми они окружены. Разумеется, методологические каноны часто представляют собой как технические приемы, так и моральные принуждения, однако нас интересуют исключительно последние. Это очерк по социологии науки, а не экскурс в методологию. Аналогичным образом, мы не будем заниматься фундаментальными открытиями науки (гипотезами, единообразиями, законами), за исключением того аспекта, в котором они связаны со стандартизированными социальными чувствами в отношении науки. Этот очерк — не упражнение в эрудиции.

Этос науки — это аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки^{1а}. Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и поддерживаемые санкциями, в различных степенях интернализируются ученым, формируя тем самым его научную совесть или, если кто-то предпочитает это новомодное выражение, его суперэго. Хотя этос науки не кодифицирован², его можно вывести из того морального консенсуса ученых, который находит выражение в обычной научной практике, в бесчисленных произведениях научного духа и в моральном негодовании, направленном на нарушения этого этоса.

Исследование этоса современной науки — не более чем ограниченное введение в более масштабную проблему: проблему сравнительного изучения институциональной структуры науки. Хотя подробные монографии, в которых собран необходимый сравнительный материал, малочисленны и разрозненны, они дают некоторую основу для принятия предварительного допущения, что «наука получает возможность для развития в демократическом порядке, интегрированном с этосом науки в единое целое». Это не значит, что занятия наукой ограничиваются одними только демократиями³. В определенной степени поддержку науке оказывали самые разные социальные структуры. Достаточно вспомнить, что *Accademia del Cimento* пользовалась поддержкой двух Медичи, что Карл II заслуживает исторического внимания своим со-

^{1а} О понятии «этос» см.: Sumner, *Folkways*, p. 36 и далее; Hans Speier, «The Social Determination of Ideas», *Social Research*, 1938, Vol. 5, p. 196 и далее; Max Scheler, *Schriften aus dem Nachlass* (Berlin, 1933), B. 1, S. 225—262. Альбер Байе в своей книге на эту тему быстро отказывается от описания и анализа ради проповеди; см.: Albert Bayet, *La morale de la science* (Paris, 1931). — *Примеч. автора.*

² Как замечает Байе: «Cette morale [de la science] n'a pas eu ses theoreticiens, mais elle a eu ses artisans. Elle n'a pas exprime son ideal, mais elle l'a servi: il est implique dans l'existence meme de la science». («У этой морали [науки] не было своих теоретиков, но были свои ремесленники. Она не выражает свой идеал, но служит ему: он лежит в основе существования самой науки».) *Op. cit.*, p. 43. — *Примеч. автора.*

³ Токвиль пошел еще дальше: «Будущее покажет, способна ли эта столь редкая и плодотворная страсть [к науке] с такой же легкостью рождаться и развиваться в условиях демократии, как и во времена аристократического правления. Что касается лично меня, то я верю в это с трудом». A. de Tocqueville, *Democracy in America* (N.Y., 1898), Vol. II, p. 51. (А. де Токвиль, «Демократия в Америке». — М.: 1992, с. 342.) См. также другое истолкование фактических данных: «Невозможно установить простую причинную связь между демократией и наукой и утверждать, что демократическое общество одно только способно дать необходимую почву для развития науки. И вместе с тем не может быть простой случайностью, что наука достигала своего расцвета именно в демократические эпохи». Henry E. Sigerist, «Science and Democracy», *Science and Society*, 1938, Vol. 2, p. 291. — *Примеч. автора.*

гласием на учреждение Лондонского Королевского Общества и поддержкой Гринвичской обсерватории, что *Academie des Sciences* была учреждена под покровительством Людовика XIV (по совету Кольбера), что Фридрих I, поддавшись уговорам Лейбница, взял на содержание Берлинскую Академию и что Санкт-Петербургская Академия наук была учреждена Петром Великим (с тем, чтобы опровергнуть мнение, будто русские варвары). Но такие исторические факты отнюдь не предполагают случайной связи между наукой и социальной структурой. Есть еще один вопрос — о пропорциональном соотношении научных достижений и научного потенциала. Наука развивается, разумеется, в разных социальных структурах, но какая из них предоставляет институциональный контекст для наибольшей полноты ее развития?

Этос науки

Институциональная задача науки — приумножение достоверного знания. Технические методы, используемые для достижения этой цели, дают релевантное определение того, что такое знание: это эмпирически подтвержденные и логически согласованные предсказания. Институциональные императивы (нравы) вытекают из этой задачи и этих методов. Вся структура технических и моральных норм служит достижению конечной цели. Техническая норма адекватного, достоверного и надежного эмпирического подтверждения есть необходимое условие обоснованности и истинности предсказания; техническая норма логической согласованности — необходимая предпосылка его систематичности и достоверности. Нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание, однако обязывающими они являются не только в силу своей процедурной эффективности, но и потому, что считаются правильными и хорошими. Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания.

Этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм.

Универсализм

Универсализм⁴ находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источ-

⁴ Основополагающий анализ универсализма в социальных отношениях см. в книге Толкота Парсонса «*Социальная система*». Выражения веры в то, что «наука полное-

ник, должны быть подчинены *заранее установленным безличным критериям*: должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием. Согласие или отказ внести эти притязания в анналы науки не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника; его раса, национальность, религия, класс и личные качества сами по себе нерелевантны. Объективность исключает партикуляризм. То обстоятельство, что научно верифицированные формулировки указывают на объективные последовательности и корреляции, препятствует всяким попыткам навязать партикуляристские критерии достоверности. Процесс Габера не может быть аннулирован нюрнбергским декретом, равно как англофоб не в силах отменить закон гравитации. Шовинист может вычеркнуть имена чуждых ему ученых из учебников истории, но их формулы останутся незаменимыми для науки и технологии. Сколь бы *echt-deutsch** или стопроцентно американским ни было конечное приращение научного знания, к факту каждого нового технического достижения всегда в какой-то степени сопричастны и чужаки. Императив универсализма глубоко укоренен в безличном характере науки.

Однако институт науки всего лишь часть более широкой социальной структуры, с которой он не всегда интегрирован. Когда эта широкая культура противостоит универсализму, этос науки подвергается серьезному испытанию. Этноцентризм несовместим с универсализмом. Человек науки — особенно во времена международных конфликтов, когда господствующее определение ситуации выдвигает на передний план национальные лояльности — оказывается под влиянием противоборствующих императивов научного универсализма и этноцентрического партикуляризма⁴³. Структура

тью независима от национальных границ, рас и вероисповеданий», см. в резолюции Совета Американской ассоциации развития науки, помещенной в журнале *Science*, 1938, Vol. 87, p. 10; а также в статье: «The Advancement of Science and Society: Proposed World Association», *Nature*, 1938, Vol. 141, p. 169. — *Примеч. автора.*

* Беспримесно немецким (нем.). — *Примеч. пер.*

⁴³ Все остается так, как и в 1942 году, когда это было написано. К 1948 году политические лидеры Советской России усилили свою ориентацию на русский национализм и начали настаивать на «национальном» характере науки. Так, в передовой статье «Против буржуазной философии космополитизма», напечатанной в *Voprosakh filosofii* (1948, № 2, с. 14—29) (английский перевод опубликован в *Current Digest of the Soviet Press*, February 1, 1949, Vol. 1, № 1, p. 9), говорится: «Только безродный космополит, для которого глубоко безразличны действительные судьбы науки, может с пренебрежительным равнодушием отрицать наличие многокрасочных национальных форм, в которых живет и развивается наука. Космополит заменяет реальную историю науки и конкретные пути ее развития выдуманными представлениями о какой-то вненациональной, надклассовой науке, якобы лишенной всего богатства национальных красок, живого блеска и специфики народного твор-

ситуации, в которую он попадает, определяет ту социальную роль, которую ему предлагается сыграть. Человек науки может превратиться в человека войны — и соответственно действовать. Так, в 1914 году манифест 93 немецких ученых и гуманитариев — среди которых были Байер, Брентано, Эрлих, Габер, Эдуард Мейер, Оствальд, Планк, Шмоллер и Вассерман — вызвал бурную полемику, в ходе которой немцы, французы и англичане обряжали в одеяния ученых свои политические Я. Беспристрастные ученые оспаривали «враждебные» вклады в науку, вменяя друг другу в вину националистическую пристрастность, взаимное восхваление, интеллектуальную непорядочность, некомпетентность и отсутствие творческих способностей⁵. Тем не менее само это отклонение от нормы универсализма фактически предполагало легитимность данной нормы. Ибо националистическая пристрастность оскорбительна лишь тогда, когда о ней судят исходя из стандарта универсализма; в ином институциональном контексте она переопределяется как добродетель, патриотизм. Таким образом, нравы вновь подтверждаются самим презрительным отношением к их несоблюдению.

Даже подвергаясь контрдавлению, ученые всех национальностей оставались, в более прямом смысле, верны универсалистскому стан-

чества и превращенной в некий бесплотный дух... Марксизм-ленинизм вдребезги разбивает космополитические выдумки о надклассовой, вненациональной, «общечеловеческой» науке и со всей определенностью доказывает, что наука, как и вся культура в современном обществе, национальна по форме и классова по содержанию» (с. 23). В этой точке зрения смешиваются два разных вопроса. Во-первых, культурный контекст, существующий в любой данной нации или обществе, может predispose ученых сосредоточивать внимание на определенных проблемах, чутко реагировать на одни проблемы, а не на другие, находящиеся на передовых рубежах развития науки. Это было замечено уже давно. Однако этот вопрос в основе своей отличен от второго, а именно: критерии обоснованности притязаний на научное знание не являются делом национального вкуса или культуры. Рано или поздно спор между претензиями на достоверность разрешается универсалистскими фактами природы, согласующимися с одной теорией, но не согласующимися с другой. Приведенная цитата интересна прежде всего тем, что она иллюстрирует тенденцию этноцентризма и обостренных национальных лояльностей проникать в сами критерии научной достоверности. — *Примеч. автора.*

⁵ Поучительную подборку таких документов см. в: Gabriel Pettit, Maurice Leudet, *Les allemands et la science* (Paris, 1916). Феликс ле Дантек, например, обнаруживает, что Эрлих и Вейсман совершили в отношении мира науки типично немецкое мошенничество. (F. Le Dantec, «Le bluff de la science allemande».) Пьер Дюгем приходит к заключению, что «геометрический дух» немецкой науки удушил «дух точности»; P. Duhem, *La science allemande* (Paris, 1915). Книга Келлермана — Hermann Kellermann, *Der Krieg der Geister* (Weimar, 1915) — одухотворенный аналог этой же позиции. Конфликт продолжался и после войны; см.: Karl Kherkhof, *Der Krieg gegen die Deutsche Wissenschaft* (Halle, 1933). — *Примеч. автора.*

дарту. Подтверждался интернациональный, безличный, фактически анонимный характер науки⁶. (Пастер: «Le savant a une patrie, la science n'en a pas»^{*}.) Отказ от этой нормы воспринимался как вероломство.

Универсализм находит дальнейшее выражение в требовании, чтобы перед одаренными людьми была открыта карьера. Рациональное обоснование этого задается институциональной целью. Ограничивать доступ к научной карьере на каких-либо иных основаниях, кроме недостатка компетентности, значит наносить ущерб приумножению знания. Свободный доступ к научным занятиям является функциональным императивом. Практическая целесообразность и мораль совпадают. Отсюда аномальность Карла II, прибегшего к нравам науки с тем, чтобы осудить Королевское Общество за вынашиваемые им планы исключения из своих рядов Джона Граунта, политического арифметика, и его высочайших наставлений, что «ежели оно и впредь будет находить таких торговцев, то ему надлежит беспрекословно и без долгих разговоров принимать их в свои ряды».

Здесь этос науки опять-таки может входить в разногласия с этосом более широкого общества. Ученые могут усваивать кастовые стандарты и закрывать доступ в свои ряды тем, кто обладает низшим статусом, независимо от того, каковы их способности и достижения. Однако это провоцирует нестабильную ситуацию. Извлекаются наружу до мелочей продуманные идеологии, призванные затушевать несовместимость кастовых нравов с институциональной задачей науки. Члены низшей касты должны быть показаны от природы неспособными к научной работе либо по крайней мере должен систематически обесцениваться их вклад в науку. «Из истории науки можно привести тот факт, что основоположники физических исследований и великие первооткрыватели, начиная с Галилея и Ньютона и заканчивая ведущими физиками нашего времени, были почти исключительно арийцами, главным образом представителями нордической расы». Уточнение «почти исключительно» признается недостаточным основанием для того, чтобы отказать представителям других каст в каких бы то ни было притязаниях на научные достижения. Поэтому

⁶ См. признание в вере профессора Э. Гле(в: Pettit, Leudet, *op. cit.*, p. 181): «...il ne peut y avoir une verity allemande, anglaise, italienne ou japonaise pas plus qu'une franchise. Et parler de science allemande, anglaise ou franc,aise, c'est enoncer une proposition contradictoire a l'idee *me*me de science», («...не может быть истины немецкой, английской, итальянской или японской, равно как и французской. И говорить о немецкой, английской или французской науке значит выступать с утверждением, противоречащим самой идее науки»). См. также уверения Грассе и Рише: *ibid.* — *Примеч. автора.*

^{*} У ученого есть родина, у науки ее нет (*фр.*). — *Примеч. пер.*

такая идеология находит свое логическое завершение в представлениях о «хорошей» и «плохой» науке: реалистичная, прагматичная наука арийцев противопоставляется догматичной, формальной науке неарийцев⁷. В других случаях основания для исключения ищут во вне-научной способности людей науки быть врагами государства или церкви⁸. Так, защитники культуры, отрекающейся от универсалистских стандартов, как правило, чувствуют себя обязанными на словах поддерживать эту ценность в области науки. Универсализм лицемерно утверждается в теории и подавляется на практике.

Этос демократии, как бы неадекватно ни воплощался он на практике, включает в себя универсализм как главный направляющий принцип. Демократизация равносильна прогрессивному устранению ограничений на упражнение и развитие социально ценимых способностей. Не фиксация статуса, а безличные критерии достижения характеризуют демократическое общество. В той мере, в какой такие ограничения все-таки сохраняются, они рассматриваются как препятствия на пути к полной демократизации. Так, например, в той мере, в какой демократия, основанная на принципе *laissez-faire*, допускает накопление отличительных преимуществ для некоторых сегментов населения, отличия, не связанные с доказанными различиями в способностях, становятся вследствие демократического процесса объектом возрастающего регулирования со стороны политической власти. В условиях изменения должны вводиться новые технические формы организации для сохранения и расширения равенства возможностей. Политический аппарат, призванный воплощать на практике демократические ценности, может, стало быть, изменяться, однако универсалистские стандарты остаются в силе. В той степени, в какой общество является демократическим, оно обеспечивает простор осуществлению универсалистских критериев в науке.

⁷ Johannes Stark, *Nature*, 1938, Vol. 141, p. 772; «Philipp Lenard als deutscher Naturforscher», *Nationalsozialistische Monatshefte*, 1936, B. 7, S. 106—112. Здесь напрашивается сравнение с противопоставлением «немецкой» и «французской» науки, которое проводил Дюгем. — *Примеч. автора.*

⁸ «Wir haben sie [«marxistischen Leugner»] nicht entfernt als Vertreter der Wissenschaft, sondern als Parteigänger einer politischen Lehre, die den Umsturz aller Ordnungen auf ihre Fahne geschrieben hatte. Und wir mussten hier um so entschlossener zugreifen, als ihnen die herrschende Ideologie einer wertfreien und voraussetzungslosen Wissenschaft ein willkommener Schutz für die Fortführung ihrer Pläne zu sein schien. Nicht wir haben uns an der Würde der freien Wissenschaft vergangen...» Bernhard Rust, *Das nationalsozialistische Deutschland und die Wissenschaft* (Hamburg, 1936), S. 13. — *Примеч. автора.*

«Коммунизм»

«Коммунизм», в неспециальном и более широком смысле общего владения благами, — второй неотъемлемый элемент научного этоса. Фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена. Закон или теория, носящие чье-либо имя, не входят в исключительную собственность первооткрывателя и его наследников, равно как нравы не наделяют их особыми правами пользоваться и распоряжаться ими. Право собственности в науке сводится рациональными основаниями научной этики к самому минимуму. Притязания ученого на «свою» интеллектуальную «собственность» ограничиваются притязаниями на признание и уважение, которые, если данный институт функционирует хотя бы с минимальной степенью эффективности, приблизительно соразмерны значимости того нового, что он внес в общий фонд знания. Эпонимия — например, система Коперника или закон Бойля — является, стало быть, одновременно и мнемоническим средством, и средством увековечения памяти о ком-то.

Учитывая такой институциональный акцент на признании и уважении как единственном праве собственности ученого в его открытиях, «нормальной» реакцией становится озабоченность научным приоритетом. Те споры о приоритете, которыми размечены ключевые вехи в истории современной науки, порождаются этим институциональным акцентом на оригинальности⁹. Отсюда берет начало состязательное сотрудничество. Продукты конкуренции обобществляются¹⁰, а почести достаются производителю. Нации подхватывают при-

⁹ Ньютон, опираясь на добытый тяжкими трудами опыт, говорил, что «[естественная] философия — Дама, настолько грешащая нахальным сутяжничеством, что иметь с ней дело человеку все равно что заниматься судебными тяжбами». Роберт Гук, социально мобильный индивид, возвышение которого в статусе основывалось всецело на его научных достижениях, слыл невероятным «сутяжником». — *Примеч. автора.*

¹⁰ Такая профессия, как медицина, какой бы сильный отпечаток ни накладывал на нее торгашеский дух более широкого общества, принимает научное знание как общую собственность. См.: R.H. Shryock, «Freedom and Inference in Medicine», *The Annals*, 1938, Vol. 200, p. 45: «...медицинская профессия... обычно неодобрительно смотрела на патенты, приобретаемые медиками... Эта официальная профессия... сохранила установку противодействия частным монополиям еще со времен появления патентного права в семнадцатом веке». В данной связи возникает двусмысленная ситуация, когда в кругах, в которых обобществление знания остается незыблемым, обобществление медицинской практики отвергается. — *Примеч. автора.*

тязания на первенство^{10*}, и свежие вливания в общее достояние науки обильно снабжаются национальными именами: взять хотя бы споры, разгоревшиеся в связи с конкурирующими притязаниями Ньютона и Лейбница на изобретение дифференциального исчисления. Однако все это не никак не затрагивает статус научного знания как общего достояния.

Институциональное представление о науке как о части общественной сферы связано с императивом сообщения об открытиях. Секретность — антитеза этой нормы; полная и открытая коммуникация — ее осуществление". Давление, подталкивающее к распространению научных результатов, подкрепляется институциональной задачей расширения границ знания и стимулирующей силой признания, которое, конечно же, зависит от публикации. Ученый, не сообщающий о своих важных открытиях научному сообществу — этакий, стало быть, Генри Кавендиш, — становится мишенью амбивалентных реакций. Его ценят за его талант и, возможно, за его скромность. Но с институциональной точки зрения его скромность, всерьез говоря, неуместна, учитывая моральное принуждение делиться богатствами науки. В

^{10*} Ныне русские, официально поставив во главу угла чувство глубокого почтения к Родине, начали настаивать на важности определения приоритетов в научных открытиях. Например: «Малейшее игнорирование приоритетных вопросов в науке, малейшее пренебрежение ими должно поэтому решительно осуждаться, ибо оно на руку нашим врагам, которые прикрывают свою идеологическую агрессию космополитическими разговорами о мнимой несущественности приоритетных вопросов в науке, т.е. вопросов о том, какие народы и какой вклад внесли в общую сокровищницу мировой культуры». И далее: «Русский народ имеет наиболее богатую историю. На протяжении этой истории он создал богатейшую культуру, из которой почерпнули многое и продолжают черпать до сих пор все остальные нации нашей страны, как и народы других стран мира» (*Вопросы философии*, указ. соч., с. 25, 27—28). Это напоминает националистические притязания, бывшие в ходу в девятнадцатом веке в Западной Европе, а также нацистские притязания, выдвинутые в двадцатом веке. (См. текст, к которому относится примечание 9.) Националистический партикуляризм не способствует беспристрастным оценкам хода научного развития. — *Примеч. автора.*

¹¹См.: J.D. Bernal, *The Social Function of Science*, p. 150—151. Бернал отмечает: «Росту современной науки сопутствовал решительный отказ от идеала секретности». Бернал приводит замечательную цитату из Реомюра (Reaumur, *L'Art de convertir le fer en acier*), в которой моральное принуждение к опубликованию собственных исследований открыто связывается с другими элементами научного этики. Например: «...il y eut gens trouverent etrange que j'eusse publie des secrets, qui ne devoient pas etre reveles... est-il bien sur que nos deouvertes soient si fort a nous que le Public n'y ait pas droit, qu'elles ne lui appartiennent pas en quelque sorte?.. resterait il bien des circonstances, ou noussoions absolument Maotres de nos decouvertes?.. Nous nous devons premierement a notre Patrie, mais nous nous devons aussi au rest du monde; ceux qui travaillent pour perfectionner les Sciences et les Arts, doivent meme se regarder commes les citoyens du monde entier». — *Примеч. автора.*

этой связи замечание Олдоса Хаксли по поводу Генри Кавендиша, каким бы оно ни было обывательским, весьма показательное: «От восхищения его гением нас удерживает некоторое неодобрение; мы чувствуем, что такой человек эгоистичен и антисоциален». Эпитеты эти особенно поучительны, ибо предполагают нарушение определенного институционального императива. Утаивание научного открытия, даже если за ним не стоит никакого скрытого мотива, является предосудительным.

Общественный характер науки находит дальнейшее отражение в признании учеными своей зависимости от культурного наследия, на которое никто из них не имеет каких бы то ни было исключительных прав. Замечание Ньютона: «Если я и увидел дальше, то только благодаря тому, что стоял на плечах гигантов», — выражает чувство обязанности общему наследию и одновременно признание фундаментальной кооперативности и кумулятивности научного достижения¹². Скромность научного гения не просто уместна с точки зрения культуры, но и вытекает из сознания того, что научный прогресс предполагает сотрудничество прошлых и нынешних поколений. Именно Карлейль, а не Максвелл доставлял себе удовольствие мифотворческой концепцией истории.

Коммунизм научного этоса несовместим с определением технологии как «частной собственности» в капиталистической экономике. В нынешних работах о «крахе науки» отражается этот конфликт. Патенты декларируют исключительные права пользования, а часто и неиспользования. Утаивание изобретения идет вразрез с рациональными основаниями научного производства и распространения научных результатов, что можно увидеть из решения суда по иску США к Американской Телефонной Компании Белла: «Изобретатель — это тот, кто открыл нечто ценное. Это его абсолютная собственность. Он может утаивать свое знание от общественности...»¹¹ Реакции на эту конфликтную ситуацию были разными. Некоторые ученые в качестве средства самозащиты стали брать патенты на свои работы, дабы га-

¹² В некоторой степени любопытно, что афоризм Ньютона — стандартная фраза, которую постоянно повторяли по крайней мере с двенадцатого века. Видимо, зависимость открытия и изобретения от существующей культурной основы была замечена несколько раньше, чем появились на свет соответствующие формулировки современных социологов. См.: /sis, 1935, Vol. 24, p. 107-109; 1936, Vol. 25, p. 451-452. - *Примеч. автора.*

¹³ 167 U. S. 224 (1897), цит. по: B.J. Stern, «Restraints upon the Utilization of Inventions», *The Annals*, 1938, Vol. 200, p. 21. Более подробное обсуждение этого случая см. в дальнейших исследованиях Стерна, которые здесь цитируются, а также в книге: Walton Hamilton, *Patents and Free Enterprise* (Temporary National Economic Committee Monograph No. 31, 1941). - *Примеч. автора.*

рантировать их доступность для общественного использования. Патенты брали Эйнштейн, Милликен, Комптон, Лангмур¹⁴. Ученых настойчиво призывали становиться учредителями новых экономических предприятий¹⁵. Другие пытаются разрешить этот конфликт, становясь на сторону социализма¹⁶. Эти предложения — и те, которые требуют от научных открытий экономической отдачи, и те, которые требуют таких изменений в социальной системе, которые бы позволили науке заниматься своим делом — отражают расхождения в понимании интеллектуальной собственности.

Незаинтересованность

Наука, как и вообще все профессии, включает в качестве базисного институционального элемента незаинтересованность. Незаинтересованность не следует приравнивать к альтруизму, так же как и заинтересованное действие — к эгоизму. Такие приравнивания смешивают институциональный и мотивационный уровни анализа¹⁷. Ученому чего только не приписывали: страсть к познанию, праздное любопытство, альтруистическую заботу о благе человечества и множество других особых мотивов. Поиск отличительных мотивов велся, как оказалось, в неправильном направлении. *Поведение ученых характеризуется скорее отличительным образом институционального контроля над широким спектром мотивов.* Ибо как только институт предписывает незаинтересованную деятельность, в интересах ученых подчиниться этому требованию под страхом санкций и — в той мере, в какой эта норма стала их внутренней нормой — под страхом психологического конфликта.

Фактическое отсутствие обмана в анналах науки, которое выглядит исключительным, если сравнить их с летописью других сфер деятельности, иногда объясняли личными качествами ученых. При этом подразумевается, что ученые рекрутируются из числа людей, проявляющих необычайно высокую степень моральной чистоты. На самом

¹⁴Hamilton, *op. cit.*, p. 154; J. Robin, *L'oeuvre scientifique, sa protection-juridique* (Paris, 1928). — *Примеч. автора.*

¹⁵Vannevar Bush, «Trends in Engineering Research», *Sigma Xi Quarterly*, 1934, Vol. 22, p. 49. — *Примеч. автора.*

¹⁶Bernal, *op. cit.*, p. 155 и дальше. — *Примеч. автора.*

¹⁷Talcott Parsons, «The Professions and Social Structure», *Social Forces*, 1939, Vol. 17, p. 458—459; ср. George Sarton, *The History of Science and the New Humanism* (New York, 1931), p. 130 и дальше. Различие между институциональными принуждениями и мотивами является, разумеется, ключевым понятием марксистской социологии. — *Примеч. автора.*

деле удовлетворительных свидетельств того, чтобы дело обстояло таким образом, нет; более убедительное объяснение можно обнаружить в некоторых отличительных качествах самой науки. В какой бы степени ни заключало научное исследование уже в самом себе проверяемость результатов, оно подлежит уточняющей проверке других экспертов. Иначе говоря — и это замечание, несомненно, может быть истолковано как *lese majesty**, — деятельности ученых подчинены строгому полицейскому надзору, причем, быть может, в такой степени, которой нет параллелей нив одной другой сфере деятельности. Требование незаинтересованности имеет прочные основания в общественном характере и проверяемости науки, и это обстоятельство, как можно предположить, внесло свою лепту в честность людей науки. В царстве науки существует конкуренция — конкуренция, усиленная акцентом на приоритетность как критерий достижения, — и в условиях такой состязательности вполне могут зарождаться стимулы, побуждающие превзойти соперников незаконными средствами. Но такие импульсы могут найти лишь скудную возможность выразиться в области научного исследования. Превознесение кумиров, неформальные клики, многочисленные, нетривиальные публикации — эти и другие методы могут использоваться для самовозвеличивания¹⁸. Но если говорить в целом, необоснованные претензии оказываются ничтожными и неэффективными. Перевод нормы незаинтересованности в практику действительно поддерживается конечной ответственностью ученых перед своими коллегами. Предписания социализированного чувства и практической целесообразности в значительной степени совпадают, и эта ситуация благоприятствует институциональной стабильности.

В этом отношении область науки несколько отличается от прочих профессий. Ученый не сталкивается *vis-a-vis* со своей обывательской клиентурой, как, например, врач или юрист. Возможность эксплуатации доверчивости, невежества и зависимости обывателя тем самым значительно уменьшается. Обман, махинации и безответственные претензии (шарлатанство) даже менее вероятны, чем в «обслуживающих» профессиях. Стимулы к уклонению от соблюдения нравов науки развиваются в той мере, в какой отношение «ученый — обыватель» становится главенствующим. Когда структура контроля, осуществляемого квалифицированными коллегами, оказывается неэффективной, вступают в игру злоупотребление экспертной властью и создание псевдонаук¹⁹.

* оскорбление начальства (*фр.*). — *Примеч. пер.*

¹⁸ См. обзор Логана Уилсона в книге *The Academic Man*, p. 201 и далее. — *Примеч. автора.*

¹⁹ См.: R.A. Brady, *The Spirit and Structure of German Fascism* (N.Y., 1937), Chapter II; Martin Gardner, *In the Name of Science* (N.Y.: Putnam's, 1953). — *Примеч. автора.*

Добрая репутация науки и ее высокий моральный статус в глазах обывателя, вероятно, в немалой степени обязаны технологическим достижениям¹⁹³. Каждая новая технология несет с собою свидетельство честности ученого. Наука выполняет свои обещания. Однако ее авторитет может использоваться и иногда используется в корыстных целях, причем именно потому, что обыватели часто не в состоянии отличить ложные притязания на такой авторитет от подлинных. Мнимые научные заявления тоталитарного оратора о расе, экономике или истории оказываются для неподготовленной обывательской аудитории в одном ряду с газетными сообщениями о расширяющейся Вселенной или волновой механике. В обоих случаях человек с улицы не может их проверить, и в обоих случаях они могут идти вразрез со здравым смыслом. Как бы то ни было, мифы будут казаться широкой публике более убедительными и будут для нее, безусловно, более понятными, нежели проверенные научные теории, поскольку они ближе к ее обыденному опыту и культурным предубеждениям. Следовательно, население в целом — отчасти благодаря научным достижениям — становится восприимчивым к новым мистицизмам, выраженным в якобы научных категориях. Заимствованный авторитет науки наделает престижем ненаучную доктрину.

Организованный скептицизм

Как мы увидели в предыдущей главе, организованный скептицизм различными способами взаимосвязан с другими элементами научного этоса. Это одновременно и методологическое, и институциональное требование. Подвешивание суждения до тех пор, пока «на руках не окажутся факты», и отстраненное исследование мнений, внушающих веру, под углом зрения эмпирических и логических критериев периодически вовлекало науку в конфликт с другими институтами. Наука, которая вопрошает о фактах, в том числе и потенциальных фактах, касающихся каждого аспекта природы и общества, может вступать в конфликт с другими установками в отношении тех же самых данных, кристаллизованными и зачастую ритуализованными другими институтами. Научный исследователь не признает никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует некритичного почтения, и тем, что можно объек-

"* Фрэнсис Бэкон предлагает одну из первых и наиболее емких формулировок этого популярного прагматизма: «То, что более всего полезно на практике, то правильное всего и в теории». F. Bacon, *Novum Organum*, Book II, p. 4. — *Примеч. автора.*

тивно проанализировать. («Ein Professor ist ein Mensch der anderer Meinungist»*.)

В этом, по-видимому, и кроется источник бунтов против так называемого вторжения науки в иные сферы. Такое сопротивление со стороны организованной религии стало теперь менее значимым по сравнению с сопротивлением экономических и политических групп. Это противостояние может существовать совершенно независимо от внедрения конкретных научных открытий, которые кажутся обесценивающими партикулярные догмы церкви, экономики или государства. Скорее всего оно вызывается рассеянным, зачастую неясным пониманием того, что скептицизм угрожает текущему распределению власти. Конфликт этот обостряется всякий раз, когда наука распространяет свои исследования на новые области, в отношении которых уже существуют институционализированные установки, и всякий раз, когда расширяют сферу своего контроля другие институты. В современном тоталитарном обществе и антирационализм, и централизация институционального контроля служат ограничению поля научной деятельности.

* Профессор — это человек, у которого на все есть свое мнение (нем.). — *Примеч. пер.*

XIX. МАШИНА, РАБОЧИЙ И ИНЖЕНЕР

Заподозрить в себе всю меру собственного неведения — первый шаг к тому, чтобы заменить это неведение знанием. О том, какое влияние оказали изменения в методах производства на проблемы, поведение и перспективы рабочего, известно на самом деле очень мало; узнать же об этом нужно очень много. В короткой статье, посвященной этой огромной теме, можно в лучшем случае лишь очертить общие контуры нашего невежества. В наших силах лишь указать на ряд исследовательских открытий, ставших теперь нашим достоянием, условия, необходимые для надлежащего углубления этих открытий, и социальную организацию последующих исследований, которая нужна нам для достижения этих результатов.

Вера в то, что технологический прогресс есть самоочевидное благо, настолько широко распространена и настолько глубоко укоренена, что люди по большому счету так и не удосужились обратить внимание на те *общественные условия*, при которых это и в самом деле так. Если технология и является благом, то только благодаря своим последствиям для человека, то есть благодаря тому, что у большого числа по-разному социально размещенных людей есть основания считать ее таковой в свете своего опыта. И возникают ли у людей действительно такие основания, зависит не столько от внутреннего характера развивающейся технологии, создающей возрастающую способность производить изобилие благ, сколько от структуры общества, определяющей, какие группы и индивиды будут извлекают пользу из этого возросшего изобилия, а какие — испытывать социальные неурядицы и нести человеческие издержки, создаваемые новой технологией. Многие люди в нашем обществе обнаруживают, что плюралистические социальные последствия прогрессивного внедрения трудосберегающих технологий им далеко не выгодны. Данные о технологической безработице, вытеснении труда, устаревании навыков, перерывах в занятости и уменьшении суммы рабочих мест, приходящихся на единицу продукции, сколь бы ни были они скудными,

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

указывают на то, что именно рабочие несут на себе основное бремя промахов, допущенных в планировании упорядоченного внедрения достижений в производственные процессы.

Исследование этих вопросов, конечно, не панацея от тех социальных неурядиц, которые приписываются нынешним методам внедрения технологических достижений; однако такое исследование может выявить относящиеся к делу факты — иначе говоря, может заложить основу для принятия необходимых решений теми, кого многообразные последствия технологического изменения непосредственно затрагивают. Социальных исследований в этой области поразительно мало, и было бы в некоторой степени интересно выяснить, почему это так.

Сначала мы окинем взором ряд открытий, которые стали результатом социального исследования в этой общей области; затем рассмотрим некоторые факторы, влияющие на социальную роль инженеров — особенно тех из них, кто непосредственно занят изобретением и конструированием производственного оборудования, — а также социальные последствия их творческой работы; и наконец, предложим вниманию некоторые наиболее очевидные проблемы и возможности дальнейших исследований, посвященных социальным последствиям трудосберегающих технологий.

Социальные последствия технологических изменений

Исследования выявили ряд социальных последствий технологического изменения, из которых здесь будут упомянуты лишь немногие. Они располагаются в диапазоне от самых непосредственных воздействий на природу трудовой жизни — или социальную анатомию работы — до воздействий, затрагивающих институциональные и структурные образцы (patterns) более широкого общества.

Социальная анатомия работы

Выяснилось, что новые производственные процессы и оборудование неизбежно оказывают влияние на *сеть социальных отношений* между рабочими, вовлеченными в производство. Для людей, работающих на заводе, на шахте и, коли на то пошло, на ферме, изменения в методах производства приводят к изменениям в трудовых рутинах, модифицирующим непосредственную социальную среду рабочего.

Изменения в размере и составе рабочей бригады, в радиусе, характере и частоте контакта с коллегами и контролерами, в статусе, которым обладает рабочий в организации, в степени доступной для него физической мобильности — все и каждое из этих изменений могут быть косвенными следствиями технологического изменения. Хотя эти смещения в локальной структуре социальных отношений влияют в той или иной форме на уровень удовлетворенности работника своей работой, они часто являются непредвиденными и ускользающими от внимания.

Условия, в которых происходит внедрение такого изменения, тоже, как оказалось, определяют его воздействие на рабочих. Отвечая на депрессивные экономические условия внедрением трудосберегающих технологий, менеджмент может расширять и углублять локальные масштабы безработицы в то самое время, когда рабочие располагают крайне скудными альтернативами занятости. Таким образом, менеджмент может подпитывать *негарантированность работы и тревоги рабочих*. Обстоятельства, подобные этим, заставляют организованный труд — и это вполне понятно — стремиться к большему участию в разработке планов внедрения нового оборудования и технологических процессов.

В этой связи темпы технологического изменения имеют решающее, хотя и не исключительное значение. Рабочие, как и руководители, стремятся в некоторой степени удерживать под контролем свою повседневную жизнь. Изменения, навязываемые им без их ведома и согласия, они расценивают как угрозу своему благосостоянию, во многом подобно тому, как расценивают их в качестве таковой бизнесмены, сталкиваясь с превратностями рынка или непредсказуемыми, по их мнению, решениями «этих бюрократов из Вашингтона». Заинтересованность рабочего в принимаемых решениях нередко сознательно и нереалистичски пренебрегалась менеджментом, который, пытаясь поддержать или улучшить конкурентную ситуацию фирмы, внедрял с этой целью трудосберегающие технологии. Было замечено, что подстегиванием темпов непредсказуемых технологических изменений можно искусно создавать среду неопределенности, страха и взаимной враждебности.

Искусственно провоцируя устаревание навыков, трудосберегающие технологии создают острые психологические и социальные проблемы для рабочего. Проблема кроется не в одной только необходимости усвоения новых рутинных трудовых навыков. Потребность в извлечении от ранее приобретенных навыков и понижение статуса, часто ему сопутствующее, разрушают позитивный Я-образ рабочего, проистекающий из уверенного применения им этих навыков. Хотя

для отдельных рабочих эти человеческие издержки внедрения новых методов производства могут иногда снижаться посредством запланированного перераспределения рабочих мест, это не предотвращает базисных изменений в профессиональной структуре промышленности в целом.

Возрастающая вместе с технологическим прогрессом сегментация трудовых задач создает бесчисленное множество новых родов занятий, для которых, как подметил Ретлисбергер, «не существует даже таких названий, которые бы имели хотя бы какую-нибудь социальную значимость за пределами конкретной промышленной отрасли, предприятия и, во многих случаях, даже отдела». Расщепление трудовых задач включает в себе *потерю общественной идентичности работы*. Кто еще, кроме немногих избранных, сможет, например, отличить установщика стабилизаторов на автомобильном заводе от других сборщиков радиаторных коробок? Или, если взять более доступный пример, что отличает трудовую гордость подсласителя пончиков от трудовой гордости их начинщика, успешно наполняющего поджаренные пончики вареньем с помощью кулинарного шприца? Для внешнего мира все эти эзотерические специализации одним миром мазаны; а следовательно, для внешнего мира должны иметь значение какие-то другие признаки статуса и значимой трудовой деятельности. И отчуждение рабочих от своей работы, и важность заработка как главного символа социального статуса находят дополнительную поддержку в отсутствии социального смысла, которым можно было бы наделить трудовую задачу.

Взросшая специализация производства неизбежно ведет к увеличению потребности в предсказуемости трудового поведения и, следовательно, в *возрастании дисциплины на рабочем месте*. Сцепление многочисленных ограниченных задач требует сведения к минимуму избыточной изменчивости индивидуального поведения. Эта тенденция, впервые проявившая себя на заре существования фабричной системы в восстаниях рабочих против неведомой еще тогда дисциплины фабричной жизни, неуклонно становилась все более и более заметной. В практическом плане это начинает означать возрастающую сумму дисциплины, которая при определенных условиях становится для рабочего принудительной.

Институциональные и структурные последствия

Политические и социальные побочные продукты развивающейся технологии, равно как экономические, оказывают разнообразное воздействие на структуру общества в целом. Этот более широкий кон-

текст предполагает, что установки рабочих в отношении новой технологии определяются *не ею самой по себе*, а теми побочными применениями, которые могут даваться и временами даются ей как *инструменту социальной власти*. Технологией пользовались не только для производства товаров, но и для управления рабочими. Фактически ее из раза в раз определяли как орудие подчинения рабочего с помощью обещания его уволить, если он не примет предлагаемые условия найма.

В наши дни это тактическое применение технологии в «ценовой войне» между менеджментом и трудом не обязательно должно быть выражено в форме угрозы; достаточно простого наблюдения автономных механизмов функционирования рынка. В обращении к участникам конференции, посвященной двухсотлетию Принстонского университета, говорилось, в частности, что «в число принудительных давлений, которые подталкивают в настоящее время менеджмент ко все большей механизации и технологическому совершенствованию процессов производства, входят фантастический рост заработной платы, отказ от денежных стимулов или уменьшение их эффективности, неговорчивость многих трудовых групп и избыточное предложение дешевых денег. Технологи, конструкторы и изготовители оборудования отныне и впредь будут нужны, как никогда раньше. Изобретение и нововведение будут пользоваться беспрецедентным спросом».

Столетие тому назад эти политические следствия технологии (а также той роли, которая отводилась инженерам) виделись предпринимателям и их представителям несколько яснее. Например, Эндрю Юр мог в то время описывать самодействующую мюль-машину как «творение, призванное восстановить порядок среди трудолюбивых классов... Это изобретение подтверждает уже представленную на наш суд великую доктрину, согласно которой всякий раз, когда капитал ставит себе на службу науку, упрямая рука труда вновь получает урок послушания».

Было бы поучительно узнать, действительно ли гласное или негласное применение технологии как оружия в индустриальном конфликте ломает «неговорчивость» рабочих и приучает их к добродетели «послушания». Разумеется, возможно, что запланированная эффективность новой машины или технологического процесса будет иногда оставаться нереализованной, и побочной функцией этого будет оставление рабочих на своих местах. Вполне может оказаться и так, что неприкрытая демонстрация силы производит стабильную структуру социальных отношений в промышленности не более, чем в других сферах человеческого поведения.

Прогрессивные изменения в методах производства, как отмечали в числе прочих авторов Эллиот Данлеп Смит и Роберт С. Линд, могут

увеличивать социальную пропасть между рабочими и управленческим персоналом. Она, в свою очередь, может при вести к более резкой *социальной стратификации в промышленности*. По мере того как сложность новой технологии делает необходимой предпосылкой работы производственным руководителем наличие технического образования, перспективы рабочих выбиться из своих рядов наверх становятся все более призрачными. Более того: в той степени, в какой возможности получения высшего образования социально стратифицированы, менеджеры все более рекрутируются из социальных слоев, далеко отстоящих от слоя рабочих. Кроме того, поскольку технически подготовленный персонал входит в промышленность на относительно высоком уровне иерархии, его члены имеют мало возможностей разделить с рабочими их трудовой опыт на раннем этапе своей карьеры и соответственно склонны обладать абстрактным *знанием о* мировоззрении рабочих, а не конкретным *знакомством с* ним. И наконец, с возрастающей рационализацией управленческих процедур отношения между производственными руководителями и рабочими становятся все более формализованными и обезличенными.

Эти структурные образцы — все большее закрытие возможностей для значительного продвижения по службе, поляризация социального происхождения "рабочих и руководителей, ограждение управленческого персонала от точек зрения рабочих через изменения в его типичных моделях карьеры, а также деперсонализация контакта — могут вносить свою совокупную лепту в извечную тенденцию возрастания напряженности между людьми, которые управляют, и людьми, которыми управляют.

Влияние технологии на социальную организацию, конечно, не ограничивается этими глубинными тенденциями в классовой структуре. Взаимозависимость элементов индустриальной структуры, уплотняемая применениями науки в промышленных целях, заражает решения, принимаемые крупными промышленными фирмами, общественным интересом. Как следствие правительство начинает во все большей степени регулировать и контролировать эти решения, по крайней мере в тех пограничных зонах, где они явно оказывают воздействие на более широкое сообщество. Эта тенденция, ведущая к формированию «большого правительства», вовлекает в поле общественного внимания то, что уже давно было осознано наблюдателями-аналитиками: сферы экономического и политического поведения, связанные друг с другом отнюдь не поверхностными связями, в значительной степени пересекаются. Труд и менеджмент взаимодействуют друг с другом не только напрямую, через заключение коллективных договоров и принятие административных решений, но и косвенным образом, через

оказание давления на правительство. Вслед за предпринимателем и менеджментом труд тоже вторгается в политику.

Возрастающие требования к трудовой дисциплине, вытекающие из технологической интеграции, вплотную подводят нас к объяснению стратегической роли «большого профсоюза» в нашем обществе. «Большой промышленности» оказывалось либо удобнее, либо продуктивнее работать с профсоюзами, нежели с большими массами неорганизованных рабочих. Ибо промышленность пришла к пониманию того, что с помощью свободного выбора профсоюзов дисциплина часто достигается более эффективно, нежели путем обращения исключительно к аппарату управления и контроля. Более того, констелляция властных отношений модифицируется состоянием технологической ненадежности, когда остановка в любом отдельном секторе производства грозит парализовать всю промышленность. Все это наделяет труд повышенной властью и ответственностью.

Этот пунктирный обзор некоторых последствий изменений в методах производства помогает заострить моральную дилемму, кроющуюся в выборе проблем для социального исследования в этой области. Исследование, целиком сфокусированное на воздействии новой технологии на *непосредственную трудовую ситуацию* на заводе, ведет в первую очередь, если не исключительно, к открытиям, которые легко адаптировать к задаче сделать технологическое изменение более приемлемым для индивидуального рабочего, хотя на самом деле оно может иметь для него неблагоприятные последствия. Эта научная проблема может быть по недоразумению истолкована как проблема нахождения таких методов приспособления рабочего к изменению, которые бы почти не зависели от мозаики тех последствий, которые оно несет ему и его коллегам. Кроме того, капитал может вербоваться со[^]циальну/о науку для того, чтобы она преподавала рабочему ценность послушания. С другой стороны, только в таком прямом изучении непосредственных воздействий технологии на трудовую жизнь появляется возможность открыть методы внедрения изменений в методы производства, позволяющие ощутимо смягчить его последствия, неблагоприятные для рабочего.

Исключительное сосредоточение внимания на воздействиях, оказываемых технологическим изменением на *более широкую социальную структуру*, тоже имеет свои границы. Исследование, ориентированное только на вечные тенденции — например, модель роста производительности, опережающего или параллельного росту совокупной занятости, — отвлекает внимание от путей и способов минимизации текущего воздействия технологического изменения на рабочего. Вместе

с тем этот тип исследования схватывает центральную социологическую проблему, а именно: выявление таких особенных черт нашей социальной организации, которые препятствуют технологическому прогрессу, ведущему к «большей гарантированности средств к существованию и более удовлетворительным жизненным стандартам».

Последствия для инженера

Новые применения науки в производстве, осуществляемые инженером, стало быть, не просто оказывают влияние на методы производства. Они неизбежно являются социальными решениями, оказывающими воздействие на рутины и удовлетворения людей, занятых работой у станка, а в конечном счете определяющими форму самой организации экономики и общества.

Центральная роль инженеров как генерального штаба наших производственных систем лишь подчеркивает огромную значимость их социальных и политических ориентации: тех социальных страт, с которыми они себя отождествляют; текстуры групповых лояльностей, которая сплетается из их экономического положения и профессиональных карьер; групп, к которым они обращаются в поисках руководящих ориентиров; типов социальных последствий их работы, которые они принимают в расчет. Короче говоря, только освоив весь спектр своих приверженностей, перспектив и интересов, инженеры могут достичь того прояснения для самих себя своей социальной роли, которое обеспечивает их вполне ответственное участие в обществе.

Однако сказать, что это ставит социологические проблемы перед «каждым конкретным» инженером, значило бы принять референцию столь всеохватную и неясную, что она почти потеряла бы всякий смысл. Обширное и разноликое семейство людей, именуемых инженерами, связано широкой сетью родства, но есть в нем также и много того, что выделяет в нем подгруппы, отличные одна от другой. Есть военные инженеры, гражданские инженеры, инженеры-механики, инженеры-химики, инженеры-электрики, металлургические инженеры и т.д.; сюда можно было бы включить еще сотни наименований, находимых среди членов национальных инженерных обществ. Однако какова бы ни была их специализация, до тех пор, пока они заняты проектированием, конструированием или обслуживанием оборудования и производственных процессов, они сталкиваются с социальными и политическими последствиями той позиции, которую они занимают в нашем обществе.

Нарождающуюся тенденцию к полному осознанию этих последствий сдерживают ряд препятствий, главными среди которых, по-видимому, служат (1) отчетливая специализация и разделение научного труда, (2) требования профессиональных кодексов, управляющие социальными воззрениями инженеров, и (3) инкорпорация инженеров в промышленные бюрократии.

Специализация

Интенсифицированное разделение труда стало превосходным средством ухода от социальной ответственности. По мере членения профессий каждая группа специалистов находит все более возможным для себя «свалить на кого-то» ответственность за социальные последствия своей работы, руководствуясь, по-видимому, допущением, что в этом сложном переносе ответственности сам черт ногу сломит. Устрашившись возникающих в итоге социальных деформаций, каждый специалист, уверенный в том, что уж он-то в меру своих способностей выполнил свою задачу, может с готовностью отказаться от ответственности за них. И, разумеется, ни одна группа специалистов — и инженеры в этом отношении мало чем отличаются от других — не инициирует эти последствия в одиночку. Скорее в нашей экономической и социальной структуре каждый технологический вклад вливается в кумулятивный узор эффектов, некоторые из которых никто не желал и вместе с тем все сообща вызвали.

Профессиональная этика

Отчасти вследствие специализации функций инженеры, подобно ученым, индоктринируются этическим чувством ограниченной ответственности. Ученый, деловито работающий над своей особой задачей извлечения из царства неведения нового знания, уже давно отказался от обязанности следить за тем, как это знание применяется. (История создает свои символы. Потребовалась атомная бомба, чтобы избавить многих ученых от этой доктрины, за которую они так цепко держались.)

Так, во многих кругах считалось абсурдом, будто инженера следует считать ответственным за социальные и психологические последствия технологии, ибо совершенно ясно, что это не входит в область его компетенции. В конце концов, «работа» инженера — обратите внимание, как эффективно здесь определяются границы его роли, а тем самым и его социальной ответственности — состоит в том, чтобы

совершенствовать производственные процессы, и «не его дело» рассматривать их разветвленные социальные последствия. Профессиональный кодекс фокусирует внимание инженеров на первых звеньях в цепи последствий технологического нововведения и отвлекает их внимание как специалистов и как граждан от последующих звеньев этой цепи, таких, например, как его последствия для уровней заработной платы и возможностей занятости. «Но мы должны беспристрастно включать последствия, — так представляет этот вопрос в более общей форме Джон Дьюи. — И будет умышленной глупостью торопить достижение какой-то единичной желанной цели или последствия и позволить лицемерию этой цели оградить нас от восприятия всех других нежелательных и нежеланных последствий».

Бюрократический статус

Занятость большого числа инженеров и технологов в промышленных бюрократиях далее оформляет их социальные перспективы. Неразрывно вплетаясь в бюрократический аппарат, многие инженеры занимают свое место экспертов и принимают подчиненную роль с фиксированными сферами компетенции и власти и строго ограниченной ориентацией на более широкую социальную систему. В этом статусе они вознаграждаются за рассмотрение себя как помощников по техническим вопросам. А стало быть, не их функция задумываться о человеческих и социальных последствиях внедрения своих эффективных приспособлений и процессов и решать, когда и как их следует внедрять. Эти вопросы находятся в ведении администраторов и менеджеров.

Основания для препоручения этих вопросов администраторам в деловых и промышленных организациях редко устанавливались так ясно и поучительно, как в следующей выдержке из Ретлисбергера: «...физики, химики, инженеры-механики, гражданские инженеры, инженеры-химики обладают продуктивным способом мышления о своем классе феноменов и простым методом обращения с ними. В этой сфере их суждения будут, вероятно, убедительными. Вне этой сферы их суждения более спорны. Некоторые среди них вполне ясно сознают эту ограниченность. Они не желают заниматься человеческим фактором; они хотят разработать лучшее орудие, лучшую машину для решения тех или иных технических задач. Вызовет ли внедрение этого орудия или машины увольнение скольких-то работников или не вызовет — их как инженеров совершенно справедливо не интересует... Эти люди бесценны для администратора во всякой промышленной организации».

Макс Вебер и Торстейн Веблен, наряду с другими учеными, указывали на опасность того, что эта профессиональная перспектива, заключающая в себе рационализированное отречение от социальной ответственности в пользу администратора, может быть вынесена инженерами за пределы собственно экономического предприятия. Из этого переноса мировоззрения и складывающейся в результате выученной неспособности работать с человеческими проблемами развивается пассивная и зависимая роль, предусмотренная для инженеров и технологов в сфере политической организации, экономических учреждений и социальной политики. Возникает угроза поглощения гражданского Я профессиональным.

По мере того как технические специалисты сосредоточивают таким образом внимание на «своих собственных» ограниченных задачах, суммарное воздействие технологии на социальную структуру становится по халатности таким делом, которым не занимается никто.

Задачи социального исследования

Инженеры могут с легким сердцем продолжать отрекаться от прямой заботы о социальных последствиях развивающейся технологии до тех пор, пока эти последствия не поддаются предвидению и не принимаются во внимание. В той мере, в какой социальные ученые так и не удосужились до сих пор обратиться к этой проблеме, даже у наиболее социально ориентированных технологов нет информационной основы для того, чтобы действовать с должной социальной ответственностью. Только когда люди, оснащенные навыками проведения социальных исследований, обеспечат адекватный корпус научного знания, люди, работающие в области инженерного дела, смогут перевести свой взгляд с индивидуального делового предприятия на более широкую социальную систему.

Как много столетий люди пренебрегали проблемами эрозии почвы — отчасти в силу непонимания того, что эрозия представляет собой значительную проблему, — так и сейчас они все еще пренебрегают той социальной эрозией, которую можно отнести на счет нынешних методов внедрения быстрых технологических изменений. Рыночный спрос на исследования в этой области очень и очень ограничен. Видимо, есть все основания предполагать, что интенсивному исследованию этих проблем, имеющих центральное значение для нашей технологической эпохи, посвящается меньше человеко-часов исследовательской деятельности, чем разработке соблазнительных упаковок для парфюмов и прочих подобных товаров повседневного спроса

или, скажем, планированию рекламных кампаний для отечественных производителей табака.

Для внедрения широкой программы социальных исследований, соразмерной масштабу проблемы, нет нужды ожидать появления новых исследовательских процедур. Методы социальных исследований неуклонно совершенствовались и благодаря дисциплинированному опыту, несомненно, будут развиваться и дальше. Эффективное развертывание этой программы ждет, однако, решений относительно организации исследовательских групп, финансирования исследований и направлений изучения.

Организация исследовательской группы

Разрозненные и некоординированные исследования, проводимые группами с разной профессиональной подготовкой, показали свою неадекватность. Проблемы, относящиеся к этой области, требуют взаимодополнительных знаний и навыков инженеров, экономистов, психологов и социологов. Как только это средоточие совместных изысканий получило бы признание, представители этих профессиональных сообществ могли бы приступить к попыткам принять программу совместного исследования. С самого начала им могло бы, вероятно, недоставать общих универсумов дискурса, но как показывает опыт АДТ*, модели сотрудничества между инженерами и социальными учеными разработать можно. Те стены, ограждающие друг от друга разные дисциплины, которые были возведены разделением научного труда, можно преодолеть, если признать в них временные средства, каковыми они собственно и являются.

Финансовая поддержка исследования

Из ограниченной совокупности социальных исследований в сфере промышленности большая часть была ориентирована на нужды менеджмента. Проблемы, отбираемые в качестве фокуса исследования — например, высокая текучесть рабочей силы и низкая производительность труда, — определялись, стало быть, преимущественно менеджментом; финансовая поддержка осуществлялась, как правило, менеджментом; границы и характер экспериментальных изменений в трудовой ситуации утверждались менеджментом; и регулярные отчеты составлялись в первую очередь для менеджмента. Сколь бы ни

* Администрация долины Теннесси. — *Примеч. пер.*

была обоснованной и ни казалась самоочевидной причина этого, следует заметить, что типичная перспектива социальных исследований в сфере промышленности *такова* и что она препятствует эффективному проведению исследования.

Эти замечания, разумеется, не оспаривают достоверность и полезность исследований, ориентированных на нужды менеджмента. Из того, что менеджмент продолжает финансировать эти исследования, мы можем лишь заключить, что они обнаружили свою чрезвычайную полезность и достоверность в рамках данного определения проблем. Однако интеллектуальный штаб всего лишь одного из слоев делового и промышленного населения может со временем обнаружить, что его внимание сосредоточилось на проблемах, отнюдь не относящихся к числу главных проблем, с которыми сталкиваются другие сектора этого населения. Может, например, оказаться, что разработка методов понижения тревожности у рабочих с помощью благожелательных и продолжительных собеседований или с помощью надлежащего поведения мастеров не попадает в число тех исследований, которые рабочие считают наиправнейшими с точки зрения своих интересов. Они могут быть более заинтересованы в том, чтобы исследователи выявили различные последствия — для них и других людей — альтернативных планов, в соответствии с которыми происходило бы внедрение технологических изменений.

Это напоминает нам, что само социальное исследование протекает в определенной социальной обстановке. Социальный ученый, не сознающий того, что его методики включенного наблюдения, интервьюирования, составления социограмм и т.д. становятся для рабочих и мастеров, возможно, даже еще большим нововведением, чем технологические изменения на заводе, был бы поистине подозрительным пленником собственных открытий. Сопротивление такому нововведению можно предвидеть — хотя бы потому, что оно далеко отстоит от обычного опыта большинства людей. Тем, кто занят социальными исследованиями среди рабочих и административного персонала, нет нужды говорить о той смеси подозрительности, недоверчивости, напускной веселости и зачастую открытой враждебности, с которой их первоначально встречали. Незнакомость этого типа исследования в сочетании с его мнимо назойливым вторжением в сферы напряженности и частные дела обуславливают определенную меру сопротивления.

Если исследование субсидируется менеджментом и если изучаемые проблемы релевантны прежде всего для менеджмента, сопротивление рабочих будет многократно возрастать. А потому нас не долж-

но удивлять, что в некоторых сегментах организованного труда на первые попытки социального исследования в промышленности смотрят с некоторой мерой подозрения и недоверчивости, сопоставимой с той, которой было встречено в 20-е годы внедрение исследований в области научного управления. Ибо если у рабочих есть повод увидеть в исследовательской программе новомодное академическое средство противодействия профсоюзным организациям или научной замены материальных вознаграждений символическими, то такая проблема скорее создаст проблемы, нежели их обнаружит.

Следовательно, социальное исследование в промышленности следует проводить при общей поддержке менеджмента и труда, вне зависимости от источников его денежного финансирования. Добиться же сотрудничества большого числа рабочих не удастся до тех пор, пока они не будут знать, что получают какие-то выгоды от применения научного метода в той области, где прежде почти безраздельно господствовал эмпирический метод проб и ошибок.

Направления исследования

Первой задачей этих исследовательских групп стал бы поиск конкретных проблем, требующих внимания. Уже сам факт, что они проводят исследование, показал бы, что они не одержимы глупой верой в то, что передовые течения в технологии независимо от своего применения ведут к общему благу. От них должны ожидать, что в головах у них витают опасные мысли. Они не должны выносить культурные и институциональные аксиомы за пределы исследования. В центре их внимания должны находиться институциональные упорядочения, адекватные для инкорпорации всех производственных возможностей негладко, но непрерывно развивающейся технологии и вместе с тем справедливого распределения приобретений и потерь, заключенных в этих технологических достижениях.

В последнее десятилетие среди социальных исследователей наметилось противодействие былой склонности сосредоточивать внимание на экономических последствиях технологических достижений. Центр внимания исследователей переместился на чувства рабочих и социальные отношения на работе. Этот новый акцент, однако, имеет и свои недостатки. Технологическое изменение затрагивает не только чувства рабочих. И не только их социальные связи и статус — но также их доходы, их шансы иметь работу и их экономические интересы. И чтобы новые исследования человеческих отношений в промышленности были максимально эффективными, их следует проводить в связке

с продолжающимися исследованиями экономических последствий трудосберегающих технологий.

Кроме того, эти исследования никак не могут ограничиваться изучением одного только «рабочего». Вычленив рабочего так, как будто бы он представлял собой самодостаточный сектор индустриального населения, значит совершить насилие над структурой социальных отношений, действительно существующей в промышленности. По всей видимости, не один только рабочий подвержен предубеждениям, навязчивым фантазиям, недостаткам и искажениям установки и иррациональным неприязненным чувствам по отношению к коллегам по работе или начальникам. Вполне может оказаться, что поведение и решения менеджмента находятся под ощутимым влиянием сходных психологических паттернов и что они, наряду с обостренным чувством собственных экономических интересов, оказывают существенное влияние на принятие решений о внедрении трудосберегающих технологий.

В отсутствие исследований, проводимых при совместной финансовой поддержке труда и менеджмента и нацеленных на сообща согласованные проблемы, связанные с ролью технологии в нашем обществе, альтернативой становится следование нынешнему образцу разрозненных исследований, направленных на решение особых проблем, изучение которых соответствует интересам особых групп. Возможно, конечно же, что кому-то эта альтернатива покажется предпочтительной. Вполне возможно, что несколько заинтересованных групп не найдут основу для согласия по поводу финансирования и направленности социальных исследований в этой области. Однако это тоже будет служить выполнению их косвенной задачи. Если исследования технологов и социальных ученых, проводимые под совместным покровительством менеджмента и труда, будут на этих основаниях отвергнуты, то это будет важным диагностическим симптомом того состояния, в котором пребывают индустриальные отношения.

XX. ПУРИТАНСТВО, ПИЕТИЗМ И НАУКА

В своих пролегоменах к социологии культуры Альфред Вебер провел различие между общественными, культурными и цивилизационными процессами¹. Поскольку Вебера интересовало прежде всего разграничение этих категорий социологических явлений, он в значительной мере упустил из внимания их специфические взаимосвязи, т.е. ту область изучения, которая имеет основополагающее значение для социолога. Взаимодействие между некоторыми элементами культуры и цивилизации как раз и будет предметом данного очерка. Мы рассмотрим его на примере Англии семнадцатого века.

Пуританский этос

В первом разделе статьи будет дан схематичный очерк пуританского ценностного комплекса в той его части, в которой он был связан с заметным возрастанием интереса к науке, происходившим на протяжении второй половины семнадцатого столетия; во втором разделе статьи будет изложен соответствующий эмпирический материал, касающийся различий в культивировании естествознания протестантами и другими религиозными конфессиями.

Основная идея этого исследования состоит в том, что пуританская этика как идеально-типическое выражение ценностных установок, базисных для аскетического протестантизма в целом, настолько определила интересы англичан семнадцатого столетия, что стала *одним из важных элементов* усиленного культивирования науки. Глубоко коренящиеся религиозные *интересы*² того времени настоятель-

© Перевод. Николаев В.Г., 2006

¹ Alfred Weber, «Prinzipielles zur Kultursoziologie: Gesellschaftsprozess, Zivilisationsprozess und Kulturbewegung», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Bd. XLVII, 1920, 47, S. 1—49. См. аналогичную классификацию у Макайвера: R.M. MacIver, *Society: Its Structure and Changes*, Chap. XII; а также обсуждение этих исследований в: Morris Ginsberg, *Sociology* (London, 1934), p. 45—52. — *Примеч. автора.*

² «Nicht die ethische Theorie theologischer Kompendien, die nur alsein (unter Umständen allerdings wichtiges) Erkenntnismittel dient, sondern die in der psychologischen und

но требовали в своих косвенных следствиях систематического, рационального и эмпирического изучения Природы ради прославления Бога в трудах Господних и установления контроля над растленным миром.

Насколько ценности пуританской этики стимулировали интерес к науке, можно определить, ознакомившись с установками ученых того времени. Безусловно, возможно, что, изучая официально провозглашаемые мотивы ученых, мы имеем дело не с точными констатациями действительных мотивов, а с рационализациями, деривациями. В таких случаях, хотя они и могут находить подтверждение в отдельных конкретных примерах, ценность нашего исследования никоим образом не убывает, так как эти понятные рационализации сами по себе являются свидетельствами (у Вебера *Erkenntnismitteln**) тех мотивов, которые расценивались в то время в качестве социально приемлемых, ибо, как говорит Кеннет Берк, «терминология мотивов формируется таким образом, чтобы находиться в соответствии с нашей общей ориентацией в отношении целей, инструментальных средств, добропорядочной жизни и т.д.».

Роберт Бойль был одним из ученых, попытавшимся открыто связать место, занимаемое наукой в социальной жизни, с другими культурными ценностями, особенно в работе «*О пользе экспериментальной естественной философии*». Такие попытки были предприняты также Джоном Реем, автором новаторских трудов по естественной истории, которого Галлер охарактеризовал как величайшего ботаника в истории человечества, Фрэнсисом Уиллоби, занимавшим, возможно, такое же видное место в зоологии, как и Рей в ботанике, Джоном Уилкинсом, одним из главных вдохновителей «невидимой коллегии», из которой выросло потом Королевское Общество, Оутредом, Уоллисом и другими. За дополнительными данными мы можем обратиться к на-

pragmatischen Zusammenhangen der Religionen gegründeten praktischen Antriebe zum Handeln sind das, was in Betracht kommt [unter 'Wirtschaftsethik' einer Religion]». Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie* (Tübingen, 1920), Bd. 1, S. 238. [«Что понимается здесь под «хозяйственной этикой» религии, станет очевидным в ходе дальнейшего изложения. Автора интересуют не этические теории теологических компендиумов, которые служат лишь средством познания (при некоторых обстоятельствах, правда, важным), а коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях *практические импульсы к действию*». Цит. в пер. М.И. Левиной по изданию: М. Вебер. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. с. 43.] Как справедливо указывает Вебер, легко увидеть тот факт, что религия всего лишь *один из* элементов в детерминации религиозной этики, но вместе с тем определение *всех* составных элементов этой этики является для нас сейчас задачей недостижимой, да и ненужной. Эта проблема ждет дальнейшего анализа и выходит за рамки настоящего исследования. — *Примеч. автора.*

* средства познания (нем.). — *Примеч. пер.*

учному обществу, которое, возникнув примерно в середине столетия, подталкивало и стимулировало научный прогресс более, чем какой бы то ни было другой непосредственный фактор, а именно: Королевскому Обществу. В этом случае нам особенно повезло, ибо в нашем распоряжении есть документальный отчет о его деятельности, который составлялся в то время под постоянным наблюдением членов Общества, а потому может считаться репрезентативным отражением их воззрений на мотивы и цели этой ассоциации. Это популярная в широких читательских кругах *«История Лондонского Королевского Общества»* Томаса Спрэта, которая была опубликована в 1667 г. после того, как ее внимательно прочли Уилкинс и другие представители Общества³.

Даже поверхностного ознакомления с этими сочинениями достаточно для того, чтобы обнаружить один неординарный факт: некоторые элементы протестантской этики проникли в царство научных дерзаний и наложили неизгладимый отпечаток на установки ученого в отношении своей работы. Споры о причинах и основаниях науки точь-в-точь соответствовали пуританским учениям на эту тему. Такая главенствующая сила, какой была в те дни религия, не знала, да, возможно, и не могла знать ни равных себе сил, ни каких бы то ни было ограничений. Так, в высоко ценимой апологии науки Бойля утверждается, что целью исследования Природы является приумножение славы Божией и блага Человека⁴. И этот мотив настойчиво повторяется. Характерно противопоставление духовного и материального. Эта культура прочно зиждилась на фундаменте утилитарных норм, которые конституировали меру желательности тех или иных видов деятельности. И если- определение действия, нацеленного на приумножение славы Господа, было смутным и неясным, то утилитарные стандарты были легко к нему применимы.

В первой половине века этот ключевой мотив отчетливо прозвучал в звучном красноречии Фрэнсиса Бэкона, этого «истинного апос-

³ См.: C.L. Sonnichsen, *The Life and Works of Thomas Sprat* (Harvard University, нео опубликованная докторская диссертация, 1931), p. 131 и далее. В этой работе приводит ся развернутое доказательство того, что *«История»* дает репрезентативное отражение взглядов Общества. Дополнительный интерес представляет то, что суждения о целях Общества, представленные в книге Спрэта, сходятся в мельчайших деталях с Бойлевой характеристикой мотивов и целей ученых вообще. Это сходство свидетельствует о господстве этоса, заключавшего в себе эти установки. — *Примеч. автора.*

⁴ Robert Boyle, *Some Considerations touching the Usefulness of Experimental Natural Philosophy* (Oxford, 1664), p. 22 и далее. См. также письма Уильяма Оутреда в: S.J. Rigaud (ed.), *Correspondence of Scientific Men of the Seventeenth Century* (Oxford, 1841), p. XXXIV, *et passim*; или письма Джона Рея в: Edwin Lankester (ed.), *Correspondence of John Ray* (London, 1848), p. 389, 395, 402, *et passim*. — *Примеч. автора.*

тола ученых обществ». Не сделав в своей жизни ни одного научного открытия, не сумев оценить по достоинству значимость своих великих современников Гильберта, Кеплера и Галилея, наивно веря в возможность такого научного метода, который бы «расставил по местам все мудрости и объяснения», оставаясь радикальным эмпириком, считавшим, что математика не приносит науке никакой пользы, он тем не менее весьма преуспел в роли одного из основных поборников позитивной социальной оценки науки и отвержения бесплодной схоластики. Как и следовало ожидать от сына «образованной, красноречивой и религиозной женщины, исполненной пуританского рвения», на которого, вполне возможно, повлияли установки его матери, он говорит в сочинении «О преуспевании наук» о том, что истинная цель научной деятельности — «слава Творца и облегчении человеческой участи». Поскольку бэконовское учение, как вполне ясно видно из многочисленных официальных и частных документов, установило основные принципы, на которых впоследствии было построено Королевское Общество, то нет ничего необычного в том, что в хартии Общества получает выражение то же самое чувство.

В завещании Бойля отзывается эхом все та же установка. Он адресует членам Общества такие слова: «Желаю им также счастливой удачи в их похвальных дерзаниях открыть истинную Природу Трудов Господних и молюсь о том, чтобы они и все прочие Изыскатели Физических Истин могли с чистым сердцем обратить свои Достижения на Славу Великого Творца Природы и Благополучие Рода Человеческого»⁵. Джон Уилкинс объявил экспериментальное исследование Природы самым действенным средством внушения людям благоговения перед Богом⁶. Фрэнсиса Уиллоби удалось склонить к опубликованию его трудов — которые он считал недостойными публикации — только тогда, когда Рей убедил его в том, что это средство восславить Господа⁷. Книга Рея «Мудрость Божия», принятая читателями настолько хорошо, что за какие-то двадцать лет было выпущено пять ее переизданий, — панегирик тем, кто прославляет Его изучением Его трудов⁸.

Современному человеку, относительно не затронутому религиозными воздействиями и замечающему сегодня почти полное размежевание, а то и противостояние между наукой и религией, повторение этих благоговейных фраз скорее всего покажется не более чем обыч-

⁵ Цит. по книге: Gilbert, Lord Bishop of Sarum, *A Sermon preached at the Funeral of the Hon. Robert Boyle* (London, 1692), p. 25. — Примеч. автора.

⁶ *Principles and Duties of Natural Religion* (London, 1710 — 6th edition), p. 236 et passim. — Примеч. автора.

⁷ *Memorials of John Ray*, p. 14 и далее. — Примеч. автора.

⁸ *Wisdom of God* (London, 1691), p. 126—129, et passim. — Примеч. автора.

ным словоупотреблением, не имеющим ничего общего с глубоко укорененными мотивирующими убеждениями. Эти выдержки, должно быть, покажутся ему примером *qui nimium probat nihil probat**. Однако такая интерпретация возможна лишь в том случае, если он не возьмет на себя труд мысленно перенестись в структуру ценностей семнадцатого столетия. В частности, Бойль, потративший немалые средства на переводы Библии на иностранные языки, безусловно, не был обыкновенным лицемером. Как справедливо отмечает в этой связи Дж.Н. Кларк:

...Всегда трудно оценить, в какой степени в то, что говорилось в семнадцатом веке религиозным языком, вторгается то, что мы называем религией. Игнорированием теологических понятий и истолкованием их как обыкновенной формы проблему не решить. Напротив, нам необходимо чаще напоминать себе о том, что в те времена эти слова редко произносились без соответствующего смыслового сопровождения и что обычное их употребление предполагает повышенную интенсивность чувства¹.

Второй главный принцип пуританского этоса определял социальное благополучие, или благо многих, как цель, которую необходимо постоянно иметь ввиду. И здесь опять-таки ученые того времени приняты ориентир, предписанный тогдашними ценностями. Науку следовало холить и лелеять как силу, ведущую к господству над Природой с помощью технологических изобретений. Королевское Общество, как сообщает нам его почтенный историограф, «не намерено останавливаться на каком-то отдельном благодеянии, оно продвигается к корню всех благородных изобретений»¹⁰. Но не следует осуждать эти опыты за то, что они не приносят немедленной пользы, ибо, как говорил достопочтенный Бэкон, упражнения светлого ума вызывают в конечном счете целую стаю изобретений, полезных для жизни и благосостояния человека. Эта способность науки улучшать материальные условия человеческого существования, продолжает он, помимо своей сугубо мирской ценности, благодатна еще и в свете Евангельской Доктрины Спасения Иисуса Христа.

Сквозь все принципы пуританства проходило все то же прямое их соответствие атрибутам, целям и результатам науки. Такой точки зрения придерживались в то время защитники науки. Пуританство всего лишь ясно озвучило основополагающие ценности эпохи. Если пуританство требует систематического, методичного труда и постоянного усердия в следовании своему призванию, то где еще — воп-

* Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает (*лат.*). — *Примеч. пер.*

⁹ G.N. Clark, *The Seventeenth Century* (Oxford, 1929), p. 323. — *Примеч. автора.*

¹⁰ Thomas Sprat, *History of the Royal-Society*; p. 78—79. — *Примеч. автора.*

рошает Спрэт — можно найти больше активности, прилежания и систематичности, нежели в Искусстве Эксперимента, которое «никогда не может быть завершено непрестанными стараниями какого-либо отдельного человека, да и, пожалуй, более того, даже усилиями самого величайшего Собрания?»¹² Вот где может вволю развернуться самое неутомимое трудолюбие, ибо даже тайные сокровища Природы, самым надежнейшим образом укрытые от глаз человеческих, можно извлечь на свет стараниями и терпением¹².

Разве не сторонится пуританин праздности, наводящей на греховные мысли (или мешающей ему следовать своему призванию)? А «какое место может быть вещам низким и незначительным в уме, употребляемом столь полезно и успешно [как в естественной философии]?»¹³ Разве не пагубны и не угодны плоти театральные представления и сборники пьес (и разве не отвращают они от более серьезных занятий)?¹⁴ Стало быть, «настало время заняться экспериментами, дабы они возвысили нас, научили нас Мудрости, проистекающей из глубин Знания, разогнали тени и рассеяли туманы [духовной дезориентации, приносимой Театром]»¹⁵. И наконец, разве не следует предпочесть монашеской аскезе жизнь, посвященную благородной деятельности в миру? Но тогда признайте факт, что изучение естественной философии «не предрасполагает нас к потаенной тиши монашеской Кельи: оно делает нас полезными Миру»¹⁶. Короче говоря, наука воплощает в себе две высоко превозносимые ценности: утилитаризм и эмпиризм.

В некотором смысле это явное полное совпадение качеств науки как призвания с пуританскими догматами представляет собой казуистику. Это спешная попытка вписать ученого *как* набожного обыва-

¹² Ibid., p. 341—342. — *Примеч. автора.*

¹³ Ray, *Wisdom of God*, p. 125. — *Примеч. автора.*

¹⁴ Sprat, *op. cit.*, p. 344—345. — *Примеч. автора.*

¹⁵ Richard Baxter, *Christian Directory* (London, 1825 — впервые опубликована в 1664 г.), Vol. 1, p. 152; Vol. II, p. 167. Ср. с позицией Роберта Баркслея, апологета квакеров, который, в частности, предлагает «геометрические и математические опыты» как невинные развлечения, к которым надлежит обратиться вместо пагубных театральных спектаклей. R. Barclay, *An Apology for the True Christian Divinity* (Phila., 1805 — книга была написана в 1675 г.), p. 554—555. — *Примеч. автора.*

¹⁶ Sprat, *op. cit.*, p. 362. — *Примеч. автора.*

¹⁷ Ibid., p. 365—366. Спрэт проникательно предполагает, что монашеская аскеза, вызываемая религиозными сомнениями, была отчасти ответственна за отсутствие эмпиризма у схоластов. «Но какие же прискорбные типы Философии должны были рождаться у схоластов, когда частью их Религии было отделение самих себя, насколько только возможно, от общения с человечеством? Когда они были настолько далеки от раскрытия тайн Природы, что вряд ли даже имели возможность заметить самые обычные ее труды». Ibid., p. 19. — *Примеч. автора.*

теля в структурный каркас господствующих социальных ценностей. Это прошение о религиозной и социальной санкции, ибо как структурное положение, так и личный авторитет духовенства были в то время гораздо более значимы, чем сейчас. Однако это еще не полное объяснение. Попытки Спрэта, Уилкинса, Бойля или Рея оправдать свои научные занятия — это не просто подобострастие оппортунистов, а скорее честная попытка обосновать пути науки к Господу. Реформация перенесла бремя индивидуального спасения с Церкви на индивида, и именно это «всепоглощающее и невыносимое чувство ответственности за собственную душу» объясняет обостренный религиозный интерес. Если бы наука не была убедительно обоснована как законное и желанное призвание, она не отважилась бы претендовать на внимание тех, кто чувствовал себя «всегда находящимся под неусыпным оком Великого Надсмотрщика». Эта интенсивность чувств и обусловила такие апологии.

Превознесение силы разума в пуританском этосе — базирующееся отчасти на понимании рациональности как средства обуздания страстей — неизбежно порождало сочувственную установку в отношении тех видов деятельности, которые требовали постоянного применения строгих рассуждений. Однако в отличие от средневекового рационализма разум здесь считается слугой и дополнением к эмпиризму. Спрэт без проволочек указывает на выдающуюся адекватность науки в этом отношении¹⁷. Именно в этом моменте согласие между пуританством и научным темпераментом, вероятно, более всего бросается в глаза, ибо сочетание *рационализма и эмпиризма*, столь ярко выраженное в протестантской этике, составляет самую суть духа современной науки. Пуританство было пропитано рационализмом неоплатоников, почерпнутым главным образом из надлежащим образом модифицированного учения Августина. Однако это еще не все. С означенной необходимостью успешного решения практических жизненных задач этого мира — производной от того особого поворота, который был совершен главным образом кальвинистской доктриной предопределения и *certitudo salutis** через успешную мирскую деятельность — был соединен особый упор на эмпиризм. Эти два течения, сведенные воедино логикой внутренней согласованной системы ценностей, были настолько связаны с дру-

¹⁷ Sprat, *op. cit.*, p. 361. Бакстер в типичной для пуритан манере открыто осуждал вторжение в религию «энтузиазма». Рассудок должен «удерживать свой авторитет в распоряжении и управлении вашими мыслями». *CD.*, ii, p. 199. В подобном же духе лица, заложившие в апартаментах Уилкинса фундамент Королевского Общества, «были непобедимо вооружены против всяческих обольщений Энтузиазма». Sprat, *op. cit.*, p. 53. — *Примеч. автора.*

* уверенности в спасении (*лат.*). — *Примеч. пер.*

гими ценностями того времени, что открыли путь принятию аналогичного соединения в естественной науке.

Эмпиризм и рационализм были канонизированы, т.е., образно говоря, получили благословение. Вполне возможно, что пуританский этос не оказал прямого влияния на метод науки, что последний был всего лишь результатом параллельного процесса, происходившего во внутренней истории науки, но вместе с тем очевидно, что этот ценностный комплекс, психологически побуждая к определенным способам мышления и поведения, сделал эмпирически фундированную науку скорее достойной одобрения, нежели предосудительной, как это было в Средние века, и уж во всяком случае, приемлемой по умолчанию. И это не могло не направить в научные области некоторых одаренных людей, которые в противном случае посвятили бы себя иным, более высоко ценимым профессиям. Тот факт, что наука сегодня по большей части, если не полностью, отрезана от религиозных санкций, интересен сам по себе как пример процесса секуляризации.

Начало такой секуляризации, едва ощутимое на закате Средневековья, открыто проявляется в пуританском этосе. Именно в этой системе ценностей разум и опыт впервые стали отчетливо рассматриваться как независимые средства удостоверения даже религиозных истин. Вера, не ставящая вопросов и не «взвешенная на весах разума», говорит Бакстер, — это не вера, а греза, фантазия или мнение. А стало быть, науке даруется власть, которая может в конечном счете ограничить власть идеологии.

Итак, стоит лишь ясно понять эти процессы, и для нас уже не будет ничего удивительного или противоречивого в том, что в особенности Лютер и в меньшей степени Меланхтон питали отвращение к космологии Коперника, Кальвин относился с неодобрением к принятию многих научных открытий своего времени, но в то же время религиозная этика, вытекавшая из учений этих лидеров, приглашала к занятиям естественной наукой¹⁸. В той мере, в какой установки тео-

¹⁸ На основании этого анализа выглядит удивительным утверждение, приписываемое Макс Веберу, будто оппозиционность реформаторов служит достаточной причиной для несоединимости протестантизма с научными интересами. См.: *iVirtschaftsgeschichte*(München, 1924), S. 314. Это замечание особенно неожиданно в силу того, что вообще не согласуется с веберовскими рассуждениями на ту же тему, присутствующими в других его работах. Ср.: *Religionssoziologie*, Bd. I, S. 141, 564; *Wissenschaft als Beruf* (München, 1921), S. 19—20. Вероятным объяснением этому служит то, что первое утверждение вовсе не принадлежит Веберу, ибо его работа «*Wirtschaftsgeschichte*» представляет собой компиляцию, составленную из заметок, сделанных на занятиях двумя его студентами, которые, возможно, пренебрегли фиксацией необходимых дистинкций. Не похоже, чтобы Вебер мог совершить такую элементарную ошибку и смешать

логов господствуют над подрывной в конечном счете религиозной этикой - как господствовал над ней в Женеве до начала восемнадцатого века авторитет Кальвина, - развитие науки может всерьез сдерживаться. Однако со смягчением этого враждебного влияния и развитием этики, которая из него вытекает, но вместе с тем значительно от него отличается, наука обретает новую жизнь. Так на самом деле и произошло в Женеве.

«...»

Элементом протестантской этики, который, возможно, наиболее прямо санкционировал занятия естественной наукой, было представление о том, что изучение природы позволяет полнее оценить величие трудов Господних, а тем самым ведет нас к восхищению Могуществом, Мудростью и Благостью Божьими, явленными в Его творении. Хотя это представление не было чуждо и средневековой мысли, следствия, из него выводимые, были совершенно иными. Так, Арнальдо де Виланова, изучая продукты Промысла Божьего, строго придерживается средневекового идеала выведения свойств явлений из *таблиц* (в которые заносятся согласно канонам логики все возможные комбинации). Возобладавший же в семнадцатом веке упор на эмпиризм привел к тому, что природу стали изучать прежде всего с помощью наблюдения. Это различие в истолковании одной и той же по сути дела доктрины может быть понято лишь в свете различия ценностей, пронизывающих эти две культуры.

Для таких ученых, как Барроу, Бойль и Уилкинс, Реи и Гру, наука находила свое рациональное оправдание в конечной цели и конечной сути существования, а именно: в прославлении Бога. Вот, например, цитата из Бойля:

Поскольку Бог любит, чтобы Его чтили, как Он того заслуживает, всеми нашими Способностями и, следовательно, прославляли и признавали как актами Веры, так и актами Разума, то должно быть, Разумеется огромное Расхождение междутой общей, смутной и ленивой Идеей оБго Могуществе и Мудрости, коей мы обыкновенно обладаем, и теми Отчетливыми, разумными и волнующими понятиями о сих Атрибутах, которые формируются внимательным Обследованием Творении, в коих они

противостоят реформаторам некоторым научным открытиям с непредвиденными следствиями протестантской этики, тем более что сам он открыто предостерегает от непроведения таких различий в своей *Religionssociologie*. Проницательные, но неясные наброски веберовской гипотезы см. в: Auguste Comte, *Cours de philosophie positive* (Paris, 1864), Vol. IV, p. 127-130. - *Примеч. автора*.

■ Walter Pagel, «Religious Motives in the Medical Biology of the Seventeenth Century», *Bulletin of the Institute of the History of Medicine*, 1935, Vol. 3, p. 214-лэ-
Примеч. автора.

наиболее различимо проявляются, и которые главным образом ради этой самой цели и созданы²⁰.

Рейдоводитэто представление дологического конца, ибо если Природа есть проявление Его могущества, то в Природе нет ничего, что было бы слишком низменным для научного изучения²¹. И Вселенная, и насекомое, и макрокосм, и микрокосм — все это проявления «божественного Разума, проходящего подобно Золотой Нити сквозь все инертные пласты Грубой Природы».

До сих пор нас интересовала в основном непосредственно ощущаемая санкция занятий наукой, заложенная в пуританских ценностях. Но хотя она и оказывала большое влияние, есть еще иного рода связь, которая, сколь бы неуловимой и труднодостижимой она ни была, имела, быть может, главное значение. Речь идет о подготовке некоторого множества по большей части имплицитных допущений, обусловивших быстрое принятие научного духа, характерное для семнадцатого и последующих столетий. Дело не только в том, что протестантизм имплицитно предполагал свободное исследование, *litre examen*, или отвергал монашеский аскетизм. Это важно, но этим все не исчерпывается.

Выяснилось, что в каждую эпоху существующая система знания базируется на некотором наборе допущений, обычно имплицитных и редко подвергаемых сомнению учеными данного времени²². *Базисным* допущением современной науки является «широко распространенное инстинктивное убеждение в существовании некоторого *порядка вещей*, и в частности *порядка природы*»²³. Это убеждение, или вера (каковой его следует считать по крайней мере со времен Юма), попросту «невосприимчиво к требованиям непротиворечивой рациональности». В системах научного мышления Галилея, Ньютона и их последователей

²⁰ Boyle, *Usefulness of Experimental Natural Philosophy*, p. 53; ср.: Ray, *Wisdom of God*, p. 132; Wilkins, *Natural Religion*, p. 236 и далее; Isaac Barrow, *Opuscula*, iv, p. 88 и далее; Nehemiah Grew, *Cosmologia sacra* (London, 1701), где указывается, что «Бог есть изначальная Цель» и что «мы обязаны изучать Его труды». — *Примеч. автора*.

²¹ Ray, *Wisdom of God*, p. 130 и далее. Макс Вебер цитирует слова Сваммердама: «Ich bringe Ihnen hierden Nachweis derVorsehung Gottes in der Anatomie einer Laus» [«Я докажу вам существование божественного провидения, анатомируя вошь»]. *Wissenschaft als Beruf* S. 19 (М. Вебер, Наука как призвание и профессия. — М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990, с. 717). — *Примеч. автора*.

²² E.A. Heath в: W.J. Greenstreet (ed.), *Isaac Newton: A Memorial Volume* (London, 1927), p. 133идалее; E.A. Burt, *The Metaphysical Foundations of Modern Physical Science* (London, 1925). — *Примеч. автора*.

²³ AN. Whitehead, *Science and the Modern World* (New York, 1931), p. 5 и далее (А. Уайтхед. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990, с. 59). — *Примеч. автора*.

конечным критерием истины является экспериментальное доказательство, однако само понятие эксперимента исключается, если не допустить заранее, что Природа конституирует такой умопостигаемый порядок, при котором она, так сказать, будет отвечать на правильно поставленные вопросы. Следовательно, это допущение конечное и абсолютное²⁴. Как указывал профессор Уайтхед, эта «вера в возможность науки, сложившаяся еще до возникновения современной научной теории, явилась неосознанной производной от средневековой теологии». Однако хотя это убеждение и служило необходимой предпосылкой современной науки, его было еще недостаточно, чтобы дать стимул ее развитию. Нужен был постоянный интерес к поиску порядка в природе эмпирико-рациональным способом, т.е. *активный* интерес к этому миру и его явлениям плюс специфический склад разума. С появлением протестантизма этот интерес дала религия: она действительно навязала человеку обязанность интенсивного сосредоточения на мирской деятельности с опорой на опыт и разум как основания действия и веры.

Даже Библия как высший и окончательный авторитет была подчинена истолкованию индивида на этих основаниях. Сходство в общем подходе и интеллектуальной установке, которым обладала эта система с системой тогдашней науки, представляет для нас более чем случайный интерес. Она просто не могла не сформировать такую установку в отношении мира чувственных феноменов, которая бы в высокой степени благоприятствовала добровольному принятию — и по сути подготовке — такой же установки в сфере науки. То, что сходство это глубоко коренящееся, а не поверхностное, можно увидеть из следующего толкования кальвиновской теологии:

Die Gedanken werden objektiviert und zu einem objektiven Lehrsystem aufgebaut und abgerundet. Es bekommt geradezu ein *naturwissenschaftliches* Gepräge; es ist klar, leicht fassbar und formulierbar, wie alles, was der ausseren Welt angehört, klarer zu gestalten ist als das, was im Tiefsten sich abspielt [«Мысль объективируется и облекается в стройную и завершенную форму системы обучения. Она обретает прямо-таки естественнонаучные черты; она ясна, легка для понимания и формулировки, подобно тому, как все, принадлежащее внешнему миру, принимает более ясный вид по сравнению с тем, что происходит в глубинах»]²⁵.

²⁴ Ср.: E.A. Burt в книге *Isaac Newton: A Memorial Volume*, p. 139. Классическое изложение этой научной веры см. в работе Ньютона «Правила рассуждения в философии», содержащейся в его книге *Principia* (London, 1729 ed.), Vol. II, p. 160 и далее. — *Примеч. автора.*

²⁵ Hermann Weber, *Die Theologie Calvins* (Berlin, 1930), S. 23. — *Примеч. автора.*

Убежденность в существовании непреложного закона была в такой же степени выражена в теории предопределения, как и в научном исследовании: «есть непреложный закон, и его следует признать»²⁶. Герман Вебер ясно указывает на сходство этого представления с научным допущением:

...die Lehre von der Predestination in ihrem tiefsten Kerne getroffen zu sein, wenn man sie als Faktum im Sinne eines naturwissenschaftlichen Faktums begreift, nur dass das oberste Prinzip, das auch jedem naturwissenschaftlichen Erscheinungskomplex zugrunde liegt, die im tiefsten erlebte gloria dei ist» [«...учение о предопределении появилось, по существу, только тогда, когда было постигнуто как факт в смысле естественнонаучного факта, что некий высший принцип, лежащий также в основе каждого естественнонаучного комплекса явлений, переживается в самой своей глубине как слава божья»]²⁷.

Культурная среда была пропитана этой установкой в отношении естественных феноменов, проистекавшей как из науки, так и из религии и способствовавшей дальнейшему торжеству концепций, характерных для новой науки.

Остается исключительно важная часть исследования, которую нам необходимо выполнить. Тот факт, что культурные установки, рожденные протестантской этикой, благоприятствовали развитию науки, недостаточен для подтверждения нашей гипотезы. Равно как и то обстоятельство, что сознательно выраженная мотивация многих выдающихся ученых обеспечивалась этой этикой. Не дает такого подтверждения и тот факт, что склад мышления, характерный для современной науки — а именно, сочетание эмпиризма, рационализма и веры в достоверность базисного постулата о существовании в Природе уместимого порядка, — несет в себе неслучайное совпадение с ценностями протестантизма. Все это может лишь свидетельствовать о вероятности той связи, существование которой мы доказываем. Важнейшее испытание, через которое должна пройти гипотеза, заключается в сопоставлении результатов, *выведенных* из этой гипотезы, с релевантными эмпирическими данными. Если протестантская этика включала в себя некоторый набор установок, который различным образом благоприятствовал развитию науки и технологии, то среди протестантов мы должны обнаружить большую предрасположенность к этим

²⁶ Ibid., S. 31. Важность доктрины Божьего провидения для укрепления веры в существование естественного закона отмечается Боклем: Н.Т. Buckle, *History of Civilization in England* (New York, 1925), p. 482 (рус. пер.: Г.Т. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб., 1906). — *Примеч. автора.*

²⁷ *Op. cit.*, S. 31. — *Примеч. автора.*

сферам занятий, нежели следовало бы ожидать, просто исходя из их пропорциональной представленности в населении. Более того, если, как часто предполагалось²⁸, отпечаток, накладываемый этой этикой, сохранялся еще долгое время после того, как по большей части дезавуировались ее теологические основания, то даже в исторические периоды, следовавшие за семнадцатым столетием, эта связь протестантизма и науки должна была в некоторой степени сохраняться. Таким образом, следующий параграф будет посвящен дальнейшей проверке нашей гипотезы.

Пуританский толчок развитию науки

В самых истоках Королевского Общества обнаруживается тесная связь между наукой и обществом. Само Общество выросло из предшествующего интереса к науке, а последующая деятельность его членов дала ощутимый толчок дальнейшему научному прогрессу. Первые зачатки этой группы можно обнаружить в собраниях служителей науки, происходивших от случая к случаю в 1645 году и далее. Среди главных вдохновителей этих собраний были Джон Уилкинс и Джон Уоллис, к которым присоединились несколько позднее Роберт Бойль и сэр Уильям Петти; и на всех них, судя по всему, оказали исключительно мощное влияние религиозные силы.

Уилкинс, ставший позже англиканским епископом, воспитывался в доме своего дедушки по материнской линии, Джона Дода, выдающегося неконформистского теолога, и «раннее воспитание привило ему сильную предрасположенность к пуританским принципам»²⁹. Будучи деканом Уодхемского колледжа, Уилкинс пользовался огромным влиянием. Под его влиянием находились Уорд, Рук, Рен, Спрэт, а также Уолтер Поп (его брат-полукровка); все эти лица стали первыми членами Королевского Общества³⁰. Джон Уоллис, чьему труду *Arithmetica Infinitorum* Ньютон, по собственному признанию, был обязан многими

²⁸ Как пишет Трёльч, «сегодняшний мир живет логической согласованностью несколько не больше, чем любой другой; духовные силы могут пользоваться преобладающим влиянием даже там, где от них официально отрекаются». E. Troeltsch, *Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt* (München, 1911), S. 22. Ср.: Georgia Harkness, *John Calvin: The Man and His Ethics* (New York, 1931), p. 7 и далее. — Примеч. автора.

²⁹ *Memorials of John Ray*, p. 18—19; P.A.W. Henderson, *The Life and Times of John Wilkins* (London, 1910), p. 36. Более того, приняв духовный сан, Уилкинс стал капелланом в поместье лорда виконта Сейского и Сильского, который был решительным и последовательным пуританином. — Примеч. автора.

³⁰ Henderson, *op. cit.*, p. 72—73. — Примеч. автора.

из своих основных математических концепций, был священником, относившимся с ревностной симпатией к пуританским принципам. О набожности Бойля ранее уже говорилось; единственной причиной, заставившей его отказаться от священства, было, по его словам, «отсутствие внутреннего зова»³¹.

Теодор Гаак, немецкий ученый, сыгравший видную роль в создании Королевского Общества, был ярким кальвинистом. Дени Папен, который во время своего длительного пребывания в Англии внес заметный вклад в науку и технологию, был французским кальвинистом, вынужденным покинуть свою страну и скрываться от религиозных преследований. Томас Сиденхем, которого иногда называли «английским Гиппократом», был ревностным пуританином, сражавшимся в рядах сторонников Кромвеля. Сэр Уильям Петти был человеком веротерпимым; он был сторонником Кромвеля, и в его работах отчетливо отразились влияния пуританства. О сэре Роберте Морее, ко- его Гюйгенс называл «Душой Королевского Общества», можно сказать, что «религия была главной движущей пружиной его жизни, и посреди дворов и загородных резиденций он проводил много часов на дню в молитвах»³².

Вряд ли случайно то обстоятельство, что ведущие фигуры этой группы, составившие ядро Королевского Общества, были священниками или людьми чрезвычайно религиозными, хотя будет не совсем точно утверждать, как это делает д-р Ричардсон, что зарождение этого Общества произошло в небольшой группе ученых людей, среди которых преобладали пуританские священники³³. Однако совершенно ясно, что первые вдохновители Общества находились под очевидным влиянием пуританских представлений.

Настоятельница Дороти Стимсон в недавно опубликованной статье самостоятельно пришла к тому же самому выводу³⁴. Она от-

³¹ *Dictionary of National Biography*, Vol. II, p. 1028. Эта причина, побудившая также и сэра Сэмюэла Морленда обратиться вместо священнослужительства к математике, служит примером непосредственного влияния протестантской этики, которая (как показывается, например, Бакстером) устанавливала, что принимать духовный сан надлежит только тем, кто чувствует к этому «внутренний зов», тогда как другим лучше было бы служить обществу и взять на себя другие признанные виды мирской деятельности. О Морленде см.: *Autobiography of Sir Samuel Morland*, J.O. Halliwell-Phillipps, *Letters Illustrative of the Progress of Science in England* (London, 1841), p. 116 и далее. — Примеч. автора.

³² *Dictionary of National Biography*, Vol. XIII, p. 1299. — Примеч. автора.

³³ C.F. Richardson, *English Preachers and Preaching* (New York, 1928), p. 177. — Примеч. автора.

³⁴ Dorothy Stimson, «Puritanism and the New Philosophy in Seventeenth-Century England», *Bulletin of the Institute of the History of Medicine*, 1935, Vol. 3, p. 321—334. — Примеч. автора.

мечает, что из десяти человек, входивших в 1645 году в состав «невидимой коллегии», только один, Скарброу, точно не был пуританином. Относительно еще двоих нет полной определенности, хотя у Меррета было пуританское воспитание. Все другие определенно были пуританами. Более того, в первоначальном списке членов Общества, составленном в 1663 году, из шестидесяти восьми членов, относительно которых есть информация, касающаяся их религиозной ориентации, сорок два точно были пуританами. Если учесть, что пуритане составляли относительно небольшое меньшинство в населении Англии, то сам факт, что они составили шестьдесят два процента первоначального состава Королевского Общества, станет еще более поразительным. Отсюда настоятельница Стимсон делает вывод: «То, что опытная наука в Англии семнадцатого столетия получила такое быстрое распространение, было, как мне кажется, по меньшей мере отчасти обусловлено тем, что умеренные пуритане поощряли научные занятия».

Влияние пуританства на научное образование

О наличии указанной взаимосвязи свидетельствовал не только состав Королевского Общества. Выдвижение пуританами на передний план утилитаризма и эмпиризма проявилось аналогичным образом и в том типе образования, который они ввели и развитию которого они способствовали. «Формальная долбёжка грамматики», царившая в школах, критиковалась ими в такой же степени, как и формализм церкви.

Среди пуритан, настойчиво пытавшихся ввести новое реалистическое, утилитарное и эмпирическое образование в Англии, особенно выделялся Сэмюэл Гартлиб. Он стал связующим звеном между протестантскими педагогами Англии и Европы, ревностно пытавшимися распространить преподавание науки в школах. Именно Гартлибу адресовал свой трактат об образовании Мильтон, и именно ему сэр Уильям Петти посвятил свое «Наставление... о преуспевании некоторых отдельных частей образования» (речь в нем шла о науке, технологии и ремесле). Более того, именно Гартлиб сыграл ключевую роль в популяризации педагогических идей Коменского в Англии и пригласил его посетить эту страну.

Богемский реформатор Ян Амос Коменский был одним из самых влиятельных педагогов своего времени. В основу системы образования, которую он всячески пропагандировал, были положены нормы

утилитаризма и эмпиризма: ценности, которые одни только и могли вывести на передний план изучение науки и технологии, т.е. *Realia*³⁵. В самой влиятельной своей работе «*Didactica Magna*» он следующим образом обобщает свои взгляды:

Итак, ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его ни учил, покажешь ему, какую это приносит повседневную пользу в общезнании. Этого правила нужно придерживаться везде: и в грамматике, и в диалектике, и в арифметике, и в геометрии, и в физике и пр.

...истина и точность знания также зависят не от чего иного, как от свидетельства ощущений. Ведь вещи прежде всего и непосредственно запечатлеваются в ощущениях, а потом только с помощью ощущений — в уме... Итак, чем более знание опирается на ощущение, тем оно достовернее³⁶.

В Англии Коменский встретил радушный прием среди протестантских педагогов, ориентированных на те же самые ценности; в числе последних были Гартлиб, Джон Дери, Уилкинс и Гаак³⁷. По просьбе Гартлиба он прибыл в Англию ради неотложного воплощения в реальность бэконовского Дома Соломона. Как писал сам Коменский, «ничто не казалось мне более незыблемым, чем то, что идея великого Веруламия об открытии в какой-нибудь части мира универсальной коллегии ученых, единственной задачей которой стало бы развитие наук, будет воплощена в жизнь»³⁸. Осуществлению этой цели помешали общественные беспорядки, вызванные восстанием в Ирландии. Однако пуританский план развития науки не остался совершенно безрезультатным. Кромвель основал Дурхемский университет — единственный новый университет, созданный в промежутке между Средневековьем и девятнадцатым столетием — «для развития всех наук»³⁹. А в Кембридже на пике влияния пуританства перечень изучаемых наук был значительно расширен⁴⁰.

³⁵ Wilhelm Dilthey, «*Padagogik: Geschichte und Grunzliniendes Systems*», *Gesammelte Schriften* (Leipzig & Berlin, 1934), S. 163 и далее. — *Примеч. автора*.

³⁶ J.A. Comenius, *The Great Didactic* (London, 1896), p. 292, 337; см. также p. 195, 302, 329, 341. (Русский перевод цитируется по изданию: Я.А. Коменский. Великая дидактика — Я.А. Коменский. Избранные педагогические сочинения. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1955, - с. 270, 303.) - *Примеч. автора*.

³⁷ Robert F. Young, *Comenius in England* (Oxford, 1932), p. 5—9. — *Примеч. автора*.

³⁸ *Opera Didactica Omnia* (Amsterdam, 1657), Book 11, preface. — *Примеч. автора*.

³⁹ F.H. Hayward, *The Unknown Cromwell* (London, 1934), p. 206-230, 315. - *Примеч. автора*.

⁴⁰ James B. Mullinger, *Cambridge Characteristics in the Seventeenth Century* (London, 1867), p. 180—181 *et passim*. — *Примеч. автора*.

Действуя в том же духе, пуританин Езекия Вудворд, друг Гартлиба, выносил на передний план реализм (вещей, а не слов) и преподавание науки⁴¹. С целью внедрения изучения новой науки в гораздо более широких масштабах, нежели это было до тех пор, пуритане учредили несколько Неортодоксальных академий. Это были школы университетского статуса, открытые в разных уголках королевства. Одной из первых среди них была Муртоновская академия, в которой первостепенное значение придавалось научным изысканиям. Позднее Чарлз Муртон переехал в Новую Англию, где был избран вице-президентом Гарвардского колледжа, в котором «он ввел систему наук, использованную в Англии»⁴². В престижной Нортхемптонской академии, еще одном пуританском центре образования, важное место в учебной программе занимали механика, гидростатика, физика, анатомия и астрономия. Исследования проводились главным образом с помощью реальных экспериментов и наблюдений.

Между тем явный упор пуритан на науку и технологию, возможно, лучше всего можно оценить, если сравнить пуританские академии со старыми университетами. Последние, даже после того как в них были введены научные предметы, продолжали давать, по существу, классическое образование; подлинно культурными считались такие исследования, которые если уж и не были совершенно бесполезными, то во всяком случае определенно преследовали неутилитарные цели. В академиях же, напротив, истинно свободным считалось такое образование, которое «соприкасается с жизнью» и которое, следовательно, должно включать в себя как можно больше утилитарных предметов. Как писала по этому поводу д-р Паркер:

...разница между этими двумя системами образования состоит не столько во введении в академиях «современных» предметов и методов, сколько в том, что у неконформистов действовала совершенно иная система, нежели та, которую можно было обнаружить в университетах. Дух, воодушевлявший диссентеров, был тот же самый, которым были движимы Рамус и Коменский во Франции и Германии и который в Англии давал силу Бэкону, а позднее Гартлибу и кругу его сподвижников⁴³.

Это сопоставление пуританских академий в Англии и протестантских нововведений в сфере образования на континенте имеет под собой прочные основания. Протестантские академии во Франции уделяли гораздо больше внимания научным и утилитарным предме-

⁴¹ Irene Parker, *Dissenting Academies in England* (Cambridge, 1914), p. 24. — *Примеч. автора.*

⁴² Ibid., p. 62. — *Примеч. автора.*

⁴³ Ibid., p. 133—134. — *Примеч. автора.*

там, чем католические заведения⁴⁴. Когда католики завладели многими из протестантских академий, изучение наук в них было существенно сокращено⁴⁵. Более того, как мы далее увидим, даже в преимущественно католической Франции преобладающая доля научной работы выполнялась протестантами. Среди изгнанных из Франции протестантов было много именитых ученых и изобретателей⁴⁶.

Ценностная интеграция пуританства и науки

Само по себе то, что *индивидуально* является католиком или протестантом, разумеется, не оказывает никакого влияния на его установки в отношении науки. Его религиозная принадлежность становится значимой лишь постольку, поскольку он принимает основные догматы и импликации этих учений. Например, Паскаль только тогда осознал всю «суетность науки», когда окончательно проникся учением Янсения. Ибо Янсений, в частности, утверждал, что прежде всего нам следует остерегаться той суетной любви к науке, которая, хотя и кажется внешне невинной, в действительности представляет собой западню, «отвращающую людей от созерцания вечных истин и вводящую в удовлетворенное спокойствие конечного интеллекта»⁴⁷. Лишь только Паскаль обратился в эту веру, как сразу же решил «положить конец всяким научным исследованиям, которым посвящал себя до сих пор»⁴⁸. Именно твердым принятием ценностей, лежащих в основе двух указанных вероисповеданий, объясняется различие в том относительном вкладе, который внесли в науку католики и протестанты.

Такая же связь протестантизма с наукой проявилась и в Новом Свете. Корреспонденты и члены Королевского Общества, жившие в

⁴⁴ P.D. Bourchenin, *Etude sur le academies protestantes en France au XVI et au XVII siecle* (Paris, 1882), p. 445 и далее. — *Примеч. автора*.

⁴⁵ M. Nicholas, «Les academies protestantes de Montauban et de Nimes», *Bulletin de la societe de l'histoire du protestantisme frangais*, 1858, Vol. 4, p. 35—48. — *Примеч. автора*.

⁴⁶ D.C.A. Agnew, *Protestant Exiles from France* (Edinburgh, 1866), p. 210 и далее. — *Примеч. автора*.

⁴⁷ Emile Boutroux, *Pascal*, trans. by E.M. Creak (Manchester, 1902), p. 16. — *Примеч. автора*.

• ⁴⁸ Ibid., p. 17; ср.: Jacques Chevalier, *Pascal* (New York, 1930), p. 143; Pascal, *Pense'es*, trans. by O.W. Wright (Boston, 1884), p. 224, № XXVII. «Тщета наук». — «Если я не знаю основ нравственности, наука об окружающем мире не принесет мне утешения в дни горестных испытаний, а вот основы нравственности утешают и при полном незнании наук о предметах окружающего мира» (Б. Паскаль. Мысли / Пер. Э. Линецкой. СПб.: Северо-Запад, 1995, с. 196). — *Примеч. автора*.

Новой Англии, «все до единого были воспитаны в кальвинистском духе»⁴⁹. Основатели Гарварда вышли из этой кальвинистской культуры, а не из литературной эпохи Возрождения или научного движения семнадцатого столетия, и их умы легче направлялись в последнюю, а не в первую сферу приложения⁵⁰. Эту предрасположенность пуритан к занятиям наукой отмечает и профессор Морисон, который пишет: «Вместо того чтобы противиться принятию коперниканской теории, пуританские священники в Новой Англии были главными опекунами и покровителями новой астрономии и иных научных открытий»⁵¹. Примечательно, что молодой Джон Уинтроп из Массачусетса, ставший позднее членом Королевского Общества, в 1641 году приезжал в Лондон и, вероятно, провел там некоторое время вместе с Гартлибом, Дери и Коменским. По-видимому, он предлагал Коменскому перебраться в Новую Англию и основать там научный колледж⁵². Несколько лет спустя Инкриз Мазер (бывший в 1684—1701 гг. президентом Гарвардского колледжа) основал в Бостоне «Философическое общество»⁵³.

Научное содержание программы обучения в Гарварде в значительной степени было позаимствовано у протестанта Петра Рамуса⁵⁴. Рамус составил учебный план, в котором в отличие от программ обучения католических университетов уделялось особое внимание изучению наук⁵⁵. Его идеи были тепло приняты в протестантских университетах континентальной Европы, в Кембридже (где пуританский и научный элемент был представлен больше, чем в Оксфорде)⁵⁶ и позднее в Гарварде, однако встретили решительный отпор в различных като-

⁴⁹ Stimson, *op. cit.*, p. 332. — *Примеч. автора.*

⁵⁰ Porter G. Perrin, «Possible Sources of *Technologia* at early Harvard», *New England Quarterly*, 1934, Vol. 7, p. 724. — *Примеч. автора.*

⁵¹ Samuel E. «Morison, Astronomy at colonial Harvard», *New England Quarterly*, 1934, Vol. 7, p. 3—24; см. также Clifford K. Shipton, «A Plea for Puritanism», *The American Historical Review*, 1935, Vol. 40, p. 463—464. — *Примеч. автора.*

⁵² R.F. Young, *Comenius in England*, p. 7—8. — *Примеч. автора.*

⁵³ Ibid., p. 95. — *Примеч. автора.*

⁵⁴ Perrin, *op. cit.*, p. 723—724. — *Примеч. автора.*

⁵⁵ Theobald Ziegler, *Geschichte der Pädagogik* (München, 1895), Bd. 1, S. 108. Циглер отмечает, что если в тогдашних католических учебных заведениях во Франции науке отводилась лишь шестая часть учебного плана, то Рамус отвел научным исследованиям целую половину учебной программы. — *Примеч. автора.*

⁵⁶ Дэвид Массой справедливо называет Кембридж *alma mater* пуритан. Перечислив имена двадцати ведущих пуританских священников Новой Англии, Массой обнаружил, что семнадцать из них были воспитанниками Кембриджа, в то время как Оксфорд окончили только трое. См.: D. Masson, *Life of Milton* (London, 1875), Vol. II, p. 563; цит. по: Stimson, *op. cit.*, p. 332. См. также: Charles E. Mallet, *A History of the University of Oxford* (London, 1924), Vol. 11, p. 147. — *Примеч. автора.*

лических учебных заведениях⁵⁷. Дух утилитаризма и «реализма», присущий эпохе Реформации, вероятно, в значительной степени объясняет благосклонное принятие воззрений Рамуса.

Ценностная интеграция пиетизма и науки

Д-р Паркер отмечает, что пуританские академии в Англии «можно сравнить со школами пиетистов в Германии, которые при Франке и его последователях подготовили почву для *Realschulen**, ибо не может быть никаких сомнений в том, что как пиетисты продолжили дело Коменского в Германии, так и диссентеры воплотили на практике теории английских последователей Коменского: Гартлиба, Мильтона и Петти»⁵⁸. Это сравнение наделено глубоким смыслом, ибо, как неоднократно отмечалось, ценности и принципы пуританства и пиетизма почти совпадают. Коттон Мазер признавал близкое сходство этих двух протестантских движений, говоря, что «американское пуританство имеет столь много общего с фридриховским пиетизмом», что можно считать их фактически идентичными⁵⁹. Пиетизм, если бы не более выраженный в нем «энтузиазм», можно бы было назвать континентальным аналогом пуританства. Следовательно, если наша гипотеза о связи между пуританством и интересом к науке и технологии имеет под собой основания, то следует ожидать обнаружения той же самой корреляции и у пиетистов. Так оно на самом деле и было.

Пиетисты в Германии, как, впрочем, и везде, вступали в тесный союз с «новым образованием»: изучением науки и технологии, т.е. *Realia*⁶⁰. Общей для этих двух движений была реалистическая и практическая точка зрения, сочетавшаяся с интенсивным отвержением к спекулятивному мышлению философов аристотелевской закалки. В основе педагогических воззрений пиетистов лежали те же глубоко ко-

⁵⁷ Heinrich Schreiber, *Geschichte der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg* (Freiburg, 1857—1868), Bd. II, S. 135. Например, в Иезуитском университете во Фрейбурге имя Рамуса могло упоминаться лишь в плане отвержения, и «в руках студента нельзя было увидеть ни одного экземпляра его книг». — *Примеч. автора.*

* реальные училища (нем.). — *Примеч. пер.*

⁵⁸ Parker, *op. cit.*, p. 135. — *Примеч. автора.*

⁵⁹ Kuno Francke, «Cotton Mather and August Hermann Francke», *Harvard Studies and Notes*, 1896, Vol. 5, p. 63. См. также убедительное обсуждение этого вопроса у Макса Вебера: M. Weber, *Protestant Ethic*, p. 132—135 (М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма — М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990, с. 166—169). — *Примеч. автора.*

⁶⁰ Friedrich Paulsen, *German Education: Past and Present*, trans. by T. Lorenz (London, 1908), p. 104 и далее. — *Примеч. автора.*

рениящиеся утилитарные и эмпирические ценности, которые вдохновляли пуритан⁶¹. Именно в опоре на эти ценности лидеры пиетистов — Август Герман Франке, Коменский и их последователи — вывели на передний план новую науку.

Франке постоянно указывал на желательность ознакомления учеников с практическим научным знанием⁶². Франке и его коллега Христиан Томазиус выступили против мощного движения в области образования, которое возглавлял Христиан Вейзе, отстаивавший приоритетность обучения риторике и классическим гуманитарным дисциплинам, и попытались взамен этого «ввести в школах игнорируемые современные дисциплины, которые более адекватно служили их целям, а именно биологию, физику, астрономию и т.п.»⁶³.

Всюду, куда ни доходило влияние пиетизма на систему образования, следовало широкомасштабное введение в учебные программы научных и технических предметов⁶⁴. Так, например, Франке и Томазиус заложили основы университета в Галле, ставшего первым немецким университетом, в котором было введено углубленное изучение наук⁶⁵. Ведущие профессора, в числе которых были Фридрих Гофман, Эрнст Шталь (профессор химии, автор знаменитой теории флогистона), Самуэль Штрик и, разумеется, сам Франке, все как один со-

⁶¹ Alfred Heubaum, *Geschichte des deutschen Bildungswesens seit der Mitte des siebzehnten Jahrhunderts* (Berlin, 1905), Bd. 1, S. 90. «Ziel der Erziehung [у пиетистов] ist praktische Verwendbarkeit des Zöglings im Gemeinwohl. Der starke Einfluss des utilitarischen Moments... vermindert die Gefahr der Uebertreibung des religiösen Moments und sichert der Bewegung für die nächste Zukunft ihre Bedeutung» («Цель воспитания — практическая полезность воспитанника для общего блага. Сильное влияние утилитарных моментов... уменьшает опасность преувеличения религиозных моментов и обеспечивает осмысленность движения на ближайшее будущее»). — *Примеч. автора*.

⁶² Во время прогулок по полям, говорит Франке, наставник должен «nutzliche und erbauliche Geschichten erzählen oder etwas aus der Physik von den Geschöpfen und Werken Gottes vorsagen» [«рассказывать полезные и назидательные истории или повторять что-нибудь из физики живых существ и трудов Господних»], «...im Naturalienkabinet diene dazu, die Zöglinge in ihren Freistunden durch den Anstaltarzt mit naturwissenschaftlichen Erscheinungen, mit Mineralien, Bergarten, hier und da mit Experimenten bekannt zu machen» [«...кроме того, в естественнонаучном кабинете воспитанники могут в свободные часы под руководством врача интерната ознакомиться с естественнонаучными явлениями, минералами, горными породами и тут же провести эксперименты»]. Цит. по: Heubaum, *op. cit.*, Bd. I, S. 89, 94. — *Примеч. автора*.

⁶³ Ibid., Bd. I, S. 136. — *Примеч. автора*.

⁶⁴ Ibid., Bd. I, S. 176 и далее. — *Примеч. автора*.

⁶⁵ Koppel S. Pinson, *Pietism as a Factor in the Rise of German Nationalism* (New York, 1934), p. 18; Heubaum, *op. cit.*, Bd. 1, S. 118: «Halle war die erste deutsche Universität von ganz eigenartigem wissenschaftlichen und nationalen Gepräge...» [Галле был первым немецким университетом совершенно особенной научной и национальной чеканки...] — *Примеч. автора*.

стояли в теснейших отношениях с пиетистским движением, характерно, все они пытались расширить преподавание наук нить науку с ее практическими применениями.

Не только университет в Галле, но и другие пиетистские университеты проставляли тот же самый акцент. Кёнигсбергский университет, подпавший благодаря деятельности Гера, ученика Фр > пиетистское влияние университета города Галле, был одним из тех, где стали преподаваться естественные и физические науки, временном для семнадцатого столетия смысле⁶⁶. Гёттингенский университет, бывший тогда филиалом университета в Галле, ^ ^ прежде всего огромным прогрессом в культивировании науки. Венинский университет в Гейдельберге тоже славился введен грамму обучения большого числа научных дисциплин⁶. Наконец, Л. « а •<,,, n то время своим тдорфский университет, наиболее выделявшийся Вi" ^ ~ы находившим- интересом к науке, был протестантским университетом, "" •". ся под пиетистским влиянием⁶⁹. Хойбаум, подводя итог в изменениям, утверждает, что существенный прогресс в преподавании науки и технологии происходил в протестантских, а точнее пиетистских университетах⁷⁰.

Религиозная принадлежность новобранцев науки

Связь пиетизма с наукой, наличия которой следовало исходя из нашей гипотезы, не ограничивается одними только университетами. О той же пиетистской склонности к наукам^{сн} свидетельствовало и среднее школьное образование, с а g s Галле ввел в учебный план такие предметы, как математическое знание; во всех случаях акцент ставился на наглядные практические применения⁷¹. Иоганн Георг Либ, Иоганн Бернгардт (ректор университета в Дрездене) всеначе- Пор и Иоганн Петер Людвиг (ректор университета в Дрездене) жившие под прямым влиянием Франке и пиетизма, отст

⁶⁶ Heubaum, *op. cit.*, Bd. I, S. 153. — *Примеч. автора.*

⁶⁷ Paulsen, *op. cit.*, p. 120—121. — *Примеч. автора.*

⁶⁸ Heubaum, *op. cit.*, Bd. I, S. 60. — *Примеч. автора.*

⁶⁹ S. Guntler, «Die mathematischen Studien und Naturwissenschaften an der Universität Altdorf», *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Naturwissenschaften in Altdorf*, Heft. III, S. 9. — *Примеч. автора.*

⁷⁰ Heubaum, *op. cit.*, Bd. I, S. 241; см. также Paulsen, *op. cit.*, p. 121. — *Примеч. автора.*

⁷¹ Paulsen, *op. cit.*, p. 127. — *Примеч. автора.*

кие школы, где обучали бы производству, физике, математике и экономике, дабы в них можно было научиться тому, «как можно все более и более совершенствовать и улучшать производство»⁷². Они надеялись, что результатом их предложений, может быть, станет создание так называемых *Collegium physicwn-mechanicum** и *Werkschulen***.

Примечательным фактом, дающим дополнительную весомость нашей гипотезе, было то, что *okonomisch-matematische Realschule**** была всецело пиетистским продуктом. Эта школа, сосредоточившая внимание на изучении математики, естественных наук и экономики и откровенно утилитарная и реалистическая по своему духу, была задумана еще Франке⁷³. Более того, первым, кто реально организовал *Realschule*, был Иоганн Юлий Геккер, пиетист и бывший ученик Франке⁷⁴. Землер, Зильбершлаг и Ган, директора и соучредители этой первой школы, тоже были пиетистами и бывшими учениками Франке⁷⁵.

Все наличные данные указывают в том же направлении. Протестанты неизменно составляют все более возрастающую долю в ученическом составе этих школ, выдвинувших на передний план научное и техническое обучение⁷⁶, тогда как интересы католиков сосредото-

⁷²Neubaum, *op. cit.*-Bl. I, S. 184. — *Примеч. автора.*

* Физико-механическая коллегия (лат.). — *Примеч. пер.* ** Фабричные школы (нем.). — *Примеч. пер.* *** Экономико-математическая реальная школа (нем.). — *Примеч. пер.*

⁷³Alfred Heubaum, «Christoph Semlers Realschule und seine Beziehung zu A.H. Francke», *Neue Jahrbucherfur Philologie und Pddagogik*, 1893, Bd. 2, S. 65-77; см. также Ziegler, *Geschichte der Pddagogik*, Bd. I, S. 197, где отмечается «einem inneren Zusammenhang zwischen der auf das Praktische gerichteten Realschule und der auf das Praktische gerichteten Frommigkeit der Pietisten fehlte es ja auch nicht, nur eine ganz einseitig religiöse und theologische Auffassung des Pietismus kann das verkennen: im Geist der praktischen Nutzlichkeit und Gemeinnutzigkeit ist dieser dem Rationalismus vorangegangen und mit ihm eins gewesen, und aus diesem Geist heraus ist zu Franckes Zeiten in Halle die Realschule entstanden» [«безусловная внутренняя связь между практически ориентированной реальной школой и практически ориентированной набожностью пиетистов, которую может не заметить разве что совершенно односторонняя религиозная и теологическая точка зрения пиетизма: дух рационализма нашел продолжение в духе практической выгоды и общественной пользы и был с ним заодно, и из этого духа в Галле во времена Франке родилась реальная школа»]. — *Примеч. автора.*

⁷⁴Paulsen, *op. cit.*, p. 133. — *Примеч. автора.*

⁷⁵Опираясь на этот, а также другие факты, Циглер прослеживает тесную «Kausalzusammenhang» [причинную связь] между пиетизмом и изучением науки. См. его книгу: *Geschichte*, Bd. I, S. 196 и далее. — *Примеч. автора.*

⁷⁶Характерной чертой *gymnasien* [гимназий] является упор в учебном плане на изучение классической древности. От этих школ отличаются *Realschulen* [реальные училища], где в учебном плане преобладают науки, а изучение классических древних языков заменено изучением языков современных. *Real-gymnasium* [реальная гимназия] представляет собой компромиссное соединение этих двух типов, дающее менее

ны на классическом и теологическом образовании. В Пруссии, например, было обнаружено следующее распределение:⁷⁷

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УЧЕНИЧЕСКОГО СОСТАВА
СРЕДНИХ ШКОЛ ПО РЕЛИГИОЗНОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ПРУССИЯ, 1875-1876

Религиозная принадлежность	Pro-gymnasii	Gymnasium	Real -	Ober-realsch	Hoher en	Итого	Население в целом
Протестанты	49,1	69,7	79,8	75,8	80,7	73,1	64,9
Католики	39,1	20,2	11,4	6,7	14,2	17,3	33,6
Иудеи	11,2	10,1	8,8	17,5	5,1	9,6	1,3

Эта повышенная предрасположенность протестантов к научным и техническим изысканиям согласуется со следствиями, вытекающими из нашей гипотезы. О том, что данное распределение типично, можно судить по тому факту, что другие исследователи и в других случаях отмечали наличие той же самой тенденции⁷⁸. К тому же эти распределения представляют не случайную корреляцию, проистекающую из различий в сельско-городском распределении двух религий, что можно увидеть из соответствующих данных относительно швейцарского кантона Базель-Штадт. Хорошо известно, что обычно городе-

классическое образование, чем *gymnasium*, и уделяющее больше внимания науке и математике. *Ober-realschulen* [высшие реальные школы] и *hoheren Burgerschulen* [гражданские училища повышенного типа] являются и те и другие *Realschulen* [реальными школами]; в первых принят девятилетний курс обучения, во вторых — шестилетний. См.: Paulsen, *German Education*, p. 46 *et passim*. — Примеч. автора.

⁷⁷ Alwin Petersilie, «Zur Statistik der höheren Lehranstalten in Preussen», *Zeitschrift des königlich Preussischen statistischen Bureaus*, 1877, Bd. 17, S. 109. — Примеч. автора.

⁷⁸ Edouard Borel, *Religion und Beruf* (Basel, 1930), S. 93 и далее, где отмечается необычайно высокая доля протестантов в технических профессиях в Базеле; Julius Wolf, «Die deutschen Katholiken in Staat und Wirtschaft», *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 1913, Bd. 4, S. 199, где отмечается, что «die Protestanten ihren «naturgemassen» Anteil überschreiten gilt für die wissenschaftliche und sonstige intellektuelle Betätigung (mit Ausnahme des geistlichen Berufs)...» [«протестанты превышают свою признанную «естественную» долю участия в научных и прочих интеллектуальных занятиях (за исключением духовных профессий)»]. В 1860 году тот же факт уже отмечал Ад. Франц. См.: A. Frantz, «Bedeutung der Religion Unterschiede für das physische Leben der Bevölkerungen», *Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik*, 1868, Bd. 11, S. 51. См. так же аналогичные результаты для Берлина в: *Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin*, 1897, Bd. 22, S. 468—472. Бокль (*op. cit.*, p. 482) отмечает, что «кальвинизм благоприятен для науки». Ср. также: Weber, *Protestant Ethic*, p. 38, 189; и Troeltsch, *Social Teachings...*, Vol. II, p. 894. — Примеч. автора.

кое население вносит больший вклад в науку и технологию, нежели сельское. Тем не менее в 1910-м и последующие годы (к этому периоду относится исследование Эдуарда Бореля, результаты которого аналогичны только что представленным в отношении Пруссии) протестанты составляли 63,4 процента населения кантона, но лишь 57,1 процента населения города Базеля и целых 84,7 процента сельского населения⁷⁹.

Доскональное исследование Мартина Оффенбахера включает анализ взаимосвязи между религиозной принадлежностью и распределением образовательных интересов в Бадене, Баварии, Вюртемберге, Пруссии, Эльзас-Лотарингии и Венгрии. Статистические результаты, полученные в этих разных местах, имели один и тот же характер: протестанты, в соотношении с их представленностью в населении в целом, гораздо чаще идут учиться в различные средние школы, и это различие становится особенно заметным в тех школах, где прежде всего преподаются наука и технология. Взять, например, средние цифры на 1885—1895 годы для Бадена⁸⁰:

	Протестанты	Католики, %	Иудеи, %
Gymnasien	43	46	9,5
Realgymnasien	69	31	9
Oberrealschulen	52	41	7
Realschulen	49	40	11
Hoheren Bürgerschulen	51	37	12
В среднем для 5 типов школ	48	42	10
Доля в населении в целом, 1895	37	61,5	1,5

Следует между тем заметить, что, хотя учебные планы *Realschulen* характеризуются прежде всего особым акцентом, который придается в них наукам и математике, на фоне относительно малого внимания, уделяемого этим предметам в *gymnasien*, учебные заведения последнего типа тоже осуществляют подготовку к научным и ученым карьерам. Однако в целом присутствие протестантов и католиков *Bgymnasien* является свидетельством иных интересов. Относительно большое число католиков *Bgymnasien* обусловлено тем, что эти школы готовят также

⁷⁹ См.: «Die Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt», *Mitteilungen des statistischen Amtes des Kantons Basel-Stadt*, 1932, S. 48—49; а также тома этого издания за 1910 и 1921 гг. — *Примеч. автора*.

⁸⁰ Martin Offenbacher, *Konfession und soziale Schichtung* (Tübingen, 1900), S. 16. Здесь неизбежно воспроизводятся небольшие погрешности оригинала. — *Примеч. автора*.

к занятиям теологией, тогда как протестанты обычно используют *Gymnasien* для подготовки к другим ученым профессиям. Так, например, из 533 католиков, окончивших за трехлетний академический период 1891—1894 гг. *бадские Gymnasien*, 226 (или 42 процента) занялись впоследствии теологией, тогда как из 375 выпускников-протестантов к теологии обратились только 53 (14 процентов), остальные же 86 процентов выбрали себе другие ученые профессии⁸¹.

Аналогичным образом, католический апологет Ханс Рост, хотя и желает доказать, что «Католическая церковь во все времена была пылким другом науки», вынужден все-таки признать, исходя из имеющихся данных, что католики избегают *Realschulen*, проявляя «eine gewisse Gleichgültigkeit und Abneigung gegen diese Anstalten» [«известное равнодушие и антипатию к этим учебным заведениям»]. Причиной этого, говорит он далее, служит «das die Oberrealschule und das Realgymnasium nicht zum Studium der Theologie berechtigen: denn diese ist häufig die Triebfeder bei den Katholiken zum höheren Studium überhaupt» [«то, что высшая реальная школа и реальная гимназия не предоставляют возможность изучать теологию: а ведь именно она зачастую является у католиков стимулом к получению высшего образования»]⁸².

Итак, статистические данные указывают на явную склонность протестантов (в отличие от католиков) к занятиям научными и техническими исследованиями. Это видно и из статистических данных для Вюртемберга, где расчеты на 1872—1879 и 1883—1898 гг. дают следующие средние цифры:⁸³

• 2	Протестанты, %	Католики, %	Иудеи, %
Gymnasien	68,2	28,2	3,4
Lateinschulen	73,2	22,3	3,9
Realschulen	79,7	14,8	4,2
Население в целом, 1880 г.	69,1	30,0	0,7

⁸¹ H. Gemss, *Statistic der Gymnasialabiturienten im deutschen Reich* (Berlin, 1895), S. 14—20. — *Примеч. автора*.

⁸² Hans Rost, *Die wirtschaftliche und kulturelle Lage der deutschen Katholiken* (Köln, 1911), S. 167 и далее. — *Примеч. автора*.

⁸³ Offenbacher, *op. cit.*, S. 18. Эти данные подтверждаются исследованием Людвиг Крона, относящимся к Германии периода 1869—1893 гг.; см. L. Сгоп, *Glaubensbekenntnis und höheres Studium* (Heidelberg, 1900). Эрнст Энгель также обнаружил, что в Пруссии, Познани, Бранденбурге, Померании, Саксонии, Вестфалии и Рейнской области студенты-евангелисты чаще обучаются в этих школах, уделяющих максимум внимания естественнонаучным и техническим предметам. См.: E. Engel, «Beiträge zur Geschichte und Statistik des Unterrichts», *Zeitschrift des königlich Preussischen statistischen Bureaus*, 1869, Bd. 9, S. 99—116, 153—212. — *Примеч. автора*.

Протестанты проявляют эту специфику интересов не только в сфере образования. Различные исследования выявили непропорционально высокую долю протестантов среди выдающихся ученых⁸⁴. Если вышеприведенные данные дают лишь ненадежные вероятности того, что связь, которую мы прослеживали, действительно существует, то широко известная книга Кандоие *«Histoire des sciences et des savants»* значительно повышает эти вероятности. Кандоие обнаруживает, что, хотя в Европе (исключая Францию) было 107 миллионов католиков и 68 миллионов протестантов, в списке ученых, включавшем имена зарубежных сотрудников парижской Академии наук за период с 1666 по 1883 г., было лишь восемнадцать католиков и в то же время семьдесят протестантов⁸⁵. Однако, как предполагает сам Кандоие, это сравнение неубедительно, поскольку не принимает во внимание французских ученых, которые, возможно, были католиками. Дабы исправить эту ошибку, он берет список зарубежных членов Лондонского Королевского Общества за два периода, когда в его состав входило больше французских ученых, чем в любое другое время: 1829 и 1869 годы. В 1829 году общее число протестантов и католиков среди ученых (состоявших зарубежными членами Королевского Общества) было примерно равным, в то время как в 1869 году число протестантов превосходило число католиков. Однако за пределами Королевства Великобритании и Ирландии в Европе жило 139 с половиной миллионов католиков и только 44 миллиона протестантов⁸⁶. Иными словами, хотя в составе населения католиков было втрое больше, чем протестантов, среди ученых, как ни странно, протестантов было больше, чем католиков.

Однако есть еще более важные данные, базирующиеся на населении разных стран, где влияние экономики, политического режи-

⁸⁴ Например, Хейвлок Эллис (H. Ellis, *Study of British Genius*, p. 66 и далее) отмечает, что протестантская Шотландия дала 21 выдающегося ученого из внесенных в его список в отличие от католической Ирландии, давшей лишь одного. Альфред Оден обнаруживает, что среди *litterateurs*, включенных в его перечень, преобладающая доля протестантов приходится на научную и техническую сферы, а не на литературу в собственном смысле слова. См.: A. Odin, *Genese des grands hommes* (Paris, 1895), Vol. I, p. 477 и далее, Vol. II, таблицы XX—XXI. — *Примеч. автора.*

⁸⁵ Alfonse de Candolle, *Histoire des sciences et des savants* (Geneva—Basel, 1885), p. 329. — *Примеч. автора.*

⁸⁶ Ibid., p. 330. Cp.: J. Facaoru, *Soziale Auslese* (Klausenberg, 1933), S. 138-139. «Die Konfession hat einen grossen Einfluss auf die Entwicklung der Wissenschaft gehabt. Die Protestanten wiesen überall eine grossere Zahl hervorragender Männer auf» [«Эта конфессия оказала великое влияние на развитие науки. Протестанты повсеместно давали большое число выдающихся людей»]. — *Примеч. автора.*

ма и других нерелигиозных факторов предположительно преобладало над реальным влиянием религии. Сравнение тесно связанных друг с другом населений служит прежде всего исключению этих «посторонних» факторов, однако и в этом случае мы приходим к тем же результатам. Так, в списке зарубежных членов-корреспондентов парижской Академии наук нет ни одного ирландского или английского католика, хотя в населении трех королевств их доля превосходила одну пятую часть. Католическая Австрия в этом списке вообще не представлена; аналогичным образом, в производстве выдающихся ученых в целом отсутствует и католическая Германия в отличие от Германии протестантской. Наконец, в Швейцарии, где эти две религии в значительной степени дифференцированы по кантонам или перемешаны в некоторых из них и где на каждых трех протестантов приходится по два католика, было четырнадцать зарубежных членов-корреспондентов, и среди них ни одного католика. Точно также дифференцированы швейцарцы, а также англичане и ирландцы, представляющие эти два вероисповедания, в списках Лондонского Королевского общества и берлинской Императорской академии наук⁸⁷.

Представлением этих данных мы завершаем эмпирическую проверку нашей гипотезы. Как бы то ни было, связь протестантизма с научными и технологическими интересами и достижениями выражена достаточно ясно, даже если устранить, насколько это возможно, вне-религиозные влияния. Эту связь можно в целом понять, исходя из норм, воплощенных в обеих системах. Положительная оценка протестантами почти не прикрытого утилитаризма, внутримирских интересов, глубоко идущего эмпиризма, права и даже долга заниматься *litre examen**, а также эксплицитного индивидуального сомнения в авторитетах была конгениальна соответствующим ценностям, находимым в современной науке. И, быть может, в первую очередь было важно активное аскетическое влечение к изучению Природы с целью поставить ее под свой контроль. А стало быть, эти две области были хорошо интегрированы друг с другом и, в сущности, взаимно друг друга поддерживали, причем не только в Англии семнадцатого века, но и в другие времена и в других местах.

⁸⁷ Candolle, *op. cit.*, p. 330 и далее. — *Примеч. автора.*

* свободное исследование (*лат.*). — *Примеч. пер.*

Библиографический постскрипtum

Гипотеза Макса Вебера о роли аскетического протестантизма в становлении современного капитализма положила начало целой библиотеке научных и полемических работ на эту тему. Например, в середине тридцатых годов Аминторе Фанфани, оценивая имеющийся материал, уже имел возможность сослаться на несколько сотен публикаций. См.: A. Fanfani, *Catholicism, Protestantism and Capitalism* (New York: Sheed & Ward, 1935). Сам Вебер не провел аналогичного исследования связей между аскетическим протестантизмом и развитием науки, однако завершил свой классический очерк описанием одной из «очередных задач», состоящей в необходимости выяснить «значение аскетического рационализма (лишь намеченное в предыдущем очерке)... [для] развития философского и научного эмпиризма [и для]... развития техники» (M. Weber, *The Protestant Ethic*, p. 182—183; М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма — М. Вебер. Избранные произведения». — М.: Прогресс, 1990. с. 207). Вышепомещенная глава, впервые опубликованная в 1936 году, была задумана как попытка последовать этому указанию и продолжить линию исследований, начатых Вебером.

Книги и статьи, цитируемые в этой главе, дополнились с тех пор другими работами, имеющими то или иное отношение к гипотезе, связывающей пуританство, пиетизм и науку. В многочисленных работах были существенно прояснены разновидности и оттенки доктрин и ценностей, заключенных в пуританстве. Наиболее полезными среди них я счел следующие работы: John Thomas McNeill, *The History and Character of Calvinism* (New York: Oxford University Press, 1954), где показано, что кальвинизм сформировал ядро английского пуританства, и прослеживаются различные его следствия для общества и для мысли; William Haller, *The Rise of Puritanism* (New York: Columbia University Press, 1939), где в богатых и убедительных подробностях описывается, как книжная и устная пуританская пропаганда помогла подготовить почву для парламентского восстания, радикализма левеллеров, многочисленных сектантских расколов, зарождающейся буржуазной этики и экспериментальной науки; Charles H. George, «A Social Interpretation of English Puritanism», *The Journal of Modern History*, 1953, Vol. 25, p. 327—342, где предпринимается попытка выделить основные компоненты пуританства и его основные типы; G.R. Cragg, *From Puritanism to the Age of Reason* (Cambridge University Press, 1950), где предпринято «исследование изменений в религиозной мысли, произошедших в Церкви Англии в период с 1660 по 1700 г.г.».

Эти и подобные работы еще раз показали, что пуританство, как и большинство религиозно-социальных вероисповеданий, не было внутренне однородным. Практически все ученые, интенсивно изучавшие этот вопрос, сходятся во мнении, что из множества сект, образующих аскетический протестантизм, большинство обеспечивало такую ценностную ориентацию, которая побуждала к научным занятиям. (См. также заметку: Jean Pelseneer, «L'origine Protestante de la science moderne», *Lychnos*, 1946—1947, p. 246—248.) Однако на этом их единодушие заканчивается. Некоторые пришли к выводу, что больше всего для развития повышенного интереса к науке сделали более радикальные сектанты из числа пуритан. См., например: George Rosen, «Left-wing Puritanism and Science», *Bulletin of the Institute of the History of Medicine*, 1944, Vol. 15, p. 375—380. Биохимик и историк науки Джозеф Нидхем комментирует тесные связи между движением дигтеров, гражданским крылом левеллеров и новым растущим интересом к экспериментальной науке в своем сборнике очерков: *Time: The Refreshing River* (New York: The Macmillan Company, 1943), p. 84—103. Другие считают, что ценностный климат, наиболее благоприятный для роста интереса к науке, был среди умеренных пуритан, примером чему служит Роберт Бойль. См.: James B. Conant, «The Advancement of Learning During the Puritan Commonwealth», *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*, 1942, Vol. 66, p. 3—31; более общедоступное, хотя и не столь подробное обсуждение данной темы можно найти в работе того же автора *On Understanding Science* (New Haven: Yale University Press, 1947), p. 60—62. Р. Хойкас, выдающийся голландский историк науки, сообщает, что сделанный им биографический обзор научных и религиозных ориентации Бойля подтверждает основные открытия, изложенные в настоящей главе: R. Hooykaas, *Robert Boyle: een studie over Natuurwetenschap en Christendom* (Loosduinen: Kleijwegt, 1943); в главах 3—4 книги Хойкаса анализируется убеждение Бойля в том, что изучение естественной философии является религиозно оправданным моральным долгом (особенно ясно это убеждение выражено в: R. Boyle, *The Christian Virtuoso, shewing, that by being addicted to experimental philosophy a man is rather assisted than indisposed to be a good Christian*, 1690), что для постижения трудов Господних требуется не просто рациональность, но и эмпиризм, и что веротерпимость, а не гонение, является той политикой, которой надлежит руководствоваться в отношениях даже с самыми фанатичными сектами.

Данные, приводимые в подтверждение этих двух конкурирующих посылок — а именно, что основной центр интереса к науке следует искать среди радикальных либо среди умеренных пуритан, — еще недостаточны для того, чтобы прийти к окончательному выводу. Про-

ведение тонких различий между разными пуританскими сектами, разумеется, помогает придать более строгую определенность нашей гипотезе, однако имеющиеся данные пока не позволяют с уверенностью сказать, какие из них были наиболее расположены к развитию науки того времени.

Ряд новейших исследований дает основательную документацию того, как этос одной из пуританских сект — а именно квакеров — способствовал кристаллизации отчетливо выраженного интереса к науке. Фредерик Б. Толлес выводит подчеркнутый интерес квакеров к науке из их религиозного этоса, причем делает это почти в таких же терминах, что и предложенные в вышеприведенной главе этой книги (F.B. Tolles, *Meeting House and Counting House* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1948), p. 205—213). Артур Рейстрик менее аналитично и подчас даже тенденциозно подчеркивает *факт* наличия большой доли квакеров среди членов Королевского Общества и *факт* их широкой работы в сфере науки (A. Raistrick, *Quakers in Science and Industry, being an Account of the Quaker Contributions to Science and Industry During the 17th and 18th Centuries* (London: The Bannisdale Press, 1950). Но, как справедливо замечает профессор Хойкас, эти непроанализированные факты не указывают сами по себе на то, что особенное участие квакеров в научной деятельности вытекало из их религиозной этики; вполне возможно, оно было отражением широко распространенной склонности состоятельных англичан, в числе которых было непропорционально много квакеров, обращать свой взор к вопросам естественной философии (см. статью Р. Хойкаса в январском номере журнала *Archives Internationales d'Histoire des Sciences* за 1951 г.). Между тем Брук Хиндл в своей сжатой и поучительной статье идет дальше и показывает, что религиозная этика реально играла эту роль среди квакеров одной отдельно взятой колониальной территории. См.: B. Hindle, «Quaker Background and Science in Colonial Philadelphia», *Isis*, 1955, Vol. 46, p. 243—250; а также его превосходную монографию *The Pursuit of Science in Revolutionary America, 1735—1789* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1956).

Можно вспомнить, что одна из основных гипотез этой главы гласила, что именно *непреднамеренные и по большей части непредвиденные следствия* религиозной этики, сформулированной великими лидерами Реформации, развились со временем в систему ценностей, благоприятную для занятий наукой. (Ср.: F.S. Mason, «The Scientific Revolution and the Protestant Reformation. I. Calvin and Servetus in Relation to the New Astronomy and the Theory of the Circulation of the Blood. II. Lutheranism in Relation to Iatrochemistry and German Nature Philosophy», *Annals of Science*, 1953, Vol. 9, p. 64-87, 154-175.) Исто-

рическое формирование этой этики, несомненно, в какой-то мере происходило в ответ на изменение социального, культурного и экономического контекстов, но отчасти имело место и имманентное развитие самих религиозных идей и ценностей (наиболее ясно по сравнению с другими протестантскими лидерами это понимал Уэсли). Но это значит лишь еще раз сказать, что роль аскетического протестантизма в поощрении развития науки не оставалась фиксированной и неизменной. То, что в шестнадцатом и начале семнадцатого столетия присутствовало лишь имплицитно, стало для многих во второй половине семнадцатого и в восемнадцатом столетии явным и зримым. Некоторые новейшие исследования подтверждают правильность этой интерпретации. Книга Пола Кочера (Paul H. Kocher, *Science and Religion in Elizabethan England* (San Marino, California: The Huntington Library, 1953), опирающаяся на кропотливый анализ первоисточников и современных исследований, свидетельствует, насколько далеко ушли ученые с тех пор, когда предметом их изучения были только источники конфликта между наукой и религией, словно конфликт был *единственным* отношением, могущим существовать и исторически существовавшим между этими социальными институтами. В противовес этому названная монография показывает, что в елизаветинской Англии существовал широкий простор для развития науки в границах, установленных религиозной доктриной того времени. И дело не просто в *терпимом отношении* религии к науке. Для периода до 1610 года Кочер не может найти убедительных данных, которые бы свидетельствовали «за или против» гипотезы, что пуританство создавало более «плодородную почву для естественной науки в Англии, нежели... соперничавшие с ним религии» (р. 17). Данные, касающиеся этого раннего периода, не позволяют сделать надежные выводы. Однако, говорит он далее, «мы, глядя с высоты двадцатого века, можем увидеть, что в конечном счете пуританская практичность способствовала развитию науки больше, чем пуританская одухотворенность ему мешала — причем, возможно, в большей степени (хотя это уже не столь определено), чем англиканская доктрина и практика. Но последствия такого стимулирующего воздействия должны были проявиться лишь постепенно, по мере развития пуританства. Елизаветинская эпоха еще не могла дать конкретных свидетельств, необходимых для различения и сопоставления относительного вклада, внесенного в науку пуританами и англиканцами» (р. 19). Между тем, если рассмотреть упоминаемую Кочером противоположность «практичности» и «одухотворенности» последующих поколений пуритан с точки зрения имманентной динамики религиозного этоса, то она скорее кажущаяся, чем реальная. Ибо, как удалось подробно показать Веберу, «посюсторонняя практичность» исторически родилась из изначально «потусторонних» ценностей пуританства, ко-

торое призвало к активной и упорной деятельности в этом мире и тем самым перевернуло изначальную ценностную ориентацию (этот процесс — пример того, что Вебер называл *Paradoxie der Folgeri*). Явная конформность к этим ценностям вызвала такие латентные следствия, которые по своему характеру далеко отошли от тех ценностей, которые их породили.

К восемнадцатому веку этот процесс изменения увенчался, как говорит Бэзил Уилли, «священным союзом между наукой и религией» (B. Willey, *The Eighteenth Century Background* (New York: Columbia University Press, 1941). Если в семнадцатом столетии символом и воплощением этого альянса был Роберт Бойль, то в восемнадцатом веке аналогичную роль выполнял Джозеф Пристли, ученый и апостол унитарная ства.

Позднейшие связи, существовавшие между наукой и религией в Англии с конца восемнадцатого до середины девятнадцатого столетия, были тщательно проанализированы в монографии: Charles C. Gillispie, *Genesis and Geology: A Study in the Relations of Scientific Thought, Natural Theology and Social Opinion in Great Britain, 1790—1850* (Cambridge: Harvard University Press, 1951). Джиллиспай, интересуясь не столько ролью религии в привлечении и мотивации ученых, сколько теми основаниями, на которых геологические открытия принимались как согласующиеся с религиозными учениями, прослеживает процесс, посредством которого обычно происходила их интеграция в культуру.

Когда в 1936 году писалась статья, составившая настоящую главу этой книги, я почти целиком опирался на новаторское исследование Ирен Паркер (1914), посвященное роли раскольников академий в развитии нового научного образования в восемнадцатом веке*. Это исследование в целом сохранило свою значимость, однако получило существенное развитие и было несколько модифицировано в замечательном исследовании Николаса Ханса: N. Hans, *New Trends in Education in the Eighteenth Century* (London: Routledge & Kegan Paul, 1951). Часть исследования Ханса базируется на статистическом анализе социального происхождения, уровня образования и последующей карьеры примерно 3500 индивидов, составлявших интеллектуальную элиту восемнадцатого столетия, и основные данные для него были систематически извлечены из индивидуальных биографий,

* Если бы меня спросили, отчего я не воспользовался позднее изданной и богатой фактами книгой М. МакЛаклана (M. MacLachlan, *English Education under the Test Acts*, 1931), я мог бы только сказать в ответ, воспользовавшись словами еще одного «безвредного работяги»: «Из невежества, мадам, из чистого невежества». Следует, однако, добавить, что выводы МакЛаклана совпадают в главных моментах с основными выводами Ирен Паркер. — *Примеч. автора.*

содержащихся в том почти неисчерпаемом источнике материала для исторической социологии, каким является «Словарь национальных биографий»*. Здесь будут вкратце освещены лишь некоторые из его многочисленных открытий. Он, например, выясняет, что раскольнические школы и академии выпускали около 10 процентов элиты, могущество которой, как замечает Ханс, «намного превосходило ее относительную долю в населении Англии XVIII века» (р. 20). Тем не менее, отмечает он (а мы увидели, что так на самом деле и было), религиозные «мотивы» были не единственными, которые способствовали в этот период становлению современного (особенно научного) образования; к религиозным мотивам присоединялись «интеллектуальные» и «утилитарные». Так, если «пуритане развивали науку как дополнительную опору христианской веры, базирующейся на откровении, то деисты видели в науке основание всякой веры в Бога» (р. 12). Эти три типа мотивов, как правило, поддерживали друг друга: «Диссентеры, как и многие пуритане, остававшиеся в Церкви, проявляли религиозный мотив к реформе образования. Идея *propagatio fidei per scientia*** находила среди диссентеров многочисленных привержен-

* Историческая социология еще только приступила к освоению того богатого материала, который содержится в объемистых собраниях биографий и иных исторических свидетельств. Хотя статистический анализ такого материала не может заменить детального качественного анализа исторических данных, он дает *систематическую* основу для получения новых открытий, а часто и для коррекции полученных ранее выводов. По крайней мере об этом позволяет судить мой опыт статистического анализа примерно шести тысяч биографий лиц, составлявших элиту Англии XVII столетия (включенных в *Dictionary of National Biography*), перечней важных открытий и изобретений (приведенных в книге: Darmstadter, *Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik*), а также 2 тысяч статей, опубликованных за последнюю треть XVII века в *Philosophical Transactions*. (См.: R. Merton, *Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England*, 1938, Chapters II—III.) Наиболее широкое применение такого статистического анализа можно найти у Сорокина: P.A. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics* (New York: American Book Co., 1937). Разумеется, подготовка статистических обобщений такого рода сопряжена со своими опасностями: войдя в рутину, эти компиляции, не ограниченные знанием исторических контекстов соответствующих данных, могут привести к необоснованным выводам. Некоторые из этих опасностей обсуждаются в: P.A. Sorokin, R.K. Merton, «The Course of Arabian Intellectual Development: A Study in Method», *Isis*, 1935, Vol. 22, p. 516—524; Merton, *op. cit.*, p. 367 и далее, 398 и далее. Более углубленное рассмотрение проблем, связанных с процедурной стороной исследования, см. в: Bernard Berelson, *Content analysis* (Glencoe: Free Press, 1951). Во многих последних исследованиях социального происхождения деловой элиты использовались подобного рода материалы; см. исследования Уильяма Миллера, Ч.Р. Милса и Сюзан Келлер, замечательный обзор которых представлен в книге: Bernard Barber, *Social Stratification* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1957). — *Примеч. автора.*

** пропаганда веры через науку (*лат.*). — *Примеч. пер.*

цев. Интеллектуальные же и утилитарные резоны первоначально были приведены в действие светскими учреждениями и учителями, и только потом их приняли с распростертыми объятиями раскольнические академии» (р. 54).

В связи с последним обстоятельством Ханс считает необходимым отмежеваться от тезиса, выдвинутого Ирен Паркер (и принятого мною в этой статье), полагая, что она приписывает академиям почти исключительное влияние на развитие современного образования в восемнадцатом столетии. Его поправка к этому тезису, опирающаяся на обширные данные, выглядит вполне оправданной. К тому же она проясняет проблему, которая, как может пожаловаться по крайней мере один исследователь данного вопроса, долгое время ставила его в тупик и оставалась нерешенной. Речь идет о том хорошо известном факте, что некоторые крайние формы кальвинистского раскола на протяжении долгого времени скорее неприязненно относились к развитию науки, нежели ему способствовали. Ханс отмечает, что «хотя кальвинистская традиция была в основе своей прогрессивна, она легко вырождалась в узкий и нетерпимый догматизм» (р. 55). Баптисты, например, питали глубокое «отвращение к новому образованию исходя из своих убеждений и только к концу столетия присоединились к другим раскольническим сектам [особенно пресвитерианам и индепендентам] в продвижении реформы» (р. 55). Короче говоря, одно крыло нонконформистов буквально следовало некоторым ограничительным догматам кальвинизма, и именно эта подгруппа проявила то враждебное отношение к науке, которое так долго обнаруживалось в некоторых фундаменталистских сектах протестантизма. Образно говоря, «кальвинизм таил в себе семена современного свободного образования, но потребовалась подходящая среда для того, чтобы они проросли» (р. 57). И, как мы с вами увидели, этот социальный и культурный контекст постепенно сложился в Англии в рассматриваемую эпоху.

Эти работы о меняющихся отношениях между пуританством и наукой в Англии прекрасно дополняет исследование Перри Миллера, посвященное развитию этих отношений в особых условиях Новой Англии. (P. Miller, *The New England Mind: The Seventeenth Century*. Переиздано как *The New England Mind: From Colony to Province* (Cambridge: Harvard University Press, 1954.) В этой содержательной работе показывается восприимчивость теократических лидеров колонии к науке, а также последующий процесс секуляризации с его утилитарным акцентом. Краткое, но поучительное сравнение интерпретации, предложенной Перри Миллером, с интерпретацией, изложенной в этой главе, приводится в статье Лео Маркса в журнале, *Isis*, 1956, Vol. 47, p. 80-81.

Как мы увидели из данных, собранных Альфонсом де Кандойе (см. выше), связь аскетического протестантизма и интереса к науке в какой-то степени, безусловно, сохранялась в течение всего девятнадцатого века. Данные Кандойе были позднее еще раз проанализированы и увенчались теми же самыми выводами. См.: Isidor Thomer, «Ascetic Protestantism and the Development of Science and Technology», *American Journal of Sociology*, 1952, Vol. 58, p. 25—33, особенно p. 31—32. Торнер также проанализировал данные, приведенные П.А. Сорокиным с целью поставить под сомнение эту гипотезу, и обнаружил, что эти данные в действительности с ней согласуются (ibid., p. 28—30). Критические замечания Сорокина см. в его книге: *Social and Cultural Dynamics*, Vol. II, p. 150-152.

В еще одном тщательном обзоре материалов Кандойе, сделанном Лилли, показана как их полезность, так и их ограниченность. См.: S. Lilley, «Social Aspects of the History of Science», *Archives Internationales d'Histoire des Sciences*, 1949, Vol. 28, p. 376—443, особенно p. 333 и далее. Лилли отмечает, что корреляции между протестантизмом и наукой могут быть иллюзорными, ибо «торговые и промышленные классы [испытывающие больший интерес к науке] в среднем чаще были по вероисповеданию протестантами, тогда как крестьяне и более феодальные типы землевладельцев — католиками». Мы учли это ограничение и, соответственно, сравнили интерес к научным дисциплинам среди католиков и протестантов, живших в одних и тех же регионах. Кроме того, Лилли критикует работу Кандойе за невнимание к историческому изменению этих связей и сваливание в одну кучу «без всякого различия целого периода с 1666 по 1868 г.». Предполагается, что религиозные приверженности позднего, более секуляризованного периода представили бы меньшую связь с доктринами и ценностями, нежели в раннем периоде; имели бы тенденцию учащаться чисто номинальные принадлежности. Эта критика тоже, как мы увидели, небезосновательна. Но, как замечает далее Лилли, другие имеющиеся данные все-таки подтверждают наличие глубокой связи между аскетическим протестантизмом и наукой, хотя эта связь может либо маскироваться, либо, наоборот, выпячиваться на всеобщее обозрение другими взаимозависимыми социальными и экономическими изменениями.

То, что в Соединенных Штатах эта связь по сей день сохраняется, показывает проведенное недавно глубокое исследование социального происхождения американских ученых, охватывающее период с 1880 по 1940 г. См.: R.H. Knapp, H.B. Goodrich, *Origins of American Scientists* (Chicago: University of Chicago Press, 1952). Авторы так обобщают полученные на этот счет данные: «Наши данные показали, что католи-

ческие [академические] заведения заметно отстают в производстве ученых [но не других категорий профессионалов; например, юристов] и что, с другой стороны, некоторые из наших наиболее продуктивных, меньших по размеру заведений тесно связаны с протестантскими деноминациями и обслуживают преимущественно протестантскую клиентуру. Более того, данные Лемана и Вишера о «самых видных» ученых [т.е. ученых, включенных в справочник *American Men of Science* и считающихся выдающимися], несмотря на свою ограниченность, совершенно ясно указывают на то, что доля католиков в этой группе чрезвычайно мала, а некоторые протестантские деноминации представлены в этом списке в несколько сотен раз чаще. Эта статистика, взятая в сочетании с другими данными, не оставляет почти никаких сомнений в том, что круг наших ученых пополняется в непропорционально высокой степени за счет американских протестантов» (р. 274).

О почти таком же впечатлении, которое не было, однако, подкреплено систематическими данными, сообщали и католические ученые. «Отец Купер говорит, что «с неохотой был бы вынужден защищать тезис, что католики составляют в высших эшелонах американской науки всего 5 или даже 3 процента. И это при том, что мы, католики, составляем около 20 процентов населения страны». См.: J.M. Cooper, «Catholics and Scientific Research», *Commonweal*, 1945, Vol. 42, p. 147—149; цит. по: Bernard Barber, *Science and the Social Order*, p. 136. Барбер приводит также аналогичные наблюдения Жана А. Ренье, директора Лобундских лабораторий университета в Нотр-Дам, и Джозефа П. Фитцпатрика; *ibid.*, p. 271.

Этот обзор новейшей литературы по занимающему нас вопросу весьма последовательно подтверждает гипотезу о наличии наблюдаемой позитивной взаимосвязи между аскетическим протестантизмом и наукой. Данные, предоставляемые любым из этих исследований, как правило, далеко не однозначны. Но, в конце концов, это свойственно большинству свидетельств об исторически меняющихся отношениях между социальными институтами. Принимая во внимание не какое-то отдельное исследование, а весь их спектр, опирающийся на материалы, полученные из разных источников, мы, видимо, вправе прийти к некоторой небезосновательной уверенности в том, что эмпирическая взаимосвязь, предположенная в вышеприведенном исследовании, действительно существует.

Но, разумеется, простая эмпирическая взаимосвязь лишь вводит в интеллектуальную проблему, а не ставит на ней точку. Как отмечал Вебер в самом начале своего блистательного очерка «Протестантская этика и дух капитализма»: «При ознакомлении с профессиональной

статистикой любой страны со смешанным вероисповедным составом населения неизменно обращает на себя внимание одно явление, неоднократно обсуждавшееся в католической печати и литературе и на католических съездах Германии. Мы имеем в виду несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий» (Weber, *The Protestant Ethic*, p. 35; М. Вебер, «Протестантская этика и дух капитализма», с. 61). То случайное обстоятельство, что готовой сравнительной статистики религиозного состава ученых нет и что ее приходится кропотливо собирать для настоящего и составлять по крупицам для прошлого, еще не делает эмпирическое открытие само по себе сколь-нибудь более значимым (хотя терпеливые труды тех, кто делает эту неблагодарную черную работу, возможно, и заслуживают нашего почтительного внимания). Ибо, как мы увидели при рассмотрении статуса эмпирических обобщений (в главе IV), это лишь ставит перед нами задачу проанализировать и проинтерпретировать наблюдаемое единообразие. Именно этой задаче и был посвящен настоящий очерк.

Видимо, нет необходимости еще раз повторять основные компоненты интерпретации, предложенной в этом очерке. Однако недавняя критика этого исследования дает повод повторно рассмотреть некоторые эмпирические и теоретические элементы интерпретации, которые, похоже, могут выпасть из поля зрения. Джеймс Кэрролл в своей критической статье (J.W. Carroll, «Merton's Thesis on English Science», *American Journal of Economics and Sociology*), 1954, Vol. 13, p. 427—432) сетует на некоторые, по его мнению, оплошности в формулировках. Предполагается, что я не заметил или не осознал в должной степени гетерогенность вероисповеданий, включенных в протестантизм вообще и в пуританство в частности. Будь этот упрек правомерен, он, безусловно, заслуживал бы внимания. Тем не менее следует заметить, что та глава моей диссертации, в которой вводится обсуждаемая гипотеза, начинается с упоминания «разнообразия теологических доктрин среди протестантских групп Англии семнадцатого столетия», после чего обсуждаются ценности, верования и интересы, общие для многочисленных сект, вышедших из лона кальвинизма (Merton, *Science, Technology and Science in Seventeenth-Century England*, Chapter IV, p. 415 и далее). И, как можно увидеть из этого библиографического послесловия, историческая наука довольно тщательно установила не только различия, но и сходства между пуританскими сектами, родившимися из аскетического кальвинизма.

Далее Кэрролл говорит, что данные, свидетельствующие о наличии связи между нормами пуританства и науки, выявляют лишь эмпирическое сходство между ними (или, как он говорит, контовскую «корреляцию утверждений»). Но это значит проигнорировать доказанный факт, что сами английские ученые постоянно апеллировали к этим пуританским ценностям и определенно воплощали их на практике (ibid., Chapter V).

То, что пуританские ценности действительно выражались учеными, фактически подразумевается в следующем дальше предположении Кэрролла, будто в моем исследовании не установлена основа для проведения различия между «рационализациями» и «мотивами» этих ученых. Здесь затрагивается теоретическая проблема, настолько общезначимая и встречающаяся настолько широкое непонимание, что будет уместно повторить часть того, что было сказано по поводу нее в этом раннем исследовании. «Нынешние дискуссии о «рационализациях» и «деривациях» обыкновенно отвлекали внимание от ряда основополагающих вопросов. Действительно, «резоны», приводимые в оправдание собственных действий, зачастую не дают удовлетворительного объяснения этого поведения. Также приемлема гипотеза, что идеологии [сами по себе] редко *приводят* к действию и что как сама идеология, так и действие являются скорее продуктом общих чувств и ценностей, реакцией на которые они, в свою очередь, являются. Однако идеи эти нельзя игнорировать по двум причинам. Они дают ключ к выявлению базисных ценностей, мотивирующих поведение. Пренебрегать такими показателями было бы неразумно. И еще более важна роль идей в направлении действия в то или иное *конкретное* русло. *Именно доминирующая система идей определяет выбор альтернативных способов действия, в равной степени совместимых с основополагающими чувствами*» (ibid., p. 450).

Что же касается различия между выражением резонов, являющихся просто приспособительным лицемерием, и резонов, выражающих базисные ориентации, то здесь, как и в иных случаях, критерием служит поведение, согласующееся с этими резонами — даже если почти или целиком отсутствует перспектива своекорыстного мирского вознаграждения. Случай Роберта Бойля, наиболее ясный и лучше всего задокументированный, может быть в этом отношении представителем для других пуритан из числа его научных коллег, которые в разной степени выражали свои религиозные чувства как в своей частной, так и в научной жизни. Кажется невероятным, чтобы Бойль «просто рационализировал», когда говорил, «что те, кто старается отвлечь людей от усердных Исследований Природы, избирают

(хотя, допускаю, и непреднамеренно) путь, ведущий к ниспровержению Бога...» (Robert Boyle, *Some Considerations Touching the Usefulness of Experimental Natural Philosophy* (Oxford, 1664); 2d edition, p. 27.) Ибо тот же Бойль уже в возрасте двадцати одного года написал ряд религиозных эссе; несмотря на отвращение к изучению языков, выразил свое благоговение перед священными писаниями, изучив еврейский, греческий, халдейский и сирийский языки с тем, чтобы прочесть их в ранних версиях; обеспечил пансион Роберту Сэндерсону, дабы тот мог продолжать писать книги по казуистике; изрядно поистратился на издание индийской, ирландской и уэльской Библий и, словно этого было еще недостаточно, на издание Нового Завета на турецком языке и малайской версии Евангелий и Книги Деяний Святых Апостолов; стал управляющим Корпорации по распространению Евангелия в Новой Англии и, занимая пост директора Ост-Индской компании, направил силы и денежные ресурсы на распространение христианства в этих регионах; внес существенный вклад в финансирование издания «Истории Реформации» Бернета; обнародовал свое религиозное кредо в книге «Христианский ученый» и, наконец, завещал направить средства, вырученные от издания «Бойлевых лекций», на защиту христианства от неверующих. (Это сжатое резюме приводится в биографии Бойля, написанной Э.М. Клерком для «Словаря национальных биографий».) Хотя Бойль пользовался среди пуританских ученых наибольшим почетом, он все-таки был лишь первым среди равных, о чем свидетельствуют, помимо прочих, Уилкинс, Уиллоби и Рей. Насколько позволяют судить исторические записи слов и действий, представляется, что ученые вроде Бойля не просто «рационализировали».

И последнее критическое замечание Кэрролла, если оно действительно сделано добросовестно, а не продиктовано легкомыслием, демонстрирует меланхоличную невосприимчивость к банальным, но неудобным фактам истории. Он говорит, что я, показывая первоначальный преимущественно протестантский состав Королевского Общества в обсуждаемом очерке, не принимаю во внимание возможность того, что «невидимая коллегия», из которой возникло Общество, была частью широкого протестантского движения за реформу и что, следовательно, известным католикам доступ в нее был закрыт. То, что первоначальный состав Королевского Общества был *протестантским*, стало быть, принимается без обсуждения; в те дни, в 60-е годы XVII века, несмотря на позднейшие политические отношения Карла II с католицизмом Людовика XIV, католикам вряд ли могла быть дарована прерогатива учреждения ассоциации под покровительством Короны. Однако фактом, представляющим для нас повышенный ин-

терес, является, конечно, не то, что Общество было преимущественно *протестантским*, а то, что оно было преимущественно *пуританским*. Относительно же замечания, что официальным католикам был перекрыт доступ на академические посты, явно необходимо напомнить о том, что Тест-акт 1673 года, хотя позднее в отдельных случаях время от времени и аннулировался, перекрывал доступ в университеты не только католикам и евреям, но и нонконформистам. Тем не менее, хотя все это оставалось в силе вплоть до девятнадцатого столетия, нонконформисты продолжали поставлять значительную долю людей науки.

Этот краткий обзор накопленных за последнее время данных наводит на мысль о том, что, сколь бы это ни противоречило намерениям великих реформаторов, аскетические протестантские секты развивали особую предрасположенность к работе в области науки. В свете возможных встречных течений, исходивших от других исторических сил и способных отклонить эту раннюю ориентацию на науку, особенно примечательно то, что связь между аскетическим протестантизмом и наукой сохранилась по сей день. Хотя глубокая преданность ценностям аскетического протестантизма стала, по-видимому, уже не такой обычной, эта ориентация, лишенная своих теологических смыслов, очевидным образом сохраняется. Как и любая иная гипотеза, особенно в сфере исторической социологии, эта гипотеза должна рассматриваться как предварительная и подлежащая пересмотру по мере получения новых сведений. Вместе с тем, исходя из данных, которыми мы ныне располагаем, этот факт можно считать вполне установленным, и из него вытекают определенные следствия, проливающие свет на более широкую проблему связей науки с другими социальными институтами.

Первое из этих следствий состоит в том, что по крайней мере в данном случае связи, сложившиеся между наукой и религией, были косвенными и непреднамеренными. Ибо, как уже неоднократно говорилось, реформаторы не питали особого восторга в отношении науки. Лютер относился к ней в лучшем случае индифферентно, в худшем случае — враждебно. В своих «Установлениях» и «Комментарии к Книге Бытия» Кальвин относился к ней двойственно; он придавал некоторую ценность практическому интеллекту, но в гораздо меньшей степени, чем знанию, данному в откровении. Тем не менее религиозная этика, идущая от Кальвина, способствовала развитию такого состояния ума и такой ценностной ориентации, которые приглашали к занятиям естественной наукой.

Во-вторых, оказывается, что как только такого рода ценностная ориентация устанавливается, она сразу же приобретает некоторую

степень функциональной автономии, вследствие чего предрасположенность к науке может сохраняться еще долгое время после ее отсечения от первоначальных теологических якорей.

В-третьих, этот образец ориентации, который можно статистически выявить даже сейчас, может приниматься непреднамеренно и не достигать порога осознания у многих из тех, кто им обладает.

И наконец, в-четвертых, в высокой степени зримое взаимодействие между институтами науки и религии — явленное, например, в так называемой войне, развернувшейся между ними в девятнадцатом веке — может скрывать за собой внешне менее заметную, непрямую, но, возможно, более значимую связь между ними.

XXI. НАУКА И ЭКОНОМИКА АНГЛИИ XVII СТОЛЕТИЯ

Взаимодействие социально-экономического и научного развития вряд ли вызывает сомнение. Однако когда о социально-экономическом влиянии на науку говорят в общих непроанализированных терминах, сразу же возникает проблема. Социолога науки в особенности интересуют *типы* этого влияния (благоприятствующие или препятствующие), *степень*, в которой эти влияния оказываются эффективными в разных социальных структурах, и *процессы*, через посредство которых они действуют. Между тем невозможно даже предварительно ответить на эти вопросы, не прояснив, какими понятийными инструментами мы пользуемся. Слишком часто бывает так, что социолог, отвергнув мифотворческое или героическое толкование истории науки, впадает в вульгарный материализм и пытается отыскать простые параллели в социальном и научном развитии. Такие недалековидные попытки неизменно увенчиваются не на шутку пристрастной и несостоятельной дискуссией.

Постановка проблемы

Начнем с упоминания трех общепринятых, но ошибочных постулатов. Первый и самый иллюзорный — отождествление личной мотивации ученых со структурными детерминантами их исследований. Второй — убеждение, будто социально-экономические факторы дают исчерпывающее объяснение всего комплекса научной деятельности. Третий — вкладывание «социальных потребностей» туда, где эти потребности, в любом значимом для нас смысле, отсутствуют.

Как пример путаницы, вытекающей из неточной концептуализации связей между мотивацией поведения ученых и его структурными детерминантами, можно взять недавнюю критику Кларком¹ очерка

© Перевод. Ниолаев В.Г., 2006

¹ G.N. Clark, *Science and Social Welfare in the Age of Newton* (Oxford, 1937). См.: B. Hessen, «The Social and Economic Roots of Newton's *Principia*», *Science at the Cross Roads* (London, 1931). — *Примеч. автора.*

Гессена. Кларк склонен сводить роль социально-экономических факторов развития науки к роли утилитарных мотивов ученых и, соответственно, отождествлять «бескорыстное желание знать, стремление ума к методическому упражнению самого себя без всякой практической цели» с научной деятельностью, никак не обусловленной социально-экономическими элементами². Так, с целью проиллюстрировать бескорыстность (в этом смысле слова) Ньютона Кларк приводит часто цитируемый анекдот, суть которого в том, что некий друг, которому «Ньютон дал почитать экземпляр «Начал» Евклида, спросил его, какую «выгоду или пользу в жизни» может принести изучение сей книги. Это был единственный документально зафиксированный случай, когда Ньютон рассмеялся³. Но даже если эта история и достоверна, релевантность ее для занимающего нас вопроса будет ничтожной, если только мы не примем допущение, что люди неизменно *сознают* социальные силы, определяющие их поведение, и что понять их поведение можно только через их осознанные мотивации.

Мотивы могут варьировать в диапазоне от желания сделать карьеру до всецело «бескорыстного желания знать», вовсе не противореча при этом тому доказуемому факту, что тематика науки в Англии семнадцатого века в значительной части определялась социальной структурой того времени. Личные мотивы Ньютона никак не меняют того факта, что астрономические наблюдения, которыми он активно пользовался⁴, были продуктом работы Флемстида в Гринвичской обсерватории, построенной по приказу Карла II на благо Королевского военно-морского флота⁵. Не отрицают они и того уди-

² См.: *ibid.*, p. 86, а также целиком главу 3. — *Примеч. автора.*

³ *Ibid.*, p. 91. Оригинальную версию, несколько отличную от этой, можно найти в «Портсмутском Собрании». — *Примеч. автора.*

⁴ См. переписку между Ньютоном и Флемстидом, обильно цитируемую в книге: L.T. More, *Isaac Newton* (N.Y., 1934), глава 11. — *Примеч. автора.*

⁵ Именно потребность в улучшении навигации, согласно Флемстиду, первому королевскому астроному, стала непосредственным поводом к строительству Гринвичской обсерватории. (Кстати, Парижскую обсерваторию Кольбер предложил построить с той же самой целью.) Француз Ле Сьёр де Сен-Пьер приехал в Англию и предложил «более совершенные» методы определения расстояний на море. Флемстид указал в официальном отчете, что этот проект непрактичен, ибо «лунные таблицы отличаются от небесного свода». Когда отчет показали Карлу, «он, пораженный утверждением, что в каталоге ложно указаны положения звезд, произнес с некоторой горячностью, что «ему надлежит заново их понаблюдать, исследовать и исправить на пользу своим морякам». После чего было решено воздвигнуть Обсерваторию и назначить Флемстида королевским астрономом. См.: Francis Baily, *An Account of the Rev'd John Flamsteed, compiled from his own manuscripts* (London, 1935), p. 37. Следует сказать, что годовое жалованье Флемстида составляло всего 100 фунтов. Ему было позволено приобрести себе все необходимые инструменты — за свой собственный счет. — *Примеч. автора.*

вительного влияния, которое оказали на Ньютона такие практически ориентированные ученые, как Галлей, Гук, Рен, Гюйгенс и Бойль. Тезис Кларка спорен даже в вопросе о мотивации, если учесть, что многие ученые в Англии XVII века отчетливо сознавали практические следствия своих изысканий в области чистой науки. А потому не будет необоснованным и неосторожным обобщение, что *каждый английский ученый того времени*, достаточно выдающийся, чтобы быть упомянутым в общей истории науки, эксплицитно связывал по крайней мере некоторые из своих научных изысканий с непосредственными практическими проблемами⁶. Во всяком случае, анализ в одних только терминах (приписываемых) мотивов всерьез уводит нас в сторону и обычно заволакивает туманом вопрос о способах социально-экономического влияния на науку⁷.

Важно отличать личные установки отдельных служителей науки от той социальной роли, которую играют их исследования. Разумеется, некоторые ученые были достаточно влюблены в свое дело, чтобы заниматься им ради него самого, иной раз даже почти не обращая внимания на его практические следствия. Также нам нет нужды предполагать, будто *все* индивидуальные исследования напрямую связаны с техническими задачами. Наука связана с социальными потребностями двояко: прямо, в том смысле, что некоторые исследования намеренно и целенаправленно проводятся ради утилитарных целей, и косвенно, поскольку некоторые проблемы и данные для их решения попадают в сферу внимания ученых, хотя те вовсе и не обязательно сознают практические обстоятельства, которыми они продиктованы.

В связи с этим приходится поставить под вопрос обобщение Зомбарта, что технология XVII столетия была почти полностью разведана⁸ с наукой того времени и что со времен Леонардо до XVIII века ученый и изобретатель шли своими особыми путями. Разумеется, альянс этих двух типов не обеспечивается в равной степени всеми социальными структурами, однако утверждение Зомбарта (и других), будто

⁶ Документы, подтверждающие это утверждение, можно найти в моей книге: *Science, Technology and Society in 17th-Century England* (Bruges, 1938). — *Примеч. автора*.

⁷ Эта проблема систематически рассматривается в: Joseph Needham, «Limiting Factors in the Advancement of Science As Observed in the History of Embryology», *Yale Journal of Biology and Medicine*, 1935, Vol. 8, p. 1 — 18. — *Примеч. автора*.

⁸ См.: Werner Sombart, *Der moderne Kapitalismus* (München, 1921), Bd. 1, S. 466—467. Метафора эта весьма уместна в свете замечания Олденберга, в прошлом секретаря Лондонского Королевского Общества, что целью натурфилософов было «Бракосочетание Природы и Искусства, могущее принести счастливые плоды для пользы и блага Человеческой Жизни» (*Philosophical Transactions*, 1665, 1, p. 109). — *Примеч. автора*.

технология XVII столетия имела, по существу, эмпирический характер, выглядит преувеличением в свете того, что многие ученые обращали свои теоретические познания на практические нужды. Рен, Гук, Ньютон, Бойль, Гюйгенс, Галлей, Флемстид — если упомянуть лишь немногих самых прославленных — посвящали себя как теоретическим, так и практическим изысканиям. Но что еще важнее, ученые все как один верили в практические плоды, которые должны были принести их неустанные усилия. И именно эта убежденность, независимо от ее обоснованности, оказывала частичное влияние на выбираемые ими проблемы. Зерно истины в утверждении Зомбарта сводится к тому факту, что эти люди науки заботились не о развитии промышленной машинерии для применения на фабрике — ибо она не развилась еще настолько, чтобы притязать на их интересы, — а о нововведениях, которые бы способствовали развитию коммерции, угледобычи и военной техники⁹.

В этом контексте критика Гессена Кларком сводится к отрицанию того тезиса, что экономические факторы являются *единственно* определяющими факторами развития науки. Присоединяясь к Гессену, спешу согласиться с этим суждением. Примитивный тезис о всецело экономической детерминации свойствен анализу Гессена, как он и сам указывает (*op. cit.*, p. 177), не более, чем трудам Маркса и Энгельса.

Остается еще третья проблема — проблема установления социальных потребностей, — к которой лучше всего подойти, прибегнув к конкретным эмпирическим категориям. Широко распространенное представление о том, что потребность споспешествует соответствующим изобретениям и придает направленность научным интересам, требует тщательной переформулировки. Специфические насущные потребности часто приводили к сосредоточению внимания на тех или иных областях, но столь же верно и то, что многие человеческие потребности на протяжении многих веков оставались неудовлетворенными. В технической сфере — и не только в ней — потребности являются настолько общими, что почти ничего не объясняют. Каждое изобретение *de facto* удовлетворяет некоторую потребность или представляет собой попытку достичь такого удовлетворения. Необходимо также понять, что для общества, находящегося под наблюдением, не-

⁹ Франц Боркенау уловил это необходимое различие: «Die Naturwissenschaft des 17. Jahrhunderts stand nicht im Dienste der *Industriellen Produktion*, obwohl sie das seit Bacon's Zeiten gewünscht hatte» [«Естественная наука XVII века не состоит на службе у *индустриального производства*, хотя со времен Бэкона она этого и желала»]. F. Borkenau, *Der Uebergang vom feudalen zum bürgerlichen Weltbild* (Paris, 1934), S. 3. (Курсив в оригинале.) — *Примеч. автора.*

которых потребностей может вообще не существовать — в силу его особой культуры и социальной структуры¹⁰. Только когда некоторая задача реально является неотъемлемой частью рассматриваемой культуры и реально воспринимается как таковая некоторыми членами данного общества, только тогда и можно собственно говорить о том, что потребность направляет научный и технический интерес в определенное русло. Более того, экономические потребности могут удовлетворяться не только технологическими средствами, но и изменениями в социальной организации. Однако если некоторые типы потребностей начинают рутинно удовлетворяться техническими изобретениями (а именно этот образец устанавливается постепенно в XVII веке), если присутствует как необходимое условие накопление запаса технического и научного знания, служащего основой для нововведений, и если (при этом) имеет место *разрастающаяся вишь* капиталистическая экономика, то можно говорить о том, что необходимость, или потребность, есть (кормящая) мать изобретения и бабушка научного прогресса.

Транспорт и наука

Расцвет капиталистического предпринимательства в Англии XVII века подогревал интерес к более адекватным средствам транспорта и сообщения. Остров Святой Елены, Ямайка и Северная Америка были лишь началом великой колониальной экспансии Англии. Это обстоятельство в сочетании со сравнительно низкой стоимостью водных перевозок¹¹ вызвало заметный рост торгового флота. Более 40 процентов продукции угольной промышленности Англии перевозилось по воде. Аналогичным образом, внутренняя торговля стимулировала потребность в более совершенных средствах сухопутного и речного транспорта. Предложение планов строительства дорожных застав и каналов было характерной особенностью всего этого столетия.

Внешняя торговля приобретала поистине всемирные масштабы. Наиболее доступная статистика, пусть даже и не вполне совершенная, удостоверяет эти процессы. Импорт и экспорт за период с 1613

¹⁰ Ясное обсуждение проблемы потребностей можно найти во введении Лансе лота Хогбена к книге: L. Hogben (ed.), *Political Arithmetic* (N.Y., 1938). — *Примеч. автора.*

¹¹ На разницу в стоимости сухопутных и водных перевозок замечательно указывает Петти, хотя, возможно, он несколько ее преувеличивает. «Водная перевозка товаров вокруг земного шара обходится всего-то примерно в два раза дороже, чем сухопутная перевозка подобных же товаров из Честера в Лондон». *Phil. Trans.*, 1684, 14, p. 666. — *Примеч. автора.*

по 1700 г. возросли почти на 300 процентов¹². Уилер, писавший в самом начале века, отмечал, что на протяжении примерно шестидесяти лет по Темзе ходили всего четыре корабля грузоподъемностью более 120 тонн¹³. В момент смерти королевы Елизаветы в Англии было всего четыре купеческих корабля грузоподъемностью по 400 тонн¹⁴. Число кораблей, особенно с большим тоннажем, стало быстро возрастать в период Содружества, отчасти в ответ на стимулирующее воздействие Голландской войны*. Только за десятилетие 1649—1659 гг. было построено 98 кораблей общей грузоподъемностью более 40 000 тонн¹⁵. Адам Андерсон отмечает, что за период с 1666 по 1688 г. общий тоннаж английских торговых судов удвоился¹⁶, а Спрэт утверждает, что он вырос более чем вдвое за два предшествующих десятилетия¹⁷. В официальном отчете о состоянии Королевского военно-морского флота, представленном в 1695 г. Сэмюэлом Пеписом, отмечается заметная морская экспансия, которая произошла за истекшее столетие. В 1607 г. Королевский военно-морской флот насчитывал 40 кораблей грузоподъемностью по 50 тонн и выше; общий тоннаж составлял около 23 600 тонн, а численный состав судовых команд — 7800 человек. К 1695 г. насчитывалось уже 200 судов, их грузоподъемность превысила за 112 400 тонн, а численность личного состава составляла более 45 000 человек.

Существенным элементом возрастания темпов развития судостроения и укрупнения судов была, как предполагал Зомбарт, военная необходимость. Хотя торговый флот в это время значительно вырос, темпы роста Королевского военно-морского флота были несоизмеримо выше¹⁸, о чем свидетельствует собранная Зомбартом сравнительная статистика. Военные нужды часто способствовали ускорению развития судостроения, а также усовершенствованиям в конструкции военно-морских судов.

¹² См. реальные цифры в: E. Lipson, *The Economic History of England* (London, 1931), p. 11, 189. — *Примеч. автора.*

¹³ John Wheeler, *Treatise of Commerce* (Middelburgh, 1601), p. 23. — *Примеч. автора.*

¹⁴ Sir William Monson, *Naval Tracts* (London, 1703), p. 294. — *Примеч. автора.*

* 1672—1678 гг. — *Примеч. пер.*

¹⁵ В эти цифры не включена грузоподъемность 17 кораблей, относительно которых нет соответствующей информации. Данные взяты из: M. Oppenheim, *A History of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping* (London, 1896), p. 330—337. — *Примеч. автора.*

¹⁶ Adam Anderson, *Origin of Commerce* (Dublin, 1790), Vol. III, p. 111. — *Примеч. автора.*

¹⁷ Thomas Sprat, *The History of the Royal-Society of London* (London, 1667), p. 404. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Werner Sombart, *Krieg und Kapitalismus* (München, 1913), S. 179 и далее. — *Примеч. автора.*

Военные интересы способствовали развитию судостроения трояким образом: требовалось все больше кораблей, корабли должны были быть более крупными, и прежде всего необходимо было их строить в более сжатые сроки. Потребности торгового флота еще на протяжении целого века могли удовлетворяться ремесленными методами судостроения. Но растущие запросы военно-морского флота делали эти методы неприемлемыми: сначала в строительстве военных кораблей, а потом и всех кораблей, по мере того как торговый флот оказывался втянутым в поток развития..."

Хотя Зомбарт склонен преувеличивать роль военных нужд в стимулировании более эффективных методов судостроения, ясно, что этот фактор, сочетаясь с возросшей потребностью в укрупнении торгового флота, ускорял указанные процессы. Во всяком случае, имеющиеся статистические данные показывают, что начиная с конца XVI века происходил заметный рост морского флота — как торгового, так и военного²⁰.

Эти процессы сопровождались все большим вынесением на передний план ряда технических проблем. Прежде всего, возрастание числа торговых путешествий в отдаленные уголки земли — в Индию, Северную Америку, Африку, Россию — по-новому подчеркнуло потребность в точных и удобных средствах определения местоположения на море, т.е. нахождения широты и долготы²¹. Ученые глубоко интересовались возможными решениями этих проблем²². Математи-

¹⁹ Ibid., S. 191. — *Примеч. автора.*

²⁰ «Nos recherches [базирующиеся на анализе портовых журналов] montrent a l'evidence que le commerce et la navigation de l'Angleterre faisaient de grands progres au declin du XVIe et pendant la premiere moitie du XVI le siecle. On n'exagere guere en disant que la navigation anglaise a quadruple, sinon quintuple de 1580 jusqu'a 1640» [«Наши исследования показывают, что на исходе XVI и на протяжении первой половины XVII века торговля и судоходство в Англии достигли большого прогресса. Не будет большим преувеличением сказать, что английское судоходство за период с 1580 по 1640 г. выросло в четыре, если не в пять раз»]. A.O. Johnson, «L'acte de navigation anglais du 9 octobre 1651», *Revue d'histoire moderne*, 1934, 9, p. 13. — *Примеч. автора.*

²¹ Hessen, *op. cit.*, p. 157—158. — *Примеч. автора.*

²² В докладе д-ра Бейнбриджа, прочитанном членам Королевского Общества, говорилось: «Nullum est in tota fere mathesi problema, quod mathematicorum ingenia magis exercet, nullum, quod astronomiae magis conducit, quam problema inveniendi meridianorum sive longitudinum differentias». Взято из протоколов Королевского Общества, цитируемых в: Thomas Birch, *History of the Royal Society of London* (London, 1757), Vol. IV, p. 311. Среди целей Общества, сформулированных Олденбергом в предисловии к 9-му тому *Philosophical Transactions* (1674), называются «распространение практической математики во всех наших торговых городах и портах: обеспечение судоходства на крупных реках; помощь рыболовству и навигации; изобретение способов удобрения бесплодных земель и освоения пустошей; повышение выработки льняного полотна; производство собственной латуни [sic], соли и селитры». — *Примеч. автора.*

ка и астрономия достигли заметного прогресса именно благодаря исследованиям, ориентированным в этом направлении.

Изобретение логарифмов, нашедшее продолжение в работе Генри Бригса, Адриана Влэа (в Голландии), Эдмунда Гантера и Генри Геллибранда, принесло пользу и астроному, и мореходу²³. Адам Андерсон, вероятно, выражает общее отношение к этому достижению, когда замечает, что «логарифмы особенно полезны морякам в море для расчетов касательно курса, расстояния, широты, долготы и проч.»²⁴. Спрэт, гениальный историк Королевского Общества, утверждал, что развитие Судостроения было одной из главных задач этой научной группы²⁵. Гук, исповедующий «куратор экспериментов» Королевского Общества, бывший членом выдающимся ученым, так, вероятно, и самым плодотворным изобретателем своего времени, писал по этому поводу:

Прежде всего имеет место желание, чтобы все наблюдения, уже сделанные относительно колебаний магнитной стрелки в любой части мира, могли быть собраны вместе со всеми примечательными обстоятельствами, при которых они были сделаны; а равно с ними и небесные наблюдения с целью нахождения истинного меридиана или сведения о том, какими иными средствами можно его найти... Но из значительного собрания таких наблюдений астрономия могла бы извлечь такое знание об удивительном изменении земного тела, испытавшего на себе прикосновение магнетита, что едва ли оно будет полезным (а оно, вероятно, может таковым быть) как руководство для мореходов или кого-то еще в нахождении долготы мест, то собранные наблюдения вместе с доброй навигацией они [члены Королевского Общества] немедленно займутся, как только у них будет достаточно число таких наблюдений...²⁶

²³ Опубликовано в его Мод., *arithmorum canonis descriptio* (Edinburgh, 1614). Надо заметить, что Бригс, оценивший по достоинству работу Непера и предположивший в 1616 г. основание системы логарифмов, написал несколько трудов о навигации. Аналогичным образом, Геллибранд был, вероятно, первым англичанином, скорректировавшим гипотезу Уилберта, что магнитноеклонение «постоянно в данном месте» благодаря отклонению секулярной изменчивостиклонения. См. его работу *Discourse Mathematical Variation of the Magneticall Needle* (London, 1635). — Примеч. автора.

²⁴ *Op. cit.*, Vol. II, p. 364. Андерсон отмечает также «великодушное учреждение» сэром Генри Сэвилем в 1630 г. Оксфордском Университете двух должностей профессора математики: одной — «математики», другой — по астрономии... Обе отрасли математики хорошо известны своей, домной полезностью для судоходства и торговли». Ibid., Vol. I, p. 177. — Примеч. автора.

²⁵ Sprat, *op. cit.*, p. 150. — Примеч. автора.

²⁶ Robert Hooke, *Papers*, British Museum, Sloan MSS. 1039, f. 112. См. также: R. Hooke, *A Description of Helioscopes, and, Some Other Instruments* (London, 1676), postscript. — Примеч. автора.

Баллада, написанная вскоре после того, как члены Общества начали собираться в Грешемском колледже, отражает высокую оценку этого интереса обывателями, что видно из следующего ее фрагмента:

Весь мир измерив необъятный, Сей Колледж сделает
морской Далекий путь для нас приятным, Его сверяя с
долготой. Любой моряк тогда, стремясь вперед, Легко до
Антиподов доплывет²⁷. с

Официально встречаясь на мероприятиях Королевского Общества либо предварительно собираясь в кофейнях или частных апартаментах, этот научный кружок пребывал в бесконечном обсуждении технических проблем, непосредственно касавшихся выгоды королевства. Недавно опубликованный дневник Гука открывает нам разного рода давления, которые оказывались на него Обществом, королем и заинтересованными дворянами с тем, чтобы он посвящал свои исследования «вещам полезным»²⁸. Он частенько навещался к Гаравеям и Джонатанам — в кофейни на Чейндж-Эллей, — где вместе с Кристофером Реном и другими людьми из их круга «рассуждал о Небесных Движениях» за чашкой чая, в то время как за ближними столиками внимание маклеров и лотерейщиков было поглощено более земными рассуждениями. Проблемы, обсуждаемые у Гаравеев, нередко становились предметом специальных исследований, проводимых Королевским Обществом. Короче говоря, преобладающей картиной была не группа «предприимчивых людей», сообща или порознь пытающихся улучшить свое экономическое положение, а небольшая группа любознательных исследователей,

²⁷ «В честь избранной компании философов и мудрецов, еженедельно собирающейся по средам в Грешемском колледже» (*In praise of the choice company of Philosophers and Wits, who meet on Wednesdays, weekly, at Gresham College*), баллада У[ильяма?] Пленвилла]. Дороти Стимсон предполагает, что, возможно, автором баллады был Джозеф Гленвилл. См.: Dorothy Stimson, «Ballad of Gresham Colledge», *his*, 1932, Vol. 18, p. 103—117. — *Примеч. автора*.

²⁸ *The Diary of Robert Hooke*, ed. by H.W. Robinson and W. Adams (London, 1935). Обратите внимание, например, на следующие записи: «Был у сэра Фр. Чеплейнза. Выступал Лодовик о Долготе. Обещано 3000 фунтов премии и еще 600 фунтов от Штатов» (р. 160). «Ходил с сэром Ч. к Гаравеям: Рен, в компании Кларка и Сениора, рассуждал о карманных часах и часах для нахождения Долготы... Решил усовершенствовать [измерение?] градуса. Новый корабль с Клепсидрой, Новая Теория звука» (р. 221). «БылусэраДж. Уильямсона. Он весьма любезно пригласил меня в свою комнату. Говорил мне об... Эксперименте, увещевал меня прилежно изучать в этом году вещи полезные, сделать Королевский Барометр...» (р. 337). — *Примеч. автора*.

погружающихся в сотрудничестве друг с другом в тайны природы. Требования, исходящие от нужд, имеющих экономическое происхождение, ставили новые вопросы и заостряли старые, открывая новые перспективы научных исследований и присовокупляя к ним настойчивое давление, побуждавшее к решению этих проблем. Это оказалось весьма эффективным, поскольку чувство достижения у ученого определялось не одними только научными критериями. Ученым было не чуждо стремление к публичной славе, и об открытиях, обещающих выгодное применение, становилось известно далеко за пределами узкого круга виртуозов. Научное достижение несло с собой право вступления в круг высокопоставленных особ, о которой редко кто не мечтал; в некоторой степени это был канал социальной мобильности. Широко известен случай Граунта. Подобным образом и Гук, сын скромного захолустного викария, стал водить дружбу с дворянами и мог похвастаться частыми беседами с королем. Наивные реакции обывателей на разного рода научные изыскания можно представить через совершенно разные реакции Карла II на «взвешивание воздуха» — фундаментальное исследование атмосферного давления, показавшееся его ограниченному уму не более чем ребячеством и праздной забавой, — и на непосредственно утилитарные исследования, посвященные определению долготы в море, которыми он был «весьма и весьма доволен». Такого рода установки способствовали направлению значительной части научной работы в те области, которые могли принести непосредственные полезные результаты²⁹.

Частный случай: проблема долготы

Эта захватывающая проблема — проблема определения долготы — является, быть может, лучшей иллюстрацией того, как соображения практического порядка сосредоточивали научный интерес на определенных областях. Не может быть сомнений, что астрономы того времени были до глубины души увлечены важностью открытия удовлетворительного способа нахождения долготы, особенно в

²⁹ См. в связи с этим замечание Адама Андерсона о Королевском Обществе: «...одних только достижений в астрономии и географии достаточно, чтобы превознести его репутацию и продемонстрировать его великую полезность даже для торгового мира, не говоря уж о его многочисленных и великих усовершенствованиях в прочих искусствах и науках, некоторые из которых также имеют отношение к коммерции, судоходству, мануфактурам, шахтам, сельскому хозяйству и т.д.». *Origin of Commerce*, Vol. II, p. 609. — *Примеч. автора*.

море. Они снова и снова демонстрируют этот преобладающий интерес. Рук, Рен, Гук, Гюйгенс, Генри Бонд, Гевелий, Уильям Молино, Николаус Меркатор, Лейбниц, Ньютон, Флемстид, Галлей, Лагир, Дж.Д. Кассини, Борелли — практически все ведущие астрономы и ученые того времени настойчиво подтверждают этот факт.

Разные методы, предложенные для нахождения долготы, дали начало следующим исследованиям:

1. Расчеты расстояний Луны от Солнца и от неподвижной звезды. Широко использовались сначала в первой половине XVI столетия, а затем вновь в конце XVII столетия.
2. Наблюдения затмений спутников Юпитера. Впервые предложены в 1610 г. Галилеем; приняты Руком, Галлеем, Дж.Д. Кассини, Флемстидом и другими.
3. Наблюдения прохождения Луны через меридиан. Были широко распространены в XVII веке.
4. Использование маятниковых часов и других хронометров в море; поддержанное Гюйгенсом, Гуком, Галлеем, Месси, Салли и других.

Ньютон ясно описал эти процедуры, а также научные проблемы, в них заключенные, когда Диттон предъявил свои претензии на вознаграждение за точный метод определения долготы в море³⁰. О глубоком интересе английских ученых к этому предмету свидетельствует статья, опубликованная в 1-м томе «*Philosophical Transactions*», в которой описывается применение в море маятниковых часов³¹. Как говорит Спрэт, Общество взяло эту проблему «под свою особую опеку». Гук попытался усовершенствовать маятниковые часы и, по его словам, «успех этих [попыток] заставил меня далее задуматься об усовершенствовании их для нахождения Долготы и... быстро навел меня на мысль использовать Пружины взамен Силы Тяжести для приведения Тела в колебательное движение в любом положении...»³² Затем развернулся

³⁰ William Whiston, *Longitude Discovered* (London, 1738), историческое предисловие. — *Примеч. автора.*

³¹ Major Holmes, «A Narrative concerning the Success of Pendulum Watches at Sea for the Longitude», *Phil. Trans.*, 1665, Vol. 1, p. 52—58. — *Примеч. автора.*

³² Richard Waller, *The Posthumous Works of Robert Hooke* (London, 1705), введение. Галилей описал маятниковые часы, по всей видимости, уже в 1641 г.; в 1656 г. независимо от него их изобрел Гюйгенс. Далее Гюйгенс изобрел часы с пружинным механизмом. См. его описание этого изобретения в: *Philosophical Transactions*, 1675, Vol. 11, p. 272; перепечатано в *Journal des Scavans* (25 февраля 1675 г.). Это привело к печально известному спору между Гуком и Олденбергом, который отстаивал приоритет Гюйгенса в реальном их изобретении. В связи с вопросом о денежных мотивах небезынтересно, что на собрании Общества, проведенном вслед за тем, на коем было зачитано сообщение Гюйгенса об изобретенных им «новых карманных часах», Гук упо-

пресловутый спор относительно того, кому же все-таки, Гуку или Гюйгенсу, удалось первым успешно сконструировать часы со спиральным балансиrom. Но как бы ни решился вопрос о приоритете, примечателен сам факт, что два столь выдающихся человека науки наряду с другими сосредоточили свое внимание на этой сфере исследований. Эти одновременные изобретения являются результатом действия двух сил: собственно научной, которая дала теоретический материал, использованный для решения этой проблемы, и вненаучной, главным образом экономической заинтересованности, которая помогла направить интерес на эту общую проблему. Ограниченный круг практически осуществимых возможностей приводит к появлению дублирующих друг друга независимых изобретений.

Эта проблема продолжала воодушевлять научные исследования и в других направлениях. Так, например, Борелли из Парижской Королевской академии наук (учрежденной по предложению проницательного Кольбера) опубликовал одновременно в *Journal des Sçavans* и в *Philosophical Transactions* объявление, в котором предлагал разъяснить свой метод изготовления больших стекол для телескопов или даже послать стекла тем, кто не имеет возможности их изготовить, с тем чтобы они могли «наблюдать затмения спутников Юпитера, происходящие едва ли не каждый день, и обрели столь замечательный способ установления Долготы во всех уголках Земли». Более того, «Долгота мест в Море, на Мысах и на различных Островах, как только ее можно будет точно узнать с помощью этого средства, несомненно окажет великую помощь и принесет значительную пользу Навигации»³³.

Именно эти эпизоды с их узнаваемыми практическими подтекстами должны ясно проиллюстрировать роль утилитарных элементов в научном прогрессе. Ибо можно сказать, опираясь на обильные документальные основания, что астрономические открытия Джованни Доменико Кассини были в значительной степени результатом действия утилитарных интересов. Почти во всех статьях Кассини, опубликованных в *Transactions*, особо подчеркивается ценность наблюде-

мкнул о том, «что у него есть изобретение для нахождения долготы с точностью до одной минуты на земле и пятнадцати минут на небе, которое он бы разработал и воплотил на практике, когда бы за то была предложена должная денежная компенсация». В ответ на что сэр Джеймс Шен пообещал, «что обеспечит ему вознаграждение в размере тысячи фунтов стерлингов сразу или ста пятидесяти фунтов в год. Когда мистер Гук заявил, что выбрал бы последнее, совет поручил ему обговорить надлежащим образом условия соглашения и привести свое изобретение в действие». См.: Birch, *op. cit.*, Vol. II, p. 191. Более подробно об этом см.: Waller, *op. cit.*, введение. —Примеч. автора.

³³ *Phil. Trans.*, 1676, Vol. 11, p. 691—692. —Примеч. автора.

ния спутников Юпитера для определения долготы с помощью метода, впервые предложенного Галилеем³⁴.

Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что открытие им вращения Юпитера, двойного кольца вокруг Сатурна, а также третьего, четвертого, пятого, шестого и восьмого спутников Сатурна выросло именно из этого интереса³⁵, ибо, как он и сам предпола-

³⁴ См.: Leonard Olschki, *Galileo und seine Zeit* (Halle, 1927), S. 274, 438, а также глава о «Die Briefe über geographische Ortbestimmung». Этот метод не обеспечивал достаточной точности, чтобы получить широкое практическое применение. В статье, где рассматривалось его открытие необычного пятна на Юпитере и определение периода обращения этой планеты, Кассини отмечает, что «Путешественник... может воспользоваться им [периодом обращения] для нахождения Долготы самых отдаленных мест земного шара» (*Phil. Trans.*, 1672, Vol. 7, p. 4042). Обсуждая неравенство времени обращения пятен на разных широтах, он указывает на важность этого факта для более точного определения долготы (*ibid.*, 1676, Vol. 6, p. 683). Данное им объявление об открытии третьего и четвертого спутников Сатурна начинается следующими словами: «Множество удивительных Открытий, сделанных в этом Столетии на Небесах с той поры, как был изобретен Телескоп, и та великая Польза, которую, вероятно, можно из них извлечь для совершенствования естественного Знания и Искусств, необходимых для Коммерции и Общения Человечества, побудили Астрономов подвергнуть более строгому Исследованию, нет ли еще чего-нибудь важного, что до сих пор осталось незамеченным». (Перевод из *Journal des Scavans*, 22 апреля 1685 г.; перепечатано в *Phil. Trans.*, 1696, Vol. 16, p. 79.) В пояснении к таблицам Кассини для затмений первых спутников Юпитера отмечается, что, вне всякого сомнения, наблюдения этих затмений лучше всего позволяют использовать для нахождения долготы переносные телескопы. «И ежели бы эти спутники можно было наблюдать в Море, Корабль в Море получил бы возможность найти Меридиан, на котором он находится, с помощью таблиц, которые подарил нам месье Кассини в этом томе [*Recueil d'observations faites en plusieurs Voyages pour perfectionner Astronomie et la Geographie*], открывая с весьма великой точностью упомянутые Затмения, чего мы пока еще не можем надеяться сделать для Луны, хотя она, по видимости, дает нам единственное средство, Практически пригодное для Человека Моря. Однако прежде чем Моряки смогут воспользоваться Искусством нахождения Долготы, нужно истинно установить Побережье всего Океана, для чего сей Метод использования Спутников более всего подходит: А оно может быть открыто к тому времени, как будут закончены Карты; либо может быть достаточно Изобретения Телескопов меньшего размера, с которыми можно было бы управиться на Корабельной Палубе, дабы они показывали Затмения Спутников в Море...» (*Phil. Trans.*, 1694, Vol. 17, p. 237—238.) Последняя часть приведенной цитаты ясно и определенно показывает, каким образом научные и технические исследования «вызывались» практическими потребностями. Стоит отметить и то, что Адмиралтейство поручило Галлею «продолжать определение Меридиана по обе стороны Канала столь часто, сколь ему будет удобно, с тем чтобы установить оба берега в их истинном положении по отношению друг к другу», а также наблюдать «Прохождение Течений в Ла-Манше...» См. его письмо Берчетуот 11 июня 1701 г. в: *Correspondence and Papers of Edmond Bailey*, ed. by E.F. MacPike (Oxford, 1932), p. 117—118. — *Примеч. автора.*

³⁵ Третий (Тефия) и четвертый (Диона) спутники были открыты в 1684 г.; пятый (Рея) — в 1672-м; шестой (Титан) и восьмой (Япет) — в 1671-м. — *Примеч. автора.*

гает, такого рода астрономические наблюдения «поощрялись» в силу их практических приложений. Лоренс Рук, принадлежавший к первоначальному кругу лиц, образовавших Королевское Общество, часто упоминал «навигационную ценность» этих наблюдений³⁶. Флемстид часто говорил о полезности наблюдения спутников Юпитера, вытекавшей из того, что их затмения «были оценены по достоинству и определенно являются гораздо лучшим средством определения Долготы, нежели все до сих пор известные»³⁷.

Ньютон тоже испытывал глубокий интерес к той же общей проблеме. На заре своей карьеры он написал своему другу, Фрэнсису Астону, который планировал совершить поездку на континент, ставшее знаменитым письмо, в котором просил, помимо всего прочего, чтобы Астон «сообщил ему, не используются ли там для нахождения долготы маятниковые часы». В переписке, которая, как мы имеем основания полагать, в конечном счете привела Ньютона к завершению его «Principia», Галлей и Гук настоятельно рекомендовали Ньютону продолжать некоторые его исследования ввиду их полезности для навигации³⁸.

В 1694 г. Ньютон отправил знаменитое письмо Натаниелу Хоузу, в котором представил план нового математического курса для начинающих навигаторов в Госпитале Христа. В нем он критиковал читаемый в то время курс, говоря, в частности, что «в нем упускается из виду нахождение разницы Долготы, Широты, Азимуты, а также из-

³⁶См. «Mr. Rook's Discourse concerning the Observations of the Eclipses of the Satellites of Jupiter», воспроизводится в: Sprat, *op. cit.*, p. 183—190. Рук занимал в Грешемском колледже пост профессора астрономии с 1652 по 1657 г. и там же — пост профессора геометрии с 1657 г. до своей кончины в 1662 г. — *Примеч. автора*.

³⁷*Phil. Trans.*, 1683, Vol. 13, p. 322. Флемстид подробнее развил эту точку зрения в других статьях на ту же тему. См.: *Phil. Trans.*, 1685, Vol. 15, p. 1215; 1686, Vol. 16, p. 199; 1683, Vol. 13, p. 405—407. Можно заметить по ходу дела, что и Лейбниц изобрел портативные часы, «задуманные в принципе для нахождения долготы». См. его статью в: *Phil. Trans.*, 1675, Vol. 10, p. 285—288. — *Примеч. автора*.

38 Этот род данных Дж.Н. Кларк совершенно упускает из виду, когда пишет, что

«еще одним свидетельством, на которое можно сослаться, с тем чтобы показать, что на протяжении его [Ньютона] великого творческого периода им двигал интерес к технологиям, служит его письмо к Фрэнсису Астону...» (*Op. cit.*, p. 67). См. письмо Гука к Ньютону (6 января 1680 г.), в котором он пишет: «...выявление свойств кривой, создаваемой двумя, такими принципами [одним из которых была гипотеза о том, что притяжение меняется обратно пропорционально квадрату расстояния!], будет весьма полезно человечеству, ведь необходимым следствием его явится изобретение определения долготы по небу». См. это письмо в: W.W. Rouse Ball, *An Essay on Newton's Principia* (London, 1893), p. 147. Также и Галлей в своем письме от 5 июля 1687 г. пишет: «Надеюсь... вы попытаетесь усовершенствовать Лунную Теорию. Это было бы не только глубоким и тонким размышлением, но и имело бы необычайную пользу для навигации». Полностью письмо приводится в: *ibid.*, p. 174. — *Примеч. автора*.

менении показаний компаса, хотя эти вещи очень полезны в дальних путешествиях, например, в Ост-Индию, и Мореход, который их не знает, невежествен»³⁹. В августе 1699 г. Ньютон представил общественности усовершенствованную форму своего секстанта (изобретенную независимо от него в 1731 г. Хэдли), которая в сочетании с наблюдениями за Луной позволяла определять долготу в море. Начальный набросок своей лунной теории он уже дал в первом издании «Principia». Кроме того, именно по предложению Ньютона был издан Акт 1714 г., обещавший вознаграждение тем, кто придумает успешный метод установления долготы в море⁴⁰. В ходе всей этой деятельности Ньютон демонстрировал осознание практической значимости не только значительной части его собственной научной работы, но и научной работы его современников.

Высшим итогом концентрации внимания науки на этом предмете стала лунная теория Ньютона. Как предполагает Уэвелл,

быстрый прогресс астрономии уже был достаточным побуждением к этой трудной работе составления таблиц; но были и другие причины, сильно побуждавшие астрономов к этому; совершенная лунная теория, если она вообще возможна, дала бы вернейшее средство для определения Долготы каждого места на земной поверхности. Таким образом проверка теории в ее основаниях стала вместе с тем предметом, имевшим непосредственное практическое значение и громадную важность для мореплавателей и географов»⁴¹.

³⁹ Письма Ньютона к Хойзу опубликованы в: J. Edleston, *Correspondence of Sir Isaac Newton and Professor Coles* (London, 1850), p. 279—299. Анализ научной подготовки, которую Ньютон считал необходимой для должным образом обученного морехода, показывает, что она включает в себя ознакомление со значительной частью физических исследований, наиболее активно ведущихся в то время. В предложенный список Ньютон включает предметы и проблемы, которые занимали главным образом на протяжении всей научной карьеры не только его, но и его коллег. Далее он показывает, что ему отнюдь не чуждо понимание практических приложений тех глубоких размышлений, которые содержались в его *Principia*: например, его теории течений, определения траектории снарядов, лунной теории, его работ в области гидростатики и гидродинамики. — *Примеч. автора*.

⁴⁰ Edleston, *op. cit.*, LXXV1. О важности, которая придавалась решению этой проблемы, можно судить также по вознаграждениям, предлагаемым другими государствами. Голландцы пытались убедить Галилея направить его талант на ее решение; вознаграждение предложил также король Испании Филипп III, а в 1716 г. герцог Орлеанский назначил за открытие практического метода награду величиной в 100 000 франков. — *Примеч. автора*.

⁴¹ William Whewell, *History of the Inductive Sciences* (N.Y., 1858), Vol. I, p. 434. (В. Уэвелль. История индуктивных наук / Пер. М.А. Антоновича и А.П. Пыпина. — В 3 т. Т. II. — СПб.: 1867, с. 270.) — *Примеч. автора*.

Галлей, решив, что все без исключения методы определения долготы ущербны, и заявив, что «вряд ли когда-нибудь будет возможно определять Долготу в море достаточно точно для нужд мореходства, пока не будет доведена до совершенства лунная теория», постоянно подталкивал Ньютона к продолжению его исследований⁴². Флемстид и (с 1691-го по 1739 г.) Галлей тоже пытались выправить лунные таблицы, дабы достичь «великой цели нахождения Долготы с надлежащей степенью точности». С той же самой целью Королевское Общество рекомендовало наблюдение лунных затмений⁴³.

Еще одной областью исследования, снискавшей повышенное внимание в силу ее вероятной практической полезности, было изучение компаса и вообще магнетизма. Так, Спрэт конкретно связывает исследования Рена в этой области с текущими потребностями, говоря, что «ради Навигации он [Рен] заботливо провел множество Магнетических Экспериментов»⁴⁴. Сам Рен подчеркивает тот же основной мотив в обращении по случаю вступления в должность профессора астрономии Грешемского колледжа. Исследование магнитной изменчивости должно проводиться со всей тщательностью, ибо может оказаться весьма ценным для навигатора, который обретет тем самым возможность находить долготу, «в сравнении с чем прежние Старания едва ли оставили бы Что-нибудь более славное, к чему следовало бы стремиться в Искусстве»⁴⁵. Лагир, отмечая, что нет в длительных морских путешествиях ничего более обременительного, чем колебание магнитной стрелки, говорит, что «это обязывает меня найти какое-нибудь средство определять в Море независимо от Наблюдений магнитные вариации»⁴⁶. Генри Бонд, Гевелий, Молино и Меркатор тоже проявляли интерес к изучению магнитных явлений, держа в уме ту же общую цель⁴⁷. Галлей в известной статье, в которой была обнародована его теория четырех магнитных полюсов и периодического движения магнитной линии без отклонений, постоянно подчеркивал утилитарную желательность изучения изменчивости компаса, поскольку эти исследования «столь важны для Искусства Навигации, что пренебрежение ими делает чуть ли не бесполезным одно из благороднейших Изобретений, когда-либо сделанных человечеством». Эта огромная польза, настаивает он, кажется достаточным стимулом «для всех фи-

⁴² *Correspondence and Papers of Edmond Halley*, p. 212. — Примеч. автора.

⁴³ *Phil. Trans.*, 1693, Vol. 17, p. 453—454. — Примеч. автора.

⁴⁴ *History of the Royal-Society*, p. 315—316. — Примеч. автора.

⁴⁵ Christopher Wren, *Parentalia* (London, 1750), p. 206. — Примеч. автора.

⁴⁶ *Phil. Trans.*, 1687, Vol. 16, p. 344—350. — Примеч. автора.

⁴⁷ См.: *Phil. Trans.*, *passim*; например, 1668, Vol. 3, p. 790; 1670, Vol. 5, p. 2059; 1674, Vol. 8, p. 6065. — Примеч. автора.

лософских и Математических умов, чтобы они обратили серьезное внимание на некоторые Явления...» Он предлагает свою новую гипотезу с целью взволновать натурфилософов того времени, дабы они «с большим вниманием посвятили себя этому полезному размышлению»⁴⁸. Видимо, тогдашняя усердная работа в этой области была недостаточной, чтобы удовлетворять его стандартам. Ради обогащения этого полезного размышления Галлею было пожаловано звание капитана военно-морского флота и отдан под командование корабль «*Парамур Линк*», на котором он совершил три путешествия. Одним из результатов этого стало создание Галлеем первой изогональной карты.

Итак, мы вынуждены увидеть, что научные проблемы, выводимые на передний план очевидной ценностью метода нахождения долготы, были самыми разными. Если научное исследование различных возможных средств достижения этой цели и не всегда диктовалось практической полезностью желаемого результата, столь же ясно и то, что по крайней мере часть непрекращающихся усердных изысканий в этой области имела эту цель. В конце концов, невозможно точно определить, в какой степени практический интерес сосредоточивал научное внимание на тех или иных конкретных проблемах. Тем не менее можно с чистой совестью предположить наличие некоторого соответствия между темами, которые наиболее интенсивно изучались учеными того времени, и проблемами, которые поднимало или выносило на передний план экономическое развитие. Отсюда следует вывод, обычно подтверждаемый откровенными высказываниями самих ученых, что эти экономические запросы или, точнее говоря, технические потребности, проистекающие из этих запросов, направляли исследования в особое русло. Нахождение долготы было одной из проблем, которая, завладев вниманием множества ученых, способствовала серьезным достижениям в астрономии, географии, математике и механике, а также изобретению часов и корабельных хронометров.

Навигация и наука

Еще одной проблемой судоходства в этот период было определение времени приливов и отливов. Как указывал Флемстид в примечании, приложенном к первой составленной им таблице приливов и отливов, ошибка в расписаниях их наступления достигала прибли-

⁴⁸ «A Theory of the Variation of the Magnetical Compass», *Phil. Trans.*, 1683, Vol. 13, p. 208—221. См. также дополнение: *ibid.*, 1693, Vol. 17, p. 563—578. — *Примеч. автора.*

зительно двух часов; а потому научная коррекция этих данных была насущной необходимостью как для Королевского военно-морского флота, так и для навигаторов вообще⁴⁹. Соответственно, время от времени он исправлял несколько таблиц приливов и отливов, составленных для портов не только Англии, но также Франции и Голландии. Эта работа была продолжением того интереса к созданию теории приливов и отливов, который подчеркивался Королевским Обществом с самого его зарождения. Первый том «Transactions» содержал несколько статей, в которых излагались наблюдения времени наступления приливов в разных портах. Свою лепту в изучение этой проблемы внесли Бойль, Сэмюэл Коулпресс, Джозеф Чилдрей, Галлей, Генри Поул и прежде всего Джон Уоллис.

Ньютон воспринял эту задачу как дополнительное основание для верификации общего закона тяготения, и, как отмечает Томсон, «его теория приливов одинаково примечательна как своей проницательностью, так и важностью для навигации». В этой теории объяснялись самые очевидные аспекты приливов и отливов: разница между весенними половодьями и квадратурными приливами, утренними и вечерними приливами и отливами, влияние лунного и солнечного склонения и параллакса, а также приливы и отливы в отдельных местах. Для проверки расчетов использовались наблюдения Галлея, Коулпресса и других⁵⁰. Галлей, пытавшийся, как всегда, устроить бракосочетание теории и практики, не замедлил сообщить лорду верховному адмиралу об «общей пользе для всего судоходства», которую можно почерпнуть из этих исследований⁵¹. Однако до тех пор, пока не появились работы Эйлера, Бернулли, д'Аламбера, а позднее также Лапласа, Леббока и Эйри, эту теорию нельзя было применить с достаточной степенью точности, которая бы обещала возможность использовать ее на практике. Здесь опять-таки можно провести связь между научными интересами — в данном случае изучением столь эзотерического предмета, как теория тяготения, — и экономическими запросами.

Еще одной проблемой, имевшей серьезное значение для мореходных дел, было истощение лесных ресурсов, дошедшее до того, что со временем пришлось использовать в строительстве кораблей невысушенную древесину. Запасы древесины относительно оскудели как по причине применения ее в качестве топлива, так и в силу быстрого ее потребления в морских войнах и реконструкции Лондона. Топлив-

⁴⁹ *Phil. Trans.*, 1683, Vol. 13, p. 10—15; более поздние таблицы см. в: *ibid.*, 1684, Vol. 14, p. 458, 821; 1685, Vol. 15, p. 1226; 1686, Vol. 16, p. 232, 428. — *Примеч. автора.*

⁵⁰ *Principia mathematica* (London, 1713; второе издание), Bk. III, Prop. XXIV, XXXVI, XXXVII. — *Примеч. автора.*

⁵¹ *Correspondence*, p. 116. — *Примеч. автора.*

ная проблема частично была решена с помощью применения угля в разных отраслях промышленности, таких, как латунное и медное литье, пивоварение, красильное дело и скобяное ремесло, хотя в производстве железа он еще не использовался. Истощение запасов леса поставило судостроение под такую угрозу, что представители Королевского военно-морского флота обратились в Общество за предложениями относительно «улучшения и приумножения запасов леса». Эвелин, Годдард, Меррет, Уинтроп, Энт и Уиллоби вложили в решение этой проблемы свои ботанические познания; их статьи вошли в знаменитый труд Эвелина «Лес». Отнюдь не в стороне от таких насущных практических потребностей стоит, следовательно, и тот факт, что одной из «главных деятельностей» Общества стало «лесоводство». Кроме того, говорит Спрэт, члены Общества «тратили много времени на изучение Устройства кораблей, форм Парусов, чертаний Килей, сортов Древесины, разведения Пихт, повышения качества Дегтя, Смолы и Корабельных Снастей»⁵². Это привело не только к изучению лесоводства и смежным ботаническим изысканиям, но и к исследованиям в области механики, гидростатики и гидродинамики. Ибо, как отмечал Ньютон в своих письмах к Хоузу, решение таких проблем, как определение напряжения канатов и древесины, силы ветров и приливных течений, а также сопротивления жидкостей погруженным телам различных форм, принесло бы огромную пользу мореходу.

Более того, если сравнить оснащение военного корабля, описанное в начале века сэром Уолтером Рэли в «Заметках о военно-морском флоте», с типами исследований, проводимых Обществом, то становится очевидно, что все основные проблемы стали предметом научного изучения. Рэли называет 6 желательных качеств боевого корабля: крепкий каркас, быстроходность, прочный набор корпуса, способность палить из пушек при любой погоде, способность легко держаться на воде во время шторма и остойчивость. Ученые того времени пытались придумать способы удовлетворения всех этих требований. Во многих случаях это приводило их к решению производных проблем «чистой науки» — с перспективой дальнейшего применения их знания для решения этих задач. Так, Годдард, Петти и Рен изучали методы кораблестроения с целью совершенствования существующих процедур. Гуку Общество поручило определить самый «прочный набор корпуса» путем проверки сопротивления «одних и тех же пород дерева — разного возраста, выросших в разных местах и срубленных в разные времена года»⁵³. Гук (иногда в сотрудничестве с Бойлем) про-

⁵² Sprat, *op. cit.*, p. 150. — *Примеч. автора.*

⁵³ Birch, *op. cit.*, Vol. I, p. 460. — *Примеч. автора.*

вел многочисленные эксперименты по «испытанию прочности древесины», а также сплетенных и расплетенных канатов. В то время, когда эти эксперименты были в самом разгаре, Гук пришел к открытию закона, который теперь носит его имя (*ut tensio sic vis*).

Для открытия способов повышения быстроходности кораблей надо изучить движение тел в сопротивляющейся среде, а это одна из основных задач гидродинамики⁵⁴. Соответственно Морей, Годдард, Броункер, Бойль, Рен и Петти занялись этой проблемой⁵⁵. В данном случае наличествует явная связь между технической задачей и соответствующими «чисто научными» изысканиями. Петти писал, что «оснащение Двудонного [судна] неистово преследует меня», как раз тогда, когда проводил эксперименты в области гидродинамики с целью определения скорости «плывущих тел». Общая связь устанавливается Спрэтом в описании методов, используемых Обществом:

[Есть] несколько способов нахождения скорости плывущих Тел, обладающих разными Формами и движимых с разной силой, а также проверки того, какие Формы наименее способны быть опрокинутыми, с целью создания истинной теории Форм Кораблей и Ботов для всевозможного рода пользы⁵⁶.

Кристофер Рен, которого Ньютон считал одним из «величайших Геометров нашего времени», тоже исследовал законы гидродинамики именно ввиду их возможной пользы для улучшения ходовых качеств судов⁵⁷. Ньютон же, сформулировав теорему о зависимости сопротив-

⁵⁴ Ср.: Hessen, *op. cit.*, p. 158—159. — *Примеч. автора.*

⁵⁵ *The Petty-Southwell Correspondence, ed. by the Marquis of Lansdowne* (London, 1928), p. 117; Birch, *op. cit.*, Vol. I, p. 87. — *Примеч. автора.*

⁵⁶ Sprat, *op. cit.*, p. 250. См. письмо Гука к Бойлю в: Boyle, *Works*, Vol. V, p. 537. — *Примеч. автора.*

"«Среди Проблем Навигации, вполне достойных того, чтобы их разрешить, есть Вопрос, касающийся того, к каким Механическим силам можно свести Плавание (особенно против ветра); он [Рен] показал, что это Клин. И продемонстрировал, как малейшее действие Силы на наклонную Плоскость вызывает движение Плоскости в сторону супротив первого Двигателя. Еще он сделал Инструмент, который Механически производил то же следствие, и показал причину Плавания при всех Ветрах.

Он показал, что Геометрическая Механика Гребли есть Направленное движение, опирающееся на движущуюся или неподвижную Точку Опоры. С этой целью он сделал Инструменты, дабы найти, насколько продвигается Тело в направлении препятствия Движению в Жидкой Среде и какая степень помехи какой степенью продвижения создается: все это наряду с прочими вещами, служащими необходимыми Элементами, закладывающими основы Геометрии Движения под Парусом, Плавания, Гребли, Полета и Строения Кораблей». Sprat, *op. cit.*, p. 316. Опять мы видим, как непосредственная техническая задача приводит науку к изучению вытекающих из нее проблем. — *Примеч. автора.*

ления жидкой среды от формы движущегося в ней тела, тут же добавляет: «и это утверждение, как я полагаю, может быть полезно в строительстве кораблей»⁵⁸.

Королевское Общество сохраняло устойчивый интерес ко всяким подводным приспособлениям: от водолазного колокола до предложенной Гуком полноценной субмарины, которая бы двигалась так же быстро, как гуари по Темзе. Комиссия по водолазному делу приняла к рассмотрению свинцовые «водолазные ящики» и «водолазный колокол» Галлея, которые были испытаны в Темзе и — к большому удовольствию для зрителей, нежели для самого водолаза — в большой бадье, установленной на одном из его еженедельных собраний. Уилкинс особенно подчеркивал возможность и преимущества подводного мореплавания, которое принесло бы несомненную пользу в военном деле, было бы избавлено от неопределенности приливов и отливов и могло быть использовано для спасения затонувших сокровищ⁵⁹. Гук многие свои эксперименты с дыханием связывал с техническими проблемами, вытекающими из этих усилий.

Уилкинс предложил вниманию Общества «зонтичный якорь», средство «придания устойчивости судну во время шторма». Рен предложил «удобный способ использования артиллерии на борту корабля», а Галлей, указывая на то, что Англия «должна быть хозяином в Море и превосходить в морском могуществе любого соседа», описал метод, позволяющий кораблю нести на борту пушки в плохую погоду⁶⁰. Петти, наивно надеясь «осуществить усовершенствование судов на основе новых принципов», построил несколько двудонных ботов, которыми Общество было очень довольно. К несчастью, самая амбициозная его затея, корабль «Святой Михаил Архангел», потерпела прискорбную неудачу, что привело его к заключению, что и судьба, и король против него.

⁵⁸ *Principia mathematica*, Bk. II, Sect. VII, Prop. XXXIV, Scholium. Насколько я знаю, в данной связи эту ремарку Ньютона еще никто до сих пор не упоминал. Она гласит: «Quam quidem propositionem in construendis Navibus non inutilem futuram esse censeo». — *Примеч. автора*.

⁵⁹ John Wilkins, *Mathematical Magick* (London, 1707; 5th edition), Ch. 5. Еще в 1551 г. Тарталья предложил довольно эффективный способ подъема затонувших кораблей на поверхность воды. Было выдано, по крайней мере с 1631 г., несколько патентов на «водолазные приспособления». С помощью одного из таких приспособлений и, как добавляет Андерсон, «счастливой удачи» сэр Уильям Фипс «выудил на поверхность» около 200000 фунтов стерлингов с шести кораблей испанского флота, потопленных в Вест-Индии. См.: *Origin of Commerce*, Vol. III, p. 73. Гук и Галлей, а также некоторые другие ученые откликнулись на этот успех новыми приспособлениями для извлечения сокровищ из морских глубин. — *Примеч. автора*.

⁶⁰ Wren, *Parentalia*, p. 240; *Correspondence... of Halley*, p. 265. — *Примеч. автора*.

Время от времени Общество возвращалось к обсуждению способов предохранения кораблей «от червей», проблеме, доставлявшей массу хлопот как представителям Королевского военно-морского флота, так и частным судовладельцам. Ньютон оставил свидетельство своего интереса к этой не дающей покоя проблеме, обратившись к Астону с просьбой разузнать, «нет ли у голландцев каких-либо хитростей для убеждения своих кораблей от полного поедания червями». Эти дискуссии не увенчались, однако, сколь-нибудь ощутимыми результатами.

Итак, в целом можно сказать, что ученые семнадцатого столетия, от неутомимого виртуоза Петти до непревзойденного Ньютона, определенно сосредоточивали свое внимание на технических задачах, настоятельность которых была продиктована проблемами навигации, и вытекавших из них научных изысканиях. Последнюю категорию отграничить довольно трудно. Хотя действительно можно проследить прямую связь многих научных исследований с техническими требованиями, в равной степени очевидным представляется и то, что некоторые из этих исследований были логическим продолжением предшествующего развития науки. Однако в свете того, что говорили о практических импликациях своих изысканий сами ученые, не подлежит сомнению, что практические проблемы оказывали на них ощутимое направляющее влияние. Даже такая «чистейшая» из дисциплин, как математика, представляла для Ньютона наибольший интерес тогда, когда разрабатывалась ради решения конкретных физических проблем⁶¹.

Некоторое внимание уделялось также и сухопутному транспорту, хотя в меньшей степени, чем морскому, возможно, ввиду большей экономической значимости последнего. Увеличение объема сухопутных перевозок требовало значительных усовершенствований. Такие усовершенствования, как говорил Дефо, оказывают «большую помощь Негоции и способствуют развитию универсального Сообщения, без которого не могла бы осуществляться наша Внутренняя Торговля»⁶². Странствующие купцы, которые могли перевозить до тысячи фунтов сукна, опутали своей торговлей всю Англию⁶³ и требовали усовершенствованных средств передвижения. Из-за «великого возрастания числа телег, повозок и проч., вызванного общим возрастанием нашей коммерции», говорит Адам Андерсон, король

⁶¹ E.A. Burt, *The Metaphysical Foundations of Modern Physical Science*, p. 210. — *Примеч. автора*.

⁶² Daniel Defoe, *Essays upon Several Projects* (London, 1702), p. 73 и дальше. — *Примеч. автора*.

⁶³ Daniel Defoe, *Tour of Great Britain* (London, 1727), Vol. III, p. 119-120. — *Примеч. автора*.

(несколько оптимистично, несомненно) распорядился в 1662 г., чтобы все общественные дороги были расширены до восьми ярдов. Что характерно, ученые того времени тоже пытались решать эти технические проблемы. Петти, с его острым интересом к экономическим делам, изобрел несколько легких колясок, которые, как он гарантировал, были способны «преодолевать горы, обрывы и извилистые дороги»⁶⁴. Рен попытался усовершенствовать кареты для большего их «удобства, прочности и легкости» и, подобно Гуку, изобрел «путемер» для измерения расстояния, пройденного экипажем⁶⁵. Уилкинс — возможно, последовав примеру Стевина, который предложил такое же изобретение полувеком раньше — описал «парусную Повозку, которая может двигаться по Суше без Лошадей, подгоняемая Ветром, подобно кораблю в Море»⁶⁶. Аналогичным образом, Общество поручило Гуку, по его просьбе, провести «эксперимент по сухопутной перевозке и быстрой передаче известий»⁶⁷. Такие усилия свидетельствуют о попытках ученых внести технологическую лепту в деловое предпринимательство, в данных же конкретных случаях — оказать содействие возможному расширению рынков, которое является одним из первоочередных требований зарождающегося капитализма.

Степень экономического влияния

В некотором смысле, все предыдущее обсуждение дает не более чем иллюстративный материал для связей, которые мы прослеживали. Еще остается определить, в какой степени были действительными социально-экономические влияния. Протоколы собраний Королевского Общества, приводимые в «Истории Королевского Общества» Берча, закладывают одну из основ для такого исследования. Допустимая, хотя в некоторых очевидных аспектах неадекватная, процедура состоит в классификации и табулировании исследований, обсуждавшихся на этих собраниях, в сочетании с анализом того контекста,

⁶⁴ *Petty-Southwell Correspondence*, p. 41, 51, 125. «И кажется мне [пишет Петти], что эта повозка может обеспечить перевозку товаров между Честером и Лондоном менее чем за треть фунта». Со всей подобающей честностью Петти признает, что это «Средство не застраховано от опрокидывания», но при этом утешительно добавляет, что «ежели оно вдруг и опрокинется (пусть даже на груды камней), не вижу возможности, чтобы Ездок мог как-то от этого пострадать». — *Примеч. автора*.

⁴⁵ *Parentalia*, p. 199, 217, 240. — *Примеч. автора*.

⁶⁶ *Wilkins, op. cit.*, Bk. II, Ch. 2. — *Примеч. автора*.

⁶⁷ *Birch, op. cit.*, Vol. I, p. 379, 385; *Hooke, Diary*, p. 418. За трехлетний период эта тема обсуждалась примерно на пятнадцати собраниях общества. — *Примеч. автора*.

в котором принимались во внимание различные проблемы. Это должно дать некоторую основу для определения *приблизительной* степени воздействия внешних факторов на науку.

Возьмем собрания, проводившиеся в 1661, 1662, 1686 и 1687 гг. Нет никаких причин предполагать, что они не были собраниями, типичными для изучаемого периода в целом. Используемая здесь классификация опирается скорее на эмпирические, нежели логические критерии. Отдельные единицы классифицировались как «прямо связанные» с социально-экономическими потребностями, когда индивид, проводивший исследование, открыто указывал на такого рода связь или когда непосредственное обсуждение исследования свидетельствовало о первоочередной оценке такой связи. Единицы, классифицируемые как «косвенно связанные», охватывают собой исследования, которые имели прозрачную связь с текущими практически потребностями, видную из контекста, но не связывались с ними столь же определенно самими исследователями. Исследования, не представлявшие никаких связей такого рода, классифицировались как «чистая наука». К этой категории были отнесены многие единицы, которые имеют (для нынешнего наблюдателя) вполне понятную связь с практическими нуждами, но не рассматривались эксплицитно как таковые в семнадцатом веке. Например, исследования в области метеорологии вполне можно связать с практической желательностью прогнозирования погоды, но когда эти исследования не связывались эксплицитно с конкретными практическими проблемами, мы классифицировали их как чистую науку. Точно также значительная часть исследований в области анатомии и физиологии представляла несомненную ценность для медицины и хирургии, однако при классификации этих единиц использовались те же критерии. Следовательно, если в этой классификации и есть какая-либо погрешность, то, вероятно, лишь в сторону переоценки масштабов «чистой науки».

Каждое обсуждавшееся исследование «учитывалось» в качестве одной «единицы». Эта процедура, безусловно, дает лишь очень приблизительную оценку степени внешнего влияния на выбор тем научного исследования, но если большая точность невозможна, приходится временно довольствоваться меньшей. Результаты, подытоженные в нижеприведенной таблице, могут дать лишь общее представление об относительной степени тех влияний, которые мы проследили в большом числе конкретных случаев⁶⁸.

⁶⁸ Более полное рассмотрение применяемой здесь процедуры и детальную классификацию категорий см. в моей работе «Наука, технология и общество в Англии семнадцатого столетия», глава 10. В Приложении А приводятся примеры единиц, распределенных по разным категориям. — *Примеч. автора.*

Из этой таблицы видно, что меньше половины (41,3%) исследований, проведенных в течение взятых четырех годов, могут быть классифицированы как «чистая наука». Если добавить сюда единицы, которые были лишь косвенно связаны с практическими потребностями, то получится, что около 70 процентов исследований не имели явного практического применения. Поскольку эти цифры представляют собой не более чем грубое приближение, то в качестве обобщения полученных результатов можно сказать, что от 40 до 70 процентов исследований попадали в категорию чистой науки и, соответственно, от 30 до 60 процентов исследований находились под влиянием практических потребностей.

Опять же если рассмотреть только исследования, напрямую связанные с практическими потребностями, то оказывается, что больше всего внимания привлекали к себе проблемы морского транспорта. Это согласуется с нашим впечатлением, что ученые того времени в полной мере сознавали проблемы, поднимаемые островным положением Англии — проблемы как военного, так и коммерческого характера, — и с энтузиазмом брались за их разрешение⁶⁹. Почти столь же значительным было и влияние военных потребностей. На это столетие выпало не только около пятидесяти лет реального военного противостояния, но и две великие революции в английской истории. Проблемы военного характера наложили свой отпечаток на культуру этого периода, в том числе на научное развитие.

Как можно увидеть из исследований Нефа и других экономических историков, аналогичное осязаемое влияние оказала угледобыча, достигшая в этот период весьма заметного развития. В данном случае большая часть научных исследований (если вообще можно отделить их от технологических) приходилась на минералогию и металлургию и была нацелена на открытие новых полезных руд и новых способов извлечения металлов из руды.

Не будет лишним заметить, что в последние два года, учитываемые в этом резюме, наблюдалось возрастание доли исследований в области чистой науки. За возможным объяснением далеко ходить не надо. Видимо, поначалу члены Общества были озабочены оправданием своей деятельности (перед Коронай и общественностью) с

⁶⁹ См., например, замечание Эдмонда Галлея: «То, что Жители Острова или любого иного Государства, которое бы встало на защиту Острова, должны быть хозяевами Моря и превосходить в морском могуществе любого соседа, который сочтет уместным на него напасть, — это, полагаю, не нуждается ни в каких дополнительных аргументах». Это слова из его статьи, прочитанной на заседании Королевского Общества и воспроизведенной в: *Correspondence... of Halley*, p. 164—165. — *Примеч. автора.*

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ НА ВЫБОР НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЛЕНАМИ
ЛОНДОНСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА,
1661-1662 И 1686-1687 гг.

	<i>Всего за четыре года</i>					
	Число исследований			В процентах		
Чистая наука	333			41,3		
Наука, связанная с социально-экономическими потребностями	473			58,7		
Морской транспорт		129			16,0	
Прямо связана			69			8,6
Косвенно связана			60			7,4
Угледобыча		166			20,6	
Прямо связана			25			3,1
Косвенно связана			141			17,5
Военная технология		87			10,8	
Прямо связана			58			7,2
Косвенно связана			29			3,6
Текстильная промышленность		26			3,2	
Общая технология и земледелие		65			8,1	
ИТОГО	806			100,0		

помощью максимально быстрого получения практических результатов; отсюда и заметная на первых порах ориентация на практические проблемы. Кроме того, многие из проблем, которые первоначально исследовались целенаправленно в силу их утилитарной значимости, позднее могли исследоваться уже без осознания их практических импликаций. На основе критериев, принятых в этой компиляции (возможно, и пристрастных), некоторые из последних

исследований произвольно классифицировались бы в качестве чистой науки.

Исходя из проведенного исследования, представляется оправданным утверждать, что круг проблем, изучаемых английскими учеными XVII века, находился под ощутимым влиянием социально-экономической структуры того времени.

Содержание

Предисловие к дополненному изданию 1968 г	7
Предисловие к исправленному изданию 1957 г	11
Благодарности	13

ЧАСТЬ I. О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

I. ОБ ИСТОРИИ И СИСТЕМАТИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....	19
Упрощенное понимание единства истории и систематики	20
Научно-теоретические публикации в социологии	22
Преемственность и прерывность в социологической теории	27
<i>Шпенглер и Данилевский: от предоткрытия до предвидения</i> ...	48
<i>Маркс — Энгельс и их предшественники: от выискивания предвосхищений к предвидению</i>	48
Гуманитарный и естественнонаучный аспекты социологии	50
Эрудиция и оригинальность	54
Функции классической теории.....	59
II. О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ СРЕДНЕГО УРОВНЯ...	64
Универсальные системы социологической теории	71
Утилитарная потребность в универсальных социологических системах.....	76
Универсальные теоретические системы и теории среднего уровня	78

Полярные отзывы о теориях среднего уровня.....	81
Процесс поляризации	81
Согласие с установкой теории среднего уровня	84
Неприятие теории среднего уровня.....	93
Резюме и ретроспектива	99
Парадигмы: кодификация социологической теории.....	100
III. ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ ФУНКЦИИ	105
Задача кодификации функционального анализа	
в социологии	105
Терминология функционального анализа	106
<i>Один термин, разные понятия .....</i>	<i>106</i>
<i>Одно понятие, разные термины .....</i>	<i>110</i>
Преобладающие постулаты	
в функциональном анализе	113
<i>Постулат функционального единства общества .....</i>	<i>113</i>
<i>Постулат универсального функционализма .....</i>	<i>119</i>
<i>Постулат обязательности .....</i>	<i>122</i>
Функциональный анализ как идеология	127
<i>Функциональный анализ как консервативная идеология .....</i>	<i>127</i>
<i>Функциональный анализ как радикальная идеология .....</i>	<i>129</i>
<i>Идеология и функциональный анализ религии .....</i>	<i>134</i>
Логика функционального анализа	139
<i>Преобладание функциональной ориентации .....</i>	<i>139</i>
Парадигма функционального анализа в социологии.....	144
<i>Цели парадигмы .....</i>	<i>151</i>
Объекты, подвергаемые функциональному анализу	152
Явные и латентные функции	158
<i>Эвристические цели данного различения .....</i>	<i>162</i>
<i>Модель престижного потребления .....</i>	<i>168</i>
<i>Некоторые функции политической машины .....</i>	<i>171</i>
Заключительные замечания	184
Библиографический постскрипtum	184
IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ	
   К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ	188
Методология.....	189

Общие социологические ориентации.....	191
Анализ социологических понятий.....	193
Социологические интерпретации post factum	198
Эмпирические обобщения в социологии	200
Социологическая теория	201
Формальные выводы и кодификация.....	206
V. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	
Теоретические функции эмпирического исследования.....	210
1. Модель «серендипити», или «нежданно-негаданно» (Непредвиденный, аномальный и стратегический исходный факт заставляет основать теорию).....	211
2. Переработка теории (Новые данные заставляют перерабатывать концептуальную систему).....	216
3. Переориентация теории на другие проблемы (Новые методы эмпирического исследования вызывают новые ориентации теоретического интереса).....	220
4. Уточнение понятий (Эмпирическое исследование требует ясных понятий)	224
ЧАСТЬ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЕ	
Введение	231
VI. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И АНОМИЯ	
Образцы культурных целей и институциональных норм	245
Типы индивидуального приспособления	254
I. Конформность.....	256
II. Инновация	256
III. Ритуализм	268
IV. Бегство	272
V. Мятёж.....	275
Предрасположение к аномии	277
Роль семьи	278
Заключительные замечания	280

VII. СВЯЗИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И АНОМИИ	282
Расширенное понятие аномии.....	282
Показатели аномии	286
Тема успеха в американской культуре	288
Различия в ассимиляции ценности успеха	293
Аномия и формы девиантного поведения.....	300
<i>Инновация</i>	300
<i>Новые гипотезы</i>	306
<i>Ритуализм</i>	310
<i>Бегство</i>	314
<i>Бунт</i>	317
Изменение социальной структуры и девиантное поведение ...	320
VIII. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЛИЧНОСТЬ	323
Структура бюрократии.....	324
Дисфункции бюрократии	326
Структурные источники сверхконформизма	329
Первичные и вторичные отношения	332
Проблемы для дальнейшего исследования	336
IX. РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ	338
Интеллектуалы как профессиональная группа	339
Статус интеллектуала и социальная политика	341
Интеллектуалы в бюрократии и независимые интеллектуалы.....	343
Вербовка интеллектуалов в государственную бюрократию	344
Положение в бюрократии и мировоззрение.....	347
Политические деятели и интеллектуалы.....	353
Фрустрации интеллектуалов в бюрократии.....	356
X. ВКЛАД В ТЕОРИЮ РЕФЕРЕНТНО-ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	360
Понятие относительной утраты	362
<i>Относительная утрата или Относительная утрата</i>	372

Членская группа как референтная группа	374
Многочисленные референтные группы.....	379
Единообразие поведения, выводимое из теории референтных групп	390
Статистические показатели социальной структуры.....	402
Теория референтных групп и социальная мобильность	405
Психологические и социальные функции	416
Концепты, родственные теории референтных групп.....	421
XI. СВЯЗИ ТЕОРИИ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ.....	428
Проблематика теории референтных групп	
Основные понятия.....	429
Проблема 1. <i>Уточнение понятия референтной группы</i>	429
Проблема 1.1. <i>Функциональные типы референтных групп</i>	430
Проблема 1.2. <i>Понятие группы и членства в группе</i>	432
Проблема 1.3. <i>Понятие не-членства</i>	437
Проблема 1.4. <i>Понятия внутренней и внешней группы</i>	448
Проблема 1.5. <i>Понятия группы, коллектива и социальной категории</i>	451
Проблема 1.6. <i>Позитивные и негативные референтные группы</i>	452
Выбор референтных групп: детерминанты	454
Проблема 2. <i>Выбор референтных групп и референтных личностей</i>	454
Проблема 3. <i>Выбор между потенциальными референтными группами: сопоставление членских и не-членских групп</i>	457
Проблема 4. <i>Выбор референтных групп из числа не-членских групп</i>	460
Проблема 4.1. <i>Классификация типов членских групп</i>	462
Проблема 4.2. <i>Предварительный перечень групповых свойств</i>	465
Проблема 4.3. <i>Различные ценности и нормы — различные референтные группы</i>	485
Проблема 4.4. <i>Выбор референтных групп из статусных категорий или подгрупп, включающих длительное взаимодействие</i>	492
Референтно-групповое поведение:	
элементы структуры.....	497

Проблема 5. <i>Наблюдаемость и видимость: способы передачи информации о нормах, ценностях и исполнении ролей</i>	498
Проблема 5.1. <i>Механизмы наблюдаемости норм и исполнения ролей</i>	503
Проблема 5.2. <i>Наблюдаемость общественного мнения со стороны тех, кто принимает решения</i>	519
Проблема 6. <i>Нонконформизм как тип референтно-группового поведения</i>	524
Проблема 7. <i>Структурный контекст референтно-группового поведения: ролевые наборы, наборы статусов и последовательность статусов</i>	538
Проблема 7.1. <i>Структурные источники неустойчивости в ролевом наборе</i>	540
Проблема 7.2. <i>Социальные механизмы стыковки ролей в ролевых наборах</i>	542
Проблема 7.3. <i>Остаточный конфликт в ролевом наборе</i>	552
Проблема 7.4. <i>Социальная динамика адаптации в статусных наборах и последовательностях</i>	554
Последствия референтно-группового поведения	558
Проблема 8. <i>Функции и дисфункции референтно-группового поведения</i>	558

XII. СТРУКТУРА ВЛИЯНИЯ: ЛОКАЛЬНЫЙ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТИПЫ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ	562
Превращение прикладного исследования в теоретическое	563
<i>Две фазы качественного анализа влиятельных людей</i>	565
Типы влиятельных людей: локальный и космополитический...	569
Структура социальных отношений	572
<i>Корни в сообществе</i>	572
<i>Способность к общению: сети личных отношений</i>	574
Участие в добровольных организациях.....	576
Пути к межличностному влиянию	578
Социальный статус в действии: межличностное влияние	581
Поведение влиятельных людей по отношению к средствам массовой коммуникации	587
<i>Структура и функции чтения журналов</i>	587

<i>Модели и функции чтения газет</i>	589
<i>Формы и функции прослушивания радиокomментаторов</i>	590
Формы взаимных оценок	591
Кто и на кого влияет	591
Сферы влияния: мономорфное и полиморфное влияние.....	596
Дополнение: предварительное определение межличностного влияния	598
XIII. САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВА	605
Теорема Томаса	605
Социологическая притча.....	606
Общественное мнение и общественная практика	608
Добродетели внутренних групп и пороки внешних групп	611
Социальные функции и дисфункции	616
Закон и институциональные изменения	621
ЧАСТЬ III. СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ	
Введение.....	627
Социология познания и исследование массовых коммуникаций: сравнительный анализ	629
<i>Предмет исследования и определение проблем</i>	629
<i>Оценки данных и фактов</i>	631
<i>Исследовательские методики и процедуры</i>	636
<i>Социальная организация исследования</i>	645
<i>Дальнейшие вопросы и проблемы</i>	647
XIV. СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ	649
Социальный контекст	650
Парадигма социологии познания	655
Экзистенциальный базис.....	657
Типы познания	663
Отношение познания к экзистенциальному базису	675
Функции экзистенциально обусловленного познания	684
Дополнительные проблемы и современные исследования.....	686
XV. КАРЛ МАННГЕЙМ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ	691
Теоретические предшественники.....	692

Теория идеологии.....	695
Фундаментальные теоремы.....	697
Типы знания.....	700
Связующие звенья между познанием и обществом.....	702
Релятивизм.....	708
XVI. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РАДИО- И КИНОПРОПАГАНДЫ.....	716
Формы анализа пропаганды.....	717
Анализ содержания.....	720
Анализ реакции.....	725
<i>Эффект «бумеранга».....</i>	<i>726</i>
Специальная пропаганда или пропаганда фактов.....	734
ЧАСТЬ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СОЦИОЛОГИИ НАУКИ	
Введение.....	743
XVII. НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК.....	750
Источники враждебного отношения к науке.....	750
Социальные давления на автономию науки.....	754
Функции норм чистой науки.....	758
Эзотерическая наука как популярный мистицизм.....	762
Враждебное отношение общественности к организованному скептицизму.....	763
Выводы.....	765
XVIII. НАУКА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА.....	767
Наука и общество.....	767
Этос науки.....	770
<i>Универсализм.....</i>	<i>770</i>
«Коммунизм».....	775
Незаинтересованность.....	778
Организованный скептицизм.....	780
XIX. МАШИНА, РАБОЧИЙ И ИНЖЕНЕР.....	782
Социальные последствия технологических изменений.....	783
<i>Социальная анатомия работы.....</i>	<i>783</i>

<i>Институциональные и структурные последствия</i>	785
Последствия для инженера.....	789
<i>Специализация</i>	790
<i>Профессиональная этика</i>	790
<i>Бюрократический статус</i>	791
Задачи социального исследования.....	792
<i>Организация исследовательской группы</i>	793
<i>Финансовая поддержка исследования</i>	793
<i>Направления исследования</i>	795
XX. ПУРИТАНСТВО, ПИЕТИЗМ И НАУКА	797
Пуританский этос.....	797
Пуританский толчок развитию науки	809
Влияние пуританства на научное образование.....	811
Ценностная интеграция пуританства и науки	814
Ценностная интеграция пиетизма и науки.....	816
Религиозная принадлежность новобранцев науки	818
Библиографический постскриптум	825
XXI. НАУКА И ЭКОНОМИКА АНГЛИИ XVII СТОЛЕТИЯ	839
Постановка проблемы	839
Транспорт и наука	843
Частный случай: проблема долготы	848
Навигация и наука	855
Степень экономического влияния	861

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА ДС1
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ В
СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ [Буква]**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 1146, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТУ «Александр Ленд», этаж О.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01 -22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21 -59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТУ «Вэйпарк», 71 -й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981 -45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Шрицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Щукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11 -82
- м. «Семеновская», ул. Щербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т.161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатова, Коммунистический пр., 1 7, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Львов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-1 2

Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
Дмитриев, ул. Республиканская, 10а, т. (07150) 2-26-57
Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
Н. Новгород, ТУ«Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71 -30
Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
Санкт-Петербург, Невский пр., 140
Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТУ «Меркурий»,
т.(812)333-32-64 Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2,
т. (812) 316-24-72 Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м.
«Гостиный двор» Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812)
65-53-58 Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11 Тула, пр.
Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22 Тула, ул. Первомайская, 12, т.
(0872) 31-09-55 Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512)
63-46-43, 63-00-82 Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512)
63-01 -01, 63-22-70 Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512)
91-84-86 Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61 -22
Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91 Киров, ул.
Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43 Киров, ул. Пролетарская, 22а,
т. (8332) 67-65-22 Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332)
25-35-77 Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61 -52
Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31 -64-02 Краснодар, ул.
Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11 Арсеньев,
ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28 Артем, ул.
Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78 Большой Камень, ул.
Приморского комсомола, 14,
т.(42335)5-72-09 Аальнегорск, ул. 50-летОктября, 59, т.
(42373) 2-20-33 Аальнереченск, ул. Аальнереченская, 59, т.
(42356) 2-54-52 Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11 -41 Владивосток,
Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02 Астрахань, ул.
Советская, 17, т. (8512) 22-58-78 Таганрог, ул. Чехова, 49, т.
(8634) 36-03-04 Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91 Великий
Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29 Мурманск, пр.
Ленина, 67, т. (8152) 45-51 -78 Нижний Тагил, ул. Пархоменко,
20, т. (3435)41-14-88 Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т.
(3435) 48-09-33 Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435)
41 -98-52 Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370)
3-17-08 Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45 Стерлитамак,
пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58 Самара, пр. Кирова, 301, т.
(8462) 56-49-92 Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
Пенза, ул. Б. Московская, 64 Пенза, пр. Победы, 4, т.
(8412)42-45-35 Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41 -48-06,41 -18-05
Нижнии.Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
Ульяновск, ул. Железной дивизии, 6, т. (8422) 41 -47-36
Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68,48-31-56
Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78 Киев, ул.
Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36 Луганск, ул.
Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11 Мукачево, ул.
Пушкина, 2, т. (8-10-38-031 -31) 5-46-81 Черкассы, ул.
Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40 Запорожье, ул. 8
Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
Харьков, ул. Донеи-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
Омск, ул. Бударина, 36, т. (3812) 23-46-49
Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61 -80
Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ 129085,
Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

ISBN 5-17-024084-1,
9785170290895
Литературно-художественное издание

Роберт Мертон Социальная
теория и социальная структура

Художественный редактор НИ. Лазарева
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение №
77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ» 129085, г.
Москва, пр. Ольминского, д. За, стр. 3

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.